9(c)1
C29 Т2
Семевский

Фундаментальной библіотеки
Омской первой женской гимназіи
По хронологическому каталогу № 9895
По систематическому
Отд III
№ 280/2.

Книга должна быть возвращена
не позднее указанного здесь срока

119851

V

Колич. предыд. выдачи

№ 86

9с/1
С29т

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ

ВЪ РОССІИ

ВЪ XVIII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XIX ВѢКА.

19851.

В. И. Семевскаго.

Томъ II.

Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Императора Николая.

ОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА
им. А. С. Пушкина
№

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подьяч. д. № 39.
1888.

128211

ВЕСЕЛЫЙ ВОПРОС

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

СТРАН.

Глава I. Комитетъ 6 декабря 1826 г. и его проекты ограниченія крѣпостнаго права.—Подготовленіе гр. Киселева къ дѣятельности по крестьянскому вопросу.—Комитетъ 1835 года 1

Глава II. Дѣятельность комитета 1839–1842 гг.—Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ 29

Глава III. Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ по поводу указа объ обязанныхъ крестьянахъ. — Толки и волненія среди крѣпостныхъ крестьянъ. — Мнѣнія, вызванныя новымъ закономъ въ обществѣ. — Отношеніе къ нему журналистики. — Неизданныя записки по вопросу объ обязанныхъ крестьянахъ (неизвѣстнаго помѣщика Левшина, Фонъ-Визина).—Обращеніе крестьянъ Муринской волости гр. Воронцова въ обязанные. — Проектъ кн Трубецкаго.—Договоръ съ крестьянами кн. Гагарина.—Обращеніе въ обязанные крестьянъ кн. Витгенштейна и гр. Потоцкихъ. — Замѣчанія современниковъ относительно указа 2 апрѣля 1842 года 65

Глава IV. Комитеты 1840 и 1844 гг. о дворовыхъ людяхъ 109

Глава V. Записки Перовскаго и кн. Васильчикова 1845 г.; секретный комитетъ 1846 г. — Дѣло крестьянъ гр. Самойловой; законъ 1848 г. о пріобрѣтеніи крѣпостными недвижимой собственности. — Комитетъ 1847 г. и дозволеніе крестьянамъ выкупаться при продажѣ имѣній съ публичнаго торга 135

Глава VI. Императоръ Николай взываетъ къ содѣйствію смоленскихъ дворянъ въ дѣлѣ обращенія крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные. — Проекты смоленскихъ дворянъ —Записки губернскаго предводителя дворянства кн. Друцкаго-Соколинскаго и представленія его государю. — Предложеніе А. И. Кошелева объ учрежденіи комитета по крестьянскому дѣлу въ рязанской губерніи 162

Глава VII Отношеніе общества къ закону о правѣ крестьянъ выкупаться на свободу при продажѣ имѣній съ публичнаго торга. — Секретный комитетъ 1848 г.– Рѣчь государя депутатамъ петербургскаго дворянства.—Записка Норова и новый секретный комитетъ. — Записка неизвѣстнаго автора. — Волненіе крестьянъ.—Отзывы управляющихъ казенными палатами о послѣдствіяхъ закона 8 ноября 1847 г.—Обсужденіе этого дѣла въ секретномъ комитетѣ и отмѣна закона 1847 г. 186

СТРАН.

Глава VIII. Увольненіе крѣпостныхъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы. — Условія увольненія — Договоры съ крестьянами гр. Орловой-Чесменской, гр. П. Д. Бутурлина и Ник. Пл. Огарева. — Переименованіе свободныхъ хлѣбопашцевъ. — Взглядъ А. И. Кошелева на значеніе закона 1803 г.—Проекты тульскихъ дворянъ 1844 и 1847 гг. 209

Глава IX. Крестьянскій вопросъ въ литературѣ: Пушкинъ, кн. Вяземскій, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Гоголь, Даль, гр. Соллогубъ, Григоровичъ и Тургеневъ 255

Глава X. Отношеніе къ крестьянскому вопросу Бѣлинскаго, Станкевича, Огарева, Герцена и Некрасова 296

Глава XI. А. П. Заблоцкій-Десятовскій, его записка 1841 г. и статья „Причины колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи".—Другія журнальныя статьи по крестьянскому вопросу. — Цензурныя препятствія. — Отношеніе къ крѣпостному праву профессоровъ Мейера и Кавелина. — Книга Н. И. Тургенева. — Замѣчанія на нее декабриста Н. А. Бестужева.—Неизданные записки по крестьянскому вопросу М. А. Фонъ-Визина 325

Глава XII. Крестьянскій вопросъ въ кружкѣ М. В. Буташевича-Петрашевскаго 370

Глава XIII. Отношеніе славянофиловъ къ крестьянскому вопросу: Хомякова, И. В. и П. В. Кирѣевскихъ, Кошелева, Ю. Ѳ. Самарина, К. С. и И. С. Аксаковыхъ.—Кн. В. А. Черкасскій 386

Глава XIV. Путешествіе бар. Гакстгаузена и его сочиненіе о Россіи . . 429

Глава XV. Проекты уничтоженія крѣпостнаго права и отношеніе общества къ крестьянскому вопросу 444

Глава XVI. Крестьянское дѣло въ западной Россіи.—Дѣятельность Д. Г. Бибикова въ юго-западномъ краѣ и инвентарныя правила 1847 и 1848 гг.—Вопросъ объ обязательныхъ инвентаряхъ въ сѣверо-западной Россіи. 481

Глава XVII. Крестьянскій вопросъ въ малороссійской литературѣ 514

Глава XVIII. Что сдѣлано было въ царствованіе Императора Николая для ограниченія крѣпостнаго права 529

Глава XIX. Борьба крѣпостныхъ съ помѣщичьею властью въ царствованіе Императора Николая.—Жалобы на помѣщиковъ и вызываемыя ими разслѣдованія — Побѣги крѣпостныхъ. — Поджоги. — Насилія надъ помѣщиками.—Покушенія на жизнь и убійства помѣщиковъ и управляющихъ. — Волненія крѣпостныхъ крестьянъ 571

Глава XX. Свободное русское слово о крестьянскомъ вопросѣ. — Другія вліянія, подготовившія паденіе крѣпостнаго права 606

ГЛАВА I.

Комитетъ 6 декабря 1826 г. и его проекты ограниченія крѣпостнаго права.—Подготовленіе графа Киселева къ дѣятельности по крестьянскому вопросу.—Комитетъ 1835 г.

Подробный обзоръ всего сдѣланнаго въ царствованіе Александра I для ограниченія крѣпостнаго права убѣдилъ насъ въ томъ, что эта трудная задача, надъ которою въ первую четверть XIX вѣка ломали голову и государственные люди, и ученые, и многіе лучшіе представители высшаго сословія, не только не была разрѣшена во всемъ ея объемѣ, но почти не было принято серьезныхъ частныхъ мѣръ, которыя могли бы подготовить достиженіе этой цѣли. Самою выдающеюся мѣрою по крестьянскому вопросу было прекращеніе пожалованія населенныхъ имѣній, но такимъ образомъ ограничивалось только дальнѣйшее распространеніе крѣпостнаго права; учрежденіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, съ цѣлью дать возможность крѣпостнымъ выкупаться на свободу цѣлыми селеніями, принесло также ничтожные практическіе результаты, которые заставили разочароваться людей, мечтавшихъ достигнуть такимъ путемъ если не совершеннаго исчезновенія, то, по крайней, мѣрѣ значительнаго уменьшенія числа крѣпостныхъ людей въ Россіи.

Преемникъ Александра I, императоръ Николай, сознавалъ всю важность крестьянскаго вопроса, всю настоятельность его возможно быстраго разрѣшенія. Прежде всего, это внушилъ ему одинъ изъ его преподавателей, извѣстный ученый, членъ нашей академіи Шторхъ, въ своихъ лекціяхъ великимъ князьямъ по политической экономіи. Шторхъ, по его собственнымъ словамъ, сознавалъ, что „не оправдалъ бы довѣрія", которымъ его почтили, если бы представилъ своимъ августѣйшимъ ученикамъ „деликатные вопросы", затрогиваемые политическою экономіею, „не съ точки зрѣнія истины и разума"; онъ думалъ, что „если долгъ всякаго писателя защищать дѣло справедливости и человѣчности, то это вдвойнѣ обязанность наставника великихъ князей, мнѣнія которыхъ такъ сильно вліяютъ на судьбу народовъ". Какъ иностранецъ, какъ ученый, уже по

самой своей спеціальности принужденный пользоваться почти исключительно трудами не русскихъ, а западно-европейскихъ мыслителей, онъ недостаточно уяснилъ себѣ важныя особенности русской жизни, русскихъ поземельныхъ отношеній и потому не выработалъ опредѣленной программы мѣръ по крестьянскому вопросу: вполнѣ допуская освобожденіе крѣпостныхъ съ землею на различныхъ условіяхъ, онъ въ то же время, считалъ возможнымъ и безземельное освобожденіе съ тѣмъ, чтобы крестьяне сдѣлались свободными арендаторами или чтобы была установлена вѣчная денежная или натуральная повинность. Для Шторха въ этомъ дѣлѣ всѣ дороги вели въ Римъ, всѣ средства были хороши, чтобы раздѣлаться съ рабствомъ, которое, при всемъ различіи въ положеніяхъ крѣпостнаго и раба европейскихъ колоній, „существуетъ вездѣ, гдѣ есть право собственности человѣка надъ человѣкомъ“. Такимъ образомъ, Шторхъ не давалъ въ своихъ лекціяхъ вполнѣ опредѣленнаго отвѣта на назойливый вопросъ русской жизни: что дѣлать для уничтоженія крѣпостнаго права, но, по-крайней мѣрѣ, онъ возбуждалъ въ своемъ ученикѣ мысль о вредномъ вліяніи рабства на экономическое благосостояніе страны, на земледѣліе, промышленность и торговлю и заставлялъ его желать возможно скорѣе покончить съ крѣпостнымъ правомъ.

Во все время царствованія своего старшаго брата императоръ Николай не принималъ участія въ государственномъ управленіи; предувѣдомленный, и то лишь за нѣсколько лѣтъ до смерти императора Александра, о томъ, что ему предстоитъ современемъ вступить на престолъ, онъ, все-таки, не зналъ, что это дѣло окончательно рѣшенное, оформленное секретнымъ распоряженіемъ государя. Онъ не могъ не знать, тѣмъ не менѣе, что мысль объ уничтоженіи крѣпостнаго права занимала постоянно императора Александра, что ему подавали много проектовъ по этому предмету, что вопросъ о прекращеніи безземельной продажи крестьянъ обсуждался въ 1820 г. въ государственномъ совѣтѣ и т. п. Въ своей рѣчи предъ обсужденіемъ въ 1842 г. въ государственномъ совѣтѣ проекта закона объ обязанныхъ крестьянахъ, императоръ Николай сказалъ, что его предшественникъ намѣренъ былъ въ началѣ царствованія даровать свободу крѣпостнымъ людямъ, но что въ послѣдствіи онъ „отклонился отъ сей мысли, какъ еще совершенно преждевременной и невозможной въ исполненіи“. А, между тѣмъ, императору Николаю пришлось убѣдиться немедленно по вступленіи на престолъ, что въ обществѣ было немало людей, желавшихъ уничтоженія крѣпостнаго права (см. послѣднюю главу I тома). Да къ тому же и сами крѣпостные напомнили о себѣ молодому государю. Почти каждое новое царствованіе, въ теченіи столѣтія, протекшаго со времени освобожденія господъ отъ ярма обязательной службы до дарованія крѣпостнымъ свободы, начиналось волненіями крѣпостныхъ крестьянъ: такъ было при вступленіи на престолъ Петра III, Екатерины II, Павла, Ни-

колая, такъ было въ началѣ царствованія имп. Александра II и еще болѣе при самомъ объявленіи воли. При вступленіи на престолъ императора Николая, между крестьянами распространились слухи, что они получатъ землю и, кромѣ того, будутъ освобождены отъ податей и повинностей Возникшія вслѣдствіе этого значительныя волненія вызвали манифестъ 12 мая 1826 года, которымъ было объявлено, что всѣ слухи объ освобожденіи государственныхъ крестьянъ отъ податей и помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ отъ власти господъ измышлены злонамѣренными людьми, что всѣ крестьяне должны безпрекословно исполнять обязанности, возложенныя на нихъ закономъ, что всякое дальнѣйшее непослушаніе вызоветъ самое строгое наказаніе и что такъ какъ государю, вслѣдствіе ложныхъ слуховъ, поданы были неосновательныя прошенія, то составители и переписчики подобныхъ бумагъ, какъ нарушители общественнаго спокойствія, подвергнутся самому суровому наказанію [1]). Но вслѣдъ за тѣмъ, однако, двумя рескриптами на имя министра внутреннихъ дѣлъ (19 іюня и 6 сентября) дворянству предписывалось христіанское и сообразное съ законами обращеніе съ крестьянами, такъ какъ до свѣдѣнія императора дошли факты, доказывающіе нарушеніе со стороны помѣщиковъ ихъ обязанностей, какъ христіанъ и вѣрноподданныхъ. Государь будетъ самъ наблюдать за исполненіемъ этого долга и по закону наказывать за его нарушеніе; предводители дворянства должны стараться предупредить подобные проступки помѣщиковъ.

Этимъ не ограничилась, однако, дѣятельность правительства по крестьянскому вопросу въ первое время царствованія императора Николая: 6 декабря 1826 года былъ учрежденъ секретный комитетъ, которому поручено было разсмотрѣть многія важныя предположенія относительно улучшенія различныхъ отраслей государственнаго устройства и управленія и, между прочимъ, измѣненія быта крестьянъ, для чего комитету были переданы и многіе проекты по этому послѣднему предмету, представленные правительству въ царствованіе императора Александра. Предсѣдателемъ комитета былъ сдѣланъ графъ (потомъ князь) В. П Кочубей, членами — тайный совѣтникъ М. М. Сперанскій, начальникъ гвардейскаго корпуса, впослѣдствіи князь, Пл. В Васильчиковъ, членъ государственнаго совѣта гр. П. А Толстой, генералъ-адъютантъ (впослѣдствіи графъ) Дибичъ и главноуправляющій почтовымъ департаментомъ дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Голицынъ; правителями дѣлъ сначала статсъ-секретари Дашковъ и Блудовъ, а затѣмъ баронъ М. А. Корфъ. Такимъ образомъ, въ составѣ комитета оказались три лица, которыя уже ранѣе задумывались надъ вопросомъ объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ. Кочубей, въ неоффиціальномъ комитетѣ, окружавшемъ императора Але-

[1]) 2-е Полн. Собр. Зак. т. I, № 330.

кандра въ первые годы его царствованія, предлагалъ запрещеніе продажи людей безъ земли, изданное при императорѣ Павлѣ относительно Малороссіи, распространить на всю Россію и поддерживалъ мысль о выкупѣ за казну дворовыхъ, а въ частномъ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову (въ ноябрѣ 1801 года), кромѣ того, говорилъ о необходимости запретить обращеніе крестьянъ въ дворовыхъ, а также дозволить помѣщичьимъ крестьянамъ покупать непаселенныя земли цѣлыми обществами съ тѣмъ, чтобы помѣщикъ не могъ ихъ отчуждать. Впослѣдствіи, въ письмѣ къ Сперанскому, въ 1819 г., Кочубей высказывалъ мысль, что, вмѣсто того, чтобы возбуждать постоянное безпокойство слухами о различныхъ мѣрахъ въ пользу крѣпостныхъ, „несравненно бы лучше произвести съ надлежащими осторожностями общую въ государствѣ перемѣну въ разсужденіи крестьянъ", и упоминалъ, что давно составилъ записку по этому предмету, которую представитъ государю при первомъ удобномъ случаѣ По званію министра внутреннихъ дѣлъ, Кочубею приходилось бесѣдовать о крестьянскомъ вопросѣ и съ В. П. Каразинымъ, и съ декабристомъ Якушкинымъ Наконецъ, въ предъидущей главѣ, мы видѣли, что онъ игралъ рѣшительную, на этотъ разъ, впрочемъ, несимпатичную роль и при обсужденіи въ 1820 г. въ государственномъ совѣтѣ вопроса о запрещеніи продажи людей безъ земли. Кн. Пл. Васильчиковъ не былъ также новичкомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ: въ 1816 г. ему пришлось поднести императору Александру приговоръ 65 дворянъ петербургской губерніи объ обращеніи ихъ крѣпостныхъ въ обязанные крестьяне, а въ 1820 г. Васильчиковъ выразилъ было готовность принять участіе въ основаніи общества дворянъ для освобожденія крѣпостныхъ и подписалъ заявленіе о цѣли общества, но на другой день отказался отъ своей подписи. Наконецъ, Сперанскій высказалъ въ своихъ проектахъ государственныхъ преобразованій не мало здравыхъ мыслей и предложеній относительно крестьянскаго вопроса, но, въ то же время, утверждалъ, что рѣшеніе его должно не предшествовать политическимъ реформамъ а слѣдовать за ними. Во всякомъ случаѣ и по уму, и по близкому участію въ законодательной дѣятельности при императорѣ Александрѣ, Сперанскому не могла не принадлежать выдающаяся роль въ комитетѣ 6 декабря 1826 г., и потому неудивительно, что именно онъ получилъ высочайшее повелѣніе составить записку о крѣпостномъ состояніи въ Россіи и о мѣрахъ, какія должны быть приняты для улучшенія положенія крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей и для достиженія не быстрыми, но вѣрными и безопасными средствами совершеннаго ихъ освобожденія. Двойственное отношеніе къ крестьянскому вопросу во время ихъ предшествующей дѣятельности трехъ наиболѣе выдающихся членовъ комитета служило не совсѣмъ благопріятнымъ предзнаменованіемъ относительно дальнѣйшей дѣятельности правительства въ этомъ отношеніи. Довольно странно, что въ со-

ставъ комитета не вошелъ министръ финансовъ Канкринъ, составивший въ 1819 г. замѣчательную записку по крестьянскому вопросу, которая повидимому осталась неизвѣстною комитету. Одновременно съ Канкринымъ императору Александру I была предетавлена другая записка по этому предмету, авторъ которой могъ бы особенно пригодиться правительству при рѣшеніи вопроса объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ, который содѣйствіе упраздненію крѣпостнаго права поставилъ главною цѣлію своей жизни, по этому замѣчательному человѣку—мы разумѣемъ Н. П. Тургенева—былъ преграженъ доступъ въ Россію благодаря его участію въ тайномъ обществѣ. Тутъ вновь повторилось въ исторіи крестьянскаго вопроса обстоятельство, неблагопріятное для его правильнаго разрѣшенія: подобно тому какъ въ неоффиціальномъ комитетѣ императора Александра I или въ государственномъ совѣтѣ не могъ быть выслушанъ голосъ Радищева, которому ссылка помѣшала достигнуть высшихъ ступеней государственной іерархіи, а потомъ напоминаніе объ этой ссылкѣ заставило его покончить съ жизнію въ то время, когда она была особенно нужна русскому народу, такъ точно приговоръ надъ Н. И. Тургеневымъ по дѣлу тайнаго общества лишилъ Россію быть, можетъ самаго компетентнаго изъ дѣятелей въ крестьянскомъ дѣлѣ и наиболѣе горячо преданнаго интересамъ крестьянъ.

Сперанскій, въ запискѣ, представленной имъ комитету 6 декабря 1826 года, излагаетъ сначала всѣ узаконенія о крѣпостныхъ людяхъ со времени Уложенія и затѣмъ переходитъ къ сравненію прежняго крѣпостнаго права съ настоящимъ. Сущность прежняго крѣпостнаго права состояла въ слѣдующемъ: 1) крестьяне составляютъ принадлежность вотчины и не могутъ быть отдѣлены отъ нея ни продажею, ни залогомъ: но съ одной земли на другую тѣмъ же помѣщикомъ они могутъ быть переселены: 2) дворовые люди, т. е. старинные и полные холопы и ихъ потомство, принадлежатъ помѣщику лично въ собственность, а потому могутъ быть заложены и проданы по одиночкѣ; 3) дворовые люди изъ кабальныхъ принадлежатъ помѣщику лишь до его смерти, и ни проданы, ни заложены быть не могутъ: 4) дворовые люди, взятые во дворъ изъ крестьянъ, принадлежатъ вотчинѣ и считаются наровнѣ съ крестьянами. Сущность новаго крѣпостнаго права состоитъ въ слѣдующемъ: 1) крестьяне, такъ же, какъ и земля, на которой они живутъ, принадлежатъ помѣщику. Земля составляетъ недвижимое его имущество, а крестьяне — движимое (во многихъ указахъ, говоритъ Сперанскій, крестьяне признаны именно движимымъ имуществомъ). И хотя это движимое имущество приписывается по ревизіи къ недвижимому, къ деревнѣ и къ землѣ, но какъ земля безъ крестьянъ, такъ и крестьяне безъ земли могутъ быть проданы, заложены, а крестьяне, кромѣ того, переселены, взяты во дворъ и даже по волѣ помѣщика, безъ суда сосланы въ ссылку. 2) Дво-

ровые люди, изъ какого бы состоянія первоначально они ни происходили, точно такое же движимое имущество помѣщика, какъ и крестьяне; между тѣми и другими нѣтъ никакого существеннаго различія по закону. Владѣлецъ, не имѣющій земли, можетъ приписать ихъ во время ревизіи къ своему дому, но какъ домъ безъ нихъ, такъ и они безъ дому проданы быть могутъ. При сравненіи этихъ двухъ системъ, - говоритъ Сперанскій, — нельзя не признать, что послѣдняя изъ нихъ тягостнѣе и ближе къ неволѣ, нежели первая. Хотя введеніе ея обусловлено важными причинами — необходимостью обезпечить правильное собираніе казенныхъ податей и отбываніе военной службы, но нельзя упустить изъ виду и важныхъ неудобствъ такого порядка. Отъ неограниченной свободы обращать крестьянъ въ дворовыхъ, помѣщичьи дома наводнились толпою праздныхъ служителей, усилились прихотливыя, а часто и распутныя затѣи; увеличилась безумная роскошь и разорительное тщеславіе; явились новыя нужды, новые налоги на крестьянъ и неоплатные долги; состояніе крестьянъ ухудшилось еще болѣе тѣмъ, что за всю эту праздную толпу, приписанную къ деревнѣ, подушная подать и рекрутская повинность часто отправляются деревнею. Масса крѣпостныхъ ремесленниковъ по деревнямъ мѣшаетъ развитію городовъ, ибо гдѣ взять потребителей, на кого работать мѣщанамъ, когда каждый помѣщикъ всѣ свои потребности и даже прихоти, хотя худо, нестройно и убыточно, удовлетворяетъ домашними произведеніями и даже пускаетъ ихъ въ продажу? При такомъ порядкѣ у насъ никогда не будетъ ни городовъ, ни прочаго городскаго состоянія. Вслѣдствіе права продавать крестьянъ безъ земли и отдавать ихъ въ рекруты безъ очереди, они сдѣлались вещью, имуществомъ, которымъ владѣлецъ можетъ располагать по произволу, а это приводитъ иногда къ жестокостямъ и злоупотребленію. Для измѣненія такого порядка правительство принимало уже разныя мѣры, но самою главною изъ нихъ Сперанскій справедливо считаетъ прекращеніе пожалованія населенныхъ имѣній.

Дальнѣйшія мѣры, необходимыя, по мнѣнію Сперанскаго, для улучшенія состоянія крѣпостныхъ крестьянъ [1]) онъ раздѣляетъ на первоначальныя или основныя и на постепенныя, расположенныя въ извѣстной связи на нѣсколько лѣтъ. Въ качествѣ первоначальныхъ мѣръ онъ предлагаетъ: 1) запретить крестьянъ безъ земли—продавать, закладывать, дарить и отдавать въ приданое; запрещается и продажа ихъ на свозъ отъ одного владѣльца къ другому: 2) считать недѣйствительными: продажу одной земли безъ крестьянъ, которые на ней водворены, продажу деревни съ малымъ количествомъ земли изъ той, которая къ ней принадлежитъ,

---

[1]) О мѣрахъ, предложенныхъ Сперанскимъ относительно дворовыхъ, мы говорить не будемъ, такъ какъ онѣ легли въ основаніе проекта положенія о крѣпостныхъ дворовыхъ людяхъ, изложеннаго ниже на стр. 14—15.

продажу извѣстнаго числа дворовъ деревни съ участкомъ земли менѣе того, какое на нихъ причитается по разсчету изъ всего ея количества и, наконецъ, продажу земли съ крестьянами и потомъ перепродажу одной земли безъ крестьянъ тому же или другому владѣльцу [1]). Эти основныя мѣры, —говоритъ Сперанскій,— обратятъ крѣпостное право на крестьянъ въ прежнее его законное положеніе, т.-е. сдѣлаютъ ихъ крѣпкими владѣльцу по землѣ, а не по лицу, прекратятъ личную продажу ихъ въ видѣ движимаго имущества, уничтожатъ унизительное понятіе, какое имѣютъ внутри и внѣ Россіи о рабствѣ нашихъ крестьянъ.

Вслѣдъ затѣмъ, въ видѣ переходной мѣры, Сперанскій рекомендуетъ измѣненіе порядка увольненія крестьянъ. При личномъ увольненіи крестьянъ и дворовыхъ, помѣщикъ обязанъ платить подати за нихъ до ревизіи, а крестьянинъ не можетъ быть принятъ ни въ сельское, ни въ мѣщанское общество безъ ихъ согласія. При увольненіи крестьянъ съ землею въ свободные хлѣбопашцы также встрѣчаются разныя стѣсненія: 1) нельзя увольнять по духовнымъ завѣщаніямъ; 2) нельзя увольнять цѣлыми деревнями такъ, чтобы крестьяне были лично свободны, а земля отдавалась бы имъ въ наемъ по договорамъ; 3) нельзя крестьянъ, уволенныхъ однимъ помѣщикомъ, принять и поселить на земляхъ другаго съ оброкомъ по договору. Прекращеніе этихъ и подобныхъ стѣсненій послужило бы, по мнѣнію Сперанскаго, наилучшею мѣрою для постепеннаго перехода изъ крѣпостнаго состоянія въ свободное; но съ этимъ мы далеко не вполнѣ можемъ согласиться. Освобожденіе помѣщиковъ отъ платежа податей за уволенныхъ до ревизіи могло быть допущено, но только съ тѣмъ, чтобы владѣльцы не воспользовались этою льготою для увольненія людей престарѣлыхъ и негодныхъ къ работѣ: дозволеніе увольнять крѣпостныхъ въ свободные хлѣбопашцы по духовнымъ завѣщаніямъ, разумѣется съ ихъ согласія, было настоятельно необходимо, но разрѣшеніе давать крестьянамъ цѣлыми деревнями личную свободу съ тѣмъ, чтобы земля отдавалась имъ по договорамъ или чтобы они переселялись даже на землю другаго помѣщика и у него по договору арендовали землю, могло бы привести къ крайне вреднымъ послѣдствіямъ, если бы договоры эти были предоставлены добровольному соглашенію обѣихъ сторонъ, а не были бы регулированы закономъ.

Единственное рѣшительное, по мнѣнію Сперанскаго, средство установить съ твердостію положеніе крестьянъ и прекратить, съ одной стороны, злоупотребленія помѣщиковъ, а съ другой —неповиновеніе крестьянъ, это—опредѣленіе всѣхъ работъ и повинностей *договоромъ*. Но это важное преобразованіе крѣпостнаго права можетъ совершиться, по его мнѣнію, не иначе, какъ мѣрами зрѣло и въ совокупности ихъ соображ-

---

[1]) Этотъ второй пунктъ не былъ впослѣдствіи включенъ въ проектъ указа.

женными, которыя должны были бы приводиться въ исполненіе постепенно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и которымъ должно предшествовать преобразованіе земскаго управленія. Такими мѣрами Сперанскій считалъ: 1) устроиство быта казенныхъ крестьянъ [1]) и 2) приведеніе помѣщичьихъ крестьянъ въ то же положеніе, какое будетъ опредѣлено для казенныхъ. Отношенія крѣпостнаго населенія къ владѣльцамъ земли должны быть почти тѣ же, какъ и крестьянъ казенныхъ къ казнѣ; все различіе можетъ состоять: 1) въ полицейскомъ надзорѣ и 2) въ томъ, что оброки въ помѣщичьихъ имѣніяхъ могутъ быть замѣняемы работами. Можетъ быть возбужденъ вопросъ, предполагалъ ли Сперанскій тотъ *договоръ*, которымъ онъ желалъ опредѣлить всѣ крестьянскія работы и повинности, поставить въ зависимость отъ извѣстныхъ нормъ, опредѣленныхъ закономъ, или предоставлялъ его свободному соглашенію помѣщика съ крестьянами? Судя по тому, что онъ желалъ, въ концѣ-концовъ, уравнять быть крѣпостнаго населенія съ казеннымъ, повинности котораго онъ желалъ точно опредѣлить, можно было бы подумать, что и повинности крѣпостныхъ не могли быть предоставлены свободному договору, сплошь и рядомъ въ дѣйствительности вовсе не „свободному“ для крестьянъ, нуждающихся въ землѣ, а поставлены въ зависимость отъ закона, иначе крѣпостные могли бы оказаться въ гораздо болѣе худшемъ положеніи, чѣмъ казенные, уравненіе съ которыми, какъ замѣтилъ Сперанскій еще во время бытности губернаторомъ въ Пензѣ, составляетъ постоянный предметъ ихъ желаній. Но мы имѣемъ полное основаніе думать что установленіе окончательныхъ отношеній между помѣщикомъ и крестьянами послѣ всѣхъ предварительныхъ мѣръ предоставлялось, по проекту Сперанскаго, именно такъ называемому „свободному“ договору. Дѣло въ томъ, что въ своемъ „Введеніи къ уложенію государственныхъ законовъ“, составленномъ въ 1809 г., Сперанскій (по крайней мѣрѣ, въ первой его редакціи), кромѣ нѣкоторыхъ другихъ мѣръ на пользу крѣпостныхъ крестьянъ, требовалъ еще опредѣленія ихъ повинностей особымъ закономъ и доказывалъ, что „наймомъ обработывать у насъ земель по пространству ихъ и малости населенія невозможно“. Въ „Проектѣ конституціонной организаціи государства“ составленномъ, повидимому, позднѣе и въ которомъ чувствуется уже вліяніе англійскихъ аристократическихъ

---

[1]) Авторъ слишкомъ мрачными красками рисуетъ ихъ положеніе. Этотъ родъ людей,— говоритъ онъ, бѣднѣетъ и разоряется не менѣе крестьянъ помѣщичьихъ. Работы и повинности ихъ также неопредѣлены и распредѣлены весьма неуравнительно. Земскіе исправники — тѣ же помѣщики, съ тѣмъ только различіемъ, что они перемѣняются и что на нихъ есть возможность жаловаться; но за то эти грѣхъ-тые владѣльцы не имѣютъ никакихъ побужденій беречь крестьянъ. Ник. Ив. Тургеневъ еще въ своей запискѣ 1819 г. очень основательно возражалъ тѣмъ, кто преувеличивалъ дурное положеніе казенныхъ крестьянъ.

взглядовъ, Сперанскій, тѣмъ не менѣе, требовалъ въ первую эпоху мѣръ для освобожденія крестьянъ—опредѣленія ихъ повинностей закономъ (а во вторую—дозволенія свободнаго перехода отъ одного владѣльца къ другому), но въ замѣткахъ, набросанныхъ имъ въ Пензѣ въ 1811 году, онъ не считаетъ обезпеченія крестьянъ землею непарушимымъ условіемъ, а допускаетъ замѣну ея *по добровольному согласію*. Уже это заставляетъ думать, что договоръ относительно крестьянскихъ работъ и повинностей, выставляемый имъ въ запискѣ для комитета 6 декабря, какъ послѣднее слово въ дѣлѣ устройства быта крѣпостнаго населенія, могъ основываться, по его мысли, на исключительно добровольномъ соглашеніи обѣихъ сторонъ, при отсутствіи котораго крестьянамъ предоставлялось выселиться на земли иныхъ владѣльцевъ. Несмотря на то, что въ такомъ случаѣ помѣщичьи крестьяне могли, послѣ окончательнаго устройства ихъ быта на основаніи проекта Сперанскаго, очутиться въ худшемъ положеніи, чѣмъ казенные, Сперанскій, дѣйствительно, не шелъ далѣе допущенія свободнаго договора, какъ это мы увидимъ ниже при изложеніи проекта закона, составленнаго на основаніи его записки [1]).

Когда записка Сперанскаго была внесена на обсужденіе комитета, члены его ухватились за высказанную въ ней мысль, что однимъ изъ первыхъ и надежнѣйшихъ средствъ для улучшенія состоянія помѣщичьихъ крестьянъ должно быть учрежденіе лучшаго хозяйственнаго управленія казеннаго сельскаго населенія. Улучшеніе управленія казенными крестьянами, будучи, по мнѣнію комитета, полезнымъ для нихъ самихъ, послужило бы образцомъ для частныхъ владѣльцевъ: большинство изъ нихъ постепенно послѣдуетъ примѣру правительства, а упорное и неразсудительное меньшинство легко уже будетъ принудить къ этому, не прибѣгая ни къ какимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Считая эту мысль очень важною комитетъ полагалъ, что нужно бы немедленно поручить особой коммиссіи изъ людей опытныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ заняться изысканіемъ способовъ для приведенія ея въ исполненіе.

Относительно исправленія и дополненія существующихъ законовъ объ увольненіи крѣпостныхъ безъ земли комитетъ призналъ нужнымъ постановить, что помѣщикъ, при выдачѣ отпускной, взыскиваетъ съ увольняемаго и вноситъ за него въ казну всѣ подати за столько лѣтъ, сколько остается до новой ревизіи, срокъ которой, приблизительно, предполагается черезъ 15 лѣтъ послѣ предыдущей. Уволенный долженъ въ теченіе года приписаться къ какому либо состоянію, не платитъ, конечно, податей до новой ревизіи, такъ какъ онѣ уже имъ внесены, и въ первые

---

[1]) Записка Сперанскаго сообщена намъ редакціею „Русской Старины". Извлеченіе изъ нея было напечатано въ „Девятнадцатомъ Вѣкѣ" Бартенева II, 159—165. Срав. ниже мнѣніе комитета 1835 г., въ которомъ участвовалъ Сперанскій.

три года, послѣ причисленія къ обществу или цеху, не подвергается рекрутской очереди. Мѣщанскія общества и казенныя селенія не будутъ уже имѣть права отказывать вольноотпущеннымъ, которые пожелаютъ къ нимъ приписаться, но не обязаны давать имъ земли. Всякій уволенный можетъ по своему желанію и въ казенныхъ селеніяхъ, и у помѣщиковъ, и у владѣльцевъ, не принадлежащихъ къ классу дворянъ, не только нанимать землю, но и наниматься для обработыванія ея по договору; изъ нихъ составятся особыя общества *вольноотпущенныхъ земледѣльцевъ*, подобно существующимъ уже обществамъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, и, подобно этимъ послѣднимъ, они составятъ особенные рекрутскіе участки, но, притомъ, будутъ имѣть право переходить съ мѣста на мѣсто съ надлежащими видами на жительство. Впрочемъ, имъ слѣдуетъ предоставить на основаніи общихъ узаконеній право покупать и инымъ образомъ пріобрѣтать землю въ собственность.

Кромѣ записки Сперанскаго, комитету 6 декабря были переданы и нѣкоторые другіе проекты и предположенія. Такъ, генералъ-адъютантъ маркизъ Паулуччи представилъ государю записку объ отмѣнѣ для псковской губерніи высочайше утвержденнаго 3 марта 1822 года положенія государственнаго совѣта относительно ссылки помѣщичьихъ людей на поселеніе въ Сибирь по волѣ ихъ господъ и возстановленія силы указа 10 февраля 1763 года[1]) о ссылкѣ въ Сибирь только тѣхъ людей, которые не будутъ одобрены на повальномъ обыскѣ. По поводу этой переданной ему записки Паулуччи комитетъ разсуждалъ, что, безъ сомнѣнія, было бы желательно принять болѣе рѣшительныя мѣры для совершеннаго прекращенія злоупотребленія помѣщичьею властью, которое, впрочемъ, по его мнѣнію, примѣтно уменьшилось, но въ то же время, полагалъ, что недостатки государственнаго устройства не могутъ быть исправлены внезапными перемѣнами, иногда подвергающими опасности общее спокойствіе. Правительству остается только поддерживать порядокъ примѣрами справедливой строгости и ставить мало-по-малу законныя преграды дѣйствіямъ произвола, а это оно всегда и дѣлало. Въ видѣ доказательства, комитетъ сослался на постановленіе 22 іюня 1828 года, которымъ для удержанія помѣщиковъ отъ неосновательныхъ домогательствъ объ удаленіи неугодныхъ имъ крестьянъ изъ селеній наложены на нихъ довольно тяжкія условія: удаляемые не зачитаются за рекруть, а ихъ жены сравнены съ солдатками[2]). Что же касается распространенія на эти случаи силы указа 1763 года относящагося собственно къ общему уголовному судопроизводству и къ слѣдствіямъ о подозрѣваемыхъ въ какомъ-либо преступленіи, то комитетъ нашелъ неудобнымъ это допустить, такъ какъ производство повальныхъ обысковъ о тѣхъ крѣпостныхъ людяхъ, на поведеніе которыхъ жалуются помѣщики, могло бы подать поводъ ко многимъ безпорядкамъ и волненіямъ во владѣльческихъ селеніяхъ, а буйныхъ и строптивыхъ крестьянъ побудить даже къ явному возмущенію.

Кромѣ того, комитету было объявлено высочайшее повелѣніе о составленіи проекта закона для прекращенія продажи людей безъ земли. По этому поводу комитетъ выразилъ увѣренность, что для большей части

[1]) См. П. С. З. XVI, 11750.
[2]) 2-е П. С. З. III, № 2107.

дворянъ, здравомыслящихъ и просвѣщенныхъ, очевидна не только польза, но даже необходимость положить конецъ всему, что можетъ имѣть видъ унизительнаго, противоестественнаго торга людьми, но, въ то же время, онъ утверждалъ, что есть, однако же, и другой, къ сожалѣнію, еще многочисленный, классъ помѣщиковъ необразованныхъ, закоснѣлыхъ въ грубыхъ привычкахъ, которымъ предполагаемая государемъ мѣра покажется стѣсненіемъ права собственности; поэтому комитетъ полагалъ, что, для предупрежденія всякаго ропота, всякихъ ложныхъ толковъ и волненія въ умахъ, нужно обнародовать запрещеніе продавать людей безъ земли, вмѣстѣ съ постановленіями, благопріятными для другихъ сословій: этимъ правительство докажетъ, что оно заботится о всѣхъ классахъ подданныхъ безъ исключенія. Для составленія закона о прекращеніи продажи людей безъ земли былъ учрежденъ по высочайшему повелѣнію независимо отъ комитета 6 декабря, особый комитетъ, въ которомъ, кромѣ членовъ перваго, велѣно было присутствовать дѣйствительному тайному совѣтнику Тутолмину. Мы видѣли въ XXVI-ой главѣ I тома, что въ общемъ собраніи государственнаго совѣта въ 1820 г. произошло разногласіе по вопросу о запрещеніи продажи людей безъ земли, и дѣло это не было рѣшено въ царствованіе императора Александра I.

Въ 1827 г., по поводу одного частнаго случая, императоръ Николай повелѣлъ государственному совѣту разсмотрѣть, можно ли допускать продажу крѣпостныхъ людей за долги помѣщиковъ. Государственный совѣтъ, признавая, что разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ болѣе общаго рѣшенія, — можно ли вообще продавать людей порознь и безъ земли, приступилъ къ разсмотрѣнію этого послѣдняго вопроса въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи.

При продолжительныхъ разсужденіяхъ по этому предмету предсѣдательствующій кн. Куракинъ предложилъ мнѣніе, главныя основанія котораго состоятъ въ слѣдующемъ: 1) раздѣлить крѣпостныхъ на крестьянъ и дворовыхъ людей и дозволить продажу первыхъ съ землею, а продажу вторыхъ вовсе запретить; 2) по новой ревизіи отдѣлить дворовыхъ людей отъ крестьянъ и запретить обращеніе крестьянъ въ дворовые; 3) рекрутскую повинность съ дворовыхъ людей установить особо, дозволивъ помѣщикамъ ставить ихъ за крестьянъ. 4) объявить помѣщикамъ, что подушная подать съ дворовыхъ людей будетъ возвышена и что ее должны уплачивать сами владѣльцы, а не крестьяне. 5) запретить продажу крестьянъ безъ земли, дозволивъ ее только на свозъ съ вѣдома губернскаго начальства безъ раздробленія семействъ и съ обезпеченіемъ ихъ устройства на новыхъ мѣстахъ; 6) дозволить отпускать крестьянъ на волю семействами для поселенія на земляхъ, пріобрѣтенныхъ ими самими, казенныхъ, другихъ помѣщиковъ, а также и купцовъ по особымъ условіямъ, о чемъ издать новое положеніе, руководствуясь правилами, изданными для свободныхъ хлѣбопашцевъ. Съ этимъ мнѣніемъ согласились два члена государственнаго совѣта — гр. Строгановъ и Сперанскій, а Тутолминъ подалъ особое мнѣніе, въ которомъ предлагалъ въ дополненіе существующихъ уже узаконеній: 1) запретить продажу дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли; 2) предоставить лицамъ, имѣющимъ право владѣть фабриками и заво-

дами, покупать крестьянъ и дворовыхъ людей по существующимъ законамъ (т. е. вѣроятно уже не на поссессіонномъ а на полномъ вотчинномъ правѣ; такое расширеніе правъ поссессіонныхъ владѣльцевъ было вовсе не желательно въ интересахъ крестьянъ, 3) запретить приписку дворовыхъ людей къ домамъ: 4 продажу крестьянъ и дворовыхъ людей съ землею оставить на прежнемъ положеніи, воспретивъ только разлучать семейства, и 5) дозволить продажу крестьянъ и дворовыхъ людей на свозъ съ условіемъ, чтобы покупщикъ имѣлъ землю, удобную для заселенія

Общее собраніе государственнаго совѣта, въ засѣданіи 22 апрѣля 1829 г., въ виду важности вопроса о прекращеніи продажи людей безъ земли и связи существующаго порядка распоряженія со стороны помѣщиковъ своими крѣпостными со многими вопросами государственнаго хозяйства и управленія, нашло необходимымъ поручить составленіе предполагаемаго закона особому комитету, который, какъ мы уже говорили выше, и былъ учрежденъ по высочайшему повелѣнію.

На разсмотрѣніе этого особаго комитета былъ внесенъ проектъ отдѣльно составленнаго положенія о крестьянахъ (казенныхъ и помѣщичьихъ) и дворовыхъ людяхъ, въ который вошли и предположенія по этому предмету, высказанныя въ запискѣ Сперанскаго, и изложенныя выше дополненія къ нимъ, сдѣланныя комитетомъ 6 декабря. Постановленія, содержащіяся въ этомъ проектѣ, какъ сообразныя съ предположеніями сдѣланными въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта, были одобрены комитетомъ (причемъ Тутолминъ отказался отъ прежняго своего мнѣнія) и комитетъ положилъ издать эти правила вмѣстѣ съ прочими, предположенными комитетомъ 6 декабря. Дѣйствія этого послѣдняго продолжались постоянно до 1830 года. По окончательномъ разсмотрѣніи всѣхъ бывшихъ въ виду его предположеній, имъ были составлены проекты: 1) дополнительнаго закона о состояніяхъ, въ которомъ заключались положенія о порядкѣ гражданской службы, о дворянствѣ, духовенствѣ, гражданствѣ и крестьянствѣ; 2) проектъ манифеста, при которомъ должно быть издано это узаконеніе; 3) вышеупомянутый проектъ особаго положенія о дворовыхъ людяхъ съ проектомъ дополнительнаго о томъ указа, и 4) проектъ особаго указа объ ограниченіи раздробленія недвижимыхъ населенныхъ имѣній [1]).

Остановимся на содержаніи только тѣхъ проектовъ, которые прямо касаются крестьянскаго вопроса.

Въ постановленіяхъ о крестьянахъ, согласно предложенію Сперанскаго, предполагалось запретить всякое отчужденіе крѣпостныхъ крестьянъ безъ земли, а также продажу ихъ на свозъ (несмотря на то, что послѣднее допускали Куракинъ и Тутолминъ). Относительно увольненія крѣпостныхъ крестьянъ „лично безъ земли“ были повторены правила,

---

[1]) „Девятнадцатый Вѣкъ“ Бартенева т. II, стр. 158—173.

принятыя въ комитетѣ 6 декабря 1826 г.; при этомъ „вольноотпущеннымъ земледѣльцамъ“, кромѣ пріобрѣтенія земли въ собственность, дозволялось: 1) „по взаимному договору нанимать у другихъ землю изъ оброка на такое число лѣтъ, какое *по обоюдному согласію* (а не на основаніи, слѣдовательно, какихъ-либо установленныхъ закономъ правилъ) будетъ между ними постановлено, и водворяться на сей нанятой землѣ до срока“; 2) наниматься у другихъ также по договору для обработыванія земли изъ опредѣленной части ея произведеній или же за условленную плату деньгами; 3) переходить и переселяться не только изъ одного уѣзда въ другой, но и изъ одной губерніи въ другую съ вѣдома казенной палаты.

Право, данное помѣщикамъ указомъ 20 февраля 1803 г. (о свободныхъ хлѣбопашцахъ), увольнять крестьянъ цѣлыми селеніями съ землею предполагалось оставить въ силѣ. Увольненіе это можно было производить или на основаніи закона 1803 г., или на основаніи вновь составленныхъ правилъ, которыя не представляли особенно существенныхъ нововведеній: замѣтимъ только, что этимъ крестьянамъ, уволеннымъ селеніями или частями селеній (послѣднее допускалось и закономъ 1803 г.), такъ же, какъ и „вольноотпущеннымъ земледѣльцамъ“, дозволялось покупать и брать землю у другихъ владѣльцевъ въ аренду и наниматься для обработыванія земли, но переселяться на купленныя или нанятыя земли и переходить въ другія состоянія, даже и съ согласія всего ихъ сельскаго общества, имъ запрещалось до уплаты прежнему своему помѣщику всей положенной въ договорѣ, за увольненіе ихъ и за предоставленную имъ землю, суммы. Крестьяне, уволенные, такимъ образомъ, по договору, если будутъ уличены судомъ въ нарушеніи заключенныхъ ими съ прежними помѣщиками условій, должны были подвергаться не только всей строгости взысканій, установленныхъ законами для частныхъ договоровъ, но и заключенію въ рабочихъ домахъ; если же эти мѣры окажутся недостаточными для понужденія ихъ исполнить условія, то они могутъ быть по судебному же приговору возвращаемы въ прежнее крѣпостное состояніе. Послѣднее допускалось и закономъ 1803 г.; что же касается заключенія въ рабочіе дома, то графъ Румянцевъ предлагалъ эту мѣру въ своемъ первоначальномъ проектѣ, вызвавшемъ законъ 1803 г., но она принята не была. Слѣдуетъ отмѣтить въ новыхъ правилахъ увольненія крестьянъ селеніями съ землею отсутствіе одного стѣснительнаго правила, требуемаго закономъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ: чтобы помѣщикъ при заключеніи условія раздѣлилъ всю дачу на участки и чтобы каждый изъ крестьянъ „имѣлъ въ виду опредѣлительно свой участокъ земли“. Правило это, впрочемъ, строгое соблюденіе котораго уничтожило бы общинное землевладѣніе у всѣхъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, и ранѣе не соблю-

далось вполнѣ, т. е. крестьянамъ обыкновенно самимъ предоставлялось раздѣленіе земель на участки.

По составители проекта не удовольствовались дозволеніемъ освобождать крѣпостныхъ крестьянъ селеніями съ землею и по одиночкѣ или семействами безъ земли. „Сверхъ того,—читаемъ мы въ проектѣ манифеста о состояніяхъ, – всякій помѣщикъ имѣетъ право увольнять своихъ крестьянъ какъ лично, или семействами, такъ *и цѣлыми селеніями, или частями селеній, безъ земли* и съ землею, и на другихъ условіяхъ, *по взаимному со съ ними согласію*: но договоры па такихъ, непредназначенныхъ въ семъ законѣ, условіяхъ должны, прежде окончательнаго ихъ заключенія, быть представляемы па усмотрѣніе наше чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ и не иначе совершаемы, какъ по особеннымъ на то разрѣшеніямъ". Это постановленіе, если бы оно получило силу закона, могло бы повести къ весьма опаснымъ послѣдствіямъ, такъ какъ имъ отмѣнялось бы существовавшее прежде положительное запрещеніе освобождать крестьянъ безъ земли цѣлыми селеніями [1]).

Особое положеніе о дворовыхъ людяхъ имѣло цѣлью не только положить предѣлъ увеличенію этого разряда крѣпостныхъ, но также различными стѣсненіями по владѣнію ими понудить помѣщиковъ постепенно обращать ихъ въ крестьянъ.

Прежде всего, въ этомъ положеніи предписывалось при новой ревизіи и во всѣ за нею слѣдующія, а также во всѣхъ крѣпостныхъ актахъ означать дворовыхъ отдѣльно отъ крестьянъ и называть ихъ „дворовыми крѣпостными людьми", и затѣмъ съ первой же ревизіи платить подушную подать съ дворовыхъ и отправлять рекрутскую повинность отдѣльно отъ крестьянъ. Очень важно устанавливаемое проектомъ запрещеніе отдавать крестьянъ въ рекруты вмѣсто дворовыхъ; обратная же замѣна дозволялась. Еще важнѣе было то, что съ первой по изданіи этого положенія ревизіи запрещалось обращать крестьянъ въ дворовыхъ, но какъ до переписи, такъ и послѣ нея было дозволено переводить дворовыхъ въ крестьяне съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій: 1) чтобы переводъ былъ произведенъ безъ разлученія семействъ (а къ семейству причислялись мужъ, жена и малолѣтнія дѣти до 10 лѣтъ), и 2) дворовый, переведенный въ крестьяне, долженъ былъ не только перечисленъ по книгамъ въ казенной палатѣ, но и дѣйствительно въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ перечисленія водворенъ въ деревнѣ. Предполагалось облегчить отпускъ дворовыхъ на волю, и потому было разрѣшено постановлять въ отпускныхъ условія не только относительно единовременнаго или по срокамъ платежа условленной капитальной суммы но и объ опредѣленномъ оброкѣ, платимомъ ежегодно въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ или до самой смерти увольняемаго, но въ первомъ случаѣ въ условіяхъ должна быть означена капитальная сумма, которая можетъ быть внесена вмѣсто опредѣленнаго оброка и по уплатѣ которой ежегодный взносъ прекращается. Всѣ платежи, опредѣленные въ такихъ условіяхъ, взыскиваются съ увольняемыхъ предпочтительно предъ всѣми казенными и частными исками, въ случаѣ же неисправности въ платежѣ капитальной суммы или оброка «виновные» отдаются въ работу съ тѣмъ, чтобы заработанныя

---

[1]) Отпускъ на волю крестьянъ по духовнымъ завѣщаніямъ дозволялся.

ими деньги или на уплату долга прежнему помѣщику. Дворовые, отпущенные на волю, обязаны въ два года по совершеніи отпускной избрать родъ жизни подъ угрозою подвергнуться отвѣтственности, какъ бродяги: когда же въ узаконенный срокъ они приищутся куда-нибудь по собственному выбору, то увольняются еще на два года отъ платежа всякихъ податей [1]). Составители проекта находили особенно неудобнымъ существованіе класса дворовыхъ, принадлежащихъ такимъ владѣльцамъ, которые вовсе не имѣютъ деревень. Поэтому было опредѣлено, что со времени изданія новаго положенія, дворовые, не приписанные къ деревнямъ, не могутъ быть принимаемы въ залогъ или служить обезпеченіемъ какого-либо обязательства. Еще важнѣе въ этомъ проектѣ было запрещеніе впредь продавать и закладывать дворовыхъ отдѣльно отъ деревень, къ которымъ они приписаны, а также и всѣхъ тѣхъ, которые принадлежатъ владѣльцамъ, не имѣющимъ деревень. Подтому дано опредѣлено, что со времени изданія новаго положенія, дворовые, не приписанные къ деревнямъ, не могутъ быть принимаемы въ залогъ или служить обезпеченіемъ какого-либо обязательства. Еще важнѣе въ этомъ проектѣ было запрещеніе впредь продавать и закладывать дворовыхъ отдѣльно отъ деревень, къ которымъ они приписаны, а также и всѣхъ тѣхъ, которые принадлежатъ владѣльцамъ, не имѣющимъ деревень; передача личныхъ правъ на дворовыхъ однимъ владѣльцемъ другому дозволялась только по законному наслѣдству и по рядными записямъ, но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ безъ разтробленія семействъ, по духовнымъ завѣщаніямъ дворовые могутъ переходить въ другое владѣніе не иначе какъ съ тѣмъ селеніемъ, къ которому они приписаны. Очевидно, изъ опасенія, чтобы новыя правила не вызвали неповиновенія со стороны дворовыхъ ихъ господамъ, составители проекта включили въ него слѣдующее правило: «дворовые люди, состоя въ крѣпостномъ правѣ у владѣльцевъ и будучи обязаны имъ личною службою и полнымъ повиновеніемъ, въ случаѣ непослушанія или какихъ-либо дерзостей подлежатъ, по прежнему, не токмо мѣрамъ домашняго исправленія, но и отдачѣ въ зачетъ въ рекруты или въ смирительные и рабочіе домы и наказаніямъ при полиціяхъ по просьбамъ и предъявленіямъ ихъ владѣльцевъ. Сверхъ сего на основаніи высочайше утвержденнаго 30 августа 1827 года мнѣнія государственнаго совѣта помѣщики могутъ представлять непослушныхъ крѣпостныхъ людей своихъ, какъ дворовыхъ, такъ и крестьянъ, въ губернскія правленія, объявляя, что не желаютъ имѣть ихъ при себѣ или въ своемъ селеніи» [2]).

Въ проектахъ этихъ новыхъ законовъ мы находимъ нѣсколько важныхъ и благопріятныхъ для крѣпостныхъ людей постановленій, а именно запрещенія отчуждать крѣпостныхъ крестьянъ безъ земли и продавать ихъ на свозъ, брать крестьянъ въ дворовые отдѣльно отъ деревень, къ которымъ они приписаны, а также и всѣхъ тѣхъ, которые принадлежатъ владѣльцамъ, не имѣющимъ деревень; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно съ предложеніемъ Сперанскаго, въ проектъ было включено крайне неблагопріятное для будущности крестьянъ разрѣшеніе освобождать ихъ цѣлыми деревнями безъ земли въ случаѣ ихъ согласія.

Въ 1830 г. проекты комитета 6 декабря были внесены въ государст-

---

[1]) Впрочемъ, помѣщикъ при выдачѣ отпускной, могъ получить съ увольняемаго и внести за него въ казну, вмѣсто слѣдующихъ до новой ревизіи податей, единовременно 20 руб. подушныхъ и 10 руб. за земскія повинности.

[2]) Арх. Мин. Гос. Имущ., секретное дѣло V Отд. Сб. Его В. Канцеляріи № 416, л. 1—18 и рукопись, сообщенная намъ редакціею „Русской Старины". Содержаніе проекта особаго указа объ ограниченіи распоряженія недвижимыхъ населенныхъ имѣній см. „Девятнадцатый Вѣкъ" Бартенева, II. 173—174, ср. 175—176. Выч у в мнѣніе Госуд. Сов. 30 авг. 1827 г. см. по 2-му Полн. Собр. Зак. т. II. № 1339.

венный совѣтъ, разсмотрѣны тамъ въ нѣсколькихъ чрезвычайныхъ засѣданіяхъ общаго собранія и приняты съ нѣкоторыми частными измѣненіями единогласно, за исключеніемъ запрещенія продавать крестьянъ на свозъ. Нѣкоторые члены государственнаго совѣта замѣтили, что продажа на свозъ должна быть дозволена въ извѣстныхъ, впрочемъ, рѣдкихъ случаяхъ, какъ единственное средство уравненія населенія въ Россіи, а иначе въ малоземельномъ имѣніи будетъ страдать не только помѣщикъ отъ неполученія дохода съ крестьянъ, но и сами крестьяне не будутъ имѣть возможности воздѣлывать хлѣбъ въ количествѣ, достаточномъ для ихъ пропитанія. Въ виду этого и нѣкоторыхъ другихъ затрудненій, одиннадцать членовъ государственнаго совѣта полагали составить особыя правила о чрезвычайныхъ случаяхъ, въ которыхъ можетъ быть предоставлена владѣльцамъ переуступка правъ на своихъ крестьянъ для переселенія съ различными предосторожностями отъ злоупотребленій, съ несомнѣнными удостовѣреніями въ необходимости переселенія и пользы его для самихъ крестьянъ и, наконецъ, не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія. Министръ финансовъ Канкринъ допускалъ исключеніе единственно въ томъ случаѣ, когда помѣщикъ лишается земли по суду и когда крестьяне должны быть съ нея переведены.

Напротивъ того, шестнадцать членовъ государственнаго совѣта находили, что всякое исключеніе изъ общаго правила будетъ, въ сущности, составлять дозволеніе, по прежнему, продавать людей безъ земли „вопреки намѣреніямъ новаго закона“. Съ мнѣніемъ большинства согласился и государь.

Проекты, составленные въ комитетѣ 6 декабря, послѣ нѣкоторыхъ исправленій въ государственномъ совѣтѣ были представлены императору Николаю, но онъ два раза возвращалъ ихъ обратно для новаго соображенія и приказалъ, чтобы они были напечатаны и разосланы членамъ совѣта. Наконецъ, совершенно исправленные проекты были поднесены государю въ іюнѣ 1830 года и затѣмъ по высочайшему повелѣнію были отправлены въ Варшаву, на разсмотрѣніе великаго князя цесаревича Константина Павловича. Цесаревичъ въ особой запискѣ изложилъ свои возраженія на нѣкоторые параграфы проектовъ, которые, какъ мы уже знаемъ, обнимали всѣ сословія, и, кромѣ того, сдѣлалъ общее замѣчаніе, что какъ, съ одной стороны, сохраненіе древняго порядка главныхъ состояній должно дѣйствовать на твердость государственнаго быта, такъ, съ другой стороны, сильнѣйшая ограда для сохраненія главныхъ состояній, коренныхъ законовъ и государственныхъ уставовъ есть ихъ древность. Поэтому цесаревичъ полагалъ относительно существенныхъ перемѣнъ, содержащихся въ этихъ проектахъ, что лучше было бы отдать ихъ еще на судъ времени. Притомъ, такъ какъ этими проектами вводятся перемѣны вдругъ во многихъ предметахъ, то такая сложность часто бываетъ

причиной недостаточно внимательнаго разсмотрѣнія каждой перемѣны, отчего по изданіи новыхъ законовъ возникаютъ вопросы и сомнѣнія, требующія разрѣшеній, которыя иногда измѣняютъ изданный законъ или ослабляютъ силу и уваженіе къ нему новыми прибавленіями и измѣненіями. Противъ этого замѣчанія государь написалъ: „Мысль сія была и моя; но причины, по коимъ я согласился на предположеніе имѣть издать все, столь уважительны, что я долженъ былъ уступить общему мнѣнію“. Сдѣланныя на проектъ замѣчанія были переданы государемъ въ началѣ іюля 1826 г. предсѣдателю государственнаго совѣта, который заготовилъ по нимъ объясненія, но неизвѣстно, были ли они представлены государю и вообще нѣтъ свѣдѣній о дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла. Очевидно оно было отложено въ долгій ящикъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ революціи во Франціи, а затѣмъ возстанія въ Польшѣ [1]. Во всякомъ случаѣ дѣятельность комитета 6 декабря не осталась безъ вліянія на послѣдующее законодательство по крестьянскому вопросу въ царствованіе императора Николая: мы увидимъ ниже, какъ много составители проектовъ для позднѣйшихъ секретныхъ комитетовъ черпали изъ записки Сперанскаго и проекта 1830 г.; правда, самыя существенныя изъ предложеній этихъ проектовъ (какъ, наприм., запрещеніе отчуждать крестьянъ безъ земли или дѣлать ихъ дворовыми) не получили силы закона до самаго паденія крѣпостнаго права, но за то эта отсрочка дала возможность укрѣпиться мысли о крайней опасности безземельнаго освобожденія крестьянъ, и въ секретномъ комитетѣ 1839—1842 гг. это хорошо сознавали уже почти всѣ члены.

119851

Въ дальнѣйшемъ изложеніи исторіи крестьянскаго вопроса въ царствованіе императора Николая мы не будемъ пока касаться всѣхъ принятыхъ въ это время частныхъ мѣръ для ограниченія крѣпостнаго права; остановимся, прежде всего, на разборѣ дѣятельности учрежденныхъ съ этою цѣлью секретныхъ комитетовъ. При этомъ мы убѣдимся, что императоръ Николай искренно желалъ подготовить паденіе крѣпостнаго права въ Россіи, но во первыхъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе со стороны своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, а во вторыхъ и самъ готовъ былъ довольствоваться весьма маловажными мѣрами, изъ которыхъ многіе оставались безъ всякаго результата. Что же касается окружавшихъ его лицъ, то едва ли не единственнымъ изъ числа вліятельныхъ сановниковъ, искренно желавшимъ ограниченія помѣщичьей власти, былъ гр. П. Д. Киселевъ, на котораго императоръ Николай и смотрѣлъ, какъ на своего ближайшаго помощника въ этомъ дѣлѣ; въ виду этого, прежде чѣмъ перейти къ дѣятельности слѣдующихъ секретныхъ комитетовъ, мы считаемъ необходи-

---

[1]) „Девятнадцатый Вѣкъ“ Барсенева II, 174—178. Срав. *Корф*., „Жизнь графа Сперанскаго“, II, 336—337.

мымъ нѣсколько подробнѣе познакомиться съ этою замѣчательною личностью.

Родители П. Д. Киселева, принадлежавшіе къ высшему московскому кругу, были въ дружескихъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ О. В. Ростопчинымъ; ихъ домъ также посѣщалъ и Н. М. Карамзинъ; мы знаемъ, что тотъ и другой принадлежали къ числу самыхъ крайнихъ консерваторовъ въ крестьянскомъ вопросѣ, и молодой Киселевъ, получавшій домашнее воспитаніе, могъ, конечно, слышать ихъ желчные отзывы о „либералистахъ", мечтающихъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Но умная и добрая мать старалась окружать сына достойными сверстниками, въ числѣ которыхъ были А. И. Тургеневъ и кн. П. А. Вяземскій (къ послѣднему Киселевъ сохранилъ дружбу до конца своихъ дней), а они примкнули впослѣдствіи къ числу людей, желающихъ измѣненія быта помѣщичьихъ крестьянъ и, слѣдовательно, могли вліять въ этомъ отношеніи и на Киселева. Въ 1812—14 годахъ Павелъ Дмитріевичъ былъ адъютантомъ Милорадовича, человѣка также либеральнаго образа мыслей въ крестьянскомъ вопросѣ, и въ этомъ званіи совершилъ походъ заграницу, гдѣ могъ видѣть иныя условія быта крестьянъ. Назначенный флигель-адъютантомъ государя въ апрѣлѣ 1814 г., Киселевъ на этомъ мѣстѣ сблизился, между прочимъ, съ кн. А. С. Меншиковымъ, который, въ царствованіе императора Александра I, также желалъ постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ и былъ однимъ изъ членовъ кружка, предполагавшаго въ 1820 г. основать съ этою цѣлью общество, которое, однако, не было разрѣшено. Киселевъ своимъ умомъ, распорядительностью и честнымъ, открытымъ характеромъ скоро пріобрѣлъ расположеніе государя, который давалъ ему довольно важныя порученія, и этою близостью къ императору Александру онъ воспользовался, между прочимъ, для того, чтобы въ августѣ 1816 года подать ему въ Москвѣ записку о постепенномъ уничтоженіи рабства въ Россіи, въ ней авторъ, имѣя въ виду не уничтоженіе сразу крѣпостнаго права, что онъ считалъ не безопаснымъ, а лишь постепенное распространеніе гражданскихъ правъ на крѣпостныхъ, и ограниченіе власти, „помѣщиками незаконно присвоенной", сдѣлалъ нѣсколько разумныхъ предложеній съ этою цѣлью, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ уже заключали въ себѣ зародышъ тѣхъ мнѣній и проектовъ по крестьянскому вопросу, которые онъ представлялъ въ царствованіе императора Николая. Назначеніе Киселева въ началѣ 1819 г. начальникомъ штаба 2-й арміи дало ему возможность близко познакомиться съ нѣкоторыми членами тайнаго общества, и въ томъ числѣ съ самымъ выдающимся изъ нихъ, Пестелемъ. Такъ какъ декабристы вообще и Пестель въ особенности смотрѣли на крѣпостное право какъ на величайшее зло и уничтоженіе его считали совершенно необходимымъ, то понятно, что въ бесѣдахъ между Киселевымъ и знако-

мыми ему декабристами, служившими во 2-й арміи, долженъ былъ непремѣнно обсуждаться и крестьянскій вопросъ, причемъ Киселевъ не могъ не услышать мнѣній по этому предмету, гораздо болѣе радикальныхъ, чѣмъ его собственныя: по свидѣтельству Басаргина, Киселевъ вообще нерѣдко участвовалъ въ ихъ бесѣдахъ „и, хотя былъ душою преданъ государю... но говорилъ всегда дѣльно, откровенно, соглашался съ тѣмъ, что многое надо измѣнить въ Россіи и съ удовольствіемъ слышалъ здравые, но нѣсколько рѣзкія сужденія Пестеля". Пестель сообщалъ Киселеву и свою „Русскую Правду" [1]).

Въ 1826 г. одинъ случай волненія крестьянъ въ Украйнѣ заставилъ Киселева набросать нѣсколько мыслей по этому поводу, приводившихъ къ заключенію, что и здѣсь провидѣніе лично указываетъ правительству на необходимость тщательнаго разсмотрѣнія причинъ, возбуждающихъ мятежный духъ въ крестьянахъ, и на тѣ постановленія, которыя необходимы къ отвращенію этихъ причинъ. Изъ слѣдующей затѣмъ программы особой записки по этому предмету видно, что еще до польскаго возстанія 1831 года Киселевъ сознавалъ необходимость тѣхъ мѣръ для подъема благосостоянія русскаго крестьянскаго населенія Украйны посредствомъ ограниченія помѣщичьей власти, которыя лишь чрезъ 20 лѣтъ были до извѣстной степени осуществлены генералъ-губернаторомъ Бибиковымъ [2]).

Первый случай поработать надъ регулированіемъ быта земледѣльческаго населенія представился Киселеву не въ Россіи, а въ Дунайскихъ княжествъ [3]). Впослѣдствіи Киселевъ самъ не скрывалъ, что составлен-

---

[1]) „Записки фонъ-Визина", 159. „Записки декабриста" (бар Розена) Лейпцигъ. 1870 г., стр. 144.

[2]) *Заблоцкій-Десятовскій.* „Графъ П. Д. Киселевъ и его время". Спб. 1882 г. т. I, стр. 2, 3, 8, 21, 100; II, 203—207; IV, 197—199.

[3]) Во главѣ управленія имъ онъ былъ поставленъ въ 1829 г. и въ теченіе 5 лѣтъ занималъ мѣсто полномочнаго предсѣдателя Диванова. Тутъ Киселеву пришлось бороться съ эгоистическими стремленіями землевладѣльцевъ, а также онъ, вѣроятно, былъ недостаточно знакомъ съ мѣстными отношеніями, и потому постановленія составленнаго въ это время органическаго регламента, касающіяся повинностей крестьянъ, вовсе не облегчили ихъ положенія. Киселевъ, въ своей запискѣ объ обязанныхъ крестьянахъ въ Россіи (1840 г.), формулировалъ общіе принципы постановленій о крестьянахъ дунайскихъ княжествъ, живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ, оговорившись, что „самолишнимъ крестьянамъ была уже давно предоставлена личная свобода, но что они „разными ограниченіями и стѣсненіями переходъ съ одного мѣста на другое приведены были какъ бы вновь въ крѣпостное состояніе", онъ перечисляетъ главныя основанія предполагаемаго имъ положенія объ отношеніяхъ въ княжествахъ владѣльцевъ и крестьянъ. 1) Дворяне признаются вотчинниками земель, а крестьяне сохраняютъ полное право личной свободы. 2) Помѣщики должны непремѣнно снабдить живущихъ на ихъ земляхъ крестьянъ опредѣленнымъ количествомъ угодій за установленныя повинности и не могутъ высылать ихъ изъ своихъ помѣстій, пока тѣ исполняютъ свои обязанности. 3) Участокъ крестьянина

ное имъ тамъ положеніе показало ему всѣ трудности предмета и недостатокъ опытности въ подобномъ дѣлѣ, но въ защиту его слѣдуетъ, однако, указать на то, что ему приходилось выдерживать трудную борьбу для проведенія крестьянской реформы въ Румыніи [1]).

Вниманіе, съ которымъ Киселевъ отнесся къ положенію сельскаго населенія Дунайскихъ княжествъ, доказало, что онъ можетъ работать для постепеннаго ограниченія крѣпостнаго права и въ Россіи. На первой же аудіенціи, по возвращеніи изъ Молдавіи и Валахіи (въ 1834 г.), государь заявилъ Киселеву, что въ отчетѣ объ управленіи княжествами его особенно заинтересовало то мѣсто, въ которомъ идетъ рѣчь объ освобожденіи крестьянъ. „Мы займемся этимъ когда-нибудь,—продолжалъ императоръ Николай.—Я знаю, что могу разсчитывать на тебя, ибо мы оба имѣемъ тѣ же идеи, питаемъ тѣ же чувства въ этомъ важномъ вопросѣ, котораго мои министры не понимаютъ и который ихъ пугаетъ. Видишь ли,—сказалъ далѣе государь, указывая рукою на картоны, стоявшіе на полкахъ кабинета,—здѣсь я со вступленія моего на престолъ собралъ всѣ бумаги, относящіяся до процесса, который я хочу вести противъ рабства, когда наступитъ время, чтобы освободить крестьянъ во всей имперіи".

нина обезпечивать его содержаніе и уплату податей въ казну; но если бы крестьянинъ пожелалъ пріобрѣсти большее количество земли, въ такомъ случаѣ онъ входитъ съ помѣщикомъ въ особое соглашеніе, а если оно не состоится, то можетъ нанять землю у другаго владѣльца или даже перейти въ другое помѣстье. 4) Крестьянинъ, исполнившій свои обязанности относительно землевладѣльца, имѣетъ право перейти отъ него на другія земли, но, чтобы это не повело къ бродяжничеству, постановлено, что крестьяне, получившіе полный надѣлъ земли, въ случаѣ переселенія безъ особенной къ тому причины, оставляютъ свой домъ усадьбу и садъ въ пользу помѣщика, тогда какъ крестьяне, переселяющіеся по недостатку земли у помѣщика или по случаю женитьбы и полученія въ наслѣдство недвижимаго имѣнія, могутъ продать принадлежащіе на прежнихъ мѣстахъ дома и усадьбы въ свою пользу. Приводя, однако, эти общія основанія реформы, Киселевъ не указываетъ здѣсь на то, что количество труда, назначеннаго для исполненія въ каждый день обязательной работы, было такъ велико, что въ дѣйствительности его можно было выполнить лишь въ 3 дня, а, кромѣ того, крестьянинъ былъ обязанъ помѣщику вносить натурою десятую часть произведеній своей земли; переселеніе на другія земли обставлено также весьма большими затрудненіями. Хорошею сторонею регламента въ Дунайскихъ княжествахъ было то, что онъ уничтожилъ классъ такъ называемыхъ „сокольниковъ и послушниковъ", находившихся въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ („бояровъ"), которые, въ вознагражденіе за нихъ, получили пожизненный цензъ отъ казны, сокольники и послушники поступили въ общій составъ крестьянъ и были сравнены съ ними въ платежѣ податей. (Принадлежащія мнѣ копіи съ дѣлопроизводства комитета 1830—42 г. объ обязанныхъ крестьянахъ. *Заблоцкій-Десятовскій*, т. I, 336, 351, 352, 355, 365—66, 375, II, 241—46, IV, 143. Срав. *Наумовъ*. „Румынскія Господарства" Сб. 1859 г., стр. 142, 205—207 и *Boerescu*. De l'amelioration de l'état des paysans roumains. P. 1861 г.).

[1]) *Заблоцкій-Десятовскій*. I, 390.

Въ іюлѣ того же года между Киселевымъ и императоромъ Николаемъ произошелъ еще болѣе замѣчательный разговоръ. Государь сказалъ Киселеву, что, занимаясь подготовленіемъ труднѣйшихъ дѣлъ, которыя могутъ пасть на наслѣдника престола, онъ признаетъ самымъ необходимымъ „преобразованіе крѣпостнаго права", такъ какъ оно въ настоящемъ положеніи оставаться болѣе не можетъ. „Я, продолжалъ императоръ,—говорилъ со многими изъ моихъ сотрудниковъ и *ни въ одномъ не нашелъ прямого сочувствія*; даже въ семействѣ моемъ нѣкоторые (Константинъ и Михаилъ Павловичи) были совершенно противны; не смотря на то, я учредилъ комитетъ изъ семи членовъ для разсмотрѣнія постановленій о крѣпостномъ правѣ (извѣстный комитетъ 6 декабря 1826 г.). Я нашелъ противодѣйствіе. По отчету твоему о княжествахъ, продолжалъ императоръ,—я видѣлъ, что ты этимъ дѣломъ занимался и тѣмъ положилъ основаніе къ будущему довершенію этого важнаго преобразованія; помогай мнѣ въ дѣлѣ, которое я почитаю должнымъ передать сыну съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи, и для того подумай, какимъ образомъ надлежитъ приступить безъ огласки къ собранію нужныхъ матеріаловъ и составленію проекта или руководства къ постепенному осуществленію мысли, которая меня постоянно занимаетъ, но которую безъ добраго пособія исполнить не могу".

Киселевъ съ восторгомъ отнесся къ этому предложенію государя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не умолчалъ, что исполненіе его, въ виду предстоящихъ затрудненій, потребуетъ большихъ усилій и энергіи. Онъ объяснилъ различіе нашего законодательства по этому предмету отъ того, которое сохранилось въ Дунайскихъ княжествахъ, и не скрылъ, что составленное имъ тамъ положеніе относительно крестьянъ показало ему всю его неопытность въ подобномъ дѣлѣ. Но, тѣмъ не менѣе, онъ съ душевнымъ удовольствіемъ принялъ приказаніе государя, сказавъ, что болѣе надѣется на свое усердіе, чѣмъ на способности. „И я не опытенъ,—перебилъ его государь,—но твердо уповаю на внушеніе Всевышняго, который насъ просвѣтитъ и направитъ".

Отпуская Киселева, государь повелѣлъ ему хранить въ строгой тайнѣ его слова, дозволивъ только поговорить со Сперанскимъ объ учрежденіи V Отдѣленія Собств. Его Величества канцеляріи (во главѣ котораго былъ потомъ поставленъ Павелъ Дмитріевичъ и которое было впослѣдствіи преобразовано въ министерство государственныхъ имуществъ), коснуться и крестьянскаго вопроса вообще, не упоминая, однако, о разговорѣ съ государемъ. Нѣсколько позднѣе императоръ Николай въ шутку называлъ Киселева своимъ „начальникомъ штаба по крестьянской части" [1]).

---

[1]) *Заблоцкій-Десятовскій.* II, 2, 13, 208—210.

Въ мартѣ 1835 г. государь учредилъ новый секретный комитетъ „для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія крестьянъ разныхъ званій", членами котораго подъ предсѣдательствомъ кн. Васильчикова были назначены Сперанскій, Канкринъ, Киселевъ и Дашковъ. Программа дѣятельности комитета была весьма обширная: устройство конфискованныхъ имѣній для раздачи ихъ въ частныя руки, устройство казенныхъ старостинскихъ и фундушевыхъ имѣній въ западныхъ губерніяхъ, преобразованіе управленія казенными крестьянами и, наконецъ, мѣры къ улучшенію состоянія помѣщичьихъ крестьянъ. Члены комитета находили, что всѣ части предстоящаго имъ труда „должны быть обработаны подъ господствомъ одной главной мысли и служить одна другой подкрѣпленіемъ и примѣромъ, съ тѣми измѣненіями и различіями, коихъ потребуютъ свойства каждой части и мѣстныя обстоятельства" и потому старались прежде всего, согласиться въ основныхъ началахъ, которыми они должны руководствоваться въ своихъ трудахъ. Они признали, что нѣтъ иного способа къ достиженію предназначенной имъ цѣли, какъ „установленіе для крестьянъ вѣрнаго и со всею осторожностью размѣреннаго перехода отъ одной степени на высшую и, такъ сказать, нечувствительнаго возведенія ихъ отъ состоянія крѣпостнаго до состоянія свободы въ той мѣрѣ, какую законъ справедливости и польза государственная допустить могутъ". Но опредѣленіе степеней и порядка этого перехода „требуетъ величайшей осмотрительности: поспѣшность, необдуманныя распоряженія и даже одно имя свободы, рано произнесенное, могутъ имѣть послѣдствія гибельныя". Комитетъ установилъ „три степени состоянія крестьянъ всѣхъ наименованій, казенныхъ и помѣщичьихъ", а именно: 1) состояніе крѣпостныхъ съ ограниченіемъ работы на владѣльца тремя днями на основаніи манифеста 1797 г.: таково положеніе помѣщичьихъ крестьянъ великороссійскихъ губерній; они находятся въ полной зависимости отъ помѣщика: тяжесть ихъ работъ, кромѣ числа дней и распоряженія ихъ личностью, не ограничены закономъ; 2) состояніе крестьянъ, обязанныхъ *мірною работою*: они остаются *крестьянами земли*; количество работъ ихъ будетъ опредѣлено закономъ соразмѣрно съ количествомъ земли, получаемой ими въ пользованіе отъ помѣщика и 3) состояніе крестьянъ, пользующихся правомъ свободнаго перехода отъ одного владѣльца къ другому и обработывающихъ помѣщичьи земли на основаніи заключаемыхъ договоровъ; такой порядокъ установленъ въ Остзейскихъ губерніяхъ. Однодворцы, свободные хлѣбопашцы и другіе, состоящіе на особыхъ правахъ и владѣющіе *собственною землею* [1]), не были включены

---

[1]) Еще межевою инструкціею 1766 г. однодворческія земли помѣстнаго происхожденія были признаны казенными; собственными ихъ землями считались только купленныя или данныя въ вотчину.

комитетомъ въ эти разряды, такъ какъ они „не могутъ служить степенью къ установленному переходу“; казенные же крестьяне, очевидно, относились комитетомъ ко второй степени, хотя, по крайней мѣрѣ, въ Великороссіи и Сибири, они платили опредѣленный оброкъ, а не несли извѣстной работы.

Комитетъ справедливо полагалъ, „что переходъ на вторую степень“, т.-е. изъ крѣпостныхъ въ прикрѣпленныхъ къ землѣ, „будетъ уже важнымъ улучшеніемъ для крестьянъ первой степени“, но, къ сожалѣнію, онъ считалъ также очевиднымъ, что съ „благоразумно приготовленнымъ“ переходомъ крестьянъ на третью степень, т.-е. къ тѣмъ отношеніямъ, какія были установлены въ Остзейскомъ краѣ, „*исполнится желаніе правительства и удовлетворится потребность государственная, столь важная для будущаго спокойствія и процвѣтанія Россіи*“. Такимъ образомъ, по мнѣнію комитета, послѣднимъ словомъ въ крестьянскомъ вопросѣ является обезземеленіе крестьянъ по образцу Прибалтійскаго края. Такой взглядъ не удивляетъ насъ по отношенію къ Сперанскому, который допускалъ освобожденіе безъ земли и въ комитетѣ 6 декабря 1826 года, но нельзя не подивиться, что гр. Канкринъ, которому принадлежала мысль о переходныхъ для крестьянъ „степеняхъ“, допускалъ въ концѣ концовъ обезземеленіе крестьянъ, тогда какъ въ своей запискѣ, поданной императору Александру въ 1819 г., онъ считалъ возможнымъ даровать право перехода лишь послѣ того, какъ земельные надѣлы будутъ объявлены „собственностію каждаго семейства подъ условіемъ уплаты“ соразмѣрныхъ повинностей. Еще печальнѣе, что комитетъ допускалъ возможность такого обезземеленія и для казенныхъ крестьянъ, находившихся несомнѣнно въ лучшемъ положеніи, чѣмъ, хотя и лично свободное, но лишенное наслѣственнаго пользованія землею земледѣльческое населеніе нашей западной нѣмецкой окраины. Такимъ образомъ работы комитета 1835 г. могли принять весьма опасное для крестьянъ направленіе: въ эту эпоху царствованія императора Николая, очевидно, еще не была отброшена мысль о возможности безземельнаго освобожденія крестьянъ, грозившаго русскому народу при Александрѣ I. Окончательное измѣненіе во взглядахъ правительства, рѣзкое неодобреніе крестьянской реформы въ Остзейскомъ краѣ начинается только со времени слѣдующаго секретнаго комитета 1839 - 42 гг., и заслуга этого измѣненія въ направленіи дѣятельности правительства всецѣло принадлежитъ графу Киселеву, который, въ комитетѣ 1835 г., не могъ играть выдающейся роли, такъ какъ преобладающее вліяніе въ немъ, очевидно, принадлежало Сперанскому и Канкрину.

Для осуществленія принятой имъ программы комитетъ 1835 г. предполагалъ руководствоваться слѣдующими основными началами: 1) при всѣхъ удобныхъ случаяхъ распространять и утверждать коренное правило,

что „земля есть неотъемлемая и неприкосновенная собственность помѣщика (казны или частнаго лица)" и что крестьяне могутъ пользоваться ею не иначе, „какъ съ согласія помѣщика и взамѣнъ опредѣленной за нее работы. Несчастная мысль, почти повсемѣстно существующая между помѣщичьими крестьянами, что они сами принадлежатъ господину, а земли принадлежатъ имъ, по мнѣнію комитета, есть одно изъ главныхъ препятствій къ достиженію желаемой цѣли при введеніи предполагаемыхъ улучшеній крестьянскаго быта; она можетъ возбудить волненіе умовъ и подать поводъ къ важнымъ безпорядкамъ". 2) Опредѣлить различные по мѣстнымъ обстоятельствамъ размѣры работъ, которыми должно обложить по закону крестьянъ 2-й степени (см. выше), какъ первый шагъ къ предполагаемому улучшенію ихъ быта, тщательно соображая эти размѣры не по числу душъ, а по количеству получаемой въ пользованіе земли и по способамъ каждаго семейства къ ея обработыванію; впрочемъ, по мнѣнію комитета, не одна земля, а также и промыслы должны быть приняты въ основаніе при опредѣленіи повинностей крестьянъ, особенно казенныхъ. Слова эти возбуждаютъ вопросъ: предполагалось ли ограничить введеніе „мѣрной работы" лишь западною окраиною Россіи, гдѣ существовала барщинная система, или думали распространить ее и на казенныхъ крестьянъ Великороссіи и Сибири, у которыхъ барщина вездѣ замѣнялась оброчною податію? Въ послѣднемъ случаѣ это было бы, конечно, не улучшеніе, а ухудшеніе ихъ быта, такъ какъ крестьяне всегда предпочитали оброчную систему. 3) „Приготовить рядъ постановленій и распоряженій, совокупно соображенныхъ, по отдѣльно изложенныхъ, кои бы развивались постепенно и были приводимы въ дѣйствіе съ разстановкою, отнюдь не имѣя вида, особливо сначала, какой-либо перемѣны въ государственныхъ постановленіяхъ... Должно, чтобы, при переходѣ съ одной степени на другую, крестьяне находили уже ощутительную выгоду въ перемѣнѣ своего положенія и были приготовлены пользоваться оною, не переступая предписанныхъ границъ... Дарованіе вдругъ остзейскимъ крестіянамъ права свободнаго перехода было возможно потому, что они были къ тому нѣсколько приготовлены и что обычаи, языкъ и вѣра, отличая ихъ рѣзкою чертою отъ жителей сосѣдственныхъ губерній, удерживали ихъ въ собственныхъ предѣлахъ. Но подобный переворотъ едва ли можетъ быть такъ скоро совершенъ не только въ великороссійскихъ, но даже въ западныхъ губерніяхъ, хотя въ нихъ распространены уже понятія о мѣрной работѣ. Сверхъ внезапнаго потрясенія правъ собственности, могло бы послѣдовать и то, что крестьяне, вдругъ получивъ свободу переходить съ земли, къ коей они и предки ихъ были крѣпко привязаны закономъ, хлынули бы цѣлыми селеніями въ губерніи южныя, куда давно манитъ ихъ благорастворенность воздуха, обиліе земли и мечтательныя надежды лучшей и, притомъ, менѣе трудной жизни, подвер-

гаясь на пути всякимъ бѣдствіямъ, затрудняя всѣ необходимыя сношенія между правительствомъ и подданными и разсѣвая вредный примѣръ даже въ мѣстахъ, отъ нихъ отдаленнѣйшихъ".

Прежде всего, члены комитета приступили къ чтенію бумагъ, относящихся къ предположенной раздачѣ на особыхъ правахъ частнымъ людямъ конфискованныхъ имѣній. Признано было необходимымъ ожидать предстоящаго окончанія производимой въ нихъ люстраціи и тогда уже, „сообразивъ полученныя свѣдѣнія съ проектами новыхъ инвентарей, учредить весь порядокъ мѣрной работы въ раздаваемыхъ имѣніяхъ такимъ образомъ, чтобы крестьяне не имѣли причины сожалѣть о прежнихъ своихъ владѣльцахъ и чтобы, оставаясь по закону еще привязанными къ помѣщичьей землѣ, они могли привязываться къ ней болѣе и болѣе тѣми выгодами, кои прилежный трудъ доставляетъ земледѣльцу", а до того времени не раздавать конфискованныхъ имѣній.

Затѣмъ члены комитета занялись обозрѣніемъ внесеннаго, по повелѣнію государя, министромъ финансовъ проекта новаго управленія казенными имуществами и нашли, что, согласно съ изложенными выше основными правилами, это преобразованіе должно составлять одно цѣлое съ общимъ дѣломъ улучшенія состоянія крестьянъ разныхъ названій [1]). Любопытно, что самъ Канкринъ говорилъ въ комитетѣ о своемъ проектѣ управленія государственными крестьянами, что онъ ни къ чему не поведетъ. Осенью 1835 г. засѣданія комитета возобновились; они продолжались и въ январѣ слѣдующаго года, но не приводили ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Сперанскій прямо говорилъ въ комитетѣ, что по дѣлу о помѣщичьихъ крестьянахъ онъ не ожидаетъ успѣха. Тогда государь рѣшился изъ общаго вопроса о сельскомъ населеніи Россіи выдѣлить устройство казенныхъ крестьянъ и поручить его Киселеву, съ какою цѣлью въ апрѣлѣ 1836 г. и было учреждено V-е отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи, впослѣдствіи преобразованное въ министерство государственныхъ имуществъ [2])

Въ концѣ 1835 г. Киселеву пришлось въ особой запискѣ высказать свои взгляды на задачу, предстоящую правительству по отношенію къ ограниченію крѣпостнаго права; поводомъ для этого послужила вызванная однимъ частнымъ случаемъ мысль государя, не слѣдуетъ ли право, предоставленное въ 1820 г. помѣщичьимъ крестьянамъ въ Грузіи, въ случаѣ продажи съ аукціона имѣнія, къ которому они принадлежали, выкупаться на свободу со всею землею данной вотчины, распространить и на тѣ случаи во всей Россіи, когда продаются съ публичнаго торга имѣнія, доставшіяся разночинцамъ. Министръ финансовъ Канкринъ въ

---

[1]) *Заблоцкій-Десятовскій* IV, 148—151; II, 8—9.

[2]) Ibid. II, 10—11, 14.

общемъ собраніи государственнаго совѣта заявилъ, что „пріобрѣтеніе свободы нѣсколькими тысячами семействъ не можетъ принести государству существенной пользы и что для вѣрнѣйшаго достиженія подобной цѣли требуются мѣры не частныя, но общія“, и государственный совѣтъ отвергъ предполагаемую мѣру. Тогда Киселевъ въ ноябрѣ 1835 г. составилъ записку, гдѣ, указывая на мнѣніе Канкрина и признавая отчасти его справедливость, утверждалъ, однако, что правительство, „опредѣливъ *общее основное правило*, которымъ оно руководствуется или намѣрено руководствоваться, затѣмъ должно уже пользоваться каждымъ представляющимся ему удобнымъ для успѣшнѣйшаго достиженія его цѣли *частнымъ случаемъ*“; для постепеннаго уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Россіи такую политику онъ находилъ даже удобнѣе принятія общихъ мѣръ. Въ данномъ случаѣ, соглашаясь съ неудобствомъ допускать крестьянъ участвовать въ торгахъ (Канкринъ ссылался на то, что желаніе пріобрѣсти свободу можетъ побудить ихъ къ неумѣренному повышенію цѣны помѣстья и это вредно отразится на ихъ благосостояніи), Киселевъ предлагалъ, чтобы имѣнія, достающіяся личнымъ дворянамъ и разночинцамъ, или продавались на основаніи существующаго уже закона, или оставлялись въ ихъ владѣніи, но съ тѣмъ, чтобы крестьяне, будучи крѣпкими землѣ, несли обязанности на извѣстныхъ, опредѣленныхъ закономъ условіяхъ. Такими постановленіями было бы положено „первое начало новому, нынѣ въ нашемъ законодательствѣ не существующему, классу гражданъ, классу, такъ сказать, *условныхъ* земледѣльцевъ“. Впослѣдствіи право пріобрѣтенія недвижимаго имущества на такомъ основаніи могло бы быть распространено вообще на всѣхъ капиталистовъ: на томъ же основаніи можно было допустить учрежденіе майоратовъ [1]) и даже поставить опредѣленіе повинностей по закону необходимымъ условіемъ при учрежденіи помѣщиками фабрикъ и заводовъ въ ихъ имѣніяхъ (такія мысли и имъ подобныя Киселевъ высказывалъ еще въ своей запискѣ 1816 г., поданной императору Александру). Киселевъ выражаетъ увѣренность, что въ виду такихъ мѣръ многіе изъ дворянъ, особенно крупные помѣщики и люди образованные, сами присоединятся къ дѣйствіямъ правительства и, какъ ради собственной выгоды, такъ и изъ чувства человѣколюбія, станутъ постепенно даровать своимъ крестьянамъ „свободу условную, съ крѣпостію ихъ только къ одной землѣ“. Онъ полагалъ даже, что такимъ образомъ будетъ постепенно достигнуто „уничтоженіе въ Россіи крѣпостнаго состоянія“, очевидно, противопоставляя крѣпостное право

---

[1]) Позднѣе, въ 1842 г., былъ изданъ законъ о правахъ и обязанностяхъ крестьянъ въ майоратныхъ имѣніяхъ западныхъ губерній, крестьяне эти были названы обязанными. 2 П. С. З. т. XVII, 16297.

прикрѣпленію къ землѣ, сохраненіе котораго онъ считалъ возможнымъ [1]). Въ этой запискѣ 1835 г. объ *условныхъ* или, какъ они названы были позднѣе, *обязанныхъ* крестьянахъ, мы находимъ уже зародышъ тѣхъ мыслей, которыя были подробно развиты Киселевымъ въ обширномъ трудѣ, представленномъ въ 1840 г. сначала государю, а затѣмъ и секретному комитету, учрежденному въ концѣ предшествующаго года для пересмотра закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ.

Отправляясь лѣтомъ 1835 г. для леченія заграницу, Киселевъ не забылъ приказанія государя собирать матеріалы для составленія проекта постепеннаго уничтоженія крѣпостнаго права. Въ Карлсбадѣ онъ старался обстоятельно познакомиться съ бытомъ богемскихъ крестьянъ и законодательными мѣрами, принятыми для улучшенія ихъ прежняго положенія. Въ Вѣнѣ онъ видѣлся съ русскимъ посломъ при австрійскомъ дворѣ Татищевымъ, бесѣдовалъ съ нимъ о крестьянскомъ вопросѣ и просилъ выслать ему въ Петербургъ всѣ данныя для изученія австрійскаго законодательства по устройству быта крестьянъ. Пересылая въ началѣ 1836 г. Киселеву записку объ улучшеніи быта крестьянъ въ Австріи, Татищевъ въ письмѣ къ нему высказываетъ желаніе освобожденія крестьянъ въ Россіи съ тѣмъ, чтобы земля осталась собственностью помѣщиковъ. Въ своемъ отвѣтѣ Киселевъ обнаруживаетъ ясное пониманіе того, что было возможно осуществить въ его время: онъ говоритъ, что Россія, по его мнѣнію, „нуждается болѣе всего въ изданіи органическаго закона способнаго справедливо и точно опредѣлить права и обязанности помѣщиковъ и земледѣльцевъ. Неторопливый и спокойный путь, которымъ слѣдовала Австрія въ этомъ дѣлѣ, есть единственный, который мы могли бы принять у насъ для того, чтобы достигнуть тѣхъ же результатовъ". Въ слѣдующемъ году Киселевъ, при посредствѣ нашего посланника въ Берлинѣ, Рибопьера, собралъ подробныя свѣдѣнія и о мѣрахъ, принятыхъ въ Пруссіи для освобожденія крестьянъ. Въ 1837 г. онъ вступилъ въ переписку о крестьянскомъ вопросѣ съ М. С. Воронцовымъ, который былъ въ 1820 г. однимъ изъ членовъ-основателей уже упомянутаго нами и неразрѣшеннаго государемъ общества, имѣвшаго цѣлью освобожденіе крестьянъ [2]).

---

[1]) Неизвѣстно, была ли эта записка доведена до свѣдѣнія государя, но только тотъ частный законодательный вопросъ, который ее вызвалъ, былъ рѣшенъ въ 1836 г. самимъ государемъ такимъ образомъ, что крѣпостные люди, доставшіеся по наслѣдству липамъ, неимѣющимъ права ими владѣть, отбираются немедленно въ казенное вѣдомство, съ уплатою изъ казны опредѣленной суммы за каждую ревизскую душу мужскаго пола.

[2]) На вопросъ о его мнѣніи по этому предмету, Воронцовъ посовѣтовалъ тотчасъ же начать съ мѣры, одобренной государемъ семь лѣтъ тому назадъ, именно отдѣлить совершенно дворовыхъ отъ крѣпостныхъ крестьянъ, записывать ихъ особо и закрепить

Въ томъ же году Киселеву пришлось въ письмѣ къ виленскому генералъ-губернатору, кн. Н. А. Долгорукому, высказать свой взглядъ на то, въ какомъ направленіи должно дѣйствовать русское правительство относительно крестьянскаго вопроса въ западной Россіи. Въ отвѣтъ на подробный разсказъ князя Долгорукова о томъ, какъ онъ старался убѣдить мѣстныхъ помѣщиковъ самихъ заняться улучшеніемъ быта своихъ крестьянъ, Киселевъ рѣшительно выразилъ мысль, что инициатива въ этомъ дѣлѣ въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, должна принадлежать правительству [1]).

Тутъ мы опять видимъ, что Киселевъ стремился не къ совершенному уничтоженію крѣпостнаго права, а только къ обращенію его въ регулированное точными постановленіями закона прикрѣпленіе къ землѣ; въ этомъ сказался его практическій умъ, преслѣдовавшій лишь задачи, осуществимыя при данныхъ условіяхъ времени, и, къ тому же, эти идеи служили хорошимъ противовѣсомъ взглядамъ тѣхъ людей, которые совѣтовали освободить крестьянъ безъ земли и затѣмъ предоставляли установленіе дальнѣйшихъ отношеній между помѣщиками и крестьянами соглашенію обѣихъ сторонъ.

обращеніе въ это сословіе крестьянъ; усьорить уменьшеніе дворянъ онъ совѣтовалъ также значительнымъ налогомъ на дворовыхъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Воронцова, „великая рана, великое пятно, тяготѣющее надъ нами, истинный стыдъ Россіи въ XIX в., — нѣчто рабство, — было бы, если не уничтожено, то, по крайней мѣрѣ, потрясено и скоро исчезло бы совершенно". Киселевъ, въ своей запискѣ 1816 г., также настаивалъ на принятіи мѣръ для уменьшенія количества дворянъ, а въ 1840 и 1844 гг., въ особыхъ комитетахъ, учрежденныхъ съ этою цѣлью, могъ гораздо подробнѣе развить свои мысли.

[1]) *Заблоцкій-Десятовскій* II, 204—228.

ГЛАВА II.

Дѣятельность комитета 1839—1842 гг.—Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ.

Работы секретныхъ комитетовъ, учрежденныхъ въ 1826 и 1835 годахъ, не привели ни къ какимъ законодательнымъ мѣрамъ по крестьянскому вопросу, и потому 10 ноября 1839 г. государь повелѣлъ учредить новый секретный комитетъ, дѣятельность котораго должна была быть посвящена уже исключительно вопросу объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ. Членами его, подъ предсѣдательствомъ князя Васильчикова, который участвовалъ и въ двухъ предшествовавшихъ комитетахъ, были назначены: гр. Орловъ, гр. Киселевъ, министръ юстиціи гр. Панинъ, статсъ-секретарь Блудовъ, бывшій дѣлопроизводителемъ комитета 1826 г., членъ государственнаго совѣта Тучковъ, статсъ-секретарь Танѣевъ и управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ гр. А. Строгановъ; правителемъ дѣлъ сдѣланъ былъ камергеръ Ханыковъ. Государь повелѣлъ „все дѣло сохранить въ совершенной тайнѣ", и, чтобы исполнить его волю, положено было гласно заявлять, что комитетъ будетъ заниматься вопросомъ „о повинностяхъ въ казенныхъ имѣніяхъ западныхъ губерній". Государь разрѣшилъ предъявить комитету, хотя и въ „наивеличайшей тайнѣ", дѣла, имѣющія связь съ предметомъ его дѣятельности.

Въ запискѣ, прочитанной при открытіи засѣданій комитета (16 ноября 1839 г.) и въ которой объяснялась цѣль его учрежденія, высказано было, прежде всего, слѣдующее сужденіе относительно закона 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ: „Это постановленіе, съ благою цѣлью изданное, съ одной стороны, могло произвести важный въ государствѣ переворотъ, ибо земли — основное достояніе дворянства — переходили отъ него въ руки крестьянъ, а съ другой — не достигло своей цѣли, ибо въ продолженіе 35 лѣтъ... уволено въ свободные хлѣбопашцы до 60 тысячъ душъ мужескаго пола", и по 8 ревизіи ихъ числится 70 тысячъ душъ мужескаго пола. „Причину столь малаго поступленія въ сей классъ людей искать должно въ затрудненіяхъ выхода изъ крѣпостнаго состоянія: въ

многосложности формъ, въ потребности большаго капитала на выкупъ личный и на покупку господской земли". Затѣмъ въ той же запискѣ упоминалось, что въ проектѣ комитета 6 декабря 1826 г. относительно установленія класса „вольноотпущенныхъ земледѣльцевъ" предполагалось оставить въ силѣ законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, но, въ то же время, были расширены и облегчены способы увольненія крестьянъ съ землею и безъ земли съ предоставленіемъ имъ права покупать и нанимать земли и наниматься у другихъ по договорамъ. Далѣе взгляды правительства на крестьянскій вопросъ формулировались такимъ образомъ: „Нынѣ правительство имѣетъ постоянно въ виду улучшить бытъ крестьянъ и постепенно выводить ихъ изъ крѣпостнаго состоянія, не ослабляя значущности (sic) достоянія дворянства, единственно въ земляхъ состоящаго, и для того издаваемыми постановленіями сдѣлать переходъ къ лучшему порядку и благодѣнствію легкимъ и непримѣтно отклонить всѣ безпорядки, отъ ложныхъ толковъ и неточнаго направленія понятій проистекающихъ". Такимъ образомъ изъ многихъ мѣстъ этой записки, какъ и изъ трудовъ комитета 1835 г. видно, что дворянство почувствовало опасность перехода земель въ руки крестьянъ и съумѣло представить это будто бы небезопаснымъ и для интересовъ государства. Въ концѣ-концовъ, цѣль вновь учрежденнаго комитета, какъ она была формулирована въ вышеупомянутой запискѣ, состояла, во-первыхъ, въ томъ, чтобы заняться разсмотрѣніемъ закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, сообразить его недостатки и постановить правила, на какомъ основаніи можно впредь дозволять помѣщикамъ увольнять своихъ крестьянъ, а, во-вторыхъ, обсудить, какія мѣры всего удобнѣе для составленія инвентарей по каждой губерніи: предоставить ли это мѣстному дворянству, или начать дѣло съ однихъ казенныхъ крестьянъ [1]). Въ семъ дѣлѣ, сказано въ заключеніе записки, — хорошій примѣръ есть лучшій опытъ и учитель. Положивъ ему основательное начало, можно развить и распространить въ Россіи сію благодѣтельную мѣру, которая укажетъ дворянамъ собственную ихъ пользу и обезпечитъ благодѣнствіе крестьянъ".

Законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, не смотря на то, что онъ ставилъ освобожденіе крестьянъ того или другаго имѣнія въ полную зависимость отъ согласія помѣщика, былъ непріятенъ дворянамъ главнымъ образомъ потому, что онъ не допускалъ безземельнаго освобожденія крѣпостныхъ. Въ царствованіе имп. Александра I и самимъ правительствомъ, и вольнымъ экономическимъ обществомъ, и разными частными лицами сдѣлано было очень много для того, чтобы общество наше до извѣстной

---

[1]) При этомъ въ запискѣ упоминалось, что въ губерніяхъ западной Россіи и Остзейскаго края для арендныхъ имѣній, которыя въ Западномъ краѣ называются и старостинскими) повинности опредѣлены особыми правилами.

степени свыклось съ мыслію о возможности освобожденія крестьянъ по примѣру остзейскихъ губерній, безъ земли; многіе начинали понимать, что это было бы весьма не безвыгодно для дворянскаго сословія. Законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, который былъ единственнымъ способомъ освобожденія не отдѣльныхъ личностей, а цѣлыхъ вотчинъ, шелъ въ разрѣзъ съ этимъ настроеніемъ извѣстной части дворянства. Подъ напоромъ желанія измѣнить законъ 1803 г., желанія, находившаго себѣ подкрѣпленіе въ томъ, что этотъ законъ имѣлъ весьма небольшія практическія послѣдствія, правительство и учредило комитетъ 1839 г., имѣвшій прежде всего цѣлію расширеніе правъ помѣщиковъ отпускать своихъ крестьянъ на волю, но рядомъ съ этимъ замѣтно было и другое теченіе: желаніе опредѣлить повинности крѣпостнаго населенія.

Представителемъ мнѣній той части нашей интеллигенціи, которая готова была допустить безземельное освобожденіе крестьянъ, явился въ комитетѣ 1839 г., прежде всего, его правитель дѣлъ Ханыковъ, который при самомъ его учрежденіи представилъ записку подъ заглавіемъ: „Предполагаемыя начала, на коихъ могъ бы быть составленъ проектъ закона объ *обязанныхъ поселянахъ*“. Главная мысль записки—желаніе сохранить земли въ рукахъ одного дворянства—высказывается уже въ самомъ ея началѣ. „Какъ земли суть основное достояніе дворянъ,—говоритъ авторъ—то для поддержанія сего перваго въ государствѣ сословія необходимо, чтобы сіе достояніе оставалось въ родахъ дворянъ. Посему и можно бы было постановить, чтобы дворяне передавали свои земли, продажею ли, или другими средствами, закономъ опредѣленными, не иначе, какъ потомственнымъ и личнымъ дворянамъ, а также и купцамъ, пріобрѣвшимъ права личнаго дворянства. Отсюда само собою проистекаетъ, что помѣщики *не иначе могутъ увольнять своихъ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія, какъ безъ земли*“. Но для того, чтобы предупредить послѣдствія такого освобожденія—бродяжничество и связанные съ нимъ безпорядки Ханыковъ предлагалъ установить цѣлый рядъ правилъ, изъ которыхъ мы приведемъ наиболѣе существенныя.

„Помѣщикъ можетъ отпускать на волю своихъ крестьянъ по одиночкѣ частями и цѣлыми селеніями, но безъ земли, за условленную плату“. Выкупъ „по одиночкѣ лица мужескаго пола или одного семейства“ не долженъ превышать 200 руб., а цѣлаго селенія или его части 500 руб. за ревизскую душу. Отпущенные на волю по одиночкѣ сами избираютъ родъ жизни, приписываясь къ тому или другому сословію, увольняемые же цѣлыми селеніями или частями ихъ вступаютъ въ сословіе „обязанныхъ поселянъ“, которые безъ дозволенія начальства не могутъ оставить прежняго мѣста жительства, а для того, чтобы имѣть въ своемъ пользованіи землю необходимую для пропитанія, они при самомъ увольненіи обязаны заключить съ помѣщикомъ „договоръ объ отбываніи повинностей“, получивъ на ревизскую душу не менѣе 4½ десятинъ, сообразно указу 15 февраля 1827 г. Если у помѣщика не окажется достаточнаго для этого количества земли, то часть селенія, желающая переселиться, отправляетъ выборнаго для пріисканія удоб-

ныхъ земель и просить у начальства разрѣшить имъ переселеніе, но не иначе, какъ съ заключеніемъ добровольныхъ условій съ владѣльцемъ земли не менѣе, какъ на 25 лѣтъ. Обязаннымъ поселянамъ дозволяется, по проекту Ханыкова, селиться съ разрѣшенія начальства и на казенныхъ земляхъ по договору не менѣе, какъ на 50 лѣтъ, платя за право владѣнія землею ежегодный оброкъ опредѣляемый управленіемъ государственныхъ имуществъ, сообразно съ мѣстными условіями. Крестьяне эти могутъ просить о новомъ переселеніи ихъ только тогда если у нихъ будетъ земли менѣе $4^1/_2$ десятинъ на ревизскую душу. „Если уволенные въ обязанные поселяне не исполнятъ заключеннаго ими условія, то принуждаются къ тому полицейскими мѣрами, а если и это будетъ безуспѣшно то управленіе государственныхъ имуществъ можетъ зачислить ихъ въ казенное вѣдомство“ войдя въ соглашеніе съ владѣльцемъ земли, или по рѣшенію судебнаго учрежденія они возвращаются въ крѣпостное состояніе.

Такъ какъ условія съ помѣщиками заключаются по проекту Ханыкова на извѣстный срокъ (не менѣе 25 лѣтъ), то естественно возникаетъ вопросъ, что же дѣлать, если по истеченіи срока землевладѣлецъ предъявитъ такія тяжелыя условія, на которыя крестьяне не будутъ имѣть возможности согласиться? Вѣроятно, этотъ случай имѣетъ въ виду слѣдующее правило проекта Ханыкова: „если уволенные въ обязанные поселяне не согласятся въ условіяхъ съ владѣльцемъ земли, гдѣ они постоянно жили, то должны обработывать землю, какъ половники вологодской губерніи, изъ половины земныхъ произведеній до изданія особыхъ табелей отправленія крестьянскихъ повинностей въ отношеніи къ владѣльцу земли, сообразно тому, какъ въ западныхъ губерніяхъ составляются инвентари, а въ остзейскихъ вакенбухи“. Быть можетъ, вопрочемъ, это, правило слѣдуетъ относить къ тому случаю, когда помѣщикъ пожелаетъ обратить своихъ крестьянъ въ обязанныхъ поселянъ, а они не будутъ соглашаться на предлагаемыя имъ условія. Во всякомъ случаѣ обращеніе ихъ въ такое положеніе, въ какомъ находились половники, нельзя не признать ухудшеніемъ сравнительно даже съ положеніемъ крѣпостныхъ, обязанныхъ нести трехдневную барщину, такъ какъ отдать помѣщику половину рабочаго времени выгоднѣе, чѣмъ половину чистаго урожая, по той простой причинѣ, что во время трехъ дней барщины, при сравнительно меньшей производительности подневольнаго труда, крестьянинъ сработывалъ гораздо менѣе, чѣмъ въ тѣ три дня, которые онъ могъ употреблять въ свою пользу; этимъ и объясняется, что въ большинствѣ случаевъ крестьянскія пашни занимали большее пространство, чѣмъ помѣщичьи запашки. Ханыковъ въ своемъ проектѣ предлагалъ дозволить увольненіе въ обязанные крестьяне и по духовнымъ завѣщаніямъ, съ тѣмъ, чтобы наслѣдникъ обязался исполнять установленныя по этому предмету правила. Обязанныхъ поселянъ онъ считалъ необходимымъ передать въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ и обложить ихъ всѣми повинностями наравнѣ съ казенными крестьянами, причемъ авторъ проекта совершенно не останавливается надъ тѣмъ

обстоятельствомъ, что государственныя подати съ казенныхъ крестьянъ были значительно выше, чѣмъ съ помѣщичьихъ, и, слѣдовательно, тѣмъ болѣе нельзя было при освобожденіи налагать на нихъ повинности въ пользу помѣщика болѣе тяжелыя, чѣмъ тѣ, какія (по крайней мѣрѣ, относительно барщины) были установлены закономъ.

Въ первое же засѣданіе комитетъ ознакомился съ частью переданныхъ на его разсмотрѣніе бумагъ и затѣмъ поручилъ министрамъ—государственныхъ имуществъ гр. Киселеву и юстиціи г. Панину, управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ гр. Строганову и тайному совѣтнику Тучкову—объяснить неудобства существующаго закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ и представить свои мысли о лучшихъ средствахъ исполнить волю государя. Этотъ вызовъ комитета исполнилъ только гр. Киселевъ, который составилъ большую записку о „мѣрахъ къ усиленію дѣйствія закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ“: онъ представилъ ее, прежде всего, императору Николаю, чтобы, какъ писалъ въ докладѣ 18 марта 1840 г., „предварительно убѣдиться, успѣлъ ли онъ въ своемъ трудѣ выразить вполнѣ намѣренія государя“. При этомъ Киселевъ указывалъ на необходимость, въ виду ослабленія помѣщичьей власти и освобожденія крѣпостныхъ, ввести постепенно слѣдующія мѣры: 1) устройство дворовыхъ людей; 2) взиманіе рекрутъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ по общимъ правиламъ, установленнымъ относительно отбыванія очередей для всѣхъ прочихъ сословій; 3) назначеніе для крестьянъ опредѣленныхъ земельныхъ надѣловъ и предоставленіе имъ права на движимую собственность; 4) ограниченіе права помѣщиковъ наказывать крестьянъ; 5) устройство между крѣпостными крестьянами сельскаго управленія съ сохраненіемъ вліянія помѣщиковъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ предоставленіемъ крестьянамъ права обращаться въ судебныя мѣста наравнѣ съ свободными хлѣбопашцами. Государь возвратилъ Киселеву его докладъ на другой день съ слѣдующею резолюціею: „Читалъ съ особеннымъ вниманіемъ и полнымъ удовольствіемъ; начала, на коихъ основанъ проектъ, мнѣ кажутся весьма справедливы и основательны. И не нашелъ сдѣлать ни одного замѣчанія и разрѣшаю внесть въ комитетъ“. Послѣ такого рѣшительнаго одобренія государемъ и общей программы Киселева, и его частной записки, новичкому нельзя было сомнѣваться въ торжествѣ защищаемыхъ имъ принциповъ, но такія ожиданія почти совершенно не оправдались. Записка, внесенная Киселевымъ въ секретный комитетъ, обнимала не всѣ вопросы, затронутые въ его докладѣ государю; впрочемъ, объ устройствѣ дворовыхъ людей ему пришлось высказать въ то же время свое мнѣніе въ особомъ секретномъ комитетѣ, учрежденномъ съ этою цѣлью въ 1840 г., а затѣмъ гораздо подробнѣе разработать его въ новомъ комитетѣ по тому же вопросу 1844 г. Теперь же мы ограничимся подробнымъ разсмотрѣ-

ліемъ записки представленной въ секретный комитетъ 1839 года, до сихъ поръ не изданной, какъ и большинство документовъ этого комитета [1]).

Этотъ трудъ Киселева начинается изложеніемъ закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, затѣмъ слѣдуютъ краткія историческія свѣдѣнія объ установленіи въ Россіи крѣпостнаго права и весьма обстоятельный перечень мѣръ, принятыхъ для его ограниченія въ XVIII и первыхъ десятилѣтіяхъ XIX вѣка. Въ заключеніе этого перечня авторъ говоритъ: „Мѣры ограниченій въ продолженіе цѣлаго столѣтія и особенно въ послѣднее время ведены были съ непрерывною послѣдовательностью и произвели то дѣйствіе, что владѣніе крѣпостными крестьянами составляетъ нынѣ право потомственнаго дворянства, имѣющаго недвижимую собственность, т.-е. земли; безъ сего и... дворянинъ не можетъ пріобрѣтать дворовыхъ людей. Крестьяне ограждены въ нѣкоторой степени надзоромъ правительства отъ жестокостей помѣщиковъ: въ случаѣ отыскиванія свободы они пользуются покровительствомъ мѣстнаго управленія и, получивъ единожды свободу, не могутъ быть возвращены въ крѣпостное состояніе. По всѣ подобныя мѣры ограниченій имѣютъ предѣлъ, за которымъ онѣ не только перестаютъ быть полезными, но, возбуждая въ крестьянахъ тщетныя надежды на свободу, а въ помѣщикахъ опасенія и безпокойства, производятъ взаимное неудовольствіе и потрясаютъ довѣріе къ правительству". Почти единственный законъ", изданный „съ цѣлью преобразовать крѣпостное состояніе на началахъ, обоюдно выгодныхъ какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ", — говоритъ далѣе Киселевъ, — есть указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, къ подробному разбору котораго онъ и переходитъ, такъ какъ этого прямо требовалъ отъ него секретный комитетъ. Указавъ, прежде всего, на ничтожные результаты, достигнутые изданіемъ этого закона, онъ затѣмъ разбираетъ его по существу. Законъ этотъ, — говоритъ Киселевъ, — опредѣляетъ два главные способа перехода крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы: 1) освобожденіе за извѣстную сумму, вносимую сразу при совершеніи отпускной или съ разсрочкою, и 2) когда крестьяне, оставаясь крѣпкими землѣ, заключаютъ съ помѣщиками условія, на основаніи которыхъ они владѣютъ землею за извѣстныя опредѣленныя повинности. Относительно перваго способа установлены подробныя правила, для втораго же не указана мѣра повинностей и вообще средства обезпечить исполненіе условій. „По сей причинѣ, утверждаетъ Киселевъ, — вторая и главнѣйшая часть указа осталась безъ всякаго дѣйствія", но это несправедливо: были случаи, когда помѣщичьи крестьяне переходили въ свободные хлѣбопашцы съ обязанностью до смерти прежняго владѣльца платить ему извѣстный денежный оброкъ, исполнять

---

[1]) Почти вся эта глава изложена на основаніи принадлежащей намъ копіи съ дѣлопроизводства комитета.

опредѣленную барщину или, наконецъ, нести и тѣ. и другія повинности [1]). Ошибочно полагая, что изъ двухъ способовъ, опредѣленныхъ указомъ 1803 г., пришлось удовлетвориться только однимъ, т.-е. увольненіемъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы за опредѣленную сумму (хотя и нельзя отрицать, что такой договоръ былъ дѣйствительно наиболѣе употребительнымъ), Киселевъ старается доказать, что этотъ способъ, во-первыхъ, несообразенъ „съ основаніями государственнаго благоустройства". „Увольненіе крестьянъ съ землею, — говоритъ онъ, — требовало перехода всей недвижимой собственности изъ владѣнія дворянъ въ пользу низшаго сословія. Послѣдствіемъ сей мѣры было бы уничтоженіе самостоятельности дворянства и образованіе демократіи изъ людей, перешедшихъ изъ крѣпостнаго состоянія. Послѣ сего не нужно, кажется, особенныхъ доказательствъ, сколь мѣра сія противна государственному устройству, въ которомъ дворянство, составляя необходимое звѣно, соединяющее верховную власть съ народомъ, должно исключительно пользоваться правомъ владѣнія заселенными землями, дабы, сохраняя вліяніе свое на массу народа и обезпечивъ свое существованіе, быть въ возможности исполнять высокое назначеніе свое на службѣ престолу".

Это мѣсто въ запискѣ Киселева страннымъ кажется тому, кто привыкъ видѣть въ его трудахъ стремленіе къ серьезнымъ мѣрамъ на пользу народа, но съ другой стороны, высказанныя здѣсь мысли находятся въ связи съ нѣкоторыми аристократическими взглядами Киселева, какъ, напр., желаніемъ ввести майораты, хотя и на условномъ правѣ владѣнія крестьянами. Это мѣсто записки Киселева тѣмъ болѣе странно, что по закону 1801 г. всѣ сословія, кромѣ крѣпостныхъ, получили право пріобрѣтать ненаселенныя земли, а, слѣдовательно, и открывалась возможность для перехода недвижимой собственности изъ владѣнія дворянъ въ руки крестьянъ. Что же касается его опасеній относительно перехода на основаніи закона 1803 г. *всей* дворянской поземельной собственности въ руки низшаго сословія, то, не говоря уже о невѣроятности освобожденія всей массы крѣпостныхъ путемъ добровольныхъ договоровъ съ помѣщиками, нужно замѣтить, что правила о свободныхъ хлѣбопашцахъ, требуя освобожденія крестьянъ съ землею, въ то же время, вовсе не предписывали передачи имъ *всей* помѣщичьей земли, и было не мало случаевъ освобожденія крѣпостныхъ съ надѣленіемъ ихъ лишь извѣстною частью помѣстья. Затѣмъ Киселевъ переходитъ къ вопросу о томъ, можно ли надѣяться, чтобы выкупъ крестьянъ на свободу на основаніи закона 1803 года принялъ большіе размѣры. Онъ указываетъ, во-первыхъ, на то, что для освобожденія по этому способу всѣхъ 12 милліоновъ душъ (муж. п.) крѣпостныхъ по-

[1]) Многіе подобные случаи въ эпоху императора Александра I были указаны въ I т., гл. XVII.

требовались бы огромныя суммы, „какихъ не можетъ быть въ государственномъ обращеніи“, упуская при этомъ изъ виду возможность кредитной операціи при содѣйствіи государства, которое приходило уже въ голову авторамъ нѣкоторыхъ мнѣній въ эпоху Александра I Во-вторыхъ, онъ ставитъ на видъ, что стремленіе владѣльческихъ крестьянъ во что бы то ни стало добиться освобожденія заставляетъ ихъ соглашаться на условія, совершенно для нихъ непосильныя [1]). Указавъ затѣмъ и на нѣкоторыя другія неудобства закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, какъ, напр., нерѣдкіе поземельные споры между получившими свободу, вызываемые борьбою подворнаго и общиннаго принциповъ землевладѣнія. Киселевъ приходитъ къ убѣжденію, что ни помѣщики, ни крестьяне не имѣютъ удобныхъ способовъ для преобразованія своихъ отношеній на прочныхъ началахъ, и въ заключеніе опять повторяетъ свою мысль, что „мѣра перехода всей недвижимой дворянской собственности во владѣніе крестьянъ, уничтожая самостоятельность высшаго въ государствѣ сословія, какъ мѣра, противная основаніямъ всякаго государственнаго устройства, особенно устройства монархическаго, не можетъ и не должна быть допущена“.

Отъ критики закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, далеко не всегда, какъ мы видѣли, справедливой, Киселевъ переходитъ къ положительной части своей записки. Не считая нужнымъ распространяться о томъ благотворномъ вліяніи, которое уничтоженіе крѣпостнаго права должно имѣть на развитіе промышленности, увеличеніе народнаго богатства и охраненіе общественнаго спокойствія, такъ какъ все это уже признано изданіемъ закона 1803 г., авторъ приступаетъ къ изысканію средствъ освобожденія крѣпостныхъ, которыя были бы выгодны и для нихъ самихъ, и для дворянства, и съ этою цѣлью, прежде всего, считаетъ необходимымъ обратиться къ примѣрамъ иностранныхъ государствъ и раз-

---

[1]) „Весьма часто, говоритъ Киселевъ, — для выкупа себя они дѣлаютъ займы, превышающіе ихъ способы, подъ залогъ земель, которыми они, по праву собственности, могутъ располагать произвольно. По невнесеніи въ срокъ займа, земля отчуждаются во владѣніе кредитора, и хлѣбопашцы, лишась средствъ къ существованію, или остаются въ совершенной нищетѣ, или требуютъ переселенія на казенныя земли, гдѣ правительство, сверхъ того, должно оказать имъ пособіе на водвореніе. Въ сихъ обстоятельствахъ дѣло оканчивается тѣмъ, что на устройство больныхъ хлѣбопашцевъ казна дѣлаетъ пожертвованіе едва ли не наровнѣ съ суммою выкупа. Въ тѣхъ случаяхъ когда уплата условленной суммы распредѣлена на сроки, положеніе свободныхъ хлѣбопашцевъ дѣлается еще затруднительнѣе. Истощивъ свое состояніе успѣшными взносами, они въ первый неурожайный годъ поставляются въ совершенную невозможность продолжать уплату и за неисполненіе такимъ образомъ условія, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ свободы, возвращаются, попрежнему, во владѣніе помѣщика, въ противность коренныхъ законовъ, по коимъ люди, воспользовавшись одинъ разъ свободой, не должны бы были подлежать крѣпостному состоянію“

смотрѣть главныя основанія мѣръ, принятыхъ тамъ для освобожденія крестьянъ. Въ высшей степени важно при этомъ то рѣшительное осужденіе, съ которымъ Киселевъ относится къ безземельному освобожденію крестьянъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ осуждаетъ и передачу даже нѣкоторой части дворянскихъ земель въ собственность земледѣльцевъ, видя въ этомъ торжество демократическихъ принциповъ. „Въ Англіи, Ирландіи и нѣкоторыхъ частяхъ Италіи, подобно тому, какъ у насъ въ остзейскихъ губерніяхъ, — говоритъ авторъ, — съ освобожденіемъ крестьянъ земли остались въ полномъ и неограниченномъ распоряженіи дворянства: крестьяне, за малымъ исключеніемъ кортомщиковъ или фермарей (sic), сдѣлались вольными поденщиками, т.-е. бобылями: положеніе, опасное при всякомъ недостаткѣ выгодной работы для бобылей и особенно при неурожаѣ или внутреннихъ замѣшательствахъ, гдѣ люди, не имѣющіе осѣдлости, обыкновенно бываютъ орудіемъ злоумышленныхъ дѣйствій. Во Франціи, Швейцаріи и нѣкоторыхъ частяхъ Германіи крестьяне вмѣстѣ со свободою получили прежнія крестьянскія поля, а помѣщикамъ оставлены однѣ господскія запашки! Въ Пруссіи земли также раздѣлены между помѣщиками и крестьянами. Симъ распоряженіемъ, во первыхъ, нарушены права собственности дворянства, во-вторыхъ, ослаблена самостоятельность высшаго государственнаго сословія и чрезъ то уничтожена важнѣйшая нравственная сила, чрезъ которую верховная власть дѣйствовала на народъ, и, въ-третьихъ, по праву вотчинной собственности привлечена къ участію въ важнѣйшихъ предметахъ государственнаго управленія масса народа, которая силою необузданнаго большинства ниспровергаетъ равновѣсіе въ частяхъ и колеблетъ порядокъ государственнаго устройства“. Срединою между этими двумя крайностями Киселевъ считаетъ такую мѣру, которая, „поставивъ крестьянъ на приличную для нихъ степень свободныхъ или обязанныхъ земледѣльцевъ, обезпечиваетъ ихъ бытъ силою закона, не вводя ихъ въ права, принадлежащія одному только дворянству“.

Въ видѣ примѣровъ, авторъ ссылается, во-первыхъ, на постановленіе австрійскаго правительства 1760 г. объ устройствѣ крѣпостнаго состоянія въ Венгріи, гдѣ „хотя крестьяне обременены еще бо́льшими работами [1]) и поставкою въ пользу владѣльцевъ $^1/_9$ всѣхъ произведеній, но, тѣмъ не менѣе, повинности сіи опредѣлены положительно, крестьяне получили личную свободу и могутъ переходить съ одной земли на другую, и въ настоящее время правительство приняло уже мѣры къ уменьшенію

[1]) Въ приложеніи въ концѣ жизни Киселева записка на французскомъ языкѣ о мѣрахъ по крестьянскому вопросу въ Австріи (см., можетъ, той самой, которая была, какъ мы упоминали въ II главѣ, прислана изъ Вѣны Татищевымъ) было указано на то, что по Урбарію Маріи-Терезіи требовалось отъ крестьянъ 52 дня барщины съ рабочимъ скотомъ или 104 пѣшихъ дня.

самыхъ повинностей". Въ видѣ втораго примѣра симпатичныхъ для него мѣропріятій для уничтоженія крѣпостнаго права Киселевъ указываетъ на крестьянскую реформу, произведенную въ Дунайскихъ княжествахъ во время его управленія, съ главными основаніями которой мы познакомились уже выше. Разсматривая эти три способа устройства быта крѣпостныхъ крестьянъ, — продолжаетъ онъ, — „нельзя не убѣдиться, что система фермерства въ Англіи, Ирландіи, нѣкоторыхъ частяхъ Италіи и у насъ въ остзейскихъ губерніяхъ, оставляя безъ всякаго устройства и обезпеченія цѣлое сословіе, составляющее главную массу народонаселенія, и порождая огромный классъ бездомныхъ бобылей, столь опасныхъ для общественнаго спокойствія, не можетъ быть принята въ Россіи безъ справедливаго опасенія послѣдствій, которыхъ вполнѣ невозможно и представить". Это рѣзкое отрицаніе остзейской системы освобожденія крестьянъ, которое несомнѣнно повліяло и на взгляды императора Николая, составляетъ огромную заслугу Киселева, такъ какъ не только во вторую половину царствованія императора Александра I постепенное примѣненіе ея казалось возможнымъ для всей Россіи, не только комитетъ 6 декабря 1826 года допускалъ безземельное освобожденіе цѣлыхъ селеній, но даже и позднѣе находились, какъ мы увидимъ ниже, очень вліятельные сановники, которые только въ этомъ направленіи и допускали измѣненіе быта крестьянъ. Но, въ то же время, Киселевъ, какъ мы уже знаемъ, отрицалъ и тотъ способъ освобожденія крѣпостныхъ, при которомъ имъ предоставлялось право собственности на земли. „Система Франціи, Швейцаріи, нѣкоторыхъ частей Германіи и Пруссіи, утвердившая за крестьянами право вотчинничества, основанная на началахъ демократіи и порожденная политическими переворотами, говоритъ онъ, — должна быть чужда всякаго примѣненія къ Россіи". Указывая затѣмъ на необходимость соблюденія осторожности при переходѣ отъ рабства къ свободѣ, онъ совѣтуетъ подражать, съ необходимыми, конечно, по мѣстнымъ обстоятельствамъ измѣненіями, той средней мѣрѣ, примѣрами которой послужили для него законодательства венгерское и румынское. Главныя основанія освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи должны, по его мнѣнію, состоять въ слѣдующемъ: „Помѣщики, сохраняя при себѣ право вотчинной собственности на земли, предоставляютъ крестьянамъ личную свободу и затѣмъ, снабдивъ ихъ опредѣленною пропорціею земли, пользуются отъ нихъ взамѣнъ того соразмѣрными повинностями или оброкомъ, *положительно опредѣленными въ особыхъ по каждому имѣнію инвентаряхъ*. Исполненіе повинностей, опредѣляемыхъ инвентаремъ, обезпечивается круговою отвѣтственностью крестьянъ и содѣйствіемъ правительства, посредствомъ судебной власти и посредствомъ власти помѣщиковъ, которые, въ качествѣ вотчинныхъ начальниковъ въ имѣніи, пользуются правами, предоставленными закономъ сельскому упра-

вленію какъ по части распорядительной, такъ и по разбору маловажныхъ тяжбъ и проступковъ крестьянъ... Лѣса, оброчныя статьи, богатства въ нѣдрахъ земли составляютъ принадлежность помѣщика; сверхъ того, владѣльцы земель, предоставляя крестьянамъ личную свободу, освобождаются вслѣдствіе того отъ обязанности въ пособіи на продовольствіе и въ пожарныхъ случаяхъ, которые обезпечиваются въ видѣ взаимнаго страхованія на основаніи правилъ, поставленныхъ для государственныхъ крестьянъ .. Уволенные такимъ образомъ крестьяне по отношенію къ своимъ владѣльцамъ земли получаютъ названіе обязанныхъ крестьянъ".

Не имѣя возможности подробно останавливаться на всѣхъ сторонахъ проекта гр. Киселева, мы сообщимъ изъ этого замѣчательнаго труда преимущественно то, что касается размѣровъ земельнаго надѣла и соотвѣтственныхъ повинностей крестьянъ.

При опредѣленіи повинностей Киселевъ считаетъ лучшимъ средствомъ вознагражденія помѣщика за отведенный крестьянамъ земельный надѣлъ обработку извѣстнаго количества господской земли, а, слѣдовательно, подобно Стройновскому (въ его книгѣ „О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами", изданной въ Вильнѣ въ 1808 г.), рекомендуетъ договоры за извѣстное количество барщиннаго труда, съ тою лишь разницей, что послѣднее находилось въ зависимости отъ количества земли, предоставленной крестьянину [1]). По словамъ Киселева, въ его время въ помѣщичьихъ вотчинахъ, состоящихъ на барщинѣ, были всего обычнѣе двѣ нормы: 1) обработываніе помѣщичьей земли въ такомъ же размѣрѣ, какъ она воздѣлывается крестьянами для себя, и 2) обработка трети всей земли, т. е. половины количества, предоставленнаго крестьянамъ. Первый способъ считается весьма обременительнымъ, и доказательствомъ справедливости этого можетъ служить бѣдность половниковъ какъ въ Россіи, такъ и за границей. Какъ по этой причинѣ, такъ и потому, что помѣщики получатъ при увольненіи крестьянъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ денежное вознагражденіе, что они освободятся отъ различныхъ обязательствъ относительно крестьянъ и что, наконецъ, они сохранятъ многія выгоды отъ помѣстій, Киселевъ находитъ необходимымъ принять вторую норму. Признавъ, такимъ образомъ, справедливымъ обработываніе въ пользу помѣщика $^1/_3$ всей пахотной земли, онъ опредѣляетъ размѣръ крестьянскаго надѣла въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи на основаніи данныхъ, собранныхъ въ 1838—39 гг. коммиссіями по переложенію податей съ душъ на землю, а также по свѣдѣніямъ о нѣкоторыхъ частныхъ хозяйствахъ. Въ многоземельныхъ имѣніяхъ губерній сѣверной и средней Россіи Киселевъ

[1]) Киселевъ не допускаетъ только обязательныхъ работъ крестьянъ, получившихъ свободу, на помѣщичьихъ фабрикахъ; для этого должно имѣть рабочихъ по „вольной цѣнѣ". Точно также въ дворовыя обязанные крестьяне могутъ быть взяты лишь по свободному договору.

предлагаетъ опредѣлить размѣръ всего надѣла *на душу* (т.-е. пашни, покоса, огородной. усадебной земли и выгона) въ 5 десят. 2,000 кв. саж., въ томъ числѣ $4^1/_2$ дес. пашни и 1 дес. покоса; въ многоземельныхъ имѣніяхъ губерній низовыхъ и степныхъ, гдѣ сѣютъ пшеницу и коноплю и гдѣ воздѣлываніе земли не сопряжено съ такимъ трудомъ, какъ въ губерніяхъ сѣверныхъ, Киселевъ назначаетъ всего 8 дес. 1,600 саж. въ томъ числѣ 6 дес. пашни. $1^1/_2$ дес. сѣнокоса и 1 дес. подъ огороды и коноплянники. Такъ какъ для всѣхъ имѣній нельзя установить одинаковой пропорціи, то указанную мѣру надѣла въ многоземельныхъ имѣніяхъ Киселевъ предлагалъ какъ maximum, „выше котораго помѣщикъ не можетъ обременить крестьянъ“ (слѣдуетъ помнить, что за свой надѣлъ крестьянинъ долженъ обработывать помѣщичьи пашни, огороды и сѣнокосы въ количествѣ, равномъ половинѣ данныхъ ему угодій [1]), но затѣмъ этотъ размѣръ надѣла можетъ быть уменьшенъ по взаимному соглашенію между помѣщиками и крестьянами „до такого, однако же количества земли, какое необходимо для обезпеченія продовольствія и уплаты податей“; точно также крестьяне „могутъ, если пожелаютъ, взять и большую пропорцію, но не иначе, какъ по полученіи личной свободы и по особому съ владѣльцами земель соглашенію, дабы чрезъ сіе отвратить всякое отяготительное для нихъ условіе до полученія свободы“. Въ имѣніяхъ малоземельныхъ Киселевъ находилъ необходимымъ опредѣлить не maximum, а minimum „пропорціи, достаточной для продовольствія и уплаты податей“, съ тѣмъ, что если помѣщикъ не можетъ предоставить крестьянамъ такого надѣла, въ такомъ случаѣ земля дѣлится между послѣдними „по наличному состоянію угодій“, но крестьяне должны имѣть право свободнаго перехода на другія земли до тѣхъ поръ, пока не составится на остающееся количество душъ пропорціи, признанной за minimum. Этотъ minimum надѣла для малоземельныхъ имѣній Киселевъ предлагаетъ назначить въ 4 дес., въ томъ числѣ 3 дес. пашни. Въ промышленныхъ имѣніяхъ размѣръ надѣла уменьшается еще болѣе,—до 3 дес. (въ томъ числѣ $2^1/_2$ дес. пашни), такъ какъ крестьяне имѣютъ средства покупать хлѣбъ и, кромѣ того, значительная часть населенія, находящаяся въ отсутствіи, не имѣетъ надобности въ запасахъ собственнаго продовольствія [2]). Важный недостатокъ проекта Киселева состоитъ

---

[1]) За пользованіе усадебною и выгонною землею онъ также долженъ былъ нести нѣкоторое количество барщиннаго труда.

[2]) Нужно замѣтить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне, занимаясь вслѣдствіе малоземелія промыслами, платятъ оброкъ, значительно превышающій повинности, опредѣляемыя шестаремъ, т. е. когда доходъ помѣщика основывается не на земледѣліи, а на промыслахъ крѣпостныхъ, помѣщику въ проектѣ Киселева предоставляется по соглашенію съ крестьянами при ихъ освобожденіи назначить, въ дополненіе къ пивен-

въ томъ, что онъ не обязываетъ помѣщика выдѣлить крестьянамъ извѣстную часть лѣса, предоставляя имъ при самомъ освобожденіи договориться относительно пользованія имъ [1]).

Относительно способовъ пользованія землею, полученною отъ помѣщика, Киселевъ говоритъ: „Надѣлъ производится *по числу ревизскихъ душъ* на цѣлое мірское общество обязанныхъ крестьянъ; въ частности земля дѣлится между крестьянами или, на основаніи особаго постановленія въ условіи, назначеніемъ въ каждой полосѣ отдѣльнаго для каждаго семейства участка, сообразно съ рабочими его силами, или же другимъ способомъ по существующимъ между крестьянами обычаямъ". Такимъ образомъ, очевидно, что Киселевъ признавалъ необходимымъ сохраненіе общиннаго пользованія землею.

Если бы помѣщикъ пожелалъ взамѣнъ работъ получать отъ обязанныхъ крестьянъ оброкъ, въ такомъ случаѣ ихъ повинности на основаніи инвентарнаго положенія опредѣляются на рожь или другой наиболѣе воздѣлываемый продуктъ по среднему урожаю и по сложности мѣстныхъ цѣнъ за 12 лѣтъ и потомъ переводятся на деньги, которыя по особымъ условіямъ, возобновляемымъ время отъ времени, должно будетъ уплачивать помѣщику въ опредѣленные сроки.

Повинности обязанныхъ крестьянъ въ пользу землевладѣльца обезпечиваются круговою порукой всего сельскаго общества; если оно окажется совершенно несостоятельнымъ въ уплатѣ оброчныхъ денегъ, то имѣніе „обращается на запашку подъ надзоромъ помѣщика". До тѣхъ поръ, пока крестьяне исправно исполняютъ повинности, ихъ нельзя выслать съ земель, предоставленныхъ имъ въ пользованіе. Они получаютъ полное право собственности на движимое имущество; дома и другія усадебныя строенія также принадлежатъ имъ; они могутъ жаловаться на притѣсненія со стороны владѣльца въ общія судебныя учрежденія. При соблюденіи извѣстныхъ условій обязанные крестьяне могутъ переходить въ другія свободныя состоянія и на иныя владѣльческія земли.

Первоначальный разборъ во взаимныхъ спорахъ и проступкахъ крестьянъ, на основаніи сельскаго судебнаго устава, предоставляется владѣльцу вотчины и „отъ него зависитъ наказаніе виновныхъ въ размѣрѣ, для сельской расправы опредѣленномъ": такимъ образомъ вотчинная юрисдикція сохраняется, но ограничивается установленными закономъ

тарными повинностями, единовременное денежное вознагражденіе, которое въ различныхъ губерніяхъ можетъ доходить до 45—60 руб. съ души и которое составляетъ, слѣдовательно, выкупъ за личную свободу.

[1]) Авторъ проекта ограничивается въ этомъ отношеніи лишь слѣдующею довольно неопредѣленною оговоркою: „правительство можетъ только наблюдать, чтобы условія... въ отношеніи пользованія лѣсомъ, какъ потребностью, необходимою для жизни, не были стѣснительны".

правилами. Дѣла большей важности, также какъ и уголовныя, поступаютъ въ судебныя учрежденія на общемъ основаніи. Попрежнему, стремясь къ введенію майоратовъ, Киселевъ по образцу остзейскихъ губерній предлагаетъ установить чтобы по смерти владѣльца имѣніе переходило въ полномъ составѣ въ руки старшаго въ родѣ, который и распредѣляетъ получаемые доходы между сонаслѣдниками, если насчетъ ихъ не было иного распоряженія со стороны первоначальнаго владѣльца. Если бы по жалобѣ обязанныхъ крестьянъ обнаружилась неспособность владѣльца къ управленію имѣніемъ или жестокое обращеніе съ его жителями, то оно берется въ опеку. При увольненіи крестьянъ землевладѣлецъ можетъ отказаться отъ права управленія ими; въ такомъ случаѣ они причисляются къ ближайшей волости государственныхъ крестьянъ, но при томъ изъ слѣдующихъ помѣщику доходовъ вычитается 10% на содержаніе управленія и составленіе хозяйственнаго капитала. Какъ уже было указано выше, помѣщики освобождаются при увольненіи крестьянъ отъ обязанности оказывать имъ пособія въ случаѣ неурожая и пожара, что разумѣется, составляло важное лишеніе для земледѣльцевъ.

Киселевъ полагалъ, что на этихъ „главныхъ началахъ могутъ быть основаны первоначальныя мѣры устройства у насъ крѣпостнаго состоянія какъ въ губерніяхъ великороссійскихъ, такъ и западныхъ". Новое положеніе онъ предлагалъ опубликовать какъ дальнѣйшее развитіе закона 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ, предоставляя на „произволъ помѣщиковъ" слѣдовать этому постановленію или, „буде они по мѣстнымъ обстоятельствамъ признаютъ болѣе удобнымъ дѣлать и представлять условія, заключаемыя крестьянами на другихъ основаніяхъ, *лишь бы повинности, возлагаемыя на обязанныхъ крестьянъ, въ общей сложности не превышали мѣры, симъ положеніемъ опредѣляемой*", чтобы, по разсмотрѣніи этихъ условій и инвентарей въ подлежащемъ учрежденіи и по удостовѣреніи соразмѣрности инвентарныхъ повинностей съ земельнымъ надѣломъ, обезпечить исполненіе ихъ со стороны крестьянъ утвержденіемъ правительства. Кромѣ того, помѣщикамъ предоставлялось право дѣлать подобныя распоряженія на случай своей смерти и въ духовныхъ завѣщаніяхъ. Такимъ образомъ, проектъ Киселева, какъ и законъ 1803 г., и проектъ комитета 1826 г., не заключалъ въ себѣ мѣръ, обязательныхъ для помѣщика; послѣдній переводилъ своихъ крестьянъ въ званіе обязанныхъ поселянъ только въ томъ случаѣ, если самъ этого желалъ, и, разумѣется, съ согласія крѣпостныхъ; но очень важно, что при этомъ измѣненіи ихъ быта, по проекту Киселева, они не могли быть обложены за нормальныя надѣлъ повинностями произвольной величины, если бы даже и сами на это согласились, а эти повинности должны были не превышать установляемой новымъ закономъ мѣры. Важную заслугу Киселева составляетъ, кромѣ того, какъ мы уже замѣтили, категорическое заявленіе о вредѣ и

опасности безземельнаго освобожденія крестьянъ, а также разработка вопроса о размѣрахъ надѣла [1]).

Каковы бы ни были недостатки проекта гр. Киселева лучшею рекомендаціею для него можетъ служить то раздраженіе, которое онъ вызвалъ въ людяхъ, смотрѣвшихъ на крестьянскій вопросъ исключительно съ эгоистической дворянской точки зрѣнія. Представителемъ такихъ людей въ секретномъ комитетѣ объ обязанныхъ крестьянахъ явился генералъ-адъютантъ кн. Меншиковъ, который представилъ (10 января 1841 г.) опроверженіе по самому существу проекта. Прежде всего, онъ обращаетъ вниманіе на то, что по этому проекту „помѣщикъ долженъ надѣлять своею землею цѣлое мірское общество съ круговою отвѣтственностью его за каждый дворъ въ исправномъ исполненіи повинностей"; „такимъ образомъ, продолжаетъ Меншиковъ, —земля помѣщика не останется уже въ полномъ правѣ вотчинничества, но переходитъ въ невозвратное владѣніе крестьянскихъ обществъ. Круговая отвѣтственность лишитъ помѣщика возможности наблюдать за благосостояніемъ земли своей, обезпечить извлеченіе своихъ доходовъ и понудить какой-либо дворъ къ исправному платежу повинностей, ибо отвѣтственность каждаго крестьянина предъ помѣщикомъ будетъ устранена отвѣтственностью общества; но если и оно неисправно, что останется дѣлать помѣщику? Онъ уже не въ состояніи будетъ выслать его съ земли своей и не можетъ даже имѣть на него никакого нравственнаго вліянія, ибо общество противопоставитъ ему всю свою массу и найдетъ покровительство земскихъ судебныхъ властей, а помѣщикъ, или недостаточный, или находящійся въ отсутствіи, будетъ приведенъ къ продолжительнымъ и обременительнымъ тяжбамъ. Этого нельзя назвать полнымъ правомъ вотчинничества". Затѣмъ, по мнѣнію Меншикова, мѣра надѣла въ проектѣ Киселева несоразмѣрно велика, что приведетъ къ сильному увеличенію объема нынѣшнихъ крестьянскихъ угодій, а повинности слишкомъ малы: при подобныхъ условіяхъ помѣщикъ

---

[1]) Что касается дѣйствительно желанія Киселева предоставить бывшимъ крестьянамъ право собственности на ихъ земельные надѣлы, то оно было бы очень разумно, если-бы онъ проектировалъ переходъ этихъ наділовъ въ собственность государства, причемъ крестьяне наслѣдственно пользовались бы ими за извѣстный оброкъ; такая система не допускала бы отчужденія земель, находящихся въ пользованіи крестьянъ, и содѣйствовала бы сохраненію общиннаго пользованія ими, за которое стоять Киселевъ, между тѣмъ какъ въ настоящее время пріобрѣтеніе земли въ собственность, на началахъ выкупа, приводитъ къ ослабленію общиннаго принципа, столь важнаго для благосостоянія крестьянъ. Но о переходѣ крестьянскихъ надѣловъ, даже за извѣстное вознагражденіе, въ собственность государства, не могло быть тогда и рѣчи; напротивъ хлопотали о томъ, чтобы всѣ помѣщичьи земли остались въ рукахъ дворянъ, распространеніе же мелкой крестьянской собственности Киселевъ считалъ вреднымъ, какъ признакъ торжества демократическихъ идей.

былъ бы гораздо болѣе обязаннымъ, чѣмъ крестьянинъ. Кн. Меншиковъ увѣряетъ, что если принять нормы надѣла, предложенныя Киселевымъ, то большая часть дворянскихъ имѣній перейдетъ въ безвозвратное владѣніе крестьянъ. Упуская изъ виду различіе русскаго поземельнаго строя съ западно-европейскимъ, онъ указываетъ на то, что въ Богеміи, по акту освобожденія крестьянъ въ 1781 г. и позднѣйшимъ постановленіямъ, земли „отданы были не мірскимъ обществамъ, а подворно“ и помѣщикъ сохранилъ право ссылать крестьянина съ выкупленныхъ угодій, а невыкупленныя брать себѣ обратно, если за крестьяниномъ три года сряду была недоимка, если долги его превосходятъ $^2/_3$ стоимости имущества и если онъ довелъ свой участокъ до совершеннаго упадка. Кн. Меншикову очень нравится, что тамъ всякій обыватель, даже не имѣющій ни избы, ни угодій а только живущій на землѣ помѣщика, обязанъ отработать въ его пользу 13 дней въ году „въ ознаменованіе своей подчиненности“. Еще болѣе нравятся Меншикову англійскія и остзейскія поземельныя отношенія. „Въ Англіи,—говоритъ онъ, -земля принадлежитъ, также какъ и въ Австріи, помѣщику, но тамъ она отдается крестьянину не потомственно, а на срокъ; такъ же въ нашихъ остзейскихъ губерніяхъ и Финляндіи. Однако же, въ Англіи земледѣліе образцовое; сельское хозяйство процвѣтаетъ тамъ въ высшей степени. Не есть ли это доказательство, что земля въ рукахъ дворянства драгоцѣннѣе, чѣмъ въ рукахъ необразованнаго и безпечнаго мужика?“ Въ концѣ-концовъ, кн. Меншиковъ считалъ справедливымъ только тотъ способъ освобожденія крестьянъ, какой былъ употребленъ въ Остзейскомъ краѣ, т.-е. чтобы „земля оставалась собственностью помѣщика, а крестьяне имѣли право личной свободы, примѣнивъ къ сему основному началу правила о холопяхъ съ *подворнымъ* надѣленіемъ“. „Въ остзейскихъ губерніяхъ,—продолжаетъ авторъ возраженія.—дворянство имѣетъ полное, безотчетное право собственности на свои помѣстья“, русское купечество, владѣющее землями, располагаетъ ими также произвольно, отдавая ихъ на добровольныхъ условіяхъ, которыя ограничены закономъ только относительно срока контракта; „одно только русское, коренное дворянство лишено будетъ правъ своихъ и родоваго своего достоянія“, если будутъ приняты для освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ иныя основанія, чѣмъ тѣ, какія предлагалъ кн. Меншиковъ [1]).

Гр. Киселевъ отвѣчалъ на это очень мѣтко и умно. При установленіи правилъ предложенныхъ кн. Меншиковымъ, замѣтилъ онъ, „помѣщикъ можетъ при всякомъ окончаніи условленнаго срока выселять крестьянъ изъ имѣнія, и крестьяне поставляются между двумя крайностями, болѣе тяжкими, чѣмъ самое рабство: имъ остается или купить дорогою цѣною

---

[1]) Это возраженіе кн Меншикова напечатано въ кн.ѣ *Заблоцкаго-Десятовскаго* „Гр. Киселевъ и его время“, т. IV, 200—205.

право продолжать свое существованіе на землѣ, воздѣланной ихъ трудомъ, или, оставивъ свои дома, осѣдлость, скитаться изъ губерніи въ губернію, доколѣ не найдутъ средствъ водвориться въ другихъ мѣстахъ. На сіе можно возразить, что собственная выгода помѣщика побудитъ его къ соглашенію съ крестьянами на условіяхъ обоюдно-выгодныхъ, но какого рода условій можно ожидать отъ подобныхъ соглашеній? Нѣтъ сомнѣнія, что помѣщики, соблюдая исключительно свои выгоды, образуютъ систему фермерства; они раздадутъ большіе участки зажиточнымъ крестьянамъ и, можетъ быть, на условіяхъ обоюдно-выгодныхъ: но, взамѣнъ того, $^{9}/_{10}$ населенія не „будетъ имѣть ни земли, ни пристанища и должны обратиться въ работниковъ у богатыхъ крестьянъ или фермеровъ". Такимъ образомъ, выгоды помѣщика и фермера падутъ на счетъ незаплаченнаго труда бѣдныхъ. Такимъ образомъ, возникнетъ у насъ, изъ нѣсколькихъ милліоновъ душъ, новый классъ бобылей, или поденщиковъ, которыхъ состояніе столько же несносно будетъ для нихъ, сколько опасно для государственнаго спокойствія. Нужно ли подробнѣе описывать послѣдствія подобной мѣры? Они многосторонни. При безпрестанномъ движеніи бобылей изъ одного мѣста въ другое для пріисканія работъ правительство встрѣтитъ неисчислимыя затрудненія въ сборѣ податей, равно въ исполненіи рекрутской повинности, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ должно будетъ терпѣть значительную потерю въ доходахъ и въ рекрутахъ. При недостаткѣ выгодныхъ работъ и особенно при первомъ общемъ неурожаѣ правительство поставится въ необходимость пожертвовать всѣ свои средства дабы взять на свое продовольствіе нѣсколько милліоновъ бобылей или въ противномъ случаѣ подвергнуть внутреннее спокойствіе величайшимъ безпорядкамъ, какихъ можно ожидать отъ народа неосѣдлаго, доведеннаго до крайности нищетою и голодомъ. Всѣ сіи причины никакъ не дозволяютъ остановиться на мысли лишить помѣщичьихъ крестьянъ возможности имѣть постоянную осѣдлость и обратить цѣлое населеніе въ бродячее или полукочевое состояніе".

Кн. Меншиковъ требовалъ нарушенія при освобожденіи крестьянъ одного изъ главныхъ устоевъ народнаго быта—общиннаго пользованія землею; къ требованію этому, какъ мы увидимъ ниже, онъ возвращался и позднѣе. Но Киселевъ, уступая своимъ оппонентамъ нѣкоторые, весьма существенные пункты составленнаго имъ проекта, съ проницательностью истинно-государственнаго человѣка явился энергическимъ противникомъ подворнаго землевладѣнія. Въ своемъ отвѣтѣ на замѣчаніе кн. Меншикова онъ писалъ: „Какая для помѣщика можетъ представиться польза отъ подворнаго надѣленія землею? Какимъ образомъ можетъ онъ обезпечить свои выгоды, имѣя дѣло отдѣльно съ каждымъ семействомъ, тогда какъ въ одномъ единственный работникъ въ неизвѣстной отлучкѣ или постигнутъ болѣзнію, въ другомъ по несчастію семейство лишилось рабочаго

скота, а между тѣмъ, господское поле требуетъ неотложной работы и т. д.? Сіи и подобные тому вопросы можно разрѣшить тѣмъ только, что помѣщики, по крайней мѣрѣ, большая ихъ часть, получивъ неограниченное право располагать землею, и не подумаютъ о подворномъ надѣленіи *всѣхъ* семействъ. Они раздадутъ свои земли зажиточнымъ крестьянамъ, сдѣлавъ изъ нихъ фермеровъ, а остальное населеніе обратятъ въ работниковъ, которымъ позволятъ оставаться на земляхъ своихъ, доколѣ они будутъ въ состояніи работать изъ насущнаго хлѣба, если, впрочемъ, работа ихъ будетъ нужна, а потомъ съ истощеніемъ послѣднихъ силъ вышлютъ ихъ изъ имѣнія и заставятъ испытывать всѣ крайности нищеты и голода [1]). И такъ,—говоритъ въ заключеніе Киселевъ, — какая бы ни принята была система надѣленія, во всякомъ случаѣ надѣлъ долженъ быть сдѣланъ не посемейно, но на цѣлое сельское общество Это единственная мѣра, которая, обезпечивая помѣщика круговымъ ручательствомъ, должна обезпечить уволенныхъ крестьянъ въ правахъ личной свободы, а, главное, въ средствахъ существованія".

Мы не находимъ нужнымъ разсматривать возраженія на проектъ Киселева каждаго изъ членовъ секретнаго комитета по одиночкѣ, а сгруппируемъ главнѣйшія изъ ихъ замѣчаній. (Возраженія были представлены въ теченіе января 1841 года, кромѣ Меншикова, Панина мл., Блудовымъ, Строгановымъ и Тучковымъ.) Они, во-первыхъ, вооружились противъ предложенныхъ Киселевымъ нормальныхъ надѣловъ и вознагражденія помѣщиковъ посредствомъ обработки земли, равной половинѣ *полученной крестьянами земли* (или, другими словами, [illegible] пашенъ и сѣнокосовъ) Гр Панинъ указалъ на то, что надѣлъ долженъ соотвѣтствовать трудамъ, требуемымъ земледѣліемъ, а они чрезвычайно различны, смотря по почвѣ, климату и состоянію скотоводства. По его мнѣнію, въ сѣверныхъ и въ большей части среднихъ губерній обработка третьей части полей въ пользу помѣщика „соотвѣтствовала бы трудамъ хлѣбопашца и скудости урожая", а тамъ, гдѣ земля не требуетъ никакого удобренія, крестьянинъ „безъ всякой тягости можетъ воздѣлывать для помѣщика столько же земли, сколько и для самого себя", или по крайней мѣрѣ, за полученныя двѣ десятины можетъ обработывать помѣщику 1½. Но вообще, въ виду различія мѣстныхъ условій, весьма трудно назначить общую мѣру надѣла для южной Россіи, для низовыхъ и нѣкоторыхъ восточныхъ губерній. Блудовъ, сообщивъ въ своемъ возраженіи свѣдѣнія о различной величинѣ помѣщичьей запашки сравнительно съ количествомъ данной крестьянамъ пахотной земли и указавъ на разнообразіе другихъ ихъ обязанностей относительно господина, приходитъ къ заключенію, что не слѣдуетъ опредѣлять указомъ общей мѣры всѣмъ этимъ повинностямъ, во-первыхъ, для того чтобы не связать руки правительству, помѣщикамъ и крестьянамъ установленіемъ такихъ правилъ, которыя, будучи не всегда и не вездѣ удобны, послужатъ только новымъ препятствіемъ къ освобожденію крѣпостныхъ, а также и потому, что подробное обозначеніе въ указѣ повинностей обязанныхъ крестьянъ „легко можетъ въ дру-

---

[1]) Нѣчто подобное дѣйствительно предлагалъ Жакобъ въ своемъ отвѣтѣ на задачу вольнаго экономическаго общества (18 2 г.) о сравнительной выгодности свободнаго и крѣпостнаго труда.

гихъ, не увольненныхъ хлѣбопашцахъ, возбудить мысль, что новымъ положеніемъ, опредѣляемыми въ немъ условіями и порядкомъ, измѣняется и ихъ отношенія къ владѣющимъ ими еще на крѣпостномъ правѣ вотчинникамъ". Гр. Строгановъ, возражая противъ назначенія нормальныхъ надѣловъ, указывалъ на то, что въ имѣніяхъ вологодской и пермской губерній земли не имѣетъ почти никакой цѣнности, а среди промышленныхъ имѣній много такихъ въ которыхъ земли далеко недостаточно для надѣла, да крестьяне не имѣютъ въ ней и надобности. Далѣе авторъ замѣчаній обращаетъ вниманіе на то, что, какъ видно изъ разсчетовъ, приложенныхъ къ проекту Киселева, крестьянамъ всѣхъ разрядовъ предполагается отдѣлить болѣе земли, чѣмъ они, по примѣрнымъ соображеніямъ, имѣютъ ея теперь. Не касаясь того говоритъ Строгановъ, „полезно ли для видовъ добраго хозяйства передавать въ руки крестьянъ большее количество земли, когда они не имѣютъ способовъ къ улучшенію земледѣлія", онъ замѣчаетъ только, что въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ поля требуютъ унавоженія, крестьянину трудно обрабо тать 2 дес. земли, а въ степныхъ, гдѣ навоза не требуется, 2-хъ дес. въ полѣ мало для удовлетворенія нуждъ крестьянина. При установленіи предложенныхъ Киселевымъ нормальныхъ надѣловъ часть помѣщиковъ, по мнѣнію Строганова, можетъ вовсе лишиться земель такъ какъ „въ значительной части имперіи есть множество имѣній, въ которыхъ земли .. не достанетъ для одного надѣла крестьянъ". Денежное же съ ихъ стороны вознагражденіе можетъ тогда только быть полезнымъ, если оно будетъ внесено при самомъ увольненіи крѣпостныхъ, а иначе уплата его не будетъ обезпечена такъ какъ крестьяне, „выйдя изъ его непосредственной власти, естественно предадутся небрежности къ своимъ обязанностямъ и, можетъ быть, праздности и разврату", а богатые крестьяне могутъ перейти въ другія сословія Находя, что установленные Киселевымъ размѣры надѣловъ велики, Строгановъ, въ то же время, считалъ недостаточными назначенныя за нихъ повинности. Считая неудобнымъ, въ виду различной продолжительности работы на разныхъ почвахъ, опредѣленіе повинности крестьянина обработкою извѣстнаго количества земли, смотря по размѣру полученнаго надѣла, Панинъ утверждалъ, что справедливѣе и выгоднѣе для помѣщика и крестьянина назначить опредѣленное число дней барщины въ году. Тучковъ также предпочиталъ этотъ способъ, опасаясь, при системѣ Киселева, многихъ споровъ между помѣщиками и крестьянами изъ-за того, хорошо ли обработана земля тѣмъ болѣе, что различныя почвы и роды хлѣба требуютъ различной обработки, но, въ то же время, думалъ, что лучше всего было бы предоставить заключеніе условій на волю помѣщиковъ и крестьянъ, причемъ правительство могло бы только наблюдать чтобы крестьяне не были увольняемы вовсе безъ земли или съ количествомъ, недостаточнымъ для ихъ продовольствія, и чтобы они не обременили себя непосильными повинностями Блудовъ, въ виду приведенныхъ выше соображеній о неудобствахъ общаго опредѣленія указомъ повинностей крестьянъ, предлагалъ составивъ правила, столь же, а если нужно и болѣе подробныя, не обнародовать ихъ, а дать только въ руководство тѣмъ министерствамъ, которыя будутъ разсматривать заключаемыя условія.

Подъ напоромъ возраженій большинства членовъ комитета противъ предложенной имъ мѣры надѣловъ и повинностей обязанныхъ крестьянъ, Киселевъ долженъ былъ уступить. Онъ согласился не опредѣлять неизмѣнной нормы для надѣленія обязанныхъ крестьянъ землею, но предоставить назначеніе надѣла соглашенію помѣщиковъ и крестьянъ, съ тѣмъ только, чтобы количество надѣляемой земли по среднему урожаю

хлѣба было достаточно для продовольствія семействъ, уплаты податей и составленія запасовъ, и затѣмъ повинности крестьянъ перевести на рабочіе дни, соразмѣрно съ полученнымъ ими надѣломъ, съ правомъ замѣнять всю барщину или часть ея денежнымъ оброкомъ; въ этомъ смыслѣ и былъ измѣненъ представленный имъ проектъ. „Такимъ образомъ, -писалъ Киселевъ въ своемъ отвѣтѣ на замѣчанія кн. Меншикова, — хотя всѣ выгоды остаются на сторонѣ помѣщиковъ, но сохраняется, по крайней мѣрѣ, возможность обезпечить осѣдлость крестьянъ и отвратить общую народную нищету и неустройства, которыя неразлучны съ умноженіемъ класса бобылей. Но должно сознаться, — продолжалъ онъ, — что положеніе сіе далеко отъ того, чтобы можно было назвать увольняемыхъ крестьянъ свободными. Вся перемѣна будетъ состоять въ томъ, что повинности ихъ будутъ опредѣлены положительнѣе, что въ рекруты будутъ брать по очередному порядку, а не по произволу помѣщика, что крестьяне будутъ имѣть право собственности на движимое имѣніе и что, наконецъ, помѣщикъ не будетъ имѣть власти исторгать изъ среды семействъ людей для личной или дворовой услуги, но крестьяне останутся крѣпкими землѣ".

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя замѣчанія членовъ комитета на проектъ Киселева. По поводу мысли его, чтобы имѣніе крестьяне котораго перешли въ состояніе обязанныхъ поселянъ, не подлежало дробленію между наслѣдниками и чтобы тотъ членъ фамиліи, которому оно досталось во владѣніе, дѣлить между остальными доходы, Блудовъ, для избѣжанія раздоровъ въ подобныхъ случаяхъ, предложилъ постановить, что получающій имѣніе обязанъ немедленно удовлетворить всѣхъ прочихъ за слѣдующія имъ части деньгами по опредѣленной цѣнѣ, а для соблюденія такимъ сдѣлкамъ считалъ необходимымъ, чтобы правительство учредило дворянскій вспомогательный банкъ, основанный на томъ неизбѣжномъ, но неизмѣнномъ правилѣ, чтобы просроченныя по залогу въ немъ имѣнія, даже если они будутъ состоять и не изъ обязанныхъ а крѣпостныхъ крестьянъ поступали бы не въ продажу а въ казенное вѣдомство и впослѣдствіи могли быть раздаваемы въ видѣ майоратовъ, но „во всякомъ случаѣ безъ правъ крѣпостнаго владѣнія крестьянами" Киселевъ согласился съ мыслью Блудова о сосредоточеніи имѣнія въ рукахъ одного изъ наслѣдниковъ посредствомъ выкупа и измѣнилъ въ этомъ смыслѣ свой проектъ. Мы видимъ такимъ образомъ что извѣстныя аристократическія притязанія были не чужды нѣкоторымъ представителямъ нашего дворянства: защитникомъ мысли объ учрежденіи майоратовъ, кромѣ Киселева, явился и Блудовъ, который желалъ даже пожалованія въ частныя руки поступившихъ за просрочку долга въ казну имѣній.

Нельзя не остановиться еще на одной любопытной мысли члена комитета Гучкова. Какъ было указано выше, Киселевъ предлагалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне занимались вслѣдствіе малоземелья промыслами, платить оброкъ, значительно превышающій повинности, указанныя инвентаремъ, предоставить помѣщику опредѣлить въ условіи по соглашенію съ крестьянами единовременное, въ свою пользу, денежное вознагражденіе, доходящее до размѣровъ банковыхъ ссудъ въ данной мѣстности, т. е. по 45—60 руб. съ души, такъ, чтобы проценты съ этого капитала могли по возможности пополнить разность между доходомъ по извѣ-

тарю и получаемымъ до измѣненія быта крестьянъ. На уплату такого единовременнаго выкупа помѣщикамъ крестьяне должны были нуждаться во вспомоществованіи изъ правительственныхъ кредитныхъ учрежденій. По этому поводу Тучковъ составилъ особую записку, въ которой замѣчаетъ, что, при среднемъ размѣрѣ добавочнаго выкупа за малоземельныхъ крестьянъ по 50 руб. за душу, они должны будутъ ежегодно платить процентовъ по 3 руб. съ каждой ревизской души, что при недостаточномъ количествѣ земли и при стѣсненіи прочихъ повинностей на бывшаго владѣльца было бы для нихъ отяготительно. Вмѣсто того Тучковъ предложилъ, чтобы правительство выпустило особыя ассигнаціи или билеты на сумму, необходимую для уплаты помѣщикамъ за увольненіе малоземельныхъ крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы эти билеты принимались въ платежи какъ казенные, такъ и частные, а также и въ кредитныя учрежденія наравнѣ съ ассигнаціями или депозитными билетами. Для погашенія выпущенныхъ билетовъ должно обложить крестьянъ, ими воспользовавшихся, платежемъ по 1% въ годъ, что составитъ отъ 50 до 75 к. сер. съ ревизской души, и вносить собираемыя такимъ образомъ деньги въ кредитныя учрежденія для приращенія по 4%, съ тѣмъ, чтобы онѣ оставались неприкосновенными въ теченіе 37 лѣтъ: въ этотъ срокъ ими будетъ погашенъ весь предполагаемый выпускъ билетовъ, а если, какъ это дѣлается относительно капиталовъ, вносимыхъ приказами общественнаго призрѣнія, не будетъ удерживаться съ нихъ 1% въ пользу кредитныхъ учрежденій, то погашеніе произойдетъ въ 26 лѣтъ. Билеты эти, замѣчаетъ Тучковъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ потерять своей цѣны, такъ какъ они будутъ обезпечены ежегоднымъ платежемъ съ увольняемыхъ хлѣбопашцевъ, который такъ невеликъ, что нельзя ожидать появленія недоимки. Нужно замѣтить только, что Тучковъ представлялъ себѣ всю эту операцію въ менѣе значительномъ размѣрѣ, чѣмъ какая, по всей вѣроятности, потребовалась бы въ дѣйствительности: онъ предполагалъ, что малоземельныхъ крестьянъ въ Россіи окажется лишь около 300 тыс. душъ и что, слѣдовательно, потребуется выпустить билетовъ всего на сумму около 15 мил. руб. сер. Мы отмѣчаемъ проектъ этой частной кредитной операціи, такъ какъ вмѣстѣ съ другими подобными онъ подготовлялъ мысль о выкупной операціи, совершавшейся въ неизмѣримо болѣе широкихъ размѣрахъ на основаніи положенія 19 февраля 1861 года.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще справедливое указаніе гр. Строганова на одну невыгодную сторону будущаго устройства быта крестьянъ по проекту гр. Киселева. „Они лишатся права на безвозмездное пользованіе лѣсами, коими теперь по дозволенію помѣщиковъ пользуются, — говоритъ гр. Строгановъ, — а также потеряютъ ближайшее, такъ сказать, родственное попеченіе о нихъ владѣльца, который весьма часто изъ своихъ средствъ платитъ за нихъ подати и въ годину несчастія, при неурожаѣ, употребляетъ на продовольствіе крестьянъ собственное состояніе". Однихъ этихъ выгодъ для помѣщика отъ новаго устройства быта крестьянъ, замѣтимъ отъ себя, было достаточно, чтобы не претендовать на выкупъ за личную свободу крестьянъ, который впослѣдствіи и былъ отвергнутъ императоромъ Александромъ II.

Въ теченіе января мѣсяца 1841 г. многіе члены комитета заняты были составленіемъ замѣчаній на проектъ Киселева, который, въ свою очередь, заготовилъ отвѣтъ на каждое изъ мнѣній своихъ товарищей. Затѣмъ 25 февраля 1841 г., председатель секретнаго комитета кн. Васильчиковъ объявилъ его членамъ слѣдующее повелѣніе государя императора: такъ какъ возложенныя на комитетъ занятія „проистекаютъ изъ существа указа

1803 г., предоставляющаго помѣщикамъ увольнять крестьянъ своихъ съ землею или безъ земли по собственному своему желанію, то Его Величество какъ прежде не имѣлъ, такъ и нынѣ не изволитъ имѣть намѣренія дать когда-либо предлагаемому дополненію указа 1803 г. силу обязательнаго закона, а потому Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобы собственное желаніе помѣщиковъ ва увольненіе крестьянъ было принято главнымъ основаніемъ означеннаго дополненія". Въ этомъ распоряженіи не было, собственно говоря, ничего противорѣчащаго проекту Киселева: и онъ не предлагалъ обязывать помѣщиковъ измѣнять быт своихъ крестьянъ на основаніи закона, который предстояло издать. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это повелѣніе государя, по своему общему смыслу, могло подкрѣпить мнѣнія членовъ комитета, возставшихъ противъ установленія какихъ бы то ни было обязательныхъ нормъ повинностей при обращеніи крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные.

Вслѣдъ затѣмъ секретный комитетъ сталъ дѣятельно заниматься обсужденіемъ проекта Киселева и установленіемъ правилъ по тѣмъ вопросамъ, которые имъ возбуждались. Въ засѣданіи 28 февраля 1841 г. „послѣ продолжительныхъ разсужденій" были „единогласно" постановлены правила: о надѣлѣ обязанныхъ крестьянъ землею, о повинностяхъ ихъ въ пользу помѣщика и объ обезпеченіи ихъ исправнаго исполненія, и наконецъ, о переходѣ обязанныхъ крестьянъ въ другое состояніе или на другія земли. Въ слѣдующее засѣданіе, 7 марта, комитетъ продолжалъ разсмотрѣніе проекта и „согласно съ онымъ" постановилъ правила о правахъ обязанныхъ поселянъ и помѣщиковъ. Наконецъ, въ засѣданіи 14 марта были приняты правила объ управленіи въ селеніяхъ обязанныхъ крестьянъ и порядкѣ составленія условій. Такъ какъ основные взгляды кн. Меншикова не нашли сочувствія въ комитетѣ, то 23 марта онъ попытался повліять на него новою запискою, составленною въ томъ же направленіи, какъ и первая. По его словамъ, разсужденія въ комитетѣ не могли поколебать въ немъ убѣжденія, что можно считать справедливымъ только одинъ способъ освобожденія крестьянъ—по образцу нашихъ остзейскихъ губерній, т. е. чтобы крестьяне получили личную свободу, а земля оставалась полною собственностью помѣщика; для обезпеченія же осѣдлости обывателей, сроки условій, по которымъ угодья будутъ отдаваться въ пользованіе крестьянъ, должны быть „долговременные". Онъ полагалъ, будто бродяжничество крестьянъ можно предотвратить, обязавъ помѣщиковъ заключать съ крестьянами условія на различные сроки: отъ 6 до 25 лѣтъ, а послѣдующія условія всѣ на 25 лѣтъ; затѣмъ онъ утверждалъ, что переселенія народа съ сѣвера на югъ бояться нечего: напротивъ, это даже желательно. Меншиковъ по прежнему, протестовалъ противъ передачи земель цѣлымъ обществамъ, такъ какъ это будто бы ведетъ къ отчужденію дворянскихъ недвижимыхъ имѣній и даже къ зависимости помѣ-

щиковъ отъ крестьянскихъ обществъ": кромѣ того, онъ выражалъ опасенія относительно послѣдствій, „можетъ быть, и не близкихъ, *сего муниципальнаго начала*, коего страшились и другія государства". „Не отъ отдѣльно обязанныхъ обывателей опасаться должно неповиновенія, —продолжаетъ Меншиковъ, но отъ общинъ, которымъ дается политическое бытіе, огражденное матеріальными силами люднаго соединенія, способнаго къ сопротивленію и, слѣдовательно, къ неповиновенію. Отъ неповиновенія же недалекъ переходъ къ явному мятежу". По его словамъ, ему „неизвѣстно, чтобы гдѣ-либо допущены были условія съ общинами низшаго класса народа... Для упроченія власти правительства и общественнаго спокойствія не соединять, а разобщать должно силы матеріальныя: *divide et impera*". Поэтому кн. Меншиковъ полагалъ, что „круговая порука общинъ можетъ быть допущена только временно и для тѣхъ имѣній, гдѣ другое управленіе сначала окажется невозможнымъ", но что тѣмъ помѣщикамъ, которые могутъ отдавать земли „въ подворное оброчное содержаніе" (т.-е. въ аренду отдѣльнымъ дворамъ), отнюдь не должно этого запрещать, внося, если это окажется удобнымъ, частныя условія въ одинъ общій контрактъ. Кн. Меншиковъ настаиваетъ на томъ, что если его основная мысль объ освобожденіи крестьянъ не будетъ принята, то „для отвращенія послѣдствій общинныхъ началъ необходимо, по крайней мѣрѣ, предоставить помѣщику право подворной нарѣзки земли", съ тѣмъ, чтобы крестьянъ, неплатящихъ оброка, неисполняющихъ повинностей и доводящихъ свои участки до совершеннаго упадка, можно было, какъ и въ Богеміи, выселять по приговору суда, а земельные надѣлы возвращать помѣщику. Въ заключеніе Меншиковъ говоритъ, что его предположенія клонятся къ тому, чтобы „ввести личную свободу въ крестьянскомъ состояніи и сохранить собственность дворянскую, по крайней мѣрѣ, наровнѣ съ дворянствомъ завоеванныхъ областей" [1]).

Киселеву не трудно было опровергнуть эти разсужденія. Онъ справедливо объяснилъ, что опасеніе бродяжничества относится не къ крестьянамъ-хозяевамъ и что нужно опасаться не переселенія народа съ сѣвера на югъ, а „безпрестаннаго движенія безземельныхъ бобылей, которые, не имѣя способовъ сдѣлаться хозяевами, должны будутъ скитаться изъ одного мѣста въ другое": разновременные сроки контрактовъ нисколько не устраняютъ этой опасности. По поводу вздорныхъ разсужденій объ опасности „муниципальнаго начала", заключающагося въ общинахъ, Киселеву также не трудно было показать, что „въ учрежденіи сельскихъ обществъ нѣтъ ничего новаго", что въ царствованіе Ивана Грознаго сельскому общественному управленію предоставленъ былъ даже разборъ уго

[1]) Эта записка кн. Меншикова напечатана въ приложеніи къ труду *Ва[illegible] -Д[illegible]сятовскаго* т. IV. 205—207.

ловныхъ дѣлъ съ правомъ казнить разбойниковъ смертію, что, наконецъ, при Павлѣ I явилось учрежденіе волостнаго управленія, въ которомъ сосредоточились власти полицейская, хозяйственная и судебная, и которое продолжаетъ существовать въ казенномъ и удѣльномъ вѣдомствахъ: слѣдовательно, правительство видѣло не опасность въ „общинномъ началѣ", а „пользу и увѣренность въ сохраненіи порядка и спокойствія. И дѣйствительно, - продолжаетъ Киселевъ,—нѣтъ ни одного историческаго факта чтобы сельскія общественныя учрежденія когда-либо произвели внутреннія неустройства". Они не оказали сопротивленія даже и тогда, когда „дворянство въ малолѣтство царей Іоанна и Петра Алексѣевичей предприняло... косвенныя мѣры къ личному укрѣпленію свободныхъ обывателей". Видѣть какую либо опасность въ сельскихъ обществахъ обязанныхъ крестьянъ нельзя уже потому, что вся власть остается въ рукахъ помѣщика, „который управляетъ имѣніемъ какъ владѣлецъ земли и какъ органъ правительства, въ административномъ отношеніи имѣя право суда и расправы". Основная мысль въ запискѣ Меншикова состоитъ, по словамъ Киселева, въ томъ, чтобы, сохранивъ за помѣщиками „всѣ матеріальныя выгоды, удовольствовать крестьянъ неограниченною личною свободой": по мнѣнію же Киселева, выгоды какъ дворянства, такъ и крестьянъ должны быть подчинены интересамъ государства, для котораго обращеніе населенія въ бродячее состояніе не можетъ не представлять большой опасности. „Возразятъ,—продолжаетъ онъ, что правительство имѣетъ силу обуздать безпорядки, но есть ли польза и необходимость составлять положенія, которыя должно поддерживать вооруженною силою?"

Кн. Меншиковъ, все-таки не успокоился и въ новой запискѣ 12 апрѣля 1841 г. настаивалъ на примѣненіи къ русскимъ крестьянамъ эстляндскаго способа освобожденія. Появленіе людей совершенно безземельныхъ его нисколько не пугаетъ. „Неравенство владѣнія,—разсуждаетъ онъ, есть коренное начало всѣхъ обществъ, отъ котораго проистекаютъ ремесла, фабрики, мореходство художества и науки. Вся масса народа не можетъ составлять хлѣбопашцевъ, и для самаго совершенствованія хлѣбопашества нужны большіе участки и капиталы, слѣдовательно, нужны зажиточные крестьяне, фермеры и работники". [1]) Лендлордскіе взгляды едва ли не впервые съ такою откровенностію высказывались въ русскихъ правительственныхъ сферахъ.

Записка Меншикова не встрѣтила одобренія комитета, который нашелъ, что такъ какъ на основаніи высочайшей воли его занятія должны ограничиваться составленіемъ дополнительныхъ правилъ къ указу 1803 года, то онъ „не можетъ входить ни въ какія разсужденія относительно

[1]) Это мнѣніе кн. Меншикова также напечатано въ приложеніи къ труду *Заблоцкаго-Десятовскаго*. IV, стр. 207—209

предоставленія помѣщичьимъ крестьянамъ свободы" и потому остался при прежнемъ своемъ мнѣніи, опредѣливъ изъ всѣхъ постановленій его, сдѣланныхъ въ различныхъ засѣданіяхъ, составить общій проектъ положенія объ обязанныхъ крестьянахъ.

Между тѣмъ, кн. Меншиковъ, все-таки, не отступалъ отъ своего мнѣнія, несмотря на несочувствіе къ нему комитета, и продолжалъ энергически его защищать. Въ новой запискѣ 10 мая 1841 г., попрежнему, усиленно восхваляя крестьянскую реформу въ Эстляндіи, онъ говоритъ, что „и въ видахъ комитета" нужно было бы принять, по крайней мѣрѣ, слѣдующія начала: 1) увольнять крестьянъ *общинами*, надѣляемыя земли считать въ завѣдываніи и управленіи *общинною*, но пользованіе участками считать за каждымъ крестьянскимъ дворомъ *отдѣльно*, а не за *общиной*, т. е. при нерадѣніи или развратномъ поведеніи пользователя, подлежащаго *по судебному приговору* удаленію, считать участокъ его принадлежащимъ *помѣщику*, *а не общинѣ* (хотя справедливѣе было бы дозволить помѣщику и подворное надѣленіе); 2) дозволить отводить надѣлъ по условіямъ на извѣстное число лѣтъ по обоюдному соглашенію. Наконецъ, на тотъ случай, если комитетъ, все таки, останется при прежнемъ своемъ мнѣніи о надѣленіи крестьянъ землею, Меншиковъ предлагалъ постановить, что надѣлъ можетъ быть двухъ родовъ: „нормальный или непремѣнный" и „обоюдно-произвольный". Первый долженъ равняться $^1/_2$ десятины на каждую ревизскую душу, включая въ это количество и усадьбу, а второй все, что свыше этого. За пользованіе нормальнымъ надѣломъ крестьянинъ долженъ работать на помѣщика или платить ему оброкъ „въ такой мѣрѣ, которая соотвѣтствуетъ стоимости" полученнаго надѣла (причемъ нормальная мѣра повинностей опредѣляется рабочими днями, а замѣна ихъ деньгами, произведеніями натурою и работою на фабрикахъ зависитъ отъ соглашенія помѣщиковъ и крестьянъ); за землю же, которою крестьянинъ пользуется по надѣлу „обоюдно-произвольному", онъ платитъ оброкъ или исполняетъ повинности по соглашенію съ помѣщикомъ „также обоюдно-произвольному", наконецъ, въ имѣніяхъ промысловыхъ, гдѣ главнѣйшій доходъ зависитъ не отъ количества пахотной или сѣнокосной земли, мѣра повинностей даже и за полудесятинный надѣлъ должна зависѣть отъ добровольнаго соглашенія помѣщика и крестьянъ. Такимъ образомъ, Меншикову во что бы то ни стало хотѣлось уменьшить до возможнаго minimum'а вмѣшательство государства при заключеніи условій между помѣщиками и крестьянами; какъ истинный лендлордъ, онъ хорошо понималъ, что такое вмѣшательство можетъ быть только въ пользу болѣе слабой изъ сторонъ.

Киселевъ и на этотъ разъ не оставитъ безъ возраженія разсужденія Меншикова и, между прочимъ, замѣтилъ, что толковать по поводу со-

ставляемаго комитетомъ проекта „о нарушеніи правъ дворянской собственности, о зависимости дворянъ отъ крестьянскихъ обществъ и т. п.“ уже потому не приходится, что этотъ проектъ „не есть мѣра обязательная“ и что отъ воли помѣщиковъ будетъ зависѣть принять или не принять предлагаемый способъ устройства ихъ имѣній.

Комитетъ, въ засѣданіяхъ 10 и 16 мая 1841 г., одобрилъ объясненіе Киселева, но кн. Меншиковъ остался при особомъ мнѣніи и просилъ производителя дѣлъ комитета, Ханыкова, такимъ образомъ формулировать во всеподданнѣйшемъ докладѣ его взглядъ на крестьянскій вопросъ: „единственный способъ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, который ему кажется удобнымъ и справедливымъ, есть надѣленіе крестьянъ землею по обоюднымъ условіямъ на продолжительные сроки и съ ограниченіями“, коихъ требуетъ „постепенность освобожденія, съ тѣмъ, чтобы по прошествіи сихъ сроковъ крестьяне имѣли право переходить на другія земли и чтобы помѣщику не воспрещалось условія заключать подворно, *принявъ общинное надѣленіе, какъ мѣру переходную*, тамъ, *гдѣ подворное окажется затруднительнымъ*, и устраняя во всякомъ случаѣ общинное надѣленіе помѣщичьихъ крестьянъ на вѣчныя времена“. Такимъ образомъ, кн. Меншиковъ, въ концѣ-концовъ, сдѣлалъ лишь одну уступку своимъ противникамъ: онъ допустилъ общинное владѣніе землею на извѣстное переходное время и то лишь тамъ, гдѣ немедленное введеніе подворнаго окажется слишкомъ труднымъ.

Къ 11 іюня 1841 г. проектъ указа и всеподданнѣйшая докладная записка были уже готовы. Изъ послѣдней видно, что комитетъ не смотрѣлъ на свой проектъ, какъ на трудъ, окончательно завершенный: онъ оговаривается, что сколько ни старался соединить въ немъ „удобства къ соглашенію взаимныхъ пользъ помѣщиковъ и крестьянъ, но разнообразное положеніе помѣщичьихъ имѣній на обширномъ пространствѣ государства можетъ представить такого рода особенности, которыхъ безъ предварительнаго опыта нельзя предвидѣть, тогда какъ при малѣйшемъ недостаткѣ въ законѣ помѣщики могутъ встрѣтить затрудненія въ составленіи условій; а, между тѣмъ, крестьяне, не видя послѣдствій сего закона, могутъ быть вовлечены въ ложныя поплтія объ уклоненіи помѣщиковъ“. Чтобы предупредить это неудобство и какъ можно болѣе усовершенствовать свой проектъ, комитетъ считалъ необходимымъ до обнародованія его во всѣхъ подробностяхъ обратиться къ нѣкоторымъ предварительнымъ мѣрамъ, которыя дали бы возможность сдѣлать предполагаемыя правила болѣе согласными съ мѣстными потребностями и желаніями помѣщиковъ и крестьянъ. Съ этою цѣлью комитетъ предлагалъ ограничиться на первый разъ изданіемъ пояснительнаго къ закону о свободныхъ хлѣбопашцахъ указа, которымъ, сохранивъ за помѣщиками полное право вотчинной собственности на землю, предоставить имъ, не стѣсняясь закономъ 1803 г., за-

ключать со своими крестьянами условія, какія по взаимному соглашенію будутъ признаны обоюдно-выгодными; при этомъ въ указѣ помѣстить главныя статьи положенія объ обязанныхъ крестьянахъ, но не касаться подробностей, чтобы дать помѣщикамъ возможность установлять ихъ по своему усмотрѣнію. Такой указъ отвратитъ всякій поводъ къ ложнымъ толкамъ о видахъ правительства и, въ то же время, дастъ возможность получить нѣсколько заключенныхъ „благонамѣренными" помѣщиками договоровъ, послѣ чего сопоставивъ ихъ съ проектомъ новаго положенія, можно будетъ приступить къ исправленію и изданію его съ большею увѣренностью на успѣхъ. Въ то же время, секретный комитетъ ходатайствовалъ о продленіи его дѣйствій въ прежнемъ составѣ, съ тѣмъ, чтобы всѣ поступающія на основаніи новаго указа условія по разсмотрѣніи ихъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ вносились бы въ комитетъ для соображенія и извлеченія тѣхъ свѣдѣній, какія могутъ оказаться полезными при исправленіи проекта. Въ настоящее же время, до внесенія этого дѣла на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, онъ считалъ необходимымъ войти секретно въ сношеніе съ главнымъ начальствомъ кредитныхъ учрежденій для истребованія отъ него заключенія по вопросу о ссудѣ подъ залогъ земель, населенныхъ обязанными крестьянами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на усмотрѣніе государя былъ представленъ „проектъ главныхъ основаній положенія обязанныхъ крестьянъ". Считаемъ необходимымъ подробно съ нимъ познакомиться, такъ какъ онъ составляетъ результатъ болѣе чѣмъ двухлѣтней дѣятельности комитета и соглашенія нѣсколькихъ вліятельныхъ государственныхъ людей того времени.

Главнѣйшія положенія проекта состояли въ томъ, что помѣщикамъ предоставлялось заключать съ крестьянами по взаимному соглашенію условія, по которымъ крестьяне обязаны за пользованіе полученными въ надѣлъ земельными участками исполнять соразмѣрныя повинности, имѣя право въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ переходить на другія земли и въ другое состояніе; крестьяне, заключившіе съ помѣщиками такія условія назывались *обязанными*. Назначеніе имъ надѣла въ пользованіе предоставлялось добровольному согласію обѣихъ сторонъ. Такимъ образомъ, мысль Киселева объ опредѣленіи нормы надѣла не была принята комитетомъ, но онъ отстоялъ существованіе общиннаго землевладѣнія [1]). Комитетъ, однако, опираясь на законъ Павла о трехдневной барщинѣ, хотѣлъ до нѣкоторой степени оградить крестьянъ отъ слиш-

---

[1]) „При назначеніи надѣла,—сказано было въ проектѣ,—опредѣляется въ заключенномъ съ крестьянами условіи и вотчинной описи (которая въ другой статьѣ названа „инвентаремъ") пропорція угодій для каждой ревизской души. Сообразно сей пропорціи отдѣляется слѣдующее на наличное количество душъ пространство угодій *въ распоряженіе цѣлаго мірскаго общества* обязанныхъ крестьянъ".

комъ обременительныхъ условій, и въ проектѣ было сказано, что „число рабочихъ дней въ пользу помѣщика должно быть опредѣлено въ такой мѣрѣ, чтобы цѣнность работы соотвѣтствовала пространству надѣла землею. Во всякомъ случаѣ надѣлъ приводится въ такую соразмѣрность чтобы повинности крестьянъ не превышали установленныхъ 3 хъ дней съ работника въ недѣлю. Мѣра дневной работы опредѣляется особымъ урочнымъ положеніемъ по различнымъ полосамъ и съ тѣми измѣненіями, какія по свойству почвы необходимы". Киселевъ въ своемъ проектѣ не допускалъ, чтобы получившіе свободу крестьяне обязались условіемъ работать на помѣщичьихъ фабрикахъ, и требовалъ, чтобы для этого употреблялись вольнонаемные: напротивъ, въ проектѣ комитета было сказано, что „въ первоначальныхъ актахъ увольненія помѣщикъ можетъ условиться съ крестьянами о поставкѣ въ замѣну рабочихъ дней соразмѣрнаго числа работниковъ для фабрикъ и заводовъ", и только сдѣлана была оговорка, что, если при самомъ увольненіи этого не было выговорено, то помѣщикъ не можетъ прямо замѣнить земледѣльческую работу фабричною, а „пріобрѣтаетъ рабочихъ для фабрикъ и заводовъ по особому условію". Взамѣнъ всѣхъ рабочихъ дней или части ихъ можетъ быть назначенъ оброкъ, причемъ стоимость рабочихъ дней опредѣляется на извѣстный срокъ или навсегда съ согласія крестьянъ деньгами или переводится на наиболѣе воздѣлываемый зерновый хлѣбъ (причемъ берутъ среднюю цѣну хлѣба за 12 лѣтъ и возобновляютъ такое назначеніе оброка чрезъ каждыя 12 лѣтъ). Въ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне занимаются промыслами, назначеніе оброка предоставлялось „взаимному соглашенію помѣщика и крестьянъ, съ тѣмъ только, чтобы мѣра сего оброка соотвѣтствовала средствамъ крестьянъ и возможности за взносомъ оброка обезпечить продовольствіе семействъ, уплату податей и составленіе запасовъ". слѣдовательно, такой оброкъ могъ оказаться и значительно выше стоимости трехдневной барщины. Исполненіе повинностей крестьянъ обезпечивается круговою порукою всего сельскаго общества; если же они окажутся несостоятельными, то „обращаются въ имѣніяхъ земледѣльческихъ на запашку подъ надзоромъ помѣщика, а въ имѣніяхъ промысловыхъ на заработки" до тѣхъ поръ, пока не будетъ выручена вся сумма, слѣдующая землевладѣльцу. Въ числѣ правъ обязанныхъ крестьянъ указано, что они пользуются правомъ общественнаго самоуправленія, могутъ вступать въ бракъ по своему усмотрѣнію, „во всѣхъ дѣлахъ спорныхъ или въ притязаніяхъ могутъ приносить жалобы въ общія судебныя мѣста". не могутъ быть высланы помѣщикомъ съ земель, отданныхъ имъ въ пользованіе пока исправно исполняютъ свои повинности, могутъ пріобрѣтать движимую и недвижимую собственность, за исключеніемъ населенныхъ земель и домовъ въ столицахъ (дома и другія усадебныя строенія въ селеніяхъ составляютъ также ихъ собственность), могутъ входить въ обязательства на основаніи общихъ граждан-

скихъ законовъ, заниматься торговлею и промыслами, учреждать фабрики и заводы. Рекрутскую и другія государственныя повинности они исполняютъ на общемъ основаніи съ государственными крестьянами, съ которыми также уравниваются относительно обезпеченія продовольствія и пособій въ случаѣ пожара. Для перехода обязанныхъ крестьянъ въ другое состояніе и на другія земли установлены слѣдующія правила: если они обязались работать на помѣщика или платить оброкъ, въ такомъ случаѣ желающій переселиться долженъ получить согласіе помѣщика и сельскаго общества причемъ послѣднее обязывается принять остающійся послѣ переселенца участокъ и исполнять слѣдующія за него повинности; если же общество на это не согласится, то переселяющійся можетъ перейти съ дозволенія одного помѣщика, если только на немъ нѣтъ недоимокъ и онъ не состоитъ на рекрутской очереди: въ этомъ случаѣ его земля переходитъ въ непосредственное распоряженіе помѣщика и общество освобождается отъ всякихъ за нее повинностей. Затѣмъ обязанные крестьяне могутъ перейти въ другое состояніе и на другія земли, заплативъ помѣщику опредѣленную по взаимнымъ условіямъ сумму и взявъ отъ сельскаго общества удостовѣреніе въ томъ что нѣтъ препятствій для перехода относительно исполненія государственныхъ повинностей. Слѣдовательно, въ томъ и другомъ случаѣ нужно получить, хотя бы и за деньги, согласіе помѣщика на переселеніе, но если народонаселеніе въ деревняхъ обязанныхъ крестьянъ настолько увеличится, что земли, опредѣленной въ ихъ пользованіе, будетъ недостаточно для полнаго надѣла на душу въ такомъ количествѣ, какое означено въ вотчинной описи (инвентарѣ), въ такомъ случаѣ послѣ каждой новой ревизіи все излишнее населеніе можетъ „безпрепятственно“, слѣдовательно, и безъ согласія помѣщика, переселиться на другія земли съ обычнымъ удостовѣреніемъ отъ общества относительно государственныхъ повинностей. Впрочемъ эти крестьяне, если пожелаютъ, могутъ войти въ соглашеніе съ помѣщикомъ относительно надѣленія ихъ свободною землею на особыхъ добровольныхъ условіяхъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ переселяющіеся крестьяне должны представить пріемный актъ или приговоръ того общества мѣщанъ или государственныхъ крестьянъ, къ которому они желаютъ приписаться, или согласіе помѣщика, на землю котораго они переселяются (согласіе это не требуется только при вступленіи въ купеческое сословіе).

Относительно правъ помѣщика въ проектѣ комитета, прежде всего, оговорено, что онъ „сохранитъ полное право вотчинной собственности на земли и угодья своей дачи, *въ томъ числѣ и на земли, предоставленныя въ надѣлъ обязанныхъ крестьянъ*“. Онъ можетъ закладывать, продавать и другимъ законнымъ образомъ отчуждать свою землю съ установленными условіями относительно обязанныхъ крестьянъ. Если имѣніе при увольненіи составляло одну вотчину и въ ней было одно хозяйство и

одно вотчинное управленіе, въ такомъ случаѣ оно переходитъ по наслѣдству въ полномъ составѣ безъ раздробленія къ одному старшему въ родѣ наслѣднику по нисходящей линіи (слѣдовательно, взгляды Киселева по этому поводу нашли сочувствіе въ комитетѣ, но слѣдуетъ замѣтить, что обращеніе всѣхъ имѣній, населенныхъ обязанными крестьянами въ майораты могло бы только задержать распространеніе новыхъ отношеній въ Россіи, гдѣ, какъ доказала полная неудача петровскаго закона о единонаслѣдіи, среди дворянства сильно укоренился обычай равнаго раздѣла имущества между дѣтьми).

Помѣщикъ, по проекту комитета, имѣетъ въ селеніяхъ обязанныхъ крестьянъ право суда и расправы. Кромѣ сельскаго схода, въ нихъ учреждается вотчинное управленіе изъ помѣщика или его управляющаго, бурмистра, по назначенію помѣщика, и двухъ старшинъ, по избранію сельскаго общества. Вотчинный начальникъ дѣлаетъ распоряженія не только по хозяйственной части на основаніи положенія объ обязанныхъ крестьянахъ и инвентаря, но также и относительно исполненія государственныхъ повинностей. „Первоначальный разборъ во взаимныхъ тяжбахъ и спорахъ, равно судъ и расправа въ маловажныхъ преступленіяхъ и проступкахъ крестьянъ, на основаніи сельскаго судебнаго устава, предоставляется вотчинному начальнику, и отъ него зависитъ наказаніе виновныхъ въ размѣрѣ, для сельской расправы опредѣленномъ. Наказанія сіи производятся старостами по письменнымъ всякій разъ предписаніямъ помѣщика". Въ важнѣйшихъ случаяхъ, т.-е. за явное непослушаніе и другія „вредныя дѣйствія" крестьянина, помѣщикъ въ правѣ отослать его къ суду, но если бы обязанный крестьянинъ не могъ быть терпимъ на мѣстѣ жительства вслѣдствіе развратнаго поведенія и совершеннаго нерадѣнія къ исполненію своихъ обязанностей, то помѣщику или сельскому обществу дозволялось просить объ отдачѣ его въ рекруты или выселеніи въ отдаленныя губерніи, съ тѣмъ, чтобы объ этомъ былъ предварительно составленъ приговоръ, подтвержденный въ присутствіи членовъ земскаго суда присягою 24 домохозяевъ, или, иначе, помѣщикъ можетъ просить судебное мѣсто объ удаленіи такого крестьянина, и просьба исполняется, если на повальномъ обыскѣ подтвердится нерадѣніе и развратное поведеніе крестьянина. Для огражденія крестьянъ отъ злоупотребленій со стороны помѣщика было постановлено, что „противузаконныя дѣйствія по управленію и злоупотребленія судебной власти подлежатъ сужденію и взысканію на основаніи общихъ законовъ" Условія крестьянъ съ помѣщиками предполагалось разсматривать въ губернскихъ коммиссіяхъ [1]), а

[1]) Состоящихъ подъ предсѣдательствомъ губернатора изъ губернскаго предводителя дворянства, предсѣдателя казенной палаты, управляющаго палатою государственныхъ имуществъ, губернскаго прокурора и двухъ опытныхъ помощниковъ, избранныхъ начальникомъ губерніи изъ кандидатовъ, представленныхъ предводителемъ дворянства.

оттуда они препровождались въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Утвержденіе должно производиться въ порядкѣ, установленномъ для свободныхъ хлѣбопашцевъ на основаніи особой инструкціи

Государь ознакомился съ изложеннымъ проектомъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1841 г. и уже готовъ былъ его утвердить, но такъ какъ при разсмотрѣніи этого дѣла не участвовали нѣкоторые министры и особенно министръ финансовъ, то онъ повелѣлъ отложить его до возвращенія уѣзжавшаго изъ Петербурга предсѣдателя секретнаго комитета кн. П. В. Васильчикова, съ тѣмъ, чтобы тогда проектъ былъ разсмотрѣнъ въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и экономіи государственнаго совѣта при участіи соотвѣтственныхъ министровъ или съ приглашеніемъ ихъ въ секретный комитетъ. „Доводя объ этомъ до свѣдѣнія кн. Васильчикова," Киселевъ писалъ ему, что, кромѣ того, государю угодно, чтобы „при окончательномъ обсужденіи сего предмета предложенъ былъ къ разсмотрѣнію одинъ токмо проектъ указа съ краткимъ объясненіемъ содержащихся въ оном статей, не касаясь подробностей, изложенныхъ въ запискѣ" [1]. Вслѣдъ затѣмъ, согласно съ предложеніемъ секретнаго комитета былъ возбужденъ вопросъ о правилахъ выдачи ссудъ подъ залогъ имѣній, населенныхъ обязанными крестьянами, который и обсуждался въ секретномъ комитетѣ по дѣламъ кредитныхъ установленій. Наконецъ, въ комитетѣ, состоявшемъ подъ предсѣдательствомъ князя Васильчикова, былъ окончательно составленъ проектъ указа объ обязанныхъ крестьянахъ и затѣмъ внесенъ въ государственный совѣтъ, гдѣ разсматривался 15 марта 1842 года въ засѣданіи соединенныхъ департаментовъ законовъ и государственной экономіи. Здѣсь противникомъ проекта, съ консервативной точки зрѣнія, явился одинъ только гр. Гурьевъ, а возражали ему въ защиту проекта гр. Левашовъ, Блудовъ, Лавинскій, гр. Палешъ и Тучковъ. Они считали его особенно необходимымъ потому, что до того времени помѣщикъ „не могъ предоставить свободы крестьянамъ цѣлаго селенія иначе, какъ съ отдачею имъ въ вотчинное владѣніе и земли, родоваго наслѣдія предковъ своихъ" (причемъ они упускали изъ виду, что по закону о свободныхъ хлѣбопашцахъ помѣщикъ вовсе не былъ обязанъ отдавать крестьянамъ всю свою землю) и что будто бы вслѣдствіе этого законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ имѣлъ мало результатовъ (законъ объ обязанныхъ крестьянахъ, какъ увидимъ ниже, оказался гораздо безплоднѣе). Кромѣ того, вопреки мнѣнію гр Гурьева, который ссылался на одну статью свода законовъ, уже достаточно ясно выражающую принадлежность земли

---

[1] На проектѣ указа и главныхъ положеній объ обязанныхъ крестьянахъ уже написано было рукою государя „исполнить", но затѣмъ сдѣлана приписка: „оставлено безъ исполненія по особо данному словесному высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе котораго состоялся по сему дѣлу высочайшій указъ 2 апрѣля 1842 года".

помѣщикамъ [1]), по словамъ пяти членовъ государственнаго совѣта, „особое подтвержденіе, что земля принадлежитъ не водворенным на ней крестьянамъ, а помѣщикамъ, не только полезно, но для полнаго искорененія возникшей... въ умѣ поселять ложной мысли, будто бы обрабатываемые ими участки земли принадлежатъ имъ въ вотчинное владѣніе, рѣшительно необходимо: мысль сія съ подтвержденіемъ нынѣ всенародно въ высочайшемъ собственноручно государемъ подписанномъ указѣ, что земля есть *неприкосновенное достояніе* помѣщиковъ, конечно исчезнетъ". Само собою разумѣется, что это ожиданіе совершенно не оправдалось. Наконецъ, одинъ членъ государственнаго совѣта (бар. Ганъ), высказавшись вообще за проектъ указа, требовалъ только, чтобы съ помѣщиковъ не слагалась отвѣтственность за исправный взносъ обязанными крестьянами податей и обезпеченіе продовольствія, опасаясь въ противномъ случаѣ увеличенія недоимокъ и „безчисленныхъ заботъ для правительства въ случаѣ неурожаевъ [2]).

Когда дѣло поступило въ общее собраніе государственнаго совѣта, сдѣлалось извѣстнымъ, что государь изъявилъ желаніе присутствовать въ его засѣданіи. Наканунѣ этого засѣданія кн. Васильчиковъ нашелъ нужнымъ обратиться къ государю съ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: „И глубоко убѣжденъ въ благѣ, которое послѣдуетъ отъ присутствія Вашего Величества въ совѣтѣ, если прения будутъ свободны и продолжительны, потому что въ этомъ увидятъ только желаніе Ваше выяснить вопросъ, до такой степени важный; въ противномъ случаѣ не преминутъ сказать, что Вы явились въ засѣданіе только для того, чтобы погасить прения. Я опасаюсь, что въ настоящемъ случаѣ благое впечатлѣніе, долженствующее неминуемо произойти при заявленіи, которое Ваше Величество предполагаете сдѣлать, что въ Ваши принципы не входитъ освободить крестьянъ обязательнымъ для всѣхъ закономъ, что это впечатлѣніе будетъ потеряно: а, между тѣмъ, только это заявленіе можетъ успокоить умы тѣхъ, которые полагаютъ, что это ничто иное, какъ первый шагъ, и что Вы намѣреваетесь вести дѣло далѣе".

Засѣданіе общаго собранія государственнаго совѣта по дѣлу объ обязанныхъ крестьянахъ состоялось 30 марта 1842 г. и въ немъ государь произнесъ рѣчь. „Нѣтъ сомнѣнія, что крѣпостное право,—сказалъ онъ,—въ нынѣшнемъ его у насъ положеніи, есть зло для всѣхъ ощутительное и очевидное; но прикасаться къ оному теперь было бы зломъ конечно,

---

[1]) „Земля, состоящая подъ строеніями помѣщичьими, такъ какъ и тѣ самыя крестьянскія, на сихъ земляхъ построенныя, принадлежатъ помѣщику" (Свод законовъ, т. IX, изд. 1833 г., статья 664).

[2]) Журналъ засѣданія соединенныхъ департаментовъ госуд. совѣта, 15 марта, напечатанъ въ приложеніи къ книгѣ *Зайончковскаго*, IV, 209—215.

еще болѣе плѣнительнымъ. Императоръ Александръ I, въ царствованіи коего въ началѣ его царствованія было даровать свободу крѣпостнымъ людямъ, впослѣдствіи самъ отклонился отъ сей мысли какъ еще совершенно преждевременной и невозможной въ исполненіи. Я также никогда на сіе не рѣшусь: если время, когда можно будетъ къ тому приступить, вообще еще весьма далеко, то въ настоящую эпоху всякій помыселъ о семъ былъ бы лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства. Пугачевскій бунтъ доказалъ, до чего можетъ достигнуть буйство черни. Позднѣйшія событія и попытки сего рода досель всегда были счастливо прекращаемы, что, конечно, и впредь точно также будетъ предметомъ особеннаго и съ помощію Божіею успѣшной заботливости правительства. Но нельзя скрывать отъ себя, что нынѣ мысли уже не тѣ какія бывали прежде, и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что теперешнее положеніе не можетъ продолжаться *вѣчно*". Одною изъ причинъ часто повторяющихся въ послѣднее время безпокойствъ, государь считалъ то, „что нѣкоторые помѣщики, хотя, благодаря Богу, самое меньшее ихъ число, забывая благородный долгъ, употребляютъ во зло свою власть, а къ пресѣченію сихъ злоупотребленій дворянскіе предводители... не находятъ средствъ въ законѣ, ничѣмъ почти не ограничивающемъ помѣщичьей власти. Но если настоящее положеніе, — сказалъ государь, — таково, что не можетъ продолжаться, а рѣшительныя къ прекращенію онаго мѣры безъ общаго потрясенія не возможны, то необходимо, по крайности, приготовить средства для постепеннаго перехода къ иному порядку вещей и, не устрашаясь передъ всякою перемѣной, хладнокровно обсудить ея пользу и послѣдствія. Не должно давать вольности, но должно открыть путь къ другому, переходному состоянію, связавъ съ нимъ ненарушимое право вотчинной собственности на землю. Я почитаю сіе священною своею обязанностью и обязанностью преемниковъ своихъ на престолѣ, а средства къ тому вполнѣ представляются въ предложенномъ вамъ государственному совѣту проектѣ указа". Будучи только развитіемъ существующаго уже закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, онъ „устраняетъ, однако же, вредное начало помянутаго закона — отчужденіе отъ помѣщиковъ поземельной собственности, которую напротивъ столько по всему желательно видѣть навсегда неприкосновенною въ рукахъ дворянства, мысль отъ коей я никогда не отступлю". Новый законъ „даетъ каждому благонамѣренному владѣльцу средства улучшить положеніе его крестьянъ и, отнюдь не налагая сего по принужденію или стѣсненіемъ правъ собственности, предоставляетъ *все единственно доброй его волѣ и личнымъ собственнымъ его видамъ*. Съ другой стороны, оставляя крестьянъ крѣпкими той землѣ, на коей они записаны, проектъ избѣгаетъ неудобствъ тѣхъ положеній, которыя досель дѣйствовали въ остзейскихъ губерніяхъ, — положеній, доведшихъ крестьянъ до

самаго жалкаго состоянія обратившихъ ихъ въ батраковъ и побудившихъ нынѣ тамошнее дворянство единодушно просить именно того же, что теперь здѣсь предполагается... Въ огражденіе интереса помѣщиковъ ставится добрая ихъ воля и собственная заботливость, а интересъ крестьянъ будетъ ограждаться разсмотрѣніемъ проектовъ условій не только мѣстными властями, но и высшимъ правительствомъ съ утвержденія власти самодержавной. Идти теперь далѣе и обнять впередъ прочія, можетъ статься весьма обширныя, развитія сихъ главныхъ началъ невозможно... Невозможно ожидать, чтобы дѣло сіе принялось вдругъ и повсемѣстно. Это не соотвѣтствовало бы даже и видамъ правительства... Въ законѣ должны быть одни главныя начала; частности разрѣшатся при частныхъ случаяхъ и совокупный сводъ всѣхъ случаевъ впослѣдствіи будетъ основою цѣлаго, положительнаго уже законодательства". Затѣмъ государь пригласилъ членовъ совѣта откровенно высказать свои мысли, напомнивъ только, что все это должно быть хранимо въ глубочайшей тайнѣ: такъ какъ, напротивъ того, дѣло это уже возбудило преувеличенную молву, источникъ которой заключается „въ неумѣстныхъ разглашеніяхъ" со стороны лицъ, обязанныхъ хранить государственную тайну, то виновные въ этомъ впредь, сказалъ государь, „будутъ судимы по строгости законовъ, какъ за преступленіе государственное". Всего важнѣе въ этой рѣчи было рѣшительное осужденіе обезземеленія крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ, а, во-вторыхъ, заявленіе, что настоящій законъ есть только первый шагъ на пути ограниченія крѣпостнаго права, воспользовавшись тѣми договорами, которые будутъ заключены на основаніи этого указа, и подробною разработкою въ нихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, государь предполагалъ издать впослѣдствіи обстоятельный законъ, который, какъ надо полагать на основаніи его упоминанія о *положительномъ* законодательствѣ, онъ предполагалъ уже сдѣлать обязательнымъ для помѣщиковъ.

Послѣ того проектъ указа подвергся обсужденію въ государственномъ совѣтѣ: противъ него говорили гр. П. В. Голенищевъ-Кутузовъ, гр. Гурьевъ и кн. Волконскій. Кн. Д. В. Голицынъ сдѣлалъ замѣчаніе, что если оставить договоры на волю владѣльцевъ, то едва ли они будутъ кѣмъ-либо заключаемы и потому лучше прямо ограничить власть помѣщиковъ инвентарями, взявъ въ основаніе указъ императора Павла объ ограниченіи работъ крестьянъ на помѣщика 3 днями въ недѣлю. Но государь въ отвѣтъ на это сказалъ: „Я, конечно, самодержавный и самовластный, но на такую мѣру никогда не рѣшусь, какъ не рѣшусь и на то, чтобы приказать помѣщикамъ заключать договоры: это должно быть дѣломъ доброй ихъ воли, и только опытъ укажетъ, въ какой степени можно будетъ перейти отъ добровольнаго къ обязательному". Гр. Киселевъ всталъ только однажды и коротко заявилъ, что согласился на заключенія комитета и теперь не говоритъ противъ нихъ единственно въ той надеждѣ, что это будетъ пре-

дословіемъ или вступленіемъ къ чему-нибудь лучшему и обширнѣйшему впослѣдствіи времени. Въ заключеніе для свѣдѣнія государственнаго совѣта былъ прочтенъ проектъ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, который предполагалось разослать ко всѣмъ начальникамъ губерній одновременно съ обнародованіемъ указа въ предупрежденіе всякихъ превратныхъ толковъ и безпокойствъ. Затѣмъ, вновь напомнивъ о сохраненіи тайны, государь поздравилъ членовъ государственнаго совѣта съ исполненіемъ „столь благого дѣла“ и затѣмъ закрылъ засѣданіе. Черезъ три дня послѣ того указъ объ обязанныхъ крестьянахъ былъ подписанъ [1]).

Въ указѣ 2 апрѣля 1842 г. проектъ секретнаго комитета принялъ еще болѣе скромный, еще болѣе безобидный для помѣщиковъ видъ. Послѣ упоминанія о законѣ, предоставляющемъ помѣщикамъ увольнять своихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы съ уступкою имъ въ собственность помѣщичьихъ земель за опредѣленное по взаимному условію вознагражденіе, въ указѣ было сказано: „Желая въ общихъ видахъ государственной пользы, чтобы при заключеніи таковыхъ условій принадлежащія помѣщикамъ земли, какъ вотчинная собственность дворянства, охранены были отъ отчужденія изъ владѣнія дворянскихъ родовъ, мы признали за благо... предоставить тѣмъ изъ помѣщиковъ, которые сами сего пожелаютъ, заключать съ крестьянами своими по взаимному соглашенію договоры на такомъ основаніи, чтобы, не стѣсняясь постановленіями о свободныхъ хлѣбопашцахъ, помѣщики сохраняли принадлежащее имъ полное право вотчинной собственности на землю, со всѣми ея угодьями и богатствами, какъ на поверхности, такъ и въ нѣдрахъ ея, а крестьяне получали отъ нихъ участки земли въ пользованіе за условленныя повинности“. Относительно этихъ повинностей въ указѣ было только сказано, что онѣ „могутъ быть опредѣлены въ договорахъ денежнымъ оброкомъ, произведеніями, обработываніемъ помѣщичьей земли или другою работою“. Такимъ образомъ, тутъ не было ограниченій натуральныхъ и денежныхъ повинностей, точно также какъ и работъ на фабрикахъ, которыя мы встрѣчаемъ въ подробномъ проектѣ секретнаго комитета: все сводилось на „добровольный“ договоръ между помѣщикомъ и его крѣпостными Далѣе въ указѣ оговорено, что рекрутская повинность въ селеніяхъ обязанныхъ крестьянъ исполняется по очередному порядку, установленному въ рекрутскомъ уставѣ, и, слѣдовательно, крестьяне были освобождены отъ произвола помѣщиковъ въ этомъ отношеніи; затѣмъ было сказано, что заботы о продовольствіи и вспомоществованіи на случай пожаровъ должны падать на собственныя средства обязанныхъ крестьянъ лишь подъ наблюденіемъ помѣщиковъ, которые, впрочемъ, и наблюденіе это могутъ передать правительству, упомянуто и о правахъ помѣщика на вотчинный судъ и рас-

[1]) *Заблоцкій-Десятовскій*, II, 253—259, IV, 209—215

праву и наблюденіе за сельскою полиціею. Наконецъ, было оговорено, что „помѣщики и обязанные крестьяне сохраняютъ заключенные между ними договоры навсегда непарушимо, имѣя, однако, право особыми частными условіями дѣлать измѣненія въ надѣлѣ землею и повинностяхъ на опредѣленные сроки съ обоюднаго согласія“ [1]).

Вотъ къ какому жалкому результату сведена была дѣятельность секретнаго комитета, работавшаго въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ, комитета, который, какъ предполагалось при его основаніи, долженъ былъ не только подробнѣе развить законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ и такимъ образомъ устранить препятствія, будто бы мѣшавшія помѣщикамъ соглашаться на измѣненіе быта крестьянъ, но и обсудить, какія мѣры всего удобнѣе „для составленія инвентарей во каждой губерніи“: предоставить ли это мѣстному дворянству, или начать съ однихъ казенныхъ крестьянъ. Наиболѣе заинтересованный въ успѣхѣ этого дѣла государственный дѣятель, гр. Киселевъ, принужденъ былъ утѣшать себя тѣмъ, что это только предисловіе, что быть можетъ въ руки правительства посыпятся многочисленныя и разнообразныя условія между помѣщиками и крестьянами, которыя, какъ надѣялся секретный комитетъ и самъ государь, дадутъ возможность выяснить это дѣло во всѣхъ подробностяхъ и перейдти къ „положительному законодательству“, но законъ 2 апрѣля 1842 г. оказался безсильнымъ вызвать какой нибудь замѣтный результатъ, и обнародованіе его, какъ увидимъ ниже, только блистательно доказало, что гордіевъ узелъ, завязывавшійся между помѣщиками и крестьянами въ теченіе столѣтій, нельзя развязать путемъ добровольныхъ соглашеній между обѣими заинтересованными сторонами, а нужно разрубить энергическими мѣрами правительства.

---

[1]) 2-е П. С. З. т. XVII, № 15462

ГЛАВА III.

Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ по поводу указа объ обязанныхъ крестьянахъ. — Толки и волненія среди крѣпостныхъ крестьянъ.—Мнѣнія, вызванныя новымъ закономъ въ обществѣ.—Отношеніе къ нему журналистики. Неизданныя записки по вопросу объ обязанныхъ крестьянахъ (неизвѣстнаго помѣщика, Левшина, Фонъ-Вилька).—Обращеніе крестьянъ Муромской вотчины гр. Воронцова въ обязанные.—Проектъ кн. Трубецкого. Договоръ съ крестьянами кн. Гагарина.—Обращеніе въ обязанные крестьяне кн. Витгенштейна и гр. Потоцкихъ. Замѣчанія современниковъ относительно указа 2 апрѣля 1842 г.

Указъ 2 апрѣля 1842 года ни мало не ограничивалъ помѣщичьей власти, такъ какъ вопреки первоначальнымъ намѣреніямъ правительства (при учрежденіи секретнаго комитета 1839 г.) объ установленіи инвентарей, предоставлялъ опредѣленіе повинностей крестьянъ свободному договору между ними и землевладѣльцами; несмотря на то, высшая администрація, все-таки, опасалась, чтобы, съ одной стороны, онъ не вызвалъ сильнаго неудовольствія дворянства, а съ другой—не послужилъ поводомъ къ волненіямъ среди крѣпостнаго населенія Россіи. Въ предупрежденіе всевозможныхъ неправильныхъ толкованій этой правительственной мѣры, министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ губернаторамъ циркуляръ, въ которомъ объяснялъ, что „настоящій указъ, не содержа въ себѣ существенно ничего новаго", есть только развитіе и дополненіе правилъ указа 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ относительно того рода условій, гдѣ крестьяне, оставаясь крѣпкими землѣ, обязываются исполнять извѣстныя повинности относительно ея владѣльца, причемъ заключеніе такихъ договоровъ совершенно зависитъ отъ воли и усмотрѣнія самихъ помѣщиковъ. „Единственная цѣль указа,—по объясненію министра внутреннихъ дѣлъ,—заключается въ томъ, чтобы, и при опредѣленіи повинностей крестьянскихъ по желанію помѣщиковъ" такими договорами,—„земли, на коихъ крестьяне водворены, оставались, попрежнему, полною вотчинною собственностію дворянства", отношеніе же къ помѣщикамъ тѣхъ крестьянъ, съ которыми не будетъ заключено договоровъ, нисколько не измѣняется. „За симъ,—продолжалъ министръ внутреннихъ дѣлъ,—

болѣе того, что выражено самыми *словами* указа, не должно въ немъ и *подразумѣваться* [1]); иначе если бы при изданіи онаго была въ виду еще другая какая-либо цѣль, то государь императоръ, располагая всегда открыто всѣми дѣйствіями своими на благо общее, не оставилъ бы и въ настоящемъ случаѣ огласить высочайшихъ своихъ предпамѣреній со всею прямотою, но какъ сего не сдѣлано, то и изыскивать въ указѣ или внушать другимъ какое-либо *иное* значеніе онаго было бы дѣйствіемъ законопреступнымъ и противнымъ точной высочайшей волѣ". Затѣмъ мѣстной администраціи предписывалось самымъ бдительнымъ образомъ наблюдать, чтобы по поводу настоящаго указа не происходило „никакихъ лживыхъ разглашеній насчетъ мнимаго освобожденія крестьянъ" и чтобы послѣдніе „оставались въ безпрекословномъ повиновеніи законной власти своихъ помѣщиковъ" [2]).

По желанію самого государя, правительство постаралось придать новому узаконенію возможную гласность. Не только самый указъ 2 апрѣля 1842 г., но и циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ былъ напечатанъ, кромѣ „Сенатскихъ Вѣдомостей", въ „С.-Петербургскихъ" и „Московскихъ", а также и въ губернскихъ вѣдомостяхъ; Н. И. Гречъ получилъ позволеніе перепечатать то и другое въ „Сѣверной Пчелѣ". Редакція „С.-Петербургскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей", по повелѣнію государя, тотъ нумеръ газеты, гдѣ были помѣщены указъ и циркуляръ министра, пустила даже въ розничную продажу. Мѣстами сами помѣщики старались истолковать крестьянамъ истинный смыслъ указа. Провинціальная администрація въ своемъ рвеніи придать всевозможную гласность новому закону мѣстами зашла даже гораздо далѣе, чѣмъ желало правительство [3]).

---

[1]) Курсивъ подлинника.

[2]) „Сборникъ циркуляровъ и инструкцій министерства внутреннихъ дѣлъ съ учрежденія министерства по 1853 г." Спб. 1855 г., т. III, 540.

[3]) Одинъ изъ помѣщиковъ владимірской губерніи, судогодскаго уѣзда, получилъ отъ сельскаго старосты своего имѣнія письмо съ извѣщеніемъ, что чиновникъ земскаго суда настоятельно требовалъ отъ него подписки въ слышаніи указа „о какомъ-то новомъ правленіи" надъ помѣщичьими крестьянами. Но староста и крестьяне отказались дать подписку на томъ основаніи, что безъ воли помѣщика они ничего сказать не могутъ, правленіемъ своихъ господъ чрезвычайно довольны и никакого новоустройства не желаютъ. Фактъ этотъ былъ доведенъ до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, и оказалось, что въ нѣсколькихъ уѣздахъ владимірской губерніи сельскіе пристава объявили указъ 2 апрѣля волостнымъ бурмистрамъ и старостамъ со съ подписками, но безъ нихъ впрочемъ, это, по увѣренію губернатора, никакого „ослушанія и превратныхъ толковъ" не вызвало. Въ тверской губерніи, въ старицкомъ уѣздѣ, указъ объ обязанныхъ крестьянахъ и циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ были также объявлены съ подписками не только помѣщикамъ, но и вотчиннымъ начальникамъ. Въ виду того, что послѣдніе большею частью назначались изъ крѣпостныхъ, отъ которыхъ „ни въ какомъ случаѣ не можетъ зависѣть заключеніе договоровъ съ крестьянами", и что это предоставленіе совершенно на волю самимъ помѣщикамъ, министръ внутреннихъ дѣлъ на-

Кромѣ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, напечатаннаго въ газетахъ, губернаторамъ былъ разосланъ еще другой, секретный циркуляръ, которымъ, сверхъ бдительнаго надзора за тѣмъ, чтобы не происходило никакихъ лживыхъ разглашеній насчетъ мнимаго освобожденія крестьянъ, предписывалось губернаторамъ „принять дѣятельныя мѣры къ *предупрежденію* означенныхъ ложныхъ разглашеній, дабы отвратить всякій поводъ со стороны помѣщичьихъ крестьянъ къ неповиновенію". Для достиженія этой цѣли они должны были „слѣдить за направленіемъ народныхъ толковъ, *находясь по сему предмету въ постоянномъ сношеніи съ жандармскимъ штабъ-офицеромъ*" [1]) ввѣренной имъ губерніи „и, учредивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, бдительное секретное наблюденіе за извѣстными въ губерніи вредными разглашателями. Къ сему считаю долгомъ присовокупить — продолжалъ министръ въ этомъ циркулярѣ губернаторамъ, — что если, противъ чаянія, окажутся безпорядки и впослѣдствіи обнаружится, что съ вашей стороны не было принято должныхъ мѣръ къ предупрежденію оныхъ, то сіе падетъ на личную вашу отвѣтственность". О всѣхъ случаяхъ и происшествіяхъ, заслуживающихъ въ этомъ отношеніи „особеннаго вниманія", министръ предписывалъ немедленно ему доносить.

При исполненіи этого циркуляра нѣкоторые мѣстные администраторы также обнаружили ревность не по разуму. Генералъ-губернаторъ смоленскій, виленскій и могилевскій, генералъ-адъютантъ Дьяковъ, вздумалъ было обратиться за содѣйствіемъ въ этомъ дѣлѣ къ епархіальному начальству. Имѣя въ виду, что крестьяне для разъясненія имъ смысла правительственныхъ постановленій обращаются, прежде всего, къ мѣстнымъ священникамъ, онъ просилъ архіереевъ поручить приходскому духовенству наблюденіе за народными толками съ обязанностью сообщать о всемъ замѣченномъ гражданскому начальству; Дьяковъ надѣялся, что, такимъ образомъ, если бы „неблагонамѣренное лицо" осмѣлилось неправильно истолковать крестьянамъ указъ 2 апрѣля, то его легко было бы открыть и „предать дѣйствію закона". Однако, министръ внутреннихъ дѣлъ Л. Перовскій нашелъ это требованіе генералъ-губернатора „излишнимъ и неумѣстнымъ" и отмѣнилъ его.

Познакомившись на основаніи оффиціальныхъ источниковъ съ толками и движеніями въ народѣ, возбужденными указомъ 2 апрѣля [2]), мы находимъ, что нерѣдко народъ принималъ этотъ указъ за объявленіе пол-

---

шелъ такое объявленіе съ подписками бурмистрамъ и старостамъ „совершенно неумѣстнымъ и могущимъ подать поводъ къ разнымъ несообразнымъ понятіямъ и толкамъ", а потому велѣлъ сдѣлать виновнымъ строгій выговоръ.

[1]) Послѣднія слова прибавлены были на проектѣ циркуляра самимъ государемъ.

[2]) См. Приложеніе.

ной свободы, а нѣкоторые ожидали рѣшительной мѣры въ томъ же году. Но, какъ бы то ни было, указъ 1842 г. не вызвалъ никакихъ серьезныхъ замѣшательствъ и недоразумѣній. Казалось бы, что это должно было успокоить тѣхъ, которые опасались поголовнаго возстанія при всякой попыткѣ правительства содѣйствовать освобожденію крестьянъ, но мы увидимъ ниже, что тотъ же самый Перовскій, который, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, имѣлъ полную возможность убѣдиться, какъ спокойно отнесся народъ къ новому правительственному распоряженію, черезъ четыре года послѣ того пугалъ полною анархіею въ случаѣ уничтоженія крѣпостнаго права.

Несмотря на всѣ разъясненія и успокоенія, указъ 2 апрѣля 1842 г. произвелъ не малый переполохъ среди дворянъ; объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ любопытная записка одного современника. Вѣсти о предстоящемъ изданіи какого-то указа относительно измѣненія быта крѣпостныхъ крестьянъ распространилась еще ранѣе его обнародованія, и его ожидали, по словамъ автора только-что упомянутой записки, „съ тревожнымъ чувствомъ“. Въ день его выхода изъ сенатской типографіи въ Петербургѣ „при встрѣчѣ знакомыхъ первый вопросъ былъ: читали ли вы указъ (какой — не нужно было объяснять)? Люди досужіе у коихъ утро занято взаимными посѣщеніями, скакали изъ дома въ домъ съ экземпляромъ указа въ карманѣ“. И „женщины показали свои способности быть публицистами. Невозможно опредѣлить сущность толковъ, бывшихъ въ первые дни: тутъ въ полномъ смыслѣ слова осуществилась поговорка: кто во что горазда [1]). Но изъ всей этой безобразной массы толковъ высказывалось выше всего — злословіе, часто переходившее въ клевету на лицъ, которыхъ считали главными виновниками указа. Разсказывали утвердительно, что эти лица (правильнѣе, лицо) продали дорогою цѣною свои имѣнія въ казну и потомъ пустили въ ходъ указъ. Выдавали за достовѣрное, что одинъ вельможа (Киселевъ) продалъ такимъ образомъ имѣніе свое въ харьковской губерніи, и на возраженіе, что у него нѣтъ и не было ни одной души въ этой губерніи, подозрительно покачивали головой. Но время лихорадочнаго настроенія прошло. Посмотрѣвши въ лицо указу, въ которомъ ожидали встрѣтить окончательный вопросъ: *быть или*

---

[1]) Кн. Вяземскій записалъ одно изъ подобныхъ замѣчаній современника: Александръ Гурьевъ говоритъ, что указъ объ обязанныхъ крестьянахъ возрождаетъ дѣти вопросомъ и не разрѣшаетъ ни одного, что эта мѣра, повидимому, и по мнѣнію зачинщиковъ,—*переходная мѣра*, а, между тѣмъ, предписываетъ (?) заключать условія вѣчныя“ (указъ, напротивъ, допускалъ измѣненія въ надѣлѣ и повинностяхъ по особымъ частнымъ условіямъ съ обоюднаго согласія), „что указомъ земля признается неотъемлемою собственностью помѣщиковъ, а, между тѣмъ, предписывается (?) часть этой земли отдавать въ вѣчный надѣлъ крестьянамъ и потомству ихъ“. Собр. соч. кн. П. Вяземскаго, IX, 205

не быть". и не найдя ожидаемаго, „рѣшили, что дѣло не касается до нихъ, что ихъ еще не зовутъ разсѣкать гордіевъ узелъ, слѣдовательно, не объ чемъ хлопотать. Но Петербургъ... ждалъ вѣстей изъ Москвы", такъ какъ она „ближе къ сценѣ, на которой должна разыграться драма". Оттуда съ первою почтою пришло извѣстіе, что „помѣщики бѣгутъ изъ деревень въ Москву, потому что крестьяне будутъ бунтовать непремѣнно. Крестьяне помѣщичьи, однако, не бунтовали" (точнѣе сказать, почти не бунтовали). Тогда въ Москвѣ стали говорить, что случившіяся въ то время волненія среди *государственныхъ* крестьянъ казанской губерніи есть слѣдствіе указа 2 апрѣля Впрочемъ, въ концѣ-концовъ, и Москва успокоилась и даже обрадовалась тому, что не только дворянство не лишаетъ земель, но что, напротивъ, указъ отнимаетъ у крестьянъ всякую надежду на то, что населяемыя ими земли будутъ когда-либо принадлежать имъ въ собственность. Однако, циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ старушка-бѣлокаменная не одобряла, утверждая, что, не будь его, указъ остался бы совершенно неизвѣстнымъ крестьянамъ. Были и такіе, что старались вникнуть въ сущность указа, но плохо понимали его. Являлись, наконецъ, откровенные защитники полнаго освобожденія крестьянъ безъ всякаго земельнаго надѣла. Одинъ тамбовскій помѣщикъ, слывшій за человѣка весьма умнаго и образованнаго, разсуждалъ такимъ образомъ объ указѣ 2 апрѣля:

„Я не врагъ эмансипаціи крестьянъ нѣтъ человѣка, болѣе меня готоваго на эту мѣру... Но по состоянію нашего крестьянина необходимо: или отдать его въ полное распоряженіе помѣщика, или поставить его внѣ всякой зависимости отъ послѣдняго. Договоръ и контрактъ есть еще анахронизмъ для нашего крестьянина и долго останется такимъ; полумѣры, къ которымъ я причисляю и указъ 2 апрѣля не приведутъ ни къ чему". Когда же его спросили, какъ онъ думаетъ устроить бытъ крестьянъ, уничтоживъ всякую ихъ зависимость отъ помѣщиковъ, тамбовскій лэндлордъ отвѣчалъ: „Разумѣется, отдать крестьянамъ то, что ихъ, т. е. свободу, и оставить помѣщикамъ ихъ собственность, т. е. землю. Тотъ и другой распоряжайся своей собственностью, какъ хочетъ".

Громадное большинство было недовольно указомъ 2 апрѣля съ консервативной точки зрѣнія, но были, однако, люди, порицавшіе его съ совершенно противоположной стороны, а именно недовольные его крайнею боязливостью въ крестьянскомъ вопросѣ. „Если всѣ обстоятельства, и нравственныя, и хозяйственныя,—говорили они,—убѣждаютъ въ необходимости уничтожить крѣпостное право, то зачѣмъ не дѣйствовать прямо, откровенно и рѣшительно? Если на это есть воля государя, то остается сказать помѣщикамъ въ главныхъ чертахъ, чего желаетъ онъ, и затѣмъ предоставить" имъ самимъ осуществлять эти желанія. „Тогда дѣло будетъ

кончено однимъ разомъ и... безъ всякихъ потрясеній. Крестьяне, зная, что занимаются устройствомъ ихъ судьбы, будутъ ждать въ смиреніи".

Задаваясь вопросомъ, многіе ли помѣщики устроятъ свои имѣнія на основаніи новаго закона, авторъ вышеупомянутой записки полагаетъ, что ихъ найдется немного: его скоро забудутъ уже потому, что онъ не имѣетъ обязательной силы, и только новый толчекъ со стороны правительства пробудитъ общество отъ усыпленія.

Такимъ образомъ, консервативная масса скоро успокоилась, но люди, горячо желавшіе освобожденія крестьянъ, были жестоко разочарованы. Находились, впрочемъ, немногіе оптимисты, которые, возлагая надежду на будущее, отрицали значеніе указа въ настоящее время, но считали его, все-таки, шагомъ впередъ [1]).

Въ печати съ оптимистической точки зрѣнія высказался объ указѣ 2 апрѣля извѣстный славянофилъ А. С. Хомяковъ въ статьѣ, помѣщенной въ 6 № „Москвитянина" за 1842 г., подъ заглавіемъ: „О сельскихъ условіяхъ". Онъ полагалъ, что эта правительственная мѣра открываетъ „новый путь для усовершенствованія разумнаго хозяйства" и говоритъ, что она будто бы была привѣтствована „благодарностью и надеждами всѣхъ сельскихъ хозяевъ, давно уже начинающихъ постигать свои истинныя выгоды". Указавъ на то, что въ Россіи болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, имѣетъ силу обычай, и похваливъ ее за это „упорство старины", Хомяковъ говоритъ, что мы должны согласоваться съ указаніями опыта, и считаетъ безполезнымъ „входить въ отвлеченное опредѣленіе... цѣны земляного капитала и труда, вызывающаго его плоды. Точно также было бы безполезно,—продолжаетъ онъ,—искать этой оцѣнки въ другихъ земляхъ, находящихся подъ вліяніемъ другаго климата и другихъ обстоятельствъ. Общій взглядъ на Россію показываетъ, что обычай, вѣроятно, основанный на разсчетѣ, весьма близкомъ къ истинѣ, назначилъ одинаковую цѣнность труду и плодамъ земли. Половничество составляетъ, безспорно, главную основу русскаго хозяйства, въ какомъ бы видѣ оно ни являлось, какъ оброчное или хлѣбопашественное. Должно вѣрить этому всеобщему убѣжденію, наслѣдству самыхъ дальнихъ вѣковъ Россіи, и признать, что наука еще не представляетъ данныхъ, которыя заслуживали бы большой вѣры". Далѣе, руководствуясь этими указаніями опыта, авторъ доказываетъ, что въ сѣверной Россіи и для крестьянина, и для помѣщика удобно только „половничество деньгами", а во всей южной и средней Россіи, по его мнѣнію, возможно лишь „половничество трудомъ или произведеніями" земли. Авторъ весьма одобряетъ послѣднюю форму вознагражденія землевладѣльца, хотя и полагаетъ, что она совершенно не въ обычаѣ въ Россіи, слѣдовательно, самъ нарушаетъ рекомендуемое имъ правило по

---

[1]) *Заблоцкій-Десятовскій*, Гр. Киселевъ и его время, II, 262—65.

отступать отъ указаній русской дѣйствительности и дѣлаетъ это на основаніи совершенно произвольнаго предположенія, что такого рода половничество „ни въ чемъ не противно обычаямъ и разумнымъ основаніямъ дѣла [1]). Автору кажется, что вознагражденіе землевладѣльца половиною произведеній земли будто бы необременительно и для крестьянина. Наконецъ, третій видъ сдѣлокъ, рекомендуемыхъ авторомъ, „плата трудомъ, по его словамъ, служитъ основаніемъ большей части русскихъ хозяйствъ и содержитъ въ себѣ всѣ начала возможнаго усовершенствованія"; нужно замѣтить, что съ послѣднимъ, конечно, не согласились бы политико-экономы, весьма убѣдительно доказывавшіе всю негодность и непроизводительность барщиннаго труда. Главная основа платы трудомъ, по мнѣнію автора, „есть то же половничество", или сдѣлка, по которой равное количество земли обработывается крестьяниномъ какъ въ свою пользу, такъ и въ пользу землевладѣльца.

Такимъ образомъ, относительно вопроса о размѣрахъ крестьянскихъ повинностей, статья Хомякова представляетъ отчасти простое констатированіе существующихъ отношеній (трехдневной барщины), отчасти совершенно произвольное переименованіе оброчной системы въ „половничество трудомъ", отчасти рекомендацію вознагражденія землевладѣльца половиною произведеній земли, неупотребительнаго въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Россіи, но обычнаго въ отношеніяхъ между такъ называемыми „деревенскими владѣльцами" на сѣверѣ Россіи и ихъ половниками, которые, вопреки восхваленію Хомяковымъ половнической системы, находились въ весьма печальномъ положеніи. Гораздо болѣе плодотворною и болѣе соотвѣтственною интересамъ крестьянъ была вторая половина статьи, гдѣ Хомяковъ отстаивалъ въ печати тотъ же принципъ, который такъ энергически защищалъ въ секретномъ комитетѣ объ обязанныхъ крестьянахъ Киселевъ, т.-е. необходимость заключенія договоровъ не съ отдѣльными лицами, а съ цѣлымъ міромъ съ сохраненіемъ общиннаго пользованія землею [2]).

---

[1]) Одинъ изъ рецензентовъ справедливо замѣчаетъ Хомякову, что вознагражденіе извѣстною частью урожая бываетъ у насъ при свободномъ наймѣ земли, но только въ размѣрѣ гораздо меньшемъ половины сбора.

[2]) „Нѣтъ сомнѣнія,—говоритъ авторъ,—что сдѣлки между землевладѣльцемъ и отдѣльнымъ поселянином возможны, но общій обычай будетъ всегда заключенъ въ сдѣлкахъ между землевладѣльцемъ и міромъ. И такъ, подъ высшимъ надзоромъ законовъ и властей государственныхъ, ближайшій надзоръ надъ поселяниномъ принадлежитъ совокупной власти землевладѣльца и опеки мірской, въ которой соединяется и благодѣтельное покровительство, и законный присмотръ надъ каждымъ отдѣльнымъ лицомъ. Обезпеченіе правъ землевладѣльца должно находиться не въ волѣ каждаго поселянина, взятаго порознь, но въ обязанностяхъ всей сельской общины и во взаимной отвѣтственности всѣхъ ея членовъ. Земля, отдаваемая землевладѣльцемъ мірской

Для того, чтобы община, при лежащей на ней круговой порукѣ, могла охранять себя отъ убытковъ, ей должно быть, по мнѣнію автора, предоставлено право прибѣгать съ согласія землевладѣльца къ слѣдующимъ мѣрамъ относительно неисправнаго крестьянина: 1) назначать на работу въ пользу міра или на постоянныя караулы, пастьбу скота и т. п.; 2) отдавать въ батраки или на работу съ платою, съ тѣмъ, чтобы на выработанныя деньги міръ могъ нанимать другаго работника; 3) отдавать въ солдаты вмѣсто исправнаго и трудолюбиваго; 4) представлять неисправнаго съ его семьею въ полное распоряженіе администраціи съ совершеннымъ исключеніемъ изъ общины. Землевладѣлецъ, недовольный работою кого-нибудь изъ крестьянъ, долженъ имѣть право удалить его съ барщины или даже изъ селенія, предоставляя міру поставить вмѣсто него другаго, или поступить съ нимъ, какъ указано выше [1]).

Замѣтка Хомякова была одною изъ самыхъ раннихъ журнальныхъ статей по крестьянскому вопросу въ царствованіе императора Николая (очевидно, до того времени цензура не дозволяла гласно разсуждать объ этомъ предметѣ): поэтому ее привѣтствовали нѣкоторые почти какъ подвигъ со стороны автора. Въ 8 № того же „Москвитянина", гдѣ была помѣщена статья „О сельскихъ условіяхъ", появились замѣчанія на нее какого-то симбирскаго помѣщика, которыя начинаются изъявленіемъ благодарности Хомякову за то, что онъ въ своей „дѣльной и прекрасно написанной статьѣ" первый „*осмѣливается* гласно высказать мысли свои объ удобнѣйшихъ мѣрахъ" для исполненія намѣреній правительства. По мнѣнію автора, Хомяковъ, опредѣлилъ не выше, а ниже дѣйствительнаго размѣръ повинностей крестьянъ, приравнявъ ихъ къ половничеству; онъ утверждаетъ, что „цѣнность труда крестьянина на помѣщика почти всегда превышаетъ цѣнность чистаго дохода съ помѣщичьей земли, которою онъ пользуется": это всего яснѣе доказывается тѣмъ, что крестьяне „отпускаются и принимаются у насъ въ услуженіе на выводъ отдѣльно отъ земли; проценты съ того капитала, который всегда можетъ быть вырученъ собственно за крестьянъ безъ земли, —продолжаетъ авторъ,— естественно должны равняться вышеозначенной *безплатной части* ихъ повинностей. Эта безплатная часть работъ такъ же точно, какъ и самая земля, есть собственность каждаго владѣльца населеннаго крѣпостными людьми имѣнія; потому онъ не можетъ отказаться отъ нея безъ достаточ

общинѣ будетъ дѣлиться между членами ея по тягламъ, т.-е. по рабочимъ силамъ, точно также должна дѣлиться и обязанность поселянъ въ отношеніи къ землевладѣльцу. Но земля отдается не каждому порознь, а всѣмъ въ совокупности; слѣдовательно, и трудъ или плата деньгами или натурою требуется не отъ каждаго порознь, но отъ всѣхъ совокупныхъ силъ. Этотъ обычай существуетъ почти вездѣ въ разныхъ видахъ".

[1]) „Собраніе сочиненій Хомякова" т. I, изд. 1-е, стр. 378—389.

наго вознагражденія". Если бы „цѣнность повинностей помѣщичьихъ крестьянъ равнялась чистому доходу съ отдѣляемой въ ихъ пользованіе земли", то не нужно было бы прикрѣплять ихъ къ землѣ съ подчиненіемъ полной власти господина

Автору очень нравится то, что заключеніе условій предоставлено совершенно на усмотрѣніе помѣщиковъ ошибочно полагая, что до тѣхъ поръ не было ни одного случая освобожденія крестьянъ на основаніи третьяго способа, указаннаго закономъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ, т. е. съ условіемъ исполнять за уступленную крестьянамъ землю извѣстныя денежныя или натуральныя повинности, онъ объясняетъ это не увѣренностью помѣщиковъ въ точномъ исполненіи договора и, повидимому, сожалѣетъ, что въ новомъ указѣ не упоминается объ обращеніи несостоятельныхъ обязанныхъ крестьянъ, по прежнему, въ крѣпостныхъ, какъ это дѣлалось на основаніи закона 1803 года. За то онъ чрезвычайно доволенъ дозволеніемъ заключать съ крестьянами договоры съ сохраненіемъ полнаго права собственности на землю, не стѣсняясь прежними правилами о свободныхъ хлѣбопашцахъ, на основаніи которыхъ нужно было надѣлять каждое семейство особымъ участкомъ земли съ уступкою его въ вѣчное потомственное владѣніе (нужно замѣтить, впрочемъ что требованіе подворнаго раздѣла земли сплошь и рядомъ не исполнялось). Правила, предложенныя Хомяковымъ, онъ считаетъ недостаточными для обезпеченія интересовъ владѣльца, а, съ другой стороны, полагаетъ, что слишкомъ большая власть общины надъ ея отдѣльными членами „можетъ породить большія злоупотребленія и сдѣлаться крайне стѣснительною для семействъ, обѣднѣвшихъ отъ недостатка рабочихъ силъ или другихъ независящихъ отъ крестьянина причинъ. Давно замѣчено, -продолжаетъ авторъ, что въ оброчныхъ деревняхъ, управляемыхъ міромъ, нѣкоторыя семейства богатѣютъ на счетъ другихъ, одинокихъ и не бойкихъ крестьянъ".

Не отвергая возможности опредѣлить отношенія между землевладѣльцемъ и міромъ къ выгодѣ для обѣихъ сторонъ, авторъ полагаетъ, что мысль правительства можетъ осуществиться лишь современемъ, мало-по малу, причемъ ему особенно хотѣлось бы, чтобы право наказывать неисправныхъ крестьянъ, по прежнему, осталось бы въ рукахъ владѣльца между тѣмъ какъ по закону 2 апрѣля 1842 года, въ случаѣ неисполненія крестьянами принятыхъ на себя обязанностей ихъ должна была понуждать къ тому земская полиція, подъ руководствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства. Въ заключеніе статьи авторъ предлагаетъ постановить, чтобы каждый помѣщикъ составилъ подробный перечень повинностей крестьянъ съ означеніемъ получаемаго ими количества земли; такимъ образомъ могли бы выработаться особыя правила для каждой мѣстности, основанныя на показаніяхъ самихъ владѣльцевъ. Авторъ возлагаетъ надежду

на то, что вліяніе общественнаго мнѣнія сдѣлало бы невозможными многія злоупотребленія и притѣсненія. я полагаетъ, что, быть можетъ, впослѣдствіи къ правиламъ, составленнымъ по вышеуказанному способу, оказалось бы возможнымъ присоединить „денежную оцѣнку каждой работы“ и, такимъ образомъ, дать владѣльцамъ и крестьянамъ надежное руководство „для опредѣленія, при заключеніи сельскихъ условій, единовременно или въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ выкупа нѣкоторыхъ повинностей, и по мѣрѣ ихъ уменьшенія и уравненія цѣнности труда крестьянина съ цѣнностью получаемаго имъ чистаго дохода съ земли, которою онъ надѣляется отъ владѣльца, тѣснѣе опредѣлить необходимую нынѣ власть“ помѣщика и, наконецъ, сдѣлать ее вовсе не нужною „въ свободномъ договорѣ простаго обязательства“ [1]).

Хомяковъ не оставилъ безъ отвѣта сдѣланныя ему замѣчанія и напечаталъ въ „Москвитянинѣ“ статью „Еще о сельскихъ условіяхъ (Антикритика)“. Здѣсь онъ, прежде всего, защищаетъ свою теорію о повсемѣстномъ господствѣ въ Россіи половничества, утверждая, между прочимъ, что почти вездѣ въ барщинныхъ вотчинахъ землевладѣлецъ отдаетъ крестьянину такое же количество земли, какимъ и самъ пользуется. Предложенію своего рецензента — отобрать показанія объ условіяхъ, существующихъ теперь въ силу обычая между помѣщикомъ и крестьянами — Хомяковъ не сочувствуетъ, онъ утверждаетъ, что такая мѣра „смѣшала бы понятіе о томъ, что дѣлается въ силу права обычнаго, съ тѣмъ, что дѣлается въ силу личнаго произвола, и составила бы нѣчто похожее на условіе, какое-то *аки-условіе*, не имѣющее ни законной, ни нравственной силы... условія, заключеннаго по общему согласію“; другими словами, онъ не соглашается на опредѣленіе повинностей крестьянъ закономъ въ надеждѣ на то, что разсчетъ и благонамѣренность образованныхъ хозяевъ побудятъ ихъ самихъ заключать съ крестьянами договоры и приведутъ къ вполнѣ удовлетворительному разрѣшенію возникшей задачи. Хомяковъ признаетъ заслуживающимъ серьезнаго вниманія замѣчаніе рецензента о зависимости бѣдныхъ отъ богатыхъ въ крестьянской общинѣ и даже соглашается, что это „можетъ представить нѣчто похожее на отношеніе западныхъ арендаторовъ къ ихъ работникамъ“, но все-таки, выражаетъ увѣренность, что никогда русская крестьянская община „не дойдетъ до отношенія арендатора къ батракамъ: право каждаго члена общины на участокъ земли“ устраняетъ возможность пролетаріата, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ чрезмѣрной глупости и неисправимой лѣни, а, кромѣ того, „слабость и несчастіе находитъ защиту въ самомъ землевладѣльцѣ“ [2]).

---

[1]) „Москвитянинъ“ 1842 г. № 8, стр. 376–382.

[2]) Собр. Соч. Хомякова, т. I, изд. 1, стр 390—400.

Гораздо болѣе подготовленнаго и болѣе умнаго критика, чѣмъ какой-то симбирскій помѣщикъ, нашелъ Хомяковъ въ авторѣ замѣчаній на его статью, помѣщенныхъ въ лучшемъ литературномъ органѣ того времени „Отечественныхъ Запискахъ“ (1842 г., № 11). Авторъ этой статьи, очевидно, не новичекъ въ литературѣ, не могъ, разумѣется, оставить безъ возраженія презрительнаго отношенія Хомякова къ теоретическимъ изслѣдованіямъ „относительной цѣны земли и труда“, къ цей прилагаемаго: рецензентъ не понимаетъ, какимъ образомъ безъ подобныхъ изслѣдованій можно сознательно опредѣлить взаимныя выгоды и справедливыя отношенія между землевладѣльцемъ и поселяниномъ. По поводу восторговъ Хомякова относительно половнической системы вознагражденія трудомъ рецензентъ „Отечественныхъ Записокъ“ даетъ ему прекрасную отповѣдь. Онъ справедливо замѣчаетъ, что если трехдневная работа „и основана на обычаѣ, то уже никакъ нельзя согласиться, что самый обычай былъ основанъ на вѣрномъ разсчетѣ.... этотъ обычай выражаетъ собою только крайнее напряженіе обязательной силы съ одной стороны и безотвѣтнаго исполненія съ другой“. При свободномъ наймѣ земли въ Россіи плата за пользованіе ею всегда ниже того, что стоитъ трудъ, употребляемый на ея воздѣлываніе. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуетъ обычай платить за землю извѣстною долею произведеній, въ большей части губерній средней Россіи отдаютъ землевладѣльцу третій и четвертый снопъ, а въ южныхъ губерніяхъ его вознагражденіе понижается часто до десятаго снопа. При такихъ свободныхъ сдѣлкахъ можно скорѣе предполагать разсчетъ, близкій къ истинѣ, и, вѣроятно, на основаніи такого разсчета въ казенныхъ имѣніяхъ западныхъ губерній и вотчинахъ частныхъ лицъ Остзейскаго края урочное время работъ ограничено двумя днями. На основаніи этихъ фактовъ авторъ рецензіи отвергаетъ мысль Хомякова, что половничество составляетъ главную основу русскаго хозяйства. „Скажемъ болѣе, продолжаетъ онъ, -если бы это и было такъ, то всякій желающій преуспѣянія нашему хозяйству пожелаетъ, чтобы оно было измѣнено“. Для успѣха всякаго дѣла нужны „справедливость и уравновѣшиваніе выгодъ; но ни того, ни другаго въ половничествѣ нѣтъ“. Въ подтвержденіе послѣдняго рецензентъ ссылается на печальное положеніе половниковъ не только сѣвера Россіи, но даже и Западной Европы, несмотря на то, что на Западѣ арендная плата за землю въ нѣсколько разъ выше и, слѣдовательно, тамъ вознагражденіе землевладѣльца половиною произведеній земли должно бы, кажется, быть болѣе справедливымъ. Далѣе рецензентъ доказываетъ, что барщинный трудъ не выгоденъ ни для помѣщиковъ, ни для крестьянъ, и особенно вредно отражается на благосостояніи послѣднихъ. Онъ особенно негодуетъ на слова Хомякова, что плата трудомъ „содержитъ въ себѣ всѣ начала возможнаго усовершенствованія“, и не можетъ понять, какъ могла подобная мысль придти въ голову

автора, «который пользуется репутаціей человѣка истинно-образованнаго“ Конечно, половничество лучше полнаго рабства, такъ какъ при немъ „для работника представляется хоть тѣнь собственности“, есть „нѣкоторыя взаимныя выгоды, но все еще перевѣсъ, и перевѣсъ сильный, на сторонѣ *землевладѣльца*“. По поводу средствъ, предлагаемыхъ Хомяковымъ для предотвращенія нарушенія сдѣлокъ, рецензентъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что авторъ упустилъ изъ виду наиболѣе могущественое, состоящее „въ самой сущности сдѣлки, именно въ *ея правомѣрности*, въ *ея справедливости*... Если вознагражденіе за землю будетъ положено не свыше того, во что опредѣляется наемная плата, то очевидно, что крестьянинъ найдетъ для себя невыгоднымъ нарушеніе контракта“. По поводу затронутаго Хомяковымъ вопроса о раздѣлѣ имѣній, рецензентъ полагаетъ, что „возможность раздѣла мірскаго общества между наслѣдниками... не будетъ соотвѣтствовать духу закона“; онъ оговаривается, что это вовсе не означаетъ сочувствія майоратамъ, и предлагаетъ дозволить раздѣлъ между наслѣдниками только тѣхъ земель, которыя остаются въ непосредственномъ распоряженіи владѣльца; что же касается земли, находящейся въ пользованіи крестьянъ, то, не подвергая ея раздѣлу между наслѣдниками, совѣтуетъ распредѣлять между ними только получаемые съ нея доходы.

Эта прекрасная статья заканчивается пожеланіемъ, чтобы ожиданіе улучшеній отъ новаго закона „уравновѣшивалось съ готовностью на пожертвованія; пусть одни не будутъ жадны, другіе пусть будутъ искренни! Въ дѣлѣ, которое есть не какая-нибудь спекуляція, а учрежденіе коренное, съ которымъ сопряжено благо нашихъ потомковъ, необходимо дѣлать задатки, не имѣя въ виду немедленнаго возвращенія ихъ съ лихвою. Никакое добро не упрочивается безъ предварительныхъ пожертвованій“ [1]).

Такимъ образомъ, во второмъ полугодіи 1842 года по поводу указа 2 апрѣля объ обязанныхъ крестьянахъ сразу появилось, послѣ весьма продолжительнаго перерыва, четыре статьи по крестьянскому вопросу, но затѣмъ обсужденіе этого предмета въ журналахъ, подъ давленіемъ цензуры, вновь прерывается [2]). Однако же разъ возбужденная мысль о необходимости урегулированія отношеній между помѣщиками и крестьянами не могла быть совершенно подавлена. Мы увидимъ ниже, что ближайшее практическое дѣйствіе указа объ обязанныхъ крестьянахъ было самое ничтожное и что лишь нѣсколько помѣщиковъ воспользовались новымъ закономъ для заключенія условій съ своими крѣпостными, но изъ

---

[1]) „Отечественныя Записки“ 1842 г. т. XXV, стр. 1—12. Подъ статьею подпись „Русскій помѣщикъ“.

[2]) О томъ, что было предписано не допускать въ печати статей объ указѣ 2 Апрѣля см. „Сочиненія Самарина“ т. II, 68.

этого не слѣдуетъ, однако, что этотъ законъ прошелъ совершенно безслѣдно въ русской жизни. Главное его значеніе состоитъ въ томъ, что онъ возбудилъ вниманіе къ крестьянскому вопросу и въ нашемъ провинціальномъ дворянствѣ, что онъ заставилъ болѣе интеллигентныхъ представителей этого сословія съѣзжаться и обсуждать, возможно ли и какимъ именно образомъ измѣнить обязательныя отношенія между землевладѣльцами и ихъ крѣпостными; составлялись даже цѣлые проекты Разобранныя выше статьи возбудили въ сельскихъ хозяевахъ, которые умѣли владѣть перомъ, желаніе изложить свои мысли и въ печати, но тутъ имъ пришлось столкнуться съ цензурными преградами. Къ кому же обратиться съ изложеніемъ своихъ мнѣній, какимъ образомъ повлять на дальнѣйшее направленіе правительственныхъ мѣропріятій по вопросу столь близкому сердцу всѣхъ дворянъ? Тутъ указъ 2 апрѣля опять сослужилъ добрую службу тѣмъ, что распространившаяся въ обществѣ исторія его составленія указала всѣмъ интересующимся этимъ дѣломъ на того изъ представителей высшей администраціи, кто искреннѣе всѣхъ другихъ желалъ улучшить тяжелое положеніе нашего крѣпостнаго населенія. Сдѣлалось извѣстнымъ, что иниціаторомъ этого дѣла былъ гр. Киселевъ: на него направились и ненависть крѣпостниковъ, и сочувствіе всѣхъ, желавшихъ такъ или иначе покончить съ крѣпостнымъ правомъ или, по крайней мѣрѣ, ограничить его. И вотъ до Киселева стало доходить не мало различныхъ записокъ по крестьянскому дѣлу, разсматривавшихъ вопросъ объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, а онъ собиралъ ихъ, какъ матеріалъ для рѣшенія этого самаго жгучаго вопроса русской жизни. Когда у насъ ударилъ послѣдній часъ господству человѣка надъ человѣкомъ, записки эти не пригодились, онѣ оказались уже слишкомъ устарѣвшими, но такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ несомнѣнно должны были ходить по рукамъ, то онѣ содѣйствовали подготовленію общества къ окончательному рѣшенію крестьянскаго вопроса и во всякомъ случаѣ имѣютъ интересъ для характеристики взглядовъ по этому предмету въ сороковыхъ годахъ.

Одна изъ записокъ, доставленныхъ Киселеву, принадлежитъ перу какого-то владѣльца помѣстья въ одной изъ промышленныхъ губерній приволжскаго края, какъ видно, человѣка образованнаго и не только интересовавшагося тѣмъ, какимъ образомъ развязывались обязательныя отношенія между землевладѣльцами и крестьянами въ Западной Европѣ, но и проникшагося симпатіями къ нѣкоторымъ явленіямъ западно-европейскаго быта, совершенно чуждымъ русской жизни: авторъ горячій противникъ общиннаго пользованія землею и не считаетъ необходимымъ обезпечивать всѣхъ крестьянъ земельнымъ надѣломъ, хотя и дѣлаетъ въ этомъ отношеніи уступку господствующимъ у насъ по этому вопросу взглядамъ. Записка во всякомъ случаѣ весьма любопытна для характе-

ристики мнѣній извѣстной части нашего болѣе интеллигентнаго дворянства.

„Обнародованіе высочайшаго указа 2 апрѣля 1842 года, — говоритъ авторъ, — произвело сначала сильное впечатлѣніе". Первая мысль многихъ помѣщиковъ и крестьянъ была та, что этимъ указомъ „развязываются узы крѣпостнаго владѣнія крестьянами. Потомъ родилось противоположное мнѣніе", что тотъ помѣщикъ, который не захочетъ воспользоваться этою мѣрою, „можетъ оставаться надолго или навсегда въ прежнихъ отношеніяхъ съ крестьянами". По мнѣнію автора, ни то, ни другое не справедливо: указъ 2 апрѣля — мѣра приготовительная, которая должна постепенно привести помѣщиковъ и крестьянъ къ новымъ взаимнымъ отношеніямъ, и вполнѣ достигающая этой цѣли; это правительственное распоряженіе вноситъ въ общество новую идею которая рано или поздно должна осуществиться, но которая еще чужда бо́льшей части помѣщиковъ; оно, повидимому, въ первый разъ „обнаруживаетъ волю государя" уничтожить крѣпостное право и отдѣляетъ владѣніе крестьянами отъ владѣнія землею, между тѣмъ какъ всѣ предшествующія распоряженія, мало-по-малу ограничивавшія власть помѣщика, были скорѣе распоряженіями административными. Но авторъ полагаетъ, что указъ 2 апрѣля не можетъ быть окончательнымъ опредѣленіемъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, такъ какъ крѣпостное владѣніе землею гарантируется помѣщику подъ условіемъ, „во многихъ случаяхъ отяготительнымъ", а именно, чтобы часть земли предоставлялась крестьянамъ; съ другой стороны, и крестьянинъ, хотя и „получаетъ свободу отъ помѣщика", но остается привязаннымъ къ чужой землѣ. По мнѣнію автора, наши дворяне не увидятъ достаточныхъ побудительныхъ причинъ для отпуска своихъ крестьянъ въ обязанные. Во-первыхъ, для бо́льшей части помѣщиковъ, „рожденныхъ и воспитанныхъ въ старинныхъ предубѣжденіяхъ", еще недоступна мысль, что крѣпостное право „несовмѣстно со справедливостью". Во-вторыхъ, невыгодность барщиннаго труда, доказанная опытомъ Западной Европы, ясна для землевладѣльцевъ Россіи, „гдѣ не достаетъ образцовъ земледѣлія, производимаго вольнонаемными людьми". Правда, что, отпуская крестьянъ въ званіе обязанныхъ, помѣщикъ слагаетъ съ себя тягостныя обязанности относительно нихъ, но онъ будетъ опасаться неисправнаго исполненія принятыхъ земледѣльцами на себя обязанностей, а, между тѣмъ, въ полевыхъ работахъ часто потеря одного дня невозвратима. При прежнихъ отношеніяхъ неповиновеніе крестьянъ, неисполненіе ими повинностей наказывалось строжайшимъ образомъ, какъ мятежъ, а нарушеніе договора обязанными крестьянами — дѣло гражданское, подверженное обыкновенному судебному разбирательству, медленному даже и въ томъ случаѣ, еслибъ лицамъ, для того назначеннымъ, велѣно было разсматривать эти дѣла не въ очередь. Всего тяжелѣе положеніе

крестьянъ въ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ менѣе ста душъ, а, между тѣмъ, тутъ-то и всего труднѣе ввести новыя отношенія между помѣщиками и крестьянами, какъ потому, что владѣльцы ихъ особенно привязаны къ своимъ правамъ, такъ и потому, что гораздо затруднительнѣе заключать договоръ съ маленькимъ сельскимъ обществомъ. Крестьяне вообще также неохотно пойдутъ въ обязанные: при этомъ они лишаются покровительства и защиты помѣщика, да, къ тому же, и въ настоящее время населеніе обширныхъ вотчинъ, состоящихъ по бо́льшей части на оброкѣ, находится почти въ такомъ же отношеніи къ помѣщикамъ, какое опредѣлено для обязанныхъ крестьянъ. „Я убѣжденъ, продолжаетъ авторъ, что по уничтоженіи крѣпостнаго права... и крестьяне, и помѣщики... выиграютъ, но это случиться можетъ только впослѣдствіи, а время перехода отъ стараго положенія къ новому будетъ вредно для многихъ."

Наблюденія въ области западно-европейскихъ отношеній подаютъ автору поводъ коснуться вопроса о земельномъ обезпеченіи крестьянъ. На Западѣ были и есть безземельные батраки: автору кажется что не бѣда, если они заведутся и у насъ.

„Я замѣтилъ, — говоритъ онъ, — во многихъ сильное предубѣжденіе противъ высказаннаго мною мнѣнія о безполезности давать каждой крестьянской душѣ въ деревняхъ казенныхъ и помѣщичьихъ въ надѣлъ равное количество земли", за оброкъ или барщинную работу „Чего они опасаются? Того ли, что крестьянинъ безъ земли придетъ въ нищету, будетъ опасенъ для общественнаго спокойствія, не будетъ имѣть осѣлости? Это опасеніе несправедливо... ибо 1) въ нищету впадаетъ человѣкъ обыкновенно не отъ недостатка земли, а отъ пьянства, лѣности и глупости. Въ Россіи, каждый человѣкъ трудолюбивый и трезвый всегда находитъ себѣ и семейству и кровъ, и изобильное содержаніе, только бы не ослабѣвалъ въ трудѣ своемъ: для доказательства этого достаточно показать на мѣщанъ, не имѣющихъ ничего, кромѣ движимой собственности [1]), и на крестьянъ нѣсколькихъ губерній, имѣющихъ промыслы на чужой сторонѣ [2]). 2) Справедливо замѣтилъ одинъ изъ лучшихъ писателей политической экономіи, что изъ всѣхъ сословій бѣднѣйшія наиболѣе привязаны къ странѣ, въ коей родились. 3) Говоря собственно о крестьянахъ, продолжаетъ авторъ, я не вижу причины, почему бы многіе изъ нихъ остались бы безъ всякаго владѣнія землею въ томъ случаѣ, если бы не вмѣнено было въ обязанность помѣщику надѣлять каждаго одинаковымъ съ другими участкомъ земли". Нѣтъ сомнѣнія, что каждый порядочный крестьянинъ, долгъ, по крайней мѣрѣ, пока земля находится въ Россіи въ изобиліи, всегда можетъ ее нанять и спокойно ею не только многіе годы, но и всю жизнь свою владѣть изъ оброка. Собственная выгода помѣщика въ этомъ заключается. Можно и

---

[1]) Ссылка особенно неудачная, такъ какъ въ одинхъ городахъ существовали городскія земли, иной разъ и раздѣлявшіяся прямо между горожанами, такъ и крестьянскіе надѣлы въ селахъ, а во многихъ мѣстахъ мѣщане находились въ самомъ печальномъ положеніи и составляли зародышъ русскаго пролетаріата.

[2]) Авторъ забываетъ, что дома остаются ихъ семейства, занимающіяся обработкою своихъ надѣловъ.

законами тому способствовать", а назначеніе дурнаго и лѣниваго крестьянина, очевидно, состоитъ въ томъ, чтобы быть поденщикомъ или солдатомъ. Опасаться того, чтобы помѣщики не назначили за свою землю несоразмѣрно высокой кортомной платы, такъ же неосновательно, „какъ и того, чтобы фабрикантъ за свое сукно, заводчикъ за свое желѣзо и проч. не назначили слишкомъ высокой цѣны [1]); цѣны Богъ строитъ, говоритъ пословица: совмѣстничество все приводитъ въ справедливую соразмѣрность. Много земли дешева будетъ за нее кортомная плата; мало ея - естественно плата за нее возвысится". Сдѣлавши затѣмъ сильную вылазку противъ общиннаго пользованія землею, авторъ, между прочимъ, откровенно говоритъ: „можно сказать, что природа однихъ создала домохозяевами, другихъ ихъ батраками..."

„Пусть дадутъ", продолжаетъ авторъ, всѣмъ крестьянамъ какъ помѣщичьимъ, такъ и казеннымъ въ ограниченную собственность „съ платою небольшаго оброка, *сколь возможно малое* (!) по числу душъ *количество земли*, остальную же затѣмъ землю пусть раздаютъ и позволятъ раздавать тѣмъ же крестьянамъ или и другимъ по полюбовнымъ соглашеніямъ особыми участками. Крестьяне поселены на земляхъ, коими владѣютъ, съ незапамятныхъ временъ, съ платою за нее казнѣ или помѣщикамъ деньгами и работою. Вопросъ темный и трудный къ разрѣшенію самыхъ искусныхъ легистовъ: въ какой мѣрѣ эти крестьяне имѣютъ право на землю, которую предки ихъ воздѣлывали". Лучше его и не касаться и тихонько разрѣшить по пословицѣ: грѣхъ пополамъ, т. е. чтобы имъ отдать часть земли съ платою легкихъ повинностей, а другую часть ея предоставить владѣльцу". Необходимо, чтобы „количество земли, которое даруется крестьянамъ", за нѣкоторый оброкъ *или с частью без оброка*, было таково: 1) чтобы крестьянское нормальное семейство могло на немъ кормиться, содержать рабочій скотъ, нужный для обработки,.. и платить *легкія денежныя повинности владѣльцу земли* (значитъ, все-таки, оброкъ есть) и казначейству, но безъ всякаго излишества. 2) Чтобы обработку даннаго количества земли могло оно производить, посвящая на то два или три дня въ недѣлю". Тогда оно могло бы употреблять свободное время на воздѣлываніе ближайшей къ его селенію земли, за „кортому" которой крестьянинъ платилъ бы деньгами или опредѣленнымъ количествомъ работы на поляхъ землевладѣльцевъ. „Артуръ Юнгъ въ одномъ изъ сочиненій своихъ сказалъ, что въ нѣкоторомъ отношеніи помѣщики англійскіе, которые берутъ съ своихъ откупщиковъ (т. е. фермеровъ) большую кортому, большую оказываютъ пользу отечеству, нежели тѣ, кои малую кортому берутъ. Это мнѣніе, хотя имѣетъ видъ парадокса, довольно справедливо въ Англіи и еще было бы справедливѣе у насъ, если бы здѣсь кортомная плата установлялась по добровольному соглашенію, ибо крестьянинъ, не развлекаемый роскошью, получивъ необходимое для содержанія семейства своего, весьма наклоненъ къ тому, чтобы ограничить свою дѣятельность и менѣе расположенъ производить. Между тѣмъ какъ одно изъ основныхъ правилъ политической экономіи есть то, что государство богато по мѣрѣ того чѣмъ болѣе оно производитъ и потребляетъ" [2])

---

[1]) Авторъ упускаетъ изъ виду, что между заводчиками возможна неограниченная конкуренція а землевладѣльцы являются въ извѣстной мѣстности монополистами: количество сукна можетъ быть увеличено по желанію, а пространство земли въ данной мѣстности величина строго опредѣленная.

[2]) Въ заключеніе своей записки авторъ выражаетъ желаніе, чтобы при увольненіи крестьянъ въ число обязанныхъ повсюдно по обоюдному согласію постановлять въ договорахъ, что помѣщику въ продолженіе извѣстнаго числа лѣтъ предоставляется „без-

Записка эта показываетъ, какіе оригинальные плоды приносила иногда западно-европейская наука на почвѣ крѣпостничества: аргументы, заимствованные изъ области западныхъ поземельныхъ отношеній и изъ политической экономіи, служили для доказательства того, что нужно дать крестьянину поменьше земли, что нужно уничтожить общинное пользованіе ею, что для государства полезно, чтобы земледѣлецъ былъ обложенъ возможно болѣе тяжелыми платежами въ пользу землевладѣльца и т. п. Разумѣется, западная наука вообще была въ этомъ неповинна: представителями ея являлись ученые различныхъ направленій: для однихъ на первомъ планѣ стояли интересы буржуазіи, для другихъ —нужды рабочихъ классовъ: русскіе изслѣдователи крестьянскаго вопроса могли по своему вкусу примыкать къ тому или другому лагерю. Еще въ прошломъ столѣтіи мы видѣли убѣдительный примѣръ писателя (мы разумѣемъ Радищева), прошедшаго строгую школу западно-европейской науки и умѣвшаго въ своемъ знаменитомъ сочиненіи примѣнить ея выводы не во вредъ, а на пользу русскаго крестьянства; другой подобный примѣръ мы встрѣчаемъ въ эпоху Александра I въ лицѣ Н. П. Тургенева. Такимъ образомъ, мы видимъ, что нельзя всѣхъ русскихъ людей, проникшихся западными вліяніями, валить въ одну кучу и огульно одобрять ихъ или порицать только потому, что они западники; въ этомъ лагерѣ мы встрѣтимъ и дорогихъ для насъ борцовъ за народное дѣло, и отвратительныя личности, прикрывающія якобы научными аргументами самыя эксплуататорскія похотѣнія. Мы не находимъ возможнымъ подвергать огульному порицанію даже завзятыхъ крѣпостниковъ: и среди нихъ были люди, которые, возражая противъ предложеній нѣкоторыхъ либераловъ по крестьянскому вопросу, высказывали иной разъ весьма здравое пониманіе народныхъ нуждъ, между тѣмъ какъ другіе ихъ соратники преслѣдовали лишь грубо-эгоистическіе интересы; тѣмъ болѣе огульное одобреніе или порицаніе невозможно при разборѣ мнѣній ихъ противниковъ. Словомъ, къ обоимъ лагерямъ, и къ либеральному, и къ консервативному, и къ западникамъ, и къ самобытникамъ мы должны относиться безпристрастно, обращая вниманіе, прежде всего, на то, въ какой степени полезно для русскаго крѣпостнаго крестьянства то, что они проповѣдуютъ.

Мы замѣтили выше, что послѣ того, какъ обсужденіе крестьянскаго вопроса послѣ короткаго перерыва во второй половинѣ 1842 года вновь

отчетно, на обыкновенномъ помѣщичьемъ правѣ", сослать столько-то человѣкъ, или отдать съ зачетомъ и безъ зачета въ солдаты. По мнѣнію автора, такое позволеніе необходимо для соблюденія постепенности при переходѣ къ новому порядку вещей и могло бы принести „много пользы" даже и въ томъ случаѣ, если бы отъ того произошли „нѣкоторыя злоупотребленія" Арх. Мин. Гос. Имущ., дѣло V Отд. Соб. Е. В. Канц. № 199, т. III, л. 126—144.

сдѣлалось невозможнымъ для русской журналистики, въ руки Киселева стало стекаться не мало записокъ по этому предмету. Авторы нѣкоторыхъ изъ нихъ, прежде чѣмъ обратиться къ министру, болѣе всѣхъ другихъ заинтересованному вопросомъ объ ограниченіи крѣпостнаго права, пытались провести свои взгляды къ печати, но получали отвѣтъ, что это невозможно по цензурнымъ причинамъ, и тогда уже отправляли свои труды къ Киселеву въ надеждѣ на его содѣйствіе. Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ одинъ изъ жителей южной Россіи, отставной полковникъ С. А. Левшинъ.

Черезъ годъ послѣ изданія указа объ обязанныхъ крестьянахъ онъ обратился къ Киселеву изъ Елисаветграда съ письмомъ, въ которомъ сообщаетъ, что еще въ іюнѣ мѣсяцѣ 1842 года онъ посылалъ свои трудъ, вызванный этою правительственною мѣрою, въ одному родственнику въ Петербургъ съ просьбою напечатать въ одномъ изъ періодическихъ изданій, но его нашли несогласнымъ съ правилами цензуры, хотя и не представляли въ цензурный комитетъ; теперь Левшинъ просилъ Киселева напечать его трудъ въ „Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ". „Статья моя,—говоритъ онъ, — не подходитъ ни подъ одно запретительное правило цензуры; она не клонится къ поколебанію ученія православной греко россійской церкви, не нарушаетъ неприкосновенность верховной самодержавной власти и не содержитъ въ себѣ ничего противнаго коренпымъ государственнымъ постановленіямъ. Дѣйствительно, неужели развивать мысль, дозволенную высочайшимъ указомъ, значитъ стремиться къ наруш нію государственныхъ постановленій?"

Записка Левшина озаглавлена такъ: „Государственное и сельское хозяйство. Опытъ возможныхъ условій между землевладѣльцами и крестьянами" Авторъ ея не особенно искусно владѣетъ перомъ и потому въ его трудѣ не мало весьма наивныхъ фразъ, но его записка не теряетъ отъ этого извѣстнаго значенія какъ доказательство, что и въ провинціальную глушь проникли уже мысли о необходимости уничтоженія крѣпостнаго права „Отрицательное положеніе, въ коемъ находится три четверти народонаселенія въ нашемъ отечествѣ, т. е. 35 мил. людей, могущихъ трудами рукъ своихъ обогащаться или обогащать государство, разсуждаетъ авторъ,—есть главнѣйшій вредъ, проистекающій отъ почти безусловнаго права помѣщика надъ своими крестьянами. Когда человѣкъ самъ не свой, для чего ему трудиться? Безспорно, у добрыхъ помѣщиковъ крестьяне пользуются всѣми правами или, лучше сказать, всѣми выгодами свободы, со всѣмъ тѣмъ довольно одной мысли, что его можно продать или отдать произвольно въ рекруты, чтобы охолодить живое стремленіе его воображенія къ чему-нибудь полезному, изящному". Далѣе авторъ старается доказать возможность условій между помѣщикомъ и крестьянами, которыя при извѣстныхъ обстоятельствахъ могутъ быть выгодны

для обѣихъ сторонъ. Онъ не раздѣляетъ высказываемыхъ многими въ то время опасеній, что крестьяне не будутъ аккуратно исполнять повинности, и находитъ, что разъ извѣстныя условія будутъ утверждены государемъ, правительство всегда имѣетъ возможность понудить и помѣщиковъ, и крестьянъ къ точному исполненію принятыхъ на себя обязательствъ [1]).

Находя вполнѣ возможнымъ заключеніе условій между помѣщиками и крестьянами, авторъ считаетъ, однако, неудобнымъ, по крайней мѣрѣ въ Новороссіи, передачу имъ всей помѣщичьей земли съ уплатою денежнаго оброка, въ виду ихъ „малаго досужества и непривычки къ денежнымъ оборотамъ"; договоръ долженъ быть здѣсь, по его мнѣнію, основанъ на барщинномъ трудѣ.

Авторъ беретъ для примѣра имѣніе, въ которомъ, до предполагаемаго измѣненія ихъ быта, крестьяне исполняютъ на помѣщика трехдневную барщину, и затѣмъ предлагаетъ заключить съ ними договоръ на слѣдующихъ основаніяхъ: отдать имъ въ пользованіе половину всей земли (это составляетъ по 5 дес. на душу), за что они должны обработывать господскую запашку въ томъ же количествѣ, какъ и прежде, съ обязательствомъ со стороны помѣщика и впредь не увеличивать ея размѣра, а покосовъ косить гораздо менѣе прежняго. Такимъ образомъ, по разсчету Левшина, крестьянамъ придется работать на господина менѣе трехъ дней въ недѣлю [2]) Затѣмъ помѣщикъ обязывается: не продавать крестьянъ ни по оди-

---

[1]) „Но надо сказать правду,—замѣчаетъ онъ,—въ таковой моей увѣренности въ силѣ правительства я встрѣтилъ сильное возраженіе: многіе убѣждены, что правительство, даруя нѣкоторыя личныя права крестьянамъ и ограничивая власть помѣщиковъ, которая въ дѣйствіяхъ своихъ часто бываетъ противна религіи и человѣчеству, не будетъ въ силахъ обуздать своеволія крестьянъ, и что изъ этого неминуемо провзойдутъ возмущенія, могущія потрясти въ самомъ основаніи государственное спокойствіе Но пусть мои противники,—продолжаетъ Левшинъ, заглянутъ въ исторію: гдѣ найдутъ они, чтобы народъ, которому правительство даровало священныя права человѣчества и гражданства, возставалъ противу виновниковъ своего благополучія? Всегда и вездѣ народъ платилъ любовью, признательностью и повиновеніемъ за дѣлаемое ему благодѣяніе. Возмущенія народныя всегда происходили отъ противнаго.." Далѣе авторъ напоминаетъ, что мысль о возможности дарованія крестьянамъ нѣкоторыхъ правъ собственности на землю „была въ полномъ ходу" въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II, и ссылается на извѣстную задачу вольнаго экономическаго общества, на увѣнчанный обществомъ трудъ Беарде-де-Лабея, на ту же тему Мармонтеля подъ заглавіемъ: „Discours en faveurs des paysans du Nord" (см. т. I. нашего труда).

[2]) Во избѣжаніе споровъ относительно обработки господской земли, Левшинъ предлагалъ исполнять барщину на основаніи учрежденія объ управленіи государственными имуществами въ западныхъ губерніяхъ, Высочайше утвержденнаго 28 декабря 1839 г., при которомъ было приложено росписаніе о количествѣ ежедневныхъ работъ производимыхъ крестьянами старостинскихъ имѣній въ пользу администраторовъ или арендаторовъ (См. 2-е П. С. З., т. XIV. № 13035). Слѣдуетъ однако, замѣтить, что если количество барщины по проекту Левшина уменьшалось, за то крестьяне должны исполнять ее всю со своимъ рабочимъ скотомъ между тѣмъ какъ прежде для этого

ночкѣ, ни цѣлымъ семействомъ, считать собственность каждаго крестьянина неприкосновенной, не обращать никого въ дворовые, — все это были прямыя слѣдствія указа 2 апрѣля: кромѣ того, каждый крестьянинъ мужскаго пола, желающій перейти въ другое званіе, получаетъ отпускную немедленно, какъ только онъ внесетъ за себя и за свою движимую собственность цѣну 2,000 дней земледѣльческой работы; деньги эти, а также и получаемыя за выводъ невѣстъ, поступаютъ не въ пользу помѣщика, а въ общественную сумму имѣнія, какъ вознагражденіе за убыль члена общества и средство къ исполненію за него казенныхъ и господскихъ повинностей до слѣдующей ревизіи [1]. Авторъ назначилъ въ надѣлъ крестьянамъ по 5 дес. на душу; если помѣщикъ предоставитъ имъ лишнее количество земли, то соотвѣтственно должны увеличиться и повинности.

Впрочемъ, Левшинъ не видѣлъ особенной бѣды и въ обезземеленіи нѣкоторой части крестьянъ не насильственнымъ путемъ, а при естественномъ размноженіи населенія; онъ даже считалъ желательнымъ образованіе у насъ контингента хорошихъ земледѣльческихъ работниковъ-батраковъ и указывалъ на то, что въ Западной Европѣ „пролетаріи“ составляютъ „лучшій классъ работниковъ“.

Не получивъ никакого извѣщенія отъ Киселева по поводу своей записки, Левшинъ рѣшился въ слѣдующемъ году поднести императору Николаю свои предположенія о мѣрахъ къ уничтоженію крѣпостнаго права, причемъ объяснилъ, что онъ обращался къ министру государственныхъ имуществъ съ просьбою о напечатаніи ихъ въ журналѣ министерства, но не получилъ отвѣта на свое письмо. На запросъ по этому поводу статсъ-секретаря кн. А. Ѳ. Голицина Киселевъ отвѣчалъ, что, съ одной стороны, Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ „открытъ исключительно для предметовъ сельскаго хозяйства, и разсужденіе о крѣпостномъ состояніи вовсе до него не относится, а съ другой—самъ г. Левшинъ объяснялъ, что статья его, бывъ прежде представлена къ напечатанію въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, не одобрена цензурою, а потому она не могла получить мѣсто и въ „Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ“. Какъ мы видѣли, однако, выше, Левшинъ вовсе не говорилъ, что его статья была не одобрена цензурою, а передавалъ только мнѣніе издателей, что она нецензурна, прямо разъ-

---

употреблялся чаще скотъ помѣщичій; а до тѣхъ поръ, пока они не пріобрѣтутъ всего нужнаго количества воловъ, Левшинъ совѣтуетъ взыскивать съ нихъ за работу каждой пары, принадлежащей помѣщику, по 15 к. въ день.

[1] Противъ этого мѣста рукописи какой-то читатель, безъ сомнѣнія, изъ лицъ, окружавшихъ Киселева въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, написалъ: „мысль новая и подлежащая разработкѣ“; слѣдуетъ замѣтить, однако, что мысль о выкупѣ на свободу цѣлыхъ по крайней мѣрѣ 2000 дней труда была высказана еще извѣстнымъ В. Н. Каразинымъ въ его запискѣ, посланной слободско-украинскому губернатору Бахтину въ 1810 году, хотя и не напечатанной въ свое время, но распространенной авторомъ въ спискахъ.

ясняя при этомъ, что его трудъ вовсе не былъ представленъ въ цензурный комитетъ [1]).

Въ концѣ царствованія императора Александра I серьезно интересовались крестьянскимъ вопросомъ въ Россіи многіе изъ такъ называемыхъ декабристовъ. Мы знаемъ, что сосланные декабристы не были лишены возможности вести интеллигентную жизнь, и, разумѣется, продолжали интересоваться судьбою крѣпостныхъ крестьянъ, симпатизировали всякой правительственной мѣрѣ, ограничивающей крѣпостное право. Этого мало были даже такіе изъ нихъ, которые заносили свои мысли по крестьянскому вопросу на бумагу, составляли цѣлые проекты измѣненія быта крестьянъ. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежалъ Фонъ-Визинъ, авторъ извѣстныхъ мемуаровъ, человѣкъ прекрасно образованный. Побудительнымъ толчкомъ для него какъ и для многихъ другихъ въ Россіи, послужилъ указъ 2 апрѣля 1842 года [2]). Фонъ-Визинъ, кажется, не отправлялъ своихъ трудовъ по крестьянскому вопросу къ Киселеву (по крайней мѣрѣ, мы нашли ихъ не среди собранныхъ послѣднихъ матеріаловъ), но, тѣмъ не менѣе, при тѣхъ обширныхъ связяхъ, какія были у декабристовъ, онъ, вѣроятно, имѣлъ возможность довести свои записки до свѣдѣнія лицъ, власть имѣющихъ. Одна изъ нихъ, прямо посвященная указу 2 апрѣля 1842 г. и заключающая въ себѣ предложеніе дальнѣйшихъ мѣръ для измѣненія быта крѣпостныхъ крестьянъ, оканчивается такими словами: „Предлагаю мысль мою на разсмотрѣніе людей опытныхъ, облеченныхъ властью. Пусть слабый, но искренній голосъ мой будетъ услышанъ тамъ, гдѣ взвѣшиваются и рѣшаются судьбы государства“ Познакомимся теперь именно съ этою запискою Фонъ-Визина, отлагая до другаго мѣста разборъ остальныхъ, еще болѣе замѣчательныхъ его трудовъ.

Упомянувъ о законѣ 1803 года относительно свободныхъ хлѣбопашцевъ и о томъ, что онъ не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ, Фонъ-Визинъ выражаетъ свое сочувствіе указу 2 апрѣля 1842 года, но замѣчаетъ, однако, что законъ 2 апрѣля не заключаетъ въ себѣ „распоряженій обязательныхъ, требующихъ немедленнаго исполненія“, и потому „скорѣе можетъ быть почитаемъ мудрымъ внушеніемъ, которымъ верховная власть желаетъ дать почувствовать дворянству несообразность правъ его въ отношеніи къ принадлежащимъ ему крѣпостнымъ“. Приводя далѣе сочувственный отзывъ одной прусской газеты (Preussische Staatszeitung 1842 г. № 26), авторъ желаетъ, чтобы выраженныя ею надежды

---

[1]) Арх. Мин. Госуд. Имущ. Дѣло V Отд. Соб. Е. Вел. Канц. № 199, т. III, л. 59—85, 156—157.

[2]) Двѣ записки его объ измѣненіи быта крестьянъ несомнѣнно написаны въ 1842 году послѣ изданія этого указа, а одно небольшое произведеніе, гдѣ онъ также касается этого предмета, въ 1842 или 1843 г. (см. ниже).

осуществились, и замѣчаетъ, что если бы дворянство отказало правительству въ своемъ усердномъ содѣйствіи въ этомъ дѣлѣ, то все-таки, верховная власть могла бы достигнуть своей цѣли, „не употребляя понудительныхъ средствъ". Прежде чѣмъ указать на необходимыя для этого мѣры, авторъ считаетъ необходимымъ обрисовать положеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи.

Видимо желая во всей своей запискѣ отнестись къ разбираемому имъ вопросу съ полнымъ спокойствіемъ и объективностью, онъ рисуетъ свѣтлыми красками положеніе оброчныхъ вотчинъ: но положеніе пашѣльныхъ крестьянъ [1]) представляетъ другую, „не совсѣмъ привлекательную и затемненную мрачными пятнами" сторону „крѣпостнаго быта". Однако, и тутъ авторъ сохраняетъ безпристрастіе, замѣчая только, что все въ такихъ имѣніяхъ зависитъ отъ нравственныхъ качествъ господина, и потому здѣсь встрѣчаются полныя противоположности „отъ совершеннаго благосостоянія до крайней нищеты". Онъ указываетъ на то, что законъ о трехдневной барщинѣ „не вездѣ строго соблюдается... Бываютъ случаи, что, при перемѣнѣ владѣльца, новый господинъ отрѣзываетъ лучшія полосы и конопляники отъ крестьянскихъ полей, а взамѣнъ отдаетъ свои худшіе участки. Подводная повинность у нѣкоторыхъ помѣщиковъ чрезвычайно обременительна. Поборы натурою весьма разнообразны [2]). „Не смѣю говорить,—продолжаетъ Фонъ-Визинъ,—до какой степени, въ нравственномъ отношеніи, доходитъ иногда злоупотребленіе власти помѣщиковъ. Тутъ встрѣчаются картины до того ужасныя, что съ трудомъ можно рѣшиться ихъ описывать. Забытъ голосъ природы и человѣчества! Безнаказанно совершаются неистовства, противныя религіи и чести; подъ мракомъ неизвѣстности страдаютъ и гибнутъ жертвы владѣльца, который считаетъ все созданнымъ для одной своей прихоти". Крестьяне такихъ помѣщиковъ, которые требуютъ отъ нихъ барщинной работы на фабрикахъ и винокуренныхъ заводахъ, „бо́льшею частью доведены до самаго жалкаго состоянія". Въ имѣніяхъ, гдѣ не живутъ сами помѣщики, „наемные и крѣпостные управители бо́льшею частью угнетаютъ крестьянъ".

Крѣпостное право, продолжаетъ авторъ, препятствуетъ въ Россіи введенію новѣйшихъ агрономическихъ системъ: въ Западной Европѣ

---

[1]) Которыхъ, особенно если не ограничиваться одной Великороссіей, было несомнѣнно гораздо болѣе, чѣмъ оброчныхъ; Фонъ-Визинъ полагаетъ, что барщинные крестьяне составляли три четверти всего крѣпостнаго населенія Россіи.

[2]) „Я зналъ въ Украйнѣ, — говоритъ авторъ, — одну богатую помѣщицу, которая простерла изобрѣтательность свою въ налогахъ до того, что собирала отрѣзанныя косы съ крестьянскихъ бабъ и дѣвокъ: каждая изъ нихъ въ продолженіе извѣстнаго числа лѣтъ должна была жертвовать своимъ природнымъ головнымъ уборомъ или откупаться опредѣленною денежною платою".

фермы, гдѣ существуетъ улучшенное полеводство, обработываются наемными работниками: тамъ усовершенствованныя земледѣльческія орудія принадлежатъ хозяину фермы, но „если у насъ завести подобные отдѣльные хутора, — справедливо замѣчаетъ Фонъ-Визинъ, — а крѣпостныхъ крестьянъ обратить въ батраковъ, получающихъ отъ владѣльца пищу и одежду, то ихъ состояніе тогда сравнится съ состояніемъ негровъ на плантаціяхъ южныхъ штатовъ Съверо-Американскаго Союза. Такіе примѣры, хотя и рѣдко, но встрѣчаются у нѣкоторыхъ нашихъ новыхъ агрономовъ, которые обнищавшихъ своихъ крестьянъ обращаютъ въ батраковъ при господскихъ усадьбахъ".

Сдѣлавъ справедливый и безпристрастный очеркъ положенія крѣпостныхъ крестьянъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, Фонъ-Визинъ оговаривается, что здѣсь населеніе дворянскихъ имѣній, несмотря на угнетеніе со стороны нѣкоторыхъ помѣщиковъ, „находится еще въ состояніи довольно сносномъ въ сравненіи съ крѣпостными западныхъ, отъ Польши присоединенныхъ, губерній" [1]).

Какіе же выводы дѣлаетъ авторъ изъ своего очерка положенія крѣпостнаго населенія въ Россіи? Онъ полагаетъ, что въ оброчныхъ имѣніяхъ могутъ быть немедленно введены правила, изложенныя въ указѣ объ обязанныхъ крестьянахъ. „Съ обращеніемъ крестьянъ въ это новое состояніе владѣльцы не испытаютъ значительныхъ измѣненій въ отношеніяхъ своихъ къ нимъ. Оброкъ останется прежній, и даже при поставленіи новыхъ условій въ нѣкоторыхъ вотчинахъ онъ можетъ увеличиться отъ болѣе правильной раскладки не по душамъ, а по участкамъ земли. Верховная власть личными убѣжденіями и почетными наградами можетъ легко склонить знатное дворянство къ введенію новаго устройства въ оброчныхъ вотчинахъ. Такимъ образомъ, почти однимъ почеркомъ пера можетъ быть обращено въ состояніе обязанныхъ крестьянъ большое населеніе помѣстій, принадлежащихъ, напримѣръ, гр. Воронцову, Шереметеву, Орлову, князьямъ Голицынымъ и многимъ другимъ. Примѣру ихъ не замедлятъ послѣдовать среднее дворянство, владѣющее оброчными имѣніями, желая тѣмъ сдѣлать угодное правительству. На первый случай, по мнѣнію автора, этимъ должно ограничиться дѣйствіе указа 2 апрѣля"; онъ думаетъ, что немногіе владѣльцы издѣльныхъ имѣній согласятся обратить своихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные, „потому что это нововведеніе необходимо влечетъ за собою совершенное

---

[1]) „Въ этой полосѣ Россіи, — продолжаетъ авторъ, — состояніе крѣпостныхъ еще несчастнѣе; причиною тому болѣе сложное и обременительное устройство имѣній и обычай отдавать ихъ на аренду такъ называемымъ поссесорамъ, которые, заботясь только о собственныхъ выгодахъ, не щадятъ крестьянъ поступающихъ къ нимъ во временное владѣніе".

измѣненіе въ экономическомъ устройствѣ имѣній". Но это не значитъ, что слѣдуетъ въ этихъ имѣніяхъ предоставить крестьянъ ихъ собственной судьбѣ; тутъ, по мнѣнію Фонъ-Визина, правительство въ виду дальнѣйшаго развитія указа объ обязанныхъ крестьянахъ должно употребить слѣдующія мѣры.

Прежде всего, подобно нѣкоторымъ другимъ авторамъ записокъ по крестьянскому вопросу, онъ совѣтуетъ правительству разрѣшить покупать населенныя имѣнія и владѣть ими лицамъ всѣхъ свободныхъ сословій, т. е. личнымъ дворянъ, купцамъ, мѣщанамъ, государственнымъ крестьянамъ, вольноотпущеннымъ и, наконецъ, иностраннымъ капиталистамъ, принявшимъ подданство Россіи, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы при покупкѣ имѣнія населеніе его было непремѣнно обращено въ обязанныхъ крестьянъ. „Для этого рода новыхъ помѣщиковъ. — говоритъ авторъ, -правительство, не стѣсняемое уваженіями давности владѣнія, можетъ издать точныя правила условій, въ которыхъ бы со строгой справедливостью соглашены были обоюдныя пользы и владѣльцевъ, и крестьянъ и съ точностью опредѣлены ихъ взаимныя права и обязанности". Для поощренія къ покупкѣ на этихъ условіяхъ населенныхъ имѣній Фонъ-Визинъ предлагаетъ купцовъ третьей гильдіи и другихъ разночинцевъ возводить. какъ владѣльцевъ недвижимой собственности, въ званіе почетныхъ гражданъ, а купцамъ двухъ первыхъ гильдій и иностраннымъ капиталистамъ давать право потомственнаго дворянства, если купленныя ими имѣнія будутъ состоять изъ 500 и болѣе душъ [1]). Въ подтвержденіе мысли о полезности предоставленія и недворянамъ права владѣнія населенными имѣніями на извѣстныхъ условіяхъ, авторъ разсказываетъ по своимъ воспоминаніямъ весьма замѣчательный случай изъ эпохи Александра I. Одинъ купецъ пріобрѣлъ на имя дворянина имѣніе въ 60 душъ. Послѣ того какъ построенный имъ здѣсь кожевенный заводъ сгорѣлъ во время нашествія французовъ, владѣлецъ имѣнія, для того, чтобы поправить свои дѣла и вновь завести хозяйство въ деревнѣ, уговорилъ крестьянъ, которые ему вполнѣ довѣряли, устроить взаимныя отношенія на слѣдующихъ условіяхъ: соединить вмѣстѣ всѣ господскіе и крестьянскіе пашни и луга, обработывать міромъ всѣ поля подъ наблюденіемъ

[1]) Авторъ выражаетъ надежду, что эти новые владѣльцы, наживше капиталы „трудолюбіемъ и дѣятельностью, приложатъ тѣ же качества къ улучшенію своихъ помѣстій и къ усовершенствованію сельскаго хозяйства", которое такъ отстало у насъ отъ другихъ отраслей промышленности. Мало того, Фонъ-Визинъ полагаетъ, что ихъ примѣръ возбудитъ соревнованіе и въ потомственномъ дворянствѣ, которое, убѣдясь въ возможности улучшенія имѣній и увеличенія доходовъ съ переводомъ крестьянъ на положеніе обязанныхъ, рѣшится заключить съ своими крѣпостными условія на основаніи указа 2 апрѣля.

владѣльца и по его распоряженію, а урожай, по обмолоченіи хлѣба на общемъ гумнѣ, за вычетомъ сѣмянъ, дѣлить пополамъ между владѣльцемъ и крестьянами, поступая такимъ же образомъ и съ сѣномъ. Владѣлецъ обязывался ни подъ какимъ предлогомъ не брать крестьянъ во дворъ и не отвлекать ихъ отъ хлѣбопашества, а потому для прислуги въ домѣ и ухода за скотомъ нанимать посторонних людей, — и это съ точностью соблюдалось. Въ свободное отъ полевыхъ занятій время крестьяне могли заниматься различными промыслами: извозомъ, рубкою дровъ и проч. Фонъ-Визинъ свидѣтельствуетъ, что вновь устроенное хозяйство скоро достигло цвѣтущаго состоянія.

Исторію этого имѣнія авторъ разсказалъ не только какъ доказательство того, что дозволеніе пріобрѣтать педворянамъ населенныя имѣнія на извѣстныхъ условіяхъ принесло бы хорошіе результаты; ему, несомнѣнно знакомому съ новѣйшими соціалистическими ученіями западной Европы, былъ, очевидно, весьма симпатиченъ самый принципъ общей обработки земли съ раздѣломъ продукта, тѣмъ болѣе, что при такомъ устройствѣ имѣній возможны были агрономическія улучшенія, неосуществимыя на небольшихъ крестьянскихъ надѣлахъ. Въ воображеніи автора рисуется уже весьма обширное примѣненіе подобной системы.

„Съ обращеніемъ крѣпостныхъ въ обязанные крестьяне при ограниченіи произвола владѣльца и при точной опредѣлительности правъ и обязанностей крестьянъ, такое экономическое устройство возможно не только въ малыхъ имѣніяхъ, отъ ста душъ и менѣе, но и въ большихъ хлѣбопашественныхъ вотчинахъ. Владѣлецъ такой вотчины, принимая въ соображеніе число деревень, ее составляющихъ, и величину каждой изъ нихъ, можетъ раздѣлить вотчину на нѣсколько отдѣльныхъ хозяйствъ (métairie). Каждое изъ этихъ хозяйствъ, соединяющее около ста душъ, будетъ имѣть соотвѣтствующее числу душъ количество пахотной земли и луговъ со всѣми необходимыми въ хозяйствѣ строеніями и съ достаточнымъ числомъ рогатаго скота. Эти отдѣльныя хозяйства владѣлецъ можетъ отдавать на откупъ, на продолжительные сроки, лицамъ всѣхъ свободныхъ сословій и даже своимъ обязаннымъ крестьянамъ. Такое преобразованіе экономическаго устройства имѣній обѣщаетъ владѣльцамъ умноженіе доходовъ вѣрное ихъ полученіе и вообще усовершенствованіе сельскаго хозяйства. Такимъ образомъ, введется настоящая система фермъ; эти фермы подъ управленіемъ людей, спеціально трудящихся для своихъ выгодъ, будутъ постепенно улучшаться въ земледѣліи и въ прочихъ отрасляхъ сельскаго хозяйства; этимъ способомъ оно, наконецъ, выйдетъ изъ того жалкаго состоянія, въ которомъ до сихъ поръ находится въ Россіи".

Но нарисованный авторомъ планъ широкаго преобразованія въ отношеніяхъ между владѣльцами и крестьянами обусловливался, конечно, необходимымъ согласіемъ обѣихъ сторонъ; правительству собственно авторъ предлагалъ лишь дозволить пріобрѣтеніе населенныхъ имѣній на извѣстныхъ условіяхъ лицамъ, не принадлежащимъ къ потомственному дворянству. Этимъ, однако, по его мнѣнію, не должна ограничиться дѣятельность правительства. Фонъ-Визинъ предлагалъ принять еще двѣ слѣ-

дующія мѣры 1) Дозволять покупку крестьянъ на свозъ и вообще переселеніе ихъ на новыя земли не иначе, какъ съ условіемъ непремѣннаго обращенія ихъ въ обязанные; согласно съ этимъ, при пожалованіи земель чиновникамъ ставить имъ въ непремѣнное обязательство заселять эти земли не крѣпостными, а обязанными крестьянами. 2) Такъ какъ воспитательный домъ, губернскіе приказы общественнаго призрѣнія и многія другія богоугодныя, человѣколюбивыя и учебныя заведенія имѣютъ значительные капиталы, на проценты съ которыхъ они содержатся, то можно было бы употребить бо́льшую часть этихъ капиталовъ на покупку дворянскихъ вотчинъ съ переводомъ ихъ населенія на положеніе обязанныхъ, причемъ всѣ эти заведенія будутъ существовать не на проценты съ принадлежащихъ имъ суммъ, какъ прежде, а на оброкъ, получаемый съ купленныхъ вотчинъ по заключеннымъ съ крестьянами договорамъ.

Требованіе Фонъ-Визина обусловить всякую продажу на свозъ и даже переселеніе крестьянъ обращеніемъ ихъ въ обязанные не можетъ не вызывать сочувствія уже потому, что это вносило извѣстныя стѣсненія въ отчужденіе крѣпостныхъ безъ земли. Что касается мысли о пріобрѣтеніи населенныхъ имѣній на капиталы воспитательныхъ домовъ и разныхъ благотворительныхъ и учебныхъ учрежденій, также подъ условіемъ заключенія договоровъ съ крестьянами, то, быть можетъ, и ея осуществленіе могло бы принести пользу. Нужно замѣтить, что у насъ уже были имѣнія, пожертвованныя для содержанія на получаемые съ нихъ доходы благотворительныхъ и учебныхъ заведеній, и повинности поселенныхъ въ нихъ крестьянъ устанавливались по большей части въ видѣ умѣреннаго денежнаго оброка и уравнивались съ повинностями государственныхъ крестьянъ [1]). Наконецъ, относительно первой мѣры, предложенной Фонъ-Визинымъ (какъ и нѣкоторыми другими авторами записокъ по крестьянскому дѣлу), т. е. дозволеніе лицамъ недворянскаго происхожденія обрѣтать населенныя имѣнія подъ условіемъ обращенія ихъ жителей въ обязанные крестьяне, то мы не считаемъ эту мѣру полезною. Примѣръ, приводимый Фонъ-Визинымъ, какъ онъ ни любопытенъ самъ по себѣ, не можетъ служить серьезнымъ аргументомъ для доказательства желательности вообще дозволенія лицамъ иныхъ сословій пріобрѣтать населенныя имѣнія. Каковы бы ни были недостатки умственнаго и нравственнаго состоянія нашего дворянства, все-таки, большинство членовъ этого сословія получало извѣстное образованіе котораго купечество, мѣщанство и крестьяне были совершенно лишены, а образованіе до нѣкоторой степени обуздывало тѣ дурные инстинкты, которые развиваются на почвѣ крѣпост-

---

[1]) *Тройницкій.* „Крѣпостное населеніе въ Россіи по 10-й народной переписи", изд. 1861 г., стр. 15.

ничества; къ тому же, наше купечество, заполучивши въ свои руки населенныя имѣнія, могло приложить къ нимъ чисто эксплоататорскіе принципы Калупаевыхъ и Разуваевыхъ, какъ это и совершается на нашихъ глазахъ, такъ что объ агрономическихъ улучшеніяхъ со стороны этихъ владѣльцевъ было даже нѣсколько наивно мечтать. Въ какой степени всѣ эти дурныя стороны рекомендуемой мѣры пашли бы противовѣсъ въ заключеніи условій между владѣльцами и крестьянами,—сказать трудно, но можно думать, что въ случаѣ ихъ нарушенія при дореформенномъ устройствѣ нашихъ судовъ крестьянамъ было бы, по всей вѣроятности, трудно бороться съ вновь испеченными помѣщиками. Такимъ образомъ, эту мѣру, предложенную Фонъ-Визинымъ, мы не считаемъ удачною, но это не мѣшаетъ его запискѣ быть однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ произведеній по крестьянскому вопросу, вызванныхъ указомъ 2 апрѣля 1842 г. [1]).

Трудъ фонъ-Визина свидѣтельствуетъ, что русское интеллигентное общество ожидало примѣра для остальнаго дворянства въ примѣненіи къ своимъ имѣніямъ указа 2 апрѣля со стороны нашихъ наиболѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, какъ-то: Воронцова, Шереметева, Голицыныхъ и друг. Нѣкоторые изъ нихъ, къ сожалѣнію, весьма немногіе, дѣйствительно отозвались на призывъ правительства, и во главѣ всѣхъ гр. М. С. Воронцовъ, который, какъ мы знаемъ, еще въ 1820 г. участвовалъ въ составленіи проекта общества для освобожденія крестьянъ, а затѣмъ въ тридцатыхъ годахъ, въ перепискѣ съ Киселевымъ, предлагалъ нѣкоторыя мѣры по крестьянскому вопросу.

Гр. Киселевъ еще въ 1841 г. при свиданіи съ Воронцовымъ въ Крыму подалъ ему мысль воспользоваться указомъ объ обязанныхъ крестьянахъ когда онъ будетъ изданъ, для его имѣнія Мурино (въ петербургскомъ уѣздѣ), чтобы показать примѣръ другимъ русскимъ землевладѣльцамъ, вслѣдствіе чего Воронцовъ немедленно по обнародованіи указа писалъ Киселеву изъ Одессы (20 апрѣля 1842 г.): „Уже нѣсколько времени тому назадъ я изготовилъ проектъ, соображаясь съ вашими замѣчаніями и съ маленькими измѣненіями, относительно которыхъ мы согласились съ вами въ Алупкѣ... Я не знаю только, какъ мнѣ взяться за дѣло, чтобы войти въ соглашеніе съ крестьянами, объяснить имъ всѣ выгоды, проистекающія для нихъ изъ этого устройства, и убѣдить ихъ подписать договоръ".

---

[1]) Другой извѣстный декабристъ, живній въ это время за границей, Н. И. Тургеневъ, высказалъ свое сочувствіе закону объ обязанныхъ крестьянахъ и сдѣлалъ по поводу его нѣсколько замѣчаній въ „*Journal des Débats*", а затѣмъ позднѣе (въ 1847 г.) въ своей книгѣ „*La Russie et les Russes*"; въ послѣдней онъ выразилъ, впрочемъ, сожалѣніе, что правительство не высказало съ большею откровенностью и рѣшительностью своихъ намѣреній относительно освобожденія крестьянъ.

Поэтому онъ просилъ разсмотрѣть его проектъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, а затѣмъ ознакомить съ нимъ муринскихъ крестьянъ. „Я съ довѣріемъ обращаюсь къ вамъ въ этомъ дѣлѣ.—продолжалъ Воронцовъ, – такъ какъ вы подали мнѣ эту мысль и, насколько могли, опредѣлили подробности. Вы видѣли, съ какимъ удовольствіемъ и увлеченіемъ я послѣдовалъ вашимъ совѣтамъ; я хотѣлъ бы однимъ изъ первыхъ на своемъ примѣрѣ представить доказательство возможности и выгодности этого дѣла“ [1]).

Лѣтомъ 1842 г. гр. Воронцовъ пріѣхалъ въ Петербургъ и вступилъ въ соглашеніе съ крестьянами, но затѣмъ начались продолжительныя мытарства этого дѣла по различнымъ инстанціямъ, о чемъ Воронцовъ извѣщалъ отсутствовавшаго въ это время Киселева. Послѣдній, по возвращеніи, сообщилъ жалобы Воронцова Бенкендорфу; тотъ посовѣтовалъ составить маленькую записку въ видѣ выдержки изъ письма Воронцова и показать ее государю. „Это дастъ вамъ случай,—писалъ Бенкендорфъ,—все высказать;... затѣмъ я буду горячо говорить Было бы истиннымъ несчастіемъ, если бы дѣло остановилось: скажу болѣе: это было бы ударомъ верховной власти и вѣчною преградою для дѣла самаго нужнаго, самаго необходимаго для постепеннаго освобожденія крестьянъ“. Неизвѣстно, послѣдовалъ ли Киселевъ совѣту Бенкендорфа, но дѣло все не приходило къ концу [2])

Въ началѣ февраля 1843 г. муринское дѣло разсматривалось въ комитетѣ министровъ [3]), а во второй половинѣ марта 1843 г. гр. Воронц-

---

[1]) Франц подлинникъ этого письма хранится въ Арх Мин. Госуд. Имущ., дѣло V Отд. Соб. Е. В. Канц. № 199, т. III, л. 15—16

[2]) Воронцовъ въ октябрѣ мѣсяцѣ писалъ изъ Крыма Киселеву: „У меня есть причина думать, что существуютъ нѣкоторые замыслы противъ всего этого дѣла, если нѣтъ ихъ и противъ меня лично. Что касается меня лично, то мнѣ все равно, хотя будетъ очень смѣшно, что за желаніе дать первый примѣръ полезнаго дѣла, направленнаго правительствомъ и угоднаго государю, меня обвинятъ опять, какъ въ 1824 г., въ опасныхъ намѣреніяхъ возмущать крестьянъ. Но болѣе всего огорчаетъ меня во всемъ этомъ то, что такой способъ дѣйствій парализуетъ и разрушаетъ съ самаго начала великую мѣру, благодѣтельную въ принципѣ и полезную въ приложеніи. Вы знаете, что я единственнымъ недостаткомъ ея нахожу то, что найдется немного людей, которые устроятъ это соглашеніе; но если вмѣсто того, чтобы поддерживать или хоть предоставить свободно дѣйствовать, министерство внутреннихъ дѣлъ начнетъ тормозить дѣло и придираться къ очень простому, по указанію правительства сдѣланному соглашенію отъ котораго я ничего не вымариваю“ (мы увидимъ ниже, что это не совсѣмъ такъ), „по которымъ крестьяне довольны и благодарны, то можетъ явиться уже не боязнь о малыхъ результатахъ, а увѣренность въ томъ, что никакихъ результатовъ вовсе не будетъ“. *Забѣлинъ-Десятовскій* II, 266—272.

[3]) При этомъ Киселевъ напоминалъ, что комитетъ министровъ принялъ уже сдѣланное имъ предложеніе о составленіи особыхъ по этому предмету правилъ, примѣняясь къ сельскому судебному уставу, изданному для государственныхъ крестьянъ, и выска-

цовъ получилъ, наконецъ, отъ министра внутреннихъ дѣлъ рѣшеніе комитета министровъ, всѣ бумаги и контракты. Не находя серьезныхъ возраженій противъ небольшихъ измѣненій, которыя ему было предложено сдѣлать, онъ велѣлъ переписать договоръ согласно съ этими указаніями и отправилъ въ Петербургъ [1]). Представленный черезъ комитетъ министровъ на благоусмотрѣніе государя, онъ былъ утвержденъ въ концѣ іюня 1843 г., и скоро послѣ того былъ подписанъ рескриптъ гр. Воронцову, въ которомъ императоръ Николай выражалъ ему свое „особенное удовольствіе и благоволеніе" за „благодѣтельный примѣръ" исполненія предначертаній, изложенныхъ въ указѣ 2 апрѣля посредствомъ заключенія съ крестьянами договора на такихъ условіяхъ, которыя „совершенно соотвѣтствуютъ видамъ правительства, охраняя права помѣщика и обезпечивая, вмѣстѣ съ тѣмъ, будущее положеніе крестьянъ". Какъ этотъ рескриптъ, такъ и подробныя свѣдѣнія объ условіяхъ, заключенныхъ гр. Воронцовымъ со своими крестьянами, были тогда же напечатаны въ „Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ" [2]). Воронцовъ былъ совершенно удовлетворенъ и, не претендуя уже болѣе на долгую проволочку въ утвержденіи контракта, въ письмѣ къ Киселеву выражалъ готовность продолжать „работать надъ добрымъ дѣломъ, которымъ такъ живо интересуется Его Величество" [3]) (Слѣдуетъ замѣтить, что хотя муринское дѣло, разумѣется, могло бы быть приведено къ концу скорѣе, но, съ другой стороны, излишняя поспѣшность и неосмотрительность при заключеніи условій съ обязанными крестьянами могли бы привести къ очень печальнымъ недоразумѣніямъ; договоры объ увольненіи крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы подвергались также внимательному просмотру

вывалъ мысль, что было бы „удобнѣе вмѣстѣ съ утвержденіемъ договора гр Воронцова издать и самыя правила о власти помѣщиковъ надъ обязанными крестьянами въ отношеніи разбора ихъ тяжбъ и проступковъ, сдѣлавъ на нихъ ссылку въ самомъ договорѣ", а если этого скоро сдѣлать нельзя, то, по крайней мѣрѣ, упомянуть въ договорѣ, что „владѣльцу предоставляется право разбора маловажныхъ тяжбъ и проступковъ крестьянъ на основаніи высочайшаго указа 1842 г. апрѣля 2 и особыхъ постановленій, какія по сему предмету отъ правительства послѣдуютъ", а затѣмъ въ заключеніе отъ имени комитета поручить, чтобы министры при составленіи этихъ правилъ „приняли въ соображеніе сельскій судебный уставъ, какъ постановленіе, въ которомъ всѣ дѣла о проступкахъ опредѣлены съ надлежащей положительностью и которое по высочайше утвержденному положенію 6 декабря 1842 г. принято уже въ основаніе при опредѣленіи власти майоратныхъ владѣльцевъ въ западныхъ губерніяхъ" Арх Мин. Гос. Имущ. дѣлъ V Отд. Соб. Е. В. Канц. № 199 т. III, л. 52 56 Положеніе о маіоратныхъ имѣніяхъ въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, см II С. З., т. XVII, отд. II, № 16297.

[1]) *Заблоцкій-Десятовскій*. „Киселевъ и его время", II, 262.

[2]) 1843 г. т. III, 281—290

[3]) *Заблоцкій-Десятовскій*. II, 273.

министерства внутреннихъ дѣлъ, которое иной разъ находило въ представляемыхъ ему проектахъ существенныя упущенія.

Такъ какъ условія гр. М. С. Воронцова съ его муринскими крестьянами должны были послужить образцомъ для заключенія другихъ подобнаго рода сдѣлокъ, то мы считаемъ необходимымъ остановиться на этомъ договорѣ.

Въ селѣ Муринѣ съ принадлежащими къ нему деревнями числилось по послѣдней 8 ревизіи 492 души м. п. (въ томъ числѣ 297 работниковъ). Въ пользованіи крестьянъ прежде находилось пашни и сѣнокосовъ 1,703 дес., усадебной 94 дес. да, кромѣ того, крестьяне пользовались выгонами въ размѣрѣ 212 дес. По новому договору они получили пахотной и сѣнокосной земли только 1,408 дес., т.-е. почти на 300 дес. менѣе, усадебная же и выгонная осталась за ними въ прежнемъ количествѣ. Уменьшеніе пашни и покосовъ объяснено въ условіи тѣмъ, что владѣлецъ не хотѣлъ увеличивать платимаго до тѣхъ поръ крестьянами оброка но такому богатому человѣку, какъ Воронцовъ, можно было бы сдѣлать это и оставивъ въ ихъ пользованіи прежнее количество земли [1]). Такимъ образомъ, крестьяне получили въ „общественное пользованіе", т. е. съ сохраненіемъ общиннаго пользованія землею [2]), почти по 3½ дес. на душу [3]) и обязались за это вносить ежегодно въ видѣ поземельнаго оброка сумму, равняющуюся 940 четвертямъ ржи. Сумма, выражающая цѣну этого количества хлѣба, должна была установляться каждыя 14 лѣтъ на основаніи среднихъ цѣнъ на рожь за это время на петербургской биржѣ съ утвержденія гражданскаго губернатора [4]). Аккуратный взносъ оброка обезпеченъ круговою порукою крестьянъ, въ случаѣ же недоимки съ ихъ стороны они понуждаются къ уплатѣ земскою полиціею, подъ руководствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства и подъ высшимъ наблюденіемъ губернскаго правленія, причемъ крестьяне „могутъ быть обращены на господскую запашку или на заработки, равнымъ образомъ можетъ быть обращена на удовлетвореніе помѣщика часть крестьянскаго имущества на правилахъ для возмѣщенія податей съ государственныхъ крестьянъ". Далѣе въ договорѣ было сказано, согласно съ тѣмъ, какъ это предлагалъ Киселевъ, что „гр. Воронцовъ предоставляетъ себѣ и наслѣдникамъ своимъ первоначальный разборъ тяжбъ и споровъ между крестьянами и право суда и расправы по маловажнымъ преступленіямъ и проступкамъ на основаніи указа 2 апрѣля 1842 г. и другихъ постановленій, какія

---

[1]) Количество поземельнаго оброка, назначеннаго съ крестьянъ, опредѣлено по разсчету „вотчиннаго дохода" съ земель, предоставляемыхъ имъ въ пользованіе, причемъ способъ этого разсчета былъ указанъ въ самомъ договорѣ. Но точность всего этого вычисленія вовсе не такъ безукоризненна, чтобы ради соблюденія ея нужно было отрѣзать у крестьянъ землю, прежде состоявшую въ ихъ пользованіи

[2]) Право собственности на землю осталось согласно съ указомъ 2 апрѣля за помѣщикомъ.

[3]) Не можемъ не припомнить, что въ указѣ 15 февраля 1827 года необходимою нормою для обезпеченія крестьянъ было признано 4½ дес. на душу, такъ что если помѣщикъ при продажѣ или залогѣ земли оставитъ въ пользованіи своихъ крѣпостныхъ менѣе этого количества, то велѣно было брать этихъ крестьянъ въ казну 2-е П. С. З., т. II, № 906.

[4]) На первый разъ цѣна четверти ржи была опредѣлена въ 3 р. 90 к., такъ что крестьяне должны были платить 3,666 р. въ годъ, т. е. по 7 р. 45 к. съ души м. п. или по 2 р. 14 к. съ десятины.

о семъ правительствомъ изданы будутъ." Вотчинное управленіе составлялось изъ бурмистра, въ лицѣ котораго по желанію помѣщика можетъ быть соединено и званіе управляющаго, изъ 2 старость и вотчиннаго писаря; управляющій, бурмистръ и писарь назначаются помѣщикомъ, а старосты выбираются крестьянами и утверждаются владѣльцемъ [1]). Право крестьянъ собираться на мірскіе сходы было строго ограничено договоромъ: это дозволялось имъ только 3 раза въ годъ въ разъ навсегда назначенные сроки; для собранія же въ иное время требовалось разрѣшеніе самого помѣщика и управляющаго имѣніемъ [2]). Крестьяне могутъ безпрепятственно по своему усмотрѣнію вступать въ бракъ; ни гр. Воронцовъ, ни его наслѣдники не могутъ брать ихъ для услуженія во дворъ иначе, какъ по вольному найму: имъ предоставлялось право пріобрѣтать движимую и недвижимую собственность, входить въ обязательства, производить торговлю, учреждать фабрики и проч. Въ случаѣ споровъ и притѣсненій, они могли приносить жалобы въ общія присутственныя мѣста. Переходить на другія земли или въ иныя свободныя состоянія они могли въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) по разрѣшенію владѣльца и съ согласія сельскаго общества съ обязательствомъ послѣдняго нести за оставленную землю повинности въ пользу помѣщика; 2) если общество не согласится дать подобнаго обязательства, то владѣлецъ можетъ дозволить переходъ съ принятіемъ въ свое распоряженіе оставшагося послѣ переселенца участка земли и со сложеніемъ съ общества соразмѣрной части оброка; 3) когда народонаселеніе въ Муринской вотчинѣ увеличится до того что въ надѣленныхъ въ пользованіе крестьянъ земель будетъ приходиться на каждую ревизскую душу менѣе 3 дес., то сельское общество можетъ все то количество крестьянъ, которое „за надѣленіемъ 3 десятинною процорціею составитъ излишекъ", уволить для переселенія въ другія мѣста, оставляя за собою обязанность уплачивать весь слѣдующій владѣльцу оброкъ [3]).

Такимъ образомъ, крестьяне по этому договору пріобрѣли: право вступать въ бракъ безъ согласія помѣщика, пріобрѣтать движимую и недвижимую собственность, имъ не грозило обращеніе въ дворовые и они получили возможность, при соблюденіи извѣстныхъ условій, перейти на другія земли или въ другія свободныя состоянія. Но за то они лишились пособія помѣщика въ случаѣ неурожая и пожара и при сохраненіи

---

[1]) Расходы по содержанію вотчиннаго управленія падали на счетъ крестьянъ.

[2]) Рекрутская повинность должна была исполняться въ Муринской вотчинѣ по общему очередному порядку, опредѣленному въ рекрутскомъ уставѣ, но при этомъ было оговорено, что сельское общество можетъ, съ предварительнаго каждый разъ разрѣшенія помѣщика или управляющаго, отдавать крестьянъ изъ своей среды въ рекруты за развратное поведеніе.

[3]) Для составленія продовольственныхъ запасовъ муринскіе крестьяне входятъ въ общество съ государственными, внося опредѣленное количество хлѣба и денегъ, каждый отдѣльно или учреждаютъ общественную кладовую, владѣлецъ же ни въ какомъ случаѣ не обязывается оказывать имъ пособіе. Точно также для обезпеченія на случай пожара они вносятъ наровнѣ съ государственными крестьянами особо-установленный для того сборъ и наравнѣ съ ними получаютъ пособіе, по представленію вотчиннаго управленія, отъ палаты государственныхъ имуществъ. Арх. Мин. Гос. Имущ. дѣло V Отд. Соб. Е. В. Канц. №190, г. III л. 105 и слѣд. Изложеніе этого договора (не вполнѣ точно) было сдѣлано въ „Журн. Мин. Вн. Дѣлъ", 1843 г., ч. III, 281—290.

тѣхъ же повинностей количество находившееся въ ихъ пользованіи пахотной и сѣнокосной земли уменьшилось почти на 300 дес. Нельзя сказать, слѣдовательно, чтобы владѣлецъ принесъ тяжелыя жертвы при заключеніи этого договора, и, можетъ быть, замедленіе въ его утвержденіи объясняется вовсе не какимъ нибудь личнымъ нерасположеніемъ нѣкоторыхъ представителей власти къ гр. Воронцову, а желаніемъ правительства удостовѣриться, не слишкомъ ли пострадаютъ интересы крестьянъ при переходѣ въ новое положеніе. Можно удивляться только, какъ согласились на этотъ договоръ крестьяне? Это объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что, вслѣдствіе близости къ Петербургу, они занимались не столько земледѣліемъ (на каждую ревизскую душу они обработывали въ свою пользу всего около 1½ дес. во всѣхъ поляхъ), сколько различными промыслами, и потому, не придавая особеннаго значенія утратѣ 300 дес. земли, они могли очень цѣнить пріобрѣтеніе большей свободы. Но крестьяне, находящіяся въ иныхъ условіяхъ, должны были иначе взглянуть на дѣло, какъ это и случилось въ одной изъ вотчинъ Воронцова, лежащей въ центральной Россіи.

Муринскіе крестьяне исправно исполняли принятыя ими на себя обязанности. Воронцовъ задумывалъ вступить въ подобные же договоры и съ крестьянами нѣкоторыхъ другихъ своихъ имѣній. Онъ надѣялся устроить переходъ крестьянъ въ обязанные въ своихъ имѣніяхъ новгородской, владимірской, саратовской, тамбовской и воронежской губерній, а затѣмъ подумывалъ и о своихъ польскихъ и украинскихъ вотчинахъ. Изъ письма Воронцова, написаннаго въ мартѣ 1844 г., мы узнаемъ, что крестьяне одного изъ его имѣній въ центральной Россіи *оказались мало расположенными къ переходу въ обязанные*: послѣ подробнаго ознакомленія съ муринскимъ договоромъ намъ не покажется это удивительнымъ; но Воронцовъ не унывалъ и увѣрялъ Киселева, что они „измѣнятъ свое мнѣніе, когда дѣло будетъ объяснено, какъ слѣдуетъ, и когда они увидятъ, что дѣлается въ Муринѣ" (онъ предполагалъ показать нѣсколькимъ „умнымъ" крестьянамъ другихъ имѣній все устроиство Муринской вотчины). Однако, предположеніе гр. Воронцова не осуществилось: другіе его крестьяне не перешли въ положеніе обязанныхъ, быть можетъ, не находя этого для себя выгоднымъ [1]). Декабристъ Фонъ-Визинъ возлагалъ въ свои запискѣ большія надежды на нашу аристократію въ дѣлѣ обращенія крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные, однако представители ея не спѣшили слѣдовать примѣру гр. М. С. Воронцова.

Только въ ноябрѣ 1844 г. кн. П. П. Трубецкой обратился къ гр. Киселеву изъ Ниццы съ просьбою о содѣйствіи въ дѣлѣ освобожденія его крѣпостныхъ. Онъ упоминалъ, что желаетъ примѣнить изложенный имъ способъ освобожденія крестьянъ въ своихъ имѣніяхъ лежащихъ въ московской, калужской и харьков-

[1]) *Заблоцкій-Десятовскій*, II, 273—274.

ской губерніяхъ, и просилъ гр. Киселева сообщить какъ свое личное мнѣніе о его проектѣ, такъ и то, найдетъ ли въ немъ правительство достаточныя гарантіи для обезпеченія благосостоянія землевладѣльца и крестьянъ. Въ приложенной запискѣ Трубецкой излагалъ условія, на основаніи которыхъ обязывался „приступить къ дѣлу". Считаемъ необходимымъ сообщить ихъ, какъ наглядный образчикъ взглядовъ одного изъ представителей русской аристократіи на освобожденіе крестьянъ.

„Я, нижеподписавшійся, такъ начиналось „условіе" кн. Трубецкаго, отказываюсь отъ крѣпостной власти надъ крестьянами моими, т. е. отказываюсь отъ права удерживать ихъ въ случаѣ желанія переселиться на другія земли, или приписаться къ другому сословію, либо оставить вотчину для изысканія себѣ работы на сторонѣ, выдавать паспорты, взыскивать оброкъ и заставлять на себя работать, требовать подводъ, лошадей, словомъ - - ничего изъ хозяйства и добра, имъ принадлежащаго, безъ обоюдно условленной и вольной платы, также не брать участія въ выборахъ старостъ и другихъ сельскихъ властей, а поступать съ ними, какъ съ вольными людьми, на моей землѣ живущими". Далѣе Трубецкой обязывался подарить крестьянамъ по 1 дес. огородной земли на каждое тягло (слѣдовательно, около $^1/_2$ дес. на душу мужскаго пола); земля подъ строеніями и самыя строенія остаются въ ихъ владѣніи. Всѣ остальныя земли лѣса, луга, воды и проч. составляютъ „неприкосновенную" собственность помѣщика и отдаются крестьянамъ въ наемъ по его „произволу". Для прокормленія крестьянскаго скота и отопленія избъ Трубецкой обѣщаетъ отвести достаточное количество луговъ и лѣсовъ въ пользованіе общины на 25 лѣтъ за ежегодную „условленную" плату съ тягла, которая опредѣляется вновь по прошествіи этого срока, причемъ съ согласія крестьянскаго міра могло быть измѣнено и количество луговъ и лѣса. Поля, которыми до сихъ поръ пользовались крестьяне подъ условіемъ трехдневной барщины, Трубецкой предлагаетъ отдавать имъ впредь въ наемъ на десятилѣтніе сроки „за условленную и вольную годовую цѣну". Земля отдается въ наемъ каждому хозяину отдѣльно, а арендная плата вносится или деньгами, или произведеніями земли по мѣстнымъ цѣнамъ. Размѣръ арендной платы и количество нанятыхъ десятинъ остаются неизмѣнными въ продолженіе 10 лѣтъ; однако если крестьянина постигнетъ несчастіе и онъ захочетъ отказаться отъ нанимаемаго имъ участка, точно также какъ если онъ захочетъ передать его другому, то онъ испрашиваетъ на это дозволеніе помѣщика. Крестьяне не обязаны нанимать земли непремѣнно у своего прежняго господина, а могутъ арендовать ихъ и у сосѣдей; точно также и помѣщикъ не обязанъ отдавать имъ землю въ аренду, если предлагаемая плата слишкомъ низка. Неисправный арендаторъ лишается права 10-ти лѣтняго пользованія землею за неизмѣняемую плату и отвѣчаетъ за недоимку своею собственностью, а участокъ его передается другому. Остальныя земли Трубецкой предполагалъ воздѣлывать наемными работниками, преимущественно изъ бѣдныхъ семействъ.

Подаривъ крестьянамъ усадебную землю и по $^1/_2$ дес. огородной, кн. Трубецкой слагалъ затѣмъ съ себя всякія относительно нихъ обязанности, правда, какъ мы видѣли выше, онъ готовъ былъ отдавать имъ земли въ аренду на извѣстный срокъ (относительно пашенъ 10-ти лѣтній, для лѣсовъ и покосовъ 25-ти лѣтній), но размѣръ арендной платы на этотъ срокъ зависѣлъ исключительно отъ его усмотрѣнія, крестьянамъ же предоставлялось только право, при невыгодности условій, арендовать земли у сосѣднихъ владѣльцевъ. Но если бы они и могли получить ихъ за болѣе сходную плату то во всякомъ случаѣ положеніе ихъ было бы безвыходнымъ, такъ какъ не только пашня и покосы находились бы не подъ

деревни, но имъ нельзя было бы выгнать по близости и скота. При этихъ условіяхъ они очутились бы въ такой зависимости отъ помѣщика, что она могла бы быть даже хуже прежняго крѣпостнаго права.

Само собою разумѣется, что такой проектъ не могъ понравиться Киселеву какъ потому, что онъ не представлялъ никакого ограниченія крестьянскихъ повинностей, такъ и потому, что предполагалъ введеніе подворнаго владѣнія землею, противъ котораго всегда такъ горячо возставалъ Киселевъ. Поэтому онъ отвѣчалъ Трубецкому, въ февралѣ 1845 г., что всего лучше было бы не слишкомъ спѣшить заключеніемъ окончательнаго договора, а ввести реформу въ имѣніяхъ собственною властью, чтобы убѣдиться, „обѣщаетъ ли прочное существованіе и, слѣдовательно, можетъ ли быть обращенъ въ законъ новый административный механизмъ [1]). Не знаю, послѣдовалъ ли Трубецкой совѣту Киселева, но во всякомъ случаѣ de jure его крѣпостные не превратились въ обязанныхъ.

Въ концѣ 1846 г. мы видимъ новое обращеніе къ гр. Киселеву одного изъ представителей нашей аристократіи по дѣлу измѣненія быта крѣпостныхъ. На этотъ разъ владѣлецъ, и не задумывая превращать крестьянъ юридически въ обязанныхъ, собственною властью и съ ихъ согласія точно ограничилъ свои права. Мы останавливаемся, однако, на этой попыткѣ, такъ какъ она несомнѣнно навѣяна указомъ 2 апрѣля 1842 года. Въ декабрѣ 1846 года кн. Евг. Гагаринъ сообщилъ Киселеву добровольныя условія, заключенныя имъ съ крестьянами въ херсонскомъ имѣніи, и заявилъ, что подготовляетъ то же самое въ имѣніяхъ матери въ саратовской и симбирской губерніяхъ съ замѣною только барщины денежнымъ оброкомъ, введенію котораго въ Новороссіи мѣшаютъ евреи, откупъ и недостатокъ связи между семействами. „Уничтоженіе истиннаго рабства дворовыхъ, свобода личности и передвиженія, запасы хлѣба зерномъ и мукою, сверхъ того, общинная казна для предупрежденія всякаго несчастія“, — вотъ принципы, положенные въ основаніе его условія. Въ письмѣ къ Киселеву онъ, кромѣ того, обращаетъ его вниманіе на „главнѣйшія, зависящія отъ правительства средства для того, чтобы начать безъ потрясеній уничтоженіе крѣпостнаго права“. Для этого, по его мнѣнію, нужно: 1) принимать отъ помѣщиковъ въ залогъ только земли, а не души, 2) предложить помѣщикамъ вознагражденіе исключительно за излишнее количество душъ относительно размѣра земли; 3) принимать въ обязанные крестьяне только пропорціонально съ количествомъ земли, причемъ остальные должны быть переселены или сдѣлаться ремесленниками и мѣщанами въ городахъ. 4) исключать немедленно изъ деревенскихъ ревизскихъ сказокъ всякаго вольноотпущеннаго, записаннаго въ городѣ, или имѣющаго возможность пріобрѣсти въ собственность участокъ земли; 5) запретить владѣніе людьми безъ земли.

Договоръ кн. Гагарина или, собственно, какъ сказано въ документѣ, кн. М. А. Гагариной, съ крестьянами херсонской губерніи, ананьевскаго уѣзда, села Окны, состоялъ въ слѣдующемъ. Каждый хозяинъ получалъ отъ помѣщика 8 дес. пахотной земли, пастбище и сѣнокосъ; за это онъ обязанъ поставить владѣльцу работника съ волами и работницу на 2 дня въ недѣлю. Хозяиномъ крестьянинъ признается по достиженіи 18 лѣтъ; въ 60 лѣтъ онъ въ правѣ отказаться отъ земли и въ такомъ случаѣ освобождается отъ всякой работы въ пользу владѣльца, или съ уменьшеніемъ, по его желанію, полученнаго земельнаго налога уменьшаются и его повинности. Всякій хозяинъ обязанъ своему 18-ти лѣтнему сыну удѣлить пару во-

---

[1]) Арх. Мин. Гос. Имущ., дѣло V Отдѣл. Соб. Е. В. Канц. № 199, т. III, л. 179, 184—196.

ловъ и все нужное для вступленія въ хозяйство и обработки земли, получаемой отъ владѣльца тотчасъ по достиженіи этого возраста. Дворовыхъ и фабричныхъ работниковъ впредь не будетъ. Мастеровые, не получившіе земли, не несутъ никакихъ повинностей въ пользу владѣльца, но должны уплачивать подати по раскладкѣ. Аккуратная уплата казенныхъ податей обезпечивается общественною запашкою, для чего каждый хозяинъ обязуется обработать $^1/_2$ десятины; доходъ съ общественнаго поля поступаетъ въ кассу, изъ которой выдаются заимообразно деньги изъ 5 процентовъ, а вдовамъ, калѣкамъ и сиротамъ до вступленія въ хозяйство и безъ возврата. Деньги, хранящіяся въ общественной кассѣ, употребляются: на немедленную помощь въ случаѣ несчастія, на леченіе крестьянъ въ больницѣ и на содержаніе пожарныхъ инструментовъ. Въ запасный магазинъ каждый хозяинъ обязанъ вносить опредѣленное количество хлѣба. За нѣкоторые проступки сохраняется тѣлесное наказаніе съ запискою въ „черную книгу", причемъ часто отмѣченные въ ней отдаются по приговору громады и съ согласія владѣльца въ рекруты или исключаются изъ села. Въ противоположность муринской вотчинѣ Воронцова, гдѣ очень рѣдко допускались собранія мірскаго схода, кн. Гагаринъ постановилъ, что громада должна собираться не менѣе раза въ недѣлю [1]).

Нельзя не признать, что по этому условію крестьяне пользовались землею за умѣренныя повинности.

Мы видѣли выше, что при предварительномъ обсужденіи договора Воронцова съ его муринскими крестьянами Киселевъ указывалъ на необходимость составить подробныя правила о разборѣ проступковъ и маловажныхъ тяжбъ обязанныхъ крестьянъ. Въ министерствѣ государственныхъ имуществъ еще въ ноябрѣ 1842 г. были заготовлены такія правила, представлявшія, въ сущности, сокращенную выборку съ нѣкоторыми небольшими измѣненіями изъ сельскаго судебнаго устава для государственныхъ крестьянъ [2]). Однако, эти правила, какъ видно, и непредставлявшіяся къ утвержденію въ законодательномъ порядкѣ, были оставлены безъ примѣненія [3]), но въ обществѣ слышались голоса, указывавшіе

---

[1]) Арх. М. Г. Им., дѣло V Отд. Соб. Е. В. Канц. № 199, т. III, л. 239–241.

[2]) Арх. М. Г. Им., дѣло V Отд. Соб. Е. В. Канц. № 199, л. 22—51, ср. Сводъ законовъ изд. 1842 г. т. XII, постановленіе о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ статьи 272—571.

[3]) Нѣсколько позднѣе, въ 1846 г., былъ измѣненъ 6-й пунктъ закона 2 апрѣля 1842 г., въ которомъ первоначально было сказано, что помѣщикамъ принадлежитъ „право суда и расправы въ проступкахъ и маловажныхъ преступленіяхъ обязанныхъ крестьянъ" (Св. Зак. т. IX, изд. 1842 г., ст. 910). Въ новой редакціи это мѣсто было выражено такимъ образомъ: „право суда и расправы въ такихъ преступленіяхъ и проступкахъ, за которые не полагается лишенія всѣхъ правъ состоянія", а въ примѣчаніи было пояснено: но „отдача въ смирительные и рабочіе домы или въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, а равно и удаленіе изъ общества неисправимыхъ и вредныхъ обязанныхъ крестьянъ чрезъ отдачу ихъ въ рекруты безъ очереди или представленіе въ распоряженіе губернскаго правленія, опредѣляется мірскимъ приговоромъ съ утвержденія самого помѣщика или такого управляющаго, который имѣетъ особое для сего уполномочіе". 2-е П. С. З. XXI, 19640, ст. 1681.

на необходимость другихъ правилъ, а именно гарантирующихъ исправное исполненіе обязанными крестьянами принятыхъ имъ на себя повинностей; отсутствіемъ необходимыхъ въ этомъ отношеніи гарантій объясняли даже нежеланіе дворянъ примѣнять къ дѣлу указъ 2 апрѣля 1842 года. Поэтому высочайше утвержденнымъ 10 іюня 1846 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено было объявить чрезъ губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства владѣльцамъ населенныхъ имѣній, что они, при увольненіи ихъ крестьянъ въ обязанные, могутъ для обезпеченія себя въ исправномъ со стороны крестьянъ выполненіи договоровъ включать въ нихъ слѣдующія условія: 1) Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне остаются на запашкѣ и повинности ихъ состоятъ въ рабочихъ дняхъ, всякій убытокъ, причиненный помѣщику ослушаніемъ одного или нѣсколькихъ человѣкъ и невыполненіемъ нарядовъ вотчиннаго управленія, владѣлецъ можетъ отыскивать или непосредственно съ самихъ виновныхъ, или возложить отвѣтственность за то, по добровольному соглашенію съ крестьянами, на все мірское общество. При ослушаніи же цѣлаго селенія или большей его части, независимо отъ наказанія за это по закону, для возмѣщенія ущерба владѣльца, обращать въ его пользу, по распоряженію уѣзднаго предводителя дворянства и при содѣйствіи земской полиціи, всѣ произведенія и движимое имущество виновныхъ въ неповиновеніи крестьянъ, за исключеніемъ лишь того, что необходимо нужно на уплату податей, на продовольствіе и посѣвъ, также орудій и скота для сельскихъ работъ. 2) Въ имѣніяхъ, гдѣ обязанные крестьяне состоятъ на оброкѣ, въ случаѣ неисправнаго его платежа, также пополнять недоимки чрезъ продажу всего принадлежащаго неаккуратнымъ плательщикамъ движимаго имущества, если оно не составляетъ „рѣшительной необходимости“ въ сельскомъ быту, а когда и это средство окажется недостаточнымъ, то обращать виновныхъ, съ разрѣшенія начальника губерніи и подъ наблюденіемъ уѣзднаго предводителя дворянства, временно на запашку или другія по указанію помѣщика работы въ самомъ имѣніи впредь до исправленія [1]).

До изданія правилъ 1846 г. былъ только одинъ случай увольненія помѣщичьихъ крестьянъ въ обязанные, а именно 492 душъ м. п. въ муринской вотчинѣ Воронцова. Еще ранѣе, чѣмъ этотъ договоръ былъ утвержденъ, началось дѣло объ увольненіи крестьянъ кн. Витгенштейна царскосельскаго уѣзда, села Дружноселья, въ количествѣ 662 душъ, но, вслѣдствіе несоблюденія разныхъ формальностей, оно завершилось официально не ранѣе второй половины 1847 года [2]). Изданіе правилъ 1846 г.,

---

[1]) „Сборникъ циркуляровъ и инструкцій министерства внутреннихъ дѣлъ“, Спб. 1855 г. т. III, 238—239.

[2]) Договоръ былъ составленъ по образцу договора гр. Воронцова съ его муринскими крестьянами. Крестьяне кн. Витгенштейна получили во владѣніе по 10 дес. на каждую

вопреки ожиданіямъ, также не подвинуло перехода помѣщичьихъ крестьянъ въ обязанные, такъ какъ подобныхъ случаевъ оказалось еще только два.

Помѣщикъ подольской губерніи. гр. Мечиславъ (а по присоединеніи къ православію Михаилъ) Потоцкій, въ 1845 г., по высочайшему повелѣнію „за предосудительные поступки" былъ высланъ въ Саратовъ подъ строжайшій надзоръ полиціи. „съ учрежденіемъ надъ имѣніемъ его опеки и съ воспрещеніемъ ему совершать акты и сдѣлки, съ цѣлью лишить наслѣдства жену и сына его". Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1847 г. гр. Потоцкій представилъ государю прошеніе съ приложеніемъ составленнаго имъ акта, испрашивая высочайшаго разрѣшенія на увольненіе всѣхъ его крѣпостныхъ людей, съ отдачею имъ въ собственность $^2/_3$ помѣщичьей земли и *не требуя отъ нихъ никакого вознагражденія*; остальное имѣніе онъ предназначалъ на разныя благотворительныя цѣли [1]). Просьба гр. Потоцкаго и увольнительный актъ были по высочайшему повелѣнію препровождены шефомъ жандармовъ гр. Орловымъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ министромъ юстиціи или его товарищемъ „безъ всякой огласки" разсмотрѣли, согласенъ ли этотъ актъ съ существующими законами. Въ представленномъ вслѣдствіе этого государю докладѣ было объяснено, что гр. Потоцкій можетъ при жизни даровать свободу своимъ крестьянамъ, даже принадлежащимъ къ родовому имѣнію, уволивъ ихъ только или въ свободные хлѣбопашцы, или въ обязанные крестьяне. но такъ какъ утвержденіе увольнительнаго акта гр. Потоцкаго было бы не вполнѣ согласно съ воспрещеніемъ совершать акты, клонящіеся къ лишенію наслѣдства его сына, то желательно произвести увольненіе его крестьянъ на условіяхъ, не слишкомъ тягостныхъ для наслѣдниковъ, и для этого предоставить крестьянамъ вмѣсто $^2/_3$ не болѣе $^1/_2$ или даже $^1/_3$ наличныхъ земель. Съ своей стороны, гр. Орловъ, „разсматривая это дѣло, по его словамъ, со стороны нравственной и со стороны политической", нашелъ, что хотя было бы весьма желательно „для блага крестьянъ гр. Потоцкаго" исполнить его увольнительный

ревизскую душу, въ томъ числѣ пахотной земли, покосовъ и выгону болѣе $6^1/_2$ дес. на душу и лѣсу на дрова и для построекъ по 3 дес. на душу. Въ основаніе разсчета денежнаго оброка положена была на 14 лѣтъ такая же цѣна хлѣба, какъ и въ договорѣ Воронцова, но оброкъ былъ умѣреннѣе, если считать плату съ десятины земли (имѣетъ 2 р. 14 к. всего по 1 р. съ десятины), и больше, если считать съ души (вмѣсто 7 р. 45 к., какъ въ Муршѣ, –по 10 р. съ души). Земля находилась въ общинномъ владѣніи крестьянъ. Арх. Мин. Гос. Им. Дѣло V Отд. Соб Е. В. Канц. № 997, л. 8—27. Договоръ этотъ былъ напечатанъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" 1848 г. №№ 95, 96, 98, 99.

[1]) Нужно замѣтить, что имѣніе это давало по инвентарю 175,964 руб., а въ дѣйствительности 204,336 руб. чистаго дохода.

актъ, „но, по духу времени и нынѣшнему расположенію умовъ, къ столь важному дѣлу должно приступить съ большою осторожностью, дабы освобожденіемъ огромнаго количества крѣпостныхъ людей не потрясти спокойствіе цѣлаго края, не подкопать основаніе существующихъ постановленій, не раздуть пламени непокорности въ сосѣднихъ вотчинахъ и тѣмъ не привести крестьянъ въ волненіе, помѣщиковъ въ отчаяніе, а правительство въ необходимость прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ для возстановленія нарушеннаго порядка". Поэтому въ докладѣ государю гр. Орловъ высказалъ мысль, что, прежде чѣмъ воспользоваться предложеніемъ гр. Потоцкаго, необходимо составить комитетъ, который отнюдь не долженъ допускать освобожденіе его крестьянъ на указанныхъ имъ началахъ, а „предначертать основанія", на которыхъ они „могли бы поступить въ обязанные, получивъ небольшую часть земли въ свою собственность [1]), внося за другую, бо́льшую часть, опредѣленную плату помѣщику и, такимъ образомъ, сдѣлать добро крестьянамъ, упрочить состояніе законныхъ наслѣдниковъ гр. Потоцкаго и осуществить человѣколюбивые виды государя императора". Государь на докладѣ гр. Орлова написалъ: „совершенно то, что хочу: разсмотрѣть и представить соображеніе въ комитетѣ изъ васъ, гр. Левашева, министра юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ и бар. Корфа".

Дѣятельность этого комитета въ полномъ его составѣ намъ неизвѣстна; мы могли ознакомиться только съ замѣчаніями Киселева на препровожденныя къ нему гр. Орловымъ бумаги относительно увольненія крестьянъ Потоцкаго въ обязанные. Въ замѣчаніяхъ на записку Орлова Киселевъ, между прочимъ, предлагалъ ввести у крестьянъ этого имѣнія (подольской губерніи) общинное землевладѣніе, а земскія повинности распредѣлить между помѣщикомъ и крестьянами по пространству земли, остающейся въ пользованіи тѣхъ и другихъ. По поводу присланнаго ему проекта увольнительнаго акта, составленнаго, быть можетъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ или въ III отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи (гр. Потоцкій желалъ освободить крестьянъ и надѣлить ихъ землею безъ всякой платы), Киселевъ указываетъ на чрезмѣрно высокія, превышающія даже прежнія, повинности крестьянъ, а именно по проекту предполагалось возложить на нихъ платежъ по 1 р. 89 к. съ десятины (что составляло до 25 руб. съ тягла), тогда какъ по точнѣйшей оцѣнкѣ казенныхъ земель въ этой мѣстности ихъ нельзя обложить оброкомъ болѣе 82 к. до 1 р. 13 к. съ десятины. Гр. Киселевъ

---

[1]) Такимъ образомъ, гр. Орловъ готовъ былъ нѣсколько отступить отъ основнаго начала указа 2 апрѣля 1842 г., которымъ предполагалось сохранять право собственности помѣщиковъ на всѣ ихъ земли, предоставляя крестьянамъ только право пользованія.

поэтому требовалъ, чтобы повинности крестьянъ были уменьшены и приведены въ соразмѣрность съ дѣйствительною цѣнностью земли.

Въ іюлѣ 1849 г. между Мечиславомъ (Михаломъ) Потоцкимъ и крестьянами былъ заключенъ договоръ, многіе пункты котораго были составлены по образцу договора кн. Воронцова съ крестьянами его мурпнской вотчины, но въ которомъ было и не мало особенностей. По этому договору въ обязанные крестьяне перешло 15056 душъ муж. пола въ брацлавскомъ и балтскомъ уѣздахъ подольской губ. Какъ мы видѣли, Потоцкій желалъ предоставить крестьянъ *въ собственность* своей земли безъ всякаго вознагражденія, но комитетъ, разсматривавшій его договоръ, допустилъ (вопреки принципамъ указа 2 апрѣля 1842 г.) передачу въ *собственность* крестьянъ лишь незначительной части земли, а именно 6307 дес.; затѣмъ въ „общественное пользованіе“ крестьянъ было предоставлено 50252 дес. пахотныхъ и 16052 дес. сѣнокосныхъ и пастбищныхъ земель. Слѣдовательно всего въ собственность и пользованіе крестьянамъ было передано 72611 дес., т. е. безъ малаго по 5 дес. на душу [1]). За предоставленныя въ ихъ пользованіе земли крестьяне обязывались платить оброкъ 72855 р., черезъ 14 лѣтъ размѣръ оброка можетъ быть измѣненъ сообразно измѣненію цѣнъ хлѣба. Для вспоможенія бѣднѣйшимъ крестьянамъ въ платежѣ податей помѣщикъ назначилъ изъ своихъ доходовъ ежегодно по 15000 р.; „деньги эти, составляя общественную кассу“, должны были вноситься „въ государственное кредитное установленіе для приращенія процентами“; крестьянскія общества могутъ употреблять ихъ „по мѣрѣ дѣйствительной надобности на разныя общественныя нужды, самый же капиталъ можетъ быть истребованъ только при чрезвычайныхъ бѣдствіяхъ, какъ напримѣръ въ случаѣ общаго неурожая, пожара, наводненія и проч.“ не иначе какъ съ разрѣшенія губернатора. Сельскій сходъ долженъ былъ между прочимъ разверстывать по домохозяевамъ земли, отведенныя въ общественное пользованіе, и распредѣлять причитающіяся за нихъ оброкъ и государственныя повинности. Въ январѣ 1850 г. договоръ этотъ былъ утвержденъ правительствомъ.

Въ декабрѣ 1850 г. заключены были еще договоры о переходѣ въ обязанные крестьяне въ имѣніяхъ гр. Өеклы и ея сыновей гр. Владиміра и Станислава Потоцкихъ, уманскаго уѣзда кіевской губерніи, въ числѣ 8502 душъ муж. пола. Здѣсь крестьяне получили только въ пользованіе 21597 дес. земли (слѣд. менѣе чѣмъ по 3 дес. на душу), за ко-

---

[1]) Относительно земель, уступленныхъ владѣльцемъ въ собственность крестьянъ въ договорѣ было сказано, что онѣ, „составляя общественную принадлежность, не могутъ быть отчуждаемы въ постороннее владѣніе, и потому въ случаѣ перехода крестьянина на другое мѣсто участокъ, коимъ онъ пользовался, поступаетъ въ распоряженіе общества“, но строенія, фруктовыя деревья и другія „заведенія“, принадлежащія переселяющемуся, онъ можетъ передать кому либо изъ общества или свезти въ свою пользу“.

торую они должны были платить оброкъ въ одномъ имѣніи по 1 р. 88 к. съ десятины, въ другомъ по 1 р. 47 к. Крестьяне обязывались давать „экономическихъ годовыхъ служителей изъ бобылей и сиротъ", за извѣстную плату, а по одному договору давать за опредѣленное вознагражденіе рабочихъ людей „къ молотильной машинѣ, особо мальчиковъ и дѣвченокъ", а также для полотья пшеницы и огородовъ. Въ одномъ договорѣ помѣщики обязывались завести на свой счетъ больницу для крестьянъ, содержать и лечить въ ней больныхъ и нанять лекаря съ прислугою. Договоры эти были утверждены въ 1854 г. [1]).

Такимъ образомъ, всего на всего въ 13 лѣтъ царствованія Николая со времени изданія закона 2 апрѣля 1842 г. поступило въ обязанные крестьяне только 24 708 душъ м. п., принадлежавшихъ тремъ аристократическимъ фамиліямъ. — результатъ поразительно ничтожный! Слѣдуетъ упомянуть, впрочемъ, что динабургское дворянство, которое еще въ 1819 г. выразило желаніе дать своимъ крестьянамъ личную свободу и занималось этимъ дѣломъ до 1830 г., вновь задумало въ 1846 г. обсудить вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ и получило высочайшее разрѣшеніе на составленіе проекта договора объ увольненіи ихъ крестьянъ въ обязанные, а потомъ дозволеніе открыть въ Динабургѣ комитетъ для опредѣленія правилъ по этому предмету; но въ 1848 г. составленный динабургскими помѣщиками проектъ былъ признанъ правительствомъ неудовлетворительнымъ [2]).

---

[1]) Мы имѣли въ рукахъ еще договоръ тѣхъ же Потоцкихъ съ ихъ крестьянами балтскаго уѣзда подольской губ. (2122 души муж. пола), которымъ они уступали 5391 дес., съ платою по 2 р. 12 к. съ десятины, но не увѣрены въ томъ, былъ ли этотъ договоръ утвержденъ. Договоры гг. Потоцкихъ съ крестьянами сообщены намъ редакціею „Русской Старины". Сравн. *Варадиновъ*, „Истор. министер. внутр. дѣлъ", т. III, кн. 3, стр. 508 и кн. 4, стр. 148.

[2]) *Варадиновъ*. „Ист. Мин. Вн. Дѣлъ" т. III, кн. 3, стр. 305, 447. Были также неутвержденные правительствомъ договоры, предложенные и отдѣльными помѣщиками. (Срав. упоминаніе въ рѣчи государя. *Заблоцкій-Десятовскій* II, 278). Отмѣтимъ еще попытку одного изъ провинціальныхъ предводителей дворянства вызвать министра финансовъ, гр. Канкрина, на обращеніе его крестьянъ въ обязанные. Предводитель дворянства сквирскаго уѣзда, въ которомъ находилось купленное въ концѣ тридцатыхъ годовъ гр. Канкринымъ имѣніе, Хоецкій, обратился къ нему въ іюнѣ 1842 г. съ предложеніемъ, не пожелаетъ ли онъ для примѣра другимъ помѣщикамъ того края заключить договоръ съ его крестьянами на основаніи указа 2 апрѣля. Канкринъ отвѣчалъ, что, не зная на мѣстныхъ удобствъ и потребностей, ни „выгодъ", какія можно было бы предоставить тамъ крестьянамъ, онъ не рѣшается заключить съ ними договоръ, такъ какъ не имѣлъ еще возможности быть лично на мѣстѣ; но, въ то-же время, объ этомъ, по выраженію Канкрина, „замѣчательномъ вызовѣ" онъ сообщилъ „для свѣдѣнія" министру внутреннихъ дѣлъ, гр. Перовскому, а послѣдній, въ виду того, что „заключеніе договоровъ помѣщиковъ съ крестьянами предоставлено совершенно на волю и усмотрѣніе помѣщиковъ", поручилъ кіевскому военному

Нечего, впрочемъ, и удивляться, что законъ 1842 г. не имѣлъ почти никакихъ послѣдствій: первоначальныя предположенія гр. Киселева были такъ искажены обсуждавшимъ ихъ секретнымъ комитетомъ, что и самъ первоначальный виновникъ этого закона плохо вѣрилъ въ его успѣшность. Прошло всего 3 года послѣ его изданія, а министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій, въ представленной имъ государю запискѣ по крестьянскому вопросу (въ ноябрѣ 1845 г.), считалъ уже себя въ правѣ съ увѣренностью утверждать, что эта мѣра не принесетъ той пользы, которой отъ нея ожидали. „Помѣщику и крестьянину, говоритъ онъ, предлагаютъ отказаться добровольно и безо всякой нужды отъ обоюдно предоставленныхъ имъ закономъ правъ (крестьяне лишаются отчасти заступничества и покровительства помѣщика, который, сверхъ этого, не обязанъ уже кормить ихъ въ голодные годы, ни оплачивать за нихъ податей), наложить на себя взаимными условіями новыя обязанности и, наконецъ, сдѣлать судьею и порукою въ ихъ исполненіи власть полицейскую, къ коей ни отъ того, ни отъ другаго по справедливости нельзя требовать никакой довѣренности. Если помѣщикъ нарушитъ въ чемъ-либо условіе, то, конечно, крестьянинъ разорится прежде, чѣмъ найдетъ судъ и расправу, а если крестьянинъ обманетъ помѣщика, напр., покинетъ хлѣбъ на корню и не сожнетъ его, то и владѣлецъ, съ своей стороны, вѣроятно, скорѣе успѣетъ выкосить на другой годъ на этомъ полѣ самосѣйку, чѣмъ найти должное удовлетвореніе. Вотъ естественныя причины почему какъ помѣщикъ, такъ даже и крестьянинъ предпочитаютъ настоящее извѣстное будущему неизвѣстному“. Исполненіе договоровъ со стороны крестьянъ правительство постаралось гарантировать дополненіемъ къ закону 1842 г., изданнымъ въ 1846 г., т. е. уже послѣ составленія записки гр. Перовскаго, но мы видѣли, что и эти новыя правила ни на шагъ не подвинули дѣла, осужденнаго на безплодіе съ самаго начала [1]).

Наконецъ, послѣднее слово порицанія закону 1842 г. Киселеву пришлось выслушать отъ чиновника его же министерства, Буракова который въ обширной, представленной министру „запискѣ по предмету освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостнаго владѣнія“, разсмотрѣлъ, между прочимъ, причины неуспѣха постановленія объ обязанныхъ крестьянахъ, причемъ наряду со взглядами, съ которыми мы не можемъ со-

---

губернатору, бывшему въ то-же время подольскимъ и волынскимъ генералъ-губернаторомъ, поставить Хоецкому на видъ „незаконность и совершенную неумѣстность“ этого вызова, обращеннаго, притомъ, къ такому лицу, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ нуждаться въ подобномъ руководствѣ. (Принадлежащая мнѣ рукопись).

[1]) Срав. отзывъ помѣщика Желтухина въ проектѣ по крестьянскому вопросу, составленномъ имъ въ 1847 г. „Журналъ Земледѣльцевъ“ 1859 г. ч. VI, № 24, приложеніе 6-е, стр. 2.

гласиться, высказалъ и дѣльныя мысли. Первая причина неуспѣшности закона объ обязанныхъ крестьянахъ, которая относится также и къ закону о свободныхъ хлѣбопашцахъ, по мнѣнію автора записки, состоитъ въ томъ, что объ эти мѣры предоставляютъ увольненіе крестьянъ усмотрѣнію самихъ помѣщиковъ. При этомъ условіи онѣ могли бы имѣть успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, если бы измѣненіе положенія крестьянъ на основаніи этихъ узаконеній казалось выгоднымъ помѣщикамъ или если бы правительство содѣйствовало этому особыми поощреніями. Что большинство помѣщиковъ не считаетъ выгоднымъ воспользоваться этими узаконеніями, доказывается малымъ числомъ уволенныхъ крестьянъ; что же касается поощреній, то ихъ вовсе нѣтъ [1]). Упрекая комитетъ 1839 г. за то, что онъ не сдѣлалъ подготовленный имъ законъ обязательнымъ для помѣщиковъ, авторъ записки, очевидно, не зналъ одного: что противъ обязательности этой мѣры категорически высказался самъ императоръ Николай.

Что касается особыхъ причинъ неуспѣха закона объ обязанныхъ крестьянахъ, относящихся исключительно къ этой правительственной мѣрѣ, то Бураковъ обвиняетъ, прежде всего, секретный комитетъ за то, что онъ оставилъ безъ вниманія одну изъ предложенныхъ его обсужденію мѣръ, а именно вопросъ о составленіи инвентарей по каждой губерніи. „Составленіе инвентарей, -замѣчаетъ авторъ, -какъ мѣра ограниченія власти помѣщиковъ, должна была навести ихъ на мысль о необходимости уволить своихъ крестьянъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, инвентари, составленные еще прежде заключенія договоровъ объ увольненіи крѣпостныхъ, могли

---

[1]) „Ибо если считать поощреніемъ, — говоритъ Бураковъ, — то, что помѣщики, увольняя своихъ крестьянъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, освобождаются отъ платежа за нихъ податей и пособія при неурожаѣ и въ пожарныхъ случаяхъ, то на это помѣщики съ основательностію могутъ возразить, что всѣ пособія крестьянамъ дѣлаются на счетъ доходовъ, съ нихъ же получаемыхъ, и, слѣдовательно, на счетъ собственныхъ средствъ крестьянъ. Послѣ этого что же можетъ служить для помѣщиковъ побужденіемъ увольнять своихъ крестьянъ? Большей части изъ нихъ еще чужды вовсе причины, заставляющія правительство желать уничтоженія крѣпостнаго состоянія. Тщетно было бы вразумлять ихъ объ опасности настоящаго порядка вещей на случай государственныхъ замѣшательствъ. Они или вовсе не повѣрятъ этой опасности, или сочтутъ ее слишкомъ еще отдаленною. Тщетно было бы также доказывать имъ, что доходы ихъ должны быть основаны главнѣйше на землѣ и что обработываніе оной посредствомъ вольнаго и наемнаго труда выгоднѣе, нежели обработываніе людьми крѣпостнаго состоянія. Истины эти, несомнѣнныя въ общемъ государственномъ значеніи, непримѣнимы къ дѣлу потому, что помѣщики нынѣ не могутъ уволить своихъ крестьянъ ни въ свободные хлѣбопашцы, ни въ обязанные крестьяне, не надѣливъ ихъ съ тѣмъ вмѣстѣ землею. Еще болѣе онѣ непримѣнимы къ тѣмъ нашимъ помѣщикамъ, доходъ которыхъ основанъ не на земледѣліи, а на личномъ трудѣ или на промыслахъ крестьянъ, а также къ мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ, все содержаніе коихъ основывается на даровой, барщинной обработкѣ земли“.

бы служить мѣриломъ для опредѣленія того, въ состояніи ли крестьяне аккуратно исполнять повинности, принимаемыя ими на себя по условію съ помѣщикомъ. Далѣе авторъ записки упрекаетъ комитетъ 1839 г. за то, что онъ, „отвергнувъ всѣ другіе, бывшіе въ виду, способы увольненія и, съ тѣмъ вмѣстѣ устройства крестьянъ послѣ увольненія ихъ, остановился только на одномъ общинномъ", а, между тѣмъ, „способъ общиннаго увольненія и надѣленія крестьянъ землею не удовлетворяетъ вполнѣ желанія и потребности помѣщиковъ, которые, какъ видно изъ представленныхъ ими правительству предположеній, болѣе склонны къ увольненію своихъ крестьянъ подворно или посемейно". Нѣкоторые представленные правительству проекты дѣйствительно основывались на этомъ принципѣ, и это доказываетъ, что среди дворянства уже были личности (во главѣ которыхъ стоялъ князь Меншиковъ), понимавшія, что для ихъ интересовъ выгоднѣе вступать въ договоры съ отдѣльными дворами и, такимъ образомъ, разрушить общинное землевладѣніе но это не ослабляетъ справедливой мысли истинныхъ друзей народа, выразителемъ которой явился въ секретномъ комитетѣ гр. Киселевъ, что поземельная община составляетъ основу благосостоянія русскаго крестьянина. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что въ законѣ 2 апрѣля нѣтъ запрещенія освобождать крестьянъ отдѣльными дворами. Затѣмъ авторъ обращаетъ вниманіе на то, что законъ 1842 года не указывалъ способовъ понужденія неисправныхъ крестьянъ къ отбыванію повинностей. Опасенія помѣщиковъ не совершенно устранены и правилами 1846 г., такъ какъ, „сколь ни строги" они „сами по себѣ", но, все-таки, они не представляютъ для помѣщиковъ такого вѣрнаго обезпеченія, какъ законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, на основаніи котораго крестьяне, неисполняющіе принятыхъ на себя условій, обращаются, попрежнему, въ крѣпостное состояніе.

Наконецъ, послѣднею причиною неудачи закона объ обязанныхъ крестьянахъ авторъ считаетъ отсутствіе закона, въ которомъ подробно опредѣлялись бы взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ послѣ ихъ перехода въ новое положеніе: секретный комитетъ пріостановился изданіемъ этого закона, желая прежде получить нѣсколько примѣрныхъ условій, а помѣщики, съ своей стороны, ждутъ подробныхъ правилъ, которыя могли бы служить для нихъ руководствомъ въ совершенно новомъ дѣлѣ.

Нужно замѣтить, впрочемъ, что гр. Киселевъ прекрасно понималъ необходимость болѣе подробнаго развитія закона 1842 г. и не разъ указывалъ на это. Такъ, напр., въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ увольнительнаго акта относительно крестьянъ гр. Потоцкаго онъ (въ 1847 г.) говоритъ, что при изданіи указа 1842 г. правительство вовсе не предполагало ограничиться однимъ этимъ указомъ, а имѣло намѣреніе изго-

товить подробное положеніе какъ о хозяйственномъ, такъ и объ административномъ устройствѣ крестьянъ, и настаивать на немедленномъ изданіи, по крайней мѣрѣ, административнаго положенія [1]). Съ другой стороны, въ неуспѣхѣ закона объ обязанныхъ крестьянахъ онъ сильно винилъ министерство внутреннихъ дѣлъ. «Законъ 1842 г.,—писалъ Киселевъ уже въ 1857 г.,—не имѣлъ послѣдствій.. и потому, что исполненіе затруднено было именно тою властью", которая должна была бы содѣйствовать его осуществленію. „Пусть министръ внутреннихъ дѣлъ прикажетъ изъ архива взять заведенныя дѣла объ увольненіи въ обязанные крестьяне, и онъ тогда убѣдится, что всѣ предположенія помѣщиковъ были отвергаемы административною властью подъ единственнымъ предлогомъ, что не подходятъ подъ разумъ закона 1842 г. Законъ этотъ имѣетъ, конечно, многіе недостатки; они были видимы при его изданіи: но по истинѣ кто въ томъ виновенъ? Тѣ, которые не желали никакого закона о прекращеніи рабства, а еще менѣе появленія закона удобоисполнимаго" [2]).

Очевидно, нельзя было предоставить заключеніе договоровъ съ крестьянами собственному усмотрѣнію помѣщиковъ, а необходимо было положительнымъ закономъ опредѣлить отношенія крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ. Мы видѣли, что лицъ, добровольно откликнувшихся на призывъ правительства, оказалось слишкомъ мало, и это совершенно выяснилось уже черезъ нѣсколько лѣтъ по изданіи закона объ обязанныхъ крестьянахъ. Тогда императору Николаю пришла мысль ускорить дѣло личнымъ обращеніемъ къ представителямъ дворянства, по крайней мѣрѣ, одной изъ мѣстностей Россіи. Насколько это оказалось успѣшнымъ, мы увидимъ ниже, а теперь предварительно познакомимся съ дѣятельностью нѣсколькихъ секретныхъ комитетовъ по крестьянскому вопросу, которые учреждались одинъ за другимъ, въ теченіе сороковыхъ годовъ.

---

[1]) Арх. М. Гос. Им., дѣло V Отд. Соб. Е. В. Канц., № 914, л. 9—10.

[2]) *Заблоцкій-Десятовскій*, II, 290—291. См. еще отзывы о законѣ 2 апр. 1842 г. въ „Сочиненіяхъ Самарина" II, 67—69, 91—96, 106 и въ „Запискахъ Кошелева", Прил. стр. 98—101.

ГЛАВА IV.

Комитеты 1840 и 1844 гг. о дворовыхъ людяхъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ открытія секретнаго комитета для измѣненія закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, дѣятельность котораго была описана въ третьей главѣ, былъ учрежденъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1840 г. новый, также секретный, комитетъ, спеціально посвященный вопросу о дворовыхъ людяхъ.

Въ началѣ нашей статьи было указано на то, что обиліе дворовыхъ и болѣе зависимое ихъ положеніе сравнительно съ крестьянами еще въ эпоху Александра I озабочивали какъ государственныхъ дѣятелей, такъ и частныхъ лицъ, размышлявшихъ о крестьянскомъ вопросѣ въ Россіи. Напомнимъ, что кн. П. Зубовъ въ неоффиціальномъ комитетѣ, существовавшемъ въ началѣ царствованія императора Александра, предлагалъ записать дворовыхъ въ цехи, съ тѣмъ чтобы казна, по желанію владѣльцевъ, выкупала ихъ за опредѣленную заранѣе сумму; В. П. Кочубей считалъ необходимымъ запретить обращеніе крестьянъ въ дворовые; Киселевъ въ своемъ проектѣ 1816 г. также настаивалъ на этомъ, предлагая еще возложить уплату податей за нынѣшнихъдворовыхъ на самихъ владѣльцевъ, въ надеждѣ, что это постепенно приведетъ къ совершенному уничтоженію дворни. Наконецъ, коммиссія для составленія законовъ въ проектѣ, представленномъ въ государственный совѣтъ въ 1820 г., не только предлагала запретить обращеніе крестьянъ въ дворовыхъ, но и рекомендовала цѣлый рядъ мѣръ (стѣсненіе въ отчужденіи этихъ послѣднихъ, уплата за нихъ податей самими владѣльцами и пр.) цѣлью которыхъ, какъ и въ проектѣ Киселева, было постепенное уменьшеніе этого непроизводительнаго класса. Такимъ образомъ, не было недостатка въ указаніяхъ, что̀ слѣдуетъ дѣлать съ этимъ многочисленнымъ разрядомъ крѣпостнаго населенія Россіи, тѣмъ не менѣе, при императорѣ Александрѣ I не было принято никакихъ мѣръ ни для его уменьшенія, ни для устройства его быта. Понятно, что очень скоро по восшествіи на

престолъ императора Николая вновь пришлось заняться этимъ важнымъ вопросомъ, и извѣстный комитетъ 6 декабря 1826 г. возвратился къ прежней мысли отдѣлить крестьянъ отъ дворовыхъ съ запрещеніемъ брать первыхъ во дворъ; но мы знаемъ, что какъ это, такъ и другія предположенія комитета относительно дворовыхъ остались безъ исполненія; только именнымъ указомъ 2 мая 1833 г. было воспрещено назначать дворовыхъ людей въ продажу за долги и казенныя взысканія, а также продавать и передавать ихъ какимъ бы то ни было образомъ въ посторонніе руки съ раздробленіемъ семействъ, причемъ принадлежащими къ семейству признаны не только малолѣтніе дѣти, но и всѣ неженатые сыновья и незамужніе дочери [1]).

Вопросъ о дворовыхъ былъ вновь поднятъ въ началѣ 1840 г., когда главноуправляющимъ II отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи гр. Блудовымъ была представлена государю записка по этому вопросу. Улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ, — такъ начинаетъ Блудовъ,—переходъ къ такому состоянію, при которомъ „свободное распоряженіе собою и имуществомъ будетъ провозглашено и обезпечено закономъ", при хорошихъ и осторожныхъ мѣрахъ со стороны правительства и при содѣйствіи самихъ помѣщиковъ, „можетъ быть не такъ труденъ", особенно, если будетъ найдено средство „безъ неволи привязать крестьянъ къ прежнему мѣсту жительства дарованіемъ нѣкотораго вида собственности, какъ, напр., введеніемъ вѣчной, переходящей отъ отца къ сыну кортомы (Erbpacht)", но что дѣлать съ огромною массою дворовыхъ, которыхъ, по словамъ Блудова, во время 8 ревизіи было въ Россіи болѣе милліона душъ муж. п.? [2]). Когда наступитъ время постепеннаго освобожденія „привязанныхъ къ землѣ хлѣбопашцевъ", крѣпостные дворовые представятъ особыя затрудненія и, быть можетъ, даже нѣкоторую опасность для общественнаго спокойствія. „Какъ употребить съ пользою для государства, — спрашиваетъ Блудовъ, — цѣлый милліонъ людей бо́льшею частью безъ всякаго, даже и движимаго, имущества и безъ всякаго ремесла, привыкшихъ если не къ совершенно праздной, то къ безпечной о будущемъ жизни и потому склонныхъ къ развращенію? Людей, коихъ, можетъ быть, одинъ непосредственный, непрестанный надзоръ господъ удерживаетъ отъ безпорядковъ и буйства?" Очевидно, по мнѣнію Блудова, необходимо заблаговременно по возможности уменьшать ихъ число, съ одной стороны, не допуская новыхъ перечисленій изъ крестьянъ въ дворовые а съ другой, — облегчая и даже побуждая

---

[1]) 2 П. С. З. VIII, 6163.

[2]) Цифра эта преувеличена: во время 9-й ревизіи (1851 г.) дворовыхъ было 519,461 д. муж. п. *Кеппенъ*. „Девятая ревизія". Спб. 1857 г., стр. 198, 208.

всѣми зависящими отъ правительства средствами переходъ ихъ въ другія состоянія и къ другому роду жизни. Что касается мѣръ, предложенныхъ съ этою цѣлью Блудовымъ, то онѣ были почти дословнымъ повтореніемъ предложеній по этому предмету (къ тому же, не всѣхъ), сдѣланныхъ въ проектѣ комитета 6 декабря 1826 г., въ которомъ и самъ Блудовъ принималъ участіе. Государь 15 февраля 1840 года одобрилъ записку Блудова и повелѣлъ на основаніи ея составить проектъ указа, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ разсмотрѣнъ въ особомъ комитетѣ.

Въ составъ назначеннаго съ этою цѣлью секретнаго комитета вошли князья П. Васильчиковъ, А. Голицынъ и А. Меншиковъ, графы Несельроде, Чернышевъ, Бенкендорфъ, Левашовъ, Киселевъ, А. Строгановъ, В. Панинъ, С. Уваровъ, Д. Блудовъ и государственный секретарь бар. М. Корфъ. Комитетъ имѣлъ всего три засѣданія—3, 11 и 18 марта 1840 года. Самымъ сильнымъ противникомъ какихъ бы то ни было мѣръ къ измѣненію быта дворовыхъ явился военный министръ гр. Чернышевъ. Предсѣдатель кн. Васильчиковъ предложилъ на разрѣшеніе три вопроса: 1) полезно ли ограничить число дворовыхъ и предстоитъ ли существенная необходимость въ особыхъ мѣрахъ по этому предмету; 2) въ чемъ должны заключаться эти мѣры и 3) благопріятствуютъ ли принятію ихъ обстоятельства настоящаго времени? Уже изъ самой постановки вопросовъ видно, что предсѣдатель, хотя онъ и не принадлежалъ къ числу лицъ, безусловно противившихся ограниченію крѣпостнаго права, несочувственно относился къ предлагаемымъ мѣрамъ для измѣненія быта дворовыхъ или, по крайней мѣрѣ находилъ ихъ несвоевременными (въ комитетѣ 1844 г. онъ высказалъ, что, пока существуетъ крѣпостное право, невозможно совершенно уничтожить дворовыхъ). Гр. Чернышевъ, въ представленной имъ во второе засѣданіе комитета запискѣ, отрицательно отвѣчалъ на всѣ три вопроса. Прежде всего, онъ старался доказать, что опасенія относительно чрезмѣрнаго умноженія дворовыхъ и возможнаго отъ нихъ вреда не имѣютъ основанія [1]). Гр. Чернышевъ не могъ

---

[1]) „Дворовыхъ, говоритъ Чернышевъ, можно раздѣлить на 3 разряда: одни составляютъ домашнюю прислугу, другіе исполняютъ въ имѣніяхъ обязанности приказчиковъ, ковторщиковъ, занимаются ремеслами, работаютъ на заводахъ, фабрикахъ, овчарняхъ и пр., наконецъ третьи платятъ оброкъ и служатъ по найму въ другихъ мѣстахъ. Второй разрядъ, имѣющій весьма полезныя занятія, не можетъ возбуждать никакихъ опасеній, третій—и послѣ освобожденія останется въ томъ же положеніи, слѣдовательно можно разсуждать только о первомъ", но численность его, по мнѣнію гр. Чернышева, уже далеко не та, какъ въ началѣ столѣтія. „Въ столицахъ,—продолжаетъ онъ, — уже нѣтъ барскихъ домовъ, въ коихъ дворни считались не десятками, а сотнями: въ городахъ и деревняхъ нѣтъ, какъ прежде, огромнаго числа псарей, стерей, домашнихъ оркестровъ и пр., и пр. Просвѣщеніе хозяйственность, въ особенности стѣснительное положеніе помѣщиковъ, далеко уменьшили число этихъ слугъ-тунеядцевъ",

придумать никакихъ мѣръ, которыя хоть нѣсколько уравновѣшивали бы или вознаграждали тотъ „величайшій вредъ", который, по его мнѣнію. „неминуемо послѣдуетъ отъ... несвоевременнаго посягательства на вѣковыя права, отношенія и привычки". Можно было бы допустить, замѣчаетъ авторъ, чтобы дворовые, составляющіе домашнюю прислугу, были обложены болѣе высокою податью, чѣмъ крестьяне (именно этого не желалъ Блудовъ), но за это, какъ и еще болѣе въ томъ случаѣ, если помѣщикъ принужденъ будетъ пользоваться наемною прислугою, поплатятся только крестьяне. Къ тому же, немедленное принятіе мѣръ для измѣненія быта дворовыхъ гр. Чернышевъ считалъ особенно несвоевременнымъ [1]). Въ заключеніе своего мнѣнія онъ утверждалъ, что такая мѣра, какъ отдѣленіе дворовыхъ отъ крестьянъ, „произведетъ дѣйствіе, совершенно противное той цѣли, для которой она предлагается. Дворовые люди, отдѣленные столь рѣзкою чертою отъ крестьянъ, вдругъ увидятъ себя сословіемъ особеннымъ, не связаннымъ съ обществомъ тѣми узами, которыя вездѣ и всегда считались важнѣйшими нравственными опорами общаго порядка и спокойствія. Въ новомъ своемъ положеніи дворовые будутъ способны покуситься на все, и тогда-то дѣйствительно могутъ сдѣлаться опасными въ высшей степени" [2]).

нѣтъ сомнѣнія, что оно будетъ все болѣе уменьшаться и, наконецъ, „войдетъ въ естественные предѣлы. Къ чему же принимать особенныя, общія правительственныя мѣры по сему предмету? Гдѣ тѣ факты нравственной статистики, на которыхъ мѣры сіи должны основываться? Доказано ли, что причиною безпорядковъ, бывшихъ въ послѣднее время и даже въ прошломъ году въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, были дворовые люди? Кажется, событія доказываютъ противное!"

[1]) „Нельзя скрыть отъ себя,—говоритъ гр. Чернышевъ, — что послѣ происшествій минувшаго лѣта въ нѣкоторыхъ губерніяхъ общая дороговизна и недостатокъ продовольствія..... сомнительные виды будущаго урожая и, наконецъ частныя распоряженія правительства въ отношеніи нѣкоторыхъ сословій сильно волнуютъ умы, а потому на вопросъ: время ли принимать теперь мѣры столь важныя?—смѣло можно отвѣчать, что не время. Это опасно, если мѣры эти предпринимаемы будутъ отдѣльно; еще опаснѣе, если онѣ будутъ въ связи и, такъ сказать, предвѣстіемъ измѣненія отношеній крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ. Мысль общей политической свободы уже давно обладаетъ умами въ Европѣ, но, къ счастію, она у насъ недоступна еще классу поселянъ! Предметъ этотъ касается основныхъ началъ государственныхъ. Отъ мысли о свободѣ крестьянъ неминуемо перейдутъ къ разнымъ другимъ послѣдствіямъ, могущимъ поколебать въ основаніи все государственное зданіе. Глубоко убѣжденный въ сей истинѣ", гр. Чернышевъ полагалъ, „что намъ нужны не нововведенія, столь опасныя, а поддержаніе и усовершенствованіе стараго. Благоговѣніе къ чистой вѣрѣ отцевъ, безусловная привязанность къ престолу, постоянное отеческое наблюденіе правительства къ искорененію всякихъ безпорядковъ и жестокостей и къ сохраненію отношеній семейныхъ и общественныхъ—вотъ что нужно для благоденствія земли русской".

[2]) Чернышевъ допускалъ только одну мѣру въ пользу крестьянъ: онъ совѣтовалъ секретно скупать въ казну мелкопомѣстныя имѣнія, въ которыхъ „скорѣе можно найти разныя вымогательства, а иногда и самыя истязанія".

Кисслевъ, вѣроятно, потому, что какъ-разъ въ это время онъ былъ чрезвычайно занятъ составленіемъ своей записки объ обязанныхъ крестьянахъ, повидимому, не особенно дѣятельно участвовалъ въ занятіяхъ комитета, въ дѣлопроизводствѣ котораго сохранилось лишь краткое изложеніе въ третьемъ лицѣ его мнѣнія по вопросу объ устройствѣ быта дворовыхъ. Признавая, что внезапное отдѣленіе дворовыхъ отъ крѣпостнаго состоянія сопряжено со многими неудобствами, онъ предлагалъ достигнуть этого постепенно слѣдующими мѣрами: образовать по всѣмъ городамъ цехъ слугъ, обязать помѣщиковъ причислять къ нему дворовыхъ съ платежемъ цеховой подати сначала на все время, на которое они будутъ отпускаемы на оброкъ, а затѣмъ и тогда, когда будутъ находиться у помѣщиковъ, и, наконецъ, предоставить владѣльцамъ право отпускать дворовыхъ людей на волю съ причисленіемъ къ цеху слугъ и съ выкупомъ личной свободы единовременнымъ взносомъ условленной суммы или съ уплатой ея въ извѣстный срокъ подъ наблюденіемъ цеховаго управленія.

Внимательно обсудивъ, согласно волѣ государя, записку Блудова и составленный имъ проектъ, комитетъ не отрицалъ, что „уменьшеніе числа дворовыхъ людей было бы дѣломъ весьма желательнымъ и существенно полезнымъ“, но нашелъ, что главная трудность рѣшенія этого вопроса состоитъ въ необходимости „отвратить всякій поводъ къ столкновенію правъ помѣщика съ обязанностями крѣпостныхъ его людей“, такъ какъ это могло бы возбудить въ крестьянахъ различныя ложныя мысли и даже повести къ нарушенію общественнаго спокойствія. Поэтому, несмотря на то, что проектъ, составленный Блудовымъ, „заимствовалъ изъ прежнихъ заключеній комитета 6 декабря 1826 г. и государственнаго совѣта *съ нѣкоторыми его ограниченіями*“, тѣмъ не менѣе, комитетъ 1840 г. нашелъ „едва ли возможнымъ приступить къ мѣрамъ столь общимъ и сильнымъ“ въ виду неблагопріятныхъ обстоятельствъ того времени, на которыя указывалъ гр. Чернышевъ, и предпочиталъ обратиться сперва къ мѣрамъ „косвеннымъ и переходнымъ“. Прежде всего, онъ считалъ необходимымъ, согласно предложенію Киселева, устроить по городамъ цехъ слугъ на первый разъ только изъ людей свободныхъ; затѣмъ относительно облегченія перехода дворовыхъ въ другія состоянія и къ другому роду жизни комитетъ одобрилъ слѣдующія предложенія Блудова: 1) дозволить при отпускѣ двороваго на волю постановлять въ отпускной условія не только объ единовременномъ или по срокамъ платежѣ извѣстной капитальной суммы, но и объ опредѣленномъ оброкѣ, ежегодно платимомъ увольняемымъ пожизненно или въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ, 2) требовать отъ помѣщика податей за увольняемаго не до ревизіи, а только въ первый годъ и 3) отпущенныхъ на волю, по приписке ихъ въ годовой срокъ къ другому состоянію, освобо-

бождать отъ всякихъ податей еще на 3 года, а отъ рекрутской повинности до новой ревизіи. Къ этимъ мѣрамъ съ своей стороны комитетъ присоединилъ еще предложеніе, чтобы при отпускѣ дворовыхъ на волю дозволено было постановлять условія не только о денежныхъ платежахъ, но и о личной службѣ владѣльцу до смерти послѣдняго или на извѣстное число лѣтъ. Для недопущенія перечисленія впредь крестьянъ въ дворовые, комитетъ считалъ на первый разъ достаточнымъ точное примѣненіе двухъ статей закона: „владѣлецъ можетъ налагать на крѣпостныхъ своихъ людей,—сказано въ одной изъ нихъ,—всякія работы, взимать съ нихъ оброкъ и требовать исправленія личныхъ повинностей, съ тѣмъ только, чтобы они не претерпѣвали чрезъ сіе разоренія и чтобы положенное закономъ число дней оставляемо было на исправленіе собственныхъ ихъ работъ“ (Св. Зак., т. IX, ст. 589), а на основаніи другой —крестьяне обязаны работать на своего помѣщика 3 дня въ недѣлю (ст. 590). Выводя изъ первой статьи, въ которой дворовые не различены и не отдѣлены отъ крестьянъ, что правило о 3-хъ дневной работѣ относится одинаково ко всѣмъ крѣпостнымъ и что, слѣдовательно, въ личную услугу владѣльца крестьяне могутъ быть употребляемы не иначе, какъ съ вознагражденіемъ ихъ за потерю остальныхъ дней, комитетъ предлагалъ постановить „или, лучше сказать, пояснить“ слѣдующее: 1) такъ какъ при послѣдней ревизіи дворовые показаны особою статьею отъ крестьянъ, то только означенные по ревизіи дворовыми и будутъ составлять этотъ классъ людей; 2) если затѣмъ помѣщикъ пожелаетъ впредь употребить для услуженія себѣ кого-либо изъ крестьянъ, то, такъ какъ они должны оставаться въ прежнемъ крестьянскомъ званіи, это можно сдѣлать не иначе, какъ, по тогдашнему выраженію, *брать на брата*, т.-е. такимъ образомъ, чтобы одно тягло того семейства, изъ котораго берется крестьянинъ, было освобождаемо отъ всякихъ работъ и повинностей на владѣльца, а въ имѣніяхъ оброчныхъ отъ платежа оброка, и чтобы участокъ земли, которымъ онъ пользовался, оставался въ его семьѣ, что и продолжается до тѣхъ поръ, пока помѣщикъ не возвратитъ работника снова въ его семейство. Наконецъ, комитетъ одобрилъ мѣру, предложенную Киселевымъ, т.-е. причисленіе дворовыхъ, уволенныхъ помѣщикомъ съ извѣстными срочными условіями и отпускаемыхъ на оброкъ, къ городскимъ цехамъ слугъ, но только съ согласія этихъ лицъ. Далѣе этого комитетъ не пошелъ, т.-е. не высказалъ прямо желанія причислить современемъ къ цеху слугъ и тѣхъ дворовыхъ, которые оставались еще во владѣніи помѣщиковъ, какъ это предлагалъ Киселевъ, а только выразилъ надежду, „что учрежденіе такого цеха „современемъ можетъ послужить началомъ и средствомъ для дальнѣйшаго устройства и тѣхъ, которые остаются еще въ крѣпостной зависимости“.

Докладъ комитета съ приложеніемъ проектовъ двухъ послѣдовательныхъ указовъ сенату былъ утвержденъ государемъ, но затѣмъ, 26 марта 1840 г., предсѣдатель кн. Васильчиковъ объявилъ высочайшее повелѣніе: „оставить сіе дѣло впредь до удобнаго времени".

Однако, дѣло это было дѣйствительно только отложено, а не совершенно забыто. Въ 1843 году государь поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ, Льву Перовскому, представить свои соображенія по вопросу о дворовыхъ, и въ ноябрѣ мѣсяцѣ онъ исполнилъ это требованіе въ особой запискѣ. Разсмотрѣвъ ее, государь набросалъ свои мысли по этому предмету; онъ находилъ полезнымъ, кромѣ переписи дворовыхъ, учрежденіе служебныхъ и ремесленныхъ цеховъ для тѣхъ изъ нихъ, которые ходятъ по паспортамъ, съ обложеніемъ такихъ дворовыхъ усиленными податями [1]).

Государь передалъ свою записку министру внутреннихъ дѣлъ, и тотъ къ 10 января 1844 г. изготовилъ докладъ по вопросу о дворовыхъ съ присоединеніемъ проектовъ трехъ послѣдовательныхъ указовъ. Проектъ перваго указа начинался такъ: „При существующемъ у насъ издавна порядкѣ хозяйства въ помѣщичьихъ населенныхъ имѣніяхъ образовалось особое сословіе, извѣстное подъ названіемъ дворовыхъ людей, которое, при несоразмѣрномъ размноженіи своемъ, обратилось въ тягость не только владѣльцамъ, но и самому правительству. Проводя время въ праздности, люди эти увеличиваютъ собою число тунеядовъ (sic), большею частью дѣлаются навсегда неспособными къ полезному труду и впадаютъ преимущественно предъ крестьянами въ пороки и всякаго рода преступленія. Признавая на семъ основаніи дворовыхъ людей вообще сословіемъ вреднымъ, мы сочли за благо принять мѣры для ограниченія дальнѣйшаго прирощенія сего сословія". Съ этою цѣлью предполагалось, прежде всего, произвести въ теченіе одного года особую перепись всѣмъ дворовымъ обоего пола съ назначеніемъ значительнаго штрафа за прописныхъ;

---

[1]) „Классъ дворовыхъ людей, — писалъ императоръ Николай, — подраздѣляется на 4 главные рода: 1) дворовыхъ, составляющихъ домашнюю внутреннюю и надворную прислугу при домахъ въ городахъ, 2) таковыхъ въ помѣстьяхъ; 3) дворовыхъ ремесленниковъ; 4) заводскихъ и фабрикантовъ" (т.-е. фабричныхъ). „Послѣдніе разряды, живя въ своихъ домахъ, по крайней мѣрѣ большею частью, и даже имѣя часто свое хлѣбопашество, составляютъ подраздѣленіе, имѣющее нѣчто общее съ крестьянскимъ бытомъ,—потому можетъ быть отчисляемъ къ сему разряду крѣпостного сословія. Первые же три разряда должно дѣлить еще на непосредственно составляющихъ господскую дворню и на ходящихъ по паспортамъ. Ходящихъ по паспортамъ въ какой бы должности ни находились, слѣдуетъ принимать въ цехи, т.-е. въ служебные цехи новоучреждаемый или въ ремесленные, если кто изъ нихъ какимъ ремесломъ промышляетъ. Сихъ людей, кромѣ паспортовъ, обложить слѣдуетъ четырьмя подушными, дабы по будетъ помѣщиковъ ихъ отпускать на волю. Съ сихъ мѣръ начать, сдѣлавъ самую вѣрную перепись".

затѣмъ воспретить, согласно съ проектомъ комитета 1826 года, перечисленіе крестьянъ обоего пола съ пашни во дворъ, и, наоборотъ, разрѣшить какъ во время ревизіи, такъ и впослѣдствіи переводъ людей со двора на пашню; при этомъ крестьянами предполагалось признавать только тѣхъ помѣщичьихъ людей, которые водворены въ своихъ избахъ надѣлены землею и работаютъ на владѣльца дня въ недѣлю или же платятъ, вмѣсто того, оброкъ, а всѣхъ остальныхъ, подъ какимъ бы наименованіемъ они ни числились, считать дворовыми людьми Таковъ былъ проектъ перваго указа по вопросу о преобразованіи быта дворовыхъ. Въ проектѣ втораго указа, который должно было издать нѣсколько позднѣе, предполагались слѣдующія мѣры: при выдачѣ ссудъ изъ кредитныхъ установленій подъ залогъ населенныхъ имѣній а также при пріемѣ помѣстья въ залогъ по обязательствамъ съ казною. не включать въ эти залоги дворовыхъ людей и не выдавать на нихъ ссуды хотя они и должны, попрежнему, быть приписанными къ имѣнію; въ имѣніяхъ же уже состоящихъ въ залогѣ. считать долги на однихъ крестьянахъ и на землѣ съ хозяйственными заведеніями, не включая дворовыхъ (это также предполагалось въ комитетѣ 6 декабря 1826 года). Въ третьемъ указѣ мы встрѣчаемъ уже болѣе рѣшительныя мѣры съ цѣлью понудить помѣщиковъ къ уменьшенію числа дворовыхъ, а именно министръ внутреннихъ дѣлъ предлагалъ: 1) обложить владѣльцевъ особою податью за находящихся у нихъ дворовыхъ — съ каждой души м. п. вчетверо, а женскаго вдвое сравнительно съ обыкновенною подушною податью: 2) образовать особые рекрутскіе участки изъ дворовыхъ м. п., съ тѣмъ. чтобы крестьяне не могли быть отдаваемы въ солдаты на мѣсто дворовыхъ, тогда какъ, наоборотъ, дворовые могли бы замѣщать въ этомъ случаѣ крестьянъ (второй пунктъ находимъ и въ проектѣ комитета 1826 года). Въ проектѣ этого третьяго указа министръ внутреннихъ дѣлъ предлагалъ также допустить свободную продажу рекрутскихъ квитанцій за отданныхъ на службу дворовыхъ людей для замѣны этими квитанціями рекрутской повинности во всѣхъ сословіяхъ; но, какъ увидимъ ниже, эта мѣра, шедшая въ разрѣзъ съ постояннымъ стремленіемъ правительства не допускать торговлю людьми во время рекрутскихъ наборовъ, была рѣшительно отвергнута императоромъ Николаемъ. Затѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ предлагалъ дворовыхъ людей обоего пола, отдаваемыхъ помѣщиками за дурное поведеніе въ распоряженіе губернскихъ правленій, принимать немедленно безъ всякаго денежнаго взноса, беря всѣ необходимые расходы на счетъ казны (тогда какъ, по закону, за ссылаемаго на поселеніе по желанію помѣщика взыскивались кормовыя деньги). Наконецъ, предполагалось съ начала каждаго года. не ожидая новой переписи, освобождать владѣльцевъ отъ всѣхъ повинностей за тѣхъ дворовыхъ людей, которые умрутъ, будутъ отпущены на

волю, стали въ рекруты, переданы въ распоряженіе губернскаго правленія или же переведены со двора на пашню.

Составленіе этихъ проектовъ трехъ указовъ было слѣдствіемъ настоятельнаго желанія государя, самъ же Перовскій вовсе не сочувствовалъ предложеннымъ имъ мѣрамъ: изъ объяснительной записки, при которой были представлены проекты, видно, что онъ взялся за это дѣло нехотя, лишь подчиняясь прямой волѣ государя, и потому онъ самъ собралъ всевозможныя возраженія противъ мѣръ, предложенныхъ въ проектахъ.

Полезно положить предѣлъ размноженію дворни,—разсуждаетъ Перовскій,—желательно было бы даже вовсе избавиться отъ этого сословія, но нужно дѣйствовать съ крайнею осмотрительностью. „Дворовые люди наши,—продолжаетъ онъ, дѣйствительно составляютъ сословіе вредное, тунеядное, мало способное къ полезному труду и даже опасное для будущаго; толкуя по своему все то, что слышатъ въ разговорахъ отъ господъ своихъ, копии всегда бываютъ недовольны,.. они распространяютъ между крестьянами превратныя понятія и духъ неповиновенія, что нерѣдко уже подавало поводъ къ весьма непріятнымъ явленіямъ...“ Но у насъ по послѣдней ревизіи числится болѣе 1 милліона дворовыхъ людей, и уже по одной этой причинѣ всякое преобразованіе быта дворовыхъ должно идти постепенно, чтобы дать время образоваться, по мѣрѣ надобности, новому классу вольныхъ слугъ. Изложивъ далѣе мѣры, предлагаемыя въ проектахъ 3 указовъ, Перовскій обращаетъ вниманіе на то, какъ трудно провести въ законѣ рѣзкую грань между крестьяниномъ и дворовымъ. Напомнивъ что по проекту перваго указа, крестьянами признаются тѣ помѣщичьи люди, которые „водворены въ своихъ избахъ, надѣлены землею и работаютъ на владѣльца 3 дня въ недѣлю или же платятъ, вмѣсто того оброкъ“. Перовскій доказываетъ, какъ недостаточно это опредѣленіе: въ своихъ избахъ живутъ нерѣдко и дворовые, когда не вся семья, а одинъ только ея членъ состоитъ въ числѣ прислуги; владѣніе землею также не можетъ быть отличительнымъ признакомъ, такъ какъ у весьма многихъ помѣщиковъ дворовые люди надѣлены участками земли и обработываютъ такъ называемые „присѣвки“; только третье условіе 3-хъ дневная работа на помѣщика лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ быть примѣнено нынѣ къ дворовымъ, хотя есть, однако, примѣры, что дворовые чередуются какъ на барщинѣ а все остальное время работаютъ на себя. Но Перовскій выражаетъ опасеніе, что со введеніемъ новыхъ мѣръ помѣщики съумѣютъ обойти и этотъ признакъ, отличающій крестьянъ отъ дворовыхъ. Они могутъ удвоить свою дворню, чтобы дать каждому 3 дня свободныхъ, и держать дворовыхъ подъ именемъ крестьянъ, избѣгая платежа за нихъ значительныхъ податей; онъ опасается также, что послѣ изданія предполагаемаго закона помѣщики сгонятъ со двора стариковъ, калѣкъ, сиротъ и незаконнорожденныхъ дѣтей, принимаемыхъ въ число дворни „изъ одного только человѣколюбія“ и что такимъ образомъ увеличится нищенство. Далѣе онъ указываетъ на крестьянъ, получающихъ отъ помѣщика готовое содержаніе и за то работающихъ на него всѣ 6 дней въ недѣлю, - такъ называемыхъ „мѣсячниковъ“, которыхъ нельзя отличить отъ дворовыхъ по указаннымъ выше признакамъ. Не легко также опредѣлить, куда причислить работниковъ разныхъ хозяйственныхъ заведеній, состоящихъ на мѣсячинѣ, иногда на задѣльной платѣ и поступающихъ въ работу „братъ за брата или сынъ за отца“. Еще затруднительнѣе, по мнѣнію Перовскаго, провести грань между крестьянами и дворовыми состоящими на оброкѣ, такъ какъ послѣдніе

„могутъ быть перечислены помѣщикомъ для одного только вида въ крестьяне, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ переводитъ ихъ на пашню и отпускаетъ на оброкъ". Въ заключеніе своей записки Перовскій указываетъ на то, какъ трудно будетъ осуществить предполагаемыя мѣры. На кого возложить надзоръ за точнымъ исполненіемъ новыхъ распоряженій? Земская полиція обременена многими обязанностями, городская въ разстройствѣ и безпорядкѣ, предводители дворянства не могутъ и не захотятъ внимательно наблюдать за точнымъ исполненіемъ новаго закона касающагося и ихъ самихъ Окажется чрезвычайно много нарушеній новыхъ правилъ, а разслѣдованія отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ вызовутъ жалобы, побѣги, неповиновеніе и т. п. Не останавливаясь на странномъ мнѣніи Перовскаго, будто бы не безнаказанный произволъ помѣщиковъ, а преслѣдованіе ихъ злоупотребленій вызоветъ безпорядки, нельзя не признать, что въ его замѣчаніяхъ было много справедливаго: они могли серьезно навести на мысль, что съ такимъ страшнымъ зломъ, какъ крѣпостное право, нужно бороться не частными мѣрами относительно однихъ дворовыхъ, а слѣдуетъ вырвать его съ корнемъ [1]).

Для обсужденія предположеній Перовскаго государь повелѣлъ составить новый секретный комитетъ, членами котораго были назначены князья Васильчиковъ, Волконскій, Чернышевъ, Меншиковъ, графы Левашовъ, Блудовъ, Бенкендорфъ, Киселевъ и, кромѣ того, Перовскій, Вронченко и бар. Корфъ; дѣлопроизводителемъ былъ сдѣланъ Бахтинъ. Еще до открытія засѣданія комитета кн. Меншиковъ, гр. Киселевъ и кн. Васильчиковъ представили Государю свои соображенія о положеніи класса дворовыхъ, съ которыми мы познакомимся ниже.

Первое засѣданіе комитета состоялось 25 февраля 1844 г. въ присутствіи государя и наслѣдника. Въ меморіи этого засѣданія сказано, что „крѣпостное состояніе озабочивало" государя „съ самаго начала его царствованія"; дворовые обращали на себя особенное его вниманіе: государь „всегда думалъ", что этотъ классъ людей, „составляющихъ личную господскую прислугу и проживающихъ часто въ городахъ въ праздности въ соприкосновеніи со всѣми способами разврата, не можетъ оставаться въ такомъ положеніи и долженъ быть, наконецъ, вовсе уничтоженъ", но онъ „не скрывалъ отъ себя важныхъ затрудненій", встрѣчающихся въ этомъ дѣлѣ, въ особенности по отношенію его къ правамъ дворянства, „какъ бы утвержденнымъ временемъ". Теперь, „убѣдясь еще болѣе въ необходимости приступить безотлагательно къ уменьшенію у насъ класса дворовыхъ людей мѣрами постепенными, а не крутыми", государь вновь возбудилъ этотъ вопросъ. Предъ прочтеніемъ бумагъ, предложенныхъ секретному комитету, государь нашелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ. Считая неподлежащимъ сомнѣнію необходимость

---

[1]) По поводу сообщенныхъ ему предположеній государя, Перовскій составилъ особое объясненіе, въ которомъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что „учрежденіе ценовъ представляетъ гораздо болѣе затрудненій, чѣмъ обыкновенная перепись. самое слово *цензъ* заключаетъ у насъ въ себѣ понятія о вольныхъ людяхъ".

постепеннаго уменьшенія класса дворовыхъ людей, онъ выразилъ желаніе, чтобы каждый изъ членовъ комитета изложилъ свое мнѣніе о наиболѣе удобныхъ мѣрахъ для достиженія этой цѣли и затѣмъ высказалъ то, что намъ уже извѣстно изъ составленной имъ самимъ записки по вопросу о дворовыхъ.

Послѣ рѣчи императора Николая то самъ государь, то наслѣдникъ стали читать бумаги представленныя комитету: прежде всего, были прочитаны предположенія министра внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ записка кн. Меншикова

Кн. Меншиковъ, признавая что въ числѣ дворовыхъ есть такіе, которые составляютъ предметъ роскоши и бремя для помѣстій, оговаривался, однако, что группы крѣпостныхъ актеровъ, оркестры музыкантовъ и проч. стали уже весьма рѣдкими, и полагалъ, что они вскорѣ исчезнутъ безъ понудительныхъ мѣръ со стороны правительства. Онъ находилъ неудобными и устройство цеховъ для дворовыхъ людей, установленіе рекрутскихъ очередей и усиленіе подушной подати; попытки обращенія дворовыхъ на пашню также не удались. Въ концѣ-концовъ, кн. Меншиковъ допускалъ только слѣдующія мѣры, дающія помѣщикамъ возможность самимъ освобождаться отъ тѣхъ дворовыхъ, которые обременяютъ собою ихъ имѣнія: 1) дозволить увольненіе дворовыхъ изъ имѣній, заложенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ, безъ предварительнаго разрѣшенія этихъ послѣднихъ; 2) *допустить свободную продажу квитанцій*, выдаваемыхъ за рекрутъ изъ дворовыхъ людей. 3) разрѣшить передачу дворовыхъ цѣлыми семействами въ распоряженіе палатъ государственныхъ имуществъ для обращенія ихъ въ сословіе государственныхъ крестьянъ, и 4) освобождать помѣщиковъ отъ взноса податей за всѣхъ тѣхъ дворовыхъ, которые такъ или иначе выбыли изъ ихъ владѣнія, не во время только новой ревизіи, а въ началѣ каждаго новаго года.

Относительно предложеній министра внутреннихъ дѣлъ и кн. Меншикова разрѣшить продажу рекрутскихъ квитанцій, государь рѣшительно заявилъ, что на эту мѣру „никогда не согласится".

Затѣмъ было прочитано мнѣніе гр Киселева. „Ограниченіе сословія дворовыхъ людей, такъ начиналась его записка, есть предметъ государственной необходимости и пользы Это сословіе, простирающееся до 1.200,000 душъ м. п., по положенію своему и личной безпрерывной зависимости отъ владѣльцевъ, есть сословіе недовольное, не имѣющее осѣдлости и, слѣдовательно, опасное въ будущемъ" Киселевъ не скрывалъ отъ себя, что осуществленіе предположеній объ ограниченіи числа дворовыхъ встрѣтитъ затрудненія но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы правительство отказалось отъ улучшеній, „необходимыхъ для блага государственнаго"; „предоставить это дѣло времени безполезно, ибо въ Россіи, по мнѣнію гр. Киселева, безъ руководства правительства ничего не начинается и не дѣлается"; нужно только, чтобы мѣры были постепенны и удобны какъ для владѣльцевъ, такъ и для дворовыхъ. Онъ предлагалъ раздѣлить дѣйствія правительства по этому вопросу „на 3 эпохи": 1) подготовительныя мѣры, состоящія въ образованіи цеха слугъ; 2) предоставленіе владѣльцамъ способовъ для уменьшенія дворовыхъ, и 3) понудительныя мѣры съ тою же цѣлью. Въ цехъ слугъ Киселевъ совѣтовалъ причислить всѣхъ мѣщанъ, не имѣющихъ постоянной осѣдлости и состоящихъ въ услуженіи, а на будущее время дозволить вступать въ него свободнымъ людямъ податнаго состоянія и отпускаемымъ на волю, эти цехи полезно раздѣлить на артели и связать каждую изъ нихъ круговою порукою. Когда установится, такимъ

образомъ, новое сословіе вольныхъ слугъ и исчезнетъ опасеніе относительно невозможности имѣть вольнонаемную прислугу, можно будетъ приступить ко второй части правительственныхъ мѣръ, т. е пригласить помѣщиковъ самихъ озаботиться ограниченіемъ числа дворовыхъ посредствомъ перевода ихъ на пашню" и кромѣ того, предоставить имъ различные способы для уменьшенія числа дворовыхъ [1]), кромѣ продажи квитанцій. „Эта послѣдняя мѣра неминуемо повлекла бы за собою разнаго рода безнравственныя спекуляціи" и продажу людей въ рекруты, „чего правительство допускать не можетъ". Въ третій періодъ устройства быта дворовыхъ Киселевъ предлагалъ принять уже нѣкоторыя *принудительныя* мѣры [2]). Послѣ всѣхъ указанныхъ мѣръ можетъ быть изданъ „рѣшительное запрещеніе обращать вновь крестьянъ въ дворню", т. е. Киселевъ предлагалъ лишь въ самомъ концѣ принять ту мѣру, которую мы находимъ у Перовскаго уже въ проектѣ перваго указа

При прочтеніи записки гр. Киселева, государь высказалъ, что мысль его объ учрежденіи въ городахъ цеховъ слугъ съ раздѣленіемъ на артели ему очень нравится, а если слово „цехъ" возбуждаетъ какія-либо затрудненія, то, быть можетъ, лучше назвать ихъ прямо артелями.

Графъ Киселевъ и кн. Меншиковъ, какъ мы видѣли во второй главѣ, были представителями совершенно противоположныхъ взглядовъ на крестьянскій вопросъ; понятно, что Киселевъ и на этотъ разъ не могъ оставить безъ замѣчаній записку своего противника относительно предполагаемыхъ мѣръ для измѣненія быта дворовыхъ.

Ему не трудно было опровергнуть всѣ доводы кн. Меншикова, изъ которыхъ самымъ страннымъ былъ тотъ, „что уменьшеніе прислуги въ столицахъ значи-

---

[1]) А именно. 1) увольнять дворовыхъ въ цехи мастеровыхъ или слугъ съ уплатою по взаимнымъ условіямъ по смерть или въ продолженіе извѣстнаго числа лѣтъ оброка или капитала въ опредѣленные сроки, съ исключеніемъ изъ помѣщичьяго оклада съ перваго слѣдующаго за увольненіемъ года; 2) приписывать съ платежемъ оброка въ цехи ремесленниковъ и слугъ на продолжительные сроки и не менѣе 5 лѣтъ, такъ какъ нынѣшній способъ приписки на 1 годъ по ежегоднымъ паспортамъ не даетъ возможности „утвердиться въ новомъ состояніи"; 3) отпускать на волю, не спрашивая согласія кредитныхъ установленій; 4) отдавать въ рекруты за другія населенныя имѣнія того же помѣщика и, наконецъ, 5) передавать въ губернское правленіе для ссылки за дурное поведеніе или для приписки въ служительскіе цехи въ отдаленныхъ городахъ безъ всякой за то платы и съ исключеніемъ изъ помѣщичьяго оклада.

[2]) Произвести перепись дворовымъ людямъ для отдѣленія ихъ отъ крестьянъ-земледѣльцевъ съ обозначеніемъ особо мастеровыхъ, приписанныхъ къ заводамъ и фабрикамъ, 2) всѣхъ дворовыхъ обложить усиленною податью, освободивъ отъ нея до времени заводскихъ и фабричныхъ крестьянъ; 3) при увольненіи дворовыхъ людей на оброкъ, увольнительные виды обложить также усиленною пошлиною, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда владѣльцы сами пожелаютъ причислить ихъ къ цеху мастеровыхъ или къ цеху слугъ на продолжительные сроки и не менѣе 5 лѣтъ; 4) при выдачѣ ссудъ изъ кредитныхъ установленій, дворовыхъ людей, состоящихъ при имѣніи, въ залогъ не принимать и ссуду на нихъ не выдавать, а по существующимъ долгамъ всѣ долги отчислить на однихъ крестьянъ; 5) изъ дворовыхъ людей городскихъ и сельскихъ составить рекрутскіе участки, воспретивъ всякую замѣну при поставкѣ рекрутъ дворовыхъ людей крестьянами.

тельно уменьшило бы и потребленіе, слѣдовательно, имѣло бы невыгодное вліяніе на торговые обороты столицы и на ихъ процвѣтаніе". „Относительно неблагопріятнаго вліянія стѣснительныхъ мѣръ противу дворовыхъ людей на внутреннюю промышленность,—отвѣчалъ гр. Киселевъ, я полагаю, что въ семъ случаѣ можно утверждать совершенно противное, т. е., что дворовые люди есть одна изъ существенныхъ причинъ слабаго развитія нашей внутренней промышленности. Успѣхи промышленности неоспоримо зависятъ отъ количества потребителей и степени потребленія. Дворянство наше живетъ по деревнямъ, окружая себя многочисленною дворнею и, между прочимъ разнаго рода мастеровыми. Всѣ потребности удовлетворяются хотя неисправнымъ и дорогимъ образомъ, но собственно дворнею: отъ сего нѣтъ требованій на предметы ремесленной дѣятельности, а потому нѣтъ ремесленныхъ цеховъ, нѣтъ усовершенствованія въ ремеслахъ и нѣтъ городской жизни" „Если бы вліяніемъ правительства, продолжалъ Киселевъ,—можно было бы, наконецъ, достигнуть чтобы массы этихъ мастеровыхъ слились въ городахъ, помѣщики, безъ сомнѣнія, должны были бы потерпѣть нѣкоторую перемѣну въ своей обычной жизни, но жизнь городовъ и внутренняя промышленность съ той лишь минуты начала бы свое развитіе".

Мнѣніе кн Васильчикова, которое было прочитано послѣ записки гр. Киселева, начиналось такимъ образомъ: „нельзя не согласиться, что дворовые люди суть сословіе безнравственное, привыкшее къ праздности, безъосѣдлое и потому болѣе другихъ готовое къ безпорядкамъ и преступленіямъ: но нельзя также не признать и того, что *около крѣпостное право будетъ существовать у насъ, совершенное уничтоженіе сего сословія есть дѣло невозможное*". При прочтеніи послѣднихъ словъ государь замѣтилъ, что онъ считаетъ невозможнымъ лишь *немедленное* уничтоженіе этого сословія.

Кн. Васильчиковъ полагалъ, что „стремиться къ уменьшенію количества дворовыхъ людей необходимо, но не иначе, какъ *побудительными* къ тому мѣрами", такъ какъ крутыя, рѣшительныя мѣры при неудовлетворительномъ состояніи нашихъ судовъ и полиціи рѣшительно невозможны. Кн. Васильчиковъ не соглашался на предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ запретить помѣщикамъ обращеніе крестьянъ въ дворовыхъ, потому что это „можетъ имѣть вредное вліяніе на повиновеніе крестьянъ" (?!) и потребовало бы столь бдительнаго наблюденія, какое невозможно для правительства. Напротивъ того, онъ считалъ весьма возможнымъ и справедливымъ относительно крестьянъ учрежденіе особыхъ участковъ изъ дворовыхъ для отбыванія рекрутской повинности: точно также считалъ возможнымъ и обложеніе дворовыхъ усиленною податью, „уничтоженіе финансовыхъ мѣръ, затрудняющихъ владѣльцевъ въ освобожденіи дворовыхъ людей", и воспрещеніе на будущее время пріема этихъ послѣднихъ къ залогу въ кредитныя установленія. Всѣ эти „понудительныя" мѣры должны были, по мнѣнію кн. Васильчикова, въ непродолжительномъ времени привести классъ дворовыхъ людей въ „надлежащую соразмѣрность" [1]).

По окончаніи чтенія этихъ бумагъ государь сказалъ, что всѣ эти документы будутъ доставлены членамъ комитета, съ тѣмъ, чтобы они,

---

[1]) Въ слѣдующее засѣданіе комитета кн. Васильчиковъ замѣтилъ, что послѣдней мѣрою правительства относительно дворовыхъ должно быть запрещеніе брать крестьянъ во дворъ, какъ то думалъ и Киселевъ.

„вникнувъ ближе въ сущность вопроса", написали свои мнѣнія и доставили ихъ кн. Васильчикову, по полученіи которыхъ и будетъ назначено слѣдующее засѣданіе. Для болѣе точнаго опредѣленія того предмета, по которому требовались мнѣнія государь поставитъ вопросъ: согласенъ ли комитетъ съ его мыслью относительно раздѣленія класса дворовыхъ на разряды „по степени необходимости и удобства къ уменьшенію ихъ числа?" Никто изъ членовъ комитета не возражалъ противъ такого раздѣленія, и государь закрылъ засѣданіе.

Ко второму засѣданію секретнаго комитета, происходившему 19 марта, всѣ члены его представили свои мнѣнія: государь опять присутствовалъ и или самъ читалъ поданныя записки, или предоставлялъ это ихъ авторамъ, причемъ отъ времени до времени дѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія. Не можемъ не изложить подробно хода этого засѣданія, въ виду того близкаго участія, которое принималъ въ немъ императоръ Николай, очень часто высказывавшій тутъ свои взгляды по одному изъ важныхъ вопросовъ въ дѣлѣ ограниченія крѣпостнаго права.

Кн. Волконскій, упомянувъ въ своей запискѣ, что при новой переписи слѣдовало бы запретить перечисленіе крестьянъ съ пашни во дворъ, сдѣлалъ многозначительную оговорку: „*если, впрочемъ, сіе не будетъ сочтено нарушеніемъ крѣпостнаго права*". Эти послѣднія слова вызвали со стороны императора Николая замѣчаніе, что, конечно, эта мѣра „будетъ сочтена нарушеніемъ правъ, утвержденныхъ необходимостью и старинымъ обычаемъ, а потому *прямаго* воспрещенія помѣщикамъ брать изъ крестьянъ въ дворовые слѣдуетъ избѣгать до послѣдней крайности". Далѣе, по поводу опасеній кн. Волконскаго, чтобы возвышеніе подати съ дворовыхъ, ходящихъ по паспортамъ, не заставило владѣльцевъ отпускать на волю только людей безнравственныхъ, государь сказалъ: „Помѣщикамъ будутъ даны разные способы и облегченія къ увольненію излишнихъ для нихъ дворовыхъ людей, и нѣтъ причины предполагать, чтобы владѣльцы воспользовались тѣмъ единственно для людей порочныхъ, ибо сіи послѣдніе скорѣе будутъ отдаваемы въ рекруты съ особенною выгодою для помѣщиковъ".

Кн. Чернышевъ подробно распространился о томъ, какое значительное число вольноопредѣляющихъ слугъ потребовалось бы для замѣны теперешней домашней прислуги и какъ мало для этого средствъ у многихъ дворянъ. Кромѣ того, онъ замѣтилъ, что семейства дворовыхъ впятеро превосходятъ число тѣхъ, которые находятся въ дѣйствительномъ услуженіи; справедливо ли обложить всѣ эти семьи усиленною податью? Въ концѣ-концовъ, Чернышевъ желалъ, чтобы мѣры правительства относительно дворовыхъ вовсе не имѣли вида понужденія или стѣсненія помѣщиковъ, а скорѣе походили бы на „воззваніе попечительнаго отца къ старшимъ дѣтямъ своего многочисленнаго народа".

Это мнѣніе побудило государя лично высказать свои взгляды на крѣпостную домашнюю прислугу. „Нѣтъ надобности говорить о тѣхъ временахъ,—сказалъ императоръ Николай, -когда холопи составляли особый классъ людей. Въ настоящее время на дворовыхъ должно смотрѣть какъ на людей, взятыхъ изъ крестьянъ для необходимой прислуги въ домѣ и во дворѣ помѣщика. Необходимость такой прислуги очевидна, и долго еще, особенно въ деревняхъ, она не можетъ быть замѣнена иною; но дворовые люди, отпускаемые господами своими по паспортамъ, составляютъ явный для нихъ излишекъ въ отношеніи необходимой имъ прислуги. Нѣкоторые владѣльцы были вынуждены къ сему однимъ желаніемъ избавиться отъ обязанности кормить и содержать людей, для нихъ безполезныхъ, но другіе, и къ сожалѣнію, многіе, дѣлаютъ то изъ корыстныхъ видовъ, обременяя людей, ходящихъ по паспортамъ, непомѣрнымъ оброкомъ. Подобныя дѣйствія владѣльцевъ, неоправдываемыя нуждою въ домашней прислугѣ, не могутъ быть признаваемы въ основаніи своемъ законными, а потому правительство и имѣетъ право облагать паспорты особыми платежами и принимать всякія мѣры къ лучшему устройству людей, ходящихъ по паспортамъ Вотъ причины, по коимъ я считаю, что первыя понудительныя мѣры къ уменьшенію числа дворовыхъ людей должны имѣть предметомъ ходящихъ по паспортамъ; что же касается внутренней домашней прислуги, то она еще на долгое время должна оставаться въ настоящемъ положеніи, и здѣсь могутъ быть употребляемы однѣ облегчительныя мѣры".

Гр. Бенкендорфъ въ данномъ вопросѣ оказался на сторонѣ „либераловъ", т. е. высказался въ пользу мѣръ относительно уменьшенія численности дворовыхъ людей [1]), но только онъ находилъ, что вслѣдствіе понужденія помѣщиковъ отпускать дворовыхъ на волю „негодные получатъ свободу преимущественно предъ хорошими слугами", и совѣтуетъ лучше поощрять помѣщиковъ къ выдачѣ отпускныхъ назначеніемъ вознагражденія за каждаго уволеннаго на свободу (въ городѣ по 20 руб. за мужчину и 10 руб. за женщину, въ деревняхъ по 15 и 7 руб. 50 к.). Возвышеніе пошлины на паспорты дворовыхъ людей онъ также находилъ нецѣлесообразнымъ, такъ какъ результатомъ его будетъ только то, что отпущенные по паспортамъ, на которыхъ естественно падетъ эта пошлина, будутъ требовать при наймѣ большаго вознагражденія за свой трудъ. Образованіе же цеха или артели Бенкендорфъ считалъ весьма полезнымъ:

---

[1]) Мнѣніе его начиналось такимъ образомъ. „Принимая въ соображеніе огромное число дворовыхъ (простирающееся до милліона людей), всегда опасное для общественнаго спокойствія, сей источникъ разоренія для помѣщиковъ, угнетенія для крестьянъ и постоянное препятствіе большимъ успѣхамъ земледѣлія, нельзя не согласиться съ необходимостью предполагаемой мѣры".

это, по его мнѣнію, „польститъ самолюбію сего уничиженнаго класса и будетъ сильно способствовать къ исправленію людей, донынѣ подвергнутыхъ полному произволу помѣщиковъ", которыи „безпрестанно раздражаетъ дворовыхъ, доводитъ ихъ до того, что, не видя особенной выгоды быть лучшими", они теряютъ всякую охоту къ тому и „предаются праздности и порокамъ". Бенкендорфъ выразилъ даже убѣжденіе что приступъ къ этому дѣлу „не повлечетъ за собою никакого неустройства. При постоянныхъ опасеніяхъ ни до чего достигнуть нельзя", —заявлялъ онъ. „Причины взрыва, которыя во время можно отклонить, продолжалъ Бенкендорфъ,—не уничтожаются нерѣшимостью, а лишь укрѣпляются, и чѣмъ позднѣе будетъ сей взрывъ, тѣмъ сильнѣе и опаснѣе". Послѣдняя мысль была одобрена во время чтенія государемъ, но къ сожалѣнію имп. Николай не послѣдовалъ этому благому указанію на дѣлѣ: всѣ его добрыя намѣренія по крестьянскому вопросу парализовались крайнею нерѣшительностью въ этомъ отношеніи.

Гр. Левашевъ также настаивалъ на энергическихъ мѣрахъ. „Если распоряженія внезапныя и крутыя были бы въ настоящемъ случаѣ неумѣстны, то, съ другой стороны, излишняя постепенность и осторожность могли бы не токмо отдалить безъ нужды осуществленіе столь полезной мысли, но, можетъ быть, ускорить тѣ послѣдствія, которыхъ правительство желаетъ избѣгнуть. Я смѣю думать, продолжалъ Левашевъ,— что въ дѣлѣ, такъ близко связанномъ съ частными интересами двухъ противоположныхъ сословій, лучше дѣйствовать рѣшительно: всякія полумѣры безполезны и даже вредны". Затѣмъ, перечисливъ мѣры, названныя уже въ проектѣ указовъ, составленномъ Перовскимъ, въ запискахъ Киселева и пр., Левашевъ, въ концѣ концовъ, предлагаетъ воспретить переводъ крестьянъ въ дворовые.

Кн. Меншиковъ старался доказать, будто число дворовыхъ сильно преувеличиваютъ, но и по приведеннымъ имъ свѣдѣніямъ ихъ числилось болѣе 436,000 душъ *мужскаго пола*. Учрежденіе особыхъ рекрутскихъ участковъ изъ дворовыхъ было бы, по его мнѣнію, „одною изъ самыхъ спасительныхъ мѣръ для домашняго помѣщичьяго быта и сельскаго хозяйства, тѣмъ менѣе ожидаемыхъ русскими помѣщиками, что и въ остзейскихъ губерніяхъ дворовая прислуга повѣйшими уже законами освобождена отъ рекрутства". Между прочимъ, кн. Меншиковъ предлагалъ дозволить дворовымъ людямъ идти добровольно въ рекруты за лицъ другихъ, подлежащихъ этой повинности сословій, „по обоюднымъ сдѣлкамъ, но съ согласія помѣщика". Онъ увѣрялъ, что при этомъ торга людьми быть не можетъ, такъ какъ вознагражденіе выдавалось бы человѣку, уже выбывшему изъ крѣпостнаго состоянія: но на основаніи свидѣтельства Радищева въ его извѣстной книгѣ и словъ гр. А. Р. Воронова въ началѣ царствованія Александра I въ государственномъ совѣтѣ,

мы знаемъ, что въ послѣдней четверти XVIII вѣка торговля рекрутами производилась, между прочимъ, и посредствомъ фиктивной выдачи отпускной, причемъ замѣстителемъ при исполненіи рекрутской повинности являлся человѣкъ какъ будто свободный. Предложеніе кн. Меншикова дозволить помѣщикамъ отдавать дворовыхъ людей цѣлыми семействами въ вѣдѣніе государственныхъ имуществъ, причемъ онъ ссылался на изъявленную въ комитетѣ о дворовыхъ 1840 г. министромъ государственныхъ имуществъ готовность скупать въ казну крестьянъ изъ малоземельныхъ имѣній, когда это дозволятъ денежныя средства, заставило гр. Киселева объяснить, что тамъ дѣло шло о крестьянахъ, привычныхъ къ сельскому быту, а здѣсь о дворовыхъ, которыхъ и сами помѣщики, часто при всемъ своемъ желаніи, не могутъ обратить на пашню, почему и вѣдомство государственныхъ имуществъ не имѣетъ возможности принять такихъ людей на свое попеченіе. Наконецъ, по поводу предложенія кн. Меншикова освобождать помѣщиковъ отъ взноса податей за всѣхъ тѣхъ дворовыхъ, которые будутъ отпускаемы на волю или выбывать изъ крѣпостнаго состоянія, государь сказалъ, что на эту мѣру онъ совершенно согласенъ

Мнѣніе гр. Киселева, въ которомъ подробнѣе, чѣмъ въ его прежней запискѣ, говорилось объ учрежденіи по городамъ цеховъ слугъ, подало государю поводъ возбудить въ комитетѣ разсужденія по этому предмету. Нѣкоторые члены полагали, что цехи слугъ могутъ существовать только въ столицахъ, гдѣ встрѣчается наибольшая потребность въ вольнонаемной прислугѣ. Другіе предлагали издать общее учрежденіе о служебныхъ цехахъ, а открытіе ихъ въ разныхъ городахъ обусловить извѣстнымъ числомъ цеховыхъ, подобно ремесленнымъ цехамъ. Государь призналъ нужнымъ открыть цехи слугъ въ обѣихъ столицахъ, въ городахъ губернскихъ, портовыхъ и главнѣйшихъ уѣздныхъ, какъ, напр., Угличъ, Ростовъ и нѣкоторые другіе, съ тѣмъ, чтобы это учрежденіе впослѣдствіи болѣе и болѣе распространялось.

Блудовъ въ своей запискѣ сослался, прежде всего, на то, что его мысли о положеніи нашихъ дворовыхъ и о необходимости уменьшенія ихъ числа извѣстны государю, такъ какъ ему не разъ приходилось ихъ изъяснять, и, наконецъ, онъ вполнѣ изложилъ ихъ въ запискѣ, составленной въ 1840 г. Блудовъ полагалъ что нужно стараться уменьшить число дворовыхъ, но достигнуть этого, по его мнѣнію, „надежнымъ и безвреднымъ образомъ можно лишь чрезъ употребленіе мѣръ не крутыхъ, а постепенныхъ и, такъ сказать, невидимыхъ“ (?!)[*]. При чтеніи мнѣнія Блудова государь остановился на предложеніи не издавать указа объ

*) „Я смѣю думать и теперь,— продолжалъ Блудовъ, буквально повторяя при этомъ мысль гр. Сперанскаго,—что къ уничтоженію крѣпостнаго состоянія въ Россіи мы

учрежденіи служебныхъ цеховъ, а внести эту мѣру во вновь приготовляемое въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ положеніе о городскомъ управленіи, въ томъ числѣ и о цехахъ вообще. На вопросъ императора министру внутреннихъ дѣлъ, можетъ ли проектъ этого положенія быть внесенъ въ государственный совѣтъ до наступленія вакаціоннаго времени, Перовскій отвѣчалъ, что въ такое короткое время его нельзя приготовить.

Министръ финансовъ Вронченко подробно разсмотрѣлъ предложеніе о разрѣшеніи отпускать на волю дворовыхъ людей изъ имѣній, заложенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ, безъ вѣдома этихъ учрежденій и предложилъ допускать (не ранѣе, впрочемъ, какъ послѣ новой переписи) увольненіе дворовыхъ безъ взноса за нихъ денегъ въ кредитныя установленія отъ 5 до 15 на 100 душъ. Нѣкоторые члены комитета высказали по этому поводу, что дозволеніе увольнять дворовыхъ людей изъ заложенныхъ имѣній безъ излишней переписки и безъ всякихъ расходовъ составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ поощрительныхъ мѣръ къ достиженію цѣли правительства почему ее и не слѣдуетъ отлагать.

Бар. Корфъ, признавая настоятельную необходимость уменьшить классъ дворовыхъ людей, считалъ, въ то же время, весьма затруднительнымъ принятіе мѣръ по этому предмету: „Извѣстно, въ какомъ броженіи и теперь уже отчасти умы крѣпостнаго сословія, — писалъ онъ, — какъ исчезаетъ и стирается въ немъ постепенно прежнее патріархальное чувство къ господамъ... и какъ распространяется между крѣпостными опасная и ложная (?) мысль, что царь *желаетъ* ихъ освобожденія, но *противятся* помѣщики". При такомъ положеніи дѣла „каждая мѣра, имѣющая видъ ограниченія или уступки и, притомъ, въ пользу *нѣкоторыхъ* лишь, а не *всѣхъ*" (т. е. однихъ дворовыхъ), „можетъ потрясти зданіе". Предположенія правительства относительно дворовыхъ возбуждали въ авторѣ записки не мало сомнѣній: во-первыхъ, перепись дворовыхъ не будетъ имѣть прямыхъ послѣдствій, если послѣ того не запретить по-

---

должны идти тѣмъ же путемъ, тожъ въ образномъ направленіи, коимъ наши предки или къ утвержденію онаго въ настоящемъ видѣ и пространствѣ, что, слѣдственно, основною для сего, хотя, можетъ быть, и не первою мѣрою должно быть *совершеніе*, и предъ закономъ, и въ самомъ существѣ, *отдѣленіе крестьянъ отъ крѣпостныхъ дворовыхъ*, такъ же какъ смѣшеніе ихъ было послѣднимъ въ исторіи нашей дѣйствіемъ постепеннаго укрѣпленія людей сначала къ землѣ, а потомъ къ „лицу владѣльца"; однако, увлекшійся Блудовъ спѣшитъ оговориться „я признаю имѣть съ многими членами комитета, что нѣтъ еще нужды сильнымъ ограничительнымъ запрещеніемъ переводить крестьянъ во „дворъ, тѣмъ болѣе, что переводы сего рода, благодаря измѣненію въ образѣ жизни помѣщиковъ и самому обѣднѣнію ихъ, нынѣ уже довольно рѣдки". Для характеристики вообще трусливаго характера ср. Блудова см. „Записки А. Н. Корелева" 1884 г., стр. 23.

мѣщикамъ переводъ крестьянъ съ пашни во дворъ, а этого сдѣлать нельзя безъ стѣсненія правъ владѣльцевъ имѣній, что противно волѣ государя Затѣмъ Корфъ справедливо указывалъ на то, что всякое ограниченіе помѣщичьей власти останется недѣйствительнымъ, пока существуетъ запрещеніе принимать отъ крѣпостныхъ жалобы и доносы на ихъ владѣльцевъ, а допустить жалобы и судъ между крѣпостными и ихъ господами невозможно безъ измѣненія самаго характера нынѣшнихъ отношеній между ними. „который такъ важно сохранить во всей цѣлости, пока правительство не рѣшается на коренное преобразованіе". Наконецъ учрежденіе цеха слугъ, по мнѣнію Корфа, не можетъ прямо способствовать уменьшенію числа дворовыхъ людей. Кромѣ того, Корфъ находилъ нужнымъ первыя мѣры относительно дворовыхъ направить не на ходящихъ по паспортамъ, какъ полагалъ государь а на тѣхъ, *которые живутъ въ городахъ при своихъ владѣльцахъ*. Отпущенные въ города по паспортамъ пользуются до истеченія срока ихъ вида почти всѣми правами вольныхъ: они переходятъ изъ одного дома въ другой по своему произволу, получаютъ жалованье и содержаніе по условію, пользуются охраною закона отъ всякаго притѣсненія со стороны нанимателя и, говоря вообще, довольны своимъ положеніемъ: совсѣмъ другое дѣло — живущіе въ городахъ при своихъ владѣльцахъ. „Состоя въ полномъ и безотвѣтномъ произволѣ господина, — говоритъ Корфъ. — получая платы, пищи и одежды лишь столько, сколько онъ самъ захочетъ имъ дать, люди сіи представляютъ настоящихъ *рабовъ*, остатокъ старинныхъ нашихъ холопей, и тѣмъ болѣе должны чувствовать свое положеніе, что нерѣдко живутъ съ такими же крѣпостными, но служащими, однако, по добровольному найму потому лишь, что они другихъ господъ, и перѣдко также видятъ въ сосѣднемъ домѣ въ сей же несравненно лучшей участи и своихъ одновотчинниковъ. Изъ всѣхъ дворовыхъ сіи люди болѣе всѣхъ несчастны, а потому едва ли и не болѣе всѣхъ опасны". Въ концѣ-концовъ, Корфъ предлагалъ принять до времени лишь двоякія мѣры: одинъ, облегчающія отпускъ дворовыхъ людей на волю, другія, затрудняющія содержаніе ихъ владѣльцами при себѣ въ городахъ Къ первому разряду могли бы принадлежать мѣры, предложенныя комитетомъ о дворовыхъ 1840 г. въ связи съ нѣкоторыми изъ предлагаемыхъ нынѣ кн. Меншиковымъ и граф. Киселевымъ, но и тутъ возникаетъ вопросъ: если послѣдствіемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ мѣръ будетъ отпускъ на волю большаго числа дворовыхъ людей, куда дѣнутся эти люди и не будутъ ли они до болѣе прочнаго устройства своего быта вреднѣе и опаснѣе, нежели въ теперешнемъ положеніи, когда за ними смотритъ и за нихъ отвѣчаетъ владѣлецъ? Многіе помѣщики будутъ рады сбыть дворовыхъ, которые имъ въ тягость, т. е. не знающихъ ремесла или по лѣтамъ, здоровью и проч. неспособныхъ къ работѣ; но такіе люди мо-

гутъ остаться совѣмъ безъ пропитанія. Что касается предположенія о четверной подати съ дворовыхъ, то онъ основательно выразилъ опасеніе, чтобы она не легла лишней тягостью на крестьянъ, такъ какъ, по закону, внутренняя раскладка податей предоставляется усмотрѣнію помѣщика.

По прочтеніи бар. Корфомъ этого мнѣнія, государь сказалъ. „Тутъ есть новая мысль, чтобы первыя заботы правительства обратить не на дворовыхъ, ходящихъ по паспортамъ, какъ я полагалъ, но на живущихъ въ городахъ при своихъ владѣльцахъ. Въ моральномъ отношеніи я совершенно раздѣляю мысли бар. Корфа, что эти люди болѣе всѣхъ несчастны, а потому едва ли и не болѣе всѣхъ опасны, но я уже прежде подробно изложилъ причины, по коимъ считаю удобнѣе, прежде всего, подвергнуть мѣрамъ правительства дворовыхъ, ходящимъ по паспортамъ". Многіе члены выразили согласіе съ мнѣніемъ государя.

Окончивъ на этомъ частныя разсужденія о вопросахъ, возникавшихъ при чтеніи различныхъ мнѣній, государь приступилъ къ выводу окончательныхъ заключеній. Прежде всего, онъ обратилъ вниманіе на главную цѣль всѣхъ предполагаемыхъ мѣръ „*изглаженіе крѣпостное у насъ состояніе*": мысль объ этомъ, по словамъ императора Николая, никогда не оставляла его въ теченіе 18-ти лѣтъ царствованія. Считая постепенность мѣръ первымъ условіемъ въ этомъ дѣлѣ, онъ рѣшился *начать* съ дворовыхъ людей и, прежде всего, съ ходящихъ по паспортамъ. Предположеніе объ учрежденіи служебныхъ цеховъ одобряется всѣми членами комитета. Государь повторилъ что такіе цехи должны быть открыты въ обѣихъ столицахъ, въ губернскихъ, портовыхъ и главнѣйшихъ уѣздныхъ городахъ, впослѣдствіи же учреждены и въ менѣе важныхъ городахъ, и поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ безотлагательно составить проектъ о служебныхъ цехахъ, включивъ его въ полный проектъ положенія о городскомъ управленіи, если онъ можетъ быть представленъ и разсмотрѣнъ въ государственномъ совѣтѣ до вакаціоннаго времени, или въ видѣ особаго постановленія. Относительно переписи дворовыхъ государь рѣшилъ, что ее слѣдуетъ отложить до общей ревизіи, причемъ дворовыхъ должно показывать въ ревизскихъ сказкахъ отдѣльно. Вопросъ объ учрежденіи изъ дворовыхъ людей особыхъ рекрутскихъ участковъ вновь былъ подвергнутъ обсужденію членовъ комитета. причемъ одни полагали, что мѣра эта будетъ чрезвычайно стѣснительна для владѣльцевъ, другіе же считали ее справедливою и необходимымъ послѣдствіемъ отдѣльнаго исчисленія дворовыхъ людей. Когда при собраніи голосовъ мнѣнія раздѣлились поровну, государь, имѣя въ виду. что разрѣшеніе этого вопроса еще не требуется въ настоящее время, перешелъ къ другимъ предметамъ. Всего важнѣе и вмѣстѣ всего печальнѣе было то, что *запрещеніе помѣщикамъ переводить крестьянъ во дворъ* императоръ Николай *призналъ «крѣпительно на долгое время не-*

возможными". Затѣмъ, обратившись къ такъ называемымъ „облегчительнымъ" мѣрамъ увольненія дворовыхъ изъ крѣпостнаго состоянія, въ томъ числѣ и состоящихъ въ залогѣ въ кредитныхъ установленіяхъ, государь повелѣлъ гр. Блудову вмѣстѣ съ Вронченкомъ и статсъ-секретаремъ Гофманомъ составить, въ теченіе 10 дней, окончательное предположеніе по этому предмету для внесенія его въ секретный комитетъ. Послѣ того второе засѣданіе комитета было закрыто.

Въ третьемъ засѣданіи, 5 апрѣля 1844 г., государь прочелъ приготовленную гр. Блудовымъ записку съ окончательными предположеніями мѣръ для сокращенія класса дворовыхъ: каждый пунктъ подвергался обсужденію членовъ комитета, и, выслушавъ всѣ замѣчанія, императоръ Николай постановлялъ рѣшительныя заключенія. Записка гр. Блудова состояла изъ стольких подраздѣленій, сколько было въ виду комитета различныхъ предположеній. Первыя два подраздѣленія о формѣ и условіяхъ для отпуска дворовыхъ людей на волю и объ отпускѣ ихъ по договорамъ были одобрены государемъ почти безъ всякихъ измѣненій; второе подраздѣленіе подверглось только дополненію по предложенію кн. Меншикова. Онъ обратилъ вниманіе на то что, по дѣйствовавшему до тѣхъ поръ закону, было запрещено включать въ отпускныя такія условія, которыя могли бы стѣснять свободу увольняемаго, и потому предписано было рѣшительно опредѣлять въ нихъ, что владѣлецъ или теперь же увольняетъ своего крѣпостнаго человѣка, или оставляетъ при себѣ въ услуженіи до своей смерти (Св. Зак., т. IX, ст. 1056). Кн. Меншиковъ высказалъ мысль, что разрѣшеніе писать отпускныя съ условіемъ, чтобы дворовый получалъ свободу послѣ извѣстнаго числа лѣтъ службы у помѣщика не только не будетъ стѣснительнымъ для дворовыхъ людей, но представляетъ выгоды и удобства для обѣихъ сторонъ. Государь сказалъ: „Я не усматриваю повода къ существующему нынѣ ограниченію, а потому считаю, что предложеніе кн. Меншикова можетъ быть принято". Было постановлено, что дворовые, заключившіе договоръ съ помѣщикомъ на предложенномъ кн. Меншиковымъ условіи, должны до полученія совершенной свободы числиться за помѣщиками, которые и обязаны платить за нихъ подушную подать.

Отпускъ дворовыхъ на волю прежде затруднялся, по мнѣнію Блудова, тѣмъ, что, въ виду невозможности взыскать впослѣдствіи съ отпущеннаго на волю слѣдующей по договору суммы, владѣлецъ требуетъ отъ него наличныхъ денегъ при самомъ увольненіи, а увольняемый рѣдко можетъ исполнить такое требованіе. Остановившись на этомъ соображеніи, государь предложилъ комитету обсудить: нельзя ли такимъ людямъ выдавать изъ казны „подъ личный ихъ залогъ" ссуды для пособія въ уплатѣ владѣльцу требуемой съ нихъ суммы? Выслушавъ мнѣнія членовъ комитета, государь нашелъ возможнымъ принять слѣдующую мѣру: для вы-

дачи ссудъ дворовымъ людямъ, которыхъ владѣльцы будутъ отпускать на волю за опредѣленную плату, составить особый вспомогательный капиталъ, отдѣливъ для этого на первый случай до 100,000 руб., причемъ высшій размѣръ ссуды одному лицу не долженъ ни въ какомъ случаѣ превышать цѣны рекрута, т. е. той суммы, какая при прежнемъ порядкѣ рекрутскихъ наборовъ взыскивалась иногда вмѣсто рекрута; размѣръ же платы помѣщику за освобожденіе предоставлялся свободному договору между владѣльцемъ и отпускаемымъ на волю, т. е., говоря яснѣе, по-прежнему, долженъ былъ зависѣть отъ произвола помѣщика. Съ людьми неисправными въ уплатѣ ссудъ предполагалось поступать такъ же, какъ и при взысканіи суммъ, слѣдующихъ владѣльцамъ по договорамъ объ отпускѣ ими на волю дворовыхъ людей, т. е., въ случаѣ несостоятельности, брать ихъ въ рекруты, а неспособныхъ къ военной службѣ отсылать въ крѣпостныя работы. Для пополненія капитала истощающагося выдачею ссудъ, предполагалось назначить особые доходы съ задуманныхъ служебныхъ цеховъ, почему государь и приказалъ министру внутреннихъ дѣлъ, которому было поручено уже изготовленіе проекта закона о цехахъ, заняться соображеніями и по этому предмету и по соглашенію съ управляющимъ министерствомъ финансовъ составить окончательное предположеніе объ этомъ вспомогательномъ капиталѣ. По предположенія о составленіи капитала для ссудъ дворовымъ съ цѣлью выкупа ихъ на свободу, сколько намъ извѣстно, не были исполнены [1]).

Третій отдѣлъ записки Блудова объ отпускѣ на волю дворовыхъ, приписанныхъ къ имѣніямъ, которыя заложены въ кредитныхъ установленіяхъ, былъ одобренъ почти безъ измѣненія, но слѣдующее затѣмъ предложеніе—„о передачѣ безвозмездно дворовыхъ людей въ вѣдомство государственныхъ имуществъ“ вызвало опять протестъ гр. Киселева, который, въ дополненіе къ уже прежде приведеннымъ причинамъ невозможности этой мѣры, объяснилъ что она ограничила бы предоставленное казеннымъ крестьянамъ право соглашаться или нѣтъ на принятіе въ составъ ихъ обществъ новыхъ людей; поэтому государь, не останавливаясь долѣе на этомъ вопросѣ, перешелъ къ послѣднему отдѣленію записки гр. Блудова о передачѣ дворовыхъ людей въ распоряженіе губернскихъ правленій. По выслушаніи объ этомъ мнѣніи нѣкоторыхъ членовъ комитета и принявъ во вниманіе, что эта мѣра допущена въ настоящее время исключительно какъ наказаніе, государь отложилъ обсужденіе ея до удобнаго случая.

---

[1]) Относительно семействъ вольноотпущенныхъ было рѣшено, не вводя вчего нового по этому предмету, требовать только, чтобы помѣщикъ при отпускѣ на волю не разлучалъ мужа съ женою

Покончивъ съ запискою Блудова, императоръ Николай по вопросу объ увольненіи дворовыхъ, состоящихъ въ залогѣ, приказалъ управляющему министерствомъ финансовъ войти съ представленіемъ въ государственный совѣтъ, а проектъ указа о мѣрахъ къ облегченію отпуска дворовыхъ людей безъ земли велѣно было составить Блудову, Вронченкѣ и Перовскому и внести его на предварительное разсмотрѣніе комитета; но послѣдній больше не собирался. Когда 21 апрѣля 1844 г. кн. Васильчиковъ представилъ государю составленный гр. Блудовымъ проектъ указа, императоръ нашелъ, что онъ совершенно согласенъ съ основаніями, принятыми въ комитетѣ, и потому полагалъ подписать и немедленно издать. „Развѣ вы имѣете что еще замѣтить?" — написалъ онъ кн. Васильчикову. Послѣдній предложилъ не отступать при изданіи этого указа отъ обыкновеннаго порядка, т. е. внести его въ государственный совѣтъ: резолюція государя была такова: „Согласенъ *въ надеждѣ, что не послѣдуетъ въ совѣтѣ невыгода изданныхъ прежде*" [1]).

12 іюня 1844 г. сразу состоялось два распоряженія правительства: именной указъ сенату о предоставленіи помѣщикамъ отпускать дворовыхъ людей на волю безъ земли по обоюднымъ договорамъ и высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта объ освобожденіи дворовыхъ людей изъ имѣній, заложенныхъ въ банковыхъ учрежденіяхъ безъ предварительнаго ихъ разрѣшенія. Впрочемъ, обнародованы эти распоряженія были не одновременно: первое 10, второе нѣсколько ранѣе — 4 іюля; очевидно, это сдѣлано было вслѣдствіе совершенно напраснаго опасенія, чтобы изданіе этихъ двухъ мѣръ сразу не слишкомъ взволновало общественное мнѣніе, а между тѣмъ, онѣ были не только крайне невинны, но, по всей вѣроятности, остались даже безъ всякаго результата.

Въ указѣ объ отпускѣ на волю дворовыхъ людей по договорамъ мы находимъ слѣдующія постановленія. Владѣльцамъ, желающимъ уволить своихъ дворовыхъ безъ земли, дозволяется заключать съ ними по обоюдному согласію договоры о платежѣ этими послѣдними особыхъ суммъ въ одинъ или нѣсколько сроковъ или же ежегоднаго оброка (по смерть владѣльца или на опредѣленное число лѣтъ). Отпущенныхъ такимъ образомъ на волю слѣдуетъ считать навсегда свободными со времени заключенія договора и выдачи отпускной наравнѣ съ другими вольноотпущенными. Въ случаѣ неисправности въ платежѣ слѣдующихъ по договору суммъ, владѣльцу предоставляется взыскивать ихъ чрезъ посредство мѣстной полиціи изъ всякаго движимаго и недвижимаго имущества вольноотпущеннаго, преимущественно предъ всѣми казенными и частными долгами и повинностями; въ случаѣ же его несостоятельности

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ.

брать въ рекруты (!) [1] и выдавать за него прежнему владѣльцу квитанцію съ правомъ представить ее къ зачету за свое имѣніе, или, «*буде онъ не в одномъ такимъ имѣніемъ, за которое мог бы представить квитанцію к зачету*» [2], продать ее другому по желанію: если же подобные люди окажутся неспособными къ военной службѣ, то поступать съ ними, какъ съ несостоятельными къ платежу разныхъ пеней, т. е. отдавать въ заработки частнымъ лицамъ или отправлять въ крѣпостныя работы. Кромѣ того, владѣльцамъ дозволяется давать отпускныя съ условіемъ, чтобы дѣйствіе ихъ началось послѣ извѣстнаго числа лѣтъ службы двороваго у своего господина: такіе люди до полученія совершенной свободы должны числиться по прежнимъ ревизскимъ сказкамъ за прежними владѣльцами, которые обязаны платить за нихъ всѣ подати и повинности. Владѣльцы же, давшіе своимъ дворовымъ полную свободу, освобождаются отъ платежа за нихъ податей и повинностей, не ожидая новой ревизіи, со слѣдующаго за увольненіемъ полугодія. Дворовые, впредь отпускаемые на волю, избавляются отъ рекрутской повинности до новой ревизіи, а если она послѣдуетъ до истеченія 10 лѣтъ со дня увольненія, то на 10 лѣтъ; точно также освобождаются они до новой ревизіи и отъ платежа податей и другихъ денежныхъ повинностей, а тѣ, которые припишутся къ мѣщанскимъ обществамъ, получаютъ льготу отъ казенныхъ податей и городскихъ повинностей и службъ, вмѣсто 2-хъ, на 6 лѣтъ. Единственнымъ слѣдомъ прежде предполагавшихся стѣснительныхъ мѣръ относительно дворовыхъ осталась въ указѣ оговорка, что всѣ его постановленія относятся только къ тѣмъ, которые записаны дворовыми въ послѣднюю ревизію и не распространяются на переведенныхъ помѣщиками съ пашни во дворъ послѣ того времени.

Другимъ распоряженіемъ правительства было дозволено владѣльцамъ имѣній, заложенныхъ въ заемномъ банкѣ, опекунскихъ совѣтахъ и приказахъ общественнаго призрѣнія (а также представленныхъ въ залогъ по казеннымъ откупамъ и вообще казеннымъ подрядамъ и поставкамъ), отпускать на волю, безъ взноса выкупныхъ денегъ и не прося разрѣшенія этихъ учрежденій, до 10 душъ дворовыхъ на каждыя 100 душъ, состоящія въ залогѣ; за отпускъ же на волю дворовыхъ свыше этого числа они должны вносить деньги по разсчету [3].

Объ эти правительственныя мѣры приняли форму закона 12 іюня, а

---

[1]) Въ проектѣ комитета 6 декабря 1826 г. предлагалось неисправныхъ плательщиковъ отдавать въ работу и передавать заработанныя ими деньги помѣщику.

[2]) Оговорка эта была сдѣлана по желанію государя „для устраненія всякаго повода къ злоупотребленіямъ", т. е. къ противозаконной торговлѣ рекрутами.

[3]) 2-е П. С. З., т. XIX, №№ 17977 и 17985; срав. Полн. Собр. Зак., т. XXII, 21051; XXIII, 22522, 22417, п. 3 и 5.

послѣднее засѣданіе секретнаго комитета, въ которомъ онѣ были окончательно выработаны, состоялось 5 апрѣля. На другой день послѣ этого засѣданія бар. Корфъ представилъ государю записку, гдѣ „лично“ предъ нимъ высказывалъ свои сомнѣнія относительно готовящагося распоряженія, которыя онъ, какъ призванный въ комитетъ лишь съ совѣщательнымъ голосомъ, не рѣшился тамъ изложить. Бар. Корфъ возбуждалъ очень серьезный вопросъ: полезно ли вообще облегчать помѣщикамъ отпускъ на волю ихъ дворовыхъ людей? Мѣры облегченія и поощренія къ отпуску дворовыхъ людей,—говоритъ Корфъ, могли и должны были представляться совершенно необходимыми, пока предполагалось *стѣснить* владѣльцевъ *въ обладаніи сими людьми*... Но теперь, когда всѣ мѣры *стѣснительныя* по убѣжденію и волѣ Вашего Величества отклонены, а съ ними отпала и главная цѣль мѣръ *облегчительныхъ*, не должно ли опасаться, что послѣднія увеличатъ лишь бродяжничество и праздношатательство? Множество помѣщиковъ, безъ сомнѣнія, воспользуются даруемыми льготами, чтобы освободить своихъ дворовыхъ людей или, лучше сказать, чтобы самимъ отъ нихъ освободиться. Но отъ какихъ? Конечно, не отъ тѣхъ, которые имъ необходимы или полезны, а отъ такихъ, которые имъ ни на что не годны, не знаютъ ремесла, не способны въ прислугу, отъ порочныхъ, калѣкъ, стариковъ, — словомъ, отъ тѣхъ, которые обращаются имъ въ тягость... Отпускъ на волю не есть договоръ а дѣйствіе одностороннее: помѣщикъ, отпуская своего человѣка, не обязанъ спрашивать, согласенъ ли онъ получить свободу и чѣмъ будетъ послѣ кормиться. Отсюда вопросъ, куда размѣстятся всѣ эти извергнутые своими владѣльцами люди, какое общество ихъ приметъ, въ какой цехъ допустятъ ихъ записаться, особенно съ круговою порукою, кто возьметъ ихъ къ себѣ? Не породится ли чрезъ то классъ, можетъ статься, многочисленный, бездомныхъ и безпріютныхъ пролетаріевъ, которыхъ мы теперь не знаемъ, потому что за крѣпостныхъ отвѣчаютъ во всемъ владѣльцы, а за прочихъ общества? Какая будетъ выгода отъ того, что люди, состоящіе теперь на попеченіи и отвѣтѣ своихъ господъ, вдругъ станутъ внѣ всякаго попеченія и отвѣта, безъ крѣпостной, правда, зависимости, но и безъ хлѣба, и сами они въ такомъ положеніи сдѣлаются ли чрезъ свободу счастливѣе, лучше, полезнѣе для общаго блага и безопаснѣе для правительства?... Чѣмъ болѣе отпустятъ на волю дворовыхъ людей, тѣмъ болѣе остальные—вѣроятно, лучшіе—восчувствуютъ тягость своего положенія и почтутъ себя огорченными, тѣмъ болѣе поселятся неудовольствія въ классѣ крестьянъ.. Не будетъ ли это въ совокупности причиною, что предусматриваемая отъ крѣпостнаго состоянія опасность изъ будущей и возможной превратится въ настоящую и дѣйствительную и, такъ сказать, накличется и привлечется теперь же?“ Корфъ напомнилъ, что этотъ взглядъ былъ отчасти высказанъ и въ первомъ его мнѣніи и остался безъ опроверженія.

Нельзя не признать, что въ этихъ замѣчаніяхъ относительно расширенія права помѣщиковъ отпускать дворовыхъ на волю было не мало основательнаго; они еще разъ подтверждали, быть можетъ, и вопреки желанію ихъ автора, что нужны не какія-либо частныя и нерѣшительныя мѣры относительно крѣпостнаго права, а энергическая, рѣшительная борьба съ этимъ зломъ русской общественной жизни. Доводы Корфа показались довольно убѣдительными и государю, который на его запискѣ написалъ: „Я бы предпочелъ, чтобы бар. Корфъ предъявилъ все это въ самомъ комитетѣ, гдѣ тогда же бы обсудили, въ какой степени замѣчанія его справедливы; съ моей стороны, нахожу, что многое не безъ основанія, ежели бы всѣ правительственныя мѣры оканчивались только тѣмъ, что въ послѣднемъ засѣданіи положено, но я полагаю это только *предисловіемъ*". Однако, правительство при императорѣ Николаѣ не пошло въ устройствѣ быта дворовыхъ дальше этой мѣры, а „предисловіе" само по себѣ оказалось крайне неудачнымъ [1]).

Черезъ два года была сдѣлана первая попытка исполнить предположенія комитета 1844 г. о записи въ цехи отпускаемыхъ по паспортамъ дворовыхъ. По положенію объ общественномъ управленіи Петербурга, изданномъ въ 1846 г., цехи раздѣлялись на 1) ремесленные и 2) наемныхъ служителей и рабочихъ; и тѣ, и другіе подраздѣлялись еще на вѣчные и временные. Крѣпостные люди записывались лишь во временные цехи, притомъ, въ ремесленные только отпущенные на заработки на продолжительные сроки, не менѣе двухъ лѣтъ [2]). Эти постановленія, разумѣется, не имѣли никакого вліянія на измѣненіе быта дворовыхъ.

---

[1]) Глава эта составлена на основаніи принадлежащихъ мнѣ копій съ дѣлопроизводства комитетовъ 1840 и 1841 гг., нѣкоторые матеріалы относительно этихъ комитетовъ напечатаны, но съ ошибками и вообще крайне небрежно въ „Русск. Арх." 1884 г., кн. 5, стр. 161—181.

[2]) 2-е П. С. З., XXI, № 19721; п. 84, 86, 88.

ГЛАВА V.

Записки Перовскаго и кн. Васильчикова 1845 г.; секретный комитетъ 1846 г.—Дѣло крестьянъ гр. Самойловой, законъ 1848 г. о пріобрѣтеніи крѣпостными недвижимой собственности. Комитетъ 1847 г. и дозволеніе крестьянамъ выкупаться при продажѣ имѣній съ публичнаго торга.

Министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій, какъ мы видѣли выше, выказалъ явное несочувствіе мѣрамъ, имѣвшимъ цѣлью уменьшеніе количества дворовыхъ людей въ Россіи, и если и составилъ проекты указовъ по этому предмету, то, очевидно, лишь повинуясь прямому требованію государя; къ тому же, въ объяснительной къ нимъ запискѣ онъ не только не поддерживалъ предположенныхъ мѣропріятій, а, напротивъ, собралъ всевозможныя противъ нихъ возраженія. Хорошо зная, однако, стремленіе императора Николая ограничить крѣпостное право, Перовскій не рѣшался заявлять себя совершеннымъ консерваторомъ въ крестьянскомъ вопросѣ. Въ ноябрѣ 1845 г. онъ представилъ государю, неизвѣстно, по желанію ли императора Николая, или по собственной иниціативѣ, чрезвычайно любопытную записку „объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія въ Россіи“, которая, несмотря на ея общій консервативный тонъ въ духѣ николаевской эпохи, несмотря на нѣкоторыя совершенно несправедливыя мнѣнія, рѣзко выдѣляется изъ ряда подобныхъ произведеній оффиціальныхъ лицъ этого времени многими умными предложеніями и можетъ по своему значенію занять мѣсто непосредственно послѣ извѣстныхъ записокъ гр. Сперанскаго для комитета 6 декабря 1826 г. и гр. Киселева объ обязанныхъ крестьянахъ. Въ виду этого мы подробно остановимся на трудѣ Перовскаго, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ онъ не былъ напечатанъ и извѣстенъ лишь въ краткомъ изложеніи.

Записка Перовскаго начинается весьма важнымъ для характеристики настроенія образованнаго общества и народа въ это время заявленіемъ, что крестьянскій вопросъ не только обращаетъ на себя вниманіе правительства, но „сдѣлался даже однимъ изъ довольно обыкновенныхъ пред-

метовъ откровенной бесѣды въ образованныхъ состояніяхъ и проникъ, наконецъ, темными слухами и превратными толками въ низшія сословія"....
„Не подлежитъ никакому сомнѣнію,—продолжаетъ Перовскій,—что освобожденіе крестьянъ или уничтоженіе крѣпостнаго права было бы крайне желательно, какъ мѣра вполнѣ человѣческая и христіанская. Причинъ этихъ достаточно, и потому здѣсь нѣтъ нужды говорить ни о филантропическихъ возгласахъ, запутывающихъ только понятія, ни о направленіи и духѣ нашего вѣка, настоятельно требующаго, по мнѣнію нѣкоторыхъ, подобной перемѣны, ни, наконецъ, о разсужденіяхъ иностранной журналистики, путешественниковъ и издателей записокъ, кои всѣ, не зная и не понимая собственно нашихъ дѣлъ, празднословятъ для толпы, не менѣе чуждой познанія нашего отечества... Тутъ не для чего пускаться въ разсужденія о свободѣ всѣхъ состояній въ томъ смыслѣ, какъ она объясняема была на Западѣ по *естественному праву* [1]), или по различному взгляду на предметъ сей различныхъ школъ политической экономіи" Отведя, такимъ образомъ, душу нѣсколькими выходками противъ русскихъ и западныхъ либераловъ, Перовскій на вопросъ: въ чемъ именно должна бы состоять свобода или вольность нынѣшняго крѣпостнаго состоянія"—отвѣчаетъ совершенно разумно: „въ сравненіи правъ и обязанностей помѣщичьихъ крестьянъ съ правами и обязанностями крестьянъ государственныхъ". Ничего бо́льшаго и не желали крестьяне: это подтверждается какъ многими ихъ заявленіями во время волненій въ XVIII и въ первой половинѣ XIX в. такъ и свидѣтельствомъ Сперанскаго, много думавшаго надъ крестьянскимъ вопросомъ и имѣвшаго возможность познакомиться съ настроеніемъ народа въ центральной Россіи во время своего губернаторства въ Пензѣ. Но Перовскій, совершенно правильно поставивъ вопросъ, начинаетъ, вопреки истинѣ, доказывать, что крѣпостные не удовольствуются уравненіемъ ихъ съ крестьянами государственными, что они будто бы стремятся къ полной анархіи.

„По народному понятію,—увѣряетъ онъ—вольность заключается собственно... *въ совершенномъ безначаліи и неповиновеніи*. Кто будетъ противъ этого спорить, *у того или намѣренія не чисты, или онъ не знаетъ Россіи*. Не только въ глуши, въ отдаленныхъ губерніяхъ, а среди столицы весьма легко убѣдиться въ справедливости сказаннаго: сотня тысячъ крестьянъ, проживающихъ здѣсь постоянно или временно, несмотря на бо́льшее развитіе понятій своихъ вообще, смотрятъ на слово *вольность* не иначе. Многіе государственные крестьяне отвѣчаютъ на вопросъ: ты какой человѣкъ, вольный?—„*Нѣтъ, я казенный* или: *мы государевы* или *государственные*", другими словами, сословіе государственныхъ крестьянъ, по ихъ понятіямъ, не есть свободное. Нерѣдко слышны разсужденія вродѣ слѣдующихъ: „*Вотъ все говорили—скоро вольность будетъ, а вмѣсто того опять наборъ*". И такъ, рекрутскій наборъ также не вяжется у простолюдина съ понятіемъ о свободѣ. Свободныхъ хлѣбопашцевъ у насъ сравнительно не такъ много, чтобы голосъ ихъ въ

[1]) Курсивъ здѣсь принадлежитъ подлиннику.

этомъ дѣлѣ былъ важенъ; они, правда, почитаются вольными, потому что въ самомъ названіи ихъ есть слово *свобода*, но весьма немногіе изъ нихъ понимаютъ свое положеніе; они большею частью считаютъ всѣ ограниченія, повинности и обязанности не инымъ чѣмъ, какъ притѣсненіемъ со стороны мѣстныхъ властей. Они увѣрены что ихъ вписали въ ревизію неправильно въ оклад и въ рекрутство и что они должны бы быть свободными отъ всѣхъ повинностей. *Обѣльные* крестьяне или *бывшіе* въ олонецкой или костромской губерніяхъ, не платя никакихъ податей, ни повинностей, почитаются въ народѣ вольными, а костромскіе въ особенности въ томъ полагаютъ доказательство вольности и свободы своей, что они вовсе не подвѣдомственны полиціи и что самъ губернаторъ не вправѣ пріѣхать къ нимъ на село или даже проѣхать черезъ него безъ особаго высшаго разрѣшенія... Но всего этого мало даже и эти люди жалуются еще на мнимое стѣсненіе ихъ свободы и, толкуя древнія обѣльныя грамоты свои, считаютъ себя нынѣ притѣсненными, когда бываютъ обязаны брать паспорты, уплачивать пошлину за торговыя свидѣтельства или вообще подчиняться въ чемъ либо общимъ постановленіямъ. Вотъ какое понятіе находимъ мы въ народѣ о вольности или свободѣ: *понятіе безмысленное и страшное*".

Немедленное освобожденіе народа крайне опасно, такъ какъ оно легко можетъ вызвать „всеобщее возмущеніе", окончательную развязку котораго „даже и гадательно предсказать невозможно".... „Россія такъ огромна,— замѣчаетъ Перовскій,—что уже по одной этой причинѣ нельзя предвидѣть конца безсмысленнаго владычества черни, если бы она когда-нибудь одержала верхъ".

Послѣ этой тенденціозной характеристики взглядовъ крестьянъ на освобожденіе отъ помѣщичьей власти, Перовскій разсматриваетъ ихъ нынѣшнее положеніе и утверждаетъ, что „житейское состояніе большинства вовсе не такъ дурно, какъ многіе воображаютъ" [1]). На замѣчанія, „что должно смотрѣть на дѣло это съ высшей точки, что самостоятельное развитіе человѣка, умственное и нравственное, можетъ произойти только на свободѣ, что рабство унижаетъ человѣчество и проч.". Перовскій возражаетъ, что изъ крѣпостнаго состоянія у насъ вышло едва ли не болѣе замѣчательныхъ въ томъ или другомъ отношеніи людей, чѣмъ изъ крестьянъ казенныхъ. что даже промышленность и торговля находятся преимущественно въ рукахъ богатыхъ помѣщичьихъ крестьянъ и что собственно въ великороссійскихъ губерніяхъ „безпристрастный наблюдатель отнюдь и ни въ какомъ отношеніи не можетъ отдать умственнаго и нравственнаго первенства предъ помѣщичьими крестьянами казеннымъ". Очень любопытно свидѣтельство Перовскаго о томъ, какъ смотрѣла дворянская интеллигенція на освобожденіе крестьянъ. „Время и новыя отношенія,—гово-

---

[1]) „Но правда,—оговаривается онъ,—что положеніе ихъ вообще весьма различно и подлежитъ произволу одного лица. Есть многія помѣщичьи имѣнія, на крестьянъ коихъ сосѣдніе государственные крестьяне смотрятъ съ завистью; есть безспорно другія, особенно мелкопомѣстныя, кои разорены болѣе, чѣмъ бѣднѣйшіе изъ крестьянъ государственныхъ".

рить онъ,—вовсе измѣнили взглядъ *образованныхъ* помѣщиковъ на крѣпостное право: они, конечно, опасаются послѣдствій свободы, *зная необузданность народа, вышедшаго однажды въ какомъ-либо отношеніи изъ своего обычнаго положенія и изъ предѣловъ повиновенія*: но владѣльцы нынѣ уже вовсе не боятся утраты своего достоянія отъ дарованія людямъ свободы. Помѣщики сами начинаютъ понимать, что крестьяне тяготятъ ихъ и что было бы желательно измѣнить эти обоюдо-невыгодныя отношенія Къ сему повели мало-по-малу возвысившаяся цѣнность и недостатокъ земель, неопредѣлительность крестьянскихъ обязанностей и возникающіе изъ этого раздоры, частые неурожаи и тяжкая обязанность кормить крестьянъ въ такихъ случаяхъ на свой счетъ, безпечность крестьянина, который, принадлежа барину и привыкнувъ видѣть въ немъ опекуна своего, самъ о себѣ не заботится. Сверхъ сего, опыты обработки земель наемными людьми въ губерніяхъ: саратовской, тамбовской, пензенской, воронежской и другихъ показали, что тамъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ рукахъ, владѣлецъ *ненаселенной земли* при подобномъ хозяйствѣ оставался въ выигрышѣ противу *помѣщика*. Вотъ причины, по коимъ большая половина нашего дворянства вовсе не опасается утраты достоянія своего отъ уничтоженія крѣпостнаго состоянія, но *страшится послѣдствій переворота, коихъ всякій благоразумный человѣкъ, знающій народъ и его понятія и наклонности, долженъ опасаться*". Изъ этихъ словъ Перовскаго видно, что пропаганда вольнымъ экономическимъ обществомъ и нѣкоторыми учеными въ эпоху императора Александра I мысли о невыгодности крѣпостнаго права для самихъ помѣщиковъ принесла извѣстные плоды; болѣе умные изъ нихъ начинали сознавать, что главное дѣло—земля, удержать бы лишь ее въ своихъ рукахъ, и тогда можно безъ особеннаго сожалѣнія разстаться съ обязательными отношеніями къ крестьянамъ, въ которыхъ, какъ указалъ и Перовскій, не все были розы, не говоря уже о томъ, что ежегодно нѣсколько помѣщиковъ дѣлались жертвами крестьянской мести. И такъ, все дѣло въ землѣ, къ вопросу о которой и переходитъ Перовскій, совершенно правильно понявшій, что наши населенныя имѣнія не представляютъ собственности на полномъ гражданскомъ правѣ, что владѣніе ими обусловлено извѣстными обязанностями помѣщика относительно государства, съ которыми нельзя не считаться, что, наконецъ, въ бытѣ нашихъ крестьянъ есть важныя особенности сравнительно съ положеніемъ земледѣльцевъ въ Западной Европѣ.

Крестьянинъ безъ земли, по словамъ Перовскаго, „существовать не можетъ. Земля эта есть собственность помѣщика, но помѣщикъ, въ то же время, есть и хозяинъ своего крестьянина, о коемъ онъ долженъ заботиться какъ для личной выгоды своей, такъ и по особымъ требованіямъ и постановленіямъ правительства. Забота эта иногда крайне тяжка, но она обезпечиваетъ въ извѣстной степени существованіе крестьянина. Ни

въ одномъ государствѣ нѣтъ такого устройства, чтобы помѣщикъ былъ обязанъ кормить своихъ крестьянъ, а и того менѣе, чтобы для каждой вновь родившейся души былъ готовъ и участокъ земли; съ уничтоженіемъ же крѣпостнаго состоянія эти отношенія должны измѣниться: никто не будетъ заботиться объ обезпеченіи вновь возникающаго поколѣнія, и каждый долженъ думать о себѣ, искать себѣ пріюта, работы и пропитанія. Каждый помѣщикъ раздѣлитъ земли свои на извѣстное число тяглъ, остальные люди останутся за штатомъ, и онъ имъ откажетъ, потому что владѣлецъ можетъ содержать только извѣстное число крестьянъ по количеству земли. Изъ этого слѣдуетъ, что вопросъ, въ какихъ отношеніяхъ останутся освобожденные крестьяне къ обработываемой ими землѣ, по важности своей, едва ли не равняется вопросу объ освобожденіи крестьянъ вообще. Ни безъ земли, ни даже съ землею крестьяне безусловно уволены быть не могутъ; одно столько же вредно, какъ и другое. Предположивъ первое, спрашивается, что станутъ дѣлать 24 мил. душъ обоего пола безземельныхъ хлѣбопашцевъ и чѣмъ обезпечится судьба ихъ? Такое положеніе народа тяготитъ уже многія другія государства, и они страшатся еще дальнѣйшихъ послѣдствій. Балтійскія губерніи представляютъ намъ современный примѣръ тому, какъ тягостна для крестьянъ личная свобода, если они ничѣмъ не ограждены отъ произвола помѣщиковъ... Наконецъ, эта безземельная и бездомная вольница представляла бы опасную, даже грозную стихію всегдашнихъ смутъ и безпокойствъ, могущихъ повести къ самымъ гибельнымъ послѣдствіямъ". Это мѣсто записки Перовскаго представляетъ новое доказательство, какъ прочно утвердилась въ сознаніи правительства мысль о невозможности безземельнаго освобожденія крестьянъ, съ которою мы уже встрѣтились выше въ запискѣ гр. Киселева объ обязанныхъ крестьянахъ и въ рѣчи императора Николая предъ засѣданіемъ государственнаго совѣта, посвященномъ тому же вопросу.

Но столь же невозможнымъ кажется Перовскому и освобожденіе крестьянъ съ землею. Для этого, по его мнѣнію, встрѣчаются „неустранимыя затрудненія": „Помѣщиковъ нельзя лишить законной ихъ собственности, а вознагражденіе за нее было бы слишкомъ тягостно для правительства; надѣливъ же крестьянъ нынѣ по числу душъ, слѣдовало бы и продолжать этотъ надѣлъ по мѣрѣ увеличенія населенія до послѣдняго клочка помѣщичьей земли, а это дѣло вовсе невозможное. Наконецъ, нельзя не сообразить и того, что, получивъ въ собственность небольшой участокъ, крестьянинъ удовольствовался бы этимъ и, выйдя изъ-подъ опеки и повиновенія помѣщику, не сталъ бы обработывать чужой земли, перемогаясь въ нуждѣ и крайности, изъ опасенія подвергнуться снова зависимости и надзору помѣщика. Такое направленіе безспорно имѣло бы послѣдствіемъ многолѣтній голодъ и всѣ соединенныя съ нимъ бѣдствія".

Эту мысль свою Перовскій пытается подтвердить примѣромъ изъ исторіи крестьянъ въ Россіи: онъ утверждаетъ, что, вслѣдствіе секуляризаціи имѣній духовенства въ царствованіе императрицы Екатерины II, крестьяне будто бы стали „вдвое менѣе работать, и повсюду открылись нужда и недостатокъ, продолжавшіеся нѣсколько лѣтъ". Россія дѣйствительно испытала въ 1766 году сильный голодъ, но не по лѣности крестьянъ, а вслѣдствіе страшнаго неурожая хлѣба; что же касается крестьянскихъ запашекъ: то въ особомъ изслѣдованіи, на основаніи несомнѣнныхъ оффиціальныхъ источниковъ, мы доказали, что въ такъ называемыхъ „экономическихъ" (прежде принадлежавшихъ церкви) вотчинахъ крестьяне пахали послѣ секуляризаціи почти такое же, а мѣстами даже большее количество земли, чѣмъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ [1]).

Путемъ такихъ разсужденій Перовскій приходитъ къ выводу, что нельзя освободить крестьянъ безъ земли и нельзя уволить ихъ съ надѣленіемъ землею на вотчинномъ правѣ, а должно установить среднія отношенія, при которыхъ помѣщикъ оставался бы владѣльцемъ своихъ земель, а крестьянинъ могъ бы на извѣстныхъ условіяхъ ихъ обработывать: для этого необходимо, чтобы крестьянинъ былъ до извѣстной степени привязанъ къ землѣ на основаніи закона, а помѣщику была бы предоставлена извѣстная степень полицейской власти надъ населяющими его имѣніе земледѣльцами, такъ какъ въ противномъ случаѣ, по мнѣнію Перовскаго, ихъ нельзя было бы заставить выполнять свои обязанности относительно правительства: они стали бы бродяжничать по всей Россіи, и оказалось бы невозможнымъ ни произвести народной переписи, ни собрать подушной подати и рекрутъ. Такимъ образомъ, необходимо значительно ограничить предполагаемую свободу крестьянъ, а „*дарованіе ограниченной свободы* будетъ на дѣлѣ то же самое, что *ограниченіе крѣпостнаго права*", слѣдовательно, этимъ послѣднимъ путемъ и достигнется та же самая цѣль, но только несравненно вѣрнѣе и безопаснѣе.

Нѣкоторые предлагали, чтобы правительство для уничтоженія крѣпостнаго права сдѣлало заемъ и пріобрѣло въ казну всѣ частныя имѣнія, но Перовскій находитъ эту мѣру неудобною: правда, при этомъ нельзя ожидать большихъ безпорядковъ, -замѣчаетъ онъ,—такъ какъ „отъ этой незначительной перемѣны состоянія хмель мечтательной вольности не обуяетъ головы крестьянъ", но за то государство вошло бы въ огромные долги, хозяйство земледѣльцевъ, лишенное помѣщичьяго присмотра, надолго разстроилось бы и вскорѣ оказался бы повсемѣстный недостатокъ въ хлѣбѣ „Нельзя также не спросить, — продолжаетъ Перовскій, — что станутъ дѣлать тогда бывшіе помѣщики? Какой оборотъ дастся выданнымъ имъ огромнымъ капиталамъ? Если бездомные и безземельные крестьяне

[1]) „Русск. Мысль" 1882 г., кн. X, стр. 128—134.

вредны и опасны въ государствѣ, то что же сказать о бездомныхъ и безземельныхъ дворянахъ, кои всѣ внезапно обратятся въ бобылей? Сословіе дворянъ всегда и вездѣ почиталось опорою верховной власти, но, лишенное вдругъ своего наслѣдія и достоянія, оно сдѣлается враждебною и опасною стихіею". Опасенія Перовскаго, что государство войдетъ въ большой долгъ при выкупѣ помѣщичьихъ имѣній, могли бы быть устранены кредитною операціею, при которой государство явилось бы лишь посредникомъ между крестьянами и помѣщикомъ, и сдѣланныя имъ затраты обезпечивались бы цѣнностью земли; эта мысль приходила уже въ голову авторамъ нѣкоторыхъ проектовъ по крестьянскому вопросу въ царствованіе императора Александра I, въ этомъ же направленіи дѣйствовалъ и примѣръ Западной Европы (Германіи), но Перовскій совершенно игнорировалъ эту мысль [1]). Оставался, слѣдовательно, одинъ путь, „медленный, но вѣрный", — постепенное, незамѣтное ограниченіе крѣпостнаго права.

Указавъ далѣе на мѣры, уже принятыя правительствомъ съ этою цѣлью [2]), Перовскій говоритъ, что дальнѣйшими дѣйствіями въ этомъ направленіи, прежде всего, должны быть: 1) преобразованіе мѣстнаго управленія и полиціи, въ особенности земской; 2) „устройство и уравненіе повинностей денежныхъ и натуральныхъ; 3) обезпеченіе народнаго продовольствія. Затѣмъ должно приступить къ главнѣйшему основанію всякаго свободнаго состоянія: „къ опредѣленію правъ, обязанностей и повинностей", этому краеугольному камню всего зданія. достигнуть этой цѣли можно только съ помощью „*инвентарей* или *росписей работамъ и отношеніямъ*"; когда онѣ будутъ основательно составлены и утверждены, эти росписи сами собою приблизятъ крѣпостныхъ крестьянъ къ обязаннымъ. Когда инвентари опредѣлятъ положительно, чего именно помѣщикъ можетъ требовать отъ крестьянина, тогда къ нимъ должны „примыкать постепенно, не въ видѣ новыхъ и важныхъ узаконеній, а въ видѣ добавочныхъ, объяснительныхъ статей, правила, ограничивающія произволъ владѣльца и дарующія крестьянамъ извѣстныя права". Вотъ какія мѣры совѣтовалъ Перовскій принять мало-по-малу: 1) Признать закономъ

---

[1]) Гораздо основательнѣе его возраженія противъ мысли, приходившей императрицѣ Екатеринѣ II, а при Александрѣ I Маликовскому, объявить свободными всѣхъ рождающихся съ извѣстнаго срока, напр., съ какого-нибудь торжества. „Изъ этого выйдетъ тоже бездомная, безземельная волница, которую помѣщикъ держать у себя не можетъ и не станетъ; кромѣ того, выйдутъ непримиримыя распри по принадлежности членовъ одного и того же семейства къ различнымъ состояніямъ. Младшіе братья будутъ вольные, старшіе — крѣпостные, дѣти они должны имѣть, а, наконецъ, куда ихъ послѣ дѣвать?"

[2]) Причемъ къ закону *объ обязанныхъ* крестьянахъ авторъ относится совершенно отрицательно (это мѣсто было приведено выше, въ III-й главѣ нашей статьи).

право крестьянъ владѣть на общемъ правѣ пріобрѣтенною ими движимою и недвижимою собственностью. 2) Принимать подъ залогъ земли и угодья, а не души, какъ и вообще ни въ какихъ актахъ не дозволять писать душъ иначе, какъ въ смыслѣ приписанныхъ или переселенныхъ на такой-то землѣ. 3) Постановить, чтобы всѣ крѣпостные безъ исключенія были приписаны въ извѣстный срокъ къ населенной землѣ; такимъ образомъ, дворяне, не имѣющіе помѣстьевъ, перестанутъ владѣть крѣпостными. 4) Запретить всякое отчужденіе людей безъ земли, разрѣшивъ увольнять излишнихъ для поселенія на земляхъ казенныхъ, а въ случаѣ ихъ собственнаго желанія, и помѣщичьихъ; для этого напередъ необходимо опредѣлить, при какомъ наименьшемъ количествѣ земли на тягло или на душу можно допустить увольненіе ихъ для переселенія. 5) Ограничить обращеніе людей съ пашни во дворъ, а впослѣдствіи вовсе запретить это (мы видѣли уже, что императоръ Николай еще долго находилъ это невозможнымъ). 6) Ограничить право владѣльцевъ брать оброкъ съ людей, не пользующихся ихъ землею, а затѣмъ и вовсе уничтожить этотъ обычай. 7) Запретить отдачу людей въ работу, въ услуженіе, на выучку и проч., предоставивъ увольнять ихъ для этого по ихъ желанію. 8) Разрѣшить пріемъ крѣпостныхъ по ихъ собственному желанію въ военную службу. Если все это будетъ исполнено „въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ", то понадобится уже немного распоряженій, въ числѣ которыхъ только одно важное и существенное: разрѣшеніе свободнаго перехода крестьянъ къ другимъ помѣщикамъ и въ иныя сословія, которое послѣ всѣхъ указанныхъ мѣръ едва ли можетъ быть опаснымъ. Изложивъ весь свой планъ Перовскій въ заключеніе говоритъ: „Вотъ единственный путь, который можно предложить... не подвергаясь укору въ запосчивой мечтательности и въ незнаніи нашихъ народныхъ стихій. Мѣры эти не обѣщаютъ, конечно, шумной и громкой славы; вниманіе всей Европы не будетъ обращено на подвигъ, внезапно совершившійся въ Россіи, но за то и не произойдетъ неминуемаго при другихъ обстоятельствахъ опаснаго переворота, а наружный блескъ благаго дѣла замѣнится существенною пользою и основательною прочностью его".

Мы видимъ, такимъ образомъ, что Перовскій предлагалъ нѣсколько очень серьезныхъ мѣръ для ограниченія крѣпостнаго права: точное опредѣленіе повинностей крестьянъ инвентарями, огражденіе ихъ правъ на собственность движимую и недвижимую, совершенное запрещеніе отчуждать людей безъ земли, запрещеніе обращать крестьянъ въ дворовыхъ и нѣкоторыя другія менѣе важныя узаконенія. Въ концѣ-концовъ, послѣ этихъ предварительныхъ мѣръ, онъ соглашался даже допустить свободный переходъ крестьянъ. Въ виду нерѣшительности, которую обнаруживалъ не разъ императоръ Николай по вопросу объ ограниченіи крѣпостнаго права, Перовскому трудно было идти далѣе высказанныхъ имъ

предположеній, если только признать неприкосновеннымъ право собственности помѣщиковъ на землю: но этотъ послѣдній принципъ настолько же не подвергался ни малѣйшему сомнѣнію государственными людьми николаевской эпохи, какъ ясна была, по крайней мѣрѣ, для большинства ихъ, и опасность безземельнаго освобожденія крестьянъ. Впрочемъ, въ то же время, нельзя не замѣтить, что Перовскимъ были упущены изъ виду нѣкоторыя необходимыя мѣры, какъ, напр., предоставленіе крестьянамъ права жаловаться на помѣщиковъ и вообще огражденіе ихъ личности отъ произвола господина.

Для разсмотрѣнія записки Перовскаго былъ составленъ новый секретный комитетъ изъ наслѣдника цесаревича, предсѣдателя государственнаго совѣта кн. Ил. Васильчикова, шефа жандармовъ гр. А. Орлова и самого Перовскаго.

Гр. Орловъ былъ проникнутъ самыми консервативными взглядами въ крестьянскомъ вопросѣ: что же касается кн. Васильчикова, то онъ не былъ крайнимъ крѣпостникомъ и не прочь былъ отъ нѣкоторыхъ, правда, очень умѣренныхъ, ограниченій помѣщичьей власти.

Въ доказательство этого остановимся на вышедшей запискѣ, представленной въ 1845 г. кн. Васильчиковымъ императору Николаю. „Освобожденію крестьянъ даже въ самомалѣйшихъ государствахъ, говоритъ авторъ, предшествовало полное образованіе судовъ и внутренняго управленія; безъ сихъ двухъ содѣйствій нѣтъ и не можетъ быть свободы, а предстоитъ анархія". Что касается Россіи, то по мнѣнію автора, нельзя не сознаться, что она еще „не созрѣла" для освобожденія крестьянъ и что „власть помѣщичья необходима для поддержанія власти самодержавной", но, въ то же время, ея неограниченность „вредна и не должна быть терпима. Нельзя безъ содроганія подумать, что законы наши не возбраняютъ помѣщику отнять собственность у крестьянъ и не полагаютъ точныхъ предѣловъ въ мѣрѣ ихъ наказанія, переходящаго иногда въ истязаніе". Кн. Васильчиковъ предлагаетъ правительству принять слѣдующія мѣры: 1) Сообразно съ правилами новаго уголовнаго уложенія (1845 г.) предоставить помѣщикамъ наказывать своихъ крестьянъ не свыше 50-ти ударовъ розгами. Но если помѣщикъ признаетъ это наказаніе недостаточнымъ, то долженъ отсылать виновнаго въ мѣстную градскую или земскую полицію для наказанія по закону. 2) Признать, что крестьянинъ, исполнившій всѣ работы и повинности и уплатившій оброки и подати, пользуется неприкосновенно пріобрѣтенною имъ собственностью, какъ денежною, такъ и вещественною. 3) Вмѣнить предводителямъ дворянства въ непремѣнную обязанность имѣть неослабное наблюденіе за точнымъ исполненіемъ этого закона и о каждомъ помѣщикѣ, который, несмотря на сдѣланное ему внушеніе, будетъ вновь злоупотреблять своею властью, представлять министру внутреннихъ дѣлъ для принятія дальнѣйшихъ мѣръ, предписанныхъ въ законѣ. Правила эти кн. Васильчиковъ предлагалъ внести въ составляемый въ то время законъ объ уголовномъ судопроизводствѣ [1]). Эти предложенія не остались безъ вліянія и при разсмотрѣніи записки Перовскаго въ секретномъ комитетѣ, объ учрежденіи котораго мы упоминали выше и къ которому мы вновь возвращаемся.

---

[1]) Принадлежащая мнѣ рукопись.

Несмотря на то, что въ запискѣ министра внутреннихъ дѣлъ поднимались вопросы первостепенной важности, комитетъ исполнилъ возложенную на него обязанность чрезвычайно быстро—всего въ одно засѣданіе. Онъ вполнѣ одобрилъ мысль Перовскаго „достигнуть освобожденія людей крѣпостнаго состоянія постепеннымъ ограниченіемъ крѣпостнаго права незамѣтнымъ для нихъ образомъ, не возбуждая въ народѣ опасныхъ толковъ и не произнося даже слова: свобода или вольность“ (Перовскій не разъ въ своемъ проектѣ повторялъ, что въ дѣлѣ ограниченія крѣпостнаго права „слово страшнѣе дѣла“). Комитетъ раздѣлялъ эту мысль, „тѣмъ болѣе, что учрежденные по сему предмету въ разныя времена комитеты, желая кроткими путями достигнуть совершеннаго освобожденія крестьянъ, вдавались въ подражаніе другимъ державамъ“ (безъ сомнѣнія, намекъ на Киселева) „и всегда были останавливаемы затрудненіемъ въ пріисканіи достаточныхъ мѣръ къ обезпеченію вѣрнаго исполненія крестьянами возлагавшихся на нихъ обязанностей“. Комитетъ признавалъ необходимость подготовительныхъ мѣръ, предложенныхъ Перовскимъ (устройство земской полиціи, уравненіе денежныхъ и натуральныхъ повинностей и обезпеченіе народнаго продовольствія), но замѣтилъ, что пройдетъ еще много времени, пока будутъ изданы необходимые для этого законы и достаточно обнаружится ихъ вліяніе, а въ ожиданіи этого, по его мнѣнію, нельзя оставаться въ совершенномъ бездѣйствіи.

Прежде чѣмъ опредѣлить средства, какими можетъ воспользоваться правительство для освобожденія крестьянъ, комитетъ задался вопросомъ: „какая степень свободы крѣпостныхъ людей отъ помѣщичьей власти возможна и полезна въ настоящемъ положеніи вещей?“ Къ отвѣту на этотъ вопросъ комитетъ подошелъ издалека: „Доколѣ Россія, читаемъ мы въ журналѣ его засѣданія 1 марта 1846 г.,—не утратитъ своего единства и могущества, дотолѣ другія державы не могутъ служить ей примѣромъ. Колоссъ сей требуетъ иного основанія и иныхъ понятій о свободѣ не только крестьянъ, но и всѣхъ состояній. Основаніемъ Россіи было и должно быть самодержавіе; безъ него она не можетъ существовать въ настоящемъ своемъ величіи. Свобода въ ней должна состоять въ огражденіи каждаго и лично, и по имуществу отъ притѣсненій другаго и въ повиновеніи всѣхъ законамъ, исходящимъ отъ одного высшаго источника“. Отсюда, повидимому, слѣдовало придти къ необходимости уничтоженія крѣпостнаго права; но не даромъ было выше замѣчено, что у нашего колосса должны быть „иныя понятія о свободѣ“; по мнѣнію комитета, необходимость самодержавной власти не находится въ тѣсной связи съ полнымъ равенствомъ предъ нею всѣхъ остальныхъ членовъ государства, а оказывается, какъ это утверждалъ когда-то и В. Н. Каразинъ, что „власть помѣщика, какъ поземельнаго владѣльца, есть орудіе и опора самодержавной власти; онъ есть ближайшій блюститель надъ народонаселеніемъ въ 24 милліона

душъ обоего пола и на немъ лежитъ отвѣтственность предъ самодержавною властью за спокойствіе и довольствіе сей огромной части ея подданныхъ". Хотя комитетъ и оговаривался, что власть помѣщика не должна, однако же, быть неограниченною, и крестьянина слѣдуетъ оградить закономъ отъ злоупотребленія ею, но при взглядѣ на помѣщиковъ, какъ на необходимую пружину въ механизмѣ государственнаго управленія, нечего было и ожидать отъ комитета какихъ нибудь серьезныхъ предложеній для ограниченія крѣпостнаго права.

Считая права личныя и имущественныя первыми условіями гражданственности, комитетъ и предлагалъ начать съ опредѣленія главнѣйшихъ изъ этихъ правъ. По его мнѣнію, первыя дѣйствія правительства въ этомъ важномъ дѣлѣ должны быть: 1) точное опредѣленіе власти помѣщика надъ личностью крестьянъ въ той степени, какая необходима для опредѣленія спокойствія и порядка въ предѣлахъ его владѣнія; 2) огражденіе собственности крестьянина отъ произвольныхъ притязаній помѣщика; 3) дарованіе крестьянамъ права жалобы на злоупотребленія помѣщичьею властью и установленіе порядка разсмотрѣнія этого рода дѣлъ. Для первой мѣры, по мнѣнію комитета, уже положено недавно начало изданіемъ новаго уложенія о наказаніяхъ (1845 г.), причемъ подробно опредѣлены какъ власть помѣщика въ наказаніи крѣпостныхъ людей за ихъ проступки, такъ и случаи, въ которыхъ они подлежатъ общему уголовному суду [1]); комитетъ находилъ только необходимымъ найти и установить средства наблюденія за точнымъ исполненіемъ этого закона. Къ сожалѣнію этотъ законъ, отъ котораго комитетъ былъ въ такомъ восторгѣ, не улучшилъ, а напротивъ ухудшилъ положеніе крестьянъ, какъ мы это увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Вторая мѣра, „то-есть законъ о собственности крестьянской, требуетъ", по мнѣнію комитета, „большей осторожности и зрѣлаго обсужденія порядка обнародованія и введенія въ дѣйствіе сего необходимаго, впрочемъ, закона". Признавая, съ одной стороны, что правительству нельзя равнодушно смотрѣть на злоупотребленія, хотя бы и немногихъ, помѣщиковъ, произвольно отнимающихъ имущество крестьянъ послѣ того, какъ они исполнили всѣ свои повинности предъ казною и владѣльцемъ земли, „ибо собственность есть главнѣйшее изъ благъ земныхъ послѣ жизни", комитетъ, съ другой стороны, находилъ, что объявленіе неприкосновенности крестьянскаго имущества „гласно, закономъ, безъ надлежащихъ предосторожностей можетъ породить ропотъ и пререканія тамъ, гдѣ ихъ теперь не существуетъ". Что касается инвентарей, то, при всѣхъ усиліяхъ правительства, они не скоро могутъ быть состав-

[1]) О значеніи уложенія о наказаніяхъ 1845 г. въ исторіи крестьянскаго вопроса мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

лены въ Россіи повсемѣстно, а въ Великороссіи эта мѣра и вообще едва ли удобоисполнима прежде многихъ предварительныхъ мѣръ „по совершенной новости дѣла“. Законъ же о крестьянской собственности долженъ лечь въ основаніе всѣхъ прочихъ постановленій объ ограниченіи помѣщичьей власти и даже самаго инвентарнаго положенія, поэтому комитетъ и полагалъ, что нужно немедленно приступить къ составленію проекта по этому предмету, но не въ видѣ особаго манифеста или указа, а просто слѣдуетъ предоставить Второму Отдѣленію Собственной Его Величества канцеляріи при составленіи гражданскаго уложенія оградить движимое имущество крестьянъ отъ несправедливыхъ притязаній помѣщиковъ. Ко времени изданія этого уложенія уже начатое полюбовное спеціальное межеваніе будетъ подвигаться впередъ, сдѣлается обязательнымъ и подготовитъ возможность составленія инвентарей, которые должны быть „послѣднею ступенью“ въ этой лѣстницѣ; „скрытнымъ для сего предлогомъ“, по мнѣнію комитета, „можетъ послужить необходимость перемѣщенія податей съ душъ на землю“. Наконецъ, что касается права жалобы крестьянъ на помѣщиковъ, то, хотя по закону разнымъ лицамъ и вмѣнено въ обязанность наблюдать за поступками помѣщиковъ со своими крестьянами, но жалобы ихъ нигдѣ формально не принимаются „и имъ никакой расправы на помѣщиковъ не дается“. Комитетъ признавалъ необходимость дополненія законовъ въ этомъ отношеніи, но такъ какъ „праву жалобы должно естественно предшествовать опредѣленіе правъ личныхъ и по имуществу“, то, по его мнѣнію, „очередь сей мѣры еще не настала“.

Вотъ во что превратился проектъ Перовскаго послѣ его разсмотрѣнія въ секретномъ комитетѣ: многія важныя мѣры, имъ предложенныя, или совершенно игнорировались, или отлагались на неопредѣленное время. Еще разъ прежній способъ разсмотрѣнія крестьянскаго вопроса въ маленькихъ секретныхъ комитетахъ доказывалъ свою непригодность въ этомъ дѣлѣ первостепенной важности. Императоръ Николай этого не чувствовалъ и на журналѣ комитета 1846 года написалъ: „исполнить“, вслѣдствіе чего о разсужденіяхъ и предположеніяхъ комитета или, лучше сказать, объ единственномъ предположеніи, которое онъ призналъ необходимымъ осуществить возможно скорѣе, -объ огражденіи движимаго имущества крестьянъ отъ несправедливыхъ притязаній ихъ помѣщиковъ,— было доведено до свѣдѣнія управляющаго Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, гр. Блудова, но и оно осталось невыполненнымъ [1].

Черезъ полтора года послѣ того, какъ Второму Отдѣленію собственной Его Величества канцеляріи было поручено оградить при составленіи гражданскаго уложенія движимое имущество крестьянъ отъ несправед-

[1] Принадлежащая мнѣ копія съ дѣлопроизводства комитета 1846 г.

ливыхъ притязаній помѣщиковъ, явилось новое обстоятельство, заставившее подумать о предоставленіи имъ по закону права собственности и на недвижимое имущество, которымъ они часто владѣли de facto, пріобрѣтя его на имя помѣщика [1]). Мы коснемся здѣсь этого дѣла (хотя оно было рѣшено и безъ составленія особаго секретнаго комитета), такъ какъ толчекъ къ нему былъ данъ отчасти секретнымъ комитетомъ 1846 года [2]).

Въ августѣ мѣсяцѣ 1847 г. въ комитетѣ министровъ разсматривалось дѣло по жалобамъ бывшихъ крестьянъ графини Самойловой на то, что при продажѣ владѣльцами имѣній, къ которымъ они принадлежали, были присоединены къ имуществу помѣщиковъ земли, купленныя крестьянами на собственныя ихъ деньги. Министръ юстиціи гр. Панинъ далъ заключеніе, что крестьянамъ нужно отказать въ ихъ просьбѣ, такъ какъ покупка имѣнія была совершена законнымъ порядкомъ, объ отнятіи у крестьянъ купленной ими земли Панинъ не упоминалъ, и дѣло было бы рѣшено въ этомъ смыслѣ, если бы въ него не вмѣшался Киселевъ. Онъ напомнилъ комитету министровъ, что этихъ крестьянъ можно выкупить въ казну, а затѣмъ, указавъ на споръ о пріобрѣтенной ими землѣ, прямо заявилъ, что считаетъ необходимымъ разсмотрѣть законодательнымъ путемъ вопросъ о крестьянской собственности. „Время наступило,—сказалъ Киселевъ,—отсѣкать все то, что въ крѣпостномъ состояніи болѣе отяготительно, а жить, работать и пріобрѣтать безъ права на собственность есть положеніе противоестественное“. Гр. С. С. Уваровъ возразилъ, что это вопросъ слишкомъ важный и не прямо относящійся къ дѣлу. Киселевъ отвѣчалъ Уварову, что когда защитники ограниченія крѣпостнаго права выставляютъ общее положеніе, то они и другіе, раздѣляющіе его мнѣніе, возражаютъ, что внезапный переворотъ опасенъ и что нужно частями и послѣдовательно исправлять зло, отсѣкая его при каждомъ удобномъ случаѣ; а когда представляется удобный къ тому поводъ, то находятъ, что текущее дѣло не можетъ возбуждать столь важныхъ сужденій. „Подобная теорія,—продолжалъ Киселевъ,—ведетъ прямо къ тому, чтобы оставаться въ неподвижности и ожидать кровавыхъ событій, могущихъ вынудить правительство согласиться на то, въ чемъ отказать уже будетъ не въ силахъ“. Гр. Левашовъ и гр. Адлербергъ поддержали мнѣніе Киселева [3]), и комитетъ министровъ, имѣя въ виду, что на основаніи дѣйствующихъ законовъ, которые воспрещаютъ крѣпостнымъ людямъ пріобрѣтать въ собственность недвижимое имущество, оставленіе у

[1]) Извѣстно, что помѣщичьи крестьяне покупали такимъ образомъ даже населенныя имѣнія, и у нѣкоторыхъ крѣпостныхъ гр. Шереметева было по нѣскольку сотъ душъ своихъ крестьянъ.

[2]) Мы увидимъ ниже, что гр. Блудовъ, управлявшій Вторымъ Отдѣленіемъ, ссылался въ своей запискѣ на сообщенное ему постановленіе этого комитета.

[3]) *Заблоцкій-Десятовскій*, II, 294—296.

крестьянъ купленныхъ ими земель или присвоеніе ихъ себѣ можетъ зависѣть отъ усмотрѣнія помѣщика, и крестьяне, лишенные своей собственности, не имѣютъ противъ такихъ произвольныхъ дѣйствій владѣльцевъ никакой защиты, въ особенности при переходѣ имѣній изъ однѣхъ рукъ въ другія, — постановилъ испросить высочайшее разрѣшеніе: „законы о собственности крѣпостныхъ людей сообразить въ министерствѣ юстиціи и во Второмъ Отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи съ тѣмъ, не окажется ли возможности даровать и симъ людямъ право на собственность, и потомъ предметъ сей разсмотрѣть окончательно въ государственномъ совѣтѣ". Государь далъ слѣдующую резолюцію: „совершенно согласенъ; занятся немедля и представить къ 1 декабря" [1]).

Черезъ нѣсколько дней государь призвалъ къ себѣ Киселева и въ длинномъ разговорѣ съ нимъ, между прочимъ, сказалъ: „Я разрѣшилъ представленіе комитета министровъ; это будетъ доброе дѣло, хотя говорятъ, что будетъ ропотъ, и стращаютъ разными послѣдствіями; но я твердо положилъ отсѣкать все то, что въ понятіи добрыхъ людей не можетъ безвредно болѣе сохраняться, и тихо, осторожно, но безостановочно буду выполнять свою обязанность: прежде утвердимъ за крѣпостными недвижимую собственность, ими пріобрѣтенную, потомъ и движимую, но не разомъ и не теперь [2]); пока человѣкъ есть вещь, другому принадлежащая, нельзя движимость его признать собственностью, но при случаѣ и въ свою очередь и это сдѣлается" [3]).

Такъ какъ государь повелѣлъ окончить дѣло объ огражденіи недвижимой собственности крѣпостныхъ къ 1 декабря, то его никакъ уже нельзя было отложить въ долгій ящикъ.

Гр. Панинъ сообщилъ во Второе Отдѣленіе свою записку по этому предмету, въ которой высказывалъ мысль, что необходимо разрѣшить крѣпостнымъ пріобрѣтать на собственное имя всѣми законными способами, наравнѣ съ людьми прочихъ состояній, ненаселенныя земли и совершать при этомъ акты установленнымъ порядкомъ, но что касается свободнаго распоряженія пріобрѣтеннымъ недвижимымъ имуществомъ, а, слѣдовательно, и права отчуждать его, то министръ юстиціи полагалъ не дозволять пока этого крѣпостнымъ *безъ согласія ихъ помѣщика*; по его мнѣнію, при крестьянскихъ дворахъ не существуетъ нераздѣльной съ ними хозяйственной собственности, и помѣщики, снабжая ею своихъ крѣпостныхъ, строя на свой счетъ ихъ дома и вообще доставляя имъ по мѣрѣ нужды всѣ способы къ пропитанію и воздѣлыванію полей, имѣютъ неотъемлемое необходимое право располагать и *всею собственностью неисправнаго крестьянина*, допустить нынѣ противуположныя этому правила значило бы, по словамъ Панина, открыть возможность богатѣйшимъ крестьянамъ подавать другимъ при-

[1]) Дѣло Арх. Кодифик. Отд. Госуд. Сов. 1847 г. № 95.

[2]) Императоръ Николай, повидимому, забылъ, что онъ приказалъ исполнить постановленіе секретнаго комитета 1846 г. объ огражденіи при составленіи гражданскаго уложенія именно движимой собственности крестьянъ.

[3]) *Заблоцкій-Десятовскій*, II, 296.

мѣръ неповиновенія и оставлять на помѣщикѣ безъ всякаго вознагражденія всю тяжесть взысканія податей съ его крѣпостныхъ, менѣе богатыхъ и трудолюбивыхъ, и всѣ затрудненія, происходящія отъ того, что зажиточные крестьяне нерѣдко имѣютъ собственность внѣ предѣловъ вотчины и часто бываютъ для промысловъ въ продолжительныхъ отлучкахъ. Гр. Панинъ полагалъ, что для самихъ крестьянъ—владѣльцевъ земли или иныхъ недвижимыхъ имуществъ было бы неудобно и даже вредно дозволеніе располагать ими безъ вѣдома и согласія помѣщика.

Принявъ въ соображеніе записку Панина, но, какъ увидимъ, не сходясь съ нимъ въ самомъ существенномъ вопросѣ, гр Блудовъ составилъ свою записку о собственности крѣпостныхъ людей. Въ ней онъ, прежде всего, указываетъ на различіе между существующимъ въ Россіи крѣпостнымъ правомъ и рабствомъ древняго міра „По строгимъ первопачальнымъ понятіямъ о рабствѣ, какія мы находимъ у народовъ древнихъ, напр., у римлянъ, говоритъ Блудовъ,— человѣкъ, въ семъ состояніи находившійся, принадлежалъ, можно сказать, душою и тѣломъ своему господину. Его имѣли право безнаказанно уродовать, даже убивать... онъ даже не числился подданнымъ государства, ибо не только не имѣлъ правъ и преимуществъ гражданина, но не участвовалъ и въ тягостяхъ, налагаемыхъ на гражданъ, не былъ обязанъ ни службою, ни платежемъ податей, словомъ, считался вещью въ полномъ значеніи сего слова. У насъ крѣпостной человѣкъ, напротивъ, всегда былъ признаваемъ лицомъ, состоящимъ подъ покровительствомъ закона. Въ случаѣ жестокаго съ нимъ обращенія онъ находитъ защиту въ правительствѣ; передача его изъ владѣнія одного лица во владѣніе другаго ограничена многими условіями, ограждающими цѣлость его семейнаго быта; *онъ столько же и еще болѣе принадлежитъ государству, нежели господину*; наравнѣ съ людьми прочихъ состояній платитъ государственныя подати и отбываетъ другія, болѣе или менѣе общія повинности, участвуя и въ важнѣйшей изъ всѣхъ—въ защитѣ отечества отправленіемъ воинской службы. Только послѣ исполненія сихъ главныхъ обязанностей начинаются его обязанности къ помѣщику, которыя также болѣе или менѣе опредѣлены закономъ". Перечисляя далѣе мѣры, принятыя правительствомъ для ограниченія крѣпостнаго права, Блудовъ указываетъ, между прочимъ, на дозволеніе крѣпостнымъ съ согласія помѣщика учреждать фабрики и заводы, получать установленныя на торговлю свидѣтельства, участвовать въ подрядахъ и поставкахъ. „Изъ сего одного уже достаточно явствуетъ, — продолжаетъ онъ, — что право крѣпостныхъ людей имѣть собственность, право, которое на самомъ дѣлѣ никогда не подлежало сомнѣнію, признавалось постоянно по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ собственности движимой, и въ законахъ нашихъ всякій разъ, когда токмо были къ сему поводъ и случай. Что касается собственности недвижимой то и ею крѣпостные люди у многихъ помѣщиковъ владѣли и доселѣ владѣютъ безпрепятственно и спокойно; по законамъ собственность ихъ сего рода не была признаваема, что, впрочемъ, и неудивительно", такъ какъ даже и государственнымъ крестьянамъ пріобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ было дозволено только въ 1801 г. Такимъ образомъ, по мнѣнію Блудова, „весьма не затруднительный вопросъ состоитъ лишь въ томъ, можно ли и не должно ли праву, уже существующему на самомъ дѣлѣ (de facto), по ограждаемому лишь добросовѣстностью помѣщиковъ, дать существованіе гласное и прочное" По существующимъ законамъ, крѣпостнымъ запрещено владѣть недвижимыми имуществами, поэтому крестьяне принуждены покупать ихъ на имя своихъ господъ. Хотя, по мнѣнію Панина и Блудова, будто бы „рѣдко, или, лучше сказать, почти никогда, крѣпостной человѣкъ не

лишается собственности, пріобрѣтенной имъ на имя помѣщика" [1], но, — продолжаетъ Блудовъ, — «при переходѣ имѣній населенныхъ изъ одного рода въ другой, несвязанный съ прежнимъ владѣльцемъ ни узами родства или свойства, ни близкимъ знакомствомъ, легко можетъ случиться, вѣроятно, иногда и случалось, что слѣды пріобрѣтенія такой собственности совершенно изглаживаются, и право крестьянина, не будучи основано ни на какомъ документѣ, безгласное предъ закономъ, даже и самому добросовѣстному новому помѣщику ничѣмъ не можетъ быть доказано». Это, по его мнѣнію, не только несправедливо, но имѣетъ и другое вредное послѣдствіе: вслѣдствіе опасенія со стороны зажиточныхъ крѣпостныхъ пріобрѣтать недвижимое имущество уменьшается соперничество покупщиковъ при продажѣ земель, а, слѣдовательно, и цѣна этихъ послѣднихъ. Блудовъ полагалъ, что настало время разрѣшить крѣпостнымъ пріобрѣтать на собственное имя, наравнѣ съ людьми прочихъ состояній, не только ненаселенныя земли, но также дома и прочія недвижимыя имущества, причемъ, по его словамъ, „кажется, нѣтъ причины требовать" отъ крѣпостныхъ согласія помѣщиковъ на такое пріобрѣтеніе, а достаточно лишь извѣщать о немъ ихъ владѣльцевъ. Относительно вопроса о правѣ распоряженія пріобрѣтеннымъ ими недвижимымъ имуществомъ, Блудовъ расходился въ мнѣніи съ гр. Панинымъ: „Я не могу согласиться, — говоритъ онъ, — съ мыслію, чтобы помѣщикъ имѣлъ право располагать *всею собственностью крестьянъ своихъ*. О правѣ сего рода нѣтъ постановленій въ нашихъ законахъ и едва ли даже можно признать его необходимымъ". Помѣщикъ можетъ, во-первыхъ, въ извѣстныхъ, указанныхъ закономъ, границахъ располагать ихъ работами и, во-вторыхъ, правительство ввѣрило ему «наблюденіе въ первой степени за порядкомъ въ селеніяхъ, ему принадлежащихъ, въ томъ числѣ и за исправленіемъ государственныхъ и общественныхъ повинностей», онъ можетъ также понуждать своихъ крестьянъ къ исполненію ихъ обязательствъ относительно людей, съ которыми они находятся въ торговыхъ или иныхъ сношеніяхъ; наконецъ, ему принадлежатъ построенные на его землѣ, „хотя иногда и не имъ самимъ", дома крестьянъ и другія ихъ зданія, „но къ прочему, не связанному неразрывно съ сею собственною его землею имуществу ихъ, — продолжаетъ Блудовъ, — какъ къ движимому, которое во всѣхъ нашихъ постановленіяхъ уже довольно положительно признано ихъ собственностью [2], такъ и можетъ быть еще болѣе, къ недвижимому, когда они будутъ гласно владѣть имъ, онъ въ правѣ прикасаться лишь на законномъ основаніи для удовлетворенія справедливыхъ требованій своихъ или государства и земства, или же его крестьянъ и посторонихъ, частныхъ людей. Сіе правило наблюдается на самомъ дѣлѣ и если, къ сожалѣнію, были иногда примѣры противнаго, то они всегда всѣми благомыслящими людьми почитались злоупотребленіемъ власти".

Далѣе Блудовъ задается вопросомъ: слѣдуетъ ли для предупрежденія злоупотребленій помѣщиковъ относительно собственности крѣпостныхъ дозволить по-

---

А дѣло крестьянъ гр. Самойловой? На то, что помѣщики захватывали иногда земли, купленныя ихъ крестьянами, находимъ указаніе и въ одной неизданной запискѣ по крестьянскому вопросу помѣщика Лупандина (1842 г.).

[2], При этомъ онъ ссылается на статью закона, что „крѣпостнымъ людямъ не запрещается давать деньги свои другимъ лицамъ въ заемъ и получать отъ нихъ въ томъ узаконенныя обязательства". (Св. Зак., изд. 1842 г., т. IX, ст. 1052, и нѣкоторыя постановленія устава кредитнаго, т. XI, ст. 277 и слѣд.

слѣднимъ жаловаться на своихъ господъ, и высказываетъ мысль, что это было бы, по крайней мѣрѣ, преждевременно: при нынѣшнемъ состояніи нашихъ судебныхъ и правительственныхъ учрежденій это постановленіе не исполнялось бы какъ слѣдуетъ, а между тѣмъ оно подало бы поводъ къ безчисленнымъ, неосновательнымъ толкамъ и догадкамъ, даже къ волненіямъ и безпокойствамъ. По мнѣнію Блудова, на этотъ разъ достаточно будетъ дозволить крѣпостнымъ пріобрѣтать на свое имя недвижимыя, ненаселенныя имущества, а въ отношеніи къ движимому, которое, какъ онъ полагалъ, давно признается въ законахъ ихъ собственностью повторять это только при каждомъ удобномъ случаѣ и, если можно, еще положительнѣе, нежели теперь, исключивъ или поправивъ тѣ статьи свода законовъ, которыя какъ будто этому противорѣчатъ [1]). Онъ предлагалъ также дозволить крѣпостнымъ крестьянамъ и распоряжаться ихъ недвижимыми имуществами съ представленіемъ только удостовѣренія отъ помѣщика, что на нихъ нѣтъ ни казенныхъ недоимокъ, ни иныхъ взысканій. Относительно собственности крѣпостныхъ, значущейся въ настоящее время по купчимъ за ихъ помѣщиками, по мнѣнію Блудова, слѣдуетъ предоставить послѣднимъ по взаимному соглашенію съ ихъ крѣпостными или выдать купчія крѣпости на простой бумагѣ) на принадлежащія имъ недвижимыя имущества, или дать вмѣсто того за подписаніемъ своимъ и двухъ или трехъ свидѣтелей реверсы, что такая-то земля принадлежитъ крестьянамъ или дворовымъ: вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ помѣщиковъ будетъ зависѣть, если они признаютъ нужнымъ, завести шнуровыя книги для записки реверсовъ или свидѣтельствъ, но они обязаны упоминать о нихъ во всякомъ актѣ объ отчужденіи того имѣнія, въ которомъ находится принадлежащее крѣпостнымъ недвижимое имущество [2]).

Дѣло это поступило въ департаментъ законовъ государственнаго совѣта и тамъ было, повидимому, рѣшено согласно съ представленіемъ Блудова, но общее собраніе взглянуло на него иначе. Пріобрѣтеніе впредь крѣпостными недвижимой собственности оно поставило въ зависимость отъ согласія помѣщиковъ, которое оно считало необходимымъ по тѣмъ отношеніямъ, какія существуютъ между ними и помѣщиками, „по тѣсной связи взаимныхъ ихъ пользъ“ и особенно въ виду того, что „владѣлецъ есть, такъ сказать, природный попечитель крѣпостнаго своего человѣка“. Общее собраніе государственнаго совѣта отнеслось совершенно иначе и къ вопросу о недвижимыхъ имуществахъ, уже пріобрѣтенныхъ крѣпостными на имя помѣщиковъ. Чтобы „не подать повода къ мысли, будто предполагаемое теперь постановленіе можетъ имѣть обратную силу и чрезъ то не возбудить какихъ-либо со стороны крестьянъ неправильныхъ притязаній“, нужно „прямо и положительно выразить въ указѣ“, что относительно недвижимыхъ имуществъ, купленныхъ крѣпостными на имя своихъ помѣщиковъ, „*никакихъ отъ крестьянъ споровъ принимаемо и никакихъ по онымъ*

---

[1]) Гр. Блудовъ указалъ на то, что эта мысль его согласна и съ сообщеннымъ ему высочайше одобреннымъ мнѣніемъ секретнаго комитета 1846 года.

[2]) Блудовъ полагалъ не издавать о томъ указа, а только сообщать помѣщикамъ чрезъ предводителей дворянства и объявить сенату и присутственнымъ мѣстамъ для свѣдѣнія.

разысканій допускаемо не будетъ“ и что выдача на такія имущества купчихъ крѣпостей предоставляется исключительно „собственному усмотрѣнію помѣщиковъ“ [1]).

3 марта 1848 года государь подписалъ именной указъ, начинавшійся такимъ образомъ: „Желая дать новое поощреніе земледѣлію и промышленности народной, признали мы за благо право пріобрѣтенія земель и другой недвижимой собственности, нынѣ крестьянамъ разныхъ именованій предоставленное, распространить и на крѣпостныхъ людей, съ оставленіемъ во всей силѣ и неприкосновенности всѣхъ существующихъ нынѣ между сими людьми и владѣльцами ихъ соотношеній“. Затѣмъ въ указѣ дозволялось всѣмъ крѣпостнымъ людямъ пріобрѣтать въ собственность дома, лавки и всякаго рода недвижимыя имущества кромѣ населенныхъ имѣній, но *не иначе, какъ съ согласія помѣщика*. Относительно же недвижимыхъ имуществъ, уже прежде купленныхъ крѣпостными на имя помѣщиковъ, повелѣвалось „*никакихъ о томъ отъ крѣпостныхъ людей споровъ не допускать и никакихъ по оными разысканій не дѣлать*“, предоставивъ, впрочемъ, помѣщикамъ, по собственному ихъ усмотрѣнію, выдавать владѣющимъ такими имуществами купчія крѣпости на гербовой бумагѣ низшаго достоинства безъ взиманія пошлинъ [2]). Такимъ образомъ новымъ указомъ не только по прежнему требовалось согласіе помѣщика на пріобрѣтеніе крѣпостными недвижимыхъ имуществъ, но владѣльцамъ какъ бы подсказывалось, что они могутъ совершенно безнаказанно присвоить себѣ имущества, которыя пріобрѣли на ихъ имя крестьяне. Понятно, что при такой постановкѣ дѣла указъ 3 марта 1848 года не только не улучшилъ, а даже ухудшилъ положеніе крѣпостныхъ, сдѣлалъ невозможнымъ для нихъ то, чего могли добиваться при прежнихъ порядкахъ крестьяне графини Самойловой, жалоба которыхъ и дала толчекъ къ законодательному разсмотрѣнію этого вопроса. Вредное вліяніе, которое могъ имѣть и дѣйствительно имѣлъ новый указъ, хорошо понялъ и графъ Блудовъ. Онъ не присутствовалъ при разсужденіяхъ по этому вопросу въ засѣданіи 16 февраля 1848 года въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, но находился при чтеніи еще не одобреннаго окончательно проекта указа въ засѣданіи 23 февраля и при этомъ высказалъ, что, по его мнѣнію, „едва ли удобно, едва ли согласно съ необходимыми во всѣхъ дѣйствіяхъ верховнаго правительства приличіями“ объявлять въ именномъ указѣ государя, что отъ помѣщика будетъ записѣть нарушить сдѣлку, основанную лишь на взаимномъ довѣріи (т. е. лишить крестьянъ ихъ собственности, пріобрѣтенной съ согласія помѣщика на его имя). Блудовъ напомнилъ, что положеніе комитета министровъ, вызванное жалобой крестьянъ графини Са-

---

[1]) Дѣло Арх. Кодифик. Отд. Госуд. Сов. 1847 г. № 95.

[2]) 2-е П. С. З., XXIII, 22042.

мойловой и одобренное государемъ, „клонилось именно къ ограждению собственности", пріобрѣтенной такимъ образомъ, „отъ несправедливыхъ притязаній", а, между тѣмъ, указъ, „напротивъ, какъ будто заранѣе утверждаетъ дѣйствія тѣхъ, которые захотятъ, пользуясь недостаткомъ законныхъ формъ, присвоить имущество, записанное за ними въ книгахъ уѣзднаго суда или гражданской палаты, но принадлежащее не имъ" [1]). Наконецъ, Блудовъ заявилъ, что многіе помѣщики, какъ ему положительно извѣстно, дозволя своимъ крѣпостнымъ покупать недвижимыя имущества, вмѣстѣ съ тѣмъ, для предупрежденія недоразумѣній выдавали имъ реверсы или свидѣтельства о томъ, что это имущество, хотя и купленное на ихъ имя, составляетъ, однако, собственность такого-то крестьянина, семейства или же цѣлаго селенія. Такіе, нигдѣ не засвидѣтельствованные акты, замѣтилъ онъ, разумѣется, не имѣютъ никакого значенія для суда, но что, если они по какому-либо случаю дойдутъ до свѣдѣнія высшихъ властей? Не будутъ ли онѣ поставлены въ затрудненіе рѣшительнымъ заявленіемъ указа, что никакія просьбы и жалобы въ спорахъ этого рода никѣмъ не принимаются? [2])

Однако, всѣ эти справедливыя возраженія Блудова не подѣйствовали на общее собраніе государственнаго совѣта, и новый законъ былъ обнародованъ въ томъ видѣ, какой оно ему придало. Исторія происхожденія этого указа представляетъ довольно рѣдкій случай, гдѣ дѣло, возбужденное для огражденія правъ крестьянъ, окончилось еще большимъ ухудшеніемъ ихъ положенія [3])

Благопріятнѣе для крѣпостныхъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время, окончилось дѣло, возникшее въ томъ же 1847 году о распространеніи на всю Россію закона 1824 года, предоставившаго грузинскимъ помѣщичьимъ крестьянамъ выкупаться на свободу при продажѣ съ публичнаго торга имѣнія, къ которому они принадлежали [4]). Въ 1834 г., какъ мы видѣли во второй главѣ нашей статьи, была попытка распространить этотъ законъ на тѣ случаи, когда и въ собственной Россіи продаются съ публичныхъ торговъ имѣнія, доставшіяся разночинцамъ; но дѣло это въ 1836 году было рѣшено такимъ образомъ, что крѣпостные люди съ зем-

---

[1]) Срав. „Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина", II, 73.

[2]) Дѣло Арх. Кодифик. Отд Госуд Сов. 1847 г., № 95, л. 70—73.

[3]) В. Г. Бѣлинскій въ письмѣ къ П. В. Анненкову, писанномъ въ февралѣ 1848 года рукою его жены, вѣрно передалъ впечатлѣніе, произведенное новымъ закономъ на интеллигентное общество. „Дѣло объ освобожденіи крестьянъ идетъ, а впередъ не подвигается. Недавно прошелъ въ государственномъ совѣтѣ законъ, позволяющій крѣпостному крестьянину имѣть собственность—съ позволенія своего помѣщика!"

[4]) Первоначально эти крестьяне получали даже изъ казны денежныя пособія, по усмотрѣнію министерства финансовъ, но въ 1831 г., на основаніи мнѣнія государственнаго совѣта, это было признано неудобнымъ.

лею и безъ земли, перешедшіе по наслѣдству къ лицамъ, не имѣющимъ права владѣть ими, отбираются немедленно въ казенное вѣдомство съ уплатою за нихъ извѣстной суммы.

Въ 1847 г., въ Грузіи, при исполненіи закона 1824 года, возникли нѣкоторые частные вопросы; изъ кавказскаго комитета они перешли на разсмотрѣніе Втораго Отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи которымъ тогда, за отсутствіемъ Блудова, управлялъ статсъ-секретарь баронъ (впослѣдствіи графъ) Корфъ. Обратившись къ источникамъ указа 1824 года, онъ увидѣлъ, что при изданіи его на основаніи ходатайства извѣстнаго Ермолова государственный совѣтъ поручилъ коммиссіи составленія законовъ разсмотрѣть, возможно ли ввести эту мѣру въ видѣ правила, общаго для всей Россіи. Порученіе это осталось неисполненнымъ, такъ какъ коммиссія составленія законовъ была преобразована во Второе Отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи, занятымъ которой было дано иное направленіе.

Баронъ Корфъ 4 іюня 1847 года доложилъ объ этомъ государю и испрашивалъ разрѣшенія: не слѣдуетъ ли теперь, при представившемся случаѣ, возвратиться къ соображеніямъ, возникшимъ еще въ 1824 году относительно распространенія права грузинскихъ крестьянъ на всю Россію? При этомъ онъ оговаривался, что рѣшился представить этотъ вопросъ на высочайшее усмотрѣніе, такъ какъ ему извѣстно желаніе государя постепенно ограничивать крѣпостное право. Императоръ Николай возвратилъ ее чрезъ два дня барону Корфу съ такою резолюціею: „Мысли и намѣренія мои вамъ давно извѣстны; они не измѣнились ни въ чемъ; но дѣло столь важно, что надо намъ будетъ переговорить лично; будьте въ понедѣльникъ сюда“ (въ Петергофъ).

Въ назначенный день 9 іюня государь совѣщался съ графомъ Киселевымъ и барономъ Корфомъ, который въ особой запискѣ заготовилъ главные вопросы на тотъ случай, если будетъ принято предположеніе о распространеніи на всю имперію закона 1824 года. Прежде всего, Корфъ остановился на вопросѣ: слѣдуетъ ли дозволить выкупъ на свободу только цѣлымъ селеніямъ въ томъ составѣ, въ какомъ они продаются съ публичнаго торга, или и отдѣльнымъ изъ нихъ лицамъ? Въ Грузіи выкупъ дозволялся только цѣлымъ селеніямъ, но есть ли справедливое основаніе, спрашивалъ Корфъ, лишать зажиточнаго крестьянина возможности освободиться изъ крѣпостной зависимости только потому, что прочіе крестьяне извѣстнаго селенія не могутъ или не хотятъ сдѣлать того же? Можно было бы предоставить каждому семейству или отдѣльному крестьянину вносить причитающуюся за нихъ сумму по общей развертке, но тутъ,— говоритъ Корфъ,—„возникаютъ немаловажныя сомнѣнія“. Съ одной стороны, это можетъ повести къ значительному упадку на торгахъ цѣнъ на имѣнія, такъ какъ покупщикъ будетъ опасаться, не выкупятся ли изъ

пріобрѣтаемой имъ вотчины нѣкоторые крестьяне, быть можетъ, даже большая ихъ часть или самые лучшіе, а съ другой стороны, слѣдствіемъ такой мѣры можетъ быть увеличеніе класса бездомныхъ пролетаріевъ". такъ какъ земля, находившаяся въ пользованіи отдѣльныхъ семействъ или лицъ, во всякомъ случаѣ должна, по мнѣнію Корфа, оставаться за ними, а за пріобрѣтателемъ имѣнія Резолюція государя на этотъ пунктъ докладной записки была такова: „дозволять (выкупъ) только *цѣлымъ* селеніямъ, отложивъ вопросъ о правѣ выкупа личнаго или по семействамъ впредь до времени". Далѣе Корфъ возбуждалъ въ своей запискѣ вопросъ къ какому состоянію причислять выкупающихся крестьянъ? Если выкупится цѣлое селеніе со всѣми принадлежащими къ нему землями, то всего удобнѣе, оставляя эти земли въ общемъ владѣніи, причислять крестьянъ, какъ въ Грузіи, въ свободные хлѣбопашцы; отдѣльнымъ же семействамъ и лицамъ, если имъ будетъ разрѣшенъ подобный выкупъ, необходимо предоставить избраніе рода жизни. Государь выразилъ желаніе, чтобы названіе свободныхъ хлѣбопашцевъ было совершенно уничтожено, а потому, не возобновляя его въ проектѣ закона, вмѣсто того сказать, что выкупившіеся, „сохраняя земли въ общемъ своемъ владѣніи", причисляются къ государственнымъ крестьянамъ „*на особомъ положеніи*". Тогда Корфъ предложилъ раздѣлить государственныхъ крестьянъ на два класса: 1) водворенныхъ на земляхъ казенныхъ и 2) живущихъ на собственныхъ земляхъ. Эта мысль была „предварительно" одобрена государемъ. По поводу возбужденнаго въ докладной запискѣ вопроса: не слѣдуетъ ли оказывать крестьянамъ для выкупа, въ случаѣ надобности, нѣкотораго пособія отъ казны, государь повелѣлъ справиться въ журналахъ государственнаго совѣта, почему въ 1831 году пособія отъ казны были признаны неудобными, и „сообразиться" съ имѣющимся въ виду министерства внутреннихъ дѣлъ предположеніемъ о выкупѣ крестьянъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ въ казну, но вмѣстѣ съ тѣмъ государь высказалъ рѣшительное желаніе, чтобы министерство финансовъ изыскало средства къ вспомоществованію въ такихъ случаяхъ крестьянамъ. Въ заключеніе записки барона Корфа упоминалось о необходимости прежде окончательнаго рѣшенія этого дѣла войти въ сношеніе съ министрами юстиціи, финансовъ и государственныхъ имуществъ; на это государь повелѣлъ: „снестись съ министрами, въ томъ числѣ и внутреннихъ дѣлъ, *на словахъ* и потомъ составить полную записку которая снова будетъ разсмотрѣна въ этомъ же *келейномъ* комитетѣ".

Комитетъ этотъ, въ который были приглашены графы: Орловъ, Левашовъ, Киселевъ и Панинъ, министры: финансовъ Вронченко и внутреннихъ дѣлъ Перовскій и статсъ-секретарь баронъ Корфъ, собрался у государя въ Петергофѣ 2 іюля. Императоръ Николай изложилъ имъ свои „мысли и виды" по запискѣ барона Корфа относительно распространенія

на всю имперію закона о выкупѣ крестьянъ въ имѣніяхъ, продаваемыхъ съ публичныхъ торговъ, и повелѣлъ, „собравшись въ составѣ особаго секретнаго комитета, обсудить подробности сего важнаго дѣла, *коего пользы и главныя начала онъ считаетъ уже, впрочемъ, рѣшенными*“, и потомъ представить на заключеніе императора. При этомъ государь приказалъ хранить это дѣло въ глубокой тайнѣ.

Комитетъ собрался 8 іюля подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта графа Орлова, и такъ какъ главныя основанія вопроса были предварительно уже указаны государемъ, то, выслушавъ записку барона Корфа, его членамъ оставалось дать свое заключеніе лишь о нѣкоторыхъ частностяхъ. Относительно того, предоставить ли выкупъ средствамъ самихъ крестьянъ или же оказывать имъ, въ случаѣ надобности, пособіе отъ правительства, графъ Киселевъ высказалъ мысль что для успѣха въ этомъ дѣлѣ его слѣдуетъ какъ можно болѣе упростить, и съ этою цѣлью полезнѣе не давать на выкупъ никакихъ частныхъ пособій отъ правительства, „а не имѣющихъ же собственныхъ средствъ крестьянъ выкупать просто и прямо самой казнѣ, безъ огласки, однако, о томъ въ законѣ, въ которомъ, по примѣру Грузіи, сказать только, что крестьяне должны вносить всю выкупную сумму, *не ожидая никакого пособія отъ казны*“. При такой системѣ не будетъ, во-первыхъ, никакихъ разсчетовъ съ крестьянами, тогда какъ назначеніе имъ ссудъ и уплата ихъ вызвали бы большія затрудненія, причемъ должники часто оказались бы совершенно несостоятельными, что и побудило въ Грузіи не допускать выдачи такого рода пособій; во-вторыхъ, будетъ отвращено „безразсчетное требованіе крестьянами ссудъ“, которое иначе предъявлялось бы при каждой публичной продажѣ тѣмъ въ бо́льшемъ размѣрѣ, чѣмъ крестьяне бѣднѣе и, слѣдовательно, чѣмъ менѣе надежды на исправность ихъ въ уплатѣ долга. Комитетъ одобрилъ мысль Киселева и предложилъ для осуществленія ея открыть негласно министру государственныхъ имуществъ годичный кредитъ въ заемномъ банкѣ, на первый разъ въ видѣ опыта до 300 тыс. руб. сер.

Государь 10 іюля утвердилъ журналъ комитета, и записка, составленная на основаніи его барономъ Корфомъ, по прочтеніи ея Левашову и Киселеву, была предварительно одобрена императоромъ и затѣмъ внесена въ государственный совѣтъ.

При разсмотрѣніи представленія барона Корфа въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и экономіи государственнаго совѣта (въ первомъ предсѣдателемъ былъ графъ Блудовъ, во второмъ графъ Левашевъ), департаменты не только согласились съ его основною мыслью, но пошли еще далѣе и возбудили вопросъ о предоставленіи помѣщичьимъ крестьянамъ права: 1) выкупа *при продажѣ имѣній между частными людьми* [1])

[1]) Въ Грузіи это было дозволено.

и 2) выкупа не только прежде утвержденія продаваемаго имѣнія за покупщикомъ, но и по утвержденіи уже продажи въ теченіе года со времени ввода во владѣніе [1]). Баронъ Корфъ, однако, энергически вооружился противъ дозволенія выкупа и при продажѣ имѣній между частными людьми.

„Нѣтъ сомнѣнія, – писалъ онъ,—что, съ дозволеніемъ крестьянамъ выкупаться и при *частныхъ* продажахъ, число пріобрѣтающихъ симъ путемъ свободу могло бы значительно увеличиться, ибо переходовъ имѣній по частнымъ сдѣлкамъ бываетъ несравненно болѣе, нежели по публичнымъ продажамъ; но правительство наше въ великомъ дѣлѣ уменьшенія крѣпостнаго состоянія никогда доселѣ не роняло изъ вида и не отметало другихъ высшихъ интересовъ, а первымъ и неминуемымъ слѣдствіемъ предлагаемой теперь мѣры было бы не только стѣсненіе, но и обращеніе почти въ невозможность главнаго элемента общественной жизни – свободнаго движенія собственностей. Какая дѣйствительно была бы тогда твердость частныхъ продажъ; какіе виды и какое обезпеченіе для пріобрѣтателей: какое побужденіе покупать то, *что чрезъ годъ* можетъ независимо отъ воли покупщика и вопреки ей опять исторгнуто быть изъ его рукъ?“ Тогда „надлежало бы опасаться упадка цѣнности имѣній *до самой послѣдней степени*.. Если признать нужнымъ и возможнымъ, продолжалъ Корфъ, -дать крестьянамъ право выкупа при переходѣ ихъ отъ одного владѣльца къ другому по частнымъ продажамъ, то, по тѣмъ же самымъ причинамъ, въ тѣхъ же видахъ, въ той же такъ сказать, связи идей, не слѣдовало ли бы дать имъ сіе право *и безъ продажи*, не только при переходахъ по наслѣдству, по рядамъ и пр., гдѣ равномѣрно измѣняется лицо владѣльца, но даже и безъ того, вездѣ, всегда, хотя бы они оставались въ первобытномъ владѣніи, и если сіе, конечно, не сможетъ быть мыслью правительства, то не будетъ ли, однако, такова мысль самихъ крестьянъ, которые увидятъ съ естественнымъ чувствомъ зависти и раздраженія, что сосѣди ихъ выкупились, потому что проданы, а сами они остаются крѣпостными, потому что владѣлецъ не разсудилъ ихъ продать? Словомъ, вся сія мѣра не откроетъ ли крестьянамъ, классу, который до сихъ поръ къ несчастію, въ свободѣ видитъ лишь право своевольничать, не откроетъ ли имъ весьма важную и, пока существуетъ еще крѣпостное состояніе, весьма опасную тайну, что они могутъ случайно и безъ воли помѣщика быть *иначе*, нежели *были*?“ Наконецъ, слѣдствіемъ предполагаемаго постановленія было бы и то, что „современемъ при постепенныхъ продажахъ и выкупахъ имѣній важная часть поземельной собственности перешла бы изъ рукъ дворянства въ руки крестьянъ, въ совершенную противоположность видамъ, неоднократно его величествомъ выраженнымъ. Возраженіе, что сіе же самое послѣдуетъ и отъ предоставленія крестьянамъ выкупа при публичныхъ продажахъ, едва ли здѣсь что-либо доказываетъ. Если это будетъ злomъ, то лучше, чтобы зло ограничивалось, по крайней мѣрѣ, возможно малыми предѣлами, и не должно добровольно еще болѣе распространять его дѣйствія, но во первыхъ, публичныхъ продажъ, какъ уже упомянуто, бываетъ несравненно менѣе, нежели продажъ частныхъ, и, во-вторыхъ, при публичной продажѣ, когда крестьяне, какъ въ самой большей части случаевъ ожидать должно, не будутъ

---

[1]) Соединенные департаменты, между прочимъ, полагали, что крестьяне, имѣя для выискания нужной на выкупъ суммы одинъ только мѣсяцъ, большею частью были бы не въ состояніи воспользоваться своимъ правомъ.

въ состояніи выкупиться сами, ихъ будетъ выкупать казна, и, слѣдственно, земли перейдутъ въ собственность не крестьянъ, а правительства".

Въ засѣданіи соединенныхъ департаментовъ законовъ и государственной экономіи былъ возбужденъ также важный вопросъ: „не слѣдуетъ ли опредѣлить, какое количество земли должно составлять неприкосновенное достояніе выкупившихся крестьянъ, не подлежащее ни продажѣ, ни отчужденію", и какимъ количествомъ они могутъ располагать какъ полною собственностью? Соединенные департаменты справедливо полагали, что право крестьянъ на распоряженіе ихъ землями должно, въ видахъ ихъ собственной пользы, подлежать нѣкоторому ограниченію, и въ доказательство ссылались на то, что мѣра эта, въ сущности, не новая и исполненіе ея не можетъ представлять никакихъ особенныхъ затрудненій, такъ какъ, по закону, уже существующему, сами помѣщики ограничены извѣстными условіями въ правѣ отчуждать принадлежащія имъ земли отдѣльно отъ населенныхъ имѣній [1]). Однако, для обезпеченія „домашняго и земледѣльческаго быта" крестьянина, соединенные департаменты находили необходимымъ сдѣлать неотчуждаемыми не 4½ десятины на душу, какъ это было установлено указомъ 1827 г., а только по 2 десятины; всю же прочую землю изъ числа выкупленной крестьянами они считали возможнымъ дозволить имъ продавать, обмѣнивать или иначе уступать постороннимъ лицамъ, но, во всякомъ случаѣ, не иначе, какъ по мірскимъ приговорамъ: департаменты прямо разсчитывали на то, что, имѣя возможность отчуждать землю, составляющую излишекъ сверхъ опредѣленнаго на душу 2 десят количества, крестьянамъ будетъ легче пріискивать деньги, нужныя для выкупа [2]).

Въ послѣднихъ числахъ сентября 1847 г. закончилось разсмотрѣніе этого дѣла въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта: оно возбудило тамъ борьбу мнѣній, которыя отчасти высказывались въ особыхъ запискахъ и послѣ того, до поступленія еще этого дѣла въ общее собраніе государственнаго совѣта.

Такъ, напримѣръ, государственный секретарь, Бахтинъ на вопросъ графа Левашова, предсѣдательствовавшаго въ государственномъ совѣтѣ, какое впечатлѣніе произвели на него разнообразныя мнѣнія по этому дѣлу, отвѣчалъ, что, по

---

[1]) Въ ст. 1016 IX т. Св. Зак. было сказано: „Если земля отдѣльно отъ населенныхъ на ней крестьянъ будетъ помѣщикомъ заложена и закладная будетъ просрочена, или же земля будетъ отдѣльно продана, и въ томъ и другомъ случаѣ останется у крестьянъ менѣе 4½ дес. на душу, и къ тому въ теченіе года не будетъ помѣщикомъ пріобрѣтено и дано имъ другой земли соразмѣрно числу душъ, или же они не будутъ на сей предметъ основаніи проданы другимъ съ обязательствомъ переселить ихъ на собственныя земли и надѣлить ихъ положеннымъ количествомъ земли, то крестьяне въ семъ случаѣ берутся въ казенное вѣдомство и водворяются на казенныхъ земляхъ по распоряженію правительства".

[2]) Арх. Кодиф. Отд. Госуд. Сов., дѣло 1847 г. № 63

его мнѣнію, цѣль закона останется не достигнутою, за исключеніемъ ничтожнаго числа случаевъ, въ сравненіи съ общею массою продаваемыхъ съ публичныхъ торговъ имѣній. Крестьяне будутъ не въ состояніи воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ, такъ какъ не только въ 30 дней, но и въ годовой срокъ они не могутъ собрать суммъ, нужныхъ для выкупа; частные люди не сдѣлаютъ имъ кредита, такъ какъ очень затруднительно взыскать съ крестьянъ деньги, выданныя имъ въ заемъ, если же и найдутся спекуляторы, которые на это рѣшатся, то, вѣроятно, на условіяхъ, разорительныхъ для земледѣльцевъ. Одна надежда на пособіе со стороны правительства, но едва ли государственное казначейство можетъ удѣлить для этого значительныя суммы. А между тѣмъ, предполагаемый законъ можетъ имѣть, по мнѣнію Вахтина, весьма опасныя послѣдствія. По окончаніи торга на продажу имѣнія въ него явится полиція и спроситъ крестьянъ, не хотятъ ли они выкупиться. Отвѣтъ будетъ всегда утвердительный. „Въ продолженіе назначеннаго срока, каковъ бы онъ ни былъ, крестьяне будутъ хлопотать и соваться во всѣ стороны, но не внесутъ денегъ. Съ истеченіемъ срока надобно будетъ обратиться назадъ въ крѣпостное состояніе, но уже мысль о возможности свободы возбуждена. Самое кроткое помѣщичье управленіе покажется имъ тягостнымъ и, конечно, для приведенія ихъ въ должное повиновеніе потребуются неизбѣжныя и горькія правительственныя мѣры: посылка военныхъ командъ, тѣлесныя наказанія, ссылка въ Сибирь. Во многихъ случаяхъ, при невѣжествѣ нашихъ крестьянъ, и эти даже строгости не убѣдятъ ихъ въ справедливости распоряженій мѣстнаго начальства и они будутъ продолжать бунтовать, ссылаясь на волю государя императора, чтобы они были свободны". Въ заключеніе, предвидя невозможность совершенно остановить начатое дѣло, Вахтинъ, въ виду того, что безъ пособія правительства крестьяне не могутъ, по его мнѣнію, выкупаться, предлагалъ, не лучше ли просто назначить въ распоряженіе министерства государственныхъ имуществъ извѣстную сумму, съ тѣмъ, чтобы оно покупало небольшія помѣщичьи имѣнія въ казну какъ съ публичныхъ торговъ, такъ и по добровольнымъ условіямъ съ частными лицами.

Самъ баронъ Корфъ, по иниціативѣ котораго началось все это дѣло, опасался, что его сочтутъ „*личнымъ возбудителемъ* вредной и опасной новизны", но онъ находилъ невозможнымъ повернуть назадъ въ виду того, что въ особомъ комитетѣ, сперва въ личномъ присутствіи государя, а потомъ въ отдѣльномъ совѣщаніи, никто изъ членовъ не возражалъ и потому государь, вслѣдствіе общаго согласія, далъ окончательный ходъ дѣлу [1]).

Несмотря, однако, на всѣ эти колебанія, такъ какъ государь считалъ несомнѣннымъ пользу новаго закона и уже опредѣлилъ его главныя основанія, основная мысль о выкупѣ помѣщичьими крестьянами своей свободы при продажѣ имѣній съ публичныхъ торговъ была принята общимъ собраніемъ государственнаго совѣта въ засѣданіи 20 октября и затѣмъ состоялся именной о томъ указъ 8 ноября 1847 года.

Когда недвижимое населенное имѣніе, сказано было въ этомъ указѣ, за лежащіе на немъ долги казнѣ, частнымъ лицамъ или кредитнымъ

---

[1]) *Заблоцкій-Десятовскій* IV, 219—221

установленіямъ будетъ назначено въ продажу съ публичнаго торга, то принадлежащимъ къ нему крестьянамъ предоставляется выкупаться вмѣстѣ съ землею посредствомъ взноса состоявшейся на торгахъ цѣны или, при неявкѣ покупщиковъ, полной оцѣночной суммы; если же оцѣнка не достигаетъ суммы долга, лежащаго на имѣніи, то крестьяне обязаны принять на себя уплату всего этого долга. Выкупъ должны производить крестьяне всего имѣнія, или, если оно продается участками, крестьяне всего участка, и выкупать слѣдуетъ имѣніе въ полномъ его составѣ или во второмъ случаѣ весь участокъ. О выкупной цѣнѣ крестьянамъ дается знать чрезъ земскую полицію при участіи предводителя дворянства и уѣзднаго стряпчаго. Крестьяне обязаны внести всю выкупную сумму, не ожидая никакого пособія отъ казны, въ теченіе 30 дней со времени выслушанія ими объявленія. Выкупившіеся поступаютъ въ число государственныхъ крестьянъ и несутъ наравнѣ съ ними всѣ подати и повинности, кромѣ оброка, почему и получаютъ названіе *безоброчныхъ*; они пріобрѣтаютъ право собственности на землю и всѣ прочія принадлежности имѣнія, но имѣютъ право отчуждать землю въ постороннія руки не иначе, какъ по мірскимъ приговорамъ и съ утвержденія министерства государственныхъ имуществъ, съ оставленіемъ при этомъ всегда неотдѣлимою принадлежностью имѣнія по 2 десятины на ревизскую душу, причемъ на эту послѣднюю землю не должны падать никакіе долги крестьянъ [1]).

Въ высшей степени важно, что у крестьянъ безоброчныхъ устанавливалось изложеннымъ указомъ не подворно-участковое, а общинное землевладѣніе, въ противоположность закону о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Это объясняется какъ тѣмъ, что при раздѣлѣ земли между свободными хлѣбопашцами, по числу внесенныхъ денегъ, или на основаніи другихъ условій, стали происходить споры и жалобы, доходившія до министерства внутреннихъ дѣлъ [2]), такъ, вѣроятно, и вліяніемъ гр. Киселева, бывшаго какъ мы уже знаемъ, рѣшительнымъ защитникомъ общиннаго землевладѣнія

Такимъ образомъ, послѣ изданія закона 8 ноября 1847 г. у насъ было четыре способа увольненія крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія: увольненіе безъ земли отдѣльными семействами или душами (вольноотпущенные), увольненіе съ землею на правахъ подворно-участковаго владѣнія (свободные хлѣбопашцы) [3]), увольненіе съ землею на правахъ

---

[1]) 2-е П. С. З. т. XXII, 21689.

[2]) *Варадиновъ.* „Истор. мин. внутр. дѣлъ" т. III, кн. 3, стр. 370.

[3]) Хотя правило о раздѣлѣ земель въ подворное владѣніе очень часто не исполнялось

общинной собственности (безоброчные государственные крестьяне) и увольненіе съ правомъ только пользованія землею (обязанные крестьяне).

Указомъ 15 іюля 1848 г. безоброчнымъ крестьянамъ, наравнѣ съ свободными хлѣбопашцами, было дано новое названіе: государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ, причемъ за ними были сохранены всѣ преимущества, предоставленныя имъ указомъ 8 ноября 1847 г. [1]).

---

[1]) 2-е П. С. З. XXIII, 22444

ГЛАВА VI.

Императоръ Николай взываетъ къ содѣйствію смоленскихъ дворянъ въ дѣлѣ обращенія крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные — Проекты смоленскихъ дворянъ. — Записка губернскаго предводителя дворянства кн. Друцкаго-Соколинскаго и представленія его государю. — Предложеніе А. П. Хотелева объ учрежденіи комитета по крестьянскому дѣлу въ рязанской губерніи.

Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, предоставлявшій помѣщикамъ право обращать своихъ крѣпостныхъ, съ ихъ согласія, въ свободныхъ землевладѣльцевъ съ опредѣленными повинностями за пользованіе землею былъ изданъ въ 1842 году, но послѣ того прошло пять лѣтъ, а этимъ правомъ воспользовался лишь кн. Воронцовъ для своей муринской вотчины съ населеніемъ въ нѣсколько сотъ душъ, да еще кн. Витгенштейнъ для своихъ крестьянъ царскосельскаго уѣзда, дѣло объ увольненіи которыхъ приходило въ это время къ концу. Указъ 1844 года объ отпускѣ дворовыхъ людей на волю безъ земли по договорамъ съ помѣщиками также не имѣлъ замѣтнаго вліянія на измѣненіе быта дворовыхъ. Наконецъ, и предложенія министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго въ его запискѣ 1845 года относительно ограниченія крѣпостнаго права остались почти безъ всякихъ послѣдствій. Видя, что правительственная инициатива, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ она практиковалась въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ, не приводитъ къ желанной цѣли, императоръ Николай задумалъ побудить само дворянство идти на встрѣчу желаніямъ правительства и выбралъ для начала смоленскую губернію, вѣроятно, какъ одну изъ наиболѣе близкихъ къ Прибалтійскому и Западному краю; въ Остзейскихъ губерніяхъ освобожденіе крестьянъ совершилось уже въ царствованіе императора Александра I; въ царствѣ Польскомъ личная свобода была дана крестьянамъ Наполеономъ I, въ динабургскомъ уѣздѣ, витебской губерніи, былъ открытъ въ 1846 году, съ дозволенія правительства, комитетъ для опредѣленія правилъ увольненія крестьянъ въ обязанные, а вообще въ губерніяхъ сѣверо-западнаго края, присоединенныхъ отъ Польши еще въ 1840 году, государь приказалъ

ввести въ помѣщичьихъ вотчинахъ тѣ инвентари, которые существуютъ въ казенныхъ имѣніяхъ, хотя это повелѣніе и не было еще выполнено въ сороковыхъ годахъ. Такимъ образомъ, идя отъ запада къ востоку, очередь была за смоленскою губ., подобно тому, какъ въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I толковали о намѣреніи правительства дать свободу помѣщичьимъ крестьянамъ псковской губ., по образцу Лифляндіи.

Законъ давалъ дворянству право, по окончаніи выборовъ въ губернскомъ собраніи, отправлять депутатовъ для принесенія государю благодарности за дарованныя ему преимущества, испросивъ предварительно на это соизволеніе императора. Ходатайства дворянства объ отправленіи депутацій обыкновенно отклонялись государемъ, но когда въ началѣ 1847 года министръ внутреннихъ дѣлъ доложилъ о подобной же просьбѣ смоленскихъ дворянъ, то императоръ Николай изъявилъ свое согласіе. Депутатами были избраны: губернскій предводитель дворянства полковникъ кн. Друцкой Соколинскій, рославльскій уѣздный предводитель полковникъ Фантонъ-де-Верраіонъ и генералъ-майоръ Шембель, но Друцкой-Соколинскій заболѣлъ и просилъ Фантона заступить его мѣсто какъ предводителя дворянства.

18 мая состоялось представленіе смоленскихъ депутатовъ императору Николаю. Когда они были введены въ кабинетъ, государь пожалъ руку рославльскому предводителю, привѣтствовалъ ихъ обоихъ, сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ по адресу всего смоленскаго дворянства и, затѣмъ, упомянувъ о нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣлахъ, перешелъ къ главной цѣли данной имъ аудіенціи. Императоръ Николай прямо заявилъ, что имѣлъ въ виду поговорить съ ними „келейно“ объ обязанныхъ крестьянахъ и, затѣмъ, продолжалъ: „Въ указѣ моемъ по этому предмету я ясно выразилъ мысль мою, что земля, заслуженная нами, дворянами, или предками нашими, есть наша дворянская: замѣтьте, что я говорю съ вами, какъ первый дворянинъ въ государствѣ; но крестьянинъ, находящійся нынѣ въ крѣпостномъ состояніи, утвердившемся у насъ почти не по праву, а обычаемъ, чрезъ долгое время, не можетъ считаться собственностью, а тѣмъ менѣе вещью; слѣдственно, мое желаніе, при обнародованіи сказаннаго указа, было и теперь есть, чтобы дворянство помогло мнѣ въ этомъ дѣлѣ, столь важномъ для развитія благосостоянія отечества нашего, постепеннымъ переводомъ крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные, и я убѣжденъ, что такой переходъ, хотя на разныхъ условіяхъ, примѣненныхъ каждымъ къ мѣстности, можетъ одинъ предупредить крутой переломъ. Со всѣмъ тѣмъ, доселѣ только нѣкоторыми помѣщиками представлены условія и между сими послѣдними есть несоотвѣтствующія цѣли. Знаю, что противъ обязанныхъ крестьянъ есть возраженія: кто дворянамъ поручится, что крестьяне будутъ исполнять принятыя на себя обя-

занности? Суды не хорошо составлены и т. д. На это я скажу, что порукою обоюднаго исполненія обязанностей дѣйствительно должны служить суды состоящіе изъ дворянъ же, и если суды эти не хороши, то виноваты сами дворяне, опустивъ не вездѣ, а во многихъ мѣстахъ должности по выборамъ.... Основываясь на всемъ этомъ, я желаю, господа, чтобы вы потолковали келейно, какъ я теперь съ вами, и написали мнѣ о томъ свое мнѣніе прямо въ собственныя руки".

Депутаты просили соизволенія государя посовѣтоваться объ этомъ по возвращеніи въ свою губернію съ губернскимъ предводителемъ, такъ какъ теперь они не уполномочены ни на какія дѣйствія по этому предмету; государь согласился, напомнивъ только, что „все это должно быть келейно и по-домашнему".

На другой день депутаты смоленскаго дворянства представлялись наслѣднику цесаревичу, который сказалъ имъ, что государь передалъ ему содержаніе вчерашняго разговора. При этомъ Фантонъ-де-Верраіонъ объяснилъ, что, при составленіи какого бы то ни было предположенія объ условіяхъ съ крестьянами, необходимо имѣть въ виду помѣщичьи долги по залогу имѣній въ кредитныхъ установленіяхъ, крестьянскую недоимку казнѣ и, наконецъ, долги крестьянъ помѣщикамъ.

На слѣдующій день депутаты отправились къ министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому. Онъ жалѣлъ, что не могъ передать имъ до представленія государю свои мысли объ инвентаряхъ, которые, по его мнѣнію, составляютъ одно изъ удобнѣйшихъ средствъ къ переходу крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные. Будучи вновь черезъ нѣсколько дней у министра внутреннихъ дѣлъ, Фантонъ просилъ болѣе подробнаго объясненія относительно инвентарей, такъ какъ оно можетъ служить для нихъ руководствомъ въ столь сложномъ дѣлѣ. Но Перовскій отвѣчалъ, что „разговоръ его должно считать частнымъ и что по всему этому дѣлу онъ можетъ сказать одно только: дѣйствовать на мѣстѣ съ крайнею осторожностью, дабы не породить преждевременными толками безпокойствъ, коимъ мы видѣли примѣры въ могилевской и минской губерніяхъ", и, затѣмъ, потребовалъ, чтобы ему доставили копіи со всего, что будетъ ими написано къ государю. Такимъ образомъ, то, что, по желанію императора Николая, предполагалось отправлять въ его собственныя руки, должно было одновременно дѣлаться извѣстнымъ министру, весьма несочувственно относившемуся, какъ мы видѣли въ одной изъ предшествовавшихъ главъ, къ закону объ обязанныхъ крестьянахъ [1]).

[1]) Рукопись Библіотеки Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ, пожертвованная Хавиковымъ; ср. Русск. Стар. 1873 г. т. VIII, 910—914. *Заблоцкій-Десятовскій*, II, 276—281. О представленіи государю смоленскихъ депутатовъ и о содержаніи его бесѣды съ ними скоро узнали въ Петербургѣ лица, интересующіяся ходомъ крестьянскаго дѣла. В. Г.

Слова государя произвели немалый переполохъ среди смоленскихъ дворянъ [1]). Друцкой-Соколинскій сталъ собирать мнѣнія по этому дѣлу отъ помѣщиковъ и уѣздныхъ предводителей дворянства, съ тѣмъ, чтобы потомъ подвергнуть ихъ обсужденію нѣкоторыхъ избранныхъ дворянъ. Есть даже извѣстіе, что депутатъ смоленскаго дворянства ѣздилъ въ Финляндію, Эстляндію и Курляндію для собранія свѣдѣній, на какихъ условіяхъ крестьяне обязаны тамъ работать на помѣщиковъ [2]). Остановимся на нѣкоторыхъ, дошедшихъ до насъ, мнѣніяхъ смоленскихъ дворянъ.

Бѣлинскій, въ неизданномъ письмѣ къ П. В. Анненкову, коснувшись вопроса объ освобожденіи крестьянъ, говоритъ: „все зависитъ отъ воли Г. И. (Государя Императора), а она рѣшительна", и, затѣмъ, упомянувъ о пріемѣ императоромъ Николаемъ, вопреки обычаю, депутаціи смоленскаго дворянства, такъ передаетъ слова государя, касающіяся крестьянскаго вопроса, и то, что за этимъ послѣдовало: „Теперь я буду говорить съ вами, не какъ Г-рь, а какъ первый дворянинъ въ имперіи. Земля принадлежитъ намъ, дворянамъ, по праву, потому что мы пріобрѣли ее нашею кровью, пролитою за государство; но я не понимаю, какимъ образомъ человѣкъ сдѣлался вещью, и не могу объяснить себѣ этого иначе, какъ хитростію и обманомъ съ одной стороны и невѣжествомъ — съ другой. Этому должно положить конецъ. Лучше намъ отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у насъ отняли. Крѣпостное право причиною, что у насъ нѣтъ торговли, промышленности". Затѣмъ онъ сказалъ имъ, чтобы они ѣхали въ свою губернію и, держа это въ секретѣ, побудили бы смоленское дворянство къ совѣщаніямъ о мѣрахъ, какъ приступить къ дѣлу. Депутаты, пріѣхавъ домой, сейчасъ же составили протоколъ того, что говорилъ имъ Г. И. и потомъ явились къ Орлову разсказать о дѣлѣ. Тотъ не повѣрилъ имъ; тогда они представили ему протоколъ, прося показать его Г. И-ру. Точно ли это слова Е. В-ва. Г. И., просмотрѣвъ протоколъ, сказалъ, что это его подлинныя слова безъ искаженія и прибавокъ... Я забылъ сказать, продолжаетъ Бѣлинскій, „въ рѣчи своей къ депутатамъ Г. И. сказалъ, что онъ уже намекалъ (указомъ объ обязанныхъ крестьянахъ) на необходимость освобожденія, да этого не поняли". Изъ этого письма В. Г. Бѣлинскаго, за сообщеніе котораго приносимъ искреннюю благодарность А. Н. Пыпину, видно, что въ общество проникли довольно точные слухи о бесѣдѣ государя со смоленскими депутатами; мы не имѣемъ только подтвержденія въ письмахъ Фаддѣя любопытнаго эпизода съ шефомъ жандармовъ Орловымъ и потому не знаемъ, насколько справедливо сообщаемое объ этомъ Бѣлинскимъ, но въ его разсказѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго, если министръ внутреннихъ дѣлъ требовалъ сообщенія ему копіи съ бумагъ, предназначенныхъ въ собственныя руки государя, то и шефъ жандармовъ могъ потребовать разсказа о „келейной" бесѣдѣ съ императоромъ; консервативные же взгляды Орлова въ крестьянскомъ вопросѣ достаточно извѣстны.

[1]) Въ вышеупомянутомъ письмѣ Бѣлинскаго мы находимъ слѣдующее свѣдѣніе, хотя и не знаемъ, насколько оно достовѣрно: „Чрезъ нѣсколько времени по возвращеніи депутатовъ въ ихъ губернію, Перовскій получилъ отъ смоленскаго губернатора донесеніе, что двое изъ дворянъ смущаютъ губернію, распространяя гибельныя, либеральныя мысли. Г. И. приказалъ Пер — му отвѣтить губернатору, что въ случаѣ бунта у него есть средства (войска и пр.), а чтобы до тѣхъ поръ онъ молчалъ и не въ свое дѣло не мѣшался". Изъ частнаго письма одного смоленскаго помѣщика, написаннаго въ январѣ 1848 года, мы узнаемъ, что предводителямъ было предписано изъ Петербурга предавать строгому наказанію тѣхъ, кто будетъ распространять слухи о вольности и свободѣ. (Рукопись Хазикова.)

[2]) Рукопись Хазикова, неизданныя записки Мясова, сообщенныя редакціею „Русской Старины".

Ельнинскій предводитель дворянства Ступѣевъ въ мнѣніи, присланномъ кн. Друцкому Соколинскому въ сентябрѣ 1847 г., приводилъ, во-первыхъ, извѣстное возраженіе противъ перехода крестьянъ въ обязанные, что они не будутъ исполнять заключенныхъ ими условій, а затѣмъ грозилъ, что „потерянная правственность породитъ пороки и преступленія" въ такихъ размѣрахъ, что потребуются „чрезвычайныя мѣры къ обузданію народа", а также предсказывалъ, что „земледѣліе, лишенное своей дѣятельности и труда (?... падетъ несомнѣнно". Ступѣевъ находилъ достаточными слѣдующія ограниченія крѣпостнаго права: совершать крѣпостные акты не на людей, а на населенныя земли, запретить „всякую отдѣльную продажу лицъ обоего пола" и предоставить крестьянину права собственности на движимое имущество, которымъ онъ долженъ будетъ обезпечивать исправный платежъ податей и земскихъ повинностей (слагая, такимъ образомъ, отвѣтственность за нихъ съ помѣщиковъ); для ограниченія же злоупотребленій помѣщиковъ своею властью, а, съ другой стороны, и для обузданія своеволія и неповиновенія крестьянъ учредить дворянскіе уѣздные и губернскіе комитеты, попечительства или расправы по выбору дворянства [1]).

Другой помѣщикъ смоленской губ. въ проектѣ, доставленномъ губернскому предводителю въ декабрѣ 1847 г., прежде всего, указывалъ на „бѣдственныя послѣдствія", которыя могутъ произойти отъ освобожденія крестьянъ (т.-е. обращенія ихъ въ обязанные), безъ предварительнаго приготовленія и пріученія ихъ къ точному выполненію повинностей относительно землевладѣльцевъ. Самому дворянству, по его мнѣнію, опасно приступать къ преобразованію, отъ котораго можетъ зависѣть „достояніе и даже жизнь помѣщиковъ", вмѣсто частныхъ условій съ крестьянами, удобнѣе установить законодательнымъ порядкомъ общія правила и постепенно ввести ихъ въ употребленіе. Первымъ приступомъ къ преобразованію авторъ проекта считалъ то, чѣмъ Ступѣевъ думалъ и ограничиться, т. е. запрещеніе продажи людей и дозволеніе продавать и закладывать населенную землю, вмѣстѣ съ тѣмъ, названіе крѣпостныхъ можетъ быть замѣнено словомъ „обязанные". Затѣмъ, подъ надзоромъ предводителей и съ содѣйствіемъ земской полиціи, постепенно и „безъ особенной огласки", слѣдуетъ вводить общія и однообразныя условія, на основаніи которыхъ помѣщики должны владѣть крестьянами и проектъ которыхъ можетъ быть составленъ секретнымъ комитетомъ изъ нѣсколькихъ землевладѣльцевъ, „извѣстныхъ по своей опытности и благонамѣренности" и хорошо знакомыхъ съ народнымъ бытомъ и мѣстными экономическими потребностями. При этомъ, по мнѣнію автора разсматриваемаго проекта, оброки могутъ быть или соображены съ цѣнностью барщинныхъ работъ, или утверждены прежніе. Земля всегда должна оставаться собственностью помѣщика, а крестьянамъ предоставляется владѣніе ею лишь подъ условіемъ исправнаго исполненія повинностей, неаккуратныхъ же и буйныхъ людей помѣщики могутъ удалять изъ имѣнія, съ тѣмъ, чтобы правительство принимало ихъ для поселенія на казенныхъ земляхъ. По проекту автора, помѣщики должны сохранять право и надъ личностью крестьянъ; онъ предлагаетъ, чтобы „опредѣлены были мѣры домашняго, исправительнаго наказанія и чтобы члены земской полиціи неупустительно помогали помѣщикамъ въ соблюденіи повиновенія и порядка", а также чтобъ безъ позволенія землевладѣльца крестьяне не имѣли права переходить въ другія селенія или сословія, по переписи, съ согласія помѣ-

[1]) «Чтен. въ Общ. Ист. и Древ. Росс.» 1863 г. т. I. „Записка о ходѣ дѣлъ въ смоленской губерніи по вопросу объ обязанныхъ крестьянахъ" Кононова, стр. 224—227.

щиковъ, по женитьбѣ, а также и по недостатку въ землѣ изъ одной деревни въ другую, находящуюся въ той же губерніи, можетъ быть допущено [1]). Помѣщикамъ предоставляется по этому проекту прежнее право установлять въ имѣніи рекрутскую очередь, т.-е. уничтожается единственное благопріятное для крестьянъ постановленіе въ указѣ 2 апрѣля 1842 г.

Авторъ проекта выражалъ въ частномъ письмѣ надежду, что на указанныхъ условіяхъ „переворотъ (?) этотъ можетъ совершиться безъ бѣдственныхъ послѣдствій и добрымъ помѣщикамъ не будетъ хуже, а равно и крестьяне будутъ ограждены отъ дурныхъ владѣльцевъ", повиновеніе же крестьянъ достаточно обезпечивается „правомъ „располагать рекрутскими очередями и передавать своевольныхъ въ казенное вѣдомство для поселенія на земляхъ, вѣроятно, довольно отдаленныхъ". Авторъ считалъ „великою милостію Божіею", что государь предоставилъ самимъ помѣщикамъ изыскать наиболѣе удобныя средства преобразованія: „нѣтъ сомнѣнія,—продолжаетъ онъ,—что очередь дойдетъ и до другихъ губерній, и какія правила будутъ утверждены для насъ, такія распространятся и для всей Россіи" [2]).

8 января 1848 года кн. Друцкой-Соколинскій пригласилъ въ Смоленскѣ нѣкоторыхъ дворянъ и объявилъ имъ выраженное депутатамъ смоленской губерніи желаніе государя преобразовать помѣщичьихъ крестьянъ въ обязанные и увѣренность въ томъ, что дворяне окажутъ правительству содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ. Спустя три недѣли предъ отъѣздомъ предводителя дворянства въ губернію для совѣщанія по этому предмету, 13 дворянъ, въ числѣ которыхъ были и приглашенные на собраніе 8 января, узнавъ желаніе Друцкаго-Соколинскаго имѣть письменное изложеніе ихъ мнѣнія, прислали краткій перечень главнѣйшихъ мѣръ, которыя они считаютъ необходимыми для уничтоженія „званія и значенія крѣпостныхъ людей". Они предлагали: 1) Переименовать крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные. 2) Уничтожить право продавать, завѣщать и дарить людей и отдавать ихъ во всякаго рода услуженіе. 3) Не допускать при продажѣ имѣній, завѣщаніи или раздѣлѣ ихъ между наслѣдниками раздробленія не только семействъ, но даже селеній. 4) Предоставить право крѣпостнымъ вдовамъ и дѣвушкамъ выходить замужъ, по ихъ желанію, даже и въ иныя помѣстья. 5) Дѣтей дворовыхъ обоего пола, начиная съ семи лѣтъ и впредь рождаемыхъ, объявить совершенно свободными, оставляя прочихъ при имѣніяхъ обязанными на особыхъ правилахъ, съ запрещеніемъ, притомъ, помѣщикамъ обращать крестьянъ въ дворовые и обратно.

---

[1]) Чтобы не сдѣлать нищими старыхъ и малолѣтнихъ людей и не лишить помѣщиковъ необходимой прислуги, освобожденіе дворовыхъ можетъ быть произведено только постепенно.

[2]) Любопытно, что въ это время приглашенія отъ правительства содѣйствовать измѣненію быта крѣпостныхъ крестьянъ стали ожидать и въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ губерніяхъ. Извѣстно, напримѣръ, что авторъ только что изложеннаго проекта передалъ его съ нѣкоторыми незначительными дополненіями своему родственнику, который избранъ былъ въ тверской губ. для представленія государю, „въ случаѣ востребованія". (Рукопись Хазикова).

6) Предоставить крестьянамъ и дворовымъ право пріобрѣтать на свое имя недвижимое имущество—земли, дома, мельницы и т. п. 7) Уничтожить право помѣщиковъ наслѣдовать послѣ крестьянъ и дворовыхъ, умершихъ безъ наслѣдниковъ, съ тѣмъ, чтобы оставшееся имущество обращалось въ общій капиталъ селеній. Этимъ мѣрамъ авторы заявленія предлагали придать силу закона безъ особаго о томъ оглашенія, что же касается повинностей крестьянъ и дворовыхъ относительно землевладѣльцевъ то, „въ настоящее время", они предлагали оставить ихъ въ прежнемъ положеніи. Достигать „желаемаго благоустройства" нѣкоторые помѣщики, „имѣющіе на то способы", могутъ „съ большею быстротой", но никто не смѣетъ приступать къ какому бы то ни было преобразованію до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ ограждено слѣдующими двумя мѣрами: 1) учрежденіемъ на новомъ основаніи опекъ для разбора дѣлъ между крестьянами и помѣщиками, съ опредѣленіемъ въ нихъ постоянныхъ членовъ по выборамъ, а стряпчаго отъ короны, и 2) предоставленіемъ помѣщикамъ права передавать въ вѣдѣніе палатъ государственныхъ имуществъ тѣхъ крестьянъ, отъ которыхъ они пожелаютъ освободиться, впрочемъ, не болѣе опредѣленнаго количества. Ко времени возвращенія князя Друцкаго-Соколинскаго лица, подписавшія это заявленіе, обѣщали изготовить болѣе обстоятельныя мнѣнія [1]). Этотъ проектъ былъ представленъ и въ министерство внутреннихъ дѣлъ; по крайней мѣрѣ, извѣстно что въ 1848 г. въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ былъ признанъ министерствомъ и комитетомъ министровъ неудовлетворительнымъ и проектъ 13 дворянъ смоленской губерніи [2]).

Такимъ образомъ, смоленскіе дворяне оказались не особенно тароватыми въ уступкахъ на пользу крестьянъ, а, къ тому же, и свыше это дѣло не встрѣчало не только понужденія, но и поощренія. Мы знаемъ, напримѣръ, что смоленскій помѣщикъ А. Оливье, отправившій 25 декабря 1847 года письмо на имя цесаревича съ приложеніемъ записки подъ заглавіемъ: „Нѣсколько патріотическихъ мыслей" [3]), получилъ отвѣтъ отъ В. Олсуфьева, что онъ повергалъ и то, и другое на разсмотрѣніе наслѣдника, который, „отдавая полную справедливость благонамѣренности содержанія" записки, повелѣлъ объявить ея автору слѣдующее: „такъ какъ ему (наслѣднику цесаревичу) извѣстно, что Государь Императоръ отнюдь не имѣетъ намѣренія измѣнять настоящихъ отношеній крестьянъ помѣщичьихъ къ ихъ владѣльцамъ, то и не находитъ нужнымъ представлять

---

[1]) Рукоп. Румянц. Музея, А. 2605; Чт. Общ. Истор. Древн. Росс., т. I, стр. 228—230.

[2]) *Варадиновъ*. Истор. Мин. Внутр. Дѣлъ, ч. 3, кн. III, стр. 447.

[3]) Рукопись Халькова. По другимъ источникамъ, это былъ петербургскій помѣщикъ Оливье. См. „Мат. для истор. упраздн. крѣпостнаго состоянія". Берл. 1860 г. I, 77—78 и неизд. записки Мясцова, принадл. редакціи „Русской Старины".

ее на воззрѣніе Его Величества". Къ этому Олсуфьевъ прибавлялъ, что содержаніе его письма дозволяется сообщать „всѣмъ тѣмъ, которые полагаютъ, что правительство имѣетъ подобныя намѣренія" [1]). Вскорѣ послѣ того всему смоленскому дворянству было дано знать оффиціально, что государь „не желаетъ, чтобы производились частныя подписки, но что каждый имѣетъ руководиться указомъ 2 апрѣля 1812 г. отдѣльно" [2]).

Относительно объѣзда кн. Друцкимъ-Соколинскимъ смоленской губерніи мы знаемъ только, что въ Дорогобужѣ были собраны для свиданія съ нимъ настоящіе и бывшіе предводители дворянства дорогобужскаго и ельнинскаго уѣздовъ, и губернскій предводитель читалъ имъ свою обширную записку по вопросу объ обязанныхъ крестьянахъ [3]). Дорогобужскій уѣздный предводитель Кононовъ, не во всемъ соглашаясь съ высказанными въ ней взглядами, представилъ 2 февраля 1848 г. Друцкому-Соколинскому свое мнѣніе, въ которомъ предлагалъ прежде всего, испросить для помѣщиковъ новыхъ льготъ въ платежахъ кредитнымъ установленіямъ, а затѣмъ, согласно съ мнѣніемъ, представленнымъ ельнинскимъ предводителемъ дворянства Ступѣевымъ (см. выше), учредить комитеты для соображенія всѣхъ узаконеній о правахъ и повинностяхъ крестьянъ, возложа на нихъ обязанность дѣлать безъ огласки замѣчанія тѣмъ помѣщикамъ, которые злоупотребляютъ своими правами, но крестьянъ оставить пока въ прежнемъ положеніи, то-есть пользоваться полною ихъ рабочаго времени, предписавъ только составлять купчія крѣпости не на души, а на земли. Сказать болѣе того безъ совѣщанія съ дворянами дорогобужскій предводитель не считалъ себя въ правѣ [4]).

Нѣсколько позднѣе, 24 февраля 1848 г., Кононовъ отправилъ къ Друцкому-Соколинскому предположенія объ обращеніи своихъ крестьянъ въ обязанные, но подъ условіемъ разрѣшенія ему „предварительной статьи", состоявшей въ томъ, чтобы лежащій на имѣніи долгъ московскому опекунскому совѣту былъ разложенъ на всю землю и, по уплатѣ имъ причитающагося за оставленныя имъ при усадьбѣ десять десятинъ, эта усадьба, мельница и суконовальня съ указаннымъ участкомъ земли дѣлаются его безусловною собственностью, а уплата остальнаго долга возлагается на крестьянъ. Безъ разрѣшенія этой „предварительной статьи" Кононовъ находилъ невозможнымъ заключеніе договора [5]). Кн. Друцкой-

---

[1]) Рукопись Хазикова.

[2]) „Чт. Общ. Истор. и Древ. Росс." 1863 г. т. I, Записка Кононова стр. 221.

[3]) Онъ предъявилъ имъ также и несогласное съ нею мнѣніе тринадцати дворянъ, изложенное нами выше.

[4]) Чт. Общ. Истор. и Древ. Росс. 1863 г. т. I, 220—221, 225—228.

[5]) Самыя же условія, на которыхъ онъ, въ случаѣ исполненія первыхъ желаній, готовъ былъ обратить крестьянъ въ обязанныхъ, условія, нужно замѣтить, весьма тяжелыя,—состояли въ томъ, что крестьяне, получивъ въ свое владѣніе всю землю

Соколинскій отвѣчалъ Конопову, что не имѣетъ права представить его предположенія на предварительное разсмотрѣніе правительства, тѣмъ болѣе, что, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, подобные проекты не одобряются и возвращаются обратно, если въ нихъ не будутъ вполнѣ соблюдены правила указа 1842 года, а именно, если составители ихъ не заручатся согласіемъ крестьянъ и не представятъ ихъ подписей [1]).

Мы видѣли выше, что дворяне, приглашенные губернскимъ предводителемъ на совѣщеніе въ Смоленскѣ, въ январѣ 1848 г., представивъ ему краткое заявленіе о своихъ главнѣйшихъ желаніяхъ, обѣщали приготовить ко времени его возвращенія изъ поѣздки по губерніи и болѣе подробныя записки по этому предмету. До насъ дошелъ одинъ изъ подобныхъ трудовъ, подписанный иниціалами А. В. [2]) и составленный въ февралѣ 1848 года. Эта неизданная записка, несомнѣнно, занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ, дошедшихъ до насъ, трудовъ смоленскихъ дворянъ по крестьянскому вопросу, и мы должны подробнѣе на ней остановиться.

Авторъ этого мнѣнія старается доказать, что уничтоженіе крѣпостнаго права можетъ принести величайшую пользу не только въ будущемъ, но немедленно всѣмъ тремъ заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ сторонамъ, то есть крестьянамъ, помѣщикамъ и правительству. Онъ утверждаетъ, что недостаточно ограничить крѣпостное право,—нужно совершенно уничтожить его. „Положимъ, говоритъ онъ,—что для уничтоженія крѣпостнаго состоянія, для огражденія крестьянъ отъ безотчетной помѣщичьей власти будутъ дарованы имъ нѣкоторыя права новыми законоположеніями, учредятся особыя присутственныя мѣста для разбирательства ихъ жалобъ, положительно ограничатся обязанности ихъ къ помѣщикамъ и права сихъ послѣднихъ и что крестьяне назовутся обязанными, этимъ не будетъ еще достигнута цѣль взаимной для всѣхъ пользы. Покуда крестьяне будутъ оставаться въ нѣкоторой зависимости отъ помѣщика и за землю, коею они пользуются, должны будутъ, по-прежнему, работать на него,—работа ихъ будетъ еще хуже прежней, помѣщики будутъ получать еще менѣе дохода, земледѣліе не выйдетъ изъ теперешняго жалкаго положенія и преобразованіе крестьянъ въ полусвободные не улучшитъ ихъ матеріальнаго быта, возродитъ безчисленное

(кромѣ усадьбы и 10 десятинъ), должны были ежегодно: 1) вносить помѣщику 2,200 р., т.-е около 15 руб. съ души (въ имѣніи было всего съ дворовыми 149 душъ м. п.); 2) вывозить изъ лѣсу 100 саж. дровъ; 3) обработывать и убирать 10 дес.; 4) доставлять 1,500 пуд. луговаго сѣна и нѣк. друг. Условіе это, въ видѣ опыта, помѣщикъ желалъ заключить на пять лѣтъ.

[1]) „Чт. Общ. Ист. и Древ Росс." 1863 г. т. I, 221—222, 230—241.

[2]) Безъ сомнѣнія, Александра Вонлярлярскаго, такъ какъ имена и фамиліи остальныхъ приглашенныхъ дворянъ начинаются другими буквами

множество непріязненныхъ столкновеній, которыя могутъ повлечь къ пагубнымъ послѣдствіямъ. Чтобы отвратить всѣ эти неудобства, необходимо: а) чтобы крестьяне съ самаго начала были вовсе отчуждены отъ помѣщиковъ со всею землей, коею они нынѣ пользуются и которая должна поступить въ ихъ собственное потомственное владѣніе: б) чтобы не требовалось отъ нихъ ни одного дня работы на помѣщика иначе, какъ за вольную плату, и в) чтобы они вошли въ общую категорію всѣхъ крестьянъ въ имперіи, безъ различія государственныхъ, удѣльныхъ и прочихъ, и были бы подчинены однимъ со всѣми крестьянами законамъ и общему съ ними управленію". Сдѣлавъ крестьянъ „потомственными владѣльцами или вѣчными арендаторами всей земли", находящейся въ ихъ пользованіи, „полными хозяевами всего ихъ времени", мы вполнѣ достигли бы, по мнѣнію автора, цѣли преобразованія ихъ быта [1]). Что касается размѣра арендной платы, то онъ предлагаетъ взимать со всѣхъ крестьянъ, какъ съ оброчныхъ, такъ и съ состоящихъ на пашнѣ, „вѣчный поземельный оброкъ" по 2 р. 50 коп. съ десятины [2]) и указываетъ на то, что, съ увеличеніемъ народонаселенія и возвышеніемъ вознагражденія за трудъ, эта арендная плата будетъ для нихъ весьма не тяжела [3]).

Чтобы освобожденіе крестьянъ было выгодно не только имъ, а также и помѣщикамъ, чтобы доходъ съ имѣній могъ значительно возрасти, для этого, по мнѣнію Вонлярлярскаго, автора разсматриваемой записки, нужна не только замѣна крѣпостнаго труда вольнонаемнымъ, но и извѣстный капиталъ, безъ котораго невозможны серьезныя улучшенія въ хозяйствѣ. Какимъ же образомъ снабдить такимъ капиталомъ помѣщиковъ? „Въ нынѣшнія вѣкъ образованіе достаточно проникло во всѣ слои общества въ отечествѣ нашемъ, — говоритъ авторъ, — чтобы каждый помѣщикъ понималъ, что не только за предоставленіе человѣку натуральныхъ правъ человѣка, т. е. крестьянину свободы, но и за жилище, большею частью самимъ крестьяниномъ устроенное, не слѣдуетъ помышлять о какомъ либо воз-

---

[1]) Онъ считаетъ необходимымъ, чтобы крестьяне въ первое десятилѣтіе послѣ освобожденія оставались крѣпкими землѣ, не могли переселяться съ прежняго мѣста жительства.

[2]) Эта цифра получена авторомъ на основаніи слѣдующихъ данныхъ: онъ считаетъ среднимъ надѣломъ для барщинныхъ крестьянъ 4 десятины на ревизскую душу или 10 десят. на тягло а такъ какъ самый умѣренный „оброкъ съ тягла равняется 25 руб, то это и составитъ 2 руб 50 коп. съ десятины".

[3]) Дворовыхъ людей, которые не пожелаютъ вступить въ число крестьянъ и получить землю, „по справедливости, слѣдовало бы, по мнѣнію автора отпустить на волю безъ всякаго выкупа, оставляя дѣтей до нѣкотораго возраста въ содержаніи помѣщика по обоюдному соглашенію съ родителями, а ревью и старикъ и увѣчныхъ до конца ихъ жизни Выкупъ можетъ считаться справедливымъ только для тѣхъ изъ дворовыхъ людей, коихъ обученіе какому-нибудь мастерству стоило помѣщику особыхъ издержекъ"

награжденіи отъ крестьянъ или отъ правительства", но, отдавая, вмѣстѣ съ тѣмъ, крестьянамъ пашни, луга и выгоны, принадлежащіе къ ихъ усадьбамъ, помѣщикъ не только теряетъ двѣ трети теперешней цѣнности имѣнія (барщинные крестьяне обыкновенно владѣютъ, по его словамъ, такою частью всей помѣщичьей земли), но и лишается навсегда возможности увеличить доходъ съ уступленной крестьянамъ земли посредствомъ различныхъ хозяйственныхъ операцій. Получивъ, вмѣсто барщинной работы, оброкъ по 25 руб. съ тягла, помѣщики, по мнѣнію автора, не были бы достаточно вознаграждены за уступаемую ими землю, во первыхъ, потому, что уплата этихъ денегъ не вполнѣ обезпечена, а также и потому, что, лишившись навсегда возможности извлекать пользу изъ большей части своего имѣнія (а арендная плата?), помѣщикъ не будетъ имѣть средствъ увеличить доходъ изъ остальной части, обзавестись лошадьми, земледѣльческими орудіями и замѣнить крѣпостной трудъ вольнонаемнымъ. Авторъ полагаетъ, что если помѣщики освободятъ своихъ крестьянъ, надѣлятъ ихъ землею и будутъ получать съ нихъ вознагражденіе деньгами или работою по обоюдному соглашенію, но, при этомъ, должны сами уплачивать лежащіе на имѣніи долги опекунскому совѣту, которые, по его словамъ, составляютъ приблизительно, въ среднемъ по 70 руб. на душу [1]), то „въ непродолжительномъ времени остальныя земли большей части нынѣшнихъ владѣльцевъ перейдутъ за ничтожную цѣну въ руки капиталистовъ", но при такомъ способѣ, самомъ простомъ, не требующемъ никакихъ финансовыхъ мѣръ, эти помѣщики дѣлаются пролетаріями, что совершенно противорѣчитъ желанію, выраженному государемъ смоленскимъ депутатамъ, чтобы преобразованіе быта крѣпостныхъ людей „не причинило никакого ущерба нынѣшнимъ владѣльцамъ земли, чтобы предоставленіемъ человѣку свободы никто не былъ жертвою исполненія этого долга христіанскаго" [2]). Нужны, слѣдовательно, иные способы для осуществленія воли государя.

Финансовая операція, предлагаемая авторомъ, основывается на томъ, что для крестьянина все равно, платить ли опредѣленный оброкъ помѣщику, или уплачивать этимъ оброкомъ процентъ на занятый капиталъ съ погашеніемъ долга. Крестьянскій надѣлъ въ 4 десятины онъ оцѣниваетъ въ смоленской губерніи въ 160 руб. сер. Для введенія въ имѣніяхъ раціональнаго хозяйства нужно, по мнѣнію автора, по 30 руб. на душу; если

---

[1]) Цифра эта совершенно вѣрна. Въ 1856 г., когда были собраны довольно полныя данныя о задолженности помѣщ., среднимъ числомъ по всей Россіи на ревизскую душу въ заложенныхъ имѣніяхъ приходилось по 60 руб. 27 коп. *Хоскинъ*, „Поземельный кредитъ въ Россіи". М. 1882 г., стр. 83.

[2]) Въ письмѣ Фантона-де-Верраіона, гдѣ записаны слова государя, приведенной выше фразы мы не находимъ.

государственныя кредитныя учрежденія выдадутъ помѣщикамъ эту сумму. то вмѣстѣ съ долгомъ опекунскому совѣту это составитъ 100 р. на душу. 6% съ этой суммы составитъ 6 руб. съ души или 15 руб. съ тягла ежегодной платы, посредствомъ которой чрезъ 37 лѣтъ можетъ быть погашенъ весь долгъ Внося ежегодно 10 р. съ тягла въ кредитное учрежденіе для приращенія процентами по банковому разсчету по 4% въ годъ, въ теченіе 12 лѣтъ изъ этихъ 10 р. съ тягла составится капиталъ въ 150 р., т. е. по 60 руб. на душу (въ тяглѣ, среднимъ числомъ, 2½ души). Выдавъ помѣщику вышеупомянутые 30 р. добавочной ссуды, правительство, по прошествіи трехъ лѣтъ, удостовѣряется посредствомъ особыхъ коммиссій, по примѣру Курляндіи, въ томъ, что помѣщики съ пользою затратили эту сумму, и тѣмъ, которые дѣйствительно употребили ее на улучшеніе какой либо отрасли хозяйства, выдаетъ „билетъ" на остальной капиталъ по 60 руб. на душу, который составится чрезъ 12 лѣтъ, а въ противномъ случаѣ удерживаетъ его до „лучшихъ распоряженій" помѣщика или до перехода имѣнія къ наслѣднику или другому владѣльцу. По прошествіи 12 лѣтъ, платимые крестьянами 10 руб. съ тягла, дополнивъ выкупъ земли по 60 руб. на душу, могутъ обращаться вмѣстѣ съ прочими 15 руб. съ тягла на погашеніе займа въ 100 руб. на душу, который, такимъ образомъ, уплатится не въ 37, а въ 25 лѣтъ На всю имперію, на всѣ 10 милліоновъ душъ м. п. помѣщичьихъ крестьянъ добавочной ссуды по 30 руб потребовалось бы всего 300 милліоновъ руб., но изъ этихъ 10 милліоновъ душъ только 5 милліоновъ заложены [1]), а остальные 5 милліоновъ свободны, слѣдовательно, для уравненія съ заложенными слѣдовало бы на эти 5 милліоновъ душъ выдать помѣщикамъ еще по 70 руб., т. е. 350 милліоновъ; такимъ образомъ, на всю имперію потребовалось бы 650 милліоновъ, чтобы приступить къ преобразованію быта помѣщичьихъ крестьянъ во всемъ государствѣ одновременно. Но это, по мнѣнію автора, „во всѣхъ отношеніяхъ невозможно"; удобнѣе вводить преобразованіе ежегодно въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Принявъ, что въ каждой губерніи находится, среднимъ числомъ, по 280 тысячъ душъ помѣщичьихъ крестьянъ и что половина изъ нихъ заложена, придется выдать на всю губернію, по указанному выше разчету, 18.200,000 руб.; „но какъ владѣльцы незаложенныхъ имѣній, — продолжаетъ авторъ, — по настоящее время не нуждались въ этихъ ссудахъ, то, вѣроятно, они и впредь оставятъ причитающіеся имъ за выкупъ земли капиталы въ тѣхъ же кредитныхъ установленіяхъ", а потому въ уплату помѣщикамъ потребовалось бы на одну губернію отъ 4½ до 6 милліоновъ, а на десять губерній въ одинъ годъ — не болѣе 60 милліоновъ

---

[1]) Цифра опять довольно точная: въ 1848 г въ сохранныхъ казнахъ было заложено 1.981.876 душъ и еще въ государственномъ земномъ банкѣ 500,639 душъ. *Хомяковъ* „Поземельный кредитъ въ Россіи", стр. 81.

руб., что вовсе не такъ затруднительно. Такимъ образомъ, освобожденіе всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ совершится въ теченіе 4-хъ или 5-ти лѣтъ. Всѣ владѣльцы получатъ, по прошествіи 12 лѣтъ, полное вознагражденіе за уступленную имъ землю по 160 руб. на душу; всѣ займы по 100 руб. на душу будутъ погашены во всей имперіи по прошествіи 30-ти лѣтъ „и тогда освобожденные крестьяне, вмѣсто того, чтобы вѣчно платить помѣщику положенную поземельную аренду (приблизительно по 2 руб. 50 коп. на десятину), будутъ продолжать платить эту сумму, но уже не помѣщику и не въ кредитное учрежденіе, а въ прямой доходъ казны, что составитъ болѣе 100 милліоновъ руб. сер. въ годъ. Возможно привлечь къ этой операціи и частные банки [1], но для правительства выгоднѣе выдать эти ссуды изъ государственныхъ кредитныхъ установленій, такъ какъ тогда государство ранѣе начнетъ получать указанный выше доходъ съ крестьянъ [2]).

Авторъ этой записки очень хорошо помнитъ объ интересахъ помѣщиковъ, такъ что проектируемый имъ для крестьянъ ежегодный платежъ за землю въ размѣрѣ 2 руб. 50 коп. съ десятины превышаетъ даже тотъ, который былъ установленъ положеніемъ 19 февраля 1861 года [3]), но, тѣмъ не менѣе, его проектъ, который могъ подлежать различнымъ частнымъ измѣненіямъ, былъ явленіемъ весьма замѣчательнымъ для своего времени. Авторъ предлагалъ, во-первыхъ, не ограничить только крѣпостное право, а совершенно покончить съ нимъ посредствомъ выкупной операціи; затѣмъ, въ его трудѣ была и та выгодная для крестьянъ сторона, что онъ не допускалъ (въ противоположность положенію 19 февраля) установленія низшаго размѣра надѣла, а предлагалъ дать всѣмъ крестьянамъ этой мѣстности надѣлъ, равный тому, которымъ крестьяне

---

[1]) „Учрежденіе частныхъ банковъ съ ручательствомъ правительства, — говоритъ авторъ, — по примѣру въ настоящее время учреждаемыхъ въ чужихъ краяхъ, могло бы имѣть и у насъ, въ Россіи, такое же благодѣтельное дѣйствіе, какъ и въ тѣхъ странахъ. Предоставляя этимъ банкамъ пятидесятилѣтній срокъ на погашеніе ссудъ посредствомъ 6% годовой уплаты, нашлись бы капиталы для составленія ихъ. Въ томъ случаѣ могли бы быть приняты такія мѣры, чтобы отвѣтственность въ погашеніи этихъ займовъ лежала на сельскихъ обществахъ; чрезъ то ручательство правительства было бы только моральное или фиктивное".

[2]) „Если бы потребный на эти ссуды капиталъ, — говоритъ авторъ, — превышалъ средства кредитныхъ установленій, то, при выпускѣ новыхъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ, могъ бы потребоваться выпускъ и здѣсь звонкой монеты для увеличенія фондовъ въ соразмѣрности, и въ этомъ случаѣ для правительства выгоднѣе было бы допустить эти ссуды изъ государственныхъ кредитныхъ установленій, нежели предоставить ихъ частнымъ банкамъ" (Неизд. записка Вонлярлярскаго хранится въ отдѣленіи рукописей Румянц. Музея, № 260).

[3]) Въ среднемъ выводѣ, по всей смоленской губ. помѣщичьимъ крестьянамъ приходилось платить выкупныхъ платежей съ каждой десятины удобной земли 1 руб. 62 коп. *Янсонъ.* „Опытъ статист. изслѣд. о крестьян. надѣлахъ", изд. 2-е, прилож., стр. 26.

смоленской губ въ данное время пользуются [1]), между тѣмъ какъ авторы другихъ проектовъ 40-хъ годовъ о выкупѣ крестьянъ на свободу тѣмъ или другимъ способомъ обыкновенно предлагали надѣлить крестьянъ гораздо меньшимъ количествомъ земли.

Оффиціально объявленное желаніе государя, чтобы „частныхъ подписокъ" не производилось и чтобы каждый дѣйствовалъ отдѣльно, руководясь указомъ 2 апрѣля 1842 г., нѣкоторые поняли какъ совершенное прекращеніе этого дѣла. Однако, на съѣздѣ предводителей дворянства въ Смоленскѣ, въ послѣднихъ числахъ мая 1848 г., по дѣлу объ исходатайствованіи продолженія оканчивающихся льготъ на заложенныя имѣнія, губернскій предводитель вновь возобновилъ этотъ вопросъ. Одинъ изъ уѣздныхъ предводителей предложилъ подписать листъ, въ которомъ будетъ 2—3 строки окончательныхъ предположеній, а все предшествующее должно быть составлено кн. Друцкимъ-Соколинскимъ, смотря по обстоятельствамъ. Всѣ нѣсколько минутъ молчали; наконецъ, дорогобужскій предводитель Кононовъ, съ которымъ мы встрѣчались выше, сказалъ: „Вы предлагаете подписать бланкъ: какъ частный человѣкъ, я могу дать его лицу, въ которомъ увѣренъ, и если бы его сіятельству нуженъ былъ бланкъ поручика Кононова, я бы не отказалъ въ немъ, зная, что онъ не употребитъ его во зло, да, конечно, онъ никогда моего бланка и не потребуетъ; но какъ предводитель, я не могу подписывать бланка, потому что не получилъ его отъ дворянства".

Тогда составлено было „заключеніе" объ обязанныхъ крестьянахъ, содержанія котораго мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, но въ строго консервативномъ направленіи котораго нельзя сомнѣваться въ виду того, что было высказано, какъ мы увидимъ ниже, въ представленной правительству запискѣ кн. Друцкаго-Соколинскаго. Подписались всѣ бывшіе на съѣздѣ, кромѣ Кононова. Порѣчскій предводитель дворянства согласился дать свою подпись лишь какъ частное лицо, Кононовъ же не считалъ себя въ правѣ подписывать, какъ предводитель, не зная мнѣнія всего уѣзда, а какъ частный человѣкъ, не желалъ этого сдѣлать потому, что „заключеніе" было несогласно съ его собственнымъ мнѣніемъ. Онъ просилъ кн. Друцкаго-Соколинскаго, если нужна его подпись къ составлен-

---

[1]) Срав. *Инсовъ.* „Опыт. стат. изслѣд. о крестьян. надѣлахъ", изд. 2-е, стр. 16. Крестьянъ съ низшимъ надѣломъ въ губерніяхъ немного (ibid., стр. 30), а какое важное значеніе это имѣетъ при установленномъ положеніемъ 19 февраля дробномъ обратнаго отношенія между размѣромъ надѣла и оброчнымъ платежемъ за него, видно изъ слѣдующаго расчета. Въ южной части порѣчскаго уѣзда, смоленской губ., при высшемъ душевомъ оброкѣ въ 6 руб. и высшемъ душевомъ надѣлѣ въ 4½ дес., крестьяне должны платить, на основаніи „Мѣстнаго великорос. о положеніи", по 1 р. 77 коп. съ десятины, при размѣрѣ надѣла въ три раза меньшемъ, платежъ за каждую десятину будетъ на 88% больше. *Хозяинъ*, стр. 143—144.

ному акту, пріобщить его мнѣніе, поданное имъ 2 февраля (см. выше), но тотъ отвѣчалъ, что сдѣлать этого не можетъ.

По возвращеніи Кононова на его квартиру, вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ одинъ изъ предводителей, Стунѣевъ, и накинулся на него: „Что вы сдѣлали?... Если бы я былъ губернскимъ предводителемъ, я бы обидѣлся“.— „Это ничего не значитъ, - отвѣчалъ Кононовъ. —Не только онъ, вы всѣ можете обижаться: вы подписали, а я нѣтъ“. „Вы будете со всѣми стрѣляться!“ —Однако. Кононовъ остался при своемъ мнѣніи, и дѣло, разумѣется, обошлось безъ кровопролитія

Предъ отъѣздомъ Кононова изъ Смоленска, Друцкой-Соколинскій пригласилъ его къ себѣ и старался убѣдить его, чтобы онъ вмѣстѣ со всѣми другими подписалъ вышеупомянутый актъ: „Подумайте, вы дворянинъ, а дѣйствуете противъ правъ своихъ“. Однако. Кононовъ остался непреклоннымъ и уѣхалъ изъ Смоленска. а недѣли черезъ двѣ послѣ того въ оффиціальномъ письмѣ къ кн. Друцкому-Соколинскому еще разъ объяснилъ свое поведеніе: подписать „заключеніе“ объ обязанныхъ крестьянахъ, не зная мнѣнія дворянъ своего уѣзда (созывать которыхъ съ этою цѣлью ему не было разрѣшено). онъ не считалъ себя въ правѣ, тѣмъ болѣе, что двое изъ нихъ подали вмѣстѣ съ другими мнѣніе. несогласное съ тѣмъ, которое было предложено подписать уѣзднымъ предводителямъ (см. выше мнѣніе 13-ти дворянъ), подписать же какъ частный человѣкъ не хотѣлъ, потому что имѣлъ намѣреніе, на основаніи указа 2-го апрѣля 1842 г., обратить своихъ крѣпостныхъ въ обязанные, хотя и на извѣстныхъ, поставленныхъ имъ правительству условіяхъ, но предложенію его не было дано хода губернскимъ предводителемъ. Въ заключеніе онъ вновь предлагалъ приложить къ акту, подписанному другими уѣздными предводителями, его мнѣніе, поданное 2-го февраля 1848 г. Отвѣта на это письмо онъ не получилъ [1]).

Въ теченіе второй половины 1848 г. кн. Друцкой-Соколинскій изготовилъ записку по вопросу объ обязанныхъ крестьянахъ (она помѣчена 23-го января 1849 г.), затѣмъ отправился въ Петербургъ для представленія Государю и, по пріѣздѣ туда, отправилъ ее въ собственныя руки императора Николая [2]).

---

[1]) „Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1863 г. т. I, стр. 222—223, 241, 242, 254—255.

[2]) Въ письмѣ, при которомъ она была препровождена, Друцкой-Соколинскій говоритъ „По мѣрѣ тщательнаго разсмотрѣнія предмета сего“ смоленскими дворянами, „въ предѣлахъ намъ доступныхъ... мы убѣдились, что въ дѣлахъ такой важности, прежде всего, намъ слѣдовало дѣйствовать съ крайнею осмотрительностью, дабы поспѣшностью и подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, не выставить дѣла въ иномъ видѣ нежели какъ оно есть, и не поставить тѣмъ въ затруднительное положеніе предъ лицомъ монарха цѣлое сословіе. На такомъ основаніи, съ помощію уѣздныхъ предводителей“ и депута-

Записка кн Друцкаго-Соколинскаго посвящена объясненію того, почему *никто* изъ смоленскихъ помѣщиковъ не воспользовался закономъ 2-го апрѣля 1842 г. [1]), какія причины, „отъ нихъ независящія", этому препятствуютъ Первымъ къ тому препятствіемъ является, по мнѣнію автора, нравственное и умственное состояніе народа. „При совершенномъ отсутствіи понятія о взаимной зависимости членовъ гражданскихъ обществъ, говоритъ авторъ,—крестьяне составили себѣ идею о свободѣ, выражая ее словами: *вольность* въ смыслѣ естественнаго права и не имѣя никакого понятія о свободѣ въ смыслѣ гражданскомъ, — свободѣ, облеченной формами гражданской жизни и ограниченной законоположеніями [2])... Притомъ, крестьяне издавна составили себѣ убѣжденіе... что земля, на которой они живутъ и которою только пользуются, если не собственная ихъ, то по крайней мѣрѣ, общая съ помѣщикомъ; по выраженію многихъ, *земля есть Божія*". При такой увѣренности крестьянинъ не будетъ въ состояніи понять, „какимъ образомъ онъ, сдѣлавшись уже не крѣпостнымъ, долженъ быть тѣмъ же работникомъ"; онъ будетъ убѣжденъ, что онъ вольный и что помѣщикъ обманываетъ его, предлагая работать въ пользу землевладѣльца или платить оброкъ. Есть, кромѣ того, и „матеріальныя затрудненія" при заключеніи договора: трудно заранѣе предусмотрѣть всѣ необходимыя условія и согласить интересы крестьянъ и помѣщиковъ. Слишкомъ дорого будетъ стоить размежеваніе между ними земель, заложенныя имѣнія сдѣлаются несостоятельными, такъ какъ кто же можетъ поручиться, что крестьяне, съ уничтоженіемъ вліянія на нихъ помѣщиковъ, будутъ точно исполнять принятыя ими на себя условія? Неисправность крестьянъ можетъ произойти отъ трехъ причинъ: отъ ослушанія, отъ несостоятельности и отъ недостатка сознанія ими гражданскихъ обязанностей по договорамъ Правительство предоставляетъ, въ случаѣ неисправности крестьянъ, обращать въ пользу владѣльца всѣ ихъ произведенія и движимое имущество, за исключеніемъ необходимаго на уплату податей, продовольствіе и посѣвъ, а также орудій и скота для сельскихъ работъ [3]); но у неисправнаго по несостоя-

---

товъ, пріѣзжавшихъ въ Петербургъ въ 1847 г. „и губернскій предводитель, занялся обсужденіемъ сего предмета келейно, отбирая отъ каждаго лица мнѣніе врозь". (Мы видѣли, что въ дѣйствительности было не такъ). „Нынѣ, по соображеніи собранныхъ мнѣній съ настоящимъ положеніемъ смоленской губ." онъ повергаетъ къ стопамъ государя мнѣніе, изложенное въ прилагаемой запискѣ.

[1]) Въ виду этого единодушнаго нежеланія принять вызовъ правительства о заключеніи съ крестьянами договоровъ и былъ особенно непріятенъ Колоновъ, готовый обратить своихъ крѣпостныхъ въ обязанные, хотя и съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ, поставленныхъ имъ правительству условій.

[2]) То же, какъ мы видѣли въ главѣ V, говорилъ и Перовскій въ „запискѣ" 1845 года.

[3]) См. правила 1846 г. въ III главѣ

тельности крестьянина не окажется и рабочаго скота. не говоря уже о хлѣбѣ. Если бы крестьяне не оставались крѣпкими землѣ, чего у насъ, при недостаточности народонаселенія, допустить нельзя, то помѣщикъ, по крайней мѣрѣ, могъ бы удалить изъ своихъ владѣній несостоятельнаго работника, „но при системѣ обязанныхъ крестьянъ и исправный работникъ, поняв, что отъ неисправности по договору онъ ничего не потеряетъ, также можетъ сдѣлаться неисправнымъ“. Потеря рабочаго времени невознаградима для помѣщика. Послѣдствія договоровъ будутъ крайне неблагопріятны и для крестьянъ, и для помѣщиковъ, и для государства. При настоящихъ отношеніяхъ крестьяне, въ случаѣ несчастія, находятъ всегда готовую помощь у своего владѣльца, который оказываетъ ее не только въ видахъ человѣколюбія или вслѣдствіе требованія закона, но изъ прямаго разсчета: при заключеніи же договоровъ ни одинъ помѣщикъ не можетъ принять на себя подобной обязанности. „Помѣщичьи заведенія“ также въ скоромъ времени придутъ въ разстройство. Крестьянинъ, хотя бы и неисправный, не можетъ быть удаленъ съ земли, которою онъ пользуется, слѣдовательно, въ дѣйствительности она его собственность, хотя, по закону, вся земля составляетъ неотъемлемую собственность помѣщика; такимъ образомъ, на дѣлѣ оказывается, что „не крестьянинъ, а помѣщикъ сдѣлался обязаннымъ“. Послѣдствія договоровъ для государственнаго хозяйства будутъ, по мнѣнію кн. Друцкаго-Соколинскаго, самыя ужасныя [1]). Всѣ эти доводы приводятъ, въ концѣ-концовъ, кн. Друцкаго-Соколинскаго къ слѣдующему заключенію [2]): „при данныхъ основаніяхъ къ установленію обязанныхъ крестьянъ измѣненіе нынѣшняго положенія крѣпостнаго состоянія не будетъ имѣть успѣха. Изъ многихъ примѣровъ видно, что даже сами крестьяне, которымъ подобные договоры предлагали ихъ владѣльцы или выѣдывали ихъ мысли объ этомъ предметѣ, добровольно отъ нихъ отказывались, находя настоящее свое положеніе сравнительно лучшимъ. Владѣльцы искренно желали бы пользоваться произведеніями своей земли безъ тяжелой обязанности, весьма правильно возложенной на нихъ закономъ, пещись о своихъ крѣ-

---

[1]) „Количество произведеній съ помѣщичьихъ полей... уменьшится до того, что ихъ не достанетъ не только для отпуска за границу, но и для внутренняго потребленія въ государствѣ: скотоводство и конозаводство уничтожатся: лѣса отъ недосмотра подвергнутся истребленію. сколько нынѣ заведеній, устроенныхъ трудами, вниманіемъ и временемъ Помѣщики лишатся доходовъ... Отъ несостоятельности ихъ земля должна будетъ поступить въ продажу, покупщиковъ не будетъ, имѣнія останутся казенныя или за кредитными установленіями съ убытками какъ для первой, такъ и для послѣднихъ“, и т. д.

[2]) Это „заключеніе“, составляющее особый параграфъ его записки, быть можетъ, и было подписано уѣздными предводителями дворянства на собраніи въ Смоленскѣ, въ послѣднихъ числахъ мая 1848 г.

постныхъ людяхъ. Но, чтобы выйти изъ нынѣшняго положенія необходимо...., чтобы какъ владѣльцы, такъ и крестьяне не зависѣли другъ отъ друга и, не будучи связаны, какъ теперь, нуждались, однако, другъ въ другѣ, каждый въ видахъ собственныхъ интересовъ: помѣщикъ въ работникѣ, крестьянинъ въ землѣ и работѣ. А этого результата можно достигнуть не прежде, какъ когда крестьяне *не будутъ крѣпки землѣ* и будутъ имѣть средство пріобрѣсти недвижимую собственность, безъ чего, конечно, нельзя измѣнить крѣпостнаго состоянія, ибо это несовмѣстно съ пользами государства". Такимъ образомъ, кн. Друцкой-Соколинскій довольно откровенно высказалъ, что безземельное освобожденіе крестьянъ находитъ выгоднѣе вѣчной аренды съ вознагражденіемъ за землю деньгами или работою, которую правительство желало постепенно ввести при содѣйствіи помѣщиковъ [1]).

6 февраля 1849 г. смоленскій губернскій предводитель дворянства представлялся государю. Когда оберъ-камергеръ назвалъ его имя, государь подалъ ему руку со словами: „Благодарю, что написалъ мнѣніе со всею откровенностью. Я его получилъ вчера и сегодня утромъ прочелъ все". —„Государь, при исполненіи высочайше возложеннаго на насъ порученія, — отвѣчалъ кн. Друцкой-Соколинскій, — мы руководствовались долгомъ русскаго дворянства и вѣрноподданнаго Вашего Величества". „Я этого и ожидалъ, — отвѣчалъ императоръ Николай. — Впрочемъ, я тебя еще увижу".

Окружающіе догадались, о чемъ идетъ рѣчь, и, по удаленіи государя, осыпали кн. Друцкаго-Соколинскаго вопросами, на которые онъ нашелъ возможнымъ отвѣчать лишь въ общихъ чертахъ, не считая себя въ правѣ касаться сущности предмета.

Когда на другой день смоленскій предводитель дворянства представлялся принцу Ольденбургскому, его потребовали къ государю. Принявъ его въ своемъ кабинетѣ, императоръ Николай опять подалъ ему руку и сказалъ: „Еще благодарю тебя за откровенно изложенное мнѣніе", и затѣмъ отозвался о смоленскомъ дворянствѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Аудіенція князя Друцкаго-Соколинскаго не ограничилась этимъ, но онъ не передалъ подробностей о ней смоленскимъ дворянамъ въ рѣчи, обращенной къ нимъ по возвращеніи изъ Петербурга; изъ втораго письма его къ государю, приведеннаго ниже, мы увидимъ, что императоръ Николай повелѣлъ ему представить дальнѣйшія соображенія по крестьянскому вопросу [2]). Кн. Друцкой-Соколинскій представлялся также на-

---

[1]) Рукопись Хазикова. Записка кн. Друцкаго-Соколинскаго была напечатана въ „Русской Старинѣ" (1873 г. т. VIII, 914—928), но съ несовсѣмъ исправной копіи.

[2]) „Разговоръ его величества, мнѣ и губернскимъ предводителемъ переданный словесно, писалъ скоро послѣ того Кононовъ,—мнѣ кажется, ясно доказываетъ, что монархъ не оставляетъ своей великой мысли". Чт. Об. И. Д. Р. 1863 г. т. I, 223.

слѣднику цесаревичу и разнымъ высшимъ сановникамъ. Въ бесѣдѣ съ однимъ изъ нихъ (быть можетъ, съ Киселевымъ), вѣроятно, въ отвѣтъ на свои доводы о неудобствахъ закона объ обязанныхъ крестьянахъ, онъ услышалъ слѣдующее: „25 милліоновъ русскихъ подданныхъ состоятъ внѣ закона и управляются по произволу своими помѣщиками; это также одна изъ причинъ, возбуждающихъ вопросъ о преобразованіи ихъ быта". Въ отвѣтъ на это смоленскій предводитель дворянства сослался на рядъ указовъ XVIII и первой половины XIX столѣтія, ограничивающихъ власть помѣщика. „Послѣ всего этого, – продолжалъ онъ, – можно ли допустить мысль, чтобы права помѣщиковъ надъ крестьянами были внѣ закона... Идя такимъ путемъ и дѣйствуя на крестьянина опредѣленіемъ его обязанностей и отношеній къ помѣщику и на будущее время, правительство можетъ дойти, наконецъ, до желаемыхъ результатовъ, не касаясь права собственности помѣщиковъ на земли; отчужденіе же собственности частныхъ людей есть путь неудобоисполнимый и несогласный съ коренною силою закона о правѣ собственности, предоставляющаго владѣльцу располагать своею собственностью по произволу". — „Однако, законъ, – возразили Друцкому-Соколинскому, – предоставляетъ правительству право отчуждать собственность частныхъ людей для общественной пользы, напр., нужно ли проложить дорогу, построить ли церковь и т. п., — потребное количество земли отчуждается отъ владѣльцевъ". — „Правда, но на какомъ основаніи? – отвѣчалъ смоленскій предводитель дворянства. — На правѣ покупки по объявленной владѣльцемъ цѣнѣ или, если цѣна превышаетъ дѣйствительную стоимость земли, то по оцѣнкѣ... Притомъ, для подобныхъ потребностей нужны ничтожныя части земли... Но въ предполагаемыхъ мѣрахъ—отчужденіе уже не отъ частнаго владѣнія, а отъ цѣлаго сословія, и какого сословія! которое пріобрѣло свои права заслугами отечеству. Если каждый владѣлецъ отдѣлитъ землю для крестьянъ, чѣмъ онъ вознаграждается? Обязанностями крестьянъ по договору, но въ исполненіи этого нѣтъ ручательства. Нѣкотораго рода ручательство еще могло бы существовать тогда, ежели бы крестьяне не оставались крѣпкими землѣ. Если уже эмансипація признается необходимою, то прежде всего, должно обсудить, возможны ли переходы крестьянъ съ мѣста на мѣсто, и ежели возможны безъ вреда государственному устройству, то сообразить къ тому и постепенныя мѣры". – „Невозможно же пустить 25 милліоновъ народа нищими безъ всякой собственности", – возразили Друцкому-Соколинскому. – Ежели эмансипацію, – отвѣчалъ послѣдній, — вы предполагаете совершить насчетъ владѣльцевъ земель, то для возможнаго уравненія общественнаго благосостоянія не одни они должны принести жертвы, но, въ такомъ случаѣ, и капиталисты, въ особенности продавшіе свои имѣнія, должны подѣлиться своимъ достояніемъ съ неимущими". На этомъ разговоръ оборвался [1].

[1] Рукопись Хазикова.

11 февраля 1849 г. кн. Друцкой-Соколинскій препроводилъ государю продолженіе своего труда [1]. Здѣсь онъ, прежде всего, задается вопросомъ, нельзя ли для лучшаго достиженія цѣли, которую имѣютъ въ виду, устанавливая договоры между крестьянами и помѣщиками, предоставить первымъ право переходить съ мѣста на мѣсто, и приходитъ къ отрицательному рѣшенію. По его мнѣнію, Западная Европа и Россія создали „двѣ различныхъ системы цивилизаціи, изъ которыхъ нашу нельзя примѣнить къ Европѣ, а европейскую къ намъ“. Въ Западной Европѣ переходъ земледѣльцевъ полезенъ, а у насъ для развитія земледѣлія нужно, „чтобы владѣльцы земли были обезпечены необходимымъ числомъ работниковъ, т. е. чтобы *крестьяне были крѣпки землѣ*“. Указывая далѣе на различныя ограниченія по нашимъ законамъ помѣщичьей власти, авторъ говоритъ, что „въ наше время помѣщичій крестьянинъ потому только и можетъ назваться *крѣпостнымъ*, что онъ, попрежнему, остается крѣпокъ землѣ, а въ отношеніи къ своему помѣщику онъ давно уже, въ силу существующихъ узаконеній, сдѣлался *обязаннымъ* и безъ составленія предполагаемыхъ добровольныхъ договоровъ“. Причинами, породившими мысль о преобразованіи крѣпостнаго права, авторъ считаетъ: 1) желаніе уничтожить мнимое рабство въ Россіи; 2) стремленіе къ развитію промышленности созданіемъ свободнаго труда; 3) частые случаи злоупотребленій помѣщичьею властію, доходящіе до правительства, и 4) желаніе правительства предупредить стремленіе крѣпостныхъ пріобрѣсти свободу, кажущееся въ настоящее время опаснымъ. Авторъ разсматриваетъ каждую изъ причинъ особо и, прежде всего, доказываетъ, что въ Россіи нѣтъ рабства [2]. Развитія промышленности мы, быть можетъ, скорѣе достигли

---

[1] Въ приложенномъ при этомъ письмѣ онъ говоритъ: „По высочайшей волѣ Е. И. В. имѣю счастіе всеподданнѣйше повергнуть къ стопамъ Вашимъ, Государь, приложеніе къ поднесенному В. И. В—ву мнѣнію о договорахъ помѣщиковъ съ крестьянами. Оно написано съ тою же откровенностью, которую великодушный Монархъ столь милостиво благоволили одобрить. Обстоятельства, излагаемыя въ семъ приложеніи, были уже соображены мною съ приглашенными мною предводителями. Они тѣсно связаны съ общимъ предметомъ. Не выходя изъ предѣловъ даннаго намъ В—имъ В—омъ [illegible] вопроса, я не осмѣливался помѣстить ихъ въ мнѣніи, поднесенномъ мною предъ симъ“.

[2] Мысль, господствующая на Западѣ, говоритъ онъ,—что крѣпостные люди въ Россіи составляютъ классъ рабовъ, несправедлива. У насъ крестьяне, въ сущности, не рабы, но настоящіе владѣльцы земли. Они болѣе помѣщика обезпечены тѣмъ участкомъ, которымъ пользуются во владѣніи ихъ землею и безъ права собственности прочнѣе, нежели законныя права помѣщика на все его землю. У насъ много есть имѣній, которыя вслѣдствіе разныхъ несчастныхъ случаевъ, то продажами ли добровольными, или съ публичныхъ торговъ, перемѣняли своихъ владѣльцевъ“ но еще не было примѣра, чтобы за неисправность и даже крестьянина законъ заставилъ сгонять его съ дому, отбирать у него землю, лишать его средствъ къ существованію: крестьяне и нынѣ продолжаютъ пользоваться тою же землею, которою пользовались ихъ предки болѣе 2-хъ вѣковъ назадъ и

бы при свободномъ трудѣ, но при этомъ исчезъ бы надзоръ помѣщиковъ за трудолюбіемъ крестьянъ. Кромѣ того, „образуется невиданный у насъ классъ пролетаріевъ, который съ своими идеями и дѣйствіями принесетъ гораздо болѣе вреда, нежели сколько можно ожидать пользы отъ свободнаго труда. Все это мы видимъ теперь на самомъ дѣлѣ въ государствахъ европейскихъ, гдѣ свободный трудъ развивалъ промышленность и порождалъ либеральныя идеи коммунизма“ (?!). Злоупотребленія помѣщичьею властью—лишь частные случаи, и съ освобожденіемъ крестьянъ дурнаго помѣщика можетъ замѣнить дурной чиновникъ, который вовсе не будетъ беречь крестьянъ, такъ какъ ему все равно, бѣдны они или богаты. Что касается намѣренія предупредить стремленіе крѣпостныхъ къ свободѣ, то авторъ старается внушить правительству опасеніе, что „развитіе новой законодательной системы“ можетъ повлечь „измѣненіе государственное“, т. е. политическія реформы. Наконецъ, авторъ указываетъ на преимущества „системы помѣщичьяго управленія“, благодаря которой помѣщики, соединяя въ своемъ лицѣ власть и административную, и полицейскую, и судебную, отвѣчаютъ предъ правительствомъ за многіе милліоны народа. Въ концѣ-концовъ, кн. Друцкой-Соколинскій признавалъ возможными (очевидно, примыкая, главнымъ образомъ, къ мнѣнію сельнинскаго предводителя дворянства Ступѣева) лишь слѣдующія мѣры относительно крѣпостныхъ крестьянъ: 1) измѣнивъ форму купчихъ крѣпостей, закладныхъ, завѣщаній и т. п., упоминать въ нихъ не о душахъ, а о землѣ, населенной крестьянами; 2) дозволенную закономъ продажу людей по купчимъ безъ раздробленія семействъ на сводъ изъ одного имѣнія въ другое замѣнить иною формою отчужденія въ видѣ переселенія, по взаимному со-

---

на будущее время будутъ пользоваться ихъ потомки. Нашъ нищій, поставленный случайными обстоятельствами въ такое положеніе, есть нищій временный: онъ принадлежитъ къ какому-либо селенію, гдѣ имѣетъ участокъ земли, собственный домъ, въ которомъ съ семействомъ своимъ раздѣляетъ свое, хотя скудное достояніе, чрезъ нѣкоторое время онъ трудами и пособіями отъ владѣльца поправляетъ свое хозяйство и дѣлается, по прежнему, домовитымъ; но помѣщикъ, однажды лишившійся своего достоянія, остается навсегда безъ куска хлѣба. Нашъ нищій—*богачъ* предъ нищими другихъ европейскихъ государствъ и не позавидуетъ его жребію; тамъ нищій не имѣетъ никакой собственности, ни даже надежды пріобрѣсти ее когда-нибудь, тамъ конечно пролетаріи пользуются *правомъ пріобрѣсти собственность*, но никогда ничего пріобрѣсти не могли, и *свободно часто бѣдствовать и умирать съ голоду* по необезпеченію никѣмъ ихъ жизненныхъ потребностей вслѣдствіе *свободнаго же права владѣльцевъ земель не обращать на нихъ вниманія*. Въ Европѣ если работникъ не заплатитъ въ срокъ за землю или не исполнитъ иной обязанности, по какой бы то причинѣ ни было, владѣлецъ имѣетъ право прогнать его съ своей земли, не заботясь о немъ, если онъ и не имѣетъ средствъ къ существованію. У насъ крѣпостное право хотя и существуетъ, но оно основано на такихъ законоположеніяхъ, которыми крѣпостные люди ограждены и обезпечены въ своемъ быту существенно и прочно“.

гласію вотчинниковъ, особыми актами; 3) для предупрежденія злоупотребленія помѣщичьею властью и наблюденія за добросовѣстнымъ управленіемъ вотчинами, учредить уѣздныя дворянскія управы, подъ предсѣдательствомъ предводителя и двухъ членовъ, по выбору дворянства.

По возвращеніи въ Смоленскъ, Друцкой-Соколинскій произнесъ въ присутствіи мѣстнаго дворянства рѣчь въ которой было не мало цвѣтовъ краснорѣчія но почти никакихъ фактическихъ данныхъ о бесѣдѣ съ государемъ и другими сановниками по крестьянскому вопросу (см. выше). Сообщивъ лестный отзывъ государя о смоленскомъ дворянствѣ, Друцкой-Соколинскій посовѣтовалъ своимъ слушателямъ слѣдовать „доблестному примѣру“ предковъ „и научать дѣтей и внуковъ нашихъ понимать, какое великое звено дворянинъ-помѣщикъ въ нашемъ государственномъ благоустройствѣ, какъ важны лежащія на немъ обязанности, съ какою заботливостью онъ долженъ ихъ исполнять для славы и пользы нашего любезнаго отечества; такъ, между прочимъ, прибавилъ онъ,—изволилъ мнѣ объяснить государь императоръ“. Выслушавъ рѣчь своего предводителя, дворяне отправились вмѣстѣ съ нимъ въ соборъ и, безъ сомнѣнія, горячо поблагодарили Бога за то, что опасность ограниченія крѣпостнаго права благополучно миновала.

Въ половинѣ марта 1849 года кн. Друцкой-Соколинскій нашелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго о своемъ разговорѣ въ Петербургѣ съ сановникомъ, столкнувшимъ за измѣненіе быта крѣпостныхъ крестьянъ, который мы привели выше. Согласно съ желаніемъ Перовскаго, чтобы ему сообщались копіи со всего адресованнаго въ собственныя руки государя, Друцкой-Соколинскій, во время своего пребыванія въ Петербургѣ, сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ копіи съ извѣстныхъ намъ записокъ, представленныхъ имъ императору Николаю, а теперь довелъ до свѣдѣнія Перовскаго даже содержаніе вышеупомянутаго разговора, „полагая — говоритъ онъ въ письмѣ къ нему,— *что сказанныя мнѣ слова могутъ быть повторены при обсужденіи представленнаго мною государю императору мнѣнія*“ [1]).

Записки кн. Друцкаго-Соколинскаго въ концѣ марта 1849 года были переданы, по повелѣнію государя императора, въ комитетъ, учрежденный въ іюнѣ 1848 г., для разсмотрѣнія необходимыхъ измѣненій въ порядкѣ продажи дворянскихъ имѣній съ публичныхъ торговъ и исполненія указа 8 ноября 1847 года о дозволеніи крестьянамъ выкупаться при этомъ на свободу. Гр. Киселевъ, бывшій членомъ этого комитета, составилъ опроверженіе на записки смоленскаго предводителя дворянства [2]), но комитетъ

---

[1]) Рукопись Халикова.

Ее можно найти въ Арх. М. Г. И. въ дѣлѣ V Отд. Соб. Е. В. Канц., № 967, л. 281 — 295, но все существенное извлечено изъ него *Заблоцкимъ-Десятовскимъ*, т. II, 285—289.

не разсматривалъ ни этихъ записокъ, ни возраженій Киселева, и потому мы не будемъ останавливаться на этихъ послѣднихъ [1]).

Идеи, высказанныя кн. Друцкимъ-Соколинскимъ въ его запискахъ, вызвали сочувствіе большинства смоленскихъ дворянъ, которымъ онъ ихъ сообщалъ: однимъ изъ представителей несогласнаго съ нимъ меньшинства былъ, какъ мы знаемъ, помѣщикъ Кононовъ. Въ началѣ апрѣля 1849 г. Кононовъ попытался въ запискѣ, препровожденной имъ государю императору и посвященной, главнымъ образомъ, вопросу о средствахъ прекратить обѣдпѣніе дворянства, предложить нѣкоторыя мѣры и относительно крѣпостныхъ крестьянъ. Указавъ на то, что разореніе нашихъ помѣщиковъ было вызвано удобствомъ получать деньги изъ банковъ подъ залогъ имѣній, онъ совѣтуетъ учредить „общество сохраненія достоянія потомства". Обязанности членовъ состоятъ, между прочимъ, въ томъ, что они и ихъ семейства должны носить однообразный, не измѣняемый модою нарядъ, выбранный каждымъ по своему желанію, вести образъ жизни, соотвѣтственный своему состоянію, т. е. не имѣть дворовыхъ болѣе положеннаго числа, держать не болѣе опредѣленнаго количества лошадей и экипажей: они не могутъ пріобрѣтать недвижимыхъ имѣній съ крѣпостнымъ правомъ на людей; не менѣе $^1/_{10}$ доходовъ они должны откладывать въ семейный капиталъ въ кредитное учрежденіе и, когда онъ возрастетъ до цѣнности имѣнія, владѣлецъ его обязанъ предоставить свободу своимъ крѣпостнымъ съ надѣленіемъ ихъ по 2 дес. земли на ревизскую душу мужскаго пола [2]).

---

[1]) Н. А. Соловьевъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ: „Князь Друцкой, который былъ обласканъ государемъ..., считалъ себя чуть не спасителемъ отечества, приписывая себѣ, а не волненіямъ въ западной Европѣ, прекращеніе всякаго движенія крестьянскаго вопроса. По возвращеніи въ Смоленскъ, онъ разсказывалъ дворянамъ объ успѣхѣ своей поѣздки въ Петербургъ и отслужилъ въ соборѣ благодарственный молебенъ. Государь узналъ объ этомъ и до своей смерти не могъ простить этого Друцкому. Министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ о назначеніи его губернаторомъ, чего онъ такъ желалъ, но государь написалъ противъ фамиліи Друцкаго — „болтунъ", такъ что желаніе его попасть въ губернаторы не исполнилось не прежде, какъ послѣ смерти имп. Николая". „Рус. Старина" 1881 г., т. XXX 219—220. Срав. неудачную попытку кн. Друцкого-Соколинскаго устроить всероссійскій дворянскій молебенъ по случаю 25-лѣтія царствованія имп. Николая. „Рус. Стар." 1887 г., № 11, стр. 490—492.

[2]) „Выгоды" членовъ общества должны были состоять въ слѣдующемъ: 1) члены общества имѣютъ право на пособія отъ правительства, а именно уменьшеніе и разсрочку платежей кредитнымъ учрежденіямъ, добавленіе ссуды до суммы противъ оцѣнки имѣнія съ оставленіемъ въ залогѣ только 6 дес. на душу и освобожденіемъ отъ него прочей земли; 2) они платятъ лишь половину всѣхъ изъ существующихъ государственныхъ оныя сестей; 3) имѣютъ преимущество при помѣщеніи ихъ дѣтей въ казенныя заведенія, 4) имѣнія членовъ не подвергаются публичной продажѣ, а, въ случаѣ надовленія долга, берутся въ опеку до тѣхъ поръ, пока долги не будутъ приведены въ прежній порядокъ.

Наивный проектъ Кононова, который, несмотря на признаніе авторомъ вреднаго дѣйствія ссудъ изъ кредитныхъ учрежденій на благосостояніе дворянства, начинался просьбою объ увеличеніи этихъ ссудъ, не былъ, разумѣется, принятъ; его возвратилъ автору статсъ-секретарь у принятія прошеній кн. А. Н. Голицынъ, съ совѣтомъ обратиться съ этими предположеніями „къ тому начальству, до разсмотрѣнія коего предметъ ихъ относится". Кононову осталось неизвѣстнымъ, доводили ли его проектъ до свѣдѣнія государя [1])

Изложивши, такимъ образомъ, все то, что намъ извѣстно относительно обращенія правительства къ содѣйствію смоленскаго дворянства въ дѣлѣ ограниченія крѣпостнаго права, мы видимъ, что эта попытка не привела рѣшительно ни къ какимъ практическимъ послѣдствіямъ для помѣщичьихъ крестьянъ [2]).

Въ концѣ 1847 г., вопросъ объ измѣненіи быта крѣпостныхъ едва не былъ возбужденъ и среди рязанскаго дворянства [3]). Осенью этого года мѣстный богатый землевладѣлецъ, А. П. Кошелевъ, задумалъ на предстоявшихъ въ декабрѣ дворянскихъ выборахъ въ Рязани сдѣлать предложеніе относительно упорядоченія отношеній помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ. Съ этою цѣлью онъ написалъ рѣчь къ дворянамъ, въ которой, между прочимъ, говоритъ: „и православная наша вѣра, и просвѣщеніе, все болѣе и болѣе распространяющееся, безусловно требуютъ измѣненія въ крѣпостномъ правѣ.. *Теперь*, именно *теперь* должно заняться симъ дѣломъ... откладывать оное столь же неудобно, сколько и опасно, и... всякая холодность дворянства въ семъ случаѣ можетъ имѣть для него самыя неблагопріятныя послѣдствія". Государь предоставилъ помѣщикамъ заключать условія о переводѣ крестьянъ въ обязанные и объ освобожденіи дворовыхъ, а, между тѣмъ, дворянство не исполняетъ вызова правительства. Если въ изданныхъ по этому предмету законахъ есть неудобоисполнимыя постановленія, то, вѣдь, дворянство имѣетъ право совѣщаться о своихъ нуждахъ и въ важныхъ случаяхъ обращаться къ государю со всеподданнѣйшими прошеніями. Главнѣйшая причина бѣдственнаго положенія дворянскихъ имѣній заключается, по мнѣнію Кошелева, въ „неопредѣленности и нетвердости отношеній къ крестьянамъ". Барщинный трудъ составляетъ „всегдашній камень преткновенія" для великихъ хозяйственныхъ улучшеній. Необходимо „совершенно выдѣлить свою собственность.., а въ крестьянахъ возбудить дѣятельность выгодами труда собственно для нихъ самихъ". Если правительство само присту-

---

[1]) Ч. О. И. и Д. Р. 1863 г., т. I, 223—224, 244—252, 255—256.

[2]) Срав. *Самарина*, Сочиненія, т. II, 69—70.

[3]) О томъ, что многіе дворяне рязанской губ. понимали необходимость освобождения крестьянъ, см. статью *Славутинскаго* въ „Дѣло" и Нов. Рос." 1878, № 9, стр. 45—4

шить къ рѣшенію этого вопроса то оно издастъ общія правила, и тогда многіе изъ помѣщиковъ понесутъ невознаградимые убытки. Въ заключеніе Кошелевъ предлагалъ испросить высочайшее соизволеніе на составленіе комитета изъ двухъ депутатовъ отъ каждаго уѣзда для выработки проекта мѣръ къ „узаконенію отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ" рязанской губерніи.

Когда Кошелевъ показалъ свое предложеніе губернскому предводителю дворянства, тотъ пришелъ въ ужасъ и объявилъ, что безъ разрѣшенія изъ Петербурга не рѣшится передать его на обсужденіе дворянства; пришлось обратиться по этому дѣлу къ министру внутреннихъ дѣлъ. Препровождая къ нему въ октябрѣ 1847 г. проектъ своей рѣчи, Кошелевъ писалъ о себѣ, что онъ „не молодой мальчикъ, но 42 хъ лѣтній человѣкъ, не теоретикъ, а хозяинъ, постоянно живущій въ деревнѣ и ревностно занимающійся своимъ хозяйствомъ, и, наконецъ, не безпріютный, ищущій въ перемѣнахъ улучшенія своего состоянія, но человѣкъ, имѣющій нынѣ въ своемъ владѣніи... 3,500 ревизскихъ душъ м п.". Причинами того, что законъ объ обязанныхъ крестьянахъ остается мертвою буквою, онъ считалъ опасеніе неисполненія условій и требованіе закона о заключеніи вѣчныхъ договоровъ (въ которыхъ однако же, замѣтимъ отъ себя, дозволялось дѣлать измѣненія съ обоюднаго согласія) съ предварительнымъ утвержденіемъ правительства. Перовскій отвѣчалъ Кошелеву, что докладывалъ о его предложеніи государю, который нашелъ неудобнымъ допустить составленіе комитета для обсужденія положенія дворянскихъ имѣній въ рязанской губерніи и опредѣленія отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ; если же самъ авторъ предложенія, продолжалъ министръ, обратилъ бы своихъ крестьянъ въ обязанные, то это было бы вполнѣ согласно съ желаніями государя и „подало бы поощрительный примѣръ для другихъ владѣльцевъ". Кошелевъ этимъ приглашеніемъ не воспользовался [1]).

---

[1]) „Записки А. И. Кошелева". Берл. 1884, 64—65, прил. стр. 8—8.

ГЛАВА VII.

Отношеніе общества къ закону о правѣ крестьянъ выкупаться на свободу при продажѣ имѣній съ публичнаго торга.—Секретный комитетъ 1848 г.—Рѣчь государя депутатамъ петербургскаго дворянства.—Записка Норова и новый секретный комитетъ.—Записка неизвѣстнаго автора.—Волненіе крестьянъ.—Отзывы управляющихъ казенными палатами о послѣдствіяхъ закона 8 ноября 1847 г.—Обсужденіе этого дѣла въ секретномъ комитетѣ и отмѣна закона 1847 г.

Законъ 8 ноября 1847 г. о правѣ крестьянъ выкупаться при продажѣ имѣній съ публичныхъ торговъ вызвалъ самые жаркіе дебаты еще до его обнародованія, во время окончательнаго обсужденія проекта указа въ государственномъ совѣтѣ [1]); немудрено, что и послѣ его изданія онъ возбудилъ въ обществѣ немало толковъ. Такъ какъ они дошли до свѣдѣнія государя, то онъ повелѣлъ гр. Блудову заняться изысканіемъ средствъ для предупрежденія распространенія этихъ толковъ и успокоенія взволнованныхъ умовъ [2]). 15 января 1848 г. гр. Блудовъ представилъ государю свой докладъ, въ которомъ говоритъ, что дарованіе крестьянамъ права выкупа, причемъ правительство имѣло въ виду облегчить постепенное освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, ни въ чемъ не измѣняетъ существующихъ отношеній, а, между тѣмъ, нѣкоторые видятъ въ этомъ указѣ „лишь новое доказательство, такъ сказать, новый симптомъ желанія, намѣреній правительства ограничить власть и

---

[1]) См. гл. V.

[2]) За нѣсколько дней до представленія гр. Блудовымъ доклада по этому дѣлу, гр. Киселевъ представилъ Императору Николаю французскій переводъ статьи: „Русское законодательство относительно крестьянъ", напечатанной въ „Прусской Газетѣ", съ подписью A. von H. и, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежавшей перу бар. Августа Гакстгаузена. Въ этой любопытной статьѣ, проникнутой большимъ сочувствіемъ къ Россіи, какъ и всѣ сочиненія этого автора, онъ, между прочимъ, говоритъ о законѣ, предоставившемъ крестьянамъ право выкупа при публичныхъ торгахъ „кто знаетъ чрезвычайную подвижность поземельной собственности въ Россіи, также какъ и ту легкость, съ которою деревенскія общины достаютъ деньги, тотъ не станетъ отрицать огромной важности этого закона для постепеннаго освобожденія" крѣпостныхъ крестьянъ. Арх. М. Г. Им. Дѣло V Отд. Соб. Е. В. Канц. № 199, т. III, л. 490.

права помѣщика", наконецъ, „дошли до того, что утверждаютъ, будто, вслѣдствіе сихъ постановленій, многіе крестьяне, по собственному разсчету или наущенію людей злонамѣренныхъ", не будутъ платить оброка и вообще исполнять своихъ обязанностей относительно владѣльца, „въ надеждѣ лишить его средствъ уплачивать долги свои" и, вызвавъ, такимъ образомъ, продажу имѣнія, выкупиться на свободу. Гр. Блудовъ доказываетъ, что это совершенно невозможно, и помѣщики, и крестьяне очень хорошо знаютъ, что всегда есть способы на довольно продолжительное время пріостановить продажу имѣнія съ аукціона, что въ это время можно употребить самыя строгія мѣры для взысканія оброка, что помѣщикъ имѣетъ право перевести недоимщиковъ на барщину, а если они откажутся исполнять ее, то это будетъ признано возмущеніемъ и порядокъ возстановятъ посредствомъ военной экзекуціи и наказаній, опредѣленныхъ уголовными законами. Вообще существующіе законы совершенно достаточны для поддержанія повиновенія крестьянъ, и потому, по мнѣнію Блудова, нѣтъ надобности, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ случаѣ ни дополнять узаконенія, ни даже напоминать о нихъ. Онъ полагалъ, что было бы „осторожнѣе и согласнѣе съ достоинствомъ правительства" секретно предписать начальникамъ губерній объ особомъ наблюденіи чрезъ предводителей дворянства и земскую полицію, чтобы не распространялись неосновательныя мысли и толки и чтобы, въ случаѣ малѣйшаго неисполненія крестьянами ихъ обязанностей, принимались всѣ предписанныя закономъ мѣры для прекращенія безпорядковъ. Такой циркуляръ, если его секретно сообщить также и предводителямъ дворянства, успокоитъ помѣщиковъ".

Государь повелѣлъ разсмотрѣть замѣчанія и предположенія, изложенныя въ докладѣ гр. Блудова, въ особомъ комитетѣ, который, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта гр Орлова, долженъ былъ состоять изъ Киселева, министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, министра юстиціи гр. Панина и гр. Блудова. Гр. Киселевъ, соглашаясь вообще съ мнѣніемъ Блудова о неосновательности опасеній, вызванныхъ указомъ 8 ноября 1847 г., полагалъ, что правительству не слѣдуетъ пока принимать никакихъ мѣръ по этому поводу, а ожидать послѣдствій, въ случаѣ же какого-либо неповиновенія, вызваннаго этимъ указомъ, употребить всѣ мѣры строгости для пресѣченія безпорядковъ и объявить по всѣмъ губерніямъ, „какъ о примѣрѣ, долженствующемъ обратить на себя вниманіе и всю бдительность мѣстнаго начальства". По всей вѣроятности, съ этимъ мнѣніемъ Киселева согласился и комитетъ, которому было поручено государемъ разсмотрѣть записку гр. Блудова, такъ какъ въ это время никакихъ мѣръ со стороны правительства по поводу указа 8 ноября принято не было [1]).

[1]) Арх. М. Г. И., дѣло V Отд. Соб. Е. В. Канц. № 902, л. 7–20.

Отчасти, въ виду опасеній, возбужденныхъ среди извѣстной части дворянъ указомъ 8 ноября 1847 г., а также и подъ вліяніемъ февральской революціи 1848 г., государь, принимая депутатовъ петербургскаго дворянства 21 марта 1848 г., пожелалъ успокоить помѣщиковъ относительно неприкосновенности ихъ правъ на землю, хотя, въ тоже время, не могъ не признать, что положеніе крѣпостныхъ незавидно. Переходя въ своей рѣчи къ вопросу о бытѣ крестьянъ, императоръ Николай сказалъ: „Необходимо обратить особенное вниманіе на ихъ благосостояніе. Нѣкоторыя лица приписывали мнѣ по сему предмету самыя нелѣпыя и безразсудныя мысли и намѣренія. Я ихъ отвергаю съ негодованіемъ Когда я издалъ указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, то объявилъ, что вся безъ исключенія земля принадлежитъ дворянину-помѣщику. Это вещь святая и никто къ ней прикасаться не можетъ. Но я долженъ сказать съ прискорбіемъ, что у насъ весьма мало хорошихъ и попечительныхъ помѣщиковъ, много посредственныхъ и еще болѣе худыхъ [1]), а при духѣ времени, кромѣ предписаній совѣсти и закона, вы должны для собственнаго своего интереса заботиться о благосостояніи ввѣренныхъ вамъ людей и стараться всѣми силами снискать ихъ любовь и уваженіе Ежели окажется среди васъ помѣщикъ безнравственный или жестокій, вы обязаны предать его силѣ закона. Нѣкоторые русскіе журналы дозволили себѣ напечатать статьи, возбуждающія крестьянъ противъ помѣщиковъ и вообще неблаговидныя, но я принялъ мѣры, и этого впредь не будетъ“ [2]).

Однако, нарушеніе закона о правѣ крестьянъ выкупаться на свободу не прекратилось; крѣпостники не могли примириться даже съ этою въ высшей степени скромною мѣрою въ пользу крестьянъ Въ маѣ мѣсяцѣ 1848 г. тульскій предводитель дворянства В. А. Поровъ подалъ государю записку „о необходимыхъ измѣненіяхъ въ порядкѣ продажи дворянскихъ имѣній съ публичныхъ торговъ и въ порядкѣ исполненія указа 8 ноября 1847 г.“. Нужно замѣтить, что, по свидѣтельству просвѣщеннаго совре-

---

[1]) Срав. слѣдующее примѣчаніе.

„Русская Старина“ 1883 г., т. 38, стр. 585 Нужно замѣтить, впрочемъ, что мы имѣемъ эту рѣчь не въ официальномъ спискѣ, а въ записи по памяти одного изъ депутатовъ. Въ „Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія“ (Берл. 1860 г. I, 76–77) напечатанъ очевидно, варіантъ той же рѣчи, хотя она и отнесена тамъ къ концу 1848 г Приведемъ отсюда нѣкоторыя мѣста. „Съ горестью однако же я долженъ сказать, что изъ 50 дворянъ я считаю 15 очень хорошихъ, 25 посредственныхъ, а 10 негодныхъ... Въ послѣднее время распустили слухи о какой-то эмансипаціи. Эта мысль и самые толки объ ней нелѣпы“.. Намъ случилось видѣть и иную редакцію этой рѣчи. Напечатанное въ „Русскомъ Архивѣ“ 1881 г. кн. 3, стр. 181) изложеніе рѣчи имп. Николая относится, повидимому, къ тому же представленію депутатовъ петербургской губерніи, хотя они и отмѣчены тамъ къ маю 1851 г. Манифестъ о событіяхъ въ западной Европѣ былъ изданъ 11 марта 1848 г. См. П. С. З. т. XXIII, 22087

менника, Норовъ былъ извѣстенъ за помѣщика, „весьма сурово, если не жестоко, обращавшагося со своими крестьянами, извлекавшаго изъ нихъ все, что можно было извлечь безотчетною барщиною“ [1]). Въ запискѣ своей Норовъ утверждалъ, что крестьяне, при продажѣ съ публичныхъ торговъ помѣщичьихъ населенныхъ имѣній, „подстрекаемые людьми неблагонамѣренными“ и „увлекаясь несбыточными мечтами будущаго“, чтобы добыть деньги, необходимыя для выкупа, распродаютъ въ теченіе 30-ти дневнаго срока не только скотъ и большую часть движимаго имущества, но даже и строенія, и, такимъ образомъ, разоряютъ себя и уменьшаютъ цѣну продаваемыхъ имѣній, что, въ свою очередь, понижаетъ „кредитъ дворянскій“, а, между тѣмъ, „всякое потрясеніе дворянскаго капитала разливается на всѣ отношенія между всѣми сословіями и на отношенія сословій къ правительству по уплатѣ денежныхъ повинностей“. Для поддержанія „дворянскаго кредита“ Норовъ предлагалъ, не измѣняя главной цѣли указа 8 ноября 1847 г., сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ порядкѣ его исполненія. Просроченныя имѣнія неисправныхъ плательщиковъ онъ совѣтовалъ отдавать въ завѣдываніе особыхъ уѣздныхъ посредническихъ коммиссій подъ предсѣдательствомъ предводителей дворянства; въ случаѣ назначенія имѣнія въ продажу, коммиссія вызываетъ нѣсколькихъ старшихъ крестьянъ, объявляетъ имъ о срокѣ продажи и количествѣ долга, объясняетъ дарованное указомъ право выкупа имѣнія съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ желанія имъ воспользоваться, они посылали отъ себя не болѣе двухъ довѣренныхъ лицъ къ торгамъ въ кредитное учрежденіе, къ которымъ они допускаются наравнѣ съ прочими покупателями. Записку эту, составленную крайне тенденціозно и преслѣдовавшую лишь эгоистическіе, дворянскіе интересы, государь, по принятому имъ въ дѣлахъ, касающихся крѣпостнаго права, обыкновенію, повелѣлъ разсмотрѣть въ особомъ комитетѣ, состоявшемъ подъ предсѣдательствомъ наслѣдника цесаревича изъ генералъ-адъютантовъ графовъ Орлова и Левашева, Перовскаго, Киселева, министра финансовъ Вронченко и статсъ-секретаря Гофмана.

Въ засѣданіи комитета 23 іюня 1848 г. были прочитаны замѣчанія его членовъ на записку Норова. Гр. Перовскій заявилъ, что все, что въ ней говорится о вредѣ отъ нынѣшняго исполненія указа 8 ноября 1847 г., справедливо и совершенно основательно. Гр. Орловъ писалъ: „Предложеніе тульскаго губернскаго предводителя дворянства нельзя не признать заслуживающимъ по многимъ обстоятельствамъ особеннаго вниманія правительства... Постановленіе 8 ноября, изъ ложно понимаемой крестьянами цѣли, можетъ только повести къ разрушенію послѣдней ихъ связи

[1]) У всего послѣ 19 февраля 1861 г. были столкновенія съ крестьянами. *Зибликій-Десятовскій*, II, 302.

съ помѣщиками и склонныхъ къ мятежу и неповиновенію заставить злонамѣренно доводить дворянскія имѣнія до невольной несостоятельности, разрушая умышленно ихъ благосостояніе неплатежемъ податей, невзносомъ оброковъ, тайнымъ расхищеніемъ имуществъ, скота, лѣсовъ и проч.". Однимъ словомъ, въ мнѣніи Орлова мы находимъ буквальное повтореніе тѣхъ неосновательныхъ толковъ, которые гр. Блудову приходилось опровергать въ докладѣ, представленномъ государю 15 января 1848 г. Не всѣ, однако, члены особаго комитета симпатизировали взглядамъ Норова: такъ, статсъ-секретарь Гофманъ высказалъ, что учрежденіе посредническихъ коммиссій не удержитъ дворянскихъ имѣній отъ продажи съ публичнаго торга, чего, главнымъ образомъ, желаетъ Норовъ. Наиболѣе же энергичнымъ противникомъ высказанныхъ тульскимъ предводителемъ взглядовъ явился гр. Киселевъ, этотъ главный боецъ николаевской эпохи за постепенное ограниченіе крѣпостнаго права; въ своей запискѣ онъ очень умно опровергъ всѣ доводы Норова.

Киселевъ указываетъ, прежде всего, на то, что тульскій предводитель дворянства имѣетъ въ виду двоякую цѣль: поддержаніе дворянскихъ родовъ и кредита и отвращеніе безпорядковъ среди крестьянъ при объявленіи имъ о правѣ выкупа въ 30-ти дневный срокъ. Предлагая, съ цѣлью поддержанія дворянъ-должниковъ, учрежденіе посредническихъ коммиссій, Норовъ, въ концѣ концовъ, все-таки, переходитъ къ продажѣ ихъ имѣній, въ случаѣ несостоятельности, съ публичнаго торга, съ тою только разницею противъ нынѣшняго порядка, что вмѣсто объявленія крестьянамъ о послѣдне-состоявшейся цѣнѣ, предполагается приглашать ихъ самихъ къ участію въ торгахъ „Первая мѣра, т.-е. учрежденіе посредническихъ коммиссій,—говоритъ Киселевъ, есть ни что иное, какъ учрежденіе опекъ. Этого одного довольно, чтобы усомниться въ успѣхѣ подобнаго установленія, ибо дворянскія опеки существуютъ и почти изъ тѣхъ же лицъ, изъ какихъ предполагаются посредническія коммиссіи, но опытъ убѣдилъ, что имѣнія, состоящія подъ опекою, не процвѣтаютъ, а еще болѣе разстраиваются". Вторая мѣра — приглашеніе крестьянъ къ участію въ торгахъ едва ли не увеличитъ безпорядки, о которыхъ говоритъ тульскій предводитель дворянства. Теперь, по его словамъ, крестьяне, желая откупиться въ 30-ти дневный срокъ, продаютъ не только скотъ и движимое имущество, но часто и самыя строенія и, такимъ образомъ, совершенно разстраиваютъ свое состояніе. Но если, вмѣсто 30-ти дневнаго срока, дать крестьянамъ право приготовиться къ участію въ торгахъ, о которыхъ публикація производится обыкновенно за три мѣсяца, то въ продолженіе этого времени они будутъ имѣть еще болѣе возможности распродать имущество, и, кромѣ того, теперь объявляются крестьянамъ окончательныя цѣны, болѣе или менѣе для нихъ недоступныя, но когда, вмѣсто того, имъ будутъ объявлять предварительныя оцѣнки, обыкно-

венно весьма низкія, то у нихъ скорѣе явится надежда выкупиться за умѣренную цѣну. Слѣдовательно, неудобства, на которыя указываетъ тульскій предводитель дворянства, не уменьшатся, а увеличатся. Доказавъ, такимъ образомъ, полную несостоятельность предложеній Норова, Киселевъ признавалъ, однако, что, при существованіи крѣпостнаго права, указъ 8 ноября 1847 г. не могъ не произвести нѣкоторыхъ неудобствъ, неразрывныхъ со всякимъ новымъ постановленіемъ. Но въ чемъ состоятъ эти неудобства и какія мѣры слѣдуетъ принять для ихъ предотвращенія,—это должно изслѣдовать „съ правительственной точки зрѣнія, иначе, если основываться на частныхъ свѣдѣніяхъ и предположеніяхъ, то весьма легко, отвращая одно неудобство... впасть въ другое, гораздо сильнѣйшее".

Выслушавъ мнѣнія своихъ членовъ, комитетъ призналъ, что „сколь ни благодѣтельна и ни справедлива цѣль указа 8-го ноября 1847 г.", но исполненіе этой мѣры „представляетъ важныя неудобства и затрудненія. Съ одной стороны, нѣтъ сомнѣнія, что весьма незначительное число помѣщичьихъ крестьянъ воспользуется предоставленнымъ имъ правомъ, ибо взносъ въ 30-ти дневный срокъ всей цѣны имѣнія для нихъ почти невозможенъ, а, съ другой, возбужденное въ нихъ сильное желаніе сдѣлаться свободными и затѣмъ отчаяніе въ случаѣ неудачи естественно приводятъ ихъ къ такимъ дѣйствіямъ, которыя разстраиваютъ ихъ собственное благосостояніе на долгое время и нарушаютъ общественное спокойствіе". Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣры, предложенныя тульскимъ предводителемъ дворянства, комитетъ призналъ неудовлетворительными. Онъ нашелъ справедливыми замѣчанія гр. Киселева, что посредническія коммиссіи тѣ же опеки, которыя и до того времени управляли имѣніями, предназначавшимися кредитными учрежденіями къ продажѣ. Относительно второй мѣры, т. е. допущенія крестьянъ продаваемыхъ помѣщичьихъ имѣній къ публичнымъ торгамъ на общемъ основаніи, комитетъ напомнилъ, что правительство имѣло уже это въ виду при изданіи указа 8-го ноября но мѣра эта была отвергнута на томъ основаніи, что крестьяне, подстрекаемые желаніемъ освободиться отъ помѣщичьей власти и кредиторами, для которыхъ выгодно возвышать сколько возможно цѣну продаваемыхъ имѣній, будутъ предлагать на торгахъ такія суммы, которыхъ имѣніе не стоитъ и которыхъ они не въ состояніи выплатить. Какія же мѣры слѣдуетъ принять для отвращенія неудобствъ, оказывающихся при исполненіи указа 8-го ноября? Отмѣна его и возстановленіе прежняго порядка продажи съ публичныхъ торговъ дворянскихъ имѣній были бы, по мнѣнію комитета, „едва ли не самымъ прямымъ и дѣйствительнымъ средствомъ"; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ выразилъ убѣжденіе, что „колебанія правительства въ распоряженіяхъ, касающихся самаго необразованнаго класса въ государствѣ, можетъ имѣть самыя вредныя послѣдствія", и потому необ-

ходимо прежде точно опредѣлить невыгодныя послѣдствія указа 8 ноября. Съ этою цѣлью комитетъ нашелъ необходимымъ отложить рѣшительное обсужденіе возбужденнаго запискою Норова вопроса на полгода, предоставивъ, между тѣмъ, министрамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ собрать необходимыя свѣдѣнія. Но, въ то же время чтобы до наступленія будущаго года уменьшить сколько возможно поводъ къ безпорядкамъ, происходившимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ неправильнаго толкованія крестьянами указа 8 ноября, комитетъ нашелъ полезнымъ облегчить пріобрѣтеніе продающихся съ публичныхъ торговъ помѣщичьихъ имѣній въ казну, не отмѣняя, однако же, этого указа [1]. 14 іюля 1848 г. государь утвердилъ предположенія комитета.

Такимъ образомъ, окончательное рѣшеніе вопроса относительно указа 8 ноября 1847 г. рѣшено было отложить до начала 1849 г. Но въ концѣ октября 1848 г. государемъ была получена записка неизвѣстнаго автора: „О возмутительныхъ началахъ, развивающихся въ Россіи вслѣдствіе новаго распоряженія, предоставляющаго крестьянамъ права выкупа пріобрѣтеніемъ достоянія прежнихъ ихъ владѣльцевъ“. Записка эта начиналась такъ:

„Хотя доселѣ число имѣній, въ коихъ крестьяне воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ выкупа, совершенно незначительно, тѣмъ не менѣе, волненіе, произведенное въ умахъ крестьянъ, распространяется съ неимовѣрною быстротою по всей Россіи. Новый указъ передается между крестьянами по слухамъ о томъ, что нѣкоторымъ изъ нихъ будто бы предлагаютъ свободу и что за какой-то единовременный денежный взносъ не только освобождаютъ навсегда отъ оброка, но даже отдаютъ въ полную собственность лѣса, угодья и жилища ихъ владѣльцевъ. Сначала крестьянамъ казалось неправдоподобнымъ, чтобы гнилая власть, которой они подлежали изъ рода въ родъ, вдругъ могла уничтожиться, и притомъ, такъ, что и достояніе владѣльцевъ ихъ сдѣлается ихъ собственностью. Но скоро они увидѣли исполненіе всего этого на самомъ дѣлѣ. Примѣры праздности и пьянства, какъ первые шаги своеволія, являются между крестьянъ, сдѣлавшихся владѣльцами дворянскаго достоянія. И тѣ добродушные крестьяне, которые еще недавно съ полною довѣренностью къ своимъ родовымъ владѣльцамъ отказывались отъ полученія свободы на правахъ обязанныхъ крестьянъ, нынѣ соблазняются вновь предоставленною приманкою къ вольности. Они соблазняются безначаліемъ, праздностью и возможностью владѣть достояніемъ дворянскимъ безъ платежа за опое податей. Долго ли русскій народъ устоитъ противъ такихъ сильныхъ соблазновъ? Но еще не тутъ останавливается зло: простодушный русскій народъ пріучается къ коварству заговоровъ. Теперь крестьяне имѣютъ законный поводъ совѣщаться между собою о средствахъ къ освобожденію себя отъ власти помѣщиковъ, о способахъ пріобрѣтать ихъ достояніе, и такимъ, повидимому, законнымъ образомъ народу преподаются уроки коммунизма: о выгодахъ уничтоженія властей и раздѣленія ихъ богатствъ. Враги общественнаго порядка уже нашептываютъ ему что разо

[1] О пріобрѣтеніи имѣній въ казну мы будемъ говорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ и потому опускаемъ пока предположенія комитета по этому вопросу.

реніе помѣщиковъ не есть теперь ало; теперь оно, законнымъ только образомъ, передастъ въ руки народа ихъ земли и достоянія; что при обдуманномъ передѣніи, общемъ условленномъ воровствѣ сговорившихся крестьянъ, никакое, даже благоустроенное имѣніе не избѣгнетъ отъ разоренія. Скоро дворянскія достоянія, а съ ними помѣщичья власть, это звено, соединявшее народъ съ государемъ, совершенно изчезнетъ. Кому неизвѣстно, что сила и спокойствіе государства русскаго заключаются въ томъ, что народъ въ помѣщикахъ видитъ выраженіе власти царской, а въ царѣ — земнаго бога? Какъ врагамъ Россіи не завидовать такому простому и твердому устройству государственному? Они поняли, что, только разрушивъ эту общую связь, они могутъ поколебать престолъ и имперію".

Указавъ затѣмъ на то, что уже приходилось прибѣгать къ вооруженной силѣ для усмиренія волненій, вызванныхъ указомъ 8 ноября, авторъ сопоставленіемъ съ французской революціей 1848 г. намекаетъ, куда могутъ привести эти волненія. „Предъ глазами всѣхъ,—говоритъ онъ.—кровавый мятежъ, грозящій гибелью всей Европѣ; онъ возникъ тамъ, гдѣ давно уничтожена помѣстная власть дворянства, гдѣ раздроблена поземельная собственность. Неужели господь прогнѣвался на Россію и попуститъ врагамъ увлекать ее по тѣмъ же гибельнымъ стезямъ? Нѣтъ, великъ Богъ земли русской! — не совсѣмъ погибла надежда. Государь силенъ возстановить спокойствіе умовъ своего народа, взволнованнаго соблазномъ своеволія". Вся эта шумиха фразъ, яко бы проникнутыхъ патріотизмомъ и заботою о благѣ Россіи, а, въ сущности, преслѣдующихъ эгоистически-сословные дворянскіе интересы, заканчивается предложеніемъ постановить, чтобы, взамѣнъ продажи съ публичнаго торга населенныхъ имѣній „со всѣми вредными ея послѣдствіями" (такая продажа, конечно, была весьма непріятна для помѣщиковъ), кредитныя учрежденія, не назначая вовсе торговъ, послѣ 6-ти мѣсяцевъ просрочки передавали такія имѣнія въ вѣдомство государственныхъ имуществъ, которое обязано будетъ уплачивать кредитный долгъ на общемъ основаніи 36-ти лѣтнихъ займовъ, а владѣльцевъ отобранныхъ имѣній вознаграждать за излишнюю ихъ цѣнность сравнительно съ выданною изъ кредитныхъ учрежденій суммою.

Государь приказалъ обсудить эту записку въ томъ же комитетѣ, который разсматривалъ записку тульскаго предводителя Норова, пригласивъ къ участію въ его занятіяхъ принца Ольденбургскаго и графа (впослѣдствіи князя) Чернышева на мѣсто умершаго гр. Левашова. Въ засѣданіи комитета 11 декабря 1848 г. были прочитаны замѣчанія его членовъ на записку неизвѣстнаго. Кн. Чернышевъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій заявили, что они признаютъ справедливость опасеній автора относительно вредныхъ для дворянства послѣдствій указа 8 ноября 1847 года, но мѣру, имъ предложенную, т. е. передачу имѣній владѣльцевъ, несостоятельныхъ въ уплатѣ долговъ кредитнымъ учрежденіямъ, въ вѣдомство государственныхъ имуществъ, всѣ члены комитета нашли неудобною.

Гр. Киселевъ подробно и обстоятельно опровергъ записку неизвѣстнаго. Между прочимъ, онъ доказывалъ, что правительство не имѣетъ средствъ покупать всѣ имѣнія, продающіяся по несостоятельности ихъ владѣльцевъ предъ кредитными учрежденіями, такъ какъ, по его вычисленію, за ежегодно продающіяся 50,000 душъ правительству пришлось бы одного добавочнаго вознагражденія владѣльцамъ (за вычетомъ банковой ссуды) уплачивать по 5 милліоновъ руб сер. Далѣе Киселевъ говоритъ: цѣль записки неизвѣстнаго, какъ и записки Порова, „состоитъ въ огражденіи дворянскихъ фамилій; но сочинитель въ предположеніи своемъ самъ разрушаетъ эту цѣль. Нынѣ изъ 50,000 душъ, публикуемыхъ въ продажу, пріобрѣтается казною до 3,500 душъ, остальныя покупаются дворянами или большею частью остаются за прежними владѣльцами, вслѣдствіе уплаты подлежащей части во время публикаціи", а по предложенію автора записки, всѣ 50,000 душъ должны непремѣнно поступить въ казну тотчасъ по просрочкѣ льготнаго времени. „Такимъ образомъ, говоря объ огражденіи дворянства, сочинитель проекта, въ то же время, уничтожаетъ его постепеннымъ лишеніемъ или уменьшеніемъ недвижимой дворянской собственности". Такимъ образомъ, было доказано, что неизвѣстный авторъ, защищавшій исключительно дворянскіе интересы подъ видомъ стремленій къ благу отечества, слишкомъ близоруко отнесся даже и къ выгодамъ своего сословія. Комитетъ, выслушавъ замѣчанія своихъ членовъ, нашелъ, что предложеніе, изложенное въ запискѣ неизвѣстнаго, принято быть не можетъ, и это заключеніе было утверждено государемъ 19 декабря 1848 г.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1848 года Киселевъ предписалъ управляющимъ палатами государственныхъ имуществъ доставить свѣдѣнія о безпорядкахъ, происходившихъ въ ихъ губерніяхъ при объявленіи продающимся съ торговъ помѣщичьимъ крестьянамъ закона о правѣ выкупа: при этомъ было приказано, обративъ вниманіе на всѣ обстоятельства, сопровождавшія исполненіе указа 8 ноября 1847 г., представить „безпристрастныя соображенія" какъ о причинахъ безпорядковъ, такъ и о мѣрахъ къ ихъ устраненію Подобное же предписаніе министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ къ предводителямъ дворянства.

Наиболѣе сильное волненіе указъ 8 ноября вызвалъ въ имѣніи Дружинина въ тверской губ. Двое крестьянъ этого помѣщика явились въ Петербургъ, подали государю просьбу о дозволеніи всей ихъ вотчинѣ выкупиться на волю на основаніи указа 8 ноября 1847 г. Государь приказалъ отправить ихъ на мѣсто жительства въ сопровожденіи чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ, которому было предписано, при содѣйствіи мѣстнаго начальства, строго внушить всѣмъ прочимъ крестьянамъ Дружинина, что указъ 8 ноября на нихъ не распространяется, такъ какъ они были пріобрѣтены ихъ новымъ владѣльцемъ до его изданія, а потому

должны находиться въ полной покорности [1]). По прибытіи на мѣсто чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ присутствіи вице-губернатора, уѣздныхъ предводителей дворянства и земскихъ исправниковъ, собравъ крестьянъ Дружинина, старался объяснить имъ неосновательность ихъ просьбы и необходимость повиноваться новому владѣльцу. Но крестьяне, въ числѣ 300 человѣкъ, единодушно закричали, что они за помѣщикомъ быть не хотятъ и повиноваться ему не станутъ, хотя бы пришлось вытерпѣть всякія истязанія и даже ссылку въ Сибирь, въ чемъ и дали другъ другу клятву. Такъ какъ дальнѣйшія убѣжденія не дѣйствовали, то губернаторъ командировалъ для усмиренія крестьянъ цѣлый батальонъ солдатъ и самъ отправился на мѣсто происшествія съ губернскимъ предводителемъ дворянства и жандармскимъ штабъ-офицеромъ. По докладу о томъ императору Николаю былъ командированъ по высочайшему повелѣнію флигель-адъютантъ полковникъ Демидовъ, но крестьяне не вѣрили, что онъ прибылъ отъ государя и, несмотря на увѣщанія священника въ теченіе цѣлаго дня, остались непреклонными. Затѣмъ имъ пришло на мысль, что Демидовъ присланъ для объявленія имъ вольности, и они намѣревались силою отнять у него воображаемый указъ объ ихъ освобожденіи. Наконецъ, не видя возможности убѣдить крестьянъ, Демидовъ приказалъ баталіону солдатъ окружить ихъ и наказывать по одиночкѣ до тѣхъ поръ, пока всѣ не изъявятъ покорности: такимъ образомъ, было наказано 54 человѣка и многіе изъ нихъ, по словамъ оффиціальнаго донесенія, весьма сильно. Затѣмъ учреждена была по высочайшему повелѣнію военно-судная коммиссія, по приговору которой 5 человѣкъ, признанныхъ главными зачинщиками, опредѣлено было прогнать сквозь строй [2]).

Значительные безпорядки, усмиренные только съ помощью военной силы были также въ одномъ имѣніи харьковской и въ одномъ рязанской губ.

Въ тамбовской губ., по донесенію управляющаго мѣстною казенною палатою, „безпорядки при объявленіи помѣщичьимъ крестьянамъ, запроданнымъ съ публичныхъ торговъ, о цѣнѣ, за какую они могутъ выкупиться, происходятъ, по крайней мѣрѣ, явно, не вездѣ, а только въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, и преимущественно въ большихъ и значительныхъ". Главнѣйшіе же обнаружились въ борисоглѣбскомъ уѣздѣ въ имѣніи Докукиной, гдѣ крестьяне не повиновались новой владѣлицѣ, въ усманскомъ уѣздѣ въ имѣніи князя Голицына, изъ котораго по-

---

[1]) Крестьяне полагали, что указъ этотъ можетъ имѣть обратное дѣйствіе на томъ основаніи, что въ самомъ началѣ его есть ссылка на прежній указъ 1824 г.

[2]) Причиною упорства крестьянъ, кромѣ неправильнаго пониманія указа 8 ноября, были также, какъ оказалось, отпускныя, выданныя нѣкоторымъ крестьянамъ послѣ ихъ продажи прежнимъ помѣщикомъ Мельгуновымъ, за что послѣдній, а также и другія лица, оговоренныя крестьянами въ подстрекательствѣ ихъ къ неповиновенію, были преданы суду. „Матеріалы для исторіи крѣпостнаго права (Отчеты министра внутреннихъ дѣлъ)", стр. 188—190.

сылали ходатаевъ въ Петербургъ съ просьбою объ облегченіи имъ выкупа, и въ тамбовскомъ уѣздѣ въ имѣніи Полетики, гдѣ неповиновеніе крестьянъ поставленнымъ надъ ними властямъ „простерлось до буйства". Въ первомъ изъ этихъ трехъ имѣній было менѣе ста душъ, во второмъ почти двѣсти, въ третьемъ около пятисотъ Безпорядки состояли, по словамъ управляющаго тамбовскою казенною палатою, въ томъ, что, во-первыхъ, крестьяне обращались къ „несвѣдущимъ и неблагомыслящимъ" людямъ съ просьбами „наставлять и руководить ихъ", во-вторыхъ, производили тайные самовольные денежные сборы на плату руководителямъ, на поѣздки и посылки къ нимъ и въ другія мѣста, затѣмъ они прекращали сельско-хозяйственныя работы, распродавали запасы и имущество не только не лишніе, но даже необходимые, не повиновались вотчиннымъ начальникамъ, а отчасти и общимъ властямъ и, наконецъ, дозволяли себѣ „грубости, насилія и буйство", какъ это было въ имѣніи Полетики.

О крестьянахъ тульской губерніи управляющій мѣстною казенною палатою донесъ, что безпорядки при объявленіи закона о правѣ выкупа происходили лишь въ немногихъ имѣніяхъ, а именно изъ 30-ти продаваемыхъ вотчинъ въ 3-хъ селеніяхъ помѣщика Темяшева и въ одномъ Лихарева, да и тамъ не было „открытаго возмущенія, сопряженнаго съ насиліемъ", а только „неповиновеніе владѣльцамъ и ослушаніе властямъ". Крестьяне сельца Свиридова, веневскаго уѣзда, узнавъ, по смерти своего владѣльца Темяшева, о назначеніи ихъ въ продажу, не захотѣли повиноваться его женѣ, бывшей сперва крѣпостною, и отправили одного изъ своихъ односельцевъ въ Петербургъ съ прошеніемъ на высочайшее имя объ отсрочкѣ выкупа на нѣсколько лѣтъ, но челобитчикъ былъ высланъ обратно на родину, а съ нимъ прибылъ и чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, губернатору было поручено самому внушить крестьянамъ несбыточность ихъ желаній. Несмотря на то, они подали новую просьбу, въ которой, обвиняя власти въ злоупотребленіяхъ, молили, чтобы государь оказалъ имъ милосердіе и велѣлъ отобрать ихъ въ казну. Когда послѣ того главные зачинщики были подвергнуты строгому наказанію, крестьяне принуждены были безпрекословно повиноваться новой владѣлицѣ. Другой подобный случай былъ въ каширскомъ имѣніи Лихарева, гдѣ крестьяне, также „возмечтавъ", что для выкупа на волю имъ дана будетъ отсрочка, подали о томъ прошеніе и въ ожиданіи отвѣта перестали повиноваться помѣщику, но исправникъ, подвергнувъ виновныхъ тѣлесному наказанію, водворилъ порядокъ [1]).

Въ орловской губерніи было неповиновеніе въ одномъ имѣніи. Въ калужской губерніи, по сообщенію губернскаго предводителя дворянства въ министерство внутреннихъ дѣлъ, указъ 8 ноября 1847 г. подалъ поводъ лишь къ нѣкоторымъ „недоразумѣніямъ и безпокойствамъ", особенно между крестьянами медынскаго и мещовскаго уѣздовъ помѣщика Мякуласва, которыхъ купила г-жа Воейкова. Они подавали государю прошеніе объ отсрочкѣ взноса выкупныхъ денегъ, но императоръ Николай приказалъ препроводить его къ губернатору, съ тѣмъ, чтобъ онъ лично вразумилъ крестьянъ, что ихъ просьба неосновательна.

Гр. Киселевъ на основаніи свѣдѣній, полученныхъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, заявилъ въ своей запискѣ о послѣдствіяхъ указа 8 ноября, представленной секретному комитету въ началѣ января 1849 г., что, по свѣдѣніямъ, имъ полученнымъ изъ 38-ми губерній въ

---

[1]) Кромѣ того замѣчено было упорство крестьянъ Страхова и Огарева дать отзывъ о томъ, что они не могутъ внести выкупную сумму въ 30-ти дневный срокъ

33-хъ безпорядковъ не было и крестьяне, отказываясь отъ выкупа, „съ покорностью подчинялись своей участи“; а министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій въ началѣ февраля, на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ губернаторовъ и губернскихъ предводителей дворянства, сообщилъ комитету, что изъ 266 имѣній, продававшихся съ публичнаго торга, безпорядки вслѣдствіе указа 8 ноября 1847 г. произошли въ 14-ти имѣніяхъ. но они, главнымъ образомъ, состояли въ подачѣ крестьянами просьбъ о пособіяхъ для выкупа и въ упорствѣ дать подписку какъ объ объявленіи имъ условій выкупа, такъ и о томъ, что впредь не будутъ подавать не дѣльныхъ просьбъ; дѣйствительное же неповиновеніе помѣщикамъ или „установленнымъ властямъ“ оказалось только всего въ 6-ти имѣніяхъ, изъ которыхъ въ трехъ (въ тульской, рязанской и харьковской губерніяхъ) для усмиренія крестьянъ нужно было употребить военную силу.

Гр. Киселевъ требовалъ отъ управляющихъ казенными палатами свѣдѣній и о причинахъ безпорядковъ; подробнѣе другихъ на выясненіи ихъ остановился управляющій тульскою палатою. По мнѣнію его, безпорядки возникали какъ вслѣдствіе неправильнаго пониманія крестьянами указа 8 ноября, такъ и „отъ самаго существа указа“. Къ превратному пониманію этого закона, говоритъ онъ, крестьяне „увлекаются мыслію. что если правительство предоставляетъ имъ возможность посредствомъ выкупа освободиться изъ крѣпостнаго состоянія“ и, слѣдовательно, „само находитъ его для нихъ тягостнымъ“, то невѣроятно, чтобы срокъ выкупа ограничивался однимъ только мѣсяцемъ: они полагаютъ, что при невозможности для нихъ внести откупную сумму въ теченіе 30 дней правительство не только будетъ готово дать продолжительную отсрочку или дозволить продать или заложить угодья, но даже, въ случаѣ надобности, внесетъ за нихъ всѣ деньги: а къ тому же еще являются люди, готовые изъ корыстныхъ видовъ поддерживать ихъ въ неправильномъ пониманіи закона. Что касается самой сущности его, то, по мнѣнію управляющаго тульскою казенною палатою, одно уже право выкупа, предоставляемое указомъ 8 ноября 1847 г., „при общемъ недостаткѣ между помѣщичьими крестьянами денежныхъ къ тому способовъ“. неизбѣжно вызываетъ безпорядки: вслѣдствіе злоупотребленій помѣщичьей власти у крестьянъ весьма естественно является желаніе воспользоваться предоставляемою имъ закономъ свободою, а, между тѣмъ, почти всѣ они не имѣютъ возможности внести выкупъ въ 30-ти дневный срокъ [1].

---

[1] „Разсматривая дѣйствія нашихъ помѣщиковъ, говоритъ управляющій тульскою палатою, – съ прискорбіемъ должень сознаться, что весьма немногіе изъ нихъ, при кроткомъ и благоразумномъ управленіи крестьянами, не подаютъ имъ повода тяготиться ихъ состояніемъ, а, напротивъ того, большая часть владѣльцевъ .. обременяетъ ихъ безвременно тяжелыми работами“, лишаетъ возможности „заработывать достаточное

Управляющій московскою казенною палатою Ринкевичъ, находившійся передъ тѣмъ въ тульской губ. и знакомый хорошо съ условіями нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей, полагалъ, что почва для волненій крѣпостныхъ была уже ранѣе подготовлена.

„Мысль объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостнаго владѣнія, - говоритъ онъ, — мелькала по временамъ еще до 1842 г., но съ изданіемъ указа объ обязанныхъ крестьянахъ эта мысль пробѣжала по всей Россіи. Не понимая настоящаго смысла узаконенія 1842 г. очень естественно, что крестьяне, такъ сказать, мѣряли его на свой аршинъ, смекали по своимъ понятіямъ и при дѣйствіи подстрекателей, которыхъ разсѣяно всюду множество въ лицахъ приказныхъ, изъ службы выгнанныхъ, и грамотныхъ бездомовыхъ мѣщанъ, этой язвы всѣхъ сословій, неправильныя понятія крестьянъ взволновались еще болѣе“ Затѣмъ нѣкоторые помѣщики сами повинны въ томъ, что въ умахъ крестьянъ укоренилась надежда на близость свободы. „Забывъ руководство, указомъ 1842 г данное, эти помѣщики стали выдумывать проекты, слагать предположенія, но не о томъ, чтобы дать своимъ собственнымъ крестьянамъ опредѣленный бытъ и неизмѣняемый порядокъ управленія, основанный на прочныхъ, опытомъ дознанныхъ, данныхъ, но о какомъ то общемъ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ одной или нѣсколькихъ губерній. За ними вслѣдъ появились такіе изобрѣтатели, которые прикладяли (sic) освобожденіе крестьянъ всей Россіи, всѣхъ сословій: помѣщичьихъ, заводскихъ, удѣльныхъ, дворцовыхъ, государственныхъ имуществъ и даже казаковъ, татаръ и инородцевъ степныхъ губерній Хотя всѣ эти разнородныя идеи облекались въ многоразличныя формы, такъ сказать, полукедейно, но собственное самолюбіе быть преобразователями отечества невольно заставляло изобрѣтателей читать свои незрѣлые проекты пріятелямъ, знакомымъ: толковъ и разсказовъ было много, споровъ и возраженій еще болѣе Слѣдовательно, эти

пропитаніе для своего семейства, не говоря уже объ удовлетвореніи желанія улучшить свой бытъ, „и, сверхъ того, нерѣдко изъ одного каприза подвергаетъ жестокимъ наказаніямъ безъ разбора правато отъ виновнаго, к которому весьма естественно, что помѣщичьи крестьяне, испытывая все это надъ собою и теряя, наконецъ, силы отъ несоразмѣрнаго труда, сопряженнаго со всѣми лишеніями въ жизни, полагаютъ все свое благо единственно въ томъ, чтобы воспользоваться свободою: они не разсуждаютъ объ условіяхъ закона, но видятъ въ немъ одну только возможность освободиться отъ бѣдности, труда и наказаній . Съ этою мыслію крестьяне готовы жертвовать всѣмъ, способны на всѣ безпорядки, лабы изыскать только средства освободиться отъ власти помѣщиковъ; но всѣ ихъ усилія по большей части .. должны.. оставаться безъ всякаго успѣха“. Управляющій воронежскою палатою находитъ также весьма понятнымъ желаніе крестьянъ выкупиться Помѣщики, прежде нежели допустятъ свое имѣніе до продажи, извлекаютъ изъ него все, что возможно, и это дѣлается „съ значительнымъ утѣсненіемъ крестьянъ“, которые, хорошо помня перенесенное ими тяжелое время, опасаются, что новый владѣлецъ захочетъ какъ можно скорѣе возвратить употребленныя на пріобрѣтеніе имѣнія деньги и будетъ продолжать ихъ разорять. „Несмотря на всѣ попытки помѣщиковъ противъ управленія государственныхъ имуществъ и разстройства крестьянъ, состоящихъ въ его вѣдѣніи, продолжаетъ управляющій воронежскою палатою,—разоренный видъ дворовъ, недостатокъ бодрости духа и претерпѣваемыя ими лишенія при помѣщичьемъ владѣніи доказываютъ явное преимущество первыхъ передъ послѣдними“.

мечтательныя предположенія не могли остаться тайной; напротивъ того, они стали переходить изъ устъ въ уста, отъ одного сословія къ другому, въ измѣняемыхъ каждымъ видахъ, въ превратныхъ и переголкованныхъ словахъ, возбуждая большую часть помѣщиковъ справедливыми опасеніями. Наконецъ эти искаженные толки не могли не коснуться болѣе или менѣе помѣщичьихъ крестьянъ, но коснулись ихъ понятливости только въ томъ, что будетъ свобода, что правительство ея требуетъ, но что не всѣ помѣщики еще согласны исполнить намѣреніе правительства. Словомъ сказать, въ иныхъ губерніяхъ умы помѣщичьихъ крестьянъ встревожены, въ постоянномъ недоумѣніи, будто чего-то ожидая".

При такомъ настроеніи умовъ послѣдовалъ указъ 8 ноября, и за нимъ начались объявленія крестьянамъ о правѣ выкупа; предполагая, что ихъ ожиданія исполняются, они не разъ были вводимы въ заблужденіе неопредѣленною формою объявленія.

Успѣшному примѣненію закона 8 ноября 1847 года, прежде всего, мѣшалъ недостатокъ средствъ у помѣщичьихъ крестьянъ[1]). Тамъ, гдѣ желаніе выкупиться на свободу было особенно сильно, крестьянамъ, не имѣющимъ денегъ, приходилось добывать ихъ на самыхъ тяжелыхъ и обременительныхъ для себя условіяхъ. По словамъ управляющаго тамбовскою палатою, крестьяне закладываютъ принадлежащія къ запроданнымъ имѣніямъ земли какимъ нибудь капиталистамъ, почти всегда купцамъ, причемъ готовы принимать на себя самыя тяжелыя обязательства, а именно обработку заложенныхъ и навсегда уступленныхъ земель въ продолженіе многихъ лѣтъ — до десяти и болѣе, разныя другія работы, невыгодные взносы натурою и стѣснительныя условія въ случаѣ неустойки, такъ что „если бы гдѣ нибудь такія сдѣлки состоялись, то крестьяне, выйдя изъ владѣнія помѣщичьяго, перешли бы въ гораздо обременительнѣйшее пользованіе купцовъ, которое они сами называютъ кабалою, и, конечно, не безъ основанія, потому что, отрѣзавши заимодавцу лучшія свои земляныя угодья, за оставленіемъ двухъ десятинъ на каждую мужскую ревизскую душу, чѣмъ они никакъ обходиться не могутъ они вѣчно были

---

[1]) По свидѣтельству управляющаго смоленскою палатою государственныхъ имуществъ, „при всеобщемъ разстройствѣ имѣній, крестьяне столь бѣдны, что о выкупѣ и помышлять не могутъ". Управляющій воронежскою палатою предсказывалъ, что желающихъ выкупиться будетъ весьма мало „по недостатку способовъ". По словамъ управляющаго екатеринославскою палатою, „трудно ожидать, чтобы по екатеринославской губерніи, какъ и по другимъ, ей подобнымъ, крестьяне хоть одного помѣщичьяго имѣнія, особенно значительнаго, воспользовались правомъ, предоставленнымъ имъ указомъ 8 ноября... Здѣсь нѣтъ ни одного такого имѣнія, которое вполнѣ состояло бы на оброкѣ, а почти всѣ крестьяне отбываютъ половину въ надѣльцамъ своимъ трехдневною, а иногда и продолжительнѣйшею работою. Для собственнаго же хозяйства своего надѣляются землею въ количествѣ самомъ ограниченномъ, даже и въ такихъ имѣніяхъ, которыя землею слишкомъ богаты. Оттого здѣшнимъ помѣщичьимъ крестьянамъ невозможно разбогатѣть до такой степени, чтобы они въ состояніи были выкупать себя въ полномъ составѣ имѣній... безъ денежнаго пособія отъ правительства".

бы обязаны нанимать бывшую свою, необходимую для нихъ, землю у тѣхъ, кому она перешла, платя за нее работою, несомнѣнно тяжелѣйшею противъ прежней барщины".

Въ донесеніяхъ, полученныхъ министромъ государственныхъ имуществъ, мы находимъ также указанія на недостатки закона 8 ноября. По мнѣнію управляющаго тамбовскою казенною палатою должно принести большой вредъ дозволеніе отчуждать изъ выкупаемаго имѣнія всю землю свыше 2-хъ десятинъ на ревизскую душу, потому что при такомъ малоземельи крестьяне „никакъ безбѣдно существовать не могутъ" и чрезъ самое короткое время потребуютъ отъ правительства надѣла землею или переселенія въ дальнія, многоземельныя губерніи. Сверхъ того, разрѣшеніе отчуждать земли „можетъ вовлекать крестьянъ въ самыя невыгодныя для нихъ сдѣлки, которыя на весьма продолжительное время отравляли бы имъ и ихъ потомству свободу отъ владѣнія помѣщичьяго, смѣненнаго стѣснительнѣйшею зависимостью отъ новыхъ владѣльцевъ проданной ими земли".

На основаніи всѣхъ доставленныхъ въ министерство государственныхъ имуществъ свѣдѣній, гр. Киселевъ составилъ въ началѣ января 1849 г. записку „о послѣдствіяхъ указа 8 ноября 1847 г", въ которой поставилъ себѣ цѣлью объяснить: 1) правда ли, что выкупающіеся крестьяне разоряютъ себя продажею движимаго имущества, скота и строеній, какъ замѣтилъ тульскій губернскій предводитель дворянства; 2) правда ли, что между выкупившимися крестьянами распространяются праздность пьянство и своеволіе; 3) въ какой степени можно вѣрить заявленію, что при допущеніи права выкупа на свободу народъ пріучается къ коварству, заговорамъ и проч.; 4) въ какой степени распространяются безпорядки по губерніямъ и въ чемъ они состоятъ. По полученнымъ въ министерствѣ свѣдѣніямъ оказалось, что въ то время крестьяне окончательно выкупились только въ двухъ мѣстахъ: 11 душъ въ костромской губ. помѣщика Блудова и 118 душъ въ тульской—Темяшева; въ обоихъ случаяхъ, при объявленіи имъ цѣны, они изъявили готовность внести состоявшуюся за нихъ на торгахъ сумму и уплатить ее въ срокъ. Насчетъ крестьянъ помѣщика Темяшева дѣйствительно распространились слухи, что они распродали все свое имущество, но посланный туда чиновникъ нашелъ ихъ въ удовлетворительномъ состояніи и донесъ, что недостающую для выкупа сумму они получили отъ жены бывшаго надъ ихъ имѣніемъ опекуна, сосѣдняго помѣщика, съ обязательствомъ выплатить ее работою и взносомъ деньгами по 300 руб. въ годъ. Управляющій мѣстною палатою послѣ того донесъ, что выкупившіеся крестьяне отличаются хорошею нравственностью и трудолюбіемъ и что никакихъ безпорядковъ при выкупѣ не было. Крестьяне помѣщика Блудова, въ числѣ 11 душъ, заняли на выкупъ себѣ всю нужную сумму, 950 руб., безъ всякаго разстройства

своего хозяйства, у одного купца, сдѣлавшаго имъ эту ссуду по чувству доброжелательства безъ залога и процентовъ [1]). Эти случаи, также какъ и отзывъ управляющаго московскою палатою, что цѣнность имѣній на торгахъ, вслѣдствіе новой конкурренціи, возвысилась довольно значительно, не подтверждаютъ сдѣланныхъ въ двухъ запискахъ указаній на вредныя послѣдствія указа 8 ноября — продажу крестьянами имущества, своеволіе, заговоры и распространеніе коммунизма [2]) Далѣе, гр. Киселевъ, сообщивъ извѣстныя ему свѣдѣнія о волненіяхъ крѣпостныхъ крестьянъ, продолжаетъ:

„Если принять во вниманіе, что безпорядки въ помѣщичьихъ имѣніяхъ не есть дѣло необыкновенное, что, независимо отъ указа 8 ноября, безпорядки эти были и продолжаются и что, по отчетамъ министра юстиціи, какъ, наприм., по послѣднему отчету за 1845 г., показано поступившихъ въ судебное разсмотрѣніе за одинъ тотъ годъ 175 дѣлъ о неповиновеніи помѣщичьихъ крестьянъ, не говоря о тѣхъ дѣлахъ, которыя прекращаются на мѣстахъ земскою полиціею, — если принять все сіе въ соображеніе, то отнюдь не должно казаться чрезвычайнымъ 6 случаевъ безпорядковъ, обнаружившихся въ началѣ изданія указа 8 ноября по недоразумѣніямъ, неразлучнымъ со всякою новою важною мѣрою. Это обстоятельство требуетъ изслѣдовать, почему сіи 6 случаевъ возбудили столь сильные толки и представленія, когда сотни подобныхъ безпорядковъ и волненій, ежегодно случающихся въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, остаются обыкновенными происшествіями. Калужскій губернскій предводитель дворянства въ представленіи своемъ о послѣдствіяхъ указа 8 ноября... откровенно объяснилъ, что причины негодованія дворянъ заключались главнѣйше въ участіи при торгахъ чиновниковъ правительства, которые, какъ замѣчено въ московскомъ опекунскомъ совѣтѣ, возвышаютъ цѣны на имѣнія. Но какія дѣйствительно причины могли заставить тульскаго предводителя и другаго неизвѣстнаго сочинителя записки представить въ столь мрачномъ свѣтѣ всеобщаго разстройства и коммунизма эти неважныя происшествія, и особенно два случая, въ которыхъ крестьяне 11 и 118 душъ, пользуясь всемилостивѣйше дарованнымъ правомъ, внесли за себя подлежащую сумму, получивъ оную въ ссуду отъ людей извѣстныхъ и въ томъ числѣ отъ жены заслуженнаго дворянина? Нѣтъ сомнѣнія, что причины этого заключается не въ существѣ указа 8 ноября, но въ основаніяхъ крѣпостнаго состоянія, или, лучше сказать, въ неопредѣлительности отношеній между помѣщиками и крестьянами, въ неопредѣлительности, при которой всякая мѣра правительства, касающаяся до смягченія крѣпостныхъ правъ, какъ бы она ни была справедлива, возбуждала и будетъ возбуждать между помѣщиками тревожные толки и опасенія... Причины, по которымъ эти толки столь легко всякій разъ распространяются и принимаютъ видъ вѣроятія, заключаются въ томъ, что у насъ, даже и въ высшемъ сословіи владѣльцевъ мало понимаютъ разницы между законнымъ устройствомъ крѣпостнаго состоянія, чего правительство, въ видахъ общей выгоды, желало, и между совершенною свободою крестьянъ чего

---

[1]) По 38-ми управляющимъ казенными палатами 28 донесли, что по губерніямъ ихъ вѣдомства или вовсе не было торговъ (въ 5-ти губерніяхъ), или они были, но крестьяне отказались отъ выкупа.

[2]) Противъ словъ „о распространеніи коммунизма" на журналѣ комитета государь написалъ: „въ первый разъ слышу и не вѣрю".

правительство вовсе не имѣло въ виду. Отъ этого смѣшенія понятій всякое новое постановленіе, касающееся улучшенія крѣпостнаго состоянія, понимается владѣльцами превратно и всегда въ свою невыгоду; отъ этого укоренилась между помѣщиками мысль, что правительство имѣетъ намѣреніе отобрать крѣпостныхъ крестьянъ, и эта мысль повторяется при каждомъ новомъ постановленіи, имѣющемъ совсѣмъ другія и часто полезныя для самаго дворянства цѣли. Такъ, наприм., при учрежденіи банковъ и при уменьшеніи процентовъ были толки, что цѣль этихъ учрежденій состоитъ въ обращеніи подъ предлогомъ долговъ, всѣхъ дворянскихъ имѣній въ казну. Послѣ сего неудивительно, что помѣщики были встревожены указомъ 8 ноября, а главнѣйше установленіемъ объявленія крестьянамъ о правѣ ихъ выкупа чрезъ полицейскихъ чиновниковъ, ибо мѣра таковаго прямаго отношенія чиновниковъ къ крѣпостнымъ крестьянамъ въ столь важномъ предметѣ, касающемся до перемѣны ихъ состоянія, не можетъ не колебать въ нѣкоторой степени безусловной зависимости, въ которой крестьяне находятся у владѣльца. Если къ этому присоединить еще неудовольствіе помѣщиковъ на возвышеніе при торгахъ цѣнъ чиновниками правительства, и особенно на право казны оставлять за собою имѣнія за послѣднія цѣны, частными лицами предложенныя, то весьма будетъ понятно, изъ какихъ побужденій или причинъ происходятъ преувеличенные толки и представленія о вредныхъ послѣдствіяхъ указа 8 ноября. Это не что иное, какъ послѣдствіе опасеній владѣльцевъ отъ неопредѣлительности отношеній ихъ къ крѣпостнымъ крестьянамъ въ связи съ личными интересами нѣкоторыхъ капиталистовъ скупающихъ дворянскія имѣнія".

Однако, пока существуютъ прежнія отношенія между крѣпостными и ихъ владѣльцами, по мнѣнію Киселева, „нельзя не уважить положенія помѣщиковъ", и потому, считая необходимымъ оставить въ силѣ законъ 8 ноября 1847 г. (причемъ Киселевъ ссылался и на недавнее постановленіе секретнаго комитета), онъ желалъ пріискать мѣры „къ успокоенію владѣльцевъ сохраненіемъ ихъ вліянія на крестьянъ, нарушаемаго.. непосредственными съ ними сношеніями чиновниковъ правительства". Единственнымъ для этого средствомъ Киселевъ считалъ предоставленіе самимъ помѣщикамъ дѣлать объявленіе крестьянамъ о ихъ правѣ на выкупъ „Эта мѣра не разрушая связи между владѣльцемъ и поселяниномъ, будетъ пріятна для владѣльцевъ, какъ знакъ особаго довѣрія правительства". На возраженіе, что этотъ способъ недостаточно обезпечиваетъ интересы крестьянъ, такъ какъ помѣщикъ можетъ не сдѣлать указаннаго объявленія, Киселевъ отвѣчалъ не особенно убѣдительно, что противъ этого не трудно принять мѣры „установленіемъ такой формы объявленія, которая вполнѣ достигла бы цѣли" (?), а, кромѣ того, онъ полагалъ, что одинъ или два случая неисполненія правила объ объявленіи крестьянамъ не могутъ имѣть особенныхъ послѣдствій, „тѣмъ болѣе, что, при совершенной бѣдности и разстройствѣ состоянія продаваемыхъ крестьянъ, желающихъ выкупиться будетъ весьма немного".

Таково содержаніе обширной записки гр. Киселева, внесенной имъ въ секретный комитетъ. Чрезъ мѣсяцъ послѣ ея составленія министръ вну-

треннихъ дѣлъ Перовскій изготовилъ записку совершенно противуположнаго направленія [1]). На основаніи свѣдѣній, доставленныхъ губернаторами и губернскими предводителями дворянства, Перовскій сообщилъ, что изъ 266 имѣній, продававшихся съ публичнаго торга, на основаніи указа 8 ноября, выкупилось только 7 имѣній (всего 218 душъ и еще одно имѣніе въ тульской губерніи, населеніе котораго не обозначено); крестьяне 39-ти имѣній изъявили желаніе выкупиться, но не внесли денегъ, и 10 имѣній куплено въ казну; безпорядки вслѣдствіе этого указа были въ 14-ти имѣніяхъ и въ 3-хъ изъ нихъ (тульской, рязанской и харьковской губ.) для усмиренія крестьянъ нужно было употребить военную силу. Цѣнность населенныхъ имѣній (по указанію двухъ губернскихъ предводителей дворянства) въ теченіе 1848 года понизилась и въ самомъ примѣненіи закона о выкупѣ встрѣтились разныя недоразумѣнія. Общій выводъ записки Перовскаго, на основаніи заключеній губернаторовъ и предводителей дворянства, состоялъ въ томъ, что указъ 8 ноября 1847 года вообще вреденъ [2]).

По обсужденіи всѣхъ свѣдѣній, доставленныхъ по этому дѣлу, секретный комитетъ въ засѣданіи 2 марта 1849 года приступилъ къ обсужденію

---

[1]) Отчасти разницею во времени составленія двухъ записокъ объясняется несходство въ показаніяхъ относительно числа волненій крестьянъ и количества выкупавшихся имѣній.

[2]) Въ подкрѣпленіе этого приводились слѣдующія соображенія: 1) Указъ этотъ противенъ основнымъ государственнымъ законамъ и справедливости, такъ какъ ему дано обратное дѣйствіе примѣненіемъ къ имуществамъ, заложеннымъ до его обнародованія. 2) Если бы онъ вполнѣ достигъ предположенной цѣли, то помѣщичьи земли поступили бы въ полномъ составѣ въ распоряженіе крестьянъ и тогда не только уничтожились бы конскіе заводы, тонкорунное овцеводство, разведеніе рогатаго скота хорошихъ породъ, но даже земледѣльческая производительность уменьшилась бы до размѣра, едва достаточнаго для прокормленія самихъ производителей, т. е. богатство Россіи было бы совершенно подорвано. 3) При всей безусловности указа, онъ вреденъ для крестьянъ, во многихъ мѣстахъ съ цѣлью выкупа распродающихъ скотъ, хлѣбъ и прочую движимость. 4) Указъ 8 ноября разоряетъ также самихъ помѣщиковъ и ихъ заимодавцевъ; онъ вообще поколебалъ помѣщичій кредитъ, но особенно гибеленъ для лицъ, впавшихъ въ несостоятельность, такъ какъ они неизбѣжно должны ожидать отчужденія своего имущества за полцѣны противъ прежней. 5) Этотъ законъ грозитъ и нарушеніемъ общественной безопасности, такъ какъ въ имѣніяхъ, предъявленныхъ къ продажѣ, крестьяне будутъ имѣть право сходиться шумными толпами и толковать между собою о средствахъ выкупа, о волности, обсуждая гласно всѣ старинныя отношенія владѣльца къ крестьянамъ. Наконецъ, 6) невозможно ожидать, чтобы послѣ этого указа надолго уцѣлѣли патріархальныя отношенія между помѣщиками и крестьянами, сохранявшіяся до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ Россіи, такъ какъ крестьяне не будутъ видѣть въ благосостояніи владѣльца главную преграду къ полученію свободы, а помѣщики, видя въ крестьянахъ „лишь временное средство для извлеченія доходовъ“, будутъ пользоваться имъ „до крайности, не дѣлая, съ своей стороны, никакихъ пожертвованій“.

вопроса, слѣдуетъ ли оставить въ силѣ указъ 8 ноября 1847 года, или отмѣнить его. Мнѣнія въ комитетѣ раздѣлились. Четыре члена его (Киселевъ, Блудовъ, Вронченко и Гофманъ) выразили опасеніе, что отмѣна указа 8 ноября вызоветъ среди крестьянъ еще большіе безпорядки, чѣмъ самый этотъ указъ, и не рѣшались представлять государю о гласной и полной его отмѣнѣ. Блудовъ, Вронченко и Гофманъ согласились съ мнѣніемъ Киселева, что объявленіе крестьянамъ послѣдней цѣны чрезъ самихъ владѣльцевъ въ установленной для этого ясной и опредѣленной формѣ, безъ посредства земской полиціи, могло бы предотвратить многія неудобства, неизбѣжныя при настоящемъ порядкѣ, но, кромѣ того, всѣ эти четыре члена комитета считали желательнымъ, по возможности, уменьшить число продажъ населенныхъ имѣній съ публичныхъ торговъ и тѣмъ устранить поводъ къ повторенію безпорядковъ, происходящихъ при объявленіи крестьянамъ послѣдней цѣны. Удобный для этого случай представляетъ, по мнѣнію Блудова, возложенный государственнымъ совѣтомъ на Второе Отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи пересмотръ постановленій, относящихся до публичныхъ продажъ вообще. Блудовъ полагалъ, что при этомъ можно будетъ для продажи недвижимыхъ имѣній по каженнымъ взысканіямъ и частнымъ искамъ установить такія правила, что продажи будутъ болѣе, чѣмъ вдвое рѣже и устранятся всѣ возбуждающія опасенія правительства послѣдствія указа 8 ноября „безъ формальной его отмѣны и даже безъ существеннаго нарушенія дарованныхъ имъ правъ".

Напротивъ того, пять членовъ комитета (наслѣдникъ цесаревичъ, принцъ Ольденбургскій, кн. Чернышевъ, гр. Орловъ и Перовскій) находили, что „сколь ни справедливы и благодѣтельны были виды правительства при изданіи указа 8 ноября 1847 года, но опытъ показалъ, съ одной стороны, что помѣщичьи крестьяне въ весьма рѣдкихъ случаяхъ могутъ имѣть средства пользоваться предоставленными имъ правами выкупа", а съ другой — что духъ безпокойства, возбужденный этимъ указомъ среди необразованной части народонаселенія, угрожаетъ государству весьма вредными послѣдствіями и что мѣры къ ихъ предупрежденію съ каждымъ днемъ дѣлаются все болѣе настоятельно необходимыми. Поэтому пять членовъ полагали, что правительство должно рѣшиться на совершенную отмѣну указа 8 ноября, тѣмъ болѣе, что едва ли это можетъ произвести какіе либо серьезные безпорядки среди крѣпостнаго населенія, но если бы, сверхъ чаянія, они и возникли, то лучше подавить ихъ однажды, нежели безпрестанно возбуждать ихъ объявленіями о выкупѣ.

Журналъ комитета въ половинѣ марта 1849 г. былъ представленъ государю, но онъ не скоро рѣшился на отмѣну указа 8 ноября 1847 г. Императоръ Николай потребовалъ къ себѣ записки министра государ-

ственныхъ имуществъ и министра внутреннихъ дѣлъ и взялъ все дѣло съ собою въ Москву, куда онъ отправился 25 марта на Пасху для освященія Николаевскаго дворца. Государь собралъ въ Москвѣ на совѣщаніе всѣхъ бывшихъ тамъ членовъ государственнаго совѣта и всѣ они высказались за отмѣну указа. По возвращеніи уже государя въ Петербургъ, наслѣдникъ цесаревичъ на журналѣ комитета 25 апрѣля написалъ слѣдующую резолюцію: „Государь Императоръ изволилъ читать и приказать гр. Блудову, согласно мнѣнія четырехъ членовъ, составить проектъ положенія о продажѣ имѣній съ публичныхъ торговъ". Онъ былъ скоро приготовленъ и, по разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ, утвержденъ государемъ 19 іюля.

Въ этомъ положеніи было, между прочимъ, сказано, что владѣльцу описаннаго для публичной продажи населеннаго имѣнія предоставляется, „для удовлетворенія долга", заключать съ своими крѣпостными, по правиламъ 20 февраля 1803 г., договоръ объ увольненіи ихъ въ государственные, на собственной землѣ поселенные крестьяне, съ передачею въ ихъ собственность всей или части земли: въ этомъ случаѣ владѣлецъ обязанъ, прежде окончательнаго утвержденія договора, внести достаточную на уплату долга сумму въ то мѣсто, которымъ сдѣлано постановленіе объ описи имущества, или же представить формальное заявленіе о согласіи кредиторовъ или кредитнаго установленія, въ которомъ имѣніе состоитъ въ залогѣ, на принятіе долга увольняемыми крестьянами на себя. По полученіи этого согласія или нужной на покрытіе долга суммы, губернскій прокуроръ наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы договоръ былъ дѣйствительно совершенъ и представленъ на утвержденіе государя.

Такимъ образомъ, выкупъ крестьянами продающихся съ торговъ имѣній былъ поставленъ въ полную зависимость отъ согласія помѣщиковъ и, слѣдовательно, указъ 8 ноября 1847 г. уничтоженъ, хотя и безъ формальной его отмѣны, но не „безъ существеннаго нарушенія" дарованныхъ крестьянамъ правъ, какъ это обѣщалъ въ комитетѣ гр. Блудовъ [1]). Однако, быть можетъ, потому, что указъ 8 ноября не былъ гласно отмѣненъ, а параграфы, упраздняющіе его значеніе, терялись въ цѣлой массѣ другихъ постановленій закона о продажѣ имуществъ съ публичнаго торга, выкупъ крестьянъ на основаніи указа 8 ноября не прекратился въ 1849 г., а продолжался до 1852 г. включительно; впрочемъ, въ 1850 г. выкупилось го-

---

[1]) Весь ходъ занятій комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія различныхъ предположеній по поводу указа 8 ноября 1847 г. изложенъ на основ. дѣла V Отд. Соб. Е. В. Канц. въ Арх. М. Г. И. № 967, а также документовъ, напечатанныхъ въ извлеченіи *Заблоцкимъ-Десятовскимъ* въ приложеніи къ его книгѣ „Гр. Киселевъ" т. IV, 221—233. Положеніе о публичной продажѣ имуществъ, см. 2-е П. С. З. т. XXIV, № 23405, § 186 и 188.

раздо менѣе крестьянъ, чѣмъ въ 1849 г., въ 1851 г.—еще менѣе, а въ 1852 г. всего 1 душа, послѣ чего мы не находимъ уже ни одного случая примѣненія этого закона.

Приведемъ по годамъ число крестьянъ, выкупившихся на собственныя средства на основаніи указа 8 ноября 1847 г. Въ 1848 г. выкупилось въ 2-хъ имѣніяхъ — 15 душъ, въ 1849 г. въ 11-ти имѣніяхъ — 733 д., въ 1850 г. въ 5-ти имѣніяхъ 160 д., въ 1851 г. въ 5-ти имѣніяхъ— 55 д., въ 1852 г. 1 душа; всего 964 ревизскихъ душъ. Всѣ эти имѣнія находились въ Великороссіи.

Количество выкупленной земли на душу колебалось между $\frac{1}{4}$ десятины и 34 десят., а въ среднемъ приходилось по 5,3 десят. на ревизскую душу

Размѣръ выкупа колебался между 15 и 166 рублями, а въ среднемъ равнялся 76 р. *серебромъ* на ревизскую душу [1]) слѣдовательно былъ гораздо ниже, чѣмъ при выкупѣ на основаніи закона 1803 г. (средній размѣръ выкупа свободныхъ хлѣбопашцевъ въ царствованіе императора Александра I при исключительно денежныхъ уплатахъ равнялся 396 руб. *ассигнаціями*, или около 127 р. сер. съ души, при Николаѣ 115 р. сер.).

Мы видимъ, слѣдовательно, что законъ 8 ноября 1847 г. имѣлъ весьма ничтожныя практическія послѣдствія, но нужно помнить, что онъ былъ отмѣненъ съ небольшимъ черезъ 1½ года послѣ его изданія, а иначе, при огромномъ количествѣ заложенныхъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ имѣній и при неаккуратности владѣльцевъ въ уплатѣ лежащаго на нихъ долга, весьма многіе крестьяне могли бы имъ воспользоваться.

Самаринъ въ своей обширной запискѣ „О крѣпостномъ состояніи", оконченной въ 1856 г., говоритъ по этому поводу: „Повсемѣстныя... представленія указали на необходимость подвергнуть пересмотру" указъ 8 ноября 1847 г. „Представлялось два способа къ устраненію встрѣченныхъ неудобствъ: вовсе отмѣнить законъ 8 ноября или развить его, *придумавъ средства къ облегченію выкупа*. Правительство предпочло первый способъ: оно лишило крестьянъ дарованнаго имъ права, но не имѣло мужества сдѣлать это открыто и явно. Законъ 8 ноября не былъ отмѣненъ установленнымъ порядкомъ, а въ тихомолку исключенъ при изданіи новыхъ правилъ объ оцѣнкѣ и продажѣ имуществъ. Этою канцелярскою продѣлкою были устранены канцелярскія затрудненія, но что же подумалъ народъ?... Сперва крестьяне ожидали, что правительство, даровавъ имъ заманчивое право, конечно, облегчитъ и способы къ выкупу; потомъ они долго не хотѣли вѣрить, чтобы самый вызовъ къ выкупу былъ отмѣненъ

---

[1]) *Вешняковъ.* „Крестьяне-собственники въ Россіи". стр. 79—80; прил. 2-е (относительно имѣнія Шушерина мы предполагаемъ опечатку: вмѣсто 30000 р. вѣроятно должно быть 3000 р.)

во многихъ мѣстахъ, для убѣжденія ихъ въ непослѣдовательности правительства, вынуждены были прибѣгать къ мѣрамъ крайней строгости. За то для защитниковъ крѣпостнаго права это новое проявленіе несостоятельности нашего законодательства послужило поводомъ къ новому торжеству“ [1]).

---

[1]) Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина II. 74—75.

ГЛАВА VIII.

Увольненіе крѣпостныхъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы. Условія увольненія. -Договоры съ крестьянами гр. Орловой-Чесменской, гр. П. Д. Бутурлина и Ник. Пл. Огарева.—Переименованіе свободныхъ хлѣбопашцевъ. -Взглядъ А. Н. Кошелева на значеніе закона 1803 г.—Проекты тульскихъ дворянъ 1844 и 1847 гг.

Въ предъидущей главѣ мы видѣли, что указомъ 8 ноября 1847 г., предоставившимъ помѣщичьимъ крестьянамъ право выкупаться на свободу при продажѣ имѣній съ публичнаго торга, успѣло воспользоваться до отмѣны этой мѣры весьма незначительное количество крѣпостныхъ. Названные первоначально безоброчными государственными крестьянами, они скоро были переименованы, вмѣстѣ съ свободными хлѣбопашцами, выкупавшимися отъ помѣщиковъ на основаніи указа 1803 г., въ государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ. Громадное большинство этого отдѣла государственныхъ крестьянъ и составили свободные хлѣбопашцы, такъ какъ указомъ 1803 г. воспользовались многіе крѣпостные крестьяне какъ въ царствованіе императора Александра I, такъ и при его преемникѣ.

Указъ 1803 г. имѣлъ въ высшей степени важное значеніе въ исторіи крестьянскаго вопроса: для освобожденія крестьянъ цѣлыми селеніями онъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ надѣленіе ихъ землею и, такимъ образомъ, препятствовалъ обезземеленію народа, пагубныя послѣдствія котораго такъ скоро сказались въ Остзейскомъ краѣ. Большимъ недостаткомъ этой мѣры считали множество формальностей, которыя слѣдовало исполнить, чтобы обратить крѣпостныхъ въ свободные хлѣбопашцы, но эти формальности (и опросъ крестьянъ мѣстнымъ предводителемъ дворянства, и внимательное разсмотрѣніе условій освобожденія мѣстною и центральною администраціею) были необходимыми гарантіями интересовъ крестьянъ отъ возможныхъ злоупотребленій помѣщика. Нѣкоторымъ сторонникамъ эмансипаціи крестьянъ, какъ напр., гр. Киселеву, законъ 1803 г. казался даже опаснымъ, такъ какъ слѣдствіемъ его будто бы

могъ быть переходъ всей поземельной собственности отъ дворянъ въ руки земледѣльцевъ,—мѣру эту считали слишкомъ демократичною, -но подобныя опасенія были совершенно неосновательны, такъ какъ безъ широкой денежной помощи со стороны правительства громадное большинство крѣпостныхъ не имѣло средствъ выкупиться на свободу. Пріобрѣтеніе земли крестьянами въ собственность Киселевъ хотѣлъ замѣнить обязательнымъ введеніемъ наслѣдственнаго пользованія ею, съ опредѣленіемъ повинностей инвентарями по каждому имѣнію и съ сохраненіемъ поземельной общины, но, по повелѣнію императора Николая, устранено было изъ проекта Киселева именно то, что могло придать его осуществленію дѣйствительно большое значеніе, а именно *обязательность* предлагаемой имъ мѣры, и указъ 2 апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ имѣлъ ничтожныя послѣдствія: на основаніи его, въ царствованіе императора Николая получило свободу лишь около 25 тысячъ душъ муж. пола, а, между тѣмъ, законъ 1803 г. продолжалъ дѣйствовать, и въ соотвѣтственный періодъ времени имъ воспользовалось даже большее число крѣпостныхъ, чѣмъ указомъ 2 апрѣля 1842 г.

Въ царствованіе императора Александра I въ свободные хлѣбопашцы было уволено съ 1804 по 1825 г. 47,153 д. м. п. Въ царствованіе императора Николая было всего 251 случай освобожденія, и поступило въ свободные хлѣбопашцы 67,149 д. м. п., т. е., среднимъ числомъ, по 264 д. за одинъ разъ [1]).

Разсматривая переходъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы по мѣстностямъ, мы видимъ, что самое большое число освобожденныхъ на основаніи указа 1803 г. приходится на воронежскую губернію, а именно 19,834 д. муж. п.; затѣмъ слѣдуютъ: рязанская губернія—11,746 душъ, московская — 8,474, ярославская — 6,523, нижегородская — 6,466, тверская —3,392 д., во всѣхъ же остальныхъ губерніяхъ число перешедшихъ въ свободные хлѣбопашцы въ царствованіе императора Николая было менѣе полуторы тысячъ душъ. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ 27 гу-

---

[1]) При императорѣ Александрѣ I среднимъ числомъ каждый разъ выкупалось 293 д. муж. п. Если распредѣлить число освободившихся на основаніи закона 1803 г. при императорѣ Николаѣ по пятилѣтіямъ, то окажется, что съ восшествія его на престолъ въ концѣ 1825 г. по 1830 г. включительно было освобождено 2,457 д., съ 1831 по 1835—10,346 д., съ 1836 по 1840 13,586, съ 1841 по 1845 г. —15,970, съ 1846 по 1850 г. 17,249 д., съ 1851 по февраль мѣсяцъ 1855 г —7,511 д.; или въ первое десятилѣтіе по 1835 включительно—12,803 д. во второе по 1845 г.—29.556, въ послѣднее девятилѣтіе по февраль 1855 г.—24,791 д. м. п.

Во время 7-й ревизіи (въ 1816 г.) свободныхъ хлѣбопашцевъ числилось всего 23187 д. м. п. сюда очевидно не включены крестьяне кн. Голицына), по 8-й (въ 1835 г.)—65,311, по 9-й (въ 1851 г.) 137,034 д. м. п. „*Вешняковъ* Крестьяне-собственники въ Россіи". Спб. 1858 г., стр. 61.

берній, гдѣ встрѣчаются случаи увольненія крѣпостныхъ въ свободные хлѣбопашцы, только въ 6-ти число освобожденныхъ превышало 3 тысячи душъ. Слѣдуетъ замѣтить также, что и въ это время, подобно эпохѣ Александра I, почти всѣ крестьяне, выкупившіеся на свободу на основаніи указа 1803 г., принадлежали къ населенію Великороссіи; изъ числа чисто-малороссійскихъ губерній только въ кіевской мы находимъ 350 д. освобожденныхъ [1]; въ Новороссіи освободилось всего 3 души (въ екатеринославской губ.) и, наконецъ, въ западной Россіи не было ни одного случая освобожденія. Такимъ образомъ, и въ эту эпоху, какъ при Александрѣ I, только великороссійскіе помѣщики воспользовались указомъ 1803 г.

Переходя къ условіямъ увольненія крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, нужно замѣтить, прежде всего, что изъ 250 случаевъ освобожденія только въ 9 крестьяне получили волю *безъ всякой платы* (при Александрѣ I изъ 160 случаевъ въ 17). Всего такихъ освобожденныхъ было 216 д. [2]). Первое мѣсто принадлежитъ здѣсь помѣщицѣ Захарьиной, освободившей безъ всякой платы во владимірской губ. 62 души со всею землею, а затѣмъ помѣщицѣ Гродницкой, уволившей 52 д. крестьянъ новгородской губ., бѣлозерскаго уѣзда, съ надѣломъ по 15 дес. на душу безвозмездно, съ обязательствомъ только размежеваться съ купцами, которымъ были проданы остальныя земли, и помѣщику Павлову, освободившему безъ платы 41 д. крестьянъ въ крестецкомъ уѣздѣ, новгородской губ., съ надѣломъ по 43 дес. на душу.

Но, кромѣ 9 случаевъ увольненія крестьянъ безъ всякой платы, въ царствованіе императора Николая было еще 8 случаевъ освобожденія безъ вознагражденія за него помѣщику, но съ нѣкоторыми обязательствами взносовъ съ благотворительною и иною цѣлью. Такъ д. т. сов. гр. С. П. Румянцевъ, по мысли котораго и былъ изданъ въ 1803 г. указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ и который въ 1804 г. освободилъ со всею землею безъ всякой платы 199 д. м. п. своихъ крестьянъ въ вологодской, ярославской и рязанской губерніяхъ,—въ 1829 г. уволилъ 436 д. крестьянъ калужской губерніи въ извѣстномъ по происходившему въ немъ сраженію селѣ Тарутинѣ безъ всякаго выкупа въ пользу помѣщика, но съ обязанностью соорудить монументъ въ память 1812 г., на что крестьяне и обязались внести 44,000 р. ассиг., т.-е. по 100 р. асс. (27 р. сер.) съ души. Затѣмъ въ 1833 г. тотъ же Румянцевъ освободилъ 232 д. въ москов-

---

[1]) Въ курской и харьковской, составляющихъ переходъ отъ Великороссіи къ Малороссіи, уволено въ свободные хлѣбопашцы также значительное число: въ первой—436 д., во второй—130 д.

[2]) При Александрѣ I, если не считать 7,000 д., уволенныхъ виленскимъ помѣщикомъ Карпіемъ, безъ земли, по духовному завѣщанію, и затѣмъ причисленныхъ къ свободные хлѣбопашцы, освобожденныхъ безъ всякой платы было 415 душъ.

скомъ уѣздѣ безъ всякой платы въ его пользу, но съ обязанностью поддерживать памятникъ, если помѣщикъ соорудитъ его въ имѣніи, и на вѣчныя времена платить 600 р. асс. ежегодно (т.-е. по 2 р. 59 к. асс. съ души) на содержаніе инвалидовъ въ учрежденіе, назначенное правительствомъ. Такимъ образомъ, съ 1804 по 1833 г. гр. С. П. Румянцевъ освободилъ безъ выкупа въ свою пользу 867 д. м. п. крѣпостныхъ крестьянъ [1]). Затѣмъ помѣщицы Жіяновы освободили 130 д. въ харьковской губ., съ обязательствомъ только уплатить числящіяся на нихъ недоимки, всего 130 р., и разные сборы [2]).

Что касается увольненій за извѣстное вознагражденіе въ пользу помѣщика (въ видѣ ли платы ему, или принятія на себя его долга), то оказывается, что 27% изъ числа всѣхъ увольненій и 61% изъ числа увольняемыхъ составляетъ переходъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, съ обязательствомъ выплатить помѣщику *опредѣленную сумму* сразу или съ разсрочкою на извѣстное число лѣтъ. На этомъ условіи было 69 освобожденій, а число освобожденныхъ такимъ образомъ крестьянъ равняется 41,178 д. м. п. Сравнительно съ эпохою Александра I, число увольненій на этихъ условіяхъ уменьшилось (тогда оно составляло около половины всѣхъ), но относительное количество увольняемыхъ осталось совершенно то же (при Александрѣ I также 61%).

При разсчетѣ условленной платы на душу м. п., мы находимъ [3]), что наименьшія вознагражденія потребовала помѣщица Вельяшева въ 1827 г. со своихъ крестьянъ ярославской губ. (24 д.), а именно по 31 р. сер. съ души. Maximum платы мы встрѣчаемъ въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ

---

[1]) Кромѣ того, въ 1829 г. гр. С. П. Румянцевъ освободилъ 303 д. въ калужскомъ уѣздѣ, хотя и съ платою, но на довольно льготныхъ условіяхъ, а именно съ обязательствомъ уплатить опекунскому совѣту въ теченіе 21 года 60,660 руб. асс. т.-е. по 54 р. сер. съ души.

[2]) Помѣщикъ Лазаревъ уволилъ 46 д. въ калужскомъ уѣздѣ, съ обязательствомъ платить сборы по калужской губ. на улучшеніе благороднаго пансіона при гимназіи по 3 к. сер. и на содержаніе бѣдныхъ дворянскихъ дочерей въ частномъ пансіонѣ по 1¾ к. съ души. Мусинъ-Пушкинъ освободилъ 32 д. въ ярославской губ., съ обязательствомъ платить не ло 585 р. въ годъ, т. е по 18 р сер. съ души, на сооруженіе богадѣльни при приходской церкви и проч.

[3]) Тутъ, прежде всего, нужно обратить вниманіе на то, что до 1840 г. у насъ существовалъ счетъ на ассигнаціи, а съ того времени - на серебро. Для того, чтобы сдѣлать возможнымъ сравненіе, цифру выкупа, приходившагося въ 1825 -39 гг. въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ на душу, мы переводили по существовавшему въ то время курсу на серебро, а общую сумму выкупа за все число душъ, получившихъ свободу на этомъ условіи за указанную эпоху, перевели по среднему курсу за всѣ эти года. Въ 1825 -39 гг курсъ ассигнацій колебался между 373 и 350, т. е. 100 руб. сер. равнялось 350—373 р. асс. (*Штерн.* „Матеріалы для исторіи государственныхъ денежныхъ знаковъ въ Россіи съ 1653 по 1840 г." Спб., 1868 г., стр. 52). Среднее пропорціональное между всѣми годовыми данными составляетъ 364.

г-жа Литовская освободила двухъ крестьянъ новгородской губерніи за выкупъ въ 394 р. сер. съ души, а помѣщики Крыжановскіе уволили 64 д. въ калужской губ., съ выкупомъ по 406 р. сер. за каждую. Средній размѣръ выкупа во всѣхъ 68 случаяхъ равняется 115 руб сер. съ души [1]). Въ царствованіе императора Александра I средній размѣръ выкупа равнялся 396 р. асс.; если принять средній курсъ ассигнацій за время съ 1804 по 1824 г. въ 313 р. [2]), то 381 р. асс. будетъ равняться 127 р. сер., слѣдовательно, средніе размѣры выкупа въ царствованія императоровъ Александра I и Николая почти совершенно равны. Такъ было при добровольномъ соглашеніи; когда же крестьяне выкупались на свободу при продажѣ имѣній съ аукціона, размѣръ выкупа, какъ мы видѣли въ предъидущей главѣ, былъ гораздо ниже.

Такъ какъ средняя цифра не можетъ дать яснаго понятія о различныхъ размѣрахъ выкупа, то, распредѣливъ плату съ души на нѣсколько разрядовъ, мы получимъ, что изъ 40,138 д. м. п. 1,538 чел. заплатили отъ 4 до 49 руб. сер.. 5,096 д.—отъ 50 до 99 руб., 33.914 д. (т. е. 82% всего количества, внесшихъ исключительно денежную плату) –отъ 100 до 199 руб., 564 д.– отъ 200 до 300 руб. и, наконецъ, 66 д —отъ 394 до 406 руб. сер. Такихъ громадныхъ размѣровъ выкупа, какъ въ двухъ случаяхъ въ царствованіе императора Александра I (въ 4,000 и 5,000 руб. *ассигнаціями*), мы не встрѣчаемъ при его преемникѣ.

Если распредѣлить по губерніямъ плату, которую крестьяне вносили помѣщикамъ за свое освобожденіе, то, точно такъ же, какъ и въ предшествовавшую эпоху, въ виду большаго различія въ размѣрѣ взноса въ одной и той же мѣстности. трудно сдѣлать опредѣленные выводы относительно вліянія географическаго положенія имѣнія на его цѣнность [3]).

---

[1]) Очень часто весь выкупъ или часть его вносились не сразу, а съ разсрочкою на извѣстное число лѣтъ, иногда даже болѣе 30, но за то крестьянамъ приходилось за неуплаченную сумму вносить проценты, которыхъ мы тутъ въ разсчетъ не принимаемъ.

[2]) Это среднее пропорціональное между числами, показывающими величину курса за эти годы. *Шторхъ*, ibid, стр. 52.

[3]) Въ извѣстной своими отхожими промыслами ярославской губерніи, которая, по числу перешедшихъ въ свободные хлѣбопашцы, занимаетъ четвертое мѣсто, а по числу случаевъ освобожденія—первое, размѣръ выкупа колебался между 31 и 219 руб. сер. съ души. Въ костромской губерніи, также съ развитыми отхожими промыслами, мы встрѣчаемъ выкупъ отъ 34 до 239 руб. съ души. Въ московской губерніи размѣръ выкупа простирался отъ 115 до 206 руб.; въ тверской отъ 57 до 281 руб.; въ калужской 54 –406 р.; въ нижегородской 93—149 р.; въ вологодской 98 287 р.; въ рязанской 89—254 р.. въ воронежской 116 120 р. (въ имѣніи гр. Бутурлиной 2,959 д. по 116 р. сер. съ души и въ имѣніи гр. Бутурлина 11,965 д. по 120 р. сер.) Въ остальныхъ губерніяхъ было по одному, по два случая освобожденія съ небольшимъ числомъ душъ каждый разъ.

Наибольшее количество крестьянъ отпустилъ на волю графъ Бутурлинъ (11,965 д.) и, притомъ, на условіяхъ, почти совпадающихъ съ среднимъ размѣромъ выкупа (120 руб. сер. съ души) На точно такихъ же условіяхъ уволилъ 5,153 д. генералъ-адъютантъ Демидовъ въ рязанской губерніи. Камеръ-фрейлина графиня Орлова-Чесменская уволила всего 8,449 д. въ губерніяхъ: ярославской, костромской и московской, съ платою отъ 84 до 115 руб. съ души. Упомянемъ еще, что извѣстный писатель и эмигрантъ Николай Платоновичъ Огаревъ освободилъ въ 1842 году 1.820 д. крестьянъ рязанской губерніи за выкупъ въ 130 руб. сер. съ души; объ этомъ освобожденіи мы поговоримъ ниже подробнѣе.

Мы видѣли, что большинство крѣпостныхъ крестьянъ, переходившихъ въ свободные хлѣбопашцы, выкупались за *опредѣленную плату*, вносимую единовременно или съ разсрочкою, причемъ въ счетъ уплаты входилъ нерѣдко и принимаемый на себя крестьянами долгъ въ кредитное учрежденіе. Къ числу такихъ выкупившихся за опредѣленную плату мы не присоединили крестьянъ, въ договорѣ которыхъ съ помѣщиками заключались условія и о взносахъ неопредѣленной величины. Тамъ, мы встрѣчаемъ не мало случаевъ, гдѣ выкупающіеся крестьяне обязываются внести помѣщику извѣстную сумму и затѣмъ платить разные сборы, или вносятъ опредѣленную сумму, принимаютъ на себя уплату долга извѣстной величины и, кромѣ того, обязуются платить нѣкоторые сборы (иногда прибавлено: по постановленію такого-то дворянства). Въ иныхъ, впрочемъ, случаяхъ указанъ и размѣръ самыхъ сборовъ [1]). Встрѣчаются также въ договорахъ, при денежной платѣ за освобожденіе, и условія благотворительнаго характера. Помѣщикъ Матвѣевъ освободилъ 151 д. крестьянъ саратовской губерніи, съ обязательствомъ внести 10,000 р. ассиг. на устройство богадѣльни въ городѣ Вольскѣ и „взысканія, на помѣщикѣ лежащія". Г-жа Тучкова уволила 40 д. крестьянъ тульской губерніи, съ обязательствомъ (кромѣ взноса московскому опекунскому совѣту, что слѣдуетъ по займу въ 7,600 руб. ассиг.), доставлять ежегодно въ пользу Спасскаго богоугоднаго

---

[1]) Надворный совѣтникъ Рюминъ въ 1846 г. освободилъ своихъ крестьянъ на слѣдующихъ условіяхъ: они должны были уплатить опредѣленную сумму помѣщику въ 4 года, долгъ опекунскому совѣту (и то, и другое составляло почти по 100 р. на душу и нѣкоторые сборы. Въ 1852 г. Рюминъ освободилъ 140 д. въ рязанской губерніи, съ обязательствомъ въ теченіе 14 лѣтъ уплатить помѣщику 14,000 р. сер. (т. е. по 100 р.) и уплачивать сборы по постановленіямъ дворянства. Въ 1849 г. помѣщикъ Мошковъ освободилъ 164 души крестьянъ смоленской губерніи, причемъ они должны были уплатить 11,480 р. и разные сборы; сверхъ того, крестьяне обязались внести въ опекунскій совѣтъ 8,571 р. на разные несчастные случаи. Въ 1851 г. г-жа Кошелева освободила 377 душъ въ зарайскомъ уѣздѣ, рязанской губерніи, съ обязательствомъ уплатить ей 1,600 р. и доставить разные хозяйственные припасы, уплатить долгъ опекунскому совѣту 30,880 р. и разные другіе сборы, и проч.

общежитія на Бородинскомъ полѣ по 300 руб. ассиг., въ 1840 году она же освободила 106 д. ярославской губ., съ обязательствомъ уплатить опекунскому совѣту 428 руб. и ежегодно вносить по 514 руб. въ то же Спасское богоугодное общежитіе. Отпущенные на волю помѣщикомъ Мошковымъ крестьяне московской губерніи (241 д.) должны были внести 14,285 руб. въ московскій опекунскій совѣтъ и по 1 руб. 43 коп. съ тягла на несчастные случаи, собирать на богадѣльню, при церкви въ селѣ Успенскомъ, съ тягла по четверику ржи и овса, на содержаніе и улучшеніе пищи призрѣваемыхъ въ богадѣльнѣ, уступить доходъ съ береговъ Москвы-рѣки за складку лѣса и возить дрова на отопленіе богадѣльни.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьяне получали свободу съ обязанностью платить помѣщику или помѣщицѣ опредѣленный денежный оброкъ до смерти владѣльцевъ [1]) Тамъ, гдѣ крестьяне должны были вносить только одинъ оброкъ, безъ всякихъ другихъ условій, размѣръ его былъ слѣдующій: въ ярославской губерніи съ души 4 руб. 21 коп. сер. въ одномъ случаѣ и 11 руб. 83 коп. въ другомъ: оброкъ въ этомъ второмъ случаѣ былъ такъ невыносимо тяжелъ, что крестьяне г-жи Леонтьевой, принявшіе на себя, при отпускѣ на волю въ 1826 г., обязательство платить его, оказались несостоятельными и потому, на основаніи закона 1803 г., были вновь обращены въ 1831 г. въ крѣпостное состояніе. Во владимірской губерніи мы встрѣчаемъ въ одномъ случаѣ оброкъ въ 4 руб. 24 коп. серебромъ съ души, въ другомъ — 6 руб 56 коп.; въ костромской — 4 руб. 24 коп. и 8 руб. 80 коп.; въ московской, тверской, калужской и вологодской въ одномъ случаѣ по 4 руб. 24 к.; въ тульской губерніи въ одномъ случаѣ по 5 руб. сер., въ другомъ — по 9 — 12 руб. сер. съ души [2]: въ новгородской губерніи по 4 руб. 28 коп. Гораздо чаще, однако, ежегодный оброкъ по смерть владѣльца осложнялся еще другими условіями: кромѣ него, крестьяне вносили одновременно нѣкоторую сумму, или принимали на себя уплату долга, или поставляли нѣкоторые припасы натурою; случалось, что всѣ эти условія или нѣкоторыя изъ нихъ соединялись вмѣстѣ [3]).

---

[1]) Для удобства сравненія размѣра оброка, считавшагося до 1840 г. на ассигнаціи, а потомъ на серебро, мы будемъ переводить оброкъ въ рублях ассигнаціями на серебро по курсу того года, когда крестьяне получили свободу.

[2]) Въ 1846 году помѣщица Куломзина освободила 47 душъ крестьянъ тульской губерніи, съ тѣмъ, чтобы они платили до ея смерти по 12 руб., а затѣмъ ея племянницѣ — по 9 руб. съ души. Помѣщица предоставила себѣ право жить въ господскомъ домѣ, который, по смерти ихъ должень быть проданъ и деньги поровну раздѣлены между крестьянами.

[3]) Въ ярославской губерніи крестьяне освобождены въ нѣсколькихъ случаяхъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) 48 д. съ обязательствомъ платить до смерти помѣщика 18 руб. сер. съ души, а по смерти его — по 4 р. 28 к. въ пользу приходской церкви и внести 4,410 р. опекунскому совѣту, а также принять на себя платежъ сборовъ по состоянію-

Въ нѣсколькихъ случаяхъ крестьяне были освобождены съ обязанностью исполнять барщину [1]). Обязательство нести барщину, подобно тому, какъ это было и относительно оброка, нерѣдко осложнялось другими условіями. Иногда часть крестьянъ должна была исполнять барщину, другіе же платить оброкъ. Бывали случаи, что въ договорѣ крестьянамъ предоставлялось право замѣнить барщину оброкомъ извѣстнаго размѣра.

Какъ мы видѣли выше, при разныхъ другихъ условіяхъ, помѣщикъ иной разъ вносилъ въ договоръ обязательство, что крестьяне должны находиться у него въ полномъ повиновеніи до самой его смерти (въ одномъ случаѣ оговорено, что даже назначеніе рекрутъ зависитъ отъ помѣщика). Бывали и такіе договоры гдѣ помѣщичье усмотрѣніе замѣняло всякія дру-

---

леніямъ дворянства. 21 36 д. освобождены съ условіемъ оставаться до смерти помѣщика *въ полномъ его повиновеніи* и платить по 23 р. сер. въ годъ *с тягла*, а также и нѣкоторые сборы. 3) Помѣщикъ Глѣбовъ-Стрѣшневъ отпустилъ 1,368 д крестьянъ въ 1854 г. съ обязательствомъ уплатить съ разсрочкою по 20 р. 68 к. съ души и, кромѣ того, платить ежегодно ему и его *наслѣдникамъ* по 7 р. 15 к. съ души, а также уплатить повинности за дворовыхъ и отпущенныхъ на волю людей сборы по постановленіямъ дворянства и расходы по увольненію. Въ тверской губерніи: 1) 74 д. освобождены съ платою по 6 р. 43 к., съ обязательствомъ доставлять нѣкоторое количество сельскихъ произведеній, обработывать до смерти господина его землю, а затѣмъ уплатить за него 1,998 р. долга. 2) 49 крестьянъ освобождены съ обязательствомъ платить помѣщицѣ ежегодно по 2 р. сер. съ души и построить двѣ избы. Въ костромской губерніи 25 к. крестьянъ обязались оставаться въ полномъ распоряженіи помѣщика „на правахъ обязанныхъ крестьянъ“, платить оброкъ по 23 р. *съ тягла*, а съ неженатыхъ 21 года по 12 р., и приняли на себя уплату долга московскому опекунскому совѣту и платежъ сборовъ по постановленіямъ дворянства. Въ московской губерніи: 1) Крестьяне кн. Шихматовыхъ были освобождены въ 1836 г съ обязательствомъ платить ежегодно до смерти помѣщика по 3 р. 35 к., а затѣмъ вносить по 1 р. ассиг. въ пользу московской полицейской больницы и открыть у себя училище для дѣтей на мірской счетъ. Подробности объ этомъ освобожденіи см. въ книгѣ *В. Порошина* „Дворяне-благотворителя“ С.-Пб. 1856 г. 2) 157 душъ княгини Долгоруковой уволены съ условіемъ при жизни помѣщицы *находиться въ полномъ повиновеніи* и платить по 6 р. съ души, а по смерти ея обязались внести долгъ помѣщицы опекунскому совѣту въ 8,970 р., а также платить въ пользу церкви 30 р. въ годъ, церковнослужителямъ по 115 р. и разные сборы по губерніи. Въ новгородской губерніи крестьяне одной помѣщицы были освобождены съ уплатою ежегоднаго оброка до смерти ея по 8 р 85 к. сер. и съ обязанностью доставлять нѣкоторое количество сельскихъ произведеній и проч.

[1]) Помѣщица Андреева освободила 61 д. крестьянъ пензенской губ., съ обязательствомъ обрабатывать на нее ежегодно изъ предоставленной имъ земли по 16 десятинъ и доставлять хлѣбъ зерномъ, косить сѣно по 500 копенъ, привозить изъ лѣсу дровъ 12 саж. въ годъ, прудить плотину и чинить мельницу за предоставленное имъ право безденежно молоть хлѣбъ для собственнаго ихъ употребленія (мельница была отдана въ пожизненное пользованіе нѣкоторыхъ крестьянъ, а по смерти ихъ, должна была поступить въ собственность всей увольняемой вотчины). Помѣщица Шишкина освободила въ 1850 году 97 душъ крестьянъ пензенской губерніи, съ обязательствомъ при жизни ея обрабатывать въ ея пользу 100 десятинъ земли, доставлять дрова для отопленія дома и проч.

гія условія. Такъ, крестьяне помѣщицы Чевакинской перешли въ свободные хлѣбопашцы съ условіемъ оставаться въ полномъ ея распоряженіи до ея смерти, сверхъ того, они приняли на себя уплату разныхъ сборовъ съ дворянскихъ имѣній Крестьяне помѣщика Завьялова, вологодской губерніи (38 д.), при жизни помѣщика обязались находиться въ полномъ ему повиновеніи, а по смерти его внести въ пользу разныхъ церквей 750 р. и обезпечить дворовыхъ людей. Помѣщица кн. Чегадаева отпустила на волю своихъ крестьянъ пензенской губерніи, съ обязательствомъ доставлять ей при жизни „приличное содержаніе"; на такомъ же условіи освободила она крестьянъ и казанской губерніи, взыскавъ лишь съ нихъ, сверхъ того, нѣкоторую сумму денегъ [1]).

Чтобы устранить всякій рискъ при освобожденіи крестьянъ, нѣкоторые помѣщики увольняли ихъ на основаніи домашняго условія, которому они придавали оффиціальную санкцію лишь тогда, когда крестьянами были окончательно исполнены принятыя ими на себя обязательства. Такъ, крестьяне княгини Багратіонъ начали вносить помѣщицѣ выкупъ съ 1833 г., а въ свободные хлѣбопашцы были зачислены лишь въ 1850 г. [2]). Ниже мы увидимъ изъ свидѣтельства А. П. Кошелева, что при этомъ не обходилось иногда безъ злоупотребленій со стороны помѣщиковъ.

За неисполненіе принятыхъ на себя обязательствъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, на основаніи закона 1803 г., должно было обращать вновь въ крѣпостное состояніе. Относительно крестьянъ, получившихъ свободу въ царствованіе императора Александра I, эту мѣру пришлось примѣнить при его преемникѣ дважды. Что же касается освобожденныхъ въ эпоху императора Николая, то мы уже упоминали объ обращеніи въ 1831 г. вновь въ крѣпостные 68 д. крестьянъ ярославской губерніи, принадлежавшихъ прежде помѣщицѣ Леонтьевой и бывшихъ не въ состояніи выполнить принятыхъ ими на себя слишкомъ обременительныхъ условій (уплата ежегоднаго оброка по 11 р. 83 к. сер. съ души). Другой случай несостоятельности былъ съ крестьянами нижегородской губерніи, тайнаго совѣтника Протасова (1,210 д.), получившихъ свободу въ 1848 г., съ обязательствомъ внести въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ по 14 р. съ души. Въ это время правительство старалось уже отклонять обращеніе свободныхъ хлѣбопашцевъ въ крѣпостное состояніе, имѣя въ виду другой законъ, что воспользовавшійся однажды свободою не долженъ ее терять. Поэтому министерство государственныхъ имуществъ, на которое была возложена обязанность наблюдать за исполненіемъ свободными хлѣбопашцами при-

---

[1]) Крестьяне княжны Кикиной, ярославской губерніи, сверхъ уплаты долга опекунскому совѣту и небольшой суммы помѣщицѣ, обязались, сверхъ того, доставлять ей изъ своей среды „людей для услугъ".

[2]) „Сборн. Стат. Свѣд. по москов. губ., Отд. Хоз. Стат.", т. IV, вып. 1, стр. 293. *Вешняковъ.* „Крестьяне-собственники въ Россіи", стр. 116. 117

нятыхъ ими на себя условій, старалось избѣгать лишенія ихъ свободы. Когда въ 1853 году крестьяне Протасова отказались отъ дальнѣйшей уплаты денегъ помѣщику, послѣдній самъ предложилъ обратить ихъ не въ крѣпостное состояніе, а въ казенное вѣдомство, что и было исполнено правительствомъ съ уплатою Протасову 135 тысячъ рублей [1]).

Весьма выгодная для крестьянъ сторона закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ состояла, какъ извѣстно, въ томъ, что онъ допускалъ освобожденіе крѣпостныхъ селеніями не иначе, какъ съ землею. Въ царствованіе императора Александра I исключеніемъ изъ этого правила былъ только переходъ въ свободные хлѣбопашцы крѣпостныхъ ногайцевъ, принадлежащихъ тремъ помѣщикамъ; въ эпоху императора Николая всѣ крестьяне получили свободу съ землею. При Александрѣ I, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, крестьяне при своемъ увольненіи получали въ собственность всю землю, принадлежавшую помѣщикамъ. Относительно эпохи императора Николая находящіяся въ нашемъ распоряженіи свѣдѣнія рѣзко распадаются на два періода: съ 1825 по 1837 годъ включительно крестьяне получили всю землю во всѣхъ случаяхъ освобожденія (кромѣ пяти, гдѣ указано только количество земли, безъ обозначенія, составляетъ ли она все пространство имѣнія). Напротивъ, съ 1838 г., въ огромномъ большинствѣ случаевъ, указано количество пріобрѣтаемой крестьянами земли и лишь въ немногихъ означено, что имъ передается „вся земля“ безъ указанія размѣра ихъ надѣла. Но это не значитъ, что съ этого времени господа передавали имъ только часть своихъ прежнихъ владѣній; напротивъ, лишь въ нѣсколькихъ случаяхъ мы встрѣчаемъ прямое извѣстіе, что помѣщикъ, надѣливъ своихъ крестьянъ опредѣленнымъ количествомъ земли, остальную продалъ или взялъ себѣ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ основаніе думать, что и съ 1838 г. къ крестьянамъ переходило въ собственность все владѣніе ихъ бывшаго помѣщика, тѣмъ болѣе, что въ очень многихъ случаяхъ, кромѣ точнаго указанія количества десятинъ, передаваемыхъ увольняемымъ, упоминается, что это „вся земля“ [2]).

---

[1]) *Вешняковъ*, стр. 77. Въ 1857 г. числилось въ 13 губерніяхъ окончательно исполнившихъ свои обязанности крестьянъ, подворенныхъ на собственныхъ земляхъ, 55,250 душъ; еще не исполнившихъ 69,980 (о другихъ губерніяхъ свѣдѣній нѣтъ). *Вешняковъ*, стр. 68. Такъ какъ до настоящаго времени часть ихъ не исполнила своихъ обязанностей, то высочайше утвержденнымъ 18 декабря 1884 года мнѣніемъ государственнаго совѣта на такихъ крестьянъ распространены начала обязательнаго выкупа.

[2]) Точное указаніе количества передаваемой крестьянамъ земли въ большинствѣ вотчинъ, населеніе которыхъ перешло къ сословію свободныхъ хлѣбопашцевъ съ 1838 по 1855 годъ, дало намъ возможность вычислить, какой средній надѣлъ въ той или другой губерніи получали крестьяне при своемъ освобожденіи. Мы приведемъ данныя лишь о тѣхъ губерніяхъ, гдѣ въ нашемъ распоряженіи были свѣдѣнія болѣе чѣмъ о 1,000 душъ. Въ петербургской губ. 1,068 душъ свободныхъ хлѣбопашцевъ получили въ

На основаніи закона 1803 г., помѣщикъ долженъ былъ при заключеніи условія раздѣлить всю передаваемую землю на участки, такъ чтобы каждый изъ нихъ „имѣлъ въ виду опредѣлительно свой участокъ земли", на который слѣдовало выдать и соотвѣтственный планъ. Это требованіе могло очень вредно отразиться на интересахъ крестьянъ: оно, во-первыхъ, разрушало общинное землевладѣніе, а во-вторыхъ, вносило довольно трудно исполнимое условіе для перехода крестьянъ въ положеніе свободныхъ хлѣбопашцевъ, а именно размежеваніе ихъ участковъ: но къ счастію, оно обыкновенно не исполнялось, и раздѣленіе земли на участки предоставлялось самимъ крестьянамъ. „Если требовать точнаго исполненія сего закона, —читаемъ мы въ одномъ опредѣленіи общаго собранія сената, — то многіе помѣщики, особенно тѣ, которые безденежно увольняютъ крестьянъ своихъ въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, единственно изъ одного желанія сдѣлать ихъ по смерти своей счастливыми, принуждены будутъ отказаться отъ своего намѣренія, ибо исполненіе онаго весьма затруднительно, особенно по малому количеству землемѣровъ [1]). Поэтому общее собраніе сената рѣшило освятить закономъ то, что прежде допускалось практикою, т. е. предоставить самимъ крестьянамъ раздѣленіе уступленной имъ въ собственность земли на участки, но съ тѣмъ, чтобы 1) при заключеніи условія помѣщикъ обязывался объяснить, въ какой

среднемъ по 5,8 дес., въ смоленской губерніи 1,210 душъ получили въ среднемъ по 9,1 дес. на душу, въ тверской 2,029 душъ — по 8,7 дес., въ московской 7,089 душъ — по 5,6 дес., въ нижегородской 3,257 душъ — также по 5,6, въ ярославской 3,207 душъ — по 5,5 дес., въ воронежской 19,834 души — по 5,1 дес., наконецъ, въ рязанской 5,957 душъ — по 4,9 дес. на душу. По разсчету В. П. Вешнякова 41,539 душъ м. п., переведенныхъ въ званіе крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ, (т. е. свободныхъ хлѣбопашцевъ) въ теченіе 15 лѣтъ съ 1842 по 1858 г. получили всего 285,623 д. земли, т. е. по 6,9 дес. на душу. „Крестьяне-собственники въ Россіи", стр. 72 -73.— Выводы объ всѣхъ условіяхъ перехода крѣпостныхъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы основаны на двухъ вѣдомостяхъ: 1) сохранившейся въ дѣлѣ Арх. Мин. Госуд. Им. V Отд. Собств. Е. В. Канц. № 891, л. 160 - 188 и 2) приложенной къ труду В. П. Вешнякова „Крестьяне-собственники въ Россіи", Спб. 1858 г. стр. 95 – 125. Источники эти взаимно другъ друга пополняютъ, но въ обѣихъ вѣдомостяхъ почему-то пропущено освобожденіе въ 1851 г. канцлеромъ гр. Нессельроде 1,040 душъ крестьянъ въ ямбургскомъ уѣздѣ петербургской губ. за 83,280 р. с. (Высочайше утвержденный докладъ объ этомъ сообщенъ намъ редакціею „Русской Старины").

*) По свидѣтельству сената, условія между помѣщикомъ и крестьянами, представляемыя на разсмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, почти никогда не бывали составлены согласно установленнымъ для этого правиламъ, несмотря на ихъ „ясность и опредѣлительность", такъ что министерство бывало принуждено возвращать такія условія для исправленія и дополненія, и нерѣдко случалось, что въ теченіе употребляемаго на то времени помѣщикъ умиралъ, не исполнивъ своего намѣренія, отчего возникали „непріятные и вредные споры между его наслѣдниками и крестьянами", и основываніе этихъ послѣднихъ своимъ господамъ, которые хотѣли оставить ихъ „у себя въ крѣпости".

срокъ и какимъ образомъ они должны произвести этотъ раздѣлъ, т. е. по количеству ли внесеннаго за себя каждымъ крестьяниномъ выкупа, или по числу наличныхъ душъ; 2) до раздѣла земли или до миновапія положеннаго въ условіи срока никто изъ крестьянъ отдѣльно не можетъ быть признанъ полнымъ хозяиномъ оставленнаго ему помѣщикомъ участка, слѣдовательно, не можетъ его отчуждать или передавать своего права на него. Въ случаѣ смерти кого-либо изъ нихъ до раздѣла, его участокъ переходитъ къ наслѣдникамъ, но только на правѣ владѣнія, а не собственности, при совершеніи же раздѣла онъ входитъ въ общую массу раздѣляемой земли, и въ собственность наслѣдниковъ поступаетъ лишь та часть его, которая причиталась бы по раздѣлу на долю умершаго. Но, разумѣется, земля, пріобрѣтенная свободнымъ хлѣбопашцемъ внѣ границъ уступленныхъ его обществу владѣній, составляетъ его неотъемлемую собственность. Государственный совѣтъ согласился съ опредѣленіемъ сената, и мнѣніе его было утверждено государемъ [1]).

Было бы очень важно опредѣлить, какое условіе раздѣла земли чаще встрѣчается въ договорахъ между помѣщиками и крестьянами: по числу душъ, или по количеству внесеннаго каждымъ выкупа? Къ сожалѣнію, имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи матеріалы не даютъ намъ возможности точно отвѣтить на этотъ вопросъ; мы имѣемъ на это указаніе только въ 21 случаѣ освобожденія: изъ нихъ въ 11 предоставляется крестьянамъ раздѣлить землю по числу душъ или „поровну“ и въ 10—по количеству внесеннаго каждымъ выкупа. Сверхъ того, въ одномъ случаѣ просто предоставляется крестьянамъ произвести раздѣлъ „полюбовно“ [2]).

И при томъ, и при другомъ способѣ раздѣла земли могли совершенно прекратиться ея дальнѣйшіе передѣлы. Оказалось, однако, что въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянамъ самимъ предоставлялось произвести раздѣлъ земли, они обыкновенно продолжали владѣть ею на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и при крѣпостномъ правѣ, т. е. съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія. Обзоръ, произведенный въ 1847 - 48 гг. чиновниками министерства государственныхъ имуществъ въ губерніяхъ: московской, владимірской, ярославской, рязанской, тульской и орловской, показалъ, что въ большей части имѣній свободныхъ хлѣбопашцевъ земля оказалась нераздѣленною между крестьянами. Безъ сомнѣнія, именно соблюденіе общинныхъ принциповъ повело къ тому, что крестьяне эти почти повсемѣстно оказались въ положеніи зажиточномъ [3]). Нужно замѣтить, что и

---

[1]) 2-е П. С. З., т. XIII, № 11287, 7 іюня 1838 г.

[2]) Срокъ раздѣла извѣстенъ намъ въ 25 случаяхъ: въ 7 условлено было раздѣлить землю въ теченіи года, въ 7, въ теченіи двухъ лѣтъ, въ 7—трехъ лѣтъ, въ 2 —четырехъ лѣтъ, въ 1—восьми и въ одномъ по смерти помѣщика

[3]) *Вешняковъ*, стр. 74, 75.

въ тѣхъ вотчинахъ, гдѣ земля была раздѣлена по количеству внесеннаго каждымъ выкупа не всегда послѣ перехода крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы устанавливалось вполнѣ подворное владѣніе: мы встрѣчаемъ въ нихъ иногда повтореніе передѣловъ земли пропорціонально суммѣ выкупа, хотя, конечно, этотъ способъ раздѣла противорѣчилъ обычнымъ общиннымъ принципамъ, такъ какъ въ основаніи его лежитъ не бо́льшая или меньшая потребность крестьянской семьи въ землѣ, а ея экономическая состоятельность. Были, однако же, и такія имѣнія, гдѣ при освобожденіи было введено окончательно подворное землевладѣніе и гдѣ передѣлы, хотя бы и пропорціонально суммѣ выкупа, прекратились, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ крестьяне современемъ перешли, попрежнему, къ обычной формѣ общиннаго пользованія землею; тамъ же, гдѣ упѣлѣло подворное участковое землевладѣніе, оно привело, судя, по крайней мѣрѣ, по наблюденіямъ въ московской губерніи, къ печальнымъ послѣдствіямъ [1]).

Представивъ общій обзоръ тѣхъ условій, на которыхъ помѣщики увольняли своихъ крестьянъ въ царствованіе императора Николая, мы остановимся теперь подробнѣе на трехъ примѣрахъ такого освобожденія, изъ которыхъ два замѣчательны по числу уволенныхъ при этомъ крестьянъ, а третье—по личности владѣльца.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1772 г. императрица Екатерина пожаловала графу Алексѣю Григорьевичу Орлову „за чесменскую баталію“ 4,000 душъ изъ дворцовыхъ вотчинъ, дозволяя ему выбрать ихъ по своему усмотрѣнію; вскорѣ послѣ того, вѣроятно, согласно съ желаніемъ Алексѣя Григорьевича Орлова, состоялось и самое назначеніе имѣній, а именно: московской губерніи изъ вѣдомства дворцовой Хатунской волости. [2]) Въ 1807 г. это имѣніе перешло по наслѣдству къ дочери Алексѣя Григорьевича, извѣстной Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой-Чесменской, которая, какъ мы видѣли, весьма многихъ изъ своихъ крестьянъ уволила въ свободные хлѣбопашцы. Въ 1838 г. она заключила договоръ объ увольненіи и съ крестьянами своей Хатунской вотчины, серпуховскаго уѣзда, главныя постановленія котораго мы и приведемъ здѣсь. Камеръ-фрейлина графиня Орлова-Чесменская уволила въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ [3]) 5,518 душъ мужскаго пола „съ ихъ женами, обоего пола дѣтьми до ревизіи и послѣ оной рожденными, внучатами, пріемышами, и въ безвѣстныхъ отлучкахъ находящимися, также съ пожилыми и заработными ихъ

---

[1]) *Орловъ.* „Формы крестьянскаго землевладѣнія московской губерніи“ Сборн. статистическихъ свѣдѣній по московской губ. Отд. хозяйств. статист., т. IV, вып. I, стр 298—299, 300, 302—304, 305—308.

[2]) Арх. М. Ю., дѣло I Деп. Прав. Сен. № 357—3928, л. 473, 478—479.

[3]) За исключеніемъ изъ числа 5,780 душъ мужск. пола 146 дворовыхъ, которыхъ она оставила у себя, 45 отпущенныхъ прежде на волю, 67 отданныхъ въ рекруты, трехъ сосланныхъ на поселеніе и одной души, по ошибкѣ вдвойнѣ показанной.

деньгами". Въ „неотъемлемую собственность" увольняемыхъ крестьянъ помѣщица предоставила всю пахотную и непахотную землю съ сѣнными покосами, лугами и лѣсами, съ озерами, рѣками, мельницами и рыбными ловлями, съ отхожими пустошами и прочими угодьями, „сколько къ нимъ по межевымъ книгамъ, планамъ, писцовымъ выписямъ и крѣпостямъ принадлежитъ и чѣмъ оные крестьяне доселѣ владѣли и нынѣ владѣютъ, не оставляя за собою ни единаго четверика земли, а также съ господскимъ и крестьянскимъ хороменнымъ жильемъ и нежилымъ строеніемъ, садами, огородами, конопляниками, огуменниками, съ посѣяннымъ и непосѣяннымъ всякаго рода хлѣбомъ, рогатымъ и нерогатымъ скотомъ и птицами. — словомъ, со всѣмъ ихъ крестьянскимъ, въ чемъ бы оно ни состояло, имуществомъ". Всей земли въ этомъ имѣніи было 31.111 дес., т. е. по 5,6 дес. на душу. Требуемое закономъ раздѣленіе земли графиня предоставила крестьянамъ сдѣлать самимъ „въ свое время... полюбовно и безобидно", по примѣру другихъ, уже уволенныхъ ею въ свободные хлѣбопашцы крестьянъ ярославской губерніи [1]). Всѣ квитанціи за отданныхъ въ рекруты изъ увольняемаго имѣнія крестьянъ въ зачетъ будущихъ наборовъ, а также купленныхъ самими крестьянами, помѣщица предоставила въ полную ихъ собственность. За свое увольненіе и уступку имъ земель крестьяне обязались уплатить помѣщицѣ 2.260,800 р. ассигн. [2]) (это составляетъ по 115 руб. сер. съ души). Кромѣ того, крестьяне приняли на себя уплату казенныхъ и земскихъ повинностей до будущей ревизіи за всѣхъ ранѣе отпущенныхъ на волю, отданныхъ въ рекруты и сосланныхъ на поселеніе, также какъ и за дворовыхъ до перечисленія ихъ изъ вотчины въ другую (послѣднее помѣщица обязалась исполнить въ теченіе года); всѣ издержки по увольненію крестьяне приняли на себя [3]).

Самою крупною помѣщичьею вотчиною изъ всѣхъ выкупленныхъ на свободу въ царствованіе императора Николая было воронежское имѣніе гр. Петра Дмитріевича Бутурлина, въ которомъ было около 12,000 д. м. п. (почти пятая часть всего числа переходившихъ въ эту эпоху въ свободные

---

[1]) Мірское (общинное) землевладѣніе сохранилось до сихъ поръ у крестьянъ Хатунской волости. *Орловъ*. „Формы крест. землевлад. въ московск. губ", стр. 286.

[2]) Эта сумма составилась изъ а) уже внесенныхъ господиномъ 300,000 руб. ассигн.; б) выданныхъ графинѣ въ ссуду изъ московскаго опекунскаго совѣта подъ залогъ увольняемаго имѣнія 1.375,000 руб., платежъ которыхъ крестьяне приняли на себя, и, затѣмъ, в) остальной выкупной суммы 531.800 руб. и разныхъ оброчныхъ недоимокъ за прежнее время, что составляетъ вмѣстѣ 622.800 руб. Вся сумма равняется 2.297,800 руб. Для погашенія недостающихъ 37,000 руб. или, какъ сказано въ условіи, „для окончательнаго разсчета" съ крестьянами, былъ проданъ лѣсъ на одномъ изъ острововъ вотчины.

[3]) Принадлежащія мнѣ конныя съ дѣлопроизводства по увольненію крестьянъ гр. Орловой-Чесменской.

хлѣбопашцы). Договоръ между крестьянами и помѣщикомъ былъ заключенъ въ 1841 г., но утвержденіе его правительствомъ, въ виду различныхъ затрудненій, послѣдовало лишь черезъ 3 года. Прежде всего, первоначальный договоръ вызвалъ нѣкоторыя замѣчанія со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ: въ одномъ изъ нихъ обращено было вниманіе на необозначеніе въ условіи, въ какой именно срокъ и на какомъ основаніи должны они раздѣлить между собою землю: важнѣе было другое замѣчаніе Въ договоръ было, между прочимъ, сказано, что крестьяне „до совершеннаго удовлетворенія помѣщика... должны находиться въ управленіи и совершенномъ повиновеніи тѣхъ же лицъ, которыя нынѣ ими управляютъ". Мы увидимъ ниже, что такое условіе было не даромъ включено въ договоръ гр. Бутурлина; министерство внутреннихъ дѣлъ, хотя и не знало тѣхъ фактовъ, которые потомъ обнаружились относительно злоупотребленій этихъ управляющихъ, обратило вниманіе на то, что такое постановленіе можетъ повести къ вреднымъ для крестьянъ послѣдствіямъ [1]. Договоръ былъ возвращенъ для передѣлокъ.

Еще прежде чѣмъ онъ былъ утвержденъ правительствомъ, крестьяне въ томъ же 1841 г., когда онъ былъ подписанъ обѣими заинтересованными въ этомъ дѣлѣ сторонами, приступили къ уплатѣ денежнаго выкупа: внеся, что слѣдовало, въ опекунскій совѣтъ, они заплатили владѣльцу не только слѣдовавшіе по разсчету въ первый годъ 120,000 р., но, вслѣдствіе вымогательствъ управляющаго, иностранца Дерберга, внесли еще и лишнихъ 18,000 р. Кромѣ того, по словамъ воронежскаго губернатора, барона фонъ-дер-Ховена, „угрозами и самымъ мщеніемъ" Дерберъ заставилъ часть крестьянъ подписать приговоръ объ оставленіи его въ званіи управителя, а его зятя, лекаря Раевскаго, — завѣдующимъ вотчинною больницею, съ жалованьемъ обоимъ до 3,150 р. на счетъ крестьянъ. Болѣе 25-ти лѣтъ совмѣстнаго завѣдыванія Дерберга (сначала конскимъ заводомъ, а потомъ и имѣніемъ гр. Бутурлина) съ нынѣшнимъ главноуправляющимъ его поручикомъ Кавецкимъ, — писалъ воронежскій губернаторъ министру внутреннихъ дѣлъ, — „соединило имъ тѣсною дружбою, укрѣпившеюся нераздѣльными выгодами ихъ. Получивъ отъ графа первый 1,000 дес. на имя своего сына, а послѣдній, г. Кавецкій, 125 душъ съ 2,000 дес. земли и пользуясь отсутствіемъ владѣльца, они отвели для себя земли въ самомъ центрѣ всей дачи, захвативъ главнѣйшія угодья и включивъ въ крѣпостной актъ постоялый дворъ, приносящій до 1,500 р. сер. годоваго дохода. Въ продолженіе всего 1841 года Дерберъ цѣлыми селеніями почти постоянно удерживалъ крестьянъ въ деревнѣ Кавецкаго на его и въ нѣкоторой части на своихъ работахъ, строго наказывалъ, притомъ, тѣлесно многихъ изъ крестьянъ, содержа въ оковахъ, колодкахъ... и брея головы на подобіе арестантовъ. Разныя господскія и общественныя строенія сламывалъ и на крестьянскихъ подводахъ по наряду перевозилъ или къ себѣ, а наиболѣе въ имѣніе главноуправляющаго: самопроизвольно истреблялъ лѣсъ", употребляя его на гоб-

[1] Въ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго къ воронежскому губернскому предводителю дворянства было сказано: „по существующимъ правиламъ крестьяне поступаютъ въ свободные хлѣбопашцы немедленно по утвержденіи заключеннаго на сей предметъ договора, а потому вышеприведенное условіе въ столь общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ не можетъ быть допущено".

ственныя постройки [1]. „Главнѣйшія оброчныя статьи, заведенія и проч. отдавалъ въ содержаніе безъ согласія общества за самую ничтожную плату, но такимъ изъ купцовъ или крестьянъ, съ коими непосредственно участвуетъ въ торговлѣ и промыслахъ". Когда „притѣсненія и обиды достигли уже до крайней возможности", крестьяне въ началѣ 1842 г. обратились къ воронежскому губернатору, и посланный имъ для разслѣдованія совѣтникъ губернскаго правленія Волошиновъ открылъ все вышеописанное; при его содѣйствіи крестьяне, въ удовлетвореніе ихъ жалобъ, получили 12.000 р., но впослѣдствіи по дѣламъ вотчинной конторы оказалось еще разнаго неправильнаго отчужденія болѣе чѣмъ на 7,000 р., и затѣмъ оставались безъ всякаго вознагражденія претензіи ихъ на Кавецкаго на сумму свыше 15,000 р. Крестьяне и не отважились бы отыскивать съ него этихъ денегъ по неограниченной къ нему довѣренности ихъ помѣщика и въ виду предоставленнаго полномочія, если бы онъ не подалъ повода къ тому новою несправедливостью. Когда въ февралѣ 1842 г. крестьянамъ было объявлено, что заключенное ими съ владѣльцемъ условіе возвращено министромъ внутреннихъ дѣлъ для исправленія, раздраженные открытіемъ своихъ злоупотребленій Кавецкій и Дербергъ воспользовались этимъ и объявили, что владѣлецъ вовсе не хочетъ возобновлять договора. Крестьяне принесли жалобу: Кавецкій и Дербергъ обвинили ихъ въ неповиновеніи и готовы были уже отправить въ ссылку и сдать въ рекруты лучшихъ людей крестьянскаго общества, когда вновь прибылъ чиновникъ Волошиновъ. Кавецкій принужденъ былъ уволить Дерберга отъ должности, а самъ предъ чиновникомъ и цѣлымъ обществомъ крестьянъ изустно и письменно обязался немедленно приступить къ составленію условія съ указанными министерствомъ измѣненіями. Но какъ только 2 апрѣля 1842 г. состоялся извѣстный указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, Кавецкій далъ знать вотчинной конторѣ, будто бы этимъ новымъ закономъ затрудняется увольненіе крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы съ землею, между тѣмъ, какъ извѣстно, онъ не имѣлъ никакой обязательной силы и вовсе не отмѣнялъ закона 1803 г. „Такое произвольное сужденіе г. Кавецкаго, могущее отклонить и графа Бутурлина отъ окончательнаго заключенія договора съ крестьянами своими, — доносилъ воронежскій губернаторъ, -можетъ возбудить ропотъ, послѣдствія котораго ни въ какомъ отношеніи не могутъ быть благопріятны", а потому бар. фонъ-деръ-Ховенъ предписалъ земскому суду бобровскаго уѣзда, гдѣ находилось имѣніе гр. Бутурлина, немедленно обязать Кавецкаго подпискою, чтобы онъ не позволялъ себѣ ложныхъ толкованій новаго постановленія правительства и съ точностью исполнялъ бы волю своего довѣрителя подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, строгаго взысканія по законамъ [2]. Перовскій обратилъ особенное вниманіе на это дѣло, призналъ дѣйствія воронежскаго губернатора совершенно правильными и просилъ мѣстнаго губернскаго предводителя дворянства оказать содѣйствіе переходу крестьянъ гр. Бутурлина въ свободные хлѣбопашцы.

---

[1]) Онъ не жалѣлъ всего этого, такъ какъ по утвержденіи договора имѣніе должно было въ полномъ составѣ поступить въ распоряженіе крестьянъ.

[2]) Вмѣстѣ съ тѣмъ, воронежскій губернаторъ просилъ министра внутреннихъ дѣлъ „оказать крестьянамъ справедливую защиту, преградивъ г. Кавецкому пути къ дальнѣйшимъ поворотамъ и злоупотребленіямъ", и донести до свѣдѣнія живущаго во Флоренціи гр. Бутурлина о дѣйствіяхъ его повѣренныхъ, съ тѣмъ, чтобы онъ, съ своей стороны, принялъ безотлагательныя мѣры" къ скорѣйшему заключенію окончательнаго условія съ своими крестьянами, тѣмъ болѣе, что онъ уже получилъ отъ нихъ значительную часть денегъ.

Главноуправляющій Кавецкій, ложно толковавшій указъ 2 апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ хотѣлъ, повидимому, ввести въ заблужденіе и своего патрона, какъ можно заключить изъ приведеннаго ниже письма къ нему гр. Бутурлина, но онъ увидѣлъ, что намѣреніе графа освободить своихъ крестьянъ съ землею непоколебимо. „Жаль мнѣ, — писалъ Бутурлинъ Кавецкому, — что вы въ письмахъ вашихъ не дали мнѣ точнаго понятія о измѣненіяхъ, требуемыхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ вашихъ условіяхъ съ крестьянами [1]), ибо, если полагаете, что онъ будетъ настаивать на томъ, чтобы, пользуясь новыми распоряженіями правительства, я непремѣнно оставилъ бы за собою землю и вмѣсто вольныхъ хлѣбопашцевъ сдѣлалъ бы изъ слободскихъ крестьянъ обязанныхъ (sic), то, признаюсь вамъ, мнѣ будетъ весьма огорчительно" (министръ и не думалъ требовать ничего подобнаго). „я далъ слово обществу бутурлинскому, что отпущу ихъ на волю на точномъ основаніи тѣхъ условій, на коихъ получили свободу Васильевская слобода съ прилежащими хуторами, и никакъ не намѣренъ нарушать данное слово. А потому, если увидитесь съ его высокопревосходительствомъ Львомъ Алексѣевичемъ (Перовскимъ), поставьте это на видъ, тѣмъ болѣе, что изъ бывшихъ уже неудовольствій, побудившихъ васъ устранить Дерберга, можемъ предвидѣть дальнѣйшія непріятности, если въ чемъ-либо существеннаго (sic) захотятъ перемѣнить первоначальное условіе: хохлы мнительны и будутъ полагать, что мы ихъ хотимъ провести, en un mot, que nous n'agissons pas franchement, or le bon Dieu m'est temoin de la sincerite, avec laquelle j'entre dans toute cette affaire".

Между тѣмъ, стараніямъ посланнаго воронежскимъ губернаторомъ чиновника Волошинова и бобровскаго уѣзднаго предводителя дворянства злоупотребленія въ имѣніи гр. Бутурлина были прекращены и въ половинѣ 1842 г. составленъ новый договоръ крестьянъ съ помѣщикомъ, совершенно ихъ удовлетворившій [2]).

---

[1]) Давать точныя свѣдѣнія о замѣчаніяхъ министерства было для Кавецкаго неудобно, такъ какъ министръ обратилъ вниманіе на широкія права, которыя тотъ выговаривалъ себѣ относительно крестьянъ и послѣ ихъ увольненія.

[2]) Пока договоръ этотъ проходилъ установленныя закономъ мытарства, поднялось новое дѣло относительно крестьянъ матери гр. Петра Дмитріевича, княгини совѣтницы графини Анны Бутурлиной, того же бобровскаго уѣзда, воронежской губ., которые еще въ 1838 г. перешли въ свободные хлѣбопашцы въ числѣ 2,959 душъ и къ 1 января 1842 г. уже исполнили всѣ свои обязательства. Увидѣвъ, что ихъ собратьямъ удалось обличить всѣ козни Дерберга и даже столкнуть его съ мѣста, они заявили губернатору, что, при поступленіи ихъ въ свободные хлѣбопашцы, Дербергъ не записалъ по книгамъ въ приходъ нѣсколько значительныхъ статей общественныхъ доходовъ, удержавъ деньги у себя, по согласію съ сельскимъ начальствомъ, которое съ 1836 г. не допускало общество до учета и требовавшихъ его даже сажало подъ карауль. Несмотря на то, что они исправно вносили окладные сборы, неизвѣстно почему на нихъ была накоплена значительная недоимка по займу въ опекунскомъ совѣтѣ; за проданный лѣсъ получены большія суммы, но въ нихъ также не дают. никакого отчета. Крестьяне просили губернатора для разбора ихъ жалобы назначить того же чиновника Волошинова, который вполнѣ удовлетворилъ бывшихъ крѣпостныхъ сына ихъ господина. Губернаторъ исполнилъ это желаніе, и Волошиновъ нашелъ такое запутанное и безпорядочное веденіе книгъ съ 1835 по 1842 г., что для подробной повѣрки счетовъ и собранія достовѣрныхъ справокъ нужно было очень много времени, но уже

Договоръ гр. П. Д. Бутурлина, подписанный въ августѣ 1842 г. и утвержденный государемъ въ ноябрѣ 1844 г., начинался такимъ образомъ: „Я, нижеподписавшійся, коллежскій совѣтникъ, камергеръ и кавалеръ, графъ Петръ Дмитріевъ сынъ Бутурлинъ, вспоминая всегда о тѣхъ заботахъ, съ какими покойный родитель мой, тайный совѣтникъ, сенаторъ и дѣйствительный камергеръ, гр. Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, изыскивалъ средствъ (sic) къ облагодѣтельствованію и улучшенію участи принадлежавшихъ ему крестьянъ, а притомъ убѣжденный въ этомъ случаѣ примѣромъ родительницы моей гр. А. А. Бутурлиной, уволившей доставшихся на ея часть крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, и видя, сколь легко и исправно они теперь исполнили свою обязанность, за благо разсудилъ и принадлежащихъ мнѣ крестьянъ, доставшихся по наслѣдству послѣ покойнаго родителя моего гр. Д. П. Бутурлина уволить также въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, почему... заключилъ сей договоръ съ крестьянами имѣнія моего... въ томъ, что я... крестьянъ моихъ .. (такихъ-то слободъ, деревень и хуторовъ), за исключеніемъ изъ нихъ уволенныхъ особыми актами для избранія рода жизни, всего 63 души, остающихся затѣмъ, не оставляя за собой ни одной души, въ семъ имѣніи по 8-й ревизіи числящихся, всего 11,965 д., увольняю въ свободные хлѣбопашцы, безъ всякаго со стороны ихъ платежа за личную свободу", но на слѣдующихъ условіяхъ. Они должны взять всю землю, на которой поселены, 61.818 дес. (по 5,2 дес. на душу), съ платою по 23 р. 14½ к. за дес., а всего 1,430,645 р. Такъ какъ имѣніе состоитъ въ залогѣ въ московскомъ опекунскомъ совѣтѣ и, по перезалогу въ 1842 г., на немъ числится долга 959,440 р. сер., то эту сумму крестьяне обязаны уплатить въ счетъ выкупа въ теченіе 37 лѣтъ, въ положенные кредитными установленіями сроки съ надлежащими процентами, а затѣмъ остальные 471,205 р. сер. внести помѣщику въ теченіе пяти лѣтъ, производя платежъ ежегодно къ Рождеству съ 4% (въ томъ числѣ 100.771 р. отъ нихъ уже было получено). Вмѣстѣ съ землею крестьянамъ предоставляется все ихъ имущество, а также всѣ лѣса (765 дес.) и всѣ экономическія строенія, въ томъ числѣ свеклосахарный и конный заводы, 3 водяныя и двѣ вѣтряныя мельницы [1]. По заплатѣ долга помѣщику и въ

при первоначальномъ ихъ обзорѣ онъ открылъ, что неправильно израсходовано около 4.000 р., и затѣмъ поручилъ окончательную провѣрку счетовъ бобровскому окружному управленію при депутатахъ отъ крестьянскаго общества. Прежнее сельское начальство было удалено и выбрано новое.

[1] Съ тѣмъ однакожъ, что до полнаго разсчета съ помѣщикомъ они могутъ пользоваться всѣми строеніями подъ наблюденіемъ повѣреннаго гр. Бутурлина, но господскій домъ, кухня, каретный сарай и каменные погреба должны быть сохраняемы въ цѣлости съ необходимымъ ремонтомъ, прочее же каменное строеніе (манежъ, оранжереи, сараи и прочее), оцѣненное въ 8,075 р. сер., имъ предоставляется продать въ свою пользу. Свеклосахарнымъ заводомъ, оцѣненнымъ въ 10,000 руб., крестьяне также могутъ распорядиться, какъ найдутъ для себя выгоднымъ.

опекунскій совѣтъ, крестьянамъ предоставляется раздѣлить землю полюбовно въ теченіе двухъ лѣтъ по числу душъ, состоявшихъ въ 8-ую ревизію. По внесеніи всей суммы въ пользу помѣщика, они могутъ распорядиться лѣсомъ по своему усмотрѣнію, но до совершеннаго разсчета съ гр. Бутурлинымъ не имѣютъ права ни рубить, ни продавать его, а для починки мостовъ и строеній могутъ ежегодно вырубать по 20 дес. и очищать сухой валежникъ. Когда лѣсъ послѣ разсчета съ помѣщикомъ поступитъ во владѣніе крестьянъ, то, въ случаѣ его продажи, вырученныя деньги идутъ въ уплату долга опекунскому совѣту, въ противномъ же случаѣ они могутъ пользоваться имъ при полюбовномъ раздѣлѣ на число душъ постепенно, когда заблагоразсудится и будетъ въ томъ надобность" [1]). Если крестьяне въ какой-либо годъ не выполнятъ своихъ обязанностей, то договоръ уничтожается, они возвращаются, попрежнему, въ крѣпостное состояніе, а выплаченныя ими деньги зачитаются въ оброкъ, по разсчету ежегодно платимаго ими нынѣ [2]).

Въ 1840 г. извѣстный другъ А. И. Герцена, Н. П. Огаревъ, заключилъ договоръ съ крестьянами унаслѣдованнаго имъ отъ матери имѣнія, села Бѣлоомута, зарайскаго уѣзда, рязанской губ., относительно увольненія ихъ въ свободные хлѣбопашцы. П. В. Анненковъ въ своей статьѣ „Идеалисты 30-хъ годовъ" сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній объ этомъ освобожденіи, но, не имѣя, по его собственнымъ словамъ, оффиціальныхъ документовъ объ этомъ дѣлѣ, онъ говоритъ о немъ лишь „по слухамъ и воспоминаніямъ современниковъ", и, вслѣдствіе этого, его разсказъ, при всей его краткости (всего полторы страницы), заключаетъ въ себѣ нѣсколько крупныхъ ошибокъ. Минуя ихъ, мы заимствуемъ изъ него нѣсколько строкъ, оставляя ихъ, однако, на отвѣтственности автора. Г. Анненковъ сообщаетъ, что богатые крестьяне села Бѣлоомута, стоявшаго на рѣкѣ Окѣ, украшеннаго 4 церквами, владѣвшаго великолѣпными поемными лугами и обширными рыбными ловлями, служили въ званіи управляющихъ, распорядителей и въ другихъ высшихъ должностяхъ при откупахъ, и если сами не дѣлались откупщиками, то единственно по милости крѣпостнаго права. Многіе изъ нихъ являлись къ старому помѣщику (отцу Николая Платоновича) съ просьбой о свободѣ и предложеніемъ значительныхъ выкуповъ. Одинъ изъ нихъ почти наканунѣ его смерти

---

[1]) Въ случаѣ продажи лѣса послѣ окончательнаго разсчета съ опекунскимъ совѣтомъ, вырученныя деньги слѣдуетъ раздѣлить по числу крестьянъ, числящихся нынѣ по ревизіи и участвовавшихъ въ платежѣ денегъ за землю, „и отнюдь участіе... въ лѣсѣ, деньгахъ за оный и землѣ не можетъ относиться къ тѣмъ изъ крестьянъ, которые, по какому-либо случаю, будутъ послѣ того къ нимъ причислены и не участвовали въ платежѣ денегъ ни помѣщику, ни опекунскому совѣту".

[2]) Принадлежащія мнѣ копіи съ дѣлопроизводства по увольненію крестьянъ гр. Бутурлина

предлагалъ за себя 100,000 р. сер. (?), но старый баринъ, довольствовавшійся очень скромнымъ оброкомъ съ своихъ крестьянъ и поощрявшій всячески ихъ страсть къ наживѣ, не хотѣлъ и слышать о выкупахъ, гордясь тѣмъ, что въ числѣ его подданныхъ есть чуть не милліоперы. Молодой, унаслѣдовавшій его имѣніе, баринъ (имѣніе какъ мы сказали выше, было собственно материнское) тоже не благоволилъ къ отдѣльнымъ выкупамъ, но по другимъ причинамъ. Онъ отказалъ тремъ домовладѣльцамъ, явившимся къ нему тотчасъ послѣ смерти его отца съ 250,000 р. (?) въ видѣ вознагражденія за свое освобожденіе, и требовалъ, чтобы все село, въ полномъ его составѣ, приступало къ выкупу и равномѣрно воспользовалось его выгодами. На этомъ условіи и состоялась сдѣлка" [1]) Обращаемся къ неизданнымъ оффиціальнымъ документамъ.

Договоръ, заключенный „коллежскимъ регистраторомъ" Огаревымъ съ крестьянами въ октябрѣ мѣсяцѣ 1840 г., былъ препровожденъ губернскимъ предводителемъ дворянства въ мартѣ слѣдующаго года въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Черезъ мѣсяцъ министръ гр. Строгановъ возвратилъ его обратно съ нѣкоторыми замѣчаніями; измѣненный, онъ вновь поступилъ въ министерство и былъ опять возвращенъ для исправленія. Въ концѣ февраля 1842 г. договоръ былъ окончательно изготовленъ, а въ іюнѣ уже утвержденъ государемъ. Приведемъ подробно его содержаніе.

Крестьянамъ села Бѣлоомута въ верхней половинѣ [2]), за исключеніемъ всѣхъ отпущенныхъ на волю въ разное время, прочимъ 1,820 д. м. п. „дается вѣчная свобода для поступленія въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ съ женами ихъ, дѣтьми и пріемышами обоего пола, какъ въ ревизіи значущимися, такъ и послѣ оной рожденными, со всѣмъ ихъ потомствомъ, строеніемъ, скотомъ" и всякимъ имуществомъ. При селѣ этомъ пахотной земли не было, а во владѣніи крестьянъ находились луга, лѣса, выгонныя и усадебныя земли, рыбныя ловли и прочія угодья; всѣ эти земли и угодья въ количествѣ 8,127 дес. (по 4^{1}, дес. на душу), приходившихся на его часть (изъ 20.196 дес., состоявшихъ по селу Бѣлоомуту въ чрезполосномъ владѣніи съ другими помѣщиками), Огаревъ предоставилъ увольняемымъ крестьянамъ „въ вѣчную и потомственную ихъ собственность вмѣстѣ съ личною ихъ свободою". За это они приняли на себя слѣдующія обязательства: 1) заплатить 142,857 р. сер. выкупа, въ счетъ котораго они, при заключеніи перваго условія, въ октябрѣ 1840 г., внесли 57,143 р., а затѣмъ остальные 85,714 руб обязаны были уплатить въ продолженіе десятилѣтняго срока, начиная съ 1841 г., съ тѣмъ, чтобы во все время, покуда они будутъ состоять въ долгу у помѣщика, они вно-

---

[1]) „Вѣстникъ Европы" 1883 г., № 4, стр. 510—511.

[2]) Изъ этого видно, что Н. П. Огареву принадлежала лишь часть села.

сили ежегодно по 4% съ недоплаченной ими суммы; 2) уплачивать въ узаконенные сроки состоящій на селѣ Верхнемъ Бѣлоомутѣ долгъ сохранной казнѣ московскаго опекунскаго совѣта (по займу, сдѣланному въ 1837 г. на 26-ти лѣтній срокъ) 310,000 р. *ассигнаціями*, сколько числилось изъ этого долга за трехгодичною уплатою помѣщика (что они уже и начали исполнять на основаніи перваго условія); 3) по уплатѣ ими въ десятилѣтній срокъ всей договоренной суммы, они обязались внести помѣщику въ продолженіе 3-хъ лѣтъ состоящую за ними оброчную недоимку 11.428 р. сер. Крестьяне, разумѣется, приняли на себя уплату податей и исправленіе рекрутскихъ и другихъ государственныхъ повинностей (а до новой ревизіи и за вольноотпущенныхъ). По утвержденіи условія государемъ, они должны были, „по взаимному согласію", въ трехгодичный срокъ раздѣлить уступаемую имъ въ собственность луговую землю на участки по числу увольняемыхъ ревизскихъ душъ, съ тѣмъ, чтобы они остались „въ семействахъ ихъ собственными и наслѣдственными; лѣсныя же дачи, дабы сохранить ихъ отъ произвольнаго, безнужнаго истребленія, на участки не дѣлятся", а должны быть въ общемъ владѣніи и пользованіи увольняемыхъ крестьянъ, съ тѣмъ, однако же, чтобы количество нужнаго на срубъ лѣса каждаго изъ нихъ опредѣлялось на мірской сходкѣ. Земля выгонная, рыбныя ловли и прочія угодья остаются у крестьянъ также въ нераздѣльномъ владѣніи. Дворовыя усадебныя мѣста „навсегда должны быть наслѣдственною собственностью" тѣхъ, которые теперь ихъ занимаютъ.

Послѣ того, какъ договоръ этотъ былъ утвержденъ государемъ въ іюнѣ 1842 г., Огареву, чтобы окончательно его оформить, оставалось только явиться въ рязанскую гражданскую палату „для совершенія записи на уволенныхъ имъ въ свободные хлѣбопашцы крестьянъ". Но помѣщикъ не исполнилъ этого требованія закона и даже, не подозрѣвая необходимости своего присутствія въ Россіи для окончанія этого дѣла, уѣхалъ за границу. Въ іюлѣ 1843 г. сенатъ опредѣлилъ, чтобы министерство внутреннихъ дѣлъ приняло мѣры для отысканія Огарева и понужденія его явиться въ рязанскую гражданскую палату. Въ мартѣ 1844 г. министерство разослало объ этомъ циркуляры по всей Россіи; въ слѣдующемъ году министерство иностранныхъ дѣлъ повторило предписаніе о томъ же нашимъ миссіямъ и консульствамъ, на что въ ноябрѣ мѣсяцѣ отъ берлинскаго посольства было получено, наконецъ, донесеніе, что Огаревъ являлся туда для засвидѣтельствованія своего паспорта на обратный проѣздъ въ Россію и „на сдѣланное ему объявленіе, отозвался, что онъ не понимаетъ, почему... договоръ его съ крестьянами не приведенъ еще въ исполненіе, и что онъ возвращается въ Россію именно для окончанія этого дѣла". Только въ январѣ 1846 г. въ рязанскую гражданскую палату прибылъ

повѣренный Огарева съ довѣренностью отъ него на совершеніе записи, что и было черезъ нѣсколько дней исполнено [1]).

Посмотримъ теперь, насколько были легки для крестьянъ денежныя условія, поставленныя Огаревымъ. Во-первыхъ, они уплатили ему сразу 57,142 р. и обязались выплатить въ десятилѣтній срокъ 85,714 р. сер. Затѣмъ они приняли на себя уплату займа, сдѣланнаго ихъ помѣщикомъ изъ сохранной казны московскаго опекунскаго совѣта на 26 ти лѣтній срокъ въ 310,000 руб. асс., сколько этого долга числилось послѣ трехгодичной уплаты самимъ помѣщикомъ. По правиламъ 1830 г. былъ установленъ для ссудъ подъ залогъ населенныхъ имѣній 26-ти лѣтній срокъ съ платежомъ 2% въ погашеніе и 1% единовременной преміи (проценты по ссудамъ были уменьшены до 5% [2]). Послѣ трехгодичной уплаты на этихъ условіяхъ отъ долга въ 310,000 р. асс. осталось 288,794 р. асс., что, по переводѣ на серебро (по курсу 3,50 за рубль серебра), составитъ 82,512 р., т. е. почти столько же, сколько оставалось еще внести помѣщику. Весь же выкупъ крестьянъ Огарева равняется 225,368 р. сер., а если прибавить еще обязательство внести оброчную недоимку 11,428 р., то всего они должны были уплатить 236,796 р., т. е. по 130 р. съ души [3]). Даже для рязанской губ. выкупъ этотъ былъ не изъ самыхъ низкихъ: генералъ-адъютантъ Демидовъ взялъ въ 1832 г., съ своихъ крестьянъ спасскаго уѣзда, рязанской губ. (5,153 д.), нѣсколько меньшій выкупъ, а именно по 120 р. сер. Правда въ этой мѣстности взимались выкупы и вдвое большіе: помѣщики Мещерскіе, по договору 1848 г., взыскали съ своихъ крестянъ (59 д.) по 254 р. сер. съ души (въ томъ же, какъ и и Огаревъ, зарайскомъ уѣздѣ, и почти съ такимъ же надѣломъ: по 5,2 дес. на душу), но бывали и вдвое меньшіе сравнительно съ тѣмъ, которымъ потребовалъ Огаревъ: такъ, въ 1848 г. помѣщикъ Рюминъ освободилъ въ егорьевскомъ уѣздѣ, той же рязанской губ., 460 д. крестьянъ съ выкупомъ всего по 67 р. съ души (при душевомъ надѣлѣ въ 6,3 дес.). Такъ какъ Огаревъ былъ не заурядным помѣщикомъ, имѣвшимъ въ виду только свои интересы, а очень много мечталъ въ это время съ пріятелями относительно уничтоженія крѣпостнаго права въ Россіи, то отъ этого „идеалиста 30-хъ годовъ“ можно было бы ожидать большей уступчивости крестьянамъ.

Что уплата выкупа легла на менѣе зажиточныхъ изъ крестьянъ Огарева тяжелымъ бременемъ, можно заключить и изъ слѣдующихъ словъ

---

[1]) Принадлежащія мнѣ копіи съ документовъ по увольненію крестьянъ Огарева.

[2]) *Ходскій.* „Поземельный кредитъ въ Россіи“, стр. 77.

[3]) Одну часть этого долга они должны были уплатить въ 10 лѣтъ, другую — въ 23 года (со взносомъ съ первой по 4% за остающуюся въ уплатѣ сумму, а со второй по 5%); за оброчную недоимку процентовъ не полагалось.

г. Аниенкова: „При совершеніи акта освобожденія упущено было изъ вида мужицко-олигархическое устройство бѣлоомутовской общины. Богачи въ ней и прежде уплачивали государственныя и барскія повинности за земли и угодья неимущихъ, распоряжаясь послѣдними на правахъ втораго поддѣльнаго вотчиннаго права, а теперь, когда выкупъ палъ преимущественно на тѣхъ же богачей, остальное населеніе, не участвовавшее въ немъ (?) оказалось ихъ неоплатнымъ должникомъ и поступило къ нимъ въ кабалу“ [1]. Всѣ крестьяне Огарева участвовали въ выкупѣ, но, быть можетъ, болѣе бѣднымъ пришлось сдѣлать заемъ у богачей, и они очутились въ кабалѣ у этихъ послѣднихъ: очевидно, такъ надо понимать слова г. Аниенкова [2]. Существованіе значительнаго количества бѣдняковъ въ вотчинѣ Огарева подтверждается и большой недоимкою на имѣніи, которую, очевидно, нельзя было взыскать обычными средствами и пришлось зачислить въ выкупную сумму.

Какъ бы то ни было, послѣ того, какъ договоръ съ крестьянами былъ окончательно оформленъ, то-есть въ 1847 г., оказалось, что имъ не по силамъ принятыя на себя обязательства: не имѣя возможности уплатить помѣщику остававшагося за ними долга, крестьяне просили перезаложить ихъ въ полной суммѣ для удовлетворенія владѣльца, *описаясь, въ противномъ случаѣ, послѣ стольких пожертвованій поступить въ прежнее крѣпостное состояніе*“. Согласно съ мнѣніемъ министра государственныхъ имуществъ, эта просьба крестьянъ была удовлетворена [3].

Въ царствованіе императора Александра I было нѣсколько случаевъ выдачи крестьянамъ ссуды изъ заемнаго банка для выкупа въ свободные хлѣбопашцы: но ни одна изъ нихъ не была выплачена въ опредѣленные сроки, и потому для однихъ допускалась разсрочка долга, а другіе обращались въ казенныхъ крестьянъ съ переводомъ долга на государственное казначейство. Въ 1831 году, по случаю всеподданнѣйшаго прошенія 119 душъ крестьянъ помѣщицы Никитиной (рязанской губерніи) объ исходатайствованіи имъ въ ссуду изъ заемнаго банка 25.000 р. для выкупа изъ помѣщичьяго владѣнія и поступленія въ свободные хлѣбопашцы, министръ финансовъ Канкринъ отозвался министру внутреннихъ дѣлъ, что подобныя ссуды онъ признаетъ неудобными, какъ въ виду не-

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1833 г., № 4, стр. 511.

[2]) Аналогичный примѣръ закабаленія бѣдняковъ болѣе богатыми крестьянами въ имѣніи княгини Багратіонъ Можайскаго уѣзда, московской губерніи. „богатые крестьяне вносили выкупъ за бѣдныхъ, за что получали во владѣніе надѣлы ихъ, а послѣдніе тѣмъ самымъ обращались въ безземельныхъ“. Это оказалось возможнымъ вслѣдствіе неправильнаго раздѣленія земли. *Орловъ*. „Формы крестьян. землевл. москов губ.“, 299—300.

[3]) Арх. Мин. Госуд. Имущ., дѣло V отд. Соб. Е. В. Канц. № 891, л. 23, 25, 26, 326.

аккуратности крестьянъ, такъ и потому, что онѣ даютъ поводъ предполагать, „будто бы правительство невыгодно думаетъ о положеніи помѣщичьихъ крестьянъ, содѣйствуя съ своей стороны ихъ выкупу“ [1]).

На основаніи закона 1803 года, крестьяне, оказавшіеся несостоятельными въ исполненіи принятыхъ на себя обязательствъ, должны были, какъ мы уже знаемъ, обращаться, попрежнему, въ крѣпостное состояніе. Въ іюнѣ 1847 г., когда барономъ Корфомъ былъ возбужденъ вопросъ о распространеніи на всю Россію права, предоставленнаго крестьянамъ Грузіи, выкупаться на свободу при продажѣ имѣній съ публичнаго торга, онъ предложилъ при этомъ причислять выкупавшихся крестьянъ къ свободнымъ хлѣбопашцамъ [2]), и по этому поводу въ докладной запискѣ государю 23 іюня 1847 г. онъ возбудилъ вопросъ относительно того, что правило о возвращеніи несостоятельныхъ свободныхъ хлѣбопашцевъ въ крѣпостное состояніе противорѣчитъ общему коренному нашему закону, „по которому воспользовавшійся уже единожды свободою никогда не можетъ быть возвращенъ въ крѣпость“. Государь вполнѣ призналъ справедливость этого замѣчанія и предварительно одобрилъ мѣру, которую предложилъ баронъ Корфъ для уничтоженія указаннаго имъ неудобства относительно выкупающихся на волю а именно обращеніе ихъ земель въ собственность казны и обложеніе ихъ оброкомъ и общественнымъ сборомъ, съ тѣмъ, чтобы казна уплатила за нихъ долгъ.

Такъ какъ государь изъявилъ графу Киселеву свою волю о перемѣнѣ названія свободныхъ хлѣбопашцевъ, то 30 іюня 1847 года онъ представилъ императору Николаю докладъ, въ которомъ говоритъ, что „свободные хлѣбопашцы подчинены палатамъ государственныхъ имуществъ и управляются на одинаковомъ основаніи съ государственными крестьянами съ различіемъ токмо въ отношеніи къ владѣемымъ ими на правѣ собственности землямъ, за которыя они освобождаются отъ платежа оброка“, слѣдовательно, относительно исполнившихъ заключенныя ими условія „нѣтъ никакого препятствія назвать ихъ *государственными крестьянами на особыхъ правахъ*“. Что касается не исполнившихъ еще окончательно своихъ обязательствъ, то Киселевъ вполнѣ призналъ невозможность сохранить указанное барономъ Корфомъ противорѣчіе въ законѣ и не находилъ въ этомъ даже надобности, „Разсматривая свойство увольнительныхъ актовъ“ въ свободные хлѣбопашцы, Киселевъ пришелъ къ выводу, что „обезпеченіе таковыхъ условій... не требуетъ столь сильной мѣры, чтобы допу-

---

[1]) Арх. Канцел. Отд. Госуд. Сов., дѣло 1847 г. № 63. Докладная записка министра финансовъ Вронченки.

[2]) Государь ничего не имѣлъ противъ этого, ему не нравилось только названіе „*свободные* хлѣбопашцы“ и онъ желалъ совсѣмъ уничтожить его, замѣнивъ другимъ терминомъ: „государственные крестьяне на особомъ положеніи“.

скать въ законѣ правило, не сообразное съ духомъ нашего законодательства насчетъ людей, получившихъ однажды свободное состояніе. Я полагаю,—продолжалъ онъ,—что нынѣ, съ подчиненіемъ свободныхъ хлѣбопашцевъ управленію государственныхъ имуществъ, исполненіе со стороны ихъ условій можетъ быть обезпечено: 1) наблюденіемъ управленія, 2) учрежденіемъ въ случаѣ малѣйшей неустойки общественной запашки, 3) мѣрами взысканій, постановленными для крестьянъ государственныхъ и, наконецъ, 4) самой землею, изъ которой управленіе можетъ извлекать доходы хозяйственными способами для пополненія слѣдующихъ отъ крестьянъ платежей".

Государь, приказавъ графу Киселеву передать его докладъ барону Корфу, относительно возвращенія свободныхъ хлѣбопашцевъ въ случаѣ неустойки въ прежнее крѣпостное состояніе отозвался, что послѣдующіе законы отмѣняютъ или прекращаютъ дѣйствіе предъидущихъ, и что во всякомъ случаѣ онъ не находитъ ни возможнымъ, ни приличнымъ сохранить эту статью правилъ 1803 г. въ противность коренному закону. Императоръ Николай повелѣлъ обсудить этотъ вопросъ, полагая, съ своей стороны, что владѣлецъ, отпустившій крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, сохраняетъ до окончательнаго съ ними разсчета право на все имущество, и, если они окажутся неисправными, то, за отобраніемъ земли и движимости въ уплату условленнаго выкупа и на погашеніе долга крѣпостнымъ учрежденіямъ, люди остаются бобылями и передаются на дальнѣйшее распоряженіе правительства, если оно не найдетъ болѣе выгоднымъ заплатить долгъ и причислить хлѣбопашцевъ въ государственные крестьяне, съ обращеніемъ ихъ земли въ казну и съ назначеніемъ оброка въ вознагражденіе понесенныхъ ею издержекъ. Вслѣдъ затѣмъ государь повелѣлъ вопросъ этотъ отдѣлить отъ вопроса о предоставленіи крестьянамъ права выкупа при продажѣ имѣній съ публичнаго торга, почему секретный комитетъ, учрежденный по поводу этого послѣдняго дѣла, и постановилъ предоставить графу Киселеву, по сношеніи съ министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, сообщить ихъ общее заключеніе статсъ-секретарю барону Корфу для соображенія этого дѣла и внесенія потомъ въ государственный совѣтъ.

Завязалась длинная переписка между министрами государственныхъ имуществъ, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ и вторымъ отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, представителями котораго явились сначала баронъ Корфъ, а потомъ, по возвращеніи своемъ, и графъ Блудовъ.

8 ноября 1817 г. состоялся, какъ извѣстно, указъ о дозволеніи крестьянамъ выкупаться на свободу при продажѣ имѣній съ публичнаго торга; эти крестьяне получили названіе *безоброчныхъ*, и такимъ же образомъ предполагалось назвать и свободныхъ хлѣбопашцевъ. Между тѣмъ, переписка между различными вѣдомствами о свободныхъ хлѣбопашцахъ продолжа-

лась и въ 1848 г., но мы не находимъ нужнымъ на ней останавливаться, такъ какъ она не привела ни къ какимъ положительнымъ результатамъ и была неожиданно прервана министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ маѣ 1848 г. Киселевъ получилъ оффиціальное отношеніе отъ Перовскаго, въ которомъ тотъ сообщалъ, что, въ виду значительнаго накопленія въ его министерствѣ дѣлъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, пріостановленныхъ впредь до изданія новыхъ правилъ, и вслѣдствіе безпрерывныхъ домогательствъ помѣщиковъ объ утвержденіи ихъ договоровъ съ крестьянами, онъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи государя представлять на высочайшее утвержденіе въ прежнемъ порядкѣ, впредь до изданія новыхъ правилъ, какъ уже поступившіе, такъ и вновь поступающіе договоры со свободными хлѣбопашцами. Сверхъ того, онъ доложилъ императору Николаю, что со времени изданія указа 1803 г. въ хлѣбопашцы поступило около 200,000 душъ *обоего пола* и что успѣхъ этого дѣла всего болѣе слѣдуетъ приписать правилу о возвращеніи увольняемыхъ, въ случаѣ ихъ несостоятельности, въ прежнее состояніе. Владѣльцы заключали договоры съ крестьянами, продолжалъ онъ въ твердой увѣренности, что увольняемые непремѣнно выполнятъ принятыя на себя обязательства, и дѣйствительно, въ теченіе сорока пяти лѣтъ со времени указа о свободныхъ хлѣбопашцахъ, было только три случая невыполненія крестьянами (въ числѣ 477 душъ) своихъ обязанностей, „собственно по нерадѣнію и безпечности самихъ крестьянъ“; но въ послѣднія семнадцать лѣтъ такихъ примѣровъ уже вовсе не встрѣчалось. Поэтому „при нынѣшнихъ обстоятельствахъ“, по мнѣнію Перовскаго, полезно было бы до времени не отмѣнять указаннаго правила, „которое нынѣ служитъ только болѣе нравственнымъ страхомъ (sic) для точнаго исполненія повинностей со стороны свободныхъ хлѣбопашцевъ, обращеніе коихъ въ первобытное состояніе ни въ какомъ случаѣ не допускается безъ особаго каждый разъ представленія о томъ государственному совѣту, и, такимъ образомъ, отъ правительства всегда будетъ зависѣть замѣнять въ частныхъ случаяхъ мѣру эту другою“. Этотъ докладъ Перовскаго побудилъ императора Николая отступить отъ своего прежняго мнѣнія, и онъ повелѣлъ, „не дѣлая никакихъ измѣненій въ положеніи о свободныхъ хлѣбопашцахъ, перемѣнить одно только названіе ихъ“ [1]).

Гр. Киселевъ пытался доказывать, что главныя основанія новаго составленнаго имъ проекта были „окончательно разрѣшены“ самимъ государемъ, что самъ императоръ Николай избралъ для свободныхъ хлѣбопашцевъ названіе крестьянъ безоброчныхъ, что государь признавалъ не-

[1]) Относительно этого Перовскій полагалъ, что при сохраненіи прежнихъ правилъ, названіе *безоброчные* можетъ породить въ крестьянахъ недоразумѣнія, такъ какъ они подъ именемъ оброка обыкновенно понимаютъ всѣ денежные сборы и, съ переименованіемъ ихъ въ безоброчные, могутъ думать, что они свободны отъ всѣхъ податей и повинностей“.

возможнымъ сохранять противорѣчіе въ правилахъ о нихъ съ общимъ закономъ, по которому люди, разъ получившіе свободу, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть возвращаемы въ крѣпостное состояніе. Однако, всѣ возраженія его были оставлены безъ вниманія [1]), и 15 іюля, повидимому, совершенно неожиданно для Киселева, сенату былъ данъ именной указъ о переименованіи какъ свободныхъ хлѣбопашцевъ такъ и безоброчныхъ крестьянъ, выкупившихся на основаніи указа 8 ноября 1847 г., въ „государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ", съ сохраненіемъ за ними всѣхъ выгодъ и преимуществъ, предоставленныхъ имъ указами 1803 и 1847 гг. [2]), но и съ оставленіемъ въ силѣ правила о возвращеніи свободныхъ хлѣбопашцевъ, въ случаѣ ихъ несостоятельности, попрежнему, въ крѣпостное состояніе.

Замѣтивъ, что повинности, принимаемыя на себя крестьянами при увольненіи, оказывались иногда слишкомъ непосильными, министерство внутреннихъ дѣлъ просило въ 1848 г. губернскихъ предводителей дворянства удостовѣряться въ сомнительныхъ случаяхъ, дѣйствительно ли крестьяне имѣютъ средства для выполненія принимаемыхъ на себя повинностей, и доставлять свѣдѣнія о томъ вмѣстѣ съ договорами. Въ 1853 г. это пришлось опять подтвердить новымъ циркуляромъ [3]). Отказъ крестьянъ тайнаго совѣтника Протасова отъ исполненія заключенныхъ съ нимъ условій (см. выше) послужилъ поводомъ къ изданію высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ 4 августа 1853 г., чтобы на будущее время, прежде представленія на утвержденіе договоровъ между владѣльцами и крестьянами, было требуемо еще заключеніе мѣстнаго управленія государственныхъ имуществъ о благонадежности крестьянъ относительно исполненія принятыхъ ими на себя обязанностей; при этомъ процедура увольненія помѣщичьихъ крестьянъ въ званіе государственныхъ, поселенныхъ на собственныхъ земляхъ, была значительно усложнена [4]).

---

[1]) Арх. Кодифик. Отд. Госуд. Сов. 1847 г. № 63 и Арх. Мин. Госуд. Имущ., дѣло V отд. № 891.

[2]) 2-е П. С. З. т. XXIII, № 22444

[3]) „Сборникъ циркуляровъ и инструкцій Министерства Внутр. Дѣлъ" т. III, стр. 235—238.

[4]) 2-е П. С. З. т. XXVIII 27491. *Вешняковъ* „Крестьяне-собственники", 48—50, 77. Упомянемъ еще о двухъ постановленіяхъ относительно свободныхъ хлѣбопашцевъ при императорѣ Николаѣ. Въ 1828 г. сенатъ разъяснилъ, что люди, „отсужденные" рѣшеніями судебныхъ мѣстъ отъ помѣщичьяго владѣнія, дозволяется принимать въ свободные хлѣбопашцы, по найму, какъ по точномъ удостовѣреніи, что они дѣйствительно пріобрѣли въ собственность земли для своего водворенія. 2-е П. С. З. III, 2245. Въ 1830 г. опредѣлено крестьянъ, отпускаемыхъ въ свободные хлѣбопашцы, льготить изъ-за помѣщиковъ въ отношеніи платежа податей. 2-е П. С. З. т. V, 3545. Въ 1835 г. подтверждено запрещеніе освобождать крестьянъ съ землею иначе, какъ по правиламъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ. 2-е П. С. З. X, 8056. (срав. Зап. Археолог. Общ. Арх. 1885 г. № 5, стр. 4-2—3). Нѣкоторыя постановленія о свободныхъ хлѣбопашцахъ см. еще у *Вешнякова*, 43—45, 50—56

Подробно разсмотрѣвъ дѣйствія закона 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ въ царствованіе императора Николая, мы считаемъ необходимымъ привести въ заключеніе мнѣніе одного изъ современниковъ, А. И. Кошелева, высказанное имъ въ 1858 г. въ подробной запискѣ по крестьянскому вопросу. „Указъ 20 февраля 1803 г.,—говоритъ Кошелевъ,—въ теченіе слишкомъ 50 лѣтъ... имѣлъ, къ сожалѣнію, дѣйствіе незначительное: по 9-й народной переписи числится государственныхъ крестьянъ, поселенныхъ на собственныхъ земляхъ, 296,428 д обоего пола". Этимъ закономъ „установлена личная собственность отдѣльныхъ участковъ въ общей дачѣ... и нѣтъ достаточнаго обезпеченія въ пользу помѣщиковъ насчетъ исполненія крестьянами принятыхъ на себя обязанностей. Узаконеніе личной собственности въ общей дачѣ (т. е. уничтоженіе общиннаго землевладѣнія) такъ противно русскому духу, что оно почти нигдѣ не установилось, гдѣ же его ввели, тамъ оно подало поводъ къ безчисленнымъ тяжбамъ между однодачниками, предоставленіе же имъ права продавать и закладывать принадлежащіе имъ участки сосредоточило владѣніе землею въ рукахъ немногихъ крестьянъ, а прочіе дѣлались чистыми бобылями. Это обѣднѣніе нѣкоторыхъ селъ, отпущенныхъ въ свободные хлѣбопашцы, служитъ противникамъ освобожденія крѣпостныхъ людей любимымъ доводомъ въ защиту ихъ мнѣнія; но они не обращаютъ вниманія на то, что виною этого обѣднѣнія не освобожденіе, а одно изъ условій, при которомъ оно совершилось... Но развитіе этого указа болѣе всего остановлено тѣмъ, что помѣщики были недостаточно обезпечены въ исправномъ полученіи слѣдующихъ имъ суммъ съ освобождаемыхъ крестьянъ. Въ законѣ стоитъ весьма строгая и, повидимому, вполнѣ удовлетворительная въ этомъ отношеніи статья, гдѣ сказано: „крестьяне, въ случаѣ неустойки, возвращаются, попрежнему, въ крѣпостное состояніе". Но возможно ли исполненіе этой угрозы? Крестьяне, еще не вкусившіе блага свободы, едва сносятъ помѣщичью власть: каково же владѣльцу съ ними возиться послѣ нѣсколько-лѣтней независимости? Опасаясь этого, помѣщики большею частью освобождаютъ крестьянъ только въ томъ случаѣ, когда они, сверхъ переводимаго на нихъ долга опекунскаго совѣта, вносятъ наличными всѣ остальныя съ нихъ причитающіяся деньги, а какъ капиталовъ у крестьянъ вообще мало, то и неудивительно, что весьма немногія деревни вышли на волю. Вслѣдствіе недовѣрія помѣщиковъ къ сдѣлкамъ этого рода, бываютъ слѣдующіе случаи: помѣщики обѣщаютъ крестьянамъ освобожденіе по полной уплатѣ имъ извѣстныхъ суммъ; крестьяне исправно оныя взносятъ по срокамъ; но владѣльцы умираютъ до полученія послѣднихъ денегъ, а ихъ наслѣдники объ этихъ уплатахъ часто знать не хотятъ, и крестьяне, истощенные многолѣтними тяжкими взносами, остаются, попрежнему, въ крѣпостномъ состояніи. Вотъ главныя причины слабаго дѣйствія сего указа"; къ этому присоединилось еще усложненіе, „въ силу указа 4

августа 1853 года, порядка увольненія помѣщичьихъ крестьянъ въ званіе государственныхъ, поселенныхъ на собственныхъ земляхъ. Утвержденіе договора помѣщика съ крестьянами, на основаніи этого постановленія, зависитъ отъ согласія не менѣе шести, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ семи и восьми разновѣдомственныхъ лицъ; и только послѣ всѣхъ этихъ мытарствъ представляется условіе на высочайшее утвержденіе . По всѣмъ изложеннымъ причинамъ понятно, почему число свободныхъ хлѣбопашцевъ мало прибываетъ; къ этому должно присоединить и то, что, по большей части, исправники, предводители и губернаторы весьма неохотно принимаютъ бумаги отъ помѣщиковъ по освобожденію крестьянъ, весьма радушно показываютъ, съ какими затрудненіями это дѣло сопряжено, и совѣтуютъ не впутываться въ оное, приговаривая: „начать легко, да кончить трудно“. Высшее правительство также оказываетъ этому способу освобожденія мало сочувствія, не учреждая особаго банка для вспомоществованія въ этомъ дѣлѣ крестьянамъ и даже не дѣлая никакихъ особыхъ льготъ по залогамъ земель, населенныхъ свободными хлѣбопашцами“

„Вникая въ основную мысль указа 20 февраля 1803 г., -продолжаетъ Кошелевъ,—и разсматривая дѣйствія его по увольненію крестьянъ, должно сознаться, что онъ дѣйствительно ихъ освобождаетъ, основываетъ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ на положительныхъ началахъ и ясно опредѣляетъ отношенія ихъ какъ къ прежнему помѣщику, такъ и къ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ. Въ этомъ заключается великое превосходство этого указа надъ положеніемъ объ обязанныхъ крестьянахъ, которое... не разрѣшаетъ затрудненій, а отодвигаетъ ихъ только въ даль, не освобождаетъ крестьянъ, а говоритъ имъ о какихъ-то правахъ, которыхъ на дѣлѣ оно имъ вовсе не предоставляетъ, и устанавливаетъ между помѣщиками и крестьянами такія двусмысленныя отношенія, что изъ нихъ, кромѣ раздраженія и вражды, ничего выйти не можетъ“ [1]).

Въ этомъ мнѣніи Кошелева есть нѣкоторыя справедливыя указанія на причины недостаточно широкаго примѣненія закона 1803 г., но, вмѣстѣ съ тѣмъ, справедливо и то, что этотъ законъ былъ неизмѣримо плодотворнѣе указа 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ. Кошелевъ не договорилъ только одного, что самою непріятною сторопою закона 1803 г. для помѣщиковъ, особенно губерній густо населенныхъ, было требованіе надѣленія крестьянъ землею. Не имѣя, такимъ образомъ, возможности освобождать крестьянъ цѣлыми селеніями безъ земли, нѣкоторые изъ нихъ стали стремиться къ тому, чтобы, по крайней мѣрѣ, по возможно-

---

[1]) Записки Кошелева, прилож. стр. 102 — 105. Мнѣніе другого выдающагося современника о значеніи закона 1803 г., П. П. Тургенева, высказанное въ его книгѣ „La Russie et les Russes“ (Brux., 1847), приведено и разобрано въ I томѣ нашей книги, въ главѣ о свободныхъ хлѣбопашцахъ при императорѣ Александрѣ I. Мнѣніе А. И. Левшина см. въ „Рус. Арх.“ 1885 г. № 8, стр. 514—516.

сти уменьшить размѣръ ихъ земельнаго обезпеченія. Очень интересна въ этомъ отношеніи попытка нѣкоторыхъ дворянъ тульской губ. установить выгодныя для помѣщиковъ правила освобожденія крѣпостныхъ. Считаемъ необходимымъ подробно остановиться на этомъ, до сихъ поръ неизвѣстномъ, эпизодѣ изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ царствованіе императора Николая, тѣмъ болѣе, что онъ прекрасно характеризуетъ новыя стремленія извѣстной партіи дворянства, додумавшейся до того, что, при извѣстныхъ условіяхъ, уничтоженіе крѣпостнаго права можетъ быть для нихъ дѣломъ весьма небезвыгоднымъ.

Тульская губ. еще во второй половинѣ XVIII в. принадлежала къ числу наиболѣе густо населенныхъ мѣстностей Россіи. Вслѣдствіе этого земля была здѣсь дороже, чѣмъ во многихъ другихъ мѣстахъ, и потому освобожденіе крестьянъ если не совершенно безъ нея, то, по крайней мѣрѣ, съ возможно меньшимъ ея количествомъ, довольно рано стало улыбаться нѣкоторымъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ: они хорошо знали, что безъ пашни и покоса крестьянинъ не обойдется, и за арендованіе необходимаго для него количества можно будетъ потребовать вознагражденія деньгами или трудомъ не менѣе, если не болѣе того, сколько выжималось подъ давленіемъ крѣпостнаго права. Другимъ важнымъ побужденіемъ къ тому, чтобы развязать обязательныя отношенія съ крестьянами, служила для помѣщиковъ сильная задолженность ихъ имѣній въ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, такъ какъ проценты по этимъ долгамъ поглощали значительную часть дохода, а неаккуратность въ ихъ уплатѣ вела къ продажѣ вотчины съ публичнаго торга. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ и начали сказываться освободительныя стремленія среди нѣкоторыхъ дворянъ тульской губерніи.

По свидѣтельству одного современника, горячо желавшаго уничтоженія крѣпостнаго права, въ 1837 или въ 1838 г. нѣкоторые изъ тульскихъ дворянъ вздумали составить проектъ освобожденія крестьянъ, за что „сихъ прожектеровъ въ московскомъ англійскомъ клубѣ предали анаѳемѣ“ [1]). Указъ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ, какъ видно изъ имѣющихся въ нашихъ рукахъ документовъ, далъ новый толчекъ этому дѣлу, и въ началѣ 1844 г тульскіе дворяне П. Мясновъ, В. Муравьевъ, гр. П. П. Татищевъ, Ошанинъ и М. П Болотовъ [2]) подали мѣстному губернатору такое заявленіе: „Желая съ вѣрноподданническимъ усердіемъ исполнить монаршую волю, изъявленную въ указѣ объ обязанныхъ крестьянахъ“, они „встрѣтили затрудненіе въ томъ, что имѣнія ихъ, состоя въ залогѣ въ кредитныхъ

---

[1]) Записка Заблоцкаго-Десятовскаго 1841 г. „О крѣпостномъ состояніи въ Россіи“, см въ прилож. къ его труду „Гр. Киселевъ и его время“, IV, 342.

[2]) Къ нимъ присоединились еще гр. В. А Бобринскій, Воронцовъ-Вельяминовъ, П. Раевскій и Ключаревъ (неизданныя записки Мясова сообщ намъ редакціей „Русской Старины“).

установленіяхъ отъ 60 до 80 руб. сер. на ревизскую душу, сверхъ того, по бѣдственному 1840 году обременились значительными долгами частными". Имѣя все это въ виду, они рѣшились „представить воззрѣнію государя императора" слѣдующія предложенія. Каждый изъ нихъ готовъ надѣлить своихъ крестьянъ и дворовыхъ по 1 дес. земли на ревизскую душу „въ вѣчную собственность", включая въ это число усадьбы, огороды, огуменники и выгоны. Землю эту они могутъ продавать и уступать, кому пожелаютъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ согласія сельскаго общества и помѣщика, имъ дозволяется переселяться съ одного мѣста на другое, но только въ предѣлахъ своей губерніи. Усадебныя постройки со скотомъ и домашнею птицею, которыя вмѣстѣ съ крестьянами составляютъ собственность господина, помѣщики предоставляютъ освобождаемымъ. Наконецъ, они „отказываются навсегда отъ всѣхъ крестьянскихъ обязательныхъ работъ и прочихъ повинностей, приносящихъ ежегодно отъ каждой ревизской души, по самому крайнему исчисленію, болѣе 8 руб. сер." [1]). За это освобожденіе крестьяне, кромѣ подушной подати, должны будутъ вносить по 3 руб. сер. съ каждой десятины земли: этотъ поземельный сборъ „на все остающееся время слѣдующей по залогу срочной уплаты процентовъ и погашенія" долженъ поступать въ кредитныя установленія, а по истеченіи этого времени — въ государственные доходы, вслѣдствіе чего они увеличатся втрое. „Полная собственность крестьянъ, по мнѣнію авторовъ проекта, есть вѣрное ручательство денежнаго сбора безъ всякаго уклоненія, какъ то случается нынѣ" [2]) (авторы не договариваютъ, слѣдуетъ ли продавать крестьянскія земли въ случаѣ недоимки въ платежахъ), „поприще же ихъ земледѣль-

---

[1]) Составители проекта дѣлаютъ слѣдующій разсчетъ: день работника съ собственною лошадью въ кругломъ счетѣ за цѣлый годъ нигдѣ не можетъ быть оцѣненъ менѣе 10 к. сер. (при этомъ они умалчиваютъ, что съ лошадью исполняется лишь половина сельскихъ работъ); день работницы — 3 к. сер. Рабочихъ дней въ году, за исключеніемъ праздниковъ, считается 135, слѣдовательно (?), тягло *приноситъ* (?) помѣщику работою 17 р. 55 к. сер. въ годъ. Каждый работникъ отвозитъ въ Москву на собственный счетъ господскаго хлѣба или припасовъ 75 п. въ зиму, считая за провозъ по 7 к. съ пуда, это составитъ 5 р. 25 к. (на поляхъ проекта сдѣлано замѣчаніе, что эта подводная повинность зачисляется въ счетъ 135 барщинныхъ дней). Сверхъ того, каждое тягло даетъ помѣщику извѣстное количество припасовъ натурою — „въ годъ по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ на 2 р. 30 к. сер.". Все это вмѣстѣ составляетъ съ каждаго работника по 25 р. сер. въ годъ, а такъ какъ на тягло считалось обыкновенно въ этой мѣстности 3 ревизскихъ души, то на каждую изъ нихъ придется 8 р. 33 к. сер.

[2]) Въ подтвержденіе своихъ словъ они напоминаютъ, что само правительство (въ посреднической инструкціи при размежеваніи) признало за усадебными крестьянскими землями двойную стоимость сравнительно съ пахотною землею (въ удѣльныхъ имѣніяхъ они цѣнятся даже выше), а такъ какъ земля въ тульской губерніи продается большими дачами по 35 — 40 руб. сер. за десятину, слѣдовательно, отмежеванная сельская земля „представляетъ полное обезпеченіе лежащаго нынѣ на ревизской душѣ долга".

ческой дѣятельности останется то же, какъ и нынѣ на помѣщичьихъ земляхъ (?), и количество (удобной земли) должно будетъ еще увеличиться отъ разработки срубленныхъ лѣсовъ, осушенія болотъ и прочее". За свои собственные интересы помѣщики не опасаются: они знаютъ, что крестьянамъ придется сдѣлаться ихъ арендаторами. „Крестьяне и дворовые люди — продолжаютъ они, -будучи надѣлены собственною землею достаточно для осѣдлости, пропитанія и податей (??), но недостаточно для земледѣльческаго промысла, неминуемо должны будутъ вступить съ владѣльцами земель, окружающихъ ихъ селеніе, въ разнородныя обязательства и брать тѣ земли за деньги или за работу по одному указанію собственныхъ выгодъ безъ всякихъ другихъ побужденій". Вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ долгъ помѣщика кредитнымъ установленіямъ, „раздѣляясь не въ видѣ капитала, а въ ежегодномъ сборѣ поземельной подати, *долженъ быть уничтоженъ въ самомъ своемъ названіи вмѣстѣ съ происходящимъ отъ него запрещеніемъ*". Такъ какъ, по правиламъ 1830 г., помѣщикамъ при 26-ти лѣтнемъ срокѣ ссуды приходилось платить 2% погашенія (т. е вмѣстѣ съ 5% за ссуду -7%), а при 37-лѣтнемъ срокѣ 1% погашенія (всего 6%) [1]), то очевидно, что взносимые крестьянами 3 р. сер съ души, при значительныхъ долгахъ кредитнымъ учрежденіямъ (60—80 р. на душу), не покрывали всего, что должны были ежегодно вносить помѣщики; слѣдовательно, часть этихъ платежей, хотя и меньшая, должна была пасть и на дворянскія земли. Но даже и эти добавочные платежи составители проекта хотѣли начать платить не сразу. Такъ какъ, по ихъ мнѣнію, „новый порядокъ въ общемъ помѣщичьемъ хозяйствѣ можетъ (временно) сильно нарушить ихъ выгоды", то они ходатайствовали передъ государемъ о дарованіи помѣщикамъ 10-ти лѣтней льготы „въ ежегодной платѣ кредитнымъ установленіямъ остальной слѣдующей части", а по прошествіи льготныхъ лѣтъ, „когда взаимныя отношенія сами собой основательно утвердятся и примутъ должный ходъ, правительство само опредѣлитъ постоянную подать съ владѣльческихъ земель по своему усмотрѣнію и, возвратя срочнымъ образомъ всѣ суммы просимой нынѣ. . 10-ти лѣтней льготы, увеличитъ государственный доходъ новою постоянною съ владѣльческихъ земель податью".

Составители проекта были, видимо, очень довольны своимъ твореніемъ. „Пожертвованіе значительными ихъ выгодами,—говорятъ они въ заключеніе его,—можетъ послужить впослѣдствіи образцомъ для прочихъ, указавъ на спокойное владѣніе имуществами, чуждое тѣхъ трудностей, которыя существуютъ въ нынѣшнемъ порядкѣ вещей отъ того, что трудъ, не будучи собственностью самого трудящагося, по естественному ходу ослабѣваетъ до совершенной лѣности, отчего и отношенія между владѣльцами

[1]) *Ходскій*, „Поземельный кредитъ въ Россіи", стр. 77.

и крестьянами приходятъ часъ отъ часу въ больший и ничѣмъ неотразимый безпорядокъ, уничтожающій обоюдныя выгоды и хозяйство, *почему и выгоды отъ работной платы..., исчисленныя отъ работника, при очевидномъ своемъ уменьшеніи, оказываются на дѣлѣ совершенно невыгодными*". Тутъ авторы проекта, сами того не замѣчая, опровергаютъ свое вычисленіе относительно огромнаго и вѣрнаго дохода съ барщиннаго труда. Въ концѣ-концовъ, они заявляютъ, что если ихъ предположеніе будетъ одобрено государемъ, то на изложенныхъ основаніяхъ они представятъ „сообразно имѣнію каждаго, нужныя подробности касательно администраціи и управленія крестьянами" [1]).

Весьма не трудно раскрыть всю неправильность разсчета, положеннаго въ основаніе этого проекта. Во первыхъ, составители его совершенно напрасно смѣшиваютъ рабочую плату за день барщины съ чистымъ доходомъ отъ этого труда, и, такимъ образомъ, получаютъ слишкомъ большой доходъ съ тягла — по *25 р. серебромъ*, между тѣмъ какъ, по свидѣтельству современника, изучавшаго въ это время положеніе крѣпостныхъ крестьянъ во многихъ губерніяхъ Россіи, въ тамбовской, также черноземной и, притомъ, болѣе многоземельной губерніи, находили возможнымъ взыскивать оброкъ лишь по 30 руб. *ассигнаціями* (т. е. 8 р 57 к. сер.) съ тягла [2]), при надѣлѣ отъ 1½ до 2 дес. пашни въ каждомъ полѣ (всего 4 — 6 дес.) и до 1½ дес. покосу. Въ барщинныхъ имѣніяхъ доходъ могъ быть выше, чѣмъ въ оброчныхъ, но никакъ не втрое. Проектируемый авторами проекта сборъ по 3 руб. сер съ дес., кромѣ подушныхъ податей, также непомѣрно великъ хотя они увѣряли въ своемъ позднѣйшемъ проектѣ, что полевыя земли въ тульской губерніи отдавались въ наемъ по 4—6 руб. съ дес. Наконецъ, болѣе чѣмъ странно увѣреніе тульскихъ помѣщиковъ, будто одной десятины земли на ревизскую душу, считая въ томъ числѣ и занятую усадебными постройками, будетъ достаточно для прокормленія крестьянъ и уплаты податей. Такимъ образомъ, проектъ, повидимому, такъ легко разрѣшавшій крестьянскій вопросъ, былъ составленъ исключительно въ интересахъ помѣщиковъ. Какова же была его судьба?

В. Г. Бѣлинскій въ письмѣ къ П. В. Анненкову, написанномъ въ 1847 г., отрывки изъ котораго мы уже приводили въ предъидущей главѣ, между прочимъ, говоритъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ „движеніе тульскаго дворянства въ пользу" вопроса объ уничтоженіи крѣпостнаго права „было остановлено правительствомъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ". Это обвиненіе основано на невѣрныхъ слухахъ. Въ томъ же самомъ

[1]) Арх. М. Г. И., дѣло V Отд. Соб. Е. В. Канц., № 199, л. 99—103.
[2]) *Заблоцкій-Десятовскій*, IV, 285.

1847 г тульскіе дворяне, когда среди нихъ былъ вновь поднятъ вопросъ объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ, заявили, что въ отвѣтъ на представленный ими проектъ 1844 г правительство потребовало, чтобы они исполнили одно условіе—заручились согласіемъ крестьянъ на свои предложенія; нельзя не признать, что оно имѣло полное право поставить это требованіе на основаніи какъ закона 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ такъ и указа 2 апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ, но добровольнаго согласія своихъ крѣпостныхъ тульскимъ дворянамъ было бы, разумѣется, трудно добиться въ данномъ случаѣ.

Въ только что упомянутомъ письмѣ 1847 г. къ П. В. Анненкову Бѣлинскій, послѣ упоминанія, что правительство нѣсколько лѣтъ тому назадъ отвергло проектъ тульскаго дворянства, затѣмъ говоритъ: „теперь, напротивъ, посланъ былъ тульскому дворянству запросъ, такъ ли же расположено оно теперь къ вопросу“ объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Дѣйствительно, изъ оффиціальныхъ документовъ намъ извѣстно, что тульскій губернаторъ обратился по высочайшему повелѣнію къ мѣстнымъ дворянамъ, желавшимъ измѣнить положеніе своихъ крестьянъ, съ запросомъ: „отказались ли они совершенно отъ предположеній увольненія крестьянъ въ обязанные на представленныхъ ими условіяхъ, или приготовляютъ новые проекты?“ На это 9 дворянъ, подписавшихъ проектъ 1844 г., отвѣчали слѣдующее: „Мысль отрѣшенія крѣпостнаго права, въ обширномъ его значеніи, насъ никогда не оставляла: достиженіе возможности дать каждому индивидуалу (sic) право употреблять и прилагать трудъ свой по собственнымъ способностямъ и разсчетамъ, всегда представлялось намъ единымъ средствомъ къ общему благоденствію. Мысль наша отдать въ вѣчную собственность на каждую ревизскую душу по десятинѣ земли относилась къ тому, чтобы естественною привязанностью къ собственности привязать крестьянъ къ мѣсту ихъ жительства и утвердить въ трудолюбіи для ихъ же довольства. Безъ собственности, при одной свободѣ пролетаріевъ, они легко могутъ подѣйствовать въ неотразимый вредъ себѣ и государству... Изложивъ сіе, нижеподписавшіеся осмѣливаются испрашивать соизволенія Государя Императора на составленіе комитета подъ наблюденіемъ начальника губерніи, съ принятіемъ въ члены онаго, по примѣру различныхъ спеціальныхъ обществъ, помѣщиковъ, знающихъ основательно быть, нравы, понятія крестьянъ, выгоды мѣстнаго земледѣлія и промысловъ, которые, собравъ по возможности всѣ нужныя данныя, будутъ въ состояніи приступить къ составленію проектовъ относительно токмо собственныхъ своихъ имѣній. Изъ тѣхъ проектовъ верховное правительство по государственнымъ даннымъ, намъ неизвѣстнымъ, изберетъ или исправитъ по своему усмотрѣнію то, что можетъ послужить, по крайней мѣрѣ, образцомъ въ приложеніи къ безвредному исходу

изъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ находятся нынѣ владѣльцы земель съ работающимъ классомъ крѣпостнаго состоянія" [1]).

Однако, просьба тульскихъ дворянъ объ учрежденіи въ губерніи оффиціальнаго комитета по крестьянскому дѣлу была также отвергнута, какъ и подобное предложеніе А. П. Кошелева въ концѣ того же 1847 года относительно рязанской губерніи (см. VI гл.). Въ апрѣлѣ 1847 года тульскій губернаторъ объявилъ ходатайствовавшимъ о томъ лицамъ волю государя, чтобы они ограничились составленіемъ проекта освобожденія крестьянъ въ ихъ собственныхъ имѣніяхъ [2]). Къ концу ноября того же года проектъ этотъ былъ готовъ и уже подписанъ тремя помѣщиками изъ числа желавшихъ дать свободу своимъ крестьянамъ, прочіе же въ это время еще не подписали его или за отсутствіемъ, или „за несовершеннымъ одномысліемъ въ порядкѣ освобожденія", по словамъ лица, поспѣшившаго конфиденціально сообщить копію съ этого проекта гр. Киселеву еще ранѣе его подачи тульскому губернатору.

Однако, уже было заготовлено представленіе губернатору, въ которомъ составители проекта нашли необходимымъ изложить главныя начала, положенныя ими въ основаніе новаго плана освобожденія своихъ крестьянъ. „Въ сихъ основныхъ началахъ,—говорятъ они,—мы отчасти отступили отъ первоначально представленнаго нами въ 1844 году проекта: къ этому побудило насъ какъ зрѣлое обсужденіе многихъ вопросовъ поднятыхъ изученіемъ предмета столь еще новаго и мало извѣстнаго, такъ, съ другой стороны, въ особенности желаніе по мѣрѣ возможности удовлетворить тѣмъ высшимъ требованіямъ правительства, вслѣдствіе коихъ и проекту нашему 1844 г. не было дано дальнѣйшаго хода". Прежде всего, авторы проекта глубоко убѣждены въ томъ, что „при настоящемъ составѣ крѣпостнаго сословія и существѣ обоюдныхъ отношеній, изъ быта сего

---

[1]) П. П. Мясновъ, повидимому, главный запѣвало въ этомъ дѣлѣ и человѣкъ вообще довольно популярный въ тульской губерніи, такъ какъ онъ былъ выбранъ въ это время вторымъ кандидатомъ въ званіе губернскаго предводителя дворянства, несмотря на „извѣстный всѣмъ", по его словамъ, образъ мыслей его о крѣпостномъ правѣ, препроводилъ въ январѣ 1847 г. къ гр. Киселеву копію съ приведеннаго отвѣта тульскихъ дворянъ мѣстному губернатору и при этомъ „убѣдительно" просилъ Киселева ходатайствовать о разрѣшеніи прежняго комитета: „*оффиціальность* его укажетъ всѣмъ ясно на непоколебимость благой воли Государя Императора... слѣдовательно, заставитъ обратиться къ мышленію тѣхъ, которые беззаботно доселѣ ни о чемъ не размышляли, а затѣмъ зрѣлое, неторопливое размышленіе помѣщиковъ благонамѣренныхъ по собраннымъ на мѣстѣ даннымъ подастъ сильную помощь къ возможности безбѣднаго постепеннаго исхода изъ настоящаго запутаннаго положенія и покажетъ первый примѣръ въ этомъ великомъ государственномъ дѣлѣ".

[2]) Мясновъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ: „Вслѣдствіе этого начались наши совѣщанія у губернатора, которымъ былъ тогда Ник. Ник. Муравьевъ" (Амурскій), „при разсужденіяхъ завязывались большіе и безтолковые споры".

истекающихъ,... лучшимъ путемъ къ уничтоженію крѣпостнаго права не есть болѣзненный, мгновенный разрывъ всѣхъ основанныхъ на немъ и глубоко укоренившихся въ народномъ сознаніи отношеній между помѣщиками и крестьянами, но лишь постепенное, правильное исхожденіе изъ нихъ, постепенное освобожденіе отъ тягостнаго крѣпостнаго быта крестьянъ, единственно по мѣрѣ сознанія ими этой тягости и развитія правильнаго въ нихъ пониманія выгодъ свободнаго состоянія". Положеніе крѣпостныхъ „далеко неодинаково": между тѣмъ какъ масса ихъ „коснѣетъ еще въ грубомъ невѣжествѣ" вслѣдствіе отсутствія „свободы приложенія труда и частной собственности", во многихъ изъ нихъ трудолюбіе и посильное образованіе развили „сознаніе собственной личности" и „непримиримости ихъ личныхъ интересовъ съ гнетущимъ ихъ старымъ порядкомъ вещей". Поэтому „и далеко неодинакова тягость, ощущаемая тѣми и другими отъ воздѣйствія на нихъ крѣпостнаго состоянія": для однихъ оно является „бременемъ невыносимымъ", для другихъ, нерадивыхъ и нищихъ, при всей возможности злоупотребленія помѣщиками ввѣренной имъ власти, оно представляетъ „и цѣлую систему постоянныхъ и непрерывныхъ за то вознагражденій", какъ, напримѣръ, помощь въ голодные годы. Поэтому необходимо доставить первымъ „закономъ освященную возможность" получать отъ помѣщика свободу за разъ навсегда установленный maximum выкупа; тѣмъ болѣе, что это „должно указать и всѣмъ прочимъ на пользу труда" и послужить сильнымъ побужденіемъ къ пріобрѣтенію средствъ для полученія законнымъ образомъ такихъ же выгодъ новаго состоянія. Авторы проекта выражаютъ „совершенную увѣренность" въ томъ, что „безвозмездное и незаслуженное дарованіе свободы лицамъ крѣпостнаго состоянія лишило бы послѣднихъ только возможности въ полной мѣрѣ оцѣнить всю важность и всѣ выгоды подобнаго дара". Второе основное начало проекта составляетъ „возведеніе выкупающихся на волю крестьянъ и дворовыхъ людей на степень совершенно свободныхъ вотчинниковъ пріобрѣтаемыхъ ими земель, безъ образованія изъ нихъ отдѣльныхъ обществъ по владѣнію землями и платежу податей", другими словами, уничтоженіе круговой поруки: о вредѣ же общиннаго землевладѣнія, говорятъ составители проекта, „излишне было бы, кажется, и распространяться: вредъ сей слишкомъ очевиденъ и уже надлежащимъ образомъ оцѣненъ... первоначальнымъ узаконеніемъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ". Затѣмъ долгъ кредитнымъ учрежденіямъ, въ отличіе отъ проекта 1844 года, предполагается теперь обезпечить исключительно тою землею, которая остается за помѣщиками послѣ надѣленія крестьянъ. Наконецъ, составители проекта указываютъ на то, что, при пынѣ принятыхъ ими основаніяхъ освобожденія, нѣтъ уже надобности въ согласіи крестьянъ на введеніе въ дѣйствіе новаго положенія, такъ какъ отъ собственнаго желанія каждаго изъ нихъ будетъ зависѣть полу-

чить ли увольненіе изъ крѣпостнаго состоянія за извѣстный выкупъ, или остаться въ прежнемъ положеніи.

Самый проектъ „постепеннаго освобожденія крестьянъ“ начинался двумя постановленіями объ ограниченіи власти помѣщиковъ. „Первымъ и священнымъ долгомъ“ своимъ они считали „навѣки отказаться отъ принадлежащаго имъ... права продавать изъ подчиняемыхъ настоящему положенію имѣній своихъ, а равно и вновь покупать для населенія ихъ крестьянъ на свозъ безъ земли“. Точно также отказывались они отъ права переселять крестьянъ порознь или цѣлыми селеніями въ другія губерніи, „оставляя токмо за собою право переселять ихъ, когда заблагоразсудятъ, съ одного мѣста на другое въ предѣлахъ одного и того же уѣзда“. Самымъ удобнымъ способомъ освобожденія крестьянъ, какъ мы уже знаемъ, авторы проекта считаютъ отпущеніе на волю не цѣлыми селеніями вдругъ, а посредствомъ одиночнаго выкупа по добровольному соглашенію въ цѣнѣ между помѣщикомъ и крестьянами. Обязательный для помѣщиковъ maximum, болѣе котораго онъ не имѣетъ права требовать отъ желающаго выйти на волю крестьянина или дворового, назначенъ въ проектѣ въ 100 р. за каждую наличную душу мужскаго пола, причемъ помѣщикъ за эту цѣну обязанъ не только освободить своего крѣпостнаго, но и надѣлить его одною десятиною земли и уступить ему все крестьянское строеніе и движимую собственность [1]). Авторы проекта напоминаютъ, что нѣкоторые разряды крестьянъ уже давно пользуются подобнымъ правомъ выкупа [2]), и имъ оставалось только слѣдовать всѣмъ этимъ указаніямъ. „Единственное существенное измѣненіе (?), ими вне-

---

[1]) „Обязательный для владѣльцевъ maximum выкупа,—объясняютъ составители проекта —между прочимъ, введенъ закономъ 18 іюля 1845 г. въ принадлежащихъ Франціи колоніяхъ и, несмотря на чрезвычайныя затрудненія въ правильномъ и добросовѣстномъ приложеніи сего закона, происходящія отъ явной оппозиціи плантаторовъ, потворства колоніальныхъ чиновниковъ, которые почти всѣ сами имѣютъ рабовъ, крайней отдаленности отъ метрополіи и, наконецъ, совершеннаго почти отсутствія у рабовъ истинныхъ матеріальныхъ средствъ для пріобрѣтенія себѣ способовъ выкупа, кроткая и справедливая эта система уничтожила уже въ теченіи перваго года принесла богатые плоды, какъ видно изъ отчета, представленнаго французскому правительству въ апрѣлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года морскимъ министромъ. Англія, неудовлетворявшаяся медленнымъ, по вѣрнымъ ходомъ постепенной реформы, пожертвовала 20 000,000 ф. стер. для вознагражденія плантаторовъ въ своихъ колоніяхъ и пожала горькіе плоды своей поспѣшности.

[2]) Прежде всего, удѣльнымъ крестьянамъ было дозволено испрашивать увольненіе изъ своего вѣдомства, внося за себя 1500 или 600 р. сер., смотря по тому, желаютъ ли они перейти въ купечество, или въ мѣщане, позднѣе же эти права были распространены и на дворцовыхъ винокуренныхъ крестьянъ. Въ Грузіи крестьянамъ дозволено выкупаться на свободу при продажѣ имѣнія съ публичнаго торга по несостоятельности владѣльца, то же право распространено въ Грузіи и на крестьянъ, продаваемыхъ одними помѣщиками другимъ посредствомъ частныхъ сдѣлокъ какъ цѣлыми имѣніями, такъ и по одиночкѣ, безъ земли.

денное, есть пожертвованіе (?) ими собственною землею для надѣленія выкупающихся на волю крестьянъ: но въ этомъ, по ихъ словамъ, послѣдовали они какъ искреннему своему убѣжденію въ пользѣ таковой мѣры, такъ и основной мысли первоначально ими представленнаго . . проекта въ 1844 г. Мысль эта въ томъ развитіи, въ коемъ она нынѣ представляется, есть ничто иное, какъ только *пополненіе первоначальнаго положенія о освободныхъ хлѣбопашцахъ*, въ каковое званіе дозволено помѣщикамъ отпускать крестьянъ своихъ не токмо цѣлыми селеніями, но и отдѣльными дворами и лицами, надѣляя ихъ изъ дачъ своихъ землею". Далѣе авторы проекта стараются доказать, что назначенный ими maximum выкупа „есть крайній нижайшій предѣлъ того, что безъ явнаго для нихъ разоренія можетъ быть постановлено". Вознагражденіе помѣщикамъ, по проекту 1844 г., состоявшее въ переводѣ на крестьянъ ежегодной уплаты въ кредитныя учрежденія по 3 р. сер. съ души и, слѣдовательно, соотвѣтствовавшее капиталу въ 50 р. сер. за каждаго освобождаемаго, основывалось на томъ предположеніи, что при этомъ отпускались на волю всѣ крестьяне вдругъ, не только зажиточные, но и приносящіе мало пользы бѣдняки. При предлагаемой же новымъ проектомъ системѣ постепеннаго освобожденія слѣдуетъ ожидать быстраго выкупа на волю всѣхъ лучшихъ крестьянъ, и затѣмъ помѣщикамъ придется „довольствоваться скудною работою или умаляемымъ постоянными недоимками оброкомъ крестьянъ бѣднѣйшихъ. Такимъ образомъ", по мнѣнію составителей проекта, „является справедливымъ и необходимымъ, чтобы они, подвергаясь надолго явному и неминуемому уменьшенію своихъ доходовъ, обезпечивали себя заранѣе, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ приращеніемъ капитала, необходимаго для перваго обзаведенія совершенно новой системы хозяйства, основаннаго на употребленіи свободнаго труда" [1].

Крестьянамъ предполагалось дозволить выкупаться не иначе, какъ въ полномъ наличномъ составѣ двора безъ раздробленія семейства; послѣднее условіе ставилось и дворовымъ. Чтобы уже въ самомъ началѣ не могло явиться крестьянскихъ надѣловъ менѣе трехъ десятинъ на дворъ, составители проекта предлагаютъ вмѣнить въ обязанность одинокимъ дворовымъ людямъ и крестьянамъ или малочисленнымъ семьямъ выкупаться съ землею на волю не иначе, какъ сторговавъ у помѣщика въ добавленіе къ „коренному имъ выдѣлу земли" такое ея количество, какое необходимо для составленія 3-хъ десятиннаго участка; при этомъ тульскіе помѣщики обязывались брать за удобную землю не болѣе 45 р.

---

[1] При этомъ они указываютъ еще на то, „что добровольно опредѣляемый ими maximum выкупа" (въ 100 р. сер.) ниже всѣхъ оффиціальныхъ оцѣнокъ ревизской души, принятыхъ закономъ въ различныхъ случаяхъ гдѣ требуется вознаградить помѣщика за утрачиваемаго имъ крѣпостнаго.

съ десятины [1]). Впрочемъ, дворовымъ и крестьянамъ-ремесленникамъ предоставлялось выкупаться и безъ земли, но со взносомъ тѣхъ же 100 р. за душу, въ виду того, что обученіе ремесленниковъ могло дорого стоить помѣщикамъ. Выкупающимся крѣпостнымъ помѣщикъ отводитъ ихъ участки по десятинѣ на душу, при чемъ, слѣдовательно, они должны были терять даже право на прежнія унавоженныя усадебныя мѣста, которыя, по собственному свидѣтельству тульскихъ дворянъ въ проектѣ 1844 г., стоятъ вдвое дороже сравнительно съ полевою землею, слѣдовательно, взамѣнъ 1 десятины усадебной земли имъ по справедливости нужно было бы дать 2 десятины полевой. Между тѣмъ по правиламъ проекта, крестьяне пользуются прежними усадебными мѣстами безвозмездно въ теченіе двухъ лѣтъ, а затѣмъ помѣщикъ можетъ потребовать удаленія ихъ на отведенные участки въ 6-ти мѣсячный срокъ. Крестьяне и дворовые, выкупившіеся на волю безъ земли, не имѣютъ права ни дня оставаться безъ дозволенія помѣщика въ его имѣніи послѣ полученія увольнительнаго акта.

По проекту 1844 г., долгъ кредитнымъ учрежденіямъ, лежащій на имѣніяхъ, въ которыхъ предполагалось начать увольненіе крѣпостныхъ, обезпечивался преимущественно землею освобожденныхъ крестьянъ, по проекту же 1847 г. — исключительно тою, которая оставалась въ собственности помѣщика [2]). Что касается земли, излишней сверхъ количества, необходимаго для обезпеченія займа, то составители проекта желали сохранить право распоряжаться ею по своему усмотрѣнію, т. е. всячески отчуждать ее въ постороннія руки и, между прочимъ, отводить всю или часть ея для будущаго надѣленія выкупающихся крѣпостныхъ.

Авторы проекта настаивали на томъ, чтобы люди, выкупившіеся на волю съ землею, не составляли по владѣнію ею и по отвѣтственности за уплату податей особыхъ обществъ и чтобы они находились въ завѣдываніи земской полиціи и министерства внутреннихъ дѣлъ, подобно вольнымъ людямъ въ западныхъ губерніяхъ и царанамъ въ бессарабской области, живущимъ на своихъ и помѣщичьихъ земляхъ. Очевидно, тульскіе дворяне находили выгоднѣе для себя имѣть дѣло не съ цѣлымъ сельскимъ обществомъ, сплоченнымъ общиннымъ пользованіемъ землею и круговою порукою, а съ отдѣльными крестьянскими дворами: имъ не-

---

[1]) Большее же количество земли можно было пріобрѣтать отъ помѣщика лишь по взаимному свободному соглашенію. Противъ этого мѣста, на поляхъ проекта, гдѣ, доставившее его Киселеву, сдѣлало такое замѣчаніе: „крайность покупки можетъ поставить крестьянина въ зависимость отъ владѣльца земли—помѣщика“

[2]) Составители проекта предлагали принимать въ залогъ каждую десятину по оцѣнкѣ въ 16 руб. сер., причемъ они ссылались на то, что опекунскіе совѣты выдавали по 80 руб. сер. на душу въ имѣніяхъ, гдѣ на каждую изъ нихъ приходится по 5 десят. [illegible]

пріятно было бы даже поступленіе выкупающихся на свободу въ вѣдомство государственныхъ имуществъ, въ которомъ интересы этихъ крестьянъ могли найти ревностнаго защитника.

Относительно владѣнія землею по правиламъ разсматриваемаго проекта отпущенные на волю крестьяне и дворовые должны явиться „полными и свободными вотчинниками своихъ участковъ", т.-е. могутъ ихъ дарить, закладывать, продавать и т. п. съ двумя только ограниченіями 1) чтобы правомъ свободнаго отчужденія своихъ участковъ они могли воспользоваться не ранѣе, какъ по истеченіи 5-ти лѣтняго срока со времени ихъ увольненія, и 2) чтобы данные имъ надѣлы они никакимъ образомъ не раздробляли на новые участки менѣе 3-хъ дес., подобно тому, какъ свободнымъ хлѣбопашцамъ, раздѣлившимъ свои земли подворно, было запрещено раздроблять ихъ на участки менѣе 8 дес. Авторы проекта стремились доказать, что 3-хъ-десятинный участокъ вполнѣ обезпечиваетъ пропитаніе крестьянской семьи и, въ то же время, выражали надежду, что такое надѣленіе крестьянъ „необходимымъ, но также и далеко не излишнимъ количествомъ земли въ отдѣльныхъ участкахъ", лучше всякихъ другихъ мѣръ побудитъ ихъ ввести у себя правильное плодопеременное хозяйство и травосѣяніе и уничтожить безполезныя паровыя поля, взамѣнъ которыхъ имъ будто бы всегда легко будетъ нанять за дешевую цѣну у сосѣднихъ помѣщиковъ землю подъ выгонъ скота. Правило о нераздѣлѣ земли выкупающихся крестьянъ на участки менѣе 3-хъ десятинъ должно быть, по предположеніямъ проекта, соблюдаемо и при переходѣ ея по наслѣдству, причемъ каждому крестьянину-владѣльцу должно быть предоставлено право избрать на всю свою землю хотя бы и одного наслѣдника: въ случаѣ же смерти хозяина двора безъ завѣщанія вся земля, если каждаго изъ сыновей нельзя надѣлить полнымъ участкомъ, можетъ поступать во владѣніе старшаго сына съ обязанностью содержать братьевъ и сестеръ до ихъ совершеннолѣтія.

Въ проектѣ предлагается дозволить вступать во вновь установляемое сословіе и всѣмъ ранѣе освобожденнымъ и впредь освобождаемымъ крестьянамъ и дворовымъ, съ условіемъ, чтобы они пріобрѣли въ собственность, по крайней мѣрѣ, по 3 десятины земли на каждую нераздѣльную семью, или взяли въ аренду на срокъ не менѣе 6 лѣтъ участокъ земли minimum въ 6 десятинъ: хотя и не въ столь рѣшительной формѣ, мы находимъ еще въ проектѣ предложеніе предоставить право вступленія въ новое званіе и лицамъ всѣхъ податныхъ состояній. Эта мѣра, по мнѣнію составителей проекта, „послужитъ естественнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ къ постепенному образованію болѣе чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи необходимаго класса фермеровъ и вмѣстѣ спасетъ городскія мѣщанскія общества отъ наводняющей ихъ массы господскихъ вольноотпущенныхъ

людей... земледѣльческая же промышленность пріобрѣтетъ въ лицѣ ихъ истинный кладъ: именно тотъ классъ производителей, которыхъ разумныя усилія возвели земледѣліе въ Англіи на высшую возможную точку совершенства". Въ лицѣ достаточныхъ арендаторовъ казна пріобрѣтетъ „всегда столько же вѣрныхъ плательщиковъ податей, сколько, напротивъ, невѣрны вѣчно разоренные и угнетенные кортомщики незначительныхъ клочковъ земли".

Въ заключеніе проекта тульскіе дворяне просили назвать новое сословіе *земскими свободными хлѣбопашцами* въ отличіе, съ одной стороны, отъ обязанныхъ крестьянъ, а съ другой — отъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, „въ сущности, совершенно съ ними сходныхъ, но подчиненныхъ управленію министерства государственныхъ имуществъ [1]).

Проектъ этотъ составляетъ любопытное знаменіе времени: онъ доказываетъ, что нѣкоторые изъ представителей провинціальнаго дворянства серьезно задумывались надъ вопросомъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права, приглядывались къ положенію земледѣльцевъ въ Западной Европѣ, знакомились съ агрономическою литературою, но имѣли при этомъ въ виду не возможно болѣе справедливое рѣшеніе труднѣйшаго вопроса русской внутренней политики, а лишь достиженіе своихъ узко-эгоистическихъ цѣлей. Въ данномъ случаѣ западно-европейскіе и остзейскіе образцы подсказали многія изъ основныхъ положеній тульскаго проекта, авторы котораго, разумѣется, и выбирали изъ явленій иностранной жизни лишь тѣ, которыя были имъ на руку. Уничтоженіе общиннаго землевладѣнія и круговой поруки, введеніе начала неравнаго наслѣдованія въ недвижимомъ имуществѣ, убѣжденіе въ необходимости введенія фермерства для блага Россіи,—все это или прямо навѣяно иностранными примѣрами, или заимствовано изъ разсужденій русскихъ сельскихъ хозяевъ, воспитавшихся на агрономическихъ сочиненіяхъ, совершенно непримѣнимыхъ къ условіямъ сельскаго быта Россіи. Само собою понятно, что осуществленіе такого проекта могло бы совершенно подорвать благосостояніе крестьянъ: и значительный размѣръ выкупа, и ничтожные земельные надѣлы, при которыхъ они очутились бы въ полной экономической зависимости отъ землевладѣльцевъ, и ломка старыхъ усадебъ съ потерею унавоженныхъ пріусадебныхъ мѣстъ безъ вознагражденія за то двойнымъ количествомъ земли, и потеря крестьянами права на вспомоществованіе со стороны помѣщиковъ во время неурожая и разныхъ несчастій также безъ всякаго за то возпагражденія,—все это очень было бы выгодно для помѣщиковъ и крайне гибельно для крестьянъ.

Прежде чѣмъ представить правительству свои проектъ тульскихъ дворянъ Мясновъ, въ ноябрѣ 1847 г., отправился въ Петербургъ. Здѣсь

---

[1]) Арх. М. Г. И., дѣло V Отд. Соб. Е. В. Канц. № 199, г. IV, л. 269—315.

ето разыскалъ одинъ изъ смоленскихъ депутатовъ, рославльскій предводитель дворянства Фантонъ-де-Верраіонъ, и обратился къ нему съ просьбою сообщить ему, что̀ тульскіе дворяне думаютъ отвѣчать на новый вопросъ правительства. Мясновъ отказался разоблачить весь ходъ этого дѣла въ тульской губерніи, но изъявилъ готовность высказать письменно свое личное мнѣніе по этому предмету. Въ написанномъ вслѣдъ за тѣмъ письмѣ къ Фантону де Верраіону онъ предлагаетъ, чтобы дворяне надѣлили крестьянъ „по одной десятинѣ земли съ усадьбою" въ полную собственность [1]), а правительство уплатило бы помѣщикамъ по сту рублей сер. за каждую ревизскую душу и затѣмъ возложило бы на крестьянъ обязанность въ извѣстное число лѣтъ возвратить эти деньги въ казну; необходимыя для этого суммы можно взять изъ кредитныхъ учрежденій или сдѣлать съ этою цѣлью особый выпускъ серій: операція эта очень облегчается тѣмъ, что большая часть дворянскихъ имѣній уже состоитъ въ залогѣ отъ 60 до 80 р. на душу. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мясновъ считалъ полезнымъ разрѣшить продажу казенныхъ земель малыми участками, чтобы ихъ могли пріобрѣсти крестьяне.

На другой день послѣ отсылки этого письма Мясновъ представилъ копію съ него министру внутреннихъ дѣлъ, Перовскому, а тотъ выразилъ желаніе, чтобы этотъ документъ былъ сообщенъ и гр. Киселеву. Когда чрезъ нѣсколько дней Мясновъ явился съ этою цѣлію къ гр. Киселеву, то оказалось, что послѣдній уже получилъ копію съ его письма отъ самого государя, которому безъ сомнѣнія представилъ его министръ внутреннихъ дѣлъ. Киселевъ просилъ Мяснова черезъ два дня къ себѣ обѣдать и потолковать. Явившись въ назначенное время Мясновъ нашелъ у Киселева человѣкъ десять извѣстныхъ сановниковъ и членовъ государственнаго совѣта. Послѣ обѣда его попросили прочесть письмо къ Фантону-де-Верраіону и затѣмъ стали обсуждать возможность предложенныхъ имъ мѣръ, причемъ прежде всего былъ возбужденъ вопросъ, будетъ ли въ состояніи крестьянинъ, получивъ въ собственность всего по одной десятинѣ на душу, уплачивать правительству подати и погашать сумму, которая выдана будетъ за него помѣщику. Мясновъ увѣрялъ, что ему удалось убѣдить собраніе въ возможности для крестьянина при такомъ ничтожномъ надѣлѣ исполнять обязанности, которыя

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ своего письма Мясновъ говоритъ: „Въ тѣхъ земледѣльческихъ губерніяхъ и имѣніяхъ, гдѣ нѣтъ 4-хъ десятинъ на душу, количество надѣленія крестьянъ землею не должно превосходить четвертой части общаго количества, состоящаго за помѣщикомъ. Въ губерніяхъ же оброчно-промышленныхъ, гдѣ капиталъ составляетъ не земля, а населеніе, кажется, можно и достаточно будетъ отдать въ собственность крестьянъ только ихъ жилища, имущество и потребное количество выгона для скота."

будутъ на него возложены. Пренія продолжались весь вечеръ и черезъ нѣкоторое время опять возобновились.

Въ запискѣ, поданной Мясновымъ Киселеву послѣ вторичнаго совѣщанія, онъ высказывалъ мысль, что „всякія новыя распоряженія правительства, указывающія только косвенно на благія намѣренія государя въ крестьянскомъ дѣлѣ вредны, такъ какъ они возбуждаютъ лишь превратные толки; „если цѣль преобразованія государемъ положительно опредѣлена“, то нужно „объявить манифестомъ, что государь, въ попеченіи о народномъ благосостояніи, опредѣлилъ преобразованіе его быта, дворянство содѣйствуетъ его волѣ, а потому повелѣвается“: 1) всѣмъ крѣпостнымъ попрежнему неуклонно повиноваться властямъ и начальству; 2) всѣ дѣла о крѣпостныхъ, отыскивающихъ свободу, повсемѣстно прекратить и вновь просьбъ о томъ не принимать, „какъ объ обстоятельствѣ, имѣющемъ получить общее рѣшеніе“; 3) оказывающихъ неповиновеніе ссылать на поселеніе; 4) этимъ же манифестомъ разрѣшить пріобрѣтать крѣпостнымъ на свое имя земли и всякую собственность. Послѣ изданія подобнаго манифеста, по мнѣнію Мяснова, „безъ опасенія можно будетъ предложить дворянамъ гласное совѣщаніе къ разрѣшенію вопросовъ о способахъ справедливыхъ положеній, приноровленныхъ къ мѣстностямъ и обычаямъ“. Эту записку Мясновъ представилъ и министру внутреннихъ дѣлъ.—„Все очень справедливо“, сказалъ ему Перовскій, „но подобнаго манифеста я боюсь; онъ можетъ произвести волненіе въ народѣ“. —„А я увѣренъ въ противномъ“, отвѣчалъ Мясновъ, „теперешнее смутное ожиданіе дѣлаетъ гораздо болѣе неустройствъ отъ разсѣеваемыхъ вредныхъ слуховъ: народъ узнавъ прямо о попеченіи о немъ правительства и дворянства, будетъ платить имъ благодарностью, это свидѣтельство исторіи“. „Но нашъ народъ“, замѣтилъ Перовскій, „еще очень невѣжественъ и необразованъ“. — „Совершенная правда“, отвѣчалъ Мясновъ, и потому-то власть и дисциплина необходимы ему всегда...; народъ вездѣ народъ, для всѣхъ идолы поклоненія и страха необходимы; народъ русскій отличается отъ многихъ европейскихъ особенною смѣтливостью: онъ скорѣе всякаго пойметъ *прямыя* намѣренія о его благосостояніи“.

Съ Мясновымъ пожелала познакомиться и великая княгиня Елена Павловна. „Явившись по приказанію“, разсказываетъ Мясновъ въ своихъ запискахъ, „я... принятъ былъ наединѣ, и ея высочеству угодно было удостоить меня самой милостивой и откровенной бесѣды болѣе двухъ часовъ. Ея вопросы, замѣчанія и сужденія показали мнѣ такую обширность свѣдѣній о бытѣ, вѣрованіяхъ и предразсудкахъ нашего русскаго народа, что, скажу смѣло, едва-ли деревенскія барыни-хозяйки имѣютъ столько свѣдѣній о бытѣ народномъ и въ такой подробности. Я совершенно забылъ, съ кѣмъ говорю, и только когда откланялся и образумился

уже на лѣстницѣ, сталъ припоминать все то, что высказалъ въ неумѣренной откровенности". Мясновъ не излагаетъ содержанія этой бесѣды, по идеи его намъ уже хорошо знакомы.

Однажды утромъ, когда Мясновъ сидѣлъ въ кабинетѣ Киселева, вошелъ Алексѣй Пракл. Левшинъ и, вслушавшись въ разговоръ, сказалъ: „Не пора-ли покончить съ этимъ дѣломъ? вотъ письмо, рѣшающее все разомъ". —„То было знакомое уже намъ письмо Олсуфьева, гофмаршала наслѣдника цесаревича, къ одному помѣщику (представившему проектъ по крестьянскому дѣлу), въ которомъ было сказано, что, какъ извѣстно наслѣднику, государь императоръ отнюдь не намѣренъ измѣнить отношеній помѣщичьихъ крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ" (см. гл. VI).

Не только для Мяснова, но и для гр. Киселева это письмо было совершенною неожиданностію. Вслѣдъ за тѣмъ Мясновъ отправился въ Тулу и на прощанье написалъ Киселеву письмо, въ которомъ во первыхъ называлъ софизмомъ высказываемое нѣкоторыми мнѣніе, что освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ поведетъ къ ограниченію самодержавной власти, а затѣмъ, предлагалъ выкупъ крестьянъ казною на извѣстныхъ условіяхъ не дѣлать обязательнымъ, такъ какъ и безъ того можно надѣяться, что дѣло пойдетъ быстро, и самые упорные поборники крѣпостнаго права увидятъ, что „безъ него обойтись легко и выгодно".

Пріѣхавши въ Москву, Мясновъ нашелъ въ ней всѣхъ тульскихъ помѣщиковъ, представившихъ правительству въ началѣ 1844 г. проектъ по крестьянскому дѣлу. Такъ какъ они все еще не отвѣчали на вопросъ правительства, отказались ли они отъ предположенія освободить крестьянъ, то немедленно приступили къ составленію отвѣта. Второй проектъ, изложенный нами выше, былъ отложенъ въ сторону и вмѣсто него былъ составленъ отвѣтъ, подписанный 6 лицами Мясновымъ, гр. Бобринскимъ, Болотовымъ, Бибиковымъ, Муравьевымъ и гр. Татищевымъ. Составители его прежде всего указывали на вредное дѣйствіе крѣпостнаго права на экономическую жизнь страны; затѣмъ они совѣтовали продавать казенныя земли въ частную собственность, чтобы ихъ могли пріобрѣтать и крестьяне. „Всѣ эти земли", говорятъ тульскіе дворяне, „оживутъ въ рукахъ собственниковъ... и принесутъ правительству неисчислимые доходы въ податяхъ,... избавивъ навсегда Россію отъ вредныхъ мыслей коммунизма и еще вреднѣйшихъ фаланстеровъ Фурье, развиваемыхъ нынѣ вновь мнѣніями многихъ европейскихъ мыслителей и выражающихся доселѣ въ... существованіи *общинъ* и *сходокъ*, которыя составляютъ совершенный анахронизмъ, подобный крестьянскому состоянію".... „Многіе полагаютъ", продолжаютъ авторы письма, что мелкіе собственники скоро могутъ обратиться въ пролетаріевъ и отягощать собою государство. Конечно, никогда нельзя отрицать существованія многихъ лѣнивыхъ и безнравственныхъ людей, которые какъ въ общин-

никахъ, такъ и собственникахъ равно неизбѣжны, но пусть же лучше таковые тяготятъ большую общину—цѣлое государство, нежели малую, къ которой приписаны. Государство, состоящее изъ всѣхъ сословій, гораздо легче пріищетъ способы и доставитъ средства къ пропитанію, исправленію и назначенію такихъ пролетаріевъ".

Покончивъ такъ легко съ вопросомъ о вредныхъ сторонахъ владѣнія крестьянами землею на началахъ полной частной собственности, тульскіе дворяне затѣмъ заявляютъ, что, „вопросъ о преобразованіи крѣпостнаго состоянія и созданія многихъ собственниковъ" вопреки опасенію „многихъ весьма умныхъ и почтенныхъ людей, есть вопросъ чисто экономическій, нисколько не относящійся ни къ правительственнымъ формамъ, ни къ законамъ юридическимъ"; рѣшеніе этого вопроса, по ихъ мнѣнію, зависитъ отъ справедливаго вознагражденія „теперешнихъ обладателей принужденнаго человѣческаго труда", а возможность такого вознагражденія заключается „въ приведеніи въ оборотъ капиталовъ земли и капиталовъ денежныхъ". Вознагражденіе это не можетъ быть одинаковымъ въ различныхъ мѣстностяхъ, „ибо кто купилъ имѣніе земледѣльческое, тотъ *половину* капитала заплатилъ за трудъ населяющихъ то имѣніе работниковъ, но кто купилъ имѣніе промышленное, тотъ потратилъ *весь* капиталъ за обязательный трудъ населенія, ибо земля въ такихъ промышленныхъ имѣніяхъ представляетъ токмо мѣсто жительства". Далѣе тульскіе дворяне заявляли, что „находясь въ невозможности представить какой либо проектъ, къ частной или къ общей пользѣ служащій", они, согласно со своимъ проектомъ 1844 г. желали бы надѣлить своихъ крестьянъ одною десятиною земли въ личную собственность", и получить за то денежное вознагражденіе. „Но будучи увѣрены въ полезности таковой развязки труда работающихъ собственниковъ", — продолжаютъ составители отвѣта, — они въ то-же время выражали увѣренность, что „имѣнія ихъ, представляя не только въ государствѣ, но въ своей губерніи весьма малую частицу, неминуемо будутъ разорены соперничествомъ окружающаго ихъ труда крѣпостнаго, работающаго, какъ извѣстно въ собственное разореніе и убытокъ. . Если бы не только они, но огромная часть помѣщиковъ и даже въ разныхъ губерніяхъ, въ согласіи съ ними, отреклись бы отъ нынѣшняго обладанія людьми, то и въ этомъ случаѣ осуществленіе правительствомъ ихъ желанія представитъ только мѣру переходную - опыта частнаго" и только увеличитъ тотъ вредъ, „который существуетъ нынѣ отъ естественной зависти крестьянъ одного вѣдомства къ выгодамъ другаго". Помочь этому горю тульскіе дворяне находили возможнымъ только весьма радикальными средствами приведеніемъ всѣхъ крестьянъ къ одному знаменателю: они предлагали: 1) удѣльныхъ крестьянъ надѣлить землею подобно помѣщичьимъ и за такое же вознагражденіе 2) государственныхъ крестьянъ и крестьянъ всѣхъ про-

чихъ наименованій казеннаго вѣдомства сдѣлать также „личными собственниками“ одной десятины земли на душу, а всѣ остальныя земли продать, какъ самимъ нынѣшнимъ ихъ общиннымъ владѣльцамъ, такъ и всѣмъ вообще состояніямъ“; 3) часть казаковъ обратить въ регулярныя войска по общей жеребьевой системѣ, остальныхъ надѣлить въ личную собственность по одной десятинѣ, а оставшіяся отъ надѣла земли также продать. Со продажи всѣхъ этихъ земель тульскіе дворяне совѣтуютъ отдавать ихъ въ наемъ; вслѣдствіе этого, по ихъ мнѣнію, немедленно уничтожится дефицитъ въ бюджетѣ, а продажа земель дастъ огромные капиталы для вознагражденія помѣщиковъ и удѣльныхъ управленій; когда же посредствомъ продажи государственныхъ земель всѣ помѣщики будутъ вознаграждены, то остальныя земли, „или въ натурѣ, или въ вырученномъ денежномъ капиталѣ“, могутъ поступить въ пользу удѣльнаго вѣдомства. Отвѣтъ этотъ былъ врученъ тульскому губернатору 24 марта 1848 г., а черезъ нѣсколько дней послѣ того Мясоѣдъ написалъ письмо къ Перовскому, въ которомъ говоритъ, что отвѣтъ ихъ былъ составленъ „подъ вліяніемъ убѣжденія, что воля государя императора о преобразованіи непреложна“, но письмо гофмаршала Олсуфьева „показываетъ намъ, что не только тѣ мысли, которыя изложены въ нашемъ представленіи, но даже составленіе какихъ либо обязательствъ съ крестьянами неумѣстны“ [1].

Къ счастію для крестьянъ, составителямъ проекта не удалось добиться осуществленія своихъ предположеній: въ 1848 году министерство внутреннихъ дѣлъ нашло проектъ дворянъ тульскаго уѣзда [2] неудовлетворительнымъ [3].

Изъ фактовъ, сообщенныхъ въ предъидущихъ и настоящей главахъ нашей статьи, видно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи дворяне въ 1846—48 г. ходатайствовали предъ правительствомъ объ учрежденіи комитетовъ по крестьянскому вопросу: такъ было въ смоленской и тульской губерніяхъ, А. И. Кошелевъ хлопоталъ объ этомъ относительно рязанской, тверскіе дворяне ожидали, по примѣру ихъ сосѣдей, смольянъ, обращенія къ нимъ государя по дѣлу ограниченія крѣпостнаго права, наконецъ, дворянство динабургскаго уѣзда уже занималось даже составленіемъ проекта объ обращеніи крестьянъ въ обязанные (который, подобно тульскому, былъ признанъ правительствомъ неудовлетворительнымъ). Все это въ высшей степени замѣчательныя явленія: они доказываютъ, что мысль о созваніи губернскихъ комитетовъ подготовлялась постепенно еще во вторую половину сороковыхъ годовъ. Въ западной же Россіи, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, она была осуществлена уже въ то время.

---

[1] Записки Маслова, сообщенныя намъ редакціею „Русской Старины“.

[2] Т. е. очевидно ихъ отвѣтъ, поданный 21 марта 1848.

[3] *Варадинова*. Истор. Мин. Внутр. Дѣлъ, ч. III, кн. 3, стр. 447.

ГЛАВА IX.

Крестьянскій вопросъ въ литературѣ: Пушкинъ, гг. Вяземскій, Гребенка, Лермонтовъ, Гоголь, Даль, гр. Соллогубъ, Григоровичъ и Тургеневъ.

При изученіи исторіи крестьянскаго вопроса въ царствованіе императора Николая мы пока, главнымъ образомъ, останавливались на правительственной инициативѣ въ этомъ дѣлѣ, выразившейся въ учрежденіи цѣлаго ряда секретныхъ комитетовъ. Мы видѣли, какъ мало практическихъ результатовъ принесла ихъ дѣятельность, какъ нерѣдко проекты, авторы которыхъ желали ввести существенныя ограниченія правъ помѣщиковъ относительно ихъ крѣпостныхъ, подвергались въ комитетахъ совершенному искаженію и мѣры, предложенныя комитетами, оказывались почти мертворожденными. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы касались и другаго фактора въ рѣшеніи этого вопроса: отношенія къ нему общества. Подробно разсмотрѣны были практическіе результаты тѣхъ двухъ правительственныхъ мѣропріятій, которыя давали возможность обществу проявить свою самодѣятельность въ этомъ отношеніи; одно изъ нихъ (законъ 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ) продолжало приносить свою долю пользы и въ эпоху императора Николая, другое, произведеніе именно этого царствованія (законъ объ обязанныхъ крестьянахъ), оказалось менѣе плодотворнымъ: но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что масса дворянъ не обнаружила стремленія покончить съ крѣпостнымъ правомъ имъ самимъ предоставленнымъ средствомъ—путемъ добровольныхъ договоровъ съ своими крѣпостными, и, слѣдовательно правительственное вмѣшательство дѣлалось неизбѣжнымъ. Точно также совершенно своекорыстно отнеслось къ дѣлу и большинство смоленскаго дворянства, когда императоръ Николай обратился къ его содѣйствію по вопросу о болѣе энергическомъ примѣненіи закона объ обязанныхъ крестьянахъ. Мы разсмотрѣли также тѣ неизданные записки и проекты разныхъ лицъ, которые были вызваны какъ указомъ 2 апрѣля 1842 года, такъ и обращеніемъ императора Николая къ смоленскому дворянству

Всего менѣе до сихъ поръ мы имѣли возможности коснуться обсужденія крестьянскаго вопроса въ литературѣ, а именно познакомились только со статьею Хомякова объ указѣ 1842 г. и вызванною ею полемикою, которая, однако, была скоро прекращена администраціею. Посмотримъ теперь, какъ постепенно назрѣвающая идея о необходимости уничтоженія крѣпостнаго права выразилась въ произведеніяхъ главнѣйшихъ представителей изящной литературы. Начинаемъ съ Пушкина, о взглядахъ котораго на крестьянскій вопросъ въ эпоху императора Александра I мы говорили уже въ первомъ томѣ нашей книги.

Пушкинъ, видимо, интересовался мѣрами правительства относительно крестьянскаго вопроса. Въ 1830 г. онъ извѣщалъ кн. П. А. Вяземскаго, что „государь, уѣзжая, оставилъ въ Москвѣ проектъ новой организаціи, контръ революціи революціи Петра. Вотъ тебѣ случай написать политическій памфлетъ и даже его напечатать, ибо правительство дѣйствуетъ или намѣрено дѣйствовать въ смыслѣ европейскаго просвѣщенія. Огражденіе дворянства, подавленіе чиновничества, новыя права мѣщанъ и крѣпостныхъ,—вотъ великіе предметы“ [1]). Это письмо къ кн. Вяземскому было вызвано, безъ сомнѣнія, слухами о проектахъ, выработанныхъ секретнымъ комитетомъ, учрежденнымъ 6 декабря 1826 г. для разсмотрѣнія предположеній относительно улучшенія государственнаго устройства и управленія и, между прочимъ, измѣненія быта крестьянъ. Проекты эти, какъ мы уже знаемъ (см. II главу), не были приведены въ исполненіе [2]).

---

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина. Изд. Общ. для пособ. нужд. литер. и учен. 1887 г. VII, 218.

[2]) Въ I т. мы указывали на отношеніе къ крестьянскому вопросу въ эпоху Александра I друга Пушкина, кн. Вяземскаго. Во время поѣздки въ 1827—28 гг. въ Пензу кн. Вяземскій отмѣчаетъ въ своей записной книжкѣ, что одна тамошняя дворянка засѣкла дѣвочку 8 лѣтъ, что сынъ одного помѣщика сосланъ въ Сибирь „также за жестокосердіе“, что въ пензенскомъ театрѣ артисты крѣпостные директора Гладкова, который надняхъ такъ высѣкъ одну актрису, свою любовницу, что „она долго не могла ни ходить, ни сидѣть, ни лежать“, и который несчастную травлю на охотѣ „вымѣщаетъ на актерахъ и бьетъ ихъ не на животъ, а на смерть“... „Больнѣе всего, —продолжаетъ кн. Вяземскій, что пьяный помѣщикъ имѣетъ право терзать своихъ подданныхъ за то, что они дурно играли или не понравились помѣщику. Право господства не должно бы простираться до этой степени. При рабствѣ, *puisque ... y a* (курсивъ подлинника), можно допустить право помѣщика взыскивать съ крѣпостныхъ своихъ подати деньгами или натурою и промышленностью, свойственныя ихъ назначенію и включенныя въ кругъ дѣйствія имъ сроднаго, и наказывать за неисполненіе таковыхъ законныхъ обязанностей, но обезпечить законною властью и сумасбродныя прихоти помѣщика, который хочетъ, чтобы его рабы плясали, пѣли и ломали комедь безъ дарованія безъ охоты, есть уродство гражданское, и оно должно быть прекращаемо начальствомъ предводителями, какъ злоупотребленіе власти. И послѣ такихъ примѣровъ находятся еще у насъ заступники крѣпостнаго состоянія“. Приведя далѣе слышанный

Въ 1830 г., въ селѣ Болдинѣ, Александръ Сергѣевичъ между прочимъ, написалъ „Повѣсти Ивана Петровича Бѣлкина", изданныя въ слѣдующемъ году. Изъ предисловія мы узнаемъ, что, вступивъ въ управленіе имѣніемъ, Иванъ Петровичъ ослабилъ строгій порядокъ, заведенный его покойнымъ отцомъ, отмѣнилъ барщину и назначилъ весьма умѣренный оброкъ: „но и тутъ крестьяне, пользуясь его слабостью, на первый годъ выпросили себѣ нарочитую льготу а въ слѣдующіе — болѣе двухъ третей оброка платили орѣхами, брусникою и т. п., и тутъ были недоимки". Совѣты болѣе строгаго сосѣда отъ имени котораго написано предисловіе, не имѣли никакого дѣйствія на добродушнаго Бѣлкина. (IV, 32—33). Это мѣсто нѣсколько напоминаетъ отношеніе Евг. Онѣгина къ своимъ крестьянамъ. Очевидно, что, такъ какъ обличеніе помѣщичьихъ злоупотребленій не допускалось цензурою, то писателямъ, желавшимъ улучшенія участи крѣпостныхъ, оставалось только указывать примѣры болѣе гуманнаго отношенія къ крестьянамъ.

Въ томъ же 1830 г. была написана Пушкинымъ „Исторія села Горохина", историческая сатира, появившаяся въ печати уже по смерти автора въ „Современникѣ" 1837 г. и интересная для насъ по многимъ чертамъ, заимствованнымъ изъ области крѣпостнаго права. Такъ въ числѣ источниковъ „Исторіи" указано собраніе календарей, исписанныхъ прадѣдомъ автора (того же вымышленнаго Бѣлкина) различными замѣчаніями, среди которыхъ очень часто фигурируютъ слѣдующія: „4 мая Тришка за грубость битъ... 6—Сенька за пьянство битъ .. 9—Тришка за пьянство битъ" и т. п. Изъ самой „Исторіи" приведемъ характеристику правленія прикащика, присланнаго господами села Горохина, когда его населеніе оказалось не въ состояніи аккуратно выплачивать непосильный оброкъ.

Принявъ „бразды правленія", этотъ прикащикъ „потребовалъ опись крестьянамъ, раздѣлилъ ихъ на богачей и бѣдныхъ и приступилъ къ исполненію своей политической системы. Главнымъ основаніемъ оной была слѣдующая аксіома: чѣмъ мужикъ богаче, тѣмъ онъ избалованнѣе, чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ смиреннѣе. Вслѣдствіе сего „прикащикъ старался о смирности вотчины, какъ о главной крестьянской добродѣтели. 1) Недоимки были разложены на всѣхъ зажиточныхъ мужиковъ и выскиваемы съ нихъ со всевозможною строгостью. 2) Недостаточные и праздполюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню,

---

имъ разсказъ объ обширномъ волненіи крестьянъ въ царствованіе императора Павла, кн. Вяземскій продолжаетъ: „Возмущенія имѣвшія въ деревняхъ приписываютъ проклятымъ либераловъ. Кто изъ либераловъ тогда дѣйствовалъ на крестьянъ? Рабство—состояніе насильственное, которое должно по временамъ оказывать признаки броженія и, наконецъ, разорвать обручи недостаточные". Всѣ эти замѣтки не были, разумѣется въ свое время напечатаны. („Полное собраніе сочин. кн. П. А. Вяземскаго. IX, 70, 72—74). Мы увидимъ ниже, что либеральный жаръ кн. Вяземскаго въ крестьянскомъ вопросѣ скоро охладѣлъ.

если же, по его разсчетамъ, трудъ ихъ оказывался недостаточнымъ, то онъ отдавалъ ихъ въ батраки другимъ крестьянамъ, за что они платили ему добровольную дань, а отдаваемые въ холопство имѣли полное право откупаться заплатя сверхъ недоимокъ двойной годовой оброкъ. Всякая общественная повинность падала на зажиточныхъ мужиковъ. Рекрутство же было торжествомъ корыстолюбивому правителю ибо отъ онаго поочереди откупались всѣ богатые мужики, пока, наконецъ, выборъ не палъ на негодяя или разорепнаго. Мірскія сходки были уничтожены. Оброкъ собиралъ онъ понемногу и круглый годъ сряду.. Въ три года Горохино совершенно обнищало" [1]).

Въ повѣсти „Дубровскій", написанной Пушкинымъ въ 1832 г., но въ печати появившейся впервые въ 1841 г въ дополнительномъ томѣ посмертнаго изданія его сочиненій, авторъ также затронулъ крѣпостное право. Къ сожалѣнію, не всѣ мѣста, касающіяся этого вопроса, были пощажены цензурою. Объ отношеніяхъ Троекурова къ его крѣпостнымъ въ рукописи Пушкина было сказано такъ: „Рѣдкая дѣвушка изъ его дворовыхъ избѣгала сластолюбивыхъ покушеній пятидесятилѣтняго старика. Сверхъ того, въ одномъ изъ флигелей его дома жили шестнадцать горничныхъ, занимались рукодѣліями, свопственными ихъ полу. Окна во флигель были загорожены деревянною рѣшеткой; двери запирались замками, отъ коихъ ключи хранились у Кирилла Петровича". (Подобный гаремъ былъ, какъ извѣстно, у знаменитаго своею жестокостью генерала Измайлова). „Молодыя затворницы въ положенные часы ходили въ садъ и прогуливались подъ надзоромъ двухъ старухъ. Отъ времени до времени Кирилла Петровичъ выдавалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ замужъ, и новыя поступали на ихъ мѣсто. Съ крестьянами и дворовыми обходился онъ строго и своенравно" (IV, 120—121). Все это мѣсто было исключено цензурои: затѣмъ въ повѣсти остались лишь нѣкоторые намеки на злоупотребленія помѣщичьею властью.

Изъ „Капитанской дочки", написанной въ 1833 году и появившейся въ печати въ „Современникѣ" 1836 г., еще при жизни Пушкина, также исключена была по цензурнымъ соображеніямъ цѣлая глава, въ которой, между прочимъ, описывался бунтъ въ помѣщичьей вотчинѣ во время Пугачевщины (IV, 279—284).

Въ томъ же 1833 году Пушкинъ написалъ статью „Мысли на дорогѣ" (возраженія на книгу Радищева) [2]). Въ IV главѣ онъ приводитъ

---

[1]) Т. IV, стр. 100—103 Бѣлинскій въ „Московскомъ Наблюдателѣ" 1838 г. восторженно отозвался объ этомъ произведеніи Пушкина: „Исторія села Горохина" (такъ озаглавлена она была въ „Современникѣ") въ своемъ родѣ чудо совершенства, и если бы въ нашей литературѣ не было повѣстей Гоголя то мы ничего лучшаго не знали бы". („Сочиненія Бѣлинскаго, II, 334).

[2]) До этого нашъ поэтъ относился къ Радищеву съ большимъ уваженіемъ. Въ 1823 году въ письмѣ къ извѣстному писателю, декабристу А. Бестужеву (Марлинскому), онъ упрекалъ его за то, что въ статьѣ „Взглядъ на старую и новую словесность"

слова Радищева о самовластіи господъ относительно браковъ крѣпостныхъ и ничего противъ нихъ не возражаетъ. Въ V главѣ, приведя слова автора „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ о рекрутскихъ наборахъ, Пушкинъ указываетъ на тяжесть для народа этой повинности и затѣмъ продолжаетъ: „Радищевъ сильно нападаетъ на продажу рекрутъ и другія злоупотребленія. Продажа рекрутъ была въ то время уже запрещена, но производилась еще подъ рукою. Простодумъ въ комедіи Княжнина говоритъ, что

„Три тысячи скопилъ онъ дома лѣтъ въ десятъ
Не хлѣбомъ, не скотомъ, не выводомъ телятъ,
Но кстати въ рекруты торгуючи людьми“.

„Но запрещеніе сіе имѣло, —продолжаетъ Пушкинъ,—свою невыгодную сторону: богатый крестьянинъ лишался возможности избавиться рекрутства [1]), а судьба бѣдняковъ, коими торговалъ безграмотный помѣщикъ, врядъ ли чрезъ то улучшилась“. Въ VIII главѣ, приведя изъ разсматриваемаго имъ сочиненія начало описанія продажи людей съ аукціона Пушкинъ говоритъ: „Слѣдуетъ картина, ужасная тѣмъ, что она правдоподобна. Не стану теряться вслѣдъ за Радищевымъ въ его надутыхъ, но искреннихъ мечтаніяхъ.., съ которыми на сей разъ соглашаюсь поневолѣ“. Въ IX главѣ статьи Пушкинъ, приведя изъ сочиненія Радищева описаніе несчастнаго положенія крестьянъ у помѣщика, отобравшаго у нихъ всю землю и переведшаго ихъ на мѣсячину, подтверждаетъ возможность такого факта собственнымъ разсказомъ о подобномъ же помѣщикѣ, котораго авторъ зналъ „лѣтъ 15 тому назадъ“. Онъ былъ, по словамъ Пушкина, „родъ маленькаго Людовика XI... Тиранъ, но тиранъ по системѣ и по убѣжденію... Сдѣлавшись помѣщикомъ двухъ тысячъ душъ, онъ нашелъ своихъ крестьянъ, какъ говорится, избалованными слабымъ и безпечнымъ своимъ предшественникомъ. Первымъ стараніемъ его было общее и совершенное разореніе. Онъ немедленно приступилъ къ совершенію своего предположенія и въ три года привелъ крестьянъ въ жестокое положеніе. Крестьянинъ не имѣлъ никакой собственности: онъ пахалъ барскою сохою, запряженной барской клячею:

(въ издаваемой Бестужевымъ „Полярной Звѣздѣ“) онъ не упомянулъ объ авторѣ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“. „Какъ можно въ статьѣ о русской словесности, говоритъ Пушкинъ, забыть Радищева? Кого же мы будемъ помнить?“ (VII, 50). Въ написанномъ въ 1824 г. „Первомъ посланіи къ цензору“, не появившемся въ свѣтъ при жизни автора и только недавно напечатанномъ безъ всякихъ урѣзокъ, Пушкинъ въ доказательство того, что цензурныя стѣсненія не достигаютъ цѣли, между прочимъ, говоритъ: „Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ“ (I, 317), т. е. его сочиненіе, хотя и въ рукописи, разгуливаетъ по свѣту.

[1]) Подобное же возраженіе противъ запрещенія торговли рекрутами дѣлалъ Карамзинъ въ своей извѣстной „Запискѣ о древней и новой Россіи“.

скотъ его былъ весь проданъ; онъ садился за спартанскую трапезу на барскомъ дворѣ; дома не имѣлъ онъ ни штей, ни хлѣба. Одежда обувь выдавалась ему отъ господина. Словомъ, статья Радищева кажется картиною хозяйства моего помѣщика". По Пушкинъ приписываетъ ему при этомъ благія намѣренія: по его словамъ, „мучитель имѣлъ виды филантропическіе. Пріучивъ своихъ крестьянъ къ нуждѣ, терпѣнію и труду, онъ думалъ постепенно ихъ обогатить, возвратить имъ собственность, даровать имъ права! Судьба не позволила ему исполнить его предначертанія. Онъ былъ убитъ своими крестьянами во время пожара". Читатель можетъ усомниться въ вѣрности объясненія Пушкина, такъ какъ, по его словамъ, „молодой образъ мыслей и пылкость тогдашнихъ чувствованій отвратили" его отъ этого помѣщика и помѣшали ему изучить его хорошенько, а, быть можетъ, и все это объясненіе сдѣлано лишь съ цѣлью спасти отъ цензуры самый фактъ, слишкомъ самъ по себѣ краснорѣчивый, такъ какъ крестьянамъ было, конечно, не легче отъ того, какія бы фантастическія цѣли ни преслѣдовалъ ихъ господинъ при осуществленіи своего ужаснаго плана. Но какъ бы то ни было, цензура не пощадила статьи Пушкина. При первомъ печатаніи ея въ посмертномъ собраніи его сочиненій (1838—41 годъ) всѣ тѣ главы, изъ которыхъ заимствованы вышеприведенныя мѣста, были исключены цѣликомъ. Зато цензура очень охотно сохранила XI главу статьи, гдѣ авторъ, послѣ описанія мрачныхъ сторонъ быта нашихъ крѣпостныхъ, пытается указать и нѣкоторыя свѣтлыя стороны ихъ жизни. До насъ дошелъ и черновой набросокъ этой главы, написанной первоначально въ формѣ разговора автора съ англичаниномъ, который считаетъ положеніе нашихъ крѣпостныхъ весьма выгоднымъ сравнительно съ положеніемъ англійскихъ рабочихъ и нѣсколько утѣшаетъ автора, приведеннаго въ уныніе словами Радищева. Въ печатной редакціи Пушкинъ, оставляя форму діалога, упоминаетъ сначала о свидѣтельствахъ Лабрюера и г-жи Севинье о печальномъ положеніи французскихъ крестьянъ и о словахъ Фонъ-Визина, что, „по чистой совѣсти, судьба русскаго крестьянина показалась ему счастливѣе судьбы французскаго земледѣльца". Затѣмъ авторъ продолжаетъ:

„Прочтите жалобы англійскихъ фабричныхъ работниковъ: волоса встанутъ дыбомъ отъ ужаса. Сколько отвратительныхъ истязаній, непонятныхъ мученій! Какое холодное варварство, съ одной стороны, съ другой какая страшная бѣдность! Вы думаете, что дѣло идетъ о строеніи фараоновыхъ пирамидъ, о евреяхъ, работающихъ подъ бичами египтянъ. Совсѣмъ нѣтъ: дѣло идетъ о сукнахъ г-на Смидта или объ иголкахъ г-на Джаксона. И замѣтьте, что все это есть не злоупотребленіе, не преступленіе, но происходитъ въ строгихъ предѣлахъ закона. Кажется, что нѣтъ въ мірѣ несчастнѣе англійскаго работника: но посмотрите, что дѣлается тамъ при изобрѣтеніи новой машины, избавляющей вдругъ отъ каторжной работы тысячъ пять или шесть народа и лишающей ихъ послѣдняго средства пропитанія... У насъ въ этомъ ничего подобнаго. Повинности вообще не тягостны. Подушная платится міромъ, барщина опредѣлена закономъ, оброкъ

не разорителенъ (кромѣ какъ въ близости Москвы и Петербурга, гдѣ разнообразіе оборотовъ промышленности усиливаетъ и раздражаетъ корыстолюбіе владѣльцевъ) Помѣщикъ, наложивъ оброкъ, оставляетъ на произволъ своего крестьянина доставать оный, какъ и гдѣ онъ хочетъ. Крестьянинъ и, помышляетъ, чѣмъ онъ вздумаетъ, и уходитъ иногда за 2,000 верстъ вырабатывать себѣ деньгу... Злоупотребленій вездѣ много; уголовныя дѣла вездѣ ужасны.. Въ Россіи нѣтъ человѣка, который бы не имѣлъ *собственнаго (?)* своего жилища Нищій, уходя скитаться по міру, оставляетъ *свою (?)* избу". (Жилища крестьянъ по закону принадлежали не имъ, а помѣщикамъ, хотя de facto они, дѣйствительно, находились въ ихъ наслѣдственномъ владѣніи). „Этого нѣтъ въ чужихъ краяхъ. Имѣть корову вездѣ въ Европѣ есть знакъ роскоши: у насъ не имѣть коровы есть знакъ ужасной бѣдности.. Судьба крестьянина улучшается со дня на день по мѣрѣ распространенія просвѣщенія. Конечно, должны еще произойти великія перемѣны, но не должно торопить времени, и безъ того уже довольно дѣятельнаго. Лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ которыя происходятъ отъ одного улучшенія нравовъ, безъ насильственныхъ потрясеній политическихъ, страшныхъ для человѣчества..." [1].

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Пушкинъ не опровергаетъ указаній Радищева относительно величайшихъ злоупотребленій, къ которымъ приводитъ неограниченность крѣпостнаго права, а нѣкоторыя изъ нихъ даже прямо подтверждаетъ. Но, желая быть вполнѣ безпристрастнымъ онъ посредствомъ сравненія нашего земледѣльца съ западно-европейскимъ пролетаріемъ хотѣлъ показать, что если брать не отдѣльные случаи злоупотребленій, а болѣе обычный порядокъ вещей, то свободный пролетарій могъ позавидовать нашему крѣпостному. Въ этомъ, конечно, было много правды. Можно пожалѣть только о нѣсколькихъ выраженіяхъ въ концѣ статьи: о томъ, что не нужно „торопить времени", будто бы уже и безъ того достаточно „дѣятельнаго" (?), и что можно возложить всю надежду на одно улучшеніе нравовъ. Такъ обыкновенно говорили и крайніе консерваторы въ крестьянскомъ вопросѣ, и не такъ смотрѣлъ на дѣло Пушкинъ въ 1819 г., когда онъ мечталъ о паденіи рабства „по манію царя". Но, съ другой стороны, заключительная тирада могла быть написана и для смягченія въ цензурномъ отношеніи всей статьи, которую по тому времени должны были найти крайне рѣзкою и которая, дѣйствительно, и появилась въ печати лишь послѣ исключенія всѣхъ выпадокъ противъ крѣпостнаго права. При существованіи цензуры нужно судить о намѣреніяхъ автора по общему духу всей статьи, а не по тои или другой оговоркѣ; общее же направленіе „Мыслей на дорогѣ" по отношенію къ крестьянскому вопросу было несомнѣнно либеральное.

Гораздо болѣе непріятнымъ тономъ проникнута статья „Александръ Радищевъ", написанная Пушкинымъ въ 1836 году и предназначавшаяся къ напечатанію въ „Современникѣ". Здѣсь при оцѣнкѣ „Путешествія

[1] Томъ V, 228—243.

въ Москву" встрѣчаются, къ сожалѣнію, такія фразы: „Сѣтованія на несчастное состояніе народа, на насиліе вельможъ и проч. преувеличены и пошлы. Порывы чувствительности, жеманной и надутой иногда чрезвычайно смѣшны". Радищевъ „какъ будто старается раздражить верховную власть своимъ горькимъ злорѣчіемъ: не лучше ли было бы указать на благо, которое она въ состояніи сотворить? Онъ поноситъ власть господъ, какъ явное беззаконіе; не лучше ли было бы представить правительству и умнымъ помѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ?" [1]) Однако же, и эта статья была цѣликомъ запрещена цензурою: о Радищевѣ говорить не дозволялось [2]). Замѣчательно однако же, что и въ это время Пушкинъ, все-таки, признавалъ большія заслуги Радищева [3]).

Если мы припомнимъ теперь, что̀ изъ всего сказаннаго Пушкинымъ о крѣпостномъ правѣ проникло въ печать при его жизни, а также и послѣ его смерти, въ эпоху императора Николая, то окажется, что это была лишь ничтожная доля приведеннаго нами и, притомъ, съ исключеніемъ почти всего, отличающагося обличительнымъ характеромъ. Въ „Евгеніи Онѣгинѣ и Повѣстяхъ Бѣлкина" указывалось на гуманныя отношенія двухъ молодыхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ въ отличіе отъ ихъ сосѣдей; въ уцѣлѣвшей части „Мыслей на дорогѣ" объяснялись только выгодныя стороны жизни нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ сравнительно съ западно-европейскими пролетаріями а въ „Исторіи села Горохина" обличенія были недостаточно характерны.

[1]) Такое же замѣчаніе сдѣлалъ цензурный комитетъ въ царствованіе имп. Александра I, по поводу книги Пнина (см. т. I, гл. 18).

[2]) На представленіи объ этой статьѣ цензурнаго комитета министръ народнаго просвѣщенія гр. Уваровъ написалъ: „Статья (сама) по себѣ не дурна и съ нѣкоторыми помѣщеніями могла бы быть пропущена. Между тѣмъ, находя неудобнымъ и совершенно излишнимъ возобновлять память о писателѣ и о книгѣ, совершенно забытыхъ и достойныхъ забвенія". Когда въ 1840 г., при печатаніи посмертнаго собранія сочиненій Пушкина, эта статья была вновь представлена Уварову, онъ положилъ такую резолюцію: „И нахожу, что она, по многимъ заключающимся въ ней мѣстамъ, къ напечатанію допущена быть не можетъ, и потому предлагаю сдѣлать распоряженіе о запрещеніи ея". Только въ 1857 г. она, наконецъ, появилась въ свѣтъ въ седьмомъ дополнительномъ томѣ „Сочиненій Пушкина" изданія Анненкова. *Сухомлиновъ.* Радищевъ, авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву". Спб. 1883 120—121.

[3]) Въ первоначальной редакціи стихотворенія „Памятникъ", написаннаго въ томъ же 1836 году, одна строфа читалась такъ:

„И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что звуки новые для нѣсенъ я обрѣлъ,
Что вольность Радищеву воспѣлъ я свободу
И милосердіе воспѣлъ" (II, 190).

Объ отношеніи Пушкина къ Радищеву, срав. любопытную статью *В. Е. Якушкина* „Радищевъ и Пушкинъ" въ „Чт. Об. Ист. Древ. Росс." 1886 г., кн. I.

Таковы печальные результаты борьбы геніальнаго поэта съ цензурою при обсужденіи имъ крестьянскаго вопроса. Понятно, что послѣ этого у всякаго могли опуститься руки, каждый писатель принужденъ былъ, если не желалъ видѣть своего произведенія изуродованнымъ, старательно обходить такіе щекотливые факты современной дѣйствительности, какъ злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ.

Мы видѣли, что только въ послѣдней статьѣ Пушкина о Радищевѣ зазвучала при обсужденіи крестьянскаго вопроса весьма непріятная нота. Что касается его друга, князя Вяземскаго, то изъ его записныхъ книжекъ видно, что, продолжая признавать зломъ крѣпостное право, онъ въ это время готовъ былъ отложить въ долгій ящикъ рѣшеніе крестьянскаго вопроса, находя, что для такого труднаго дѣла нѣтъ способныхъ государственныхъ людей, что вся наша административная машина никуда не годится. Въ 1831 году, обсуждая стихи Жуковскаго по поводу польскаго возстанія, онъ относительно крѣпостныхъ выражается здѣсь нѣсколько не либерально: *«очень хорошо и законно дѣлаетъ господинъ, когда приказываетъ высѣчь холопа, который вздумаетъ отыскивать незаконно и нагло свободу свою*, но все же нѣтъ тутъ вдохновеній для поэта». Въ 1841 году онъ заноситъ въ записную книжку слѣдующее: „Въ городѣ много говорили объ освобожденіи крестьянъ, по крайней мѣрѣ, въ петербургской губерніи" (толки эти вызваны были, вѣроятно, обсужденіемъ въ это время въ секретномъ комитетѣ закона объ обязанныхъ крестьянахъ). „При этомъ случаѣ разсказывали мнѣ отвѣтъ старика Философова императору Александру I). Александръ совѣтовался съ нимъ о поданномъ ему проектѣ объ освобожденіи крестьянъ „Царь, отвѣчалъ онъ, - вы потопите въ нашей крови" Этотъ вопросъ, продолжаетъ кн. Вяземскій,– важнѣйшій изъ всѣхъ государственныхъ и народныхъ вопросовъ. Слѣдовательно, должно о немъ помышлять. Но какъ разрѣшить его и какъ разрѣшится онъ? Во всякомъ случаѣ, *не теперь приступать къ разрѣшенію*. У насъ нѣтъ ни одного государственнаго человѣка въ силахъ приступить къ нему". Къ закону объ обязанныхъ крестьянахъ кн. Вяземскій, повидимому, отнесся не сочувственно: по крайней мѣрѣ, онъ занесъ въ записную книжку безъ всякихъ оговорокъ одно изъ услышанныхъ имъ возраженій противъ него, къ тому же, совершенно несправедливое. Наконецъ, въ 1844—45 годахъ Вяземскій набросалъ слѣдующую мысль: „Прежде нежели дѣлать ампутацію, должно промыслить оператора и приготовить инструменты. Топоромъ отрубить ногу такъ (sic), но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и жизнь отрубить не долго У насъ хотятъ уничтожить рабство. Дѣло прекрасное, потому что рабство язва, увѣчье, но гдѣ у насъ врачи, гдѣ инструменты? Развѣ ваша земская полиція, ваша внутренняя администрація готовы совершить искусно и благонадежно эту великую и трудную операцію? Въ этомъ заключается вся важность во

проса“ [1]) Если бы всѣ разсуждали такимъ образомъ, то крѣпостное право не было бы уничтожено и въ 1861 году.

Мы уже указывали въ первомъ томѣ нашей книги на энергичное бичеваніе крѣпостнаго права въ безсмертной комедіи Грибоѣдова. Гораздо менѣе „Горя отъ ума“ извѣстны сохранившіеся отрывки изъ трагедіи Грибоѣдова „Грузинская ночь“ задуманной во время пребыванія автора на Кавказѣ въ 1826—1828 гг., но для насъ они не менѣе любопытны, такъ какъ авторъ и здѣсь затрогиваетъ крѣпостное право. Правда отрывки эти въ свое время въ печати не появились, но они доказываютъ, что не помѣшай безвременная смерть геніальному автору, онъ нанесъ бы еще немало жестокихъ ударовъ крѣпостному праву. Завязка трагедіи состоитъ въ томъ что одинъ грузинскій князь, въ видѣ выкупа за любимаго коня, отдалъ другому князю отрока, своего раба. Это было дѣломъ обыкновеннымъ, а потому онъ не думалъ о послѣдствіяхъ своего поступка. Вдругъ является мать отрока, бывшая кормилица князя няня его дочери, и упрекаетъ его въ безчеловѣчномъ поступкѣ. Дошедшій до насъ отрывокъ начинается именно въ этомъ мѣстѣ.

Князь. „Но самъ я развѣ радъ твоей печали?
Вини себя и старость лѣтъ своихъ.
Давно съ тебя и платы не бирали.
Г. (кормилица). Ругаться старостью — то въ лютыхъ вашихъ нравахъ
Стара я, да, но не отъ лѣтъ однихъ!
Состарилась не въ играхъ, не въ забавахъ,
Твой домъ блюла, тебя, дѣтей твоихъ.
Какъ ринулся въ мятежъ ты противъ русской силы,
Укрыла я тебя живаго отъ могилы
Моимъ же рубищемъ отъ тысячи смертей.
Когда-жъ былъ многія годины въ заточеньи,
Безславью преданный въ отеческомъ краю,

. . . . . .

Вынашивала я, кормила дочь твою

. . . . . .

А ты? Ты, совѣсти и Богу вопреки,
Полсердца вырвалъ изъ утробы!
Что мнѣ твой гнѣвъ? Грова твоей руки?
Пылай, гори огнемъ несправедливой злобы...
И кочетъ, если взять его птенца,
Кричитъ, крылами бьетъ съ свирѣпостью борца,
Онъ похитителя зоветъ на бой неравный:
И мнѣ передъ тобой не можно умолчать,
О сынѣ я скорблю: я человѣкъ, я мать...
Гдѣ громъ твой, власть твоя, о, Боже Вседержавный?“

Князь, съ нетерпѣніемъ выслушивая упреки кормилицы, наконецъ, напоминаетъ, что имѣлъ право такъ поступить: „онъ былъ мои крѣ-

[1]) „Пол. Соб. Соч. кн. Вяземскаго“ IX, 155, 196, 204, 208—209.

постной". Кормилица требуетъ или возвратить ей сына, или отдать и ее тому же господину. Князь приказываетъ ей молчать или убираться прочь съ его глазъ. Кормилица проклинаетъ князя, идетъ въ лѣсъ и призываетъ на помощь въ своей мести Али, злыхъ духовъ Грузіи. При этомъ она восклицаетъ:

„О люди! Кто назвалъ людьми исчадье ада.
Которыхъ отъ кровей утробныхъ
Судьба на то произвела,
Чтобъ были гибелью, бичемъ себѣ подобныхъ!" [1])

Изъ приведеннаго отрывка видно, что авторъ далеко еще не успѣлъ обработать это произведеніе по формѣ, но по основной идеѣ оно весьма замѣчательно для своего времени. Очевидно, Грибоѣдовъ, подобно своимъ друзьямъ-декабристамъ, считалъ крѣпостное право самымъ вопіющимъ зломъ современнаго общественнаго строя и готовъ былъ употребить на борьбу съ нимъ всѣ силы своего ума и таланта.

Другой геніальный поэтъ того времени, Лермонтовъ, живя въ дѣтствѣ въ деревенской обстановкѣ, могъ слышать много разсказовъ о печальномъ положеніи крѣпостныхъ и сталъ рано имъ сочувствовать; онъ даже напускался на бабушку, когда она бранила своихъ дворовыхъ и крестьянъ [2]). Въ юношеской драмѣ его «Menschen und Leidenschaften», написанной въ 1830 году, изображается, между прочимъ, старая помѣщица, жестоко обращающаяся съ своими дворовыми. Подобно героинѣ одной изъ комедій императрицы Екатерины, она среди чтенія священнаго писанія посылаетъ для наказанія плетьми на конюшню повареика, разбившаго хрустальную кружку. Въ драмѣ „Странный человѣкъ", написанной въ слѣдующемъ году, одинъ крестьянинъ жалуется на невозможную жизнь всей ихъ вотчины: помѣщица сѣчетъ ихъ „за всякую малость, а чаще безъ вины", управитель дѣлаетъ все, что ему угодно, и одному мужику за намѣреніе жаловаться на него въ городъ велитъ такъ выворачивать руки на станкѣ, что онъ перестаетъ ими владѣть. Барыня приказываетъ выщипать крестьянину бороду по волоску, одну горничную колетъ ножницами [3]). Драмы эти при жизни автора напечатаны не были: авторъ, безъ сомнѣнія, считалъ ихъ недостаточно для этого обработанными [4]). Въ написанной въ 1833 году и также не напечатанной

---

[1]) „Русская Библіотека" изд. Стасюлевича, т. V, изд 2-е, спб. 1878 г., стр. 244—250

[2]) См. ст. г. Васковатова въ „Рус. Мысли" 1884 г., № 6, стр 66.

[3]) „Юношеская драма Лермонтова", изд. подъ редакціею П. А. Ефремова. Спб 1880 г., стр. 143, 146, 147, 228—231, ср. 226

[4]) Указанныя мѣста въ драмѣ „Странный человѣкъ" не были пропущены цензоромъ Бекетовымъ даже въ 1861 году, уже послѣ уничтоженія крѣпостнаго права. Одного, они были напечатаны въ томъ же году въ „Библіографическихъ Запискахъ".

при жизни Лермонтова поэмѣ „Сашка" крѣпостная дѣвушка полюбившая героя поэмы, говоритъ:

„Для вашего отца впервые я
Забыла стыдъ — гдѣ у рабы защита?
Грозилъ онъ ссылкой, Богъ ему судья!
Прошла недѣля — бѣдная забыта...
А все любить другаго ей нельзя...

. . . . . .

Чѣмъ свѣтъ меня въ кибиткѣ увезутъ
На дальній хуторъ, гдѣ Маврушу ждутъ
Страданья, мужъ съ косматой бородою..."

Сюжетомъ для юношеской неоконченной повѣсти, время написанія которой, впрочемъ, точно неизвѣстно, Лермонтовъ взялъ эпоху Пугачевщины, такъ что въ ней мы находимъ указанія на жестокое обращеніе помѣщиковъ съ крѣпостными и картину бунта всей вотчины противъ господина, кровавой расправы съ помѣщицей и т. п. [1]). Повѣсть навѣяна, вѣроятно, народными преданіями, которыя поэтъ могъ слышать на родинѣ; трудно предположить вліяніе литературное: „Исторія пугачевскаго бунта" Пушкина напечатана только въ 1835 г., „Капитанская дочка" въ 1836 г.

Всѣ приведенныя указанія убѣждаютъ насъ въ томъ, что Лермонтовъ былъ вовсе не прочь бичевать въ своихъ произведеніяхъ крѣпостное право, и если мы не встрѣчаемъ слѣдовъ этого юношескаго настроенія въ болѣе зрѣлыхъ его произведеніяхъ, то нужно припомнить тогдашнія цензурныя условія: какъ отражались они на дѣятельности современныхъ писателей, мы ясно видѣли на примѣрѣ Пушкина; къ тому же, Лермонтовъ, вслѣдствіе его ссылки, былъ въ положеніи особенно неудобномъ для обработки щекотливыхъ въ цензурномъ отношеніи темъ [2]).

Гоголь въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ слегка, мимоходомъ и съ слишкомъ большимъ спокойствіемъ касается крѣпостнаго права.

[1]) „Сочиненія Лермонтова", изд. 5-е, 1882 г., т. II, 333, 544—545, 549, 571—573, 617 и др.

[2]) Въ 1848 г. появилось въ печати стихотвореніе извѣстнаго партизана Д. Давыдова „Современныя пѣсни", гдѣ онъ между прочимъ обличаетъ тѣхъ либераловъ, которые въ отношеніи къ своимъ крѣпостнымъ являлись суровыми помѣщиками:

„А глядишь,—нашъ Мирабо
Стараго Гаврило,
За измятое жабо,
Хлещетъ въ усъ да въ рыло;
А глядишь,—нашъ Лафаэтъ,
Брутъ или Фабрицій
Мужиковъ подъ прессъ кладетъ
Вмѣстѣ съ свекловицей"

(„Сочиненія Давыдова", Спб. 1848 г., стр. 78)

Такъ, въ вышедшей въ 1832 г. второй части „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки", въ разсказѣ „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка", авторъ, характеризуя хозяйственныя способности тетушки, между прочимъ, говоритъ: „Пьяницу мельника, который совершенно былъ ни къ чему негоденъ, она, собственною своею мужественною рукой дергая каждый день за чубъ, безъ всякаго посторонняго средства умѣла сдѣлать золотомъ, а не человѣкомъ". Та же тетушка „била лѣнивыхъ вассаловъ своею страшною рукой [1]). Въ появившейся въ свѣтъ въ 1834 г. „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ", мы, между прочимъ, узнаемъ, что „миргородскій помѣщикъ Антонъ Прокофьевичъ Голопузя промѣнялъ тройку гнѣдыхъ на скрипку и дворовую дѣвку взявши двадцать пять руб ей придачи, а дѣвку промѣнялъ на сафьянный съ золотомъ кисетъ, и теперь кисетъ у него такой какого ни у кого нѣтъ [2]).

Въ другихъ небольшихъ произведеніяхъ своихъ Гоголь или вовсе обходитъ крѣпостное право, или не упоминаетъ о дурныхъ его сторонахъ. Такъ, добрѣйшая Пульхерія Ивановна въ томъ случаѣ, если станъ горничной дѣлался гораздо полнѣе обыкновеннаго, только „бранила виновную и наказывала строго, чтобы впередъ этого не было" [3]), причемъ намъ приходится напомнить, что за такую провинность въ другихъ вотчинахъ сплошь и рядомъ обрѣзывали косу или даже ссылали въ отдаленную деревню для исполненія какой-нибудь унизительной должности; когда же „въ лакейской" баринъ схватываетъ одного изъ слугъ за ухо, то предшествующею сценой авторъ какъ бы подсказываетъ невольное заключеніе, что такое обращеніе совершенно заслужено: изъ разсказа же лакея другой госпожи видно, что онъ занимается портняжными работами не только на барыню, но можетъ зашибить копѣйку и въ свою пользу [4]), и опять читатель остается въ неизвѣстности относительно того, что господа, отдавая въ работу обученныхъ тому или другому мастерству крѣпостныхъ, сплошь и рядомъ брали себѣ все вознагражденіе за ихъ трудъ.

Въ концѣ 1842 года въ московскій цензурный комитетъ была представлена Гоголемъ первая часть „Мертвыхъ душъ". Цензоръ С нашелъ ее сначала „совершенно благонамѣренной", но потомъ кто-то сбилъ его съ толку, и онъ представилъ ее на усмотрѣніе всего комитета. Тутъ предсѣдателю показалось, прежде всего недозволительнымъ самое заглавіе „Мертвыя души" „Нѣтъ, — закричалъ онъ, — этого я никогда не позволю: душа .. безсмертна; мертвой души не можетъ быть, авторъ вооружается

[1]) Т. I, изд. Кулиша, стр. 205—206.
[2]) Ibid. I, 470, 481.
[3]) Ibid., I, 306.
[4]) Ibid., II, 489—490.

противъ безсмертія“ Когда ему растолковали, что дѣло идетъ о ревизскихъ душахъ, онъ, все-таки, не угомонился „Нѣтъ, –закричалъ онъ, а за нимъ половина цензоровъ,—этого и подавно нельзя позволить, хотя бы въ рукописи ничего не было, а стояло только одно слово *ревизская душа* ужъ этого нельзя позволить, это значитъ идти противъ крѣпостнаго права“. Самъ увидѣлъ, что дѣло зашло слишкомъ далеко и, по словамъ Гоголя въ письмѣ къ Плетневу, „сталъ увѣрять цензоровъ, что онъ рукописи читалъ и что о крѣпостномъ правѣ и намековъ нѣтъ, что даже нѣтъ обыкновенныхъ оплеухъ, которыя раздаются во многихъ повѣстяхъ крѣпостнымъ людямъ“. Но „цензоры-азіатцы, т. е. люди старые выслужившіеся и сидящіе дома“, не хотѣли и слышать о напечатаніи рукописи; съ другой стороны, толки „цензоровъ европейцевъ, возвратившихся изъ-за границы, людей молодыхъ“, Гоголь передаетъ такъ: „что вы ни говорите а цѣна, которую даетъ Чичиковъ (сказалъ одинъ изъ такихъ цензоровъ, К.), цѣна два съ полтиною, которую онъ даетъ за душу, возмущаетъ душу. Человѣческое чувство вопіетъ противъ этого: хотя, конечно, эта цѣна дается за одно имя, написанное на бумагѣ, но все же это имя, душа, душа человѣческая; она жила, существовала; этого ни во Франціи, ни въ Англіи, нигдѣ нельзя позволить, да послѣ этого ни одинъ иностранецъ къ намъ не пріѣдетъ“. Рукопись запретили, хотя комитетъ прочелъ только три-четыре мѣста [1]). Но въ Петербургѣ, послѣ многихъ хлопотъ друзей автора, въ мартѣ 1842 г. А. В. Никитенко разрѣшилъ рукопись къ печати, хотя и сдѣлавъ въ ней поправки и исключенія, не касающіяся, впрочемъ, тѣхъ немногихъ мѣстъ, гдѣ затрогивается крѣпостное право, и поставивъ въ заглавіи, вмѣсто „Мертвыя души“, „Похожденія Чичикова или Мертвыя души“.

Только въ главѣ, посвященной характеристикѣ Плюшкина, авторъ рисуетъ неприглядную жизнь крѣпостныхъ [2]); но это могло казаться читателю рѣдкимъ исключеніемъ какъ слѣдствіе беззаботности о крестьянахъ полупомѣщаннаго землевладѣльца. О повинностяхъ крестьянъ авторъ сообщаетъ съ обычною объективностью, что хотя господинъ и вовсе не пользовался, по своей скупости, получаемыми доходами, однако, „столько же оброку долженъ былъ принесть мужикъ, такимъ же приносомъ оброховъ обложена была всякая баба, столько же поставовъ холста должна была наткать ткачиха“. О слѣдствіяхъ же чрезмѣрнаго скряжничества

[1]) „Русск. Арх.“ 1866 г., стр. 766.

[2]) „Какую-то особенную ветхость замѣтилъ „Чичиковъ“ на всѣхъ деревенскихъ строеніяхъ: бревно на избахъ было темно и старо; многія крыши спвозили, какъ рѣшето, на иныхъ оставался только конекъ вверху да жерди по сторонамъ въ видѣ ребръ... Окна въ избенкахъ были безъ стеколъ, иныя были заткнуты тряпкой или зипуномъ...“

помѣщика для дворовыхъ авторъ намекаетъ лишь въ одномъ мѣстѣ [1]). На угрозу Чичикова Селифану посѣчь его за пьянство послѣдній изъявляетъ полную готовность: „Почему же не посѣчь, коли за дѣло? На то воля господская. Оно нужно посѣчь, потому что мужикъ балуется; порядокъ нужно наблюдать". Авторъ, повидимому, уже и въ это время раздѣлялъ мнѣніе Селифана о благодѣтельности помѣщичьей опеки, такъ какъ онъ совершенно не одобряетъ оброчной системы, какъ извѣстно, гораздо болѣе льготной для крестьянъ. Въ характеристикѣ Манилова мы находимъ такую авторскую замѣтку: „Когда приходилъ къ нему мужикъ и, почесавши рукою затылокъ, говорилъ: „Баринъ, позволь отлучиться на работу, подать заработать". — „Сгинай", — говорилъ онъ, куря трубку, *и ему даже въ голову не приходило, что мужикъ шелъ пьянствовать*" (?!). Мы знаемъ, напротивъ, что оброчные крестьяне составляли наиболѣе дѣятельную и работящую часть крѣпостнаго населенія Россіи. Авторъ не скрываетъ, что Коробочка продала двухъ дѣвокъ по сту рублей за каждую, но, въ то же время, показываетъ что всякій неглупый помѣщикъ, желающій пользы себѣ самому, бережетъ крестьянъ, такъ какъ ихъ нищета вредно отразится на его собственныхъ интересахъ: такъ поступаетъ и Собакевичъ [2]). Гоголь говоритъ, что ему скорѣе простили бы, если бы онъ выставилъ „картинныхъ изверговъ, но пошлости не простили" ему: однако, и не выставлялъ непремѣнно исключительныхъ злодѣевъ, можно было показать всю мерзость крѣпостнаго права, но бѣда именно въ томъ, что Гоголь не считалъ его мерзостью.

Благодаря „Перепискѣ съ друзьями", приготовленной авторомъ къ печати въ іюлѣ 1846 года и появившейся въ свѣтъ въ самомъ началѣ слѣдующаго года, мы можемъ дать себѣ болѣе ясный отчетъ въ томъ, какъ относился Гоголь къ крѣпостному праву. Въ письмѣ, озаглавленномъ „Русскій помѣщикъ", авторъ говоритъ:

„Главное то, что ты уже пріѣхалъ въ деревню и положилъ себѣ непремѣнно быть помѣщикомъ; прочее все придетъ само собою. Не смущайся мыслями, будто прежнія узы, связывавшія помѣщика съ крестьянами, исчезнули навѣки... Собери, прежде всего, мужиковъ и объясни имъ, что такое ты, что такое они. Что помѣщикъ ты надъ ними не потому, чтобы тебѣ хотѣлось повелѣвать и быть помѣщикомъ, но потому, что ты уже есть помѣщикъ, что ты родился помѣщикомъ, что вышелъ съ тобой Богъ, если бы ты промѣнялъ это званіе на другое, потому что всякій долженъ служить Богу на своемъ мѣстѣ, а не на чужомъ, равно какъ и они также, родясь подъ властью, должны покориться той самой власти, подъ

[1]) „У Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ея въ домѣ, были одни только сапоги, которые должны были въ сѣни и ходить и въ сѣняхъ. Всякій, привыкшій въ барскіе покои, обыкновенно отправлялъ черезъ весь дворъ босикомъ, но, входя въ сѣни, надѣвалъ сапоги и такимъ уже образомъ являлся въ комнату"

[2]) „Соб. сочин. Гоголя", 3-е изд. Часть I. М. 1871 г. Т. III, стр. 22, 42, 52, 111, 116—117, 126, 130, 131.

которою родились, потому что нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога, и покажи имъ это тутъ же въ евангеліи, чтобъ они всѣ (это видѣли до единаго. Потомъ скажи имъ что заставляешь ихъ трудиться и работать вовсе не потому, чтобы нужны были тебѣ деньги на твои удовольствія, и въ доказательство тутъ же сожги предъ ними ассигнаціи (?!); и чтобы они видѣли дѣйствительно, что деньги тебѣ нужъ, но что потому ты заставляешь ихъ трудиться, что Богомъ повелѣно человѣку трудомъ и потомъ снискивать себѣ хлѣбъ, и прочти имъ тутъ же это въ священномъ писаніи, чтобы это они видѣли. Скажи имъ всю правду: что съ тебя взыщетъ Богъ за послѣдняго нерадиваго въ селѣ и что по этому самому ты еще болѣе будешь смотрѣть за тѣмъ, чтобы они работали честно не только тебѣ, но и себѣ самимъ.. И все что имъ ни скажешь, подкрѣпи тутъ же словами св. Писанія, чтобы они ясно видѣли, что ты во всемъ, что до нихъ клонится, сообразуешься съ волею Божіею, а не (со) своими какими нибудь европейскими или иными затѣями . Собери силу вліянія, а съ нею и отвѣтственность на головы примѣрныхъ хозяевъ и лучшихъ мужиковъ.. Нерадивымъ же и пьяницамъ повели, чтобъ они оказывали добрымъ мужикамъ такое же уваженіе, какъ бы старостѣ, прикащику, попу или даже самому тебѣ; чтобы, когда они еще завидятъ издали примѣрнаго мужика и хозяина, летѣли бы шапки съ головы у всѣхъ мужиковъ, и все бы ему давало дорогу; а который посмѣлъ бы оказать ему какое-нибудь неуваженіе или не послушаться умныхъ словъ его, того распеки тутъ же при всѣхъ; скажи ему: „Ахъ, ты неумытое рыло!.. Поклонись же ему въ поги и попроси, чтобы навелъ тебя на разумъ; не наведетъ на разумъ — собакой пропадешь.“ Въ крестьянскомъ быту... богатый хозяинъ и хорошій человѣкъ синонимы. И въ которую деревню заглянула только христіанская жизнь, тамъ мужики лопатами гребутъ серебро“.

Даже и гуманные совѣты автора выражены крайне грубо и съ величайшимъ презрѣніемъ къ народу.

„Мужика не бей: съѣздить его въ рожу (?!) еще не большое искусство, это съумѣетъ сдѣлать и становой, и засѣдатель, и даже староста, мужикъ къ этому уже привыкъ (!) и только что почешетъ слегка у себя въ затылкѣ (?), но умѣй пронять его хорошенько словомъ...“

Грамотность принесетъ крестьянамъ, по мнѣнію автора, болѣе вреда, чѣмъ пользы [1]).

Какъ должно было возмутить передовыхъ людей того времени это profession de foi Гоголя по крестьянскому вопросу, всего лучше показываетъ знаменитое письмо Бѣлинскаго къ автору „Переписки съ друзьями“, на которомъ мы остановимся въ слѣдующей главѣ. Это было послѣднее слово Гоголя въ печати о крѣпостномъ правѣ, но онъ касался его и во II томѣ „Мертвыхъ душъ“, часть котораго сдѣлалась извѣстною читающей публикѣ уже по смерти автора, въ двухъ редакціяхъ: полагаютъ, что первая современна „Перепискѣ съ друзьями“, вторая — нѣсколько позднѣе ея [2]).

---

[1]) Собраніе сочин. Гоголя, 3-е изд. посмертныхъ М. 1874 года, т. IV, 682—686, 689.

[2]) *Пыпинъ*, „Характеристики литерат. мнѣній“, 117. *Чижовъ*, „Послѣдніе годы Гоголя“. „Вѣст. Евр.“ 1872 г., № 7, стр. 437, 444.

Мы видѣли, что въ „Перепискѣ съ друзьями" Гоголь придаетъ власти помѣщика особенно возвышенное значеніе: это не владѣлецъ только того или другаго числа душъ, это, такъ сказать, Божіею милостію блюститель за трудолюбіемъ и нравственностью своихъ подданныхъ. Глава „Русскій помѣщикъ" въ „Перепискѣ" оканчивается такими словами: „И ты, не служа доселѣ ревностно ни на какомъ поприщѣ, сослужишь такую службу государю въ званіи помѣщика, какъ не сослужитъ иной великочиновный человѣкъ. Что ни говори, но поставить 800 подданныхъ, которые всѣ какъ одинъ и могутъ быть примѣромъ всѣмъ окружающимъ своею истинно примѣрною жизнью, — это дѣло не бездѣльное и служба истинно законная и великая". Совершенно подобную же мысль высказываетъ во II томѣ „Мертвыхъ душъ" Тентетниковъ своему дядюшкѣ, покидая службу и отправляясь на житье въ деревню. „У меня есть другая служба, — говоритъ онъ, — триста душъ крестьянъ... Государству утраты немного, если вмѣсто меня сядетъ въ канцелярію другой переписывать бумагу, но большая утрата, если триста человѣкъ не заплатятъ податей. Если я позабочусь о сохраненіи, сбереженіи и улучшеніи участи ввѣренныхъ мнѣ людей и представлю государству триста исправнѣйшихъ, трезвыхъ работящихъ подданныхъ,—чѣмъ моя служба будетъ хуже службы какого нибудь начальника отдѣленія?..." По пріѣздѣ въ деревню, Тентетниковъ уменьшилъ барщину и далъ возможность мужикамъ работать болѣе времени на себя, уничтожилъ всякіе приносы холста, ягодъ, грибовъ и орѣховъ, на половину сбавилъ съ женщинъ другихъ работъ, но у него не хватило энергіи, чтобы поддерживать строгій порядокъ въ имѣніи. Вздумалъ онъ было завести „какую-то школу", но „отъ этого вышла такая чепуха, что онъ и голову повѣсилъ: лучше было и не задумывать" [1]). За то идеальный хозяинъ Костанжогло умѣетъ вести дѣла такъ, что и самъ онъ благоденствуетъ, и его мужики (какъ это обѣщалъ авторъ помѣщику въ „Перепискѣ", въ случаѣ исполненія его совѣтовъ) „гребутъ серебро лопатой". Секретъ этого благоденствія заключается въ мудрой опекѣ господина надъ его подданными: „Я такъ требую съ мужиковъ, какъ нигдѣ, — говоритъ самъ Костанжогло. — У меня работа — первое: мнѣ ли, или себѣ, но ужъ не дамъ никому залежаться. Я и самъ работаю, какъ волъ, и мужики у меня, потому что испыталъ... вся дрянь лѣзетъ въ голову отъ того, что не работаешь". И вотъ не только свои крестьяне благоденствуютъ у Костанжогло, но и посторонніе желаютъ быть лучше подъ его властью, чѣмъ даже на волѣ. „Какъ много надѣлалъ

---

[1]) Въ исправленной редакціи II тома на поляхъ въ духѣ „Переписки съ друзьями" было прибавлено: „Школа... времени никому не было. Мальчикъ съ десяти лѣтъ уже былъ помощникомъ во всѣхъ работахъ и тамъ воспитывался, — отъ разнообразія работъ былъ уже умнѣе..."

этотъ человѣкъ, говоритъ «авторъ, - безъ шуму, не сочиняя проектовъ и трактатовъ о доставленіи благополучія всему человѣчеству". Обратную сторону медали представляетъ, во-первыхъ, полуномѣнанный Кошкаревъ съ его сложнымъ сельскимъ правленіемъ, съ его бюрократическими учрежденіями („главная счетная экспедиція", „комитетъ сельскихъ дѣлъ" и т. п.), съ его карикатурными сѣтованіями, что до сихъ поръ онъ не могъ заставить бабъ ходить въ корсетахъ, и мечтами о томъ времени, когда мужикъ, идя за плугомъ, будетъ читать сочиненія Франклина и Виргилія. Для пущаго осмѣянія людей, стремившихся къ просвѣщенію народа, Гоголь заставляетъ даже Кошкарева утверждать, что стоитъ „только одѣть половину русскихъ мужиковъ въ нѣмецкіе штаны... и золотой вѣкъ настанетъ въ Россіи". Устами Костанжогло авторъ наставительно поясняетъ, что Кошкаревъ „нуженъ затѣмъ, что въ немъ отражаются карикатурно и видимѣе глупости всѣхъ нашихъ вотъ этихъ умниковъ, которые, не узнавши прежде своего, забираютъ дурь изъ чужи". Другой примѣръ неумѣнья обращаться съ народомъ представляетъ безпутный Хлобуевъ, допустившій крестьянъ впасть въ полное разореніе. „Что прикажете дѣлать?— говоритъ онъ Чичикову.— Не могу быть взыскательнымъ и строгимъ. Да и какъ мнѣ пріучить ихъ къ порядку, когда самъ безпорядоченъ?.. *Я бы ихъ отпустилъ давно на волю, но изъ этого не будетъ никакого толку. Вижу, что прежде нужно привести ихъ въ такое состояніе, чтобы умѣли жить.* Нуженъ строгій и справедливый человѣкъ, который жилъ бы съ ними долго и собственнымъ примѣромъ, неутомимою дѣятельностью (дѣйствовалъ на нихъ). *Русскій человѣкъ... не можетъ безъ понукателя: такъ и задремлетъ, такъ и закиснетъ!*" [1])

Въ этихъ словахъ былъ сжато формулированъ весь взглядъ Гоголя на крестьянскій вопросъ, насколько онъ выражался какъ въ его художественныхъ произведеніяхъ, такъ и въ „Перепискѣ съ друзьями": русскому народу не нужна воля: свобода можетъ только развратить его: нужны только энергическіе помѣщики вродѣ Костанжогло, которые и крестьянъ своихъ заставляли бы нести нелегкую работу (облегченія въ барщинѣ у Тентетникова ни къ чему не повели), и сами не покладали бы рукъ. При подобномъ взглядѣ на русскаго мужика понятно, что Гоголь нигдѣ въ своихъ произведеніяхъ не обличаетъ мерзостей крѣпостнаго права: что о кулачной расправѣ господина съ своими крѣпостными или о мѣшѣ дѣвушекъ на вещи и животныхъ онъ упоминаетъ съ полнымъ эпическимъ спокойствіемъ и, напротивъ того къ увольненію Ма-

[1]) Полн. собр. соч. Гоголя, 3-е изд. наслѣдниковъ. М. 1874 г., т. III, 2-й томъ „Мертвыхъ душъ" въ исправленномъ видѣ (Срав. первоначальную редакцію, Ibidem, томъ IV.)

ниловымъ нѣкоторыхъ изъ своихъ крестьянъ на оброкъ относится явно неодобрительно.

Съ первой половины тридцатыхъ годовъ въ нашей литературѣ стали часто появляться сказки, разсказы и повѣсти казака Луганскаго (псевдонимъ Даля). Первоначально серьезная критика относилась къ нимъ довольно сурово [1]); но постепенно литературная репутація Даля все улучшалась. Въ 1838 г. Бѣлинскій называетъ еще его «талантливымъ балагуромъ" (II, 426), но съ 1839 г. мы встрѣчаемъ въ его статьяхъ уже весьма одобрительные отзывы относительно того или другаго произведенія Даля [2]), а въ 1846 г. онъ даже до того увлекается этимъ писателемъ, что говоритъ: „послѣ Гоголя—это до сихъ поръ рѣшительно первый талантъ въ русской литературѣ" (X, 294). Позднѣйшая критика не согласилась съ слишкомъ высокою оцѣнкою литературной дѣятельности Даля и отвела ей болѣе скромное мѣсто; но Бѣлинскаго, по всей вѣроятности, подкупало въ этомъ случаѣ то рѣдкое знаніе русской народной жизни и то постоянное къ ней вниманіе, которыя обнаруживалъ авторъ, посвятившій большую часть своихъ произведеній именно изображенію жизни низшихъ классовъ общества, а это не могло не вызвать величайшей симпатіи Бѣлинскаго при его тогдашнихъ взглядахъ [3]). Понятно, что Даль не могъ не затрогивать мѣстами и крѣпостнаго права.

Въ появившейся въ 1843 г. въ „Библіотекѣ для Чтенія" (т. 57) повѣсти „Вакхъ Сидоровъ Чайкинъ" Даль изображаетъ судьбу одного мѣщанскаго сына, мать котораго умерла на дорогѣ во время поисковъ за безъ вѣсти пропавшимъ мужемъ, оставивъ своего ребенка сиротою въ помѣщичьемъ селѣ на рукахъ одного мужика. Лѣтъ шести мальчикъ попадаетъ въ барскіе покои, благодаря тому, что понадобилось для поученія провинившагося барченка, въ видѣ примѣра, наказать кого-нибудь розгами: маленькаго Вакха сѣкутъ ни за что, ни про что и затѣмъ остав-

---

[1]) Такъ, по поводу вышедшей въ 1835 г. второй книжки „Былей и небылицъ" казака Луганскаго Бѣлинскій, упомянувъ о томъ, что появленіе этого произведенія надѣлало у насъ немало шума, говоритъ: „Думали, что это и ни вѣсть, что такое, между тѣмъ какъ это ровно ничего: думали, что это необыкновенный художникъ, которому суждено создать народную литературу, между тѣмъ какъ это просто балагуръ, иногда довольно забавный, иногда слишкомъ скучный, нерѣдко уморительно веселый и часто приторно натянутый". („Сочиненія Бѣлинскаго", I, 334).

[2]) По поводу повѣсти этого писателя „Бѣдовикъ" нашъ знаменитый критикъ говоритъ, что въ новомъ произведеніи „талантливаго" автора „такъ много человѣчности, доброты, юмора, знанія человѣческаго и преимущественно русскаго сердца, такая самобытность, оригинальность, игривость, увлекательность, что мы не читали, а пожирали эту чудесную повѣсть" (III, 117—118, срав. VII, 203, VIII, 24—25, IX, 302).

[3]) Впрочемъ, въ 1847 г. Бѣлинскій нѣсколько ослабилъ восторженные отзывы о Далѣ, признавъ за нимъ первенство лишь въ извѣстномъ родѣ произведеній, такъ называемыхъ „физіологическихъ очеркахъ"

ляютъ, по приказу барина, въ лакейской. Баринъ этотъ оказывается человѣкомъ крайнѣ взбалмошнымъ: относительно дворовыхъ и крестьянъ онъ былъ то ласковъ и снисходителенъ, то „вдругъ приходило ему въ голову, что надобно ихъ взять въ руки, и онъ былъ крикливъ, шумливъ, драчливъ до нестерпимости". Въ концѣ-концевъ въ его хозяйствѣ, несмотря на всѣ его похвальбы, было то же, что и въ другихъ имѣніяхъ: та же „безсмертная" овца, тѣ же тальки, „самосидныя яйца", утиральники и пени съ „новоженцевъ" [1]). Героя повѣсти начинаютъ учить вмѣстѣ съ барскими дѣтьми и, въ то же время, записываютъ въ ревизію крѣпостнымъ; баринъ собирается дать ему отпускную, но умираетъ, и бѣдному Вакху предстоитъ самая ужасная судьба въ виду мстительности молодаго наслѣдника, не взлюбившаго, по разнымъ причинамъ, своего товарища по ученью, но мѣстныя власти узнаютъ, что его отецъ былъ мѣщанинъ и потому его самого отбираютъ отъ помѣщика.

Въ другомъ мѣстѣ той же повѣсти авторъ влагаетъ въ уста управляющаго одного обширнаго имѣнія, очевидно, свои собственныя мысли о положеніи крѣпостныхъ. Вслѣдъ за указаніемъ на крайній вредъ для самихъ помѣщиковъ огромной дворни, мы встрѣчаемъ замѣчаніе, что у насъ въ Россіи мало помѣщиковъ, у которыхъ крестьяне были бы обезпечены надлежащимъ образомъ на случай голоднаго года: урожай—хлѣбъ продается за безцѣнокъ, неурожай—и бѣдѣ нечѣмъ пособить, между тѣмъ какъ „достаточные запасы хлѣба съ году на годъ предупредили бы это бѣдствіе и могли бы поддерживать всегда уравнительныя, среднія цѣны". Все это справедливо, но далѣе мудрый управляющій начинаетъ распространяться о глупости нашего мужика и, между прочимъ, разсказываетъ, какъ крестьяне одного помѣщика стали требовать, чтобы помѣщикъ отпустилъ ихъ на оброкъ. Встрѣтивъ рѣшительный отказъ, они отправляются съ этимъ требованіемъ къ исправнику, а тотъ „высѣкъ розгами

---

[1]) Авторъ такъ объясняетъ эти термины, понятные теперь лишь лицамъ, хорошо знакомымъ съ жизнью нашего крѣпостнаго крестьянства. „*Безсмертный баранъ* или овца дается молодому крестьянину, когда его женятъ, на обзаведеніе хозяйства, крестьянинъ обязанъ прокормить эту даровую овцу и подносить барину каждогодно по ягненку; жива ли, нѣтъ ли овца, — никто не спрашиваетъ; она числится безсмертною. *Тальками* называются уроки, задаваемые бабамъ на зимнія ночи, когда ихъ заставляютъ прясть ленъ; здоровыя бабы ходятъ на другую барскую работу, а хворыя, косолапыя сидятъ при нагорѣлыхъ лучинахъ и прядутъ свои тальки. Бабы, въ одномъ мнѣ извѣстномъ случаѣ, не могли или не хотѣли откупиться отъ работы этой за 60 к. въ зиму, а, между тѣмъ, плачутъ за нею горько и просятъ освободить отъ нея. *Самосидныя яйца* раздаются по парѣ во всѣ крестьянскіе дворы, и бабы обязаны высидѣть и представить за нихъ весною цыплятъ. Шитые утиральники и по десяти рублей собираются со всѣхъ новоженцевъ въ пользу господъ, когда молодымъ дается позволеніе вступить въ бракъ. Все очень полезныя и крайне хозяйственныя заведенія",—иронически замѣчаетъ авторъ.

сряду и поголовно всѣхъ", мужики „поблагодарили, по обычаю своему, за науку, поклонились въ поясъ, повинились, отвѣчали въ голосъ, что теперь поняли... обязанности свои, воротились чинно въ деревню и на другой же день принялись спокойно за работу. Мужики мои прошлись только взадъ и впередъ верстъ 35 за доброй наукой, расписались въ полученіи бани и, какъ разумные люди, опять успокоились". Можно было бы подумать, что пошлый тонъ этихъ словъ зависитъ отъ личности управляющаго, которому они приписаны; но авторъ, какъ увидимъ, совершенно симпатизируетъ подобнымъ возврѣніямъ, такъ какъ онъ повторяетъ ихъ въ другомъ произведеніи (при пересказѣ такого же казуса) уже отъ своего собственнаго лица. Передъ нимъ, очевидно, носится идеалъ строгаго, но справедливаго помѣщика, вродѣ Костанжогло, подъ ферулою котораго процвѣтаютъ мужики, и къ оброчной системѣ онъ, повидимому, подобно Гоголю, относится неодобрительно, забывая, что, при существованіи безсмертныхъ барановъ, самосѣдныхъ яицъ, талекъ и т. п., барщинная система не могла казаться крѣпостнымъ особенно соблазнительною [1]. Современная критика или не замѣчала, или по цензурнымъ причинамъ не могла указать этихъ фальшивыхъ нотъ въ повѣсти Даля, и Бѣлинскій безъ всякихъ оговорокъ причислилъ это произведеніе Даля къ лучшимъ его разсказамъ (XI, 114).

Еще яснѣе взгляды Даля на крестьянскій вопросъ обрисовываются въ его статьѣ „Русскій мужикъ", напечатанной въ 1846 г. въ изданномъ Смирдинымъ сборникѣ „Новоселье" (ч. III). Вотъ какъ онъ выставляетъ здѣсь, во-первыхъ, просвѣтительное значеніе помѣщичьей власти для русскаго народа. „У помѣщика было заведено —разсказываетъ авторъ,— что кромѣ сухой и квашеной зелени и кореньевъ, всѣ обрѣзки и оборки овощей солились и солень эта шла для приправы въ людскія щи: это приваръ хорошій". Староста оказывается столь неразумнымъ, что замѣчаетъ: „Да на что ихъ мыть? — и затѣмъ прибавляетъ: — а не то, такъ ребята говорятъ, хоть бы ее и вовсе, пожалуй, не солить... вѣдь квашенина есть". Помѣщикъ за это начинаетъ драть старосту за чубъ, и авторъ съ наслажденіемъ и очень мило описываетъ процессъ этого дранья, видимо, вполнѣ сочувствуя помѣщику: такъ де дураку и надо: а помѣщикъ поучительно объясняетъ, что щи на одной квашенинѣ хуже, чѣмъ съ прибавкою соленя. Мужики послѣ этого „всѣ обвиняли старосту и соглашались, что баринъ правъ". „Что же вы думаете? -продолжаетъ авторъ.— Многіе послѣдовали въ домашнемъ хозяйствѣ этому примѣру, убѣдившись въ справедливости совѣтовъ помѣщика и въ пользѣ разводки овощей? Ни одинъ". Другой примѣръ въ той же статьѣ Даля: „Баринъ

---

[1]) „Сочиненія Даля", изд. Вольфа 1861 г. т. V, 91—98, 104—105, 110—116, 184—193 или въ изданіи 1846 г. „Повѣстей, сказокъ и разсказовъ казака Луганскаго", т. III.

приказалъ старостѣ, чтобы ни одинъ мужикъ и ни одна баба не смѣли держать свиней, овецъ и телятъ въ жилой избѣ, а чтобъ къ зимѣ у всѣхъ были теплые закуты, на что и отпустить имъ лѣсу. Староста три недѣли кричалъ съ мужиками, а потомъ пришолъ доложить барину, что мужики *не согласны* на это". Баринъ, подивившись дерзости своихъ неразумныхъ подданныхъ, настоятельно подтверждаетъ свой приказъ. „Міръ разсудилъ, что баринъ правъ, и потому, хотя и не хотя, и безъ согласія, да сталъ, однако-жъ, понемногу выводить скотъ изъ жилыхъ избъ". Авторъ не разъясняетъ, не оттого ли мужики были „не согласны" строить теплые закуты для скота, что барщина отнимала у нихъ такъ много времени, что въ остальное едва можно было покончить со своими работами и некогда было думать о новыхъ постройкахъ [1]). Но верхъ неразумія крестьяне, по описанію Даля, обнаруживаютъ въ слѣдующемъ случаѣ.

„Мужики, протолковавъ цѣлую зиму между собою о томъ, что вотъ-де Крещатовскимъ легче,—они всѣ на оброкѣ, у нихъ нѣтъ барщины,—вздумали также идти на оброкъ. Всѣ толки шли объ этомъ на такомъ основаніи, будто дѣло это вполнѣ отъ нихъ зависитъ, а не отъ барина. На третій день Святой приходятъ всѣ они гурьбой на барскій дворъ, смирно, тихо не пьяные, потому что" (благодаря, разумѣется, благодѣтелю-помѣщику) „въ деревнѣ кабака не было, и засылаютъ стариковъ вызвать барина. Баринъ выходитъ, думаетъ услышать что-нибудь путное (!), и слышитъ ни съ того, ни съ сего: отпустите насъ на оброкъ. Доказавъ имъ безголковость (?) этой просьбы въ короткихъ словахъ, онъ хотѣлъ было узнать, откуда эта выдумка взялась, но, вмѣсто того, слышитъ только одно и то же настойчивое и безотчетное требованіе; никакое убѣжденіе не дѣйствуетъ; крестьяне объявляютъ, наконецъ, положительно, что они, такъ же точно, какъ и Крещатовскіе, хотятъ платить по 30 руб. съ тягла, а на барщину не хотятъ. „Съ ума, что ли вы сошли? Кто же будетъ тутъ землю пахать, кто хозяйничать?" (Авторъ не договариваетъ: пахать *господскую* землю, потому что въ оброчныхъ деревняхъ крестьяне очень охотно обработывали землю въ свою пользу).—„Ужъ про то не знаемъ: кто останется, поработаетъ, — на это воля ваша; а насъ, батюшка отпустите". Убѣдить ихъ нельзя было ничѣмъ потолковавъ еще долго, помѣщикъ сказалъ имъ положительно, что не отпуститъ, и ушелъ. Всѣ крестьяне собрались идти въ городъ, къ исправнику. „Ступайте-жъ, коли такъ, сказалъ покойно Степанъ Денисычъ, разсудивъ, что надо иногда русскому человѣку помирволить (?) и этимъ его проучить" (авторъ не объясняетъ, какъ могъ бы въ этомъ случаѣ помѣщикъ остановить своихъ крестьянъ?). „Ступайте къ исправнику, а я васъ провожу".

Обогнавъ своихъ крестьянъ, помѣщикъ предупреждаетъ исправника относительно мужицкихъ претензій. А вотъ какъ мудро дѣйствуетъ представитель мѣстной администраціи, и съ какою любовью описываетъ его мѣропріятія авторъ:

[1] Григоровичъ въ своей повѣсти „Деревня", напечатанной въ томъ же 1846 г., какъ и статья Даля (см. ниже), объясняетъ что иногда крѣпостному приходилось держать скотъ въ избѣ и по другой причинѣ, такъ при описаніи избы скотницы Домны, въ числѣ ея обитателей въ холодное время года оказывается и теленокъ, котораго *откармливаютъ для барскаго стола*. (Соб. Соч. Григоровича, Спб. 1884 г. I. 86)

„Исправникъ собралъ ихъ передъ дворомъ своимъ, выслушалъ и сталъ толковать имъ, что они видно-де рехнулись: что оброкъ или барщина зависитъ отъ помѣщика, а не отъ нихъ, и что имъ требовать ни того, ни другаго нельзя. „Слушаемъ, батюшка, — былъ отвѣтъ, — да, воля ваша, ужъ мы на барщину не пойдемъ". — „А коли такъ, - сказалъ исправникъ,—такъ и васъ выведу на барщину. Ты, говорунъ, поди-ка сюда первый", — а затѣмъ и другой, и третій, и такимъ образомъ, человѣкъ десятокъ на выборъ, тутъ же на мѣстѣ, были наказаны. „Ну, еще, что ли, есть охотники? — спросилъ исправникъ, такъ выходите сюда скорѣй, мнѣ некогда!" Мужички мои всѣ гурьбой повинились, согласились безпрекословно, что они затѣяли вздоръ, увѣряли, что это и въ первый, и въ послѣдній, и другу-недругу закажутъ, что, домой пришедши, даже ребятъ всѣхъ пересѣкутъ (?!), пусть-де помнятъ отцовскую вину и глупость и сами, на нее глядя, казнятся, обѣщали идти безпрекословно на барщину и сдержали слово поблагодаривъ за науку, отправились они чинно домой, вышли наутро въ поле и жили впередъ со Степаномъ Денисычемъ въ ладахъ и дружбѣ" [1]).

Такъ вотъ, какъ глупы мужики и какъ благодѣтельна для нихъ помѣщичья власть, какъ необходимы для ихъ счастія и мудрые исправники, — все это могъ воочію увидѣть читатель изъ произведенія Даля, написаннаго совершенно въ духѣ министерства Перовскаго, въ которомъ онъ служилъ. Досаднѣе всего, что Даль могъ удостоиваться за это крайне фальшивое по тону произведеніе одобренія даже такихъ людей, какъ П. С. Тургеневъ и Бѣлинскій. Въ разборѣ сборника „Новоселье", напечатанномъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" [2]), Тургеневъ относится къ этой статьѣ Даля съ величайшею похвалою, говоря, что это „единственная статья въ цѣлой книгѣ, которую можно прочесть не только одинъ, но нѣсколько разъ съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ", и, вслѣдъ затѣмъ, къ нашему немалому удивленію, Тургеневъ приводитъ изъ произведенія Даля именно указанные нами выше отрывки безъ всякихъ оговорокъ. Если такія оговорки были невозможны по цензурнымъ причинамъ, то, въ такомъ случаѣ, не слѣдовало хвалить самой статьи; если же Тургеневъ привелъ, напримѣръ, послѣдній отрывокъ съ цѣлью показать, какой административной расправѣ подвергаются наши мужики, то это было большою безтактностью, такъ какъ разсказъ по своему гадкому тону могъ произвести на массу читателей самое вредное вліяніе: они могли только похохотать надъ мужицкою глупостью. И нѣсколько позднѣе Тургеневъ продолжалъ расхваливать Даля по прежнему, одобряя указанную статью. Бѣлинскій, въ обзорѣ русской литературы за 1846 г. (XI, 58), также безъ всякихъ оговорокъ пишетъ: „Статья Луганскаго „Русскій мужикъ", явившаяся въ третьей части „Новоселья", исполнена глубокаго значенія, отличается необыкновеннымъ мастерствомъ изложенія и вообще принадлежитъ къ лучшимъ физіологическимъ очеркамъ

[1]) „Сочиненія В. Даля", изд. Вольфа 1861 г., т. II, 441 - 444, 448—451.

[2]) 1846 г. т. 46, перепечат. въ „Полн. Собр. соч.". Изд. 2-е, 1884 г. стр. 259—282; о Далѣ стр. 268—276.

этого писателя, котораго необыкновенный талантъ не имѣетъ себѣ соперниковъ *въ этомъ родѣ литературы*". Не можетъ не казаться страннымъ, что указанный фальшивый тонъ нѣкоторыхъ разсказовъ Даля не вызвалъ осужденія Бѣлинскаго: но нужно думать, что, не говоря уже о цензурныхъ препятствіяхъ свободному обсужденію крестьянскаго вопроса, Бѣлинскій прощалъ Далю эти мѣста въ его сочиненіяхъ за то, что тотъ, по его словамъ, „любитъ простаго русскаго человѣка". Восхваленіе Даля критикою лучшихъ органовъ печати отчасти, быть можетъ, вызывалось, не говоря объ извѣстныхъ достоинствахъ его многихъ разсказовъ, еще и тѣмъ, что произведенія этого автора подверглись нападкамъ со стороны нѣкоторыхъ „критиковъ-аристократовъ", которыхъ, по словамъ Бѣлинскаго, „оскорбила, зацѣпила за живое эта любовь г. Даля къ простонародью". „Какъ-де въ самомъ дѣлѣ,—продолжаетъ Бѣлинскій въ рецензіи „Повѣстей сказокъ и разсказовъ" казака Луганскаго, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1846 г. въ 4-хъ томахъ,—унижать литературу изображеніемъ грязи и вони простонародной жизни? Какъ выводить на сцену черни, сволочь, мужиковъ-вахлаковъ, бабъ, дѣвокъ?" Подобные критики „не стоютъ опроверженія,— говоритъ далѣе Бѣлинскій.—Мужикъ человѣкъ, и этого довольно, чтобы мы интересовались имъ такъ же, какъ и всякимъ барономъ. Мужикъ нашъ братъ по Христу, и этого довольно, чтобы мы изучали его жизнь и его бытъ, имѣя въ виду ихъ улучшеніе. Если мужикъ не ученъ, не образованъ, это не его вина" (XI. 111—112). Это-то „аристократическое отвращеніе отъ грязной литературы деревень" и могло заставить Бѣлинскаго особенно усердно защищать Даля, поддерживать его дѣятельность, посвященную изображенію народнаго быта, своимъ вѣскимъ словомъ.

По взгляду автора на крестьянскій вопросъ, сходно до нѣкоторой степени съ сочиненіями Гоголя и Даля и извѣстное произведеніе гр. В. Соллогуба „Тарантасъ", вышедшее въ свѣтъ въ 1845 г.[1]) и имѣвшее очень большой успѣхъ.[2]) Не отрицая, какъ мы сейчасъ увидимъ, нѣкоторыхъ вредныхъ сторонъ крѣпостнаго права, авторъ, однако же, съ особенною охотою останавливается на изображеніи патріархальныхъ отношеній старозавѣтнаго русскаго помѣщика къ своимъ крестьянамъ и, очевидно, желаетъ этимъ сказать, что масса крѣпостныхъ мужиковъ живетъ недурно. Въ одномъ изъ немногихъ мѣстъ этого сочиненія, гдѣ авторъ отрицательно относится къ крѣпостному праву, одинъ изъ его героевъ говоритъ, что мы портимъ нашъ народъ „гнуснымъ уродствомъ дворни", и проводитъ параллель между дворнею и чиновничествомъ[3]). Бѣлинскій

[1]) Семь главъ было напечатано въ „Отечественныхъ Запискахъ" еще въ 1840 г.

[2]) См. соч. Бѣлинскаго IX, 314.

[3]) „Дворовый ничто иное, какъ первый шагъ къ чиновнику. Дворовый обритъ, ходитъ въ длинноломъ сюртукѣ домашняго сукна. Дворовый служитъ потѣхой праздной

въ своемъ разборѣ „Тарантаса“ признаетъ „умною и дѣльною“ мысль „о гнусности и вредѣ существа, называемаго дворовымъ человѣкомъ“, но не симпатизируетъ презрительному барскому третированію чиновничьяго класса (IX, 342—343). Въ другомъ мѣстѣ „Тарантаса“ герои этого произведенія встрѣчаютъ какого-то князя, вѣчно таскающагося за границей; онъ кричитъ на своихъ лакеевъ и обѣщаетъ имъ по 500 палокъ, объясняя знакомому, что русскій народъ „безъ палки ни на шагъ“. Онъ ѣдетъ въ деревню, потому что „бурмистръ оброка не высылаетъ; чортъ ихъ знаетъ, что пишутъ! Неурожай у нихъ тамъ какой-то, деревня какая-то сгорѣла. А мнѣ что за дѣло? Я человѣкъ европейскій, я не мѣшаюсь въ дѣла своихъ крестьянъ; пускай живутъ какъ хотятъ, только чтобъ деньги доставляли аккуратно. Я ихъ насквозь знаю. Такіе мошенники, что ужасти! Они думаютъ, что я за границей, такъ они могутъ меня обманывать. Да я знаю, какъ надо поступать. Сыновей бурмистра въ рекруты, неплательщиковъ въ рабочій домъ, возьму весь доходъ на годъ впередъ, да на зиму въ Римъ“. Приводя это мѣсто, Бѣлинскій находитъ необходимымъ разъяснить его такъ, чтобы читатели не сдѣлали отсюда заключенія о вредѣ западно-европейскаго вліянія вообще. „Къ несчастію, портретъ этого *европейца*, — говоритъ нашъ знаменитый критикъ, — не совсѣмъ невѣренъ: бываютъ такіе. Хуже всего въ этихъ выродкахъ то, что многія добродушныя невѣжды по нимъ дѣлаютъ свои заключенія о русскихъ путешественникахъ и пользѣ путешествій вообще. Простодушнымъ невѣждамъ трудно растолковать, что люди бываютъ всякіе: одни, побывавъ за границей, дѣлаются еще хуже и дерутся еще больнѣе, а другіе перемѣняются къ лучшему и *научаются уважать человѣческое достоинство даже и въ своемъ собственномъ лакеѣ*“ (IX, 360).

Обличая шляющагося за границей князька, авторъ „Тарантаса“, напротивъ, съ большимъ сочувствіемъ относится къ старозавѣтному помѣщику Василію Ивановичу, въ уста котораго и влагаетъ описаніе патріархальныхъ отношеній барина къ мужику, которымъ самъ, очевидно, симпатизируетъ и лучше которыхъ, повидимому, ничего не желаетъ для крестьянъ.

„Въ хозяйствѣ, — разсуждаетъ Василій Ивановичъ, — съ наемщикомъ ничего путнаго не сдѣлаешь. Русскій мужикъ долженъ тебя видѣть и знать, что онъ для тебя работаетъ, и что ты видишь его, и тогда онъ будетъ работать весело охотно, успѣшно. Послѣ-де Бога и великаго государя законъ велитъ служить барину. На чужихъ работать обидно, да и не приходится вовсе, *а на барина самъ Богъ*

Ѣни и привыкаетъ къ тунеядству и разврату; дворовый же пьянствуетъ и воруетъ, и лжничаетъ, и презираетъ мужика, который за него трудится и платитъ за него подушныя. Потомъ, при благополучныхъ обстоятельствахъ, дворовый вступаетъ въ конторщики, въ вольноотпущенные, въ приказные, приказный презираетъ и дворового и мужика, и учится уже крючкотворству, и потихоньку отъ исправника подбираетъ себѣ куръ да гривенники“.

земцъ. Они для тебя, ты для нихъ, — вотъ самый русскій обычай и лучшее хозяйство... Не суйся за хитростями, а смотри, чтобъ мужикъ былъ исправенъ, да не допускай нищихъ; заведи подворную опись, не для переплета, а для дѣла... да и смотри въ оба, чтобъ у мужика было полное имущество, полный, такъ сказать, комплектъ... У исправнаго мужика должна быть всегда въ наличности хорошая крытая изба съ сараемъ, двѣ лошади, одна корова, десять овецъ, одна свинья, десять куръ, двѣ телѣги, двое саней, одна соха, одна борона, одна коса, два серпа, одна колода, двѣ кадушки, одинъ боченокъ, одно рѣшето, одно сито. Кромѣ того, если у него нѣтъ особой промышленности, то онъ въ яровомъ и въ озимомъ полѣ долженъ имѣть по двѣ засѣянныя десятины и выгонъ для скота... Есть все это у мужика — мужикъ исправенъ Есть у него лошадка лишняя, да клади двѣ хлѣба въ запасѣ - мужикъ богатъ. Нѣтъ у него чего-нибудь изъ этого — мужикъ нищій. Простая, кажется, механика. Первое мое правило, чтобъ у мужика все было въ исправности. Пала у него лошадь — на тебѣ лошадь: *заплатишь помаленьку.* Нѣтъ у него коровы возьми корову: *деньги не пропадутъ.* Главное дѣло — не запускать: недолго такъ разстроить имѣніе, что и поправить потомъ будетъ не въ силу. Если можешь и съумѣешь, *что бы тебѣ ни говорили мужики*, заведи для нихъ общественную запашку и мірской капиталъ. Изъ этихъ денегъ плати за нихъ подушныя и вообще исполняй самъ отъ себя (?!) казенныя повинности, дорожныя, подводныя, разумѣется, что только возможно. Даже при сдачѣ рекрутъ бери издержки на себя. Мужикъ отвѣчаетъ тебѣ, а ты за него и за себя отвѣчаешь правительству и даешь ему примѣръ повиновенія и исполненія своей обязанности. Мое дѣло, чтобы мужикъ сытъ и здоровъ, безъ баловства только. Плати оброкъ исправно, на барщину выходи какъ слѣдуетъ Поработалъ три дня и поклонился: ступай, куда хочешь, а дѣло свое исполни. Чай, вѣдь, за три дня работы и за вашей-то за границей нѣтъ такихъ угодій для крестьянина.. Нѣмцы да французы жалѣютъ о нашемъ мужикѣ: „мученикъ-де!“ говорятъ, а глядишь, мученикъ-то здоровѣе, и сытѣе, довольнѣе многихъ другихъ. А у нихъ, слыхалъ я, мужикъ-то ужъ точно труженикъ; за все плати: и за воду, и за землю, и за домъ, и за прудъ, и за воздухъ, за что только можно содрать. Плати аккуратно: голодъ, пожаръ — все равно, плати, каналья, ты вольный человѣкъ; не то вытолкаютъ по шеямъ, умирай съ дѣтьми гдѣ знаешь. - намъ дѣла нѣтъ [1]).

Чтобы не было никакого сомнѣнія въ томъ, что устами Василія Ивановича говоритъ самъ авторъ, въ той главѣ, гдѣ онъ разсказываетъ біографію своего героя уже отъ собственнаго имени, гр. Соллогубъ говоритъ: вступивъ въ управленіе своими имѣніями по смерти отца, Василій Ивановичъ понялъ, „что собственное его благосостояніе зависитъ отъ благосостоянія его крестьянъ... Онъ началъ, правда, управлять *по русской методѣ, по опыту старожиловъ, безъ агрономическихъ фокусовъ, безъ филантропическихъ усовершенствованій, но помѣщикъ понималъ мужика, мужикъ понималъ помѣщика*, и оба стремились, *безъ насильственныхъ толчковъ*, а правильно и постепенно къ цѣли усовершенствованія“ [2]).

---

[1]) Противъ заведенія фабрикъ, основанныхъ въ крѣпостномъ трудѣ, Василій Ивановичъ энергично протестуетъ.

[2]) „Сочиненія гр. В. А. Соллогуба“, изд. Смирдина, 1855, т. II, 361—62, 427—28, 445—453, 480—482.

И такъ, взгляды автора „Тарантаса“ можно, очевидно, формулировать такимъ образомъ: не нужно освобожденія крестьянъ, а нужны добрыя, патріархальныя отношенія помѣщика къ его крѣпостнымъ [1]). Бѣда только въ томъ, что во вторую четверть XIX вѣка прежніе патріархальные взгляды на крестьянъ все болѣе и болѣе исчезали и замѣнялись безсердечнымъ, эгоистичнымъ отношеніемъ къ нимъ, которое возводилось и въ теорію, выдаваемую за послѣднее слово агрономической науки. „Хорошіе хозяева“, въ новомъ смыслѣ этого слова, находили всего выгоднѣе имѣть не зажиточныхъ крестьянъ, а батраковъ, и вотъ, въ виду этого-то начинающагося превращенія бывшаго крѣпостнаго права въ новое рабство, и необходима была не проповѣдь крѣпостной идилліи въ духѣ героя „Тарантаса“, а пропаганда мысли о необходимости полнаго освобожденія крестьянъ. Гр. Соллогубъ этого, очевидно, не понималъ, но это поняли молодые беллетристы, развитію которыхъ такъ много способствовала критика Бѣлинскаго, проникнутая въ сороковыхъ годахъ самыми современными общественными взглядами: такими молодыми беллетристами были Григоровичъ и Тургеневъ.

Въ концѣ 1846 г. въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (№ 12) появилась повѣсть Григоровича „Деревня“. Здѣсь описана печальная жизнь крестьянской дѣвушки-сироты, много горя натерпѣвшейся еще въ дѣтствѣ и юности въ чужой семьѣ, а затѣмъ насильно выдаваемой замужъ по капризу барина (который думаетъ, что оказываетъ ей благодѣяніе) за парня, которому она вовсе не нравится и вся семья котораго не желаетъ этого брака. Повѣсть оканчивается смертью несчастной женщины, замученной мужемъ. Сцены, когда баринъ объявляетъ свою волю роднѣ жениха, отчаяніе невѣсты, пѣсни и пляска передъ барскими хоромами для увеселенія господъ, приходъ молодыхъ на поклонъ къ помѣщику [2]), — все это написано не особенно ярко, но было большою новостью въ литературѣ [3]). Авторъ, видимо, желалъ показать, сколько горя можетъ причинить человѣкъ, даже и не злой, но плохо знающій крестьянскую жизнь и, между тѣмъ, вооруженный почти неограниченною властью надъ крестьянами своей вотчины. На Бѣлинскаго эта повѣсть произвела очень бла-

---

[1]) Срав. „Воспоминанія гр. В. А. Соллогуба“, Спб. 1887 г., стр. 77. Въ 1865 г. въ разговорѣ съ Кавелинымъ гр. Соллогубъ доказывалъ, что „освобождать крестьянъ съ землей не представлялось необходимости“. *Корсаковъ*. „К. Д. Кавелинъ“ „Вѣст. Евр.“. 1886 г. № 11, стр. 181.

[2]) Полное Собр. Соч. Григоровича, Спб. 1884 г., т. I, 107—111. 114—117. 119. 128—130.

[3]) Тургеневъ въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ говоритъ о повѣсти Григоровича, что „его первая попытка сближенія нашей литературы съ народной жизнью, первая изъ нашихъ „деревенскихъ исторій“—Dorfgeschichten. Написана она была языкомъ нѣсколько изысканнымъ, не безъ сентиментальности; но стремленіе къ реальному воспроизведенію крестьянскаго быта было несомнѣнно“.

пріятное впечатлѣніе, именно потому, что она затрогивала близкій его сердцу крестьянскій вопросъ. Одинъ изъ издателей „Современника", считая повѣсть вовсе не стоющею того отзыва, какой сдѣлалъ о ней Бѣлинскій въ своемъ обозрѣніи литературы за 1846 г. для первой книжки этого журнала слѣдующаго года, не желалъ дать мѣста этому отзыву въ печати. Бѣлинскій въ письмѣ къ Боткину съ неудовольствіемъ говоритъ объ этомъ несогласіи [1]). И. С. Тургеневъ въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ разсказываетъ: „И. И. Панаевъ, человѣкъ добродушный, но крайне легкомысленный и способный схватывать одни лишь верхи верхушекъ, ухватился за нѣкоторыя смѣшныя выраженія „Деревни" и обрадовавшись случаю поглумиться, сталъ поднимать на смѣхъ всю повѣсть, даже читалъ въ пріятельскихъ домахъ нѣкоторыя, по его мнѣнію, самыя забавныя страницы. Но каково же было его изумленіе, каково недоумѣніе хохотавшихъ пріятелей, когда Бѣлинскій, прочтя повѣсть Григоровича, не только нашелъ ее весьма замѣчательною, но немедленно опредѣлилъ ея значеніе и предсказалъ то движеніе, тотъ поворотъ которые вскорѣ потомъ произошли въ нашей словесности. Панаеву оставалось одно: продолжать читать отрывки изъ „Деревни", но уже восхищаясь ею, что онъ и сдѣлалъ [2]). Всего лучше можно понять важное значеніе повѣсти Григоровича въ исторіи крестьянскаго вопроса, если сопоставить ее съ появившимся въ томъ же году очеркомъ В. Луганскаго

---

[1]) *Записки*, „Бѣлинскій" II, 268—269. Въ томъ видѣ, какъ появилась въ печати статья Бѣлинскаго, въ ней было сказано о Григоровичѣ по поводу его повѣсти „Деревня" слѣдующее „У него нѣтъ ни малѣйшаго таланта къ повѣсти, но есть замѣчательный талантъ для тѣхъ очерковъ общественнаго быта, которые теперь получили въ литературѣ названіе „физіологическихъ". Но онъ хотѣлъ сдѣлать изъ своей „Деревни" повѣсть, и отсюда вышли всѣ недостатки его произведенія, которыхъ онъ легко могъ бы избѣгнуть, если бы ограничился безсвязными внѣшнимъ образомъ, но связанными одною мыслію картинами деревенскаго быта крестьянъ. Неудачна также и его попытка заглянуть во внутренній міръ героини его повѣсти, и вообще изъ его Акулины вышло лицо довольно безцвѣтное и неопредѣленное, именно потому, что онъ старался сдѣлать изъ нея особенно интересное лицо. Къ недостаткамъ повѣсти принадлежатъ также и натянутыя, изысканныя и вычурныя мѣстами описанія природы. Но что касается собственно очерковъ крестьянскаго быта, это блестящая сторона произведенія г. Григоровича. Онъ обнаружилъ тутъ много наблюдательности и знанія дѣла и умѣлъ выказать то и другое въ образахъ простыхъ истинныхъ, вѣрныхъ, съ замѣчательнымъ талантомъ. Его „Деревня"—одно изъ лучшихъ бѣллетристическихъ произведеній прошлаго года" (XI 58). Если принять во вниманіе слова Бѣлинскаго о Григоровичѣ въ обзорѣ русской литературы за слѣдующій 1847 г., что его два послѣдніе опыта „Деревня" и въ особенности „Антонъ Горемыка" идутъ гораздо дальше физіологическихъ очерковъ (XI, 118), то можно думать, что первоначальный отзывъ Бѣлинскаго о повѣсти „Деревня" ослабленъ нѣкоторыми замѣчаніями, вставленными редакціею „Современника".

[2]) Полн. Собр. Соч. И. С. Тургенева, изд. 2-е, Спб. 1884 г. т. X., 29—30.

(Даля) „Русскій мужикъ" (см. выше): авторъ „Деревни" съ совершенно иной точки зрѣнія, чѣмъ Даль, выставляетъ значеніе для народа помѣщичьей власти, а это-то и оцѣнилъ особенно Бѣлинскій, потому-то онъ, несмотря на нѣкоторое преувеличеніе имъ до того времени достоинствъ произведеній Даля, увидѣлъ въ повѣсти Григоровича новое слово.

Въ концѣ 1847 г. въ „Современникѣ" (№ 11) была напечатана вторая повѣсть Григоровича изъ крестьянскаго быта — „Антонъ Горемыка". Авторъ описываетъ судьбу крестьянина, возбудившаго противъ себя преслѣдованія управляющаго тѣмъ, что, по желанію односельчанъ, онъ написалъ жалобу барину на терпимыя ими притѣсненія и обиды. Просьба была перехвачена барскимъ лакеемъ, братомъ управляющаго, и переслана имъ къ этому послѣднему, по настоянію котораго крестьяне выдали писавшаго просьбу. Тогда управляющій въ первый же наборъ сдалъ въ рекруты брата героя повѣсти, а его самого сталъ постоянно посылать на барщину, отнялъ у него прежнюю землю и отвелъ самую плохую во всей вотчинѣ, не пускалъ въ городъ для продажи скота и слѣдовательно заставлялъ продавать его въ деревнѣ за безцѣнокъ. Когда разоренный, такимъ образомъ, Антонъ былъ не въ силахъ платить подушныя, управляющій, грозя отдачею въ солдаты, приказываетъ ему продать послѣднюю лошадь, но и ту у него крадутъ въ городѣ. Въ томъ видѣ, какъ повѣсть появилась въ печати, она оканчивается такимъ образомъ, что Антона арестуютъ вмѣстѣ съ его братомъ, который передъ тѣмъ съ другимъ товарищемъ ограбилъ купца: въ первоначальной же редакціи повѣсти Антонъ участвуетъ въ разбоѣ. Окончательно губя Антона, прикащикъ, разумѣется, не перемолится и съ остальными крестьянами: онъ бьетъ и мужиковъ, и бабъ, требуетъ взятокъ, а иначе не отпускаетъ для продажи сельскихъ припасовъ въ городъ, сгоняетъ всю барщину для работъ въ своемъ собственномъ саду, отнимаетъ въ свою пользу забредшій въ него крестьянскій скотъ, наконецъ, дозволяетъ мельнику, взявъ съ него взятку, увеличить съ крестьянъ плату за помолъ на арендуемой имъ въ имѣніи мельницѣ. Понимая всю щекотливость избранной имъ темы, при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ, авторъ выставляетъ виновникомъ всѣхъ притѣсненій исключительно управляющаго, о дѣяніяхъ котораго не знаютъ, по словамъ самихъ крестьянъ, ихъ добродѣтельные господа[1]). Быть можетъ, благодаря этимъ оговоркамъ,

---

[1]) „У насъ господа.—разсказываетъ одинъ крестьянинъ, добрые, хорошіе, грѣхъ сказать, чтобы зла кому пожелали, дай имъ Господь за то много лѣтъ здравствовать... Да гдѣ-жъ имъ самимъ до всего доходить? Вотчинъ у нихъ много, и то сказать, всѣхъ не объѣздишь... Кабы они вѣдали, примѣрно, что мужички въ обидѣ живутъ отъ управляющаго, да нужду всячески терпятъ, такъ, вѣстимо, того бы не попустили" („Полн. Собр. Соч. Григоровича", изд. 1884 г. т. I.

повѣсть и прошла сквозь цензурныя Кавдинскія ущелья, но и оговорки не спасли ея отъ нѣкоторыхъ урѣзокъ. Въ письмѣ къ Боткину Бѣлинскій говоритъ о повѣсти Григоровича, что „цензура чуть ея не прихлопнула; конецъ передѣланъ: выкинута сцена разбоя, въ которой Антонъ участвуетъ". О самомъ содержаніи Бѣлинскій замѣчаетъ: „Повѣсть Григоровича измучила меня: читая ее, я все думалъ, что присутствую при экзекуціяхъ. Страшно'" и затѣмъ изумляется, что у Григоровича совершенное отсутствіе рефлексіи. размышленія и, однако, сильный талантъ. Боткинъ былъ не согласенъ съ мнѣніемъ Бѣлинскаго объ этомъ произведеніи, и послѣдній въ другомъ письмѣ разъясняетъ свои взгляды на русскую повѣсть вообще. „Будь повѣсть русская хоть сколько-нибудь хороша, главное, сколько-нибудь *дельна*, я не читаю. а пожираю (ее)... Мнѣ поэзіи и художественности нужно не больше, какъ настолько. чтобы повѣсть была истинна, т.-е. не впадала въ аллегорію или не отзывалась диссертаціею... Главное. чтобы она вызывала вопросы, производила на общество нравственное впечатлѣніе. Если она достигаетъ этой цѣли и вовсе безъ поэзіи и творчества, она для меня. *тѣмъ не менѣе*, интересна... Вотъ почему въ „Антонѣ" я не замѣтилъ длинноть или, лучше сказать. упивался длиннотами... Боже мой! какое изученіе русскаго простонародья въ подробныхъ до мелочности описаніяхъ ярмарки!.. Не перечитывать „Антона" я не буду. хотя всегда перечитываю по нѣскольку разъ всякую русскую повѣсть. которая мнѣ понравится. Ни одна русская повѣсть не производила на меня такого страшнаго, гнетущаго, мучительнаго, удушающаго впечатлѣнія: читая ее, мнѣ казалось, что я въ конюшнѣ. гдѣ благонамѣренный помѣщикъ поретъ и истязуетъ цѣлую вотчину законное наслѣдіе его благородныхъ предковъ". Въ напечатанномъ въ „Современникѣ" обзорѣ русской литературы за 1847 г. Бѣлинскій говоритъ: „Антонъ Горемыка" больше, чѣмъ повѣсть: это романъ, въ которомъ все вѣрно основной идеѣ, все относится къ ней, завязка и развязка свободно выходятъ изъ самой сущности дѣла. Несмотря на то, что внѣшняя сторона разсказа все вертится на пропажѣ мужицкой лошаденки, несмотря на то, что Антонъ мужикъ простой, вовсе не изъ бойкихъ и хитрыхъ онъ лицо трагическое, въ полномъ значеніи этого слова. Это повѣсть трогательная, по прочтеніи которой въ голову невольно тѣснятся мысли грустныя и важныя. Желаемъ отъ всей души, чтобы г. Григоровичъ продолжалъ идти по этой дорогѣ, на которой отъ его таланта можно ожидать такъ многаго .. И пусть онъ не смущается бранью хулителей: эти господа полезны и необходимы для вѣрнаго опредѣленія объема таланта; чѣмъ большая ихъ стая бѣжитъ вслѣдъ успѣха. тѣмъ, значитъ, успѣхъ огромнѣе" (XI, 418—419). Сравненіе письма къ Боткину съ отзывомъ въ печати весьма наглядно показываетъ, что Бѣ-

линскій далеко не могъ въ своихъ критическихъ статьяхъ говорить о крестьянскомъ вопросѣ такъ, какъ бы ему хотѣлось [1]).

Въ напечатанномъ въ слѣдующемъ 1848 году разсказѣ „Бобыль" Григоровичъ рисуетъ ужасную судьбу дряхлаго старика, крѣпостнаго крестьянина, которому негдѣ головы преклонить. Вотъ ужъ девятый годъ какъ съ него сняли тягло: онъ одинокъ, у него нѣтъ семьи, нѣтъ также земли и избенки. Онъ жилъ на хлѣбахъ у крестьянина, пока могъ еще работать, а теперь никто не хочетъ его держать; помѣщикъ же, несмотря на обязанность, возлагаемую на него закономъ, не допускать до нищенства своихъ крестьянъ, и не думалъ о немъ позаботиться. Горемычная жизнь его кончается тѣмъ, что онъ умираетъ въ полѣ, въ ужасную осеннюю ночь, такъ какъ даже одна болѣе сердобольная помѣщица, занимающаяся леченіемъ крестьянъ, выгоняетъ его во вьюгу и непогоду изъ опасенія, что, въ случаѣ его смерти, ей не раздѣлаться съ судомъ [2]). Этотъ разсказъ былъ хорошимъ отвѣтомъ на слова крѣпостниковъ о тѣхъ жертвахъ, которыя приносятъ-де помѣщики для обезпеченія пропитанія своихъ крестьянъ.

Въ 1848 году Бѣлинскій умеръ, а въ напечатанной въ слѣдующемъ году повѣсти „Четыре времени года" Григоровичъ нарисовалъ уже идиллическую картину крестьянской жизни, гдѣ только въ одномъ мѣстѣ звучитъ диссонансомъ упоминаніе о 50-ти рублевомъ оброкѣ (I, 316); въ другихъ мѣстахъ о крѣпостномъ правѣ нѣтъ помину. Оно игнорируется и въ другихъ произведеніяхъ Григоровича, напечатанныхъ въ послѣдніе годы царствованія императора Николая. Времена стали тяжелѣе цензура строже преслѣдовала всякій намекъ на крестьянскій вопросъ, да и не было на свѣтѣ геніальнаго критика, для котораго первымъ достоинствомъ повѣсти было то, чтобы она непремѣнно „вызывала вопросы" и который давалъ надлежащій тонъ литературѣ. Что же касается цензурныхъ препятствій, то нельзя не напомнить, что, какъ мы увидимъ, Тургеневъ и послѣ 1848 года умѣлъ затрогивать въ своихъ произведеніяхъ главное зло русской жизни, съ которымъ, по мѣрѣ силъ и умѣнья, боролись всѣ честные литературные и общественные дѣятели того времени [3]).

Тургеневъ, какъ извѣстно, провелъ дѣтство и юность въ самой крѣ-

---

[1]) Объ отношеніи къ крестьянскому вопросу Бѣлинскаго и также и Герцена мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

[2]) Полн. Собр. Соч. I, 257, 261, 264, 268.

[3]) Въ романѣ „Переселенцы", напечатанномъ въ началѣ царствованія императора Александра II, Григоровичъ вновь затрогиваетъ крѣпостное право. Авторъ изображаетъ здѣсь горемычную судьбу семьи, переселенной по капризу барина, не злого, но незнающаго крестьянской жизни, въ безплодную степь саратовской губерніи

постнической обстановкѣ: его родители крайне сурово относились къ своимъ людямъ, такъ что, по его собственному свидѣтельству, онъ выросъ „среди побоевъ и истязаній". Любопытно, что обязанный крѣпостному труду тѣмъ благосостояніемъ, которое окружало его съ дѣтства, онъ и любовью къ литературѣ отчасти обязанъ крѣпостному камердинеру который читалъ ему украдкой, гдѣ нибудь въ саду или въ дальней комнатѣ, „Россіаду" Хераскова. Окончивъ курсъ въ московскомъ университетѣ, Тургеневъ отправился для ознакомленія съ настоящей наукой въ Берлинъ, гдѣ сошелся со Станкевичемъ и Грановскимъ. Судя по тому, какъ Станкевичъ относился къ крѣпостному праву въ это время (см. слѣдующую главу), можно думать, что онъ имѣлъ вліяніе на Тургенева и въ этомъ отношеніи.

Въ 1840 году, послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Россіи и поѣздки въ Италію, Тургеневъ снова вернулся въ Берлинъ и слушалъ тамъ лекціи вмѣстѣ съ извѣстнымъ М. Бакунинымъ еще около года. Жизнь и серьезныя занятія за границей не прошли для Тургенева безслѣдно: онъ сталъ совершенно отрицательно относиться къ тои „помѣщичьей крѣпостной" средѣ, къ которой принадлежалъ по своему происхожденію. „Почти все, что я видѣлъ вокругъ себя, говоритъ онъ возбуждало во мнѣ чувства смущенія, негодованія, отвращенія, наконецъ... И бросился внизъ головою въ „нѣмецкое море", долженствовавшее очистить и возродить меня, и когда я наконецъ, вынырнулъ изъ его волнъ, я все-таки, очутился „западникомъ" и остался имъ навсегда". Возвратившись изъ за границы въ 1841 году, Тургеневъ познакомился въ Москвѣ съ славянофильскимъ кружкомъ, но уже тогда отрицательно отнесся къ нему и, напротивъ, близко сошелся съ западниками, къ числу которыхъ принадлежали Грановскій, Бѣлинскій, Герценъ и др. Тургеневъ попробовалъ было служить въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, но не выдержалъ болѣе двухъ лѣтъ. Его, какъ и нѣкоторыхъ другихъ, имѣвшихъ средства покинуть *тогдашнюю* Россію, тянуло въ Западную Европу. „Я не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что я возненавидѣлъ, -говоритъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ. —для этого у меня, вѣроятно, не доставало надлежащей выдержки, твердости характера. Мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ моего врага затѣмъ, чтобы изъ самой моей дали сильнѣе напасть на него Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшился бороться до конца, съ чѣмъ я поклялся никогда не примириться.... Это была моя аннибаловская клятва: и не я одинъ далъ ее тогда себѣ. И на Западъ ушелъ для того, чтобы лучше ее исполнить... „Записки охотника" были написаны мною

за границей: нѣкоторыя изъ нихъ—въ тяжелыя минуты раздумья о томъ, вернуться ли мнѣ на родину, или нѣтъ" [1]).

Первый очеркъ изъ „Записокъ охотника", „Хорь и Калинычъ", былъ напечатанъ въ I X „Современника" 1847 года, т. е всего черезъ мѣсяцъ послѣ появленія повѣсти Григоровича „Деревня", слѣдовательно (тѣмъ болѣе, что Тургеневъ жилъ въ это время за границей), нельзя никоимъ образомъ предполагать, что обращеніе къ очеркамъ изъ народной и крѣпостной среды было сдѣлано авторомъ подъ вліяніемъ повѣсти Григоровича. Совпаденіе двухъ молодыхъ писателей въ новомъ направленіи ихъ дѣятельности служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что такія произведенія, дѣйствительно, вызывались настоятельною потребностью времени. Впрочемъ, въ первомъ очеркѣ Тургенева крѣпостное право задѣвается лишь мимоходомъ. Помѣщикъ дозволяетъ Хорю поселиться съ особнякомъ на болотѣ, обложивъ его оброкомъ въ 50 руб. въ годъ, и когда тотъ разбогатѣлъ, то оброкъ увеличивается вдвое. Но откупаться на свободу Хорь не хочетъ, считая, повидимому, чиновниковъ болѣе опасными для себя, чѣмъ власть помѣщика [2]). Хваля своего помѣщика, очевидно, изъ дипломатіи, Хорь, однако же, посмѣивается надъ Калинычемъ, что баринъ, гоняя его съ собою на охоту, не даетъ ему не только на сапоги, но и на лапти, и только „въ прошломъ году гривенникъ пожаловалъ" [3]). Очеркъ этотъ очень понравился Бѣлинскому. „Хорь обѣщаетъ въ васъ замѣчательнаго писателя въ будущемъ", — писалъ онъ автору [4]. И позднѣе Бѣлинскій печатно называлъ этотъ очеркъ лучшимъ изъ всѣхъ „Записокъ охотника" [5]. „Хорь и Калинычъ" вызвалъ въ высшей степени сочувственный отзывъ даже въ „Москвитянинѣ", до тѣхъ поръ относившемся къ Тургеневу за его западничество враждебно. Въ статьѣ „О мнѣніяхъ „Современника" историческихъ и литературныхъ", подписанной буквами М... З.. К... и принадлежавшей перу Самарина, разсказъ былъ названъ превосходнымъ и о немъ было сказано: „Вотъ что значитъ прикоснуться къ землѣ и къ народу: вмигъ дается сила! Пока г. Тургеневъ толковалъ о своихъ скучныхъ любвяхъ да разныхъ апатіяхъ, о своемъ эгоизмѣ, все выходило вяло и безталанно: но онъ прикоснулся къ народу, прикоснулся къ нему съ участіемъ и сочув-

---

[1]) Полн. Собр. Соч. Тургенева, изд. 2-е, 1884 г., т. I, Біографическій очеркъ, X, 3—4

[2]) „Да чего мнѣ откупаться? Теперь я своего барина знаю и оброкъ свой знаю... одинъ у насъ хорошъ... Понялъ Хорь въ вольные люди... Кто безъ бороды живетъ, тотъ Хорю и набольшій".

[3]) Т. I, 5, 7—8, 14.

[4]) Собр. Соч. Тургенева, X, 61

[5]) Соч. Бѣлинскаго XI, 41×

ствіемъ, и посмотрите, какъ хорошъ его разсказъ! Талантъ, таившійся въ сочинителѣ, скрывавшійся во все время, пока онъ силился увѣрить другихъ и себя въ отвлеченныхъ и потому небывалыхъ состояніяхъ души,— этотъ талантъ вмигъ обнаружился, и какъ сильно и прекрасно, когда онъ заговорилъ о другомъ. Всѣ отдадутъ ему справедливость, по крайней мѣрѣ, мы спѣшимъ сдѣлать это. Дай Богъ г. Тургеневу продолжать по этой дорогѣ!"

Гораздо рѣзче, чѣмъ въ „Хорѣ и Калинычѣ", задѣто крѣпостное право въ слѣдующемъ очеркѣ „Записокъ охотника"—„Петръ Петровичъ Каратаевъ". Содержаніе его слѣдующее. Одинъ дворянинъ влюбился въ крѣпостную дѣвушку сосѣдней помѣщицы и она полюбила его. Помѣщица не соглашается продать ее ни за какія деньги и ссылаетъ въ степную деревню: однако, герой разсказа уговариваетъ ее бѣжать, несмотря на опасеніе, что за это сошлютъ ея брата. Однако, счастье влюбленной парочки продолжается лишь нѣсколько мѣсяцевъ: помѣщица узнаетъ о мѣстопребываніи своей крѣпостной, подаетъ жалобу о проживательствѣ ея бѣглой дѣвки у дворянина Каратаева: тотъ тратитъ множество денегъ на задариваніе мѣстной администраціи и входитъ въ долги, но, наконецъ, его возлюбленная рѣшается сама выдать себя, чтобы спасти его отъ окончательнаго разоренія. Каратаевъ спивается, а несчастную дѣвушку безъ сомнѣнія, замучиваютъ или ссылаютъ: авторъ ничего не говоритъ о ея дальнѣйшей судьбѣ, но весь ужасъ ея положенія и безъ того понятенъ читателю (I, 284—293). Очеркъ этотъ также понравился Бѣлинскому: въ обзорѣ русской литературы за 1847 г., напечатанномъ въ „Современникѣ", онъ говоритъ, что въ немъ „талантъ автора высказался съ такою же полнотою, какъ въ лучшихъ изъ разсказовъ охотника" [1])

Въ 6 № „Современника" 1847 года появился новый разсказъ Тургенева: „Ермолай и мельничиха". Помѣщица положила себѣ за правило не держать замужнихъ горничныхъ; она и ея мужъ не отступаютъ отъ этого правила и ради ея любимой горничной, десять лѣтъ вѣрою и правдою ей служившей и умоляющей дозволить ей выйти замужъ за ихъ же лакея, причемъ эта горничная могла бы, слѣдовательно, попрежнему, продолжать исполненіе своихъ обязанностей. Любовь беретъ, однако, свое, и тогда въ наказаніе ей остригаютъ косу, одѣваютъ въ затрапезное платье и ссылаютъ въ деревню. Съ негоднаго къ работѣ, „лядащаго" Ермолая,—другого героя этого разсказа,—казалось бы, господамъ взять нечего: ему дозволяется жить, гдѣ онъ хочетъ, съ обязанностью однако, доставлять на господскую кухню разъ въ мѣсяцъ пары двѣ тетеревей и куропатокъ, причемъ „пороху и дроби ему... не выдавали, слѣдуя тѣмъ же правиламъ, въ силу которыхъ и онъ не кормилъ своей собаки" (I, 19, 25—28).

---

[1]) Соч. Бѣлинскаго XI, 418; срав. Соч. Тургенева X, 61.

Бѣлинскому очеркъ понравился; но нужно замѣтить, что, вообще, при всемъ сочувствіи его къ Тургеневу, Бѣлинскому не удалось вполнѣ оцѣнить его талантъ; это особенно замѣтно, если сравнить его отзывы о Тургеневѣ съ его же отзывами о Григоровичѣ. „Мнѣ кажется, — писалъ онъ Тургеневу, — у васъ чистотворческаго таланта или нѣтъ, или очень мало, и вашъ талантъ однороденъ съ Далемъ. Это вашъ настоящій родъ. Вотъ хоть бы „Ермолай и мельничиха": не Богъ знаетъ что бездѣлка, а хорошо, потому что умно и дѣльно, съ мыслію". Бѣлинскій горячо поддерживалъ Тургенева въ новомъ направленіи его дѣятельности. „найти свою дорогу, писалъ онъ ему, узнать свое мѣсто,— въ этомъ все для человѣка, это для него значитъ сдѣлаться самимъ собою" (X, 61).

Изъ очерка „Лговъ", напечатаннаго въ той же книжкѣ „Современника", мы узнаемъ горемычную судьбу одного двороваго. Онъ началъ свою службу барину казачкомъ, потомъ былъ, послѣдовательно, форейторомъ, садовникомъ и доѣзжачимъ. Ѣздя съ собаками, онъ упалъ вмѣстѣ съ лошадью: и самъ ушибся, и лошадь зашибъ; за это баринъ велѣлъ его выпороть и отдать въ ученье въ Москву къ сапожнику, несмотря на то, что ему было тогда болѣе двадцати лѣтъ. Когда старый баринъ скоро умеръ, его вернули въ деревню, и затѣмъ лѣтъ двадцать имъ владѣла дочь этого помѣщика. У нея онъ былъ сперва поваромъ, никогда не учась кулинарному искусству, а затѣмъ кофишенкомъ, т. е. состоялъ при буфетѣ, причемъ барыня даже переименовала его изъ Кузьмы въ Антона: исполнялъ онъ и обязанности актеровъ, но за то, что братъ его сбѣжалъ, былъ опять разжалованъ въ повара. Жениться дворовымъ барыня никому не позволяла, говоря: „Вѣдь, живу же я такъ, въ дѣвкахъ, что за баловство! чего имъ надо!" Когда эта барыня продала свое имѣніе другому помѣщику, дворовый, о которомъ идетъ рѣчь, продолжалъ исполнять обязанности повара, а при его наслѣдникѣ сдѣланъ былъ кучеромъ. Но тутъ имѣніе было опять продано новой барынѣ, которая нашла, что кучеромъ ему быть неприлично, и превратила его въ рыболова, приказавъ сбрить бороду и содержать прудъ въ порядкѣ. Жалованья онъ не получалъ, ему выдавались только харчи, но онъ былъ совершенно доволенъ барскою милостью, особенно сравнивая свою жизнь съ судьбою другаго старика, котораго барыня приказала поставить на бумажную фабрику, такъ какъ «грѣшно даромъ хлѣбъ ѣсть" (I, 91—94). Тутъ вся исторія жизни дворовыхъ: господа распоряжаются ихъ личностью, какъ имъ придетъ въ голову, заставляютъ исполнять самыя разнообразныя обязанности, къ которымъ тѣ вовсе и не подготовлялись, и, между тѣмъ, строго взыскиваютъ не только за ихъ собственныя ошибки, но даже и за провинности ихъ родственниковъ, и, въ то же время, вмѣсто всякой награды, отказываютъ имъ въ удовлетвореніи даже такихъ естественныхъ желаній, какъ вступленіе въ бракъ. Это рабы въ

полномъ смыслѣ слова, которыхъ господинъ можетъ лишить, по своему капризу, даже имени, даннаго при крещеніи, и замѣнить его другимъ. Этотъ сжатый очеркъ ужасной судьбы дворовыхъ проникнутъ не презрѣніемъ къ этимъ несчастнымъ, какъ указанное нами мѣсто въ „Тарантасѣ“ Соллогуба, а самымъ теплымъ сочувствіемъ и состраданіемъ.

Минуя тѣ очерки изъ „Записокъ охотника“, въ которыхъ авторъ не затрогиваетъ крѣпостнаго права, мы переходимъ къ напечатанному въ 10 № „Современника“ 1847 года разсказу „Бурмистръ“. Въ концѣ его помѣта „Зальцбруннъ въ Силезіи, іюль 1847 г.“ Это мѣсто было памятно автору тѣмъ, что въ концѣ мая онъ привезъ сюда больнаго Бѣлинскаго, котораго, впрочемъ, скоро сдалъ на руки П. В. Анненкова и который уѣхалъ оттуда 3 іюля; разсказъ, если не оконченъ, то, по крайней мѣрѣ, начатъ при Бѣлинскомъ [1]), и, по всей вѣроятности, не случайность, въ виду особенно живаго интереса въ это время Бѣлинскаго къ крестьянскому вопросу [2]), что очеркъ этотъ изъ „Записокъ охотника“ рѣзко задѣваетъ крѣпостное право и чрезвычайно живо рисуетъ взрослыхъ на его почвѣ звѣрей-помѣщиковъ и звѣрей-кулаковъ изъ тѣхъ же крѣпостныхъ. Какъ хорошъ, напр., помѣщикъ Пѣночкинъ:

„Аркадій Павлычъ говоря собственными его словами, строгъ, но справедливъ, о благѣ подданныхъ своихъ печется и наказываетъ ихъ для ихъ же блага. „Съ ними надобно обращаться какъ съ дѣтьми“ — говоритъ онъ въ такомъ случаѣ Невѣжество, mon cher; il faut prendre cela en considération“. Самъ же, въ случаѣ такъ называемой печальной необходимости, рѣзкихъ и порывистыхъ движеній избѣгаетъ и голоса возвышать не любитъ, но болѣе тычетъ рукою прямо, спокойно приговаривая: „вѣдь, я тебя просилъ, любезный мой“, или: „что съ тобою, другъ мой, опомнись“, причемъ только слегка стискиваетъ зубы и кривитъ ротъ... Дворовые люди Аркадія Павлыча посматриваютъ, правда, что-то исподлобья, но у насъ на Руси угрюмаго отъ запаннаго не отличишь“ [3]).

Примѣненіе на дѣлѣ административныхъ принциповъ г. Пѣночкина прекрасно рисуется въ слѣдующей сценѣ:

„— Отчего вино не нагрѣто? — спросилъ онъ довольно рѣзкимъ голосомъ одного изъ камердинеровъ

„Камердинеръ смѣшался, остановился, какъ вкопанный, и поблѣднѣлъ

„— Вѣдь, я тебя спрашиваю, любезный мой? спокойно продолжалъ Аркадій Павлычъ, не спуская съ него глазъ

„Несчастный камердинеръ помялся на мѣстѣ, покрутилъ салфеткой и не сказалъ ни слова. Аркадій Павлычъ потупилъ голову и задумчиво посмотрѣлъ на него исподлобья.

„— Pardon, mon cher, промолвилъ онъ съ пріятной улыбкой дружески коснувшись рукой до моего колѣна, и снова уставился на камердинера. Ну, ступай, — прибавилъ онъ послѣ небольшаго молчанія, поднялъ брови и позвонилъ

[1]) *Анненковъ* „Молодость Тургенева“ „Вѣсти. Евр.“ 1884 г., № 2, стр. 467

[2]) Изъ Зальцбруннъ онъ написалъ свое знаменитое письмо къ Гоголю.

[3]) Все это мѣсто въ „Современникѣ“ не было пропущено цензурой, а въ отдѣльномъ изданіи „Записокъ охотника“ 1852 г. появилась только послѣдняя фраза о дворовыхъ Аркадія Павлыча.

„Вошелъ человѣкъ, толстый, смуглый, черноволосый, съ низкимъ лбомъ и совершенно заплывшими глазами

„ - Насчетъ Оедора... распорядиться, — проговорилъ Аркадій Павлычъ въ полголоса и съ совершеннымъ самообладаніемъ".

Если бы за подлинность подобныхъ типовъ не была бы достаточною порукой художественная правда произведеній Тургенева, то мы могли бы еще указать читателямъ на изображеніе подобной же личности въ мемуарахъ гельскаго священника, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ" [1]). Оригиналъ этого послѣдняго, г. Б., съ такимъ же спокойствіемъ истязавшій своихъ крѣпостныхъ и, между прочимъ, своихъ собственныхъ актеровъ и актрисъ, если не ошибаемся, живъ еще до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, недавно онъ занималъ въ Петербургѣ довольно видное мѣсто [2]).

Если дворовые г-на Пѣночкина страдали отъ его тяжелой руки, то крестьяне одного изъ его имѣній, платившіе при маломъ количествѣ земли такой оброкъ, что самъ господинъ удивлялся, какъ они сводятъ концы съ концами [3]), были отданы на жертву бурмистру, столь же самовластно распоряжающемуся съ крестьянами, какъ управляющій въ повѣсти Григоровича „Антонъ Горемыка", напечатанной позже мѣсяцемъ въ томъ же „Современникѣ". Крестьянинъ жалуется, что невзлюбившій его за то, что онъ повздорилъ съ нимъ на сходкѣ, бурмистръ въ конецъ разорилъ его: отдалъ безъ очереди въ рекруты двухъ сыновей, отнимаетъ и третьяго; онъ же свелъ со двора послѣднюю корову; взнеся за него однажды недоимку, бурмистръ уже пятый годъ держитъ его въ кабалѣ. Ужасно было положеніе и другихъ: по разсказу постороняго мужика бурмистръ ими „какъ своимъ добромъ владѣетъ". Крестьяне ему кругомъ должны; работаютъ на него, словно батраки [4]).

Въ напечатанномъ одновременно съ „Бурмистромъ" очеркѣ „Контора" авторъ изображаетъ представителей крѣпостной бюрократіи; главный конторщикъ также имѣетъ нѣкоторое сходство съ управителемъ въ повѣсти „Антонъ Горемыка": какъ тотъ беретъ взятки съ мельника, такъ этотъ корыстуется отъ купца при продажѣ ему барскаго хлѣба и отъ крѣпостныхъ крестьянъ плотниковъ, чтобы ихъ безъ толку не требовали на работу; есть и новыя черты: такъ, по его интригамъ барыня ссылаетъ дѣвушку, не поддающуюся его ухаживаніямъ. Не сразу, впрочемъ, онъ добился такой власти: было время, что и онъ находился въ опалѣ и пожилъ въ мужицкой избѣ [5]).

---

[1]) 1880 г. т. XXVII, стр. 58—77.

[2]) Срави. очеркъ „Два помѣщика" также въ „Запискахъ охотника", гдѣ и помѣщикъ самымъ незлобнымъ образомъ говоритъ о наказаніи, и только что наказанный въ восторгѣ отъ своего барина (I, 208—209).

[3]) Господинъ былъ, впрочемъ, согласенъ, чтобы они купили земля на его имя.

[4]) Т. I, 150—51, 153—55, 157, 161—166

[5]) Т. I, 172—74, 179—181, 183, 185—188

Въ февральской книжкѣ „Современника“ 1848 г. было сразу напечатано шесть очерковъ изъ „Записокъ охотника“; изъ нихъ только въ одномъ „Малиновая вода“, было задѣто, и то слегка, крѣпостное право. Тутъ фигурируютъ, съ одной стороны, вольноотпущенный, бывшій дворецкій одного графа, восхваляющій барина [1]), съ другой стороны крестьянинъ, только что потерявшій сына-работника и просившій барина уменьшить съ него оброкъ (95 руб. съ тягла) И, получивъ отказъ, крестьянинъ не унываетъ: „Мнѣ съ полугоря, взять то съ меня нечего.. безотвѣтная моя голова“ (I, 38, 39—41). Этотъ очеркъ „не очень понравился“ Бѣлинскому, да и вообще эти шесть разсказовъ, въ которыхъ авторъ, за исключеніемъ одного, совершенно игнорируетъ крѣпостное право, показались Бѣлинскому, по его словамъ въ письмѣ къ П. В. Анненкову, „слабѣе прежнихъ“ [2]).

Въ напечатанномъ уже по смерти Бѣлинскаго („Современникъ“ 1849 г. № 2) очеркѣ изъ „Записокъ охотника“—„Чертопхановъ и Недопюскинъ“ авторъ только вскользь задѣваетъ въ одномъ мѣстѣ крѣпостничество въ характеристикѣ Чертопханова-отца, который, въ числѣ другихъ своихъ чудачествъ, велѣлъ однажды перепороть всѣхъ старыхъ бабъ на деревнѣ, сочтя ихъ виновными въ колдовствѣ, когда три раза сряду обрушивался куполъ воздвигаемой имъ церкви Онъ же „вычиталъ однажды въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ статейку харьковскаго помѣщика Хрика-Хруперскаго о пользѣ нравственности въ крестьянскомъ быту и на другой же день отдалъ приказъ всѣмъ крестьянамъ немедленно выучить статью харьковскаго помѣщика наизусть... Около того же времени повелѣлъ онъ всѣхъ подданныхъ своихъ для порядка и хозяйственнаго разсчета перепумеровать и каждому на воротникѣ нашить его нумеръ. При встрѣчѣ съ барином всякъ, бывало, такъ ужь и кричитъ: такой-то нумеръ идетъ! а баринъ отвѣчаетъ ласково: ступай себѣ съ Богомъ!“ (I, 346—348).

Безъ сомнѣнія, не малый матеріалъ для бичеванія съ разныхъ сторонъ крѣпостнаго права доставило Тургеневу жестокое отношеніе его родителей къ своимъ крѣпостнымъ Въ концѣ 1850 г эти крѣпостные вздохнули свободнѣе: мать Тургенева, наконецъ, умерла, и Иванъ Сергѣевичъ, вернувшись изъ за границы въ доставшееся ему вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Николаемъ родовое имѣніе, немедленно отпустилъ всѣхъ своихъ дворовыхъ на волю и перевелъ на оброкъ пожелавшихъ

---

[1]) „Доброй онъ былъ души, по его словамъ „побьетъ, бывало тебя,—смотришь, ужь и полюбилъ“; по его забралъ въ руки своя любовница и многимъ забрила лобъ. „А все-таки, хорошее было времячко!“

[2]) *Изъ писемъ* Бѣлинскій. II, 323.

этого крестьянъ. Но, все-таки, его крестьяне тогда не были освобождены изъ крѣпостнаго состоянія, какъ то можно было ожидать отъ человѣка, давшаго „анибалловскую клятву" противъ крѣпостнаго права; быть можетъ, Тургеневъ предполагалъ, что безъ его защиты они сдѣлаются добычею алчности мѣстной администраціи: не даромъ эту мысль онъ влагаетъ въ уста одного изъ героевъ его разсказа „Хорь и Калинычъ", но возможно и то, что, желая поскорѣе вновь уѣхать за границу, онъ пугался тѣхъ ужасныхъ проволочекъ, съ которыми совершалось освобожденіе крестьянъ цѣлыми вотчинами, т. е. переходъ ихъ въ свободные хлѣбопашцы.

Въ началѣ 1852 г. Тургеневъ собралъ отдѣльные очерки изъ „Записокъ охотника" и издалъ ихъ въ Москвѣ въ двухъ частяхъ. Это изданіе имѣвшее значительный успѣхъ, возбудило противъ автора сильное неудовольствіе въ оффиціальномъ мірѣ. Московскій цензоръ кн. Львовъ былъ временно отставленъ отъ должности за то, что пропустилъ отдѣльное изданіе „Записокъ охотника" [1]); поднимался даже вопросъ о конфискаціи книги [2]). Къ этому присоединилось, въ видѣ отягчающаго обстоятельства, продолжительное пребываніе Тургенева за границей, особенно въ Парижѣ, и именно въ 1848 г., а также и его близкія отношенія къ лицамъ, которыя уже давно были „на дурномъ счету". Поводомъ къ административной карѣ, какъ извѣстно, послужило напечатанное имъ въ мартѣ 1852 года въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" письмо по поводу смерти Гоголя; но Тургеневъ самъ говоритъ, что наказаніе постигло, „въ сущности, за „Записки охотника" [3]). Иванъ Сергѣевичъ былъ отправленъ на мѣсяцъ „на съѣзжую", но благодаря почитательницамъ его таланта, дочерямъ частнаго пристава, онъ провелъ большую часть этого времени въ квартирѣ ихъ отца, гдѣ подготовилъ новый ударъ крѣпостному праву, написавъ здѣсь разсказъ „Муму", а затѣмъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ на жительство въ свою деревню. Ссылка продолжалась до 1854 г. [4]), и, благодаря ей, безъ сомнѣнія, разсказъ, написанный Тургеневымъ подъ арестомъ, былъ напечатанъ только въ 1854 г. („Современ-

---

[1]) По другимъ слухамъ за пропускъ „Московскаго Сборника", изданнаго славянофильскимъ кружкомъ. „Рус. Арх." 1879 г. III, 339.

[2]) И нѣкоторые изъ читателей взглянули на книгу Тургенева, какъ на проповѣдь освобожденія крестьянъ. Извѣстная гр. Растопчина сказала Чаадаеву: „Voila un livre incendiaire". П. В. Анненковъ сообщаетъ, что онъ зналъ „нельможу, очень образованнаго и гуманнаго, немало способствовавшаго и облегченію узъ нашей печати, который до конца своей жизни думалъ, что успѣхомъ своей книги Тургеневъ обязанъ французской манерѣ возбужденія одного сословія противъ другаго". *Анненковъ*. „Молодость И. С. Тургенева". Вѣст. Евр. 1884 г. № 2 стр. 465.

[3]) „Первое Собраніе писемъ Тургенева". Спб. 1885 г. стр. 155—156.

[4]) Собр. Соч. изд. 2-е, 1884 г. Біогр. очеркъ.

никъ, № 3). Эта трогательная исторія (Собр. соч., т. V) производитъ особенно сильное впечатлѣніе потому, что наглядно показываетъ, до какой ненужной жестокости доходили душевладѣльцы относительно своихъ крѣпостныхъ: капризная барыня лишаетъ своего лучшаго работника, глухонѣмаго, его собачки, остававшейся для него единственнымъ утѣшеніемъ въ его печальной жизни послѣ того, какъ барыня выдала замужъ и отослала въ деревню дворовую дѣвушку, къ которой онъ былъ очень расположенъ. Замѣтимъ еще, что, какъ оказывается изъ посмертныхъ воспоминаній о Тургеневѣ, этотъ превосходный разсказъ былъ воспроизведеніемъ факта, случившагося въ семьѣ Ивана Сергѣевича: жестокая барыня, велѣвшая утопить собачку, была мать автора „Муму" и глухонѣмой крестьянинъ Герасимъ, дѣйствительно существовалъ [1]).

Въ томъ же 1852 г. былъ написанъ не менѣе сильный разсказъ „Постоялый дворъ". Тутъ мы видимъ, какъ помѣщица, дозволивъ своему крѣпостному, аккуратно платившему ей весьма значительный оброкъ, купить на ея имя полдесятины земли для заведенія постоялаго двора, потомъ продаетъ этотъ дворъ, какъ свою собственность, другому, причемъ покупателемъ является любовникъ жены прежняго хозяина, бывшей горничной той же госпожи, и покупка совершается на деньги, похищенныя этою женщиной у своего мужа. Послѣ попытки поджечь такъ нагло отнятое у него жилище, этотъ несчастный человѣкъ дѣлается странствующимъ богомольцемъ, христіанское незлобіе котораго такъ велико, что онъ никогда не забываетъ даже принести разорившей его барынѣ „просвиру съ вынутымъ заздравнымъ" (т. V). Этотъ прелестный разсказъ, едва ли не лучшій изъ всего написаннаго Тургеневымъ о крѣпостномъ правѣ, появился въ печати, вѣроятно, по цензурнымъ причинамъ, лишь чрезъ три года послѣ того, какъ онъ былъ написанъ, уже въ новое царствованіе („Современникъ" 1855 г., № 11). Выставленный въ немъ фактъ злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ,—нужно замѣтить, вовсе не составлявшій чего-нибудь неслыханнаго въ то время,—былъ, тѣмъ не менѣе, такимъ вопіющимъ нарушеніемъ справедливости, что предложеніе разорить одного изъ ея лучшихъ крестьянъ ужаснуло въ первую минуту даже барыню (по натурѣ вовсе не злую), когда она услыхала о томъ отъ своей экономки, но жадность къ деньгамъ и сознаніе полной безнаказанности этого наглаго грабежа среди бѣлаго дня одержали верхъ надъ всякими сомнѣніями. А грабежъ былъ, дѣйствительно, совершенно безнаказанный: по закону 1848 г., крѣпостнымъ людямъ не дозволялось возбуждать какіе бы то ни было споры объ имуществѣ, пріобрѣтенномъ ими до того времени на имя помѣщика

[1]) *Анненковъ*. „Молодость Тургенева". Вѣст. Евр. 1884, № 2, стр. 458—459.

Такимъ образомъ, въ своихъ разсказахъ изъ народнаго быта, написанныхъ съ 1846 [1]) по 1852 г., Тургеневъ затронулъ главнѣйшія стороны быта крѣпостныхъ: тяжесть повинностей, иногда при недостаточномъ количествѣ земли, зависимость отъ барской воли даже въ дѣлѣ женитьбы и лишеніе иной разъ права на нее въ теченіе всей жизни, тѣлесныя наказанія, горемычная доля двороваго, злоупотребленія сельскихъ начальниковъ и управителей, барскія чудачества и самодурство, наконецъ, непризнаніе за крѣпостнымъ права собственности на имущество, нажитое его личнымъ трудомъ, все это отражается въ живыхъ, талантливыхъ очеркахъ. Конечно, дѣйствительность могла бы подсказать въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще болѣе ужасныя картины, чѣмъ тѣ, какія мы находимъ у Тургенева, но, во-первыхъ, и безъ того совокупность очерковъ, посвященныхъ имъ крѣпостному праву, производитъ на читателя самое сильное впечатлѣніе, а во-вторыхъ, мы должны помнить, что художникъ не могъ съ полною свободою рисовать все то, что онъ наблюдалъ при созданіи своихъ произведеній. Однакоже, и въ томъ видѣ, какъ онѣ были написаны или, по крайней мѣрѣ, появились въ свѣтъ, „Запискамъ охотника“ суждено было не только имѣть огромное гуманизирующее вліяніе на все русское общество, но съиграть даже еще болѣе важную роль въ исторіи крестьянскаго вопроса: по собственному свидѣтельству Тургенева, императоръ Александръ II самъ сказалъ ему, что съ „тѣхъ поръ, какъ онъ прочелъ „Записки охотника“, его ни на минуту не оставляла мысль о необходимости освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“ [2]). Фактъ этотъ тѣмъ болѣе для насъ важенъ, что ранѣе того, въ мартѣ 1849 года, въ секретномъ комитетѣ, учрежденномъ подъ его предсѣдательствомъ для обсужденія закона (8 ноября 1847 г.) о правѣ крестьянъ выкупаться на свободу при продажѣ имѣній съ аукціона, наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ (также какъ и принцъ Ольденбургскій), вопреки мнѣнію Киселева, Блудова и Вронченко, подалъ голосъ за отмѣну этого закона вмѣстѣ съ крѣпостниками кн. Чернышевымъ, гр. Орловымъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ Перовскимъ [3]).

—

[1]) Первый очеркъ „Хорь и Калинычъ“ появился въ № 1 „Современника“ 1847 г.

[2]) „Историческій Вѣстникъ“ 1883 г. № 11, стр. 457.

[3]) См. главу VII — Генералъ-адъютантъ Тимашевъ утверждаетъ, что „внушителемъ“ Александру II „великой мысли“ объ освобожденіи крестьянъ былъ не Тургеневъ „Русскій Архивъ“ 1887 г. № 6, стр. 260.

ГЛАВА X.

Отношеніе къ крестьянскому вопросу Бѣлинскаго, Станьевича, Огарева, Герцена и Некрасова

Въ то самое время, когда Лермонтовъ работалъ надъ своими юношескими драмами, его будущій знаменитый критикъ, тогда студентъ московскаго университета, В. Г. Бѣлинскій, написалъ (въ началѣ 1831 г.), вслѣдствіе увлеченія театромъ и подъ вліяніемъ пьесъ Шиллера „Разбойники“ и „Коварство и любовь“, трагедію гораздо болѣе раздирательную, чѣмъ пьесы Лермонтова. Для насъ эта трагедія интересна по выраженному въ ней энергическому протесту автора противъ крѣпостнаго права. Въ уста старика крѣпостнаго Бѣлинскій влагаетъ слѣдующія слова: когда умеръ старый господинъ, „барыня такъ начала тиранствовать надъ нами, что не дай, Господи, такого житья лихому татарину ни здѣсь, ни на томъ свѣтѣ. И била, какъ собакъ, и отдавала въ солдаты, и пускала по міру, отнимала хлѣбъ, скотъ, осматривала клѣти, ломала коробьи, обирала деньги, холстъ, кто малость въ чемъ нибудь провинится, ушлетъ въ дальнія вотчины, да всего и пересказать нельзя. На каторгѣ колодникамъ лучше житье-то чѣмъ намъ, грѣшнымъ, у барыни“. Этотъ разсказъ вызываетъ такія размышленія въ героѣ трагедіи, незаконнорожденномъ сынѣ стараго помѣщика: „Неужели эти люди для того только родятся на свѣтъ, чтобы служить прихотямъ такихъ же людей, какъ и они сами? Кто далъ это гибельное право однимъ людямъ порабощать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное право—свободу? Кто позволилъ имъ ругаться правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ для потѣхи или для разсѣянія содрать шкуру съ своего раба, можетъ продать его, какъ скота вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову; разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, братьями и со всѣмъ, что для него мило и драгоцѣнно!... Милосердый Боже!... Твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ зміевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ и пьющихъ, какъ

воду, ихъ кровь и слезы?...“ БѢлинскій прочелъ эту пьесу товарищамъ-студентамъ, составившимъ кружокъ для литературныхъ чтеній, а затѣмъ показалъ ее Лажечникову; тотъ увидѣлъ, что напечатать ее по цензурнымъ причинамъ невозможно, и предостерегалъ юнаго автора. Несмотря на то, БѢлинскій, возлагавшій на свою трагедію большія надежды и въ матеріальномъ отношеніи, представилъ ее въ цензурный комитетъ, который состоялъ тогда изъ университетскихъ профессоровъ. По отзыву разсматривавшаго ее цензора, заслуженнаго профессора Цвѣтаева, пьеса БѢлинскаго была признана „безнравственною, безчестящею университетъ, и о ней составили журналъ. Потомъ дѣло это было уничтожено, но ректоръ сказалъ БѢлинскому, что о немъ будутъ ежемѣсячно подавать особыя донесенія. Извѣщая о томъ родителей, Виссаріонъ Григорьевичъ писалъ: „Въ этомъ сочиненіи со всѣмъ жаромъ сердца, пламенѣющаго любовью къ истинѣ, со всѣмъ негодованіемъ души, ненавидящей несправедливость, я въ картинѣ довольно живой и вѣрной представилъ тиранство людей, присвоившихъ себѣ гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ“. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же 1831 года БѢлинскій былъ уволенъ изъ университета [1]).

Въ 1831 или слѣдующемъ году БѢлинскій познакомился со Станкевичемъ, тогда студентомъ московскаго университета, вокругъ котораго послѣ прекращенія „литературныхъ вечеровъ“ у казенно-коштныхъ студентовъ сталъ группироваться товарищескій кружокъ для обсужденія литературныхъ и философскихъ вопросовъ. Кружокъ этотъ, несомнѣнно, имѣлъ въ извѣстномъ отношеніи вліяніе на БѢлинскаго, но мы видѣли, что у него уже ранѣе выработалось весьма отрицательное отношеніе къ нѣкоторымъ явленіямъ современной жизни. Какъ бы ни были отвлеченны бесѣды кружка, одно участіе въ немъ такого лица, какъ БѢлинскій, заставляетъ думать, что его юные члены не могли не говорить иной разъ съ негодованіемъ и о крѣпостномъ правѣ [2]). Около этого

---

[1]) Причинами этого, по его словамъ въ письмѣ къ матери, были „отчасти собственные промахи и нерадѣніе, а болѣе всего долговременная болѣзнь и подлость одного толстаго превосходительства. Нынѣ времена мудреныя и тяжелыя: подобныя происшествія очень нерѣдки“. „Русская Старина“ 1876 г., т. XV, стр 65, 76, 77, 79, 80, 86—87. Срав. *Пыпинъ*. „БѢлинскій“ I, 50, 51, 57.

[2]) У матери БѢлинскаго была въ услуженіи крѣпостная дѣвушка, съ которою она передъ своею смертью не знала какъ поступить: отпустить ли ее на волю, или оставить крѣпостною, и спрашивала о томъ милыхъ сына. „Бога ради, постарайтесь отпустить ее на волю“, писалъ БѢлинскій въ іюлѣ 1834 года матери, „иначе на вашей душѣ будетъ тяжкій грѣхъ. Можно ли сосать кровь изъ живаго человѣка? Это прилично однимъ вампирамъ. Скажите папенькѣ, что мѣсяца черезъ три или четыре я уплачу ему за Авдотью не только 50, пожалуй и 100 рублей, и, если хочетъ, пришлю ему вексель въ сто рублахъ“. „Русск. Стар.“ 1876 г. т. XV, 346, срав. 347

времени Бѣлинскій давалъ уроки К. Д. Кавелину и имѣлъ сильное вліяніе на его развитіе. „Критическое отношеніе ко всей окружающей меня дѣйствительности, соціальной, религіозной и политической,—свидѣтельствуетъ ученикъ,—благодаря Бѣлинскому, во мнѣ засѣло хотя въ очень наивной, неопредѣленной и мечтательной формѣ". Но взгляды самого учителя скоро рѣзко измѣнились.

Какъ извѣстно, подъ вліяніемъ изученія философіи Гегеля и доведенной до крайности мысли о разумности всего дѣйствительнаго, Бѣлинскій сталъ вполнѣ примирительно относиться къ существующему порядку; эта перемѣна должна была отразиться и на взглядахъ знаменитаго критика на крестьянскій вопросъ: онъ сталъ гораздо умѣреннѣе и спокойнѣе говорить о крѣпостномъ правѣ. Въ половинѣ 1837 г. уже вполнѣ сложилось новое міросозерцаніе Бѣлинскаго, какъ это видно изъ письма его къ одному знакомому, котораго онъ также хотѣлъ обратить въ свою вѣру. Прежде всего, онъ доказываетъ, что Россія еще не созрѣла для свободы политической, а затѣмъ переходя къ вопросу о крѣпостномъ правѣ, продолжаетъ: „Гражданская свобода должна быть плодомъ внутренней свободы каждаго индивида, составляющаго народъ, а внутренняя свобода пріобрѣтается сознаніемъ. И такимъ-то прекраснымъ путемъ достигнетъ свободы наша Россія... Наше правительство не позволяетъ писать противъ крѣпостнаго права, а, между тѣмъ, исподволь освобождаетъ крестьянъ. Посмотри, какъ, благодаря тому, что, у насъ нѣтъ майората изнываетъ наше дворянство само собою, безъ всякихъ революцій и внутреннихъ потрясеній. И если у насъ будутъ дѣти, то, доживя до нашихъ лѣтъ, они будутъ знать о крѣпостномъ правѣ, какъ о фактѣ историческомъ, какъ о дѣлѣ прошедшемъ. И все это сдѣлается безъ заговоровъ и бунтовъ, и потому сдѣлается прочнѣе и лучше. Давно ли мы съ тобою живемъ на свѣтѣ, давно ли помнимъ себя, и уже посмотри, какъ перемѣнилось общественное мнѣніе: много ли теперь осталось тирановъ-помѣщиковъ, а которые и остались, не презираютъ ли ихъ самые помѣщики? Видишь ли, что и въ Россіи все идетъ къ лучшему" [1]).

Станкевичъ, когда ему приходилось сталкиваться въ это время съ людьми, доказывающими необходимость для Россіи конституціи, утверждалъ, что, прежде чѣмъ стремиться къ политической свободѣ, нужно уничтожить крѣпостное право. Любопытное указаніе на это сохранилось въ запискахъ друга Станкевича, Я. М. Невѣрова. Въ 1837 г. Станкевичъ уѣхалъ за границу и въ слѣдующемъ году тамъ увидѣлся съ нимъ Невѣровъ. „Однажды па вечерѣ у одной весьма образованной русской дамы, оставившей отечество и постоянно жившей за границей, разска-

[1]) *Пыпинъ.* Бѣлинскій 1, 125–126, 141, 177, 180–181.

зываетъ Невѣровъ,—шла рѣчь о преимуществахъ народнаго представительства въ государствѣ, о всесословномъ участіи народа въ несеніи государственныхъ повинностей и о доступѣ ко всякой государственной дѣятельности. Когда, по окончаніи этого вечера,—продолжаетъ Невѣровъ.—мы возвратились домой, оставаясь подъ впечатлѣніемъ вечерней бесѣды, обсуждали поднятый на ней вопросъ, Станкевичъ обратился къ намъ съ такимъ замѣчаніемъ (въ числѣ собесѣдниковъ былъ и Грановскій): „Предсѣдательница бесѣды забываетъ, что масса русскаго народа остается въ крѣпостной зависимости, и потому не можетъ пользоваться не только государственными, но и общечеловѣческими правами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что рано или поздно правительство сниметъ съ народа это ярмо, но и тогда народъ не можетъ принять участія въ управленіи общественными дѣлами, потому что для этого требуется извѣстная степень умственнаго развитія, и потому, прежде всего, надлежитъ желать избавленія народа отъ крѣпостной зависимости и распространенія въ средѣ его умственнаго развитія. Послѣдняя мѣра сама собой вызоветъ и первую, а потому, кто любитъ Россію, тотъ, прежде всего, долженъ желать распространенія въ ней образованія [1]). Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ это время взгляды Бѣлинскаго и Станкевича на крестьянскій вопросъ были до извѣстной степени сходны, но только Станкевичъ возлагалъ надежды, главнымъ образомъ, на гуманизирующее вліяніе просвѣщенія, а Бѣлинскій считалъ необходимыми и освободительныя мѣры со стороны правительства.

Кромѣ кружка Станкевича, въ первой половинѣ 30 годовъ въ Москвѣ существовалъ другой замѣчательный кружокъ, во главѣ котораго стоялъ Герценъ и въ которомъ участвовалъ Огаревъ. Въ то время, какъ члены перваго посвящали свои бесѣды поэзіи и философіи, молодые люди, участвовавшіе во второмъ, преимущественно интересовались вопросами исторіи и другихъ общественныхъ наукъ. Имъ попались въ руки брошюры сенъ-симонистовъ, ихъ проповѣди, изложеніе ихъ процессовъ. Все это было для нихъ открытіемъ. Но и въ русской жизни для нихъ былъ образецъ, которому они готовы были слѣдовать, а именно общество декабристовъ. Основаніе кружка было положено осенью 1831 г., когда Герценъ и Огаревъ перешли въ университетѣ на второй курсъ. Они вошли въ аудиторію съ мечтами основать зерно общества, подобное декабристамъ, и потому искали прозелитовъ и послѣдователей (первый товарищъ, вполнѣ къ нимъ примкнувшій, былъ нѣкто Сазоновъ). Юноши предавались самымъ восторженнымъ мечтамъ о предстоявшей имъ плодотворной дѣятельности и готовы были принести себя въ жертву ради дорогихъ идей. На окружавшую ихъ молодежь они смотрѣли, какъ на благодарную почву, гдѣ легко будетъ посѣять сѣмена своего ученія: они

[1]) „Русская Старина“ 1883 г., № 11, стр. 419.

проповѣдывали вездѣ и всегда, хотя, по собственному признанію Герцена, и не всегда отдавали себѣ ясный отчетъ въ томъ, чему они учили. Они проповѣдывали идеи и декабристовъ, и французской революціи, и сенъ-симонизмъ, и конституцію, и республику, и чтеніе политическихъ книгъ, и необходимость сосредоточенія силъ въ одномъ обществѣ. Но вполнѣ яснымъ и послѣдовательнымъ въ этой проповѣди было, во всякомъ случаѣ, одно: ненависть ко всякому насилію и произволу. Никакого тайнаго общества, нужно замѣтить, они никогда не составляли, но они нашли немало людей, имъ симпатизировавшихъ, и въ университетскихъ стѣнахъ, и внѣ ихъ [1]). Въ 1834 г. члены кружка были арестованы, такъ какъ администрація взглянула на него, какъ на тайное общество. Слѣдственная коммиссія на допросахъ старалась подробнѣе обсуждать взгляды подсудимыхъ, ихъ мысли, „несвойственныя духу правительства, мнѣнія революціонныя и проникнутыя пагубнымъ ученіемъ Сенъ-Симона“, но подсудимымъ объяснять было нечего, такъ какъ ихъ юношескія мечты всецѣло вылились въ найденныхъ у нихъ письмахъ и замѣткахъ. Не доискавшись замысловъ противъ правительства, члены коммиссіи остались, все-таки, въ увѣренности, что тутъ составлялось тайное общество и что окончательной его организаціи помѣшалъ только арестъ членовъ кружка. Въ 1835 г. Герценъ былъ сосланъ въ Пермь, а оттуда въ Вятку; Огаревъ, въ виду того, что его отецъ былъ разбитъ параличемъ, отправленъ къ нему въ Пензу. Пребываніе въ провинціи дало Герцену возможность взглянуть на существующій порядокъ не черезъ философскія очки, сквозь которыя смотрѣлъ Бѣлинскій. Столкновеніе между двумя выдающимися представителями совершенно противуположныхъ взглядовъ было неминуемо при первомъ же знакомствѣ, которое произошло въ Москвѣ въ 1839 г съ возвращеніемъ Герцена изъ Владиміра и до переѣзда Бѣлинскаго въ октябрѣ этого года въ Петербургъ. Когда въ споръ Бѣлинскому въ упоръ поставили вопросъ о разумной дѣйствительности въ примѣненіи къ настоящему положенію Россіи, онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ подтвердилъ всѣ послѣдствія своего взгляда. Когда лѣтомъ 1840 г. Герценъ съ семьей переселился въ Петербургъ, споры возобновились и постепенно Бѣлинскій окончательно отрѣшился отъ своихъ прежнихъ воззрѣній и чрезвычайно сблизился съ Герценомъ [2]); но петербургская жизнь послѣдняго была непродолжительна: черезъ годъ, за сообщеніе въ письмѣ ходившаго по городу слуха о какомъ-то убійствѣ, будто бы совершенномъ полицейскимъ солдатомъ, онъ долженъ былъ отправиться на службу въ Новгородъ. Въ 1841 г. Бѣлинскій писалъ Боткину:

---

[1]) Сочиненіе Герцена VI, 194—199, IX, 106—109.

[2]) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ можно найти въ извѣстномъ трудѣ *А. Н. Пыпина*: „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“. Спб., 1876 г.

„Ты знаешь мою натуру... Я съ трудомъ и болью разстаюсь съ старою идеею, отрицаю ее до-нельзя, а въ новую перехожу со всѣмъ фанатизмомъ прозелита. И такъ, я теперь въ новой крайности, это идея *соціализма*, которая стала для меня идеею идей, — альфою и омегою, вѣрой и знаніемъ". „Соціальность... вотъ девизъ мой, — говоритъ онъ въ томъ же письмѣ. — Что мнѣ въ томъ, что живетъ общее, когда страдаетъ личность? Что мнѣ въ томъ, что геній на землѣ живетъ въ небѣ, когда толпа валяется въ грязи? Что мнѣ въ томъ, что *я* понимаю идею, что мнѣ открытъ міръ идеи въ искуствѣ, въ религіи, въ исторіи, когда не могу этимъ дѣлиться со всѣми, кто долженъ быть моими братьями по человѣчеству, моими ближними по Христѣ, но кто мнѣ чужіе и враги по своему невѣжеству? Что мнѣ въ томъ, что для избранныхъ есть блаженство.. если оно у меня не общее съ меньшими братіями моими? Сердце мое обливается кровью и судорожно содрогается при взглядѣ на толпу и ея представителей. Горе, тяжелое горе овладѣваетъ мною при видѣ и босоногихъ мальчишекъ, играющихъ на улицѣ въ бабки, и оборванныхъ нищихъ, и пьянаго извощика, и идущаго съ развода солдата, и бѣгущаго съ портфелемъ подъ мышкою чиновника, и довольнаго собою офицера, и гордаго вельможи. Подавши грошъ солдату, я чуть не плачу; подавши грошъ нищей, я бѣгу отъ нея, какъ будто сдѣлавши худое дѣло. И это жизнь: сидѣть на улицахъ въ лохмотьяхъ съ идіотскимъ выраженіемъ на лицѣ, набирать днемъ нѣсколько грошей, а вечеромъ пропить ихъ въ кабакѣ; — и люди это видятъ, и никому до этого нѣтъ дѣла!.. И это общество, на разумныхъ началахъ существующее, явленіе дѣйствительности!.. И послѣ этого имѣетъ ли право *человѣкъ* забываться въ искуствѣ въ знаніи? Я ожесточенъ противъ всѣхъ субстанціальныхъ началъ, связывающихъ, въ качествѣ вѣрованія, волю человѣка" [1]).

Попытки Бѣлинскаго затронуть въ печати волновавшіе его вопросы должны были разбиваться о цензурныя преграды, и только въ перепискѣ онъ могъ до извѣстной степени отвести душу, — лишь до извѣстной степени, такъ какъ писать по почтѣ нужно было также съ оглядкой. Напомнимъ, что нѣсколько позднѣе, въ началѣ 50 годовъ даже такія высокопоставленныя лица, какъ гр. Киселевъ и кн. Воронцовъ, не рѣшались ввѣрять обыкновенной почтѣ самую невинную свою переписку объ ограниченіи крѣпостнаго права. Понятно, почему и Бѣлинскій не говоритъ здѣсь прямо о крестьянскомъ вопросѣ, но какъ могъ онъ относиться къ крѣпостному праву—понятно изъ предъидущей выписки [2]).

Многіе изъ русскихъ молодыхъ людей тщательно изучали въ то время французскія соціалистическія сочиненія. Вотъ что разсказываетъ объ

---

[1]) Бѣлинскій II, 82, 99, 105, 122, 125—126, 169.

[2]) Когда мать Бѣлинскаго умерла, не успѣвъ осуществить своего намѣренія относительно освобожденія крѣпостной дѣвушки, о которой она переписывалась съ сыномъ въ 1834 г., и когда сестра Виссаріона Григорьевича не намѣрена была исполнить этого желанія матери, Бѣлинскій написалъ въ 1840 г. брату: „Въ этомъ поступкѣ я не узнаю и не признаю своей сестры. Если у ней нѣтъ человѣческаго чувства, то хотя бы изъ уваженія къ памяти матери выполнила ея волю. Впрочемъ, я думаю, что ты не такъ мнѣ передалъ это дѣло: мнѣ пріятно думать, что моя сестра неспособна къ такому черному дѣлу". „Рус. Стар." XV т., 346, 347.

этомъ П. В. Анненковъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Когда осенью 1845 г. я прибылъ въ Петербургъ изъ-за границы, то встрѣтилъ дома отраженіе многихъ сторонъ тогдашней интеллектуальной жизни Парижа. Книга Прудона о собственности, „Икарія“ Кабе, сочиненія Фурье. — все это служило предметомъ изученія, горячихъ толковъ, вопросовъ и чаяній всякаго рода.. Книги названныхъ авторовъ были во всѣхъ рукахъ въ эту эпоху (1840—43 гг.), „подвергались всестороннему изученію и обсужденію, породили, какъ прежде Шеллингъ и Гегель, своихъ ораторовъ, комментаторовъ, толковниковъ“. Бѣлинскій, изучивъ передъ тѣмъ исторію большой французской революціи по сочиненію Тьера, „уже на моихъ глазахъ“, говоритъ Анненковъ, принялся за другую исторію того же событія... за сочиненіе Кабе: «Le peuple»... Эти и другія, совершенно противуположныя по духу сочиненія служили Бѣлинскому просто средствомъ отыскать первыя сѣмена соціализма, заброшенныя переворотомъ 89 г. на европейскую почву, ему нужно было видѣть его зачатки съ конвентомъ, парижской коммуной, героями стараго коммунизма Бабефомъ и Буанаротти, чтобы распознать современную его физіономію и понять основательно нѣкоторые его ходы въ нашу эпоху. Никакого рѣшенія, по мнѣнію Анненкова, по всѣмъ этимъ явленіямъ онъ не имѣлъ, да и всѣми предлагаемыми тогда рѣшеніями былъ недоволенъ. Необычайное впечатлѣніе произвела на него только книга Луи Блана «Histoire de dix ans», о которой онъ съ восторгомъ заговорилъ съ Анненковымъ почти въ первую же минуту свиданія [1])

Въ то время, когда одинъ изъ пріятелей Герцена, Бѣлинскій, вырабатывалъ себѣ теоретическія воззрѣнія на общественныя явленія, рѣзко противуположныя его міросозерцанію во второй половинѣ 1830 г., другой пріятель, другъ юности, Н. П. Огаревъ, пытался на практикѣ бороться съ крѣпостнымъ правомъ и еще въ 1840 г. заключилъ съ своими крестьянами рязанской губерніи договоръ объ увольненіи ихъ въ свободные хлѣбопашцы. Мы видѣли въ VIII главѣ нашей статьи, что условія этого договора были весьма и весьма нелегки, но, если вѣрить свидѣтельству Анненкова, Огаревъ самъ этого не подозрѣвалъ и „радовался своему подвигу“. По словамъ того же автора, Огаревъ „собирался приложить и къ другимъ, менѣе богатымъ деревнямъ своимъ такую же систему освобожденія, хотя и на иныхъ началахъ. Здѣсь, на основаніи модной тогда экономической теоріи, проповѣдывавшей о благодѣяніяхъ фабрикъ для сельскаго населенія, онъ хотѣлъ учреждать по мѣрѣ силъ и примѣняясь къ требованіямъ разныхъ округовъ, фабрики (основанныя) на вольномъ трудѣ, которыя дали бы крестьянину возможность находить всегда зара-

---

[1]) *Анненков.*, „Замѣчат. десятилѣтіе“, Вѣст Евр. 1880 г. № 2, стр. 506—508

ботокъ, готовый отвѣтъ на свои нужды, *освободить отъ принудительной работы* и снять съ него бремя податей и повинностей [1]). „Какъ я люблю этотъ народъ,—писалъ Огаревъ въ это время пріятелю,—какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы они почитали меня за друга, который имъ желаетъ добра и сдѣлаетъ имъ его. Можетъ быть, современемъ, устроивши фабрику, я похлопочу о „комитетѣ поощренія фабрикъ и заводовъ". Вотъ новые прожекты. Не знаю, понравятся ли, но я ихъ вижу теперь сквозь призму энтузіазма Скажи мнѣ еще разъ, могъ ли я понравиться крестьянамъ? Достигъ ли я своей цѣли? Видятъ ли во мнѣ доброжелателя? Кто мнѣ скажетъ: да! то я радуюсь, какъ ребенокъ" [2]). Мы видѣли выше, что, по крайней мѣрѣ, крестьяне рязанской вотчины Огарева не могли быть имъ особенно довольны, а остальные его планы относительно своихъ крѣпостныхъ, если не ошибаемся, остались въ области мечтаній [3]).

Между тѣмъ, Герценъ, коротая дни въ новгородской ссылкѣ, интересовался всякою новостью по крестьянскому вопросу, не только въ силу своихъ общихъ воззрѣній, но и потому, что въ томъ отдѣленіи губернскаго правленія, гдѣ ему пришлось служить, сосредоточивались, между прочимъ, дѣла крестьянъ, жаловавшихся на помѣщиковъ, и обратно, и о крѣпостныхъ людяхъ, отыскивающихъ свободу [4]). Ему удавалось иногда добиться освобожденія дѣвушки, неправильно закрѣпощенной, или отдать подъ опеку имѣніе жестокаго помѣщика [5]) Указъ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ не могъ, конечно, удовлетворить Герцена [6]).

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ Анненковъ говоритъ, что предполагаемыя фабрики должны были освободить крестьянъ „отъ платежа барскихъ и государственныхъ повинностей".

Анненковъ. „Идеалисты тридцатыхъ годовъ". „Вѣст. Евр." 1883 г. № 4, стр. 512, № 3, стр. 171.

[2]) Въ собраніи стихотвореній Огарева, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1856 г., мы только въ одномъ мѣстѣ находимъ опредѣленный намекъ на крѣпостное право. Въ стихотвореніи „Зимній путь", посвященномъ П. В. А. (безъ сомнѣнія, Анненкову), авторъ упоминаетъ о сосѣдкахъ, „боевыя ручки" которыхъ отъ узорчатой канвы и банокъ съ кареньемъ

„Перебираются къ щекамъ
Своихъ запуганныхъ служанокъ!" (стр. 148).

[3]) Ст. Анненкова, „Вѣстн. Евр. 1883 г. № 4, стр. 521.

[4]) Сочиненія Герцена, VII, 203—206.

[5]) „Апрѣля 2, писалъ онъ,— вышелъ указъ, дозволяющій помѣщикамъ дѣлать условія съ крестьянами, которые остаются при землѣ, но уже дѣлаются въ среднемъ положеніи между крѣпостными и помѣщичьими, подъ названіемъ обязанныхъ. Причина, сказано,—чтобъ земли не выходили изъ дворянскихъ родовъ; но есть ли это ограниченіе права отпуска въ свободные хлѣбопашцы- ясно не видать. Сила обязательной указъ не имѣетъ: это предложеніе тѣмъ кто хотятъ. Побудительной причины хотѣть не предвидится. Состояніе у крестьянъ мнимо улучшится. Это ex-attachés à la glèbe среднихъ вѣковъ, la gente corvéable et taillable. Замѣчателенъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, объявляющій, что въ этомъ указѣ (который давно былъ ожидаемъ) ничего новаго нѣтъ, что онъ относится къ желающимъ и чтобъ не смѣли *подразумѣвать* иной смыслъ,

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1842 года, т. е. черезъ годъ послѣ пріѣзда въ Новгородъ, Герцену удалось переселиться въ Москву.

Крестьянскій вопросъ въ Россіи, конечно продолжалъ занимать Герцена. Въ маѣ 1843 г. онъ познакомился въ Москвѣ съ извѣстнымъ изслѣдователемъ нашего отечества, бар. Гакстгаузеномъ, и такъ передаетъ свое впечатлѣніе отъ этого знакомства: „Я имѣлъ случай говорить съ Гакстгаузеномъ: меня удивилъ ясный взглядъ на бытъ нашихъ мужиковъ, помѣщичью власть, земскую полицію и управленіе вообще. Онъ находитъ важнымъ элементомъ сохранившуюся изъ древности общинность (т. е. общинное землевладѣніе), ее-то надобно развивать сообразно требованіямъ времени. Индивидуальное освобожденіе съ землею и безъ земли онъ не считаетъ полезнымъ: оно противопоставляетъ единичную слабую семью всѣмъ страшнымъ притѣсненіямъ земской полиціи .. Онъ хотѣлъ, чтобъ ему сказали нормальное отношеніе помѣщичьихъ крестьянъ къ господину, напр., въ московской губерніи, алгебраическую формулу, такъ сказать. Но это вздоръ; если бъ отношеніе общины сельской къ помѣщику измѣнялось съ ея величиною, съ количествомъ земель или иныхъ условій жизни, тогда можно бы понять какую-нибудь норму Это не такъ. Состояніе общины N зависитъ отъ того, что помѣщикъ ея богатъ или бѣденъ, служитъ или не служитъ, живетъ въ Петербургѣ или деревнѣ, управляетъ самъ или прикащикомъ. Вотъ это-то и есть жалкая и безпорядочная случайность, подавляющая собою развитіе Между прочимъ, говоря о дворовыхъ людяхъ и мастеровыхъ, бар. Гакстгаузенъ замѣтилъ: „il y a des principes d'un saint-simonisme renversé (à chacun selon ses talents), т. е. что чѣмъ талантливѣе, тѣмъ больше дуютъ съ него оброка Демократическая нивелировка".

Лѣто 1843 г. Герценъ провелъ въ селѣ Покровскомъ и могъ здѣсь хорошо познакомиться съ положеніемъ нашего народа. „Бѣдный русскій мужикъ! -писалъ онъ въ это время. И что досаднѣе всего видѣть,—средство поправить его состояніе по большей части подъ руками. алчность помѣщиковъ и неустройство государственныхъ крестьянъ повергаетъ ихъ въ это положеніе... Возлѣ ихъ бѣдныхъ полей богатыя поля помѣщика, обработанныя его руками, скирды хлѣба, копны сѣна. Какое ангельское самоотверженіе! Сегодня приходили къ окну нищіе изъ сосѣдней деревни, помѣщикъ выгоняетъ ихъ на работу поголовно, у нихъ хлѣба нѣтъ, это бросается въ глаза, а если есть только хлѣбъ, то совѣсть помѣщика чиста Чего же имъ болѣе? они сыты Мы дивимся гладіаторамъ, а развѣ черезъ вѣкъ не будутъ дивиться намъ, нашей свирѣпой жестокости, отсутствію человѣколюбія въ насъ? Чѣмъ мы лучше суринамскихъ колонистовъ, англичанъ въ Индіи? Нѣтъ, мы хуже, потому, что крестьяне наши лучше

мнимое освобожденіе крестьянъ etc. etc. Ne reveillez pas le chat, qui dort!" Сочиненія Герцена I, 11.

дикихъ; кротко, грустно несутъ они тяжелый крестъ жизни, черно проводятъ ее, имѣя въ перспективѣ розги, голодъ и барщину, если оброчный—рекрутство, взятіе во дворъ. Наши славянофилы толкуютъ объ общинномъ началѣ, о томъ, что у насъ нѣтъ пролетаріевъ, о раздѣлѣ полей; все это хорошіе зародыши, и долею они основаны на неразвитости; такъ, у бедуиновъ право собственности не имѣетъ эгоистичнаго характера европейскаго; но они забываютъ, съ другой стороны, отсутствіе всякаго уваженія къ себѣ, глупую выносливость всякихъ притѣсненій, — словомъ возможность жить при такомъ порядкѣ дѣлъ. Мудрено ли, что у нашего крестьянина не развилось право собственности въ смыслѣ личнаго владѣнія, когда его полоса—не его полоса, когда даже жена, дочь и сынъ не его? Какая собственность у раба? Онъ хуже пролетарія: онъ res, орудіе для обработыванія полей Баринъ не можетъ убить его, также какъ не могъ при Петрѣ въ извѣстныхъ мѣстахъ срубить дубъ. „Дайте ему право суда, тогда только онъ будетъ человѣкомъ. 12 мил. людей hors la loi. Carmen horrendum".

Во время новгородской ссылки въ 1841 г. Герценъ началъ писать свой романъ „Кто виноватъ?", но окончилъ его лишь черезъ 5 лѣтъ, въ Москвѣ. Вполнѣ напечатанъ онъ былъ, кромѣ нѣкоторыхъ цензурныхъ исключеній, въ „Современникѣ" 1847 г. Въ этомъ произведеніи во многихъ мѣстахъ затрогивалось крѣпостное право Такъ, помѣщикъ Негровъ, придавъ свою крѣпостную дѣвушку сдѣлаться его любовницей, затѣмъ приказываетъ жениться на ней своему камердинеру. Барыня, крѣпостною которой была въ молодости мать Бельтова, занималась *продажею мирскій въ рекруты, не стѣсняясь очередью* (эти слова не были въ свое время пропущены цензурой, несмотря на смягчающую оговорку: „это было очень давно, и что теперь рѣдко встрѣчается, то было еще въ обычаѣ тогда" [1]). Она же, отправивъ 3—4 дворовыхъ дѣвочекъ въ одинъ московскій пансіонъ, выростила въ нихъ крѣпостныхъ гувернантокъ, которыхъ и отдавала въ дворянскія семьи за извѣстную плату, которая шла, разумѣется въ ея пользу. Одной изъ нихъ она дозволяетъ выкупиться за 2,000 р., а до взноса всей суммы налагаетъ ежегодный оброкъ въ 120 р. Дубасовская предводительша собственноручно бьетъ мальчика-лакея за разбитую тарелку, а ея супруга авторъ характезируетъ такъ:

„Это былъ образецъ кротости въ семейныхъ дѣлахъ; странно было видѣть, какъ измѣнялся онъ, переходя изъ конюшни въ столовую, съ гумна въ спальню или диванную. Если бъ мы не имѣли достовѣрныхъ документовъ отъ извѣстныхъ путешественниковъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что одинъ и тотъ же англичанинъ можетъ быть отличнѣйшимъ плантаторомъ и прекраснымъ отцомъ семейства, то мы сами усомнились бы въ возможности такой двойственности. Впрочемъ

[1]) Или мѣсто, гдѣ затрогивалось крѣпостное право, было еще не пропущено цензурою слѣдующее: „Губернаторъ возненавидѣлъ Круциферскаго *не за то, что онъ не далъ свидѣтельства о естественной смерти запьянствовавшему кучеру одной помѣщика*".

разсуждалъ глубже, можно замѣтить, что это такъ и должно быть: внѣ дома т. е. на конюшнѣ и на гумнѣ, Карпъ Кондратьевичъ велъ войну, былъ полководцемъ и наносилъ врагу наибольшее число ударовъ; врагами его, разумѣется, являлись непокорные крамольники — лѣнь, не совершенная преданность его интересамъ, не совершенное посвященіе себя четверкѣ гнѣдыхъ и другія преступленія. Въ залѣ своей, напротивъ... и т. д. [1]).

Въ повѣсти „Сорока-воровка", оконченной въ началѣ 1846 года, напечатанной въ „Современникѣ" и имѣвшей, по свидѣтельству Бѣлинскаго, большой успѣхъ, Герценъ затрогиваетъ также крѣпостное право, и именно ужасное положеніе крѣпостной интеллигенціи. Тутъ, подъ именемъ кн. Скалинскаго изображенъ извѣстный гр. Каменскій и его крѣпостная труппа, провинившихся актеровъ которой отправляютъ на мѣсяцъ въ сибирку, заставляютъ тамъ твердить роли и прямо оттуда приводятъ на сцену. Героиня повѣсти, крѣпостная актриса князя, разсказываетъ свою ужасную судьбу: прежній ея помѣщикъ, добрый и простой человѣкъ, уважалъ ее, цѣнилъ ея таланты, далъ средства выучиться по-французски, возилъ съ собою въ Италію, Парижъ, гдѣ она видѣла игру Тальмы и Марсъ, и послѣ полугодовой жизни въ Парижѣ она вернулась на провинціальный театрикъ: но помѣщикъ умираетъ скоропостижно, не давъ ей свободы, и труппу покупаетъ кн. Скалинскій. Здѣсь талантливая артистка невыносимо страдаетъ отъ преслѣдованій князя, терпитъ гоненія за то, что не хочетъ сдѣлаться его любовницей, и наживаетъ чахотку [2]).

Въ маѣ 1846 г. умеръ отецъ Герцена. Старикъ Яковлевъ и его братъ, сенаторъ, взаимно завѣщали другъ другу родовое имѣніе, съ тѣмъ, чтобы получившій наслѣдство передалъ его въ свое время ихъ племяннику Голохвастову. Часть своего имѣнія отецъ Герцена продалъ и назначилъ сыну Александру капиталъ, и, кромѣ того, далъ ему небольшое имѣніе въ костромской губерніи; затѣмъ все остальное имѣніе по духовному завѣщанію старика Яковлева перешло къ Голохвастову, а капиталъ и дома были завѣщаны матери Александра Ивановича, ему и его брату, съ условіемъ равнаго раздѣла. Въ завѣщаніи было, между прочимъ, сказано, что всѣ дворовые, хорошо и усердно служившіе, должны быть отпущены на волю Голохвастовъ, не зная, кто и какъ служилъ въ домѣ, предоставилъ А. И. Герцену разборъ ихъ правъ. Онъ помѣстилъ въ списокъ всѣхъ

---

[1]) Сочиненія Герцена III, 19—23, 39, 101—104, 163—164, 176—177, 182.

[2]) До какой степени цензура старалась выправлять всякій намекъ на крѣпостное право, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Въ „Современникѣ" за 1847 г. была напечатана другая статья Герцена: „Объ историческомъ развитіи чести". Въ ней, между прочимъ, были исключены цензурою слѣдующія мѣста: „Переходъ отъ авторитета къ авторитету похожъ на то что дѣлали въ старину наши крестьяне: они пользовались Юрьевымъ днемъ только для того, чтобы, по собственному выбору, избрать барина нѣсколько получше". Или: „Вильберфорсъ началъ своевольно хлопотать объ освобожденіи негровъ и послѣ долгихъ, многолѣтнихъ трудовъ достигъ желаемаго.

до одного служившихъ его отцу, но о свободѣ просили и разные дворовые прежнихъ поколѣній со своимъ потомствомъ, явились съ такою же просьбою даже и никогда не служившіе въ домѣ, а всегда ходившіе по паспортамъ. Герценъ далъ всѣмъ свидѣтельства, и Голохвастовъ, хотя и понималъ, что половина этихъ лицъ никогда не была на службѣ, выдалъ имъ отпускныя. Широко надѣливъ, такимъ образомъ, свободою съ разрѣшенія Голохвастова дворовыхъ своего отца, Герценъ, однако, не позаботился передъ отъѣздомъ за границу, задуманномъ имъ еще до смерти старика Яковлева, объ освобожденіи крестьянъ своего костромскаго имѣнія, на которое впослѣдствіи былъ наложенъ секвестръ. Такъ какъ пожалованіе населенныхъ имѣній прекратилось еще въ началѣ царствованія Александра I, то, слѣдовательно, крестьяне этого имѣнія, безъ сомнѣнія, остались въ казенномъ вѣдомствѣ, и, такимъ образомъ, сама судьба доставила свободу тѣмъ крѣпостнымъ, объ увольненіи которыхъ не подумалъ Александръ Ивановичъ. Упомянемъ кстати, что близкій пріятель Герцена и Огарева и членъ ихъ кружка, существовавшаго въ первой половинѣ 1830 г., Сазоновъ, избавившійся тогда какимъ-то чудомъ отъ ареста и нѣсколько позднѣе эмигрировавшій заграницу, продолжалъ тамъ, при посредствѣ своихъ сестеръ, получать по 20 тыс. франковъ дохода съ своего имѣнія: очевидно, и онъ не освободилъ своихъ крестьянъ [1]).

Во время жизни Герцена въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, до отъѣзда заграницу, споры о новѣйшихъ ученіяхъ въ общественныхъ наукахъ постепенно привели къ рѣшительному разногласію въ кружкѣ нашихъ западниковъ. Грановскій относился отрицательно къ этимъ ученіямъ. „Признавая европейскій соціализмъ,—говоритъ П. В. Анненковъ, явленіемъ, которое уже не можетъ быть оставлено безъ вниманія ни историкомъ, ни вообще мыслящимъ человѣкомъ, онъ смотрѣлъ на него, какъ на болѣзнь вѣка, тѣмъ болѣе опасную, что она не ждетъ и не ищетъ помощи ни откуда. Соціализмъ,—говорилъ онъ,—чрезвычайно вреденъ тѣмъ, что пріучаетъ отыскивать разрѣшенія задачъ общественной жизни не на политической аренѣ, которую презираетъ, а въ сторонѣ отъ нея, чѣмъ и себя, и ее подрываетъ". Иначе отнеслись къ нему Герценъ и Бѣлинскій „Воинственные манифесты соціализма, возвѣщавшіе истребительный походъ его на европейскую цивилизацію, не приводили ихъ въ ужасъ. Они оба смотрѣли въ лицо всѣмъ симптомамъ разложенія, грозившимъ, по ихъ мнѣнію, Европѣ со стороны соціализма, не призывая, но и не ужасаясь развалинъ, которыя онъ долженъ произвести. Они думали что изъ пепла старой цивилизаціи Европы возникаетъ фениксъ,—новый порядокъ вещей, какъ вѣнецъ и послѣднее слово ея тысячелѣтняго развитія" [2]).

---

[1]) Сочиненія Герцена VII, 324, 329, 311—332, IX, 124.

[2]) *Анненковъ.* „Замѣч. десятилѣтіе". „Вѣсти. Евр." 1880 г. № 4, стр 469—470.

Въ 1847 г. Герценъ уже былъ заграницей, и въ 10 и 11 №№ „Современника“ за этотъ годъ появились его „Письма изъ Avenue Marigny“. Нѣкоторыя мѣста во второмъ письмѣ прямо задѣвали одну сторону жизни нашего крѣпостническаго общества, а именно неумѣнье обойтись безъ крѣпостной дворни, задѣвали живымъ описаніемъ свободной, не лишенной чувства человѣческаго достоинства, слѣдящей за журналами и газетами парижской прислуги [1]). Но не въ этихъ, довольно невинныхъ выходкахъ противъ крѣпостническихъ привычекъ русскаго общества заключалось значеніе „Писемъ изъ Avenue Marigny“. Они возбудили серьезное вниманіе читателей и весьма несходные отзывы даже среди друзей автора тѣмъ, что тутъ впервые вполнѣ ясно высказалось, насколько это было, разумѣется, возможно при тогдашнихъ условіяхъ нашей печати, отрицательное отношеніе къ западно-европейской буржуазіи, къ буржуазной политической экономіи и горячая вѣра въ грядущее значеніе четвертаго сословія. Для русской читающей публики было въ высокой степени важно и то, что авторъ этихъ статей придавалъ первостепенную важность вопросамъ экономическимъ и, требуя передачи въ руки рабочихъ орудій производства, такимъ образомъ ставилъ рабочій вопросъ на Западѣ, что отсюда было естественное и прямое приложеніе его взглядовъ и къ первостепенному вопросу русской жизни, — вопросу о паденіи крѣпостнаго права. Люди, сочувствовавшіе мнѣніямъ автора „Писемъ изъ Avenue Marigny“, были, само собою разумѣется, не только страстными ненавистниками крѣпостнаго права, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они могли желать освобожденія крестьянъ не иначе, какъ съ достаточнымъ земельнымъ надѣломъ и съ сохраненіемъ такого важнаго проявленія здравыхъ общественныхъ стремленій въ русскомъ народѣ, какъ общинное землевладѣніе. Вотъ почему мы и считаемъ необходимымъ останавливаться не только на взглядахъ Герцена и Бѣлинскаго на крестьянскій вопросъ, но хотя бѣгло указывать и на ихъ отношеніе къ современнымъ ученіямъ объ обществѣ. Въ то время приходилось еще доказывать первостепенную важность экономическихъ вопросовъ, и потому Герценъ въ четвертомъ изъ своихъ писемъ говоритъ: „Считать чѣмъ-то подчиненнымъ и грубымъ стремленіе къ развитію повсюднаго довольства, стремленіе вырвать у слѣпой случайности распредѣленіе силъ и орудій, привести трудъ, цѣнность, плату, обладаніе къ разумнымъ началамъ, къ незыблемымъ правиламъ, раскрыть дѣйствительные законы общественнаго достоянія могутъ одни закоснѣлые романтики и идеалисты. . Все несчастіе прошлыхъ переворотовъ состояло

[1]) „Вы всегда можете за дѣломъ [illegible] портье, — говоритъ Герценъ, — но, разумѣется, онъ померъ бы со смѣху, или разразился бы ругательствами, еслибъ вы его позвали на пятый этажъ затѣмъ, чтобъ онъ набилъ вамъ трубку или подалъ платокъ изъ другой комнаты; да въ этомъ-то и состоитъ нравственная выгода образованной жизни, что она отучаетъ отъ дикихъ привычекъ“.

именно въ упущеніи экономической стороны, которая тогда еще не была настолько зрѣла, чтобы занять свое мѣсто. Тутъ одна изъ причинъ, почему великія слова и идеи остались словами и идеями". Все это избитыя истины теперь, но было большою новостью въ русской литературѣ второй половины 40-хъ годовъ. Однако, указывая на важность экономическихъ явленій, Герценъ, въ то же время, предостерегаетъ читателей противъ буржуазной экономической науки. Политическая экономія, по его словамъ, послѣдовательно говорила неимущему: „не женись, не имѣй дѣтей, поѣзжай въ Америку, работай 12 часовъ или умирай съ голоду". Къ этимъ совѣтамъ, продолжаетъ Герценъ, наука прибавляла поэтическую сентенцію, что не всѣ приглашены природой на пиръ жизни, и злую иронію, что вольному воля, что нищій пользуется тѣми же гражданскими правами, какъ Ротшильдъ [1]).

Многое изъ высказаннаго въ этой статьѣ Герцена показалось въ западническомъ кружкѣ и теоретически-одностороннимъ, и практически-вреднымъ. Нѣкоторые изъ друзей Герцена считали его горячія филиппики противъ буржуазнаго политическаго и общественнаго строя несвоевременными, въ виду тогдашней русской дѣйствительности, и протесты противъ буржуазіи, по выраженію г. Анненкова, „непригодными для русскаго общества, которое еще лишено образовательныхъ элементовъ, принесенныхъ нѣкогда этой самой буржуазіей въ исторію". Но Бѣлинскій, попавъ заграницу, „обнаружилъ", по свидѣтельству того же автора, „воззрѣнія на западную культуру, близко подходившія къ воззрѣніямъ Герцена". Въ посланіи къ Боткину, который, восхищаясь литературною формою „Писемъ изъ Avenue Marigny", не соглашался съ ихъ направленіемъ, Бѣлинскій горячо защищаетъ Герцена: „Эти письма, — говоритъ онъ, — писались при мнѣ, на моихъ глазахъ", подъ живымъ впечатлѣніемъ фактовъ, не подлежащихъ сомнѣнію: не отвергая возможныхъ преувеличеній, Бѣлинскій рѣшительно не согласенъ съ тѣми осужденіями, какія высказывались московскими друзьями. Увлеченный защитой, Бѣлинскій пишетъ длинное разсужденіе о буржуазіи и другихъ общественныхъ вопросахъ того времени, о борьбѣ капитала и труда, по свидѣтельству г. Пыпина, въ томъ смыслѣ, какъ разсуждалъ объ этихъ вещахъ и авторъ „Писемъ" [2]). Нельзя не пожелать, ради уясненія міросозерцанія Бѣлинскаго въ послѣдніе годы его жизни, чтобъ это письмо было напечатано вполнѣ.

Не имѣя возможности высказывать свои идеи въ нашей печати, Бѣлинскій не могъ не придти въ страшное раздраженіе, когда вышло въ свѣтъ такое, идущее въ разрѣзъ съ стремленіями всѣхъ лучшихъ людей того времени, произведеніе и, къ тому же, принадлежащее перу геніаль-

[1]) „Современникъ", 1847 г. № 11, стр. 126—129.

[2]) „Замѣч. десятилѣтіе". „Вѣстн. Евр." 1880 г. № 4, стр. 505. *Пыпинъ*, Бѣлинскій II, 315—316.

наго и самимъ критикомъ превознесеннаго писателя, какъ „Переписка съ друзьями" Гоголя. Печатный разборъ Бѣлинскаго [1]) Гоголь принялъ за результатъ личнаго раздраженія и въ этомъ смыслѣ написалъ своему критику, когда тотъ лѣтомъ 1847 г. находился за границей. Бѣлинскій воспользовался этимъ случаемъ, чтобы отвести душу, и написалъ Гоголю свое знаменитое письмо изъ Зальцбрунна (15 іюня), разошедшееся въ спискахъ по всей Россіи, сдѣлавшееся своего рода знаменемъ и даже послужившее въ скоромъ времени однимъ изъ поводовъ къ обвиненію людей, сочувствовавшихъ высказаннымъ въ немъ идеямъ. Не имѣя въ виду говорить объ этомъ письмѣ во всемъ его объемѣ, тѣмъ болѣе, что оно еще не вполнѣ появилось въ нашей печати, мы приведемъ изъ него лишь то мѣсто, которое прямо касается крестьянскаго вопроса. „Вы не замѣтили,—писалъ онъ Гоголю,—что Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности, въ пробужденіи въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ потеряннаго въ грязи и навозѣ. Ей нужны... права и законы, сообразные... съ здравымъ смысломъ и съ справедливостью, и строгое, по возможности, выполненіе ихъ. А, вмѣсто того, она представляетъ собою ужасное зрѣлище, гдѣ люди торгуютъ людьми, не имѣя на то и того оправданія, какимъ лукаво пользуются американскіе плантаторы, утверждающіе, что негръ не человѣкъ. Это страна, гдѣ люди сами себя называютъ не именами, а кличками,—Ваньками, Степками, Палашками,—страна, гдѣ нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромная корпорація различныхъ служебныхъ воровъ и грабителей. Самые живые національные вопросы теперь: уничтоженіе крѣпостнаго права и отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе, по возможности, строгаго выполненія тѣхъ законовъ, которые уже есть. Вотъ вопросы, которыми тревожно занята Россія въ своемъ апатическомъ полуснѣ. И въ это-то время великій писатель, который дивно-художественными и глубокомысленными твореніями такъ могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи, давши ей возможность взглянуть на себя самое, какъ будто къ зеркалѣ, явился съ книгою, которою учитъ варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ побольше денегъ, ругая ихъ „неумытыми рылами". Да если бы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь, и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ, какъ за эти позорныя строки. Нѣтъ, если бы вы дѣйствительно прониклись Христова ученія, совсѣмъ не то писали бы вы къ вашему адепту изъ помѣщиковъ; вы бы писали ему, что такъ какъ его крестьяне его братья по Христу и какъ братъ его не можетъ быть рабомъ своего брата, то онъ долженъ дать имъ свободу, или, по край-

[1]) „Современникъ" 1847 г., № 2; Собраніе Сочиненій, т. XI, стр 80—103. См. особенно стр. 90—92.

ней мѣрѣ, пользоваться ихъ трудами какъ можно льготнѣе для нихъ, сознавая себя въ глубинѣ своей совѣсти въ ложномъ къ нимъ положеніи. А выраженіе: „ахъ, ты, немытое рыло!“... да у какого Ноздрева или у какого Собакевича подслушали вы его, чтобы передать міру, какъ великое открытіе въ пользу назиданія русскихъ мужиковъ, которые и безъ того потому не умываются, что повѣрили своимъ барамъ, сами себя не считая за людей? А ваше понятіе о національномъ русскомъ судѣ, расправѣ, идеалъ котораго вы нашли въ словахъ глупой бабы въ повѣсти Пушкина и по разуму котораго должно пороть и праваго, и виноватаго![1])... Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ правъ, что вы дѣлаете? Взгляните себѣ подъ ноги; вѣдь вы стоите надъ бездною!. Вспомнилъ я еще, что въ вашей книгѣ вы утверждаете, какъ великую и неоспоримую истину, будто простому человѣку грамота не только не полезна, но положительно вредна. Что сказать вамъ на это? Да проститъ вамъ Богъ за эту мысль, если только передавая ее бумагѣ, вы вѣдали, что творили...“[2]). Сравнивъ приведенныя слова съ тѣмъ, что могъ Бѣлинскій сказать въ печати по поводу „Переписки съ друзями“, мы видимъ, какъ мало имѣлъ возможности высказываться о крестьянскомъ вопросѣ въ своихъ статьяхъ нашъ знаменитый критикъ.

Когда Бѣлинскій, по пріѣздѣ въ Парижъ, прочелъ свое письмо Герцену въ полномъ объемѣ, тотъ шепнулъ на ухо П. В. Аннекову: „это геніальная вещь, да это, кажется, и завѣщаніе его“[3]. Дѣйствительно, здоровье Бѣлинскаго въ это время возбуждало самыя серьезныя опасенія. Здѣсь же, въ Парижѣ Бѣлинскій получилъ и отвѣтъ Гоголя, который, видимо, былъ пораженъ посланіемъ своего прежняго горячаго поклонника. „Я не могъ отвѣчать на наше письмо,—говоритъ Гоголь.—Душа моя изнемогла, все во мнѣ потрясено; могу сказать, что не осталось чувствительныхъ струнъ, которымъ не было бы нанесено пораженіе еще прежде, нежели я получилъ ваше письмо. Письмо ваше я прочелъ почти безчувственно, но, тѣмъ не менѣе, былъ не въ силахъ отвѣчать на него. Да и что мнѣ отвѣчать? Богъ вѣсть, можетъ быть, въ вашихъ словахъ есть часть правды...“ Гоголь, видимо, не могъ ориентироваться въ тѣхъ разнообразныхъ замѣчаніяхъ, которыя вызвала „Переписка съ друзьями“. Онъ сообщаетъ Бѣлинскому, что получилъ уже около 50 писемъ объ этой

---

[1]) Въ главѣ „Сельскій судъ и расправа“ Гоголь говоритъ. „А если разобрать каждое изъ дѣлъ нашихъ, придешь къ тому же знаменателю, то-есть оба виноваты, и видишь, что весьма здраво поступила комендантша, пославши поручика разсудить городоваго солдата съ бабою, подравшихся въ банѣ за деревянную шайку, снабдивъ его такою инструкціею. „разбери, кто правъ, кто виноватъ, да обоихъ и накажи“.

[2]) „Вѣстникъ Европы“ 1872, № 7. стр. 439—441.

[3]) *Аннековъ*. „Замѣч. десят.“ „Вѣстн. Евр.“ 1880 г. № 5.

книгѣ, и нѣтъ двухъ человѣкъ, мнѣнія которыхъ были бы согласны. Онъ приходитъ только къ убѣжденію, что не знаетъ Россіи, что многое въ ней измѣнилось и что ему нельзя издать двухъ строкъ о ней до тѣхъ поръ, пока, возвратившись на родину, онъ не увидитъ „многаго собственными глазами и не пощупаетъ собственными руками". Онъ, однако же, полагаетъ, что и противникъ его, быть можетъ, заблуждается во многихъ отношеніяхъ [1]).

Но, кромѣ этого отвѣта Гоголя, полученнаго Бѣлинскимъ, былъ написанъ еще другой, разорванный авторомъ и возстановленный издателемъ его переписки по сохранившимся клочкамъ; здѣсь Гоголь гораздо суровѣе и рѣзче относится къ Бѣлинскому. Оставаясь въ предѣлахъ крестьянскаго вопроса, упомянемъ, что, по словамъ Гоголя, въ его сочиненіи нѣтъ протеста противъ грамотности, а относительно положенія крѣпостныхъ онъ упрекаетъ Бѣлинскаго въ томъ, что слова послѣдняго о помѣщикахъ „отзываются временами фонъ-Визина. Съ тѣхъ поръ много, много измѣнилось въ Россіи, и теперь показалось многое другое. Что для крестьянъ выгоднѣе правленіе одного помѣщика, который воспитался въ университетѣ и, стало быть, уже многое долженъ чувствовать..." (окончаніе фразы оборвано). „Не стыдно ли вамъ,—говоритъ Гоголь далѣе,—въ уменьшительныхъ именахъ нашихъ, которыя даемъ мы иногда и товарищамъ, видѣть (порабощеніе)? Вотъ до какихъ ребяческихъ выводовъ доводитъ невѣрный взглядъ на главный предметъ!" [2])

Въ октябрѣ 1847 г. Бѣлинскій возвратился изъ за границы въ Петербургъ. Тутъ онъ былъ крайне обрадованъ добрыми вѣстями по самому важному для него въ это время крестьянскому вопросу, и онъ поспѣшилъ, при первой возможности, подѣлиться ими съ проживавшимъ тогда за границей П. В. Анненковымъ. Писать въ Россіи по почтѣ о подобныхъ дѣлахъ было немыслимо, но, къ счастію, нашлась оказія до Берлина, откуда письмо и было отправлено уже почтою. Приводимъ тѣ мѣста изъ этого огромнаго посланія (сообщеннаго намъ А. Н. Пыпинымъ), гдѣ авторъ трактуетъ о крестьянскомъ вопросѣ, и которыхъ мы не цитировали еще въ предъидущихъ главахъ; оно служитъ лучшимъ доказательствомъ, какъ горячо относился Бѣлинскій къ вопросу о паденія крѣпостнаго права. Письмо это написано въ ноябрѣ или декабрѣ 1847 года.

„Дражайшій мой Павелъ Васильевичъ! Не удивляйтесь сему посланію, столь интересному по его содержанію: вы его получаете изъ Берлина. Больше ничего не скажу на этотъ счетъ, но прямо приступлю къ изложе-

---

[1]) *Пыпинъ*. „Характеристики литератур. мнѣній". Спб. 1873 г., стр. 399.

[2]) Сочиненія Гоголя, изд. Кулиша, т. VI, 384—85. О грамотности народа, ср стр. 386—387.

нію тѣхъ необыкновенно интересныхъ русскихъ новостей, которыя заставили меня на этотъ разъ взяться за перо.

„Тотчасъ же по пріѣздѣ услышалъ я, что въ правительствѣ нашемъ происходитъ большое движеніе по вопросу объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Г. И. (Государь Императоръ) вновь и съ бо́льшею противъ прежняго энергіею изъявилъ свою рѣшительную волю касательно этого великаго вопроса. Разумѣется, тѣмъ болѣе рѣшительную волю и искуство обнаружили окружающіе его *отцы отечества*, чтобы отвлечь его волю отъ этого крайне непріятнаго имъ предмета. Искренно раздѣляетъ желаніе Г. И. только одинъ Кслвъ (Киселевъ): самый рѣшительный и, къ несчастію, самый умный и знающій дѣло противникъ этой мысли—Мншкъ (Меншиковъ)...“ Далѣе Бѣлинскій сообщаетъ о запросѣ, сдѣланномъ правительствомъ тульскому дворянству, каковы его намѣренія по крестьянскому вопросу [1]), и затѣмъ продолжаетъ: „Перовскій выписалъ въ Питеръ Маслова для совѣщанія съ нимъ о средствахъ разрѣшить вопросъ на дѣлѣ. Трудность этого рѣшенія заключается въ томъ, что правительство рѣшительно не хочетъ дать свободу крестьянамъ безъ земли, боясь пролетаріата, и, въ то же время, не хочетъ, чтобы дворянство осталось безъ земли, хотя бы и при деньгахъ Вы имѣете понятіе о Масловѣ. Это человѣкъ не глупый, но пустой и ничтожный, болтунъ на всѣ руки, либералъ на словахъ и ничто на дѣлѣ. Роль, которую онъ теперь играетъ, забавляетъ его самолюбіе и даетъ пищу болтовнѣ, а онъ и безъ того помолчать не любитъ. Онъ говоритъ, что въ губерніи его считаютъ Вашингтономъ (по его, это значитъ быть радикаломъ въ либерализмѣ), а вотъ мы, молодое поколѣніе, хотѣли бы его повѣсить, какъ консерватора, хотя, по правдѣ, мы не считаемъ его достойнымъ такого строгаго наказанія, а думаемъ, что довольно было бы прогнать его по шеѣ къ его лошадямъ, на заводъ, писать для нихъ конституцію: это его настоящее мѣсто — конюшня [2])... Перовскій, который въ душѣ своей противъ освобожденія рабовъ, а по своему шаткому положенію (онъ теперь въ немилости) объявилъ себя (съ Уваровымъ) за необходимость освобожденія [3]), радъ, что нашелъ въ Масловѣ человѣка, къ которому можетъ посылать всѣхъ для переговоровъ. Но не думайте, чтобы дѣло это было въ такомъ положеніи. Все зависитъ отъ воли Г. И. (Государя Императора), а она рѣшительна... (Далѣе идетъ разсказъ о пріемѣ государемъ депутатовъ смоленскаго дворянства) [4]). Недавно Г. И. былъ въ Александринскомъ теа-

[1]) Это мѣсто было приведено нами въ VIII главѣ.

[2]) Здѣсь мы опускаемъ основанный на неточныхъ слухахъ разсказъ о Масловѣ, который Бѣлинскій самъ исправляетъ ниже въ томъ же письмѣ.

[3]) Тутъ, вѣроятно, имѣется въ виду записка Перовскаго, представленная въ секретный комитетъ 1846 года, въ которой были серьезныя предложенія относительно ограниченія крѣпостнаго права, въ свое время не осуществленныя (см. V гл.).

[4]) Мѣсто это приведено нами въ VI главѣ.

трѣ съ Киселевымъ, а оттуда взялъ его... къ себѣ пить чай: фактъ, прямо относящійся къ освобожденію крестьянъ (?) [1]. Конечно, несмотря на все, дѣло это можетъ опять затихнуть. Друзья своихъ интересовъ и враги общаго блага, окружающіе Г. П., утомятъ его проволочками, серединными, неудовлетворительными рѣшеніями, разными препятствіями, истинными и вымышленными, потомъ воспользуются маневрами или чѣмъ-нибудь подобнымъ и отклонятъ его вниманіе отъ этого вопроса, и онъ останется не рѣшеннымъ при такомъ монархѣ, который одинъ, по своей мудрости и твердой волѣ, способенъ рѣшить его. Но тогда онъ рѣшится самъ собою, другимъ образомъ, въ 1,000 (разъ) болѣе непріятнымъ для русскаго дворянства. Крестьяне сильно возбуждены, спятъ и видятъ освобожденіе. Все, что дѣлается въ Питерѣ, доходитъ до ихъ разумѣнія въ смѣшныхъ и уродливыхъ формахъ, но въ сущности очень вѣрно. Всѣ убѣждены, что царь хочетъ, а господа не хотятъ. Обманутое ожиданіе ведетъ къ рѣшеніямъ отчаянымъ. Перовскій думалъ предупредить необходимость освобожденія крестьянъ мудрыми распоряженіями, которыя юридически опредѣлили бы патріархальныя по ихъ сущности отношенія господъ къ крестьянамъ и обуздали бы произволъ первыхъ, не ослабивъ повиновенія вторыхъ: мысль, достойная человѣка благонамѣреннаго, но ограниченнаго! Попытку свою началъ онъ въ Бѣлоруссіи возобновленіемъ уже забытаго тамъ со временъ присоединенія Литвы къ Россіи *инвентаря*. Поляки и жиды растолковали мужикамъ, что инвентарій значитъ то, что царь хочетъ ихъ освободить, а господа не хотятъ, и что царь, бывши въ Кіевѣ, хотѣлъ къ нимъ заѣхать, а господа не пустили его. Я думаю, что тутъ даже не нужна была интервенція поляковъ и жидовъ, и что такое толкованіе могло само собою родиться въ крестьянскихъ головахъ, уже настроенныхъ къ мысли о свободѣ. И такъ, Перовскій достигъ цѣли, совершенно противуположной той, какую имѣлъ. Оно и понятно: когда масса спитъ, дѣлайте, что хотите, все будетъ по вашему; но когда она проснется,—не дремлите сами, а то быть худу...

„Такъ вотъ-съ, мой дражайшій, и у насъ не безъ новостей и даже не безъ признаковъ жизни. Движеніе это отразилось, хотя и робко, и въ литературѣ. Проскальзываютъ тамъ и сямъ то статьи, то статейки, очень осторожныя и умѣренныя по тону, но понятныя по содержанію. Вы, вѣрно, уже получили статью Заблоцкаго. Въ другое время нельзя было бы и думать напечатать ее, а теперь она прошла [2]. Мало этого, недавно въ „Жур-

---

[1] Изъ этого видно, какъ люди, пламенно желавшіе освобожденія крестьянъ, искали намековъ на предстоящее исполненіе ихъ желанія въ самыхъ ничтожныхъ фактахъ, не имѣвшихъ съ этимъ дѣломъ, быть можетъ, ни малѣйшей связи.

[2] „Отечественныя Записки" 1847 г., т. 52, №№ 5 и 6. „Причины колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи". Бѣлинскій съ восторгомъ относится къ этой статьѣ въ письмѣ къ Боткину отъ 4—5 ноября. „Архи и просто превосходнѣйшая статья, во мнѣніи о

налѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" ее разбирали съ похвалою и выписали мѣсто о злѣ *обязательной ренты* [1]). Помѣщики наши проснулись и затолковали. Видно по всему, что патріархально-сонный бытъ весь изжитъ и надо взять иную дорогу. Очень интересна теперь „Земледѣльческая Газета"—органъ мнѣній помѣщиковъ. Толкуютъ о съѣздахъ помѣщиковъ и т. д. О всемъ этомъ вамъ дадутъ понятіе XI и особенно XII №№ „Современника" (смѣсь) [2]).

„Что же у насъ новаго? Разнесся было слухъ, что Воронцовъ, по неудовольствію, отказывается отъ Кавк(аза), ссылаясь на болѣзнь глазъ. Но эта болѣзнь была не выдуманная, онъ выздоровѣлъ и не думаетъ оставлять Кавказа. А то было говорили, что на его мѣсто пошлютъ Меншикова, чтобы избавиться отъ докучнаго оппонента по вопросу объ освобожденіи...

„Перовскій въ немилости и, говорятъ, еле держится".

Изъ этого письма видно, что всѣ свои надежды относительно крестьянскаго вопроса Бѣлинскій возлагалъ на императора Николая и Киселева и, въ то же время, былъ твердо убѣжденъ, что нерѣшительность правительства въ этомъ отношеніи можетъ повести къ серьезнымъ народнымъ волненіямъ, а, съ другой стороны, отрицательное отношеніе Бѣлинскаго къ предложеніямъ Перовскаго объ ограниченіи крестьянскихъ повинностей инвентарями показываетъ, что интеллигентный кружокъ, членомъ котораго былъ Бѣлинскій, не считалъ достаточнымъ ограниченія крѣпостнаго права, а былъ увѣренъ, что настало время для его совершеннаго уничтоженія. Это видно также и изъ первыхъ сочиненій Герцена, написанныхъ и изданныхъ имъ за границею.

Скоро, однако, Бѣлинскому пришлось разочароваться въ своихъ пламенныхъ надеждахъ на предстоящія серьезныя мѣры правительства противъ крѣпостнаго права. 15 февраля 1848 года, въ письмѣ къ П. В. Анненкову [3]), писанномъ уже рукою не самого Бѣлинскаго, а подъ его диктовку его женою, Виссаріонъ Григорьевичъ съ горькою иронією извѣщалъ пріятеля, что „дѣло объ освобожденіи крестьянъ идетъ, а впередъ не подвигается. Надняхъ прошелъ въ государственномъ совѣтѣ законъ,

---

которомъ, я увѣренъ, ты à la lettre согласенъ и пересогласенъ со мною". *Пыпинъ*, Бѣлинскій, II, 309. Печатный отзывъ о ней см. въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго, т XI, стр. 429—430.

[1]) Такъ, по цензурнымъ причинамъ, Заблоцкій называлъ крѣпостной трудъ.

[2]) Кн 11. стр. 102—105, кн 12, стр. 176 -186. Здѣсь передавался изъ „Земледѣльческой Газеты" и другихъ изданій тогдашніе толки о мѣрахъ къ улучшенію нашего сельскаго хозяйства, т. е., главнымъ образомъ, о крѣпостномъ трудѣ, очень осторожно и съ агрономической точки зрѣнія. Статьи, посвященныя критикѣ крѣпостнаго права съ экономической и агрономической точекъ зрѣнія, мы разсмотримъ особо

[3]) *Пыпинъ*, Бѣлинскій, II, 324—325.

позволяющій крѣпостному крестьянину имѣть собственность съ позволенія своего помѣщика!“ [1])

Но если Бѣлинскій разочаровался передъ смертью въ своихъ надеждахъ на правительство въ дѣлѣ рѣшенія крестьянскаго вопроса, то за то нѣсколько ранѣе онъ могъ привѣтствовать нѣкоторыя произведенія нашихъ молодыхъ беллетристовъ, какъ важную силу, которая должна была оказать большое вліяніе и на общество и на представителей правительственной власти болѣе или менѣе яркими изображеніями крѣпостническаго самоуправства и горемычнаго положенія народа. Оффиціальныя записки и проекты по крестьянскому дѣлу были недостаточно краснорѣчивы; нужно было, чтобы это дѣло взяли въ свои руки художники. На этотъ запросъ жизни въ изящной литературѣ отозвались Григоровичъ и еще болѣе Тургеневъ; Бѣлинскій дожилъ до первыхъ попытокъ на этомъ пути и могъ поддержать эти начинанія своимъ мощнымъ словомъ, какъ это было уже указано въ предъидущей главѣ. Точно также онъ горячо одобрилъ и литературную дѣятельность Герцена (Искандера) [2]). Въ обзорѣ русской литературы за 1847 годъ Бѣлинскій по поводу романа „Кто виноватъ?“ говоритъ, что „Искандеръ — по преимуществу поэтъ гуманности... Основная мысль его произведенія — страданіе, болѣзнь при видѣ непризваннаго человѣческаго достоинства“ [3]).

Вліяніе Бѣлинскаго сказывалось не только въ произведеніяхъ молодыхъ беллетристовъ того времени: оно много содѣйствовало правильному развитію таланта такого поэта, какъ Некрасовъ, который до знакомства съ нашимъ знаменитымъ критикомъ не могъ найти своего истиннаго призванія, не могъ набрести на настоящій путь. Некрасовъ, какъ извѣстно, провелъ дѣтство въ условіяхъ, особенно благопріятствовавшихъ близкому знакомству съ народною жизнью: передъ окошками усадьбы его родителей бурлаки тянули свои лямки при звукахъ заунывныхъ пѣсенъ, по дорогѣ проходили, звеня цѣпями, партіи каторжниковъ: дома Некрасовъ вращался

---

[1]) Печальная исторія изданія этого закона разсказана нами въ V главѣ.

[2]) Соч. Бѣлинскаго, VI, 98, X, 290—91, 365—69, XI, 373, 376—87, 413—14.

[3]) Объясняя при этомъ новое тогда для русскихъ читателей слово гуманность, Бѣлинскій приводитъ такіе примѣры: „Когда человѣкъ поступаетъ съ своими людьми, какъ слѣдуетъ человѣку поступать съ своими ближними, братьями по естеству, онъ поступаетъ гуманно; въ противномъ случаѣ, онъ поступаетъ, какъ прилично животному... Гуманный человѣкъ обойдется съ низшимъ себя такъ, что не допуститъ его унижать предъ нимъ свое человѣческое достоинство, не позволитъ ему кланяться себѣ въ ноги, не станетъ называть его Ванькою или Ванюхою и тому подобными именами, похожими на собачьи клички, не будетъ легонько трясти его за бороду, въ знакъ своего милостиваго къ нему расположенія, чтобы тотъ, подло ухмылялись, говорилъ ему съ подобострастіемъ: за что изволите жаловать? Чувство гуманности оскорбляется, когда люди не уважаютъ въ другихъ человѣческаго достоинства“, XI, 382, 384.

въ не менѣе крѣпостнической атмосферѣ, чѣмъ его знаменитый современникъ, П. С. Тургеневъ; кромѣ того, отецъ нашего поэта, служа исправникомъ, любилъ брать съ собою въ разъѣзды по службѣ своего 12- - 13-ти лѣтняго сына и мальчику приходилось при этомъ наблюдать самыя мрачныя и печальныя стороны народнаго быта. И, несмотря на все это, до тѣхъ поръ, пока на молодаго Некрасова не повѣяло вліяніемъ Бѣлинскаго, пока онъ не имѣлъ возможности лично столкнуться съ нимъ, бесѣдовать и спорить съ Виссаріономъ Григорьевичемъ, до тѣхъ поръ онъ тратилъ свои способности на разныя бездѣлки, осужденныя на скорое забвеніе. Еще въ 1841 году появляется въ „Отечественныхъ Запискахъ" одна изъ повѣстей Некрасова, но лично познакомиться съ Бѣлинскимъ ему удалось лишь чрезъ два года послѣ того. По свидѣтельству Панаева, „Некрасовъ произвелъ на Бѣлинскаго съ самаго начала очень пріятное впечатлѣніе. Онъ полюбилъ его за его рѣзкій, нѣсколько ожесточенный умъ, за тѣ страданія, которыя онъ испыталъ такъ рано, добиваясь куска насущнаго хлѣба, и за тотъ смѣлый практическій взглядъ не по лѣтамъ, который вынесъ онъ изъ своей труженической и страдальческой жизни". Даже и тогда, когда эта практичность Некрасова дала себя очень больно почувствовать самому Бѣлинскому (при основаніи „Современника"), Виссаріонъ Григорьевичъ, въ февралѣ 1847 года, писалъ о Некрасовѣ: „Я любилъ его, такъ любилъ, что мнѣ и теперь то жалко его, то досадно на него за него, а не за себя". Бесѣды съ Бѣлинскимъ, прежде всего, показали Некрасову всю недостаточность его образованія и заставили его поработать надъ своимъ развитіемъ, а многое, безъ сомнѣнія, и прямо разъяснило ему живое слово его геніальнаго учителя. „Бѣлинскій видѣлъ во мнѣ, свидѣтельствуетъ самъ Некрасовъ, - богато-одаренную натуру, которой не достаетъ развитія и образованія. И вотъ около этого-то держались его бесѣды со мною, *имѣвшія для меня значеніе откровенія*"; многое, что слышалъ отъ Бѣлинскаго нашъ поэтъ, было, по его собственному сознанію, „и ново, и полезно" для него [1]).

Вліяніе Бѣлинскаго чувствуется уже въ выборѣ такой темы для беллетрическаго очерка, какъ „Петербургскіе углы"; очеркъ этотъ, напечатанный къ 1845 году въ изданномъ Некрасовымъ сборникѣ „Физіологія Петербурга" (ч. I), одно изъ лучшихъ его прозаическихъ произведеній, да это и неудивительно, такъ какъ судьба въ печальные годы его борьбы за существованіе заставила нашего поэта близко познакомиться съ жизнью петербургскаго пролетаріата. И Бѣлинскій спѣшитъ поддержать молодаго писателя на пути болѣе серьезнаго творчества: „Эти очерки, - говоритъ онъ — отличаются необыкновенной наблюдательностью и необыкновеннымъ мастерствомъ изложенія. Это живая картина особаго міра жизни, который

[1]) Біографическій очеркъ Некрасова, составленный А. Скабичевскимъ въ посмертномъ изданіи сочиненій Некрасова, т. I, ср. т. IV, стр. CLVIII и CLXIII.

не всѣмъ извѣстенъ, но, тѣмъ не менѣе, существуетъ, — картина, проникнутая мыслью“ [1]).

Въ другомъ сборникѣ, изданномъ Некрасовымъ въ 1846 г., подъ заглавіемъ „Первое Апрѣля“, между прочимъ, обращаетъ на себя вниманіе его недурное стихотвореніе: „Женщина, какихъ много“. Оно начинается такъ:

Она росла среди перинъ, подушекъ,
Дворовыхъ дѣвокъ, мамушекъ, старушекъ,
Подобострастныхъ, битыхъ и босыхъ..
Ее поддерживали съ уваженьемъ,
Ей ножки цѣловали съ восхищеньемъ
Въ избыткѣ чувствъ почтительно-нѣмыхъ.

Превратившись въ идеальную, мечтательную дѣвицу, она выходитъ замужъ за дебелаго степнаго помѣщика, ежегодно рожаетъ ему дѣтей, толстѣетъ, играетъ въ карты, занимается хозяйствомъ, и въ перечнѣ ея домашнихъ заботъ авторъ не забываетъ помянуть, что

Печальная, чувствительная Текла
Своихъ людей не безъ отрады сѣкла [2]).

Въ прекрасно составленномъ „Петербургскомъ Сборникѣ“, изданномъ Некрасовымъ въ томъ же 1846 г. появилось, наконецъ, извѣстное стихотвореніе „Въ дорогѣ“, — разсказъ ямщика изъ крѣпостныхъ о томъ, какъ его поженили на дворовой дѣвушкѣ, получившей воспитаніе вмѣстѣ съ барышней; понятно, что этотъ насильственный союзъ двухъ совершенно несходныхъ натуръ составляетъ источникъ глубочайшихъ страданій для той и другой стороны [3]). Панаевъ разсказываетъ, что когда Некрасовъ прочелъ Бѣлинскому это стихотвореніе, у Виссаріона Григорьевича засверкали глаза, онъ бросился къ Некрасову, обнялъ его и сказалъ чуть не со слезами на глазахъ: „Да знаете ли вы, что вы поэтъ, и поэтъ истинный!“ [4]). „Въ дорогѣ“ Некрасова — превосходно,—говоритъ Бѣлинскій въ письмѣ къ друзьямъ въ Москву,—и онъ написалъ и еще нѣсколько такихъ же, и напишетъ ихъ еще больше“ [5]) И въ печати Бѣлинскій спѣшилъ одобрить Некрасова; разбирая мелкія стихотворенія,

---

[1]) Слѣдуетъ упомянуть, что однимъ изъ представителей столичной голытьбы, изображенной въ очеркѣ Некрасова, является дворовый человѣкъ, въ разсказѣ котораго о своей судьбѣ задѣто крѣпостное право; такъ онъ упоминаетъ о томъ, какъ его бивалъ на охотѣ одинъ знакомый его барина, а затѣмъ, по желанію молодой барыни, „люди“, то-есть дворовые, были выгнаны изъ дома на оброкъ (I, 268—269). Дворовый этотъ является въ Петербургъ и, не находя мѣста, живетъ въ подвалѣ въ величайшей нуждѣ.

[2]) „Посмертное изданіе“ т. IV, стр. CLXVII—CLXX.

[3]) Ibid т. I, стр. 13—15.

[4]) „Литерат. Воспом. Панаева“, Спб. 1876 г. стр. 329 -330.

[5]) *Пыпинъ*, Бѣлинскій II, 250.

помѣщенныя въ „Петербургскомъ сборникѣ“, онъ говоритъ: „самыя интересныя изъ нихъ принадлежатъ перу издателя Сборника, г. Некрасова. Они проникнуты мыслью... въ нихъ много умнаго, *дѣльнаго* и современнаго. Лучшее изъ нихъ „Въ дорогѣ“ [1]).

Въ другомъ стихотвореніи — „Псовая охота“, написанномъ тогда же и навѣянномъ непосредственными впечатлѣніями дѣтства поэта [2]), авторъ такъ рисуетъ намъ крѣпостныхъ псарей:

Хоть и худеньки у многихъ подошвы,
Да въ сюртукахъ за то желтыя прошвы,
Хоть съ толокна животы подвело —
Да въ позументахъ подъ каждымъ сѣдло.

Несомнѣнно лучшимъ произведеніемъ изъ числа написанныхъ Некрасовымъ въ 1846 г. было его стихотвореніе „Родина“. Напечатать его въ свое время было совершенно невозможно, и оно появилось впервые въ 1856 г., въ первомъ изданіи стихотвореній Некрасова, да и тогда пришлось прибѣгнуть къ маленькой хитрости. Авторъ не только перемѣнилъ заглавіе (вмѣсто „Родина“ — „Старые хоромы“), но, кромѣ того, прибавилъ въ скобкахъ „Изъ Ларры“, несмотря даже на то, что испанскій сатирикъ Ларра не писалъ стиховъ; однако, для того, чтобы сдѣлать правдоподобнѣе такое заимствованіе сюжета у иностраннаго автора, пришлось нѣсколько ослабить мѣстный колоритъ этого прекраснаго произведенія, которое начинается такъ:

И вотъ они опять, знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, безплодна и пуста,
Текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства;
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ *рабовъ* [3])
Завидовалъ житью *послѣднихъ барскихъ псовъ* [4]),
Гдѣ было суждено мнѣ Божій свѣтъ увидѣть,
Гдѣ научился я терпѣть и ненавидѣть,
Но, ненависть въ душѣ постыдно притая,
Гдѣ иногда бывалъ помѣщикомъ и я [5]).

Оканчивается это произведеніе такъ:

И на бокъ валится пустой и мрачный домъ,
Гдѣ вторилъ звону чашъ и гласу ликованій
Глухой и вѣчный гулъ подавленныхъ страданій.
И только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ...

---

[1]) Сочин. Бѣлинскаго т. X, 362.

[2]) Оно было напечатано въ „Современникѣ“ 1847 г., т. I.

[3]) Въ первомъ изданіи: „людей“ (стр. 169).

[4]) Въ первомъ изданіи: „собакъ и лошадей“.

[5]) Въ первомъ изданіи: „гдѣ деспотомъ бывалъ, случалося, и я“. Нѣсколько далѣе, вмѣсто словъ: „Изъ дома *крѣпостныхъ любовницъ* и псарей“, въ первомъ изданіи было напечатано: „Изъ дома *господъ*, любовницъ и псарей“.

Стихотвореніе это, по свидѣтельству Панаева, „привело Бѣлинскаго въ восторгъ. Онъ выучилъ его наизустъ и послалъ его въ Москву къ своимъ пріятелямъ... У Бѣлинскаго были эпохи, когда онъ особенно увлекался кѣмъ-нибудь изъ своихъ друзей. Въ эту эпоху онъ былъ увлеченъ Некрасовымъ и только и говорилъ о немъ“ [1]).

Въ стихотвореніи „Нравственный человѣкъ“, написанномъ въ1847 г. и напечатномъ тогда же въ „Современникѣ“ (№ 3, стр. 139 -140), Некрасовъ вновь задѣваетъ крѣпостное право; приведемъ третью его строфу, которая касается интересующаго насъ вопроса:

Крестьянина я отдалъ въ повара;
Онъ удался (хорошій поваръ - счастье!),
Но часто отлучался со двора
И званью неприличное пристрастье
Имѣлъ: любилъ читать и разсуждать.
Я, утомясь кричать и распекать,
Отечески посѣкъ его, каналью,
Онъ взялъ да утопился [2]): дурь нашла!
Живя согласно съ строгою моралью,
Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла [3]).

Бѣлинскій въ письмѣ къ Тургеневу, за границу отзывался объ этомъ стихотвореніи такъ: „Некрасовъ написалъ недавно страшно хорошее стихотвореніе. Если не попадетъ въ печать (а оно назначается въ 3 №), то пришлю къ вамъ въ рукописи. Что за талантъ у этого человѣка! И что за топоръ его талантъ! [4])

Написанное въ 1848 г. стихотвореніе „Вино“ не появилось въ свое время въ печати, вѣроятно, по цензурнымъ причинамъ впервые оно было напечатано въ отдѣльномъ изданіи стихотвореній Некрасова 1856 г., но и тогда строка, которая давала весь тонъ всему стихотворенію, указывая на то, что корень зла въ неограниченной помѣщичьей расправѣ, была измѣнена; вмѣсто словъ „безъ вины меня *барина* посѣкъ“, было напечатано: „безъ вины меня *сошій* посѣкъ“ (стр. 28). Написанное тогда же, довольно слабое стихотвореніе „Извощикъ“ было впервые напечатано въ „Современникѣ“ въ 1855 г. (№ 5); но и тутъ самое важное мѣсто, объясняющее самоубійство извощика тѣмъ, что деньги были крайне нужны ему для выкупа на свободу, безъ чего нравившаяся ему дѣвушка не соглашалась выйти за него замужъ, были также искажены; вмѣсто словъ „прежде выкупись на волю“, было напечатано „дешевь нажили, Ванюша“.

---

[1]) „Современникъ“ 1861 г. № 11, стр. 58.

[2]) Въ „Современникѣ“ было напечатано: „онъ сдѣлался пьяницей“.

[3]) Въ первомъ изданіи 1856 г. эта строфа была напечатана безъ указаннаго цензурнаго измѣненія (стр. 55) но во второмъ (1861 г.) была исключена цензурою.

[4]) *Пыпинъ*. Бѣлинскій, II, 275.

Въ написанномъ въ 1851 году стихотвореніи „Муза“ авторъ называетъ ее „печальной спутницей печальныхъ бѣдняковъ, рожденныхъ для труда, страданья и *оковъ*“. При печатаніи этого произведенія въ „Современникѣ“ 1854 г. (№ 1) два указанныхъ стиха были опущены.

Въ стихотвореніи „Прекрасная партія“ (1852 г.) мы находимъ слѣдующую строфу:

Есть русскихъ множество семей,
Онѣ какъ будто добры,
Но имъ у крѣпостныхъ людей
Считать не стыдно ребры

Въ свое время „Прекрасная партія“ не была напечатана и появилась впервые въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1856 г. (№ 9), но даже и тогда указанная строфа не была пропущена цензурой; упѣлѣло, однако, другое мѣсто, гдѣ авторъ говоритъ о своемъ героѣ, что онъ

Разстроилъ тысячу крестьянъ,
Чтобъ какъ-нибудь забыться.

Но болѣе всего Некрасовъ бичуетъ крѣпостное право въ написанномъ въ 1853 г. произведеніи подъ заглавіемъ: „Отрывки изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго“. Несмотря на то, что авторъ не только назвалъ это стихотвореніе переводомъ съ французскаго, но даже выставилъ названіе французскаго сочиненія русскаго автора помѣщика, откуда оно будто бы заимствовано, это, конечно, мистификаціи, къ которой авторъ прибѣгъ лишь съ тою цѣлью, чтобы удобнѣе говорить отъ имени офранцузившагося барина, а, быть можетъ, и въ надеждѣ провести цензуру, подобно тому, какъ изъ подобнаго же побужденія Некрасовъ приписываетъ испанскому писателю Ларрѣ стихотвореніе „Родина“; но всѣ эти ухищренія оказались напрасными, и указанное произведеніе появилось лишь въ первомъ изданіи стихотвореній Некрасова, да и то съ большими урѣзками. Авторъ влагаетъ въ уста путешественника, отъ имени котораго ведетъ разсказъ, между прочимъ, слѣдующія слова о постоянныхъ полевыхъ работахъ русскихъ крестьянъ, звучащія горькою ироніей для тѣхъ, кто знаетъ истинную причину непосильнаго труда нашихъ крѣпостныхъ:

„Я думаю, земель избытокъ и лѣсовъ
Способствуютъ къ труду всегдашней ихъ охотѣ,
Но должно-бъ вразумлять корыстныхъ мужиковъ,
Что изнурительно излишество въ работѣ
Не такова ли цѣль въ нѣмецкихъ сюртукахъ
Особенныхъ фигуръ, бродящихъ между вами?
Ногайки у иныхъ замѣтилъ я въ рукахъ..
Какъ быть! не вразумишь ихъ средствами другими,
Натуры грубыя!“ [1])

---

[1]) Послѣднія 3 строки опущены и въ изданіи 1856 г. (стр. 24).

Нѣсколько далѣе русскій путешественникъ, графъ Гаранскій, такъ разсуждаетъ:

„Но только худо то, что каждый здѣсь мужикъ
Дворянскій гоноръ мой, спокойствіе и совѣсть
Безбожно возмущалъ; одну и ту же повѣсть
Бормочетъ каждому *негодный* [1]) ихъ языкъ:
Помьщикъ — мизодѣй! а если управитель,
То вѣрно живодеръ, отъявленный грабитель! [2])
Спрошу ли ямщика: — „*Чей, братецъ, виденъ домъ?*“
— *Помьщика...* — „*Что, добръ?* — *Нешто, хорошій баринъ,*
Да только... — „*Что, мой другъ?* — *Съ тяжелымъ кулакомъ,*
Какъ хватитъ — *годъ хворай.* — „*Неужто? вотъ татаринъ!*“
— *Э, нѣту, ничего! маненичко ретивъ,*
А добрая душа, не тлиготитъ оброкомъ,
Почасту съ мужикомъ и ласковъ, и правивъ,
А то скулу своротитъ, вѣстимо кенарокомъ!
Куда-бъ еще ни шло за барипомъ такимъ,
А то и хуже есть. Вотъ памятное мѣсто:
Тутъ славно мужички расправились съ однимъ...
— „*А что?*“ [3]) . . . . . .

Послѣ разсказа ямщика о томъ, какъ крестьянамъ четырехъ сестеръ, мелкопомѣстныхъ помѣщицъ, живется еще хуже другихъ вслѣдствіе того, что эти барышни ежегодно подкидываютъ своимъ крестьянамъ по ребенку, — разсказа, также опущеннаго въ изданіи 1856 г., путешественникъ продолжаетъ:

„*Ну, словомъ, все одно: тотъ съ дворней выѣзжалъ*
Разбойничать, тотъ затравилъ мальчишку;
Такихъ разсказовъ вдѣсь такъ много я слыхалъ,
Что скучно, наконецъ, записывать ихъ въ книжку.
Уже-ль *помѣщики* въ Россіи таковы?“ [4])

Нѣкоторые изъ нихъ кажутся графу Гаранскому дѣйствительно грубыми, у нихъ *сивуха, черный хлѣбъ, овчинные тулупы* [5]), но „есть премилые“, которые „врядъ ли мужиковъ трактуютъ, какъ свиней“. Далѣе графъ разсказываетъ о собственныхъ заботахъ относительно ввѣренныхъ ему судьбою крестьянъ:

---

[1]) Въ изданіи 1856 г. „лукавый“.

[2]) Эти двѣ строки въ изданіи 1856 г. были замѣнены (стр. 95) слѣдующими

„Помѣщикъ не живетъ, а нѣмецъ-управитель
Нелюдимый человѣкъ, но...“

и затѣмъ все напечатанное у насъ далѣе курсивомъ было опущено.

[3]) Печатается въ такомъ видѣ и въ самыхъ послѣднихъ изданіяхъ стихотвореній Некрасова.

[4]) Строки, набранныя курсивомъ, пропущены въ изданіи 1856 г. (стр. 96), а въ послѣдней строкѣ, вмѣсто слова „помѣщикъ“, поставлено „господа“.

[5]) Пропущено въ изданіи 1856 г.

„По собственнымъ моимъ владѣньямъ проѣзжал,
Созвалъ я мужиковъ; составили кружокъ
И гаркнули: „ура!..“ Съ балкона наблюдая,
Спросилъ: довольны ли?.. Кричатъ: „довольны всѣмъ!“
И управляющимъ? — „Довольны...“ О работахъ
Я съ ними говорилъ, поилъ ихъ и затѣмъ,
Бекаса подстрѣливъ въ наслѣдственныхъ болотахъ,
Поѣхалъ далѣе... Я мало съ ними былъ,
Но видѣлъ, что мужикъ свободно ѣлъ и пилъ,
Плясалъ и пѣсни пѣлъ; а нѣмецъ-управитель
Казался между нихъ отецъ и покровитель...
Чего же имъ еще?... А если точно есть
Любители *кнута, поборники тиранства* [1]),
Которые, забывъ гуманность, долгъ и честь,
Пятнаютъ родину и русское дворянство, —
Что-жъ медлишь ты, сатиры грозный бичъ?“ [2])

Пересмотрѣвъ всѣ тѣ мѣста въ написанныхъ до 1855 г. стихотвореніяхъ Некрасова, гдѣ онъ касается крѣпостнаго права [3]), мы видимъ, что если не считать стихотворенія „Женщина, какихъ много“, написаннаго еще не въ томъ стилѣ, какой усвоилъ Некрасовъ со времени написанія „Въ дорогѣ“ (1846 г.), только это послѣднее произведеніе да „Псовая охота“, т. е. тѣ, гдѣ всего слабѣе задѣто крѣпостное право, не подверглись цензурнымъ урѣзкамъ въ николаевскую эпоху. Кое-что изъ непропущеннаго прежде проникло въ печать при первомъ изданіи стихотвореній Некрасова (1856 г.) и въ нѣкоторыхъ журналахъ того времени, но затѣмъ въ изданіи 1861 г. цензорскій карандашъ опять сократилъ филиппики автора противъ крѣпостнаго права. Такимъ образомъ, стихотворенія Некрасова, затрогивавшія крестьянскій вопросъ, имѣли въ царствованіе императора Николая такую же печальную судьбу, какъ и подобныя произведенія Пушкина. Некрасовъ былъ тѣмъ счастливѣе своего геніальнаго предшественника, что онъ дожилъ до наступленія времени, когда обличенія крѣпостнаго права сдѣлались уже ненужными, но и несмотря на паденіе помѣщичьей власти надъ крестьянами, вовсе не потеряли значенія слова Некрасова относительно вопроса объ улучшеніи экономическаго положенія народа:

Увы! не наше поколѣнье
Его по совѣсти рѣшитъ! [4])

---

[1]) Три послѣднія слова пропущены въ изданіи 1856 г. (стр. 96)

[2]) Во второмъ изданіи стихотвореній Некрасова (1861 г.) эта пьеса вовсе не была пропущена.

[3]) См. посмертное изданіе 1879 г. т. I. стр. 13—15. 25, 35—37, 46. 56, 59, 76, 90, 98, 124—127.

[4]) Въ стихотвореніи, начинающемся словами: „Самодовольныхъ болтуновъ .“ (1856 г.). — Вліяніе Некрасова еще во второй половинѣ сороковыхъ годовъ начало сказываться на нѣкоторыхъ молодыхъ, начинающихъ поэтахъ См. напр. ненапечатанное въ свое время произведеніе Розенгейма: „Стихотворенія“ этого автора. изд. 3-е, Спб. 1882 г., стр 34—35, срав. 195—200.

Общій обзоръ отношенія нашей художественной литературы къ крестьянскому вопросу, слѣланный нами въ двухъ послѣднихъ главахъ, наглядно показываетъ, что обличеніе крѣпостнаго права встрѣчало сильнѣйшія препятствія со стороны нашей цензуры. При такой системѣ, лишавшей общество гуманизирующаго вліянія печати въ указанномъ отношеніи, казалось бы, нечего было удивляться, что въ массѣ нашего дворянства не находили сочувствія даже тѣ скромныя начинанія по крестьянскому вопросу, какія считалъ своевременными императоръ Николай, и, однако, государь самъ жаловался на то, что помѣщики не пожелали воспользоваться мѣрами, принятыми въ видахъ постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ (какъ, напримѣръ, закономъ объ обязанныхъ крестьянахъ). Правительство, очевидно, не сознавало, что между упорнымъ крѣпостничествомъ нашего дворянства и почти постояннымъ, насильственнымъ молчаніемъ печати о мерзостяхъ крѣпостнаго права была прямая связь, хотя, разумѣется, крайній консерватизмъ нашихъ помѣщиковъ въ крестьянскомъ вопросѣ обусловливался и многими другими причинами.

ГЛАВА XI.

А. П. Заблоцкій-Десятовскій, его записка 1841 г. и статья „Причины колебанія цѣнъ въ хлѣбъ въ Россіи".—Другія журнальныя статьи по крестьянскому вопросу.—Цензурныя препятствія.—Отношеніе къ крѣпостному праву профессоровъ Мейера и Кавелина. Книга Ник. Ив. Тургенева.—Замѣчанія на нее декабриста П. А. Бестужева.—Неизданныя записки по крестьянскому вопросу М. А. фонъ-Визина.

Въ двухъ предъидущихъ главахъ мы разсмотрѣли отношеніе къ крестьянскому вопросу нашей художественной литературы, большинство выдающихся произведеній которой появлялось первоначально въ повременныхъ изданіяхъ; теперь мы должны взглянуть, насколько затрогивался этотъ предметъ въ серьезныхъ статьяхъ русскихъ журналовъ. Въ противоположность той великой роли, которую сыграла наша журналистика при окончательномъ упраздненіи крѣпостнаго права, мы замѣчаемъ въ эпоху императора Николая почти полное отсутствіе въ журналахъ серьезныхъ статей на эту тему. Если мы примемъ во вниманіе, что въ царствованіе императора Александра I журналистика, по мѣрѣ силъ и возможности, затрогивала крестьянскій вопросъ, то почти совершенное молчаніе о немъ нашихъ журналовъ въ слѣдующее царствованіе уже à priori можно объяснить причинами, отъ редакцій независящими. Относительно эпохи, слѣдующей за 1848 годомъ, намъ извѣстны распоряженія, направленныя противъ обсужденія крестьянскаго вопроса въ журналахъ. Но что подобныя мѣры принимались и ранѣе, свидѣтельствуетъ указаніе одного изъ современниковъ, особенно внимательно относившагося къ крестьянскому дѣлу, въ запискѣ 1841 года, что „въ послѣдніе годы" министерство народнаго просвѣщенія, въ вѣдомствѣ котораго состояла тогда цензура, воспретило разсуждать въ печати о крѣпостныхъ крестьянахъ[1]). Изданіе указа объ обязанныхъ крестьянахъ въ 1842 г. на непродолжительное время прервало дѣйствіе этого запрещенія, и въ одномъ изъ русскихъ журналовъ („Москвитянинъ") появилась статья Хомякова „О сельскихъ

[1]) См. записку Заблоцкаго-Десятовскаго въ его кн. о Киселевѣ, т. IV, 284.

условіяхъ", вызвавшая замѣчанія въ томъ же органѣ и въ „Отечественныхъ Запискахъ", а затѣмъ отвѣтъ самого Хомякова [1]), но затѣмъ обсужденіе этого вопроса, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ цензуры, вновь почти совершенно прекращается до появленія въ 1847 г. извѣстной статьи А. П. Заблоцкаго „О причинахъ колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи". Мы отмѣтимъ ниже нѣкоторыя менѣе важныя явленія въ журналистикѣ по занимающему насъ вопросу, теперь же остановимся на дѣятельности Заблоцкаго на пользу крѣпостнаго крестьянства.

А. П. Заблоцкій-Десятовскій, окончивъ курсъ въ московскомъ университетѣ а затѣмъ пріобрѣтя степень магистра физико-математическихъ наукъ, поступилъ въ 1832 г. на службу въ хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, чрезъ 5 лѣтъ смѣнилъ его на V отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи, основанное незадолго передъ тѣмъ подъ управленіемъ гр. Киселева для улучшенія быта государственныхъ крестьянъ, что должно было предшествовать серьезнымъ мѣрамъ для ограниченія крѣпостнаго права, а въ слѣдующемъ году перешелъ въ министерство государственныхъ имуществъ, въ которомъ и пробылъ слишкомъ двадцать лѣтъ. Въ это время онъ былъ не только ближайшимъ сотрудникомъ гр. Киселева по устройству быта государственныхъ крестьянъ, но и раздѣлялъ его задушевныя мысли о крайней необходимости ограниченія крѣпостнаго права, идя въ этомъ отношеніи, безъ сомнѣнія, значительно далѣе своего просвѣщеннаго начальника. „Теперь ни для кого не тайна,—говоритъ покойный К. Д Кавелинъ въ некрологѣ Заблоцкаго,—что учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ было какъ бы прологомъ къ отмѣнѣ крѣпостнаго права. Поборники его, которые тогда густыми рядами окружали престолъ и наполняли собою ряды высшей администраціи, знали это, и потому относились крайне недоброжелательно къ гр. Киселеву, его министерству и главнѣйшимъ его сотрудникамъ, между которыми особенно выдавался А. П. Заблоцкій-Десятовскій своимъ умомъ, обширными познаніями, талантомъ, трудолюбіемъ и искреннею приверженностью идеѣ освобожденія крестьянъ". Самъ Заблоцкій въ такихъ выраженіяхъ вспоминалъ объ этой эпохѣ своей жизни: „Для всѣхъ насъ памятно время, когда тяжелый гнетъ лежалъ надъ свободнымъ проявленіемъ мысли, когда противъ него, какъ противъ контрабанды, воздвигались заставы разнаго рода... Въ это время были люди, которые занимались самою опасною для нихъ контрабандой, именно: изученіемъ вопросовъ администраціи и политики, а, главное, изученіемъ положенія народа, его нуждъ и желаній... Эти люди не были ни революціонерами (хотя впослѣдствіи клеймили ихъ этимъ именемъ), ни конституціоналистами: они не мечтали о перестройкѣ

[1]) Объ этомъ мы уже говорили въ III главѣ.

общества на новыхъ началахъ... Идеалъ ихъ былъ—*водвореніе правды* въ тѣхъ сферахъ жизни, гдѣ имъ приходилось дѣйствовать... Когда поднялись у насъ великіе вопросы объ уничтоженіи вѣковой несправедливости въ той или другой сферѣ гражданской жизни, когда для разрѣшенія этихъ вопросовъ понадобились умственные матеріалы, оказалось, что ихъ можно было достать только у тѣхъ, которые тайною контрабандою провозили ихъ чрезъ всякаго рода заставы и преграды, копили, берегли ихъ въ чаяніи, что наступитъ время, когда понадобится пустить этотъ капиталъ въ оборотъ [1]). Въ первомъ ряду такихъ людей находился самъ Заблоцкій; къ нимъ же принадлежалъ его другъ Н. А. Милютинъ, въ то время чиновникъ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ, какъ мы видѣли, 5 лѣтъ служилъ и Заблоцкій. Однако, для Заблоцкаго были тѣсны рамки одной служебной дѣятельности на пользу крестьянъ: онъ стремился работать для дорогаго ему дѣла и въ литературѣ; но на этомъ пути серьезные изслѣдователи встрѣчали меньшія препятствія, чѣмъ наши поэты и беллетристы, и подобно тому, какъ посредствомъ сопоставленія напечатаннаго этими писателями въ николаевскую эпоху съ тѣмъ, что могло увидѣть свѣтъ лишь гораздо позднѣе, мы могли до нѣкоторой степени охарактеризовать отношеніе къ крѣпостному праву Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Герцена и Некрасова, такъ и для уясненія взглядовъ на крестьянскій вопросъ А. П. Заблоцкаго мы должны, прежде всего, познакомиться съ однимъ его замѣчательнымъ трудомъ, составленнымъ въ 1841 г., появленіе котораго въ печати было въ то время совершенно невозможно и который сдѣлался доступнымъ для всѣхъ лишь сорокъ лѣтъ позднѣе.

Въ то время, когда въ секретномъ комитетѣ, учрежденномъ въ 1839 г., разсматривался проектъ Киселева объ ограниченіи крѣпостнаго права, имѣвшій своимъ послѣдствіемъ указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, Киселевъ пожелалъ, въ подкрѣпленіе своихъ предположеній, запастись неопровержимыми фактами. Съ этою цѣлью онъ поручилъ двумъ довѣреннымъ чиновникамъ, лѣтомъ 1841 г., отправиться во внутреннія губерніи Россіи и, подъ предлогомъ обозрѣнія управленія государственныхъ имуществъ, вникнуть въ положеніе помѣщичьихъ крестьянъ. Одинъ изъ этихъ чиновниковъ былъ Заблоцкій, который, по возвращеніи въ Петербургъ, и представилъ записку „О крѣпостномъ состояніи въ Россіи", гдѣ этотъ предметъ разсматривался со всѣхъ сторонъ, хозяйственной, нравственной и политической, и гдѣ были сгруппированы всѣ факты, видѣнные и слышанные обоими командированными гр. Киселевымъ лицами.

Уже съ первыхъ строкъ этого труда видно, въ какую сторону склоняются симпатіи его автора:

---

[1]) „Русск. Старина" 1882 г., т. XXXIII, 542—543, 548—549

„Крѣпостное право, — говоритъ онъ, — касаясь интересовъ высшаго сословія и, въ то же время, половины народонаселенія рабочаго класса, составляетъ одинъ изъ жизненныхъ вопросовъ государства. Вѣдрившись въ составъ общественный, оно устроило извѣстный порядокъ употребленія вещественныхъ и нравственныхъ силъ народа. Измѣненіе крѣпостнаго права должно измѣнить этотъ порядокъ и повести за собою другія существенныя преобразованія въ организаціи общественной. Они ближе всего должны отразиться въ экономическомъ положеніи народа, *обленившаяся беззаботливость* должна будетъ вытѣсниться пронырливою предпріимчивостью, бездѣйственность — личнымъ трудомъ, *привилегированная праздность* — обязаннымъ занятіемъ, требовательная прихоть довольствомъ необходимаго... И вотъ отчего вопросъ о крѣпостномъ правѣ поднимаетъ всю массу мнѣній, ропотныхъ съ одной, одобрительныхъ — съ другой стороны .. сѣтованіе *исторической монополіи* и привѣтственныхъ кликовъ пророческой будущности .. Конечно, сей вопросъ рѣшить легко, восходя къ понятію о человѣкѣ и его достоинствѣ. Но этотъ взглядъ, при всей своей справедливости, можетъ для многихъ казаться высокопарнымъ или, какъ обыкновенно говорятъ, умозрительнымъ. Защищая оскорбленныя права человѣка, должно ссылаться на чрезвычайные случаи, гдѣ угнетеніе является во всей своей силѣ. Но эти случаи составляютъ исключеніе. Жестокость людей, пользующихся крѣпостнымъ правомъ, можетъ быть и не быть. Если ея нѣтъ, то и тогда такое отношеніе людей несправедливо. Однако же, это отсутствіе жестокости можетъ отнимать сильное оружіе у разсужденія. Но если бы можно было доказать, что такое отношеніе *неблагоразумно, невыгодно* [1]), то этотъ доводъ дѣйствовалъ бы и тогда, когда другіе казались бы безусѣшными"

Послѣ нѣсколькихъ словъ объ исторіи крѣпостнаго права въ Россіи авторъ переходитъ къ подробной, въ высшей степени обстоятельной, характеристикѣ тогдашняго положенія крѣпостныхъ крестьянъ. Прежде всего, онъ говоритъ объ ихъ бытѣ съ хозяйственной точки зрѣнія и, между прочимъ, задается вопросомъ, выгодно ли помѣщику обработывать землю барщиной, причемъ приходитъ къ выводу, что это невыгодно „ни для помѣщика, ни для крестьянина, что тутъ теряютъ обѣ стороны". Затѣмъ онъ ставитъ вопросъ о вольнонаемномъ трудѣ въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ и, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ нашихъ агрономовъ, напримѣръ Н. И. Муравьева, на основаніи имѣвшихся въ его распоряженіи фактовъ, утверждаетъ, что обработка земли вольнонаемными работниками вполнѣ возможна. Далѣе авторъ подробно говоритъ въ своей запискѣ объ оброчныхъ крестьянахъ, о выкупѣ на волю, о дворовыхъ людяхъ, о продажѣ людей въ розницу, о фабричныхъ и заводскихъ крестьянахъ, объ управленіи крестьянами, объ ихъ домашнемъ бытѣ. Здѣсь Заблоцкій, между прочимъ, указываетъ на то, что положеніе государственныхъ крестьянъ вообще лучше, чѣмъ помѣщичьихъ. Говоря о нравственности крѣпостныхъ авторъ статистическими цифрами доказываетъ, что уголовныя преступленія чаще среди помѣщичьихъ крестьянъ, чѣмъ среди остальныхъ разрядовъ сельскаго населенія, и вообще самыми убѣдительными фактами подтверждаетъ мысль о вредномъ вліяніи помѣщичьей власти на крестьянъ

[1]) Курсивъ автора.

и еще болѣе на дворовыхъ людей Далѣе авторъ разсматриваетъ взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ (причемъ указываетъ на ненависть, за немногими исключеніями, послѣднихъ къ своимъ господамъ), а затѣмъ говоритъ о вліяніи крѣпостнаго права на качество труда, составленіе капиталовъ, развитіе промышленности и торговли и вообще на благосостояніе народа. Тутъ авторъ, прежде всего, отмѣчаетъ меньшую производительность крѣпостнаго труда сравнительно съ вольнонаемнымъ и напоминаетъ, что крѣпостной трудъ дороже вольнаго. Относительно вліянія крѣпостнаго права „на составленіе капиталовъ и ихъ обращеніе“ авторъ, отмѣтивъ, что для „народнаго хозяйства“ важно не только количество капиталовъ, но еще гораздо болѣе ихъ распредѣленіе, говоритъ:

„До обогащенія крестьянина, составленія у него капитала никому нѣтъ дѣла Съ одной стороны, заставляютъ его работать какъ возможно болѣе и *по праву* употребляютъ всю силу его въ свою пользу, а съ другой вытягиваютъ изъ него копѣйку разными ухищренными способами... Совершенная зависимость отъ произвола владѣльца и безнадежность освободиться отъ этой зависимости убиваютъ въ крѣпостномъ склонность къ бережливости и прочному улучшенію своего быта, рождая, напротивъ, или скупость, или страсть къ минутнымъ наслажденіямъ, къ пьянству, праздности и разврату. Этимъ легко объясняется, почему крестьяне даже у попечительныхъ владѣльцевъ, живутъ большею частью дурно и почему завѣдомо богатые изъ нихъ рѣдко пускаютъ въ оборотъ капиталы свои, но прячутъ ихъ тщательно на черный день. Да и можетъ ли быть иначе, когда помѣщикъ можетъ отнять нажитое кровавымъ трудомъ его крѣпостнаго?.. Развитіе промышленности требуетъ не только огражденія личности и собственности, но и свободы располагать своимъ временемъ, трудомъ и мѣстомъ жительства“.

Крѣпостное право дурно отражается и на развитіи ремеслъ: хотя помѣщики и отдаютъ въ ученіе своихъ дворовыхъ, но такіе ремесленники, чувствуя надъ собою вѣчный гнетъ крѣпостнаго права, безпечны, неаккуратны, сильно подвержены пьянству. Въ послѣднемъ отдѣлѣ своей записки авторъ говоритъ о толкахъ крестьянъ и мнѣніяхъ помѣщиковъ о крѣпостномъ правѣ. Тутъ онъ, между прочимъ, вооружается противъ мнѣнія тѣхъ дворянъ, которые говорятъ, что просвѣщеніе крестьянъ должно предшествовать ихъ освобожденію.

Разсматривая различныя предположенія относительно освобожденія крестьянъ, авторъ говоритъ: „Разрубить просто гордіевъ узелъ этотъ, т.-е. освободить крѣпостнаго безъ вознагражденія владѣльца, будетъ *un coup d'état*, весьма благодѣтельный по послѣдствіямъ, но несправедливый относительно, ибо сдѣлается вопреки условнаго права государственнаго. Но таковъ характеръ всѣхъ преобразованій государственныхъ и ежели они совершаются съ благою цѣлью своевременно и такъ, что принесутъ ожидаемые благіе плоды, то временное уваженіе уничтожается *Они дѣлаются справедливыми по благости цѣли*, какъ и все высокое, вѣчное, разрушающее во имя справедливости временное и условное“ Но противъ предложенія многихъ помѣщиковъ освободить крестьянъ безъ земли авторъ

энергически протестуетъ: „создать въ государствѣ нѣсколько милліоновъ пролетаріевъ значитъ породить въ немъ бѣдный, безпокойный классъ людей, который будетъ тѣмъ опаснѣе, чѣмъ онъ многочисленнѣе“ По этому поводу авторъ ссылается на примѣръ Пруссіи и Австріи, „гдѣ крѣпостной классъ не такъ многочисленъ, какъ у насъ“, и, однако, тамъ „не пустили крестьянъ по міру. но дали имъ землю и стараются сдѣлать ихъ полными собственниками“. Въ такомъ случаѣ, конечно, неизбѣжно отчужденіе нѣкоторой части земель изъ помѣщичьяго владѣнія; но эта потеря вознаграждается, съ одной стороны, обязанностями крестьянъ давать извѣстное число рабочихъ дней, а съ другой—возвышеніемъ цѣнности земель. которая всегда бываетъ слѣдствіемъ развитія свободнаго труда и увеличенія массы народнаго богатства. Въ концѣ-концовъ, доказывая, что необходимость измѣненія быта крѣпостныхъ крестьянъ достаточно назрѣла, авторъ такъ формулируетъ свои взгляды по этому предмету:

„1) Должно отвергнуть всякую мысль о совершенномъ лишеніи крестьянъ земли. Можно права ихъ на землю облечь въ ту или другую форму; но лишить ихъ совершенно земли значитъ идти на явную опасность, не имѣя рѣшительно никакихъ средствъ бороться съ нею. 2) Такимъ же образомъ нельзя допустить въ настоящее время возможности установить отношенія крестьянъ съ помѣщиками на взаимномъ свободномъ согласіи, по силѣ контрактовъ. Въ народѣ нашемъ не развиты еще понятія о правахъ и обязанностяхъ; ни съ той, ни съ другой стороны нельзя еще ожидать ненарушимости исполненія взятыхъ на себя добровольно условій. Они будутъ нарушаться безпрестанно и повлекутъ за собою нескончаемые безпорядки. Во всякомъ дѣлѣ нужна постепенность, и потому здѣсь достаточно на первый разъ уничтожить личную зависимость крестьянъ отъ владѣльца, не разрушая вовсе связи первыхъ съ землею“ [1])

Таково содержаніе этой замѣчательной и обширной записки. Настаивая на необходимости измѣненія быта крѣпостныхъ. авторъ, въ то же время. понималъ крайній вредъ ихъ безземельнаго освобожденія и въ этомъ отношеніи вполнѣ сходился съ Киселевымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ. онъ не вѣрилъ въ возможность немедленнаго установленія договорныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами и, безъ сомнѣнія, долженъ былъ весьма скептически отнестись къ закону объ обязанныхъ крестьянахъ, которымъ былъ недоволенъ и самъ Киселевъ и на изданіе котораго онъ согласился лишь какъ на „предисловіе или вступленіе къ чему-нибудь лучшему и обширнѣйшему“.

Записка Заблоцкаго, представляющая такой энергическій протестъ противъ крѣпостнаго права, не только не могла появиться въ то время въ печати, но даже и въ рукописи не могла быть распространяема безъ опасности для ея автора. Гр. Киселевъ желалъ. чтобъ она сохранялась въ секретѣ, но какимъ-то образомъ съ нея досталъ копію князь Меншп-

[1]) *Заблоцкій-Десятовскій.* „Гр. Киселевъ“, IV, 271—345.

ковъ, какъ мы уже знаемъ, одинъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ измѣненія быта крѣпостныхъ, если и допускавшій освобожденіе крестьянъ, то не иначе, какъ безъ земли, противъ чего самымъ рѣшительнымъ образомъ возставалъ Заблоцкій. Записка эта подала поводъ къ весьма неумѣреннымъ порицаніямъ со стороны кн. Меншикова и противъ ея автора, и противъ гр. Киселева; порицанія эти скоро дошли до Киселева, и онъ навсегда прервалъ, вслѣдствіе этого, свои прежнія дружескія отношенія къ кн. Меншикову [1]).

Не имѣя возможности высказать въ печати свои взгляды на крестьянскій вопросъ, Заблоцкій пожелалъ быть полезнымъ народу въ другой формѣ: онъ обратилъ вниманіе на недостатокъ книгъ, пригодныхъ для народнаго чтенія, и съ 1843 года, вмѣстѣ съ своимъ другомъ В. Ѳ. Одоевскимъ, предпринялъ изданіе сборника для крестьянъ, подъ названіемъ „Сельское Чтеніе", которое было восторженно привѣтствовано Бѣлинскимъ и имѣло большой успѣхъ.

Однако, въ 1847 году Заблоцкій рѣшился попробовать затронуть печатно крѣпостное право. Уже въ изложенной выше запискѣ 1841 года онъ намекнулъ на то, какое вредное вліяніе на нашу хлѣбную торговлю производитъ существованіе крѣпостнаго труда: по его мнѣнію, это обстоятельство „составляетъ одну изъ сильнѣйшихъ причинъ чрезвычайнаго пониженія цѣнъ на хлѣбъ". Теперь въ серьезной и научной статьѣ „Причины колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи", напечатанной въ двухъ книжкахъ „Отечественныхъ Записокъ", онъ разъяснилъ зависимость, въ которой находятся эти колебанія отъ возможности для землевладѣльцевъ пользоваться даровымъ крѣпостнымъ трудомъ. Съ первыхъ строкъ статьи онъ указываетъ на то, что если хозяйство наше находится „въ неустроенномъ, хаотическомъ состояніи", то причина этого заключается „въ неестественномъ, анти-экономическомъ распредѣленіи производительныхъ силъ". Тутъ ясный намекъ на вредное вліяніе крѣпостнаго права, но назвать его прямо было по цензурнымъ причинамъ невозможно и автору, говоря о крѣпостной зависимости земледѣльца отъ землевладѣльца, пришлось употреблять терминъ „обязательная рента".

„Бываютъ обстоятельства, — говоритъ авторъ, — когда употребленіе земли... принимаетъ формы, обязательныя для той или другой стороны. Въ этомъ случаѣ и самая рента дѣлается обязательною. Подобный порядокъ вещей бываетъ иногда случайностью скоропроходящею, иногда по своей обширности и продолжительности составляетъ одну изъ основныхъ формъ экономическихъ отношеній страны. Въ этомъ случаѣ вліяніе обязательной ренты весьма обширно, чув-

---

[1]) Ненависть Меншикова къ Заблоцкому была такъ велика, что онъ снизошелъ впослѣдствіи до агитаціи противъ его избранія въ члены англійскаго клуба, въ чемъ и успѣлъ. *Заблоцкій-Десятовскій*. Гр Киселевъ II, 292—93. „Русская Старина" 1882 г., т. XXXIII, 549.

ствуется вездѣ, въ каждомъ капалѣ народнаго богатства, и потому заслуживаетъ подробнаго изслѣдованія.

„Обязательная рента, чѣмъ бы она ни выплачивалась, деньгами ли, произведеніями, или трудомъ, имѣетъ первымъ слѣдствіемъ то, что величина ея не соразмѣряется съ основными условіями производительности

„Такъ какъ обязательная рента отрицаетъ если не у обѣихъ, то, по крайней мѣрѣ, у одной стороны условія договора, то очевидно, что здѣсь неизбѣжно одна сторона находится въ потерѣ, а чаще всего обѣ. Тотъ, для кого обязательная рента составляетъ право, естественно желаетъ пользоваться имъ и старается возвышать ренту выше ходячей цѣны. Въ такомъ случаѣ лицо, обязанное платить ренту, уже не можетъ разсчитывать на законное вознагражденіе, слѣдующее ему какъ предпринимателю, капиталисту или работнику, все здѣсь смѣшивается въ одну нестройную массу, исчезаетъ естественно соотношеніе между трудомъ и капиталомъ и колеблется основаніе цѣнъ, ибо при такомъ положеніи не могутъ быть опредѣлены издержки производства Если обязательная рента выплачивается деньгами, то она имѣетъ ту, по крайней мѣрѣ, выгоду, что можетъ быть соразмѣрена съ ходячею наемною цѣной земли, если это только можетъ существовать повсемѣстно при обязательной рентѣ. Мы говоримъ *можетъ соразмѣряться*, но въ большей части случаевъ она не соразмѣряется, иначе она утратила бы обязательную свою силу въ экономическомъ отношеніи...

„Еще болѣе представляетъ запутанности тотъ случай, когда обязательная рента уплачивается работой". Вмѣсто того, чтобы правильно оцѣнить трудъ и соразмѣрить его съ высотою ренты, „размѣръ работъ, опредѣляющихъ обязательную ренту, остается неизмѣннымъ и опредѣляется лишь правомъ, а не экономическими условіями Здѣсь, какъ и въ первомъ случаѣ, смѣшиваются всѣ элементы и теряется всякая возможность опредѣлить итогъ издержекъ производства; обстоятельство это еще болѣе запутывается тѣмъ, что обыкновенно при обязательной работѣ требуются орудія отъ работника, слѣдственно, входитъ новое неопредѣленное количество" [1]).

На возраженіе, что не вездѣ въ Россіи занятіе земледѣліемъ связано съ обязательною рентой, что есть хозяева, которые обработываютъ землю въ собственную пользу, „единственно для себя, или собственными силами, или наймомъ", и что такіе хозяева могутъ учесть всѣ издержки на обработку земли, авторъ справедливо отвѣчаетъ: „положимъ, что хозяева, обработывающіе землю на собственный счетъ, могутъ опредѣлить первоначальную цѣну своего хлѣба и на ней желаютъ основать разсчеты рыночной цѣны. Но на рынкѣ они встрѣчаютъ совмѣстничество хлѣба, который полученъ въ видѣ обязательной ренты и, слѣдственно, первоначальная цѣна котораго не можетъ быть опредѣлена и который надобно продать за что бы то ни было". Естественно, что хлѣбъ, добываемый своимъ собственнымъ и вольнонаемнымъ трудомъ, продается по той же цѣнѣ, какъ и тотъ, который получается при условіяхъ „обязательной ренты". „И такъ, вотъ гдѣ настоящая причина той страшной колеблемости цѣнъ, — говоритъ авторъ, — которая замѣчается у насъ особенно

[1]) Далѣе пропускъ, очевидно, по причинамъ цензурнымъ, обозначенный двумя рядами точекъ.

въ губерніяхъ, лишенныхъ возможности внѣшняго сбыта". Далѣе Заблоцкій указываетъ на то, какимъ тяжелымъ бременемъ ложится на помѣщичьихъ крестьянъ доставка господскаго хлѣба на рынки и какъ, въ то же время, эта даровая перевозка понижаетъ его цѣну, такъ что „земледѣльцу съ своимъ хлѣбомъ" невозможно, выдержать такое соперничество". При существованіи обязательной ренты сельскіе хозяева не соображаютъ производства хлѣба съ потребностями рынка и, такимъ образомъ, получается избытокъ предложенія, а это понижаетъ цѣну продукта. „Правильная соразмѣрность между производствомъ и запросомъ хлѣба на рынкахъ можетъ установиться только тогда, когда рента приметъ естественный экономическій характеръ" (читай: когда уничтожится крѣпостное право) [1].

Сравнивая эту статью Заблоцкаго съ тѣмъ, что онъ говоритъ о крѣпостномъ правѣ въ запискѣ, представленной Киселевымъ, мы видимъ, въ какомъ блѣдномъ и неполномъ видѣ его мнѣнія по этому предмету могли проникнуть въ печать; при всемъ томъ, однако, трудъ Заблоцкаго былъ тогда своего рода подвигомъ и его приняли съ восторгомъ всѣ друзья закрѣпощеннаго крестьянства. Бѣлинскій въ обзорѣ русской литературы за 1847 годъ могъ только сказать, что статья Заблоцкаго, „безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ нашей ученой литературы прошлаго года" [2]; но въ письмахъ къ друзьямъ онъ относится къ ней съ восторгомъ и въ посланіи къ г. Анненкову называетъ ее „архи и просто превосходнѣйшею статьей", а въ письмѣ къ Боткину говоритъ, что „ее прочли многіе и изъ тѣхъ, которые, кромѣ повѣстей, стиховъ и рецензій, ничего не читаютъ и о сельскомъ хозяйствѣ и торговлѣ понятія не имѣютъ" [3]. Бѣлинскій полагалъ также, что появленіе ея въ журналѣ даже и въ томъ видѣ, какъ она была напечатана, было возможно только благодаря движенію въ пользу ограниченія крѣпостнаго права, которое замѣчалось именно въ это время въ правительствѣ и о которомъ Бѣлинскій спѣшилъ сообщить г. Анненкову (см. X гл.). Этимъ же объясняется, безъ сомнѣнія, и то, что трудъ Заблоцкаго разобрали съ похвалою въ оффиціальномъ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" и даже выписали мѣсто о злѣ обязательной ренты [4].

Скоро, однако, времена сдѣлались гораздо тяжелѣе: послѣ 1848 года правительство оставило мысль объ ограниченіи крѣпостнаго права въ Россіи (за исключеніемъ Западнаго края), и появленіе въ это время такой

---

[1]) „Отечественныя Записки" 1847 г., т. 52.

[2]) „Сочиненія Бѣлинскаго" XI, 429—430.

[3]) „С.-Петербург. Вѣдомости" 1869 г. № 187 „Письмо Бѣлинскаго къ его московскимъ друзьямъ".

[4]) „Жур. М. Н Пр." 1847 г. т. 55, Обозрѣніе газетъ и журналовъ, стр. 342—352.

статьи, какъ трудъ Заблоцкаго, было бы дѣломъ совершенно невозможнымъ. Это видно, между прочимъ, и изъ того, что въ статьяхъ „Хозяйственные афоризмы", помѣщенныхъ тѣмъ же авторомъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1849 года [1]), ему не пришлось уже ни однимъ словомъ выйти за предѣлы чисто-агрономическихъ вопросовъ

Такимъ образомъ, одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ и вліятельныхъ тогдашнихъ журналовъ, „Отечественныя Записки", послужилъ въ 1847 году на пользу крестьянскаго дѣла замѣчательною статьей Заблоцкаго; въ другой мало-мальски удобный моментъ для разсмотрѣнія крестьянскаго вопроса, а именно послѣ изданія указа объ обязанныхъ крестьянахъ, этотъ органъ также отозвался на самый насущный вопросъ времени прекраснымъ разборомъ статьи Хомякова: „О сельскихъ условіяхъ", о чемъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ. Наконецъ, въ „Отечественныхъ Запискахъ" (1846 года. № 12) была помѣщена и первая изъ тѣхъ повѣстей Григоровича, гдѣ онъ затрогиваетъ крѣпостное право.

Въ „Современникѣ", со времени перехода его подъ новую редакцію въ 1847 году, стало появляться много беллетристическихъ произведеній, гдѣ болѣе или менѣе сильно бичевалось крѣпостное право; здѣсь былъ напечатанъ рядъ разсказовъ Тургенева „Изъ записокъ охотника" здѣсь появилась повѣсть Григоровича „Антонъ Горемыка", здѣсь же усердно сотрудничалъ и Герценъ, пока это было возможно по обстоятельствамъ его жизни: онъ напечаталъ въ „Современникѣ" романъ „Кто виноватъ", повѣсть „Сорока воровка" и письма изъ „Avenue Marigny". Большинство этихъ произведеній появилось еще при жизни Бѣлинскаго въ 1847 и началѣ 1848 годовъ а затѣмъ оказалось почти невозможнымъ по цензурнымъ причинамъ касаться этого щекотливаго предмета. Такихъ серьезныхъ статей по крестьянскому вопросу, какъ трудъ Заблоцкаго, мы въ „Современникѣ" не находимъ, но, по крайней мѣрѣ, при Бѣлинскомъ редакція старалась при всякомъ удобномъ случаѣ, хотя въ нѣсколькихъ словахъ, дѣлать вылазки противъ крѣпостнаго права. Въ № 3 „Современника" за 1847 годъ былъ помѣщенъ отзывъ о русскомъ земледѣліи англійскаго фермера Салтера, гдѣ, между прочимъ, сказано: „работа господскихъ людей вовсе не показалась г. Салтеру такъ дешевою, какъ ее описываютъ: господскіе люди работаютъ не болѣе 240 дней въ году, остальное время посвящается праздникамъ". Когда эта замѣтка вызвала нѣкоторые толки въ газетахъ и журналахъ, редакція „Современника" (въ № 11 за 1847 г.) поспѣшила извлечь изъ появившихся по этому предмету статей то, что болѣе соотвѣтствовало ея взглядамъ, и сдѣлала нѣкоторыя возраженія защитникамъ крѣпостнаго труда. Въ слѣдующемъ нумерѣ редакція „Современника" привѣтствовала новыя стремленія среди помѣщиковъ къ со-

[1]) Т. 62, 63 и 69.

ставленію хозяйственныхъ съѣздовъ, а также мѣры, принимаемыя нѣкоторыми изъ нихъ для улучшенія быта крестьянъ („Смѣсь". стр 176 –185). Все это и дало поводъ Бѣлинскому написать въ то время г. Анненкову: „Помѣщики наши проснулись и затолковали. Видно по всему, что патріархально-сонный бытъ весь изжитъ и надо взять иную дорогу". Но Виссаріону Григорьевичу пришлось, какъ мы уже знаемъ, скоро разочароваться въ надеждахъ на быстрое движеніе Россіи по пути ограниченія крѣпостнаго права.

Третій изъ наиболѣе распространенныхъ русскихъ журналовъ, „Библіотека для Чтенія" Сенковскаго, отозвался на нѣкоторое движеніе въ нашемъ обществѣ по крестьянскому вопросу, которое обнаружилось послѣ изданія указа объ обязанныхъ крестьянахъ, помѣщеніемъ въ 1843 году повѣсти Даля „Вакхъ Сидоровъ Чайкинъ", въ которой хотя и есть нѣсколько незначительныхъ обличеній крѣпостнаго права, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, встрѣчаются и весьма пошлыя разсужденія объ отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками (см. X. главу). Точно также и въ помѣщенныхъ ранѣе въ „Библіотекѣ для Чтенія" серьезныхъ статьяхъ мы не находимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ либеральныхъ взглядовъ по крестьянскому вопросу. Постояннымъ сотрудникомъ журнала въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ по вопросамъ сельскаго хозяйства былъ нѣкто Д. Шелеховъ [1]), а онъ проповѣдывалъ даже обращеніе оброчныхъ крестьянъ въ барщинныхъ [2]), что, какъ извѣстно, всегда сопровождалось усиленіемъ помѣщичьяго гнета [3]). Черезъ два года послѣ того, какъ въ особомъ секретномъ комитетѣ (въ 1840 году) былъ поднятъ правительствомъ вопросъ объ измѣненіи быта дворовыхъ и уменьшеніи ихъ числа, „Библіотека для Чтенія" помѣстила статью того же Шелехова: „О дворовыхъ людяхъ, ихъ содержаніи и средствахъ уменьшенія дворни". Авторъ справедливо указываетъ на крайній вредъ отъ изобилія дворовыхъ въ помѣщичьихъ имѣ-

---

[1]) См. о немъ „Записки Греча". Спб. 1866 г., стр. 341. По словамъ Греча, Шелеховъ „прожилъ свое родовое имѣніе разными сельско-хозяйственными спекуляціями".

[2]) „Библ. для Чт." 1836 г., т. XIX. „Наука домоводства", стр. 10.

[3]) Тотъ же авторъ въ статьѣ „О вольнонаемномъ трудѣ", не отрицая возможности его въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, такими розовыми красками рисуетъ быть нашихъ крестьянъ: „Для всякаго очевидно, какое великое преимущество имѣютъ наши россійскіе крестьяне передъ крестьянами другихъ государствъ Ничто не препятствуетъ русскому мужику наслаждаться счастливымъ бытомъ и довольствомъ въ жизни. Онъ имѣетъ участокъ земли, который воздѣлывали его отецъ, дѣдъ, прадѣдъ и который онъ почитаетъ своею родиной. Онъ уже не безпомѣнъ и у насъ нѣтъ бездомныхъ крестьянъ... Нашему мужику не достаетъ только нѣкоторой воздержности отъ горячихъ напитковъ, строгой нравственности въ семейномъ быту, ясныхъ понятій о свободѣ и искусства, иначе онъ былъ бы Крезомъ передъ иностранными крестьянами и блаженнѣйшимъ созданіемъ въ земледѣльческомъ мірѣ" („Библіотека для Чтенія", т. XXII, стр. 33–34). О помѣщичьей власти при этомъ даже не упоминается.

піяхъ [1]), но что же предлагаетъ онъ для уничтоженія этого зла? Опыты обращенія дворовыхъ въ земледѣльцевъ оказывались, по его словамъ, неудачными отпускъ ихъ на оброкъ авторъ находитъ также невыгоднымъ, тогда какъ обращеніе дворовыхъ въ ремесленниковъ и фабричныхъ рабочихъ можетъ доставить помѣщику даже больше дохода, нежели крестьяне на запашкѣ. Авторъ совѣтуетъ устроить фабрику „на коммерческую ногу, съ безобидною платой за трудъ дворовымъ, вычитая изъ трудовыхъ денегъ за одежду и прокормленіе", но такъ какъ опредѣленіе размѣра платы должно было зависѣть отъ произвола помѣщиковъ и такъ какъ авторъ сулитъ имъ громадное увеличеніе дохода, то очевидно, что этотъ проектъ имѣетъ въ виду интересы только помѣщиковъ и что при его осуществленіи положеніе дворовыхъ должно было бы страшно ухудшиться, такъ какъ, утративъ возможность уходить на заработки, какъ это бывало прежде, при отпускѣ ихъ на оброкъ, они должны были бы превратиться въ полномъ смыслѣ слова въ фабричныхъ рабовъ [2]) Статья эта составляетъ несомнѣнно знаменіе времени: авторъ ея говоритъ, что теперь „наступила новая эпоха помѣщичьяго быта, а именно эпоха промышленная", и, дѣйствительно, мы находимъ немало указаній на то, что, между тѣмъ какъ правительство и лучшіе представители общества и литературы начинали все болѣе высказываться за уничтоженіе или, по крайней мѣрѣ, ограниченіе крѣпостнаго права, предпріимчивые помѣщики стремились обращать своихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ совершенныхъ рабовъ: недаромъ все болѣе увеличивалось число такъ называемыхъ „мѣсячниковъ", т. е. крѣпостныхъ сельскихъ работниковъ-батраковъ, обезземеленныхъ крестьянъ, которые въ XVIII вѣкѣ были лишь весьма рѣдкимъ явленіемъ въ помѣщичьихъ вотчинахъ.

Въ „Библіотекѣ для Чтенія" [3]) былъ также помѣщенъ переводъ части сочиненія Канкрина, вышедшаго въ предъидущемъ году за границей безъ имени автора на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Экономія человѣческихъ обществъ и состояніе финансовъ. Сочиненіе бывшаго министра финансовъ". Мѣста, гдѣ авторъ говоритъ о крѣпостномъ правѣ, переведены по русски не вполнѣ, такъ что русскій текстъ производитъ иногда нѣсколько иное впечатлѣніе, чѣмъ подлинникъ [4]). Въ переводѣ „Библі-

---

[1]) Онъ приводитъ, напримѣръ, случай, когда изъ 72 душъ крѣпостныхъ только 6 человѣкъ занимаются хлѣбопашествомъ, а остальные — музыканты, пѣвчіе, живописцы, рѣзчики и проч.

[2]) „Библіотека для Чтенія" 1842 г., т. 52.

[3]) 1846 г. т. 75 и 76.

[4]) Опущено слѣдующее мѣсто: „Несвободная или частью несвободная работа существуетъ тамъ, гдѣ къ сожалѣнію, не говоря о рабствѣ, господствуетъ крѣпостное право обязательная барщина, прекращеніе которыхъ въ нѣкоторыхъ странахъ конечно очень затруднительно и, чтобы быть своевременнымъ, можетъ быть вводимо только постепенно.,

отеки для Чтенія" читаемъ: „Не должно упускать изъ виду существеннаго различія между рабствомъ и крѣпостнымъ состояніемъ.... Крѣпостное состояніе... далеко не бѣдственно (въ подлинникѣ: ein minder harter Zustand), потому что всякій крѣпостной въ селеніи есть вольный работникъ въ тѣ дни, когда не исправляетъ барщины. Въ иномъ положеніи находится домашняя крѣпостная прислуга"... Нѣсколько далѣе авторъ говоритъ: „Ни мало не желая оправдывать существованія неволи, нельзя однако же утаить того что крѣпостное состояніе. конечно не самое бѣдственное, въ какое можетъ впасть человѣкъ. Русскій крѣпостной мужикъ находится въ несравненно лучшемъ положеніи, нежели мелкій ирландскій арендаторъ" Авторъ не вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе тѣхъ экономистовъ, которые считали свободный трудъ въ земледѣліи безусловно производительнѣе рабскаго.

„Нѣтъ сомнѣнія", говоритъ онъ. „что свободный трудъ... болѣе всего приноситъ и производитъ, но и тутъ много праздности. Трудъ негровъ производитъ гораздо болѣе, чѣмъ произвела бы свободная работа" (опущено: „вслѣдствіе тиранскаго понужденія"). „Черные, получившіе свободу. не произведутъ столько же: эти люди по своему характеру предпочитаютъ праздную бѣдность трудолюбію. Барщинники склонны сдѣлать въ сутки сколь возможно менѣе; но въ нѣкоторыхъ странахъ существуютъ постановленія или обычаи, опредѣляющіе количество суточной работы, напримѣръ, сколько вспахать, сколько скосить и т. п. Такимъ образомъ произошла поштучная работа; натурально, что она, чтобы сдѣлаться дешевою и для всѣхъ возможною, должна быть опредѣлена умѣренно; такимъ образомъ вольный работникъ или, по крайней мѣрѣ, масса вольныхъ работниковъ могутъ произвести болѣе. Если сообразить все это, то окажется, что при земледѣліи... различіе между свободною и несвободною работою гораздо будетъ менѣе, нежели какъ можно было бы предполагать". (Томъ 76, стр. 4 5).

Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ: „Вознагражденіе трудомъ за пользованіе землею составляетъ естественный и даже единственный способъ въ нѣкоторыхъ государствахъ (въ подлинникѣ: „in weniger vorgerückten Landern): однако же барщина должна переходить постепенно въ аренду за деньги или за естественныя произведенія и, наконецъ, смѣниться совершенно" (ablöslich werden), „какъ это теперь вездѣ видимъ При томъ отнюдь не должно упускать изъ виду, чтобы крестьянинъ получалъ землю въ собственность или, по крайней мѣрѣ, въ наслѣдственное пользованіе, опытъ уже доказалъ. что освобожденіе безъ предоставленія собственности, а только соединенное съ кратковременною арендою, гораздо вреднѣе, нежели крѣпость: иначе—освобожденіе такого рода можно назвать птичьею свободою" (Ibid, стр. 26—27).

Печально, что такія состоянія существуютъ, можно даже удивляться, что они, особенно крѣпостное право, могли быть введены. Это объясняется отчасти лишь тѣмъ, что оно, при пользованіи чужою землею и необходимою защитою со стороны земледѣльца. было сначала легко и лишь постепенно сдѣлалось суровѣе. .." („Die Oekonomie der menschlichen Gesellschaften. S. 40).

Мы знаемъ, что еще въ своей запискѣ 1818 г. Канкринъ явился противникомъ безземельнаго освобожденія крестьянъ.

Въ „Сынѣ Отечества“ Греча мы находимъ въ 1839 г. статью Усолкина „О выгодахъ помѣщика и крестьянина“, посвященную описанію съ хозяйственной точки зрѣнія положенія крестьянъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи; здѣсь мы не встрѣчаемъ никакихъ обличеній крѣпостнаго права, если не считать слѣдующаго мѣста: „Равнодушіе ко благу сограждан, равнодушіе къ собственной пользѣ и стремленіе къ почестямъ препятствуютъ намъ заняться тѣмъ, что наипаче составляетъ обязанность нашу Мы отдаемъ власть, которою сами имѣемъ право пользоваться, управляющему или бурмистру. Иногда получаемъ доходы разореніемъ крестьянъ, иногда вовсе доходовъ не получаемъ, а крестьянъ, все таки, разоряемъ“. Но не слѣдуетъ думать, что авторъ противъ самаго существованія крѣпостнаго права. Дѣло идетъ только объ установленіи болѣе выгоднаго для помѣщика порядка въ имѣніяхъ, при которомъ и ради интересовъ господина крѣпостные не должны быть нищими; понятно, что, имѣя въ виду увеличеніе доходовъ съ населенныхъ имѣній, авторъ рекомендуетъ барщину предпочтительно предъ оброкомъ [1]).

Въ эпоху императора Александра I вольное экономическое общество, подобно тому, какъ это было и въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II, обнаруживало немалую дѣятельность по крестьянскому вопросу: и задача 1804 г. о причинахъ дороговизны хлѣба, и тема, заданная обществомъ въ 1809 г., о томъ, что полезнѣе, барщинное или оброчное хозяйство, и задача 1812 года—объ отдѣленіи фабричныхъ работниковъ отъ земледѣльцевъ, и всего болѣе другая задача 1812 г. — о сравнительной выгодности крѣпостнаго и свободнаго труда, все это вызывало много разсужденій, затрогивавшихъ съ той или другой точки зрѣнія крѣпостное право, и нѣкоторыя изъ нихъ появлялись въ „Трудахъ вольнаго экономическаго общества“. Напротивъ того, въ царствованіе императора Николая вольное экономическое общество почти совершенно игнорируетъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ и только однажды, въ общемъ собраніи его 28 ноября 1842 года, была прочитана статья Дурасова: „Взглядъ на положеніе крестьянъ въ Россіи и сравненіе ихъ съ классомъ рабочаго народа въ иностранныхъ государствахъ“. Чтеніе этой статьи именно въ 1842 г. было, безъ сомнѣнія, дѣломъ не случайнымъ: она явилась какъ бы отвѣтомъ со стороны вольнаго экономическаго общества на указъ объ обязанныхъ крестьянахъ. Авторъ статьи отдаетъ рѣшительное предпочтеніе положенію нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ сравнительно

---

[1]) „Сынъ Отечества“ 1839 г., т. VIII, стр. 219—250. Въ „Москвитянинѣ“, кромѣ статьи Хомякова „О сельскихъ условіяхъ“, возраженія на нее неизвѣстнаго автора и отвѣта Хомякова, другихъ статей по крестьянскому вопросу не появлялось.

съ бытомъ земледѣльческихъ работниковъ въ Западной Европѣ. Для примѣра онъ беретъ, разумѣется, Англію и, указавъ на бѣдственное положеніе тамъ сельскихъ батраковъ, бродящихъ съ мѣста на мѣсто, восклицаетъ: „вотъ изображеніе прославляемой вольности, которая существуетъ только во время переходовъ и, подобно призраку, исчезаетъ съ заключеніемъ условія". Затѣмъ авторъ описываетъ бытъ нашихъ крестьянъ, указываетъ на то, что состоящіе на оброкѣ пользуются всѣми землями, принадлежащими владѣльцу, лѣсами, лугами и рыбными ловлями; что же касается барщинныхъ вотчинъ, то, по мнѣнію автора, „и нравственная обязанность, и финансовыя выгоды заставляютъ помѣщиковъ печься объ улучшеніи быта своихъ крестьянъ". Общій выводъ автора состоитъ въ слѣдующемъ: „При такомъ положеніи крестьянъ въ Россіи одно невѣдѣніе иностранцевъ можетъ приписывать имъ невольничество. Мнѣ возразятъ: есть владѣльцы, кои не пекутся о своихъ крестьянахъ: проматываясь, требуютъ сверхъ силъ оброки и изнуряютъ симъ бытъ крестьянъ, обременяютъ излишнею пашней и дѣлаютъ имъ разныя притѣсненія. Отвѣтъ мой: можно ли по нѣкоторой части мелкопомѣстныхъ дворянъ судить о цѣломъ сословіи? Гдѣ нѣтъ нарушенія законовъ и частнаго зла? Но сіи виновные преслѣдуются строгостью законовъ... Правительство недостойныхъ дворянъ имѣнія беретъ въ опеку, удаляя ихъ самихъ изъ селеній и устраняя совершенно отъ управленія крестьянами... Если можно выставить частные случаи о злоупотребленіи помѣщиковъ надъ сотнями крестьянъ, то милліоны оныхъ подъ защитою хорошихъ владѣльцевъ благоденствуютъ". Авторъ указываетъ и на то, что освобожденіе крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ, въ царствованіе императора Александра I, привело къ печальнымъ послѣдствіямъ [1]). Въ заключеніе онъ ставитъ вопросъ: „какія могутъ быть послѣдствія отъ нетвердой осѣдлости крестьянъ", т. е. отъ разрѣшенія имъ переходить съ мѣста на мѣсто,—другими словами, отъ безземельнаго освобожденія ихъ по образцу Прибалтійскаго края, и рѣшаетъ его такимъ образомъ: „Владѣльцы, почитая крестьянъ своихъ временными работниками, будутъ помышлять объ однихъ своихъ доходахъ, въ той увѣренности, что... вмѣсто обнищавшихъ, они могутъ принять новыхъ, прогоняя всѣхъ тѣхъ, кои стары, дряхлы или бѣдны. Крестьяне въ господахъ своихъ увидятъ одинъ эгоизмъ и, переходя изъ мѣста въ мѣсто, потерявъ чувство привязанности къ родинѣ и не находя для себя пристанища, могутъ, скитаясь въ лѣ-

---

[1]) „Тамъ дворяне, говоритъ Дурасовъ,—видятъ въ крестьянахъ у себя временныхъ жителей и потому стараются извлекать сколько возможно болѣе своей пользы. Самое имѣніе крестьянъ служитъ доходомъ дворянина: стремленіе къ трезвости крестьянъ, улучшеніе быта ихъ и прежняя связь между владѣльцами и крестьянами болѣе не существуетъ".

сахъ странниками и бродягами, сдѣлаться опасными общему спокойствію". Справедливо вооружаясь, такимъ образомъ, противъ безземельнаго освобожденія крестьянъ, справедливо утверждая, что такое освобожденіе можетъ только ухудшить ихъ экономическое положеніе, авторъ ни на минуту не задумывается надъ тѣмъ, что возможно освободить крестьянъ съ землею, или, по крайней мѣрѣ, не высказываетъ пожеланій относительно дальнѣйшихъ ограниченій крѣпостнаго права, хотя и упоминаетъ съ сочувствіемъ о немногихъ прежнихъ мѣрахъ правительства въ этомъ направленіи, и заключаетъ свою статью такъ: „да не коснется насъ никакой помыслъ или желаніе нововведеній" [1]).

Органъ другаго агрономическаго общества, а именно „Земледѣльческій Журналъ", издаваемый московскимъ обществомъ сельскаго хозяйства, столь же мало отзывался на назрѣвающій вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права. О положеніи крестьянъ въ немъ говорилось исключительно съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія, а если и затрогивался вопросъ объ ихъ освобожденіи, то не иначе, какъ въ консервативномъ направленіи. Такъ, П. В—съ (Вилькинсъ), говоря о „нынѣшнемъ положеніи помѣщичьихъ крестьянъ", указываетъ на ихъ волненія въ 1812 году, которыя приписываетъ исключительно наущеніямъ французскихъ шпіоновъ, и при этомъ объясняетъ, что крѣпостнымъ вольность представляется „свободою не повиноваться ни старостамъ, ни помѣщикамъ, работать и не работать по своей волѣ, пить и гулять, сколько душѣ угодно, не давая никому въ поведеніи своемъ отчета". Хотя „въ недавнемъ времени броженіе умовъ начало утихать постепенно", но прежнее безпрекословное повиновеніе господамъ, по мнѣнію автора, исчезло и явилась „скрытная какая-то ненависть къ помѣщикамъ" [2]). Вилькинсъ, авторъ этой статьи, не только противъ освобожденія крестьянъ, но онъ совершенно откровенно высказывалъ въ печати такіе взгляды, осуществленіе которыхъ могло бы самымъ вреднымъ образомъ отозваться на интересахъ крѣпостныхъ. Такъ, въ другой статьѣ, напечатанной уже за полною его подписью, подъ заглавіемъ: „Что собственно нужно помѣщичьему издѣльному крестьянину для безбѣднаго содержанія себя съ семействомъ въ нечерноземныхъ сѣверныхъ губерніяхъ и, судя по тому, какимъ количествомъ земли онъ долженъ владѣть и пользоваться, чтобы имѣть возможность какъ государственныя повинности платить безъ отягощенія, такъ и свое состояніе мало-по-малу улучшать?" авторъ доказываетъ, что помѣщичій крестьянинъ, состоящій на барщинѣ, „имѣя во владѣніи своемъ" (на тягло) не болѣе одной указной десятины пахотной земли въ каждомъ полѣ (слѣдовательно, по 1½ и менѣе десятинъ земли

---

[1]) „Труды вольнаго экономическаго общества" 1842 г., т. 7, стр. 136—154.
[2]) „Земледѣльческій Журналъ" 1832 г., № 6, стр. 314—317.

на ревизскую душу), можетъ не только съ избыткомъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ своимъ по хозяйству, но и сберегать ежегодно такую часть денегъ и продуктовъ, которая современемъ поставитъ его выше всякой нужды" [1]). Имѣя въ виду одну цѣль—увеличеніе помѣщичьихъ доходовъ, Вилькинсъ готовъ былъ посягнуть на самые коренные устои крестьянскаго быта. Въ 1843 г. въ „Журналѣ сельскаго хозяйства и овцеводства", издаваемомъ тѣмъ же московскимъ обществомъ сельскаго хозяйства, онъ напечаталъ „Мысли и наблюденія о положеніи земледѣльческой промышленности" [2]), гдѣ особую главу посвящаетъ проекту „образованію сводныхъ хозяйствъ". Указывая на вредъ, происходящій отъ семейныхъ раздѣловъ крестьянъ онъ рекомендуетъ такую мѣру: „образованіе *сводныхъ* семей или хозяйствъ, въ которыхъ бы работники, находясь подъ вѣдѣніемъ одного старшаго и отвѣтственнаго хозяина, могли совокупными силами трудиться для общаго блага". Въ подтвержденіе справедливости своего взгляда, авторъ ссылается не только на подобный опытъ своего дѣда, помѣщика рязанской губерніи, но еще на болѣе новый и важный примѣръ. Въ саратовской губерніи,—разсказываетъ Вилькинсъ,—недавно поселены на казенныхъ земляхъ женатые питомцы московскаго воспитательнаго дома и обзаведены всѣмъ, принадлежащимъ къ хозяйству. Для увеличенія будущихъ семей дано еще каждой парѣ, т. е. мужу съ женой, по мальчику и дѣвочкѣ на воспитаніе. Всѣ эти семейства раздѣлены на кварталы и каждый кварталъ отданъ въ непосредственное вѣдѣніе знающему и опытному хозяину изъ иностранныхъ колонистовъ, который обязанъ отвѣчать за работы, поведеніе и нравственность новыхъ земледѣльцевъ... Теперь эти колоніи, несмотря на короткое время существованія своего, начинаютъ уже процвѣтать и приходятъ годъ отъ году въ лучшее состояніе". Къ сожалѣнію, авторъ скрылъ еще нѣкоторыя черты столь симпатичнаго ему устройства Маріинской колоніи московскаго воспитательнаго дома: не только въ батраки (такъ называемые „товарищи") хозяину и хозяйкѣ отданы были, по указанію администраціи, тѣ или другіе изъ питомцевъ и питомицъ, но даже самыя брачныя пары были составлены по распоряженію начальства. Быть можетъ, и эта черта ихъ быта была симпатична Вилькинсу, но онъ не рѣшился о ней упомянуть. А затѣмъ свидѣтельства современниковъ и труды мѣстныхъ изслѣдователей даютъ намъ возможность въ двухъ словахъ досказать исторію этой Маріинской колоніи, приводившей Вилькинса въ такой восторгъ. „Товарищи, по указанію очевидца, были работниками или, вѣрнѣе, крѣпостными рабами хозяина", по первому слову котораго

[1]) Ibid., 1832 г., № 7, стр. 482, 491—492.
[2]) №№ 8—10, 12. Оттиски этой статьи были изданы и въ видѣ отдѣльной книги.

управляющіе подвергали „товарищей“ самымъ суровымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, да и сами хозяева били „товарищей“. Въ виду этого, понятно, что въ 1848 г., при проѣздѣ министра государственныхъ имуществъ, гр. Киселева, чрезъ эту колонію, „товарищи“ и малолѣтки подали ему прошеніе объ отпускѣ ихъ на волю отъ хозяевъ; просьба эта была удовлетворена, и они всѣ разошлись въ разныя стороны. Въ 1852 году, при обращеніи питомцевъ въ государственныхъ крестьянъ, здѣсь произошло волненіе, окончившееся обычною экзекуціей [1]). Въ настоящее время, какъ доказываетъ изслѣдованіе саратовскихъ земскихъ статистиковъ, эти крестьяне только и мечтаютъ о томъ, какъ бы перейти отъ установленнаго у нихъ администраціей подворнаго къ обычному общинному землевладѣнію. И вотъ подобные-то безумные опыты, произведенные администраціею, Вилькинсъ рекомендуетъ въ видѣ образца всѣмъ помѣщикамъ, а московское общество сельскаго хозяйства за это сочиненіе присуждаетъ ему въ 1844 г. золотую медаль [2]).

Также мало затрогивался и столь же неудовлетворительно рѣшался крестьянскій вопросъ и въ отдѣльныхъ агрономическихъ сочиненіяхъ. Такъ, въ изданномъ въ 1830 году сочиненіи Тэера: „Основанія раціональнаго сельскаго хозяйства съ примѣчаніями Н. Н. Муравьева и Е. Крюда“, Муравьевъ, разбирая вопросъ о сравнительной выгодности крѣпостнаго и свободнаго труда, доказываетъ, что „работа наемными людьми въ Россіи будетъ самымъ неосновательнымъ и разорительнымъ предпріятіемъ, доколѣ цѣна хлѣба не возвысится, цѣна наемныхъ работниковъ не уменьшится и число ихъ не увеличится“, и что „въ Россіи нѣтъ другаго средства производить полевыя работы, какъ осѣдлыми крестьянами“ [3]).

Указывая на весьма ничтожное количество въ русской журналистикѣ статей, посвященныхъ крестьянскому вопросу, точно также какъ и на почти совершенное игнорированіе его въ отдѣльныхъ серьезныхъ сочиненіяхъ, мы должны принимать во вниманіе то же самое обстоятельство, которое такъ мѣшало и нашимъ поэтамъ и беллетристамъ бичевать крѣпостное право: мы разумѣемъ цензурныя стѣсненія [4]). Въ началѣ главы мы

---

[1]) „Русская Старина“ 1879 г., т. XXV, статья „Питомцы Московскаго воспитательнаго дома, поселенцы саратовской губ.“

[2]) *Масловъ*. „Историческое обозрѣніе трудовъ и дѣятельности московск. общ. сельск. хоз.“, изд. 2-е, М. 1850 г., стр. 252.

[3]) Переводчикъ книги, Масловъ, присоединяясь къ этому мнѣнію, считаетъ, однако, необходимымъ напомнить, что если бы съ помѣщика „сложена была вся отвѣтственность за неисправность его крестьянъ во взносѣ податей и повинностей, равно обязанность при всѣхъ несчастныхъ случаяхъ помогать имъ изъ своего капитала, даже отвѣчать за ихъ безнравственность и т. п., то едва ли каждый разсчетливый хозяинъ не согласился бы на... уменьшеніе своихъ годовыхъ доходовъ“ (I, 71, 75, 189—190).

[4]) Гр. Уваровъ отмѣтилъ въ „Московскомъ Телеграфѣ“ Полеваго 1833 года (№ 1, стр. 35 и 36) слѣдующее мѣсто, въ числѣ другихъ, по его мнѣнію, обнаруживающихъ

указали на свидѣтельство современника, относящееся къ 1841 году, что въ „послѣдніе годы“ передъ тѣмъ министерство народнаго просвѣщенія запретило разсуждать въ печати о крѣпостныхъ крестьянахъ[1]) Послѣ 1841 года это запрещеніе было нарушено, собственно говоря, только въ два момента: въ 1842 году, когда изданіе указа объ обязанныхъ крестьянахъ вызвало статью Хомякова и возбужденную ею полемику, и затѣмъ въ 1846—48 годахъ, когда появилась статья Заблоцкаго и разныя мелкія журнальныя замѣтки, такъ или иначе задѣвающія крѣпостное право, а также цѣлый рядъ беллетристическихъ произведеній Тургенева, Григоровича, Герцена. Но уже въ первой четверти 1848 года, подъ вліяніемъ того впечатлѣнія, которое произвела на императора Николая февральская революція во Франціи, усилилось гоненіе на статьи, посвященныя крестьянскому вопросу. Въ рѣчи, произнесенной государемъ 21 марта 1848 года при пріемѣ депутатовъ отъ петербургскаго дворянства, императоръ Ни-

---

вольномудчество издателя. „*Рабъ* барина феодальнаго, какъ *животное ползающій* на четверенькахъ по своему полю, сталъ на ноги и *съ дикимъ* смѣхомъ поразилъ подъ беззащитною броней *уравнительнымъ* ядромъ сего гордаго феодалиста и его могучаго коня. *Воля побѣдила*, правосудіе побѣдило“. *М. И. Сухомлиновъ*. „Н. А. Полевой и его журналъ „Московскій Телеграфъ“. „Истор. Вѣстн.“ 1886 г., № 4, стр. 28.

[1]) Упомянемъ еще, что къ 1841 году императоръ Николай обратилъ вниманіе на историческій разсказъ Кукольника: „Сержантъ или всѣ за одно“. Въ этомъ разсказѣ изъ эпохи Петра В. представленъ дворянскій недоросль, ведущій въ деревнѣ самую развратную жизнь; за сопротивленіе, оказанное крѣпостною дѣвушкою его притязаніямъ, онъ сдаетъ ее въ солдаты ея жениха, но вслѣдъ затѣмъ и его самого берутъ въ военную службу, онъ попадаетъ подъ начальство своего прежняго крѣпостнаго, сдѣланнаго уже сержантомъ, и долженъ выносить отъ него побои за неисправности по службѣ; крѣпостная же дѣвушка по указу государя получаетъ свободу. (Сборникъ „Сказка за сказкой“ 1841 г., вып. I-й). Неудовольствіе государя вызвало слѣдующее письмо графа Бенкендорфа къ Н. Кукольнику, 6 января 1842 года: „Милостивый государь Несторъ Васильевичъ! Историческій разсказъ „Сержантъ или всѣ за одно“ обратилъ на себя вниманіе публики желаніемъ вашимъ выказать дурную сторону русскаго дворянина и хорошую—его двороваго человѣка. Государь императоръ удивляется, какъ можетъ человѣкъ, столь просвѣщенный и обладающій такимъ хорошимъ перомъ, какъ вы, милостивый государь, убивать время на зальтія, васъ недостойныя, и на составленіе статей, до такой степени ничтожныхъ. Хотя разсказъ вашъ вы почерпнули изъ дѣяній Петра Великаго, но предметъ, вами описанный, въ анекдотѣ, составляя прекрасную черту великаго государя, въ вашемъ сочиненіи совершенно искаженъ неумѣстными выраженіями и получилъ совершенно дурное направленіе. Желаніе ваше безпрерывно выказывать добродѣтель податнаго состоянія и пороки высшаго класса людей не можетъ имѣть хорошихъ послѣдствій, а потому не благоугодно ли вамъ будетъ на будущее время воздержаться отъ печатанія статей, противныхъ духу времени и правительства, дабы тѣмъ избѣжать взысканія, которому вы, при меньшей, какъ нынѣ, снисходительности, подвергнуться можете“. („Русская Старина“ 1871 г., т. III, 793). Въ историческомъ романѣ Кукольника „Два Ивана, два Степаныча, два Костыльковы“ (1846 г.) авторъ также затрогиваетъ помѣщичій разгулъ (стр. 45—46, 50—51).

колай, между прочимъ, сказалъ: „нѣкоторые русскіе журналы дозволили себѣ напечатать статьи, возбуждающія крестьянъ противъ помѣщиковъ и вообще неблаговидныя, но я принялъ мѣры, и этого впредь не будетъ“ [1]). Серьезныхъ статей, посвященныхъ крестьянскому вопросу, въ указанное время было очень немного или, точнѣе сказать, собственно и была только одна статья Заблоцкаго, къ тому же, вполнѣ научная и мало доступная для большинства публики: мы думаемъ поэтому, что слова государя скорѣе всего относятся къ беллетристическимъ очеркамъ, а именно къ „Запискамъ охотника“ Тургенева; и дѣйствительно, мы видимъ, что послѣ рѣчи императора Николая только въ одномъ очеркѣ Тургенева, напечатанномъ въ 1849 году („Чертопхановъ и Недопюскинъ“), и то лишь слегка, задѣто крѣпостное право, а когда затѣмъ въ началѣ 1852 года Иванъ Сергѣевичъ издалъ въ Москвѣ отдѣльное собраніе очерковъ изъ „Записокъ охотника“, это, какъ извѣстно, не прошло ему даромъ. Лишь гораздо позднѣе, въ 1854 году, Тургеневъ печатаетъ „Муму“, а „Постоялый дворъ“, написанный, также какъ и предъидущій разсказъ, въ 1852 году, появляется лишь въ новое царствованіе.

Приведенныя слова государя въ рѣчи 1848 г вызвали настоящій цензурный терроръ относительно всего, гдѣ хотя маломальски затрогивалось крѣпостное право, о прямыхъ же нападкахъ на него нечего было, разумѣется, и думать. До какихъ курьезовъ доходило выискиваніе въ самыхъ серьезныхъ научныхъ трудахъ либеральныхъ мыслей по крестьянскому вопросу, показываютъ слѣдующіе примѣры. Въ 1849 г. цензоръ „Современника“ получилъ выговоръ за пропускъ въ этомъ журналѣ одной изъ главъ статьи С. М. Соловьева: „Обзоръ событій русской исторіи отъ кончины царя Ѳеодора Іоанновича до вступленія на престолъ дома Романовыхъ“ (1849 г., № 1). Было признано, что собственно въ статьѣ нѣтъ „ничего предосудительнаго по духу ея изложенія“, но обратили вниманіе на приведенныя авторомъ жалобы московскаго духовенства, что Болотниковъ въ своихъ воззваніяхъ къ народу приказываетъ „боярскимъ холопамъ побивати своихъ бояръ, и жены ихъ, и вотчины, и помѣстья имъ сулятъ, и шпынямъ, и безъименникамъ ворамъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити“ (стр. 14—15). Нѣсколько далѣе Соловьевъ объяснялъ успѣхъ самозванца и Лисовскаго тѣмъ, что они находили союзниковъ въ черни, „объявивъ крестьянамъ, что они вольны захватывать земля господъ своихъ, служившихъ Шуйскому, вольны

---

[1]) „Русская Старина“ 1883 г., т. 39, стр. 595. „6 ноября 1812 года министръ народнаго просвѣщенія предписалъ: „Всѣ статьи о сельскихъ условіяхъ между крестьянами и помѣщиками, прежде пропуска къ напечатанію ихъ, должны быть представляемы на разрѣшеніе главнаго управленія цензуры“. „Сборн. постановл. по цензурѣ“. Спб. 1862 г., стр. 235—236.

даже жениться на дочеряхъ господскихъ" (стр. 25). Допуская подобныя подробности въ спеціальныхъ историческихъ трудахъ, имѣющихъ свой особый кругъ читателей, администрація нашла ихъ вреднымн въ распространенномъ журналѣ [1]). Въ 1850 г., при обсужденіи вопроса о книгахъ для парода, было, между прочимъ, постановлено: „Сочиненія, въ которыхъ изъявляется сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, описываются злоупотребленія помѣщиковъ или доказывается, что перемѣна въ отношеніяхъ первыхъ къ послѣднимъ принесла бы пользу, не должны быть *вообще разрѣшаемы къ печатанію*, а тѣмъ болѣе въ книгахъ, предназначаемыхъ для чтенія простаго народа" [2]). Въ 1852 г., какъ мы уже знаемъ, московскій цензоръ кн. Львовъ былъ отставленъ отъ должности за пропускъ отдѣльнаго изданія „Записокъ охотника", причемъ поднимался вопросъ и о конфискаціи книги, а затѣмъ, въ сущности, за „Записки охотника". какъ думаетъ самъ Тургеневъ, онъ былъ арестованъ и сосланъ въ деревню: письмо о Гоголѣ явилось только поводомъ наказать автора за его провинности противъ... крѣпостнаго права. Наконецъ, въ 1853 г. былъ строжайше запрещенъ романъ Бичеръ-Стоу „Хижина дяди Тома" [3])

Но мысль о неотложной необходимости освобожденія крестьянъ достаточно назрѣла, если еще далеко не во всемъ обществѣ, то, по крайней мѣрѣ, среди людей передовыхъ. Въ первомъ ряду такихъ людей мы, между прочимъ, находимъ въ сороковыхъ годахъ профессоровъ Мейера въ Казани и Кавелина въ Москвѣ; какъ честные преподаватели гражданскаго права, они не могли обойти, въ своихъ лекціяхъ или бесѣдахъ со слушателями, крѣпостнаго права, и понятно, что они должны были имѣть сильное либеральное вліяніе на молодежь по отношенію къ крестьянскому вопросу.

Мейеръ былъ профессоромъ въ Казани въ 1845—55 гг. Вотъ что говоритъ о немъ одинъ изъ его бывшихъ слушателей, П. П. Пекарскій: „Мейеръ былъ врагъ лжи и въ своихъ лекціяхъ онъ гнушался доказывать..., что черное при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ быть бѣлымъ... Правдивость и откровенность Мейера были главнѣйшею причиной того обаятельнаго вліянія, которое онъ имѣлъ на своихъ слушателей. Бываютъ наставники, которые вообще не высокаго мнѣнія о молодежи и думаютъ, что ихъ ученикамъ знать то или другое рано или неумѣстно. Другіе такого мнѣнія изъ разсчетовъ, умываютъ руки и говорятъ: узнаютъ и безъ меня, когда будетъ нужно! Третьи, не имѣя сами никакихъ убѣжденій, не могутъ сообщить въ своихъ лекціяхъ того, что могло бы выработать въ молодыхъ людяхъ истинный взглядъ на предметы.. Что же

---

[1]) „Сборн. постановл. по цензурѣ". Спб. 1862 г., стр. 256—257.
[2]) Ibid. стр. 265.
[3]) „Русск. Арх." 1879 г. т. III, 362.

выходитъ изъ того? „Лекціи, не оживленныя идеею, кажутся наборомъ словъ безъ смысла или такъ безцвѣтны, что слушать ихъ утомительно... Мейеръ смотрѣлъ иначе на преподаваніе и на своихъ студентовъ". Хорошо понимая, что огромное большинство его товарищей-профессоровъ не раздѣляетъ его взглядовъ на преподаваніе, Мейеръ писалъ одному своему пріятелю: „Они хотятъ науку безусловно скромную и уживчивую, чуждающуюся жизни, и хотятъ, чтобы выдаваемое ими за науку исключительно таковою признавалось, хотятъ получить привилегію на такую науку. Моя наука жадно изучаетъ жизнь и для этого прислушивается и къ сходкѣ крестьянъ, вчитывается въ конторскія книги помѣщика, перебираетъ переписку купцовъ, шныряетъ по толкучему рынку, якшается съ артелью рабочихъ, взбирается на судно къ бурлакамъ, усаживается, какъ дома, не только въ кабинетѣ съ книгами, портфелями и разными *petits riens*, но и въ конторѣ бородача или усача-маклера, въ архивѣ суда и въ самомъ судѣ, стараясь не замѣчать, что здѣсь смотрятъ на нее не совсѣмъ благосклонно". Понятно, что представитель *такой* науки не могъ молчать о крѣпостномъ правѣ; свидѣтелемъ намъ послужитъ опять Пекарскій, причемъ необходимо оговориться, что его воспоминанія о Мейерѣ напечатаны въ 1859 г., т. е. еще до освобожденія крестьянъ, чѣмъ и объясняется та осторожность, съ которою авторъ воспоминаній обходитъ самое слово „крѣпостное право"; если такъ приходилось писать объ этомъ щекотливомъ предметѣ уже при Александрѣ II, то легко понять, каково было затрогивать его въ Николаевскую эпоху, какъ много нужно было для этого честности и гражданскаго мужества.

„Въ гражданскомъ правѣ, доходя до отдѣла объ объектахъ имущественныхъ правъ, говоритъ Пекарскій.—Мейеръ всегда высказывалъ мысль о несостоятельности учрежденій, въ силу которыхъ допускалось, что человѣкъ, лицо, могъ быть при извѣстныхъ обстоятельствахъ объектомъ правъ собственности. Лекціи объ этомъ важномъ предметѣ были самыми замѣчательными, потому что затрогивали множество постановленій и обычаевъ, имѣвшихъ за собою право давности, но, тѣмъ не менѣе, вредившихъ дальнѣйшему прогрессу въ жизни цѣлаго государства. Мейеръ старался, при всякомъ удобномъ случаѣ, и на лекціяхъ, и въ бесѣдахъ съ своими студентами, возвращаться къ основной идеѣ, руководившей его въ сужденіяхъ объ этомъ предметѣ, и каждый разъ онъ употреблялъ всю силу доводовъ и убѣжденій въ пользу своего задушевнаго принципа. Сперва этотъ принципъ озадачивалъ немало студентовъ, имъ не приходила даже въ голову дурная сторона учрежденія, потому что увѣренность въ нормальности и непреложности его подкрѣплялась обыкновенно ложными и патріархально-сантиментальными сентенціями, всосанными, такъ сказать, съ молокомъ. Несмотря, однако, на это, Мейеръ, успѣлъ достигнуть того, что многіе изъ его студентовъ, не только въ университетѣ, но и по выходѣ оттуда... считали, непреложными и справедливыми всѣ мнѣнія профессора касательно имущественныхъ правъ на лицо".

Черезъ два года послѣ вступленія Мейера на каѳедру, одинъ изъ его слушателей, бывшій самъ помѣщикомъ, написалъ кандидатскую диссертацію подъ заглавіемъ: „О крѣпостномъ состояніи. Историко-догматиче-

ское разсужденіе", въ началѣ котораго авторъ говоритъ, что предпринялъ свое изслѣдованіе съ „цѣлью узнать, имѣетъ ли учрежденіе это въ пользу дальнѣйшаго своего существованія какія либо выгодныя стороны и, прежде всего, имѣло ли оно какое-либо юридическое основаніе". Въ диссертаціи, кромѣ историческихъ свѣдѣній о крѣпостномъ правѣ, были приведены многіе случаи изъ современной дѣйствительности, подтверждавшіе основную мысль автора. Диссертація обратила на себя общее вниманіе. Другой молодой человѣкъ, имѣвшій капиталъ и первоначально предполагавшій употребить его на покупку недвижимаго имѣнія, подъ вліяніемъ лекцій Мейера отказался навсегда отъ исполненія этого намѣренія [1]).

Такое же благотворное вліяніе на студентовъ имѣлъ и Кавелинъ во время своего профессорства въ Москвѣ въ 1844—48 гг. Одинъ изъ его бывшихъ слушателей свидѣтельствуетъ, что на воскресныхъ бесѣдахъ у покойнаго Константина Дмитріевича преобладающее мѣсто занималъ тогда вопросъ о крѣпостномъ правѣ. „Составъ студентовъ,—говоритъ г. Колюпановъ,—былъ тогда другой: большинство ихъ принадлежало къ помѣщикамъ, къ рабовладѣльцамъ, какъ, не стѣсняясь заявлялъ имъ въ глаза Константинъ Дмитріевичъ. Его рѣзкій, безпощадный протестъ противъ крѣпостнаго права [2]) имѣлъ громадное значеніе. Въ умѣ всякаго шевельнулось сомнѣніе; болѣе или менѣе, но невольно протестъ этотъ переходилъ въ слушателей. Какъ-то совѣстно становилось обращаться къ этому явленію такъ спокойно и безразлично, какъ это дѣлалось до знакомства съ Константиномъ Дмитріевичемъ. И эта дѣятельность не прошла безслѣдно. Немало его слушателей явилось впослѣдствіи и въ числѣ меньшинства губернскихъ комитетовъ, и въ рядахъ мировыхъ посредниковъ перваго призыва" [3]). Такая ревностная пропаганда анти крѣпостническихъ взглядовъ не могла не повредить Кавелину. Изъ мемуаровъ Селиванова мы знаемъ, что въ 1850 г. въ III отдѣленіи уже велось „дѣло о Кавелинѣ, сильно замѣченномъ въ либерализмѣ" [4]), и письмо къ Константину Дмитріевичу было одною изъ причинъ, заставившихъ Селиванова противъ воли познакомиться съ А. В. Дубельтомъ. Въ III отдѣленіе было доставлено неоконченное и брошенное Селивановымъ письмо его къ Кавелину, въ которомъ онъ говоритъ о томъ, „какъ тяжело положеніе

---

[1]) *П. Некрасовъ*: „Студенческія воспоминанія о Д. П. Мейерѣ, въ сборникѣ „Братчина", ч. I. Спб., 1859 г., стр. 226—231.

[2]) О юношескихъ впечатлѣніяхъ Кавелина, приведшихъ къ отрицанію крѣпостнаго права см. ст. *Корелкина* „К. Д. Кавелинъ". („Вѣстн. Европы" 1886 г. № 10) Нужно не забывать также, что Кавелинъ былъ ученикомъ Бѣлинскаго

[3]) „Русскія Вѣдомости" 1885 г. № 128

[4]) Несмотря на то, что въ это время онъ служилъ по управленію военно-учебными заведеніями начальникомъ воспитательнаго отдѣленія штаба наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній.

помѣщика, обязаннаго заботиться о положеніи своихъ крестьянъ, какъ велика нравственная обязанность, на немъ лежащая. что во сто кратъ лучше быть чиновникомъ и служить пятнадцать часовъ въ сутки, нежели быть помѣщикомъ и чувствовать на себѣ тяжесть нравственной отвѣтственности“ [1]). Желаніе Селиванова раздѣлить свои сомнѣнія въ этомъ дѣлѣ именно съ Кавелинымъ доказываетъ, что либеральные взгляды послѣдняго относительно крестьянскаго вопроса были достаточно извѣстны [2]).

Правительство, преслѣдуя съ 1848 г. всякое проявленіе въ печати мыслей, враждебныхъ крѣпостному праву, не могло, конечно, не принять мѣръ и для прекращенія вліянія профессоровъ въ этомъ направленіи на студентовъ, и вотъ въ „наставленіи ректору и деканамъ юридическаго и перваго отдѣленія философскаго факультетовъ“, данномъ 24 октября 1849 г. и подписанномъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія кн. Ширинскимъ-Шахматовымъ, мы находимъ, между прочимъ, слѣдующій пунктъ: „въ видахъ охраненія внутренняго въ Россіи спокойствія, ректоръ и деканы не дозволяютъ въ лекціяхъ профессоровъ изъявлять, въ неумѣренныхъ выраженіяхъ, сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, говорить съ преувеличеніемъ о злоупотребленіи власти помѣщиковъ или доказывать, что перемѣна въ отношеніяхъ первыхъ къ послѣднимъ была бы полезна для государства“ [3]).

---

[1]) „Русская Старина“ 1880 г. т. XXVIII, 307—309.

[2]) Въ 1861 г. Кавелинъ покончилъ обязательныя отношенія съ своими крестьянами въ его самарскомъ имѣніи такимъ образомъ, что они получили въ даръ на основаніи 123 ст. мѣстнаго положенія четьерть душеваго надѣла (такъ называемый нищенскій надѣлъ). „Этотъ надѣлъ“, писалъ тогда Кавелинъ своему брату, „они взяли въ солончакахъ, слѣдовательно по закону получили 3 десятины за одну удобную. Сверхъ того я подарилъ имъ усадьбу и выпускъ—27 десятинъ, да разныхъ лишковъ десятинъ 67, всего около ста десятинъ. Сто сорокъ десятинъ удобной земли около пруда отдалъ въ аренду на 9 лѣтъ съ правомъ выкупа въ этотъ же срокъ на условіяхъ, на какихъ казна оказываетъ помощь для выкупа, именно: оцѣнилъ десятину по казенной расцѣнкѣ, съ вычетомъ 20 коп. съ рубля. Арендную плату положилъ въ 5 процентовъ.. Всѣ завидуютъ моей сдѣлкѣ, многіе ей не вѣрятъ, а кто вѣритъ..., тотъ ломаетъ голову, какими способами я могъ склонить къ такой сдѣлкѣ крестьянъ; между тѣмъ то вѣрно. что я предлагалъ крестьянамъ условія гораздо менѣе для меня выгодныя, но они сами предложили мнѣ эти, и я на нихъ согласился, а не они на мои предложенія“. *Корсаковъ*. „К. Д. Кавелинъ“. „Вѣстн. Европы“ 1886 г. № 10, стр. 735.

[3]) „Русская Старина“ 1872 г. т. VI, 450. На ряду съ такими почтенными учеными преподавателями, какъ Мейеръ и Кавелинъ, нельзя не вспомнить К. Арсеньева, преподавателя наслѣдника престола Александра Николаевича, который еще въ царствованіе Александра I задѣвалъ крѣпостное право въ университетскихъ лекціяхъ и принужденъ былъ тогда покинуть каѳедру. Въ первоначальномъ посвященіи Арсеньева цесаревичу книги „Статистическіе очерки Россіи“ (процензурованной въ началѣ 1847 г.) было, между прочимъ, сказано: „я помню. съ какимъ участіемъ скорбѣли (вы) о разныхъ преградахъ къ свободному развитію новой лучшей жизни для народа“. Но посвященіе это было перепечатано и сохранилось въ первоначальномъ видѣ лишь въ весьма немногихъ экземплярахъ.

Правительство не ограничилось, однако, и этимъ строжайшимъ преслѣдованіемъ отрицательнаго отношенія къ крѣпостному праву въ литературѣ и на каѳедрѣ. Въ запискѣ по крестьянскому вопросу, написанной въ 1853—54 гг., Ю. О. Самаринъ свидѣтельствуетъ, что не только „правительство приняло крѣпостное право подъ свое особенное покровительство", безусловно изъявъ его изъ круга тѣхъ вопросовъ, о которыхъ позволено разсуждать печатно,—нѣтъ, мало этого: „въ нашей литературѣ и въ изданіяхъ казенныхъ стали появляться апологіи крѣпостнаго права, выведенныя не изъ юридическихъ или административныхъ соображеній, но изъ общихъ религіозно-нравственныхъ началъ,—апологіи самаго существа крѣпостнаго права". Въ подтвержденіе своихъ словъ Самаринъ указываетъ на слѣдующій фактъ; „особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи одно мѣсто въ наставленіи для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній, изданномъ въ 1852 г. Въ пользу крѣпостнаго права приведены тексты изъ священнаго писанія,—единственный, доселѣ небывалый примѣръ въ нашей литературѣ. Въ немногихъ словахъ совѣтъ предлагаемой авторомъ инструкціи можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ: „берегите крѣпостное право, какъ учрежденіе божественное какъ Божью заповѣдь, употребляйте его, какъ власть родительскую надъ дѣтьми. Не прямой ли изъ этого выводъ", замѣчаетъ Самаринъ, „что правительство, упразднивъ это право въ Остзейскомъ краѣ и въ Польшѣ, наружило Божью заповѣдь?" [1]).

Мысль о вредѣ крѣпостнаго права, малѣйшее выраженіе которой въ печати и на каѳедрѣ усиленно преслѣдовалось, не могла, разумѣется, исчезнуть послѣ того, какъ она подготовлялась всею исторіей нашего общества и литературы въ эпоху Екатерины II и Александра I. Она должна была найти себѣ исходъ или въ произведеніяхъ русскихъ людей, заброшенныхъ судьбою за границу, или въ рукописныхъ разсужденіяхъ, циркулировавшихъ по Россіи, или, наконецъ, она высказывалась въ кружкахъ людей единомышленныхъ, гдѣ можно было говорить свободно. За границей въ это время находился давній и энергическій врагъ крѣпостнаго права, Н. И. Тургеневъ, о дѣятельности котораго по этому вопросу въ предшествующую эпоху мы уже говорили въ нѣсколькихъ главахъ перваго тома. Къ сказанному тамъ не можемъ не прибавить замѣчательнаго мѣста изъ письма Тургенева къ Чаадаеву, написаннаго въ 1820 г. „Единая мысль одушевляетъ меня, единую цѣль предполагаю себѣ въ жизни, одна надежда еще не умерла въ моемъ сердцѣ: освобожденіе крестьянъ... Безплодныя занятія по службѣ отвлекли меня отъ тѣхъ занятій, которыхъ мнѣ не должно было бы оставлять никогда. Но предметъ

[1]) „Сочиненія Самарина" II, 21.

моихъ мыслей, моихъ желаній не перемѣнился: всегда гнусное рабство будетъ предметомъ моей ненависти, освобожденіе—цѣлью моей жизни!“ [1]) Тургеневъ напрасно жаловался на то, будто, благодаря служебнымъ занятіямъ, онъ мало сдѣлалъ для осуществленія дорогой ему идеи. Въ 1818 г. онъ издалъ замѣчательный трудъ: „Теорія налоговъ“, гдѣ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ для вылазокъ противъ крѣпостнаго права: въ слѣдующемъ году онъ составилъ прекрасную записку по крестьянскому вопросу, представленную чрезъ Милорадовича императору Александру. Затѣмъ, въ томъ же году, когда было написано письмо къ Чаадаеву, Тургеневъ участвовалъ въ попыткѣ основанія общества съ цѣлью уничтоженія крѣпостнаго права, а также по просьбѣ своего брата Александра Ивановича, служившаго въ коммиссіи составленія законовъ, содѣйствовалъ выработкѣ проекта закона о запрещеніи продажи людей безъ земли. И въ тайное общество „Союзъ Благоденствія“ Н. И. Тургеневъ вступилъ исключительно для того, чтобы распространять среди его членовъ мысль о необходимости уничтоженія крѣпостнаго права. Тургеневъ совѣтовалъ тѣмъ изъ товарищей по обществу, которые имѣли крѣпостныхъ, немедленно дать имъ свободу и, чтобы показать благой примѣръ, выдалъ отпускныя находившимся у него дворовымъ, а затѣмъ заключилъ съ крестьянами своего родоваго имѣнія неоффиціальный договоръ, опредѣляющій ихъ повинности [2]). Послѣ 14 декабря 1825 г. Тургеневъ лишился возможности вернуться въ Россію изъ-за границы, гдѣ онъ тогда находился, такъ какъ онъ былъ заочно приговоренъ къ смертной казни. Такимъ образомъ, человѣкъ, который могъ болѣе чѣмъ кто-нибудь содѣйствовать правительству императора Николая въ его стремленіяхъ ограничить крѣпостное право, былъ лишенъ возможности непосредственно приложить къ дѣлу свои знанія и способности. Но Тургеневъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые апатично складываютъ руки, когда надъ ними разразится гроза. Правда, по его собственнымъ словамъ, со смертью императора Александра I онъ потерялъ „послѣднюю надежду“ на то, что ему удастся дожить до осуществленія своей завѣтной мечты объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ [3]); но онъ вѣрилъ въ могучее вліяніе печатнаго слова и сталъ постепенно подготовлять обширный трудъ, который, служа его личнымъ оправданіемъ въ виду незаслуженнаго приговора, долженъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, нанести серьезный ударъ тому отвратительному явленію русской жизни, бороться съ которымъ въ теченіе всей своей жизни онъ уже давно далъ аннибаловскую клятву. Николай Ивановичъ постоянно интересовался и нашимъ крестьянскимъ вопросомъ, и

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1872 г. т. I, стр. 1206—7.
[2]) La Russie et les Russes I, 84, II, 342.
[3]) Ibid I, 135.

дѣломъ уничтоженія рабства во всемъ мірѣ. Такъ, въ 1827 году онъ писалъ своему брату о положеніи негровъ въ Вестъ-Индіи, а въ 1833 г., встрѣтивъ въ Женевѣ одного изъ нашихъ соотечественниковъ, цѣлый день проспорилъ съ нимъ объ освобожденіи крестьянъ [1]). Добрымъ геніемъ Николая Ивановича въ первыя двадцать лѣтъ его заграничной жизни былъ горячо преданный ему братъ Александръ, который велъ изъ-за него постоянную борьбу „съ правительственными лицами и обществомъ, всѣми средствами домогался оправданія брата передъ современниками и потомствомъ". На время онъ оставилъ даже службу и половину года проводилъ въ Парижѣ съ Николаемъ Ивановичемъ, а другую отдавалъ хлопотамъ по ихъ имѣнію, заботясь о томъ, чтобы своему уже семейному брату устроить независимое состояніе. Александръ Ивановичъ и служилъ, и жилъ по временамъ въ Россіи только для того, чтобы имѣть возможность обратить въ деньги свое недвижимое имѣніе и перевести на имя брата всѣ капиталы. Для этого онъ рѣшился даже продать родовую вотчину (въ симбирской губерніи) одному родственнику, взявъ только съ покупщика честное слово „любить и жаловать" крестьянъ. Николай Ивановичъ, по свидѣтельству хорошо знавшаго его лица, „скрѣпя сердце и не безъ слезъ, подчинялся такому распоряженію брата и благодѣтеля и, такимъ образомъ, volens nolens, воспользовался вполнѣ значительными капиталами, вырученными отъ этой продажи". Нельзя не отмѣтить при этомъ общее многимъ людямъ того времени разногласіе между словомъ и дѣломъ: едва ли возможно требовать отъ Н. И. Тургенева, въ то время уже женатаго, чтобы онъ, не имѣя возможности трудиться на родинѣ, остался вовсе безъ средствъ лишь потому, что эти средства заключались въ населенномъ имѣніи, но, всетаки, нельзя не пожалѣть, что имъ не было сдѣлано попытки осуществить то, что онъ проповѣдывалъ своимъ товарищамъ по „Союзу Благоденствія". Если бы братья Тургеневы или, что все равно, Александръ Ивановичъ, юридически бывшій тогда собственникомъ имѣнія, но дѣйствовавшій, конечно, съ согласія брата, предложили крестьянамъ очень льготныя условія выкупа на свободу, то едва ли они отказались бы ими воспользоваться; во всякомъ случаѣ, такой попытки, сколько извѣстно, сдѣлано не было. Къ счастью, судьба дала возможность Николаю Ивановичу впослѣдствіи, относительно другаго имѣнія, дѣйствовать болѣе сообразно съ его взглядами. Когда въ началѣ царствованія императора Александра II ему были возвращены всѣ права, и онъ получилъ наслѣдство, имѣніе въ 200 душъ въ каширскомъ уѣздѣ, тульской губерніи, то Николай Ивановичъ, еще до рескрипта государя генералъ-адъютанту Назимову, изъявилъ готовность освободить крестьянъ съ землею и предложилъ имъ всевозможныя уступки, но не получилъ ихъ согласія: тогда

[1]) Письма А. И. Тургенева къ И. И. Тургеневу", 1872, стр. 248—249, 307

онъ устроилъ для крестьянъ школу, больницу и богадѣльню, послѣ же изданія Положенія 19 февраля покончилъ свои отношенія съ крестьянами „со всевозможными для нихъ льготами, уступилъ имъ, къ явной для себя невыгодѣ, всю ближайшую землю, остальную же собственную далъ имъ на долгій срокъ въ аренду за неслыханно дешевую цѣну по 1½ руб. за десятину“ [1]).

Когда всѣ хлопоты Александра Ивановича объ оправданіи брата не увѣнчались успѣхомъ и полученъ былъ „высочайшій отзывъ съ *совѣтомъ оставаться* за границей, Николай Ивановичъ сталъ работать надъ своимъ извѣстнымъ сочиненіемъ: „La Russie et les Russes“. Въ Петербургѣ скоро узнали, что онъ намѣренъ писать о Россіи, и вслѣдъ затѣмъ до него дошли отъ вліятельныхъ лицъ довольно ясные намеки оставить этотъ трудъ; ему давали почувствовать, что за такое молчаніе можетъ послѣдовать прощеніе; но онъ отвѣчалъ, что, считая себя правымъ, въ прощеніи не нуждается, а труда своего при жизни брата Александра и безъ того печатать не будетъ, чтобы не повредить его служебной карьерѣ. Въ 1845 г. Александръ Ивановичъ умеръ, а черезъ два года вышло въ свѣтъ извѣстное трехтомное сочиненіе Н. И. Тургенева „La Russie et la Russes“, которое не можетъ не быть разсмотрѣно нами, поскольку оно относится къ исторіи крестьянскаго вопроса, такъ какъ хотя въ Россіи оно могло распространяться не иначе, какъ контрабандою, но, тѣмъ не менѣе, оно не могло не имѣть извѣстнаго вліянія на современное русское общество, какъ потому, что владѣльцы иностранныхъ книжныхъ магазиновъ весьма искусно обходили цензурныя строгости относительно книгъ, изданныхъ за границею такъ и потому, что русскіе, путешествовавшіе по Западной Европѣ, могли съ нею легко познакомиться. Книга эта дошла даже до декабристовъ, жившихъ въ Сибири, какъ мы увидимъ ниже изъ отзыва о ней Н. А. Бестужева.

Во второмъ и отчасти третьемъ томѣ своего сочиненія Тургеневъ удѣляетъ много мѣста описанію современнаго положенія русскихъ крестьянъ вообще и рѣшенію вопроса объ освобожденіи крѣпостныхъ. Авторъ говоритъ сначала объ однодворцахъ, о свободныхъ хлѣбопашцахъ, о крестьянахъ казенныхъ, удѣльныхъ, арендныхъ, мастеровыхъ на казенныхъ заводахъ, ямщикахъ и, наконецъ, переходитъ къ крѣпостнымъ. Прежде всего, онъ подробно описываетъ ихъ тогдашнее положеніе, причемъ какъ правдивость и научный складъ ума автора, такъ и нежеланіе представлять Россію предъ иностранцами въ болѣе дурномъ свѣтѣ, чѣмъ это было въ дѣйствительности, заставляютъ Тургенева говорить о нашихъ крѣпостныхъ съ полнымъ безпристрастіемъ, не скрывая правды, но, въ то же время,

---

[1]) *Смирновъ* „Н. И. Тургеневъ“. Русскій Архивъ 1871 г., стр. 1966—79

и не накладывая слишкомъ мрачныхъ красокъ. Такъ, напр., авторъ справедливо указываетъ на то, что положеніе крѣпостныхъ въ Германіи и Польшѣ было всегда тяжелѣе, чѣмъ въ Россіи, что наши помѣщичьи крестьяне имѣютъ свою хижину, своихъ лошадей и рогатый скотъ и что обращеніе ихъ въ батраковъ является рѣдкимъ исключеніемъ (нужно помнить, что личныя наблюденія Тургенева относились къ эпохѣ императора Александра I). Съ величайшимъ удовольствіемъ авторъ замѣчаетъ, что половина крестьянъ въ Россіи и даже болѣе находится на оброкѣ; хотя это показаніе едва ли точно, а если принять во вниманіе не только Великороссію, а также Малороссію, Западный и Остзейскій край, то и положительно можно утверждать, что барщинная система преобладала надъ оброчной но дѣйствительно въ Россіи было очень много крѣпостныхъ крестьянъ, состоящихъ на оброкѣ, и это было весьма благопріятною чертой ихъ быта. Тургеневъ свидѣтельствуетъ также о большой зажиточности нѣкоторыхъ оброчныхъ крестьянъ въ Россіи, о томъ, что крестьяне гр. Шереметева и гр. Орлова имѣютъ немало домовъ въ обѣихъ столицахъ, хотя и на имя господина, что крѣпостные владѣютъ иногда фабриками и заводами, что одинъ крѣпостной Шереметева, имѣвшій самую большую шляпную фабрику въ Москвѣ, узнавъ, что его господинъ нуждается въ деньгахъ, предложилъ ему за свое увольненіе 800,000 руб и получилъ за эти деньги свободу, что, наконецъ, нѣкоторые крестьяне гр. Шереметева сами владѣютъ населенными имѣніями, хотя, конечно, также на имя господина; при этомъ авторъ не скрываетъ необезпеченности владѣнія крѣпостными движимымъ и недвижимымъ имуществомъ и указываетъ на захватъ населенныхъ имѣній, принадлежавшихъ шереметевскимъ крестьянамъ, опекунами малолѣтняго Шереметева, а также на присвоеніе Шереметевымъ 150,000 рублей, оставшихся послѣ одного его крѣпостнаго, несмотря на протесты дѣтей этого крестьянина. Въ болѣе мрачныхъ краскахъ приходится автору рисовать положеніе крестьянъ, состоящихъ на барщинѣ. Тургеневъ указываетъ, между прочимъ, на отдачу въ наемъ бѣлорусскими помѣщиками своихъ крѣпостныхъ цѣлыми тысячами для производства земляныхъ работъ, а также говоритъ о томъ, какъ вредно отразилось на положеніи крѣпостныхъ стремленіе помѣщиковъ учреждать въ своихъ имѣніяхъ фабрики и заводы. Онъ не скрываетъ и того, что помѣщики не только живутъ съ принадлежащими имъ женщинами, но даже дѣти, прижитыя въ подобныхъ отношеніяхъ, дѣлаются крѣпостными своихъ отцовъ. Въ отдѣлѣ о дворовыхъ авторъ приводитъ, между прочимъ, фактъ продажи однимъ помѣщикомъ труппы крѣпостныхъ актеровъ и крѣпостнаго балета. Въ особой главѣ Тургеневъ указываетъ на вредное вліяніе крѣпостнаго права на земледѣліе, промышленность, нравы и т. д. Говорить обо всемъ этомъ въ нашей печати было, какъ мы уже знаемъ, невозможно, и потому правдивый очеркъ положенія нашихъ крѣпостныхъ

и указаніе на вредное вліяніе крѣпостнаго права было, разумѣется, дѣломъ весьма полезнымъ. Далѣе авторъ трактуетъ о „попыткахъ освобожденія крѣпостныхъ“, довольно подробно останавливается на нѣкоторыхъ фактахъ изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ царствованіе императора Александра I и въ приложеніи печатаетъ свою извѣстную записку 1819 года, представленную государю чрезъ Милорадовича. Здѣсь Тургеневъ, между прочимъ, передаетъ мысль, которая приходила ему въ голову еще до отъѣзда его изъ Россіи, именно относительно займа правительствомъ за границею суммъ, необходимыхъ для выкупа крѣпостныхъ [1]). Тургеневъ упоминаетъ и о другомъ проектѣ, приходившемъ ему въ голову: „выпустить выкупныя свидѣтельства, представляющія цѣнность земель и приносящія 5% о. Деньги, замѣненныя этими свидѣтельствами, могли бы быть выданы взаймы тѣмъ крестьянамъ, которые захотѣли бы выкупиться, ихъ земли служили бы обезпеченіемъ, и крестьяне вносили бы по 6 и даже болѣе рублей на сто на уплату процентовъ и на погашеніе долга. Одной мѣры, иногда предлагаемой для освобожденія крѣпостныхъ, никогда не одобрялъ Тургеневъ: именно назначенія суммы опредѣленнаго размѣра, за которую можно было бы выкупаться на свободу. Онъ полагалъ, что помѣщикъ, желающій уволить своего крѣпостнаго за извѣстный выкупъ, можетъ сдѣлать это безъ всякаго новаго узаконенія, если же онъ этого не захочетъ, то „кто же можетъ помѣшать ему отнять у крѣпостнаго имущество, какъ онъ можетъ отнять у него жену и дѣтей?“ А, между тѣмъ, Тургеневъ думаетъ, что если бы это средство могло быть примѣнено къ Россіи, то оно имѣло бы весьма важныя послѣдствія: „множество крѣпостныхъ, быть можетъ, шестая, пятая ихъ часть выкупилась бы на свободу, если бы

---

[1]) Могущественное средство для освобожденія крѣпостныхъ, говоритъ Тургеневъ, я видѣлъ „въ покупкѣ земель, населенныхъ крѣпостными, которую правительство сначала предприняло, потомъ оставило, но къ которой оно могло бы легко возвратиться слѣдующимъ образомъ: въ Россіи размѣръ % на капиталъ выше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, но за то и имѣнія приносятъ болѣе дохода. Сдѣлавъ займы въ Англіи и Голландіи, правительство могло бы обратить полученные такимъ образомъ капиталы на ссуды крѣпостнымъ, желающимъ выкупиться на свободу съ землею. Суммъ которыя ежегодно платили бы правительству освобожденные крестьяне, не только было бы достаточно для уплаты процентовъ по займу, но получился бы еще и избытокъ“, съ помощію котораго въ извѣстное время могъ бы быть погашенъ этотъ долгъ. „Въ самомъ дѣлѣ, правительство могло заключать въ то время займы по 5 и даже по 4%, а такъ какъ никто не станетъ спорить, что населенныя земли даютъ обыкновенно почти вдвое больше процентъ, то ясно, что крѣпостные крестьяне, сдѣлавшись свободными земледѣльцами, т. е. собственниками ихъ земель, легко и съ удовольствіемъ платили бы по 8%, на употребленный для ихъ выкупа капиталъ. Эта операція дала бы правительству 2 или 3% барыша, который оно могло бы употребить или на издержки управленія, или на ускореніе погашенія капитала, или наконецъ, на основаніе школъ въ освобожденныхъ имѣніяхъ“.

цѣна назначена была разумно, напр., по 600—700 руб. за мужчину, половину за женщину и треть или четверть за ребенка“ (нужно замѣтить что эти цифры выкупа чрезмѣрно велики). Къ закону объ обязанныхъ крестьянахъ Тургеневъ отнесся довольно сочувственно, хотя и нашелъ его слишкомъ перѣшительнымъ [1]).

Вопросъ о томъ, какія мѣры необходимы для окончательнаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Тургеневъ разсматриваетъ въ двухъ особыхъ главахъ втораго и третьяго тома своего труда. Указавъ на недостаточность различныхъ палліативныхъ средствъ, авторъ совѣтуетъ прямо и откровенно приступить къ окончательному освобожденію. которое можетъ быть двухъ родовъ: 1) только личное и 2) съ предоставленіемъ освобождаемому въ собственность или владѣніе извѣстнаго участка земли. Во всякомъ случаѣ, прежде всего. слѣдуетъ предоставить освобождаемымъ крестьянамъ то. что почти всегда считалось ихъ собственностью и въ крѣпостномъ состояніи, т.-е. движимое имущество, скотъ и пр. (у нѣкоторыхъ дома въ городахъ, фабрики). При личномъ освобожденіи правительству придется только дозволить крѣпостнымъ переселяться съ мѣста на мѣсто, оставлять одного помѣщика и переходить на землю другаго или искать иныхъ заработковъ для обезпеченія своего существованія. При этомъ необходимо будетъ замѣнить подушную подать поземельнымъ налогомъ, въ который, въ сущности. ее и теперь превращаютъ крестьяне. Нельзя опасаться наступленія бродяжничества послѣ освобожденія крестьянъ, такъ какъ ему не предаются ни казенные, ни оброчные помѣщичьи крестьяне; къ тому же, землевладѣльцы часто даже выиграли бы, если бы крестьяне оставили ихъ земли, такъ какъ ихъ можно было бы отдать въ аренду на болѣе выгодныхъ условіяхъ. „Многіе изъ землевладѣльцевъ... знаютъ, что они получали бы бо́льшій доходъ со своихъ земель, если бы они могли освободиться отъ крѣпостныхъ, которые ихъ населяютъ. Заботливость, которую обнаруживаютъ относительно землевладѣльцевъ,—прибавляетъ авторъ,—слѣдовало бы, конечно, обратить на крѣпостныхъ, и нужно подумать о томъ, какія поставить преграды не крестьянамъ, которые пожелали бы покинуть земли своего владѣльца, а скорѣе господамъ, которые захотятъ удалить крестьянъ“. Отношеніе нашего общества къ закону 2 апрѣля 1842 г еще болѣе убѣдило Тургенева, что „личное освобожденіе крестьянъ—наиболь-

---

[1]) „Когда прусское правительство предприняло окончательное освобожденіе крестьянъ, – замѣчаетъ авторъ — оно объявило, что если до извѣстнаго времени землевладѣльцы не опредѣлятъ своихъ отношеній съ крестьянами. то оно вмѣшается въ это дѣло и будетъ дѣйствовать собственною властью. Русское правительство вовсе не подумало о подобномъ предостереженіи: оно ограничилось простымъ *позволеніемъ освобождать* крестьянъ“. „La Russie et les Russes“ II. 39—157, 342—343 III, 100—103.

шее, что можно требовать въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находится страна". Споры, возбужденные этимъ закономъ, по мнѣнію Тургенева, доказали, что землевладѣльцы предпочли бы указу 2 апрѣля личное освобожденіе крестьянъ, которое дало бы землевладѣльцу право удалять населяющихъ его землю крестьянъ по своему усмотрѣнію. Освобожденіе съ землею повело бы, по его мнѣнію, „къ неразрѣшимымъ затрудненіямъ, которыя надолго отдалили бы исполненіе этого важнаго дѣла". „Нѣкоторые, желающіе освобожденія крестьянъ, продолжаетъ Тургеневъ повидимому, считаютъ необходимымъ предоставить крестьянамъ часть земель, опредѣливъ повинности, которыя они должны нести за нихъ деньгами или барщиною По крайней мѣрѣ, уже сдѣланы были попытки въ этомъ смыслѣ". Примкнуть къ этому мнѣнію мѣшаетъ автору, между прочимъ, полное непониманіе важности и полезности общиннаго землевладѣнія.

„Если бы земли, предоставленныя такимъ образомъ крестьянамъ, говоритъ Тургеневъ, были бы или могли бы быть надѣлены каждому изъ нихъ въ личную собственность, если бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, крестьянинъ могъ совершенно свободно располагать своею личностью и уступленною ему такимъ образомъ собственностью, это была бы благородная и достойная мѣра, подобная той, которая увѣнчала освободительные планы прусскаго правительства Тогда, конечно, было бы безполезно искать другихъ средствъ для завершенія этого дѣла. Но у насъ обстоятельства иныя. Земли, предоставленныя крестьянамъ, должны принадлежать общинѣ, члены которой будутъ владѣть ими сообща, а не по одиночкѣ. Въ этомъ случаѣ, очевидно, между личнымъ освобожденіемъ, какъ мы его предлагаемъ, и освобожденіемъ съ землею оказывается весьма ничтожное различіе (?). И потому является вопросъ: выгоды освобожденія съ землею, предоставленною во владѣніе общинѣ, достаточно ли велики, чтобы перевѣсить трудности осуществленія этого способа освобожденія?"

Рѣшительно склоняясь къ личному освобожденію крестьянъ Тургеневъ совѣтуетъ, впрочемъ, оставить имъ въ собственность дома и огороды, но съ нѣкоторыми ограниченіями относительно ихъ отчужденія [1]) Затѣмъ послѣ освобожденія крестьяне, живущіе на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, должны пользоваться тѣми же гражданскими правами, какъ и поселенные на казенныхъ земляхъ. Закономъ должно быть опредѣлено время года, когда они могутъ переходить съ мѣста на мѣсто; наконецъ, взаимныя отношенія между владѣльцами земли и населяющими ее крестьянами будутъ опредѣлены договорами, заключенными обѣими заинтересованными сторонами по установленной формѣ и согласно съ предписаніями, изданными правительствомъ. „Быть можетъ, будетъ излишнимъ

---

[1]) Такъ, онъ предлагаетъ установить, чтобы они могли продавать свои дома только крестьянамъ, живущимъ въ той же деревнѣ, а для продажи постороннему требовалось согласіе землевладѣльца, если же послѣдній самъ захочетъ пріобрѣсти продаваемый домъ, то, при равныхъ условіяхъ, онъ долженъ имѣть преимущество предъ другими покупщиками.

требовать", —продолжаетъ Тургеневъ, — „чтобы эти договоры предварительно представлялись на разсмотрѣніе и утвержденіе правительства. Если бы это и могло быть не безполезно въ извѣстныхъ случаяхъ, когда правительство оказало бы своимъ вмѣшательствомъ помощь непредусмотрительнымъ крестьянамъ, то, съ другой стороны, эту слабую выгоду, вѣроятно, перевѣсятъ тѣ утомительныя и дорого стоющія формальности, которыя пришлось бы выполнять обѣимъ сторонамъ". Такимъ образомъ, крестьянъ, имѣющихъ только усадьбу, авторъ оставляетъ совершенно беззащитными предъ произволомъ землевладѣльца относительно назначенія условій пользованія его землею. Но тутъ же, не безъ противорѣчія съ приведенными выше словами, Тургеневъ говоритъ, что „законъ долженъ *по возможности* (?) наблюдать за тѣмъ, чтобы повинности крестьянъ отбывались болѣе въ видѣ денегъ или даже произведеніями земли, чѣмъ барщиннымъ трудомъ, такъ какъ послѣдній ведетъ къ большей зависимости и открываетъ болѣе простора для произвола [1])."

Съ одной стороны, непониманіе важнаго и полезнаго значенія нашего общиннаго землевладѣнія, а съ другой—желаніе какъ можно скорѣе раздѣлаться съ крѣпостнымъ правомъ заставляютъ Тургенева склоняться къ личному освобожденію крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ только усадебными землями, но это не значитъ чтобы онъ вообще несочувственно относился къ освобожденію крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ. Во второмъ томѣ онъ менѣе опредѣленно и рѣшительно говоритъ объ этомъ. Покончивъ разсмотрѣніе вопроса о личномъ освобожденіи крестьянъ, которое онъ, „не колеблясь, совѣтуетъ", нѣсколько наивно прибавляя, что за этотъ совѣтъ онъ „принимаетъ на свою голову самую строжайшую отвѣтственность". Тургеневъ довольно неожиданно замѣчаетъ: „Есть другія выгоды, которыя я желалъ бы предоставить крестьянамъ... Такъ, я хотѣлъ бы, чтобы имъ дали въ собственность небольшую часть той земли, которую они и ихъ отцы оплодотворили своимъ подневольнымъ трудомъ" При этомъ онъ ссылается на примѣръ Пруссіи, гдѣ правительство, послѣ того какъ было совершено личное освобожденіе крестьянъ, рѣшилось дать болѣе прочное основаніе ихъ благосостоянію [2]). Признавая всѣ вы-

---

[1]) Тургеневъ готовъ даже предоставить землевладѣльцу предсѣдательство въ выбираемомъ міромъ общинномъ совѣтѣ, исполняющемъ судебныя и полицейскія обязанности. Упомянемъ еще, что авторъ желаетъ предоставить крестьянамъ, получившимъ личную свободу, право поселяться, при соблюденіи извѣстныхъ условій, на казенныхъ земляхъ.

[2]) Тамъ, говоритъ Тургеневъ,—было два рода земледѣльцевъ, живущихъ на частныхъ земляхъ: одни арендаторы имѣли землю въ наслѣдственномъ пользованіи, другіе на различныхъ условіяхъ; за пользованіе землею они исполняли барщину, дѣлали разные взносы деньгами и натурою. Правительство, желая покончить со всѣми этими обязательными отношеніями, установило, что для полнаго освобожденія отъ всѣхъ прежнихъ повинностей первый разрядъ земледѣльцевъ т.-е. имѣющіе участки въ наслѣд-

годы того способа освобожденія крестьянъ, какой былъ принятъ въ Пруссіи, Тургеневъ, однако же, далекъ отъ того, чтобы предлагать его примѣненіе въ Россіи. Нужно, по его словамъ, помнить, что земледѣльцы Пруссіи находились въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ наши. „Въ Россіи нѣтъ фермеровъ ни наслѣдственныхъ, ни иныхъ. Та часть земель въ каждомъ имѣніи, которую крестьяне обработываютъ на себя, не надѣлена въ постоянное пользованіе однихъ и тѣхъ же лицъ: эти участки, напротивъ, часто переходятъ изъ однѣхъ рукъ въ другія: самые размѣры ихъ часто мѣняются". Тургеневъ почему-то не хочетъ понять, что въ этомъ обстоятельствѣ, т.-е. существованіи общиннаго землевладѣнія, нѣтъ никакого препятствія къ освобожденію крестьянъ съ землею. И у насъ можно было по образцу Пруссіи постановить, что наша крестьянская община, въ своемъ цѣломъ составѣ, обыкновенно неотъемлемо пользовавшаяся отведенною ей землей, должна для совершеннаго прекращенія обязательныхъ отношеній съ помѣщикомъ возвратить ему третью часть земель, находящихся въ ея пользованіи, а остальными двумя третями она могла бы владѣть на прежнемъ основаніи. Кромѣ того, авторъ не обращаетъ вниманія на то, что въ Малороссіи и въ Западной Россіи общиннаго землевладѣнія не существуетъ и, слѣдовательно, здѣсь устраняется одно изъ главнѣйшихъ, по его мнѣнію, препятствій къ освобожденію крестьянъ съ землею. „Затѣмъ не нужно забывать,—прибавляетъ Тургеневъ,—что Пруссія вообще ушла далеко впередъ сравнительно съ Россіею: тамъ управленіе и судъ гораздо лучше устроены и даже во многихъ отношеніяхъ могутъ быть признаны образцовыми, въ Россіи же они представляютъ хаосъ.. Реформы у насъ должны быть такого рода, чтобы ихъ можно было легко и быстро исполнить; не нужно ничего сложнаго, не нужно особенно разсчитывать на просвѣщенность и добрыя намѣренія исполнителей". Въ концѣ-концовъ, во второмъ томѣ Тургеневъ приходитъ къ заключенію, что „неизмѣримо лучше отказаться отъ выгодъ, которыми мы не можемъ воспользоваться, и ограничиться однимъ личнымъ освобожденіемъ крестьянъ... Остальное будетъ дѣломъ времени".

Однако, въ третьемъ томѣ своей книги, изданномъ одновременно съ двумя первыми, Тургеневъ нѣсколько рѣшительнѣе высказывается относительно вопроса объ освобожденіи крестьянъ съ землею.

ственномъ пользованіи, должны возвратить землевладѣльцамъ третью часть земель, а прочіе — половину; затѣмъ они дѣлаются полными и независимыми собственниками остальной земли. Впрочемъ, вмѣсто уступки извѣстной части земли, земледѣльцы могли также уплатить опредѣленную сумму. Правительство назначило срокъ, въ продолженіе котораго должны были быть покончены всѣ эти сдѣлки, въ противномъ случаѣ въ дѣло должны были вмѣшаться назначенныя имъ коммиссіи; онѣ же должны были разбирать всѣ споры, возникающіе между обѣими сторонами, и наблюдать за исполненіемъ предписанія закона

„Указавъ на то, что совершенно необходимо для личнаго освобожденія крестьянъ, говоритъ авторъ, - мы считаемъ нужнымъ представить нѣкоторыя соображенія объ освобожденіи ихъ съ землею.

„Личная свобода крестьянъ есть, безъ сомнѣнія, великое, неоцѣненное благо, и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ можно удовольствоваться ею въ Россіи, но здравый смыслъ, опытъ и особенно предвидѣніе будущаго убѣждаютъ насъ въ томъ, что интересъ государства и общее благо требуютъ, чтобы земледѣльцы имѣли не одну личную свободу, а получили также право собственности на землю или на часть той земли, которую они обработываютъ. Въ наше время, когда примѣръ столькихъ странъ доказываетъ, что для массъ нѣтъ прочнаго благосостоянія безъ участія во владѣніи землею, было бы излишне на этомъ настаивать. Взгляните на Францію: въ чемъ заключается лучшая гарантія ея будущаго какъ не въ 6 или 8 милліонахъ ея поземельныхъ собственниковъ? Взгляните на Германію, особенно на Пруссію: развѣ тамъ удовольствовались предоставленіемъ земледѣльцамъ одной личной свободы?

„И такъ, высказываясь въ пользу личнаго или безземельнаго освобожденія, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что не въ этомъ заключается окончательное рѣшеніе вопроса, что личное освобожденіе предпочтительно только по гораздо большей легкости его выполненія... Лучшій способъ освобожденія будетъ всегда тотъ, который обезпечитъ за земледѣльцемъ право собственности на извѣстный участокъ земли. А для Россіи освобожденіе съ землею имѣетъ даже особенную важность.

„Нѣтъ сомнѣнія, что русское правительство находитъ возможность даровать казеннымъ крестьянамъ въ полную личную собственность часть земель, на которыхъ они живутъ, и ничего не можетъ быть полезнѣе для блага государства. И такъ, я думаю, что было бы крайне неудобно, даже очень опасно рѣшиться на ту мѣру, какъ бы полезна и спасительна она ни была, если бы, въ то же время, крѣпостнымъ крестьянамъ предоставили только личную свободу, не давъ имъ участія въ поземельной собственности. Ясно, что это вызвало бы зависть и безконечныя замѣшательства".

Трудно, - замѣчаетъ Тургеневъ, опредѣлить количество земли, которое слѣдуетъ предоставить крестьянамъ, однакоже же, онъ пытается рѣшить этотъ вопросъ.

„Первое средство состоитъ въ слѣдующемъ: можно постановить, чтобы, напр., четвертая часть извѣстнаго имѣнія была предоставлена крестьянамъ. Но такъ какъ количество земель никогда не находится въ правильной пропорціональности съ числомъ земледѣльцевъ, то можно установить minimum и maximum, ниже и выше котораго часть земли, отводимая крестьянамъ не должна ни падать, ни повышаться.

„Что касается maximum'а, то справедливость укажетъ его безъ большихъ затрудненій. Десятины на душу или трехъ десятинъ на тягло будетъ достаточно для крестьянъ, а это не слишкомъ большая жертва и для землевладѣльца. Опредѣленіе minimum'а затруднительнѣе, такъ какъ отношенія между количествомъ земли и числомъ земледѣльцевъ, количествомъ душъ, безконечно разнообразны, и могутъ встрѣтиться случаи, когда эта четвертая часть (отдѣляемая крестьянамъ) составитъ на каждаго земледѣльца или тягло едва четверть или даже восьмую часть десятины. Ясно, что столь ничтожный надѣлъ не можетъ обезпечить благосостоянія крестьянина, а, между тѣмъ, жертва собственника будетъ не менѣе велика. Поэтому лучше постановить, что когда количество земли, уступаемой земледѣльцамъ, будетъ менѣе десятины на тягло, то крестьяне удовольствуются домами и огородами и не будутъ имѣть права на долю другихъ земель. Крестьянамъ, на-

ходящимся въ такихъ обстоятельствахъ особенно необходимо дать возможность поселиться на казенныхъ земляхъ.

„Другое средство" опредѣленія размѣра крестьянскаго надѣла „состоитъ въ томъ, чтобы взять за основаніе количество земель имѣ обрабатываемыхъ крестьянами на ихъ господъ, и, такимъ образомъ, опредѣлить долю, которая должна приходиться на каждаго Если крестьянинъ обрабатываетъ, напр., три десятины на господина, то, быть можетъ, будетъ справедливо отвести ему въ полную собственность треть этого количества т.-е десятину Въ Пруссіи крестьяне, наименѣе надѣленные землею, получили половину участковъ, которую они занимали.

„Въ собственность крестьянамъ слѣдуетъ отводить только пашни и луга; всѣ же другія части имѣнія, а именно лѣса, рыбныя ловли и пр., должны всецѣло остаться господину.

„Если бы явились обстоятельства... настоятельно требующія, чтобы этотъ важный вопросъ получилъ быстрое и окончательное рѣшеніе, то можно было бы, для предупрежденія большихъ несчастій и полнаго переворота, категорически опредѣлить закономъ, что треть или четверть пахотныхъ луговъ и земель должны вездѣ быть отданы крестьянамъ вмѣстѣ съ ихъ домами".

Въ случаѣ принятія такой мѣры относительно крѣпостныхъ, авторъ желаетъ, чтобъ то же самое было сдѣлано и для крестьянъ другихъ наименованій: казенныхъ, удѣльныхъ и пр., хотя, нужно замѣтить, это не могло бы не ухудшить ихъ положенія, такъ какъ уменьшило бы количество находящихся въ ихъ владѣніи земель. Если бы затѣмъ у правительства остались еще свободныя земли, то авторъ совѣтуетъ немедленно продать ихъ съ публичнаго торга: мѣра также неудачная и крайне невыгодная для интересовъ государства. Надѣленіе земли крестьянамъ Тургеневъ считаетъ необходимымъ произвести не въ общинную собственность, а по семействамъ.

Такимъ образомъ, планъ освобожденія крестьянъ, предложенный Тургеневымъ, заключаетъ въ себѣ очень много для нихъ неблагопріятнаго; но, по крайней мѣрѣ, авторъ не находитъ нужнымъ давать какое бы то ни было вознагражденіе помѣщикамъ ни въ случаѣ личнаго освобожденія крестьянъ, ни при увольненіи ихъ съ землею. „Русскій помѣщикъ,—справедливо замѣчаетъ Тургеневъ,—имѣетъ не одни права относительно своихъ крѣпостныхъ, а также и извѣстныя обязанности, налагаемыя на него закономъ, такъ, напримѣръ, отъ него положительно требуютъ, чтобы онъ прокармливалъ ихъ въ случаѣ недостатка пропитанія; онъ не можетъ также изгнать ихъ всѣхъ съ своей земли. Такимъ образомъ, право, которое онъ имѣетъ на свои земли, до извѣстной степени ограничено, подчинено извѣстнымъ условіямъ. Если, слѣдовательно при освобожденіи крестьянъ съ землею онъ уступаетъ часть своего владѣнія крестьянамъ, то за то онъ при этомъ освобождается отъ обязательствъ относительно нихъ и дѣлается безусловнымъ господиномъ остающихся ему земель". Къ тому же, „освобожденіе крестьянъ съ землею будетъ выгоднѣе личнаго освобожденія для самихъ владѣльцевъ, такъ какъ въ безусловной собственности на свои земли, въ свободномъ трудѣ земледѣльцевъ и въ ихъ счастливомъ положеніи они

найдутъ вознагражденіе, превосходящее стоимость отданныхъ ими земель". Наконецъ, вознагражденіе землевладѣльцевъ будетъ состоять въ томъ что, съ необходимымъ послѣ освобожденія крестьянъ распространеніемъ на всѣ сословія правъ поземельной собственности, цѣнность земель сильно возвысится [1]).

Такимъ образомъ, И. И. Тургеневъ въ своемъ сочиненіи, изданномъ за границею, гдѣ, слѣдовательно, онъ могъ совершенно свободно и безъ всякихъ стѣсненій высказать свои мысли, и къ которому поэтому мы имѣемъ право отнестись съ гораздо большею строгостью, чѣмъ къ произведеніямъ по крестьянскому вопросу, напечатаннымъ въ Россіи, предъявилъ болѣе чѣмъ умѣренныя требованія въ дѣлѣ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Онъ съ легкимъ сердцемъ готовъ примириться даже съ дарованіемъ имъ одной личной свободы или, точнѣе сказать, съ надѣленіемъ ихъ однѣми усадебными землями. Въ этомъ отношеніи, какъ оказывается, онъ просто отсталъ отъ того движенія, которое обнаружилось относительно крестьянскаго вопроса не только среди лучшихъ представителей общества, но даже въ самомъ правительствѣ; послѣднее хорошо сознало уже въ это время, какъ вредно было безземельное освобожденіе крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ, и повтореніе этого печальнаго опыта было уже невозможно. Освобожденіе крестьянъ могло затянуться по тѣмъ или другимъ причинамъ на большій или меньшій срокъ, но въ то время, когда появилась книга Тургенева, можно было уже положительно сказать, что помѣщичьи крестьяне не будутъ обезземелены. Правда, авторъ допускаетъ и освобожденіе съ землею, но предоставляетъ крестьянину, какъ maximum, одну десятину на душу, т. е тотъ нищенскій надѣлъ, который, допущенный въ „Положеніи 19 февраля", при обсужденіи его въ государственномъ совѣтѣ, привелъ къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ. Только въ случаѣ появленія особыхъ обстоятельствъ, „настоятельно требующихъ" быстраго и окончательнаго освобожденія крестьянъ (быть можетъ, обширныхъ волненій крѣпостнаго населенія Россіи), авторъ готовъ допустить предоставленіе крестьянамъ трети или четверти помѣщичьихъ пахотныхъ земель и луговъ. Нѣкоторую заслугу Тургенева для своего времени составляетъ то, что онъ доказываетъ, какъ мы видѣли, невозможность вознагражденія помѣщиковъ ни за усадебныя земли крестьянъ, ни за отводимые имъ небольшіе надѣлы въ случаѣ освобожденія съ землею.

До какой степени И. И. Тургеневъ, тотъ самый Тургеневъ, который въ эпоху Александра I былъ однимъ изъ самыхъ передовыхъ дѣятелей въ крестьянскомъ вопросѣ, теперь уже не могъ попасть въ надлежащій топъ и, напротивъ, насколько правильнѣе смотрѣли на это дѣло нѣкоторые изъ декабристовъ, коротавшіе тогда свой вѣкъ въ Сибири, всего лучше

---

[1]) La Russie et les Russes, II. 158—174, III, 100—119.

доказываютъ отзывы о книгѣ Тургенева извѣстнаго декабриста Н. А. Бестужева въ двухъ письмахъ (1849 и 1850 годовъ) изъ Селенгинска, къ товарищу по ссылкѣ, кн. С. Г. Волконскому, отъ котораго онъ и получилъ на прочтеніе это сочиненіе. Вся книга Тургенева крайне не понравилась Бестужеву: во второмъ изъ писемъ онъ говоритъ: „Я такъ золъ на Тургенева, что даже раздумалъ и писать на него возраженія. Иностранцу простительно не знать Россіи и позволительно не видѣть въ ней хорошаго" (мы видѣли, однако, что, говоря о крестьянахъ, Тургеневъ не скрываетъ свѣтлыхъ сторонъ ихъ быта). „но русскому, по тому, кто посвятилъ себя на жертву идеѣ желанія добра своему отечеству, надобно строго вникнуть въ постановленія его и разобрать сначала ихъ, но не такимъ односторонним образомъ, какъ дѣлаетъ это Н. П.".

„Теперь посмотримъ, — продолжаетъ Бестужевъ, — вопросъ о пролетаризмѣ. Отчего существуетъ онъ во всей Европѣ? Оттого, что земля тамъ есть неотъемлемая собственность частныхъ лицъ. Право располагать собственностью этой, въ продолженіе времени, сводитъ землю въ нѣсколько рукъ" (т-е. сосредоточиваетъ поземельную собственность въ немногихъ рукахъ) „и мы видимъ, что собственниковъ земель, противъ прочаго народонаселенія, въ лучше надѣленныхъ странахъ едва только $\frac{1}{1000}$ часть, прочіе всѣ безземельные пролетаріи. Не говоря объ Англіи, возьмемъ въ примѣръ Францію. Земли, раздѣленныя послѣ революціи 89 года, — чему не прошло еще столѣтіе, — уже такъ раздробились наслѣдствами, замужествами и проч., что одна половина стеклась въ руки монополистовъ, другая перестала приносить какой-либо доходъ. По моему, продолжаетъ Бестужевъ — земля, воздухъ, вода, т.-е. то, чего мы не можемъ создать, ни одного атома, не можетъ быть нашею собственностью, какъ и сказалъ Богъ устами законодателя Моисея: *земля мое бо есть, вы же на ней пришельцы есте*, и какъ подтверждено Екатериною въ земскихъ постановленіяхъ Россіи (?). Отсюда слѣдуетъ, что у насъ не можетъ быть пролетаріевъ что каждый, до какой бы онъ крайности ни былъ доведенъ всегда имѣетъ право на клочекъ земли, который даетъ ему пропитаніе, ежели у него есть прилежаніе и силы Наши общины суть ни что иное, какъ соціальный коммунизмъ на практикѣ, гдѣ земля есть *средство* къ работѣ, тогда какъ французскіе коммунисты, не давая никакихъ средствъ, требуютъ на нее *права*. И съ правомъ на работу умрешь съ голоду безъ *средствъ* [1]) Этого ничего не видитъ Тургеневъ и вслѣдствіе этого предлагаетъ свой проектъ объ освобожденіи крестьянъ, и какой жалкій проектъ!" [2]).

Тутъ Бестужевъ замѣчательно мѣтко указалъ самую слабую сторону книги Н. П. Тургенева — непониманіе авторомъ нашей общины, слѣдствіемъ котораго является и склонность къ личному освобожденію крестьянъ, и преувеличеніе значенія права собственности на землю отдѣльныхъ лицъ. Читая это письмо Бестужева, нельзя не подивиться, до какой степени au courant современнаго движенія мысли были эти люди, закинутые судьбою въ глубь Восточной Сибири, какъ ясно отдавали они себѣ отчетъ

[1]) Курсивъ автора письма

[2]) *С. Максимовъ.* „Ник. Алекс. Бестужевъ (по его письмамъ)" „Наблюдатель" 1883 г. № 3, стр. 115–119.

въ томъ, что̀ нужно русскому народу, гораздо яснѣе, чѣмъ живущій въ Парижѣ Н. И. Тургеневъ, быть можетъ, именно потому, что судьба не заставила ихъ порвать прямыхъ связей съ родиной. Прекрасное доказательство этого представляетъ также другой талантливый декабристъ, М. А. Фонъ-Визинъ (родной племянникъ знаменитаго драматурга), съ очень умною запиской котораго по поводу указа объ обязанныхъ крестьянахъ мы уже имѣли случай познакомиться (см. III гл.); теперь же мы находимъ вполнѣ своевременнымъ остановиться на другихъ, также неизданныхъ его запискахъ, составленныхъ въ 40-хъ годахъ, изъ которыхъ одна всецѣло, а другая преимущественно посвящены крестьянскому вопросу.

Отбывъ шесть лѣтъ на каторгѣ, Фонъ Визинъ сначала былъ поселенъ въ Енисейскѣ, а въ 1838 г. переведенъ въ Тобольскъ, гдѣ и жилъ съ женой 15 лѣтъ. Здѣсь Михаилъ Александровичъ очень много читалъ, переводилъ, всегда былъ занятъ, всегда сохранялъ спокойствіе духа. Здѣсь были составлены его записки по крестьянскому вопросу и другіе труды [1]).

Въ небольшой запискѣ подъ названіемъ „О подражаніи русскихъ европейцамъ“ Фонъ-Визинъ признаетъ вообще полезными для Россіи западно-европейскія вліянія: онъ полагаетъ, что они будутъ содѣйствовать и уничтоженію крѣпостнаго права, но, въ то же время, не совѣтуетъ слѣпо руководиться при этомъ западно-европейскими образцами и энергически настаиваетъ на сохраненіи общиннаго землевладѣнія.

„Не дерзнемъ, - говоритъ онъ, —обвинять Петра за то, что онъ приучилъ насъ перенимать у европейцевъ: копируя ихъ внѣшнія формы, мы, можетъ быть, научимся подражать и болѣе существенному стремленію ихъ къ истиннымъ благамъ цивилизаціи, къ гражданской свободѣ, къ равенству и безразличію всѣхъ передъ закономъ, къ утвержденію и обезпеченію правъ всѣхъ и каждаго и т. п. Многому остается намъ учиться и перенимать у Запада. Вспомнимъ, что треть русскихъ еще въ состояніи рабства. Правда, что правительство давно поняло, какъ противоестественъ и съ христіанствомъ несовмѣстенъ крѣпостной бытъ нашихъ крестьянъ, принадлежащихъ дворянству: оно чувствуетъ, что (это) главный недостатокъ въ нашемъ государственномъ организмѣ, вредный цѣлой трети народонаселенія Россіи и въ будущемъ угрожающій спокойствію.

„Можетъ ли верховная власть не желать искренно радикальнаго преобразованія этого порядка вещей? Тѣмъ болѣе, что это совершенно было бы въ духѣ самодержавія, для котораго всего выгоднѣе безправное

---

[1]) Изъ которыхъ извѣстны примѣчанія къ „Histoire philosophique et politique de Russie par Enfantin et Chemnechot. P., 1835“, законченныя въ 1853 г., были впослѣдствіи напечатаны заграницею и отчасти въ „Русс. Стар.“ 1884 г. т. 12. О М. А. Фонъ-Визинѣ см. статьи *Францевой* въ „Русс. Стар.“ 1885 г. № 11 и *Знаменскаго* „Нац. Дм. Фонъ-Визина“ въ „Литерат. Сборн.“, изд. редакціею „Восточнаго Обозрѣнія“ 1885 г.

уравненіе (nivellement) всѣхъ подданныхъ, чтобы никакія отличительныя преимущества или права не возвышали одно сословіе предъ прочими столько, чтобы оно при нѣкоторой независимости не вздумало положить предѣлы произволу верховной власти.... И однако правительство не рѣшается на это радикальное преобразованіе. Что бы, казалось, мѣшало самодержавію однимъ почеркомъ пера освободить всѣхъ крѣпостныхъ? Это дѣйствіе согласно было бы и съ религіей и съ здравой политикой. Не разъ самодержавіе предпринимало ввести въ отношенія дворянъ-помѣщиковъ къ зависящимъ отъ нихъ крѣпостнымъ, вмѣсто существующаго произвола, законность, которая бы обезпечивала права владѣльцевъ и подвластныхъ, и однако эти попытки не имѣли желаемаго успѣха: всякій разъ являлось молчаливое, пассивное сопротивленіе со стороны дворянства, и власть не отваживалась преодолѣть его,—боялась раздражить дворянство, которое, будучи просвѣщеннѣе, образованнѣе другихъ сословій, одно имѣетъ что-то похожее на политическія права, и уже потому обладаетъ нѣкоторою самостоятельностію, что всѣ степени административной и судебной іерархіи заняты дворянствомъ родовымъ или выслужившимся, которое въ собственномъ смыслѣ и управляетъ государствомъ. Если покамѣстъ дворянство и переноситъ терпѣливо неограниченное самодержавіе, такъ за то оно въ свою очередь вознаграждается правомъ самовластвовать надъ своими крѣпостными. Рѣшись верховная власть коснуться этого права, рѣшись освободить крѣпостныхъ, то у ней мало останется приверженцевъ изъ высшаго сословія: дворянство съ той самой минуты вступитъ въ смѣлую оппозицію, употребитъ всѣ возможныя усилія и найдетъ, конечно, средства ограничить самодержавіе". (Позднѣйшія событія показали, на сколько преувеличивалъ авторъ силу дворянства).

„Недавно само правительство, увлекшись тѣмъ же духомъ подражанія и европеизмомъ, рѣшилось приступить къ союзу съ Англіей и Франціей для прекращенія ненавистнаго торга неграми [1]). Это, конечно, случилось въ минуту забвенія, что въ Россіи производится въ большомъ размѣрѣ столько же ненавистная и еще болѣе преступная торговля нашими сооте-

---

[1]) Именной указъ, данный сенату 26 марта, распубликованный 20 мая 1842 г., о преданіи суду и наказаніи россійскихъ подданныхъ, которые будутъ изобличены въ какомъ либо участіи въ торгѣ неграми. 2-е Поля Собр. Зак. т. XVII, 15429. Любопытно, что въ то же время статьи объ освобожденіи негровъ возбуждали опасенія правительства. Когда въ 1841 году въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№№ 42, 44 и 45) появилась статья „Освобожденіе негровъ во французскихъ колоніяхъ", то шефъ жандармовъ, гр. Орловъ, сообщая о ней министру народнаго просвѣщенія замѣтилъ, что онъ „изъ различныхъ источниковъ изъ Москвы получилъ одни и тѣ же извѣстія, что статья эта произвела въ публикѣ самое неблагопріятное впечатлѣніе", видя на ней одобреніе цензора, многіе приписывали ей полуофиціальное значеніе. Министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Перовскій также указалъ гр. Уварову на разные толки, возбужденные этою статьею. „Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи" Спб. 1862 г., стр. 61.

чественниками, христіанами, которыхъ подъ названіемъ ревизскихъ душъ, покупаютъ и продаютъ явно, и присутственныя мѣста совершаютъ акты продажи.

„Въ утѣшеніе себѣ скажемъ, что тотъ же могущественный духъ подражанія свойственный возрасту отрочества и человѣка, и человѣческихъ обществъ, и который влечетъ ихъ къ преуспѣянію, къ прогрессу,—духъ, возобладавшій у насъ со времени Петра и принесшій нашей Россіи болѣе пользы, нежели вреда, увлечетъ, наконецъ, и правительство, и дворянство къ уврачеванію самаго тяжкаго общественнаго недуга, уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія земледѣльцевъ и дворовыхъ людей, столько противнаго и религіи, и нравственности и человѣческому достоинству. Будемъ, однако, всѣмъ сердцемъ желать и надѣяться, что Россія не слѣпо станетъ подражать Европѣ въ этомъ великомъ преобразованіи, что не удовольствуется однимъ личнымъ освобожденіемъ крѣпостныхъ, но съумѣетъ сохранить древнюю, своеобразную особенность нашего народнаго быта; я разумѣю обычай общественнаго пользованія землями всего сельскаго народонаселенія,—обычай драгоцѣнный, который, сдѣлавшись правомъ, предохранитъ Россію отъ бѣдственнаго пролетаріата, этой язвы, снѣдающей всѣ государства западныя. Тогда мы много выиграемъ во мнѣніи европейцевъ, потому что существованіе въ Россіи рабства... внушаетъ имъ презрѣніе къ намъ..." [1]).

Приведеныя слова служатъ прекрасною поправкой къ тому, что предлагалъ И. П. Тургеневъ, которому такъ повредило именно желаніе „слѣпо подражать Европѣ" и непониманіе такого великаго преимущества русскаго народа сравнительно съ остальною Европой, какъ сохраненіе имъ общиннаго землевладѣнія.

Въ приведенномъ мѣстѣ записки „О подражаніи русскихъ европейцамъ" Фонъ-Визинъ, кромѣ общаго выраженія желанія уничтожить крѣпостное право дѣлаетъ лишь одно практическое, но за то крайне важное указаніе относительно того, какъ должна быть произведена эта реформа. Гораздо подробнѣе онъ останавливается на этомъ послѣднемъ вопросѣ въ запискѣ, также неизданной, „О крѣпостномъ состояніи земледѣльцевъ въ Россіи", написанной въ 1842 или слѣдующемъ году [2]). Въ началѣ этого труда Фонъ-Визинъ доказываетъ, что „рабство" вредно не только для народа, но и для помѣщиковъ. Онъ говоритъ, что съ нѣкотораго времени доходы съ дворянскихъ имѣній повсемѣстно уменьшаются, въ оброчныхъ вотчинахъ накопляются значительныя недоимки, а владѣльцы имѣній,

---

[1]) Рукопись Библіотеки Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

[2]) Съ эпиграфомъ „Le rêve et le vice radical de toute société où l'esclavage subsiste sur une grande echelle, où quelques maîtres règnent sur des troupeaux de peuples". *Guizot* „Cours d'histoire générale".

состоящихъ на барщинѣ, жалуются на лѣность и нерадѣніе работниковъ. Волненія крѣпостныхъ заставляютъ правительство „прибѣгать къ мѣрамъ строгости, всегда сопровождаемымъ разстройствомъ имѣній и разоренiемъ ослушниковъ". Роскошь и безпечность, въ которыхъ упрекаютъ дворянство есть также слѣдствіе ихъ права на владѣніе крѣпостными.

„Съ другой стороны, и попечительные хозяева, увлекаемые пагубною возможностью располагать произвольно людьми крѣпостными и обольщаемые иногда иностранными экономическими теоріями и нововведеніями, не всегда удобоприлагаемыми у насъ, отваживаются на разныя измѣненія въ существующемъ хозяйствѣ: оброчныя деревни обращаютъ въ хлѣбопашныя, заводятъ разнаго рода фабрики, перемѣняютъ способы земледѣлыванія и т. п. Часто неудачные опыты сопровождаемые значительными убытками бываютъ слѣдствіемъ такихъ необдуманныхъ предпріятій. Неудачи, испытываемыя владѣльцами имѣній при введеніи въ нихъ улучшенныхъ методъ земледѣлія и вообще системы раціональнаго сельскаго хозяйства, несравненно многосложнѣйшаго происходятъ отъ невозможности согласить его съ существованіемъ крѣпостныхъ работниковъ. Извѣстно, что на иностранныхъ фермахъ въ которыхъ введено раціональное хозяйство работаютъ вольнонаемные работники и что усовершенствованныя земледѣльческія орудія и рабочій скотъ принадлежатъ хозяину фермы. Такого рода экономическое устройство трудно и почти невозможно согласить съ существованіемъ нашей, такъ называемой, барщины. Если же крѣпостныхъ обратить въ батраковъ на отдѣльные хутора, устроенные по образцу иностранныхъ фермъ, то ихъ положеніе будетъ тогда не лучше состоянія негровъ въ американскихъ плантаціяхъ. Трудность усовершенствованія сельскаго хозяйства въ Россіи при нынѣшнемъ порядкѣ вещей слишкомъ очевидна".

Вообще наше сельское хозяйство, — говоритъ Фонъ-Визинъ, — находится „въ состояніи младенчества", какъ это доказываютъ частые неурожаи, а въ такіе несчастные годы владѣльцы имѣній, состоящихъ на барщинѣ, не только не получаютъ никакихъ доходовъ со своихъ деревень, но еще должны жертвовать извѣстныя суммы на прокормленіе крестьянъ, на обсѣмененіе ихъ полей и уплату за нихъ податей, исправный взносъ которыхъ лежитъ на отвѣтственности помѣщиковъ. Вслѣдствіе всѣхъ указанныхъ причинъ, большая часть дворянскихъ имѣній обременена долгами, и „первое сословіе въ государствѣ видимо клонится къ упадку". Единственный выходъ изъ этого составляетъ уничтоженіе крѣпостнаго права, и съ этою цѣлью авторъ предлагаетъ правительству „скупить по вольной цѣнѣ всѣхъ находящихся въ дворянскомъ владѣніи крестьянъ и дворовыхъ людей съ землями, на которыхъ они поселены". Имѣнія могутъ быть покупаемы, смотря по желанію продавца, или на наличныя деньги, или на государственныя облигаціи (съ ежегодною уплатой на эти облигаціи по 5 %). Предоставивъ владѣльцамъ при продажѣ имѣній право удерживать за собою половину или треть принадлежащихъ имъ земель съ лѣсами, усадьбами и разными хозяйственными заведеніями, правительство можетъ купить крестьянъ съ достаточнымъ количествомъ земли дешевле цѣны, существующей на недвижимыя имѣнія (если даже владѣльцы малоземельныхъ

помѣстій пожелаютъ продать однихъ крестьянъ безъ земли, то купленные такимъ образомъ крестьяне могутъ быть, по мнѣнію автора, водворены въ ближайшихъ казенныхъ волостяхъ). Полагая примѣрно, что при указанныхъ условіяхъ можно будетъ покупать крестьянъ, среднимъ числомъ, по 100 рублей за душу, на пріобрѣтеніе 10 милліоновъ душъ, принадлежащихъ дворянству, понадобится 1,000 милліоновъ рублей; но если принять въ соображеніе, что „большая часть дворянскихъ имѣній" находится въ залогѣ въ сохранной казнѣ воспитательнаго дома, въ заемномъ банкѣ и въ губернскихъ приказахъ общественнаго призрѣнія и что правительство можетъ перевести на себя долги, лежащіе по этимъ займамъ на дворянахъ то капиталъ, нужный на покупку имѣній, уменьшится „по крайней мѣрѣ на одну треть". „Соединивъ въ одно общее управленіе всѣ эти банки, правительство могло бы возложить на него самую покупку и первоначальное завѣдываніе покупаемыми имѣніями" Назначивъ ежегодный отпускъ изъ государственныхъ доходовъ примѣрно по 30 милліоновъ рублей серебромъ и, кромѣ того, предположивъ выпускать каждый годъ на 30 милліоновъ облигаціи правительство приступаетъ къ покупкѣ имѣній. Полагая 5% на капиталъ, оно облагаетъ крестьянъ оброкомъ среднимъ числомъ по 5-ти рублей. Всѣ доходы съ имѣній, купленныхъ на наличныя деньги, должны ежегодно присоединяться къ капиталу, опредѣленному на покупку имѣній; доходы же съ имѣній, пріобрѣтаемыхъ на государственныя облигаціи, обратятся на уплату процентовъ по этимъ послѣднимъ. Такимъ образомъ, по разсчету Фонъ-Визина, вся операція выкупа 10 милліоновъ душъ окончится въ 14 лѣтъ, а по приведеніи ея къ концу правительство можетъ изъ всей массы доходовъ съ имѣній, купленныхъ на наличныя деньги, составить капиталъ для обезпеченія и погашенія облигацій. По окончаніи покупки всѣхъ дворянскихъ имѣній и погашенія выпущенныхъ облигацій, выкупленные крѣпостные обращаются въ государственныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ „упрочится навсегда благосостояніе многочисленнаго класса земледѣльцевъ уравненіемъ купленныхъ крестьянъ съ государственными, имѣющими въ Россіи право на владѣніе землями, принадлежащими не частнымъ лицамъ, а государству" Въ этомъ „важное, существенное преимущество нашего отечества предъ другими европейскими народами, изнемогающими подъ бременемъ многолюднаго класса" пролетаріевъ: „зло, неизвѣстное въ Россіи, по которому и она можетъ подвергнуться, если съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія крестьянъ они останутся на владѣльческихъ земляхъ и будутъ имѣть право свободнаго перехода" (а этимъ и готовъ былъ удовольствоваться И. И. Тургеневъ):

Главный вопросъ заключается, однако, въ томъ: откуда же взять нужные на выкупъ крестьянъ 30 милліоновъ ежегодно въ теченіе 14 лѣтъ? Фонъ-Визинъ возлагаетъ надежды на то что, убѣдясь въ величайшей важ-

ности рѣшенія вопроса объ уничтоженіи крѣпостнаго права для настоящаго и будущаго благоденствія государства, правительство сократитъ расходы и, прежде всего, уменьшитъ армію, содержаніе которой поглощаетъ „половину доходовъ въ Россіи. Если бы правительство рѣшилось на уменьшеніе войскъ, то, вѣроятно, одной этой экономіи было бы достаточно для составленія ежегоднаго капитала на покупку дворянскихъ имѣній". Но правъ или не правъ былъ въ этомъ отношеніи Фонъ-Визинъ, его предложеніе объ уменьшеніи арміи было, разумѣется, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Въ томъ случаѣ, если бы и этого средства оказалось недостаточно для составленія капитала, нужнаго ежегодно на пріобрѣтеніе дворянскихъ имѣній, авторъ предлагаетъ даже ввести съ этою цѣлью общій налогъ.

Какъ ни мечтательно было то предположеніе, которое Фонъ-Визинъ положилъ въ основаніе своей записки, но его проектъ имѣетъ извѣстное значеніе, какъ одна изъ попытокъ рѣшеній крестьянскаго вопроса посредствомъ выкупной операціи [1]).

Очень важно и то, что онъ хорошо понималъ необходимость не только освобожденія крестьянъ съ землею, но, какъ мы видѣли изъ записки „О подражаніи русскихъ европейцамъ", настаивалъ и на сохраненіи при этомъ общиннаго землевладѣнія. Впрочемъ, въ нѣсколькихъ словахъ онъ упоминалъ объ этомъ и въ разсматриваемомъ проектѣ, гдѣ, между прочимъ, говоритъ, что съ выкупомъ крестьянъ съ землею „откроется возможность повсемѣстнаго распространенія муниципальныхъ или волостныхъ учрежденій, которыхъ древняя самобытность въ нашемъ отечествѣ такъ способна принять полное и своеобразное развитіе".

Что здѣсь дѣло идетъ не объ административной, а о поземельной общинѣ, это еще яснѣе изъ третьей неизданной записки того же автора:

„Странный однако фактъ, можетъ быть, многими незамѣченный: въ Россіи государствѣ самодержавномъ и въ которомъ въ большомъ размѣрѣ существуетъ рабство, находится и главный элементъ соціалистскихъ и коммунистскихъ теорій (по пословицѣ: les extrêmes se touchent). Это право общаго владѣнія землями четырехъ пятыхъ всего населенія Россіи, т.-е. всего земледѣльческаго класса — фактъ чрезвычайно важный для прочности и будущаго благоденствія нашего отечества. При огромномъ количествѣ порожнихъ земель съ усовершенствованіемъ волостныхъ учрежденій и съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія земледѣльцевъ, которое, рано или поздно необходимо должно совершиться, если, притомъ, освобожденные не останутся безъ земли, Россія можетъ на многіе вѣка быть предохранена отъ пагубнаго пролетаріата [2]). Этимъ она будетъ обязана

[1]) Мы видѣли выше, что и Н. И. Тургеневъ еще въ эпоху Александра I мечталъ того, а мѣ за границею для выкупа крѣпостныхъ крестьянъ, то о выпускѣ съ этою цѣлью выкупныхъ свидѣтельствъ.

[2]) Въ другомъ мѣстѣ этой записки Фонъ-Визинъ замѣчаетъ: „Въ нѣмецкомъ журналѣ „Die Gegenwart" читалъ я, что съ недавняго времени въ городахъ остзейскихъ губерній показываются пролетаріи. Въ царствованіе императора Александра, въ этихъ

общественному владѣнію землями своего земледѣльческаго населенія, если не по формальному праву, то по обычаю, который почти имѣетъ властность закона — обычаю древнему, коренному и который такъ силенъ, что сами крѣпостные.. считаютъ землю которую воздѣлываютъ, своею собственностью и въ этомъ вполнѣ увѣрены Волостному быту нашихъ крестьянъ должно приписать то, что самое рабство въ Россіи менѣе ужасно, нежели какъ оно было въ феодальной Европѣ: у насъ владѣлецъ имѣетъ дѣло не столько съ лицами сколько съ общиною, съ міромъ, въ которомъ естественно больше нравственной силы (по крайней мѣрѣ force d'inertie), нежели въ одномъ лицѣ[a].

Изъ приведенныхъ выписокъ ясно, что у Н. И. Тургенева, съ одной стороны, и Н. А. Бестужева и М. А. Фонъ-Визина—съ другой были, очевидно, такъ сказать, разные символы вѣры. Послѣдніе были ближе по своимъ убѣжденіямъ къ вопросахъ соціальныхъ, во первыхъ, ко взглядамъ Пестеля, къ которымъ Тургеневъ всегда относился несочувственно, затѣмъ къ кружку Герцена, Бѣлинскаго и др. и, наконецъ, къ еще болѣе юному кружку, о которомъ намъ скоро придется говорить. Нельзя не указать также на то, что ясное пониманіе великаго значенія нашей поземельной общины не составляло, какъ оказывается, монополіи славянофиловъ: такое отчетливое пониманіе обнаруживалъ, напримѣръ, гр. Киселевъ[1]) во время своего участія въ секретномъ комитетѣ 1839 -42 года, выработавшемъ законъ объ обязанныхъ крестьянахъ, слѣдовательно, еще до статьи Хомякова „О сельскихъ условіяхъ". Столь же ясное пониманіе полезной роли общиннаго землевладѣнія мы находимъ и у нѣкоторыхъ декабристовъ, сохранившихъ и въ снѣгахъ Сибири прежнюю горячую любовь къ народу и сознаніе того, что настоятельно необходимо для его блага.

губерніяхъ уничтожило крестьянское состояніе земледѣльцевъ, которые сдѣлались ничѣмъ свободными и оставаясь безъ земли, уходятъ въ города, гдѣ и остаются бездомками и спиваются пропитаніе работами. Это зло, по словамъ журналиста (sic), угрожаетъ большимъ распространеніемъ".

[1]) Бывши въ эпоху императора Александра I въ большихъ сношеніяхъ со всѣми типами общества.

ГЛАВА XII.

Крестьянскій вопросъ въ кружкѣ М. А. Буташевича Петрашевскаго.

Съ начала 1840-хъ годовъ въ лучшихъ представителяхъ русской интеллигенціи, а также и среди нѣкоторой части молодежи мы замѣчаемъ значительный интересъ къ французской соціалистической литературѣ. Намъ приходилось уже указывать на свидѣтельство П. В. Анненкова, что, пріѣхавъ въ Петербургъ въ 1843 г. изъ-за границы, онъ „встрѣтилъ дома отраженіе многихъ сторонъ тогдашней интеллектуальной жизни Парижа. Книга Прудона о собственности, „Икарія“ Кабе, сочиненія Фурье, — все это служило предметомъ изученія, горячихъ толковъ, вопросовъ и чаяній всякаго рода... Книги названныхъ авторовъ были во всѣхъ рукахъ въ эту эпоху (1840—1843 гг.), подвергались всестороннему изученію и обсужденію, породили, какъ прежде Шеллингъ и Гегель, своихъ ораторовъ, комментаторовъ, толкователей“. Въ числѣ лицъ, охваченныхъ этимъ движеніемъ, былъ, между прочимъ, Мих. Вас. Буташевичъ-Петрашевскій, имя котораго связано съ цѣлымъ кружкомъ людей, съ нимъ единомышленныхъ и вмѣстѣ съ нимъ пострадавшихъ. Мы указывали уже на то, что мысль о необходимости уничтоженія крѣпостнаго права, преслѣдуемая въ печати и на каѳедрѣ, должна была тѣмъ не менѣе развиваться частью въ произведеніяхъ русскихъ авторовъ, напечатанныхъ заграницею, частью въ кружкахъ молодежи и вообще передовыхъ людей того времени; само собою разумѣется, что на ряду съ другими настоятельными реформами, вопросъ объ освобожденіи крестьянъ обсуждался и въ кружкѣ петрашевцевъ, о которомъ мы и будемъ говорить лишь настолько, насколько необходимо для возможнаго выясненія этой стороны взглядовъ его членовъ [1]).

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій воспитывался въ Александровскомъ

---

[1]) Кромѣ печатныхъ источниковъ, мы могли при этомъ воспользоваться копіею съ записки секретной слѣдственной коммиссіи по дѣлу этого кружка, сообщеніемъ которой мы обязаны редакціи „Русской Старины“.

лицей и еще въ 1836 году, 14-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, былъ замѣченъ тамъ „въ либеральномъ образѣ мыслей“; выйдя оттуда, онъ поступилъ въ университетъ вольнослушателемъ по юридическому факультету и въ 1841 году получилъ кандидатскій дипломъ Уже въ это время онъ мечталъ о необходимости республиканской формы правленія, о прекращеніи войнъ, о полной терпимости въ дѣлахъ вѣры. Вслѣдъ за тѣмъ Петрашевскій ревностно предался изученію сочиненій Фурье, въ то время строго запрещенныхъ, но легко добываемыхъ изъ-за границы при посредствѣ петербургскихъ иностранныхъ книжныхъ магазиновъ. Усвоивъ систему Фурье и ознакомившись съ другими произведеніями, посвященными соціальнымъ вопросамъ, Петрашевскій началъ распространять взгляды, которые казались ему наиболѣе правильными и симпатичными, раздавалъ знакомымъ иностранныя книги и журналы, старался дѣйствовать на молодежь какъ непосредственно, такъ и чрезъ сблизившихся съ нимъ учителей, и съ этою цѣлью, въ 1844 году, просилъ объ опредѣленіи его наставникомъ въ лицей, но получилъ отказъ. Тѣмъ не менѣе, будучи прежде самъ воспитанникомъ лицея Петрашевскій имѣлъ тамъ знакомства; нѣкоторые лицеисты посѣщали его по праздникамъ и слѣды его вліянія были замѣчены въ этомъ заведеніи. Трехъ лицеистовъ, по оффиціальному свидѣтельству, онъ, „въ самое короткое время успѣлъ довести до того, что въ нихъ обнаружилось скептическое направленіе мысли относительно предметовъ вѣры и существующаго общественнаго порядка“ (Одинъ изъ нихъ былъ исключенъ изъ заведенія, другой подвергнутъ исправительному наказанію).

Съ 1845 г. у Петрашевскаго стали собираться по пятницамъ его знакомые—педагоги, литераторы, студенты, при чемъ онъ былъ крайне неостороженъ и приглашалъ къ себѣ лицъ, весьма мало ему извѣстныхъ. Здѣсь обсуждались такіе вопросы, какъ необходимость улучшенія судопроизводства уничтоженія крѣпостнаго права и т. п., которые нѣсколько лѣтъ позднѣе были подняты самимъ правительствомъ, но тогда считались совершенно не подлежащими обсужденію частныхъ лицъ

Для лучшаго распространенія симпатичныхъ Петрашевскому идей была учреждена, по свидѣтельству записки слѣдственной коммиссіи, „библіотека соціальныхъ книгъ на общія деньги“, распорядителемъ которой былъ самъ Петрашевскій [1]):

Петрашевскій не ограничился однако проведеніемъ своихъ идей въ кругу только знакомыхъ, но пожелалъ дать имъ и гораздо большее рас-

---

[1]) Въ описи библіотеки, оставшейся послѣ Петрашевскаго и подвергшейся, по распоряженію правительства, продажѣ съ публичнаго торга мы находимъ, между прочимъ, сочиненія Огюста Конта, Луи Блана, Кабе, Ламенэ, книги о сенъ-симонистахъ, соціалистахъ, объ освобожденіи рабовъ, о собственности и проч.

пространеніе путемъ печати. Съ этою цѣлью онъ задумалъ издать маленькую энциклопедію въ формѣ словаря иностранныхъ словъ, въ составленіи которой принялъ дѣятельное участіе весьма талантливый молодой человѣкъ, Валеріанъ Николаевичъ Майковъ, вскорѣ заявившій себя нѣсколькими прекрасными критическими статьями въ „Отечественныхъ Запискахъ“ [1]) Въ 1845 году вышелъ первый выпускъ этой книги подъ заглавіемъ: „Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка, издаваемый Н. Кириловымъ“ [2]). На оберткѣ мы находимъ „нѣсколько словъ отъ издателя“: „Объявивъ о выходѣ въ свѣтъ предлагаемаго „Словаря“ и открывъ на него подписку“, говоритъ онъ, „я ободренъ былъ успѣхомъ, превзошедшимъ мои ожиданія Это заставило меня приступить немедленно къ улучшенію своего изданія. Первоначальною цѣлью моею было простое словотолкованіе: теперь-же, какъ увидятъ гг. подписчики изъ перваго выпуска, „Словарь“ есть не что иное, какъ краткая энциклопедія искуствъ и наукъ или, вѣрнѣе сказать, краткая энциклопедія понятій, внесенныхъ къ намъ европейскою образованностью. Средства не позволили мнѣ дать этой энциклопедіи надлежащую полноту. Тѣмъ не менѣе по поводу филологическаго толкованія иностранныхъ словъ, читатели найдутъ здѣсь столько свѣдѣній, сколько необходимо имъ имѣть для уразумѣнія современныхъ литературныхъ произведеній, помѣщаемыхъ въ журналахъ и газетахъ“. „Словарь“ былъ „всепреданнѣйше“ посвященъ издателемъ Н. Кириловымъ великому князю Михаилу Павловичу, главному начальнику военно-учебныхъ заведеній. Первый выпускъ былъ составленъ очень осторожно, а нѣкоторыя статьи, какъ. напримѣръ, объ аристократіи [3]) и конституціи [4]), могли

---

[1]) В. Н Майковъ, младшій братъ извѣстнаго поэта, въ 1842 году окончилъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата юридическихъ наукъ. Въ 1846 году, когда Бѣлинскій покинулъ „Отечественныя Записки“ для обновленнаго „Современника“, Майковъ сталъ сотрудничать въ первомъ изъ этихъ журналовъ Въ 1847 г. онъ утонулъ, купаясь въ пруду въ окрестностяхъ Петербурга. См. интересную статью о немъ К. К. Арсеньева въ „Вѣстникѣ Европы“ 1886 г. № 4 (на стр. 810—811 тутъ есть указаніе на отраженіе въ рецензіяхъ В. Майкова его отрицательнаго отношенія къ крѣпостному праву См. также о Майковѣ въ статьяхъ *А. М. Скабичевскаго*, „Очерки умств. разв. нашего общества“ („Отеч. Зап.“ 1871 г. т. 199.

[2]) Впрочемъ свидѣтельствуетъ, что книга эта „подъ именемъ Кирилова“, была издана Петрашевскимъ („Русская Старина“ 1872 г., т. VI, 730 Но слѣдуетъ думать, что Кириловъ былъ лишь псевдонимомъ Петрашевскаго, такое лицо дѣйствительно существовало, но словарь былъ составленъ Петрашевскимъ и его кружкомъ.

[3]) Здѣсь авторъ указываетъ на то, что „по смыслу нашихъ законовъ, кровь и богатство ничего не значатъ на службѣ въ сравненіи съ познаніями и способностями“ и съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что „въ этомъ отношеніи мы, русскіе, можемъ гордиться предъ англичанами, народомъ, который почитаетъ себя до тѣхъ поръ совершенства въ своей государственной организаціи“ (стр. 13).

[4]) „На практикѣ то сихъ поръ то хваленое правленіе“, говоритъ здѣсь авторъ

показаться администраціи даже весьма благонамѣренными. Отрицательное отношеніе составителей „Словаря“ къ конституціи вызывалось тѣмъ что для нихъ на первомъ мѣстѣ стояли вопросы не политическаго устройства, а задачи экономическія и соціальныя, и подкрѣплялось еще отсутствіемъ въ то время въ западной Европѣ всеобщей подачи голосовъ. Одинъ изъ петрашевцевъ свидѣтельствуетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ, что онъ „какъ убѣжденный послѣдователь Фурье, политикой въ собственномъ смыслѣ не интересовался вовсе и въ особенности къ формѣ правленія былъ совершенно равнодушенъ“ [1]).

Во второмъ выпускѣ „Словаря“, вышедшемъ въ 1846 году и доведенномъ до буквы О, гораздо яснѣе раскрывались взгляды его составителей: тутъ уже прямо дѣлались ссылки на сочиненія Овена, Сенъ-Симона, Базара и Авфантена, Фурье, Кабе, Прудона и проводились взгляды, заимствованные изъ ихъ сочиненій. Укажемъ для примѣра на нѣкоторыя мѣста. Въ статьѣ „Нормальное состояніе“ авторъ говоритъ, что „*нормально развитымъ* или благоустроеннымъ *обществомъ... будетъ то, которое доставляетъ всякому изъ членовъ своихъ средства для удовлетворенія ихъ нуждъ пропорціонально потребностямъ*“ [2]) и поставляетъ всякаго человѣка въ такое положеніе или отношеніе къ цѣлому обществу, что онъ, предаваясь вполнѣ влеченію естественныхъ своихъ побужденій, нисколько не можетъ нарушать гармоніи общественныхъ отношеній, но будетъ дѣятелемъ не только полезнымъ самому себѣ, но и цѣлому обществу безъ самозаклапія личности“ (стр. 251). Въ статьѣ „Новаторство“ сказано, что „примѣромъ смѣлаго новаторства въ бытѣ общественномъ могутъ служить системы Овена, Сенъ-Симона, Фурье“ (стр. 256). Въ статьѣ „Овенизмъ“ (263—266 стр.) сжато излагается ученіе Овена, и указано, между прочимъ, на отрицаніе имъ „исключительно частной собственности“ и требованіе, чтобы орудія производства составляли общее достояніе. Подъ словомъ „органическая эпоха“ излагаются нѣкоторыя черты сенъ-симонизма (311—314 стр.). Статья „Оракулъ“ заключается слѣдующими словами: „ученіе Христово въ первобытной чистотѣ своей нанесло сильный

прочимъ авторъ: „есть не что иное, какъ аристократія богатства... Защитники конституціи забываютъ, что человѣческій характеръ заключается не въ собственности, а въ личности, и что, признавъ политическую власть богатыхъ надъ бѣдными, они защищаютъ самую страшную деспотію! Двѣсти тысячъ богатыхъ, управляющихъ 33-мя милліонами бѣдныхъ и нищихъ, -то же самое, что касты азіатскихъ или римскихъ гражданъ, которые утопали въ нѣгѣ и роскоши, попирая личность милліоновъ людей, оффиціально называвшихся вещами“. (Въ выноскѣ поясненно: „здѣсь разумѣются рабы“) (стр. 133—134).

[1]) Сочиненія Ѳ. М. Достоевскаго, изд. 1883 г., т. I. О. Ѳ. *Миллеръ*. „Матеріалы для жизни Достоевскаго“, стр. 86.

[2]) Курсивъ автора

ударъ всѣмъ возможнымъ инфіямъ и прорицателямъ, изобличило ихъ хищничество, коварство и деспотизмъ, и въ противоположность тому являя примѣръ безкорыстія, братолюбія, имѣя основнымъ догматомъ милосердіе, а цѣлью *водвореніе свободы и уничтоженіе частной собственности* [1]), съ каждымъ днемъ привлекало себѣ новыхъ сподвижниковъ... Какъ ни прекрасно начало сего ученія, но оно еще не получило нормальнаго развитія" (стр. 295, ср. 307). Въ статьѣ „Организація производства" [2]) особенно рекомендуются сочиненія Фурье и указываются нѣкоторыя черты его ученія, болѣе подробное изложеніе котораго предполагалось сдѣлать подъ словомъ „фурьеризмъ" (стр. 316—319).

Люди, проникнутые соціалистическими взглядами, разумѣется, не могли быть защитниками крѣпостнаго права, но въ первыхъ двухъ выпускахъ „Словаря" составителямъ его рѣдко представлялся случай (а быть можетъ они не имѣли къ тому и возможности) выразить свое отвращеніе къ рабству: оно затронуто лишь въ статьяхъ „Негрофилъ" и „Негры". Статья „Негрофилъ" начинается такимъ образомъ: „Такъ называютъ благородныхъ поборниковъ правды, принимающихъ живое, дѣятельное участіе въ судьбѣ несчастнаго племени негровъ... и доблестныя усилія которыхъ, въ новѣйшее время, увѣнчались успѣхомъ. По важности современнаго политическаго вопроса о *торговлѣ неграми и уничтоженія невольничества*, мы считаемъ не излишнимъ изложить его съ нѣкоторою подробностью". Авторъ приводитъ слова папы Льва X, который „объявилъ *невольничество противнымъ какъ христіанской религіи, такъ и человѣческой природѣ*", и указываетъ на протесты противъ торговли неграми въ сочиненіяхъ различныхъ писателей и ученыхъ, а затѣмъ и на запрещеніе ея правительствами европейскихъ государствъ. Покончивъ съ вопросомъ о торговлѣ неграми, авторъ переходитъ къ ихъ эмансипаціи и уничтоженію невольничества. „Идея, разъ пробужденная", го-

---

[1]) Курсивъ, какъ здѣсь, такъ и ниже, принадлежитъ авторамъ „Словаря".

[2]) Безъ сомнѣнія къ этой статьѣ относится слѣдующее извѣстіе въ книгѣ „Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи" (Спб. 1862 г.): „По поводу предназначенныхъ въ одинъ сборникъ статей г. Буташевича-Петрашевскаго „Организація промышленности" и нѣкоторыхъ другихъ, разсматривавшій ихъ цензоръ доносилъ (Журналъ Спб. Ценз. Комит. 12 марта 1846 г.): „Главное затрудненіе проистекало изъ общаго направленія статей противъ существующаго порядка въ общественной жизни. Редакція (Сборника) видитъ во всемъ *ненормальное*, какъ она выражается, положеніе и напрягается всѣми силами развивать способы къ приведенію общества въ другое положеніе, *нормальное*. Для редакціи кажется, что въ христіанскомъ обществѣ должно быть равенство, потому что религія христіанская есть религія братской любви" Цензора поражало также и слово „организація", и это выражаемое авторомъ желаніе все организовать; послѣ организаціи производства и торговли, разсуждаетъ цензоръ, можетъ появиться статья подъ заглавіемъ: организація войска, организація труда; на чемъ можетъ остановиться этотъ рядъ организацій, угадать трудно" (стр 67).

ворить онъ, „не усыпаетъ, а идетъ дальше: такъ, по прекращеніи торговли негровъ (sic) негрофилы начали стремиться къ уничтоженію невольничества, начали представлять, что негры, рожденные въ колоніяхъ, не менѣе заслуживаютъ состраданія, какъ и тѣ, которые живутъ въ Африкѣ, что, слѣдовательно, уничтоживъ торгъ неграми въ Африкѣ, тѣмъ болѣе надобно уничтожить его на рынкахъ колоніальныхъ городовъ“. Далѣе авторъ указываетъ на то, что въ 1824 г. въ Англіи былъ принятъ биллъ, которымъ, между прочимъ, смягчена и опредѣлена мѣра наказаній для рабовъ и указаны случаи, когда эти наказанія допускаются, запрещено запирать негровъ на ночь и тѣмъ болѣе заковывать ихъ въ цѣпи, запрещено при продажѣ разлучать членовъ семейства другъ съ другомъ, признано за неграми право безусловной собственности — движимой и недвижимой и они допущены къ свидѣтельству на судѣ противъ своихъ владѣльцевъ Наконецъ, актомъ парламента въ 183 г. рабство негровъ было окончательно уничтожено во всѣхъ американскихъ и африканскихъ колоніяхъ англичанъ, при чемъ рабовладѣльцы должны были получить вознагражденіе въ 20 мил. фунт. стерл.“ Въ заключеніе авторъ защищаетъ *„разумность и святость уничтоженія подобнаго рабства и угнетенія* [1]). Въ статьѣ „Національное собраніе“ авторъ, конечно, не забываетъ упомянуть объ уничтоженіи въ началѣ французской революціи „рабства (l'abolition de la qualité de serf)“ и „феодальныхъ судовъ (l'abolition des juridictions seigneuriales)“ (стр 223—224). Само собою разумѣется, что этими указаніями авторъ вездѣ желаетъ намекнуть на необходимость уничтоженія или, по крайней мѣрѣ, ограниченія крѣпостнаго права въ Россіи.

Составители словаря предполагали не только закончить его, но и снабдить еще многими добавленіями; однако имъ не удалось осуществить эти намѣренія: „Карманный словарь“, по распоряженію цензурнаго комитета, былъ отобранъ изъ лавокъ, при чемъ, однако, къ великому сожалѣнію Липранди, автора извѣстной записки о петрашевцахъ, „издатель остался безъ всякаго за то преслѣдованія, не спрошено было даже и о лицахъ, доставлявшихъ статьи“ [2]), хотя, казалось бы, трудно было преслѣдовать за изданіе книги, вышедшей въ свѣтъ съ дозволенія цензуры.

Видя невозможность проводить свои взгляды въ печати, Петрашевскій [3]) попробовалъ прибѣгнуть къ иному способу. Въ мартѣ 1848 года онъ роздалъ петербургскимъ дворянамъ во время губернскихъ выборовъ болѣе 200 экземпляровъ литографированной записки „о способахъ увели-

---

[1]) Стр. 225—229; срав статью „Негры“, стр. 230—231.

[2]) „Рус. Стар.“ 1872 г., т. VI, 73.

[3]) Онъ служилъ въ то время въ департаментѣ внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ.

ченія цѣнности дворянскихъ или населенныхъ имѣній", „косвенно содѣйствующихъ", по мнѣнію ея автора, „освобожденію крестьянъ". Содержаніе ея, какъ и вообще подробности относительно взглядовъ Петрашевскаго на крестьянскій вопросъ, къ сожалѣнію, почти совершенно неизвѣстны. Въ докладѣ слѣдственной коммиссіи, учрежденной по дѣлу Петрашевскаго, сказано объ этой запискѣ, что авторъ ея выходитъ „совершенно изъ предѣловъ, допускаемыхъ закономъ. Напримѣръ, Петрашевскій полагаетъ гибельнымъ для общественнаго благосостоянія вообще предоставленіе права владѣнія населенными землями одному только классу исключительно, желаетъ введенія у насъ нѣкоторыхъ правилъ существующихъ въ Пруссіи, Польшѣ и Франціи, пишетъ, что мѣры эти дадутъ возможность крестьянамъ быть обязанными своему труду и благоразумію, а не странному пожертвованію другихъ, своимъ освобожденіемъ, что нравственная сторона этой мѣры, какъ развивающая духъ предусмотрительности въ низшемъ классѣ, весьма важна, какъ благонадежное средство приготовленія сихъ классовъ къ пользованію дарами гражданской свободы. Онъ хочетъ улучшенія формъ судопроизводства и надзора за административными и исполнительными властями, полагая, что всѣ сіи мѣры развиваютъ нравственныя и матеріальныя силы въ народѣ, находящемся понынѣ въ дремотномъ состояніи и проч.". Петербургскій губернскій предводитель дворянства, Потемкинъ, сказалъ Петрашевскому, что государю императору „благоугодно, дабы о семъ предметѣ не было разсужденія". и Петрашевскій своей записки нигдѣ не читалъ. Для уясненія взглядовъ Петрашевскаго на крестьянскій вопросъ мы имѣемъ еще лишь слѣдующія указанія.

Въ одномъ письмѣ къ пріятелю, упомянувъ о томъ, что кіевскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ привезъ въ Петербургъ извѣстіе „будто бы въ смежныхъ съ Галиціей губерніяхъ" Россіи крѣпостные „весьма расположены вырѣзать помѣщиковъ", и что „эти извѣстія имѣли свое вліяніе на возобновленіе общаго вниманія къ эмансипаціи крестьянъ", Петрашевскій продолжаетъ: „мнѣ кажется, что этотъ вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ безъ предварительнаго преобразованія судоустройства и судопроизводства, т. е. безъ введенія de la publicité de procédure avec le jury". Мы знаемъ также, что одному изъ членовъ кружка петрашевцевъ, а именно Кайданову, жившему въ Ростовѣ, проектъ Петрашевскаго, желавшаго, очевидно, распространить его и между провинціальными дворянами, совершенно не понравился. Въ декабрѣ 1848 г. онъ писалъ брату въ Петербургъ: „получилъ я письмо Петрашевскаго: но едва-ли могу быть полезнымъ: во первыхъ, потому что помѣщичьи крестьяне ростовскаго уѣзда принадлежатъ по бо́льшей части Панину, Шереметеву, Орлову и другимъ богачамъ, живущимъ въ Петербургѣ, а въ Ростовѣ живутъ только четыре разорившіеся помѣщика, и то такіе, съ которыми можно еще

играть въ карты, но никакъ не говорить о какомъ нибудь дѣлѣ: во вторыхъ, потому что я не могу проповѣдывать то, чему самъ не сильно сочувствую а я не могу сочувствовать его проекту, какъ и всему тому, что ведетъ къ меркантильному феодализму и финансовой аристократіи: да къ тому же я не помѣщикъ, меня нисколько не интересуетъ возвышеніе цѣнности населенныхъ имѣній; пусть цѣны на имѣнія падаютъ ниже и ниже и даютъ государству возможность пріобрѣтать эти имѣнія отъ помѣщиковъ“ [1]).

Итакъ Петрашевскій въ своей запискѣ высказывался за предоставленіе права владѣть населенными имѣніями лицамъ, не принадлежащимъ къ дворянству, но по всей вѣроятности не иначе, какъ подъ условіемъ введенія въ этихъ вотчинахъ извѣстныхъ ограниченій помѣщичьей власти. Чтобы облегчить проведеніе подобной мѣры, онъ, вѣроятно, и указывалъ дворянству на то, что увеличеніе количества помѣщиковъ увеличитъ цѣнность населенныхъ имѣній. Само собою разумѣется, что этимъ не ограничивались его пожеланія относительно крестьянскаго вопроса: онъ, конечно, съ нетерпѣніемъ ожидалъ совершеннаго уничтоженія крѣпостнаго права, но думалъ, что этой мѣрѣ должно предшествовать преобразованіе нашего обветшалаго судопроизводства: введеніе гласности и суда присяжныхъ.

Если записку Петрашевскаго не одобрили нѣкоторые изъ членовъ его кружка, то еще менѣе понравилась она министру внутреннихъ дѣлъ и шефу жандармовъ „Въ началѣ марта 1848 г. разнесся слухъ“, разсказываетъ Липранди, „что Петрашевскій роздалъ многимъ какую-то литографированную записку *вреднаго или, по крайней мѣрѣ, сомнительнаго содержанія*... Получивъ приказаніе, министра внутреннихъ дѣлъ стараться достать экземпляръ этой записки, я не встрѣтилъ къ тому большаго затрудненія, такъ какъ записка эта была роздана на выборахъ многимъ дворянамъ. Содержаніе записки *не могло не обратить вниманіе г. министра*, и она тотчасъ же была препровождена къ.... шефу жандармовъ, который равномѣрно усмотрѣлъ *важность ея содержанія*, и оба они замѣтили, что это должно быть плодомъ тайнаго, обдуманнаго предначертанія. Тогда только, около 10 марта, по взаимному соглашенію ихъ сіятельствъ (гр. Л. А. Перовскаго и гр. А. О. Орлова), возложено было на меня собрать свѣдѣнія о Петрашевскомъ. И тутъ я не встрѣтилъ ни малѣйшаго препятствія, ибо оказалось, что всѣ благомыслящіе знали Петрашевскаго за вольнодумца въ полномъ значеніи этого слова“

Цѣлый годъ продолжалась неласная работа Липранди, которому уда-

---

[1]) „Общество пропаганды“, стр. 83, 104, 177. Есть указанія на еще болѣе рѣзкіе отзывы о запискѣ Петрашевскаго. См. *Миллеръ*. „Матер. для жизнеоп. Достоевскаго“ въ „Собр. Соч.“ т. I. 88—89.

лось, наконецъ, ввести на собранія Петрашевскаго своего агента по фамиліи Антонелли Кромѣ Петрашевскаго, собранія въ это время и ранѣе бывали еще у литератора А. Н. Плещеева, у Нагорнаго или Европеуса, у Кузьмина и Бѣлецкаго, у поручика Пальма, литератора Дурова и Щелкова, жившихъ вмѣстѣ, у поручика Момбелли и у чиновника азіатскаго департамента Кашкина. Люди, сочувствующіе взглядамъ кружка Петрашевскаго, были и въ провинціи, гдѣ они и распространяли по возможности ученіе, которое сами исповѣдывали: таковы были Кузьминъ въ Тамбовѣ, Кайдановъ въ Ростовѣ, отставной подпоручикъ Черносвитовъ въ Сибири, тит. совѣт. Тимковскій въ Ревелѣ Кайдановъ въ письмахъ говоритъ о своей „пастве", для которой переводитъ на русскій языкъ сочиненія Бидермана о соціализмѣ; онъ выписываетъ и читаетъ Консидерана, Фурье, Прудона, Луи-Блана, Сенъ-Симона Кабе пишетъ, что „совершенно убѣжденъ въ истинѣ и исполнимости ученія Фурье, вовсе не считая себя обязаннымъ свято вѣрить a toutes les extravagances de notre Maître".

Въ Петербургѣ собранія у Петрашевскаго и людей съ нимъ единомышленныхъ посѣщали литераторы, офицеры чиновники, учителя, студенты художники и даже купцы и мѣщане [1]). Тутъ очень много толковали объ ученіи Фурье и другихъ соціальныхъ теоріяхъ того времени но въ примѣненіи къ русской дѣйствительности все сводилось къ „тремъ главнымъ вопросамъ", т. е. къ горячему протесту противъ цензуры, негласнаго суда и крѣпостнаго права, другими словами: къ требованію освобожденія крестьянъ, свободы книгопечатанія и преобразованія судопроизводства. Мы остановимся лишь на тѣхъ свѣдѣніяхъ къ сожалѣнію крайне неполныхъ и отрывочныхъ какія мы имѣемъ о толкахъ и мнѣніяхъ петрашевцевъ относительно крестьянскаго вопроса. На собраніяхъ у Петрашевскаго читались рефераты,—между прочимъ и объ освобожденіи крестьянъ [2]); въ бесѣдахъ по этому предмету, кромѣ самого хозяина, всего болѣе принимали участіе помощникъ инспектора классовъ въ технологическомъ институтѣ и преподаватель въ двухъ корпусахъ Ястржембскій, состоявшій при министерствѣ юстиціи и готовившійся быть учителемъ въ училищѣ правовѣдѣнія Головинскій, штабсъ капи-

---

[1]) „Русская Старина" 1872 г., т. VI. 73—79. Аларанди въ своихъ донесеніяхъ насчитывалъ болѣе ста человѣкъ, которые, по его мнѣнію, „должны были" болѣе или менѣе сочувствовать „обществу" Петрашевскаго. Въ „запискѣ слѣдственной коммиссіи" сказано: „въ 1848 году собранія сіи" (у Петрашевскаго) „были немногочисленны, но съ этого года они начали увеличиваться, именно отъ 10, 15 и до 30 человѣкъ, число лицъ посѣщавшихъ разновременно эти собранія, было далеко значительнѣе, потому что гости мѣнялись съ каждымъ годомъ, даже съ каждымъ мѣсяцемъ, одни оставляли Петрашевскаго также легко, какъ другіе съ нимъ знакомились".

[2]) Сочиненія Достоевскаго I, 96.

танъ генеральнаго штаба Павелъ Кузьминъ, офицеръ Григорьевъ литераторъ Ѳ. М. Достоевскій, служившій въ азіатскомъ департаментѣ, кандидатъ спб. университета. Дмитрій Дмитріевичъ Ахшарумовъ и офицеръ Момбелли.

Такъ, по свидѣтельству Липранди, основывающемуся на сообщеніяхъ агента Антонелли, Головинскій „отличался краснорѣчіемъ дерзостью выраженій и самымъ зловреднымъ духомъ, разбирая три главные вопроса", въ томъ числѣ и уничтоженіе крѣпостнаго права; онъ говорилъ также, что болѣе другихъ „противенъ освобожденію крестьянъ гр. Панинъ", и, между прочимъ заявилъ на одномъ изъ собраній у Петрашевскаго, что „въ слѣдующія двѣ пятницы предполагаетъ сказать о законной возможности крестьянъ требовать освобожденія". Во время слѣдствія двое изъ членовъ кружка Петрашевскаго, Филипповъ и Григорьевъ, показали, что Головинскій доказывалъ возможность освободить крѣпостныхъ „безъ содѣйствія и воли правительства, чрезъ возстаніе ихъ самихъ", такъ какъ крестьянамъ „не трудно внушить, до какой степени противоестественны ихъ отношенія къ помѣщикамъ", а Пальмъ на слѣдствіи добавилъ, что Головинскій, „говоря очень горячо", утверждалъ, что „для освобожденія крестьянъ всѣ мѣры хороши". Но Головинскій, отрицая это, отозвался, что объ уничтоженіи крѣпостнаго права онъ „говорилъ въ томъ смыслѣ, что это можетъ сдѣлать правительство въ силу самодержавнаго права" [1]). Дм. Дм. Ахшарумовъ доказывалъ на собраніяхъ у Петрашевскаго, что „вопросы о судопроизводствѣ и объ освобожденіи крестьянъ должны разрѣшиться въ одинъ и тотъ же день". Ѳ. М. Достоевскій, какъ сказано въ донесеніяхъ Липранди, принималъ участіе въ преніяхъ „о трехъ главныхъ вопросахъ... соглашаясь съ мнѣніемъ Головинскаго" [2]) Однажды, возвращаясь отъ Петрашевскаго, Черносвитовъ

---

[1]) Въ „запискѣ секретной слѣдственной коммиссіи" такимъ образомъ изложено показаніе Головинскаго: въ апрѣлѣ 1848 г., на одномъ изъ вечеровъ у Петрашевскаго, онъ „говорилъ объ освобожденіи крестьянъ въ томъ смыслѣ, что всякое улучшеніе въ администраціи должно начаться съ сравненія крѣпостныхъ съ прочими сословіями, т. е. въ дарованіи имъ гражданскихъ правъ, права собственности и права быть свидѣтелями. Когда же Петрашевскій возразилъ, что правительство скорѣе займется улучшеніемъ судопроизводства, чѣмъ освобожденіемъ крестьянъ, которое повлечетъ за собою гибельное столкновеніе сословій и такой переворотъ, который затруднитъ разрѣшеніе этого вопроса, то онъ, Головинскій, сказалъ, что все это можетъ устраниться временною диктатурою, разумѣя подъ этимъ самодержавіе, которое, охраняя въ обыкновенное время существующія отношенія между сословіями, при необходимости для пользы общественной, въ силу права державнаго, можетъ измѣнить ихъ не постепенно и чрезъ обоюдное согласіе, а рядомъ энергическихъ мѣръ, выходящихъ изъ предѣловъ обыкновенной законности". Слѣдственная коммиссія замѣтила, что „понятія о диктатурѣ и о самодержавіи совершенно противоположны".

[2]) „Общество пропаганды", стр. 49, 55, 60, 126, 145. На одномъ изъ собраній у Петрашевскаго офицеръ Григорьевъ излагалъ свое мнѣніе объ освобожденіи крестьянъ (стр. 56); о Григорьевѣ сравни ниже.

спросилъ Спѣшнева: какая, по его мнѣнію, реформа теперь всего полезнѣе въ Россіи. Спѣшневъ отвѣчалъ: „реформа крѣпостнаго состоянія", съ чѣмъ согласился и Черносвитовъ. Другой разъ Петрашевскій, будучи у Черносвитова, спросилъ Спѣшнева: „какіе и гдѣ вы видите способы къ возстанію?" Тотъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, всего одинъ вопросъ въ Россіи представитъ поводъ къ народному возстанію — именно крѣпостной вопросъ. Петрашевскій высказался при этомъ вообще противъ бунта и возстаній черни и выразилъ надежду на измѣненіе общественнаго устройства въ духѣ ученія Фурье. Спѣшневъ считалъ, на основаніи разсказовъ Черносвитова, удобною для начала народнаго возстанія мѣстность близь Уральскаго хребта, откуда оно можетъ распространиться и на низовыя губерніи.

Кружокъ, собиравшійся у Дурова, какъ свидѣтельствуетъ г. Милюковъ его посѣщавшій, болѣе всего былъ занятъ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ и о томъ какими путями и когда оно можетъ совершиться. Иные высказывали мнѣніе, что въ виду реакціи, вызванное у насъ европейскими революціями, правительство едва ли приступитъ къ рѣшенію этого дѣла, и что слѣдуетъ ожидать движенія скорѣе снизу, чѣмъ сверху. Другіе, напротивъ, утверждали, что народъ нашъ не пойдетъ по слѣдамъ европейскихъ революціонеровъ и, не вѣруя въ новую Пугачевщину, будетъ терпѣливо ждать рѣшенія своей судьбы отъ верховной власти. Въ этомъ смыслѣ съ особенною настойчивостью высказывался Ѳ. М. Достоевскій. „Я помню", разсказываетъ г. Милюковъ, „какъ однажды, съ обычною своей энергіей, онъ читалъ стихотвореніе Пушкина „Уединеніе". Какъ теперь слышу восторженный голосъ, какимъ онъ прочелъ заключительный куплетъ: „Увижу-ль о друзья, народъ неугнетенный" и т. д. „Когда при этомъ кто-то выразилъ сомнѣніе въ возможности освобожденія крестьянъ легальнымъ путемъ, Достоевскій рѣзко возразилъ, что ни въ какой иной путь онъ не вѣритъ. Однако-же, по свидѣтельству Пальма, когда однажды во время спора былъ поставленъ вопросъ: „ну, а если-бы освободить крестьянъ оказалось невозможнымъ иначе, какъ чрезъ возстаніе", то Достоевскій съ обычною горячностью отвѣтилъ: „такъ хотя бы чрезъ возстаніе!" [1]). Одно изъ главныхъ преступленій Достоевскаго, по обвинительному акту, состояло въ томъ, что въ мартѣ 1849 года онъ читалъ полученное изъ Москвы отъ А. Н. Плещеева письмо Бѣлинскаго къ Гоголю на собраніяхъ у Петрашевскаго и Дурова и отдалъ его для спятія копіи Момбелли. Въ письмѣ Бѣлинскаго членамъ этихъ кружковъ долженъ былъ нравиться, между прочимъ, и энергическій протестъ противъ крѣпостнаго права (см. гл. X). Г. Милюковъ свидѣтельствуетъ, что

---

1) *Ор. Ѳ. Миллеръ.* „Матер. для жизнеописанія Ѳ. М. Достоевскаго" въ „Собр. Сочин." I, 85

Ѳ. М. Достоевскій „читалъ соціальныхъ писателей, но относился къ нимъ критически. Соглашаясь, что въ основѣ ихъ ученій была цѣль благородная, онъ однако-жъ, считалъ ихъ только честными фантазерами. Въ особенности настаивалъ онъ на томъ, что всѣ эти теоріи для насъ не имѣютъ никакого значенія, что мы должны искать источниковъ для развитія русскаго общества не въ ученіяхъ западныхъ соціалистовъ, а въ жизни и вѣковомъ историческомъ строѣ нашего народа, гдѣ въ *общинѣ, артели и круговой порукѣ* давно уже существуютъ основы, болѣе прочныя и нормальныя, чѣмъ всѣ мечтанія Сенъ-Симона и его школы. Онъ говорилъ, что жизнь въ икарійской коммунѣ или фаланстерѣ представляется ему ужаснѣе и противнѣе всякой каторги. Конечно, наши упорные проповѣдники соціализма не соглашались съ нимъ“ [1]. Однако-же, по словамъ петрашевца Дебу, и ревностные поклонники Фурье обращали вниманіе на русскую общину, съ которою ихъ познакомилъ Гакстгаузенъ; относительно фаланстеръ онъ подтверждаетъ, что взглядъ Достоевскаго „былъ практичнѣе“.

Липранди обвиняетъ нашихъ фурьеристовъ въ томъ, что они стремились распространять свои идеи въ народѣ и для этого „вступали въ разговоръ съ легковыми извощиками во время переѣздовъ и усиливались направить ихъ и ожесточить противъ помѣщиковъ и высшаго правительства“; онъ говоритъ, что свѣдѣнія объ этомъ были получены изъ двухъ источниковъ [2]). Подобное обвиненіе мы встрѣчаемъ въ донесеніи Липранди относительно Ястржембскаго: онъ, по словамъ агента Антонелли, научалъ извощика „не платить господамъ подать, а какъ будутъ требовать, то давать имъ колотушку“ и въ заключеніе сказалъ ему: „вотъ видишь, нѣмцы - нехристи, да не берутъ оброка: какъ же православные то дерутъ съ васъ, мужиковъ?“ На что извощикъ будто бы сказалъ: „хотѣли было ихъ освободить, да государь не захотѣлъ“ [3]). Иначе разсказываетъ объ этомъ въ своихъ Воспоминаніяхъ Ястржембскій: когда на слѣдствіи отъ него требовали признанія въ томъ, что онъ „проповѣдывалъ извощикамъ необходимость убіенія помѣщиковъ“, то допрашиваемый пояснилъ, что однажды извощикъ жаловался ему на тяжесть оброка и при этомъ сказалъ: „некому за насъ заступиться: Богъ высоко, царь далеко“, онъ же, Ястржембскій, по привычкѣ своей думать иногда въ слухъ, замѣтилъ: „да, французы, нѣмцы и прочіе нехристи свободны, а русскій православный народъ въ рабствѣ“. Случай этотъ онъ потомъ сообщалъ у Петрашевскаго, гдѣ его слышалъ Антонелли и передалъ съ дополненіями и искаженіями [4])

[1]) *Милюковъ.* Ѳ. М. Достоевскій (къ его біографіи); „Русская Старина“ 1881 г. т. XXX, стр. 695, 697.

[2]) „Русская Старина“ 1872 г., т. VI, 77—78.

[3]) „Общество Пропаганды“, стр. 12.

[4]) *О. Миллеръ* въ Собр. Соч. Достоевскаго, I, 106.

Въ теченіи года съ небольшимъ Липранди наблюдалъ за кружкомъ Петрашевскаго и, наконецъ, 20 апрѣля 1849 года онъ получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ приказаніе передать все дѣло Дубельту, съ четырьмя именными списками лицъ, болѣе или менѣе принадлежавшихъ къ обществу, съ отмѣтками противъ каждаго о степени ихъ участія, для произведенія единовременнаго ареста. 23 апрѣля, по свидѣтельству Липранди, было „арестовано 33 человѣка (независимо другихъ пяти), которыхъ агентъ мой лично самъ видѣлъ на этихъ собраніяхъ“ [1]).

Такъ какъ при обыскахъ были найдены нѣкоторые документы, изобличавшіе либеральныя мнѣнія арестованныхъ, то мы укажемъ на тѣ мѣста въ нихъ, которыя прямо относятся къ крестьянскому дѣлу, не касаясь остальныхъ затронутыхъ тамъ вопросовъ.

Такъ, въ захваченномъ письмѣ А. Н. Плещеева къ Дурову,—первый писалъ изъ Москвы, въ мартѣ 1849 года: „Дворянство нисколько не негодуетъ на то, что... одинъ изъ ихъ сословія завелъ у себя въ деревнѣ гаремъ и изнасильничалъ одну дѣвушку въ глазахъ ея отца и матери. Въ этомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, Закревскій“ (московскій генералъ-губернаторъ) „хорошо поступилъ, хоть и нарушилъ право, т. е. наказалъ безъ суда, непосредственно, отпустивъ тотчасъ же на волю весь гаремъ и отдавъ барина подъ строжайшій надзоръ полиціи. Баринъ этотъ — нѣкто Смирновъ“. Найденъ былъ также дневникъ штабсъ-капитана Кузьмина, веденный въ Гамбовѣ (въ іюнѣ 1848 года); здѣсь объ одномъ весьма вліятельномъ мѣстномъ помѣщикѣ, которому Кузьминъ, по всей вѣроятности, сообщилъ записку Петрашевскаго объ увеличеніи цѣнности дворянскихъ имѣній, было сказано слѣдующее:

„Сабуровъ, не смотря на образованность и начитанность современную, имѣетъ довольно дикій и допотопный взглядъ на помѣстное право. Зная нелравильность порядка, въ которомъ люди имѣютъ право на личность подобныхъ себѣ, старается доказать, что допущеніе купцовъ къ владѣнію населенными землями [2]) съ тѣмъ, чтобы дѣлать крестьянъ обязанными, и вообще кромѣ дворянъ, другихъ классовъ, имѣющихъ на то средства и досугъ заниматься“ (хозяйствомъ? „лично, будетъ несправедливо и даже вредно, потому что разстроитъ существующій порядокъ, организацію работъ, вопросъ, занимающій западъ Европы, но у насъ окончательно рѣшенный“.

„Вопросъ объ улучшеніи быта рабочаго класса“, продолжаетъ Кузьминъ, „имѣетъ двѣ человѣческія цѣли: 1) обезпеченіе существованія трудящагося и 2) возможность путемъ труда улучшить свое положеніе и совершенствоваться. Близорукіе помѣщики-эгоисты скажутъ, — у насъ возможно достичь той и другой цѣли: работящій мужикъ не умретъ съ голоду и даже можетъ разбогатѣть, а по-

[1]) „Рус. Стар.“ VI, 75.

[2]) Это, какъ мы видѣли выше, предлагалъ Петрашевскій, и по всей вѣроятности онъ готовъ былъ допустить подобную мѣру именно на томъ условіи, о которомъ упоминаетъ далѣе Кузьминъ, т.-е. съ обращеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные.

томъ выкупить на волю себя съ семействомъ, а потомъ уже вести дѣтей своихъ, какъ пожелаетъ. Не проникнувши глубоко въ этотъ вопросъ, оно кажется и дѣйствительно такъ, но на самомъ дѣлѣ нѣтъ; чѣмъ прилежнѣе мужикъ, тѣмъ болѣе достается и работы на его долю: у мужика есть хлѣбъ въ голодный годъ, хлѣбъ, собранный крохами въ лучшіе годы, политый потомъ, и такой мужикъ естественно не получитъ помощи во время голода; лѣнтяй же и пьяница обезпечивается въ случаѣ неурожая. У лѣнтяя нѣтъ лошади, помѣщикъ — или дай ему лошадь чтобы тотъ работалъ на барщинѣ и въ домѣ, или даетъ ему другое назначеніе съ обезпеченіемъ содержанія; прилежный мужикъ, собравъ деньжонокъ, хочетъ выкупиться на волю, помѣщикъ требуетъ за это сумму, превосходящую собранный мужикомъ капиталъ, но воля такъ заманчива, что мужикъ входитъ въ долгъ и выкупается. И разъ объявивъ себя не бѣднякомъ, онъ подвергается всѣмъ притѣсненіямъ, которыя во власти помѣщика, чтобы заставить мужика предпочесть свободу въ рубищѣ достатку съ притѣсненіемъ; возражайте на это, я опровергну примѣрами.

„Сабуровъ самъ говоритъ, что его мнѣніе противу настоящаго порядка, что капитальныя выгоды его страдаютъ, — не нравится ему (помѣщику) имѣніе, онъ распродаетъ его по розницѣ: крестьянъ на свозъ, лѣсъ на срубъ, землю особо, и получитъ гораздо болѣе, нежели бы получилъ, продавъ имѣніе цѣлое, какъ было: мало того, купитъ онъ землю въ многоземельной губерніи, напр., въ саратовской, мужики охотой не идутъ туда (что весьма естественно), — онъ назвалъ его Сибирью, выселилъ туда негодяевъ, и саратовское имѣніе, населенное негодяями, даетъ ему доходу болѣе при 40 душахъ негодныхъ, нежели тамбовское при 150 хорошихъ крестьянахъ. Этотъ взглядъ положителенъ, но онъ же есть взглядъ не человѣческій, не современный и даже не далекъ [1].

Письмо А. Н. Плещеева и дневникъ Кузьмина, хотя изъ нихъ и ясно видно было отрицательное отношеніе обоихъ этихъ лицъ къ крѣпостному праву, что съ точки зрѣнія тогдашней администраціи было вовсе не дозволительно, все-таки могли гораздо менѣе скомпрометировать ихъ авторовъ, чѣмъ объясненія десяти заповѣдей, найденныя въ бумагахъ студента Филиппова. Въ объясненіи 4-й заповѣди сказано: „Видали мы господъ, что, почитай, цѣлую недѣлю гоняютъ бѣдныхъ крестьянъ на барщину. Прійдетъ праздникъ Господень, и радъ бы мужикъ справить его по христіански, да глядишь: то сѣно не убрано, то хлѣбъ пора жать, то дровъ навозить, а дома и холодно, и голодно. Какъ быть? Ништо станешь дѣлать! пошелъ мужику на работу и въ праздникъ ему не праздникъ. А кто причина, что мужикъ на справляетъ праздника Божія? Господинъ. Тяжкій отвѣтъ дастъ онъ Богу на судѣ страшномъ, что ввелъ

---

[1]) Беклемишевъ въ рукописи, подъ названіемъ „Переписка двухъ помѣщиковъ", мечтая о преобразованіи общественнаго строя Россіи въ духѣ ученія Фурье, желаетъ „сообщить помѣщиковъ и крестьянъ;" тогда не будетъ болѣе безпорядковъ: „Тогда помѣщики не будутъ болѣе, какъ нынѣ, дрожать ежеминутно за жизнь свою, они будутъ спокойно ложиться спать. Отчего? Оттого, что не будетъ больше рабовъ, порою потрясающихъ самое твердое иго, не будетъ болѣе нищихъ въ вѣчной борьбѣ съ обществомъ, отказывающимъ имъ въ насущномъ хлѣбѣ, не будетъ пролетаріевъ, не будетъ отверженцевъ".

мужика въ соблазнъ". Къ преступленіямъ противъ шестой заповѣди авторъ причисляетъ обиду ближняго и притѣсненія со стороны помѣщиковъ, требуя при этомъ отъ крѣпостныхъ протеста противъ гнета, который они терпятъ: „Какъ же, забывая слово Божіе, начальники и господа слова не вымолвятъ съ нашимъ братомъ мужикомъ безъ брани?. Дадимъ отвѣтъ и мы, что попустили ихъ обижать нашихъ братій: пора унять беззаконниковъ, да перестануть гнѣвить Господа Бога, ибо коли не уймешь ихъ, гнѣвъ Господень падетъ на всѣхъ насъ. Мало того, чтобъ не убивать человѣка, надо и не обижать ближняго.. Нарушающій слово Божіе смертью да умретъ. Всѣ вы идете смотрѣть, какъ наказываютъ мужиковъ, что посмѣли ослушаться господина или убили его. Развѣ вы не понимаете, что они исполнили волю Божію и что принимаютъ наказаніе какъ мученики за своихъ ближнихъ. Развѣ не будете защищаться, коли нападутъ на васъ разбойники, а помѣщикъ, обижающій крестьянъ своихъ, не хуже ли онъ разбойника?" По поводу седьмой заповѣди сказано: „Бракъ по назначенію помѣщика—прелюбодѣяніе и еще большій грѣхъ и для помѣщика, и для жениха съ невѣстой". На допросѣ Филипповъ показалъ, что „хотя толкованіе десяти заповѣдей написано имъ съ цѣлью распространять ложныя мысли о божественномъ писаніи, но онъ никому этого сочиненія не показывалъ" [1]). И дѣйствительно, мѣстами оно болѣе напоминаетъ предварительный черновой набросокъ: такъ, послѣ вышеприведенныхъ словъ по поводу седьмой заповѣди въ скобкахъ прибавлено: „объ насиліяніи, кстати и объ насиліяніи помѣщиковъ", что очевидно представляетъ простую замѣтку для памяти, мысль которую нужно было современемъ развить [2]. Въ составленной поручикомъ Григорьевымъ статьѣ „Солдатская Бесѣда", предназначавшейся, очевидно, для чтенія солдатъ, авторъ влагаетъ въ уста обличавшаго отставнаго служивато воспоминаніе о томъ, какъ развратничалъ ихъ баринъ-нѣмецъ, какъ угощалъ своихъ гостей невинными крестьянскими дѣвушками, какъ никакія жалобы начальству не помогали, какъ, наконецъ, онъ избилъ барина за изнасилованіе своей сестры, и за это ему забрили лобъ.

Нѣкоторые изъ петрашевцевъ и на допросахъ заявляли о своемъ отрицательномъ отношеніи къ крѣпостному праву: такъ, отставной поручикъ Черносвитовъ сказалъ что „считаетъ необходимымъ сдѣлать нѣ-

---

[1]) Общество Пропаганды, стр. 74, 84, 87—91, 96—98, 137.

[2]) Въ тетрадяхъ законовѣдѣнія (неизвѣстно чьихъ), найденныхъ у поручика Плахова, Аверкіевъ обратилъ вниманіе на слѣдующее мѣсто, гдѣ опровергалось мнѣніе Аристотеля о невозможности равенства: „Люди по природѣ всѣ равны, и слѣдовательно и рабства быть не должно. Несправедливость рабства можно доказать и исторически, потому что съ постепеннымъ образованіемъ людей рабство болѣе и болѣе исчезаетъ". Продолжая тамъ разсуждать о причинахъ неравенства, авторъ видитъ одну изъ нихъ въ „феодальномъ и крѣпостномъ владѣніи". „Русская Старина", т. VI, 82.

которыя перемѣны въ общественныхъ учрежденіяхъ *особенно освободить крестьянъ*". Ханыковъ заявилъ слѣдственной коммиссіи, что онъ признаетъ насущными потребностями Россіи „свободное книгопечатаніе, публичное судопроизводство и освобожденіе крестьянъ". Петрашевскій сказалъ слѣдственной коммиссіи, что онъ готовъ указать „способы и множество мѣръ, которыя могутъ содѣйствовать къ разрѣшенію вопроса объ освобожденіи крестьянъ, этого труднѣйшаго и щекотливѣйшаго изъ вопросовъ нашего общественнаго быта".

Въ докладѣ генералъ-аудиторіата конфирмованномъ 19-го декабря 1849 г., о системахъ „соціальныхъ и коммунистскихъ" и въ томъ числѣ о системѣ Фурье, было сказано, что подсудимые, примѣняя эти ученія къ Россіи, имѣли, между прочимъ въ виду уничтоженіе „права собственности общественнымъ способомъ *чрезъ соединеніе помѣщиковъ и крестьянъ въ одну общину* [1]).

Приговоръ по дѣлу Петрашевскаго извѣстенъ. Замѣтимъ только, что Головинскій, опредѣленный рядовымъ въ оренбургскіе линейные батальоны, былъ наказанъ только за „либеральные разговоры на собраніи у Петрашевскаго и Дурова, изъ коихъ у перваго самъ онъ объяснялъ возможность освобожденія крестьянъ безъ воли правительства" [2]).

---

[1] „Общество пропаганды", стр. 110. Тутъ, очевидно, имѣется въ виду рукопись Беклемишевъ. Липранди въ мнѣніи, поданномъ имъ въ слѣдственную коммиссію, пытался даже связать усиленіе крестьянскихъ волненій и убійствъ помѣщиковъ съ пропагандою петрашевцевъ „Русская Старина", т. VI, 78—79.

[2] Нѣкоторые, возвращенные императоромъ Александромъ II изъ ссылки, участники въ дѣлѣ Петрашевскаго сослужили добрую службу отечеству въ крестьянскомъ дѣлѣ. Снѣшневъ и Кашкинъ были мировыми посредниками. М. В. Петрашевскій умеръ поселенцемъ въ г. Минусинскѣ, 7-го декабря 1867 г.

ГЛАВА XIII.

Отношеніе славянофиловъ къ крестьянскому вопросу: Хомякова, И. В. и П. В. Кирѣевскихъ, Кошелева, Ю. Ѳ. Самарина, К. С. и И. С. Аксаковыхъ. - Кн. В. А. Черкасскій

Въ половинѣ сороковыхъ годовъ наши главнѣйшіе литературные дѣятели довольно рѣзко раздѣлились на два враждебныхъ лагеря: западниковъ и славянофиловъ. Мы подробно разсмотрѣли отношеніе первыхъ къ крестьянскому вопросу и познакомились со взглядами на этотъ предметъ Бѣлинскаго, Герцена, Огарева, И. С. Тургенева, Кавелина, П. И. Тургенева и нѣкоторыхъ другихъ; несомнѣнно западникомъ былъ также Забълодкій-Десятовскій. Кружокъ петрашевцевъ всецѣло развился на произведеніяхъ западно-европейскихъ соціалистическихъ писателей, хотя это, разумѣется, не мѣшало нѣкоторымъ изъ его членовъ съ полнымъ пониманіемъ и величайшимъ сочувствіемъ относиться къ такимъ явленіямъ русской жизни, какъ община, артель и т. п. Западныя вліянія вызвали и въ декабристѣ М. А. Фонъ-Визинѣ освободительныя стремленія въ крестьянскомъ дѣлѣ и онъ настаивалъ на освобожденіи крестьянъ не только съ землею, но и съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія. Къ тѣмъ же мнѣніямъ въ крестьянскомъ вопросѣ можно было, конечно, придти и инымъ путемъ непосредственнымъ изученіемъ русской дѣйствительности, внимательнымъ наблюденіемъ народной жизни, и славянофиламъ казалось, что именно такимъ образомъ они выработали общія основы своего ученія, но теперь можно считать уже достаточно доказаннымъ, что западныя вліянія имѣли огромное значеніе при образованіи ихъ взглядовъ. Какъ бы то ни было, славянофилы высказали много здравыхъ мыслей по крестьянскому дѣлу, здѣсь ихъ вліяніе было несомнѣнно полезно, и потому мы должны разсмотрѣть отношеніе славянофильскаго кружка къ крестьянскому вопросу. Въ нашу задачу, разумѣется, совершенно не входитъ характеристика славянофильскаго ученія вообще, и мы предварительно упомянемъ лишь о томъ, когда образовался и изъ кого состоялъ этотъ кружокъ.

Начало славянофильской школы слѣдуетъ отнести къ концу тридцатыхъ годовъ. Ея основателями были А. С. Хомяковъ (1804—1860) и братья Кирѣевскіе. Иванъ Васильевичъ (1806—1856) и Петръ Васильевичъ (1808—1856); къ нимъ примкнули: племянникъ Хомякова, Дмитрій Валуевъ, издатель „Историческаго“ и „Симбирскаго Сборниковъ“, авторъ изслѣдованія о мѣстничествѣ, затѣмъ Константинъ (1817—1860) и Иванъ Сергѣ. (1823—1886) Аксаковы; въ половинѣ сороковыхъ годовъ окончательно воспринялъ славянофильское ученіе Ю. Ѳ. Самаринъ (1819—1876), въ концѣ сороковыхъ годовъ тѣснѣе примкнулъ къ славянофиламъ и А. И. Кошелевъ (1806—1883); менѣе характерными представителями кружка были Александръ Ник. Поповъ, Чижовъ и другіе. Къ 1842 году, когда авторъ „Былого и думъ“ возвратился въ Москву, тамъ „уже давно“ сдѣлана была, по его выраженію, „сортировка по сродству“ и западническій „станъ сталъ въ боевой порядокъ лицомъ къ лицу съ славянами“. „Любопытно отмѣтить тѣ впечатлѣнія, какія испыталъ Герценъ при соприкосновеніи въ это время съ славянофильскимъ кружкомъ, такъ какъ онъ относился къ нему вообще съ гораздо большею терпимостью, чѣмъ Бѣлинскій, и, видя всю ошибочность взглядовъ его членовъ, въ то же время, умѣлъ цѣнить и полезную сторону ихъ ученія. Слова Герцена важны и потому, что они представляютъ не какія нибудь полемическія выходки въ печати, а замѣчанія, сохранившіяся въ его дневникѣ, не предназначенномъ для чтенія другихъ лицъ. Въ ноябрѣ 1842 года Герценъ писалъ: „Славянофильство приноситъ ежедневно пышные плоды; открытая ненависть къ Западу есть открытая ненависть ко всему процессу развитія рода человѣческаго, ибо Западъ, какъ преемникъ древняго міра, какъ результатъ всего движенія и всѣхъ движеній,— все прошлое и настоящее человѣчество... Отъ допе вмѣстѣ съ ненавистью и пренебреженіемъ къ Западу ненависть и пренебреженіе къ свободѣ мысли, къ праву, ко всѣмъ гарантіямъ, ко всей цивилизаціи... Слава Петру, отрекшемуся отъ Москвы! Онъ видѣлъ въ ней зимующіе корни узкой народности, которая будетъ противодѣйствовать европеизму и стараться оттолкнуть Русь отъ человѣчества“. Въ слѣдующемъ году авторъ пишетъ о славянофилахъ: „Они на Западъ смотрятъ съ ненавистью. *Это такъ же нелѣпо и нельзя, какъ воображать, что все наше національное грязно и отвратительно.* Оттого, что на Руси общечеловѣческое начало стали прививать неестественно, насильственно, они ополчились противъ общечеловѣческой цивилизаціи Европы, считая ее однимъ блескомъ, пустымъ и ложнымъ. Присутствуя при прививкѣ формъ, они проглядѣли, что долго на родной почвѣ въ этихъ формахъ обитала прекрасная сущность“. Бывали моменты, когда можно было надѣяться на возможность нѣкотораго соглашенія между обѣими партіями. Такъ, въ началѣ 1844 года Герценъ писалъ: „Безпрерывные споры и разговоры съ славянами много способствовали съ прошлаго года къ уясненію вопроса и

добросовѣстность съ обѣихъ сторонъ сдѣлала большія уступки, образовавшія мнѣніе болѣе основательное, нежели чистая мечтательность славянъ и гордое презрѣніе *ультра-оксидентныхъ*..“ Но несимпатичныя стороны славянофильскаго ученія рѣзко бросались въ глаза, поражали слишкомъ непріятно, и осенью того же года Герценъ отмѣчаетъ: „Здѣсь особенно скучны эти славянофилы, — опять сдѣлались мнѣ противны: они, сверхъ тупости, хитры, коварны, исключая, разумѣется, двухъ-трехъ“; къ числу послѣднихъ, какъ видно изъ другихъ отзывовъ Герцена, онъ причислялъ братьевъ Кирѣевскихъ, К. Аксакова: Самарина же въ это время онъ не считалъ еще настоящимъ славянофиломъ. Въ началѣ слѣдующаго года западники и славянофилы окончательно разошлись [1]).

Мы не считаемъ нужнымъ для нашей цѣли останавливаться на критикѣ несимпатичныхъ сторонъ славянофильства [2]); напротивъ, намъ придется говорить лишь о той сторонѣ ихъ дѣятельности, которая принесла положительные плоды и полезность которой признали и ихъ противники. Но заслуги славянофиловъ по отношенію къ крестьянскому дѣлу неодинаковы, и потому мы разсмотримъ теоретическую и практическую дѣятельность каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, насколько, разумѣется, та и другая намъ извѣстны. Начинаемъ съ самаго вліятельнаго члена славянофильскаго кружка, А. С. Хомякова.

Въ статьѣ Хомякова „О старомъ и новомъ“, написанной имъ въ 1839 г. и въ свое время не предназначавшейся для печати, мы находимъ еще многое, несогласное съ позднѣйшими взглядами славянофиловъ вообще и самого Хомякова. Отношеніе къ Петру Великому здѣсь скорѣе симпатичное, чѣмъ враждебное; о роли Петра въ исторіи нашихъ крестьянъ авторъ говоритъ: „Крѣпостное состояніе крестьянъ введено Петромъ I: но когда вспомнимъ, что они не могли сходить съ своихъ земель, что даже отлучаться безъ позволенія они не смѣли и что, между тѣмъ, судъ былъ далеко, въ Москвѣ, въ рукахъ помѣщиковъ, что противники ихъ были всегда и богаче, и выше ихъ въ лѣстницѣ чиновъ государственныхъ,— не поймемъ ли мы, что рабство крестьянъ существовало въ обычаѣ, хотя не было признано закономъ, и что отмѣна Холопьяго Приказа не могла произвести ни потрясеній, ни бунтовъ и должна была казаться практическому уму Петра простымъ уничтоженіемъ ненужнаго и почти забытаго присутственнаго мѣста?... Конечно,—оговаривается Хомяковъ —никто изъ насъ не можетъ вспомнить безъ горя о томъ, что законъ согласился принять на себя отвѣтственность за мерзость рабства, введеннаго уже обычаемъ“, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, авторъ дѣлаетъ въ высшей степени мѣткое

[1]) Сочиненія Герцена, I, 27, 52—53, 141, 164, 240, 254, 263—64; VII, 306.

[2]) Это уже не разъ сдѣлано А. Н. Пыпинымъ, напр., въ его книгѣ „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20 до 50 годовъ“ и Спб. 1873 г. и въ статьѣ „К. Аксаковъ“ („Вѣстникъ Европы“ 1884 г., А. V [illegible])

замѣчаніе относительно роли петровскаго законодательства въ судьбѣ нашихъ крестьянъ: „Въ наше время мерзость рабства законнаго, тяжелая для насъ во всѣхъ смыслахъ, вещественномъ и нравственномъ, должна вскорѣ искорениться общими и прочными мѣрами, *между тѣмъ какъ иго-нибудь крестьянъ до Петра могъ сдѣлаться языкомъ вѣчной и по меньшей мѣрѣ вель къ состоянію пролетаріевъ или безземельныхъ англійскихъ работниковъ*“ [1]. Дѣйствительно, изслѣдователи быта нашихъ крестьянъ во второй половинѣ XVII в. указываютъ, что въ концѣ этого столѣтія количество такъ называемыхъ дѣловыхъ и задворныхъ людей, жившихъ въ помѣщичьихъ дворахъ безъ собственнаго хозяйства, было весьма значительно; такъ, напр., въ бѣлевскомъ уѣздѣ *пятая часть* сельскаго населенія состояла изъ такихъ безземельныхъ работниковъ [2]).

Въ 1842 г по поводу закона объ обязанныхъ крестьянахъ Хомяковъ высказалъ въ печати (въ журналѣ „Москвитянинъ“) свой взгдядъ на крестьянскій вопросъ. Такъ какъ, характеризуя отношеніе общества къ этому закону, мы уже говорили о двухъ, посвященныхъ ему статьяхъ Хомякова, то теперь напомнимъ о нихъ лишь въ нѣсколькихъ словахъ. Относительно вопроса о томъ, какой размѣръ повинностей при заключеніи условій былъ бы не обременителенъ для крестьянъ, первая статья представляетъ отчасти простое констатированіе существующихъ отношеній (трехдневной барщины), отчасти совершенно произвольное переименованіе оброчной системы „въ половничество трудомъ“, а, кромѣ того, мы находимъ здѣсь предложеніе вознаграждать землевладѣльца половиною произведеній земли, что было не въ обычаѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, но обыкновенно практиковалось въ отношеніяхъ между такъ называемыми „деревенскими владѣльцами“ на сѣверѣ Россіи и ихъ половниками, которые, вопреки восхваленію Хомяковымъ половнической системы, находились въ весьма печальномъ положеніи. Изъ второй статьи мы видимъ, что Хомяковъ не желалъ опредѣленія повинности крестьянъ закономъ, ссылаясь на то, что разсчетъ и благонамѣренность образованныхъ хозяевъ побудятъ ихъ самихъ заключать съ крестьянами договоры и приведутъ къ вполнѣ удовлетворительному разрѣшенію крестьянскаго вопроса. Положительная сторона статей Хомякова заключается въ горячей защитѣ общинныхъ принциповъ: онъ доказываетъ, что помѣщикамъ необходимо заключать договоры не съ отдѣльными лицами, а съ цѣлымъ міромъ, съ сохраненіемъ общиннаго пользованія землею. Въ этомъ направленіи онъ приготовилъ и еще одну статью, гдѣ доказывалъ, что сельскимъ обществамъ легче пріобрѣсти землю въ собственность, чѣмъ отдѣльнымъ хозяевамъ, но статья эта не могла появиться въ печати

---

[1]) Полн. Собр. Соч. Хомякова, т. I, изд. 2-е, М. 1878 г., стр. 364, 366.

[2]) *Побѣдоносцевъ*. Историч. изслѣдованія. Спб. 1876 г., стр. 79.

вслѣдствіе препятствій со стороны цензуры. Той же участи подверглись и нѣсколько другихъ статей, доставленныхъ въ редакцію „Москвитянина“ изъ разныхъ губерній, и начавшійся по поводу указа 1842 г. обмѣнъ мыслей по крестьянскому дѣлу былъ насильственно прерванъ [1]).

Мы видимъ, слѣдовательно, что въ 1839 г. Хомяковъ говорилъ о „мерзости рабства законнаго“ и выражалъ надежду, что оно будетъ искоренено „общими и прочными мѣрами“, а черезъ три года въ статьѣ „Еще о сельскихъ условіяхъ“ онъ протестовалъ противъ опредѣленія повинностей крестьянъ закономъ, находя въ господствѣ „права обычнаго“ своего рода гарантію интересовъ крестьянъ. Онъ нѣсколько идеализировалъ, такимъ образомъ, положеніе нашихъ крѣпостныхъ, но, въ тоже время былъ несомнѣнно правъ, когда въ своихъ „Запискахъ о всемірной исторіи“, начатыхъ въ 30-хъ, продолжаемыхъ въ 40-хъ годахъ и напечатанныхъ лишь по смерти автора, доказывалъ, что положеніе крѣпостныхъ въ собственной Россіи было легче, чѣмъ въ Остзейскомъ краѣ, и что (даже послѣ уничтоженія крѣпостнаго права въ нашей прибалтійской окраинѣ) разстояніе между русскимъ крестьяниномъ и помѣщикомъ менѣе, чѣмъ между какимъ-нибудь эстомъ или латышемъ и остзейскимъ бароном. Сравнивая положеніе крѣпостныхъ въ Россіи и въ Остзейскомъ краѣ, Хомяковъ говоритъ: „Въ Россіи крѣпостное право есть не что иное, какъ грубая полицейская мѣра, выдуманная нуждою государственной, но не уничтожившая братства человѣческаго, а въ германскомъ поморьѣ оно было коренным зломъ, связаннымъ съ завоеваніемъ и насиліемъ племеннымъ. Въ Россіи оно плодъ невѣжества, а тамъ - преступленія“ [2]). Но если бы авторъ сознавалъ необходимость общихъ правительственныхъ мѣръ для ограниченія крѣпостнаго права, то, можетъ быть, онъ не забылъ бы упомянуть, что во время шведскаго владычества права остзейскихъ крестьянъ были охранены строгими постановленіями закона, между тѣмъ какъ русское правительство, послѣ перехода подъ его власть Остзейскаго края, дало возможность мѣстнымъ землевладѣльцамъ не обращать вниманія на тѣ ограниченія ихъ власти, какія были введены во время шведскаго господства.

Когда въ 1846 г. былъ учрежденъ въ Петербургѣ лифляндскій комитетъ и прикомандированный къ нему Ю. Ѳ. Самаринъ въ исторической запискѣ о мѣрахъ по устройству крестьянъ въ Лифляндіи выразилъ мысль о нераздѣльности крестьянъ съ землею и о возстановленіи тамъ ихъ правъ на землю, Хомяковъ въ письмѣ по поводу этой записки къ Самарину (на-

---

[1]) Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина, т. I. Спб. 1877 г., стр. 247.

[2]) Полн. Собр. Соч. А. С. Хомякова, т. III, изд. 2-е. М. 1882 г., стр. 130—131. Однако прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ въ концѣ XVI в. Хомяковъ считалъ необходимымъ. См. его статью „Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ“ въ „Библіотекѣ для Воспитанія“ 1844 г., изд. Валуева, кн. I. („Сочиненія Хомякова“, т. I, изд. 2-е, стр. 403).

писанномъ, вѣроятно, въ половинѣ 1848 г.) высказалъ весьма любопытныя соображенія о поземельной собственности въ Россіи.

„Для насъ, русскихъ — говоритъ онъ — теперь одинъ вопросъ всѣхъ важнѣе, всѣхъ настоятельнѣе. Вы его поняли, и поняли вѣрно. Давно уже пошусь я съ нимъ и старался его истинный смыслъ выразить какъ возможно ясно Спасибо вамъ за то, что вы попали на ту юридическую форму, которая выражаетъ этотъ смыслъ съ наибольшею ясностью и отчетливостью, именно на существованіе у насъ двухъ правъ, одинаково крѣпкихъ и священныхъ: права наслѣдственнаго на собственность и такого же права наслѣдственнаго на пользованіе Въ болѣе абсолютномъ смыслѣ въ частныхъ случаяхъ право собственности истинной и безусловной не существуетъ; оно пребываетъ въ самомъ государствѣ (въ великой общинѣ, какая бы ни была его форма Можно доказать, что это общая мысль всѣхъ государствъ даже европейскихъ. Всякая частная собственность есть только болѣе или менѣе пользованіе, только въ разныхъ степеняхъ.. Наша собственность (*пользованіе* въ отношеніи къ государству) есть *собственность* въ отношеніи къ другимъ частнымъ людямъ и, слѣдовательно, къ крестьянамъ. Ихъ право въ отношеніи къ намъ есть право *пользованія наслѣдственнаго*, дѣйствительно же оно разнится отъ нашего только степенью, а не характеромъ и подчиненностью другому началу - общинѣ Таково отношеніе юридическое, вытекшее изъ обычая или создавшее обычай, и кто хочетъ этому отношенію нанести ударъ, тотъ хочетъ возмутить всѣ убѣжденія, всю сущность народа. а теперь только объ этомъ и хлопочутъ Непозволительно намъ молчать, и, признаюсь, я ожидаю отъ васъ изложенія этого начала... Юридическая антиномія разрѣшается, какъ антиномія во всякомъ живомъ фактѣ, только самою жизненностью факта и можетъ разрѣшаться въ будущемъ только духовнымъ тождествомъ собственниковъ и владѣльцевъ. Если же собственники не рѣшатся на это, то они, становясь въ прямой вражду съ другимъ болѣе строго-историческимъ правомъ, должны напередъ расклапяться съ своимъ правомъ“ [1])

Изъ этого письма видно, что Хомяковъ призналъ въ это время необходимость освобожденія крестьянъ не иначе, какъ съ землею: но весьма для него характерно, что для того, чтобы окончательно додуматься до этой мысли, ему нужно было найти для нея извѣстную юридическую формулу. При этомъ какъ-то невольно приходитъ въ голову официальная характеристика Хомякова, сдѣланная въ 1852 г., — характеристика, нѣсколько наивно выраженная, но едва ли ошибочная: „убѣжденія его *болѣе умственныя, нежели душевныя;* любитъ пренія и готовъ спорить за и противъ“ [2]). Недаромъ для Герцена Хомяковъ, въ противоположность братьямъ Кирѣевскимъ и К. Аксакову, былъ лично весьма несимпатиченъ.

Въ статьѣ „О сельскихъ условіяхъ“ Хомяковъ, какъ мы видѣли, допускалъ возможность сдѣлокъ, основанныхъ на обязательной работѣ крестьянъ въ пользу помѣщика; онъ даже находилъ трехдневную барщину удобною и для земледѣльцевъ, на что авторъ разбора этой статьи въ „Отечественныхъ Запискахъ“ справедливо замѣтилъ, что если трехдневная

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1879 г. т. III, стр. 331—332.
[2]) „Русск. Стар.“ т. XIV, 372.

работа „и основана на обычаѣ, то ужь никакъ нельзя согласиться, что самый обычай былъ основанъ на вѣрномъ разсчетѣ; этотъ обычай выражаетъ собою только крайнее напряженіе обязательной силы, съ одной стороны, и безотвѣтнаго исполненія—съ другой". Но позднѣе мнѣніе Хомякова относительно барщины измѣнилось, какъ это видно изъ письма, написаннаго имъ по поводу инвентарныхъ правилъ, изданныхъ въ концѣ сороковыхъ годовъ для нашихъ западныхъ губерній [1]). И въ другихъ случаяхъ Хомяковъ отрицательно относился къ инвентарной системѣ въ томъ видѣ, какъ она была урегулирована при Бибиковѣ, но, въ то же время, боялся разныхъ „утопій" въ крестьянскомъ дѣлѣ. Въ письмѣ къ А. М. Языкову, написанномъ въ 1854 году, Хомяковъ говоритъ: „Вопросъ Бибиковскій больше и важнѣе вопроса Царьградскаго. Двѣ партіи: одна хочетъ коснѣть въ прошлой мерзости, другая хочетъ ее поправить новою глупостью. Голоса добрыхъ и разумныхъ людей не слышать Кому стыдно? Добрымъ и разумнымъ Отзовитесь! Надобно куда слѣдуетъ направить отовсюду настоящую мятель протестовъ и противъ прошедшаго, и противъ новаго. Кто лучше васъ можетъ это сдѣлать изъ Симбирска? Вы желаете свободы для крестьянъ, но вы человѣкъ практическій, а *не утопистъ*. Разберите инвентарь въ его нелѣпости и предложите хоть проектъ мѣстнаго разрѣшенія. Многіе уже за это берутся..." [2]).

Хомяковъ вообще живо интересовался рѣшеніемъ крестьянскаго вопроса и въ перепискѣ съ Самаринымъ обсуждалъ нѣкоторыя его частности, а также извѣщалъ о всемъ томъ, что касается этого дѣла [3])

---

[1]) „Главный недостатокъ инвентарнаго положенія заключается въ томъ, что оно, повидимому, опредѣляетъ окончательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и не содержитъ въ себѣ никакого указанія на дальнѣйшее ихъ развитіе. Дѣятельность крестьянина заключена въ безвыходно-тѣсномъ кругѣ, ему даже не дано права требовать замѣны барщины оброкомъ, пусть бы лучше наложили высокій оброкъ, лишь бы крестьянинъ видѣлъ, что когда-нибудь да прекратится барщина. У насъ на Руси барщина усовершенствованная и подведенная подъ строгія правила не долго продержится съ упраздненіемъ помѣщичьяго полновластія. Германія въ этомъ случаѣ намъ не указъ. Нашъ крестьянинъ терпѣливѣе нѣмца: вынесетъ грубый произволъ; но ему нужно больше простора, и онъ не поимѣетъ способы въ кандалахъ, хотя бы кандалы были законнаго вѣса и образцовой мѣрки" „Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина. I, 247—248.

[2]) „Русск. Стар." 1883 г. т. 39, стр. 637, срав „Русс. Арх." 1876 г. г. I, 281.

[3]) Такъ, въ мартѣ 1849 г. онъ писалъ ему: „Помни обѣщаніе, данное вамъ въ деревнѣ, и записалъ кое что въ программѣ у Александра Николаевича (Попова), чувствую, что этого мало, и слишкомъ мало, и что изъ этого малаго еще меньше можетъ войти въ дѣло; но что же дѣлать? Мы не привыкли думать, и отого и придумать не умѣемъ Польша, по крайней мѣрѣ, та, что, все-таки, мы можемъ быть не безполезными другъ другу и наводить другъ друга на иную, не замѣченную стежку. Что одинъ замыслитъ, то другой домыслитъ. Главное дѣло у насъ: не вводить и не предлагать прямо и практически полезное, но пробуждать, уяснять или вводить нормы, согласныя съ прав-

Мы видимъ, такимъ образомъ, что славянофилы въ это время дружно работаютъ надъ крестьянскимъ вопросомъ. И у А. И. Попова, и у Хомякова есть уже въ 1849 году свои программы по этому предмету, которыя, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не напечатаны, а Ю. Ѳ. Самаринъ въ 1853—54 г. составилъ обширную записку „О крѣпостномъ состояніи и о переходѣ изъ него къ гражданской свободѣ" [1]).

Въ поэтическихъ своихъ произведеніяхъ разсматриваемой эпохи Хомяковъ лишь въ одномъ вполнѣ опредѣленно выразилъ свое негодованіе противъ мерзости крѣпостнаго права, а именно въ знаменитомъ стихотвореніи „Къ Россіи" (1854 г.): въ числѣ *„ужасныхъ грѣховъ"* нашей родины онъ не забылъ помянуть здѣсь и то, что она

„Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клейменa".

Сообщая это стихотвореніе въ вышеупомянутомъ письмѣ къ А. М. Языкову, авторъ прибавляетъ, что послалъ его въ Петербургъ. „Какъ вы думаете,—спрашиваетъ онъ при этомъ,—признаютъ ли ихъ патріотическими и меня патріотомъ своего отечества? А, вѣдь, надобно было сказать правду" [2]). Хомяковъ скоро узналъ отвѣтъ на занимавшій его вопросъ: московскій генералъ-губернаторъ гр. Закревскій призвалъ его къ себѣ и обязалъ не только не печатать этихъ стиховъ, но *даже и не читать ихъ*; однако, стихи облетѣли всю Россію, несмотря на полицейскія преслѣдованія, которымъ подвергались нѣкоторые восторженные читатели этого прекраснаго произведенія [3]).

дой и истиннымъ христіанствомъ." Далѣе Хомяковъ упоминаетъ о своей собственной „программѣ" и останавливается на одномъ частномъ ея вопросѣ. „Рус. Арх." 1879 г. г. III 334—335, ср. стр. 323.

[1]) Безъ сомнѣнія, къ этому послѣднему труду относятся замѣчанія въ письмѣ, написанномъ Хомяковымъ, по свидѣтельству Самарина, „къ одному изъ его пріятелей, который сообщилъ ему записку, составленную за три года до выхода первого рескрипта". Вотъ что говоритъ далѣе Хомяковымъ: „Вы подробно изслѣдовали хозяйственную сторону вопроса, но гдѣ мало обратили вниманія на его нравственную сторону. У насъ подъ рукою неисчерпаемый запасъ матеріала для развитія темы, заброшенной кѣмъ-то изъ французскихъ писателей: „l'esclavage dégrade le maître plus que l'esclave". Обращеніе съ людьми, которыхъ нравственный судъ до насъ не доходитъ пріучаетъ насъ жить сквозь рукава, а внутреннее, хотя и затаенное сознаніе нашей неправоты предъ ними лишаетъ насъ всякой свободы суда надъ ними. Есть какая-то всеобщая стачка не проговариваться о томъ, что у всѣхъ на умѣ и на сердцѣ..." (Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина I, 248). Самаринъ съумѣлъ воспользоваться этимъ замѣчаніемъ при переработкѣ своей записки въ 1856 г., и въ послѣдней ея редакціи мы находимъ особую главу, гдѣ разсматривается „вліяніе крѣпостнаго права на общественную нравственность". („Сочиненія Самарина" II, 21—30).

[2]) „Русская Старина" 1883 г. г. 39, стр. 638. „Стихотвореніе Хомякова", изд. 3-е, М. 1881 г., стр. 131.

[3]) „Русск. Архивъ", 1884 г., кн. 4, стр. 323—24.

Изъ сдѣланныхъ выше указаній на печатныя статьи и неизданныя въ свое время сочиненія и письма Хомякова ясно видно его отрицательное отношеніе къ крѣпостному праву; гораздо менѣе опредѣленно можно отвѣтить на вопросъ о томъ: какія же мѣры предлагалъ Хомяковъ для освобожденія крестьянъ? Въ 1842 г. въ статьяхъ его въ „Москвитянинѣ“ — „О сельскихъ условіяхъ“ мы находимъ еще немало несимпатичныхъ взглядовъ: онъ высказывается тамъ противъ опредѣленія общими правительственными мѣрами отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, онъ признаетъ совершенно нормальною и справедливою трехдневную барщину. Но позднѣе взгляды Хомякова по крестьянскому вопросу измѣняются къ лучшему, хотя, къ сожалѣнію, въ разсматриваемую эпоху недостатокъ матеріала не дозволяетъ характеризовать ихъ съ достаточною ясностью; мы видимъ только, что Хомяковъ уже отрицательно относится къ барщинной системѣ и предпочитаетъ ей оброчную; освобожденія же крестьянъ желаетъ не иначе, какъ съ землею. Гораздо яснѣе и опредѣленнѣе одна сторона во взглядахъ Хомякова, именно горячая защита имъ общиннаго землевладѣнія: мы видимъ это изъ печатныхъ статей въ „Москвитянинѣ“ и еще болѣе изъ его замѣчательнаго письма къ одному изъ пріятелей, написаннаго около 1849 года. Считаемъ необходимымъ указать на нѣкоторыя мѣста изъ этого въ высшей степени любопытнаго посланія, представляющаго цѣлый трактатъ въ защиту общины, небольшой по объему, но весьма цѣнный по заключающимся въ немъ мыслямъ.

Прежде всего, Хомяковъ останавливается на выраженномъ его пріятелемъ сомнѣніи, что общинное землевладѣніе („общность земель“) можетъ мѣшать „усовершенствованію хлѣбопашества по ненадежности и непродолжительности владѣнія. Разумѣется, владѣніе даже продолжительное (писалъ, вѣроятно, пріятель Хомякову), хуже собственности въ этомъ отношеніи“. — „Такъ кажется,—отвѣчаетъ Хомяковъ — но опытъ говоритъ другое. Ты самъ былъ въ чужихъ краяхъ; скажи, по совѣсти, гдѣ нашелъ ты самую низкую степень хлѣбопашества? Безспорно во Франціи, гдѣ все собственники. Гдѣ высшую? Безспорно въ Англіи, гдѣ все владѣльцы (ибо собственники, занимающіеся хлѣбопашествомъ, тамъ исключеніе). И такъ, владѣніе, повидимому, не мѣшаетъ развитію хозяйства, точно также какъ собственность не всегда бываетъ полезною для его развитія. Мнѣ кажется поэтому, что общность владѣнія не можетъ считаться важною преградою въ этомъ дѣлѣ... Я вообще спрошу у тебя: если 25-ти лѣтнее фермерство (сроки часто гораздо короче) благопріятствуетъ землепашеству, отчего 25-ти лѣтнее владѣніе изъ общинныхъ земель должно быть ему гибельнымъ? А сроки передѣльнаго владѣнія бываютъ очень часто гораздо продолжительнѣе: часто отъ дѣда переходитъ участокъ ко внуку и даже далѣе“. Такимъ образомъ, еще въ 1849 г. Хомяковъ очень убѣдительно опровергалъ возраженіе противъ общины, осно-

ванное на томъ, что будто бы срочность пользованія землею препятствуетъ усовершенствованію хлѣбопашества, и опровергалъ это возраженіе именно указаніемъ на Англію, подобно тому, какъ это много лѣтъ позднѣе и, разумѣется, гораздо подробнѣе было доказано въ извѣстномъ трудѣ объ общинномъ землевладѣніи профессора Посникова (вып. I). Всякое ограниченіе общины Хомяковъ считалъ вреднымъ и потому, что оно повело бы къ усиленію ненавистнаго для него чиновничества. „Община есть одно уцѣлѣвшее гражданское учрежденіе всей русской исторіи. Отними его, не остается ничего; изъ его же развитія можетъ развиться цѣлый гражданскій міръ". Хомяковъ дорожитъ поземельною общиной, прежде всего, потому, что при существованіи ея, по его мнѣнію, невозможенъ пролетаріатъ.

„Въ пользу нашей общины,— говоритъ онъ, должно замѣтить, что она почти не прибѣгаетъ въ средствахъ противо-нищенственныхъ, ибо сама отстраняетъ нищенство почти совершенно; а предварять зло всегда лучше, чѣмъ исправлять зло... При ней возможна только временная нищета, ибо всѣ члены общины суть товарищи и пайщики. Взаимное вспоможеніе имѣетъ уже характеръ не милостыни... не подаянія невольнаго, которое кладетъ скудный кусокъ нищему въ роть для того только, чтобы онъ не вздумалъ взять себѣ пищу насильно по обязанности общественной, истекающей изъ самаго отношенія товарищей другъ къ другу и обусловленной взаимною и общею пользою. Русская поговорка говоритъ: „кормится сирота, растетъ міру работникъ". Это слово важное, въ немъ разрѣшается задача, надъ которою трудятся безполезно лучшія головы Запада. Нищета же безъисходная при общинѣ дѣлится на два случая: на нищету, происходящую отъ разврата, и на нищету отъ сиротства и несчастья (вдова или старикъ совершенно безродные). Въ первомъ случаѣ община очищаетъ себя исключеніемъ виновнаго какъ неисправнаго и негоднаго товарища, а второй случай, встрѣчающійся весьма рѣдко, достаточно покрывается чувствомъ братскаго сострадания и никогда не можетъ служить источникомъ общественнаго зла. Разумѣется, что безъ ослѣпленія фанатическаго нельзя предполагать, чтобы такое устройство совершенно отстранило всѣ бѣдствія и всѣ злоупотребленія и чтобы богатый общинникъ не могъ иногда разработывать" (т.-е эксплоатировать) „случайную бѣдность товарищей, особенно въ областяхъ промышленныхъ; но такое явленіе по необходимости будетъ имѣть только непродолжительныя слѣдствія и уступитъ силѣ товарищескаго начала".

Хомяковъ не останавливается на этомъ и высказываетъ мысль, что дальнѣйшимъ развитіемъ земледѣльческой общины будетъ „община промышленная". Указавъ на развитіе у насъ артели и на то, что „въ артель собираются люди, которые съ малыхъ лѣтъ уже жили жизнью общинною", онъ продолжаетъ: „Конечно, я не знаю ни одного примѣра совершенно промышленной общины въ Россіи, такъ сказать фаланстера, но много есть похожаго; напримѣръ, есть мельницы, эксплоатируемыя на паяхъ, есть общія деревенскія ремесла и, что еще ближе, есть деревни, которыя у купцовъ снимаютъ работу и раздаютъ ее у себя по домамъ. Все это не развито, да у насъ вся промышленность не развита. Народъ не познакомился съ машинами; естественная жизнь торговли нарушена. Когда проснется устроится нашъ общій бытъ, всѣ начала разовьются, и торговая или, лучше

сказать, промышленная община образуется сама собою“ [1]). Эти слова показываютъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ у славянофиловъ и нашихъ фурьеристовъ (членовъ кружка Петрашевскаго) могли найтись точки соприкосновенія.

Ю. О. Самаринъ относительно взгляда Хомякова на нашу поземельную общину говоритъ: „Необходимость сохранить ея неприкосновенность при всѣхъ будущихъ преобразованіяхъ составляла одно изъ коренныхъ его убѣжденій. Онъ дорожилъ ею не только какъ самороднымъ произведеніемъ народной жизни и какъ вѣрнѣйшимъ средствомъ застраховать право крестьянъ на землю отъ тѣхъ несчастныхъ и неизбѣжныхъ случайностей, которыхъ бы не выпесли разобщенныя личности, но еще болѣе какъ нравственною средой, въ которой лучшія черты народнаго характера спасались отъ заразительнаго вліянія крѣпостнаго права“. Въ подтвержденіе послѣдняго Самаринъ приводитъ слѣдующія слова Хомякова въ одномъ изъ его писемъ: „Чѣмъ болѣе я всматриваюсь въ крестьянскій бытъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что *міръ* для русскаго крестьянина есть какъ бы олицетвореніе его общественной совѣсти, передъ которою онъ выпрямляется духомъ; міръ поддерживаетъ въ немъ чувство свободы, сознаніе его нравственнаго достоинства и всѣ высокія побужденія, отъ которыхъ мы ожидаемъ его возрожденія. Можно бы написать легенду на слѣдующую тему: русскій человѣкъ, порознь взятый, не попадетъ въ рай, а цѣлой деревни нельзя не пустить“ [2]).

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что Хомяковъ еще въ николаевскую эпоху желалъ освобожденія крестьянъ съ землею и, притомъ, съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія. Кошелевъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Хомяковѣ добавляетъ, что послѣдній отстаивалъ тогда „полное освобожденіе крестьянъ посредствомъ одновременнаго выкупа по всей Россіи“ [3]). Другихъ указаній на это мы не имѣемъ, но несомнѣнно, что въ болѣе позднее время, въ первые годы царствованія императора Александра II, Хомяковъ (умершій въ 1860 году) требовалъ „одновременнаго, однообразнаго и обязательнаго выкупа“ крѣпостныхъ съ землею: эта мысль положена имъ въ основаніе его обширнаго письма „Объ отмѣнѣ крѣпостнаго права въ Россіи“, написаннаго въ 1858 году къ гр. Ростовцеву. Не имѣя возможности останавливаться здѣсь на разборѣ этой записки, упомянемъ только, что Хомяковъ предлагалъ въ ней назначить въ надѣлъ крестьянамъ, кромѣ усадебъ, всего по 2 десятины на душу, кромѣ Новороссій-

---

[1]) „Рус. Архивъ“ 1884 года, кн. 4, стр. 261—269. Статья, напечатанная Хомяковымъ въ защиту общины въ 28 № „Молвы“ за 1857 годъ, гораздо слабѣе этого письма. (Соч. Хомякова, I, 636—638.)

[2]) „Сочиненія Самарина“ I, 246—247.

[3]) „Русскій Архивъ“ 1879 г., т. III, 267.

скаго и заволжскаго края, гдѣ размѣръ надѣла могъ, по его мнѣнію, быть возвышенъ до 3 десятинъ: такимъ образомъ, онъ устанавливалъ слишкомъ недостаточную для обезпеченія крестьянина норму надѣла. Что касается размѣра вознагражденія за землю, то онъ опредѣлялъ его въ 30—40 руб. за десятину [1]).

Сгруппировавъ все, что до сихъ поръ извѣстно относительно взглядовъ Хомякова на крестьянскій вопросъ въ николаевскую эпоху, мы должны еще указать на дѣятельность его, какъ помѣщика, владѣльца нѣсколькихъ населенныхъ имѣній въ разныхъ губерніяхъ. При всемъ отвращеніи Хомякова къ „мерзости“ крѣпостнаго права, онъ не освободилъ своихъ собственныхъ крестьянъ на тѣхъ или иныхъ условіяхъ, причемъ, быть можетъ, успокоивалъ свою совѣсть мало основательнымъ соображеніемъ, будто освобожденные крестьяне подверглись бы разнымъ злоупотребленіямъ со стороны ненавистнаго ему чиновничества: какъ бы то ни было, Хомяковъ ограничился тѣмъ, что постепенно сталъ переводить своихъ крестьянъ съ барщины на оброкъ, на основаніи добровольнаго съ ними соглашенія. Вотъ что говоритъ объ этомъ Ю. Ѳ. Самаринъ: „Сколько мнѣ извѣстно, онъ началъ управлять“ своими имѣніями „самъ въ ранней молодости и съ перваго шага поставилъ себя въ прямыя, непосредственныя отношенія къ своимъ крестьянамъ. Онъ часто созывалъ мірскія сходки, выслушивалъ всѣ требованія и жалобы, дѣлалъ всѣ свои распоряженія гласно и открыто и никогда не прятался за личностью своихъ повѣренныхъ, какъ дѣлаютъ это многіе добрые помѣщики, которые сознаютъ всю тягость крѣпостныхъ отношеній и не рѣшаются принять на себя отвѣтственности за порядокъ вещей, которымъ сами пользуются. За нѣсколько лѣтъ до выхода высочайшихъ рескриптовъ онъ приступилъ къ исполненію давнишней своей мысли: отмѣнить въ своихъ имѣніяхъ барщину и перевести крестьянъ на оброкъ. Онъ взялся за это дѣло не вдругъ и не сгоряча, не подъ вліяніемъ досады на хлопоты и непріятности, сопряженныя съ отбываніемъ барщины, но обдумавъ зрѣло всѣ послѣдствія и не скрывая отъ себя трудностей, которыя онъ долженъ былъ встрѣтить. Ему хотѣлось, во-первыхъ, чтобы новый, задуманный имъ порядокъ осуществился не въ силу помѣщичьяго полноправія, а по обоюдному соглашенію съ крестьянами, и, во-вторыхъ, чтобы этотъ порядокъ оправдался въ своихъ послѣдствіяхъ не какъ милость, на которую нѣтъ ни образца, ни мѣры, а какъ вѣрный разсчетъ, выгодный для крестьянъ и вовсе не разорительный для владѣльца. Переговоры его съ крестьянами въ имѣніи, съ котораго онъ началъ, продолжались довольно долго: каждый пунктъ предложенныхъ имъ условій обсуждался на сходкахъ, и нѣкоторые изъ

[1]) „Русскій Арх.“ 1876 г., т. I, 277—296; Собр. Соч. Хомякова, т. I, изд. 2, стр. 639—666.

нихъ были измѣнены по требованію крестьянъ: по окончательномъ утвержденіи всѣхъ статей положено было, въ случаѣ споровъ и недоразумѣній, обращаться къ третейскому разбирательству. Черезъ два года крестьяне другой деревни, принадлежавшей Хомякову, сами при мнѣ приходили просить его чтобъ онъ ихъ перевелъ на то же положеніе, и, если я не ошибаюсь, теперь (1860 г.) уже во всѣхъ или почти во всѣхъ имѣніяхъ его [1]) барщина замѣнена оброкомъ" [2]).

Въ перепискѣ Хомякова съ Алекс. Ник. Поповымъ сохранились собственныя свидѣтельства Хомякова объ его соглашеніяхъ съ крестьянами. Въ 1848 г онъ писалъ ему: „Въ скоромъ времени пошлю вамъ.... ряду свою съ крестьянами: она почти совершена, но еще кое о чемъ торгуемся. По моему, это величайшій знакъ ихъ добросовѣстности". Въ другомъ письмѣ того же года Хомяковъ говоритъ: „Надобно еще побывать въ трехъ деревняхъ и предложить въ двухъ деревняхъ *ряду* крестьянамъ. Разумѣется, на заключеніе ея положится годовой срокъ, а предложеніе будетъ сдѣлано непремѣнно нынѣшній годъ. За то нужно взяться уже не на словахъ, а на дѣлѣ. И увѣренъ, что, если къ нему приступить путемъ обычая, оно не представитъ тѣхъ великихъ трудностей, которыя пугаютъ наше воображеніе, налаженное на идею формальныхъ сдѣлокъ. Надобно надѣяться на совѣсть". Въ концѣ 1850 г. Хомяковъ писалъ Попову: „Нынѣшній годъ мнѣ удалось сдѣлать въ одной деревнѣ *ряду* съ крестьянами. Минута была очень пріятная по той ясности, съ которою въ нихъ выражался совокупный смыслъ,—явленіе рѣдкое вездѣ, а у насъ какъ будто неугадываемое". Чрезъ два года Хомяковъ сообщаетъ относительно того же дѣла: „Живо чувствую то утѣшеніе, которое мнѣ доставили полный успѣхъ моихъ сдѣлокъ съ крестьянами, ихъ благодарность и одобреніе многихъ помѣщиковъ, которые готовы, кажется, послѣдовать моему примѣру" [3]).

Изъ всѣхъ этихъ показаній самого Хомякова еще нельзя заключить, что онъ перевелъ своихъ крестьянъ на оброкъ на очень выгодныхъ для нихъ условіяхъ; крестьяне могли принять ихъ и въ томъ случаѣ, если они были мало-мальски легче того положенія, въ которомъ они находились прежде, и, слѣдовательно, будучи сравнительно болѣе легкими, эти условія могли быть абсолютно довольно тяжелыми и обременительными.

Къ счастію (хотя и не относительно всѣхъ имѣній Хомякова), есть данныя (второй половины пятидесятыхъ годовъ), которыя поясняютъ намъ, каково было положеніе его крестьянъ. Въ сычевскомъ уѣздѣ, смоленской

---

[1]) По словамъ г. Бартенева: „почти во всѣхъ деревняхъ, а ихъ было у него немало". Сочиненія Хомякова I. 666.

[2]) Сочиненія Самарина I, 249—250.

[3]) Рус. Арх. 1884 г. кн. 4, стр. 289, 300, 313, 317.

губерніи, у Хомякова было имѣніе, въ которомъ считалось 108 душъ крестьянъ (не считая 15 дворовыхъ); они составляли 173 тягла, числившихся на оброкѣ и вносившихъ съ каждаго тягла по 18 руб. или по 7 руб. 63 к. съ души. Въ пользованіи крестьянъ этого имѣнія находилось всего по 3 дес. на душу (у помѣщика оставалось еще почти вдвое большее количество сравнительно съ отведенными крестьянамъ). (Съ перваго взгляда видно, что для смоленской губерніи такой надѣлъ былъ весьма невеликъ и платежи весьма обременительны, но еще лучше положеніе крестьянъ этого имѣнія Хомякова выяснится сравненіемъ съ другими подобными же (вышеста душъ) имѣніями этого уѣзда. Оказывается, что изъ 78 такихъ имѣній сычевскаго уѣзда лишь въ 12 душевой надѣлъ крестьянъ былъ менѣе, чѣмъ у Хомякова а въ нѣкоторыхъ вдвое и въ два съ половиною раза превышалъ надѣлъ, отведенный имъ крестьянамъ. Что касается платежей, то изъ 28 имѣній сычевскаго уѣзда, относительно которыхъ есть свѣдѣнія о размѣрѣ оброка, въ 11 крестьяне платили менѣе, иногда въ полтора и даже почти въ два раза менѣе, чѣмъ у Хомякова, въ двухъ платили столько же но при большемъ размѣрѣ земельнаго надѣла, и, наконецъ, въ 14 платежи были выше, но обыкновенно и размѣръ надѣла былъ въ нихъ болѣе. Такимъ образомъ, по размѣру оброка, имѣніе Хомякова занимаетъ среднее мѣсто, по количеству же отведенной крестьянамъ земли — далеко ниже средняго уровня, слѣдовательно, положеніе крестьянъ Хомякова было значительно хуже, чѣмъ у большинства болѣе крупныхъ мѣстныхъ помѣщиковъ, хотя они и не думали кричать о мерзости крѣпостнаго права. Въ ефремовскомъ уѣздѣ, тульской губерніи, у Хомякова было 230 душъ (кромѣ 20 дворовыхъ), составлявшихъ 82 тягла. Здѣсь почти вся земля имѣнія была отдана въ пользованіе крестьянъ, и ея приходилось по 4. 8 дес. на душу, за что они платили помѣщику оброка по 32 руб. съ тягла или по 11 руб. съ души и еще, кромѣ того, отдавали помѣщику $^1/_3$ часть сѣна со всѣхъ луговъ и $^1/_4$ часть ржаной соломы, карауливши и чинили господскій домъ. При сравненіи съ 10 другими оброчными имѣніями ефремовскаго уѣзда, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, оказывается, что имѣніе Хомякова занимало первое мѣсто и по величинѣ надѣла, и по высотѣ денежныхъ платежей, но если принять во вниманіе, что на крестьянахъ Хомякова тяготѣли еще, какъ было указано, и нѣкоторыя натуральныя повинности, то будетъ совершенно ясно, что ихъ положеніе было весьма не легко [1]).

[1] Въ дмитровскомъ уѣздѣ, рязанской губерніи, у Хомякова было два имѣнія: въ одномъ изъ нихъ крестьяне (272 души, кромѣ 21 души дворовыхъ) были на оброкѣ, въ другомъ (152 души крестьянъ и 17 дворовыхъ) оставались до сихъ поръ, размѣры повинностей ни въ томъ, ни въ другомъ неизвѣстны. Въ оброчномъ имѣніи почти вся земля была отдана въ пользованіе крестьянъ (по 1,5 дес. на душу), но мы увидимъ, что

Эти факты заставляютъ насъ признать, что въ имѣніяхъ Хомякова экономическое положеніе крестьянъ было не только не лучше, но хуже средняго уровня, такъ какъ повинности, требуемыя помѣщикомъ, были выше среднихъ. А что при взысканіи этихъ повинностей послабленій не допускалось, видно изъ слѣдующихъ словъ Хомякова въ письмѣ къ Ростовцеву (1858 года): „Считаю долгомъ прибавить, что взысканіе годовой уплаты по совершеннымъ выкупамъ должно быть съ міровъ“ (т. е. сельскихъ обществъ) „и производимо *съ величайшею строгостью, посредствомъ продажи имущества, скота и т. д., особенно же посредствомъ жеребьеваго рекрутства* съ продажею квитанцій, не съ аукціона (ибо это унизительно для казны), но по положенной цѣнѣ, съ жеребьевымъ розыгрышемъ между покупщиками. *Въ случаѣ крайней неисправности должно допустить выселеніе цѣлыхъ деревень въ Сибирь, съ продажею ихъ земянаго надѣла; но такихъ случаевъ почти быть не можетъ. Въ этомъ дѣлѣ неумолимая и почти жестокая строгость есть истинное милосердіе*“ [1]). Послѣ этого насъ нисколько не удивляетъ, что Хомяковъ такъ не любилъ „утопистовъ“ въ крестьянскомъ дѣлѣ“. Нельзя не признать также, что гр. Ростопчина въ своемъ произведеніи „Домъ сумасшедшихъ въ Москвѣ“, написанномъ въ 1858 году, въ одной изъ строфъ, направленныхъ противъ Хомякова, имѣла право сказать о немъ:

Православья стражъ въ народѣ,
Крѣпко держитъ онъ посты,
Много пишетъ о свободѣ
Возстаетъ на суеты.
Онъ о *мерзостяхъ Россіи* [2])
Протрубилъ во всѣ рога..
Говорятъ, рука витіи
Для крестьянъ его строга?!! [3]).

съ увеличеніемъ надѣла сильно возрастать и оброкъ, въ барщинномъ же имѣніи крестьянамъ было отведено по $2_{1/3}$ дес. на душу („Приложенія къ трудамъ редакціонныхъ коммиссій. Свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ“, т. III, рязан. губ. 10—13, т. IV, тульск. губ. 32—33, смоленская губ. 105—109, V. 15. 18, 273. Здѣсь находятся свѣдѣнія лишь объ имѣніяхъ свыше 100 душъ.

[1]) Рус. Арх. 1876 г., т. I, 294.

[2]) Этотъ курсивъ принадлежитъ автору.

[3]) „Русская Старина“ 1885 г., № 3, стр. 681. Есть извѣстіе, что Хомяковъ, „извѣстный философъ-славянофилъ“, *подарилъ* крестьянамъ села Ивановскаго, воронежскаго уѣзда, по 2 десятины на душу, подъ условіемъ подворнаго, а не общиннаго владѣнія (см. „Сборникъ статистич. свѣдѣній по воронежской губ.“ Т. I. воронежскій уѣздъ. Сост. г. Щербининъ, стр. 86, ср. стр. 186). Но извѣстіе это основано на недоразумѣніи: указанное имѣніе принадлежало не Алексѣю Степановичу Хомякову, а его однофамильцу (а можетъ быть и родственнику) Василью Ивановичу Хомякову (см. „Приложенія къ трудамъ редакціонныхъ коммиссій. Свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ“. Т. I. воронежск. губ., стр. 4—5). Алексѣй Степановичъ Хомяковъ не любилъ *дарить* землю, несомнѣнно у него была на готовѣ и своя философская формула въ доказательство, какъ грѣшно потворствовало бы на крестьянъ такое безмездное пріобрѣтеніе ихъ наѣзовъ.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что Хомяковъ не только не отпустилъ на волю крестьянъ ни въ одной изъ своихъ вотчинъ, но, при всемъ отвращеніи къ „мерзости“ крѣпостнаго права, находилъ возможнымъ пріобрѣтать себѣ и новыя населенныя имѣнія. Такъ, въ 1852 г. онъ писалъ А. П. Попову: „*купилъ деревню*, завожу сахарный заводъ“ и т. д. [1]), о послѣднемъ Хомяковъ съ гордостью сообщалъ въ 1854 г.: „*и предпринялъ заводъ съ видами эмансипаціи*“ (?!)—только потому, что на сахарномъ заводѣ въ данковской деревнѣ онъ употреблялъ исключительно вольнонаемный трудъ. Въ томъ же году онъ извѣщалъ Кошелева, что въ смоленской деревнѣ у него съ будущаго года „все хозяйство паймомъ“: мы видѣли, что это имѣніе было переведено имъ на оброкъ [2]).

Послѣ Хомякова наиболѣе видную роль въ славянофильскомъ кружкѣ играли братья Кирѣевскіе, Иванъ Васильевичъ и Петръ Васильевичъ. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ очень мало данныхъ для характеристики ихъ отношеній къ крестьянскому вопросу. А. П. Кошелевъ свидѣтельствуетъ, что въ бесѣдахъ объ освобожденіи крестьянъ „насчетъ способовъ и времени совершенія этой реформы были между нами разногласія: Кирѣевскіе, какъ Иванъ, такъ и Петръ, опасались радикальныхъ и спѣшныхъ по сему предмету мѣръ: а Хомяковъ и я, мы крѣпко отстаивали полное освобожденіе крестьянъ посредствомъ одновременнаго выкупа по всей Россіи. Но всѣ мы были согласны въ томъ, что крестьяне должны быть надѣлены землею и что птичья свобода для крестьянъ была бы не добромъ, а величайшимъ бѣдствіемъ, не шагомъ впередъ, а страшнымъ шагомъ назадъ“ [3]). Мы увидимъ ниже, что, по крайней мѣрѣ, относительно Петра Васильевича Кирѣевскаго едва ли можно сказать, что онъ опасался радикальныхъ мѣръ по крестьянскому вопросу: напротивъ, считая недостигающими цѣли частныя попытки освобожденія крѣпостныхъ, онъ находилъ, что дѣло это должно взять въ свои руки правительство.

И. В. Кирѣевскій нашелъ случай сказать нѣсколько словъ въ печати относительно положенія крѣпостныхъ крестьянъ, когда, съ начала 1845 года, редакція „Москвитянина“ перешла въ его руки. Открывая въ журналѣ особый отдѣлъ подъ названіемъ „Сельское хозяйство“, онъ предпослалъ ему небольшое, написанное имъ самимъ введеніе, въ которомъ справедливо протестовалъ противъ различныхъ агрономическихъ затѣй, заимствованныхъ съ Запада и вовсе не приноровленныхъ къ потребностямъ Россіи, а потому сплошь и рядомъ отзывавшихся очень печально и на самихъ помѣщикахъ, и еще болѣе на ихъ крестьянахъ. „Учреждались, — пишетъ И. В. Кирѣевскій, — плодоперемѣнныя хозяйства, гдѣ избытокъ

---

[1]) Русск. Арх. 1884 г. кн. 4, стр. 319.
[2]) Русск. Арх. 1879 г. т. III, 282—284.
[3]) Русск. Арх. 1879 г. т. III, 267.

земли и недостатокъ рукъ указывали на устройство прямо противоположное... Заводили многосложныя орудія, не соотвѣтствующія мѣстнымъ потребностямъ. Педантическое улучшеніе маленькаго клочка земли, еще не имѣющей большой цѣны въ Россіи, покупали важною потерей времени, особенно цѣннаго въ нашемъ земледѣліи... вводили усиленную работу и часто излишнее отягощеніе барщины тамъ, гдѣ прежняя была выгоднѣе даже для помѣщика. Прежній естественный характеръ сельскихъ отношеній замѣнили характеромъ *фабричной напряженности*... Многіе разорили своихъ крестьянъ. Многіе возбудили въ нихъ мысль о разрозненности ихъ выгодъ съ интересами помѣщика-фабриканта. Другіе разорились сами". За этимъ послѣдовала реакція, и помѣщики стали бояться всякихъ, даже дѣйствительно необходимыхъ улучшеній, а, между тѣмъ, обстоятельства значительно измѣнились и настало время, когда „самый порядокъ сельскихъ вещей требуетъ нѣкоторыхъ перемѣнъ въ ихъ устройствѣ. Неимовѣрная, неслыханная до сего времени и во всѣхъ случаяхъ разорительная для земледѣльцевъ *изчезаемость цѣнности ихъ произведеній* [1]), трудность существованія при излишней дороговизнѣ; не меньшая трудность къ добыванію необходимыхъ податей и оброковъ при крайней дешевизнѣ хлѣба, недавнее распространеніе мануфактуръ и фабрикъ, частью естественное, болѣе напряженно-искуственное.. всѣ эти и многія другія обстоятельства связываютъ въ наше время вопросы каждаго частнаго хозяйства съ вопросами о движеніи частнаго хозяйства въ нашемъ отечествѣ вообще и дѣлаютъ потребность нѣкоторыхъ улучшеній уже не пристрастіемъ нѣкоторыхъ лицъ, но общею необходимостью всего сельскаго быта" [2]). При такомъ направленіи этого отдѣла, при очевидномъ желаніи новаго редактора не ограничиваться исключительно агрономическою стороной сельскаго хозяйства, а разсматривать его въ связи съ положеніемъ крестьянъ, мы, очевидно, нашли бы въ „Москвитянинѣ" постоянные отзывы на волновавшій и все русское интеллигентное общество, и славянофильскій кружокъ вопросъ объ упраздненіи крѣпостнаго права. Но, къ сожалѣнію, оказалось, что ладить съ владѣльцемъ „Москвитянина". Погодинымъ, невозможно, и подъ редакціей И. Кирѣевскаго вышло только 3 нумера журнала. И. В. Кирѣевскому не случилось и позднѣе высказать въ печати свой взглядъ на крестьянскій вопросъ [3]), не сохранилось также указаній

---

[1]) Связь огромныхъ колебаній цѣнъ на хлѣбъ съ существованіемъ крѣпостнаго права была, какъ мы видѣли въ главѣ XI, прекрасно разъяснена въ 1847 году Заблоцкимъ-Десятовскимъ.

[2]) „Сочиненія И. В. Кирѣевскаго". М. 1861 г., т. II, 196—198.

[3]) См. еще замѣчанія И. В. Кирѣевскаго объ отличіи понятій о правѣ поземельной собственности въ Россіи и на Западѣ и о плюсѣ поземельной общинѣ въ статьѣ „О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи" въ „Московскомъ Сборникѣ". М. 1852 г., т. I, 50—51 или въ „Сочиненіяхъ Кирѣевскаго", II, 266—267.

по этому предмету ни въ его личной перепискѣ, ни въ письмахъ другихъ славянофиловъ.

Нѣсколько яснѣе мы можемъ представить себѣ отношеніе къ крестьянскому вопросу его брата, Петра Васильевича, извѣстнаго собирателя народныхъ пѣсенъ, не имѣвшаго возможности, вслѣдствіе цензурныхъ препятствій, видѣть при жизни въ печати этотъ замѣчательный трудъ свой, начатый еще въ 1831 году [1]). Мы можемъ познакомиться со взглядами П. В. Кирѣевскаго изъ его обширнаго письма къ А. И. Кошелеву (1847 г.). Объ отношеніи Кошелева къ крѣпостному праву будетъ особая рѣчь, теперь же упомянемъ только, что обширное посланіе Петра Кирѣевскаго было возраженіемъ на письмо Кошелева, гдѣ тотъ развивалъ мысль о пользѣ частныхъ сдѣлокъ крестьянъ съ помѣщиками, считая ихъ необходимымъ предисловіемъ къ общимъ правительственнымъ мѣрамъ. „Мы съ вами расходимся, — писалъ П. Кирѣевскій,—не во мнѣніи нашемъ о свойствѣ крѣпостнаго права, а только въ оцѣнкѣ лекарствъ противъ этой глубокой и страшной язвы нашего государственнаго и общественнаго быта. Вы знаете, что я не защитникъ крѣпостнаго права. Едва ли есть на свѣтѣ такой безумецъ, который бы могъ искренно думать, чтобы правда могла быть плодомъ человѣческихъ страстей и прихотей, и глубоко-безнравственны тѣ отношенія, которыя обращаютъ человѣка въ беззащитную игрушку человѣческихъ страстей и прихотей... Въ безнравственности крѣпостнаго права нѣтъ никакого сомнѣнія... Спорная сторона вопроса заключается только въ томъ: какими средствами и до какой степени мы, помѣщики, можемъ истребить это зло, чтобы беззащитность нашихъ крестьянъ, зависящихъ отъ нашихъ страстей и прихотей, была замѣнена правдою закона?“ П. Кирѣевскаго смущала мысль, что казенное управленіе еще хуже помѣщичьяго. „А если крестьянинъ, спрашивалъ онъ,—выходя изъ-подъ власти помѣщика, поступитъ не подъ защиту закона, а подъ такой же помѣщичій произволъ такихъ же безнравственныхъ чиновниковъ, которые, перемѣняясь безпрестанно, не будутъ имѣть даже и той послѣдней преграды, которая еще существуетъ для помѣщика, т.-е. которымъ не нужно будетъ оставлять карманъ крестьянина не до конца исчерпаннымъ, какъ источникъ будущихъ доходовъ,

---

[1]) Вотъ какъ характеризуетъ П. В. Кирѣевскаго г. Мамоновъ въ своей статьѣ о славянофилахъ: „Страннымъ и подозрительнымъ казался Петръ Кирѣевскій, дворянинъ не служащій, вѣчно водящійся съ простымъ народомъ, пренебрегающій всѣми условіями высшаго тона, одѣтый въ святославку, въ кружокъ остриженный: вмѣстѣ съ этимъ аскетъ (*ветхопещерникъ*, какъ называлъ его поэтъ Языковъ), человѣкъ глубоко образованный, прямой, честный, страстно любящій свой народъ и мучительно ожидающій избавленія Израилю“ („Русск. Арх.“ 1873 г., т. II, стр. 2492—2493). Герценъ также съ величайшимъ сочувствіемъ относился къ П. В. Кирѣевскому, какъ къ человѣку

и не страшно будетъ никакое ожесточеніе деревни, изъ которой онъ, передавъ свое дѣло товарищамъ, не замедлитъ переѣхать въ другую за тысячу верстъ для такого же дѣла, то что же будетъ въ этой перемѣнѣ утѣшительнаго?“ Но Кирѣевскій дѣлаетъ при этомъ чрезвычайно важную оговорку: замѣтьте, что я говорю только о томъ случаѣ, когда перемѣна совершится однимъ или нѣсколькими помѣщиками, а не какъ *общая государственная мѣра, которая имѣла бы совсѣмъ другое значеніе*“ [1]). Продолжая опровергать мысль Кошелева о желательности и необходимости частныхъ сдѣлокъ помѣщиковъ съ крестьянами, Кирѣевскій говоритъ: „Крѣпостное состояніе не такого рода зло, которое могло бы быть исправлено отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ злоупотребленій, полицейскихъ и общественныхъ, и именно потому оно не можетъ прекратиться мало-помалу, а должно быть исправлено не иначе, какъ съ утвержденіемъ и всѣхъ прочихъ отношеній, сообразныхъ съ этою желанною перемѣной, слѣдовательно, не иначе, какъ *одною общею правительственною мѣрой* [2]). Что же касается той формы, которую я желалъ бы для правительства, какъ общую, то это было бы не половинное положеніе обязанныхъ, — потому что посредничество между помѣщиками и крестьянами невозможно, — а *полный раздѣлъ помѣщика съ крестьянами* [3]): имъ, по моему мнѣнію, *справедливо было бы отдать половину земли*... Не только я не раздѣляю мнѣнія тѣхъ, которые думаютъ, будто бы нашъ народъ еще не созрѣлъ для законности, но думаю, напротивъ, что онъ стоитъ на той степени, что еще не утратилъ къ ней способности, которую“ (подъ вліяніемъ крѣпостнаго права) „утрачиваетъ все больше и больше“ [4]). Мы видимъ, такимъ образомъ, что П. В. Кирѣевскій шелъ въ крестьянскомъ вопросѣ гораздо далѣе Кошелева: между тѣмъ какъ послѣдній желалъ тогда частныхъ сдѣлокъ между помѣщиками и крестьянами, Кирѣевскій полагалъ, что настало уже время для общихъ правительственныхъ мѣръ относительно упраздненія крѣпостнаго права, и считалъ справедливымъ

---

[1]) „Если бы большинство помѣщиковъ могло *одновременно* согласиться на совершеніе частныхъ и *добровольныхъ* сдѣлокъ съ крестьянами,— говоритъ онъ далѣе,— то это было бы явленіе самое желанное: тогда эти сдѣлки оградили бы крестьянъ и самихъ помѣщиковъ отъ чиновничьихъ злоупотребленій, потому что это событіе доказало бы существованіе такого крѣпкаго общественнаго мнѣнія, при которомъ не могли бы существовать и чиновники-взяточники. Но кажется, что я больше чѣмъ сомнѣваюсь въ возможности такого обширнаго и единовременнаго согласія“.

[2]) Въ другомъ мѣстѣ того же письма Кирѣевскій говоритъ: „Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ и о водореніи судебной справедливости не только равнозначителенъ, но даже послѣдній, мнѣ кажется, еще значительнѣе, и эти оба вопроса не могутъ быть разрѣшены иначе, какъ въ одно и то же время“.

[3]) Курсивъ автора.

[4]) „Русск. Арх.“ 1873 г. т. II, 1315–1359.

надѣленіе ихъ половиною помѣщичьей земли. Къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ о томъ, на какихъ условіяхъ предполагалъ онъ произвести этотъ раздѣлъ земель между помѣщиками и крестьянами, и вообще считалъ ли онъ необходимымъ вознаграждать помѣщиковъ за отходящую отъ нихъ землю [1]). Во всякомъ случаѣ, приведенное выше показаніе Кошелева, будто бы П. Кирѣевскій былъ противъ радикальныхъ мѣръ для освобожденія крестьянъ, какъ мы видимъ, совершенно несправедливо [2]).

А. П. Кошелевъ, подобно И. В. Кирѣевскому, былъ первоначально не славянофиломъ, а западникомъ, и, по его собственному признанію, своими либеральными мнѣніями въ крестьянскомъ вопросѣ, прежде всего, былъ обязанъ иностранному профессору. Въ 1831—32 гг. онъ слушалъ въ Женевѣ лекціи профессора Росси по уголовному праву, государственному и международному праву. „Этотъ человѣкъ,—говоритъ Кошелевъ, развилъ во мнѣ много новыхъ мыслей и утвердилъ во мнѣ *настоящій либерализмъ* [3])... Доброму вліянію на меня знаменитаго Росси я весьма многимъ обязанъ по дѣятельности моей *и по дѣлу освобожденія крестьянъ*“ [4]). Примѣнить свои либерализмъ въ крестьянскомъ дѣлѣ Кошелеву, прежде всего, пришлось (нѣсколько лѣтъ позднѣе) въ должности предводителя дворянства въ сапожковскомъ уѣздѣ, рязанской губерніи, гдѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ счелъ своимъ долгомъ защитить крѣпостныхъ крестьянъ отъ притѣсненій и истязаній со стороны помѣщиковъ [5]). Въ сороковыхъ годахъ Кошелевъ сблизился съ славянофильскимъ кружкомъ, хотя славянофилы долго еще не считали его вполнѣ солидарнымъ съ ними по убѣжденіямъ [6]). По показанію Кошелева, къ 1846—47 гг. относится и та переписка его по крестьянскому вопросу съ П. В. Кирѣевскимъ, о которой мы только что говорили. Въ позднѣйшемъ примѣчаніи къ нему онъ такъ характеризуетъ свои тогдашнія мнѣнія относительно

---

[1]) Въ письмѣ къ Кошелеву, говоря о его проектѣ отдѣленія крестьянъ съ помѣщиками, онъ бросаетъ, между прочимъ, такое замѣчаніе: землю, „которую *еще* (какъ вы предполагаете) *крестьяне должны выкупить у помѣщиковъ*“...

[2]) Нельзя не замѣтить, однако, что надѣлъ въ орловскомъ имѣніи П. В. Кирѣевскаго (109 д. м. п. крестьянъ, кромѣ 12 дворовыхъ) былъ во второй половинѣ 50 годовъ крайне недостаточенъ, всего по 1,7 дес. на душу — далеко менѣе средняго уровня, и этого нельзя объяснить малоземельемъ, такъ какъ у помѣщика оставалось еще вдвое больше того количества, которое было отведено крестьянамъ; притомъ, всѣ крестьяне состояли на барщинѣ (трудно предполагать, чтобы и. сѣдники Кирѣевскаго, умершаго въ 1856 г., немедленно уменьшили крестьянскій надѣлъ). Труды редакц. коммисс. Свѣдѣнія о помѣщ. имѣн. т. II, орловск. губ., стр. 6—7, V, 311.

[3]) Курсивъ автора.

[4]) „Записки А. И. Кошелева“, Берл., 1884, стр. 39.

[5]) Ibid. 57—61.

[6]) Въ 1849 г. Хомяковъ писалъ къ А. И. Попову: „Вы начали завоеваніе одного ума,—въ которомъ я почти отчаивался,—А. И. Кошелева. Онъ васъ очень полюбилъ,

упраздненія крѣпостнаго права: „Въ виду того, что принятіе со стороны правительства общей мѣры къ освобожденію крестьянъ и дворовыхъ людей было въ то время болѣе, чѣмъ сомнительнымъ я предлагалъ друзьямъ своимъ хотя частнымъ образомъ освобождать своихъ людей отъ произвола, и для этого устроить между крестьянами самоуправленіе, совершенно отдѣлить ихъ земли отъ господскихъ земель и установить положительныя и точныя правила какъ къ отправленію барщинскихъ работъ, такъ и къ уплатѣ оброка". Такъ какъ Кирѣевскій по пунктамъ возражаетъ на письмо Кошелева и нерѣдко приводитъ его подлинныя слова, то мы можемъ до нѣкоторой степени возстановить содержаніе этого письма, гдѣ, какъ мы уже знаемъ, доказывалась польза частныхъ сдѣлокъ помѣщиковъ съ крестьянами. Кошелевъ утверждалъ, что чиновничеству даетъ силу не что иное, какъ крѣпостное право, что „всѣ почти чиновники изъ нашего сословія и должны быть безнравственны, какъ душевладѣльцы", что „взятки происходятъ отъ роскоши, а роскошь—отъ крѣпостнаго права, потому что деньги пріобрѣтены крѣпостнымъ трудомъ": но въ то же время онъ думалъ, что „общая правительственная мѣра для устраненія или ограниченія" помѣщичьей власти „не измѣнитъ чиновничества, но еще болѣе усилитъ". Желая, чтобы такой общей мѣрѣ предшествовали частныя сдѣлки, Кошелевъ объяснялъ необходимость ихъ тѣмъ, что общій законъ могъ бы ввести мѣры, не подходящія ко всѣмъ областямъ Россіи, а если ему будутъ предшествовать частные договоры, то правительство получитъ въ нихъ множество образцовъ, удобныхъ для каждой мѣстности. Оказывается, наконецъ, что условія помѣщиковъ съ крестьянами должны были, по мысли Кошелева, оставаться безъ законнаго утвержденія: „Сдѣлки,—писалъ онъ,—всегда(?) должны оставаться для полиціи неизвѣстными, покуда крестьяне пріучатся къ мірскому управленію и къ нѣкоторой законной самостоятельности. Кто вамъ мѣшаетъ 5—10 лѣтъ оставаться ихъ попечителемъ?" [1])

отдѣляетъ васъ отъ насъ, это не бѣда, но уже говоритъ почти наше, и съ убѣжденіемъ... Если онъ будетъ въ Петербургѣ, пожалуйста, займитесь имъ и докончите начатое. Это пріобрѣтеніе было бы важно не только по уму, но и по характеру серьезной воли въ Кошелевѣ". „Рус. Арх." 1884 г., кн. 4, стр. 307.

[1]) На это П. Кирѣевскій совершенно основательно возражалъ. „Сдѣлки, въ которыхъ свобода крестьянскаго мнѣнія, при полновластіи помѣщика, всегда будетъ сомнительна, едва ли достигнутъ своей цѣли. Если это будетъ опредѣленіе крестьянскихъ работъ, то при недостаткѣ безпристрастнаго посредника между крестьянами и помѣщикомъ вся сила останется, все-таки, въ рукахъ помѣщиковъ, а крестьянское право, ничѣмъ не обезпеченное, будетъ только вводить крестьянъ въ искушеніе начинать споръ для вѣрнаго проигрыша. Это будетъ нѣчто похожее на карточную игру, которую иногда мелкопомѣстные дворяне заводятъ съ своими крѣпостными людьми и въ которой послѣдніе только выигрываютъ обыкновенно пощечины. Если же сдѣлка не бу-

Неизвѣстно, отвѣчалъ ли когда Кошелевъ на письмо П. В. Кирѣевскаго, но мысль послѣдняго, что съ освобожденіемъ крестьянъ въ отдѣльныхъ вотчинахъ положеніе освобожденныхъ можетъ ухудшиться вслѣдствіе злоупотребленій чиновниковъ, онъ очень убѣдительно опровергъ одиннадцать лѣтъ позднѣе, уже по смерти П. В. Кирѣевскаго, въ запискѣ по крестьянскому вопросу, посланной Кошелевымъ въ началѣ 1858 г. императору Александру II. Такъ какъ богатые помѣщики изъ славянофиловъ, вродѣ Хомякова могли оправдывать свое нежеланіе освободить крестьянъ именно подобными доводами, то мы считаемъ не лишнимъ привести въ примѣчаніи это мѣсто позднѣйшей записки Кошелева, тѣмъ болѣе, что и ранѣе онъ могъ подкрѣплять подобными же доказательствами свою мысль о желательности измѣненія положенія крестьянъ въ отдѣльныхъ имѣніяхъ [1]). Однако же, мысль Кирѣевскаго, что частныя

деть касаться до работъ, которыя будутъ совершаться свободнымъ наймомъ, и цѣлью договора будетъ только раздѣлъ земли, которую еще (какъ вы предполагаете) крестьяне должны выкупить у помѣщика, то и въ этомъ случаѣ .. назначеніе цѣнности остается совершенно въ произволѣ помѣщика". „Русск. Арх." 1873 г., т. II, 1345—1360.

[1]) Указаніи на то, что вслѣдствіе хищничества чиновничества положеніе крѣпостныхъ „не улучшится, а станетъ еще хуже", составляетъ, по словамъ Кошелева, — „любимое возраженіе многихъ противъ" освобожденія крестьянъ, „но оно вполнѣ опровергается слѣдующимъ фактомъ: всѣ крестьяне помѣщичьи, не исключая и тѣхъ, которые принадлежатъ добрѣйшимъ господамъ, готовы поступить въ званіе государственныхъ крестьянъ, что они и доказываютъ, откупаясь на волю, часто за большія деньги, и приписываясь, также не безъ значительныхъ издержекъ, къ этому сословію; изъ казенныхъ же крестьянъ самые бѣдные ни за что не согласятся поступить въ крѣпостные крестьяне добрѣйшаго помѣщика. Чиновникъ самый дурной беретъ съ крестьянъ лишь взятки, не можетъ завести бардошу, лежитъ всею тяжестью на плечахъ не нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ, а многихъ тысячъ людей, и не можетъ давать своему произволу полнаго разгула. Помѣщикъ же есть полный, безотчетный владѣлецъ принадлежащихъ ему крестьянъ; онъ обхватываетъ своею властью весь бытъ крѣпостныхъ своихъ людей, онъ позволяетъ или запрещаетъ имъ жениться; распоряжается ихъ женами и дѣтьми по своему усмотрѣнію... Добрый помѣщикъ есть счастливый случай, рѣдкое исключеніе изъ общаго правила: огромное же большинство владѣльцевъ, конечно, не таково, чтобы выгодно или пріятно было находиться подъ ихъ управленіемъ... но даже у помѣщиковъ, считающихся добрыми, жизнь крестьянъ и дворовыхъ людей крайне тяжела. Они не знаютъ, кто завтра будетъ ихъ владѣльцемъ и что завтра придетъ ихъ господину на мысль, они могутъ каждый часъ быть отправлены на край имперіи, отданы въ рекруты, сосланы въ Сибирь, на поселеніе и пр., дѣти ихъ, по волѣ помѣщика, берутся во дворъ или отдаются, куда попало, въ ученье... Всѣ эти случаи нерѣдки; они составляютъ правило, а не исключеніе, и вотъ почему самый бѣдный, не увѣренный въ кускѣ хлѣба, казенный крестьянинъ не согласится поступить во владѣніе лучшаго изъ помѣщиковъ. Что касается до того, что владѣльцы заботятся о благосостояніи принадлежащихъ имъ людей и защищаютъ ихъ отъ посторонихъ лицъ и отъ полиціи, чиновники же не имѣютъ никакого попеченія о дѣлахъ казенныхъ крестьянъ, то въ этомъ есть лишь кажущаяся правда. Конечно, для помѣщика и выгодно, и пріятно, чтобы его крестьяне были въ хорошемъ положеніи, но ему еще выгоднѣе и

сдѣлки недостаточны и что настало уже время для общихъ правительственныхъ мѣръ, была, разумѣется, все-таки совершенно вѣрна.

Быть можетъ, отчасти поколебленный доводами Н. В. Кирѣевскаго, а не то и подъ вліяніемъ воззванія въ началѣ 1847 г. императора Николая къ содѣйствію смоленскихъ дворянъ въ дѣлѣ обращенія крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные, Кошелевъ не ограничился пропагандою своей прежней мысли о необходимости частныхъ сдѣлокъ между крестьянами и помѣщиками и пожелалъ осенью 1847 г. возбудить и среди рязанскаго дворянства вопросъ объ измѣненіи быта крѣпостныхъ, а для этого хотѣлъ предложить ходатайствовать предъ правительствомъ о составленіи комитета изъ двухъ депутатовъ отъ каждаго уѣзда для выработки проекта мѣръ къ „узаконенію отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ“ рязанской губерніи (мы уже упоминали объ этомъ въ VIII гл.). Когда губернскій предводитель дворянства не допустилъ безъ разрѣшенія изъ Петербурга внесенія этого предложенія на обсужденіе дворянскаго собранія, Кошелевъ написалъ министру внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго получилъ отвѣтъ, что государь не согласился на учрежденіе комитета, но что авторъ предложенія можетъ самъ обратить своихъ крестьянъ въ обязанные. Кошелевъ, владѣлецъ 3,500 душъ м. п., не нашелъ для себя удобнымъ воспользоваться этимъ предложеніемъ.

Въ этомъ же году Кошелевъ написалъ статью подъ заглавіемъ „Охота пуще неволи“, гдѣ доказывалъ превосходство свободнаго труда предъ подневольною работой крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ; онъ отправилъ ее въ редакцію „Земледѣльческой Газеты“, которую редактировалъ тогда А. П. Заблоцкій, и она была напечатана, но съ значительными урѣзками [1]. Въ заключеніе ея онъ говоритъ: „одна привычка, одна восточ-

---

пріятнѣе, чтобы они доставляли ему большій, по возможности, доходъ... онъ, конечно, защищаетъ своихъ крестьянъ отъ другихъ, но онъ не ограждаетъ ихъ отъ самого себя, и, слѣдовательно, для крестьянъ въ этомъ не барышъ, а убытокъ; чиновникъ притягиваетъ крестьянина случайно и изрѣдка, а помѣщикъ тяготѣетъ надъ нимъ всегда и вездѣ. Помѣщичья защита и помѣщичье попеченіе обходятся крѣпостнымъ людямъ такъ дорого, что они весьма охотно отъ нихъ отказались бы“. „Записки А. П. Кошелева“, приложеніе, стр. 72—73.

[1]) Приведемъ мѣста, опущенныя при печатаніи статьи Кошелева по цензурнымъ причинамъ. Тамъ, гдѣ авторъ говоритъ о положеніи дворовыхъ, исключены слѣдующія два мѣста: „Федоръ желаетъ жениться, онъ сотворенъ для семейной жизни, а я не дозволяю ему жениться, потому что, какъ человѣка характера тихаго, его личная услуга мнѣ нужна, я хочу имѣть его всегда въ господскомъ домѣ“... „Что же касается до ума, то въ ихъ теперешнемъ положеніи это самая опасная и безполезная вещь: почти всѣ умные слуги или пьяницы, или отчаянныя головы. Самая лучшая вещь въ слугѣ,—чтобы онъ былъ не уменъ и не глупъ“... Исключено еще слѣдующее мѣсто: „Часто слышимъ мы жалобы на пьянство русскаго народа. Да какъ, почтенные читатели, не быть имъ пьяницами! Какое главное дѣйствіе пьянства? Что въ пьянствѣ всего

ная (*не хочу сказать* [1]) сильнѣе) лѣнь удерживаетъ насъ въ освобожденіи себя отъ *крѣпостныхъ* людей [2]). Почти всѣ мы убѣждены въ превосходствѣ труда свободнаго передъ барщинскою работой, вольной услуги предъ принужденной, а остаемся при худшемъ, зная лучшее. Многое можно сказать насчетъ невозможности теперь превратить нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанныхъ, но что удерживаетъ насъ *всѣмъ* [3]) дворовымъ людямъ, на основаніи указа 12 іюня 1844 г. [4]), *дать* [5]) отпускныя съ заключеніемъ съ ними обязательствъ? Обезпеченія имѣемъ мы полныя... Чего же намъ *требовать* [6]) болѣе? Средства намъ даны; исполненіе зависитъ отъ насъ однихъ" [7]).

Въ началѣ 1849 г. Хомяковъ писалъ Самарину изъ Москвы „Эмансипаціонные разговоры здѣсь въ сильномъ ходу, и дѣло подвигается впередъ въ общемъ мнѣніи, если можно что-нибудь назвать у насъ общимъ мнѣніемъ. *Кошелевъ много помогаетъ, какъ человѣкъ, признанный практическимъ*" [8]). Въ этомъ же году Кошелевъ сдѣлалъ попытку побудить правительство къ принятію нѣкоторыхъ новыхъ мѣръ для постепеннаго упраздненія крѣпостнаго права: онъ написалъ письмо министру внутреннихъ дѣлъ, гдѣ ходатайствовалъ объ облегченіи увольненія дворовыхъ людей. На основаніи указа 12 іюня 1844 г. дозволено было заключать условія съ тѣми дворовыми, которые записаны таковыми по ревизскимъ сказкамъ, но на дѣлѣ оказывалось, что большая ихъ часть записана была помѣщиками въ число крестьянъ для того, чтобы крестьянскія общества платили за нихъ подушныя. Кошелевъ предлагалъ принять слѣдующія мѣры: 1) воспретить помѣщикамъ переводить впредь кого-либо изъ крестьянъ въ дворовые; 2) считать и теперь дворовыми тѣхъ, которые не владѣютъ и болѣе 10 лѣтъ не владѣли никакимъ полевымъ, земельнымъ надѣломъ, не имѣютъ постоянной осѣдлости и которые сами изъявятъ

привлекательнѣе? По мѣрѣ какъ вино разыгрывается, человѣкъ чувствуетъ, что все около него преобразовывается, предметы смѣняваются, воспоминанія покидаютъ и онъ входитъ въ иной какой то міръ Онъ забываетъ горе, становится смѣлѣе, живетъ какою-то другою жизнію,—пьяному море по колѣно, говоритъ пословица. Можно ли ставить въ вину нашимъ людямъ, что имъ хочется хоть нарѣдка отвѣдать иной жизни? Пьянство есть необходимое утѣшеніе въ ихъ положеніи, и горе намъ, когда они въ настоящемъ своемъ быту перестанутъ пьянствовать".

[1]) Напечатано въ Земл. Газ.": „не могу говорить".

[2]) Напечатано: „не наемныхъ".

[3]) Вмѣсто этого напечатано: „мало-по-малу".

[4]) См. о немъ выше въ IV гл.

[5]) Напечатано: „давать".

[6]) Напечатано: „желать".

[7]) Записки Кошелева", стр 65 - 66, Приложенія, стр 9 -14. „Земледѣльческая Газета" 1847 г. № 99.

[8]) „Русск. Арх." 1879 г. III, 335.

желаніе на перечисленіе ихъ въ дворовые, и 3) перечисленіе это произвести безъ раздробленія семействъ. Однако, на это письмо Кошелевъ не получилъ никакого отвѣта.

Въ 1850 году, на основаніи сдѣланнаго ему три года тому назадъ приглашенія обратить своихъ крестьянъ въ обязанныхъ, Кошелевъ представилъ министру внутреннихъ дѣлъ проектъ освобожденія его крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ землею, состоявшею въ ихъ пользованіи, и съ выдачею ему выкупныхъ денегъ по сорока рублей за десятину. И на это письмо онъ не получилъ отвѣта [1]). Очевидно, онъ желалъ, чтобы выкупныя деньги уплатило ему правительство: онъ могъ бы освободить крестьянъ на основаніи закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ или, по крайней мѣрѣ, обратить ихъ въ обязанныхъ, но ему все казалось, что существующіе законы недостаточно гарантируютъ помѣщику исполненіе принятыхъ на себя крестьянами обязательствъ, а потому предпочиталъ получить деньги прямо изъ казны: но правительство находило что законовъ 1803 и 1842 годовъ достаточно для того, чтобы желающіе могли заключить съ своими крестьянами договоръ о полномъ освобожденіи ихъ или о точномъ опредѣленіи ихъ повинностей, и что правила 1846 года достаточно обезпечиваютъ исполненіе условій обязанными крестьянами (см. выше, главу III) [2]).

Мы не разъ упоминали о свидѣтельствѣ самого Кошелева, что въ бесѣдахъ съ пріятелями онъ уже въ это время доказывалъ необходимость полнаго освобожденія крестьянъ посредствомъ одновременнаго выкупа по всей Россіи. Нужно замѣтить, впрочемъ, что даже въ запискѣ объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія въ Россіи, отправленной Кошелевымъ императору Александру II въ 1858 году, онъ не рѣшается требовать немедленнаго обязательнаго выкупа. Онъ предлагаетъ правительству установить главныя начала, на основаніи которыхъ должно быть произведено

---

[1]) „Записки А. И. Кошелева", стр. 66—67.

[2]) Когда около этого времени помѣщики стали вырабатывать и затѣмъ печатать положенія объ урочныхъ работахъ въ своихъ имѣніяхъ, Кошелевъ отозвался на этотъ вопросъ особою статьею, въ которой, между прочимъ, говоритъ: „Я вовсе не охотникъ до вмѣшательства во хозяйственныя распоряженія, весьма мало вмѣшивался въ крестьянскія дѣла, считая это вмѣшательство гибельнымъ для помѣщика и для крестьянъ... Могу смѣло сказать, что у меня въ управленіи пропадало мало, что я врагъ его; но еще менѣе люблю точную опредѣлительность въ урочныхъ положеніяхъ... Все взвѣсить, счесть и отмѣрить невозможно. Это не управленіе паровою машиной, не распоряженіе фабрикой... присылка опредѣлительнаго положенія и требованіе точнаго и непремѣннаго исполненія онаго будетъ имѣть слѣдствіемъ или разореніе крестьянъ и разстройство всего хозяйства, или храненіе положенія безъ дальнѣйшихъ послѣдствій въ конторѣ" („Объ урочныхъ работахъ" въ „Журн. Сельск. Хоз." 1852 г., № 2, стр. 118—119). Замѣчанія Кошелева были не лишены основательности, и всѣ эти урочныя положенія могли не улучшить быта крѣпостныхъ, а только усилить тяжесть ихъ подневольнаго труда. Приближалось время не урочныхъ положеній, а „Положенія 19 февраля".

освобожденіе крестьянъ съ землею, а „примѣненіе общихъ основаній къ различнымъ мѣстностямъ должно быть предоставлено добровольнымъ соглашеніямъ между помѣщиками и крестьянами". Однако же, теперь самъ авторъ проекта плохо вѣрилъ въ эти добровольныя соглашенія и, „во избѣжаніе медленности со стороны помѣщиковъ", предлагалъ установить сроки, въ теченіе которыхъ они должны были освободить крестьянъ, а затѣмъ объявить, что по истеченіи означеннаго времени правительство само освободитъ остальныхъ крестьянъ безъ участія въ томъ помѣщиковъ [1]).

О Кошелевѣ, какъ помѣщикѣ, мы можемъ почерпнуть свѣдѣнія изъ того же источника, какъ и относительно Хомякова, т. е. изъ „Приложеній къ трудамъ редакціонныхъ коммиссій". Главное имѣніе Кошелева находилось въ сапожковскомъ уѣздѣ, рязанской губерніи; во второй половинѣ 50-хъ годовъ въ немъ числилось 2,682 души крестьянъ мужскаго пола и 114 душъ дворовыхъ. Изъ крестьянъ 858 тяголъ состояло на барщинѣ и только 86 на оброкѣ: эти послѣдніе платили по 25 руб. оброка съ каждаго тягла. Изъ всѣхъ 13 имѣній сапожковскаго уѣзда, относительно которыхъ размѣръ оброка намъ извѣстенъ, въ 10 оброкъ былъ ниже, чѣмъ у Кошелева, а въ 2 одинаковъ съ его имѣніемъ; относительно же величины надѣла имѣніе Кошелева (2,.. десят. на душу) занимаетъ среднее мѣсто. Такимъ образомъ, и тутъ, какъ и у Хомякова, положеніе крестьянъ было тяжелѣе средняго уровня, да еще слѣдуетъ помнить, что огромное большинство крестьянъ оставалось на барщинѣ. Въ ряжскомъ уѣздѣ, рязанской губ., у Кошелева было 166 душъ крестьянъ мужскаго пола; всѣ они состояли на барщинѣ и пользовались надѣломъ по 2,.. дес. на душу; величина крестьянскаго надѣла въ этомъ имѣніи была немногимъ выше средняго уровня его въ издѣльныхъ имѣніяхъ ряжскаго уѣзда. Въ новоузенскомъ уѣздѣ, самарской губ., у Кошелева было 311 душъ крестьянъ (и 39 дворовыхъ); всѣ крестьяне состояли на барщинѣ и имѣли усадебной и пахотной земли только по $1^1/_2$ десятины на душу, да еще по 20 возовъ сѣна на тягло: это было *самымъ меньшимъ* надѣломъ изъ 7 болѣе крупныхъ имѣній уѣзда, о которыхъ есть свѣдѣнія въ трудахъ редакціонныхъ коммиссій [2]). Хомяковъ, какъ мы видѣли, писалъ, что Кошелевъ былъ признанъ „человѣкомъ практическимъ": теперь мы можемъ сказать, что эта репутація была имъ вполнѣ заслужена. Какъ человѣкъ вполнѣ практическій, онъ еще прикупалъ вотчины и отъ другихъ помѣщиковъ, освободить же своихъ крестьянъ въ николаевскую эпоху онъ, какъ мы уже знаемъ, не нашелъ возможнымъ, хотя и не раздѣлялъ пред-

[1]) Записки Кошелева, Приложенія, стр. 127—128.

[2]) Прилож. къ трудамъ редакц. коммис. Свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ, III, самар. губ., стр. 18—19; рязан. губ., стр. 52—53, 58—59, V, 22, 23, 251.

разсудка П. В. Кирѣевскаго, что при казенномъ управленіи крестьянамъ жилось бы хуже чѣмъ подъ властью помѣщика; мало того, онъ оставилъ даже почти всѣхъ ихъ на барщинномъ положеніи, не пытаясь, подобно Хомякову, перевести ихъ на оброкъ. Относительно же окончательнаго освобожденія крестьянъ послѣ 19 февраля 1861 года въ имѣніяхъ Кошелева въ печати не разъ дѣлались указанія, что его бывшіе крѣпостные получили свободу съ нищенскимъ надѣломъ. А. И. Кошелевъ, какъ мы слышали отъ С. А. Юрьева, утверждалъ, что, несмотря на все его желаніе, крестьяне сами не захотѣли иного устройства своей участи, какъ полученіе въ надѣлъ по одной десятинѣ на душу. Чѣмъ это объясняется? Неужели нельзя было достигнуть соглашенія съ ними путемъ даже значительныхъ уступокъ со стороны столь богатаго помѣщика?[1]) Теперь же оказывается, что крестьяне въ имѣніи человѣка, такъ много говорившаго объ ихъ земельномъ обезпеченіи, а въ запискѣ 1858 года выражавшаго даже желаніе, чтобы за крестьянами были „по возможности" сохранены всѣ земли, находившіяся въ ихъ пользованіи, оказались въ числѣ тѣхъ, которые получили свободу съ надѣломъ всего по одной десятинѣ на душу, т. е. вдвое менѣе даже того, что предлагалъ въ письмѣ къ Ростовцеву другой богатый славянофилъ, Хомяковъ[2]). Въ виду подобнаго факта противники славянофильства могутъ, пожалуй, сказать, что у прежнихъ послѣдователей этого ученія, по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ, слово иногда такъ же расходилось съ дѣломъ, какъ у иныхъ современныхъ эпигоновъ славянофильства, немало кричащихъ о необходимости свободы слова и печати, но посягающихъ на нее въ тѣхъ случаяхъ, когда съ ними не поютъ въ унисонъ.

---

[1]) Очень жалко, что Кошелевъ не разъяснилъ подробно всего этого дѣла въ своихъ запискахъ; вотъ все, что онъ говоритъ тамъ о немъ: „Осенью 1861 года я предложилъ всѣмъ своимъ крестьянамъ переходъ съ барщины на оброкъ или на выкупъ, но они не согласились. Явились по деревнямъ добрые люди, которые стали внушать крестьянамъ, чтобы они не шли ни на какія сдѣлки съ помѣщиками, что вскорѣ выйдетъ новая воля съ предоставленіемъ имъ даромъ не только всего ихъ надѣла, но и всей остальной помѣщичьей земли, и что останутся въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ только тѣ крестьяне, которые до того вошли съ ними въ какія-либо добровольныя сдѣлки. Крестьяне охотно вѣрили этимъ людямъ, и потому даже переходы на оброкъ во многихъ мѣстностяхъ приостановились. У меня крестьяне, большею частью, въ слѣдующемъ году перешли на оброкъ!" И только. Кошелевъ ничего не прибавляетъ къ этому и не разъясняетъ, неужели невозможно было иное соглашеніе, какъ освобожденіе съ нищенскимъ надѣломъ, и позднѣе, когда крестьяне должны были убѣдиться въ несправедливости первоначальныхъ слуховъ.

[2]) Для характеристики Кошелева ср. его письмо 1870 года къ А. П. Попову съ жалобами на то, что рабочіе покидаютъ хозяина и не исполняютъ заключенныхъ условій, и „петербургскій чиновный людъ... зараженъ гуманностью" и не соглашается „на установленіе обязательныхъ книжекъ для рабочихъ" („Рус. Арх." 1886 г., № 3, стр. 362). Нѣтъ ли прямой связи между неисполненіемъ рабочими своихъ обязательствъ и нищенскими надѣлами въ имѣніи Кошелева?

Къ числу болѣе юныхъ славянофиловъ николаевской эпохи принадлежитъ, прежде всего, Ю. Ѳ. Самаринъ (онъ родился въ 1819 г., а Хомяковъ въ 1804 г.). Въ 1839 г. Самаринъ сталъ вмѣстѣ съ Константиномъ Аксаковымъ готовиться къ магистерскому экзамену, который въ слѣдующемъ году оба они и выдержали блистательно. Будучи почти неразлучнымъ съ К. Аксаковымъ, онъ затѣмъ скоро сблизился и съ Хомяковымъ. Въ 1844 году Самаринъ защитилъ свою диссертацію (о Стефанѣ Яворскомъ и Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, какъ проповѣдникахъ) и около этого времени окончательно воспринялъ славянофильское ученіе. Личныя склонности Самарина влекли его къ научному поприщу, но, повинуясь желанію отца, онъ отправился на службу въ Петербургъ. Когда, вслѣдствіе крестьянскихъ волненій въ Лифляндіи (въ началѣ сороковыхъ годовъ), въ Петербургѣ былъ открытъ въ мартѣ 1846 г. лифляндскій комитетъ по крестьянскому дѣлу, Самаринъ былъ прикомандированъ къ нему въ качествѣ переводчика и помощника дѣлопроизводителя, и ему поручено было составить историческую записку о мѣропріятіяхъ по устроенству крестьянъ въ Лифляндіи. Записка эта не составляетъ вполнѣ самостоятельнаго его труда, но заключеніе къ ней написано имъ самимъ: оно завершается критикою основныхъ началъ освобожденія крестьянъ въ Лифляндіи въ 1819 г.

„Въ основѣ... законоположенія 1819 г. говоритъ Самаринъ, приняты два начала: личная свобода крестьянина и неограниченное право собственности помѣщика на землю. Изъ нихъ вытекало само собою третье: такъ какъ рабочая сила и земля совершенно разъединены и существуютъ отдѣльно, независимо другъ отъ друга, то возсоединеніе ихъ, т.-е. обработываніе земли, можетъ быть основано только на взаимномъ свободномъ договорѣ. Этимъ устранено было понятіе *о неразрывности крестьянина съ землею*, которая лежала въ основаніи всего сельскаго быта и которому предшествовавшее законодательство всегда было вѣрно...

„Неограниченное право собственности помѣщиковъ на землю было несогласно съ древнимъ обычаемъ и съ предшествовавшимъ законодательствомъ, ибо издревле часть земли находилась въ пользованіи крестьянъ и называлась крестьянскою; законъ, опредѣливъ плату, получаемую за нее помѣщикомъ въ то же время, утвердилъ ее во владѣніи поселянъ и ограничилъ право помѣщика распоряжаться ею. Наконецъ, это начало несовмѣстно съ другимъ началомъ, утвержденнымъ законоположеніемъ 1819 года, а именно съ существованіемъ самостоятельнаго крестьянскаго сословія; ибо признаніе правомѣрнаго существованія цѣлаго сословія предполагаетъ опредѣленную форму существованія, извѣстное занятіе, — въ этомъ случаѣ земледѣліе; занятіе предполагаетъ рабочую силу и матеріалъ, — въ этомъ случаѣ землю... И такъ право крестьянскаго сословія на существованіе предполагаетъ необходимо право на условіе существованія, т.-е. на землю...

„Положеніе 1804 года признавало нераздѣльность крестьянина съ землею, но въ формѣ крѣпости земли, т.-е. зависимости лица отъ земли. Положеніе 1819 г. признало лицо свободнымъ, но уничтожило связь его съ землею. Остается возстановить эту связь, признавъ зависимости земли отъ лица т.-е. *право крестьянина на землю*“ [1]).

[1]) „Сочиненія Самарина“ II, 433—435.

Мы видѣли выше, какъ былъ доволенъ Хомяковъ этимъ первымъ трудомъ Самарина по крестьянскому дѣлу.

Во время службы въ Остзейскомъ краѣ Самаринъ въ 1845 г. написалъ нѣсколько „Рижскихъ писемъ", полныхъ рѣзкихъ нападокъ на остзейское дворянство и на слабость русской политики. Собственно о крестьянскомъ вопросѣ, т. е. о крѣпостномъ правѣ и его уничтоженіи, авторъ говоритъ здѣсь очень мало [1]). Такъ какъ „Рижскія письма" быстро распространились въ рукописи, то въ первыхъ числахъ марта 1849 г., вслѣдствіе доносовъ со стороны его остзейскихъ противниковъ и русскихъ ревнителей остзейскихъ порядковъ, Самаринъ былъ посаженъ въ крѣпость, откуда, впрочемъ, былъ скоро выпущенъ и, послѣ свиданія съ глазу на глазъ съ императоромъ Николаемъ [2]), долженъ былъ отправиться въ Симбирскъ. Оттуда въ концѣ того же года онъ былъ переведенъ на службу въ Кіевъ къ генералъ-губернатору Бибикову, гдѣ и пробылъ три года, и въ это время набросалъ различныя замѣчанія объ инвентаряхъ, введенныхъ въ концѣ сороковыхъ годовъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ кіевской, волынской и подольской губерній, и о крѣпостномъ правѣ въ Малороссіи [3]). Замѣчанія эти имѣютъ слишкомъ спеціальный,

[1]) Приведемъ главное мѣсто, посвященное этому предмету. Разсказывая о завоеваніи нѣмцами нашего Прибалтійскаго края, авторъ замѣчаетъ: „За побѣдою слѣдовало порабощеніе. Завоевателямъ нужна была не земля, а личная служба: тяжелое иго, сопряженное со всѣми видами феодальнаго насилія, пало непосредственно на жителей Балтійскаго края. Я нарочно настаиваю на этомъ, потому что вся разница между рабствомъ, до недавняго времени существовавшимъ въ остзейскихъ губерніяхъ, и крѣпостнымъ состояніемъ, существующимъ у насъ, объясняется происхожденіемъ того и другаго. Тамъ завоеватель началъ съ того, что наложилъ руку на земледѣльца и уже вслѣдствіе этого присвоилъ себѣ его домъ, его жену и, наконецъ, его землю. У насъ помѣщикъ занялъ землю, назначенную ему въ кормленіе; земля же была нераздѣльна съ личностью земледѣльца, она была издревле крѣпка ему. Столкнулись эти два права на одинъ и тотъ же предметъ: первое, т. е. право помѣщика, перетянуло и распространилось противозаконно отъ земли на земледѣльца, который, къ счастью, предпочелъ утратить свободу, чѣмъ землю и не далъ себя оторвать отъ нея"... Въ Остзейскомъ краѣ „за угнетенный народъ нѣсколько разъ подымали голосъ римскіе первосвятители... Они старались внушить суровымъ побѣдителямъ высокую мысль, что гражданское рабство несовмѣстно съ духовною свободой и не должно быть долею искупленныхъ отъ смерти грѣховной, но эта мысль была не ко времени"... Далѣе авторъ говоритъ о мѣрахъ, принятыхъ шведскимъ правительствомъ для ограниченія крѣпостнаго права. („Русь" 1882 г. № 5).

[2]) Государь укорилъ Самарина, зачѣмъ онъ не поискалъ возможности написать прямо къ нему, и нашелъ необходимымъ наказать его за оглашеніе „Рижскихъ писемъ". Но я тебя не позабуду, сказалъ въ заключеніе государь, — и поручаю тебѣ передать твоему почтенному батюшкѣ искреннюю мою признательность за внушенныя имъ тебѣ прекрасныя чувства патріотизма". „Истор. Вѣстн." 1886 г. № 3, стр. 630.

[3]) „Сочиненія Самарина" II, 1—16.

мѣстный характеръ, и потому мы воспользуемся ими, когда будемъ говорить о мѣрахъ правительства по крестьянскому дѣлу въ Юго-западной Россіи [1]).

Въ 1853 г., вскорѣ послѣ того какъ Ю. Ѳ. Самаринъ вышелъ въ отставку и принялся за управленіе имѣніями своего отца, онъ сталъ составлять обширную записку „О крѣпостномъ состояніи и о переходѣ изъ него къ гражданской свободѣ“ [2]). Въ слѣдующемъ году онъ писалъ К. С. Аксакову: «Надняхъ я окончилъ довольно пространную записку о крѣпостномъ правѣ и о разныхъ мѣрахъ, по моему мнѣнію, облегчающихъ исходъ изъ него. Теперь я ее переписываю, дополняю, потомъ подвергну строгому разбору въ нашемъ кругу и, наконецъ, пущу въ ходъ". Въ то время записка оставалась никому неизвѣстною, кромѣ небольшаго кружка близкихъ людей, но въ началѣ 1856 г., т. е. уже въ новое царствованіе, Юрій Ѳедоровичъ вновь переработалъ ее. Въ письмѣ къ К. С. Аксакову отъ 12 января этого года, онъ говоритъ: „Я успѣлъ.... окончить *совершенно передѣланную* мною записку, которую я вамъ читалъ въ деревнѣ. Я вижу, что она стала *полнѣе и лучше*“ [3]). Такимъ образомъ, печатная редакція этой записки относится уже къ новому царствованію, и потому разсмотрѣніе ея не входитъ въ нашу задачу; упомянемъ о ея содержаніи лишь въ нѣсколькихъ словахъ. Послѣ небольшаго введенія авторъ го-

---

[1]) Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ въ Малороссіи при Екатеринѣ II Самаринъ, какъ видно изъ его дневника 1850 г., считалъ мѣрою совершенно необходимою „Рус. Арх.“ 1877 г., II, 230—231. Въ это же время Самаринъ началъ писать „Взглядъ на исторію поселянъ въ Польшѣ", но этотъ историческій очеркъ, составленный преимущественно на основаніи сочиненій Пешеля, Лелевеля и Бандтке, былъ доведенъ авторомъ только до XIV в., остался неоконченнымъ и до сихъ поръ не напечатанъ.

[2]) Сельское хозяйство интересовало его только по связи своей съ крестьянскимъ вопросомъ. Въ письмѣ къ К. С. Аксакову изъ деревни (1853 г.) онъ говоритъ: „Мы должны свое дѣло сдѣлать, т. е. освободить трудъ. Всѣ мои занятія направлены къ этой отдаленной цѣли. Теперь я составляю подробную статистику имѣнія, мнѣ хочется до возможной точности опредѣлить сумму вынуждаемаго труда и вывести его несоразмѣрность". „Сочин. Самарина" II, стр. VI—VII. У Самариныхъ одно имѣніе было въ самарскомъ уѣздѣ (2.114 душъ крестьянъ м. п.), другое въ сызранскомъ уѣздѣ, симбирской губ. (322 д. крестьянъ). Всѣ крестьяне въ томъ и другомъ имѣніи были на барщинѣ; душевой надѣлъ въ самарскомъ имѣніи равнялся почти 9 десят. (въ томъ числѣ 150 дес. мірской запашки), а въ сызранскомъ почти по 10 дес. на душу, что было высшими надѣлами въ издѣльныхъ имѣніяхъ того и другой мѣстности. Но неблагопріятную сторону въ бытѣ крѣпостныхъ въ вотчинахъ Самариныхъ составляло обиліе дворовыхъ, принужденныхъ работать на фабрикѣ, находящейся въ самарскомъ имѣніи, здѣсь дворовыхъ было еще лишь 61 д., въ сызранской же вотчинѣ ихъ числилось 180 душъ, большинство которыхъ проводило большую часть времени на фабрикѣ въ самарскомъ имѣніи. Прилож. къ трудамъ редакц. коммис. т. III. Самарская губ., стр. 1—5. Симбирская губ., 40—41, V, 112—113, 246.

[3]) Въ октябрѣ 1856 г. онъ уже извѣщалъ: „записка моя пошла въ ходъ и имѣетъ большой успѣхъ".

ворить о вліяніи крѣпостнаго права на „общественную нравственность", на „политическое благоустройство", на народное хозяйство. Затѣмъ онъ разсматриваетъ, къ чему ведетъ „современное движеніе" въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ и крестьянъ къ помѣщикамъ, подводитъ итоги отношенію правительства къ крѣпостному праву, разсматриваетъ различные виды крѣпостныхъ отношеній и, наконецъ, переходитъ къ обзору мѣръ, необходимыхъ для ограниченія, а затѣмъ и упраздненія крѣпостнаго права. Сначала авторъ говоритъ о мѣрахъ „отрицательныхъ или предупредительныхъ противъ дальнѣйшаго развитія крѣпостнаго права", а затѣмъ о мѣрахъ „положительныхъ къ установленію новыхъ правомѣрныхъ отношеній". Самаринъ указываетъ на невыгоды введенія принудительныхъ отношеній законодательнымъ порядкомъ и, подобно Кошелеву, рекомендуетъ добровольныя сдѣлки между помѣщиками и крестьянамъ. Разобравъ „излишества и недостатки" указа объ обязанныхъ крестьянахъ, онъ подробно перечисляетъ предлагаемыя имъ измѣненія и дополненія. Замѣтимъ, что авторъ сохраняетъ еще въ извѣстной степени за владѣльцемъ судебно-полицейскую власть надъ крестьянами и готовъ предоставить ему право отправлять въ распоряженіе правительства для отдачи въ рекруты или удаленія навсегда изъ имѣнія несостоятельныхъ плательщиковъ или людей дурнаго поведенія, безъ мірскаго о томъ приговора, а при взысканіи недоимокъ совѣтуетъ продавать даже рабочій скотъ неисправнаго крестьянина. Далѣе авторъ предлагаетъ разрѣшить пріобрѣтеніе населенныхъ имѣній капиталистамъ, не принадлежащимъ къ потомственному дворянству, на условіи заключенія добровольныхъ сдѣлокъ съ крестьянами, разрѣшить крестьянамъ занимать деньги для выкупа себя съ землею и, наконецъ, дозволить увольнять въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ и обязанныхъ крестьянъ по духовнымъ завѣщаніямъ. Такимъ образомъ, какъ признаетъ и самъ авторъ, его записка посвящена „исключительно *переходнымъ мѣрамъ*" отъ настоящаго положенія крѣпостныхъ къ „гражданской свободѣ". Дальнѣйшіе же планы автора состояли въ слѣдующемъ: „Чрезъ нѣсколько лѣтъ по изданіи новаго положенія о добровольныхъ сдѣлкахъ, когда въ удѣльныхъ имѣніяхъ нынѣ существующія *принудительныя* отношенія начальства къ крестьянамъ замѣнятся *свободными договорами*, когда въ разныхъ губерніяхъ просвѣщеннѣйшіе изъ помѣщиковъ сдѣлаютъ то же въ своихъ имѣніяхъ, правительство назначитъ для заключенія добровольныхъ сдѣлокъ *послѣдній срокъ*, предупредивъ, что по истеченіи его оно установитъ законодательнымъ порядкомъ обязанности и повинности крестьянъ во всѣхъ тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ владѣльцы сами не договорятся съ сельскими обществами" [1]). То же предлагалъ, какъ мы видѣли, и Кошелевъ въ своей запискѣ 1858 г.

[1]) Сочиненія Самарина т. II, 16—136

Всѣ эти труды Ю. Ѳ. Самарина не появились въ свое время въ печати, въ двухъ же печатныхъ его статьяхъ николаевской эпохи ему не случилось (или не было возможности) прямо затронуть крестьянскій вопросъ. Въ разборѣ „Гарантаса“ графа Соллогуба онъ только упоминаетъ, что въ одной изъ главъ этого произведенія „идеализированъ помѣщикъ“ (ср. XI главу нашей монографіи), и въ статьѣ „О мнѣніяхъ „Современника“ историческихъ и литературныхъ“ рѣзко порицаетъ Григоровича за его будто бы слишкомъ отрицательное отношеніе къ народному быту въ повѣсти „Деревня“, въ которой, по мнѣнію Самарина, „собрано и ярко выставлено все то, что можно было найти въ нравахъ крестьянъ грубаго, оскорбительнаго и жестокаго“. Положительною стороной послѣдней статьи Самарина является горячая защита общиннаго начала, которое, по его мнѣнію, „составляетъ основу, грунтъ всей русской исторіи, прошедшей, настоящей и будущей: сѣмена и корни всего великаго, возносящагося на поверхности, глубоко зарыты въ его плодотворной глубинѣ, и никакое дѣло, никакая теорія, отвергающая эту основу, не достигнетъ цѣли, не будетъ жить“. Имѣя въ виду новѣйшія соціальныя ученія Западной Европы, авторъ говоритъ: „Западный міръ выражаетъ теперь требованія органическаго примиренія начала личности съ началомъ объективной и для всѣхъ обязательной нормы—требованіе общины... Это требованіе совпадаетъ съ нашею субстанціей; въ оправданіе формулы мы приносимъ *быть*, и въ этомъ точка соприкосновенія нашей исторіи съ западной“ [1]).

Въ разматриваемую эпоху Ю. Ѳ. Самаринъ, какъ мы видимъ, усердно готовился къ той значительной роли, которую ему пришлось играть при окончательномъ уничтоженіи крѣпостнаго права: и изученіе русскаго законодательства относительно крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ и Юго-западной Россіи, и личная служба въ этихъ краяхъ, и управленіе отцовскимъ имѣніемъ, и первоначальные наброски освободительныхъ проектовъ, — все это было хорошею школой для подготовки къ позднѣйшей дѣятельности, все это дало возможность съ большимъ знаніемъ дѣла отзываться на вопросы, поставленные жизнью при освобожденіи крестьянъ.

Мы не имѣемъ почти никакихъ данныхъ для того, чтобы характеризовать отношенія Константина Сергѣевича Аксакова къ крестьянскому вопросу въ царствованіе императора Николая и, тѣмъ не менѣе, его имя не должно быть забыто въ нашемъ очеркѣ. Его статья „О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности“, напечатанная въ I томѣ „Московскаго Сборника“ (1852 г.), при всѣхъ увлеченіяхъ автора,

[1]) Сочиненія Самарина I, 8, 51, 61, 78. Статья „О мнѣніяхъ „Современника“ историческихъ и литературныхъ“ была первоначально напечатана въ „Москвитянинѣ“ 1847 г., № 2, съ подписью „М... З. К...“

при всей идеализаціи древней Руси, собственно для крестьянскаго дѣла была полезна выясненіемъ общиннаго начала въ русской исторіи. Нельзя забыть и того, что въ первой половинѣ 50-хъ годовъ К. С. Аксаковъ серьезно работалъ надъ собираніемъ матеріаловъ для обширнаго труда о крестьянахъ въ древней Россіи; трудъ этотъ не былъ написанъ, авторъ оставилъ лишь отрывочныя замѣтки по поводу печатныхъ матеріаловъ, касающихся этого предмета, но нельзя не упомянуть о нѣкоторыхъ мыслихъ во вступительной замѣткѣ къ приготовляемому имъ труду. Авторъ, само собою разумѣется, признаетъ, что „крѣпостное право наше—дѣло возмутительное", но онъ указываетъ на то, что „современное крѣпостное право" не существовало въ допетровской Руси „Послѣ укрѣпленія крестьянъ" они „не утратили ни правъ своихъ, ни устроства. Они лишь не переходили съ земли на землю и сейчасъ поняли населенную и обрабатываемую ими постоянно землю какъ свою собственность, какъ собственность общины,—убѣжденіе (справедливое), твердо существующее и доселѣ у нашихъ крѣпостныхъ и некрѣпостныхъ крестьянъ" [1]). Эти слова нужно сопоставить съ слѣдующимъ мѣстомъ позднѣйшаго письма К. С. Аксакова къ Хомякову (въ концѣ 1857 г.) относительно крестьянскаго вопроса: крестьянину при освобожденіи „нужно не уничтоженіе названія крѣпостнаго.... не возвращеніе только его личной свободы: ему нуженъ *быть свободный*, самостоятельный, обезпеченіе этого быта... ему нужна земля, обезпеченіе земли, которую онъ считаетъ *своею* и которою владѣетъ онъ и при помѣщичьей власти, по его твердому убѣжденію, какъ *своею*. Ему необходима земля, безъ которой ему этотъ бытъ невозможенъ. Пока вопросъ о собственности не рѣшался, помѣщикъ могъ считать землю своею, а крестьянинъ своею, и на дѣлѣ жить мирно, оставаясь каждый при своемъ убѣжденіи и взаимно пользуясь землей. Но какъ скоро подымется рѣшительный вопросъ: чья земля? *крестьянинъ скажетъ: моя, —и будетъ правъ, по крайней мѣрѣ, больше чѣмъ помѣщикъ*: Такъ ли же хотятъ устроить у насъ эмансипацію, что крестьяне будутъ довольны? Конечно, нѣтъ, ибо *земля объявлена исключительною собственностью помѣщика*. За дѣло не такъ берутся, да и не могутъ взяться такъ, какъ надо. При полномъ непониманіи русской земли правительствомъ и всѣми верхними классами, это и невозможно" [2]). Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какимъ образомъ К. С. Аксаковъ думалъ осуществить этотъ взглядъ на дѣлѣ: изъ приведеннаго отрывка его письма къ Хомякову можно заключить, что онъ желалъ предоставленія крестьянамъ земельнаго надѣла безъ всякаго выкупа, но въ какомъ количествѣ находилъ онъ возможнымъ надѣлить крестьянъ землей и предполагалъ-ли

---

[1]) „Сочиненія К. С. Аксакова" т. I, М. 1861 г., стр. 415—419.

[2]) „Русь" 1883 г. № 4, стр. 35—36.

возможность вознагражденія помѣщикамъ со стороны государства — неизвѣстно. Заслуги К. Аксакова относительно распространенія правильнаго взгляда на поземельный строй нашего народа признаютъ и люди иныхъ воззрѣній: такъ, авторъ „Былого и думъ“ говоритъ о немъ: „онъ въ началѣ сороковыхъ годовъ проповѣдывалъ сельскую общину, міръ и артель: онъ научилъ Гакстгаузена понимать ихъ“ [1]). Послѣднее мнѣніе преувеличено, такъ какъ Гакстгаузенъ еще до поѣздки въ Россію интересовался старинными формами поземельнаго строя, но горячая защита Аксаковымъ общинныхъ началъ была несомнѣнно весьма плодотворна для правильнаго хода у насъ крестьянскаго дѣла.

К. С. Аксаковъ слегка задѣлъ крѣпостное право или, лучше сказать, взгляды на крестьянъ русскихъ баръ, проживающихъ за границей доходы съ своихъ имѣній, въ комедіи „Князь Луповицкій, или пріѣздъ въ деревню“, которая была написана въ 1851 году [2]), но появилась въ печати впервые въ видѣ особаго приложенія къ I тому „Русской Бесѣды“ 1856 г. Въ прологѣ мы находимъ бесѣду въ Парижѣ трехъ русскихъ помѣщиковъ: князя Луповицкаго, гр. Долонскаго и барона Салютина.

„ Я тоже люблю отечество, — говоритъ гр. Долонскій, — оттуда я получаю деньги. . Вѣдь, наши мужики, вѣдь, это развѣ люди? — спрашиваетъ онъ же. Знаешь, какое ихъ назначеніе? Ихъ назначеніе, чтобы мы, люди образованные, могли наслаждаться всѣми удовольствіями сивилизаціи, c'est le mot; чтобы я, напримѣръ, могъ жить въ Парижѣ и между прочимъ обѣдать въ Cafe de Paris. Вотъ для чего мужики, чтобы намъ давать средства на всѣ сивилизованныя удовольствія: c'est leur mission sur la terre: ils ne sont bons, qu'à ça, et c'est encore trop d'honneur pour eux.

„ Правда, — отвѣчаетъ другой собесѣдникъ, баронъ Салютинъ. Мнѣ, пишетъ управляющій, что деньги выслать трудно, что будетъ мужикамъ тяжело Ma foi! Я написалъ ему, чтобъ были высланы деньги; я хочу жить, какъ живу, ни въ чемъ себѣ не отказывая, en homme civilisé, какъ человѣкъ гуманный, а больше ничего и знать не хочу“.

Главный герой, по имени котораго и названа комедія, болѣе добрый, чѣмъ его собесѣдникъ (въ его имѣніи „оброкъ небольшой“ и крестьяне сами выбираютъ себѣ старосту), задается цѣлью осчастливить своихъ мужиковъ благами просвѣщенія, научить ихъ истинной благотворительности, опрятности и т. п. и нарочно для этого пріѣзжаетъ въ деревню, но немедленно убѣждается въ наивности своихъ плановъ, такъ какъ крестьяне, при своемъ мірскомъ самоуправленіи, обнаруживаютъ такъ много ума и человѣчности, что помѣщикъ проникается великимъ уваженіемъ къ простому народу. Все это произведеніе слишкомъ отзывается заданною темой, не чуждо преувеличенія и не пригодно для сцены, но

---

[1]) Сочиненія Герцена VII, 306.

[2]) Срав. *Пыпинъ* „Константинъ Аксаковъ“. „Вѣстн. Евр.“ 1884 г., № 3, ст. 51.

оно проникнуто самою искреннею, горячею любовью къ русскому крестьянству [1]).

Младшій братъ Константина Сергѣевича, Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, въ разсматриваемую эпоху отозвался въ печати на вопросъ о крѣпостномъ правѣ въ двухъ печатныхъ поэтическихъ произведеніяхъ. Въ написанной въ 1845 г. и напечатанной два года позднѣе „Зимней дорогѣ“, небольшомъ и довольно слабомъ разсужденіи въ драматической формѣ, крѣпостное право затронуто лишь мимоходомъ въ одномъ діалогѣ, написанномъ въ отличіе отъ всего произведенія прозой [2])

Задѣваетъ И. С. Аксаковъ крѣпостное право и въ болѣе позднемъ своемъ произведеніи „Бродяга“, отрывки изъ котораго были напечатаны имъ въ 1852 году. Авторъ разсказываетъ о своемъ героѣ:

„На барщинѣ гнела его тоска:
Не такъ ему, на волѣ, по охотѣ
Желалося добыть себѣ куска!
. . . . . .
И онъ ходилъ просить себѣ паспорта!
Нѣтъ, говорятъ, ты лишнее тягло.
Женись, пора! Вишь ждетъ тебя Аксютка...
Бурмистръ упрямъ. Какъ быть? Плохая шутка!.
И темное въ немъ чувство залегло!“..

---

[1]) Относительно положенія крестьянъ въ имѣніяхъ самихъ Аксаковыхъ во второй половинѣ 50 годовъ есть слѣдующія данныя. Въ ихъ имѣніи, белебеевскаго уѣзда, оренбургской губерніи, было 467 д. крестьянъ м. п. (кромѣ 34 д. дворовыхъ; всѣ они состояли на барщинѣ и, притомъ, на тягло приходилось нѣсколько менѣе 2 душъ (по 1,96 д.); слѣдовательно, тягла налагались рано и снимались поздно (въ среднемъ выводѣ по уѣзду на тягло приходилось въ тѣхъ имѣніяхъ, о которыхъ есть данныя въ трудахъ редакціонныхъ коммиссій, по 2,34 души). Душевой надѣлъ равнялся 3,65 дес. что соотвѣтствовало среднему уровню надѣла въ издѣльныхъ имѣніяхъ белебеевскаго уѣзда. Въ ставропольскомъ уѣздѣ, самарской губ., у Аксаковыхъ было 412 д. крестьянъ; всѣ они состояли на барщинѣ и имѣли по 5 дес. на душу, считая въ общемъ количествѣ ихъ земли 60 дес. мірской запашки и по 1 дес. на тягло сѣнокоса изъ участка, арендуемого помѣщикомъ у казенныхъ крестьянъ, надѣлъ этотъ принадлежалъ къ самымъ высшимъ въ издѣльныхъ имѣніяхъ этого уѣзда. „Прилож. къ труд. редакц. ком.“, т. II оренб. губ. стр. 4—5, III самар. губ. 18—19, V, 251—253.

[2]) *Ящеринъ.* Чье это мы село проѣзжали, здѣсь недалеко, по проселочной дорогѣ, съ домомъ? *Хозяинъ.* Помѣщичье.—*Ящеринъ.* Что, богатое село? *Хозяинъ.* Да, прежде крестьяне жили нарядочно, а теперича жаловаться стали... Управитель и въ нѣмцевъ и не вѣсть, что творитъ! *Ящеринъ.* А господа-то гдѣ?—*Хозяинъ.* А Богъ знаетъ: ужъ они въ отчинахъ давно не бывали, годовъ съ десятокъ. *Ящеринъ.* Да гдѣ они живутъ-то, въ Москвѣ, что ли? *Хозяинъ.* Нѣтъ, не на Москвѣ, а сказывалъ мнѣ намедни одинъ мужикъ оттоль, что, говоритъ, должны быть или въ Питерѣ, или въ чужихъ сторонахъ. Денегъ, говоритъ, и Богъ вѣсть, что посылаютъ. Господа-то далеко, говоритъ, такъ на нѣмца и управы нѣтъ“ („Московскій литературный и ученый сборникъ“. М. 1847 г. особое приложеніе).

И дѣйствительно бурмистръ грозитъ:

...„выкинь бредни!
Эй, не дури, ты, благо, не женатъ,
Забрѣю лобъ, и будешь ты солдатъ!"

А тутъ еще разсказъ бывалаго сосѣда про его похожденія:

„Онъ „въ склонности къ побѣгамъ былъ замѣченъ",
Изъ попросту онъ бѣгалъ раза три,
Былъ всякой разъ за это много сѣченъ
И, наконецъ вернулся изувѣченъ".

И дѣло кончается побѣгомъ молодаго парня [1]). Не только не оказалось возможнымъ, вслѣдствіе цензурныхъ препятствій, напечатать „Бродягу" въ полномъ видѣ, но даже еще ранѣе появленія въ печати отрывковъ изъ него Аксакову, въ 1849 году, приходилось отвѣчать на письменно предложенный вопросъ III отдѣленія: „почему онъ безпаспортнаго человѣка выбралъ себѣ въ герои" Произведеніе это немало читалось въ спискахъ, ходившихъ по рукамъ [2]).

Во второмъ томѣ „Московскаго Сборника", приготовленнаго славянофильскимъ кружкомъ въ томъ же 1852 году, И. С. Аксаковъ, редакторъ этого изданія, желалъ затронуть крѣпостное право въ двухъ прозаическихъ статьяхъ. Въ одной изъ нихъ („О замѣчательномъ ремесленномъ устройствѣ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ ярославской губерніи") авторъ разсказываетъ, что близъ Ярославля находятся четыре деревни и одно село, принадлежащія разнымъ владѣльцамъ, въ которыхъ вотъ уже десять лѣтъ, съ согласія помѣщиковъ, крестьяне управляются сами собою, „всемірною сходкою" и выбираемыми на ней бурмистрами и старшинами, которые остаются въ этомъ званіи, пока міру будутъ любезны, помѣщики же въ дѣла ихъ вовсе не вмѣшиваются: крестьяне занимаются работами, каждый „по призванію", и изъ выработанныхъ денегъ отсылаютъ оброкъ помѣщикамъ. Авторъ съ сочувствіемъ говоритъ о владѣльцахъ этихъ вотчинъ, такъ какъ они „даютъ крестьянамъ полную возможность жить и устрояться по своему, не заводя у нихъ новыхъ порядковъ, *не насильствуя изъ быта*, не преслѣдуя ихъ своимъ цивилизованнымъ попечительствомъ и какъ можно менѣе вмѣшиваясь въ ихъ управленіе". Въ другой статьѣ („Объ общественной жизни въ губернскихъ городахъ") авторъ говоритъ, что помѣщики сѣкутъ своихъ музыкантовъ за фальшивую ноту въ симфоніи Бетховена и для полученія денегъ на свои огромные расходы разоряютъ крестьянъ.

Однако, приготовленный къ печати томъ „Московскаго Сборника"

---

[1]) „Московскій Сборникъ", т. I. Москва, 1851 г., стр. 388 и 389.
[2]) „Истор. Вѣсти," 1886 г., № 3, стр. 627 и VI.

не могъ выйти въ свѣтъ вслѣдствіе препятствій со стороны цензуры [1]: онъ былъ не только запрещенъ, но самая рукопись его задержана и, вмѣстѣ съ тѣмъ, состоялось повелѣніе: всѣмъ главнымъ сотрудникамъ сборника, -Аксаковымъ, кн. Черкасскому, Хомякову, Кирѣевскимъ, — не иначе печатать свои статьи, какъ проведя чрезъ главное управленіе цензуры въ Петербургѣ (что почти равнялось запрещенію); кромѣ того, всѣ они были отданы подъ полицейскій надзоръ. Эти мѣры были отмѣнены лишь въ 1856 г. [2]).

Въ числѣ сотрудниковъ втораго тома „Московскаго Сборника", какъ сейчасъ было упомянуто, мы находимъ и кн. В. А. Черкасскаго, который далъ для него статью: „О подвижности народонаселенія въ древней Россіи"; исторіею крестьянъ онъ занимался давно, еще на студенческой скамьѣ. Черкасскій, собственно говоря, не былъ славянофиломъ [3]), но онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ этимъ кружкомъ и, такъ какъ въ его взглядахъ была все-таки, нѣкоторая доза славянофильства, готовъ былъ сотрудничать въ ихъ изданіяхъ: а потому мы и скажемъ здѣсь о немъ нѣсколько словъ.

Во время пребыванія кн. Черкасскаго въ московскомъ университетѣ (онъ окончилъ курсъ въ 1844 г.) юридическій факультетъ задалъ для полученія золотой медали тему: „Очеркъ исторіи сельскаго сословія въ Россіи до времени Уложенія". Кн. Черкасскій съ большимъ усердіемъ принялся за работу, изучилъ массу печатныхъ источниковъ и успѣлъ написать трудъ, хотя и не оконченный, но, все-таки, гораздо болѣе дающій для позднѣйшихъ изслѣдователей, чѣмъ подготовительныя работы К. С. Аксакова по тому же предмету. Къ сожалѣнію, сочиненіе кн. Черкасскаго оставалось не напечатаннымъ до недавняго времени и потому не могло имѣть того полезнаго вліянія на подготовку полной исторіи крестьянъ въ Россіи, какое оно, при всѣхъ своихъ недостаткахъ и несовершенствахъ, несомнѣнно оказало бы въ случаѣ его появленія въ

---

[1]) „Русская Старина" 1875 г. т. XIV, 875—876.

[2]) „Русск. Арх." 1879 г. III, 337.

[3]) Что славянофилы не смотрѣли на кн. Черкасскаго, какъ на полнаго своего единомышленника, видно изъ слѣдующихъ словъ Кошелева. „Онъ вовсе не считалъ православнаго Христова ученія основою нашего мірообъясненія, *высказывался безпрестанно противъ сельской общины* и любилъ щеголять надъ народомъ — кумиромъ, коему, по его мнѣнію, будто поклонялись Хомяковъ и К. Аксаковъ, но, въ то же время — продолжаетъ Кошелевъ — Черкасскій „признавалъ, что въ нашемъ направленіи болѣе силы и будущности, чѣмъ въ противоположномъ, т.-е. западномъ" (Зап. Кошелева, 64). Относительно отрицательнаго отношенія кн. Черкасскаго къ общинному землевладѣнію сравни его позднѣйшее (1870 г.) письмо къ кн. Урусову („Русск. Архивъ" 1884 г., кн. 4, стр. 275). Г. Беляевъ свидѣтельствуетъ, что къ концу жизни кн. Черкасскій все болѣе сходился во взглядахъ съ Катковымъ („Русск. Архивъ" 1878 г., т. II, стр. 208).

печати. Введеніе къ нему, гдѣ авторъ, между прочимъ, указываетъ на полное отсутствіе у насъ трудовъ по исторіи крестьянъ, онъ заключаетъ слѣдующими словами:

„Это новое начало" (прикрѣпленіе къ землѣ, „сперва внесенное въ исторію нашу только какъ временная, полицейская мѣра, не уничтожавшая, въ сущности гражданской личности свободнаго селянина, постепенно, въ теченіе XVII вѣка превращается въ твердое, само въ себѣ крѣпкое, вполнѣ юридическое отношеніе, почти равняющееся настоящему рабству; высшаго своего догматическаго развитія оно достигаетъ въ концѣ XVII в. подъ вліяніемъ западныхъ феодальныхъ идей (?), дворянская грамота какъ бы вполнѣ освящаетъ это новое христіанское рабство эту немилосердную крѣпость, и даже „Сводъ Законовъ" еще признаетъ лицо крестьянина и все его имущество неотъемлемою собственностью помѣщика. Только въ царствованіе Екатерины Великой, съ славныхъ запретительныхъ указовъ 1780—81 г., открывается новое направленіе законодательства и какъ бы занимается заря новой свободы для крестьянъ. Сперва подъ общечеловѣческимъ, гуманнымъ, но за то нѣсколько отвлеченнымъ, теоретическимъ вліяніемъ плановъ Александра Благословеннаго, впослѣдствіи подъ вліяніемъ національнаго, чисто-историческаго и, вмѣстѣ, болѣе непосредственно практическаго направленія новѣйшаго царствованія совершается огромная реакція противъ крѣпостной системы — эмансипація, начавшись съ крестьянъ казенныхъ, постепенно распространяетъ свои благодѣянія и на владѣльческихъ, и хотя безпримѣрный въ исторіи переворотъ еще далеко не совершился, но мы можемъ ласкать себя надеждою, что время уже не далеко, когда весь безчисленный народъ русскій будетъ единымъ устомъ хвалить Господа за возвращенную ему свободу".

Здѣсь, при всей риторичности нѣкоторыхъ фразъ, мы видимъ, все-таки, пониманіе постепеннаго хода самаго главнаго вопроса въ новѣйшемъ періодѣ русской исторіи. Нужно замѣтить также, что авторъ не скрываетъ того обстоятельства, что уже въ XVII вѣкѣ было положено прочное основаніе закрѣпощенію крестьянъ.

„Самою мучительною минутою кризиса" въ исторіи нашей волости „является, по словамъ автора крѣпостная система съ ея... возмутительными для духа искаженіями", а за нею, „въ свѣтлой дали", ему виднѣется „новый успокоительный фазисъ" народной жизни — „періодъ общиннаго[1]) развитія и поземельной собственности".

Земельному обезпеченію крестьянъ авторъ придаетъ огромное значеніе и съ этой точки зрѣнія старается указать хорошія стороны для своего времени и въ прикрѣпленіи крестьянъ, горячо желая, въ то же время, ихъ полнаго освобожденія.

„Если мы будемъ смотрѣть, — говоритъ онъ, — на освобожденіе крестьянъ на Западѣ и на укрѣпленіе ихъ у насъ въ XVI в. единственно по отношенію къ тѣмъ результатамъ, которые породило то и другое, и безъ всякаго ложнаго предубѣжденія, мы необходимо должны будемъ сознаться, что послѣднее событіе стоитъ несравненно выше перваго. Западная эмансипація крестьянъ оставила

[1]) Авторъ безъ сомнѣнія разумѣетъ здѣсь не экономическую, а административную общину (срав. выше слова Кошелева).

ихъ бездомными бобылями, безъ поземельной собственности [1]), безъ политическаго достоинства, даровала имъ, какъ бы въ насмѣшку, безплодную и незавидную свободу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, зародила въ огромномъ размѣрѣ пролетаріатъ, эту страшную язву, которая уже болѣе 100 лѣтъ непримѣтно точитъ все ветхое зданіе европейской гражданственности... У насъ пролетаріата нѣтъ и нѣтъ для него почвы во всей Россіи, ибо для русской волости есть лишь одинъ правильный, нормальный выходъ изъ крѣпостнаго состоянія, - это... общинный, политическій бытъ волости основанный на твердой поземельной собственности. Намъ остается сдѣлать лишь одинъ послѣдній шагъ, и тогда гордельивый Западъ съ удивленіемъ узнаетъ, что гдѣ-то далеко отъ образованнаго міра, на Востокѣ, безъ похвальбы и шарлатанства, свершилось то явленіе, котораго онъ вмѣстѣ такъ желаетъ и страшится, которое даже въ демократической Франціи слыветъ еще доселѣ какою то несбыточною утопіей, блистательною химерой Но когда же настанетъ для Россіи вожделѣнный день? Когда же клеплало мірское снова созоветъ возродившуюся общину сельскую на благодарственное молебствіе Господу? . Исторія уже, кажется, произнесла свой судъ, фактъ ожидаетъ лишь законодательнаго освященія .. Пусть частные владѣльцы, двѣсти лѣтъ незаконно пользовавшіеся крестьянскою барщиной, наконецъ, отъ нея откажутся и, въ видѣ вознагражденія, согласятся признать ихъ вѣковое, рѣшительно неотъемлемое владѣніе полною отчинною собственностью" [2]).

Поселившись въ своемъ имѣніи, въ веневскомъ уѣздѣ, тульской губерніи, кн. Черкасскій принималъ участіе въ предположеніяхъ тульскихъ дворянъ объ освобожденіи крестьянъ. Извѣстный намъ тульскій помѣщикъ, Мясновъ, въ своихъ неизданныхъ запискахъ говоритъ, что кн. Черкасскій составилъ въ 1847 году проектъ, въ которомъ предлагалъ „разрѣшеніе отъ правительства системы одиночнаго выкупа": съ этимъ проектомъ соглашались многіе тульскіе дворяне [3]).

Авторъ продолжалъ работать надъ своимъ сочиненіемъ по исторіи крестьянъ и по окончаніи университетскаго курса и для втораго тома „Московскаго Сборника" (1852 года), какъ мы уже упоминали, приготовилъ статью „О подвижности народонаселенія въ древней Россіи" [4]). Цензура

---

[1]) Авторъ игнорируетъ освобожденіе крестьянъ, наприм., въ Пруссіи гдѣ имъ было предоставлено въ собственность отъ трети до половины земель, находившихся прежде въ ихъ пользованіи.

[2]) „Рус. Арх." 1880 г. т. III, 37—38, 142—141

[3]) Въ имѣніи кн. Черкасскаго веневскаго уѣзда, тульской губ., въ четырехъ деревняхъ числилось 354 души мужскаго пола крестьянъ (и 62 дворовыхъ), во всемъ имѣніи крестьяне имѣли земли среднимъ числомъ по 2„ десятины на душу. Въ двухъ деревняхъ крестьяне были на барщинѣ, въ двухъ—на оброкѣ; относительно одной изъ оброчныхъ деревень извѣстно, что тамъ взимался оброкъ въ размѣрѣ 20 руб. съ тягла или 8.7 руб. съ души, и, кромѣ того, крестьяне отбывали барщину: пять лѣтнихъ и пять зимнихъ дней съ тягла. И по размѣру надѣла, и по количеству денежнаго оброка имѣніе это принадлежало къ среднимъ въ уѣздѣ. „Прилож. къ труд. редакц. комм." Свѣдѣнія о помѣщ. имѣн. т. IV тульск. губ. 20—20, V, 181.

[4]) Укажемъ изъ нея на исторіи мѣста, отмѣченныя цензурою, какъ недозволительныя (цензоръ принадлежитъ московскому цензурному комитету). „Въ Россіи времена

нашла, что статья кн. Черкасскаго можетъ быть напечатана за исключеченіемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ говорится о свободѣ крестьянъ и вольной общинѣ, но, какъ мы уже знаемъ, второй томъ „Московскаго Сборника" вовсе не вышелъ въ свѣтъ [1]).

Тщательно собравъ все, что извѣстно, объ отношеніи славянофиловъ къ крестьянскому вопросу въ царствованіе императора Николая, мы видимъ, что они мало могли высказаться тогда по этому предмету въ печати

„Судебника" (Іоанна III) *союзъ общины разорванъ, права* собственности *надъ землями отъ общины перешли къ отвлеченному лицу государя* и великаго князя или ко множеству частныхъ владѣльцевъ и помѣщиковъ, наконецъ, крестьянинъ, бездомный бобыль, вѣчно блуждая изъ края въ край по обширнымъ степямъ Россіи, *изъ прежней неограниченной свободы* сохранилъ одно право: разъ въ годъ по произволу мѣнять мѣстожительство и господина". „Вспомнивъ,—говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ,—*независимое состояніе русской волости*, мы едва ли можемъ себѣ представить, что само собою, естественно, могло развиться *подобное ограниченіе крестьянской свободы*, такъ явно носитъ оно на себѣ печать искуственнаго, положительнаго изобрѣтенія! . Ясно, что всякое стѣсненіе въ этомъ отношеніи *свободы крестьянской* могло быть лишь мѣрою полицейской, основанной на произвольныхъ договорахъ князей". Далѣе московскій цензурный комитетъ такъ излагаетъ въ своей запискѣ статью кн. Черкасскаго. „Послѣ того какъ царь Борисъ Годуновъ укрѣпилъ крестьянъ на землѣ, въ Россіи продавали крестьянъ врознь, дочь отъ матери, сына отъ отца, какъ *скотовъ*" (слова эти въ статьѣ кн. Черкасскаго принадлежатъ не автору, а составляютъ цитату изъ знаменитаго указа сенату Петра Великаго). „Редакція „Сборника" прибавила къ этому —продолжаетъ цензурный комитетъ, —что обычай продавать крестьянъ врознь возникъ только со времени Петра I".

[1]) „Русская Старина" 1875 года, т. XIV, 377—78. Теперь эта статья напечатана вполнѣ подъ ея первоначальнымъ заглавіемъ: „Юрьевъ день. О подвижности народонаселенія въ древней Россіи" въ „Русскомъ Архивѣ" 1882 г., кн. I, 5—32. Цитаты цензурнаго комитета не совсѣмъ точны сл. Ibid., стр. 12, 31. Во второй половинѣ 50-хъ годовъ кн. Черкасскій составилъ весьма несимпатичную записку „О способахъ новаго устройства отношеній между землевладѣльцами и земледѣльцами", которую мы имѣемъ въ полномъ видѣ съ примѣчаніями А. И. Кошелева. Извлеченія изъ нея были напечатаны въ „Русской Мысли" 1886 г., № 9.—Нѣкоторымъ цензурнымъ урѣзкамъ въ болѣе раннемъ изданіи славянофильскаго кружка, „Московскомъ литературномъ и ученомъ сборникѣ" 1846 г., подверглась статья профессора политической экономіи Линовскаго „Объ отмѣненіи хлѣбныхъ законовъ въ Англіи", въ которой, однако же, уцѣлѣло нѣсколько страницъ о крестьянскомъ вопросѣ въ Западной Европѣ (стр. 181—186, срав. „Рус. Арх." 1879 г., т. III, 325). Кромѣ вышеназванныхъ лицъ, къ славянофильскому кружку примыкалъ Ѳ. В. Чижовъ. Онъ также былъ проникнутъ либеральными взглядами въ крестьянскомъ вопросѣ, какъ видно изъ его письма въ 1846 году къ художнику Иванову. „Въ семьѣ моей, въ крестьянскомъ отношеніи, я нашелъ много утѣшительнаго. . Сестры все стараніе употребляютъ, чтобы быть благодѣтельницами крестьянъ; я сообщаю Галахову мой планъ, какъ я предположилъ сдѣлать ихъ свободными хлѣбопашцами. Не знаю, удастся ли, но со стороны сестеръ есть согласіе". „Рус. Арх." 1884 г., вып. 2 и, стр. 415. Въ спискѣ вотчинъ, крестьяне которыхъ были переведены въ положеніе свободныхъ хлѣбопашцевъ, мы не находимъ имѣнія Чижова. См. *Вешняковъ*, „Крестьяне-собственники въ Россіи". Спб. 1858 г., Приложеніе 3-е.

(въ чемъ, разумѣется, не они повинны); въ своемъ же кружкѣ они постоянно, и письменно, и словесно, обсуждали вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права, а одинъ изъ нихъ, Ю. О. Самаринъ, имѣлъ возможность и въ служебной своей дѣятельности работать на пользу улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ. Мы видѣли, что славянофилы еще въ николаевскую эпоху додумались до мысли о необходимости освобожденія крестьянъ не иначе, какъ съ землею, и, притомъ, съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія, и усердная защита этихъ принциповъ составляетъ немалую ихъ заслугу. Какимъ образомъ въ это время они думали осуществить освобожденіе на дѣлѣ, мы не знаемъ, но одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ изъ нихъ, К. С. Аксаковъ, если мы не ошибаемся, желалъ даже предоставленія имъ земли въ собственность безвозмездно. Однако же, мы видѣли, что не только ни одинъ изъ славянофиловъ не освободилъ своихъ крестьянъ, но что даже положеніе ихъ крестьянъ было вообще не лучше, а у нѣкоторыхъ еще и хуже средняго уровня; не только Хомяковъ и Кошелевъ, какъ оказалось, были крайне требовательными помѣщиками, но даже добродушный П. В. Кирѣевскій снабдилъ крестьянъ слишкомъ недостаточнымъ количествомъ земли. Такое рѣзкое несоотвѣтствіе между словомъ и дѣломъ не можетъ помѣшать намъ, однако, признать, что славянофилы принесли немалую пользу теоретическимъ обсужденіемъ крестьянскаго вопроса съ правильной точки зрѣнія и пропагандою своихъ взглядовъ о земельномъ обезпеченіи крестьянъ и о сохраненіи общиннаго землевладѣнія. Эту заслугу признаютъ за ними и люди, нѣкогда ведшіе съ ними ожесточенные споры, какъ, напримѣръ, авторъ „Былого и думъ“.

Вполнѣ признавая и съ своей стороны заслуги славянофильской школы въ крестьянскомъ дѣлѣ, мы должны только еще разъ повторить, что она далеко не можетъ претендовать на какую-либо монополію относительно правильнаго выясненія крестьянскаго вопроса: мы видѣли, что въ николаевскую эпоху западники успѣли сдѣлать въ этомъ отношеніи нисколько не менѣе, а скорѣе даже болѣе, чѣмъ славянофилы, а между прочимъ и полезное значеніе общиннаго землевладѣнія было прекрасно понимаемо (какъ это видно напримѣръ, изъ приведенныхъ отрывковъ изъ записокъ декабриста Фонъ-Визина) людьми совершенно иного образа мыслей. Вообще, при оцѣнкѣ положительной стороны славянофильскаго ученія мы можемъ вполнѣ присоединиться къ слѣдующимъ словамъ А. Н. Пыпина: „Разматривая славянофильство перваго періода въ общемъ его смыслѣ, мы не колеблясь, скажемъ, что оно имѣло свою большую историческую заслугу въ развитіи русскаго общества. Родившись подъ несомнѣнными и сильными вліяніями романтическихъ стремленій, оно сохранило... этотъ романтическій, идеальный... характеръ: но оно съ такимъ упорствомъ

настаивало на своемъ идеалѣ, такъ искренно въ него вѣрило, такъ горячо его защищало, что успѣло дать ему силу въ литературѣ и мнѣніяхъ общества. Этимъ идеаломъ былъ народъ и здѣсь было основаніе ихъ силы. Не совсѣмъ вѣрно, но очень сильно оно затрогивало чувствительную струну времени. Славянофильское пониманіе народа было преувеличенное, но въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ оно было заслугой: со стороны славянофиловъ было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно смѣлымъ дѣломъ указывать въ народѣ единственный критеріумъ государственной и общественной жизни, придавать ему такое значеніе, о которомъ не помышляла господствовавшая оффиціальная народность, возвышать и превозносить этотъ „черный" народъ тогда, когда надъ нимъ еще тяготѣло осужденіе государственнаго закона, пренебреженіе барства, чиновничества и почти всего, что стояло надъ низшими классами, когда считалось, что онъ годится только служить рабочею силой и толпой для парадныхъ празднествъ оффиціальной жизни; славянофилы указывали обществу его оторванность отъ народа, ничтожество его въ этомъ раздѣленіи отъ истиннаго основанія національной жизни, на необходимость союза, который одинъ дастъ обществу нравственную силу и дастъ его образованію дѣйствительную плодотворность. Славянофилы указывали исторической наукѣ мало тронутую ею задачу — раскрыть внутреннія основы народнаго характера, которыя одни могутъ пролить истинный свѣтъ на историческую судьбу народа и государства. Эти стороны славянофильскаго ученія составляютъ лучшую и достойную уваженія его заслугу". „Однако — продолжаетъ г. Пыпинъ, — заслуга не была... такъ универсальна, какъ утверждаютъ ихъ послѣдователи и почитатели. Интересъ къ народности въ различныхъ отношеніяхъ не былъ исключительною принадлежностью ихъ школы и издавна развивался въ литературѣ. Славянофилы, съ своей стороны, усилили его своимъ восторженнымъ чувствомъ, сдѣлали довольно много частныхъ разъясненій, но вовсе не были такими преобразователями нашей внутренней жизни, какъ имъ самимъ казалось и какъ утверждаютъ ихъ новѣйшіе ученики" [1]).

Преемники стараго славянофильства должны была бы проявить уваженіе къ его принципамъ, употребивъ всѣ свои силы и способности на изученіе того народа, который такъ высоко ставили ихъ учителя. Но, за немногими исключеніями, они предпочли повторять общія отвлеченныя формулы славянофильства, не вдаваясь въ нихъ новаго, живого содержанія, не примѣняя ихъ яснѣе къ потребностямъ жизни и иногда даже прямо игнорируя самыя настоятельныя народныя нужды (напомнимъ, напри-

---

[1]) „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до шестидесятыхъ годовъ". Спб. 1873 г., стр. 338 и 339

мѣръ, отношенія „Руси“ къ вопросу о крестьянскомъ малоземельи). А въ то же время люди съ совершенно инымъ міровоззрѣніемъ, написавшіе на своемъ знамени „служеніе народу“, положили много труда на изученіе русской народной жизни; теперь можно уже сказать безошибочно, что послѣдователямъ этихъ людей, а не недостойнымъ своихъ лучшихъ учителей эпигонамъ славянофильства принадлежитъ будущее.

ГЛАВА XIV.

Путешествіе бар. Гакстгаузена и его сочиненіе о Россіи.

Мы видѣли, что наша интеллигенція была лишена возможности открыто разсуждать объ уничтоженіи крѣпостнаго права и необходимыхъ для этого средствахъ; но разъ возбужденная мысль не могла быть подавлена никакими запретительными мѣрами, и крестьянскій вопросъ дѣлается, какъ мы уже знаемъ, предметомъ усиленнаго вниманія всѣхъ лучшихъ людей общества, которые, по мѣрѣ возможности, затрогиваютъ его въ печати, а также обсуждаютъ въ личныхъ бесѣдахъ, перепискѣ и проч. Въ то же время вопросъ о необходимости уничтоженія у насъ крѣпостнаго права начинаютъ обсуждать и заграницею, сначала иностранцы, а затѣмъ и русскіе, которые здѣсь высказываютъ свою мысль вполнѣ, безъ всякихъ стѣсненій.

Въ 1822 г. въ Парижѣ была издана, на французскомъ языкѣ, въ двухъ томахъ, весьма интересная книга Пассенана, подъ заглавіемъ: „Россія и рабство въ ихъ отношеніяхъ къ европейской цивилизаціи, или вліяніе крѣпостнаго права на домашнюю жизнь русскихъ, ихъ гражданское, нравственное и политическое состояніе и на судьбы Европы". Авторъ, многіе годы жившій въ Россіи, собралъ не мало фактовъ о печальномъ положеніи нашихъ крѣпостныхъ; кромѣ того, онъ доказываетъ въ своемъ сочиненіи невыгодность крѣпостнаго труда, опровергаетъ возраженія противъ необходимости освобожденія крестьянъ въ Россіи, считаетъ мало удачными мѣры въ пользу крестьянъ императора Александра I, но съ своей стороны предлагаетъ только ограниченіе власти господъ наказывать крѣпостныхъ и совѣтуетъ склонять помѣщиковъ къ отдачѣ крестьянамъ земли въ аренду участками отъ 15—30 десятинъ за половину или треть сбора [1]). Какъ бы слаба ни была положительная сторона книги

[1]) La Russie et l'esclavage dans ses rapports avec la civilisation europeenne ou de l'influence de la servitude sur la vie domestique des russes, sur leur existence civile, morale et politique et sur les destinees de l'Europe, par M. P. D. de Passenans. P. 1882, tome I, 110—115, 153—166, 182—192.

Шассепана относительно крестьянскаго вопроса, во всякомъ случаѣ знакомство съ нею было бы полезно для русскаго общества уже вслѣдствіе того, что въ ней рѣзко обличались злоупотребленія помѣщичьею властью. Но сочиненіе это было въ 1823 г. запрещено въ Россіи и потому не имѣло замѣтнаго вліянія на русское образованное общество.

Авторъ вышедшаго въ свѣтъ значительно позднѣе (въ 1843 г.) и болѣе извѣстнаго сочиненія о Россіи, маркизъ Кюстинъ, удѣляетъ довольно мало вниманія положенію нашихъ крѣпостныхъ, но нельзя не замѣтить, что онъ съумѣлъ понять опасность безземельнаго освобожденія. Указавъ на то, что самая завѣтная мечта русскихъ крестьянъ—сдѣлаться изъ помѣщичьихъ казенными авторъ продолжаетъ: „Освободивъ сразу такихъ людей“ (какъ видно изъ послѣдующаго, тутъ дѣло идетъ о безземельномъ освобожденіи), „вы возбудите въ странѣ сильное волненіе. Съ той минуты, какъ крестьяне, лишенные земли, увидятъ, что ее продаютъ, отдаютъ въ наемъ и обработываютъ безъ нихъ, они поднимутся массами, крича, что у нихъ отнимаютъ ихъ имущество“ [1]).

Гораздо болѣе вліянія, чѣмъ оба предыдущія сочиненія имѣлъ въ Россіи трудъ Гакстгаузена, которому были предоставлены всѣ средства для того, чтобы онъ могъ основательно ознакомиться съ состояніемъ нашего отечества.

Въ маѣ 1842 г. русскій посланникъ въ Берлинѣ, бар. Мейендорфъ, обратился съ письмомъ къ графу Киселеву, въ которомъ, препровождая къ нему статью, появившуюся въ одной берлинской газетѣ о незадолго передъ тѣмъ изданномъ у насъ законѣ объ обязанныхъ крестьянахъ, онъ говоритъ: „Статья эта составлена бар. Гакстгаузеномъ, который въ теченіе многихъ лѣтъ съ успѣхомъ изучалъ положеніе крестьянъ среди славянъ и нѣмцевъ и даже имѣлъ спеціальное порученіе отъ прусскаго правительства произвести по этому предмету изысканія во всѣхъ частяхъ Германіи и сосѣднихъ странъ. Результатъ этихъ наблюденій изложенъ имъ во многихъ трудахъ, напечатанныхъ на счетъ прусскаго правительства. Они не только доставили г. Гакстгаузену почетную извѣстность, но служатъ отчасти основаніемъ реформъ, подготовляемыхъ въ аграрномъ законодательствѣ Пруссіи. Прилагаемая статья въ прусской газетѣ составляетъ самое блистательное доказательство проницательности г. Гакстгаузена. Непродолжительнаго путешествія въ Москву, сдѣланнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было для него достаточно, чтобы пріобрѣсти относительно положенія крестьянъ въ Россіи свѣдѣнія болѣе вѣрныя, чѣмъ тѣ, которыя сообщаютъ большинство иностранцевъ, посѣщавшихъ страну до и послѣ него“. Далѣе Мейендорфъ высказалъ мысль, что если наше правительство назначеніемъ небольшаго пособія облегчитъ бар.

---

[1]) La Russie en 1839, par le marquis de Custine. Seconde edition. P. 1843, t. 1, p. 249.

Гакстгаузену путешествіе по Россіи то, быть можетъ, онъ окажется полезнымъ для насъ своими обширными свѣдѣніями, не говоря уже о научномъ значеніи его изслѣдованій; баронъ Мейендорфъ обращалъ вниманіе Киселева также и на то, какъ важно для политическаго значенія и финансовыхъ интересовъ Россіи, чтобы въ Европѣ имѣли о ней благопріятныя свѣдѣнія, а ихъ всего скорѣе можетъ сообщить Гакстгаузенъ, судя по его статьѣ о законѣ 2-го апрѣля 1842 г., и имѣя въ виду его строго монархическія убѣжденія.

Въ приложенной къ этому письму статьѣ бар. Гакстгаузенъ съ большимъ сочувствіемъ относится къ указу 2-го апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ: этимъ закономъ, какъ извѣстно, помѣщикамъ предоставлялось заключать съ своими крѣпостными договоры, по которымъ, сохраняя право собственности на свою землю, они могли отдавать ее въ пользованіе крестьянъ за условленныя повинности.

По докладу гр. Киселева, императоръ Николай повелѣлъ назначить бар. Гакстгаузену пособіе въ 1,500 руб., „не ѣдая, впрочемъ, изъ сего путешествія мѣру правительственную".

Прежде чѣмъ отправиться въ путь, бар. Гакстгаузенъ обратился къ Киселеву съ тремя письмами: пересылая ихъ нашему министру, Мейендорфъ писалъ: „Многія лица знающія г. Гакстгаузена, полагаютъ, что его путешествіе . поможетъ русскому правительству выяснить, какимъ образомъ можно постепенно освободить крестьянъ. Я не могу вполнѣ раздѣлять это мнѣніе. Большое различіе въ положеніи крестьянъ въ Россіи и другихъ странахъ заставляетъ меня думать, что мѣры относительно этого сословія, вызванныя благородными намѣреніями государя императора, не могутъ походить на принятыя за границею. Но если эта цѣль не будетъ вполнѣ достигнута, путешествіе бар. Гакстгаузена раскроетъ тѣмъ не менѣе много интересныхъ данныхъ".

Въ письмѣ къ Киселеву, отъ 17-го января 1843 г., Гакстгаузенъ говоритъ:

„Двадцать лѣтъ моей жизни посвящены изученію исторіи германскихъ и славянскихъ народовъ, и главное мое вниманіе привлекали ихъ деревенскія учрежденія, но я не ограничился изысканіемъ въ прошедшемъ причинъ настоящаго положенія, а старался вывести изъ своихъ наблюденій законы дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія... Въ теченіе 12 лѣтъ я принималъ участіе въ законодательныхъ работахъ прусскаго правительства и долженъ былъ... посѣтить одну за другою всѣ части королевства, чтобы изучить на мѣстѣ положеніе земледѣльческаго населенія, его главныя учрежденія и отношенія къ землевладѣльцамъ. Такимъ образомъ, я былъ въ состояніи подробно ознакомиться съ тѣмъ, какія послѣдствія имѣли реформы, предпринятыя съ начала столѣтія въ разныхъ частяхъ Пруссіи... Я былъ свидѣтелемъ потрясенія, произведеннаго революціоннымъ режимомъ Франціи, я видѣлъ, какъ во многихъ странахъ имъ были разорваны всѣ узы общиннаго устройства: я видѣлъ безпорядокъ, внесенный во всѣ классы и состоянія, и какъ передъ идеями равенства и свободы исчезли не только всѣ

преимущества рожденія, но и патріархальная власть сеньера, почтеніе, часто заслуженное вѣковыми благодѣяніями. Такимъ образомъ, въ рейнскихъ провинціяхъ Пруссіи дворянство лишилось своихъ владѣній и почти совершенно исчезло. Раздробленіе тамъ поземельной собственности не знало границъ, но одна власть счастливо пережила всѣ революціонныя потрясенія, — власть деревенскихъ общинъ, которыя, сильныя своимъ единствомъ, вынесли безъ поврежденія всѣ фазисы иностраннаго владычества. Измѣненія, которымъ должны были подвергнуться отношенія землевладѣльцевъ и крестьянъ въ старыхъ провинціяхъ Пруссіи, были менѣе разрушительны, но тѣмъ не менѣе за нихъ привялись очень сурово. Во многихъ случаяхъ права, пріобрѣтенныя землевладѣльцами, были принесены въ жертву мнимому благосостоянію крестьянъ Время залечило рану, нанесенную прусскому дворянству, само правительство, отказавшееся отчасти отъ своего слишкомъ поспѣшнаго образа дѣйствій, пришло ему на помощь, и было бы несправедливо не признать теперь улучшенія земледѣлія и общаго довольства населенія Но весьма вѣроятно, что, сохранивъ за помѣщиками болѣе полную покровительственную власть надъ крестьянами, предохранили бы этихъ послѣднихъ отъ когтей ростовщиковъ и жидовъ, которые часто заставляютъ ихъ дорого расплачиваться за полученную свободу. Въ Вестфаліи осмотрительное законодательство, кажется, избѣгло всѣхъ опасностей, не отклоняясь отъ пути, предначертаннаго мѣстною исторіею. Крестьяне оставались тамъ крѣпостными долѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ провинціяхъ Пруссіи, но они были прикрѣплены къ землѣ, сколько же ихъ собственными выгодами, какъ и законами. Сначала они были краткосрочными фермерами, но потомъ ихъ аренда сдѣлалась пожизненною и, наконецъ, превратилась, по праву обычая, въ эмфитеозъ, такъ что законъ, объявившій ихъ лично свободными, ничего не измѣнилъ въ дѣйствительномъ положеніи: ни патріархальныхъ отношеній къ господину, ни связей, соединявшихъ между собою членовъ общинъ, управляемыхъ своими выборными властями. Какой контрастъ въ положеніи крестьянъ между Вестфаліею и Померапіею, прежде принадлежавшею Швеціи, государь которой уничтожилъ въ 1806 г., крѣпостное право однимъ почеркомъ пера! Лично свободные, не привязанные къ землѣ собственнымъ интересомъ, они влачатъ жизнь въ нищетѣ. Изъ почтенныхъ крестьянъ образовался классъ страдающихъ поденщиковъ. Таковы фазисы, пройденные Пруссіею, прежде чѣмъ вполнѣ установился существующій порядокъ вещей. Я видѣлъ, что Россія вступила на тотъ же путь, и мною овладѣло желаніе наблюдать ее въ эту эпоху жизненнаго развитія. Это желаніе сдѣлалось непреодолимымъ, когда появился достопамятный указъ 2-го апрѣля. Новый законъ обезпечиваетъ помѣщику право собственности на землю, но крестьянинъ пріобрѣтаетъ возможность" (слѣдовало бы прибавить: *съ согласія помѣщика*) „замѣнить барщину арендою, продолжительность которой можетъ быть увеличена по желанію Онъ можетъ надѣяться на пріобрѣтеніе независимаго состоянія Онъ будетъ обязанъ имъ землѣ, плодородіе которой увеличится его стараніями... Подъ защитою помѣщика укрѣпится общинный строй каждой деревни, и вмѣстѣ съ тѣмъ корпоративныя связи не ослабятъ того чувства уваженія и довѣрія, которое славянскій крестьянинъ всегда сохраняетъ къ своему господину, и которое есть одна изъ прекрасныхъ отличительныхъ чертъ низшихъ классовъ этого великаго народа. Внутренняя жизнь Россіи такъ оригинальна что ее отнюдь не слѣдуетъ подгонять подъ масштабъ другихъ націй. Поэтому я вовсе не увѣренъ въ томъ, что сдѣланныя мною до сихъ поръ многочисленныя наблюденія могутъ быть полезны русскому правительству. Но если особыя условія, въ которыхъ находится Россія не позволяютъ ей слѣдовать

вполнѣ примѣру другихъ европейскихъ странъ, то знаніе того, что тамъ произошло, можетъ предохранить ее отъ возможныхъ ошибокъ. Я льщу себя надеждою, что могу быть нѣсколько полезнымъ въ этомъ смыслѣ".

На слѣдующій день Гакстгаузенъ, въ письмѣ къ Киселеву, дѣлаетъ еще нѣсколько замѣчаній относительно закона 2-го апрѣля 1842 г. „На этотъ указъ", говоритъ онъ, „нападаютъ либералы западной Европы, потому что онъ не начинается декларацією правъ человѣка, и такъ какъ онъ не затрогиваетъ даже вопроса о личной свободѣ крестьянина. Я слышалъ также, что многіе русскіе помѣщики считаютъ его мертворожденнымъ, такъ какъ онъ не имѣетъ принудительной силы. Но эти упреки, по моему мнѣнію, составляютъ лучшее доказательство его значенія. Указъ ограничивается тѣмъ, что устанавливаетъ принципы. Онъ резюмируетъ прошедшее, настоящее и будущее русскаго крестьянина. Это лучъ свѣта, брошенный правительствомъ среди мрака, чтобы освѣтить народу путь, которымъ онъ необходимо долженъ идти въ своемъ естественномъ развитіи. Законъ не желаетъ насильственно создавать новый порядокъ вещей: онъ только даетъ русскому народу возможность сознать то, что должно когда нибудь совершиться, ту цѣль, къ которой должны стремиться соединенныя усилія правительства и народа. Законъ этотъ даетъ крестьянину право заключать договоры съ господиномъ, слѣдовательно, пріобрѣтать собственность и употреблять для ея защиты, даже противъ господина, средства, дозволенныя закономъ. Принципъ, столь охранительный, можетъ ли остаться безъ послѣдствій? Учрежденіе значительнаго числа фабрикъ въ деревняхъ угрожаетъ русскому крестьянину полнымъ порабощеніемъ. Новый законъ дастъ ему возможность пріобрѣсти независимое положеніе и достаточно гарантируетъ его сохраненіе. Крестьянинъ, который будетъ такъ счастливъ, что получитъ нѣсколько десятинъ въ аренду и правъ эмфитеоза, увидитъ свое положеніе упроченнымъ навсегда. Даровать крестьянину личную свободу, не привязавъ его предварительно собственными выгодами къ обработкѣ земли, мнѣ кажется, было бы мѣрою не только ошибочною, но даже гибельною" (при этомъ Гакстгаузенъ опять ссылается на дарованіе личной свободы крестьянамъ въ Помераніи въ 1806 г.).

Всѣ эти соображенія о вредѣ личнаго безземельнаго освобожденія были уже не новостью для русскаго правительства; печальный опытъ, сдѣланный въ Остзейскомъ краѣ, былъ настолько убѣдителенъ, что правительство отказалось слѣдовать по этому пути, какъ это и было торжественно заявлено государемъ въ государственномъ совѣтѣ 30-го марта 1842 г. Но все-таки были не безполезны и заявленія Гакстгаузена, основанныя на наблюденіяхъ въ Западной Европѣ, хотя, само собою разумѣется, онъ совершенно напрасно приходилъ въ восторгъ отъ закона 2-го апрѣля 1842 г., который дѣйствительно оказался мертворожденнымъ.

Мѣсяца черезъ полтора послѣ того, какъ Гакстгаузенъ, готовясь къ путешествію въ Россію, изложилъ свои взгляды на крестьянскій вопросъ взгляды, какъ мы видѣли, весьма консервативные, шефъ жандармовъ гр. Бенкендорфъ, обратился 11-го марта 1843 г. съ слѣдующимъ секретнымъ письмомъ къ графу Киселеву: „Дошло до моего свѣдѣнія, что по вызову вашего сіятельства въ скоромъ времени прибудетъ въ С.-Петербургъ баронъ фонъ-Гакстгаузенъ. Обязанностью считаю предупредить васъ.... что Гакстгаузенъ извѣстенъ за человѣка либеральныхъ мыслей (?!), ненавидитъ дворянство (?), и въ недавнемъ времени издана имъ литографированная брошюра о Лифляндіи, въ коей онъ возстаетъ противъ правъ дворянства". Киселевъ поспѣшилъ отвѣтить Бенкендорфу, что дошедшія до него свѣдѣнія „не совсѣмъ точны, ибо я", продолжаетъ министръ государственныхъ имуществъ, „не вызывалъ барона Гакстгаузена, не знаю его, и потому не могу судить о его либеральныхъ наклонностяхъ", и разсказываетъ далѣе, какъ было дѣло, прилагая при томъ и письмо Меѣендорфа. „За таковымъ объясненіемъ", продолжаетъ Киселевъ, „которое считаю обязанностью сообщить вамъ..., дабы оградить г. Гакстгаузена отъ неблагонамѣренныхъ толковъ и дѣйствій, я полагаю, что ваше сіятельство не откажете ему въ благосклонномъ покровительствѣ вашемъ, для чести нашего правительства и пользы науки необходимомъ".

3-го марта Гакстгаузенъ прибылъ въ Ригу и тутъ былъ непріятно пораженъ тѣмъ, что мѣстная цензура задержала нѣкоторыя бывшія при немъ книги (напримѣръ, „Путешествіе по Россіи" Коля и др.). Онъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія Киселева; послѣднему пришлось написать министру народнаго просвѣщенія, Уварову, и тотъ распорядился о возвращеніи книгъ Гакстгаузену.

Наконецъ, въ мартѣ 1843 г. Гакстгаузенъ пріѣхалъ въ Петербургъ, снабженный письмомъ къ императрицѣ Александрѣ Оедоровнѣ отъ короля прусскаго, которому онъ былъ лично извѣстенъ. Составленный Гакстгаузеномъ планъ путешествія по Россіи былъ просмотрѣнъ самимъ государемъ. Очень много матеріаловъ было сообщено Гакстгаузену изъ министерства государственныхъ имуществъ. Между прочимъ онъ услышалъ отъ великой княгини Елены Павловны, что въ канцеляріи министерства есть „Историческій обзоръ состоянія крестьянъ или крѣпостнаго права" во всей Россіи, составленный, по предписанію Киселева, предъ изданіемъ указа 2-го апрѣля 1842 г. Гакстгаузенъ обратился съ просьбою къ Киселеву о переводѣ и сообщеніи ему этого обзора, если онъ не слишкомъ объемистъ. Киселевъ написалъ такую резолюцію: „это не можно и не должно давать; краткій взглядъ на этотъ предметъ можно имѣть отъ А. П. Заблоцкаго" [1]). Кромѣ того онъ велѣлъ сообщить Гак-

[1]) Поэтому Заблоцкому было поручено составить для Гакстгаузена „Краткій взглядъ

стгаузену, что для него будетъ назначенъ особый переводчикъ. По высочайшему повелѣнію шефъ жандармовъ и министры внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ предписали мѣстнымъ властямъ оказывать всевозможное содѣйствіе нѣмецкому путешественнику; для сопровожденія его при обозрѣніи Петербурга шефъ жандармовъ назначилъ къ нему офицера своего вѣдомства [1]).

Въ концѣ апрѣля 1843 г. Гакстгаузенъ выѣхалъ изъ Петербурга. Черезъ Москву онъ направился въ Ярославль, Вологду, Устюгъ, оттуда въ Нижній-Новгородъ, Казань, Самару, Саратовъ, Пензу, Воронежъ, Екатеринославъ, проѣхалъ по Крыму, наконецъ, чрезъ Одессу, Кіевъ и Тулу, въ концѣ октября того же года прибылъ въ Москву, гдѣ и прожилъ до самаго отъѣзда заграницу въ апрѣлѣ 1844 г. Онъ собралъ множество интереснаго матеріала. Для переводовъ написанныхъ по русски бумагъ и различныхъ по нимъ объясненій Киселевъ отправилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Берлинъ на 4 мѣсяца чиновника министерства государственныхъ имуществъ, Лана, которому, впрочемъ, пришлось прожить тамъ гораздо долѣе. Въ сентябрѣ 1845 г. онъ писалъ въ министерство, что „передъ отъѣздомъ изъ Петербурга баронъ Гакстгаузенъ далъ обѣщаніе написать и издать свою книгу въ теченіи одного года; теперь... прошло уже около осьмнадцати мѣсяцевъ, а книги все еще нѣтъ"; „всякій разъ, когда я говорю ему о качествѣ и достоинствѣ ожидаемой отъ него книги", продолжаетъ Ланъ, Гакстгаузенъ „значительно кивлетъ головою, присовокупляя, что сочиненіе оправдаетъ всѣ ожиданія его сіятельства". Теперь мы знаемъ, что Гакстгаузенъ имѣлъ право говорить такимъ образомъ, такъ какъ его трудъ былъ дѣйствительно выдающимся въ свое время явленіемъ.

на положеніе помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи до состоянія указа 2-го апрѣля 1842 года и объясненіе политическаго и внутренняго быта государственныхъ крестьянъ и правъ ихъ".

[1]) Но Бенкендорфъ былъ нѣсколько смущенъ, когда Гакстгаузенъ заявилъ ему, что желалъ бы ознакомиться съ образомъ жизни простаго народа въ Петербургѣ, приходящихъ сюда рабочихъ, а также бродягъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, и просилъ о командированіи къ нему съ этою цѣлью чиновника, знающаго нѣмецкій языкъ. „Не зная опредѣлить, будетъ ли для барона Гакстгаузена прилично посѣщать такія мѣста, гдѣ жительствуютъ и бываютъ бродяги и подобные имъ люди", а также затрудняясь возлагать подобное порученіе на жандармскаго офицера, Бенкендорфъ обратился за совѣтомъ къ Киселеву. Тотъ отвѣчалъ, что онъ „неоднократно объяснялъ" Гакстгаузену, что „поѣздка его не есть мѣра правительственная и оффиціальная, а частная предпринятая имъ для ученыхъ изысканій", поэтому онъ „можетъ осматривать въ Россіи все то, что дозволяется видѣть всякому другому частному путешественнику, а затѣмъ", писалъ Киселевъ Бенкендорфу, „вмѣшательство правительства въ его изысканія, по моему мнѣнію, не нужно и было бы несогласно съ первоначально изъявленною по сему предмету высочайшею волею". Кромѣ 1,500 руб., назначенныхъ Гакстгаузену, ему были выданы еще прогоны на 6 лошадей (1,181 рубль), не считая прогоновъ для сопровождавшаго его чиновника, Адеркаса.

На напечатаніе книги автору было обѣщано пособіе, въ томъ случаѣ, если она окажется удовлетворительною, и государь повелѣлъ выдать Гакстгаузену 6,000 рублей на изданіе первыхъ двухъ томовъ подлинника. Они вышли въ свѣтъ въ 1847 г., а вслѣдъ затѣмъ появился и французскій переводъ, послѣ чего авторъ получилъ въ подарокъ золотую табакерку съ вензелемъ императора Николая. Въ 1851 г. Гакстгаузенъ сталъ ходатайствовать о назначеніи ему новаго пособія для напечанія по французски третьяго и послѣдняго тома его сочиненія: тогда русское правительство изъявило согласіе на новое вспомоществованіе не иначе, какъ подъ условіемъ предварительнаго просмотра этого тома. Когда онъ былъ полученъ въ нѣмецкомъ изданіи, гр. Киселевъ доложилъ государю, что „это сочиненіе, отличаясь весьма обстоятельнымъ разсмотрѣніемъ состоянія Россіи, проникнуто глубокимъ убѣжденіемъ въ превосходствѣ монархическихъ началъ и всего, что для блага Россіи ваше величество соверщить изволили. При такомъ направленіи сочиненія, оно имѣетъ то особенное достоинство, что всѣ убѣжденія сочинителя основываются не на поверхностномъ взглядѣ или грубой лести, но на самыхъ тщательныхъ изслѣдованіяхъ положенія нашего государства, и если есть ошибки или невѣрности, то онѣ легко могутъ быть исправлены при французскомъ переводѣ". Поэтому Киселевъ признавалъ полезнымъ изданіе по французски третьяго тома этого труда, но такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ „важныя разсужденія" о внѣшней политикѣ, арміи и флотѣ, о церкви и дворянствѣ, то Киселевъ предлагалъ поручить разсмотрѣніе каждой изъ этихъ статей соотвѣтственнымъ учрежденіямъ, или лицамъ, стоящимъ во главѣ ихъ, и государь на это согласился [1]). Выписки изъ третьяго тома были прочитаны государемъ, который нашелъ ихъ весьма интересными; онѣ переданы были также для прочтенія и наслѣднику цесаревичу. Что касается вопроса объ обращеніи книги Гакстгаузена въ Россіи въ подлинникѣ, то въ 1853 г. государь повелѣлъ: допустить продажу въ Россіи, подобно первымъ двумъ, и третьей части этого сочиненія, но не иначе, какъ съ исключеніемъ въ этой послѣдней трехъ мѣстъ, признанныхъ предосудительными [2]), и съ воспрещеніемъ переводить книгу на русскій языкъ. Всего на всего Гакстгаузенъ получилъ на поѣздку въ Россію и обратно, на переводы и изданіе своего сочиненія 11,237 р. Въ этотъ счетъ не входятъ выданныя ему прогонныя деньги и болѣе 2,000 руб. жалованья чиновнику Лапу. Но та польза, которую

---

[1]) Въ дѣлахъ министерства государственныхъ имуществъ сохранились замѣчанія нѣкоторыхъ вѣдомствъ на третій томъ сочиненія Гакстгаузена.

[2]) На стр. 62 о распространеніи въ Россіи либеральныхъ, коммунистическихъ и соціалистическихъ идей: на стр. 85 и 205—206 о религіозныхъ броженіяхъ въ Россіи.

принесло Россіи и русской наукѣ сочиненіе Гакстгаузена, вполнѣ окупаетъ эти расходы [1])

Первые два тома сочиненія Гакстгаузена содержатъ главнымъ образомъ описаніе его путешествія, но это не бѣглыя путевыя замѣтки, а цѣлый рядъ въ высшей степени важныхъ наблюденій надъ различными явленіями внутренней жизни Россіи; есть, между прочимъ, такія главы, какъ, напримѣръ, о половникахъ, о колонизаціи въ Россіи, о погапскихъ татарахъ. Въ третьемъ томѣ, кромѣ указанныхъ уже статей, мы находимъ чрезвычайно интересную главу объ общинномъ землевладѣніи, гдѣ множество важныхъ и новыхъ данныхъ придаютъ особый интересъ труду Гакстгаузена и составляютъ главную заслугу автора. Мы не имѣемъ въ виду характеризовать все сочиненіе Гакстгаузена, а остановимся лишь на тѣхъ мѣстахъ его, гдѣ дѣло идетъ о крѣпостномъ правѣ и объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ.

Въ одной изъ главъ перваго тома, сообщивъ нѣсколько данныхъ объ исторіи у насъ крѣпостнаго права, авторъ говоритъ:

„Пока Россія была еще чисто земледѣльческимъ государствомъ, крѣпостное право было мало обременительнымъ для помѣщичьихъ крестьянъ, особенно въ Великороссіи, гдѣ прежде было немного имѣній, обитаемыхъ помѣщиками; здѣсь обыкновенно не существовало барщины, и помѣщикъ передавалъ всю землю въ неограниченное пользованіе крестьянской общины за извѣстную ренту, какъ это и теперь часто бываетъ. Высота ренты предписывалась здѣсь самыми обстоятельствами. Господинъ могъ получать только умѣренный чистый доходъ; если онъ желалъ выжимать болѣе, то крестьяне бѣднѣли, ихъ скотъ и хозяйственный инвентарь ухудшался или исчезалъ совершенно, земледѣліе приходило въ упадокъ и они были не въ состояніи исполнять повинности. Съ другой стороны, правительство требовало, чтобы господинъ самъ отвѣчалъ за казенныя подати крестьянъ въ случаѣ ихъ несостоятельности, и такимъ образомъ собственный интересъ побуждалъ господина беречь своихъ крестьянъ, гуманно относиться къ нимъ и оказывать имъ помощь. Онъ долженъ былъ даже стараться поддерживать у нихъ извѣстный хозяйственный инвентарь, иначе онъ не могъ надѣяться на аккуратное полученіе ренты. При этомъ онъ жилъ не въ деревнѣ, а въ городѣ, и потому, конечно, не могъ контролировать силъ и зажиточности отдѣльныхъ крестьянскихъ семействъ, не могъ, какъ говорится, смотрѣть имъ въ горшокъ, и потому долженъ былъ довольствоваться наложеніемъ оброка по числу душъ; такимъ образомъ, и безъ того уже сильное общинное устройство получало еще большее значеніе. Русская община стала вслѣдствіе этого органически выработавшеюся, свободною республикою, вся зависимость которой ограничивалась тѣмъ, что она уплачивала постоянный оброкъ господину. Но теперь все это измѣнилось, и можно ожидать еще большихъ перемѣнъ, вслѣдствіе проникновенія западно-европейской культуры, развитія промышленности и усиленія роскоши." Упомянувъ далѣе объ искуственномъ разведеніи фабрикъ при Петрѣ Великомъ и его бли-

---

[1]) См. три дѣла о путешествіи барона Гакстгаузена въ Архивѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ: дѣло Департамента Сельск. Хоз. № 1052 — 2 и дѣло V Отд. Соб. Е. Вел. Канц. №№ 657 и 907.

жайшихъ преемникахъ, о томъ, какъ тогда, приписывали къ фабрикамъ и отдѣльныхъ людей, и цѣлыя деревни, Гакстгаузенъ продолжаетъ: „Это собственно впервые пробудило въ Россіи мысль, что такъ какъ вся работа крѣпостныхъ принадлежитъ господину, то онъ можетъ употреблять ихъ *на всякую работу*, которая приноситъ ему выгоду. Ранѣе этого господинъ пользовался своими крѣпостными лишь въ двухъ видахъ: крестьянами въ земледѣліи и дворовыми для личнаго услуженія. Когда промышленность въ Россіи, поддерживаемая правительствомъ, все болѣе разросталась, когда дворянство побуждалось правительствомъ вездѣ учреждать фабрики, что въ послѣднія 25 лѣтъ совершалось въ слишкомъ большихъ размѣрахъ, помѣщики воспользовались своими крѣпостными такимъ-же образомъ, какъ это было прежде на такъ называемыхъ казенныхъ фабрикахъ" (посессіонныхъ?); „прежде всего они употребили на фабричныя работы свою праздную дворню... затѣмъ взялись и за крестьянъ, сначала лишь излишнихъ для земледѣлія, а затѣмъ нерѣдко уменьшали или даже совершенно уничтожали запашку, такъ какъ въ неплодородныхъ и посредственныхъ мѣстностяхъ земледѣліе приноситъ менѣе дохода, чѣмъ фабрика. Но скоро обнаружилось, что русскіе плохіе фабричные работники, если эта работа составляетъ барщину, но что въ свою пользу они трудятся усердно. Поэтому даютъ крѣпостнымъ позволеніе самимъ искать работы, гдѣ они хотятъ, и облагаютъ ихъ за то оброкомъ". - „Мнѣ уже давно казалось", говоритъ авторъ въ примѣчаніи, „что правительство сдѣлало большую ошибку, чрезвычайно поощряя 25 лѣтъ тому назадъ промышленность и учрежденіе фабрикъ, не опредѣливъ ранѣе положительнымъ закономъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, какъ это возможно (и какъ это уже совершилось въ Германіи), или по крайней мѣрѣ не установивъ точно отношеній крѣпостныхъ къ фабрикамъ" [1]) Упомянувъ далѣе о широкомъ распространеніи среди крѣпостныхъ оброчной системы и отхожихъ промысловъ, авторъ высказываетъ мысль, что съ 1812 г. среднее дворянство, познакомившись съ западно-европейскою жизнью и комфортомъ, стало презирать національные обычаи и жить на иностранный манеръ. „Оно уже и прежде было склонно къ роскоши, а съ тѣхъ поръ страшно обременило себя долгами. Его имѣнія стали продаваться и переходить въ руки выскочекъ, которыя разбогатѣли самыми дурными средствами на государственной службѣ или разными спекуляціями. Тогда были разорваны старинныя узы взаимной, изъ рода въ родъ унаслѣдованной, любви и вѣрности, которыя одни и дѣлали отношенія, основанныя на крѣпостномъ правѣ, человѣчными, или, по крайней мѣрѣ, сносными. Новые господа смотрѣли на крѣпостныхъ лишь какъ на орудіе или машины для пріобрѣтенія денегъ. Посредствомъ государственной службы все болѣе выскочекъ получало дворянство". Со временемъ и старое дворянство „вступило въ ряды чиновниковъ и было болѣе или менѣе заражено господствующею среди нихъ испорченностью".

Прежде, когда дворянство было не такъ многочисленно, когда оно составляло съ крѣпостными еще одинъ народъ и мало отличалось отъ него правами, образованіемъ и міросозерцаніемъ, когда крѣпостное право обнимало лишь людей занимающихся земледѣліемъ, когда старыя деревенскія общины еще не были

---

[1]) Въ введеніи къ книгѣ авторъ говоритъ, что „фабричная промышленность составляетъ одно изъ самыхъ сильныхъ препятствій эмансипаціи, которая и въ Россіи постепенно начинаетъ дѣлаться необходимою." (S. XIII). Во французскомъ переводѣ послѣдняя мысль еще болѣе ослаблена „L'abolition de la servitude, qui commence à devenir pour [illegible], vers lequel elle doit tendre *insensiblement*" (p. XI

ослабленъ разрушительными раздѣлами, и въ нихъ былъ еще живъ могущественный принципъ истинной и упорядоченной свободы, тогда крѣпостное право не представляло противоестественныхъ, губительныхъ отношеній [1]), а быть можетъ было даже необходимо для государственнаго развитія Россіи Теперь оно сдѣлалось противоестественнымъ [2]), и все болѣе выясняется невозможность фиксировать его въ настоящей стадіи и вообще дальше сохранять его. Это не скрываетъ ни одинъ умный человѣкъ въ Россіи, но какъ уничтожить или преобразовать эти отношенія, не вызвавъ соціальной революціи? Это главный вопросъ дня!

„Въ настоящее время крѣпостное право въ Россіи есть сенъ-симонизмъ наизворотъ. Послѣдній, какъ извѣстно, требуетъ, чтобы людей надѣляли по ихъ потребностямъ и способностямъ. Господинъ также оцѣниваетъ своихъ крѣпостныхъ. Онъ говоритъ принадлежащему ему человѣку: „тебѣ столько-то лѣтъ, ты такого-то сложенія и здоровья, имѣешь такую-то силу и способность къ работѣ такое-то образованіе, таланты и знанія, слѣдовательно ты представляешь собою такой-то капиталъ". Но вмѣсто того, чтобы дальше сказать вмѣстѣ съ Сенъ-Симономъ: „такъ какъ ты имѣешь такую-то цѣнность, то тебѣ приходится столько-то изъ благъ земныхъ", русскій помѣщикъ говоритъ своему крѣпостному: „такъ какъ ты имѣешь такую-то цѣнность, то слѣдовательно ты долженъ заработывать столько-то: ты долженъ привести мнѣ проценты съ заключающагося въ тебѣ и принадлежащаго мнѣ капитала, и слѣдовательно ты будешь платить мнѣ столько-то!" [3])

Въ другой главѣ перваго тома авторъ указываетъ на „необходимость крупныхъ помѣстій для культурныхъ усовершенствованій, а слѣдовательно и благосостоянія народа", а такъ какъ, по его мнѣнію, большія хозяйства могутъ поддерживаться въ нечерноземной полосѣ Россіи или посредствомъ барщины, или введеніемъ системы хозяйства, связанной съ промышленными предпріятіями, то онъ и дѣлаетъ выводъ, что „*въ настоящее время* крѣпостное право еще *нельзя уничтожить*" (въ примѣчаніи онъ прибавляетъ, что „уничтоженіе или преобразованіе крѣпостнаго права должно всегда разсматривать въ Россіи какъ мѣстный, а не общегосударственный вопросъ": „но его (крѣпостное право) можно превратить въ отношенія, нормированныя закономъ съ точно опредѣленною барщиною и обузданіемъ всякаго личнаго произвола, какъ это имѣлъ въ виду указъ 1842 г." (I, 178). Въ другомъ мѣстѣ, сообщая свѣдѣнія объ урочномъ положеніи, введенномъ Бунинымъ въ его тамбовскомъ помѣстьѣ, Гакстгаузенъ говоритъ: „Если бы правительству въ Россіи удалось такимъ образомъ точно и твердо регулировать барщину, то для настоящаго момента это было бы желательнѣе, чѣмъ уничтоженіе крѣпостнаго права. Изгнать изъ этихъ отношеній необузданный произволъ, установить законные предѣлы, *которые были бы дѣйствительно соблюдаемы*, возбудить во всѣхъ классахъ общества сознаніе своихъ правъ — въ томъ заклю-

---

[1]) Во французскомъ переводѣ ослаблено (p. 103).

[2]) Studien uber die innern Zustande, das Volksleben und insbesondere die landlichen Einrichtungen Russlands. Von Aug. Freih. von Haxthausen. Hann. 1847. I, 113—118.

чалась бы великая задача настоящей минуты (II, 86—87) [1]). Проѣзжая по юго-западному краю, Гакстгаузенъ обращаетъ вниманіе на то, что австрійское правительство приняло серьезныя мѣры для ограниченія крѣпостнаго права въ присоединенныхъ къ Австріи польскихъ провинціяхъ, тогда какъ русское правительство этого не сдѣлало. Тутъ же говоритъ онъ объ изданіи существующей въ западной Россіи инвентарной системѣ (II, 481—489, 493—494) [2]).

Въ третьей части своего труда, вышедшей въ свѣтъ уже въ 1852 г., въ главѣ, посвященной описанію государственныхъ имуществъ въ Россіи и ихъ управленія Гакстгаузенъ вновь возвращается къ вопросу объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Придавая громадное значеніе тѣмъ мѣрамъ, которыя были приняты въ царствованіе императора Николая относительно государственныхъ крестьянъ, онъ говоритъ по этому поводу: „Установленіе правовыхъ принциповъ и нормъ ... обнимаетъ, однако, пока лишь меньшую часть деревенскихъ общинъ: постепенно согласовать съ этимъ и отношенія другой части — составляетъ вторую великую задачу правительства. Что оно хорошо поняло необходимость этого и думаетъ дѣйствительно къ этому приступить, доказываетъ указъ 2-го апрѣля 1842 г. и послѣдовавшія затѣмъ распоряженія. Правительство остереглось произвольно затрогивать существующія права, оно только указало путь, установило нормы, чтобы объ стороны могли полюбовно покончить между собою... По основному правилу крѣпостнаго права крѣпостной вовсе не имѣетъ собственности: господину принадлежитъ все, и онъ обязанъ только доставить крѣпостному пропитаніе. Итакъ, крѣпостному не достаетъ *юридическаго* права распоряженія: онъ не можетъ заключать контрактовъ, не можетъ дѣлать завѣщанія и т. п. Но со 2-го апрѣля 1842 г. законодательство дастъ русскому крестьянину право вступать въ договоры" (авторъ забываетъ о законѣ 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ) „и тѣмъ совершенно уничтожитъ настоящее крѣпостное право. Такимъ образомъ слагаются правовыя отношенія, подобныя существующимъ въ Вестфаліи, гдѣ не столько посредствомъ законодательства, сколько путемъ постепеннаго жизненнаго развитія образовались такія отношенія, что крѣпостной владѣетъ и пользуется крестьянскимъ имѣніемъ на основаніи договора съ

---

[1]) Трактуя о земледѣліи и хлѣбной торговлѣ въ харьковской губерніи, авторъ говоритъ: „Быстрое прекращеніе крѣпостнаго права или даже установленіе обязательныхъ договорныхъ отношеній, сообразно указу 1842 г., безъ предварительнаго устройства всѣхъ возможныхъ путей сообщенія, было бы, по крайней мѣрѣ для этой мѣстности, истиннымъ бѣдствіемъ" (II, 126).

[2]) Въ 1847 г. въ двухъ русскихъ журналахъ были помѣщены извлеченія изъ книги Гакстгаузена („Современникъ", т. VI, смѣсь, стр. 38—48, и „Финскій Вѣстникъ", т. XXII, стр. 1—16), но ни тамъ, ни здѣсь не были затронуты, вѣроятно, по причинамъ, отъ редакціи независящимъ, мнѣнія Гакстгаузена о крѣпостномъ правѣ.

своимъ господиномъ.... Итакъ, въ настоящее время въ Россіи положено основаніе крестьянскихъ *правъ*; дальнѣйшее ихъ развитіе дѣло будущаго. Свобода никогда не должна быть подаркомъ: это высокое благо, которое можетъ быть лишь наградою за способности, стараніе и трудолюбіе. Ни одинъ разумный человѣкъ въ Россіи не можетъ и подумать о томъ, чтобы вдругъ, сразу, уничтожить крѣпостное право. Такое освобожденіе крестьянъ въ остзейскихъ провинціяхъ, вѣчно служащихъ пробною мѣстностью для русскаго законодательства, имѣло вовсе неблагопріятныя послѣдствія; еще и теперь трудятся тамъ надъ тѣмъ, чтобы установить мало-мальски прочныя соціальныя отношенія. Для Россіи такое прекращеніе крѣпостнаго права было бы несказаннымъ бѣдствіемъ. Если бы законодательство установило, что извѣстные классы или категоріи крѣпостныхъ (первоначально за исключеніемъ земледѣльцевъ), купцы, ремесленники, фабричные работники и т. п. имѣютъ право выкупаться на свободу въ извѣстное время на опредѣленныхъ условіяхъ, то были бы положены достаточныя основанія будущимъ правовымъ отношеніямъ. Остальное было бы дѣломъ времени" (III, 514—516). Далѣе авторъ указываетъ на то, какъ настоятельно необходимо правительству обратить вниманіе на усовершенствованіе земледѣлія не у однихъ государственныхъ, но и у помѣщичьихъ крестьянъ. „Этическій принципъ крѣпостнаго права", говоритъ здѣсь, между прочимъ, авторъ, „безъ признанія котораго оно было бы невыносимою мерзостью, состоитъ въ томъ, что крѣпостныхъ должно разсматривать какъ принадлежащихъ къ семейству господина и что слѣдовательно господинъ имѣетъ обязанность заботиться объ ихъ умственномъ и физическомъ благосостояніи. Поэтому государь долженъ смотрѣть на помѣстное дворянство, какъ на другую категорію своихъ слугъ и чиновниковъ, при посредствѣ которыхъ онъ руководитъ и управляетъ второю половиною своихъ подданныхъ, т. е. крѣпостными, образовываетъ этихъ послѣднихъ и оказываетъ имъ содѣйствіе". По этому поводу авторъ распространяется о необходимости созданія въ Россіи поземельной аристократіи, чтобы посредствомъ нея направить крѣпостныхъ по пути земледѣльческихъ улучшеній и такимъ образомъ поднять въ Россіи уровень сельскаго хозяйства (III, 520—521) [1].

---

[1]) Было упомянуто, что различныя учрежденія и офиціальныя лица дѣлали замѣчанія на третій томъ сочиненія Гакстгаузена. По вопросу о крѣпостномъ правѣ главноуправляющій вторымъ отдѣленіемъ собственной канцеляріи, гр. Блудовъ, сдѣлалъ лишь одно замѣчаніе: авторъ говоритъ, что помѣщикъ можетъ наказывать крѣпостныхъ до 5 ударовъ палками. Блудовъ напомнилъ, что помѣщики могутъ подвергать крѣпостныхъ наказанію розгами до 40 ударовъ, палками до 15 ударовъ, или же аресту на время отъ 1—7 дней, а въ случаяхъ особенной важности до 2 мѣсяцевъ (Арх. мин. госуд. имуществъ).

Мы видимъ такимъ образомъ, что Гакстгаузенъ, вполнѣ признавая значительное ухудшеніе въ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ и считая необходимымъ уничтоженіе мало по малу крѣпостнаго права, въ настоящее время требовалъ лишь его ограниченія. Важно было, конечно, что онъ настаивалъ на необходимости земельнаго обезпеченія крестьянъ при ихъ освобожденіи, но, какъ мы уже замѣтили, съ начала 1840-хъ годовъ правительство само пришло къ этой мысли.

Во время путешествія Гакстгаузена по Россіи съ нимъ познакомился въ 1843 году, въ Москвѣ, А. И. Герценъ, котораго поразилъ „ясный взглядъ“ нѣмецкаго путешественника „на быть нашихъ мужиковъ, помѣщичью власть, земскую полицію и управленіе вообще“. Но по выходѣ въ свѣтъ всего сочиненія Гакстгаузена, Герценъ естественно остался недоволенъ его консервативными убѣжденіями вообще и въ частности взглядами на крестьянскій вопросъ. Въ изданной въ 1853 г. заграницею брошюрѣ „Крещеная собственность“ онъ говоритъ: „Гакстгаузенъ старается доказать въ своей книгѣ, что помѣщикъ представляетъ патріархальную главу общины, нѣчто въ родѣ старинныхъ шотландскихъ клановъ или аравійскихъ эмировъ. Мнѣніе это, нѣкогда поддерживаемое плантаторами изъ московскихъ панславистовъ, совершенно ложно. Патріархальный глава общины -староста, выбранный міромъ, взятый изъ самой общины, равный всѣмъ. Онъ замѣняетъ отца и есть дѣйствительный опекунъ, ходатай, представитель деревни. Гдѣ же начинается необходимость другой главы, вотчима, постороннаго, опирающагося на внѣшнюю власть, не принимающаго никакого участія въ дѣлахъ общины, не несущаго ея тяги и обкладывающаго ее оброкомъ и барщиной? Если бы помѣщикъ былъ только собственникъ земли, его права ограничивались бы кортомными деньгами за нее, соотвѣтственной работой или половничествомъ. Но оно вовсе не такъ. Онъ владѣетъ гораздо больше человѣкомъ, нежели землею, онъ беретъ оброкъ не съ десятины, а съ мышцъ, съ дыханія. Онъ заставляетъ платить за право работы, движенія, существованія. Оброкъ дворовыхъ, ходящихъ по паспорту, основанъ, по превосходному выраженію, невзначай сорвавшемуся у Гакстгаузена, на *обратномъ* сенъ-симонизмѣ: чѣмъ больше способностей, тѣмъ больше требуетъ баринъ. Очевидная нелѣпость“. Далѣе Герценъ говоритъ о разрывѣ между дворянствомъ и народомъ, о вредномъ для народа развитіи промышленности [1]), но онъ напрасно утверждаетъ, что всего этого не хо-

---

[1]) „Развитіе промышленности, фабрикъ и самое распространеніе политической экономіи, *переложенной на россійскіе нравы*, дали тысячу новыхъ средствъ употреблять крестьянъ на пользу. Помѣщикъ, „патріархальная глава общины“, сдѣлался мало по малу изъ ведомости фабрикантомъ, плантаторомъ, торговцемъ бѣлыхъ невольниковъ“.

четь видѣть Гакстгаузенъ и несправедливо приписываетъ ему „страстную любовь“ къ рабству [1]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что ожиданія тѣхъ, которые возлагали большія надежды на содѣйствіе Гакстгаузена нашему правительству въ дѣлахъ освобожденія крестьянъ, совершенно не оправдались: правда онъ подкрѣпилъ своимъ авторитетомъ мысль о вредѣ безземельнаго освобожденія, а также поддержалъ собранными фактами мнѣніе тѣхъ, которые, подобно Киселеву, стояли за сохраненіе общиннаго землевладѣнія: но уничтоженіе крѣпостнаго права онъ готовъ былъ отложить въ долгій ящикъ. Гораздо важнѣе и полезнѣе для правильнаго развитія крестьянскаго вопроса было то, что одинъ изъ членовъ кружка Бѣлинскаго, А. И. Герценъ, переселился въ 1847 г. заграницу [2]). Въ лицѣ его кружекъ получилъ возможность свободно высказать свой взглядъ на крестьянское дѣло, но объ этомъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

---

[1]) Сочиненія Герцена V, 242—221. Между тѣмъ какъ Герценъ рѣзко протестуетъ противъ мнѣній Гакстгаузена о крѣпостномъ правѣ, Тенгоборскій въ своемъ сочиненіи „Etudes sur les forces productives de la Russie“, вышедшемъ въ 1852 г. за границей съ посвященіемъ имп. Николаю, выражаетъ имъ полное сочувствіе (t. I, edit. 1854, p. 33*—339). Разборъ книги Тенгоборскаго см. въ статьѣ „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта“, „Современникъ“ 1858 г. т. 67.

[2]) Въ этомъ же году появилась за границей книга Н. И. Тургенева „La Russie et les russes“, гдѣ авторъ подробно останавливается на крестьянскомъ вопросѣ (см. ниже).

ГЛАВА XV.

Проекты уничтоженія крѣпостного права и отношеніе общества къ крестьянскому вопросу.

Въ предъидущихъ главахъ мы разсмотрѣли дѣятельность секретныхъ комитетовъ по крестьянскому вопросу въ царствованіе императора Николая, указали на значеніе мѣръ, принятыхъ по предложенію комитетовъ, и на отношеніе къ этимъ мѣрамъ общества и крестьянъ. затѣмъ разсмотрѣли крестьянскій вопросъ въ нашей художественной литературѣ и публицистикѣ. Кромѣ того, намъ приходилось уже не разъ касаться отношенія общества къ крестьянскому дѣлу но лишь въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ; такъ, мы подробно разсмотрѣли мнѣнія общества по поводу закона объ обязанныхъ крестьянахъ и познакомились съ попытками измѣненія быта крѣпостныхъ на основаніи указа 2 апрѣля 1842 года и съ вызванными имъ проектами; было указано также, насколько наше дворянство воспользовалось въ царствованіе императора Николая закономъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ для освобожденія своихъ крѣпостныхъ. Обращеніе императора Николая къ смоленскому дворянству дало поводъ разсмотрѣть мнѣнія нѣкоторыхъ его представителей относительно крестьянскаго дѣла: изложены были также проекты тульскихъ дворянъ, наконецъ, разобраны мнѣнія, высказанныя относительно эмансипаціи членами славянофильскаго кружка, которые всѣ были болѣе или менѣе крупными помѣщиками. и мнѣнія иностранца, внимательно ознакомившагося въ внутреннимъ бытомъ Россіи. Но, сверхъ всего этого, сохранился цѣлый рядъ проектовъ освобожденія крестьянъ, составленныхъ въ теченіе царствованія императора Николая, -проектовъ (большею частью неизданныхъ), которые или представлялись правительству. или ходили по рукамъ; въ нихъ также отражались взгляды того меньшинства русскаго общества, которое серьезно задумывалось надъ крестьянскимъ вопросомъ: разсмотрѣніемъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ мы, прежде всего, и займемся въ настоящей главѣ.

Во второй половинѣ XVIII вѣка, со времени секуляризаціи имѣній духовенства, наше дворянство нерѣдко обнаруживало желаніе тѣмъ или инымъ способомъ заполучить эти имѣнія въ свои руки: одни предлагали продать ихъ дворянамъ; другіе совѣтовали отдать этихъ, такъ называемыхъ, экономическихъ крестьянъ въ аренду; третьи мечтали о безвозмездной раздачѣ ихъ лицамъ такъ или иначе заслужившимъ награды со стороны правительства. Императрица Екатерина долго сопротивлялась всѣмъ этимъ настояніямъ, но подъ конецъ царствованія уже готова была уступить и незадолго до смерти обсуждала съ гр. Безбородко мысль о раздачѣ дворцовыхъ и экономическихъ деревень въ аренду заслуженнымъ дворянамъ, но смерть помѣшала ей привести это намѣреніе въ исполненіе. Въ царствованіе императора Павла было роздано путемъ пожалованія всего болѣе дворцовыхъ вотчинъ, изъ казенныхъ же и экономическихъ лишь незначительное количество. Въ царствованіе императора Александра пожалованіе населенныхъ имѣній было прекращено, но часть экономическихъ крестьянъ испытала гораздо болѣе ужасную участь, чѣмъ переходъ подъ власть помѣщиковъ, а именно была обращена въ военныхъ поселянъ. Тѣмъ не менѣе, оставалось еще не мало совершенно свободныхъ казенныхъ крестьянъ, и не только въ такихъ мѣстностяхъ, какъ архангельская и другія сѣверныя губерніи европейской и азіатской Россіи, куда помѣщики не особенно охотно протягивали свою руку, но и въ болѣе удобныхъ для веденія хозяйства областяхъ; понятно, что мысль объ обращеніи ихъ въ частную собственность не разъ высказывалась въ царствованіе императора Николая нѣкоторыми представителями нашего дворянства.

Однимъ изъ выраженій подобныхъ крѣпостническихъ стремленій, на этотъ разъ прикрытыхъ якобы либеральными цѣлями, является проектъ статсъ-секретаря Муравьева, составленный въ 1827 году. Для „улучшенія“ положенія крестьянъ казенныхъ и постепеннаго перехода помѣщичьихъ крестьянъ въ казенные Муравьевъ предлагалъ слѣдующее: жаловать заслуженнымъ чиновникамъ земли, населенныя казенными крестьянами, въ потомственное владѣніе, съ тѣмъ, чтобы они платили владѣльцу по рублю или сколько будетъ опредѣлено закономъ за покровительство, которое онъ будетъ имъ оказывать, но, въ то же время, продолжали, попрежнему, вносить въ казну подушную подать и оброчный сборъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуетъ указать количество земли, которое владѣлецъ долженъ отвести крестьянамъ; если же они будутъ недовольны этимъ надѣломъ, то предоставить имъ переселяться на другія казенныя или частныя земли. Чрезъ каждыя шесть лѣтъ владѣльцы обязаны возобновлять, съ утвержденія правительства, соглашеніе съ крестьянами о размѣрѣ позем.ельныхъ оброчныхъ денегъ, и, въ случаѣ увеличенія этого сбора, половина должна поступать въ казну, а другая въ пользу вла-

дѣльца. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Муравьевъ предлагалъ постановить, чтобы лица, которыя впредь пріобрѣтутъ дворянство службою, имѣли право владѣть деревнями съ правомъ собственности на одну землю, а не на крестьянъ, на нея поселенныхъ, которые должны быть свободны и пользоваться землею по добровольнымъ съ владѣльцами условіямъ. Муравьевъ выражалъ увѣренность, что съ установленіемъ новаго рода дворянъ прежніе, какъ получившіе за заслуги земли, такъ и издавна владѣющіе крестьянами, познакомятся съ иными, чѣмъ прежде, поземельными отношеніями, исподволь пріучатся къ владѣнію землями безъ крестьянъ и охотно, „за малую временную выгоду", сами дадутъ своимъ крѣпостнымъ свободу, съ сохраненіемъ права собственности на одну землю; а новые дворяне будутъ искать средствъ пріобрѣтать имѣнія прежнихъ дворянъ, хотя безъ права владѣнія крестьянами, и „такимъ легкимъ и непримѣтнымъ способомъ", по мнѣнію Муравьева, произойдетъ освобожденіе крестьянъ"[1]). Проектъ этотъ, по которому безземельное и, притомъ, крайне медленное и случайное освобожденіе крѣпостныхъ покупалось цѣною ухудшенія быта свободнаго населенія Россіи, не имѣлъ никакихъ послѣдствій, но нѣкоторыя изъ выраженныхъ въ немъ пожеланій вновь проявились въ концѣ царствованія императора Николая въ предположеніяхъ о такъ называемыхъ „феодальныхъ" имѣніяхъ, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Въ 1835 году чиновникъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Евгеній Пассекъ составилъ по порученію начальства записку „О средствахъ для нравственнаго присоединенія жителей западныхъ губерній къ отечеству". Здѣсь онъ, между прочимъ, касается вопроса объ уничтоженіи крѣпостнаго права въ Россіи вообще.

Авторъ говоритъ, что „освобожденіе крестьянъ отъ крѣпости вовсе политически невозможно, и стремленіе къ нему означаетъ глубокое невѣдѣніе настоящаго положенія государствъ. Потому что: 1) привычка — вторая природа.... а наибольшая часть помѣщиковъ до того привыкла къ крѣпостнымъ людямъ, что для нихъ невразумительна возможность владѣть съ пользою землею, имѣть добрую прислугу, когда не будетъ крѣпостныхъ людей. Конечно, это — слѣпое вѣрованіе въ старину, и положимъ, надъ нимъ можно смѣяться, можно объ немъ сожалѣть но въ государственномъ отношеніи имъ пренебрегать никакъ не должно 2) Крѣпостные крестьяне, по большей части, понятіе о волѣ соединяютъ съ обладаніемъ землею, на которой живутъ, и полагаютъ ту волю въ безнаказанности за лѣнь, пьянство, развратъ и самое буйство: слѣдовательно, прямое освобожденіе ихъ не только произведетъ самое гибельное вліяніе на ихъ нравственность, и такъ уже по многимъ причинамъ сильно потрясенную, но и не будетъ ли поводомъ къ буйному истребленію самого дворянства". 3) Личность и собственность казенныхъ крестьянъ „не совершенно обезпечены", „слѣдовательно, до улучшенія участи казенныхъ крестьянъ не будетъ ли несчастіемъ прямое освобожденіе для многихъ изъ крѣпостныхъ

---

[1]) „Девятнадцатый Вѣкъ", изд. Бартенева, т. II, 157—158.

крестьянъ, которые теперь нѣкоторымъ образомъ наслаждаются жизнію подъ эгидою и отеческимъ попеченіемъ своихъ помѣщиковъ. 1) Даже помѣщики, вышедшіе изъ слѣпаго вѣрованія въ необходимость крѣпостнаго состоянія для своихъ выгодъ, находятъ его нѣкоторымъ образомъ невыгоднымъ для себя по настоящему отношенію крѣпостныхъ людей къ ихъ владѣльцамъ, но полагаютъ его необходимымъ для государства, какъ средство, *во первыхъ*, сокращающее расходы на полицію, *во вторыхъ*, обезпечивающее быть самихъ крестьянъ, и *въ третьихъ*, постоянно готовое для отпора самому сильному непріятельскому вторженію, и они такъ убѣждены во всесторонности своихъ мнѣній.,, что невозможно оставить безъ вниманія и ихъ отвращенія отъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. 5) Только нѣкоторые помѣщики, толкуя между собою объ этомъ предметѣ, надѣются больше для себя извлечь выгодъ отъ освобожденія крестьянъ своихъ и всегда оканчиваютъ разговоръ свой увѣренностію, что никто лучше правительства не знаетъ, что, когда и какъ лучше сдѣлать, тѣмъ болѣе, что оно не только не запрещаетъ, но напротивъ, ободряетъ каждаго вѣрноподданнаго входить съ проектами которые, по его посильному разумѣнію, могутъ быть полезны имперіи. Только весьма немногіе изъ нихъ полагаютъ освобожденіе крѣпостныхъ людей, постепенно сдѣланное, какъ необходимость между прочимъ для предупрежденія государства отъ маѣйшихъ потрясеній, для лишенія умовъ крамольныхъ, если они когда нибудь, къ несчастію, будутъ проявляться, послѣдней надежды къ произведенію безпорядковъ. „Допустивъ даже изложенную необходимость", нужно думать, что, при даваніи крѣпостнымъ людямъ свободы, правительство „не упуститъ изъ вида священнаго сказанія объ освобожденіи евреевъ чрезъ Моисея, который 40 лѣтъ водилъ ихъ по пустынямъ, дабы истребить въ нихъ всѣ дурныя послѣдствія отъ затруднительнаго ихъ положенія въ Египтѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ очистить ихъ нравственность, пріучить ихъ къ труду, къ новому назначенію каждаго изъ нихъ въ обществѣ".

Затѣмъ Евг. Пассекъ предлагаетъ слѣдующее: 1) Соблюдать правило что „ни земля, ни люди не должны выбывать изъ владѣнія помѣщиковъ безъ полнаго вознагражденія за нихъ". 2) Предоставить помѣщикамъ заявить правительству, во что каждый изъ нихъ цѣнитъ угодье, заведенія, земли и людей, находящихся въ его владѣніи, для опредѣленія средней цѣны десятины земли и крѣпостной души въ каждомъ уѣздѣ. 3) Издать постановленія для крѣпостныхъ крестьянъ, гдѣ бы ли бы просто и ясно изложены ихъ права и обязанности. 4) Обезпечить собственность крѣпостныхъ людей. 5) „Точнѣе опредѣлить отношеніе между помѣщиками и ихъ крестьянами, а въ особенности мѣру земли для собственнаго хозяйства каждой души.... качество, количество и время работъ, въ томъ числѣ и дворовой, мѣру оброка, сдачу въ солдаты и прочее, и наконецъ" дать крестьянамъ средство, дабы они могли по закону для промысловъ на продолжительное время отлучаться изъ владѣльческихъ имѣній, если кто изъ нихъ внесетъ въ присутственное мѣсто, которое назначено будетъ, опредѣленную сумму денегъ для вознагражденія помѣщика на уплату подати и содержаніе своихъ семействъ, тѣмъ болѣе что мѣра вознагражденія помѣщика можетъ быть основана на собственной его оцѣнкѣ каждой души, а содержаніе семействъ, вмѣсто взноса

денегъ, можетъ быть обезпечено и однимъ круговымъ ручательствомъ; тоже можно сказать и о рекрутской повинности. Продажу же крестьянъ вообще дозволить только селеніями съ землею, а безъ земли *цѣлыми* семействами можетъ быть допущена продажа единственно для переселенія ихъ въ западныя губерніи".

Когда вслѣдствіе этихъ мѣръ нравственность крѣпостныхъ людей улучшится, помѣщики должны будутъ „безъ непріятности встрѣтить слѣдующія мѣры: 1) дозволеніе крѣпостнымъ крестьянамъ вносить для выдачи ихъ помѣщикамъ деньги за себя, за свои семейства и своихъ родственниковъ въ губернскія правленія, которыя будутъ обязаны немедленно выдавать имъ виды для перечисленія изъ владѣльческихъ селеній въ другія общества; цѣна за каждую душу должна быть вдвое болѣе объявленной помѣщикомъ правительству; 2) дозволеніе крѣпостнымъ такимъ же образомъ вносить деньги за часть помѣщичьей земли, соразмѣрную „отношенію между всѣми крестьянами даннаго селенія къ землѣ, принадлежащей къ нему". Цѣна земли должна быть также вдвое болѣе объявленной заранѣе помѣщикомъ.

Такимъ образомъ, говоритъ въ заключеніе авторъ, „крѣпостное состояніе можетъ мало-по-малу уничтожиться само собою безъ нанесенія непредвидимыхъ убытковъ помѣщикамъ".

Въ этомъ проектѣ были полезны для крестьянъ предложенія обезпечить собственность крѣпостныхъ, опредѣлить повинности крестьянъ и запретить продажу крестьянъ безъ земли (хотя въ послѣднемъ правилѣ авторъ допускаетъ важное исключеніе); что же касается условій выкупа на свободу, то они были до такой степени тяжелы, что едва ли ими часто могли воспользоваться крѣпостные [1])

Цѣлый рядъ проектовъ измѣненія быта крѣпостныхъ крестьянъ былъ доставленъ ихъ авторами въ министерство государственныхъ имуществъ, такъ какъ всѣмъ былъ извѣстенъ либеральный образъ мыслей гр. Киселева въ крестьянскомъ дѣлѣ; съ одними изъ нихъ мы уже познакомились, о другихъ будетъ рѣчь впереди. Но нѣкоторые проекты, какъ до учрежденія министерства государственныхъ имуществъ, такъ и позднѣе, присылались въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ 1836 году титулярный совѣтникъ баронъ Боде представилъ министру внутреннихъ дѣлъ проектъ „освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостнаго ихъ состоянія, способствующій уплатѣ дворянскихъ долговъ", содержаніе котораго намъ неизвѣстно. Не получая никакого отвѣта и „не видя никакихъ дѣйствій со стороны правительства по этой части", онъ рѣшилъ, что проектъ его признанъ неудобнымъ, а потому въ 1841 году прислалъ въ это же министерство новый, „клонящійся къ тои же цѣли".

---

[1]) Рукоп. Румянцевскаго Музея № 2,637, л. 280—302.

Въ своемъ проектѣ (неизданномъ) баронъ Боде, прежде всего, старается доказать, будто бы положеніе помѣщичьихъ крестьянъ лучше, чѣмъ крестьянъ казенныхъ, но, къ его прискорбію, „злоупотребленіе власти небольшаго числа помѣщиковъ въ отношеніи къ ихъ крестьянамъ возбудило... во многихъ чувствительныхъ душахъ (которыя смѣшиваютъ „законное крѣпостное положеніе" крестьянъ „съ невольничествомъ языческихъ странъ") желаніе уничтожить крѣпостное право по примѣру Западной Европы". Кромѣ того, стремленіе къ свободѣ замѣтно и между самими крестьянами, „которые много наслышались насчетъ быта иностранныхъ крестьянъ отъ своихъ родныхъ", исходившихъ „большую часть Европы въ разныхъ заграничныхъ походахъ". Однимъ словомъ, баронъ Боде предвидитъ, что „злой духъ времени, сильно подстрекаемый постоянными.. неурожаями, поведетъ насъ неминуемо къ развязкѣ, къ которой уже давно стремится ложная философія". Поэтому онъ находитъ, что будетъ благоразумнѣе принять мѣры для постепеннаго освобожденія крестьянъ. Съ этою цѣлью онъ предлагаетъ два средства: увольненіе крестьянъ на волю семействами съ землею по обоюдному добровольному соглашенію и покупку помѣщичьихъ имѣній въ казну. Въ первомъ случаѣ авторъ предлагаетъ, чтобы на каждое семейство отводилось не менѣе десяти десятинъ земли, которыя отмежевываются особымъ участкомъ. Откупающійся на волю уплачиваетъ помѣщику условленную сумму или тотчасъ, или постепенно, „на банковомъ правѣ, т.-е. уплачиваетъ ежегодно проценты и часть капитала". Выкупающійся получаетъ названіе „сельскаго гражданина", отбываетъ наравнѣ съ другими крестьянами государственныя повинности, но можетъ съ согласія помѣщика нанять за себя рекрута или купить рекрутскую квитанцію, и, наконецъ, не можетъ быть подвергнутъ, по волѣ помѣщика, тѣлесному наказанію. Нужно замѣтить, что освобожденіе крестьянъ семействами съ землею дозволялось и закономъ 1803 г. о вольныхъ хлѣбопашцахъ, который также допускалъ разсрочку платы за освобожденіе, и потому въ новомъ постановленіи относительно этого не было нужды. Другое средство освобожденія крестьянъ состояло, по проекту барона Боде, въ постепенномъ пріобрѣтеніи имѣній въ казну съ дозволеніемъ помѣщику оставить въ своей собственности усадьбы и извѣстное количество земли; при оцѣнкѣ имѣнія онъ предлагалъ руководствоваться размѣромъ оброка, полученнаго помѣщикомъ съ крестьянъ. По мнѣнію автора, пріобрѣтеніе помѣщичьихъ имѣній едва ли будетъ затруднительно, такъ какъ большая часть ихъ заложена въ кредитныхъ учрежденіяхъ. За имѣнія незаложенныя авторъ предлагаетъ выдавать половину стоимости наличными деньгами, а на остальную сумму выдавать облигаціи съ уплатою въ тридцать четыре года; если же на имѣніи есть долгъ, то онъ вычитается изъ первой половины, т. е. выдаваемыхъ наличныхъ

денегъ. При поступленіи въ казну оброчные крестьяне продолжаютъ платить прежній оброкъ, а барщинные переводятся на оброкъ уравнительно съ сосѣдними оброчными имѣніями. При этомъ для усовершенствованія земледѣлія авторъ предлагаетъ уничтожить общинное землевладѣніе и насильственно ввести подворное. Министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Строгановъ, приказалъ оставить этотъ проектъ безъ послѣдствій [1]).

Указъ 2 апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ возбудилъ въ обществѣ немало толковъ о крестьянскомъ вопросѣ; непосредственные результаты этого указа были разсмотрѣны уже нами въ третьей главѣ, но, кромѣ разобранныхъ тамъ записокъ и проектовъ, слѣдуетъ упомянуть еще о нѣкоторыхъ мнѣніяхъ по крестьянскому дѣлу, заявленныхъ въ это время. Такъ, кн. Александръ Николаевичъ Голицынъ прислалъ гр. Киселеву записку о выкупѣ крѣпостныхъ крестьянъ, подробности которой намъ неизвѣстны. Киселевъ отвѣчалъ ей автору въ октябрѣ 1842 г., что подобные же проекты „были неоднократно повторяемы и прежде, но всѣ они имѣютъ то общее неудобство въ исполненіи, что не указываютъ на источники, откуда могутъ быть заимствованы огромныя суммы, которыя потребовались бы на приведеніе такихъ выкуповъ въ дѣйствіе. Независимо отъ сего, настоящій проектъ невозможенъ къ исполненію и потому, что въ немъ предполагается отчужденіе поземельной собственности изъ владѣній помѣщиковъ, тогда какъ главное основаніе высочайшаго указа 1842 г. апрѣля 2 состоитъ въ томъ, чтобы принадлежащія помѣщикамъ земли, какъ вотчинная собственность дворянства, были охранены отъ отчужденія изъ владѣнія дворянскихъ родовъ“ [2]).

Постепенно выкупить помѣщичьи имѣнія въ казну предлагалъ и нѣкій статскій совѣтникъ Ник. Иван. Кривцовъ. Онъ записалъ свои „мысли объ эмансипаціи крестьянъ“ 5 февраля 1842 г., слѣдовательно, незадолго до изданія закона объ обязанныхъ крестьянахъ, но, вѣроятно, подъ вліяніемъ слуховъ объ обсужденіи въ правительственныхъ сферахъ новыхъ важныхъ мѣръ по крестьянскому вопросу. Произведеніе Кривцова ходило по рукамъ, и такъ какъ оно не было напечатано и, притомъ, весьма не велико, то мы приводимъ изъ него бо́льшую часть.

„Рабство, существующее въ Россіи съ XVI столѣтія подъ именемъ крѣпостнаго состоянія, — говоритъ Кривцовъ, — не можетъ всегда оставаться въ настоящемъ положеніи. Оно должно измѣниться, но какъ и когда? Вопросъ относится лишь къ тому, чтобы произвесть это съ наименьшимъ потрясеніемъ общественнаго порядка и съ должнымъ охраненіемъ правъ настоящихъ владѣльцевъ. Вѣрнѣйшій и едва ли не единственный способъ къ достиженію двоякой цѣли—эмансипаціи крестьянъ безъ потрясенія общественнаго порядка—есть *выкупъ* исподволь

---

[1]) Принадлежащая мнѣ копія съ проекта барона Воде.

[2]) Арх. Мин. Гос. Им., дѣло V Отд. Соб. Е. В. Канц., № 190, ч. III, л. 21.

имѣній и кредитомъ существующихъ *кредитныхъ установленій* нарочно для этого усиленными капиталами чрезвычайныхъ займовъ или выпускомъ ассигнацій... На вопросъ: гдѣ взять денегъ на выкупъ предназначаемой мною цѣны 500 руб. ассиг. за душу, - отвѣтъ находится въ существованіи кредитныхъ установленій, которыя, начавъ ссуду съ 50 р. ассиг., впослѣдствіи увеличили плату почти до 300 р. ассиг. Само собою разумѣется, что дѣйствіе посредствомъ выкупа будетъ происходить медленно, но этимъ способомъ растворится дверь къ эмансипаціи, которая совершится своевременно... Слова: освобожденіе и вольность не будутъ провозглашены набатомъ и не станутъ волновать умы, еще недоступные къ понятію истиннаго ихъ значенія, а, между тѣмъ, цѣль будетъ достигнута на основаніи уже существующихъ узаконеній... И узы милліоновъ рабовъ расторгнутся непремѣнно. Эмансипація должна быть полная, и не должно допускать никакого ограниченія въ личной свободѣ, подъ опасеніемъ вмѣсто пользы учинить вящій вредъ. Но вотъ вопросъ: какъ управиться съ крестьянами, неограниченно эмансипированными? Вѣроятно, они будутъ сначала уклоняться отъ работъ, даже по найму, и не скоро образумятся, не скоро постигнутъ необходимость возвратиться по старой колеѣ къ новому направленію? Какъ управиться съ классомъ народа, привыкшимъ къ непосредственному надзору помѣщиковъ, не приготовленнымъ ни къ самостоятельности, ни къ предусмотрительности въ своихъ дѣйствіяхъ? Гдѣ тѣ люди, которымъ было бы можно поручить надзоръ и управленіе надъ половиной имперіи, которые могли бы замѣнить помѣщиковъ, этихъ, такъ сказать, домашнихъ полицеймейстеровъ правительства? Съ одной стороны, мы видимъ управляющихъ палатами государственныхъ имуществъ и окружныхъ, а съ другой - земскихъ становыхъ, приставовъ завѣдывающихъ уѣздною полиціей, и что же? Сердце замираетъ, подумавъ, что въ ихъ руки попадутся и наши бѣдные крестьяне, суевѣрные, беззащитные въ своемъ невѣжествѣ, равно не постигающіе и ужасовъ рабства, и благодати свободы! Знаю, что мнѣ укажутъ на нѣкоторыхъ извергов-помѣщиковъ, но число таковыхъ умепьшается, очевидно, и духомъ времени, и наблюденіемъ правительства... Удобна ли къ эмансипаціи народа настоящая минута? Конечно, нѣтъ. Затруднительное положеніе государства отъ болѣзней и продолжительныхъ неурожаевъ, шаткость вообще торговли и промышленности въ Европѣ и, наконецъ, дихорадочное ея состояніе въ политическомъ отношеніи требуютъ, кажется, отсрочки до нѣкотораго успокоенія умовъ. Я говорю это по чувству глубокаго убѣжденія, по долгу вѣрноподданнаго, не останавливаясь даже и тѣмъ, что его императорское величество, по любви къ отечеству, желалъ бы неотлагательно преобразовать противоестественный порядокъ, существующій въ его имперіи, несообразный ни съ ученіемъ христіанскимъ, ни съ степенью просвѣщенія Европы, и упрочить отцовское наслѣдіе своимъ потомкамъ на основаніи, болѣе соотвѣтствующемъ потребностямъ грядущихъ поколѣній. Но въ этомъ случаѣ воля русскаго монарха должна покориться общимъ судьбамъ человѣчества« [1]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что хотя въ началѣ своей записки Кривцовъ настаиваетъ на необходимости освобожденія крестьянъ, но, въ концѣ-концовъ, онъ доказываетъ невозможность эмансипаціи въ данное время.

Такъ какъ въ обществѣ ходили слухи о желаніи правительства уничтожить крѣпостное право, то отъ времени до времени появлялись такіе

[1]) Рук. Московскаго Румянцовскаго музея, № 1035.

проекты, въ которыхъ подъ либеральными фразами скрывались иногда крайне вредныя для крестьянъ предложенія, какъ это мы уже и видѣли въ запискѣ статсъ-секретаря Муравьева. Къ числу подобныхъ проектовъ принадлежитъ также весьма оригинальная записка М. Рибопьера (неизданная) объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ при помощи рекрутскихъ наборовъ. Автору ея случилось словесно изложить свои мысли императору Николаю (повидимому, въ 1847 г.), и государь сказалъ ему: „Ne pourriez vous pas jeter vos idées sur le papier?“ Онъ поспѣшилъ исполнить это желаніе и изъявилъ готовность отвѣчать на всѣ возраженія, какія можетъ вызвать его проектъ. „Ежегодные рекрутскіе наборы и, съ другой стороны, ежегодно умножающееся число безсрочныхъ отпусковъ и чистыхъ отставокъ, — говоритъ Рибопьеръ, — даютъ поводъ предполагать, что правительство имѣетъ въ виду приготовить запасную, такъ сказать, армію, не требующую расходовъ на содержаніе оной, и *посредствомъ частыхъ рекрутскихъ наборовъ основать постепенный переходъ изъ крѣпостнаго состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ состояніе свободное*“. Очевидно, скорбя о томъ, что военная служба освобождаетъ крестьянина навсегда отъ власти помѣщика, но, прикрываясь сочувствіемъ къ печальному положенію отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ солдатъ, авторъ говоритъ: „Безсрочно-отпускной, принужденный изыскивать себѣ пропитаніе на удачу, *не признаетъ надъ собою никакой власти помѣщика*, у котораго онъ живетъ, не пользуется его попеченіемъ и, при всей своей независимости, испытываетъ всю крайность нужды“. Имѣя въ виду двѣ цѣли, — улучшить, съ своей точки зрѣнія, бытъ отставныхъ солдатъ, а съ другой стороны постепенно измѣнить положеніе всѣхъ крѣпостныхъ, — авторъ предлагаетъ принять слѣдующія мѣры. На первый случай нужно избрать, въ видѣ опыта, двѣ или три губерніи и пригласить тамъ помѣщиковъ сдѣлать заявленіе, желаютъ ли они принять къ себѣ обратно отставныхъ солдатъ изъ бывшихъ ихъ крѣпостныхъ. Изъявившіе на то согласіе обязаны имѣть въ готовности полный крестьянскій дворъ съ опредѣленнымъ количествомъ земли, необходимымъ скотомъ и земледѣльческими орудіями и затѣмъ не только не противиться свадьбѣ отставнаго солдата съ крѣпостною дѣвушкою, но даже способствовать этому. Хотя солдатъ, поселившійся въ помѣщичьемъ имѣніи, „останется вольнымъ“, но авторъ предлагаетъ назвать его „казеннымъ поселенцемъ и фермаромъ (fermier), дабы слово вольный, столь превратно толкуемое, не бродило въ умахъ“. Дѣти такого „фермара“ и все его потомство навсегда освобождаются отъ крѣпостнаго состоянія: въ казну онъ платитъ подушную подать наравнѣ съ крестьянами, что же касается его отношеній къ помѣщику, то онъ „вступаетъ на правѣ наемщика во временное владѣніе двора и земли, ему предназначенныхъ, на условіяхъ, принятыхъ въ томъ мѣстѣ крѣпостными крестьянами, съ тѣмъ преимуществомъ, что, согласясь платить оброкъ,

онъ не будетъ употребляемъ на работы, или, согласясь на работы, не обязанъ платить оброка“ [1]). Такимъ образомъ, авторъ не предлагаетъ регулировать закономъ отношенія между фермеромъ и помѣщикомъ; на первое время этотъ „казенный поселенецъ“ не пользуется даже правомъ вступать съ землевладѣльцемъ въ свободный договоръ, а долженъ принять существующія въ данной мѣстности условія, имѣя возможность выбирать только между барщиной и оброкомъ. Лишь черезъ пять лѣтъ послѣ своего поселенія фермеръ возобновляетъ условія по свободному договору съ помѣщикомъ или переходитъ въ томъ же уѣздѣ къ другому землевладѣльцу. Если фермеръ не выполняетъ принятыхъ на себя условій, то помѣщикъ въ правѣ „отказать ему отъ двора“, впрочемъ, заблаговременно, „не менѣе какъ за годъ до назначеннаго выхода“. Въ теченіе этого срока фермеръ обязанъ оставить селеніе, возвративъ все, что онъ получилъ въ наемъ, а нажитое имъ самимъ онъ сохраняетъ въ свою пользу.

Такъ какъ и прежде крѣпостные, взятые въ солдаты, дѣлались людьми свободными, то является вопросъ: чѣмъ же осуществленіе проекта Рибопьера, при всей его выгодности для помѣщиковъ, содѣйствовалъ бы эмансипаціи крестьянъ? Предвидя это возраженіе, авторъ предлагаетъ усилить рекрутскіе наборы, а именно брать ежегодно по 80—100 тысячъ рекрутъ и, при томъ, нѣсколько лѣтъ сряду производить наборы въ однихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, не касаясь казенныхъ или удѣльныхъ волостей, и сократить срокъ службы до восьми лѣтъ. Если опытъ увѣнчается успѣхомъ въ двухъ или трехъ губерніяхъ, то можно будетъ распространить его и на всѣ остальныя.

Авторъ высказываетъ увѣренность, что осуществленіе предложеннаго имъ проекта будетъ сопровождаться превосходными результатами. Хотя, такимъ образомъ, обращеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ свободное состояніе произойдетъ и не скоро, но за то совершится „безъ опасныхъ возмущеній; оно останется въ рукахъ правительства, которое, соображаясь съ обстоятельствами, всегда будетъ имѣть возможность.... то усиливать, то сокращать рекрутскіе наборы и отставки отъ службы. Умы постепенно привыкнутъ къ столь важной перемѣнѣ,... помѣщикъ же спокойно приготовится или къ невозвратимой утратѣ бывшихъ своихъ поселянъ, или на сохраненіе (sic) ихъ въ званіи и съ правомъ фермеровъ. *Земля укрѣпится болѣе и болѣе за помѣщиками и тѣмъ исчезнетъ въ мысляхъ поселянъ вредное понятіе, будто бы земля ихъ, а не господское достояніе*“. Такимъ образомъ, освобожденіе крѣпостныхъ совершится постепенно, нечувствительно, безъ потрясенія и безъ убытковъ для помѣщиковъ. Но авторъ не удовлетворяется тѣмъ, что при осуществленіи его проекта владѣльцы населенныхъ имѣній сохранятъ въ своей власти всѣ земли и, слѣдовательно, будутъ дер-

[1]) Фермеръ не подвергается никакому взысканію безъ приговора земскаго суда

жать фермеровъ въ полной экономической зависимости. „Для возможнаго ускоренія благонадежной мѣры“ онъ предлагаетъ еще правительству согласиться на нѣкоторыя пожертвованія, напримѣръ, принять на себя часть „банковаго и ломбарднаго долга“, лежащаго на заложенныхъ въ этихъ учрежденіяхъ имѣніяхъ, именно ту часть, сколько можно отнести „собственно на заложенныя души, не касаясь строеній и земли. Уплату сію правительство могло бы принять съ тѣмъ, чтобы люди поступали немедленно“ (т. е. безъ сдачи въ солдаты?) „въ состояніе поселенцевъ или фермеровъ, а земли оставались во владѣніи помѣщиковъ“ [1]).

Дальнѣйшихъ комментаріевъ этотъ проектъ не требуетъ и можно, разумѣется, только порадоваться, что онъ былъ сданъ въ архивъ безъ всякихъ послѣдствій; государь передалъ записку Рибопьера на разсмотрѣніе гр. Киселева, а тотъ, разумѣется, могъ найти ее только вредною для интересовъ народа: мы уже знаемъ, что Киселевъ былъ усердный противникъ безземельнаго освобожденія крестьянъ, а въ данномъ случаѣ такое освобожденіе предлагалось купить еще цѣною восьмилѣтней солдатчины.

Но рядомъ съ предположеніями о безземельномъ освобожденіи уже въ эти годы составлялись проекты выкупа крестьянъ цѣлыми вотчинами съ землею при содѣйствіи правительства. Мы видѣли примѣры этого въ предъидущихъ главахъ; къ числу ихъ принадлежитъ и проектъ, составленный А. Желтухинымъ въ февралѣ 1847 года. Авторъ [2]) считаетъ крѣпостное состояніе „главнымъ, можетъ быть единственнымъ... препятствіемъ... развитію Россіи“ и особенно пагубное вліяніе его видитъ въ упадкѣ сельскаго хозяйства. Онъ не особенно рѣшительно отвергаетъ личное, безземельное освобожденіе крестьянъ, полагая, что многія изъ дурныхъ его сторонъ можно устранить благоразумными законодательными и административными мѣрами [3]); онъ утверждаетъ, что „крестьяне съ радостью, помѣщики безъ неудовольствія приняли бы эту мѣру; многіе изъ послѣднихъ не пожелали бы даже никакого вознагражденія за владѣніе крестьянами“; но, въ то же время, не можетъ отрицать, что эта мѣра создала бы 22 милліона пролетаріевъ и могла бы вызвать довольно сильное передвиженіе крестьянъ съ мѣста на мѣсто, затрудненія во взиманіи податей и, наконецъ, *пауперизмъ*. „Естественно, прибавляетъ авторъ, — что такая мѣра не должна быть

---

[1]) Арх. Мин. Госуд. Имущ., дѣло V Отдѣл. Соб. Его Велич. Канц., № 199, г. III л. 248—255.

[2]) Позднѣе онъ былъ издателемъ въ 1858—59 годахъ „Журнала для земледѣльцевъ“ и членомъ редакціонныхъ коммиссій.

[3]) Напримѣръ, опредѣленіемъ срока, когда освобожденные крестьяне должны заключать контракты съ помѣщикомъ, ограниченіемъ числа случаевъ, въ которыхъ помѣщики имѣютъ право до истеченія срока контрактовъ отказывать крестьянамъ въ пользованіи землею, переложеніемъ податей съ души на землю и проч.

угодна правительству". Переводъ крестьянъ въ обязанные авторъ считаетъ также неудобнымъ, такъ какъ при этомъ происходитъ неполное освобожденіе: „крестьяне поступятъ въ завѣдываніе казенныхъ чиновниковъ и, въ то же время, останутся зависимыми отъ помѣщика". Собственный планъ Желтухина состоитъ въ слѣдующемъ. Всѣ займы, сдѣланные, въ кредитныхъ установленіяхъ подъ залогъ помѣщичьихъ имѣній, пересрочиваются на 37 лѣтъ, а незаложенныя имѣнія подвергаются залогу [1]). Помѣщикъ дастъ на каждое крестьянское тягло такое количество удобной земли, которое, будучи оцѣнено по арендным цѣнамъ на землю, дало бы возможность этому тяглу ежегодно уплачивать въ кредитное установленіе сумму, приходящуюся, по разсчету займа, на его часть. Слѣдовательно, авторъ имѣетъ въ виду небольшіе надѣлы, обезпечивающіе лишь уплату процентовъ, а для собственнаго пропитанія крестьяне должны были бы нанимать землю у помѣщиковъ. За полученную землю крестьяне обязываются вносить ежегодно 6 % со всей суммы займа: въ первые три года помѣщику, а въ остальныя 37 лѣтъ въ кредитное учрежденіе. Какъ скоро крестьяне внесутъ проценты въ пользу землевладѣльца (а они могутъ уплатить ихъ и разомъ за всѣ три года), они дѣлаются совершенно независимыми отъ помѣщика и переходятъ въ вѣдомство казны: это необходимо, по мнѣнію автора, для того, чтобы „разорвать всѣ тѣ quasi-патріархальныя связи, какія теперь существуютъ между крестьяниномъ и помѣщикомъ и которыя только развращаютъ и того, и другаго" [2]). Такъ какъ крестьяне будутъ нуждаться въ помѣщичьей землѣ, то является опасеніе, чтобы помѣщикъ не предъявилъ слишкомъ тяжелыхъ условій, но авторъ считаетъ его неосновательнымъ, потому что 1) крестьяне имѣютъ хотя небольшой, но неотъемлемый участокъ земли (это вовсе не помогаетъ имъ въ первыя 40 лѣтъ, когда весь доходъ съ этого участка идетъ на уплату процентовъ); 2) могутъ нанимать землю у кого хотятъ, и 3) между русскими помѣщиками не можетъ быть никакой стачки (?), такъ какъ они „не составляютъ ка-

[1]) На возраженіе, что у правительства не хватитъ на это денегъ, авторъ отвѣчаетъ, что незаложенныхъ имѣній менѣе, чѣмъ заложенныхъ; выдачу денегъ можно распредѣлить по губерніямъ на нѣсколько сроковъ, многіе помѣщики согласятся вмѣсто денегъ взять процентныя облигаціи: правительство можетъ совершить заемъ за проценты меньше тѣхъ, какіе само будетъ получать, можно дозволить учрежденіе частныхъ банковъ и, наконецъ, денегъ потребуется менѣе еще и потому, что многіе крестьяне внесутъ за себя выкупъ.

[2]) Вмѣстѣ съ тѣмъ, „крестьянамъ каждому лично, предоставляются слѣдующія права: 1) пріобрѣтать движимое и недвижимое имущество на свое имя; 2) переходить въ другія сословія или на другія земли, для чего предварительно слѣдуетъ заплатить за себя сумму, въ которой заложенъ, очистить за одинъ годъ платежъ государственныхъ податей и всѣхъ повинностей и нѣкоторыя другія условія, и 3) по уплатѣ всего долга въ кредитное установленіе располагать всею землею, полученной отъ помѣщика, какъ своею неотъемлемою собственностью.

сты ни въ губерніи, ни даже въ цѣломъ государствѣ". Подушный окладъ до введенія поземельной подати и земскія повинности несутъ помѣщики и крестьяне пропорціонально количеству удобной земли, находящейся въ ихъ владѣніи.

Главный недостатокъ проекта состоитъ въ томъ, что авторъ его, очевидно, предполагаетъ надѣлить крестьянъ весьма недостаточнымъ количествомъ земли. Онъ не скрываетъ всей выгодности его проекта для владѣльцевъ населенныхъ имѣній [1]), но ему кажется, что предложенныя имъ мѣры весьма благопріятны и для крѣпостныхъ: „крестьянинъ перестаетъ быть вещью: онъ пріобрѣтаетъ права, которыя возводятъ его на степень гражданина: онъ не пролетарій: за опредѣленный ежегодный взносъ умѣренной суммы въ продолженіе 40 лѣтъ онъ получаетъ въ вѣчную собственность участокъ земли, хотя небольшой, но ставящій его внѣ всякой зависимости (?) отъ теперешняго владѣльца, и этотъ срокъ платежа онъ можетъ сократить, внеся за себя опредѣленный выкупъ" [2]). Каковы бы ни были, однако, недостатки этого проекта, немалое значеніе имѣетъ уже то, что въ основаніе его положена мысль о выкупѣ крестьянъ съ землею посредствомъ выкупной операціи при содѣйствіи правительства.

Законъ объ обязанныхъ крестьянахъ вызвалъ не только нѣсколько частныхъ договоровъ между помѣщиками и ихъ крѣпостными (о нихъ см. гл. III), но также и попытки со стороны нѣкоторыхъ дворянъ обобщить предлагаемыя ими условія до значенія проекта уничтоженія крѣпостнаго права во всей Россіи. Такой смыслъ желалъ придать своимъ предположеніямъ кн. Леонидъ Голицынъ, но такъ какъ они были невыгодными для крестьянъ, то и не встрѣтили сочувствія со стороны правительства. Въ 1847 г. кн. Л. Голицынъ представилъ императору Николаю проектъ условія съ крестьянами [3]); вскорѣ послѣ того министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣчалъ ему, что предполагаемый имъ надѣлъ по 2 десятины пахотной земли на ревизскую душу такъ недостаточенъ, что крестьяне не могутъ

---

[1]) „Помѣщикъ, говоритъ онъ,— перестаетъ быть дядькою крестьянина, за уступку небольшой части своей земли онъ слагаетъ съ себя долгъ опекунскаго совѣта или приказа общественнаго призрѣнія: крестьянинъ не можетъ довольствоваться тою землей, какая укрѣплена за нимъ въ первыя 40 лѣтъ, а потомъ не захочетъ покинуть этой земли; слѣдовательно, помѣщикъ обезпеченъ и въ отдачѣ въ наемъ земли своей, и въ наймѣ рабочихъ". Авторъ не говоритъ о лишеніи землевладѣльцевъ права на трудъ крестьянъ, такъ какъ, по его мнѣнію, это лишеніе „въ мѣстностяхъ черноземныхъ и населенныхъ только воображаемое: въ сущности, и теперь помѣщикъ ничего не получаетъ отъ крестьянъ даромъ; за землю или за деньги онъ и тогда будетъ получать то же самое".

[2]) „Журналъ Землевладѣльцевъ" 1859 г., № 24, Приложеніе № 6, стр. 1—8.

[3]) Какъ разъ въ это время происходило волненіе въ его рязанской вотчинѣ, которое будетъ описано нами ниже, въ главѣ XIX.

ею даже прокормиться, и вообще нашелъ, что въ этомъ условіи соблюдены выгоды только помѣщика [1]).

По проекту кн. Л. Голицына помѣщики обязываются выдѣлять своимъ крестьянамъ по 2 дес. пахотной земли на ревизскую душу, и сверхъ того, отдать имъ всю землю подъ строеніемъ, огородами и выгономъ [2]). Все это помѣщики уступаютъ крестьянамъ въ вѣчное и потомственное владѣніе, а они за землю и за всѣ права помѣщика на послуги и поборы должны внести выкупъ деньгами, принимая въ разсчетъ одну пахотную землю по разнымъ цѣнамъ въ различныхъ губерніяхъ. Относительно размѣра вознагражденія за землю авторъ дѣлитъ губерніи на три разряда: 1) пахотныя, 2) промышленныя и 3) мѣста на сто верстъ кругомъ Петербурга и Москвы; въ первыхъ онъ назначаетъ выкупъ въ 100 рублей за десятину [3]), во вторыхъ 125 руб., въ третьихъ 200 руб. и, притомъ, въ мѣстностяхъ третьяго разряда размѣръ надѣла пахотной земли на душу назначается по 1½, а не по 2 десятины. Взносъ денегъ слѣдуетъ произвести въ теченіе 47 лѣтъ въ особый, съ этою цѣлью учрежденный банкъ, который въ день заключенія условія выдаетъ помѣщикамъ облигаціи на всю сумму, но плата крестьянъ не должна превышать 5% на этотъ капиталъ съ погашеніемъ, и каждый крестьянинъ долженъ имѣть право внести всю причитающуюся съ него сумму и прежде 47 лѣтъ. Со дня заключенія условія крестьяне должны называться обязанными, и они получаютъ право покупать на свое имя земли въ полную личную собственность, земля же, полученная отъ помѣщика, должна оставаться „общественною" и служить обезпеченіемъ исправнаго отбыванія повинностей. Если имѣніе заложено въ кредитныхъ установленіяхъ, то при выдачѣ облигацій (дающихъ 4%) будетъ вычитаться весь числящійся на немъ долгъ. Не излагая подробно

---

[1]) Препровождая послѣ этого свой проектъ къ гр. Киселеву, чтобы выслушать его мнѣніе, кн. Л. Голицынъ въ объяснительной запискѣ говоритъ по поводу отзыва министра внутреннихъ дѣлъ. „Представляя проектъ условія Государю Императору хотя частнымъ предложеніемъ, но я всегда имѣлъ въ виду общую мѣру и, при опредѣленіи нормы надѣла земли, я соображался болѣе съ общею возможностью помѣщиковъ, ибо то количество земли, коимъ я въ состояніи надѣлить своихъ крестьянъ, многіе того не могутъ... Что касается... замѣчанія, что двухъ десят. пахотной земли на душу недостаточно для ихъ прокормленія, — смѣю спросить, какъ живутъ и платятъ оброки тѣ крестьяне, гдѣ у владѣльцевъ всей земли удобной и неудобной не болѣе двухъ десятинъ на душу, и такіе примѣры нерѣдки въ московской, владимірской и ярославской губерніяхъ". На обвиненіе, что онъ дорого оцѣнилъ землю, кн. Голицынъ отвѣчаетъ, что онъ „цѣнилъ не одну землю, но назначалъ вмѣстѣ выкупъ всѣхъ правъ на поборы и послуги, коихъ законность освятили время и обычай".

[2]) На поляхъ проекта мы находимъ слѣдующее замѣчаніе, сдѣланное, очевидно, въ министерствѣ государственныхъ имуществъ: „нужно бы вмѣсто 2 дес. дать 3 дес."

[3]) Вонлярлярскій въ своемъ проектѣ 1848 г. оцѣниваетъ десятину земли въ смоленской губерніи въ 40 р. (См. т. VI).

денежныхъ разсчетовъ автора, приведемъ только его выводъ, что въ первыя десять лѣтъ, по его проекту, крестьянамъ придется платить въ разныхъ мѣстностяхъ за душевой надѣлъ отъ 4 до 6 руб., во второе десятилѣтіе 6—9 р., а въ остальные годы до окончанія выкупа 8—12 р. По мнѣнію автора, такія ежегодныя уплаты не обременительны, такъ какъ онѣ „почти ниже (sic) всѣхъ арендныхъ цѣнъ, нынѣ существующихъ повсемѣстно". Чтобы побудить крестьянъ къ исправному взносу повинностей, авторъ считаетъ необходимымъ поручить управленіе ими помѣщикамъ, власть которыхъ слѣдуетъ „не потрясать... но еще усилить довѣріемъ правительства": помѣщики должны завести въ своихъ имѣніяхъ сельскія расправы подъ ихъ собственнымъ предсѣдательствомъ изъ 2 избранныхъ міромъ, съ утвержденія владѣльца, старшинъ. Если крестьянинъ не внесетъ должной суммы, то уплатитъ за него долженъ помѣщикъ, а тотъ отработываетъ въ этомъ случаѣ за *каждую ревизскую душу* (а не съ тягла) 2 дня конныхъ и 2 дня женскихъ въ недѣлю. Отдавать крестьянъ за дурное поведеніе въ солдаты безъ очереди и не въ зачетъ помѣщики должны имѣть право лишь по приговору всего міра. Для начала авторъ предлагаетъ учредить банкъ въ московской губерніи.

Встрѣтивъ совершенно заслуженное несочувствіе своему проекту со стороны правительства, кн. Л. Голицынъ не покинулъ его совершенно, а черезъ пять лѣтъ (въ 1852 г.) вновь представилъ его государю въ измѣненномъ видѣ. Главныя основанія этого втораго проекта (оба они не изданы) состоятъ въ слѣдующемъ. Правительство учреждаетъ банкъ, который принимаетъ въ залогъ, по желанію дворянъ, всѣ населенныя имѣнія и выдаетъ на нихъ „заручныя письма" (облигаціи, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ на душу приходится менѣе 5 дес.,—по 160 р. на душу, гдѣ не менѣе 6 дес.—по 140 р. и гдѣ не менѣе 7 дес.—по 120 р. Банкъ будетъ платить на заручныя письма ежегодно 4% и погаситъ ихъ въ 41 годъ, производя ежегодно выкупъ каждаго займа отдѣльно посредствомъ лотереи. Владѣльцы заложенныхъ имѣній должны платить ежегодно на всю сумму выданныхъ заручныхъ писемъ по 5%, изъ которыхъ 4% будутъ выдаваться предъявителямъ облигацій, а 1% оставаться въ банкѣ для погашенія ихъ въ 41 годъ. При залогѣ имѣній помѣщики должны заключить съ крестьянами слѣдующія условія. Землевладѣлецъ отводитъ крестьянамъ такіе надѣлы на ревизскую душу: въ губерніяхъ перваго разряда по 2 дес. пахотной земли; втораго разряда — 2 дес. пахотной и ½ дес. луговой или лѣса; третьяго разряда — 2 дес. пахотной и 1 дес. луговой или лѣса; въ подмосковныхъ имѣніяхъ (на сто верстъ вокругъ столицы) по 1 дес. пахотной земли (въ мѣстностяхъ первыхъ двухъ разрядовъ авторъ увеличилъ надѣлы сравнительно съ своимъ прежнимъ проектомъ, а въ послѣднемъ разрядѣ уменьшилъ). „По выкупѣ заручныхъ писемъ, обезпеченныхъ на вотчинѣ, и по уничтоженіи оныхъ въ банкѣ,

крестьяне.... получатъ права и обязанности вольныхъ крестьянъ, *живущихъ на частныхъ земляхъ*, и помѣщики оставятъ навсегда *въ арендномъ ихъ владѣніи* отмежеванную землю" и, сверхъ того, усадебные участки. Такимъ образомъ, по этому второму проекту кн. Л. Голицына крестьяне не получали, въ концѣ-концовъ, права собственности на землю, которое давалъ имъ первый проектъ, а оставались въ вѣчно-арендныхъ отношеніяхъ къ помѣщику [1]). Имъ предоставлялось, однако, по выкупѣ и уничтоженіи всѣхъ заручныхъ писемъ и окончательно выкупить по добровольному соглашенію землю, уступленную имъ помѣщикомъ въ вѣчную аренду. Впрочемъ, по приговору міра крестьяне могутъ и до погашенія всѣхъ заручныхъ писемъ выкупить отмежеванную имъ землю, внеся въ банкъ по 150 - 200 р. съ души въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, и тогда они пріобрѣтаютъ права вольныхъ крестьянъ, живущихъ на собственныхъ земляхъ. Если же пожелаетъ выкупиться до погашенія заручныхъ писемъ не весь міръ, а отдѣльный крестьянинъ, то онъ долженъ внести 300 — 500 р. за ревизскую душу, но земля не выдѣляется ему особымъ участкомъ изъ общихъ полей. До выкупа всѣхъ заручныхъ писемъ крестьяне заложенныхъ имѣній должны находиться подъ властью помѣщика „на основаніи крѣпостнаго права" и владѣльцы сохраняютъ право удалять изъ вотчины всѣхъ неблагонадежныхъ крестьянъ, предавая ихъ въ распоряженіе правительства для переселенія на казенныя земли (тутъ уже не упоминается о необходимости для этого приговора всего міра). До выкупа заручныхъ писемъ крестьяне должны работать на помѣщика по 3 дня съ *тягла* (3 конныхъ и 3 пѣшихъ женскихъ дня въ недѣлю). По мнѣнію автора, учрежденіе банка на указанныхъ основаніяхъ „разрѣшитъ одинъ изъ важнѣйшихъ современныхъ вопросовъ нашего государства — уничтоженіе крѣпостнаго состоянія.. и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпечитъ навсегда все народонаселеніе поземельнымъ владѣніемъ, не покушаясь на права собственности" [2]).

Проектъ этотъ былъ, также какъ и первый, переданъ государемъ на разсмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ и, вѣроятно, также не встрѣ-

---

[1]) „Опая земля должна состоять вѣчно въ общемъ владѣніи всѣхъ крестьянъ той вотчины и никогда не можетъ быть частною собственностью одного или нѣсколькихъ лицъ, но дѣлится по тяглямъ ...а основаніи существующаго повсемѣстно обычая дѣлить землю во всѣхъ сельскихъ поселеніяхъ великой Россіи" (слѣдовательно, сохраняется общинное землевладѣніе). „Равно опая земля ни въ какомъ случаѣ не можетъ возвратиться во владѣніе или распоряженіе помѣщиковъ. По крестьяне оныхъ имѣній, по выкупѣ заручныхъ писемъ, будутъ обязаны *вѣчно платить арендныя деньги* вотчинникамъ оныхъ земель по цѣнамъ, какія будутъ состоять за земли въ селеніяхъ государственныхъ имуществъ".

[2]) Арх. Мин. Гос. Им., дѣло V Отд. Соб. Е. В. Канц. № 199, ч. III, л. 258—261, 457—467.

тилъ одобренія; дѣйствительно, онъ имѣетъ еще менѣе значенія, такъ какъ кредитная операція въ теченіе 41 года не развязываетъ даже окончательно крестьянъ съ помѣщиками; они остаются въ вѣчно-арендныхъ къ нимъ отношеніяхъ и, чтобы перейти въ положеніе крестьянъ-собственниковъ, нуженъ еще выкупъ „по добровольному соглашенію“, слѣдовательно, не регулированный никакими точными правилами.

Въ этой главѣ намъ пришлось имѣть дѣло съ проектами двухъ кн. Голицыныхъ —Александра Николаевича и Леонида: мы должны еще упомянуть о проектѣ кн. Ник. Бор. Голицына Въ 1848 году онъ сообщилъ министру финансовъ Вронченкѣ и гр. Киселеву записку (неизданную) „о пріобрѣтеніи правительствомъ помѣщичьихъ имѣній средствами, извлекаемыми изъ пріобрѣтаемыхъ имѣній“; какъ на одну изъ цѣлей такой скупки дворянскихъ вотчинъ, онъ указывалъ и на то, что она поведетъ „къ уменьшенію числа людей крѣпостнаго состоянія“. Приводимъ то мѣсто этой записки, гдѣ изложена ея главная мысль: „Постепенное пріобрѣтеніе помѣщичьихъ имѣній можетъ.... удобно совершиться, не причиняя правительству *малѣйшаго расхода* на покупку. Средство это весьма просто. Введеніе системы кредитныхъ билетовъ, размѣнъ коихъ обезпечивается соразмѣрнымъ запасомъ золота и серебра (encaisse metallique), даетъ возможность выпускать постепенно то число кредитныхъ билетовъ, которое потребуется для покупки населеннаго имѣнія, съ тѣмъ, однако, непремѣннымъ условіемъ, чтобы каждый выпускъ этихъ билетовъ не превышалъ никогда цѣну, платимую за имѣніе, и чтобы всѣ доходы, извлекаемые изъ этого же самаго имѣнія, обращены были немедленно на погашеніе соразмѣрной части созданнаго на сей случай капитала, и это продолжать, доколѣ сумма полученныхъ доходовъ не поравняется съ суммою, употребленною на покупку“.

Министръ финансовъ отвѣчалъ кн. Голицыну, что, по его мнѣнію, „выпускъ кредитныхъ билетовъ для покупки частныхъ имѣній не можетъ, *по разнымъ причинамъ*, быть приведенъ въ дѣйствіе“. Тогда Н. Голицынъ написалъ новую записку (также неизданную) для разъясненія и подкрѣпленія своей мысли и отправилъ ее къ гр. Киселеву въ надеждѣ, что онъ убѣдитъ министра финансовъ въ пользѣ и безопасности предлагаемой имъ мѣры. Въ заключеніе ея онъ говоритъ: „Правительство могло бы назначить капиталъ въ 30 милліоновъ руб. сер для пріобрѣтенія помѣщичьихъ населенныхъ имѣній [1]). Если... министръ финансовъ удостовѣрится, что выпускъ такой значительной суммы взамѣнъ поступившихъ въ казну на такую же сумму недвижимостей не причинилъ никакого потрясенія кредиту правительства, то почему бы въ такомъ случаѣ не предоставить

[1]) Ту же сумму предлагалъ ежегодно ассигновать на покупку помѣщичьихъ имѣній и М. А. фонъ-Визинъ (см. гл. XI).

этому капиталу обращаться безпрерывно въ этомъ кругу, т. е. продолжать пріобрѣтать на суммы, выручаемыя изъ купленныхъ такимъ образомъ недвижимостей... Такимъ образомъ, первоначальный капиталъ въ 30 милліоновъ безпрерывнымъ обращеніемъ въ теченіе столѣтія доставилъ бы правительству недвижимостей на сумму, равняющуюся съ тою, которая произойдетъ отъ безпрерывно накопляющихся процентовъ къ процентамъ съ капитала въ 30 милліоновъ въ продолженіе ста лѣтъ". Далѣе авторъ предлагаетъ примѣнить эту мѣру къ имѣніямъ, продающимся съ публичнаго торга на болѣе льготныхъ, чѣмъ это было тогда, условіяхъ, чтобы сохранить „честь, спокойствіе и средства къ существованію" многихъ дворянъ: очевидно, въ этомъ послѣднемъ, т. е. въ вспомоществованіи дворянству, и заключалась главная цѣль проекта.

Гр. Киселевъ отвѣтилъ кн. П. Б. Голицыну, что „въ виду нѣтъ вовсе предположенія скупать владѣльческія имѣнія въ казну, и если есть нѣсколько примѣровъ подобной покупки, то это дѣлается для округленія границъ владѣнія и отвращенія чрезъ то чрезполосности, для чего требуются весьма незначительныя суммы, уплачиваемыя изъ обыкновенныхъ источниковъ государственнаго казначейства или же въ нѣкоторыхъ, весьма рѣдкихъ случаяхъ, по особымъ на то высочайшимъ повелѣніямъ [1]).

Въ секретный комитетъ, учрежденный 5 іюня 1848 года подъ предсѣдательствомъ наслѣдника цесаревича для разсмотрѣнія разныхъ предположеній къ отвращенію послѣдствій указа 8 ноября 1847 г. о дозволеніи помѣщичьимъ крестьянамъ выкупаться изъ крѣпостнаго состоянія при продажѣ ихъ съ публичныхъ торговъ (см. гл. VII), были переданы четыре записки по крестьянскому вопросу: сенатора генералъ адъютанта Шипова, неизвѣстнаго, генералъ маіора Саратынскаго и смоленскаго предводителя дворянства кн. Друцкаго-Соколинскаго, но комитетъ ихъ не разсматривалъ, и онѣ были переданы, съ соизволенія государя, въ апрѣлѣ 1850 года министру внутреннихъ дѣлъ. Мнѣніе Друцкаго-Соколинскаго было уже подробно разсмотрѣно нами, когда мы говорили объ обсужденіи крестьянскаго вопроса смоленскимъ дворянствомъ, а на остальныхъ трехъ запискахъ мы остановимся теперь.

На основаніи мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ съ 1803 г., сенаторъ Шиповъ сдѣлалъ заключеніе, что правительство предполагаетъ изъять крѣпостныхъ людей изъ подъ власти и даже вліянія помѣщиковъ: онъ же въ своей запискѣ доказываетъ, что, при всей желательности улучшенія быта крѣпостныхъ, нужно, не уничтожая власти помѣщиковъ надъ крестьянами, только измѣнить ее такъ, чтобы сдѣлать ихъ попечителями своихъ крѣпостныхъ и, сохранивъ благодѣтельное вліяніе хорошаго по

---

[1]) Арх. М. Г. И. Дѣло V Отд. Соб. Е. В. Канц. № 199, т. III, л. 322–336.

мѣщика, оградить крестьянъ отъ своевольства и притѣсненій. Присутствіе помѣщиковъ среди народа необходимо у насъ для спокойствія государства и для успѣховъ народнаго благосостоянія, такъ какъ дворянство оказываетъ полезное вліяніе не только на помѣщичьихъ, но и на свободныхъ крестьянъ и даже на другія сословія. Поэтому не только нужно, чтобы помѣщики оставались тамъ, гдѣ они уже теперь находятся, но желательно, чтобы дворянство было водворено въ достаточномъ количествѣ и въ тѣхъ мѣстностяхъ государства, гдѣ его нѣтъ, а именно въ губерніяхъ вятской, олонецкой, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ вологодской, казанской, пермской и во всѣхъ сибирскихъ. Съ этою цѣлью было бы полезно раздавать заслуженнымъ дворянамъ въ указанныхъ мѣстахъ свободныя казенныя земли для заселенія ихъ крѣпостными или обязанными крестьянами Вообще въ великороссійскихъ губерніяхъ для приведенія крѣпостныхъ въ правильное положеніе нужно было бы принять слѣдующія мѣры. Во-первыхъ, установить недѣлимость тѣхъ дворянскихъ имѣній, которыя не могутъ быть раздѣляемы безъ вреда для крестьянъ; въ тѣхъ же большихъ имѣніяхъ, которыя могутъ быть дѣлимы безъ неудобства, опредѣлить нераздѣльныя части [1]. Учрежденіе недѣлимыхъ вотчинъ составляетъ, по мнѣнію автора, одно изъ важнѣйшихъ условій народнаго блага; оно весьма важно, по его словамъ, и въ политическомъ отношеніи: такъ какъ помѣщики облечены значительною полицейскою властью надъ крестьянами, то правительству гораздо удобнѣе предоставить такую власть въ каждомъ уѣздѣ нѣсколькимъ зажиточнымъ помѣщикамъ, нежели множеству мелкихъ владѣльцевъ. Аристократическо-дворянскія притязанія автора этимъ не ограничиваются: онъ предлагаетъ устроить мѣстное управленіе на слѣдующихъ началахъ. Изъ всѣхъ дворянскихъ имѣній, находящихся въ уѣздѣ, слѣдуетъ образовать волости. Одна большая вотчина или нѣсколько вотчинъ, принадлежащихъ одному владѣльцу, должны составлять волость, въ которой головою долженъ быть самъ помѣщикъ или его повѣренный, съ утвержденія правительства; всѣ прочія вотчины соединяются въ волости по мѣстнымъ удобствамъ, съ предоставленіемъ помѣщикамъ права избранія головы въ каждой изъ нихъ. На волостнаго голову могутъ быть возложены многія изъ тѣхъ полицейскихъ обязанностей, которыя лежатъ на становомъ приставѣ. Головѣ, какъ начальнику волостной полиціи, должно быть предоставлено право налагать исправительныя наказанія подобно тому, какъ это дѣлается въ остзейскихъ губерніяхъ, образцомъ которыхъ авторъ, очевидно,

---

[1]) Вопросомъ объ ограниченіи раздробленія недвижимыхъ населенныхъ имѣній занимался еще комитетъ, учрежденный 5 декабря 1826 г., куда объ этомъ была внесена записка кн. И. В. Васильчиковымъ.

и руководится въ нѣкоторыхъ изъ своихъ предположеній. Помѣщику, хотя бы онъ и не былъ волостнымъ головою должно быть также предоставлено право налагать легкія исправительныя наказанія въ своей вотчинѣ. Всѣ вообще волости и города, находящіеся въ уѣздѣ, должно непосредственно подчинить уѣздному предводителю и соединить въ его лицѣ всѣ отрасли управленія (кромѣ суда), которыми должно завѣдывать подъ его предсѣдательствомъ одно правительственное учрежденіе—уѣздное правленіе. Избраніе уѣзднаго предводителя можно предоставить дворянству вмѣстѣ съ другими сословіями. Словомъ, авторъ создалъ такой планъ мѣстнаго управленія, который всецѣло отдавалъ его въ руки дворянства. Это тѣмъ болѣе странно, что, по сознанію самого защитника дворянскихъ прерогативъ, число хорошихъ помѣщиковъ у насъ постепенно уменьшается, такъ что въ виду этого Шиповъ находитъ необходимымъ опредѣлить постоянными правилами, чего помѣщикъ можетъ требовать отъ крестьянъ и на какихъ основаніяхъ онъ пользуется своею властью надъ ними. Помѣщикъ обязанъ надѣлить крестьянъ достаточнымъ количествомъ земли и оставить ее въ ихъ постоянное пользованіе, а для опредѣленія повинностей за землю слѣдуетъ учредить въ каждой губерніи нѣсколько частныхъ коммиссій и одну ревизіонную изъ лицъ, какъ избранныхъ дворянствомъ, такъ и назначенныхъ правительствомъ. Слѣдуетъ, наконецъ, опредѣлить закономъ размѣръ вознагражденія, съ уплатою котораго крестьянинъ можетъ совершенно покинуть вотчину. Къ сожалѣнію, мнѣніе Шипова извѣстно намъ не въ подлинникѣ, а только въ подробномъ изложеніи, и потому мы не можемъ сказать, указалъ ли онъ точнѣе тѣ ограниченія крѣпостнаго права, которыя были, по его мнѣнію, необходимы: но едва ли эти ограниченія могли быть существенными въ виду того преобладающаго вліянія, которое онъ отводилъ дворянству во всемъ мѣстномъ управленіи.

Въ комитетъ, учрежденный 5 іюня 1848 г., государь повелѣлъ также передать письмо, полученное имъ отъ неизвѣстнаго, съ приложеніемъ проекта освобожденія крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія, безъ лишенія помѣщика правъ собственности на земли, лѣса и воды. Авторъ этого проекта, считая вреднымъ и законъ объ обязанныхъ крестьянахъ, и указъ 8 ноября 1847 г., дозволяющій крестьянамъ выкупаться при продажѣ населенныхъ имѣній съ публичнаго торга, предлагалъ или отмѣнить указъ 8 ноября, или, если правительство находитъ себя достаточно сильнымъ для введенія преобразованій, прямо даровать крестьянамъ свободу съ сохраненіемъ за помѣщиками правъ собственности на землю. Для этого онъ предлагаетъ сдѣлать во всемъ государствѣ ревизію и объявить, что всѣ родившіеся послѣ нея считаются свободными: это было возобновленіе неудачной мысли, которая высказывалась уже и при Екатеринѣ II, и въ царствованіе Александра I, но была оставлена безъ осуществленія въ виду

полной ея непригодности и несомнѣннаго вреда для народа отъ такого безземельнаго освобожденія.

Наконецъ, авторъ третьей изъ вышеупомянутыхъ записокъ, генералъ-маіоръ Баратынскій, предлагалъ только опредѣлить закономъ размѣръ выкупа крѣпостныхъ на свободу [1]).

Уничтоженіе крѣпостнаго права въ такой степени сдѣлалось настоятельнымъ дѣломъ времени и о немъ такъ много толковали въ правительственныхъ сферахъ, что одинъ изъ чиновниковъ министерства государственныхъ имуществъ, статскій совѣтникъ И. Бураковъ, зная либеральные взгляды по этому предмету своего министра, составилъ въ 1850 году огромную (неизданную) „записку по предмету освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостнаго владѣнія“ исключительно съ цѣлью обратить на себя вниманіе начальства, получить награду и даже сдѣлать такимъ образомъ карьеру, какъ это онъ самъ откровенно заявляетъ въ письмѣ къ гр. Киселеву [2]). Это фактъ, во всякомъ случаѣ весьма характерный для своего времени.

Авторъ указываетъ на то, что выкупъ всѣхъ крѣпостныхъ на счетъ казны невозможенъ, такъ какъ это потребовало бы 800 милліоновъ руб., т. е. въ пять разъ болѣе всего годоваго государственнаго дохода. Затѣмъ онъ описываетъ предшествующій ходъ дѣла объ освожденіи помѣщичьихъ крестьянъ и разсматриваетъ причины неуспѣха законовъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ. Переходя отъ историко-критическаго къ теоретическому обсужденію вопроса, авторъ доказываетъ, что настало время „дѣйствовать въ видахъ освобожденія крестьянъ“, но необходимы при этомъ величайшая осторожность и постепенность. Онъ полагаетъ, что помѣщики и теперь „безъ особеннаго чувства неудовольствія отказались бы отъ правъ своихъ надъ личностью крестьянъ... если бы при семъ могли сохранить право надъ ихъ собственностью“: но отнять отъ помѣщиковъ право наказывать крѣпостныхъ значило бы „лишить ихъ главнаго средства побуждать крестьянъ къ исправленію возложенныхъ на нихъ повинностей“. Поэтому въ настоящее время авторъ считаетъ возможнымъ по отношенію къ личнымъ правамъ лишь дозволеніе крестьянамъ вступать въ бракъ, не спрашивая позволенія помѣщика. Затѣмъ нужно предоставить помѣщикамъ „полную возможность и всѣ средства, которыхъ они теперь не имѣютъ, опредѣлить свои отношенія съ крестьянами добровольными сдѣлками... дабы мѣры ограниченія“ (помѣщичьей власти со стороны правительства) „могли постичь только тѣхъ владѣльцевъ, которые упорно будутъ оставаться при своихъ, несообразныхъ съ требованіями времени претензіяхъ“. Тутъ авторъ настаиваетъ

[1]) „Девятнадцатый Вѣкъ“, над. Бартенева, т. II, 196—204.

[2]) Между прочимъ, онъ проситъ представить его записку государю.

на необходимости дозволить освобожденіе крестьянъ не только цѣлыми общинами, но и подворно, къ чему, по его мнѣнію, помѣщики „болѣе склонны", такъ какъ „при подворномъ увольненіи, при срочныхъ условіяхъ, они имѣютъ полную возможность увеличивать свои доходы посредствомъ лучшей обработки земель и необходимаго въ продолженіе времени возвышенія ихъ цѣнности, тогда какъ при общинномъ увольненіи они должны довольствоваться единожды навсегда опредѣленнымъ по условію доходомъ". Авторъ находилъ, что въ секретномъ комитетѣ, учрежденномъ въ 1839 г., кн. Меншиковъ „слабо защищалъ" (противъ гр. Киселева) „свое предположеніе о подворномъ увольненіи по срочнымъ условіямъ". По мнѣнію Буракова, главное возраженіе, сдѣланное князю Меншикову въ комитетѣ, состояло въ томъ, что помѣщики раздадутъ всѣ свои земли преимущественно богатымъ крестьянамъ, а бѣдные, оставшись безъ земли, обратятся въ бобылей и предадутся бродяжничеству; но это возраженіе нисколько не смущаетъ его: онъ не считаетъ зломъ раздачу земель „предпочтительно богатымъ крестьянамъ" [1]). Если же признать, что это зло, то можно установить правило, что при подворномъ или посемейномъ увольненіи помѣщики не могутъ ни одного изъ своихъ крестьянъ надѣлять землею въ бо́льшемъ количествѣ сравнительно съ тѣмъ, сколько причитается изъ всего его владѣнія на число душъ каждаго семейства или двора: однако, авторъ не считаетъ этого необходимымъ и думаетъ, что если бы часть крестьянъ дѣйствительно осталась безъ земли, то для предупрежденія бродяжничества и обезпеченія ихъ осѣдлости правительство имѣетъ въ своихъ рукахъ вѣрное средство—переселеніе на свободныя казенныя земли, особенно въ Сибирь, и затѣмъ онъ подробно останавливается на разъясненіи той мысли, почему бы, допустивъ подворное увольненіе по срочнымъ условіямъ, не предоставить, вмѣстѣ съ тѣмъ, освобожденнымъ крестьянамъ средствъ къ поселенію на казенныхъ земляхъ въ томъ случаѣ, когда помѣщики по окончаніи срока договора откажутъ имъ въ осѣдлости на своихъ земляхъ или когда они сами найдутъ переселеніе выгоднымъ для себя. Авторъ записки не отступаетъ предъ огромными издержками, для этого необходимыми, и, разъ допустивъ такія выселенія, предлагаетъ предоставить помѣщикамъ и крестьянамъ полную свободу въ заключеніи условій съ дозволеніемъ послѣднимъ обращаться къ правительству съ просьбою объ облегченіи повинностей въ случаѣ невозможности исполненія принятыхъ ими на себя обязательствъ.

---

[1]) „Развѣ бѣдные крестьяне, говоритъ онъ, лишатся отъ этого средствъ къ своему содержанію? Развѣ достаточные крестьяне не будутъ имѣть нужду въ работникахъ? Развѣ система [ермерства, основанная на капиталахъ богатыхъ земледѣльцевъ, свѣдущихъ въ дѣлѣ сельскаго хозяйства, не считается полезнѣйшею въ видахъ государственной экономіи?"

Въ видахъ облегченія добровольнаго увольненія помѣщиками крестьянъ, авторъ, кромѣ существующихъ уже для этого способовъ, предлагаетъ и нѣкоторые другіе [1]); если же всѣ эти мѣры не будутъ имѣть успѣха, въ такомъ случаѣ авторъ совѣтуетъ перейти къ мѣрамъ „полуобязательнымъ“: онъ называетъ ими тѣ, при которыхъ помѣщики почти ничего не теряютъ изъ своихъ правъ надъ личностью и собственностью крестьянъ, и относитъ къ этимъ мѣрамъ: 1) „приглашеніе“ помѣщиковъ къ составленію инвентарей на свои имѣнія по примѣру западныхъ губерній и 2) предоставленіе крестьянамъ права выкупаться на волю даже безъ согласія помѣщиковъ, внеся только сумму, равняющуюся десятилѣтней сложности инвентарнаго дохода. И. наконецъ, лишь тогда „когда общественное мнѣніе обратится къ мысли о необходимости освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, можно будетъ приступить и къ мѣрамъ рѣшительно обязательнымъ“, которыя пока авторъ считаетъ еще неумѣстными [1]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что взгляды Буракова гораздо болѣе приближались къ остзейскимъ идеаламъ кн. Меншикова, чѣмъ къ воззрѣніямъ на крестьянскій вопросъ гр. Киселева, и потому неудивительно, что записка эта не была представлена государю, о чемъ просилъ ея авторъ въ письмѣ къ министру государственныхъ имуществъ. Къ тому же, Бураковъ весьма неудачно выбралъ время для составленія своей записки, такъ какъ это была пора самой глухой реакціи въ крестьянскомъ дѣлѣ, когда мысль объ ограниченіи помѣщичьей власти, по крайней мѣрѣ, въ собственной Россіи, была совершенно оставлена императоромъ Николаемъ. Переписка между гр. Киселевымъ и кн. М. С. Воронцовымъ въ 1851—52 годахъ [2])

---

[1]) 1) „Увольненіе подворное или по семействамъ съ предоставленіемъ крестьянамъ земли, во-первыхъ, въ полную собственность, во-вторыхъ, на правѣ пользованія: а) безсрочно (семейные наслѣдственные участки) и б) на срокъ, не менѣе какъ на 12 лѣтъ. 2) Увольненіе крестьянъ на обязанное положеніе цѣлымъ имѣніемъ съ приложеніемъ къ нему для большаго обезпеченія осѣдлости нѣкоторой части земли (достаточной хотя на усадьбу и огороды) въ полную собственность, кромѣ той земли, которую они получатъ въ пользованіе на срочное или безсрочное время... 3) Дозволить помѣщикамъ передавать въ казну своихъ крестьянъ для переселенія на казенныя земли, какъ о томъ нѣкоторые изъ нихъ, побуждаемые малоземеліемъ и недостаткомъ промышленности, а также чувствомъ благотворительности, входили уже съ просьбами досель, однако же, оставляемыми безъ удовлетворенія. 4) Предоставить помѣщикамъ право дѣлать въ духовномъ завѣщаніи назначенія объ увольненіи своихъ крестьянъ во всѣхъ способахъ устроиства ихъ, считая таковыя назначенія дѣйствительными, какъ скоро крестьяне будутъ согласны на принятіе условій“, означенныхъ въ этихъ завѣщаніяхъ.

[2]) Архивъ Мин. Госуд. Имущ. Дѣло V Отд. Соб. Его Вел. Канц., № 199, ч. III, л. 337—426.

[3]) Она напечатана въ книгѣ *Заблоцкаго-Десятовскаго*. „Гр. Киселевъ и его время“. II, 324—329; IV, 245—251.

свидѣтельствуетъ о сильномъ утомленіи гр. Киселева, вызванномъ малою успѣшностью его продолжительной борьбы противъ крѣпостнаго права. Въ это время Киселевъ не находитъ уже возможнымъ добиться даже такихъ настоятельно необходимыхъ ограниченій помѣщичьей власти, какъ болѣе точное опредѣленіе размѣра барщины на основаніи закона императора Павла или уничтоженіе права помѣщиковъ ссылать крѣпостныхъ въ Сибирь по своему усмотрѣнію [1]) Приходилось думать уже не о томъ, чтобы подвигаться впередъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, а о томъ, чтобы помѣшать нѣкоторымъ, крайне опаснымъ притязаніямъ помѣщиковъ. Одно изъ выраженій такихъ притязаній мы видѣли выше въ запискѣ сенатора Шипова: они обнаружились также тѣмъ, что въ эпоху реакціи въ высшемъ петербургскомъ обществѣ было въ ходу предположеніе объ уравненіи всѣхъ крестьянъ, государственныхъ и помѣщичьихъ, не дарованіемъ правъ безправнымъ, а, наоборотъ, именно *учрежденіемъ изъ государственныхъ крестьянъ особаго рода феодальныхъ имѣній для высшаго дворянства*, что должно было окончательно укрѣпить у насъ поземельную аристократію. Толки эти до того усилились въ концѣ 40-хъ годовъ, что Киселевъ придавалъ имъ уже значеніе *замысла* и не считалъ возможнымъ не обращать на нихъ вниманія, не принимать никакихъ мѣръ противъ опасности, грозившей нарушить права государственныхъ крестьянъ; лучшимъ для этого средствомъ Киселевъ считалъ дарованіе имъ грамоты, на что еще въ 1840 году самъ государь подавалъ надежду, но при наступившей съ 1848 г. реакціи нельзя было и думать объ осуществленіи этой мысли [2]).

Въ предъидущихъ главахъ мы видѣли много отдѣльныхъ заявленій изъ среды дворянства по крестьянскому вопросу какъ въ либеральномъ, такъ и въ консервативномъ направленіи. Авторы этихъ мнѣній несомнѣнно являются людьми болѣе образованными, способными къ извѣстной инициативѣ въ общественныхъ дѣлахъ, умѣющими взяться за перо въ защиту своихъ мнѣній, каковы бы они ни были. Но любопытно заглянуть въ массу дворянства, подслушать, какого рода взгляды высказывались тамъ относительно дѣла, столь близко затрогивавшаго интересы помѣщиковъ. Объ этомъ мы имѣемъ любопытное свидѣтельство въ превосходной запискѣ

[1]) „При неопредѣленности хозяйственныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами и при совершенной зависимости управленія сихъ послѣднихъ отъ помѣщиковъ,— говоритъ Киселевъ въ одномъ изъ писемъ къ Воронцову, — право владѣльцевъ ссылать въ Сибирь и отдавать въ рекруты есть необходимое условіе для поддержанія повиновенія къ владѣльцамъ. Если право это сопровождается злоупотребленіями, то уничтоженіе его, при настоящихъ отношеніяхъ крестьянъ, недовольныхъ своимъ положеніемъ, можетъ произвести другое зло: неповиновеніе и нарушеніе общественнаго спокойствія, а потому долгъ крѣпостное состояніе будетъ продолжаться, должно въ семъ отношеніи колебать власти помѣщиковъ".

[2]) *Заблоцкій-Десятовскій*, II, 146.

Заблоцкаго-Десятовскаго (о которой мы уже говорили въ гл. XI), составленной въ 1841 г., и, слѣдовательно, рисующей настроеніе общества на грани 30-хъ и 40-хъ годовъ, еще до закона 2 апрѣля 1842 г. Авторъ указываетъ здѣсь на то, что взгляды дворянъ на крѣпостное право не одинаковы и измѣняются въ зависимости отъ степени образованія, положенія и богатства помѣщика. „Тѣ изъ дворянъ нашихъ, —говоритъ Заблоцкій, — кои стоятъ низко на степени образованія, видятъ въ крѣпостномъ правѣ необходимое условіе своего существованія. Они не проникаютъ въ глубь вопроса, знаютъ только, что въ ихъ власти находятся люди, которые должны имъ работать даромъ; что наемнику надо было бы платить наличными деньгами, между тѣмъ какъ крѣпостному предоставляется только средство къ выручкѣ денегъ, т. е. земля. Въ глазахъ такихъ дворянъ это всегда выгоднѣе и, разумѣется, легче. Притомъ, весьма много льститъ чувство власти, къ которой такъ привыкъ нашъ дворянинъ... Все это вмѣстѣ поддерживаетъ во многихъ убѣжденіе, что крѣпостное состояніе не только необходимо, какъ установленіе законное, временемъ освященное, но какъ неотъемлемое право дворянства и средство къ поддержанію его состоянія. Иные простираютъ это мнѣніе еще далѣе: они убѣждены, что уничтоженіе крѣпостнаго состоянія будетъ гибелью для государства. „Какъ,—говорятъ, —предоставить людей этихъ самимъ себѣ, когда они и подъ нашею властью не имѣютъ порядочной нравственности; да они всѣ сопьются и пропадутъ!" Нѣкоторые говорятъ: „просвѣтите сперва крестьянъ и потомъ освободите ихъ"[1]) Въ освобожденіи крестьянъ „они видятъ только нарушеніе ихъ права частнаго. „За что же отнимутъ,—говорятъ они,—у насъ вещь, которую мы купили за деньги, выработанныя нерѣдко трудомъ и терпѣніемъ? Хотите взять, такъ заплатите". По, по свидѣтельству Заблоцкаго, слышались уже тогда и другаго рода мнѣнія: были помѣщики, понимавшіе небезвыгодность для нихъ безземельнаго освобожденія крестьянъ. Есть дворяне,—говоритъ Заблоцкій,—„также весьма многочисленные, которые сознаютъ всю несправедливость крѣпостнаго состоянія. Сознаніе это еще болѣе поддерживается въ нихъ увѣренностью, что крѣпостное право съ обязанностями, которыя налагаетъ оно на владѣльца, есть во многихъ случаяхъ тягость для сего послѣдняго.. Помѣщики эти говорятъ: „конечно, покупать и продавать людей есть чудо-

---

[1]) Авторъ приводитъ такія выраженія защитниковъ крѣпостнаго права: оно „удерживаетъ народъ необразованный и грубый къ непосредственному распоряженію высшаго и образованнаго класса, который отвѣчаетъ за всѣ его поступки, за всѣ его обязанности предъ государемъ и тѣмъ самымъ, облегчая правительство, даетъ способъ ему заниматься высшими государственными интересами... Рабы суть младшіе братья человѣчества, надъ которыми нужна еще строгая и близкая отеческая власть. Свобода имъ время, какъ свобода дѣтей".

вищность: возьмите, освободите ихъ, мы будемъ нанимать ихъ для работъ: но оставьте намъ нашу землю, которую мы купили; она есть предметъ, всегда и вездѣ подлежащій куплѣ". Такимъ образомъ, въ массѣ дворянства Заблоцкій, при объѣздѣ нѣкоторыхъ губерній Россіи, встрѣтилъ лишь двоякаго рода мнѣнія по крестьянскому вопросу: или безусловную защиту существующаго порядка, или готовность къ освобожденію крестьянъ, но не иначе, какъ безъ земли. Тѣмъ не менѣе, однако, уже обнаруживались признаки, что это дѣло начинаетъ все болѣе и болѣе возбуждать вниманіе общества. „Нельзя не замѣтить, — говоритъ Заблоцкій, — что вопросъ объ измѣненіи крѣпостнаго права, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ казавшійся чрезвычайно дикимъ, нынѣ никого не изумляетъ. Всякій такъ или иначе готовъ разсуждать о немъ. Послѣ того, какъ въ 1837 или 1838 годахъ нѣкоторые изъ тульскихъ дворянъ вздумали составить проектъ объ освобожденіи крестьянъ, сихъ прожектеровъ въ московскомъ англійскомъ клубѣ предали *анаѳемѣ*. Но когда пришли голодные годы, помѣщики увидѣли всю бѣду, и съ тѣхъ поръ сдѣлалась реакція: начали думать, что хорошо было бы и освободить крестьянъ. Вообще теперь мысль эта не дика никому: о ней говорятъ не одни профессоры, но такъ или иначе разсуждаютъ и помѣщики" [1]).

Настроеніе, подмѣченное въ массѣ общества Заблоцкимъ въ 1841 г., сказалось и по поводу указа объ обязанныхъ крестьянахъ: громадное большинство помѣщиковъ было недовольно закономъ 2 апрѣля 1842 г. съ консервативной точки зрѣнія, но они скоро успокоились, поняв, что эта мѣра не грозитъ ихъ правамъ никакою серьезною опасностью; затѣмъ и по поводу этого новаго закона высказывались мнѣнія о желательности полнаго освобожденія крестьянъ безъ всякаго земельнаго надѣла, и лишь ничтожное меньшинство образованнаго общества съ нетерпѣніемъ ожидало рѣшительныхъ, благопріятныхъ для крѣпостныхъ крестьянъ правительственныхъ мѣръ. Однако, этотъ указъ далъ сильный толчекъ общественной мысли, и одинъ умный наблюдатель провинціальной жизни въ центральной Россіи писалъ въ концѣ 40-хъ годовъ, что со времени закона объ обязанныхъ крестьянахъ нѣкоторые помѣщики стали заниматься составленіемъ проектовъ объ освобожденіи крѣпостныхъ — по губерніямъ или во всемъ государствѣ, проекты читались пріятелямъ и знакомымъ: „толковъ и разсказовъ было много, споровъ и возраженій еще болѣе" Въ это время Киселевъ былъ единственнымъ лицомъ въ администраціи, на котораго могли возлагать надежды враги крѣпостнаго права: одни письменно выражали ему свое сочувствіе, другіе обращались къ нему за совѣтомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ [2]). Мы имѣли случай указать на обмѣнъ

[1]) *Заблоцкій-Десятовскій.* IV, 336—343

[2]) Срав. напр. письмо къ Киселеву въ 1846 г. академика Паррота. „Демидовъ (Сань-Донато) предлагалъ въ слѣдующемъ году Киселеву предоставить въ распоряженіе

мнѣній въ смоленскомъ дворянствѣ, возбужденный обращеніемъ къ нему въ 1847 г. императора Николая, изложили и проекты нѣкоторыхъ тульскихъ дворянъ 1844 и 1847 гг. Даже еще въ 1848 г. императоръ Николай находилъ нужнымъ поставить на видъ петербургскимъ дворянамъ, что въ ихъ сословіи немало дурныхъ помѣщиковъ, что ради собственнаго интереса они должны заботиться о благосостояніи своихъ крѣпостныхъ, и просилъ ихъ доводить до свѣдѣнія правительства о лицахъ безнравственныхъ и жестокихъ [1]). Хотя тутъ же императоръ Николай рѣшительно опровергъ слухи о предстоящей эмансипаціи, но, подъ впечатлѣніемъ словъ государя и подъ вліяніемъ носившихся въ воздухѣ стремленій къ ограниченію крѣпостнаго права, которыя обнаруживались и среди нѣкоторыхъ представителей дворянства другихъ губерній, въ трехъ уѣздахъ петербургской губерніи у дворянъ явилась въ 1848 г. мысль объ устройствѣ быта крестьянъ и о точномъ опредѣленіи ихъ отношеній къ помѣщикамъ. Въ царскосельскомъ уѣздѣ подъ вліяніемъ предводителя Платонова, въ ямбургскомъ—предводителя Фридерикса и помѣщиковъ Веймарна, Роткирха и въ с.-петербургскомъ—Безобразова составлены были предположенія объ опредѣленіи крестьянскихъ повинностей [2]). но предположенія эти, еще прежде нежели ихъ представили въ министерство внутреннихъ дѣлъ, были отклонены и остались безъ послѣдствій.

Мы имѣли возможность познакомиться съ оффиціальною перепискою по этому вопросу относительно одного изъ трехъ названныхъ уѣздовъ, а именно ямбургскаго; изъ этихъ документовъ видно слѣдующее: 8 марта 1848 г. дворянство ямбургскаго уѣзда, „желая обезпечить благосостояніе своихъ крестьянъ и поставить ихъ въ точную извѣстность относительно ихъ обязанностей къ своимъ владѣльцамъ, положило“: собрать свѣдѣнія о всѣхъ существующихъ по этому предмету правилахъ и распоряженіяхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ уѣзда „и составить на будущее время сколь возможно уравнительное положеніе, основанное на ясныхъ и опредѣлительныхъ началахъ“. Составленіе проекта, которымъ должны были быть опредѣлены взаимныя отношенія крестьянъ и владѣльцевъ, было поручено особому, назначенному дворянствомъ комитету, которому владѣльцы имѣній обязались доставить всѣ необходимыя для его занятій свѣдѣнія. Въ правилахъ, которыя комитету поручено было составить, должно было быть опредѣлено: 1) „разнородность почвъ и мѣстностей, служащихъ основаніемъ

академіи наукъ 10000 р. асс. для выдачи въ 1850 г. премій за сочиненіе „о лучшихъ способахъ къ освобожденію помѣщичьихъ крестьянъ“. *Заблоцкій-Десятовскій* IV. 218—219.

[1]) Рус. Стар. 1883 г., т. XXXIX, 593—595.

[2]) Напомнимъ, что среди дворянства петербургской губерніи еще при Александрѣ I явилась мысль объ ограниченіи крѣпостнаго права, а среди ямбургскихъ дворянъ и ранѣе—при Екатеринѣ II.

къ составленію урочнаго положенія"; 2) въ какомъ возрастѣ крестьяне обязаны исполнять господскія работы; 3) „мѣры къ улучшенію крестьянскаго земледѣлія, домоводства и скотоводства, къ распространенію нравственно-религіознаго образованія крестьянъ, къ обученію ихъ ремесламъ, нужнымъ въ крестьянскомъ быту, къ учрежденію по возможности общественныхъ запашекъ и капиталовъ, къ доставленію крестьянамъ средствъ получать врачебныя пособія въ болѣзняхъ, къ введенію общественнаго ручательства для точнаго исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей" и 4) способы приведенія въ дѣйствіе и наблюденія за точнымъ исполненіемъ положеній комитета, когда они будутъ утверждены дворянствомъ. Комитетъ ямбургскаго уѣзда состоялъ изъ предводителя дворянства бар. Фредерикса, тайнаго совѣтника сенатора Вейдарна, фонъ-Роткирха и князя Порюсъ-Визопурскаго. Постановленіе по этому предмету было подписано 31 дворяниномъ, въ числѣ которыхъ, кромѣ названныхъ лицъ, были: сенаторъ гр. Завадовскій, гр. Александръ Адлербергъ, тайный совѣтникъ А. Жадовскій, гр. Нессельроде и др Постановленіе это было отпечатано и разослано дворянамъ. О немъ не было сообщено министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому, но доведено до свѣдѣнія губернскаго предводителя дворянства Потемкина. Въ половинѣ апрѣля частнымъ образомъ объ этомъ дѣлѣ узналъ Перовскій и потребовалъ немедленнаго объясненія отъ мѣстныхъ властей Баронъ Фредериксъ далъ подробный отвѣтъ, въ которомъ между прочимъ писалъ:

„Нѣкоторые изъ гг. владѣльцевъ ямбургскаго уѣзда, бывшіе здѣсь въ С.-Петербургѣ по случаю выборовъ, собираясь въ свободное время и разсуждая о состояніи своихъ имѣній и средствахъ къ улучшенію, полагали весьма полезнымъ сообщить другъ другу свѣдѣнія объ образѣ управленія и крестьянскихъ повинностяхъ, существующихъ въ ихъ имѣніяхъ; они находили, что подобный размѣнъ свѣдѣній дастъ возможность избрать въ руководство тѣ распоряженія, которыя окажутся лучшими; но какъ таковое обоюдное сообщеніе свѣдѣній чрезвычайно затруднительно по жительству многихъ помѣщиковъ въ имѣніяхъ, то они обратились ко мнѣ и нѣкоторымъ лицамъ изъ своей среды... , прося насъ принять на себя трудъ разсмотрѣть доставляемыя свѣдѣнія и составить изъ нихъ примѣрное управленіе, которое могло бы служить инструкціею для управляющихъ и руководствомъ къ улучшеніямъ для новыхъ или неопытныхъ помѣщиковъ... Помѣщики... принимаютъ или не принимаютъ его въ руководство по своему усмотрѣнію, потому что во всемъ этомъ предположеніи нѣтъ ничего и ни для кого обязательнаго, и оно составляетъ только опытъ согласованія различныхъ распоряженій, производимый не оффиціально, но келейно только тѣми лицами, которые изъявили на то желаніе. Такой способъ дѣйствія, основанный на правахъ, законами дарованныхъ, вполнѣ согласуется и съ Высочайшею волею, изъявленною Государемъ Императоромъ лично депутатамъ с.-петербургскаго дворянства... которымъ Государь Императоръ изволилъ сказать, что „помѣщики должны стараться сами отклонять всякій ропотъ между крестьянами, а потому должны, въ видахъ общей пользы, составлять между собою полицію и, наблюдая другъ за другомъ, устранять домашними мѣрами встрѣчающіяся недоразумѣнія».—Дѣйствуя такимъ образомъ въ предѣлахъ правъ и обязанностей, законами начертанныхъ,

и не дѣлая какихъ-либо измѣненій въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ, гг. дворяне ямбургскаго уѣзда не составляли какого-либо постановленія, требующаго разрѣшенія или утвержденія правительства и не могли представить по начальству предположеніе, придуманное нѣсколькими лицами и еще не осуществившееся; но они имѣли въ виду въ послѣдствіи, когда полезность предполагаемаго соглашенія будетъ признана и доказана, „довести обо всемъ до свѣдѣнія правительства и просить, въ чемъ будетъ нужно, утвержденія".

Однако министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ, что законъ предоставляетъ дворянству только право совѣщаться о своихъ нуждахъ и представлять о нихъ правительству, и что потому ямбургское дворянство неимѣло права безъ особаго разрѣшенія высшаго начальства учреждать комитеть для составленія положенія о взаимныхъ отношеніяхъ крестьянъ и ихъ владѣльцевъ, а тѣмъ болѣе дѣлать свое постановленіе по этому предмету гласнымъ посредствомъ его напечатанія. Тогда губернскій предводитель дворянства сообщилъ ямбургскому уѣздному предводителю, что, по его мнѣнію, въ виду отзыва министра внутреннихъ дѣлъ, предложеніе ямбургскаго дворянства должно быть оставлено безъ всякихъ послѣдствій, если же оно найдетъ нужнымъ составить какое-либо новое постановленіе, то слѣдуетъ сдѣлать о томъ представленіе высшему начальству.

Въ маѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1849 г. до министра внутреннихъ дѣлъ дошли свѣдѣнія, что ямбургское дворянство не оставляетъ своего предположенія и передаетъ копіи съ постановленія по тому предмету на обсужденіе дворянъ, и онъ потребовалъ „рѣшительнаго прекращенія всякихъ дѣйствій ямбургскаго дворянства" по этому предмету. Свѣдѣнія министра оказались невѣрными, но, какъ видно изъ отзыва бар. Фредерикса, дворянство почувствовало себя обиженнымъ, что ему мѣшаютъ заниматься тѣмъ, что „принадлежитъ къ существеннымъ, законнымъ правамъ и обязанностямъ каждаго дворянина, владѣльца недвижимаго населеннаго имѣнія" [1]).

Въ началѣ 50 годовъ отрицательное отношеніе къ крѣпостному праву считалось уже признакомъ опаснаго либерализма, какъ это видно изъ дѣла помѣщика Селиванова. Передъ отъѣздомъ за границу онъ отпустилъ своихъ крестьянъ (пензенской губерніи) на вѣчный оброкъ, лишивъ себя права увеличивать его, какъ бы ни увеличилось народонаселеніе вотчины: письменное условіе объ этомъ оброкѣ, съ отдачею имъ всей земли въ пользованіе (1200 дес. на 250 душъ), было заключено крестьянами совершенно свободно чрезъ ихъ избранныхъ посредствомъ баллотировки шарами. Послѣ этого помѣщикъ продалъ весь запасный хлѣбъ и отправился въ Парижъ, но долженъ былъ вернуться оттуда прежде нежели предпо-

---

[1]) Сообщенное намъ редакціею „Русской Старины" дѣло канцеляріи с.-петербургскаго гражданскаго губернатора.

лагалъ, такъ какъ крестьяне отказались платить оброкъ вслѣдствіе неурожая. Пріѣхавъ въ деревню и не имѣя запаснаго хлѣба, Селивановъ видѣлъ нужду крестьянъ, но не могъ имъ помочь; это причинило ему много горя, и тутъ-то онъ набросалъ (въ 1850 г.) то недокопченное письмо къ Кавелину о тяжеломъ, отвѣтственномъ положеніи помѣщика, о которомъ мы упоминали въ XI главѣ: брошенное имъ въ корзину, оно попало въ III отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и послѣ ареста Селиванова, по доносу губернатора Панчулидзева, послужило одною изъ главныхъ противъ него уликъ.—„Почему вы находите, что положеніе помѣщика дурно?“— спросилъ Дубельтъ.—„Потому что нравственная отвѣтственность слишкомъ велика“.—„Эти вздоры натолкованы вамъ м.....ми, подобными Бакунину, Герцену [1]) и другими“,— закричалъ Дубельтъ.

На другой день Селивановъ получилъ письменные вопросы, гдѣ его спрашивали: какъ онъ смотритъ на крѣпостное состояніе вообще, на отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ и т. п.? Селивановъ отвѣчалъ, что считаетъ крѣпостное право большимъ зломъ, а на вопросъ объ отношеніяхъ помѣщика къ крестьянамъ написалъ, что его личныя отношенія къ нимъ лучше всего можно видѣть изъ того, что въ продолженіе десяти лѣтъ, проведенныхъ имъ въ деревнѣ, онъ ухаживалъ постоянно за крестьянами во время болѣзни, въ случаѣ надобности пускалъ имъ кровь, присутствовалъ при трудныхъ родахъ женщинъ, когда помощь деревенской бабки оказывалась безсильною, самъ перевязывалъ раны больнымъ и проч. Селивановъ полагаетъ, что отвѣтъ этотъ ему особенно повредилъ; какъ бы то ни было, за превратный образъ мыслей, будто бы выразившійся въ его частной перепискѣ и литературныхъ сочиненіяхъ (причемъ его повѣсти былъ приданъ совершенно обратный смыслъ), ему пришлось отправиться въ Вятку [2]).

Селивановъ, какъ мы видѣли, десять лѣтъ провелъ въ деревнѣ и всѣми силами старался быть полезнымъ крестьянамъ. Такія личности, конечно, были меньшинствомъ среди помѣщиковъ, но что онѣ, все-таки, существовали, подтверждается и свидѣтельствомъ другаго рода: мы имѣемъ въ виду произведеніе гр. Л. Н. Толстаго „Утро помѣщика“ — написанный въ 1852 г. отрывокъ изъ неоконченнаго романа „Русскій помѣщикъ“ [3]), гдѣ авторъ художественно обрисовываетъ намъ дѣятельность и стремленія людей, которые пытались, не давая свободы крестьянамъ, быть имъ

[1]) Селивановъ познакомился съ ними въ Парижѣ.

[2]) „Русск. Стар.“ 1880 г. т. XXVIII, 307—310, 313, 315.

[3]) Впервые „Утро помѣщика“ было напечатано въ „Отеч. Зап.“ 1856 г., т. 109, № 12, см. Сочиненія гр. Л. Н. Толстаго, изд. 5-е, т. II, 1—67.

по возможности полезными своимъ личнымъ вліяніемъ и матеріальною помощью.

Герой повѣсти, кн. Нехлюдовъ, студентъ III курса, пріѣзжаетъ лѣтомъ въ свое помѣстье, и тутъ ему приходитъ въ голову, что онъ долженъ посвятить всю жизнь своимъ крестьянамъ [1]). Въ письмѣ, которымъ онъ извѣщаетъ свою тетку о принятомъ имъ рѣшеніи, онъ, между прочимъ, говоритъ: „Не моя ли священная и прямая обязанность заботиться о счастьи этихъ семисотъ человѣкъ, за которыхъ я долженъ буду отвѣчать Богу? Не грѣхъ ли покидать ихъ на произволъ грубыхъ старостъ и управляющихъ изъ-за плановъ наслажденія или честолюбія? И зачѣмъ искать въ другой сферѣ случаевъ быть полезнымъ и дѣлать добро, когда мнѣ открывается такая благородная, блестящая и ближайшая обязанность?" Задача, однако, оказывается гораздо труднѣе, чѣмъ это казалось кн. Нехлюдову [2]).

Авторъ рисуетъ намъ времяпрепровожденіе помѣщика въ утро воскреснаго дня, назначеннаго для пріема просителей, для обхода хозяйства бѣдныхъ крестьянъ и для поданія имъ помощи съ согласія міра, который собирался вечеромъ каждое воскресенье и „долженъ былъ рѣшать, кому и какую помощь нужно было оказывать". Впрочемъ, рѣшеніе міра требовалось не относительно всякаго рода помощи: для исправленія крестьянскаго строенія помѣщикъ выдѣлилъ особый заказной лѣсъ, который и отдалъ въ распоряженіе міра, но помощь деньгами и хлѣбомъ выдавалась по усмотрѣнію господина. Въ теченіе года, протекшаго со времени поселенія кн. Нехлюдова въ деревнѣ, онъ завелъ больницу, а также, стремясь къ осуществленію своей мечты объ усовершенствованіи крестьянскаго хозяйства, построилъ на хуторѣ каменныя герардовскія избы и предполагалъ ввести

---

[1]) „Дѣйствовать на этотъ простой, неиспорченный классъ народа, — мечтаетъ кн. Нехлюдовъ, — избавить его отъ бѣдности, дать довольство, передать имъ образованіе, которымъ пользуется онъ самъ, „исправить ихъ пороки, порожденные невѣжествомъ и суевѣріемъ, развить ихъ нравственность, заставить полюбить добро... И дѣлаю общія распоряженія, даю общія справедливыя пособія, завожу ферму, сберегательныя кассы, мастерскія и т. д."

[2]) Вотъ при какихъ условіяхъ началась дѣятельность молодаго помѣщика: при его дѣдѣ, строгомъ хозяинѣ, жившемъ постоянно въ деревнѣ, крестьяне пользовались извѣстнымъ благосостояніемъ, но отецъ героя повѣсти жилъ все въ Москвѣ, крестьяне почти и не видали его, а имѣніемъ завѣдывалъ управляющій, требовавшій исправнаго исполненія повинностей, но не входивший въ положеніе мужиковъ: въ это время, несмотря на то, что увеличена была подушная подать, стали больше собирать на помѣщика столового запасу, который приходилось еще отвозить въ Москву, и въ то же время уменьшили количество крестьянскихъ земель, отрѣзавъ на господина ихъ лучшіе участки. Еще хуже пришлось крестьянамъ во время опекунскаго управленія по смерти отца кн. Нехлюдова: часть ихъ совершенно разорилась, такъ что не избѣгали и суровыя наказанія, отъ которыхъ не избавлялись и старики.

тамъ порядки, совершенно отличные отъ нашего поземельнаго строя; но рядомъ съ этою иноземною затѣей остается въ полной неприкосновенности барщина на господина, и болѣе льготной для крестьянъ оброчной системѣ молодой помѣщикъ, видимо, не симпатизируетъ; количество пахотной земли и луговъ у крестьянъ также не было увеличено, и они жалуются на малоземелье. Первое посѣщеніе кн. Нехлюдова въ описываемое утро приходится на долю трудолюбиваго и порядочнаго крестьянина, но совершенно разореннаго при прежнемъ управленіи вотчины, а поправиться онъ не можетъ, такъ какъ при нѣсколькихъ маленькихъ дѣтяхъ онъ одинъ работникъ въ хозяйствѣ. Его избенка почти совершенно сгнила и развалилась, такъ что упавшее съ потолка бревно чуть не убило его жену, она совершенно больна, но въ больницу не обращается, потому что все недосугъ: „*и на барщину*, и дома, и ребятишки—все одна!“ Вотъ этого-то крестьянина кн. Нехлюдовъ думаетъ, прежде всего, облагодѣтельствовать каменными герардовскими избами на новомъ хуторѣ, предлагая разоренному, несчастному мужику отдать *въ долгъ* готовую избу „за свою цѣну“ и нарѣзать огороды и пахотныя земли непосредственно подлѣ усадьбы,—словомъ, совсѣмъ какъ слѣдуетъ по нѣмецкому образцу. Но предложеніе это встрѣчаетъ рѣшительный протестъ со стороны крестьянина, и его жена бросается барину въ ноги съ просьбою оставить ихъ на прежнемъ мѣстѣ. Приходится на этотъ разъ отказаться отъ приступа къ постепенному разселенію крестьянъ. Этому мужику, очевидно, могло бы помочь не переселеніе, а снятіе съ него тягла: его мучаетъ грыжа, ему давно „въ старики пора“; но, по заведенному правилу, „коли землей владать, то и барщину править надо, ужъ порядки извѣстные“, а ему не на кого въ своей семьѣ сложить тягла, а тутъ еще баринъ требуетъ въ училище старшаго семилѣтняго мальчугана, который, все-таки, помогаетъ и скотину загнать, и лошадей напоить. Господинъ не додумывается до мысли, что въ этомъ случаѣ необходимо снятіе тягла съ сохраненіемъ права на земельный надѣлъ: нельзя предположить, чтобы его останавливало при этомъ опасеніе посягнуть на старинные поземельные порядки, выработанные крестьянскою общиной, такъ какъ онъ желаетъ ихъ нарушить устройствомъ своего хутора. Наконецъ, если бы господинъ не хотѣлъ предоставлять пользованія крестьянскою землей мужику, не несущему барщины, то развѣ не могла бы послужить для этой цѣли часть тѣхъ упавоженныхъ надѣловъ, которые были отрѣзаны въ пользу господской экономіи при отцѣ помѣщика? Но объ этомъ ничего не сказано въ „Maison rustique“, книжкѣ, изъ которой кн. Нехлюдовъ въ значительной степени черпаетъ свои хозяйственныя свѣдѣнія, и онъ не придумываетъ ничего другаго, какъ только дать крестьянину денегъ для покупки коровы, которой, впрочемъ, нечѣмъ будетъ кормить, потому что у несчастнаго мужика нѣтъ даже соломы. При посѣщеніи другой избы господину приходится имѣть дѣло съ праздникомъ, лживымъ мужикомъ, не

желающимъ трудиться, съ которымъ ничего не подѣлаешь и которому приходится грозить отдачею въ солдаты или ссылкою на поселеніе; и тутъ остается только дать денегъ на хлѣбъ матери этого лѣнтяя. Слѣдующій затѣмъ мужикъ - какой-то несчастный, съ болѣзненною полнотой, съ болѣзненною сонливостью и инертностью. Тутъ мы имѣемъ дѣло дѣйствительно съ субъектомъ совершенно нездоровымъ, но изъ воспоминаній очевидцевъ послѣднихъ годовъ крѣпостнаго права извѣстно, что бывали случаи совершеннаго отупѣнія (подъ вліяніемъ помѣщичьяго управленія) даже цѣлой вотчины [1]). Кн. Нехлюдовъ долго недоумѣваетъ, что дѣлать съ болѣзненнымъ крестьяниномъ: просьба матери мужика женить его оказывается неудобоисполнимою, такъ какъ никто не пойдетъ за него замужъ, а принужденія въ такомъ дѣлѣ помѣщикъ допустить не желаетъ; наконецъ, Нехлюдовъ рѣшаетъ, что нужно взять его во дворъ, самому наблюдать за нимъ и кротостью, увѣщаніями и выборомъ занятій пріучать къ работѣ и исправлять его; но едва ли и эта попытка можетъ увѣнчаться успѣхомъ. Послѣднее посѣщеніе—къ самому богатому мужику его вотчины—разрушаетъ еще одну мечту кн. Нехлюдова: онъ хочетъ, чтобы этотъ мужикъ нанялъ у него землю и завелъ свое особое хозяйство; дѣло идетъ, слѣдовательно, объ устройствѣ крестьянской образцовой фермы: кромѣ того, помѣщикъ желаетъ, чтобы крестьянинъ купилъ пополамъ съ нимъ рощу въ казенномъ лѣсу, но тотъ рѣшительно отказывается, клянясь, что у него нѣтъ денегъ; но истинную причину объясняетъ помѣщику его кормилица [2]). Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что годовая жизнь въ деревнѣ кн. Нехлюдова не могла побороть стариннаго недовѣрія крестьянъ къ господину, недовѣрія, совершенно понятнаго и законнаго послѣ долгихъ годовъ помѣщичьяго гнета. Непріятное впечатлѣніе этого утра окончательно разрушаетъ планы кн. Нехлюдова относительно его деревенской дѣятельности: „Развѣ богаче стали мои мужики,—въ отчаяніи спрашиваетъ онъ себя,—образовались или развились нравственно? Нисколько. Имъ стало не лучше, а мнѣ съ каждымъ днемъ становится тяжелѣе. Еслибъ я видѣлъ успѣхъ въ своемъ предпріятіи, еслибъ я видѣлъ благодарность... но нѣтъ, я вижу ложную рутину, порокъ, недовѣріе, безпомощность, я даромъ трачу лучшіе годы жизни,—подумалъ онъ, и ему... вспомнилось, что... денегъ у него въ конторѣ ничего уже не оставалось, что выдуманная имъ новая молотильная машина, къ общему смѣху мужи-

---

[1]) См. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1885 г., № 10, статью г. Рѣшетова: „Эпизоды при введеніи положенія 19 февраля 1861 года“, стр. 278—282.

[2]) „Да какъ же можно, батюшка,—говоритъ она,—мужику господскому свои деньги объявлять? Неровенъ случай, и всѣхъ денегъ рѣшишься! Вотъ съ дворникомъ въ дѣла вошелъ, да и ошибся. Гдѣ-жъ ему съ нимъ судиться! Такъ и пропали деньги, а съ помѣщикомъ-то ужъ вовсе квитъ какъ разъ будешь“.

ковъ, только свистѣла, а ничего не молотила, когда ее въ первый разъ... пустили въ ходъ въ молотильномъ сараѣ: что со дня на день надо было ожидать пріѣзда земскаго суда для описи имѣнія, которое онъ просрочилъ, увлекшись различными новыми хозяйственными предпріятіями".

Такимъ образомъ, попытки нѣкоторыхъ помѣщиковъ быть полезными своимъ крестьянамъ непосредственною дѣятельностью въ деревнѣ оказываются неудачными, частью вслѣдствіе трудности исправить все зло, созданное предыдущими поколѣніями, частью вслѣдствіе ихъ собственнаго неумѣнья взяться за дѣло. Мы не считаемъ себя въ правѣ придавать этому разсказу графа Л. Н. Толстаго автобіографическаго значенія [1]), но и данныя изъ жизни знаменитаго автора этой повѣсти приводятъ къ печальному выводу о несостоятельности той части интеллигенціи, которая сознала неправильность своихъ отношеній къ крестьянамъ, но думала исправить зло не освобожденіемъ своихъ крестьянъ на такихъ условіяхъ, чтобы имъ не приходилось жаловаться на малоземелье, а лишь нѣкоторымъ улучшеніемъ ихъ быта. Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ сочиненій („Такъ что-жъ намъ дѣлать?") гр. Л. Н. Толстой говоритъ: „Когда я былъ рабовладѣльцемъ и понялъ безнравственность своего положенія, я старался избавиться отъ него. Избавленіе же мое состояло въ томъ, что я старался какъ можно менѣе предъявлять своихъ правъ рабовладѣльца, а жить и оставлять людей жить такъ, какъ будто этихъ правъ не существовало". Сравнимъ это заявленіе автора съ показаніями, данными въ 1859 г. имъ самимъ или, быть можетъ, его управляющимъ, по требованію редакціонныхъ коммиссій.

Въ извѣстномъ имѣніи гр. Л. Н. Толстаго, сельцѣ Ясной Полянѣ съ деревнями, крапивенскаго уѣзда, тульской губерніи, было въ то время 204 души крестьянъ мужскаго пола и 41 душа мужскаго пола дворовыхъ. Крестьяне были на оброкѣ и платили по 30 руб. съ тягла; удобной земли на душу они имѣли по 2,82 дес. Сами по себѣ эти цифры не даютъ еще полнаго понятія о положеніи крестьянъ гр. Толстаго; но оно дѣлается для насъ болѣе яснымъ, если мы сравнимъ его съ данными относительно другихъ помѣщичьихъ имѣній этого уѣзда (выше 100 душъ). Оказывается, что по размѣру надѣла имѣніе гр. Толстаго принадлежало къ среднимъ [2]),

---

[1]) Видя со вторымъ курса юридическаго факультета гр. Л. Н. Толстой прожилъ вторую половину сороковыхъ годовъ въ доставшейся ему по раздѣлу деревнѣ Ясной Полянѣ (отецъ его умеръ въ 1837 году и съ того времени до раздѣла имѣніе находилось въ опекунскомъ управленіи). Въ 1851 году гр. Л. Н. уѣхалъ на Кавказъ и тамъ въ 1852 г. написалъ „Утро помѣщика".

[2]) Изъ четырнадцати оброчныхъ имѣній выше 100 душъ, относительно которыхъ мы имѣемъ данныя о размѣрѣ надѣла, въ трехъ имѣніяхъ приходилось отъ 2,02 до 2,36 дес. на душу, въ пяти отъ 2,62 до 2,97 дес., въ четырехъ отъ 3,03 до 3,29 въ одномъ — 4,25 и въ одномъ—5,64 дес.

но по величинѣ оброка было выше средняго уровня: изъ 25 имѣній этого уѣзда, вполнѣ или частью бывшихъ на оброкѣ и въ которыхъ намъ извѣстенъ его размѣръ, въ 17 оброкъ былъ ниже, а именно отъ 13 до 25 р. съ тягла, въ двухъ онъ измѣнялся отъ 20 до 30 р. съ тягла, въ четырехъ (въ томъ числѣ и Ясной Поляны) равнялся 30 р. и только въ двухъ былъ выше (33 и 35 руб.). Не слѣдуетъ думать, что низшіе оброки всегда совпадаютъ съ меньшимъ размѣромъ надѣла: въ одномъ изъ имѣній, гдѣ крестьяне платили всего по 13 руб. съ тягла, они имѣли по 3,04 дес. на душу, т. е. болѣе чѣмъ у гр. Толстаго, въ другомъ, гдѣ платили по 14 руб. 30 коп. съ тягла, имъ было отведено даже по 4,58 дес. на душу. Такимъ образомъ, огромный оброкъ въ имѣніи гр. Толстаго не можетъ быть извиняемъ размѣрами надѣла, а прибавить земли было изъ чего, такъ какъ за помѣщикомъ оставалось ея столько, что при отводѣ всей земли крестьянамъ пришлось бы еще по 3,55 дес. на душу. Правда, въ большинствѣ случаевъ, но не всегда, въ имѣніяхъ съ меньшимъ оброкомъ сверхъ него отбывались крестьянами еще нѣкоторыя натуральныя повинности[1]), однако, если и принять это во вниманіе, то, все-таки, гр. Толстой не имѣетъ права сказать, что онъ „старался какъ можно менѣе предъявлять своихъ правъ рабовладѣльца, а жить и оставлять людей жить такъ, какъ будто этихъ правъ не существовало". Быть можетъ, онъ желаетъ указать этимъ на то, что онъ отпустилъ крестьянъ на оброкъ, а не требовалъ ихъ, какъ герой его повѣсти кн. Нехлюдовъ, на барщину, но зачѣмъ же все-таки, такой большой оброкъ? (Гр. Толстой, очевидно, не признавалъ еще тогда деньги столь вредными, какъ теперь). Или, можетъ быть, владѣлецъ Ясной Поляны назначилъ такой оброкъ, чтобы, подобно Нехлюдову, помогать нуждающимся крестьянамъ? Но въ такомъ случаѣ онъ напоминаетъ того же Нехлюдова, который думалъ помочь крестьянину переселеніемъ въ каменную избу, но, въ то же время, не избавилъ его отъ барщины, несмотря на тяжелую болѣзнь. Какъ бы то ни было, этотъ фактъ только подтверждаетъ нашу мысль о неумѣніи той части интеллигенціи, которая собиралась улучшить положеніе крестьянъ, не давая имъ свободы, рѣшить заданную ими себѣ задачу. Будь это теперь, гр. Толстой, быть можетъ, ради утѣшенія своихъ крѣпостныхъ, предъявилъ бы имъ свою теорію непротивленія злу, которое онъ олицетворялъ въ своемъ лицѣ какъ помѣщикъ, но тогда онъ, вѣроятно, не додумался еще до этой теоріи, а старанія его избавиться „отъ безнравственнаго положенія" рабовладѣльца мы, къ сожалѣнію, не усматриваемъ. Мы видѣли, что многіе славянофилы оправдывали свое нежеланіе освобо

---

[1]) „Приложенія къ трудамъ редакціонной коммиссіи". Т. IV, Тульская губернія. стр. 44—45, V, 185.

дить крестьянъ софизмомъ, что подъ управленіемъ казенныхъ чиновниковъ ихъ положеніе будто бы могло ухудшиться; не знаемъ, чѣмъ оправдывалъ себя гр. Толстой [1]).

Въ другомъ имѣніи гр. Л. Н. Толстаго, суджанскаго уѣзда, курской губерніи, которымъ онъ владѣлъ не одинъ, а вмѣстѣ съ братомъ и сестрою, Н. и С. Н. Толстыми, мы также не видимъ особыхъ стараній объ улучшеніи положенія крѣпостныхъ: здѣсь крестьяне *состоялн на барщинѣ* и, притомъ, имѣли всего по 1,26 дес. удобной земли на душу и еще по 3 воза сѣна на тягло; въ томъ числѣ пахотной земли числилось всего по 1,09 дес. на душу, что было значительно ниже средняго уровня издѣльныхъ имѣній этого уѣзда [2]).

И такъ, мы видимъ, что даже лица, прекрасно понимавшія все безобразіе крѣпостнаго права, не только не освобождали своихъ крестьянъ, но даже заставляли ихъ нести весьма обременительныя повинности; крестьянамъ оставалось только надѣяться, что освобожденіе это будетъ произведено правительствомъ на основаніи для всѣхъ обязательнаго закона, а не предоставлено усмотрѣнію помѣщиковъ, которые остались глухи къ вызову, сдѣланному имъ указомъ 2 апрѣля 1842 г.

И въ этой, и въ нѣкоторыхъ изъ предшествующихъ главъ нашего труда намъ приходилось съ прискорбіемъ отмѣчать противорѣчіе между словомъ и дѣломъ у многихъ выдающихся дѣятелей сороковыхъ и первой половины пятидесятыхъ годовъ. Были, однако, люди, которые умѣли проводить въ жизнь свои взгляды и при этомъ съ величайшею скромностью скрывали ото всѣхъ самые великодушные свои поступки. Такою замѣчательною личностью былъ Д. П. Журавскій, служившій въ Кіевѣ въ 1845 году до своей смерти въ 1856 году и занимавшійся статистическими трудами. Въ 1855 году онъ составилъ проектъ учрежденія общества для выкупа дворовыхъ людей, не приписанныхъ къ имѣніямъ, но не ограничился, какъ многіе другіе, однимъ проектомъ Только по смерти его изъ оставленнаго имъ завѣщанія душеприкащики узнали, что, живя въ высшей степени скромно съ женою, вполнѣ раздѣлявшею его образъ мыслей, отказывая себѣ во многомъ, онъ откладывалъ, что могъ, изъ своихъ скудныхъ доходовъ и *употреблялъ сбереженія на выкупъ дворовыхъ людей*; такимъ образомъ ему удалось освободить болѣе десяти семействъ. Онъ опре-

---

[1]) Въ „Исповѣди" гр. Л. Н. говоритъ, что онъ „проигрывалъ въ карты или всѣдалъ труды мужиковъ, стоившіе имъ". („Православное Обозрѣніе" 1886 г., № 1, стр. 146).

[2]) Въ сорока четырехъ такихъ имѣніяхъ было у крестьянъ *пахотной* земли въ одномъ по 0,94 дес. на душу, въ тринадцати отъ 1 до 1,45 дес., а во всѣхъ остальныхъ отъ 1,5 до 3,27 дес., слѣдовательно, въ огромномъ большинствѣ имѣній крестьяне имѣли болѣе пахотной земли, чѣмъ въ имѣніи Толстыхъ. „Приложеніе къ трудамъ редакціонныхъ коммиссій". Т. I, курская губернія, стр. 54 и 55, V, 289.

дѣлилъ въ завѣщаніи, чтобы весь накопленный имъ капиталъ и все небольшое состояніе были употреблены по смерти его жены на основаніе проектированнаго имъ общества для выкупа дворовыхъ людей, а если оно не состоится, то на выкупъ ихъ обыкновеннымъ порядкомъ. За гробомъ его шло нѣсколько бѣдныхъ людей въ слезахъ; по разспросамъ оказалось, что это были выкупленные имъ крѣпостные [1]). Миръ праху твоему, праведникъ! Какъ-то легче становится на сердцѣ, когда узнаешь, что были такіе люди!

---

[1]) Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина I, 222—223.

ГЛАВА XVI.

Крестьянское дѣло въ западной Россіи.—Дѣятельность Д. Г. Бибикова въ Юго-западномъ краѣ и инвентарныя правила 1847 и 1848 гг.—Вопросъ объ обязательныхъ инвентаряхъ въ сѣверо-западной Россіи.

Въ виду инертнаго отношенія къ крестьянскому вопросу громаднаго большинства русскихъ помѣщиковъ и нежеланія ихъ улучшить положеніе своихъ крѣпостныхъ путемъ добровольныхъ сдѣлокъ, на основаніи законовъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ, правительству ничего не оставалось, какъ взять это дѣло въ свои руки и приступить къ серьезнымъ мѣрамъ для измѣненія быта крѣпостнаго населенія Россіи. Но, къ сожалѣнію, правительство не обнаружило въ этомъ отношеніи той рѣшительности, которая была здѣсь особенно необходима; нѣкоторую энергію оно выказало лишь въ дѣлѣ улучшенія быта крѣпостнаго населенія тѣхъ областей Россіи, которыя были присоединены отъ Польши такъ какъ къ этому побуждали причины политическія.

Еще въ концѣ втораго десятилѣтія XIX в. императоръ Александръ I высказывалъ желаніе уничтожать крѣпостное право постепенно, по губерніямъ, начиная отъ западныхъ областей Россіи. Худо ли, хорошо ли, оно было уничтожено въ Остзейскомъ краѣ. Затѣмъ императоръ Александръ I чрезъ генералъ-губернатора предложилъ дворянству великаго княжества Литовскаго освободить крестьянъ, но оно отвѣчало уклончиво, выражая готовность „послѣдовать примѣру своихъ старшихъ братьевъ—русскихъ". Мѣстами среди самихъ дворянъ западной Россіи обнаруживалось стремленіе ввести тотъ новый, весьма небезвыгодный для помѣщиковъ порядокъ, который устанавливался въ это время въ Остзейскомъ краѣ на основаніи личнаго, безземельнаго освобожденія крестьянъ. По донесенію бѣлорусскаго губернатора, герцога Виртембергскаго, о намѣреніи дворянства динабургскаго уѣзда даровать своимъ крестьянамъ личную свободу, въ 1819 г. была учреждена, по повелѣнію государя, коммиссія для составленія положенія, подобнаго изданнымъ въ прибалтійскихъ губер-

ніяхъ, и внесенія его затѣмъ на утвержденіе государя. Коммиссія составила положеніе, по которому дворянство, сохраняя за собою право собственности на всю землю, отказывалось отъ владѣльческихъ правъ на крестьянъ, предоставляя впредь опредѣленіе взаимныхъ отношеній добровольнымъ условіямъ. Для постепеннаго перехода крестьянъ въ свободное состояніе былъ назначенъ тринадцатилѣтній срокъ Однако на общемъ собраніи дворянъ динабургскаго уѣзда, гдѣ разсматривался выработанный коммиссіею проектъ, большинство дворянства этой мѣстности отказалось отъ какого бы то ни было ограниченія своихъ правъ на владѣніе крестьянами. Уже въ новое царствованіе, въ 1829 г., дѣло это восходило до государственнаго совѣта, потомъ вновь разсматривалось въ собраніи динабургскихъ дворянъ, но все это не имѣло никакихъ практическихъ послѣдствій.

Однако бѣдственное положеніе крестьянъ въ западной Россіи побуждало правительство, не ожидая рѣшительнаго измѣненія ихъ быта, принимать мѣры еще въ царствованіе имп. Александра I, хоти бы для нѣкотораго облегченія тяжелыхъ условій ихъ жизни. Но указъ 23 марта 1818 г. (см. т. I ст. XXVII) долженъ былъ остаться мертвою буквой, и положеніе крестьянъ въ западной Россіи было, по прежнему, крайне плачевно. Въ подтвержденіе этого приведемъ свидѣтельство составленной въ началѣ 50-хъ годовъ по оффиціальнымъ источникамъ записки [1]) о положеніи крестьянъ въ юго-западной Россіи: „Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, въ губерніяхъ, бывшихъ нѣкогда подъ владычествомъ Польши, издавна существовали *инвентари*, или помѣстныя положенія, въ которыхъ опредѣлены были угодья и выгоды, предоставленныя крестьянамъ, и разныя повинности, на нихъ лежавшія". Но эти инвентари, которые, повидимому, должны были бы установить правомѣрныя отношенія между помѣщиками и крестьянами, „нисколько не обезпечивали сихъ послѣднихъ; ибо, во-первыхъ, не эту цѣль имѣло въ виду польское правительство при введеніи инвентарей, а огражденіе казеннаго интереса при отдачѣ имѣній во временное владѣніе: во-вторыхъ, инвентари не соотвѣтствовали дѣйствительному положенію имѣній и средствамъ крестьянъ: въ-третьихъ, *не будучи для помѣщиковъ обязательны*, они нарушались безнаказанно въ ущербъ поселянъ: наконецъ, корыстолюбіе помѣщиковъ нашло средство самые инвентари обратить въ средство угнетенія, повидимому, законнаго: крестьянамъ задавали уроки, превосходившіе обыкновенныя силы человѣка, посылали ихъ для препровожденія проходившихъ войскъ, для починки дорогъ и другихъ повинностей; но помѣщики не принимали на свой счетъ дней, проведенныхъ въ командировкѣ по земскимъ надобностямъ, а за-

[1]) „Обозрѣніе кіевской, подольской и волынской губерній съ 1793 по 1850 г." „Рус. Арх." 1884 г. кн. 5, стр. 28-29.

числяли ихъ вмѣстѣ съ неотработанными уроками въ долгъ за крестьянами, записывали его въ книгу и заставляли отработывать въ предоставленные имъ дни, такъ что поселяне круглый годъ трудились, не зная даже праздниковъ, и никогда не выходили изъ долговъ; сверхъ того, помѣщики заводили въ имѣніяхъ своихъ монополіи, продавая жидамъ исключительное право покупки сельскихъ произведеній у крестьянъ, и черезъ это, такъ сказать, переуступали послѣднихъ въ кабалу алчнымъ промышленникамъ. Систематическое разореніе крестьянъ сопровождалось варварскимъ произволомъ въ наказаніяхъ: за неумышленный проступокъ или за неосторожность сѣкли и терзали до полусмерти, забивали въ неподвижныя колодки, томили въ заперти, накладывали на голое тѣло тряпки съ соляным растворомъ и сѣкли по нимъ, насиловали женъ и дѣвокъ, подрѣзали у нихъ косы и т. п. Защиты отъ властей крестьяне не могли ожидать, ибо члены полиціи и дворянскіе предводители, будучи большею частью сами поляки и помѣщики, по пристрастію и политическимъ видамъ, потворствовали своимъ братьямъ, какъ это доказывало ихъ совершенное бездѣйствіе по множеству дѣлъ, возбужденныхъ главнымъ мѣстнымъ начальствомъ и о которыхъ предводители не могли не знать".

Во время польскаго возстанія 1831 года крестьяне сослужили добрую службу русскому правительству, арестуя и представляя начальству многихъ дворянъ, уже принявшихъ участіе въ возстаніи или къ тому приготовлявшихся. При этомъ они руководились не только давнишнею ненавистью къ панамъ-притѣснителямъ, но и тѣми обѣщаніями, которыя они слышали въ читаемомъ въ церквахъ воззваніи къ крестьянамъ генералъ-фельдмаршала Остенъ-Сакена (отъ 19 мая 1831 г.), гдѣ, между прочимъ, было сказано: „Не вѣрьте имъ (т. е. инсургентамъ), и тѣхъ, которые будутъ уговаривать и принуждать васъ къ бунту, старайтесь захватить и представить начальству. *Вы никогда уже не будете принадлежать тѣмъ помѣщикамъ, которые возстанутъ противъ законной власти*". Но крестьяне обманулись въ своихъ надеждахъ „Одни помѣщики, говоритъ мѣстный историкъ, не были компрометированы, другіе вышли изъ воды сухими, третьи были прощены: всѣ сохранили свои имѣнія, а имѣнія замѣшанныхъ въ мятежѣ и осужденныхъ перешли къ ихъ родичамъ или, конфискованныя въ казну, были сдаваемы въ посессію или управленіе большею частью польскимъ шляхтичамъ съ правомъ требовать панщины". Понятно, что владѣльцы и арендаторы, опираясь на чиновниковъ, своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, постарались отомстить крестьянамъ, изъ которыхъ многіе были оторваны отъ своихъ семействъ и отданы въ рекруты, а другіе въ кандалахъ съ бритыми головами потянулись въ Сибирь. „Не лучше, если не горше была участь тѣхъ, которые оставались дома. Руководясь, кромѣ мщенія, принципами крѣпостной политической экономіи, помѣщики и арендаторы видѣли въ усп-

леніи пашцины и повинностей всякаго рода вѣрный источникъ для поправленія состоянія, потрясеннаго революціею“ [1]).

Какъ скоро почувствовали крестьяне месть со стороны пановъ, видно изъ именнаго указа 1 августа 1831 г.: въ комитетъ министровъ было представлено донесеніе управляющаго новороссійскими губерніями, тайнаго совѣтника графа Палена, о побѣгахъ крестьянъ изъ подольской губерніи въ херсонскую вслѣдствіе притѣсненій со стороны помѣщиковъ „за непринятіе участія въ бывшемъ мятежѣ“. Этимъ указомъ предписывалось: 1) Если лица, выразившія во время военныхъ дѣйствій въ Западномъ краѣ раскаяніе относительно своего участія въ мятежѣ, а также вовлеченныя въ него силою и, наконецъ, лишь оставленныя въ подозрѣніи, получивъ разрѣшеніе возвратиться въ свои имѣнія, начали притѣснять крестьянъ, то послѣдніе могутъ приносить жалобы ближайшему начальству, и буде онѣ подтвердятся, то къ имѣніямъ такихъ лицъ немедленно опредѣляются опекуны. 2) Если бы было доказано, что притѣсненія эти были вызваны уклоненіемъ крестьянъ отъ участія въ дѣйствіяхъ противъ правительства или донесеніемъ на своихъ помѣщиковъ, въ такомъ случаѣ владѣльцевъ, поссесоровъ или управляющихъ предавать суду, а имѣнія секвестровать. 3) Крестьяне должны были и впредь сохранять вѣрность къ правительству, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣстному начальству предписывалось соблюдать, чтобы эти правила не могли сдѣлаться для крестьянъ „поводомъ къ неповиновенію законной власти ихъ помѣщиковъ и управляющихъ, и чтобы невинные изъ сихъ послѣднихъ ни въ какомъ случаѣ не терпѣли стѣсненія въ своихъ правахъ“ [2]).

Такимъ образомъ, крестьяне горько обманулись въ своихъ надеждахъ на освобожденіе отъ власти пановъ. Д. Г. Бибиковъ, назначенный въ 1838 году генералъ-губернаторомъ Юго-западнаго края, считалъ такое отношеніе правительства къ крестьянамъ важною политическою ошибкой. Вотъ что писалъ онъ въ 1839 году въ докладѣ государю о настроеніи крѣпостнаго населенія: „Крестьяне греко-россійскаго исповѣданія, выразившіе во время послѣдняго бунта безграничную преданность правительству... послѣ отданія многихъ изъ нихъ прежнимъ помѣщикамъ вытерпѣвъ жестокія преслѣдованія и не получивъ за заслуги свои ни малѣйшаго со стороны правительства возмездія, начинаютъ *приходить къ оному въ охлажденіе*“. Бибиковъ выражалъ опасеніе, что крестьяне для того, чтобы „сколько нибудь облегчить свою участь“, постараются впредь вѣрною службой полякамъ... выиграть ихъ благорасположеніе и тѣмъ улучшить свой бытъ“ [3]). Въ запискѣ начала пятидесятыхъ годовъ подъ

---

[1]) Статья В. Шульгина въ „Древней и Новой Россіи“ 1879 г., № 5, стр. 6—7.
[2]) 2 е П. С. 3 VI. 1738.
[3]) *Шульгинъ*, стр. 10.

названіемъ „Обозрѣніе кіевской, подольской и волынской губерній съ 1838 по 1850 г.", которою мы уже пользовались, также была высказана мысль, что оставленіе во власти помѣщиковъ крестьянъ „призванныхъ къ содѣйствію противъ бунтовавшихъ господъ", и месть со стороны этихъ послѣднихъ поколебали надежду народа „на верховную власть и мощное ея заступничество" [1].

Правительство со многихъ сторонъ получало заявленія, что улучшенія быта крестьянъ въ западной Россіи требуютъ политическіе интересы государства. Такъ, Киселевъ, въ поданной въ 1835 году императору Николаю запискѣ „О политическомъ положеніи юго-западныхъ губерній", напомнивъ, что крестьяне представляютъ силу, по численности въ десять разъ превосходящую помѣщиковъ и шляхту, продолжаетъ: „Низшій классъ, состоящій изъ крестьянъ, не по истинной преданности къ Россіи, но по ненависти къ владѣльцамъ-католикамъ, наложившимъ тяжкое на нихъ бремя безучастіемъ своимъ въ ихъ замыслахъ, даетъ собою важный перевѣсъ въ пользу правительства; а потому само собою слѣдуетъ, что нужно обезсилить связь и вліяніе первыхъ классовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ утвердить права, благосостояніе и преданность къ правительству послѣдняго" [2]. Въ томъ же 1835 году чиновникъ особыхъ порученій при

---

[1]) „Рус. Арх." 1884 г., кн. 5, стр. 26.

[2]) Впрочемъ, самъ Киселевъ предлагалъ тогда весьма неудачную мѣру, а именно раздачу конфискованныхъ имѣній русскимъ чиновникамъ, хотя и съ тѣснымъ опредѣленіемъ крестьянскихъ повинностей, и распространеніе этой мѣры на всѣ имѣнія конфискованныя, староствскія и церковныя. *Заблоцкій-Десятовскій*, IV, 146—148. Закономъ 6 декабря 1842 года было предписано, чтобы при раздачѣ имѣній въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ на правѣ майоратовъ повинности крестьянъ въ пользу владѣльцевъ были точно опредѣлены инвентаремъ и сами они назывались *обязанными крестьянами*. 2-е П. С. З. т. XVII, № 16927. Ср. Докладъ Кн. Чернышева 1841 г. *Заблоцкій-Десятовскій* IV, 157—160. Въ 1837 году Киселевъ въ письмѣ къ виленскому генералъ-губернатору, кн. П. А. Долгорукому, выказалъ свои взгляды на то, въ какомъ направленіи должно дѣйствовать русское правительство относительно крестьянскаго вопроса въ западной Россіи. Въ отвѣтъ на подробный разсказъ князя Долгорукова о томъ, какъ онъ старался убѣдить мѣстныхъ помѣщиковъ самихъ заняться улучшеніемъ быта своихъ крестьянъ, Киселевъ рѣшительно выразилъ мысль, что инициатива въ этомъ дѣлѣ въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, должна принадлежать правительству. „Подобная мѣра по видамъ этихъ провинцій, по моему мнѣнію, — писалъ онъ, — должна быть *предписана* правительствомъ, а не *принята* имъ. Поведеніе помѣщиковъ въ отношеніи ихъ крестьянъ дастъ на это право правительству, и чѣмъ болѣе будутъ говорить факты въ этомъ смыслѣ, тѣмъ болѣе правительство вынуждено будетъ искать средствъ, чтобы помочь. Какое же лекарство можно предложить? Примѣръ прибалтійскихъ провинцій, гдѣ сами помѣщики регулировали права и обязанности земледѣльцевъ (т. е. пользующихся землею крестьянъ)? Наполеонъ, изъ полякокъ, поступилъ безцеремонно, хотя однимъ почеркомъ пера уничтожилъ рабство въ герцогствѣ Варшавскомъ. Мы должны, я думаю, поступить болѣе правильно, болѣе осторожно и показать, что государь желаетъ своею властью

министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Евгеній Пассекъ, въ неизданной запискѣ „О средствахъ для нравственнаго присоединенія жителей западныхъ губерній къ отечеству" заявлялъ, что въ Задпѣпровьѣ необходимо „ласкать, облегчать, поддерживать, возвышать... всѣхъ крестьянъ" и совѣтовалъ „распространить на западныя губерніи положеніе, чтобы помѣщичьи крестьяне обязаны были работать на барщинѣ не болѣе трехъ дней въ недѣлю" [1]).

Когда въ 1835 году по поводу недостаточности продовольственныхъ средствъ въ витебской губерніи былъ поднятъ вопросъ о томъ, какъ улучшить благосостояніе этого края, витебскій губернаторъ заявилъ, что общая бѣдность тамошнихъ помѣщичьихъ крестьянъ, между прочимъ, объясняется: 1) ихъ „нравственнымъ униженіемъ: изнуренные нищетою, они не имѣютъ никакого понятія о собственности, ни желанія пріобрѣтать оную... и преданы унынію и безпечности"; 2) „ненадлежащимъ отношеніемъ крестьянъ къ помѣщикамъ" и обратно: „первые изнурены рабствомъ, послѣдніе ослѣплены духомъ преобладанія"; крестьяне, „не имѣя средствъ обезпечить себя въ продовольствіи земледѣліемъ или промышленностью, по необходимости прибѣгаютъ къ помѣщичьимъ судамъ"; помѣщики, „постоянно платя за нихъ подати и повинности, непрерывно изнуряютъ ихъ собственными работами, предоставляя имъ одинъ праздничный день и отнимая у нихъ послѣднее имущество" въ уплату долговъ: „крестьяне, не дорожа своею собственностью по неувѣренности въ обладаніи оною, съ отчаянія пропиваютъ въ корчмахъ то, что успѣютъ скрыть отъ владѣльца"; „помѣщики, въ ошибочномъ понятіи объ истинныхъ своихъ выгодахъ, отнюдь не удерживаютъ отъ онаго крестьянъ, но какъ бы поощряютъ къ тому, всемѣрно стараясь объ увеличеніи расходовъ по корчмамъ вина, и тѣмъ сами приводятъ и себя, и крестьянъ въ сугубую нищету". Средствомъ къ поднятію благосостоянія помѣщичьихъ крестьянъ губернаторъ считалъ „уменьшеніе помѣщиками числа рабочихъ дней и возрожденіе въ крестьянахъ понятія о неприкосновенности ихъ собственности". Бѣлорусскій генералъ-губернаторъ кн. Хованскій также находилъ необходимымъ обратить

принять участіе въ интересахъ массы земледѣльцевъ, какъ это сдѣлали Марія-Терезія и три послѣдніе короля Пруссіи... Въ западныхъ провинціяхъ вывести регулированіе правъ и обязанностей между владѣльцами и земледѣльцами (т. е. крестьянами) легче, чѣмъ въ другихъ частяхъ имперіи. Тамъ существуютъ инвентари; пусть сдѣлаютъ ихъ обязательными для обѣихъ сторонъ, пусть установятъ общее основаніе для ихъ составленія. Затѣмъ пусть будутъ учреждены суды для разбора недоразумѣній между владѣльцами и крестьянами, и вы будете имѣть точку опоранія, чтобы распространить болѣе и болѣе гражданскія права на эту массу нашего населенія, поставленную, такъ сказать, внѣ закона. Дѣло будетъ сдѣлано безъ произнесенія слова свобода, и рабство исчезнетъ незамѣтно для самаго раба". *Заблоцкій-Десятовскій* II, 217—221.

[1]) Рукопись Румянцовскаго Музея, № 2637 л. 177, 178 и 267

вниманіе „на рабское, безправное" положеніе крестьянъ, которыхъ „безъ разума" угнетаютъ помѣщики, и предлагалъ: 1) „надѣлить каждаго крестьянина удобною во всѣхъ угодьяхъ землею въ достаточномъ для семействъ ихъ количествѣ": 2) опредѣлить съ точностью размѣръ повинностей крестьянъ въ пользу помѣщиковъ; 3) воспретить владѣльцамъ отдавать крестьянъ и лошадей ихъ въ извозъ, такъ какъ это совершенно разстраиваетъ ихъ хозяйство; 4) запретить господскія работы „общимъ сгономъ или толокою" не въ счетъ рабочихъ дней. „Нѣкоторые изъ помѣщиковъ — продолжаетъ князь Хованскій, — ошибочно понимаютъ свое право надъ крестьянами и обходятся съ ними немилостиво. У нихъ экономъ управляетъ людьми ничѣмъ болѣе, какъ только дисциплиною, кнутомъ, безумомъ плетью. Жалобы и дѣла представляютъ много тому примѣровъ". Въ виду этого князь Хованскій считалъ необходимымъ „опредѣлить случаи, порядокъ и мѣру тѣлеснаго наказанія крестьянъ за ихъ проступки" и рѣшительно воспретить старостамъ и управителямъ наказывать крестьянъ безъ личнаго распоряженія помѣщика; если же владѣлецъ имѣнія находится въ отсутствіи, въ такомъ случаѣ опредѣлять виновному наказаніе мірскимъ приговоромъ на сходѣ. Для прекращенія безумной и вредной для крѣпостныхъ роскоши помѣщиковъ князь Хованскій предлагаетъ также ограничить количество домашней прислуги, сообразно съ числомъ душъ крестьянъ (подъ угрозою штрафа за первыя три нарушенія этого правила, а затѣмъ и дарованія свободы дворовымъ), воспретить держать псовую охоту тѣмъ, кто не имѣетъ 500 душъ, и музыкальнаго оркестра имѣющимъ менѣе 1,000 душъ: совершенно запретить домашніе театры съ крѣпостными актерами и проч. Однако, министръ внутреннихъ дѣлъ Блудовъ отнесся несочувственно къ этимъ предложеніямъ объ ограниченіи крѣпостнаго права, полагая, что вмѣшательство правительства въ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ не могло бы вполнѣ достигнуть цѣли и что „дѣлать о семъ особыя постановленія значило бы поколебать существующія права владѣльцевъ и одною Бѣлоруссіей дать дурной примѣръ (!) для другихъ мѣстъ имперіи, гдѣ подобныхъ злоупотребленій нѣтъ или они очень рѣдки": относительно же отдачи крестьянъ въ работы по контрактамъ Блудовъ сослался на недавнее постановленіе [1]), которымъ, по его

[1]) 29 мая 1835 года были опубликованы правительствомъ правила (2-е П. С. З., т. X, №787), на основаніи которыхъ бѣлорусскіе помѣщичьи крестьяне могли быть отдаваемы по найму въ земледѣльческія и другія черныя работы. Имѣя опредѣлить, чтобы помѣщики отдавали въ наемъ по контракту не болѣе извѣстнаго числа своихъ семействъ, помѣщикъ долженъ былъ вести за отданныхъ въ наемъ подати въ казну, обезпечить имъ приличную одежду, обувь и продовольствіе, опредѣлить было качество и количество пищи и работъ и ея ежедневная продолжительность, назначено, сколько денегъ должно было жалованья идти въ пользу самого крестьянина, и проч. Всѣ эти постановленія, *если бы они исполнялись*, достаточно были гарантированы бы крестьянъ отъ злоупотребленій, но въ томъ-то и бѣда, что они не могли не остаться мертвою буквой.—12 октября 1838 года такія же правила были изданы для всѣхъ западныхъ губерній относительно отдачи

мнѣнію, этотъ вопросъ былъ „достаточно разрѣшенъ“. Мѣры для ограниченія роскоши помѣщиковъ Блудовъ считалъ неудобоисполнимыми [1].

Такимъ образомъ, въ половинѣ 30-хъ годовъ правительству былъ сдѣланъ цѣлый рядъ оффиціальныхъ заявленій о необходимости ограничить крѣпостное право въ западной Россіи: затѣмъ съ 1839 года начальникъ Юго-западнаго края, Бибиковъ, сталъ постоянно обращать вниманіе императора Николая на бѣдственное положеніе крестьянъ этой мѣстности [2].

Въ 1839 году витебскій губернаторъ Львовъ, описывая въ отчетѣ государю разстроенное экономическое положеніе губерніи, главною причиной тому считалъ отягощеніе помѣщичьихъ крестьянъ несоразмѣрными повинностями въ пользу владѣльцевъ. Когда отчетъ его былъ переданъ на разсмотрѣніе нѣсколькимъ министрамъ, и въ томъ числѣ графу Киселеву, то послѣдній въ своей запискѣ, прочитанной государемъ въ февралѣ 1840 года, заявилъ, что „вѣрнѣйшимъ средствомъ къ огражденію крестьянъ отъ разоренія было бы составленіе положительныхъ инвентарей всѣмъ повинностямъ, которыми они обязаны владѣльцу“, но такъ какъ это средство не можетъ быть примѣнено къ одной витебской губерніи, то пока онъ предлагалъ тѣ имѣнія, гдѣ помѣщики разоряли своихъ крестьянъ, брать въ опекунское управленіе и вводить въ нихъ инвентари, которые уже употребляются въ этой мѣстности „благомыслящими помѣщиками и могутъ быть признаны дѣйствительно выгодными и полезными какъ для владѣльцевъ, такъ и для крестьянъ“. Затѣмъ „время покажетъ средства сообразить, на какихъ основаніяхъ можно будетъ установить и ввести постепенно *обязательные* инвентари (во всѣхъ имѣніяхъ), опредѣливъ власть помѣщиковъ и участіе ихъ въ судѣ или мѣстной расправѣ“.

Записка Киселева была внесена въ существовавшій тогда комитетъ западныхъ губерній, который также призналъ большую пользу введенія вообще въ помѣщичьихъ имѣніяхъ обязательныхъ инвентарей, на первый же разъ полагалъ ограничиться установленіемъ ихъ въ тѣхъ имѣніяхъ, которыя по распоряженію правительства будутъ отданы подъ опеку. На журналѣ этого комитета, 27 марта 1840 г. послѣдовала такая резолюція государя: „Полагаю, что можно рѣшительно велѣть ввести въ помѣщичьихъ владѣніяхъ тѣ инвентари, которыми само правительство довольствуется въ арендныхъ имѣніяхъ. Ежели отъ сего будетъ нѣкоторое стѣ-

---

крестьянъ въ наемъ для сплава товаровъ въ Данцигъ, Кенигсбергъ и Торнъ. 2-е П. С. З., XIII, 11626, срав. XIV, 12940. Въ декабрѣ 1853 года были изданы новыя правила о наймѣ помѣщичьихъ крестьянъ западныхъ губерній въ земляныя и другія черныя работы. 2-е П. С. З., XXVIII, 27755. Въ 1840 году было воспрещено евреямъ брать на откупъ доходы, поступающіе отъ крестьянъ въ пользу владѣльцевъ. 2-е П. С. З., XV, 13547.

[1]) Арх. Мин. Гос. Им., дѣло II Департамента, № 12147, тт. 114—115, 118, 138—141, 143—145, 182—189.

[2]) *Шульгинъ*, стр. 96.

спеціе правъ помѣщиковъ, то оно касается прямо блага ихъ крѣпостныхъ людей и не должно отнюдь останавливать благой цѣли правительства". Комитетъ, для исполненія воли государя, полагалъ: предоставить управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ истребовать отъ начальниковъ западныхъ губерній предварительныя свѣдѣнія, а отъ нѣкоторыхъ „благомыслящихъ" помѣщиковъ уже составленные ими для своихъ крестьянъ инвентари, и приступить къ начертанію подробныхъ правилъ по этому предмету, съ тѣмъ, во-первыхъ, чтобы, при составленіи инвентарей, принимаемы были въ основаніе тѣ, какіе будутъ по новой люстраціи вновь утверждены для казенныхъ имѣній, и, во-вторыхъ, чтобы сравнительно съ этими послѣдними было допущено во вновь составляемыхъ инвентаряхъ нѣкоторое возвышеніе повинностей въ пользу помѣщиковъ, а, между тѣмъ, во всѣхъ владѣльческихъ имѣніяхъ Западнаго края, которыя вслѣдствіе злоупотребленія помѣщичьей власти будутъ взяты въ опеку, вводить инвентари принятые для казенныхъ имѣній. На этомъ положеніи комитета государь въ апрѣлѣ 1840 г. написалъ: „Совершенно согласенъ; кончить сіе непремѣнно не позже 1 сентября". Относительно введенія обязательныхъ инвентарей въ имѣніяхъ, взятыхъ въ опеку, былъ изданъ именной указъ въ августѣ 1840 г. [1]), но исполнить такое сложное дѣло какъ установленіе обязательныхъ инвентарей во всѣхъ имѣніяхъ въ назначенный государемъ короткій срокъ, оказалось невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что инвентари для казенныхъ имѣній по новой люстраціи на основаніи правилъ 1839 г. еще не были утверждены, и это могло потребовать нѣсколько лѣтъ. Поэтому комитетъ полагалъ поручить министру внутреннихъ дѣлъ лишь составленіе общихъ правилъ, въ которыхъ излагались бы главныя основанія и порядокъ введенія инвентарнаго положенія въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, а для примѣненія этихъ правилъ къ каждому имѣнію учредить на мѣстахъ особыя коммиссіи. На это положеніе послѣдовала 21 февраля 1841 г. такая резолюція государя: „Дѣломъ симъ не медлить, я считаю его особенно важнымъ и ожидаю отъ сей мѣры большой пользы" [2]).

„Въ Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ" въ 1843 г. [3]) появилась статья подъ заглавіемъ: „Составъ и значеніе инвентарей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ областей, возвращенныхъ отъ Польши", очевидно, составленная лицомъ, основательно знакомымъ со многими инвентарями,

[1]) 2-е П. С. З. XV, 13745.

[2]) *Заблоцкій-Десятовскій*. II. 309—313. Въ концѣ 1842 г. были изданы правила объ имѣніяхъ, жалуемыхъ въ Западной Россіи на правѣ маіоратовъ, на основаніи которыхъ повинности крестьянъ въ каждомъ изъ этихъ имѣній опредѣлялись инвентаремъ и вообще права владѣльцевъ относительно крестьянъ были ограничены. 2-е П. С. З. XVII, 16297.

[3]) Ч. I, стр. 242—262

Въ ней было указано, что въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, инвентари существуютъ и въ казенныхъ, и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, но важная разница между тѣми и другими состоитъ въ томъ, что „инвентари государственныхъ имуществъ" составлялись оффиціально правительствомъ, вслѣдствіе такъ называемыхъ „люстрацій", производимыхъ особо назначаемыми для того чиновниками, инвентари же хозяйствъ помѣщичьихъ, кромѣ особенныхъ случаевъ взысканія или повѣрки, *предоставляются личному усмотрѣнію и безотчетному произволу помѣщиковъ*". Далѣе авторъ перечисляетъ то, что входило въ составъ подробнаго инвентаря и въ заключеніе этого обзора говоритъ: „При всей, однако, зависимости отъ личнаго произвола, инвентари, безконечно разнообразные въ подробностяхъ, всѣ имѣютъ одно общее основаніе, руководствуются однимъ постояннымъ началомъ въ устройствѣ помѣстнаго хозяйства. Начало это есть соразмѣрность повинностей, возлагаемыхъ на крестьянъ, съ количествомъ земли, которою надѣляются они отъ помѣщика. Здѣсь, очевидно, сила коренного національнаго обычая освященнаго вѣками въ законъ, имѣющій при недостаткѣ положительныхъ обезпеченій нравственную обязательность". Далѣе авторъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о надѣлахъ и повинностяхъ крестьянъ въ западной Россіи. Основною единицей въ этихъ областяхъ принимается „уволока" (19½ дес.) пахотной, сѣнокосной и усадебной земли, но полныя уволочныя хозяйства встрѣчаются не часто, а обыкновенно они имѣютъ ¾ или ½ уволоки: такой надѣлъ считается цѣлымъ тягломъ: хозяйства, довольствующіяся ½ уволоки, называются „полутягловыми": семейства, пользующіяся только усадебною землей, называются „халупниками" или „огородниками", а безземельные и бездомовые „бобылями" или „кутниками". Соразмѣрно количеству земли и другихъ выгодъ, крестьяне обязаны отбывать помѣщику повинности, которыя вообще раздѣляются на „главныя" и „добавочныя". Главныя повинности состоятъ въ личныхъ работахъ въ пользу помѣщика. Первое мѣсто между ними занимаютъ работы собственно земледѣльческія на „панщинѣ", которыя выполняются посредствомъ „пригоновъ" и „стоновъ" или „гвалтовъ". Пригонами называются рабочіе дни, которые каждое хозяйство должно отбывать еженедѣльно; стонъ или гвалтъ есть созывъ всѣхъ наличныхъ работниковъ и работницъ помѣстья для чрезвычайныхъ земледѣльческихъ работъ на панщинѣ. Кромѣ этихъ основныхъ работъ, есть еще и другія: 1) исполняемыя мужчинами и женщинами, такъ называемыя „шарварки" или строительныя работы, въ составъ которыхъ входитъ также починка плотинъ, дорогъ и т. п., и „сторожество" или разныя домашнія послуги въ фольваркѣ; 2) одними мужчинами, такъ называемая „подорощизна" или подводная повинность для отвоза произведеній панскаго хозяйства въ мѣста сбыта и „почтовой карауль". 3) одними женщинами: пряденіе, тканье, работы въ огородахъ

и т. п. Кромѣ того, мѣстами отбываются разныя хозяйственныя работы подъ названіями „толоки", „ласки", „заремщины" и т. п. Повинности добавочныя состоятъ во взносѣ натурою (домашнія птицы хлѣбъ, медъ и т. п.) или деньгами опредѣленныхъ „данинъ" съ каждаго хозяйства. Огородники или халупники увольняются отъ всѣхъ повинностей помѣщику, кромѣ „чинша" (денежнаго оброка) за усадьбу и иногда участія въ „гвалтѣ" (съ бобылей берется только чиншъ, если они не причислены къ какому нибудь семейству, котораго повинности въ такомъ случаѣ и должны раздѣлять. Обзоръ хозяйственнаго порядка въ имѣніяхъ западной Россіи приводитъ автора статьи офиціальнаго органа министерства внутреннихъ дѣлъ къ такому выводу: „Явно отсюда, что инвентарь, какъ скоро онъ полонъ и точенъ, имѣетъ достоинство не только хозяйственной книги, представляющей подробный отчетъ о наличномъ состояніи помѣстнаго капитала и приносимыхъ имъ доходовъ, книги важной собственно для помѣщика, но и сельскаго уложенія, опредѣляющаго обязанности крестьянъ, приводящаго въ положительную извѣстность ихъ отношенія къ владѣльцу и *потому, очевидно, благодѣтельнаго самимъ крестьянамъ*". Послѣднее слишкомъ мало убѣдительно въ виду длиннаго перечня повинностей крестьянъ въ пользу помѣщика приведеннаго въ самой статьѣ, тѣмъ болѣе, что повинности, и будучи точно опредѣлены, могутъ быть очень тяжелы по своему размѣру. Но, во всякомъ случаѣ, появленіе изложенной статьи въ офиціальномъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ наводило читателей на мысль, что правительство занято вопросами о положеніи крестьянъ въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, и устроеніемъ такого порядка, при которомъ составленіе инвентарей въ помѣщичьихъ хозяйствахъ зависѣло бы не отъ одного „безотчетнаго произвола" помѣщиковъ.

Мы видѣли выше, что въ 1840—41 гг. государь потребовалъ немедленнаго принятія рѣшительныхъ мѣръ въ этомъ направленіи. Наконецъ, 15 апрѣля 1844 г., было высочайше утверждено положеніе комитета по дѣламъ западныхъ губерній, которымъ предписывалось: 1) Учредить въ губерніяхъ виленской, гродненской, ковенской, минской, кіевской, волынской, подольской, витебской и могилевской губернскіе комитеты подъ названіемъ комитетовъ для разсмотрѣнія и составленія инвентарей помѣщичьимъ имѣніямъ въ западныхъ губерніяхъ. 2) Составить эти комитеты подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ изъ губернскаго предводителя дворянства, вице-губернатора, прокурора, одного чиновника отъ генералъ-губернатора, уѣзднаго предводителя губернскаго города и трехъ помѣщиковъ, извѣстныхъ благоустройствомъ своихъ имѣній, предоставя губернаторамъ приглашать, въ случаѣ надобности, на совѣщаніе и предсѣдателей палатъ государственныхъ имуществъ. 3) Избраніе помѣщиковъ въ члены комитетовъ предоставить самому дворянству съ утвержденія гене-

ралъ-губернаторовъ. 4) Комитеты эти должны истребовать отъ помѣщиковъ инвентари ихъ имѣній, разсмотрѣть ихъ и, по собраніи свѣдѣній о каждомъ имѣніи отдѣльно и соображеніи ихъ съ предположенными по этому предмету правилами, допускать ихъ по возможности въ томъ видѣ, въ какомъ они будутъ представлены, если въ главныхъ статьяхъ они будутъ удовлетворять указанной правительствомъ цѣли, въ противномъ же случаѣ исправлять и дополнять ихъ. По тѣмъ имѣніямъ, гдѣ инвентарей не существуетъ, комитеты должны были составлять ихъ, опредѣляя повинности крестьянъ владѣльцамъ по возможности въ томъ порядкѣ въ какомъ онѣ исполняются. Составленные такимъ образомъ инвентари могутъ быть приведены въ дѣйствіе, но на первый разъ *не болѣе, какъ на шестилѣтній срокъ*. 5) Вмѣстѣ съ этимъ предписывалось препроводить чрезъ генералъ-губернаторовъ составленный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ проектъ положенія объ инвентаряхъ въ губернскіе комитеты для соображенія, а что окажется въ немъ удобнымъ, то принять и въ руководство. 6) По разсмотрѣніи инвентарей и приведеніи ихъ въ дѣйствіе, губернскіе комитеты должны всѣ свои соображенія и собранныя ими свѣдѣнія представить генералъ-губернаторамъ для доставленія ихъ съ своими заключеніями министру внутреннихъ дѣлъ, чтобы затѣмъ приступить къ составленію полныхъ и положительныхъ правилъ объ инвентаряхъ, такъ чтобы по истеченіи шестилѣтняго срока они и могли быть приведены въ исполненіе.

Выше было упомянуто о проектѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, которымъ должно было до извѣстной степени руководствоваться при составленіи инвентарей: правила этого проекта основывались на тѣхъ мѣстныхъ обычаяхъ, которые, по мнѣнію министра, могли наиболѣе „способствовать опредѣленію обязанностей крестьянъ и правъ владѣльцевъ на отчетливыхъ и справедливыхъ началахъ". Министръ предположилъ установить три разряда крестьянъ: пашенныхъ или тяглыхъ, огородниковъ или халупниковъ (которымъ, кромѣ усадебной, отводилась иногда и часть сѣнокосной земли) и бобылей или кутниковъ. Пашенныхъ или тягольныхъ предполагалось надѣлять землею въ многоземельныхъ имѣніяхъ въ такомъ количествѣ, которое могло бы достаточно обезпечивать ихъ содержаніе по числу работниковъ въ каждомъ семействѣ, а въ малоземельныхъ изъ наличной удобной земли предоставлять крестьянамъ двѣ трети. Мѣрою вознагражденія владѣльцевъ со стороны крестьянъ за землю предполагалось принять „существующую въ Западномъ краѣ систему третьяка, т. е. одну треть валоваго дохода съ земли, или чтобы крестьянинъ отработывалъ на пользу владѣльца половину противъ количества земли, для него отдѣленной" [1]).

[1] „Первое изданіе матеріаловъ редакціонныхъ комиссій ч. IV, инвентари. правила западныхъ губерній", стр. 3—7

Наша задача ограничивается исторіей вопроса объ измѣненіи быта собственно крѣпостныхъ, помѣщичьихъ крестьянъ: но мы считаемъ не лишнимъ упомянуть о важныхъ мѣрахъ относительно двухъ другихъ разрядовъ крестьянскаго населенія западной Россіи: мы разумѣемъ отобраніе въ казну имѣній, принадлежащихъ иновѣрному духовенству, и переводъ казенныхъ крестьянъ на оброчное положеніе. 25 декабря 1841 г. состоялся указъ объ изъятіи во всѣхъ западныхъ губерніяхъ изъ управленія духовенства населенныхъ имѣній и о передачѣ ихъ въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ. „Крестьяне,—по словамъ кіевскаго генералъ-губернатора, вполнѣ понимали дѣлаемое имъ благодѣяніе, обнаруживали всеобщее удовольствіе и встрѣчали чиновниковъ, принимавшихъ имѣнія (въ казну), съ хлѣбомъ и солью". Но это были еще только имѣнія, принадлежавшія монастырямъ, каѳедрамъ и высшему епархіальному духовенству: Бибиковъ настаивалъ, чтобы дѣло не остановилось на половинѣ пути и чтобы были отобраны и имѣнія приходскаго духовенства, что и было повелѣно въ 1843 г. также относительно всѣхъ западныхъ губерній [1]).

Не менѣе важною мѣрой былъ переводъ казенныхъ крестьянъ на оброкъ. Ихъ положеніе „было едва ли не хуже положенія помѣщичьихъ", говоритъ авторъ „Записки о юго-западной Россіи", составленной по оффиціальнымъ источникамъ въ первой половинѣ 5-хъ годовъ. Громадное большинство казенныхъ имѣній находилось „во владѣніи поляковъ, большею частью получившихъ ихъ съ молотка въ арендное содержаніе или въ администрацію. Этотъ способъ, принятый казною для извлеченія доходовъ изъ имѣній, въ финансовомъ отношеніи былъ для нея невыгоденъ, а для крестьянъ сопряженъ съ притѣсненіями всякаго рода". Въ уголовныхъ палатахъ производилось множество дѣлъ, изъ которыхъ было видно, что „арендаторы и администраторы употребляли крестьянъ на посторонніе работы въ собственныхъ своихъ имѣніяхъ, отбирали у нихъ пахотныя и сѣнокосныя земли, даже самихъ казенныхъ крестьянъ переводили въ свои имѣнія и записывали по ревизіи за собою, насиловали ихъ женъ и дочерей, а за малѣйшее сопротивленіе, за каждую поданную жалобу безчеловѣчно наказывали, забивали въ неподвижныя колодки, головы брили, обливали водою, засѣкали до смерти". Одновременно съ вопросомъ о секуляризаціи имѣній духовенства Бибиковъ началъ настаивать и на переводѣ казенныхъ крестьянъ на оброчное положеніе. Министръ государственныхъ имуществъ, гр. Киселевъ, возражалъ противъ этого проекта, указывая на неприготовленность крестьянъ къ отбыванію денежныхъ повинностей, на ожидаемые для казны недоборы, на невозможность

[1]) 2-е П. С. З. XVI, 12152, 12513, XVIII, 16828, 16829. Срав. статью *Шульгина*, стр. 90—91 и „Рус. Арх." 1884 г., кн. 5, стр. 15—16.

опредѣлить оброкъ, не измѣривъ, не оцѣнивъ земель. Но Бибиковъ энергично отстаивалъ свое мнѣніе, и въ 1844 г. было повелѣно перевести на оброчное положеніе казенныхъ крестьянъ западной Россіи, состоящихъ въ казенномъ управленіи немедленно, а находившихся въ содержаніи по контрактамъ—по мѣрѣ прекращенія правъ временныхъ владѣльцевъ. Крестьяне были въ высшей степени довольны, и оброкъ не только уплачивался исправно, но даже пополнялись недоимки прежнихъ годовъ, а общій доходъ казны значительно увеличился [1]).

Изложивъ факты, касающіеся западной Россіи вообще, т.-е. губерній, присоединенныхъ отъ Польши, переходимъ теперь къ исторіи крестьянскаго вопроса въ юго-западной Россіи, важная роль въ которой принадлежитъ Д. Г. Бибикову (1838—1852 г.). Вообще въ управленіи Бибиковымъ Юго-западнымъ краемъ было не мало темныхъ сторонъ: Ю. Ѳ. Самаринъ, служившій въ Кіевѣ въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ и вообще признающій большія заслуги Бибикова, говоритъ: „Ближайшая его обстановка была далеко не безукоризненна и выборы его не всѣ удачны; часто онъ довѣрялся людямъ вовсе употреблявшимъ его довѣріе; часто политическое давленіе власти на элементы, враждебные правительству и русской народности, превращалось въ личныя притѣсненія въ рукахъ исполнителей и служило поводомъ къ безнаказаннымъ вымогательствамъ со стороны орудій этого давленія" [2]); слѣдуетъ прибавить, что и самъ Бибиковъ вообще обнаруживалъ склонность къ слишкомъ крутымъ мѣрамъ; но все это ни мало не умаляетъ его главной заслуги: большой настойчивости относительно улучшенія быта крестьянъ.

15 апрѣля 1844 г., какъ мы уже знаемъ, послѣдовало высочайшее повелѣніе о введеніи обязательныхъ инвентарей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ западныхъ губерній, и въ томъ же году въ кіевской, подольской и волынской губерніяхъ были открыты губернскіе инвентарные комитеты. Въ іюнѣ 1846 г., когда они исполнили возложенныя на нихъ обязанности, Бибиковъ увѣдомилъ правительство, что доставленныхъ къ нему мѣстными комитетами инвентарей помѣщичьихъ имѣній привести въ дѣйствіе невозможно, такъ какъ всѣ они разнятся въ работахъ и повинностяхъ крестьянъ, въ способѣ ихъ исполненія, въ образѣ хозяйства и во многихъ другихъ особенностяхъ: статистическія данныя, на основаніи которыхъ можно судить о работахъ и повинностяхъ крестьянъ, по всѣмъ почти имѣніямъ невѣрны и недостаточны; инвентари же не устраняютъ замѣченныхъ уже безпорядковъ, притѣсненій крестьянъ и злоупотребленій по-

---

[1]) „Рус. Арх." 1884 г. кн. 5, стр. 26—28, ср. *Шульгина*, стр. 92—96—*Алексѣенко*. „Дѣйствующее законодат. о прямыхъ налогахъ". Спб. 1879 г., стр. 227. *Заблоцкій-Десятовскій*. II, 114, 2-е П. С. З. XX, 19073.

[2]) Сочин. *Самарина*, I. 316.

мѣщиковъ, поэтому если бы приступить къ утвержденію ихъ въ настоящемъ видѣ, то необходимо, прежде всего, повѣрить и исправить каждый инвентарь но для этого нѣтъ средствъ, такъ какъ нѣтъ знающихъ дѣло чиновниковъ. Для устраненія всѣхъ этихъ неудобствъ и невыгодъ тогдашняго положенія крестьянъ Бибиковъ считалъ необходимымъ ввести инвентари по составленной имъ однообразной формѣ, заключающей въ себѣ общія постановленія и нормы. Предположенія Бибикова были переданы на разсмотрѣніе гр. Киселева, и затѣмъ завязалась переписка между Киселевымъ, Бибиковымъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ; для подробнаго разсмотрѣнія предположеній Бибикова былъ учрежденъ особый комитетъ изъ чиновниковъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, который предложилъ нѣкоторыя измѣненія въ статьяхъ общаго инвентаря, составленнаго Бибиковымъ. Наконецъ, 26 мая 1847 г. были высочайше утверждены „Правила для управленія имѣніями по утвержденнымъ для оныхъ инвентарямъ въ кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ" [1]. Они требуютъ подробнаго разсмотрѣнія.

Правила эти начинаются очень важнымъ постановленіемъ, что „вся земля, находящаяся нынѣ въ пользованіи крестьянъ, подробно означенная въ инвентарѣ, должна у нихъ оставаться безъ всякаго измѣненія"; но, разумѣется, „добавлять крестьянамъ земли по ихъ согласію, отдавать имъ въ наймы по взаимному съ ними условію помѣщикъ всегда имѣетъ право". За предоставленные крестьянамъ поземельные участки и прочія угодья они должны отработывать помѣщику барщину въ каждую недѣлю: тяглое семейство по три дня тяглыхъ съ упряжью и по одному дню женскому, полутяглое по два дня пѣшихъ и одному дню женскому [2]. Затѣмъ „всѣ данины, вещественные сборы и разные косвенные налоги съ крестьянъ въ пользу помѣщика впредь, подъ какими бы то ни было наименованіями, не допускаются". Въ правилахъ мы находимъ подробное урочное положеніе работамъ, т. е. точное опредѣленіе того, какое количество каждой работы обязанъ исполнить работникъ въ день какъ съ рабочимъ скотомъ, такъ и безъ него. Барщина должна отработываться непремѣнно въ каждую недѣлю безъ переноса ея на другое время; впрочемъ, „въ случаѣ надобности", одинъ день можетъ быть перенесенъ на слѣдующую затѣмъ недѣлю, но никакъ не далѣе; не должно также перемѣнять зимніе рабочіе дни на лѣтніе. Кромѣ указанной выше барщины, крестьяне должны отработывать помѣщику съ каждаго способнаго работника обоего пола въ годъ по 12 лѣтнихъ сгонныхъ дней (которые назначаются по

---

[1]) *Заблоцкій-Десятовскій*, IV, 234, „Русск. Арх." 1884 г. кн. 5, стр. 30.

[2]) Тяглая барщина считалась съ каждаго хозяйства, [illegible] съ парой рабочаго скота и нужными по мѣстному [illegible] орудіями [illegible] Способными къ работѣ [illegible] считать мужчинъ отъ 17 до 55, женщинъ отъ 16 до 50 лѣтъ.

болѣе двухъ въ одну недѣлю), но помѣщикъ обязывается производить за нихъ плату по таксѣ, утвержденной генералъ-губернаторомъ, и записывать въ выданныя крестьянамъ книги. За предоставляемыя имъ особыя выгоды, означенныя въ инвентарѣ, они обязаны отбывать въ пользу помѣщика придаточныя повинности, а именно строительные дни: съ каждаго тяглаго, полутяглаго и огороднаго семейства по 8 дней въ году [1]) и, кромѣ того, ночной карауль изъ одного работника по одному разу въ мѣсяцъ. Огородники за усадебную и огородную землю платятъ оброкъ по утвержденной генералъ-губернаторомъ таксѣ, а за предоставленныя имъ наравнѣ съ прочими хозяевами выгоды въ пастбищахъ, отопленіи и т. п. обязаны отбывать 24 рабочихъ дня на томъ основаніи, какъ предписано относительно сгонныхъ дней, и еще поочереди ночной карауль. Бобыли облагаются въ пользу помѣщика оброкомъ и увольняются отъ всякихъ повинностей, кромѣ слѣдующихъ въ казну податей и другихъ сборовъ; оброкъ этотъ назначаетъ помѣщикъ въ размѣрѣ отъ 1 р. 50 к. до 2 р. 50 к. сер., а съ женщинъ половину. Если бы понадобилась работа крестьянъ въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ указано этими правилами, то назначать ее можно не иначе, какъ по взаимному согласію и за условленную плату. Ночная работа допускалась, но не иначе, какъ за плату, которая должна быть или вдвое противъ опредѣленной за денную работу, или по добровольному условію [2]). Крестьянъ тяглыхъ и полутяглыхъ дозволялось посылать въ счетъ инвентарныхъ дней съ разными сельскими произведеніями: тяглыхъ съ одною подводой отъ хозяйства, а полутяглыхъ съ подводами отъ помѣщика, но не далѣе 75 верстъ въ одинъ путь, съ тѣмъ, чтобы проѣздъ каждыхъ 25 верстъ считался за инвентарный день; если же понадобится отправить далѣе указаннаго пространства, то за каждый день пути слѣдовало зачислять два пригонныхъ дня или производить плату по взаимному условію. Отдавать крестьянъ въ дозволенные закономъ заработки (для транспортировки или сплава произведеній и т. п.) дозволялось не иначе, какъ съ соблюденіемъ въ точности правилъ, изданныхъ въ 1835 и 1838 гг. (см. выше). Запрещалось подъ какимъ бы то ни было предлогомъ перечислять крестьянъ въ дворовые; но дозволялось помѣщику употреблять для дворовой прислуги бобылей и сиротъ, а также крестьянъ изъ тѣхъ семействъ, гдѣ, кромѣ употребляемыхъ въ услуженіе, останется не менѣе двухъ работниковъ; этихъ людей помѣщикъ обязанъ снабжать достаточною пищею и одеждою упла-

[1]) Строительные дни запрещалось требовать отъ крестьянъ во время полевыхъ работъ, исключая случаевъ, не терпящихъ отлагательства, какъ-то: снесенie наводнie мельницъ, мостовъ, хозяйственныхъ строенiй, истребленie ихъ пожаромъ, бурей и т. д.

[2]) Помѣщичьи крестьяне обязывались, въ числѣ другихъ приходящихъ, обрабатывать земли священникамъ изъ собственныхъ дней.

ивать за нихъ подати и производить имъ жалованье по таксѣ, утвержденной генералъ-губернаторомъ. Помѣщикъ можетъ отпускать крестьянъ всѣхъ вмѣстѣ или посемейно на оброкъ, который назначается по взаимному условію; въ случаѣ неисправности, они обращаются на барщину по инвентарю, но иначе, какъ съ вѣдома тѣхъ лицъ или учрежденій, на которыя возложено наблюденіе за исполненіемъ инвентарей. Подати въ казну крестьяне должны платить сами за себя. „Расправа между дворовыми и крестьянами, а равно и взысканіе съ нихъ за разные проступки производятся помѣщиками или управляющими ихъ на основаніи существующихъ на сей предметъ узаконеній" [1].

Для приведенія въ исполненіе этихъ высочайше утвержденныхъ правилъ уѣздные предводители дворянства въ присутствіи исправника, помѣщика и приходскаго священника читали инвентарное положеніе во всеуслышаніе собраннымъ въ каждомъ имѣніи крестьянамъ въ праздничный день послѣ совершенія молебствія и, оставивъ одинъ экземпляръ для храненія въ церкви, вручали другой помѣщику. Священникамъ было поручено, въ случаѣ разспросовъ крестьянъ, объяснять имъ сущность правилъ безъ всякихъ толкованій и разсужденій. Въ то же время, чрезъ уѣздныхъ предводителей дворянства помѣщикамъ было объявлено словесно данное, 10 сентября 1847 года, повелѣніе государя предавать военному суду тѣхъ изъ нихъ, которые стали бы уклоняться отъ точнаго исполненія изданныхъ правилъ; впрочемъ, по свидѣтельству современной записки, къ этой мѣрѣ не пришлось ни разу прибѣгнуть [2]. Однако, не вездѣ дѣло шло гладко и спокойно. „Крестьяне, когда узнали о своихъ правахъ,—разсказываетъ Ю. О. Самаринъ — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разспрашивали, куда обращаться съ жалобами, если ихъ будутъ притѣснять помѣщики. Имъ велѣно было въ такихъ случаяхъ выбирать двухъ или трехъ повѣренныхъ и посылать ихъ къ предводителю своего уѣзда. Скоро стали представляться случаи прибѣгать къ этому средству, ибо во многихъ мѣстахъ помѣщики начали толковать превратно инвентари и нарушать ихъ. Иногда и крестьяне неправильно понимали ихъ: въ особенности сгонные рабочіе люди, которые обязательны, а между тѣмъ, доставляютъ имъ денежное вознагражденіе, возбуждали сомнѣніе, довольно основательное. Но едва узнавалъ помѣщикъ, что крестьяне послали къ предводителю съ жалобой, онъ, съ своей стороны, призывалъ становаго на помощь противъ бунтующихъ крестьянъ. Ихъ сѣкли и лупили, не выжидая возвращенія посланныхъ, которые приходили впослѣдствіи съ увѣщаніемъ отъ предводителя и на-

[1]) Арх. Кодифик. Отд. Госуд. Сов., дѣло 1850 г. № 154 б, л. 13—16.

[2]) „Русскій Арх." 1881 года, кн. 3, стр. 31. Ср. анекдотъ о томъ, какъ Бибиковъ обучалъ инвентарямъ отъ помѣщика. „Русская Старина" 1882 года, № 7, стр. 70—71.

ходили своихъ собратьевъ уже наказанными. Вслѣдствіе нѣсколькихъ подобныхъ случаевъ становые были устранены отъ разбора подобныхъ дѣлъ, которыя предоставлены были исправнику. Эту мѣру одобряютъ, во-первыхъ, потому, что исправникъ, все-таки, высшаго... разряда человѣкъ: во-вторыхъ, устранена была немедленная расправа такъ какъ земскій исправникъ не всегда подъ рукой и потому, по необходимости, долженъ былъ иногда помѣщикъ оканчивать дѣло полюбовно". Случалось, что кое-гдѣ крестьяне выломаютъ ворота вышибутъ стекла, поломаютъ господскую мебель, перебьютъ зеркала. Въ чигиринскомъ уѣздѣ даже отправлены были донскіе казаки для усмиренія крестьянъ нагайками, но, по словамъ Самарина, „спокойствіе большею частью нарушено не было: крестьяне скоро поняли свои права, во всякій разъ во время обѣдни ожидаютъ чего-нибудь новаго. По увѣренію всѣхъ помѣщиковъ народа узнать нельзя, — такъ онъ преобразился: онъ ходитъ веселѣе, держитъ прямо голову.... такъ подняло его вдругъ сознаніе, что у него есть право"[1]).

Мѣстный историкъ свидѣтельствуетъ, что, какъ только были утверждены инвентарныя правила, помѣщики-поляки начали интриговать противъ нихъ. Въ августѣ и сентябрѣ 1847 года разнесся слухъ, что крестьяне собираются рѣзать поляковъ; но годъ прошелъ спокойно. Слухи начали было уже замолкать, особенно, когда въ январѣ 1848 года на конгрессѣ цѣна на имѣнія не только не упала со введеніемъ инвентарей, но повысилась. Однако, когда узнали о февральскихъ волненіяхъ на Западѣ, реакція противъ инвентарныхъ правилъ опять поднялась: появились разсказы о томъ, что крестьяне готовятся къ возстанію на Пасхѣ, потомъ на Троицынъ день, во время жатвы и проч. Открылось, по словамъ В. Шульгина, что „сами поляки подстрекали крестьянъ къ возмущенію, чтобы потомъ, сложивъ вину волненія на инвентари, вынудить ихъ упраздненіе и, поставивъ правительство въ необходимость усмирять крестьянъ силой, поколебать въ крестьянахъ всякое довѣріе къ правительству". Слѣдуетъ оговориться, что въ Юго-западномъ краѣ помѣщиками были не одни поляки, а мы видѣли въ предъидущихъ главахъ, что и въ Великороссіи дворянство всячески старалось препятствовать ограниченію крѣпостнаго права. Нѣтъ поэтому причинъ утверждать, какъ это дѣлаетъ В. Шульгинъ, что только одни поляки препятствовали введенію инвентарей. Мы увидимъ ниже, что въ лѣвобережной Украйнѣ положеніе народа было еще тяжелѣе, чѣмъ въ Юго-западномъ краѣ. „На самомъ же дѣлѣ, продолжаетъ Шульгинъ — между крестьянами появились только недоразумѣнія и сомнѣнія, весьма естественныя и неизбѣжныя при новомъ ихъ положеніи: были разныя превратныя толкованія инвентарныхъ правилъ... по-

[1]) Сочиненія Самарина, II, 2—4.

мѣщики требовали лишняго. нѣкоторые мѣстные чиновники, отчасти напуганные слухами о бунтѣ а отчасти и изъ своекорыстныхъ побужденій. дѣйствовали посѣшно, неосмотрительно, иногда недобросовѣстно. Отсюда-то возникло было такъ называемое возмущеніе. состоявшее собственно въ томъ, что крестьяне, почитая себя правыми, не позволяли себя наказывать, иногда бросали работу, собирались въ толпы и заявляли желаніе. чтобы съ ними поступали „якъ царь звеливъ, а не такъ, якъ панъ каже". Какъ свидѣтельствуетъ самъ генералъ-губернаторъ. подобные случаи бывали и прежде, но тогда все это прекращалось самими помѣщиками и даже скрывалось (чтобы не поднять дѣла объ угнетеніи); со введеніемъ же инвентарныхъ правилъ всякое подобное уклоненіе крестьянъ помѣщики начали представлять какъ явное неповиновеніе; всякое слово толковали какъ признакъ ожидаемаго бунта; жаловались. призывали полицію, требовали военныя команды. Главная мѣстная администрація приняла свои мѣры: посланы были чиновники особыхъ порученій для изслѣдованія на мѣстѣ возникавшихъ сомнѣній и жалобъ; исправникамъ строжайше предписано не наказывать крестьянъ безъ точнаго изслѣдованія ихъ вины. предводителямъ же строго смотрѣть за исполненіемъ правилъ помѣщиками, подъ личною отвѣтственностью... Въ іюнѣ 1848 года объявлены были утвержденныя цѣны за лѣтніе сгонные дни, другія работы и прислугу. Вслѣдъ затѣмъ наступило лѣтнее рабочее время. Вслѣдствіе страшной засухи всѣ полевыя работы сошлись вмѣстѣ, въ краѣ распространилась холера.. между тѣмъ, помѣщики, желая вдругъ собрать съ полей хлѣбъ, требовали усиленной работы Отсюда возникли вновь сомнѣнія: крестьяне жаловались, что не въ состояніи исполнить въ настоящее время требованій владѣльцевъ, и благоразумнѣйшіе изъ помѣщиковъ. по сдѣланному черезъ предводителей увѣщанію, разсрочили сгонные дни и сдѣлали для крестьянъ полезныя льготы: другіе требовали, какъ бы нарочно, отъ крестьянъ не только всѣхъ работъ вмѣстѣ. но заставляли работать прежде неотработанные дни, въ противность самимъ правиламъ. Неодинаковость этихъ требованій. эпидемія, тягость работы, а также появившіеся особые подстрекатели произвели между крестьянами новыя колебанія и недовѣрчивость: полагая. что съ ними поступаютъ не такъ. какъ угодно государю. нѣкоторые изъ нихъ стали уклоняться отъ работъ. Ихъ обвиняли, и снова возникали мѣстами прежнія непослушанія, не имѣвшія, впрочемъ. между собою никакой общей солидарности. Послѣ принятыхъ мѣръ убѣжденія, а гдѣ нужно было и... строгости, крестьяне стали выполнять законныя требованія владѣльцевъ"[1]).

Изъ отчета министра внутреннихъ дѣлъ императору Николаю за 1847

---

[1]) „Древняя и Новая Россія" 1879 года. № 6, стр. 98—99. Срав. „Рус. Арх. 1884 года, кн. 5, стр. 33—34.

одъ мы узнаемъ, что введеніе новыхъ инвентарныхъ правилъ вызвало волненія въ 11 имѣніяхъ (въ томъ числѣ 9 кіевской губерніи): „Крестьяне, — писалъ министръ, — не дожидаясь полезныхъ послѣдствій новыхъ порядковъ и находя ихъ отяготительными, единственно по новости ихъ, отказывались отъ работъ и исполненія повинностей“ [1])

Мѣстная администрація нашла нужнымъ произвести нѣкоторыя измѣненія въ инвентарныхъ правилахъ 26 мая 1847 года, и новая редакція ихъ была высочайше утверждена 29 декабря 1848 года. Отмѣтимъ тѣ измѣненія, которыя мы находимъ въ новыхъ правилахъ, сравнительно съ прежними. Во-первыхъ, важнымъ добавленіемъ было включеніе постановленій относительно земельныхъ надѣловъ. „Въ каждомъ имѣніи сообразно съ его особенностями, — сказано было здѣсь, — опредѣляется нормальный размѣръ участковъ.... придерживаясь по возможности принятаго въ той мѣстности обычая и не допуская повинностей, превышающихъ трехъ дней въ недѣлю съ тяглаго двора, надѣленнаго нормальнымъ количествомъ земли“ [2]). Дозволялось по соображенію съ рабочими силами крестьянскихъ дворовъ и соглашенію крестьянъ и помѣщиковъ назначать и высшіе разряды тягловыхъ хозяйствъ, напримѣръ, плуговыя, четвертныя и т. д., съ тѣмъ, чтобы желающіе получить высшіе участки земли (если таковые останутся послѣ надѣленія прочихъ крестьянскихъ дворовъ) обязывались отбывать и высшія повинности; но раздроблять семейства на нѣсколько хозяйствъ, когда въ каждомъ, по раздѣленіи, не будетъ на лицо трехъ работниковъ, воспрещалось. Надѣлъ земли для пѣшаго или полутяглаго хозяйства [3]) отнюдь не долженъ быть менѣе половины опредѣленнаго для нормальнаго тягловаго двора. Очень важныя и, какъ увидимъ ниже, вредныя послѣдствія имѣло слѣдующее постановленіе (§ 6): „Такъ какъ вся находящаяся нынѣ въ пользованіи крестьянъ земля, за которую они отправляютъ повинности, уже опредѣлена выписками изъ инвентарей и, оставаясь въ общемъ составѣ своемъ неприкосновенною мірскою, составляетъ неотъемлемую собственность помѣщика, то ему *предоставляется право* (впредь до составленія подробной люстраціи имѣній), въ необходимыхъ случаяхъ, по взаимному согласію съ крестьянами и съ вѣдома начальства, *замѣнять его равнымъ количествомъ удобной*, какъ по мѣстности, такъ и по

[1]) „Матер. для исторіи крѣп. права въ Россіи“, стр. 192.

[2]) Въ примѣчаніи было объяснено, что нормальное количество земли опредѣляется по мѣстнымъ выгодамъ и особенностямъ имѣнія въ такомъ размѣрѣ, чтобы крестьяне достаточно были обезпечены въ своемъ существованіи и удержаніи хозяйствъ, придерживаясь при семъ высшаго, существующаго въ томъ имѣніи, надѣла земли“

[3]) Съ тяглаго двора, какъ уже было указано, полагалось въ недѣлю барщины 3 дня тяглыхъ съ упряжью и одинъ день женскій, съ полутяглаго 2 дня пѣшихъ и одинъ день женскій.

качеству земли, но не иначе, какъ только въ малыхъ частяхъ, а не въ общемъ составѣ". Въ новой редакціи находимъ еще слѣдующія правила относительно земельныхъ надѣловъ. Въ случаѣ измѣненія разряда крестьянскаго хозяйства, а, съ тѣмъ вмѣстѣ и повинностей съ него, остающаяся вслѣдствіе этого земля хотя и возвращается временно въ распоряженіе владѣльца, но не отчисляется отъ общаго состава мірской и инвентарной земли и преимущественно отдается другимъ крестьянамъ той же вотчины за добавочныя по инвентарю повинности: если же желающихъ изъ своихъ крестьянъ не будетъ, то земля эта можетъ быть отдана въ пользованіе и постороннему лицу. Если тяглый или пѣшій хозяинъ умретъ или оставитъ имѣніе по другой причинѣ, и въ семействѣ его не будетъ работника для замѣщенія его на барщинѣ, то помѣщикъ можетъ распорядиться его участкомъ, на основаніи вышеуказанныхъ правилъ, но не долженъ лишить вдову и непристроенныхъ дѣтей усадьбы и огорода. При увеличеніи рабочихъ силъ въ имѣніи незанятая мірская земля должна быть по первому востребованію выдѣляема имъ за установленныя по инвентарю повинности: въ случаѣ же недостатка въ такой землѣ, отъ воли помѣщика будетъ зависѣть надѣлять желающихъ крестьянъ фольварковою землей, по свободному условію, не входящему въ составъ инвентаря [1].

Относительно общаго значенія интвентарей Ю. Ѳ. Самаринъ, служившій съ 1849 по 1852 г. въ Кіевѣ, даетъ такой отзывъ въ запискѣ, составленной имъ въ это время: „Общественное мнѣніе въ кіевской губерніи, по крайней мѣрѣ, мнѣніе просвѣщеннѣйшихъ изъ русскихъ, рѣшительно въ пользу инвентарей. Всѣ убѣждены въ томъ, что они были не-

[1]) Укажемъ измѣненія въ постановленіяхъ относительно повинностей. Стоянныхъ дней дозволялось назначать въ недѣлю не два, а лишь одинъ, втораго же дня можно было требовать лишь съ согласія крестьянъ. Двѣнадцать стоянныхъ дней огородника, если онъ состоитъ на барщинѣ, зачислялись въ счетъ барщинныхъ дней. Требовать ночнаго караула дозволялось отъ каждаго хозяйства не одинъ, а два раза въ мѣсяцъ. Поѣздки по требованію помѣщика не должны превышать 300 верстъ въ одинъ конецъ, и требовать ихъ слѣдовало не болѣе раза въ годъ, по крайней мѣрѣ, безъ добровольнаго согласія. Въ постороннія работы дозволено было отдавать лишь пѣшихъ и бобылей, а не тяглыхъ, причемъ имъ должна была идти половина той платы, которую они получатъ, и все хозяйство этихъ работниковъ должно быть освобождено на это время отъ барщины или оброка. Употреблять въ услуженіе дозволялось лишь огородниковъ и пѣшихъ крестьянъ. Отмѣтимъ еще слѣдующій новый параграфъ, точнѣе разъясняющій право домашней расправы, предоставленное помѣщику и прежними правилами: „За грубость противъ помѣщика или установленныхъ отъ него властей, а также за уклоненіе отъ исполненія опредѣленныхъ повинностей или барщины, помѣщикъ имѣетъ по закону право подвергать виновнаго исправительному взысканію, со внесеніемъ каждаго проступка непремѣнно въ установленную инвентарными правилами штрафную книгу". „Первое изданіе матеріаловъ редакціонныхъ коммиссій. Второй періодъ". Ч. IV. Спб. 1859 г. „Инвентарное положеніе западныхъ губерній", Приложеніе № 13, стр. 191—211.

обходимы, что для перваго опыта они составлены недурно, хотя могли бы быть лучше, что это только первый шагъ, наконецъ что нравственное вліяніе ихъ было огромно и въ высшей степени благотворно". Позднѣе въ печатной статьѣ, появившейся въ 1863 г., Самаринъ говоритъ: „Съ точки зрѣнія научной проектъ правилъ г.-г Бибикова не выдерживалъ критики. Это была работа самая грубая и топорная, но она имѣла то огромное достоинство, что содержала въ себѣ два или три положенія простыхъ, всѣмъ понятныхъ, которыя должны были немедленно улучшить бытъ крестьянъ и, по своей общности и опредѣлительности, *никакъ не могли быть перетолкованы или искажены исполнителями дѣла* [1]).

Что касается недостатковъ инвентарныхъ правилъ, то въ своихъ кіевскихъ замѣткахъ Самаринъ, со словъ мѣстнаго помѣщика Тарновскаго, указываетъ на то что „тяглые обременены несоразмѣрно съ пѣшими: сверхъ прежнихъ обязанностей, на нихъ навалили сгонные дни, и оттого многіе изъ тяглыхъ стали продавать свой скотъ, чтобы перейти въ разрядъ пѣшихъ [2]). Урочное положеніе для жнецовъ и жницъ слишкомъ неопредѣлительно [3]). Наконецъ, крестьянамъ не открыто вѣрнаго и надежнаго пути для доведенія своихъ жалобъ, въ случаѣ нарушенія инвентарнаго положенія, до высшаго начальства. Право жалобы не обезпечено: этотъ недостатокъ очень ощутителенъ" [4]). Нельзя не пожалѣть также, что крестьянамъ не было разрѣшено требовать замѣны барщины оброкомъ, хотя бы и безъ согласія помѣщика. Большою ошибкой было дозволеніе обмѣнивать міpскую землю на другую, хотя бы и съ согласія крестьянъ. Плата, назначенная крестьянамъ за сгонные дни, была значительно ниже платы вольнонаемнымъ работникамъ: такъ, за сгонный день тяглый мужчина получалъ, по инвентарному положенію, за урочную работу 15 коп., за безурочную 10 коп. Среднее же вознагражденіе въ кіевской губерніи за такую работу было лѣтомъ 23 коп., зимою 18 коп.: пѣшій долженъ былъ получать по инвентарнымъ правиламъ за урочную

---

[1]) Соч. Самарина т. II, 1, т. I, 314.

[2]) До введенія инвентарей было наоборотъ: владѣльцы большимъ количествомъ земли несли относительно меньшія повинности, чѣмъ малоземельные (см. составленное подъ редакціей Журавскаго „Статистическое описаніе кіевской губерніи", изданное И. Фундуклеемъ. Спб., 1852 г., ч. II, стр. 353).

[3]) Если сравнить урочное положеніе, опредѣленное инвентарными правилами („Матер. редакц. Комм." ч. IV, „Инвент. полож." стр. 196–199), съ тѣми уроками, какіе назначались въ помѣщичьихъ имѣніяхъ кіевской губерніи въ половинѣ сороковыхъ годовъ (*Фундуклей*, II, 357—365), то увидимъ, что уроки, опредѣленные инвентарными правилами, довольно близки къ среднимъ, такъ что были имѣнія, въ которыхъ на основаніи новаго закона они должны были значительно уменьшиться: увеличивать прежніе уроки, какъ мы сейчасъ увидимъ, было запрещено.

[4]) „Сочинен. Самарина" II, 1—2.

10 коп., за безурочную 7½ коп., вольнонаемнымъ же въ кіевской губерніи была средняя плата лѣтомъ 13½ коп., зимою 10 коп. Вознагражденіе женщинамъ по инвентарямъ было близко къ получаемому вольнонаемными [1]).

Послѣ утвержденія инвентарныхъ правилъ 29 декабря 1848 г. инвентари каждаго отдѣльнаго имѣнія были снова переданы на разсмотрѣніе въ губернскіе комитеты для исправленія на основаніи новаго закона. Этотъ пересмотръ потребовалъ почти четыре года. Наконецъ, состоявшіяся въ комитетахъ отдѣльныя по каждому инвентарю постановленія были, въ сентябрѣ 1852 г., утверждены главнымъ начальникомъ края, насколько они не противорѣчили правиламъ 29 декабря 1848 г., всѣ статьи комитетскихъ постановленій и самыхъ инвентарей, несогласныя съ этими правилами, не могли имѣть никакой силы, за исключеніемъ одного случая, а именно: *при существованіи въ волчьихъ меньшей барщины и прочихъ работъ они должны оставаться въ прежнемъ размѣрѣ*, на основаніи особаго высочайшаго повелѣнія. Съ такимъ условнымъ утвержденіемъ, постановленія комитетовъ, вмѣстѣ съ подлинными инвентарями и съ приложеніемъ экземпляра правилъ 29 декабря 1848 г., разосланы были чрезъ предводителей дворянства помѣщикамъ. Къ сожалѣнію, эти правила, „въ отвращеніе превратныхъ толковъ", крестьянамъ объявляемы не были, а дѣлались имъ извѣстными лишь путемъ практики и посредствомъ распоряжений владѣльцевъ. Относительно такого страннаго пріема со стороны высшей кіевской администраціи мѣстный историкъ говоритъ, что его можно объяснить развѣ нѣсколько измѣнившимися въ это время взглядами государя „*на достаточно усмиренныхъ* помѣщиковъ, далѣе нѣкоторою паникой предъ соціальными движеніями той эпохи на Западѣ" (т. е. общею реакціей въ крестьянскомъ дѣлѣ послѣ 1848 г.) и, наконецъ, личнымъ составомъ инвентарнаго отдѣленія въ канцеляріи начальника края. „Слѣдствія этого введенія инвентарей путемъ практики чрезъ помѣщиковъ-практиковъ, — говоритъ В. Шульгинъ, — обнаружились теперь при введеніи уставныхъ грамотъ и обращеніи ихъ въ выкупные акты. Пользуясь 6 пунктомъ правилъ по редакціи 1848 года, предоставлявшимъ право помѣщикамъ замѣнять, по согласію съ крестьянами, мірскую землю равнымъ количествомъ земли въ другомъ мѣстѣ, землевладѣльцы поотдавали крестьянамъ лѣсистыя и болотистыя мѣстности, и когда крестьяне, употребивъ по-истинѣ каторжный трудъ, выкорчевали эти мѣста, у нихъ снова отбирали удобренныя угодья и переводили ихъ вновь на лѣсъ, песокъ или болото. Вообще нужно сказать, что какъ ни кричали помѣщики о крутости мѣръ при введеніи инвентарей, но мѣры дѣйствительно энергическія были приняты только въ началѣ дѣла, а потомъ самая благородная мѣра

---

[1]) Срав. „Статист. опис. кіев. губ." изд. *Фундуклеемъ*, II, 45.

была искажена злоупотребленіями и земскихъ полицій, и дворянскихъ представителей при наблюденіи за точнымъ исполненіемъ инвентарныхъ правилъ помѣщиками. Нашлись люди, которые обратили благотворную мѣру въ средство къ безнравственному обогащенію: помѣщикъ отплачивался деньгами, а мужикъ угнетеніемъ и часто своими боками. Главный начальникъ края былъ, во-первыхъ, не всевѣдущъ, а, во-вторыхъ, надо правду сказать при введеніи инвентарей, какъ и во всемъ, у него на первомъ планѣ стояла цѣль политическая; но, тѣмъ не менѣе, достигалось и улучшеніе хозяйственнаго быта крестьянъ, и было бы несправедливо утверждать, что у виновника этой мѣры уже вовсе не шевелили сердце страданія угнетеннаго паномъ мужика" [1]).

Каковы бы ни были недостатки инвентарныхъ правилъ 29 декабря 1848 г. и еще болѣе ихъ примѣненія на дѣлѣ, нужно помнить, что это, все-таки, самая энергическая мѣра въ пользу крѣпостныхъ крестьянъ изъ всего, что было сдѣлано для нихъ въ эпоху императора Николая: относительно великороссійскихъ помѣщиковъ государь, какъ мы видѣли, никогда не рѣшался на регулированіе положительнымъ закономъ повинностей крѣпостныхъ крестьянъ.

Покидая Юго-западный край, Бибиковъ, въ прощальномъ словѣ къ мѣстному дворянству, въ 1851 г., между прочимъ, сказалъ: „Случилось въ 1850 г., что два помѣщика радомысльскаго и овручьскаго уѣздовъ имѣли одного крестьянина... который въ недѣлю работалъ одному помѣщику 3 дня и другому 3 дня; спрашиваю я васъ: что же ему оставалось? Было много злоупотребленій помѣщичьей власти,— введены инвентари; много было недовольныхъ, сулили большія публичныя бѣдствія, сулили бунты, возмущенія, назначали день и часъ, когда начнется рѣзня; но Богъ миловалъ: зарѣзали ли кого изъ помѣщиковъ или экономовъ, били-ль кого?... Никогда!... Было ли у насъ что-либо подобное тому, что въ Галиціи?" (въ 1846 г.). „Напротивъ, милостивые государи, инвентари сдѣланы для блага помѣщиковъ, усилили ихъ власть, возвысили ихъ значеніе въ государствѣ, опредѣлили отношенія крестьянина къ владѣльцу, опредѣлили крестьянскія права и обязанности. Случались отступленія отъ инвентарныхъ правилъ, но не со стороны самихъ помѣщиковъ, а только отъ ихъ управляющихъ, экономовъ, поссессоровъ, или же тѣхъ старыхъ бабъ, которымъ не платятъ, а которыя сами платятъ своимъ любовникамъ, во зло употребляющимъ помѣщичью власть. Послѣ введенія инвентарей,—спрашиваю я васъ — пала-ль цѣна на имѣнія? И имѣю официальныя свѣдѣнія, которыя доказываютъ противное" [2]).

Самаринъ, съ своей стороны, въ кіевскихъ замѣткахъ свидѣтельствуетъ:

---

[1]) „Древ. и Нов. Россія" 1879 г. № 6, стр. 101—102.

[2]) „Кіевская Старина" 1882 г. № 6, стр. 534.

„Крестьяне вообще сговорчивы, но тамъ, гдѣ помѣщикъ притѣснялъ ихъ прежде, они сдѣлались тонкими юристами и, ухватившись за букву новаго положенія, гдѣ только могутъ, придираются къ его распоряженіямъ: какъ бы то ни было, опытъ сдѣланъ, и опытъ удался. Огромный переворотъ произошелъ мирно, безъ шума и кровопролитій, которыми насъ пугаютъ недобросовѣстные защитники крѣпостнаго права. Всѣ помѣщики видятъ въ инвентаряхъ только начало, приступъ къ дѣлу и ожидаютъ продолженія".

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ данныхъ относительно того, какъ отразилось введеніе инвентарныхъ правилъ на доходности имѣній Юго-западнаго края [1]. Что же касается неоднократныхъ заявленій генералъ губернатора въ его отчетахъ, что со времени введенія инвентарей имѣнія въ губерніяхъ кіевской, волынской и подольской не только не упали, но даже поднялись въ цѣнѣ какъ при продажѣ ихъ, такъ и при отдачѣ въ аренду, то Самаринъ считаетъ это мнѣніе справедливымъ, но полагаетъ, что „цѣнность имѣній возвысилась не *вслѣдствіе*, а *несмотря* на введеніе инвентарей и уменьшеніе барщины". Главныя причины этого явленія онъ видитъ въ конфискаціи имѣній лицъ, участвовавшихъ въ польскомъ возстаніи 1831 г., а также замѣшанныхъ въ заговорѣ Канарскаго, въ обращеніи казенныхъ имѣній подъ военныя поселенія, переводѣ казенныхъ крестьянъ на оброкъ и прекращеніи отдачи въ поссессію казенныхъ имѣній. „Вся эта масса имѣній въ прежнее время, до введенія инвентарей, мелкими участками отдавалась въ арендное содержаніе; какъ скоро это было прекращено, естественно, поссессоры должны были обратиться къ частнымъ владѣльцамъ, и сильный запросъ поднялъ арендную плату на *мелкія имѣнія*. Они-то преимущественно и возвысились въ цѣнѣ: большія имѣнія продавались и отдавались въ поссессію почти по той же цѣнѣ, какъ и прежде" [2]).

Относительно того, въ какой степени были надѣлены землею крестьяне на основаніи инвентарныхъ правилъ 1848 г. въ губерніяхъ кіевской, подольской и волынской, мы имѣемъ слѣдующія оффиціальныя свѣдѣнія

	Число крестьянъ.	% общаго числа
а) Крестьянъ, надѣленныхъ землею усадебною и полевою: хозяевъ тяглыхъ.	162,965	34½
„ пѣшихъ.	229,308	48¾
б) Крестьянъ, пользующихся одною усадьбою безъ полевой земли (огородниковъ	43,750	9¼
в) Крестьянъ, вовсе не надѣленныхъ землею (бобылей) [3]).	34,585	7½

[1]) Самаринъ приводитъ только одинъ фактъ, какъ увѣренію Т[illegible]скаго, отъ введенія инвентарей доходъ съ 1,500 душъ умалился на шесть тысячъ серебромъ, но онъ *добровольно отказался отъ сгонныхъ дней*".

[2]) Сочиненія Самарина II, 6—7.

[3]) Перв. изд. матер. редакц. комм. Третій періодъ. Ч. XVI. Спб. 1860. О числѣ крестьянъ надѣленныхъ и ненадѣленныхъ землею въ западныхъ губерніяхъ.

Нужно замѣтить, что по инвентарямъ за крестьянами было записано земли болѣе чѣмъ по уставнымъ грамотамъ до польскаго возстанія 1863 г., хотя и меньше, чѣмъ по послѣдующимъ затѣмъ выкупнымъ актамъ, а именно:

	По инвентарямъ.	По уставнымъ грамотамъ.	По новымъ выкупнымъ актамъ.
Въ Кіевской .	1.231,472 дес.	1.061,969 дес.	1.348,563 дес.
„ Волынской.	1.398,499 „	1.205,552 „	1.570,293 „ [1]).

Наконецъ, мы имѣемъ свѣдѣнія о размѣрахъ надѣловъ по инвентарямъ на тяглыя и пѣшія хозяйства во всѣхъ уѣздахъ этихъ трехъ губерній [2])

Въ разныхъ уѣздахъ.	Надѣлы тяглыхъ хозяйствъ.			Надѣлы пѣшихъ хозяйствъ.		
	Наибольшій.	Наименьшій.	Преобладающій.	Наибольшій.	Наименьшій.	Преобладающій
Подольск. губ.	10—23 дес.	1½—5 дес.	6½ дес.	5—10 дес.	1—2½ д.	3½—4 д.
Волынской „	15½—54 „	1—5 „	6½—12 „	6—20 „	1½—2¾ „	3½—6½ „
Кіевской „	9—16 „	1—5 „	6—9 „	4—9½ „	1—3 „	3—6½ „

Въ заключеніе историческаго обзора установленія обязательныхъ инвентарей въ Юго-западномъ краѣ приведемъ мнѣніе объ этой мѣрѣ А. П. Кошелева, высказанное въ его запискѣ, поданной императору Александру II въ 1858 г., т. е., когда правительство уже готово было приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ относительно уничтоженія крѣпостнаго права: „Какъ мѣра временная, введеніе инвентарей могло быть полезнымъ и необходимымъ для Западнаго края, ибо тамъ положеніе крестьянъ было невыносимо, и инвентари не были собственно нововведеніемъ, а уже прежде отчасти существовали. Къ сожалѣнію, должно сказать, что... они не принесли ожидаемой отъ нихъ пользы: помѣщики остались почти тѣми же полновластными распорядителями надъ крестьянами, а крестьяне мало воспользовались обѣщанными имъ огражденіями, и одной только полиціи стало хлопотливѣе, но зато и сытнѣе". Однако, изъ дальнѣйшаго видно, что эти слова относятся преимущественно къ сѣверо-западной Россіи, объ инвентарномъ положеніи которой Кошелевъ отзывается весьма неодобрительно: что касается Юго-западнаго края, то онъ признаетъ, что въ кіевской, подольской и волынской губерніяхъ оно „преимущественно благопріятствуетъ крестьянамъ, и потому, особенно при управленіи генерала

---

[1]) *Чубинскій.* „Труды этногр.-стат. экспед. въ запад. рус. край, VII, 515.

[2]) Перв. Изд. Матер. Редакц. Ком. т. IV Инвентари прав. западн. губ. Приложеніе № 12, стр. 186—189.

Бибикова этимъ краемъ, эта мѣра, не смотря на всю ея недостаточность, нѣсколько улучшила бытъ крестьянъ" [1]).

Старанія помѣщиковъ препятствовать введенію инвентарей заставили Бибикова ходатайствовать предъ государемъ о принятіи нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ мѣръ для устройства быта крестьянъ. „Помѣщики здѣшнихъ губерній, -писалъ Бибиковъ, -привыкшіе къ своевольному обращенію съ крестьянами, не легко разстаются съ такъ называемымъ своимъ правомъ управлять крестьянами по произволу, а крестьяне во всякомъ произволѣ видятъ уже нарушеніе воли государевой, оградившей ихъ отъ утѣсненій. Отсюда возникаютъ неудовольствія, переходящія иногда въ раздраженіе. Помѣщики называютъ это бунтомъ, и чтобы устрашить крестьянъ, показать имъ свою власть и силу и тѣмъ заставить повиноваться, попрежнему одной своей волѣ, а не инвентарнымъ правиламъ, вздумали, пользуясь силою закона, крестьянъ болѣе вліятельныхъ и богатыхъ или тѣхъ, которые выполняли только то что положено инвентарями, отдавать въ рекруты или ссылать въ Сибирь [2]), а также, пользуясь буквою закона (Св. Зак., т. IX, ст. 954) [3]), не дозволяютъ крестьянамъ вступать въ браки, отчего происходили даже возмущенія... Чтобы предотвратить грозящіе возникнуть безпорядки, необходимо: 1) постановить, чтобы о всякомъ случаѣ относительно ссылки крѣпостныхъ въ Сибирь и отчасти въ рекруты доводить до свѣдѣнія главнаго мѣстнаго начальства и 2) если по церковнымъ правиламъ нѣтъ препятствія на бракъ, то воспретить помѣщикамъ и ихъ управляющимъ препятствовать бракосочетаніямъ между людьми, принадлежащими одному и тому же имѣнію". Для огражденія крестьянъ отъ произвола экономовъ предложено было также не иначе принимать ихъ на службу въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, какъ съ засвидѣтельствованіемъ уѣздныхъ предводителей о ихъ поведеніи и нравственности, и лишить ихъ права наказывать крестьянъ тѣлесно, а изобличенныхъ въ нарушеніи этого правила впредь не допускать къ такимъ должностямъ, о чемъ и публиковать. Всѣ эти мѣры были утверждены государемъ въ 1848—1849 гг., съ тѣмъ, чтобы двѣ первыя были приводимы въ исполненіе административнымъ порядкомъ и безъ огласки. Даны были также секретныя инструкціи для огражденія помѣщичьихъ крестьянъ отъ жестокаго обращенія.

Но рядомъ съ этимъ были приняты нѣкоторыя мѣры, благопріятныя для помѣщиковъ: такъ, въ 1848 г. всѣ дѣла, кромѣ уголовныхъ, произво-

---

[1]) „Записки А. П. Кошелева", приложенія, стр. 101—102. Срав. отзывъ Хомякова объ инвентарныхъ правилахъ въ гл. XIII нашего труда.

[2]) Въ сквирскомъ уѣздѣ помѣщики представили одновременно 26 крестьянъ для ссылки въ Сибирь, но это было остановлено.

[3]) „Запрещается вѣнчать крѣпостныхъ вдовъ и дѣвокъ съ кѣмъ бы то ни было безъ точнаго на то дозволенія ихъ владѣльца".

дившіяся по злоупотребленіямъ помѣщичьей власти, обнаруженнымъ до введенія инвентарей, были прекращены, и имѣнія, находившіяся по такимъ дѣламъ въ опекѣ, отъ нея освобождены [1].

Въ 1846 г. былъ поднятъ вопросъ о существовавшемъ въ западной Россіи, т. е. въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, обычаѣ отдавать помѣщичьи населенныя имѣнія въ аренду. Бибиковъ и въ качествѣ кіевскаго генералъ-губернатора, и сдѣлавшись министромъ внутреннихъ дѣлъ, настаивалъ на воспрещеніи такихъ арендъ. Наконецъ, 25 декабря 1853 г. было предписано: воспретить на будущее время отдачу въ арендное содержаніе населенныхъ помѣщичьими крестьянами имѣній не только въ губерніяхъ западной Россіи, но и вообще повсюду: однако, арендные контракты, уже заключенные установленнымъ порядкомъ, повелѣно было оставить въ силѣ до истеченія срока; а такъ какъ срокъ нѣкоторыхъ изъ нихъ можетъ кончиться вскорѣ по изданіи этихъ правилъ, то для доставленія тѣмъ помѣщикамъ, имѣнія которыхъ находятся въ арендѣ, возможности приготовиться къ новому порядку управленія своими имѣніями, дозволить имъ заключать новые контракты, но съ назначеніемъ имъ срока не далѣе 1 января 1857 г. [2].

Такимъ образомъ, политическія причины понудили правительство до нѣкоторой степени отступить въ правобережной Украйнѣ отъ своей инертности и нерѣшительности въ дѣлѣ ограниченія крѣпостнаго права; но что побужденія въ этомъ случаѣ были чисто политическаго свойства, лучше всего доказываетъ бездѣйствіе того же правительства въ лѣвобережной Украйнѣ въ губерніяхъ черниговской и полтавской, съ тѣмъ же малороссійскимъ населеніемъ, какъ и генералъ-губернаторство кіевское, и гдѣ народъ не только не менѣе, но, по свидѣтельству умнаго современника, еще болѣе нуждался въ защитѣ отъ барскаго произвола. Въ своихъ замѣткахъ, набросанныхъ въ Кіевѣ зимою 1849—50 гг., Ю. Ѳ. Самаринъ разсказываетъ, что введеніе инвентарей въ губерніяхъ кіевской, волынской и подольской вызвало толки среди народа и по лѣвой сторонѣ Днѣпра: мѣстами крестьяне уже требовали здѣсь отъ священниковъ, чтобы они не таили царскаго указа, и иногда понимали совершенно превратно слова манифеста, неимѣющаго никакого отношенія къ крестьянскому дѣлу. „Между тѣмъ, помѣщики полтавскіе, — говоритъ Самаринъ, — и въ усъ себѣ не дуютъ. Ихъ безпечность, безпорядочность управленія и произволъ доходятъ до послѣднихъ предѣловъ, такъ что.. *введеніе инвентарей было бы*

---

[1] „Древн. и Нов. Россія" 1879 г., № 6, стр. 100, 102. „Рус. Арх." 1884 г. кн. 3, стр. 35, 37, 38, 41. Мѣра относительно назначенія управителей была распространена и на сѣверо-западн. Россію. См. 2-е П. С. З. т. XXVII, № 26533, XXVIII, № 27405.

[2] 2-е П. С. З. т. XXVIII, 27805. О всемъ ходѣ этого дѣла см. *Заблоцкій-Десятовскій*, II, 315—320, IV, 239—245.

нам еще нужнее, чѣмъ въ кіевской губерніи. У поляковъ, какъ бы мало они ни сочувствовали народу, издавна существовалъ порядокъ въ управленіи; въ Малороссіи этого нѣтъ: посемейные списки и подворныя описи тамъ рѣдкость. Къ тому же, тамъ имѣнія раздроблены до крайности: душа не почитается тамъ недѣлимою единицей: есть крестьяне, которые составляютъ собственность двухъ, даже трехъ помѣщиковъ, и работаютъ въ недѣлю день на одного, день на другаго и день на третьяго". Дворянство „всевозможными средствами" извлекаетъ доходы. „Напримѣръ, у одного 200 десятинъ земли обработываются 20 крестьянами, которые даже не имѣютъ хуторовъ, т. е. своихъ домовъ, а живутъ на одномъ дворѣ съ помѣщикомъ, во флигеляхъ. „У меня хозяйство семейное".—говорилъ этотъ помѣщикъ.

„Воздѣлываніе свекловицы въ большихъ размѣрахъ имѣло огромное вліяніе на здѣшній край (т. е. правобережную Украйну), — продолжаетъ Самаринъ,—и совпаденіе этого экономическаго факта со введеніемъ инвентарей не мало содѣйствовало ихъ благотворному вліянію. Еще до введенія ихъ воздѣлываніе свекловицы вызвало огромное требованіе вольнаго труда, возвысило его цѣнность и пріучило помѣщиковъ уважать его. Прежде нанять чужаго бѣглаго крестьянина почиталось дѣломъ безчестнымъ; теперь всѣ дѣлаютъ это по необходимости, и никто не жалуется. Помѣщики, воздѣлывающіе свекловицу, зазываютъ бабъ изъ сосѣднихъ деревень; онѣ приходятъ тысячами и договариваются о цѣнѣ. Другіе отбиваютъ ихъ обѣщаніемъ высшей платы. Начинается торгъ, но о крѣпостномъ правѣ и помину нѣтъ. Потребность вольнаго труда такъ велика, стремленіе рабочихъ силъ къ нему такъ неудержимо, что притязанія, основанныя на буквѣ устарѣлаго закона, какъ бы умолкли.

„Но за то это же самое развитіе заводовъ и фабрикъ въ кіевской губерніи бѣдственно для крестьянъ малороссійскихъ, гдѣ еще существуетъ крѣпостное право во всей его силѣ. Тамъ, какъ и у насъ, въ иныхъ мѣстахъ помѣщики торгуютъ рабочею силой своихъ крестьянъ. Фабриканты посылаютъ жидовъ за Днѣпръ подряжать людей у помѣщиковъ; они вербуютъ ихъ сотнями, забираютъ деньги и отпускаютъ съ жидомъ безъ продовольствія, безъ теплой одежды... Пришедши на мѣсто, эти бѣлые негры томятся болѣзнями, умираютъ десятками, тоскуютъ и бѣгутъ толпами, такъ что въ работахъ бываютъ остановки".

Въ другой замѣткѣ, написанной также зимою 1849—50 гг., Самаринъ говоритъ: „По всѣмъ разсказамъ и наблюденіямъ малороссійскихъ помѣщиковъ (полтавской и черниговской губерній), крестьяне находятся тамъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Крѣпостное право... въ Малороссіи только что достигло до полнаго сознанія своихъ силъ и проявляется съ торжествующею самоувѣренностью... По сю сторону Днѣпра, въ польской Украйнѣ... издавна установился порядокъ въ способѣ хозяйничанія: въ-

ный разсчетъ до нѣкоторой степени обуздалъ помѣщичій произволъ и сдѣлалъ то, чего бы никогда не сдѣлало болѣе благородное и безкорыстное побужденіе. Въ Малороссіи же первобытная патріархальность исчезла, а правильное управленіе еще не установилось. Тамъ господствуетъ самое ужасное сочетаніе безчувственности и безпорядочности въ помѣщичьемъ хозяйствѣ: требованія помѣщиковъ непомѣрны... истязанія развратили народъ [1]).

Въ лѣвобережной Украйнѣ правительство не приняло особыхъ относительно этой мѣстности мѣръ для улучшенія положенія крестьянъ; напротивъ того, въ сѣверо-западной Россіи оно стремилось ограничить крѣпостное право введеніемъ обязательныхъ инвентарей. Мы видѣли, что въ 1844 г. губернскіе комитеты для составленія инвентарей были учреждены не только въ юго-западной, но и въ сѣверо-западной Россіи, причемъ комитетамъ въ губерніяхъ виленской, гродненской, минской и ковенской даны были въ руководство въ 1845 г. правила, утвержденныя тамошнимъ генералъ-губернаторомъ въ особо для этого образованномъ комитетѣ изъ начальниковъ губерній и представителей отъ губернскихъ инвентарныхъ комитетовъ [2]). Изъ этихъ правилъ отмѣтимъ только слѣдующій параграфъ, составленный согласно съ проектомъ министра внутреннихъ дѣлъ: какъ натуральныя, такъ и оброчныя повинности предписывалось налагать на крестьянъ „не по числу наличныхъ душъ и рабочихъ силъ въ ихъ семействахъ, но по количеству и качеству поземельныхъ участковъ, выдѣляемыхъ крестьянамъ, и другихъ выгодъ, предоставляемыхъ въ помѣстьяхъ для устройства ихъ хозяйствъ и благосостоянія, а какъ третья часть валоваго дохода въ натурѣ составляетъ мѣру возмездія владѣльцевъ отъ вольныхъ съемщиковъ земли, то, согласно сему, всѣ *поземельныя*, натуральныя и оброчныя повинности съ крестьянъ *не должны превосходить этой мѣры*, т. е. опредѣлять ихъ по точной соразмѣрности съ третьею частью валоваго дохода, получаемаго крестьянами съ ихъ участковъ". Но не слѣдуетъ забывать, что, кромѣ этихъ главныхъ поземельныхъ повин-

---

[1]) Въ одномъ имѣніи ежедневно секли отъ 40 до 60 бабъ, въ томъ числѣ и беременныхъ; отъ этого было много несчастныхъ случаевъ и распространилась падучая болѣзнь. Свою замѣтку о положеніи крестьянъ въ Малороссіи Самаринъ оканчиваетъ слѣдующими словами: „Тотъ извлекъ изъ своихъ наблюденій, что въ крѣпостномъ сословіи смертность постоянно бываетъ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, напримѣръ, между государственными крестьянами и казаками, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ климатическихъ, при одинаковой мѣстности, одинаковыхъ занятіяхъ, пищѣ, образѣ жизни. Этотъ плюсъ смертности онъ назвалъ *мертвящею силой крѣпостнаго состоянія*". „Соч. Самарина, II, 5—6, 9—13.

[2]) При составленіи этихъ правилъ приняты въ основаніе упомянутыя въ своемъ мѣстѣ проекты министра внутреннихъ дѣлъ и особая его инструкція отъ 17 февраля 1845 года.

постей, крестьяне должны были отбывать повинности добавочныя: „за придаточныя къ устройству ихъ хозяйствъ выгоды и за попечительность владѣльцевъ о ихъ благосостояніи" (къ повинностямъ добавочнымъ относились работы строительныя, подводныя, женскія и данины [1]) или вещественные сборы)

Правила эти приняты были въ руководство инвентарными комитетами губерній виленской, гродненской, ковенской и минской, но примѣнены ими при утвержденіи инвентарей помѣщичьихъ имѣній не во всемъ одинаковымъ образомъ. Мы не имѣемъ возможности остановиться подробно на дѣятельности каждаго изъ этихъ комитетовъ [2]) и замѣтимъ только, что крестьянское дѣло въ сѣверо западной Россіи шло въ разсматриваемое время инымъ путемъ, чѣмъ въ Юго западномъ краѣ. Тамъ, какъ мы видѣли выше, когда въ іюнѣ 1846 г. губернскіе комитеты исполнили возложенныя на нихъ обязанности, генералъ-губернаторъ Бибиковъ увѣдомилъ правительство, что доставленныхъ къ нему мѣстными комитетами инвентарей помѣщичьихъ имѣній привести въ дѣйствіе невозможно, такъ какъ всѣ инвентари различаются въ работахъ и повинностяхъ крестьянъ, въ образѣ хозяйства и т. п. Поэтому, онъ счелъ необходимымъ ввести инвентари по составленной имъ однообразной формѣ, заключающей въ себѣ общія постановленія и нормы для всѣхъ вообще имѣній юго-западной Россіи. Результатомъ этого предложенія и были высочайше утвержденныя правила 26 мая 1847 и 29 декабря 1848 гг. Напротивъ, въ сѣверо-западной Россіи, въ губерніяхъ виленской, гродненской, ковенской и минской, приступили къ утвержденію частныхъ инвентарей, и они стали дѣйствовать по порядку введенія ихъ въ имѣнія, одни съ 1845, другіе съ 1846 и 1847 годовъ.

Въ губерніяхъ бѣлорусскихъ (витебской и могилевской) генералъ-губернаторъ призналъ возможнымъ, для опредѣленія повинностей, принять за основаніе одну треть дохода съ выдѣленныхъ крестьянамъ земель и исполнить все дѣло, т. е ввести обязательные инвентари по правиламъ, установленнымъ для литовскихъ губерній. Но со стороны дворянства здѣсь выказано было явное нерасположеніе къ такому порядку и выражено желаніе, чтобы установлена была трехдневная барщина съ рабочей души. Встрѣтивъ съ перваго шага противодѣйствіе, введеніе инвентарей не получило въ бѣлорусскихъ губерніяхъ „прочнаго и соотвѣтственнаго видамъ правительства направленія"; дѣло шло здѣсь „чрезвычайно медленно и не твердо", и въ большей части имѣній инвентари составлены были мѣ-

---

[1]) Въ правилахъ относительно юго-западной Россіи 29 декабря 1848 года данныя были уничтожены.

[2]) Интересующихся ею отсылаемъ къ „Первому изданію матеріаловъ редакціон. коммиссіи" ч. IV. „Инвент. полож. западн. губ." стр. 17—42 и Прилож. стр. 61—89

рами правительства на счетъ владѣльцевъ: но привести ихъ въ дѣйствіе оказалось невозможнымъ какъ потому, что надѣлы крестьянъ землею показаны были не дѣйствительные, а „предположенные", и, притомъ, съ равною доходностью для всѣхъ семействъ, безъ различія въ ихъ рабочихъ силъ, такъ и потому, что повинности крестьянъ оказались крайне тягостными, ибо $^{1}/_{4}$ дохода была выведена не изъ среднихъ, а изъ высшихъ чиселъ [1]).

30 августа 1852 г. генералъ губернаторъ Юго-западнаго края Д. Г Бибиковъ дѣлается министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ этомъ году какъ разъ истекалъ шестилѣтній срокъ, назначенный, по высочайшему повелѣнію 1844 г., для инвентарей, введенныхъ согласно волѣ государя Бибиковъ, полагая, что всѣ губерніи, составляющія Западный край, представляютъ значительное между собою сходство и даже единство въ отношеніяхъ политическомъ, общественномъ и религіозномъ, находилъ, что и инвентарный порядокъ для помѣщичьихъ имѣній этого края долженъ быть основанъ на однихъ и тѣхъ же правилахъ. По всеподданнѣйшему докладу его объ этомъ было высочайше повелѣно, 22 декабря 1852 г., въ виленскомъ и витебскомъ генералъ-губернаторствахъ ввести инвентари, на основаніи тѣхъ же правилъ, которыя утверждены въ 1848 г. для кіевскаго генералъ-губернаторства [2]).

Однако, правила эти при исполненіи ихъ на мѣстѣ встрѣчены были помѣщиками несочувственно: они стали жаловаться и домогаться многихъ измѣненій; жалобы доходили до государя [3]), и 15 апрѣля 1854 г. было высочайше повелѣно: инвентарныя правила для сѣверо-западныхъ и бѣлорусскихъ губерній подвергнуть пересмотру сначала въ губернскихъ комитетахъ, потомъ генералъ-губернаторами и затѣмъ для окончательнаго разсмотрѣнія этихъ правилъ составить два комитета: одинъ второстепенный, изъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ и двухъ депутатовъ отъ дворянства, и высшій—подъ предсѣдательствомъ князя Чернышева, изъ генералъ адъютантовъ графа Киселева, графа Орлова и Д. Г. Бибикова. Предположенія этого послѣд-

---

[1]) „Первое изд. редакц. комм." т. IV. Инвент. ложк. запад. губ. стр. 42, 47—48.

[2]) При этомъ сдѣланы были въ нихъ лишь ничтожныя измѣненія Вып. стр. 42—47, сравн. приложенія, стр. 153—173 и 191—211. Правила 22 дек. 1852 г. напечатаны также въ „Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс." 1867 г. т. III, 176—193.

[3]) „Дворянство сильно возстало, разсказываетъ знающій дѣло современникъ,—прислало депутатовъ въ Петербургъ, которые обратились къ защитѣ наслѣдника престола. Цесаревичъ принялъ ихъ сторону, убѣдилъ государя разсмотрѣть жалобу дворянства въ запасномъ комитетѣ, въ которомъ онъ былъ предсѣдателемъ, и тутъ высказалъ Бибикову большое неудовольствіе. Это было начало разлада, который кончился увольненіемъ Бибикова уже при новомъ императорѣ". („Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія", I, 67).

няго комитета были внесены въ государственный совѣтъ уже въ началѣ слѣдующаго царствованія, въ мартѣ 1855 г. [1])

Ю. О. Самаринъ хорошо характеризуетъ различія двухъ направленій въ ходѣ крестьянскаго дѣла въ юго-западной и сѣверо-западной Россіи. Упомянувъ (въ статьѣ, напечатанной въ 1863 г.) о положительныхъ и отрицательныхъ сторонахъ въ дѣятельности Бибикова по крестьянскому вопросу въ качествѣ кіевскаго генералъ-губернатора, онъ продолжаетъ: „Единовременно въ сѣверной половинѣ Западнаго края, которая управлялась по другой системѣ, также возбужденъ былъ вопросъ объ устройствѣ крестьянъ, но на другихъ основаніяхъ. Тамъ предполагалось ограничиться провѣркой, исправленіемъ и узаконеніемъ *инвентарей*, т. е. *отдѣльныхъ для каждого имѣнія* описей, опредѣлить въ нихъ подворные надѣлы и повинности: не вводя законодательнымъ порядкомъ общихъ обязательныхъ правилъ о самомъ существѣ обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, предоставить это, на мѣстахъ, исполнительнымъ инстанціямъ, снабдивъ ихъ обстоятельными инструкціями. Очевидно, здѣсь вопросъ въ экономическомъ и юридическомъ отношеніи ставился вѣрнѣе, предъявлялось требованіе точнаго соразмѣренія повинностей съ надѣлами, требованіе измѣренія и кадастраціи: все это было очень тонко и заманчиво, но задуманная въ такихъ размѣрахъ операція должна была затянуться на безконечный срокъ и потеряться въ подробностяхъ, ускользающихъ отъ высшаго наблюденія; наконецъ, при этихъ условіяхъ успѣхъ предпріятія долженъ былъ почти безусловно зависѣть отъ исполнителей... Въ Бѣлоруссіи и Литвѣ формировались коммиссіи, разумѣется подъ вліяніемъ мѣстныхъ польскихъ элементовъ, возникали вопросы за вопросами, инструкціи слѣдовали за инструкціями. Инвентари составлялись, повѣрялись, вводились и браковались: все дѣло шло крайне туго и вяло, по нѣскольку разъ передѣлывалось съизнова и не дало никакихъ результатовъ. Бытъ крестьянъ не улучшился: мѣстами ихъ положеніе даже стало хуже; они упали духомъ и надежды ихъ стали потухать“ [2]).

---

[1]) *Заблоцкій-Десятовскій*, IV, 235

[2]) „Сочиненія Самарина“ I, 314—316.

ГЛАВА XVII.

Крестьянскій вопросъ въ малороссійской литературѣ.

Положеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ Малороссіи было крайне тяжело. Въ правобережной Украйнѣ правительство пришло къ нимъ на помощь лишь въ самомъ концѣ царствованія императора Николая, но помѣщики всячески старались испортить и то немногое хорошее, что заключалось въ инвентарныхъ правилахъ. Въ лѣвобережной Украйнѣ крѣпостное право проявлялось въ еще болѣе суровыхъ формахъ, но тутъ правительство не принимало никакихъ спеціальныхъ, мѣстныхъ мѣръ, довольствуясь тѣми, хотя и многочисленными, но слишкомъ недостаточными узаконеніями, которыя оно издавало съ цѣлью ограниченія крѣпостнаго права въ Россіи вообще. Въ виду отсутствія правительственнаго давленія на помѣщиковъ-малороссовъ, было особенно необходимо гуманизирующее вліяніе литературы въ этомъ направленіи. Но мы видѣли, какъ мало могла высказываться по крестьянскому вопросу русская литература и журналистика, особенно до половины сороковыхъ годовъ; неудивительно, что ранѣе Шевченка почти ничего не даетъ въ этомъ направленіи и литература украинская.

Тутъ, прежде всего, приходится упомянуть извѣстную басню Гулака-Артемовскаго „Панъ та собака“ (1818 года), навѣянную сатирою польскаго писателя Красицкаго. Въ этой баснѣ авторъ говоритъ о дворовой собакѣ Рябкѣ, которая всю ночь стерегла господское добро и неустанно лаяла, но, вмѣсто ожидаемой награды за усердіе, была больно побита по приказанію своего господина, въ эту ночь проигравшагося въ карты и поутру не могшаго заснуть будто бы отъ лая собаки. Послѣ побоевъ Рябко забился въ уголъ и пересталъ лаять по ночамъ, чтобы не будить барина, и опять попалъ въ бѣду: воры обокрали барскій дворъ, и онъ былъ побитъ еще больнѣе.

„Чорты бъ убывъ твого, Явтухъ, зъ панамы батька
И дядыну, и дядька

За ласку ихъ! сказавъ Рябко тутъ на-одризъ.
Нехай имъ служыть бильшъ рябый въ болоти бисъ!
Той дурень, хто дурнымъ [1]) иде панамъ служыты,
А бильшый дурень—хто имъ дума угодыты!
Годывъ Рябко имъ, мовъ болячци й чыряку [2])
А що жъ за те Рябку?
Сяку мать та таку!
А до того ище спороды батогамы,
А за выслугу палюгамы [3]).
Чы гавкае Рябко, чы мовчкы ниччю спыть,
Все выпада — такы Рябка прытьмомъ побыть...
Зъ ледачымъ все бида: хочъ вертъ круть, хочъ круть-вертъ,
Винъ найде все тоби хочъ въ черепочку смерть" [4]).

Изъ нѣсколькихъ басенъ, написанныхъ Гулакомъ-Артемовскимъ, „Панъ та собака", — говоритъ Костомаровъ, — „по художественности, по глубинѣ мысли и народному колориту, занимаетъ высокое мѣсто, тѣмъ болѣе, что она выражаетъ болѣзненное, но сдержанное чувство народа, безвыходно терпѣвшаго произволъ крѣпостничества" [5]). „Сцены дикаго произвола, — говоритъ г. Кулишъ въ статьѣ, напечатанной въ 1861 году, — подобныя представленной у Артемовскаго-Гулака, видно, дѣлали и сорокъ лѣтъ назадъ сильное впечатлѣніе на благороднѣйшія натуры, иначе эта пьеса не была бы такъ популярна въ Украйнѣ не только послѣ, но и до ея напечатанія" [6]). Наконецъ, г. Петровъ, который указалъ на сатиру Красицкаго, навѣявшую Гулаку-Артемовскому его произведеніе (въ сатирѣ, вмѣсто собаки Рябка, прямо фигурируетъ слуга Мартынъ), говоритъ: „Зная первоисточникъ этой басни Артемовскаго, мы, къ сожалѣнію, должны уменьшить нѣсколько ея значеніе и смотрѣть на нее только какъ на вольный переводъ или передѣлку польскаго оригинала. Заслуга Артемовскаго состоитъ развѣ въ томъ только, что онъ сообщилъ этой баснѣ народный украинскій колоритъ и явился съ нею весьма кстати", когда въ Россіи, „въ правительственныхъ сферахъ и обществѣ поднятъ былъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости" [7])

---

[1]) Глупымъ.

[2]) Ухаживалъ за ними, какъ за болячкою и чирьемъ.

[3]) Палками.

[4]) „Украинскій Вѣстникъ" 1818 года, XII, стр. 356—362. Подпись ъ..й..ъ... Въ напечатанной тутъ же „*Супликѣ* до Грыцька К...ы" авторъ еще болѣе поясняетъ смыслъ басни.

[5]) *Гербель*. „Поэзія Славянъ", стр. 159.

[6]) „Основа" 1861 года, т. I, 88.

[7]) *Петровъ*. „Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія". Кіевъ, 1881 г., стр. 58, 62—64. Русскій переводъ басни „Панъ та собака", впрочемъ, довольно неточный и слабый, см. въ изданіи *Гербеля*. „Поэзія славянъ". Спб. 1871 г., стр. 169—170.

Вліяніе Гулака-Артемовскаго сказалось въ нѣкоторыхъ басняхъ Петра Писаревскаго. Басня „Панське слово — велыке дило", напечатанная въ 1841 году, начинается изображеніемъ печальнаго положенія крѣпостнаго, лишеннаго обуви и теплой одежды, которыя нужны въ виду наступающей зимы:

„Зима прыходыть, треба свыты,
А въ мене и чобить чортъ-ма!
Ни хмызу[1]) въ хати протопыты,
Кожуха-жъ и во-всимъ не ма!
От-се останьня жупанына,
Ни посывъ ще дидъ Явтухъ"...

На просьбу Петра дать ему „хочь погапенькый кожухъ", панъ обѣщаетъ прислать его, но все не сдерживаетъ слова, такъ что надъ Петромъ уже насмѣхаются за то, что онъ повѣрилъ барскому обѣщанію: „Казавъ мій панъ: кожухъ я дамъ та и слово тепле". Басня заканчивается такимъ выводомъ:

..„Такъ бува частенько намъ,
Що панъ намъ тяжки обицае,
Згадай; не дасть, та ще й полае"[2]).

Но все это были лишь жалкіе, отрывочные намеки на крѣпостное право, пока не появился въ Украйнѣ народный поэтъ, вынесшій на своихъ плечахъ тяжелую долю раба и умѣвшій въ самыхъ трогательныхъ, задушевныхъ словахъ разсказать всему міру о печальной жизни закрѣпощеннаго малороссійскаго крестьянства. Мы не будемъ останавливаться на общеизвѣстныхъ фактахъ изъ того періода жизни Т. Г. Шевченка, когда (до 1838 года) онъ былъ еще крѣпостнымъ[3]) Съ 1840 года его произведенія появляются уже въ печати, но печаталась лишь ничтожная часть того, что создавала его муза. Очень быстро Шевченко дѣлается самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Малороссіи, его приглашаютъ всюду на расхватъ, и энергическій протестъ его противъ крѣпостнаго права долженъ былъ имѣть сильное гуманизирующее вліяніе на общество. Этотъ протестъ мы видимъ и въ его непосредственныхъ отношеніяхъ къ тѣмъ изъ владѣльцевъ-крѣпостныхъ душъ, которые злоупотребляли своими правами[4]).

---

[1]) Хворосту.

[2]) Альманахъ *Ѳ. Гребенки*: „Ластовка". Спб. 1841 года, стр. 215—218. Еще болѣе явно вліяніе Гулака-Артемовскаго въ другой басни Писаревскаго „Собака та злодій" Ibid., стр. 218—219.

[3]) См. объ этомъ книгу *Чалаго*: „Жизнь и произведенія Тараса Шевченка". Кіевъ, 1882 года, стр. 15—16, 18—23, 25—31.

[4]) „Тарасъ Григорьевичъ сперва разочаровался въ нѣкоторыхъ изъ украинскихъ панокъ,—разсказываетъ его біографъ,—и посѣщалъ весьма немногихъ несмотря на радушныя приглашенія. Крѣпостной гнетъ, тяготѣвшій тогда надъ народомъ, — вотъ что отталкивало поэта и отравляло лучшія минуты его существованія. Праздничная обстановка помѣщичьихъ домовъ не могла ослѣпить человѣка [illegible] который по собственному

Понятно, что протестъ противъ крѣпостнаго права, противъ помѣщичьяго гнета, насилій и разврата долженъ былъ составлять одинъ изъ главныхъ мотивовъ произведеній Шевченка.

Въ поэмѣ „Слѣпая", написанной на русскомъ языкѣ въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ, выведена женщина, соблазненная помѣщикомъ и прижившая съ нимъ ребенка: разсказъ начинается, когда этотъ ребенокъ превратился уже въ красивую молодую дѣвушку. Мать ея, слѣпая нищая, сидитъ у воротъ покинутой усадьбы, въ ожиданіи, что отецъ ея Оксаны вернется въ имѣніе и признаетъ своего ребенка. Наконецъ, панъ пріѣхалъ, мать прогнали, Оксану взяли въ домъ и держатъ взаперти, панъ...

...„самъ сласти ей приноситъ,
Даритъ алмазомъ, жемчугомъ,
И на колѣнахъ ее проситъ
Не звать ни папомъ, ни отцемъ".

Его безстыдныя притязанія приводятъ къ ужасной катастрофѣ. Вотъ однажды

„Охота съ поля возвратилась,
И панъ къ страдалицѣ идетъ
Безстыдно пьяный"...

Дѣвушка убиваетъ отца, поджигаетъ барскія хоромы, а сама сходитъ съ ума [1]). Мы встрѣчаемъ тутъ мотивы, повторяющіеся въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ поэта: такъ, окончаніе напоминаетъ произведеніе 1849 г. „Марына", а наглыя притязанія отца относительно дочери находимъ и въ прозаической повѣсти на русскомъ языкѣ (1853 г.) подъ названіемъ „Княгиня" (см. ниже).

опыту зналъ какова должна быть закулисная жизнь этихъ гостепріимныхъ хозяевъ и чего стоило богатое угощеніе сотенъ гостей ихъ крѣпостнымъ людямъ". Вотъ что разсказывалъ Чужбинскій относительно посѣщенія Шевченкомъ одного господина въ городѣ Л.: „Мы пришли на обѣдъ довольно рано. Въ передней слуга дремалъ на скамейкѣ. Къ несчастію его, хозяинъ выглянулъ въ двери и, увидѣвъ дремавшаго слугу, разбудилъ его собственноручно, по своему, не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ. Тарасъ Григорьевичъ покраснѣлъ, надѣлъ шапку и ушелъ домой". Другой разъ его возмутилъ собиратель малорусскихъ пѣсенъ Лукашевичъ, съ которымъ онъ былъ хорошо знакомъ и у котораго въ имѣніи часто бывалъ. Однажды суровою зимой этотъ Лукашевичъ прислалъ своего крѣпостнаго человѣка къ Шевченкѣ съ какимъ-то за полъверсты по какому-то неважному дѣлу съ строгимъ приказомъ непремѣнно привести отвѣтъ въ тотъ же день. Не имѣя права удержать посланца до другого дня, Шевченко написалъ его господину письмо, исполненное горячаго негодованія, въ которомъ заявилъ, что навсегда прекращаетъ съ нимъ знакомство. Въ отвѣтъ Лукашевича все вертѣлось на томъ, что у него 300 душъ такихъ олуховъ, какъ Шевченко. Разсказывая подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этотъ случай княжнѣ Репниной, Шевченко рыдалъ какъ ребенокъ" (*Чужбинскій*, стр. 39—40).

[1]) „Кіевская Старина" 1886 г., № 6, стр. 307—338.

Въ поэмѣ „Сонъ", написанной въ половинѣ 1844 г., отмѣтимъ слѣдующія сильныя строки:

. . „а я полечу
Высоко, высоко за сыніи хмары [1])
Немае тамъ власти, немае тамъ кары,
Тамъ смиху людського и плачу не чуть!
Онъ, глянь, у тимъ раю, що ты покыдаешъ,
Латану свытыну [2]) зъ каликы здіймають,
Зъ шкурою здіймають, бо ничымъ обуть
Панятъ недорослыхъ,—а онъ розпынають
Вдову за подушне, а сына кують,
Едыного сына, едыну дытыну,
Едыну надію в військо оддають;
Бо ёго, бачъ, трохы... А онъ-де, -пидъ-тыномъ
Опухла дытына голодная мре,
А маты пшеныцю на панщыни жне
. . . . . .
Тамъ покрытка по-пидъ-тыпню
Зъ байстрямъ шкандыбае: [3])
Батько й матиръ одцуралысь, [4])
Чужи не прыймають;
Старци навить цураються... [5])
А панычъ не знае!
Зъ двадцятою, недолитокъ,
Души пропывае.
Чы Богъ бачыть изъ-за хмары
Наши слезы, горе?
Може й бачыть, та помога,
Якъ и отти горы
Предковични, що полыти
Кровію людською!...
. . . . . .
Пошлемъ думу ажъ до Бога
Его розпытаты,
Чы довго ще на симъ свити
Катамъ [6]) пануваты?"

Въ поэмѣ „Кавказъ" (1845 г.) Шевченко опять возвращается въ одномъ мѣстѣ къ своей любимой темѣ и бичуетъ людей, обирающихъ своихъ крѣпостныхъ и даже проигрывающихъ ихъ въ карты:

---

[1]) Тучи.
[2]) Заплатанную свитку.
[3]) Плетется съ незаконнымъ ребенкомъ.
[4]) Отреклись.
[5]) Даже нищіе чуждаются.
[6]) Палачамъ.

„У насъ.. чого-то мы не вміємъ?
. . . . . продаемъ
Або у карты програемъ
Людей... Не негривъ, а такихъ
Таки хрещеныхъ, но простыхъ.
Мы не Гышпане; крый насъ, Боже!
Щобъ крадене перекупать та продавать,
Якъ ти жыды .. мы по закону!"
По закону Апостола
Вы любыте брата?
Суесловы, лыцемиры,
Господомъ прокляти!
Вы любыте на братови
Шкуру, а не душу.
Та й лупыте по закону
Дочци на кожушокъ,
Байстрюкови на прыдане,
Жынци на патынкы [1]), "
Соби жъ на те, що не знають
Ни диты, ни жинка!
За кого жъ Ты розпынався,
Хрысте, Сыне Божый?
За насъ добрыхъ? Чы за слово
Истыны? Чы може,
Щобъ мы въ тебе наемілысь!
Воно ж такъ и сталось!"..

Въ концѣ того же 1845 г. Шевченко написалъ: „До мертвыхъ и живыхъ и ненарожденныхъ землякивъ моихъ, въ Украини и не въ Украинѣ сущыхъ, мое дружнее посланіе", въ которомъ горячо убѣждалъ ихъ въ необходимости измѣнить положеніе порабощеннаго народа, тотъ порядокъ, при которомъ

„Людей запрягають
Въ тяжки ярма"..

Онъ горько упрекалъ тѣхъ, у кого слово расходилось съ дѣломъ:

. . . . „Крычыте,
Що Богъ создавъ васъ не на те,
Щобъ вы неправди поклонялысь.
А хылытесь [2]), якъ и хылялысь,
И знову шкуру деретe
Зъ бративъ неврячыхъ"...

Поэтъ убѣждалъ, что пора опомниться, иначе дѣло можетъ кончиться плохо для рабовладѣльцевъ, такъ какъ народъ можетъ, наконецъ, собраться съ силами и жестоко имъ отомстить:

---

[1]) Женскіе башмаки.
[2]) Гнетесь.

„Схамениться! [1]) будьте люде,
Бо лыхо вамъ буде:
Розкуються незабаромъ [2])
Заковани люде;
Настане судъ, заговорять
И Днипро, и горы,
И потече сторикамы
Кровъ у сыне море
Дитей вашыхъ: и не буде
Кому помогаты
. . . . . .
Не дурите дитей вашыхъ,
Що воны на свити
На те тилькы, щобъ панувать".

Немного можно найти въ нашей литературѣ такихъ трогательныхъ стиховъ, какими Шевченко въ томъ же произведеніи убѣждалъ высшее сословіе слиться съ народомъ:

„Обнимите-жъ, браты мои
Найменьшого брата,—
Нехай маты усмихнеться,
Заплакана маты".

И въ прошломъ несчастной матери-Украйны вниманіе поэта не разъ останавливалось на томъ, какъ, послѣ окончательной погибели запорожской вольности, было введено въ Малороссіи крѣпостное право; напримѣръ, въ стихотвореніи дума (1845 г.) онъ упоминаетъ, какъ „царыця (Екатерина II) по Кыиву съ Печосомъ (Потемкинымъ) ходыла .."

„И якъ степы запорозьки
Тоди подилылы
И панамъ на Украини
Людъ закрипостылы"... [3])

Въ томъ же 1845 г. Шевченкомъ была написана повѣсть (въ прозѣ) на великорусскомъ языкѣ подъ названіемъ „Варнакъ", рисующая горемычную жизнь крѣпостнаго. Герой разсказа, оставшись рано сиротою, попадаетъ сначала въ домашніе казачки къ управляющему, а затѣмъ его дѣлаютъ лакеемъ маленькаго барченка, вмѣстѣ съ которымъ онъ учится всему, не исключая музыки и иностранныхъ языковъ, и шалости котораго онъ принимаетъ на себя, что, разумѣется, не проходитъ ему даромъ. Съ теченіемъ времени онъ задумываетъ воспитать себѣ въ жены маленькую

---

[1]) Опомнитесь.

[2]) Скоро.

[3]) *Шевченко.* „Збирникъ творивъ" Томъ первый. Кобзарь. Спб., 1883 г., стр. 160, 167—169, 172, 190—191.

дочь одной вдовы, Марисю, и съ помощью горячо полюбившей его гувернантки учитъ ее писать по-польски и по-русски. По прошествіи многихъ лѣтъ герой разсказа становится управляющимъ имѣніями своей помѣщицы-графини, но, въ то же время, возвращается послѣ окончанія курса и странствій за границей молодой графъ, жертвою котораго и дѣлается Марися. Попытка убить графа не удается герою разсказа: его бросаютъ связаннаго въ погребъ, но послѣ того, какъ графъ, укравши у матери деньги, бѣжитъ за границу, его тихонько выпускаютъ, и онъ дѣлается главою шайки разбойниковъ, но, подобно Кармелюку, грабя богатыхъ, онъ надѣляетъ бѣдныхъ. Когда однажды молодой помѣщикъ попадаетъ ему въ руки, онъ великодушно даетъ ему свободу; напротивъ, графъ, захвативъ своего врага, приказываетъ его связать, но падаетъ отъ его пистолетнаго выстрѣла. По приказанію графини, связаннаго атамана бросаютъ въ погребъ, но его шайка выручаетъ своего начальника и, притомъ, убиваютъ и графиню, и ея многочисленныхъ гостей. Послѣ того онъ встрѣчаетъ свою Марисю уже совершенно больную и въ нищетѣ съ сыномъ отъ графа. Разсказъ оканчивается тѣмъ, что герой добровольно отдаетъ себя въ руки правосудія [1]). Въ литературномъ отношеніи нельзя не признать эту повѣсть весьма слабою, да и вообще разсказы Шевченка въ прозѣ далеко уступаютъ его стихотворнымъ произведеніямъ. Та же тема была въ 1845 г., уже во время ссылки, обработана авторомъ въ стихахъ подъ тѣмъ же заглавіемъ съ нѣкоторыми отмѣнами въ содержаніи [2]).

Къ январю 1846 г. относится основаніе такъ называемаго Кирилло-Меѳодіевскаго братства, въ которомъ приняли участіе Костомаровъ, Маркевичъ, В. М. Бѣлозерскій, Ал. Навроцкій, Гулакъ и Пильщиковъ, и которое имѣло цѣлью распространеніе идей „славянской взаимности и будущей федераціи славянскихъ народовъ, на основаніи полной свободы и автономіи народностей". Программа общества, по свидѣтельству П. И. Костомарова, состояла въ слѣдующемъ: „Въ религіи полная свобода. Всѣ вѣроисповѣданія должны пользоваться одинаковыми правами". Предполагалось, что общимъ для всѣхъ славянъ долженъ былъ сдѣлаться языкъ великорусскій, какъ наиболѣе распространенный. Считали необходимымъ обязательное обученіе народа. Затѣмъ требованія братства состояли въ уничтоженіи крѣпостнаго права, дворянскихъ и всякихъ другихъ привилегій, уничтоженія тѣлесныхъ наказаній и смертной казни, исключая карантинныхъ законовъ и военнаго времени. Предполагалось, что въ будущемъ славянскіе народы составятъ вмѣстѣ съ Россіей федерацію, при-

---

[1]) „Кіевская Старина" 1886 г., № 7, стр. 410—442.

[2]) См. „Збирникъ творивъ", т. I. Спб., 1883 г., стр. 280—283.

чемъ уже было намѣчено въ общихъ чертахъ и распредѣленіе на штаты, и устройство центральнаго и мѣстнаго управленія. Регулярныя войска предполагалось имѣть въ небольшомъ количествѣ, такъ какъ въ каждомъ штатѣ была бы своя милиція и всѣ учились бы военному дѣлу на случай общаго ополченія. Всего этого братство надѣялось достигнуть мирнымъ путемъ: рѣшено было „избѣгать насильственныхъ мѣръ, а когда придетъ пора, противопоставить насилію силу мысли, силу сплоченнаго народа“ [1].

Къ братству присоединился и Шевченко, который уже нѣсколько ранѣе много толковалъ съ своими кіевскими пріятелями о дружной работѣ на пользу народнаго просвѣщенія; планъ этой дѣятельности такъ передавалъ Шевченко еще осенью 1845 г. Каждый изъ нихъ, сообразно со своими средствами, назначалъ сумму, какую онъ можетъ внести въ общественную кассу. Когда посредствомъ взносовъ соберется достаточное количество денегъ... будутъ выдавать пособія молодымъ людямъ, окончившимъ гимназическій курсъ и не имѣющимъ возможности содержать себя въ университетѣ. Тотъ, кто пользовался этимъ вспомоществованіемъ, обязывался по окончаніи университетскаго курса прослужить 6 лѣтъ сельскимъ учителемъ, причемъ получающимъ недостаточную плату должно было прибавлять изъ общей кассы. Въ казенныхъ селеніяхъ правительство школъ не запрещало, а къ заведенію ихъ въ частныхъ имѣніяхъ, надѣялись склонить помѣщиковъ [2].

На Шевченко, по выраженію Кулиша, члены братства „взирали, какъ на небесный свѣтильникъ“: онъ „своею поэзіей являлся какъ бы оправданіемъ ихъ общаго вдохновенія“. То были, по словамъ того же писателя, „юноши, глубокопросвѣтленные чистотою христіанскаго ученія, преданные до энтузіазма апостольской любви къ ближнему. Въ кругу образованнаго украинскаго дворянства они стали проповѣдывать освобожденіе народа изъ-подъ крѣпостной зависимости путемъ христіанскаго и научнаго просвѣщенія“ [3]. Въ воспоминаніяхъ о Н. П. Костомаровѣ г. Кулишъ бывшій въ началѣ 1847 г. въ Кіевѣ проѣздомъ за границу, разсказываетъ еще: „Костомаровъ... помогалъ мнѣ питать огромную надежду, что наши просвѣщенные помѣщики, такъ дружно полюбившіе національнаго поэта (Шевченко), сдѣлаютъ первый шагъ къ освобожденію земляковъ отъ крѣпостной зависимости. И до моего отъѣзда въ Петербургъ, и теперь мы съ нимъ строили систему освобожденія крестьянъ путемъ образованія, въ

---

[1] Моя статья о Н. И. Костомаровѣ. „Русская Старина“ 1886 года, № 1, стран. 187—188.

[2] „Древн. и Нов. Россія“ 1876 г., т. II, 85.

[3] „Кіевская Старина“ 1883 г. № 2, стр. 224—225.

свободныхъ отъ министерскаго вмѣшательства школахъ, которыя будутъ устроены въ панскихъ имѣніяхъ съ опредѣленною цѣлью примириться посредствомъ этой услуги съ обиженными во времена Екатерины меньшими братьями. Само собою разумѣется, что не пролетаріями должны были быть отпущены на волю просвѣщенные до извѣстной степени крестьяне, а такими хозяевами, изъ которыхъ каждый образовалъ бы самостоятельную школу грамотности, ремесленной и земледѣльческой культуры" [1]).

Извѣстно, какъ печально окончились юношескія мечты Шевченка и его пріятелей. Въ первыхъ числахъ апрѣля 1847 года Тарасъ Григорьевичъ былъ арестованъ и отвезенъ въ III отдѣленіе въ Петербургъ, а 30 мая товарищи по заключенію уже видѣли изъ оконъ, какъ его вывели на дворъ въ солдатской шинели: „Онъ улыбался, прощаясь съ друзьями. Я заплакалъ, глядя на него,—разсказываетъ Костомаровъ, а онъ не переставалъ улыбаться, снялъ шляпу, садясь въ телѣгу, а лицо было такое же спокойное, твердое" [2]). Въ іюлѣ мѣсяцѣ Шевченко былъ уже въ Орской крѣпости [3]).

Какъ ни ужасенъ былъ ударъ, поразившій Тараса Григорьевича, но онъ нашелъ въ себѣ силы для продолженія поэтической дѣятельности, несмотря на строгое запрещеніе не только печатать, но даже *писать* и рисовать: не покинулъ онъ и одной изъ любимыхъ темъ обличенія мерзостей крѣпостнаго права. Ко второму полугодію 1847 года относится нѣсколько подобныхъ произведеній Шевченка. Въ стихотвореніи: „Не спалося: а ничъ, якъ море ..." солдатъ разсказываетъ, какъ онъ хотѣлъ жениться на одной дѣвушкѣ, но панъ соглашался на этотъ бракъ не иначе, какъ если женихъ внесетъ 500 руб. Онъ отправляется на два года на заработки, но, возвратившись, застаетъ только умирающую мать своей возлюбленной, а дѣвушка, принужденная жить съ панычемъ, убила рожденнаго отъ него ребенка и пошла въ Сибирь. Несчастный парень не могъ отомстить молодому господину, такъ какъ тотъ уже уѣхалъ, и съ горя идетъ въ солдаты. Въ другомъ стихотвореніи „Княжна", описывая кутежи развратнаго князя, авторъ говоритъ:

„И знову пье, и зновъ гуляе...
И такъ за днями день мынае...

---

[1]) *Кулишъ.* „Воспоминанія о Костомаровѣ" въ журналѣ „Новь" 1885 года, № 13. Въ незадолго передъ тѣмъ напечатанной и вызвавшей гоненіе со стороны администраціи статьѣ своей „Повѣсть объ украинскомъ народѣ" г. Кулишъ говоритъ, что чистый народный типъ „въ высшихъ сословіяхъ истертъ чуждою цивилизаціей, а въ крестьянахъ подавленъ *несвойственнымъ украинскому народу рабствомъ*" („Звѣздочка", журналъ для дѣтей старшаго возраста, 1846 года, ч. XIX, стр. 14).

[2]) „Русская Мысль" 1885 года, № 8, стр. 219.

[3]) *Чалый*, 67.

Мужыцьки души ажъ пыщлять

Пьяныци, знай соби, крычать:
— „И патріотъ! и братъ убогыхъ!
Нашъ славный князь! Виватъ! Виватъ!“
А патріотъ, убогыхъ братъ,
Дочку й телычку одымае
У мужыка... и Богъ не знае
А може знае, та мовчыть!

. . . . . .

Гуляе князь, гуляють гости,
Ревуть палаты на помости,
А голодъ стогне на сели.
И стогне винъ, стогне по всій Украини,
Кара Господева. Тысячамы гынуть
Голодныи люде... А скырты гынють,
А паны й полову [1]) жыдамъ продають“...

Въ стихотвореніи „Пржаведь“ мы находимъ такое обращеніе поэта къ его несчастной родинѣ:

„Мій краю прекрасный, роскошный, багатый,
Хто тебе не мучывъ?!... якъ бы росказать
Про якого небудь одного магната
Исторію-правду, то перелякать [2])
Саме бъ некло можно, а Данта старого
Полуякомъ панымъ можно здывувать.

Въ стихотвореніи „Сонъ“ напомнимъ слѣдующее мѣсто:

„Безъ ножа и авто-да фе
Людей закувалы,
Та й мордуютъ... [3]) Ой, ой, паны,
Паны-хрыстіяне“.

Всѣ эти произведенія украинскаго поэта были написаны уже въ ссылкѣ во второй половинѣ 1847 года [4]). Къ 1848 году относится, какъ мы уже упоминали, стихотворный пересказъ сюжета прежней повѣсти „Варнакъ“. Слѣдующій 1849 годъ особенно обиленъ произведеніями, гдѣ поэтъ бичуетъ крѣпостное право. Въ стихотвореніи „Якъ бы тобі довелося“ авторъ разсказываетъ о насиліи панича надъ дѣвушкою и убійствѣ его однимъ молодымъ крестьяниномъ тутъ же, на мѣстѣ насилія. Крестьянина, конечно, ссылаютъ въ Сибирь; дѣвушка бѣжитъ за нимъ. Въ стихотвореніи „Маты-покрытка“

[1]) Мякину.
[2]) Испугать.
[3]) Мучатъ.
[4]) „Збірникъ творивъ“, т. 1. Спб. 1883 г. стр. 243—245, 250, 254—256, 261, 272.

также дѣло не обходится безъ „пукавого пашыча". Возвращаясь въ стихотвореніи „Марына" къ излюбленному имъ изображенію панскихъ насилій надъ женщинами, поэтъ считаетъ нужнымъ оговориться, почему онъ такъ часто избираетъ эту тему для своихъ произведеній:

„Неначе цвяшокъ [1]) въ сердце вбытый
Оцю „Марыну" я пошу.
Давно бъ списать несамовыту [2]),
Такъ що жъ? сказалы бъ, що брешу;
Що на панивъ, бачышъ, сердытый,
То все такее и пышу
Про ихъ собачыи звычаи
Сказалы бъ просто: дурень лае
За те, що самъ кринакъ [3]),
Неодукованный [4]) сирякъ.
Неправда—ій-Богу, не лаю!
Мени не жаль, що я не панъ,
А жаль мени, и жаль велыкый,
На просвищенныхъ хрыстіянъ.
И звиръ того не зробыть дыкый,
Що вы, бьючы поклоны,
Зъ братами діете"...

Далѣе идетъ разсказъ о томъ, какъ развратный полякъ-управляющій береть къ себѣ въ покой приглянувшуюся ему крестьянку, сдавъ мужа въ солдаты, и принуждаетъ ее жить съ собою, но она не поддается, убиваетъ его, поджигаетъ панскія палаты, а сама сходитъ съ ума. Въ стихотвореніи „П. С." также дѣло идетъ о знатномъ панѣ, потомкѣ гетмана, который прикидывается и патріотомъ, и истиннымъ христіаниномъ, пьетъ горилку съ мужиками и вольнодумствуетъ въ шинку,

„Та ще въ сели своихъ дивчатокъ
Перебирае; та спроста
Таки своихъ байстрятъ въ десяткъ
У годъ подержыть до хреста".

Но поэтъ не ограничивался одною этою стороной подневольной жизни крестьянъ: онъ вообще рисовалъ печальное положеніе крѣпостныхъ. Такъ, въ стихотвореніи „И вырисъ я на чужыни", послѣ описанія несчастнаго вида одного села, слѣдуютъ такія строки:

„И не въ одномъ оттомъ сели,
А скризь на славній Украини
Людей у ярма запрягты
Паны лукави... Гынуть, гынуть
У ярмахъ лыцарьски сыны"...

---

[1]) Гвоздь.
[2]) Безумную.
[3]) Крѣпостной.
[4]) „Дука" — богачъ, знатный человѣкъ.

Смотрѣть на все это и молчать поэту кажется даже хуже чѣмъ гибнуть въ той пустынѣ, куда занесла его судьба. А хороша Украйна, если не обращать вниманія на царящее въ ней зло: быть можетъ, и люди были бы въ ней веселы,

„Як-бы не осталось
Сліду панського въ Украйни!“

Въ 1850 г. написаны два стихотворенія, обличающія крѣпостное право. Въ одномъ изъ нихъ, которое начинается такъ: „Якъ бы вызналы, панычи, де люде плачуть жывучы, то вы бъ идиліи не творилы“, поэтъ показываетъ на основаніи собственнаго опыта, какъ лживо представляютъ раемъ жизнь въ крестьянской хатѣ:

„У тій хатыни—у раю
Я бачывъ пекло... Тамъ неволя,
Работа тяжкая; николы
И помолытысь не дають
Тамъ матиръ добрую мою
Ще молодую, у могылу
Нужда та праця [1]) положылы.
Тамъ батько, плачучы зъ дитьмы,
(А мы мали булы и голи)
Не вытерпивъ лыхои доли—
Умеръ на паищыни!... а мы
Розлизлыся межи людьмы,
Мовъ мышенята. Л до школы—
Носыты воду школярамъ,
Браты на паищыну ходылы
Пока лобы имъ поголылы“ [2]).

Въ послѣдніе годы жизни въ ссылкѣ Шевченко написалъ на русскомъ языкѣ нѣсколько разсказовъ въ прозѣ, гдѣ также затрогиваетъ панскій гнетъ въ той или иной формѣ. Къ 1853 г. относится разсказъ „Княгиня“, написанный авторомъ во время бытности его въ Новопетровскомъ укрѣпленіи и пересланный имъ въ Петербургъ его заступницѣ графинѣ Толстой для помѣщенія подъ псевдонимомъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“: но произведеніе это (*какъ и всѣ упомянутыя нами выше сочиненія Шевченка въ прозѣ и стихахъ*) въ свое время, т. е. въ царствованіе императора Николая, въ печати, не появилось. Оно имѣетъ нѣкоторое сходство съ цитированнымъ уже нами стихотвореніемъ „Княжна“ (1847 года), съ тою разницей, что въ послѣднемъ жертвою безпутнаго и развратнаго князя, кромѣ загубленной жены, является его несчастная дочь. Въ разсказѣ

---

[1]) Работа.

[2]) „Збирныкъ творивъ“, т. I. Спб., 1883 г., стр. 314 — 315, 317, 319, 323 — 332, 351, 387 — 389.

„Княгиня“ авторъ подробно останавливается на описаніи страданій крестьянъ во время неурожая, такъ какъ помѣщикъ вмѣсто того, чтобы помогать своимъ крѣпостнымъ, къ чему его обязывалъ законъ, кутитъ и продаетъ жидамъ не только хлѣбъ, но даже солому и мякину; одна княгиня противъ воли мужа, насколько можетъ, оказываетъ помощь крестьянамъ [1]).

Въ январѣ 1855 г. Шевченко окончилъ довольно обширную повѣсть подъ названіемъ „Музыкантъ“, гдѣ онъ изображаетъ печальное положеніе человѣка, одареннаго замѣчательнымъ талантомъ. Помѣщикъ далъ ему возможность довершить свое музыкальное образованіе за границей; но послѣ того онъ еще сильнѣе страдаетъ подъ гнетомъ крѣпостнаго права: по требованію новаго господина, крѣпостнаго музыканта препровождаютъ даже по этапу изъ Петербурга въ Малороссію. Тутъ, какъ и во многихъ другихъ произведеніяхъ, затрогивающихъ ужасное положеніе крѣпостныхъ, автору многое подсказалъ его личный жизненный опытъ: иногда это сказывается даже въ мелочахъ: такъ, наприм., героя повѣсти выкупаетъ на свободу одинъ добродѣтельный нѣмецъ за 2,500 руб.,— ту же самую сумму, за которую, по мнѣнію Шевченко, была куплена его собственная свобода (по словамъ княгини Репниной, для этого потребовалось не 2,500, а 10,000 руб. ассигн.) [2]). Кромѣ развитія основнаго сюжета авторъ мимоходомъ задѣваетъ разныя стороны жизни крѣпостнаго люда: какъ паны спаиваютъ народъ въ своихъ шинкахъ, какъ одинъ заводитъ у себя изъ крѣпостныхъ оркестръ и театральную школу, воспитанницы которой составляютъ впослѣдствіи и барскій гаремъ, какъ одна барыня ударомъ утюга по головѣ убиваетъ горничную и т. п. [3]).

Такимъ образомъ, и въ стихахъ, и въ прозѣ Шевченко не уставалъ бичевать ненавистное для него крѣпостное право; онъ затронулъ, какъ мы видимъ, всѣ стороны жизни крѣпостныхъ: и угнетеніе крестьянъ тяжелыми поборами и повинностями, и страданія во время неурожая безъ помощи помѣщика, и торговлю людьми, и проигрываніе ихъ въ карты, и насилія надъ дѣвушками и женщинами, и печальное положеніе крѣпостнаго, получившаго образованіе. Поэтъ не ограничивался неприкрашеннымъ

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1884 г., № 3, стр. 391—422.

[2]) *Чалый*, стр. 29—30.

[3]) Кіевская газета „Трудъ“ 1882 года, №№ 19, 20, 23, 24, 27, 29, 32, 38 и Приложеніе №№ 19 и 20 (былъ и отдѣльный оттискъ). Въ 1856 году Шевченко написалъ повѣсть „Художникъ“, гдѣ представилъ крѣпостнаго иной профессіи, живописца, отданнаго мальчикомъ въ маляры, спасеннаго благодѣтелемъ художникомъ и выкупленнаго на волю при посредствѣ знаменитаго Брюлова. Очевидно, въ началѣ повѣсти авторъ имѣлъ въ виду собственную судьбу. Повѣсть эта напечатана въ „Кіевской Старинѣ“ 1887 года, №№ 1—3.

изображеніемъ этой горемычной жизни угнетеннаго народа; онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ прочувствованныхъ стихахъ убѣждалъ всѣхъ, что необходимо добровольно улучшить положеніе крестьянъ, (иначе дѣло можетъ кончиться худо), что высшее сословіе должно слиться съ народомъ. Сравнивая эти неустрашимыя обличенія крѣпостнаго права съ тѣмъ, что мы находимъ за тѣ же самые годы (1845—55) въ произведеніяхъ Некрасова (см. главу XI), мы должны отдать преимущество украинскому поэту и по количеству, и по качеству произведеній, затрогивавшихъ крестьянскій вопросъ; да это и немудрено: для Шевченка быть крѣпостныхъ былъ дѣломъ несравненно болѣе близкимъ, чѣмъ для русскаго поэта: не только самъ Тарасъ Григорьевичъ испыталъ ярмо рабства, но въ то время, какъ онъ создавалъ всѣ указанныя произведенія, его родственники были еще крѣпостными. Нельзя не пожалѣть, что ни одно изъ указанныхъ произведеній Шевченка не было напечатано въ свое время, но несомнѣнно, что по крайней мѣрѣ, тѣ, которыя были написаны до ссылки, тогда же расходились по Малороссіи во множествѣ списковъ. Мы видѣли, впрочемъ, въ своемъ мѣстѣ, какъ мало проникало въ печать и изъ всего сказаннаго о крѣпостномъ правѣ такими поэтами какъ Пушкинъ и Некрасовъ, которые находились въ неизмѣримо болѣе благопріятномъ для литературнаго творчества положеніи, чѣмъ Шевченко.

ГЛАВА XVIII.

Что сдѣлано было въ царствованіе императора Николая для ограниченія крѣпостнаго права.

Мы познакомились съ дѣятельностью всѣхъ секретныхъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу въ царствованіе императора Николая, разсмотрѣли, какъ отнеслось дворянство къ попыткамъ правительства побудить его добровольно измѣнить бытъ крѣпостныхъ крестьянъ, видѣли также, насколько воспользовались помѣщики закономъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, указали на гуманизирующее вліяніе науки, литературы и журналистики, разобрали проекты частныхъ лицъ относительно ограниченія крѣпостнаго права и полнаго освобожденія крестьянъ и, наконецъ, познакомились съ дѣятельностью правительства по крестьянскому дѣлу въ той части Россіи, гдѣ и политическія причины побуждали его къ возможно болѣе энергической защитѣ народа отъ высшаго сословія. Теперь мы можемъ сгруппировать всѣ предположенія, какія были высказаны въ разсматриваемую эпоху, по вопросу объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Припомнимъ, прежде всего, разбросанныя въ нашей книгѣ указанія на то, какъ относился къ крестьянскому вопросу самъ императоръ Николай.

Мысль о необходимости уничтоженія рано или поздно крѣпостнаго права была не чужда Николаю Павловичу еще до вступленія его на престолъ, какъ потому, что ее проводилъ въ своихъ лекціяхъ академикъ Шторхъ, преподававшій великому князю политическую экономію, такъ и потому, что она занимала его брата, императора Александра I, постоянно собиравшаго проекты по этому предмету. Впрочемъ, Николай Павловичъ пришелъ, по его собственному свидѣтельству, къ такому выводу, что если его братъ и намѣренъ былъ первоначально дать крѣпостнымъ свободу, то впослѣдствіи онъ „отклонился отъ сей мысли, какъ еще совершенно преждевременной и невозможной къ исполненію". Однако, первые же дни царствованія императора Николая должны были его убѣдить, что лучшіе представители молодаго поколѣнія иначе смотрятъ на этотъ вопросъ: изъ первыхъ допросовъ арестованныхъ декабристовъ присутствовавшій на нихъ государь узналъ,

что одною изъ главныхъ причинъ общественнаго недовольства была инертность правительства въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, — молодые люди смѣло и откровенно высказывали свои мысли по этому предмету. Черезъ годъ послѣ вступленія на престолъ императоръ Николай учредилъ, 6 декабря 1826 года, секретный комитетъ, которому было поручено разсмотрѣть предположенія относительно улучшенія различныхъ отраслей государственнаго устройства и управленія и, между прочимъ, относительно измѣненія быта крестьянъ, для чего комитету были переданы и проекты по этому вопросу, представленные правительству въ предшествовавшее царствованіе. Еще прежде чѣмъ закончилъ свою дѣятельность комитетъ 6 декабря 1826 года, по высочайшему повелѣнію былъ учрежденъ особый комитетъ для составленія закона о прекращеніи продажи людей безъ земли. При разногласіи въ государственномъ совѣтѣ относительно продажи крестьянъ на свозъ, возникшемъ при обсужденіи составленныхъ этими комитетами законопроектовъ, государь примкнулъ къ мнѣнію большинства, высказавшагося за запрещеніе безземельной продажи крѣпостныхъ безъ всякаго исключенія. Однако проекты комитета 6 декабря 1826 года, въ въ концѣ-концовъ, одобрены не были, вслѣдствіе протеста великаго князя Константина Павловича. Изъ разговора императора Николая съ Киселевымъ въ 1834 году мы видимъ, что съ самаго вступленія на престолъ государь собираетъ матеріалы по крестьянскому дѣлу и задумываетъ вести „процессъ“ противъ „рабства, когда наступитъ время, чтобы освободить крестьянъ во всей имперіи“, но не встрѣчаетъ сочувствія не только со стороны министровъ, которые боязливо отступаютъ передъ этимъ вопросомъ, но и со стороны своихъ братьевъ, Константина и Михаила. Тѣмъ не менѣе, государь категорически высказалъ въ разговорѣ съ Киселевымъ убѣжденіе, что дѣло это онъ долженъ „передать сыну съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи“, т. е. серьезно подготовить его окончательное рѣшеніе. Сознавая свою неопытность и неподготовленность въ этомъ отношеніи, императоръ Николай былъ крайне доволенъ, что нашелъ себѣ такого помощника, какъ Киселевъ, который при управленіи имъ Дунайскими княжествами занимался регулированіемъ положенія крестьянъ, живущихъ на владѣльческихъ земляхъ. Въ слѣдующемъ, 1835 году, государь учредилъ новый секретный комитетъ, одною изъ задачъ котораго было принятіе мѣръ для улучшенія состоянія помѣщичьихъ крестьянъ, но дѣятельность котораго не имѣла никакихъ практическихъ результатовъ для крѣпостнаго населенія Россіи.

Въ концѣ 1839 года императоръ Николай опять учреждаетъ секретный комитетъ, который долженъ былъ уже исключительно заняться вопросомъ объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ. Въ мартѣ 1840 года членъ этого комитета Киселевъ предложилъ государю слѣдующую программу мѣръ для ослабленія помѣщичьей власти и освобожденія крѣпост-

ныхъ: 1) устройство быта дворовыхъ людей; 2) исполненіе помѣщичьими крестьянами рекрутской повинности на основаніи общихъ правилъ, установленныхъ относительно отбыванія ея для прочихъ сословій; 3) назначеніе крестьянамъ опредѣленныхъ земельныхъ надѣловъ и предоставленіе имъ права собственности на движимое имущество; 4) ограниченіе права помѣщиковъ наказывать крестьянъ; 5) устройство для крѣпостныхъ крестьянъ сельскаго управленія съ сохраненіемъ вліянія помѣщиковъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ предоставленіемъ крестьянамъ права обращаться въ судебныя мѣста наровнѣ съ свободными хлѣбопашцами. Государь нашелъ всѣ эти предположенія „весьма справедливыми и основательными" и разрѣшилъ внести ихъ въ комитетъ; но когда Киселевъ составилъ подробный проектъ, обнимающій лишь часть этихъ предположеній, именно опредѣленіе надѣловъ и повинностей крестьянъ, то государь повелѣлъ объявить комитету въ февралѣ 1841 г., что онъ не имѣлъ и не имѣетъ намѣренія дать предполагаемому измѣненію закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ силу обязательнаго постановленія и что увольненіе крестьянъ въ обязанные должно быть основано на собственномъ желаніи помѣщиковъ. Такое повелѣніе по своему общему смыслу, конечно, подкрѣпило мнѣніе членовъ комитета, протестовавшихъ противъ установленія какихъ бы то ни было обязательныхъ нормъ повинностей при обращеніи крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные. Въ мартѣ 1842 г. государь произнесъ въ государственномъ совѣтѣ предъ обсужденіемъ закона объ обязанныхъ крестьянахъ цѣлую рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ, что „никогда не рѣшится даровать свободу крѣпостнымъ людямъ", что время, когда къ этому можно будетъ приступить, еще весьма далеко и что теперь „всякій помыселъ о семъ былъ бы лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства". Но если, по мнѣнію государя, и „не должно давать вольности" крѣпостнымъ, то за то „должно открыть путь къ другому, переходному состоянію", на основаніи добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами. Всего важнѣе въ этой рѣчи было рѣшительное осужденіе обезземеленія крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ, а затѣмъ заявленіе, что настоящій законъ есть только первый шагъ на пути ограниченія крѣпостнаго права: воспользовавшись тѣми договорами, которые будутъ заключены на основаніи этого указа, и подробнымъ регулированіемъ въ нихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, государь предполагалъ издать впослѣдствіи обстоятельный законъ, который, какъ надо полагать на основаніи его упоминанія *о положительномъ* законодательствѣ, онъ имѣлъ въ виду сдѣлать уже обязательнымъ для владѣльцевъ населенныхъ имѣній: въ настоящее же время онъ не желалъ оказывать на нихъ давленія. Когда въ томъ же засѣданіи кн. Д. В. Голицынъ сдѣлалъ замѣчаніе, что если оставить договоры на волю дворянъ, то едва ли кто-нибудь станетъ ихъ заключать, и потому

лучше прямо ограничить власть помѣщиковъ инвентарями, взявъ за основаніе указъ императора Павла о трехдневной барщинѣ, то государь сказалъ: „Я, конечно, самодержавный и самовластный, но на такую мѣру никогда не рѣшусь, какъ не рѣшусь и на то, чтобы приказать помѣщикамъ заключать договоры: это должно быть дѣломъ ихъ доброй воли, и только опытъ укажетъ, въ какой степени можно будетъ перейти отъ добровольнаго къ обязательному". Но относительно Западной Россіи императоръ Николай держался иныхъ взглядовъ: въ мартѣ 1840 г. на постановленіи комитета западныхъ губерній онъ написалъ: „Полагаю, что можно рѣшительно велѣть ввести въ помѣщичьихъ владѣніяхъ тѣ инвентари, которыми само правительство довольствуется въ арендныхъ имѣніяхъ. Ежели отъ сего будетъ нѣкоторое стѣсненіе правъ помѣщиковъ, то оно касается прямо блага ихъ крѣпостныхъ людей и не должно отнюдь останавливать благой цѣли правительства",—и вскорѣ послѣ того предписалъ ввести инвентари въ четырехмѣсячный срокъ. Когда исполнить это повелѣніе такъ скоро не оказалось возможнымъ, то въ февралѣ 1841 г., за нѣсколько дней до объявленія комитету объ обязанныхъ крестьянахъ, что увольненіе крѣпостныхъ въ обязанные должно быть основано на собственномъ желаніи помѣщиковъ, императоръ Николай, на докладѣ комитета западныхъ губерній, заключающемъ предположенія о введеніи въ этомъ краѣ обязательныхъ инвентарей, написалъ: „Дѣломъ симъ не медлить; я считаю его особенно важнымъ и ожидаю отъ сей мѣры большой пользы". Въ 1840 г. императоръ Николай учредилъ секретный комитетъ для улучшенія быта дворовыхъ, имѣвшій всего три засѣданія, послѣ чего было повелѣно оставить это дѣло впредь до удобнаго времени. Въ 1843 г. государь поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ, Перовскому, представить свои соображенія по вопросу о дворовыхъ и, когда онъ исполнилъ это требованіе, учредилъ новый секретный комитетъ объ устройствѣ ихъ быта, въ которомъ принялъ самъ ближайшее участіе (см. гл. IV); онъ согласился на нѣкоторыя маловажныя мѣры, направленныя, главнымъ образомъ, къ уменьшенію числа дворовыхъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, заявилъ, что „*прямого* воспрещенія помѣщикамъ брать изъ крестьянъ въ дворовые слѣдуетъ избѣгать до послѣдней крайности". Тутъ же онъ сказалъ, что мысль объ измѣненіи у насъ крѣпостнаго состоянія никогда не оставляла его съ самаго вступленія на престолъ и что, считая постепенность мѣръ первымъ условіемъ въ этомъ дѣлѣ, онъ рѣшился *начать* съ дворовыхъ людей; но затѣмъ опять повторилъ, что запрещеніе помѣщикамъ переводить крестьянъ во дворъ признаетъ „рѣшительно на долгое время невозможнымъ". Считая полезнымъ выдавать изъ казны ссуды дворовымъ, владѣльцы которыхъ будутъ отпускать ихъ на волю за опредѣленную плату, государь рѣшилъ ассигновать съ этою цѣлью на первый случай до 100,000 руб., но предположеніе это, сколько намъ извѣстно, исполнено

не было. Законъ 1844 г. о выкупѣ дворовыхъ на волю, бывшій результатомъ дѣятельности этого комитета, не имѣлъ никакихъ существенныхъ послѣдствій. Въ 1846 г. для разсмотрѣнія записки министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго „Объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія въ Россіи“ былъ опять учрежденъ секретный комитетъ, который призналъ своевременнымъ лишь принятіе мѣръ для огражденія движимаго имущества крѣпостныхъ крестьянъ отъ несправедливыхъ притязаній помѣщиковъ, что императоръ Николай и приказалъ исполнить. Но въ томъ же году, еще ранѣе, чѣмъ это повелѣніе государя осуществилось, комитетомъ министровъ былъ возбужденъ вопросъ о дарованіи крѣпостнымъ „права на собственность“ относительно недвижимаго имущества, чѣмъ государь и повелѣлъ заняться немедленно, сказавъ по этому поводу Киселеву: „Пока человѣкъ есть вещь, другому принадлежащая, нельзя движимость его признать собственностію; но при случаѣ и въ свою очередь и это сдѣлается“. Однако, новыя предположенія привели въ мартѣ 1848 г. къ ничтожному результату: къ дозволенію пріобрѣтать недвижимую собственность не иначе, какъ съ согласія помѣщика, и, притомъ, съ запрещеніемъ начинать какіе бы то ни было споры относительно недвижимыхъ имуществъ, уже прежде купленныхъ крѣпостными на имя помѣщиковъ.

Когда баронъ Корфъ возбудилъ въ іюнѣ 1847 г. вопросъ о распространеніи на всю Россію права грузинскихъ крестьянъ выкупаться на свободу при продажѣ съ аукціона населенныхъ имѣній, государь съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ этому предположенію и, собирая для его обсужденія „келейный“ комитетъ, заявилъ, что „пользу и главныя начала“ этого дѣла онъ считаетъ уже рѣшенными [1]), и благодаря такой, едва ли не единственный разъ обнаруженной императоромъ Николаемъ рѣшительности относительно крестьянскаго вопроса въ собственной Россіи, не замедлилось изданіе указа по этому предмету (8 ноября 1847 г.); но противъ этой правительственной мѣры началась усиленная агитація со стороны нашихъ крѣпостниковъ, и распускаемые ими неблагопріятные слухи и даже письменные протесты, присылаемые государю, пришлось разсматривать въ двухъ комитетахъ, изъ которыхъ первый былъ учрежденъ въ началѣ 1848 г. и очень быстро закончилъ свою дѣятельность, а второй къ концѣ года подготовилъ негласную отмѣну указа 8 ноября. Къ 1847 г. относится обращеніе императора Николая къ смоленскимъ дворянамъ съ выраженіемъ желанія, чтобъ они отозвались на призывъ правительства относительно обращенія крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные, причемъ въ рѣчи къ депутатамъ смоленскаго дворянства государь, между про-

---

[1]) Государь высказался за то, чтобы дозволено было выкупаться не иначе, какъ цѣлыми селеніями, и выразилъ желаніе, чтобы, въ случаѣ надобности, казна оказывала крестьянамъ пособіе для выкупа.

чимъ. сказалъ, что „крестьянинъ, находящійся нынѣ въ крѣпостномъ состояніи почти не по праву, а обычаемъ, чрезъ долгое время, не можетъ считаться собственностію, а тѣмъ менѣе вещью". Но уже въ концѣ того же года одинъ помѣщикъ, пославшій наслѣднику цесаревичу записку по крестьянскому вопросу, получилъ такой отвѣтъ: цесаревичу извѣстно, что государь „отнюдь не имѣетъ намѣренія измѣнять настоящихъ отношеній крестьянъ помѣщичьихъ къ ихъ владѣльцамъ"; вслѣдъ затѣмъ смоленскому дворянству (изъ среды котораго группа помѣщиковъ въ 13 человѣкъ отправила коллективный проектъ по крестьянскому дѣлу) было дано знать оффиціально что государь „не желаетъ, чтобы производились частныя подписки, но что каждый имѣетъ руководиться указомъ 2 апрѣля 1842 г. отдѣльно" [1]), и. наконецъ. въ началѣ 1849 г. мнѣніе смоленскаго губернскаго предводителя дворянства князя Друцкаго-Соколинскаго, проникнутое самыми крѣпостническими тенденціями, заслужило одобреніе государя. Реакція, начавшаяся у насъ вслѣдъ за февральскою революціей во Франціи, вызвала гоненіе даже и на весьма умѣренные протесты противъ крѣпостнаго права въ печати. Нѣкоторая рѣшительность была обнаружена государемъ лишь относительно Юго-западнаго края, для котораго инвентарныя правила были утверждены первоначально 26 мая 1847 г., а затѣмъ въ новой редакціи 29 декабря 1848 года, когда нечего было уже и думать о прогрессивномъ движеніи въ крестьянскомъ дѣлѣ въ собственной Россіи [2]).

Такимъ образомъ, императоръ Николай, при всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ въ крестьянскомъ вопросѣ при ясномъ сознаніи необходимости уничтоженія крѣпостнаго права, если не при немъ, то, по крайней мѣрѣ, въ слѣдующее царствованіе, и настоятельности серьезной подготовки этой мѣры, обнаружилъ такую нерѣшительность въ этомъ отношеніи, что дѣятельность *девяти* „секретныхъ", „келейныхъ" и „особыхъ" комитетовъ не имѣла никакихъ серьезныхъ послѣдствій, такъ какъ изъ

---

[1]) Просьба тульскихъ дворянъ въ 1847 г. объ учрежденіи въ губерніи оффиціальнаго комитета по крестьянскому дѣлу и подобное же предложеніе Кошелева относительно рязанской губерніи были отвергнуты.

[2]) Въ „показаніяхъ генералъ-адъютанта А. Е. Тимашева" мы находимъ слѣдующее важное извѣстіе: „Всѣмъ извѣстно, что императоръ Александръ II, до своего воцаренія, былъ противникомъ освобожденія крестьянъ. Перемѣна возрѣнія на этотъ предметъ находитъ свое объясненіе лишь въ томъ, что произошло въ послѣднія минуты жизни императора Николая... По разсказу, слышанному мною отъ одного изъ самыхъ приближенныхъ къ императору Николаю лицъ, а именно отъ гр. П. Д. Киселева" государь Николай Павловичъ „незадолго до кончины" сказалъ наслѣднику престола: „Гораздо лучше, чтобы это произошло сверху, нежели снизу". („Русскій Архивъ" 1887 г. № 6, стр. 260). Извѣстіе это о словахъ имп. Николая нуждается въ подтвержденіи Срав. Ibid, стр. 262.

числа подготовленныхъ ими мѣръ двѣ, единственно возбуждавшія надежды: законъ объ обязанныхъ крестьянахъ и дозволеніе выкупаться на свободу при продажѣ съ аукціона—не принесли почти никакой пользы: первая – вслѣдствіе крайней инертности дворянства и равнодушія громаднаго большинства его къ крестьянскому вопросу, а вторая вслѣдствіе ея скорой отмѣны, и лишь дѣятельность десятаго комитета (о западныхъ губерніяхъ), при содѣйствіи энергическаго генералъ-губернатора Юго-западнаго края Д. Г. Бибикова, была не лишена полезныхъ до извѣстной степени результатовъ. Одною изъ главныхъ причинъ того, что дѣятельность цѣлаго ряда правительственныхъ коммиссій осталась безплодною была крайняя боязнь гласности, столь необходимой въ этомъ дѣлѣ, и неосновательная увѣренность, что такое сложное дѣло, какъ ограниченіе крѣпостнаго права, можетъ быть обсуждено и подготовлено исключительно бюрократическими средствами, безъ содѣйствія общества и печати: отсюда и нежеланіе допустить какую бы то ни было общественную самодѣятельность въ дворянствѣ и воспрещеніе представителямъ науки, литературы и журналистики оказать съ своей стороны содѣйствіе правительству въ томъ святомъ дѣлѣ, за которое оно бралось такъ нерѣшительно. Мы видѣли, съ какимъ горячимъ сочувствіемъ относились къ намѣреніямъ правительства по крестьянскому дѣлу даже люди, считавшіеся столь крайними, какъ Бѣлинскій; понятно, какое могучее содѣйствіе могли бы оказать эти передовые дѣятели правительству, одни прямымъ обсужденіемъ мѣръ настоятельно необходимыхъ, другіе—гуманизированіемъ общества посредствомъ своихъ беллетристическихъ и иныхъ литературныхъ произведеній, посвященныхъ защитѣ интересовъ закрѣпощеннаго крестьянства. Но правительство съ величайшею нетерпимостью отвергло содѣйствіе этихъ людей, а среди высшей администраціи Чернышевы, Орловы, Перовскіе тормозили инициативу Киселева, единственнаго болѣе другихъ энергическаго человѣка въ крестьянскомъ дѣлѣ, и сводили на нуль иногда благія начинанія, положенныя въ основу дѣятельности того или другаго комитета. Если, однако, благодаря этому противодѣйствію лицъ, непосредственно окружающихъ государя, его мечты о подготовкѣ паденія крѣпостнаго права и не привели ни къ какимъ строгимъ мѣрамъ, направленнымъ къ его ограниченію, то, все-таки, сознаніе государя, что онъ обязанъ по мѣрѣ возможности дѣйствовать въ этомъ направленіи, вызвало цѣлый рядъ отдѣльныхъ, хотя и не особенно важныхъ, но за то довольно многочисленныхъ узаконеній, кое въ чемъ ограничивавшихъ помѣщичью власть и распространеніе крѣпостнаго права.

Мы не будемъ группировать въ систематическомъ порядкѣ всѣ предложенія, сдѣланныя въ царствованіе императора Николая относительно ограниченія крѣпостнаго права, а именно о воспрещеніи отчужденія крѣпостныхъ безъ земли, о точномъ опредѣленіи закономъ повинностей крѣ-

постныхъ крестьянъ, объ устройствѣ быта дворовыхъ, о предоставленіи крестьянамъ права собственности, объ опредѣленіи размѣра выкупа на свободу и припомнимъ только мнѣнія о способахъ дарованія крестьянамъ свободы и порядкѣ ихъ увольненія, а также объ окончательномъ упраздненіи крѣпостнаго права.

Относительно *способовъ дарованія крестьянамъ свободы* и порядка ихъ увольненія мы встрѣчаемъ слѣдующія мнѣнія. Сперанскій въ запискѣ, представленной имъ въ комитетъ 6 декабря 1826 г., предлагалъ, при личномъ увольненіи крестьянъ и дворовыхъ освободить помѣщиковъ отъ платежа за нихъ податей до ревизіи и не требовать согласія сельскихъ и мѣщанскихъ обществъ для вступленія въ нихъ уволенныхъ, при освобожденіи крестьянъ съ землею дозволить: 1) увольненіе по духовнымъ завѣщаніямъ; 2) увольненіе цѣлыми деревнями такъ чтобы крестьяне были лично свободны, а земля отдавалась бы имъ въ наемъ по договорамъ: 3) крестьянъ, уволенныхъ однимъ помѣщикомъ, дозволить принимать и селить на земляхъ другаго съ оброкомъ по договору; однимъ словомъ допускалъ безземельное освобожденіе цѣлыми селеніями. Кн. Куракинъ предложилъ въ государственномъ совѣтѣ дозволить отпускать крестьянъ на волю семействами для поселенія на земляхъ, пріобрѣтенныхъ ими самими, казенныхъ, другихъ помѣщиковъ, а также и купцовъ по особымъ условіямъ, о чемъ издать новое положеніе, руководствуясь правилами, установленными для свободныхъ хлѣбопашцевъ. Въ проектѣ манифеста о состояніяхъ 1830 г. дозволялось помѣщикамъ увольнять своихъ крестьянъ какъ лично или семействами, такъ и цѣлыми селеніями или частями селеній, безъ земли и съ землею, и на другихъ условіяхъ, по взаимному соглашенію; но такіе договоры на условіяхъ, не указанныхъ въ законѣ, должны прежде ихъ окончательнаго заключенія быть представляемы на усмотрѣніе государя чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ и совершаемы не иначе, какъ по особымъ на то разрѣшеніямъ. Однако, отпускъ на волю крестьянъ съ землею по духовнымъ завѣщаніямъ проектомъ закона о состояніяхъ 1830 г. не дозволялся [1]). Комитету 1839 г. было поручено постановить правила, на какомъ основаніи можно впредь дозволить помѣщикамъ увольнять своихъ крестьянъ. Дѣлопроизводитель этого комитета Ханыковъ держался того мнѣнія, что помѣ-

---

[1]) Въ коллекціи бумагъ гр. Сперанскаго мы нашли слѣдующій собственноручно набросанный имъ карандашемъ 27 ноября 1830 г. „проектъ указа объ увольненіи крестьянъ селеніями;“ этотъ указъ долженъ былъ подтвердить уже существовавшее въ нашихъ законахъ запрещеніе освобождать крестьянъ по духовнымъ завѣщаніямъ въ свободные хлѣбопашцы, но вмѣстѣ съ тѣмъ, — чтобы это запрещеніе „не могло быть поводомъ къ стѣсненію помѣщиковъ въ свободномъ распоряженіи ихъ имуществомъ“, предполагалось предоставить имъ „право увольнять крѣпостныхъ крестьянъ не въ свободные земледѣльцы, но вообще въ свободныя состоянія какъ цѣлыми селеніями, такъ и участками селеній, хотя бы это было и менѣе 50 душъ на слѣдующемъ основаніи: 1) посредствомъ договоровъ...; 2) посредствомъ крѣпостныхъ духовныхъ завѣщаній“ съ явкою ихъ лично самимъ помѣщикомъ въ назначенныхъ для этого учрежденіяхъ, но безъ всякихъ пошлинъ. „Увольненіе таковое тогда только можетъ быть въ судѣ принимаемо и записано, когда оно безусловно.... и, не налагая на крестьянъ никакихъ обязанностей къ наслѣдникамъ, *приноситъ имъ опредѣленную мѣру земли въ собственность*“. Однако этотъ проектъ не получилъ силы закона. (Рукопись Имп. Публичной Библіотеки, въ собраніи рукописей Сперанскаго, пожертвованныхъ Рѣпинскимъ).

щики могутъ увольнять своихъ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія не иначе, какъ безъ земли, хотя бы и цѣлыми селеніями. Къ счастію почти всѣ члены комитета 1839 г не раздѣляли мнѣнія Ханыкова въ этомъ отношеніи, и только кн. Меншиковъ желалъ безземельнаго освобожденія крестьянъ цѣлыми селеніями, хотя въ видѣ уступки онъ и принужденъ былъ предложить „нормальный" надѣлъ въ $^1/_2$ десятины на душу.

Были также предложенія освобождать крѣпостныхъ крестьянъ посредствомъ *выкупа* не на ихъ собственныя средства, а на средства *казны или человѣколюбивыхъ и учебныхъ учрежденій*. Такъ, декабристъ Фонъ-Визинъ предлагалъ обратить большую часть капиталовъ воспитательнаго дома губернскихъ приказовъ общественнаго призрѣнія и разныхъ богоугодныхъ, человѣколюбивыхъ и учебныхъ заведеній на покупку дворянскихъ вотчинъ съ переводомъ ихъ населенія на положеніе обязанныхъ, при чемъ всѣ эти заведенія будутъ существовать не на проценты съ принадлежащихъ имъ суммъ, какъ прежде, а на оброкъ, получаемый съ купленныхъ вотчинъ по заключаемымъ съ крестьянами договорамъ. Крайній крѣпостникъ, военный министръ гр. Чернышевъ, допускалъ только одну мѣру въ пользу крѣпостныхъ крестьянъ: онъ совѣтовалъ скупать въ казну мелкопомѣстныя имѣнія, въ которыхъ скорѣе можно встрѣтить „разныя вымогательства", а иногда даже истязанія. Бар. Боде предлагалъ пріобрѣтать имѣнія въ казну, руководствуясь при оцѣнкѣ размѣромъ оброка, причемъ эта операція значительно облегчается тѣмъ, что большая часть ихъ заложена въ кредитныхъ учрежденіяхъ; за имѣнія незаложенныя онъ предлагалъ выдавать облигаціи съ уплатою въ 34 года. Кривцовъ въ 1842 г также предлагалъ постепенный выкупъ имѣній посредствомъ кредитныхъ учрежденій съ усиленіемъ ихъ средствъ чрезвычайными займами или выпускомъ ассигнацій. Кн. П. Б. Голицынъ предложилъ въ 1848 г. для „умѣньшенія числа людей крѣпостнаго состоянія" введеніе системы кредитныхъ билетовъ, размѣнъ которыхъ обезпечивается соразмѣрнымъ запасомъ золота и серебра; это дастъ возможность выпускать постепенно то число кредитныхъ билетовъ, которое потребуется для покупки населенныхъ имѣній съ тѣмъ, чтобы всѣ доходы, извлекаемые изъ имѣнія, обращались немедленно на погашеніе созданнаго на этотъ случай капитала. Въ другой запискѣ онъ совѣтовалъ ежегодно выпускать съ этою цѣлью кредитныхъ билетовъ на 30 милл. рублей. Нѣкоторыя лица находили, что можно и совершенно покончить съ крѣпостнымъ правомъ посредствомъ выкупа имѣній въ казну: такъ декабристъ Фонъ-Визинъ полагалъ, что можно пріобрѣсти въ казну всѣ помѣщичьи имѣнія, затрачивая ежегодно, въ теченіе 14 лѣтъ, по 30 милл. рублей серебромъ наличными деньгами, кромѣ того выпуская въ это время ежегодно на 30 милл. облигацій и переведя на счетъ казны долги дворянскихъ имѣній въ сохранной казнѣ воспитательнаго дома, въ заемномъ банкѣ и въ губернскихъ приказахъ общественнаго призрѣнія.

Что касается *окончательнаго упраздненія крѣпостнаго права*, то въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ вопросъ этотъ не мало озабочивалъ лучшихъ представителей общества и администраціи, причемъ въ тридцатыхъ годахъ еще чувствуется сильное вліяніе взгляда, столь распространеннаго въ эпоху императора Александра I о возможности и желательности личнаго, безземельнаго освобожденія крестьянъ; напротивъ того, въ сороковыхъ годахъ преобладаетъ убѣжденіе въ необходимости большаго или меньшаго земельнаго обезпеченія освобожденныхъ крестьянъ. Въ проектѣ закона о состояніяхъ 1830 года допускается возможность безземельнаго освобожденія кре-

стьянъ цѣлыми селеніями, причемъ, однако, договоры съ помѣщиками должны были чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ восходить на усмотрѣніе государя Для комитета 1835 года, наиболѣе вліятельными членами котораго были кн. Васильчиковъ, Сперанскій и Канкринъ, идеаломъ, послѣднимъ словомъ въ крестьянскомъ вопросѣ являлось безземельное освобожденіе крестьянъ въ той формѣ, какъ оно совершилось въ Остзейскомъ краѣ. А въ комитетѣ 1839 года Киселевъ уже рѣзко высказывается противъ обезземеленія крестьянъ, находя его опаснымъ для общественнаго спокойствія, и желаетъ предоставленія крестьянамъ, при переводѣ ихъ въ обязанные, помѣщичьихъ земель не въ собственность, а въ вѣчную, неизмѣнную аренду съ вознагражденіемъ собственника земли барщиною или оброкомъ, опредѣленными по каждому имѣнію инвентаремъ; напротивъ, кн. Меншиковъ отстаиваетъ здѣсь остзейскую систему эмансипаціи. Въ позднѣйшихъ проектахъ требованіе земельнаго надѣленія крестьянъ является уже преобладающимъ, хотя обыкновенно предлагаются размѣры надѣла недостаточные для обезпеченія благосостоянія получившихъ свободу. Неизвѣстный авторъ записки, составленной вслѣдъ за изданіемъ указа объ обязанныхъ крестьянахъ, какой-то помѣщикъ изъ промышленныхъ губерній Приволжскаго края, предлагалъ предоставить помѣщичьимъ крестьянамъ въ ограниченную собственность, „съ платою небольшаго оброка, сколь возможно малое по числу душъ количество земли“, остальную же землю совѣтовалъ раздавать имъ въ пользованіе по полюбовному соглашенію; размѣръ надѣла долженъ быть, однако, таковъ, чтобы нормальное крестьянское семейство могло на немъ кормиться, содержать необходимый рабочій скотъ и платить легкія денежныя повинности и чтобъ этотъ участокъ можно было обработать, посвящая ему 2—3 дня въ недѣлю. Тульскіе дворяне въ проектѣ 1844 года предлагали надѣлить крестьянъ и дворовыхъ по одной десятинѣ земли на ревизскую душу (со включеніемъ усадебной) „въ вѣчную собственность“, съ тѣмъ, чтобы съ помѣщиковъ былъ спятъ долгъ кредитнымъ учрежденіямъ, а крестьяне вѣчно вносили, кромѣ подушной подати, по 3 руб. съ десятины, сначала въ названныя учрежденія, а затѣмъ въ казну [1]). Н. Тургеневъ въ своемъ сочиненіи, изданномъ за границей въ 1847 году, предлагаетъ или освобожденіе съ одною усадебною землей, или еще предоставленіе крестьянамъ небольшаго надѣла (нахитит 1 дес. на душу пашни и луговъ); но онъ требуетъ, чтобъ и въ

---

[1]) Перовскій, какъ видно изъ его записки 1845 года, желалъ собственно не освобожденія крестьянъ (онъ отрицательно относился и къ переходу ихъ въ обязанные), а регулированія ихъ повинностей инвентарями и затѣмъ дальнѣйшаго ограниченія крѣпостного права отдѣльными правительственными мѣропріятіями, послѣ которыхъ, впрочемъ, онъ готовъ былъ согласиться и на „разрѣшеніе свободнаго перехода крестьянъ къ другимъ помѣщикамъ и въ иныя сословія“

томъ, и въ другомъ случаѣ эмансипація совершилась *безъ всякаго вознагражденія помѣщикамъ*. Желтухинъ въ проектѣ того же 1847 года, не особенно рѣшительно отвергая личное, безземельное освобожденіе крестьянъ, предлагаетъ освобожденіе ихъ посредствомъ выкупа, основаннаго на кредитной операціи. съ предоставленіемъ крестьянамъ ничтожныхъ надѣловъ, обезпечивающихъ лишь уплату процентовъ въ кредитное учрежденіе. Кн. Л. Голицынъ въ проектѣ 1847 года предлагалъ выкупъ крестьянъ посредствомъ кредитной операціи съ надѣломъ въ 2 десятины пашни на душу, а въ проектѣ его же 1852 года такая операція, давая крестьянамъ личную свободу, устанавливала лишь вѣчноарендныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ (съ надѣломъ отъ 1 до 3 десятинъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи); въ полную же собственность крестьяне могли выкупать земли лишь по добровольному соглашенію. Наконецъ, смоленскій помѣщикъ Вонлярлярскій предлагалъ произвести выкупъ крестьянъ посредствомъ кредитной операціи, съ предоставленіемъ крестьянамъ въ потомственное владѣніе *всей земли, которою они пользовались*, съ уплатою вѣчнаго поземельнаго оброка въ казну по 2 р. 50 коп. съ десятины. Освобожденія крестьянъ не иначе, какъ съ землею, требовали также и славянофилы (И. Кирѣевскій желалъ, чтобъ имъ была отдана половина всей помѣщичьей земли), и Заблоцкій-Десятовскій. Само собою разумѣется, что такого же освобожденія желали Бѣлинскій. Герценъ, Кавелинъ и другіе друзья народа въ лагерѣ западниковъ. Очень важно было также, что общественное мнѣніе въ лицѣ людей совершенно противуположныхъ взглядовъ (какъ, напримѣръ, Хомяковъ и Фонъ-Визинъ) высказывалось за сохраненіе общиннаго землевладѣнія; къ счастію, энергическій защитникъ его нашелся и въ высшихъ рядахъ администраціи: Киселевъ успѣшно опровергалъ инсинуаціи князя Меншикова противъ общины, какъ учрежденія будто бы даже опаснаго съ правительственной точки зрѣнія.

Сравнивая ходъ и развитіе крестьянскаго вопроса въ царствованія императоровъ Александра I и Николая, мы замѣчаемъ нѣкоторый прогрессъ въ этомъ дѣлѣ. Во-первыхъ, самъ императоръ Николай съ гораздо большимъ вниманіемъ относился къ нему, чѣмъ его предшественникъ: доказательствомъ этому служитъ цѣлый рядъ учрежденныхъ имъ секретныхъ комитетовъ, въ одномъ изъ которыхъ онъ принималъ и непосредственное участіе и съ работами которыхъ онъ былъ всегда хорошо знакомъ, тогда какъ императоръ Александръ I лишь въ самое первое время царствованія лично участвовалъ въ обсужденіи вопроса объ ограниченіи крѣпостнаго права въ неоффиціальномъ комитетѣ; горячее желаніе императора Николая улучшить положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ, до 1848 г., доказываютъ и его бесѣды съ Киселевымъ, и его рѣчь въ государственномъ совѣтѣ предъ изданіемъ указа объ обязанныхъ крестьянахъ. Важнымъ шагомъ впередъ, сравнительно со взглядами на

это дѣло Александра I, было отрицательное отношеніе императора Николая къ остзейскому безземельному освобожденію крестьянъ. Въ наукѣ и литературѣ также слышатся болѣе энергичные голоса противъ крѣпостнаго права: дѣятельность Григоровича, Тургенева Некрасова, Бѣлинскаго. Герцена, Заблоцкаго-Десятовскаго, проф. Мейера и Кавелина наконецъ, кружковъ петрашевцевъ и славянофиловъ не осталась безплодною, и общество начинаетъ активнѣе относиться къ крестьянскому вопросу: это подтверждается и значительнымъ числомъ записокъ о крестьянскомъ дѣлѣ, составленныхъ людьми, не принадлежащими къ администраціи, и свидѣтельствомъ современниковъ, указывающихъ, что толки объ освобожденіи крестьянъ дѣлаются явленіемъ все болѣе и болѣе обычнымъ [1]). Къ мысли о необходимости освобожденія приводили, наконецъ и причины экономическія: въ этомъ отношеніи очень любопытно уже приведенное нами (гл. V) свидѣтельство министра внутреннихъ Перовскаго въ его запискѣ 1845 года, которое вполнѣ объясняетъ намъ такія явленія, какъ просьба дворянъ малоземельной тульской губерніи объ учрежденіи губернскаго комитета по крестьянскому дѣлу, или составленіе динабургскимъ дворянскимъ комитетомъ проекта объ увольненіи крестьянъ въ обязанные признаннаго однако, правительствомъ неудовлетворительнымъ.

Посмотримъ теперь, что же было сдѣлано правительствомъ для ограниченія крѣпостнаго права въ царствованіе имп. Николая.

Еще въ теченіе XVIII вѣка установилось правило, что только потомственные дворяне могутъ владѣть населенными имѣніями и даже пріобрѣтать отдѣльныхъ крѣпостныхъ. Въ царствованіе императора Александра I правительство принимало не мало мѣръ для преграждения лицамъ, не имѣющимъ на то права по закону, пользоваться, посредствомъ разныхъ уловокъ, правами, присвоенными въ этомъ отношеніи лишь потомственному дворянству. Въ царствованіе императора Николая пришлось, прежде всего, подтвердить нѣкоторыя изъ недавнихъ постановленій по этому предмету предшествовавшаго царствованія [2]), а затѣмъ развивать и дополнять эти узаконенія. Въ 1828 году было разъяснено, что такъ какъ существующее въ законахъ запрещеніе имѣть крѣпостныхъ лицамъ, не имѣющимъ на то права, относится не только къ владѣнію людьми по-одиночкѣ и безъ земли, но еще болѣе къ владѣнію цѣлыми деревнями, то, согласно съ указомъ 6 февраля 1758 года, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ будетъ доказано такое владѣніе означенными лицами, крестьянъ съ ихъ деревнями должно брать въ казенное вѣдомство, всѣхъ же обличенныхъ въ противозаконномъ пріобрѣтеніи и владѣніи, равно и тѣхъ дворянъ, кото-

---

[1]) Напомнимъ показанія Заблоцкаго-Десятовскаго въ запискѣ 1841 г. (см. выше гл. XV) и управляющаго московскою казенною палатой Рикевича (гл. VII).

[2]) 2-е П. С. З. т. III, 1696; IV, 2580.

ные будутъ этому способствовать дозволеніемъ дѣлать такія пріобрѣтенія на ихъ имя, подвергать штрафу, опредѣленному въ 1823 г. (см. т. I, гл. XXVII) [1]). Въ 1836 г. былъ изданъ слѣдующій законъ о крестьянахъ, достающихся во владѣніе разночинцевъ. Если деревни или крѣпостные люди, съ землею или безъ земли, достанутся по наслѣдству личному дворянину или другому лицу не имѣющему права владѣть ими, то они немедленно поступаютъ въ казенное вѣдомство а наслѣднику уплачивается изъ казны за каждую ревизскую душу м. п. [2]) сумма, какая причтется по цѣнѣ, установленной для писанія купчихъ крѣпостей на населенныя имѣнія въ тѣхъ губерніяхъ [3]). Въ виду того, что лица, не принадлежащія къ потомственному дворянству, не имѣли права владѣть крѣпостными, правительство нашло нужнымъ принять мѣры противъ пріобрѣтенія ихъ дворянками, вышедшими замужъ за недворянъ Въ 1841 году было постановлено, что дворянкѣ, вступившей въ бракъ съ лицомъ, не имѣющимъ правъ потомственнаго дворянина, не запрещается пожизненное владѣніе крѣпостными, доставшимися ей тѣмъ или инымъ способомъ съ землею или безъ земли, но вновь пріобрѣтать какъ населенныя имѣнія,

[1]) 2-е П. С. З. III. 2378, срав. VI. 4331, XII 10222. Въ 1837 г. было добавлено, что такому же штрафу подвергается дворянинъ, который купитъ людей, находившихся въ незаконномъ владѣніи лица, не имѣющаго правъ потомственнаго дворянства, если не докажетъ что онъ не зналъ о противозаконной ихъ покупкѣ, купленные имъ люди, представившіе доказательство, что они были противозаконно пріобрѣтены разночинцемъ, во всякомъ случаѣ отбираются отъ новаго покупщика, но если онъ докажетъ добросовѣстное ихъ пріобрѣтеніе, то получаетъ установленное закономъ вознагражденіе на счетъ виновныхъ въ продажѣ, сверхъ штрафа, которому тѣ подлежатъ за противозаконную покупку людей. 2-е П. С. З. XII, 10149.—Указы 1832 г. о воспрещеніи жителямъ Грузіи не принадлежащимъ къ потомственному дворянству, владѣть крѣпостными и 1843 г. о воспрещеніи такого же владѣнія крестьянамъ Имеретіи, см. 2-е П. С. З. VII, 5578 и XVIII, 16653.

[2]) Въ 1842 г. было постановлено, что за женщинъ выдается вознагражденіе (въ 50 р.) лишь тогда, если онѣ, не принадлежа къ населеннымъ имѣніямъ, составляютъ по ревизскимъ сказкамъ отдѣльное семейство, въ которомъ нѣтъ мужчинъ. 2-е П. С. З. XVII, 15414

[3]) Взятые такимъ образомъ въ казну крѣпостные съ землею поступаютъ въ казенные крестьяне и, сверхъ узаконенныхъ по этому званію податей и повинностей, облагаются ежегоднымъ платежемъ, равнымъ 5% той суммы, какая за нихъ заплачена разночинцу, и эти проценты зачитаются въ уплату до полнаго возмѣщенія всей суммы, крѣпостные же люди безъ земли получаютъ дозволеніе избрать себѣ родъ податнаго состоянія, не далѣе какъ въ 9-ти мѣсячный срокъ, и, воспользовавшись узаконенными для поступающихъ вновь въ это состояніе льготами облагаются такимъ же платежемъ (сверхъ податей и повинностей), за исключеніемъ одинокихъ стариковъ, выше 60 лѣтъ, увѣчныхъ и дряхлыхъ, съ которыми начальство поступаетъ по уставамъ объ общественномъ призрѣніи, а сумма, за нихъ выданная, пріемлется на счетъ казны Однако черезъ три года этотъ пятипроцентный сборъ былъ отмѣненъ 2-е П. С. З. XI, 9203, XIV, 13012 Срав. XVII, 15553, XVIII, 16487, п. 2, 16964, 17309, XXI, 20071.

такъ и безземельныхъ крѣпостныхъ—ей не дозволяется никакимъ способомъ, кромѣ наслѣдства [1]). Въ 1842 г. правительство признало нужнымъ, въ отвращеніе разныхъ злоупотребленій, постановить, чтобы лица, происшедшія изъ крѣпостнаго состоянія и возведенныя въ дворянское достоинство, не владѣли тѣми населенными имѣніями, въ которыхъ они или отцы и дѣды ихъ были записаны по ревизіямъ: если же имъ достанется по наслѣдству такое имѣніе, то они обязаны, не вступая во владѣніе и распоряженіе имъ просить объ учрежденіи надъ ними опеки, сохраняя, впрочемъ, право продать его въ шестимѣсячный срокъ [2]). Манифестомъ 11 іюня 1845 г. повышены чины, дававшіе права потомственнаго дворянства, а, слѣдовательно, и право владѣнія крѣпостными: въ военной службѣ потомственное дворянство долженъ былъ давать лишь штабъ-офицерскій чинъ въ гражданской — чинъ пятаго класса [3]). Въ 1847 году было предписано находящіяся во владѣніи однодворцевъ западныхъ губерній населенныя имѣнія и ихъ крестьянъ безъ земли немедленно обратить въ казенное вѣдомство съ выдачею указаннаго закономъ вознагражденія [4]).

Несмотря на то, что владѣніе населенными имѣніями сдѣлалось привилегіей одного потомственнаго дворянства, существовала небольшая группа людей городскаго сословія, сохранившихъ право на такое владѣніе: это—смоленскіе купцы и мѣщане. Въ 1746 г., вмѣстѣ съ подтвержденіемъ ихъ правъ на жалованныя польскими королями земли и крестьянъ, имъ разрѣшено было покупать крѣпостныхъ не только у своихъ горожанъ, но и у помѣщиковъ, однако же, безъ земли и не цѣлыми деревнями. Въ 1777 г. права смоленскихъ купцовъ и мѣщанъ были вновь подтверждены, но въ царствованіе императора Николая они подверглись ограниченію. Въ 1833 г. было повелѣно: купцамъ и мѣщанамъ города Смоленска воспретить на общемъ основаніи вновь пріобрѣтать крѣпостныхъ людей: тѣхъ, которые теперь записаны за ними, оставить въ ихъ

---

[1]) Но если мужъ пріобрѣтетъ право дворянства или по смерти мужа недворянина останется бездѣтная вдова, или она вступитъ въ бракъ съ потомственнымъ дворяниномъ то ей разрѣшается пріобрѣтеніе вновь крѣпостныхъ и съ землею, и безъ земли. Если же у вдовы останутся дѣти, рожденныя въ супружествѣ съ непотомственнымъ дворяниномъ, то пріобрѣтеніе крѣпостныхъ не дозволяется ей такъ же, какъ и при жизни мужа, развѣ она вступила бы въ новый бракъ съ лицомъ, имѣющимъ права потомственнаго дворянства. По смерти дворянки, бывшей въ замужествѣ за недворяниномъ, населенное имѣніе и крѣпостные безъ земли берутся въ казну на общихъ, указанныхъ для такихъ случаевъ закономъ, основаніяхъ. 2-е П. С. З. XVI, 14335.

[2]) 2-е П. С. З. XVII, 15657. Въ 1853 г. это узаконеніе было дополнено, см. 2-е П. С. З. XXVIII, 27698. Постановленія уложенія о наказаніяхъ 1845 г. относительно противозаконнаго владѣнія крѣпостными людьми и ихъ пріобрѣтенія, см. 2-е П. С. З. XX, 19283 ст. 1869, 1871, 1872, 1874 и 1875.

[3]) 2-е П. С. З. XX, 19086.

[4]) 2-е П. С. З. XXII, 20845.

владѣніи, но дозволить продавать только потомственнымъ дворянамъ [1]). Въ 1836 г. по этому вопросу состоялось новое узаконеніе. Населенныя имѣнія, принадлежащія городскому обществу города Смоленска, повелѣно было оставить и впредь въ его владѣніи, съ тѣмъ: а) чтобъ эти имѣнія принадлежали всему городскому обществу въ цѣломъ его составѣ, а не отдѣльно кому-либо изъ его членовъ; б) чтобъ они не были отчуждаемы отъ города въ частное помѣщичье владѣніе безъ особаго высочайшаго разрѣшенія; в) что тѣмъ болѣе принадлежащіе къ нимъ люди не могутъ быть отчуждаемы поодиночкѣ или семьями на вывозъ; г) что управленіе имѣніями должно принадлежать городской думѣ подъ особымъ надзоромъ гражданскаго губернатора и д) что, въ случаѣ злоупотребленій или противозаконнаго пользованія, люди, принадлежащіе къ этимъ имѣніямъ, отбираются въ казну. Пріобрѣтеніе вновь и водвореніе на городскихъ земляхъ крѣпостныхъ людей было отнынѣ запрещено. Крѣпостные люди, пріобрѣтенные доселѣ смоленскими купцами или мѣщанами въ частное владѣніе, оставляются въ ихъ владѣніи только пожизненно, а затѣмъ отбираются отъ наслѣдниковъ съ вознагражденіемъ изъ казны на основаніи закона 1836 г. о крестьянахъ, достающихся во владѣніе разночинцевъ.

Наше законодательство опредѣляло не только *кто* можетъ владѣть населенными имѣніями и людьми на крѣпостномъ правѣ, но и *кто* могутъ быть крѣпостные. Въ *Царствѣ Польскомъ* крѣпостное право было уничтожено въ 1807 г. Наполеономъ I (крестьяне получили только личную свободу безъ земли), и тамъ вовсе не было крѣпостныхъ; а потому въ положеніи о порядкѣ перечисленія обывателей имперіи въ Царство Польское (1836 г.) было сказано: „обывателямъ имперіи всѣхъ состояній, *исключая крѣпостныхъ*, дозволяется водворяться въ Царствѣ Польскомъ“ [2]). Крѣ-

---

[1]) 1-е П. С. З. XII, 9352, XX, 14600; 2-е П. С. З. VIII, 6545, XI, 9323. По 9-й ревизіи такихъ владѣльцевъ въ Смоленскѣ оказалось 45, за ними крѣпостныхъ людей было 173 д. м. п. *Соловьевъ*. „Сельскохоз. статистика смоленской губ.“ 1855 г., стр. 23. Въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ нашего законодательства относительно ограниченія круга лицъ, имѣющихъ право владѣть крѣпостными, идетъ лишь именной указъ 1840 г., которымъ предписывалось: ограниченіе, постановленное для дворянъ нехристіанскаго исповѣданія, по которому имъ не дозволяется имѣть „въ крѣпостномъ своемъ обладаніи“ христіанъ, не распространяется на тѣхъ дворянъ и татаръ, издавна поселившихся въ западныхъ губерніяхъ, которые попрежнѣ владѣютъ населенными имѣніями. При томъ повелѣвалось: узаконеніе о предоставленіи крѣпостному лицу свободы по воспріятіи имъ православія, когда владѣлецъ его нехристіанскаго закона, не распространять на крѣпостныхъ людей, принадлежавшихъ этимъ дворянамъ татарамъ западныхъ губерній (2-е П. С. З. XV, 13592). Впрочемъ нужно имѣть что это былъ лишь узаконеніе давно существовавшихъ отношеній.

[2]) 2-е П. С. З. XI, 9228, § 1.

постнаго права никогда не было и въ *Финляндіи*, и вслѣдствіе этого въ 1827 г. было предписано: если русскій помѣщикъ, дворянинъ или офицеръ расположеннаго въ Финляндіи войска посредствомъ закладной, долговаго обязательства или иного акта передастъ какому-либо финляндскому гражданину крѣпостныхъ людей съ правомъ ли собственности, или въ видѣ слугъ, работниковъ и т. п., на опредѣленное или неопредѣленное время то такія сдѣлки почитать незаконными и переданнымъ крѣпостнымъ даровать свободу [1]). Въ 1850 г. было постановлено относительно *Земли Черноморскаго войска:* всѣхъ дворовыхъ людей и безземельныхъ крестьянъ [2]) принадлежащихъ дворянамъ черноморскаго войска, оставить въ услуженіи у ихъ настоящихъ владѣльцевъ, въ качествѣ драбантовъ на льготное время въ теченіе 25 лѣтъ, считая этотъ срокъ съ 16 іюня 1833 г., съ тѣмъ, чтобы по истеченіи его, т. е. въ 1858 г., мужчины были обращены въ казаки черноморскаго войска, а женщины получили свободу [3]). Въ 1859 г. въ Землѣ Черноморскаго войска не было уже ни одного крѣпостнаго [4]). Царане, или поселяне, живущіе въ *Бессарабіи* на земляхъ владѣльческихъ были и прежде людьми лично свободными [5]); но въ царствованіе императора Николая было постановлено, что въ Бессарабіи вообще невозможно владѣніе населенными имѣніями на крѣпостномъ правѣ Въ учрежденіи для управленія Бессарабскою областью (1828 г.), между прочимъ, сказано: „Крестьяне, въ Бессарабіи поселенные и впредь поселяемые, исключая цыганъ, не могутъ быть въ крѣпостномъ владѣніи ни у бессарабскихъ помѣщиковъ, ни у дворянъ россійскихъ. И вслѣдствіе сего россійскіе дворяне, жительствующіе въ Бессарабіи, могутъ, кромѣ цыганъ, имѣть тамъ крѣпостныхъ людей токмо дворовыхъ, и то для личной и дворовой услуги, а не для поселенія ихъ на землѣ" [6]). Въ 1843 г. возникъ вопросъ, имѣютъ ли право бессарабскіе дворяне владѣть крѣпостными людьми русскаго происхожденія, и тогда было предписано: тѣмъ бессарабскимъ дворянамъ, которые владѣютъ въ прочихъ губерніяхъ или областяхъ Россіи недвижимыми населенными имѣніями, дозволяется имѣть и въ Бессарабіи, для личной и дворовой услуги, но не для поселенія ихъ на землѣ, дворовыхъ русскаго происхожденія людей; тѣмъ же изъ этихъ дворянъ, которые такихъ имѣній въ Россіи не имѣютъ, покупка дворовыхъ безъ земли и владѣніе ими,

---

[1]) 2-е П. С. З. II, 1009.

[2]) Изъ одного указа 1844 г. видно, что въ Землѣ Черноморскаго войска были изъ крѣпостныхъ только дворовые. 2-е П. С. З. XIX, 17473.

[3]) 2-е П. С. З. XXV, 24480.

[4]) *Тройницкій.* „Десятая ревизія", стр. 49.

[5]) 1-е П. С. З. XXXV, 27357, стр. 230.

[6]) 2-е П. С. З. III, 1834, § 4.

на основаніи общаго по этому предмету закона, воспрещается [1]). Въ 1847 г. состоялось новое постановленіе относительно правъ бессарабскихъ жителей на владѣніе имѣніями въ этой области и относительно помѣщичьихъ цыганъ. Лица, не принадлежащія къ потомственному дворянству, не могутъ имѣть крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ русскаго происхожденія и пріобрѣтать вновь цыганъ. Право такого владѣнія не можетъ переходить къ нимъ ни посредствомъ дареніи, ни по духовнымъ завѣщаніямъ, ни по наслѣдству; если же такимъ образомъ имъ достанутся крѣпостные люди, то они отбираются въ казну съ установленнымъ вознагражденіемъ владѣльцу [2]). Впредь право владѣнія крѣпостными цыганами по документамъ, признаннымъ законными, предоставить однимъ только дворянамъ, имѣющимъ собственныя населенныя имѣнія; у лицъ же, не принадлежащихъ къ потомственному дворянству, равно и у дворянъ-непомѣщиковъ, владѣющихъ нынѣ крѣпостными цыганами по законнымъ документамъ, оставить ихъ съ тѣмъ, чтобъ они впредь таковыхъ не пріобрѣтали, а тѣхъ, которые у нихъ теперь находятся, могли бы отчуждать только дворянамъ, имѣющимъ собственное населенное имѣніе [3]). Такимъ образомъ, въ Бессарабіи не было лишь населенныхъ имѣній на крѣпостномъ правѣ, но были отдѣльные крѣпостные [4]). Въ 1839 г. была принята важная ограничительная мѣра относительно *Закавказскаго края:* было повелѣно воспретить всѣмъ тамошнимъ владѣльцамъ переселеніе и переводъ въ этотъ край русскихъ крестьянъ и продажу въ немъ находящихся тамъ крѣпостныхъ людей и крестьянъ впредь до окончательнаго устройства этого края [5]). Когда нѣсколько позднѣе возникъ вопросъ: могутъ ли обитающія въ Каспійской области лица христіанскихъ исповѣданій, которыя имѣютъ во владѣніи своемъ деревни, населенныя „*такъ называемыми подвластными имъ людьми*“, покупать крѣпостныхъ для причисленія къ этимъ имѣніямъ, то въ 1844 г. было постановлено: разрѣшеніе этого вопроса отложить впредь до опредѣленія правъ состоянія тамошнихъ поселянъ и устройства за Кавказомъ высшаго между мусульманами сословія, воспретивъ до того переводъ и переселеніе въ Каспійскую область крѣпостныхъ людей. Запрещеніе это продолжало существовать до самаго уничтоженія крѣпостнаго права [6]). *См-*

---

[1]) 2-е П. С. З. XVIII, 16619.

[2]) Цыганъ, на принадлежность которыхъ владѣльцы не представятъ доказательствъ предписывалось освободить изъ крѣпостнаго состоянія, и изъ нихъ способнымъ къ ремесламъ или промыслами дозволить приписываться по городамъ въ мѣщане или цехи съ согласія обществъ, всѣхъ же прочихъ перечислить, подобно хорошимъ цыганамъ, къ дунайскому казачьему войску.

[3]) 2-е П. С. З. XXII, 20987, ср. XXIX, 27859.

[4]) По 10 ревизіи (1859 г.) ихъ числилось 5.186 душъ м. п. *Громницкій*, стр. 49.

[5]) 2-е П. С. З. XIV, 11926.

[6]) 2-е П. С. З. XIX, 18350; Св. Зак. изд. 1857, т. IX, ст. 1060, примѣч.

бирь знала рабство, но почти не знала крѣпостнаго права: были, однако, лица, желавшія распространить его и въ этой мѣстности [1]); этимъ крѣпостническимъ стремленіямъ былъ положенъ предѣлъ повелѣніемъ императора Николая въ 1839 г. Киселевъ, который готовъ былъ допустить переселеніе помѣщичьихъ крестьянъ въ Сибирь, но подъ условіемъ перевода ихъ въ обязанные, испрашивалъ въ 1839 г. соизволеніе государя на отводъ тамъ земель: 1) на случай, если бы представилась впослѣдствіи настоятельная надобность въ земляхъ для поселенія въ Сибири владѣльческихъ крестьянъ „на условномъ положеніи, въ видѣ обязанныхъ“, и 2) „для отвода земель по всемилостивѣйшему пожалованію“ подъ хозяйственныя заведенія частныхъ лицъ. Государь относительно перваго предложенія положилъ такую резолюцію: „*ни въ какомъ случаѣ поселеніе помѣщичьихъ крестьянъ допущено въ Сибири быть не можетъ*“, а отводъ земель по всемилостивѣйшему пожалованію для учрежденія фабричныхъ и промышленныхъ заведеній разрѣшилъ, но съ тѣмъ, чтобы на этихъ земляхъ „*не были водворяемы люди крѣпостнаго состоянія*“. Объ этомъ послѣднемъ было распубликовано въ указѣ 27 октября 1839 г. [2]); повелѣніе же государя о томъ, чтобы вообще не было дозволяемо селить крѣпостныхъ въ Сибири, хотя и послужило основаніемъ къ тому, что нѣсколько крѣпостническихъ проектовъ относительно Сибири потерпѣли фіаско, но администраціей Сибири не всегда соблюдалось, и въ началѣ 50-хъ годовъ генералъ-губернаторъ Восточной Сибири вовсе не зналъ высочайшей воли относительно этого предмета [3]). Во время уничтоженія

---

[1]) См. интересную статью *К. П. Михайлова*: „Крѣпостничество въ Сибири“. „Сибирскій Сборникъ“, приложеніе къ „Восточному Обозрѣнію“ 1886 г., кн. I, стр 107—112, 114, 118.

[2]) 2-е П. С. З. XIV, 12814.

[3]) Сообщая въ 1852 г. министру государственныхъ имуществъ гр. Киселеву о злоупотребленіяхъ владѣльца знаменскаго стекляннаго завода Коновалова относительно его крѣпостныхъ, что вызвало наложеніе на него опеки, Н. Н. Муравьевъ въ заключеніе говоритъ: „Помѣщики, какъ, напримѣръ, Коноваловъ... *выводятъ сюда крестьянъ своихъ* изъ непозволительныхъ разсчетовъ, чтобы избѣгнуть необходимости платить здѣшнему работнику надлежащую по мѣстнымъ потребностямъ задѣльную плату и чтобы извлечь изъ нихъ выгоды, основанныя на разореніи тѣхъ людей; подобное зло мудрыми распоряженіями правительства искореняется повсемѣстно, а въ здѣшнемъ краѣ, находящемся въ этомъ отношеніи въ исключительномъ положеніи, заслуживаетъ еще бо́льшаго вниманія. Для этого я нахожу необходимымъ съ своей стороны постановить для Сибири слѣдующее: 1) Примѣняясь къ 997 ст. IX тома Св. Зак. (приведенный выше законъ 1827 г. относительно Финляндіи), „запретить россійскимъ помѣщикамъ передавать своихъ крѣпостныхъ людей здѣсь находящимся дворянамъ, офицерамъ и всѣмъ вообще гражданамъ, не имѣющимъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи помѣщичьяго владѣнія, съ правомъ ли собственности, или въ видѣ слугъ, работниковъ или тому подобнаго, на опредѣленное или на неопредѣленное время (тогда уже было запрещено покупать крѣпостныхъ безъ земли иначе, какъ къ населеннымъ имѣніямъ). Но нару-

крѣпостнаго права въ Западной Сибири (въ губерніяхъ тобольской и томской) было всего 29 помѣщичьихъ имѣній и въ нихъ 1,407 д. крѣпостныхъ м. п.; въ Восточной Сибири было всего около трехъ сотенъ крѣпостныхъ м. п.: большинство ихъ, какъ оказалось, было приписано къ имѣніямъ въ различныхъ губерніяхъ Россіи [1]).

Относительно *обезпеченія крѣпостныхъ крестьянъ земельнымъ надѣломъ* была принята въ царствованіе императора Николая полезная мѣра. Въ концѣ предшествующаго царствованія открылось, что одна помѣщица тульской губерніи, заложивъ купцу въ своемъ сельцѣ 200 дес. земли, оставила крестьянамъ на 28 душъ мужскаго пола только 10 дес. Когда, вслѣдствіе процесса наслѣдниковъ помѣщицы съ этимъ купцомъ, открылось указанное выше почти совершенное обезземеленіе крестьянъ, то московскій сенатъ возбудилъ вопросъ о распространеніи указа 27 ноября 1814 г. [2]) на всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ, у которыхъ по просрочкѣ закладной или за продажею помѣщиками ихъ земли будетъ оставаться менѣе 4½ дес. на душу. Указъ объ этомъ, изданный въ 1827 году [3]), имѣлъ очень важное значеніе, такъ какъ затѣмъ на надѣлъ въ 4½ дес. стали нерѣдко указывать, какъ на minimum земельнаго обезпеченія, необходимаго для благосостоянія крестьянъ, хотя положительнаго постановленія

шенія сего правила, люди, такимъ образомъ переданные, должны получить свободу. 2) Съ переселеніемъ въ Сибирь крѣпостныхъ людей крѣпостное состояніе должно прекращаться. 3) Помѣщики внутреннихъ россійскихъ губерній, пребывающіе въ Сибири, могутъ имѣть право держать при себѣ крѣпостныхъ людей, но для личныхъ лишь услугъ, не употребляя ихъ здѣсь ни для какихъ другихъ работъ. Но нарушеніи же сего правила, люди, такимъ образомъ употребленные, должны получать свободу". Киселевъ въ своемъ отвѣтѣ сообщилъ о высочайшихъ повелѣніяхъ, запрещающихъ переселеніе въ Сибирь крѣпостныхъ (изъ которыхъ второе о поселеніи ихъ на пожалованныхъ земляхъ—было публиковано во всеобщее свѣдѣніе); по полученіи о томъ же напоминанія и изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, Муравьевъ извѣстилъ Киселева, что онъ предложилъ всѣмъ начальникамъ губерній и областей Восточной Сибири „наблюсти о недопущеніи водворенія крѣпостныхъ людей въ ихъ вѣдомствѣ". Арх. Мин. Гос. Им., Дѣло V Отд. Соб. Е. В. Канц. 1852 г. № 93.

[1]) Статья *К. П. Михайлова*, стр. 118—119.

[2]) Этимъ указомъ было предписано: „При дозволенной покупкѣ купцами и другаго званія людьми земель заселенныхъ долженъ продавецъ, въ то же самое время или, по крайней мѣрѣ, не далѣе годоваго срока, обитающихъ тутъ крестьянъ перевесть на другія свои земли или продать ихъ другому, имѣющему дворянское право, съ тѣмъ же о переселеніи сихъ крестьянъ на собственныя свои земли обязательствомъ, въ чемъ при совершеніи купчихъ брать отъ нихъ подписки и за исполненіемъ оныхъ строго наблюдать земскому начальству... Если же въ теченіе годоваго срока переселенія крестьянъ на другія земли не совершится, тогда конфисковать оныхъ въ вѣдомство казенное и водворить ихъ на земляхъ казенныхъ же по распоряженію правительства". 1-е П. С. З. XXXII, 25737.

[3]) 2-е П. С. З. т. II, 906, Арх. Госуд. Сов. т. IV, ч. 2 (Журн по дѣламъ департамента законовъ). Спб. 1875 г. стр. 355—360.

о томъ, что помѣщикъ, не продающій и не закладывающій земли, обязанъ дать въ пользованіе крестьянъ не менѣе этого количества, издано не было.

Относительно *повинностей крестьянъ* во всей Россіи вообще была принята только одна мѣра: запрещено помѣщикамъ устанавливать сборы съ крестьянъ на воспитаніе дворянскихъ дѣтей [1]). Затѣмъ продолжалъ дѣйствовать законъ относительно назначенія опеки надъ помѣщиками, разоряющими своихъ крестьянъ. По уложенію о наказаніяхъ 1845 года, „если виною помѣщика, чрезъ обремененіе безмѣрными сборами или иными, также непомѣрными тягостями населенія, имѣнія будутъ доведены до разоренія", то какъ это, такъ и другія имѣнія того же помѣщика берутся въ опеку, и помѣщику воспрещается какъ личное въ нихъ пребываніе, такъ и отдача кому-либо въ управленіе или владѣніе, „развѣ чрезъ продажу, законно совершенную". Сверхъ того, такой помѣщикъ навсегда лишается права участвовать въ дворянскихъ выборахъ [2]).

Мы видѣли въ первой главѣ, какъ въ царствованіе императора Александра I не разъ возвращались къ вопросу о необходимости *прекращенія продажи крѣпостныхъ безъ земли*. Въ первые годы слѣдующаго царствованія этотъ вопросъ также обсуждался и въ „особомъ комитетѣ", и въ комитетѣ 6 декабря 1826 года, и въ государственномъ совѣтѣ, но все это не имѣло никакихъ послѣдствій. Въ 1833 году одинъ помѣщикъ, имѣніе котораго было заложено въ опекунскомъ совѣтѣ, просилъ, въ виду малаго количества въ немъ земли, разрѣшенія продать изъ него на сторону нѣсколько душъ. По этому поводу императоръ Николай, повелѣвъ, чтобъ относительно даннаго случая было поступлено по правиламъ опекунскаго совѣта, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразилъ желаніе, чтобы государственный совѣтъ разсмотрѣлъ общій вопросъ, слѣдуетъ ли дозволять продажу крестьянъ на сторону безъ земли; когда же государственный совѣтъ представилъ, что если не запретить вообще продажу людей безъ земли и по-одиночкѣ, то и запрещеніе продажи на сторону не будетъ имѣть дѣйствія, послѣдовало высочайшее повелѣніе разсмотрѣть оба эти вопроса вмѣстѣ. Вслѣдствіе этого возникли новыя и продолжительныя преніи какъ въ департаментѣ законовъ, такъ и въ общемъ собраніи государственнаго совѣта. О ходѣ здѣсь этого дѣла мы узнаемъ изъ бумагъ Сперанскаго, хранящихся въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публичной Библіотеки.

---

[1]) 2-е П. С. З. IX, 6832, 6833. Объ ограниченіи повинностей въ Западной Россіи см. главу XVI. Сенаторы, ревизовавшіе Закавказскій край, составили предположенія относительно опредѣленія повинностей помѣщичьихъ крестьянъ въ Имеретіи, но главнокомандующій Грузіею, руководствуясь „мѣстными свѣдѣніями", „призналъ исполненіе этихъ предположеній рѣшительно невозможнымъ", и правительство, какъ видно изъ одного указа 1836 года, отказалось отъ этой мысли. 2-е П. С. З. XI, 9623.

[2]) 2-е П. С. З. XX, 19283, п. 1900.

Департаментъ законовъ [1]), приступивъ въ мартѣ 1833 года къ составленію проекта указа, призналъ нужнымъ различить два главные вида продажи людей безъ земли: продажу съ публичнаго торга и „продажу частную". Первый видъ этой продажи уже былъ запрещенъ указомъ 1771 г., но оставался безъ исполненія въ двухъ случаяхъ: 1) по взысканіямъ за долги казенные и 2) по взысканіямъ за долги частные. Такъ какъ эти два случая не были опредѣлены въ указѣ, то они и „составили въ немъ два изъятія или два предлога къ неисполненію". Первое изъ этихъ изъятій прекращено въ 1798 году постановленіемъ, чтобы, въ случаѣ казенныхъ взысканій, не продавая людей съ публичнаго торга, отписывать ихъ въ казну съ зачетомъ долга по оцѣнкѣ получаемаго съ нихъ дохода: осталось прекратить второе изъятіе, „и тогда указъ 1771 года приметъ полную силу". Затѣмъ департаментъ законовъ приступилъ къ разсужденію: какимъ образомъ замѣнить продажу людей съ публичнаго торга въ случаѣ частныхъ взысканій безъ нарушенія долговаго права, и принялъ здѣсь за основаніе то же правило, какъ и въ 1830 году, при обсужденіи проекта закона о состояніяхъ, а именно, чтобы и въ случаѣ частныхъ взысканій, по примѣру казенныхъ, причислять людей въ казенное вѣдомство, выдавая за нихъ заимодавцу установленную плату. Департаментъ законовъ разсуждалъ, что случаи этого рода ограничиваются однимъ прошедшимъ временемъ [2]), не могутъ быть и нынѣ многочисленны и по истеченіи небольшаго числа лѣтъ должны вовсе прекратиться. Установивъ, такимъ образомъ, на указѣ 1771 года правило о непродажѣ людей съ публичнаго торга и тѣмъ разрѣшивъ первый видъ этого дѣла, департаментъ законовъ приступилъ ко второму: къ запрещенію частной продажи людей безъ земли [3]). Въ концѣ проекта, составленнаго департаментомъ законовъ, было еще запрещеніе продавать крестьянъ и съ землею, но съ раздробленіемъ семей-

---

[1]) Какъ видно изъ собственноручной, написанной карандашомъ, записки Сперанскаго, безъ сомнѣнія, представляющей проектъ журнала засѣданія этого департамента.

[2]) Такъ какъ впредь предполагалось вовсе ихъ прекратить и на людей безъ земли никакихъ долговыхъ актовъ не составлять.

[3]) „Здѣсь надлежало уже принять другое основаніе,—читаемъ въ рукописи Сперанскаго. Нельзя было искать сего основанія въ самомъ существѣ права: отрицать или наводить сомнѣніе на сіе право было бы поколебать всѣ досель правильно и законно совершавшіяся продажи; но съ того времени, какъ запрещено разночинцамъ и даже личнымъ дворянамъ пріобрѣтать крѣпостныхъ людей, право ея слилось съ правомъ пріобрѣтать деревни такъ, что по настоящимъ законамъ тотъ только можетъ пріобрѣтать крѣпостныхъ людей безъ земли, кто можетъ пріобрѣтать по состоянію своему деревни. Слѣдовательно, если оба сіи права по настоящимъ законамъ сопряжены въ одномъ правѣ дворянскаго состоянія, то справедливость требуетъ постановить, чтобы они сопряжены были и въ дѣйствіи ихъ и чтобы люди отъ деревень личной продажей не были отрѣшены, т. е. запретить продажу людей безъ земли".

ства. Это признано было нужнымъ постановить для прегражденія „личной продажи по-одиночкѣ съ малымъ количествомъ земли“.

Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта предположенія департамента законовъ найдены были „въ началахъ ихъ соотвѣтственными вопросамъ, соображенію его представленнымъ“, но признавалось удобнѣе раздѣлить указъ на два: въ одномъ рѣшить вопросъ о непродажѣ по частнымъ взысканіямъ людей безъ земли съ публичнаго торга, а въ другомъ — постановить, что, кромѣ продажи на свозъ крестьянъ, заложенныхъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ, ни въ какомъ другомъ видѣ передача крѣпостнаго права на людей безъ земли не дозволяется, а передача ихъ съ разлученіемъ семействъ не можетъ быть дѣлаема и съ землею [1]).

Когда, при обсужденіи этого вопроса, въ общемъ собраніи государственнаго совѣта нашлись защитники дозволенія продавать крестьянъ на свозъ, то Сперанскій, какъ видно изъ его собственноручной записки, заявилъ, что онъ остается при мнѣніи, изложенномъ въ журналѣ департамента законовъ, во-первыхъ, потому, что не находитъ причины перемѣнить положеніе, принятое по этому предмету въ 1830 году большинствомъ голосовъ государственнаго совѣта и утвержденнаго государемъ, а, во-вторыхъ, потому, что находитъ весьма неудобнымъ, чтобы продажа на свозъ, доселѣ закономъ токмо *терпимая* [2]), нынѣ новымъ закономъ положительнымъ и изъявленіемъ высочайшей воли государя императора была утверждаема и утверждаема, притомъ, безъ всякаго приличнаго повода, ибо въ томъ, что продажа на свозъ законами допускаема, не было доселѣ нигдѣ никакого вопроса, ни сомнѣнія, и, слѣдовательно, и разрѣшать, и утверждать тутъ нечего: вопросъ опекунскаго совѣта состоялъ не въ томъ, можно ли продавать вообще людей на свозъ, но въ томъ, можно ли освобождать *изъ-подъ запрещенія людей, у него въ залогѣ* состоящихъ, въ томъ случаѣ, когда помѣщикъ, уплативъ часть долга, намѣренъ продать часть ихъ на свозъ, и, впрочемъ, самый сей вопросъ рѣшенъ уже высочайшимъ повелѣніемъ отрицательно, т. е. не велѣно совѣту освобождать иначе, какъ деревнями, по точной силѣ его узаконеній“ [3]).

---

[1]) Это послѣднее правило предпочли, однако же, впослѣдствіи отнести къ первому указу.

[2]) Курсивъ подлинника.

[3]) На другой день Сперанскому пришло на умъ еще нѣсколько мыслей о неудобствахъ продажи людей на свозъ, которыя онъ также собственноручно записалъ: „*1-е неудобство.* Постановивъ правило, не продавать безъ земли, но не ограничивать количество земли, тѣмъ самымъ разрѣшается продажа и съ малымъ количествомъ земли, а подъ симъ разрѣшеніемъ кроется уже изъятіе изъ правила, ибо продажа съ малымъ количествомъ земли есть почти то же, что и продажа безъ земли. Къ сему изъятію сокрытому присоединяется другое изъятіе явное: разрѣшеніе продажи на свозъ. Подъ сими двумя изъятіями правило становится уже ничтожнымъ... *2-е неудобство.* Въ продажѣ на свозъ полагается одно только ограниченіе: чтобы была у помѣщика земля для

Между тѣмъ какъ Сперанскій въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи государственнаго совѣта энергично ратовалъ въ пользу совершеннаго прекращенія продажи людей безъ земли, которая дѣйствительно принимала самыя безобразныя формы (въ родѣ продажи людей на рынкахъ, хотя и запрещенной закономъ, но продолжавшей существовать), другой членъ государственнаго совѣта, умѣвшій соединять политическій либерализмъ съ самымъ завзятымъ крѣпостничествомъ, адмиралъ Мордвиновъ, представилъ мнѣніе въ защиту необходимости продажи людей по-одиночкѣ, пока существуетъ крѣпостное право. Начавъ поговорками: „отъ горькаго корня не будетъ плода сладкаго, на рѣдькѣ не выростетъ ананасъ", онъ продолжаетъ: „Доколѣ рабство между крестьянами нашими существуетъ, до тѣхъ поръ продажа людей по-одиночкѣ должна быть допущена. Она необходима и часто для проданнаго бываетъ плодотворна часто отъ лютаго помѣщика проданный рабъ его переходитъ въ руки мягкосердаго господина отъ скудной и тощей своей нивы переселяется на ниву пространную и плодородную. Отчего же участь его можетъ сдѣлаться горшею?..." Но это не значитъ, чтобы, протестуя противъ частной мѣры, Мордвиновъ требовалъ болѣе радикальнаго рѣшенія вопроса, т. е. освобожденія крестьянъ. Напротивъ, указавъ на то, что крѣпостной крестьянинъ уже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ огражденъ закономъ отъ насилій помѣщика, и, между прочимъ, на то, будто бы помѣщикъ не можетъ отнять у него „собственность, праведно имъ пріобрѣтенную", Мордвиновъ продолжаетъ:

„Если же и не пользуется онъ полнотою свободы, то, при настоящей степени просвѣщенія, промышленности и богатства въ Россіи, *необходимо сіе для общаго спокойствія, для внутренняго благоустройства и для дальнѣйшихъ успѣховъ въ совершенствованіи всѣхъ правительственныхъ частей* (¹). Къ симъ преуспѣяніямъ государство наше съ довольною быстротой стремится. Оно и къ освобожденію крестьянъ отъ рабства достигнетъ, когда народонаселеніе его съ пространствомъ обладаемой нами земли сравняется, когда возможемъ мы пріобрѣсти денежные капиталы, достаточные для предварительнаго найма рабочихъ рукъ и когда продажа урожаевъ нашихъ будетъ съ избыткомъ вознаграждать насъ. Тогда никакой помѣщикъ не пожелаетъ имѣть на землѣ своей рабовъ и замѣнять трудъ ихъ уступкою имъ половины изъ угодьевъ земли, составляющей его собственность. Тогда свобода крестьянина съ обоюдною пользой какъ его, такъ и помѣщика сама собою восприметъ начало и повсемѣстно водворится". А до того времени

[illegible] но сколько земли не опредѣлено. Слѣдовательно, 1) на 10 десятинъ пустопорожнихъ можно купить на свозъ 100 душъ; 2) можно купить 100 душъ на свозъ подъ видомъ причисленія ихъ къ другой деревнѣ; а какъ деревня сія и сама можетъ быть малоземельна, то отъ покупщика зависитъ, поселивъ для одного вида изъ ста душъ два или три семейства, прочихъ взять во дворъ. Слѣдовательно, крѣпостные люди, повидимому, купленные на свозъ для причисленія на землѣ, очутятся на дѣлѣ безъ земли" (Собраніе рукописей Сперанскаго, пожертвованное г. Рѣпинскимъ въ Рукоп. Отд. Имп. Публ. Библ.).

„укрѣпленіе людей къ землѣ... и отвращеніе бродяжничества для блага общаго необходимо нужны. При обладаніи великимъ пространствомъ земель, мало населенныхъ, если мы можемъ желать, чтобы земли таковыя были порядочно обработаны, чтобы сельскія хозяйства наши доведены были до благоустроенства, то иначе нельзя намъ совершать его, какъ токмо чрезъ непосредственную власть нашу надъ работнымъ народомъ. Безъ оной никакой помѣщикъ не рѣшится смѣло и надежно поступать къ устроенію усадьбы своей со всѣми потребными для оной зданіями, осушать болота, распространять пашню, усовершенствовать сельскія орудія, употреблять денежный капиталъ на все, что можетъ привести земледѣліе наше въ лучшее состояніе... Страшенъ былъ нѣкогда день Юрьевъ, и страхъ сей можетъ неминуемо возобновиться, если бродяжничество крестьянъ допущено будетъ. Не обратится ли земля русская въ прежній свой дикій видъ, въ которомъ она пребывала до временъ Петра Великаго? Не сей ли государь въ укрѣленіи крестьянъ къ землѣ усмотрѣлъ начало просвѣщенія, обогащенія и благолѣпія Россіи?. Потерпимъ еще нѣсколько, и рабство само собою исчезнетъ въ Россіи, если обращено будетъ вниманіе не къ преждевременному уничтоженію онаго, но къ постепенному уменьшенію необходимости содержать крестьянъ въ зависимости отъ помѣщиковъ, на земляхъ коихъ они живутъ. Сіе необходимо послѣдуетъ, когда исчезнетъ на пахотныхъ земляхъ нашихъ перелогъ... когда помѣщикъ будетъ изобиловать денежнымъ капиталомъ, достаточнымъ къ тому, чтобы нанимать работниковъ для посѣва и жатвы. Таковъ есть законъ природы, умудряющій правителей государственныхъ. Такъ во всей Европѣ водворилась свобода... Таковой ходъ и для Россіи есть благопадежнѣйшій и безопаснѣйшій" [1])

Можно не удивляться при англоманско-крѣпостническихъ взглядахъ Мордвинова откровенному предпочтенію имъ выгодъ помѣщиковъ интересамъ мужика; но удивительно, что человѣкъ, столь образованный, бывшій тогда президентомъ вольнаго экономическаго общества, не зналъ того, что убѣдительно доказано было въ трудахъ этого общества еще въ царствованіе Александра I, что барщинный трудъ слишкомъ мало производителенъ и что при существованіи его нельзя ожидать агрономическихъ улучшеній, введенія усовершенствованныхъ системъ хозяйства.

Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта было 27 апрѣля 1833 г. рѣшено: проектъ указа о запрещеніи продажи людей съ публичнаго торга и продажи съ раздробленіемъ семействъ поднести на высочайшее усмотрѣніе. Что касается втораго указа—о непродажѣ крѣпостныхъ вообще безъ земли, то изданіе его нашли затруднительнымъ, какъ это мы узнаемъ изъ написаннаго самимъ Сперанскимъ журнала этого засѣданія. Въ виду всѣхъ сопряженныхъ съ этимъ дѣломъ затрудненій, предсѣдатель государственнаго совѣта предложилъ на этотъ разъ ограничиться лишь постановленіемъ о запрещеніи продажи людей съ публичнаго торга, а также и вообще продажи съ раздробленіемъ семействъ, вопросъ же объ установленіи правила о непродажѣ людей безъ земли передать въ департаментъ законовъ для новаго, подробнаго по этому предмету соображенія.

---

[1]) „Чтен. Общ. Ист. и Древ. Рос." 1859 г. т. III, Смѣсь, стр. 55—58.

Общее собраніе государственнаго совѣта согласилось съ предложеніемъ предсѣдателя [1]).

2 мая 1833 г. былъ данъ именной указъ сенату, въ которомъ послѣ упоминанія объ указахъ 1771 и 1798 гг. было сказано: „дабы привести указъ 1771 г. въ полную его силу и дѣйствіе... признали мы за благо постановить повсемѣстно слѣдующее: 1) Отнынѣ впредь крѣпостныхъ людей безъ земли, какъ крестьянъ, такъ и дворовыхъ, не представлять и не принимать въ обезпеченіе и удовлетвореніе частныхъ долговъ, на помѣщикѣ лежащихъ, а ко взысканію оныхъ употреблять безъ послабленія всѣ другія мѣры, закономъ постановленныя. 2) По закладнымъ на крѣпостныхъ людей безъ земли и по частнымъ долговымъ обязательствамъ, до состоянія настоящаго запрещенія совершеннымъ и, по просрочкѣ ихъ, ко взысканію представленнымъ, равно какъ и по взысканіямъ вслѣдствіе исковъ всякаго рода окончательно присужденнымъ, когда у должника нѣтъ другаго имущества, кромѣ крѣпостныхъ людей безъ земли, или когда имущества сего на полное удовлетвореніе взысканія недостаточно, не обращая людей сихъ въ продажу, поступать на томъ же основаніи, какъ поступается по казеннымъ взысканіямъ, а именно: причисляя крѣпостныхъ людей, продажѣ подлежавшихъ, безъ раздробленія ихъ семействъ въ казенное вѣдомство, выдавать, кому слѣдуетъ.... изъ казны по 300 р. за каждую ревизскую душу м. п. и по 150 р. женскаго, а въ возмездіе сего платежа облагать ихъ особымъ ежегоднымъ въ казну оброкомъ, оному соразмѣрнымъ [2]). 3) Постановивъ, такимъ образомъ, правила для точнаго исполненія указа 1771 г. по частнымъ взысканіямъ, вмѣстѣ съ симъ повелѣваемъ запретить *отдѣльно отъ семействъ* какъ съ землею, такъ и безъ земли продажу крѣпостныхъ людей вообще, и уступку ихъ по дарственнымъ записямъ въ постороннія руки. Семействомъ же, не подлежащимъ раздробленію, считать: отца, мать и изъ дѣтей сыновей неженатыхъ и дочерей незамужнихъ" [3]).

---

[1]) Бумаги Сперанскаго въ Рук. Отд. Публ. Библіотеки.

[2]) Въ 1836 г. этотъ оброкъ, пропорціональный заплаченной изъ казны суммѣ, былъ уничтоженъ и велѣно было взимать съ нихъ лишь обыкновенныя подати по тому состоянію, какое они изберутъ. 2-е П. С. 3. XI, 9570.

[3]) 2-е П. С. 3. VIII, 6163, ср. XVII, 16334. Въ 1835 г. было постановлено: 1) по казеннымъ взысканіямъ съ помѣщиковъ, которые имѣютъ однихъ дворовыхъ людей и безземельныхъ крестьянъ, наличные изъ нихъ, безъ раздробленія семействъ, причисляются въ казенное вѣдомство, съ зачетомъ въ счетъ лежащаго на помѣщикахъ взысканія за каждую наличную душу м. п. 300 р., а женскаго половину. 2) По закладнымъ и другимъ частнымъ долговымъ обязательствамъ, совершеннымъ до указа 2 мая 1833 г., и по взысканіямъ, присужденнымъ вслѣдствіе исковъ всякаго рода, когда у должника нѣтъ другаго имущества, кромѣ крѣпостныхъ людей безъ земли...., поступать на томъ же основаніи, какъ постановлено по казеннымъ взысканіямъ. 2-е П. С. 3. X, 8017. Относительно закавказскаго края см. 2-е П. С. 3. XXV, 23864, ср. IX, 7508.

Какъ мы видѣли, общее собраніе государственнаго совѣта въ апрѣлѣ 1833 г. поручило департаменту законовъ обсудить вопросъ о непродажѣ людей безъ земли во всемъ его объемѣ. Дѣло это разсматривалось департаментомъ законовъ въ декабрѣ 1834 г., и рѣшено было отложить его до того времени, когда явятся обстоятельства, благопріятныя „столь важной перемѣнѣ", и „представится возможность приступить къ рѣшительному воспрещенію продажи людей безъ земли". По мнѣнію департамента, „благопріятныя въ семъ дѣлѣ обстоятельства могутъ состоять: 1) въ лучшемъ устройствѣ казенныхъ крестьянъ, ибо положеніе ихъ, когда оно приметъ свою прочность и когда пользы его опытомъ утвердятся, можетъ быть принято образцомъ для устройства крестьянъ помѣщичьихъ, — образцомъ хотя не совсѣмъ равнымъ, но къ коему въ теченіе времени можно будетъ приближаться мѣрами постепенными, хотя и медленными, но за то вѣрными, и съ совершеннымъ сохраненіемъ пользъ помѣщичьихъ. Когда крестьяне казенные будутъ опытомъ удостовѣрены, что земля, на коей они водворены, не есть ихъ собственность, но собственность казны, у коей они ее нанимаютъ и ею пользуются изъ оброка, опредѣляемаго не по душамъ, но по участкамъ, тогда и крестьяне помѣщичьи, несмотря на то, что они тверды будутъ землѣ, не будутъ, однакоже, считать сей земли своею, и, слѣдовательно, право помѣщичье останется неприкосновеннымъ". Нельзя не замѣтить, что и при дозволеніи продавать крестьянъ безъ земли они, все-таки, считали, что земля, на которой они поселены, принадлежитъ имъ, хотя они сами составляютъ собственность помѣщика, и, слѣдовательно, запрещеніе безземельной продажи не могло усилить этого убѣжденія. Второе благопріятное, по мнѣнію департамента, обстоятельство — окончаніе внутренняго размежеванія помѣщичьихъ земель — еще менѣе идетъ къ дѣлу: департаментъ полагалъ, что тогда помѣщики получатъ болѣе возможности разверстать свою землю „на участки и распредѣлить ихъ крестьянамъ за опредѣленный оброкъ или работу" (повидимому, тутъ имѣется въ виду введеніе подворнаго пользованія землею). Хотя, такимъ образомъ, „количество помѣщичьихъ земель въ общей ихъ сложности не увеличится", но, по мнѣнію департамента, „умножатся способы на той же самой землѣ учредить лучшее хозяйство и, слѣдовательно, содержать большее число крестьянъ, нежели содержится нынѣ; а чрезъ сіе уменьшится тѣснота владѣній и пресѣчется одна изъ причинъ, понуждающихъ нынѣ къ продажѣ крестьянъ безъ земли". Поэтому департаментъ законовъ постановилъ, не внося этихъ предположеній въ общее собраніе государственнаго совѣта, испросить соизволеніе государя предоставить департаменту заняться этимъ дѣломъ тогда, когда вышеуказанныя обстоятельства „приведены будутъ къ ихъ совершенію и съ тѣмъ вмѣстѣ представится возможность приступить къ постепеннымъ мѣрамъ, могущимъ вести ихъ къ разрѣшенію настоящаго вопроса". Этимъ поста-

новленіемъ [1]) вопросъ о полномъ запрещеніи продажи людей безъ земли былъ окончательно похороненъ.

При производствѣ 8-й народной переписи въ 1833 г. было постановлено, чтобы на будущее время лица, имѣющія право владѣть крѣпостными, при совершеніи купчихъ крѣпостей приписывали покупаемыя ими семейства, для платежа за нихъ повинностей, исключительно къ собственнымъ населеннымъ имѣніямъ, что и слѣдовало означать въ самыхъ купчихъ крѣпостяхъ [2]). Затѣмъ въ 1841 году было издано слѣдующее постановленіе: 1) Присутственнымъ мѣстамъ, совершающимъ крѣпостные акты, поставить въ обязанность требовать отъ дворянъ, покупающихъ дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли, точнаго показанія, *къ какому недвижимому населенному его имѣнію намѣренъ онъ приписать людей.* 2) При продажѣ или залогѣ имѣній не дозволять владѣльцамъ выговаривать или оставлять за собою людей съ разлученіемъ семейства 3) Братьевъ холостыхъ и сестеръ незамужнихъ, не имѣющихъ отца и матери, считать за одно семейство и не дозволять оставлять за собою и продавать другимъ владѣльцамъ „раздробительно". 4) *Не дозволять совершенія купчихъ крѣпостей на дворовыхъ людей и безземельныхъ крестьянъ обоего пола такимъ покупщикамъ, которые не имѣютъ населенныхъ имѣній.* 5) Дворянамъ, не имѣющимъ населеннаго недвижимаго имѣнія не позволять пріобрѣтать дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли никакимъ способомъ, а съ достающимися имъ по семейному раздѣлу поступать на основаніи законовъ о наслѣдствахъ, „приходящихъ къ неимѣющимъ права владѣть крѣпостными людьми [3]).

Въ 1846 г. пришлось строго подтвердить установленное въ 1798 году запрещеніе совершать купчія крѣпости на людей безъ земли въ губер-

[1]) Копія съ „проекта журнала о непродажѣ людей безъ земли" въ коллекціи бумагъ Сперанскаго въ Публич. Библіотекѣ.

[2]) „Люди, купленные до изданія этого закона, приписывались также и къ городскимъ домамъ. Владѣльцы, не имѣющіе собственныхъ недвижимостей, должны были теперь для обезпеченія платежа за своихъ дворовыхъ людей и отбыванія рекрутской повинности внести въ уѣздное казначейство за каждую душу мужскаго пола по 240 р. 2-е П. С. З. VIII, 6265 §§ 27, 28, 32; ср. X, 8447 и XIX, 17372 а).

[3]) 2-е П. С. З. XVI. 11152, ср. XVIII, 14686, 17372, XXI, 20556, 20711, XXIII 22164. За нарушеніе этихъ послѣднихъ правилъ по уложенію о наказаніяхъ 1845 года купленные или достающіеся люди отбираются въ казну безъ всякаго вознагражденія владѣльцамъ, которые подвергаются еще строгому выговору въ присутствіи суда, а по второй разъ аресту на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ; за противозаконное же разлученіе семействъ грозило денежное взысканіе за каждую душу мужскаго пола 150 и женскаго 75 руб. 2-е П. С. З. XX, 19283, и. 1870, 1876. За продажу людей отдѣльно отъ семействъ они получали свободу, а помѣщики должны были платить за нихъ подати до ревизіи. 2-е П. С. З. XXII, 21338 (23 іюня 1847 г.).

ніяхъ черниговской и полтавской подъ страхомъ законной отвѣтственности, независимо отъ признанія самой покупки недѣйствительною [1]).

Продажа людей въ рекруты была запрещена еще въ XVIII вѣкѣ, но правительству приходилось въ царствованіе Николая, какъ и въ первой четверти XIX вѣка, принимать мѣры, чтобы преградить возможность разныхъ уловокъ для обхода этого закона [2]).

Отдача помѣщиками людей своихъ на работу была ограничена постановленіемъ 1827 года, воспретившимъ отдавать крѣпостныхъ на горные заводы [3]).

Переходимъ къ узаконеніямъ относительно права помѣщиковъ *наказывать своихъ крѣпостныхъ*. Мы видимъ въ XXVII главѣ I тома, что указъ 1822 года объ отправленіи въ Сибирь крѣпостныхъ безъ суда, по волѣ ихъ помѣщиковъ (безъ зачета въ рекруты), возбудилъ недоумѣнія и разныя толкованія. Для поясненія его 30 августа 1827 года были установлены слѣдующія правила: дозволялось отправлять въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ людей не старѣе 50 лѣтъ, не дряхлыхъ и не увѣчныхъ; при этомъ слѣдовало не разлучать мужа и жены, а вмѣстѣ съ ними отправлять и малолѣтнихъ мужскаго пола до 5 лѣтъ, а женскаго до 10 лѣтъ, безъ зачета мужскаго пола за рекрута. Помѣщикъ долженъ былъ снабдить ссылаемыхъ одеждою и кормовыми деньгами по разсчету, отъ мѣста пересылки до Тобольска, и платить слѣдующія за нихъ въ казну подати и повинности до ревизіи [4]). Такимъ образомъ, указу 1822 г., касавшемуся собственно лишь негодныхъ къ службѣ, было придано болѣе широкое значеніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ уничтоженъ указъ 1824 года о принятіи крѣпостныхъ безъ ограниченія лѣтъ. Такъ какъ нѣкоторые помѣщики, представившіе своихъ крѣпостныхъ къ отправленію за дурное поведеніе въ Сибирь, просили о возвращеніи ихъ, то государственному совѣту пришлось въ слѣдующемъ году вновь заняться соображеніями о „степени и цѣли права, даннаго помѣщикамъ, удалять отъ себя людей въ Сибирь“, что привело къ измѣненію и дополненію закона 1827 года. Государственный совѣтъ нашелъ, что право помѣщика должно заключаться „единственно въ удаленіи навсегда отъ себя и изъ своего имѣнія порочнаго и нетерпимаго по продерзостямъ своимъ крѣпостнаго его чело-

---

[1]) 2-е П. С. З. XXI, 20010.

[2]) 2-е П. С. З. VI, 4677, § 132, и I, § 372; 4908, IX, 7535, ст. XXV, т. XIX, 18402, т. XX, 19283, п. 536, 549, 569. Въ 1836 г. воспрещено было входить съ представленіями о дозволеніи продажи рекрутской квитанціи. 2-е П. С. З. XI. 9410.

[3]) 2-е П. С. З. II, 1242 Правила, установленныя относительно отдачи бѣлорусскихъ помѣщичьихъ крестьянъ на суда, земляныя и другія черныя работы, см. гл. XVI нашей статьи.

[4]) 2-е П. С. З. II. 1339; срав. Арх. Гос. Сов. т. IV, ч. 2 (Журналы по дѣламъ департамента законовъ), стр. 349—356.

вѣка; но что то или другое назначеніе человѣку, удаляемому помѣщикомъ, должно уже зависѣть отъ распоряженія правительства, и что симъ способомъ отвратятся тѣ злоупотребленія и затрудненія", какія бываютъ „по несообразности нынѣ дѣйствующаго правила ссылать всѣхъ таковыхъ людей въ Сибирь по желанію ихъ владѣльцевъ". Для этого постановлены были слѣдующія правила: 1) „Помѣщикъ можетъ за продерзостные проступки и нетерпимое поведеніе крѣпостнаго своего человѣка удалить его навсегда отъ себя и изъ своего имѣнія", представивъ его для этого въ распоряженіе губернскаго правленія. 2) Губернское правленіе свидѣтельствуетъ ихъ и если найдетъ годными, то отдаетъ въ военную службу, неспособныхъ же къ ней назначаетъ къ переселенію въ Сибирь. 3) Назначенные въ военную службу помѣщику за рекрута не зачитаются. 4) Жены ихъ считаются на общемъ положеніи женъ крѣпостныхъ, поступающихъ въ военную службу, т. е. получаютъ свободу. 5) Относительно опредѣленныхъ губернскимъ правленіемъ къ отправленію въ Сибирь велѣно руководствоваться правилами закона 30 августа 1827 года. 6) Помѣщикъ, пожелавшій простить удаленнаго имъ за дурное поведеніе человѣка, можетъ опять возвратить его въ свое владѣніе, если не состоялось еще о немъ опредѣленія губернскаго правленія или оно не приведено въ исполненіе [1]). Постановленіемъ, что только неспособные къ службѣ могутъ быть отправляемы по желанію помѣщика въ Сибирь, возстановленъ былъ истинный смыслъ указа 1822 года [2]). Закономъ 1827 года не дозволялось отправ-

---

[1]) 2-е П. С. 3. III, 2107.

[2]) Относительно правъ грузинскихъ и вообще закавказскихъ помѣщиковъ представлять правительству для удаленія принадлежащихъ имъ крѣпостныхъ было постановлено въ 1892 году слѣдующее: ихъ должно было переселять въ Кавказскую область съ семействами, не разлучая мужей съ женами и дѣтьми женскаго пола, какихъ бы лѣтъ они ни были, а мужскаго до 15-лѣтняго возраста (русскіе помѣщики, по закону 1827 года, при отправленіи ихъ крѣпостныхъ въ Сибирь, должны были отдавать мальчиковъ лишь моложе 5 лѣтъ, а дѣвочекъ до 10 лѣтъ), если дочери не замужемъ и если только онѣ, будучи совершеннолѣтними, не пожелаютъ сами остаться у помѣщика. Для поселенія такихъ людей отводятся на Кавказской линіи свободныя земли при казачьихъ станицахъ, высылка ихъ и обзаведеніе на новомъ мѣстѣ производятся на счетъ помѣщика. Черезъ два года было опредѣлено, что на обзаведеніе каждаго переселенца на Кавказскую линію слѣдуетъ взыскивать съ помѣщика 630 руб. асс., кормовыя деньги по разстоянію до Ставрополя, требовать снабженія отправляемаго приличною одеждою и обувью. 2-е П. С. 3. VII, 5577, IX 6695. Въ 1836 году правила эти были распространены и на Имеретію 2-е П. С. 3. XI, 9625. Когда возникъ вопросъ, кому должны принадлежать дѣти крестьянъ, представляемыхъ помѣщиками къ ссылкѣ въ Сибирь, но обращаемыхъ въ военную службу, то въ 1836 году было постановлено: дѣти крестьянъ, рожденныхъ до поступленія на службу, оставлять за прежними владѣльцами, рожденныхъ же позднѣе причислять въ военное вѣдомство. 2-е П. С. 3. XI, 8776; ср. XII, 10056, 10624. Въ случаѣ тяжкой, неизлечимой болѣзни отправляемаго по волѣ помѣщика въ Сибирь, губернскому

лять въ Сибирь по желанію помѣщиковъ людей старѣе извѣстнаго возраста, но въ 1831 году было постановлено, что крѣпостные, наказанные по судебному приговору и обращенные на прежнее мѣстожительство, если помѣщики принять ихъ не пожелаютъ, могутъ быть ссылаемы въ Сибирь на поселеніе, хотя бы были и старѣе 50 лѣтъ [1]). Нужно думать, что со стороны помѣщиковъ было не мало домогательствъ о ссылкѣ стариковъ, такъ какъ въ 1846 году были установлены правила, дававшія еще болѣе возможности ссылать въ Сибирь крѣпостныхъ старѣе 50 лѣтъ по волѣ ихъ господъ. Для этого теперь требовалось, чтобъ удостовѣрено было, что они уже отдавались для исправленія въ смирительный или рабочій домъ, или въ одну изъ арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства; помѣщикъ въ этомъ случаѣ обязанъ, сверхъ взноса кормовыхъ денегъ и снабженія отправляемаго одеждою, внести еще сумму, равную положенной въ той губерніи за каждую для письма крѣпостей ревизскую душу (также и за женщинъ). Губернскимъ правленіямъ предоставляется при отправленіи такихъ людей назначать изъ этой суммы „путевое пособіе“ въ количествѣ, не превышающемъ для одинокаго $^1/_{15}$, а для семейнаго $^1/_{12}$ всего взноса: остальныя же деньги препровождаются въ тобольскій приказъ общественнаго призрѣнія, откуда и выдаются переселенцу при его водвореніи по требованію приказа о ссыльныхъ [2]). Дѣло дошло, наконецъ, и до предоставленія помѣщикамъ права удалять несовершеннолѣтнихъ. Въ 1847 году были постановлены слѣдующія правила: не воспрещать помѣщикамъ удалять изъ своихъ имѣній и несовершеннолѣтнихъ крѣпостныхъ людей „порочнаго поведенія“ отъ 8-ми до 17-ти лѣтняго возраста, отдавая ихъ, на общемъ основаніи, въ распоряженіе губернскаго правленія; принятые такимъ образомъ мальчики отсылаются въ батальоны военныхъ кантонистовъ, а несовершеннолѣтнія дѣвочки отдаются въ палату государственныхъ имуществъ для распредѣленія по казеннымъ селеніямъ въ отдаленныхъ отъ прежняго ихъ жительства уѣздахъ, „съ тѣмъ, чтобъ онѣ находились тамъ подъ особымъ надзоромъ сельскаго начальства и по дости-

---

начальству разрѣшено было ходатайствовать объ оставленіи больнаго или больной на прежнемъ мѣстѣ жительства, но при этомъ мѣстное начальство должно было въ своихъ представленіяхъ „объяснять и способы къ обезпеченію судьбы оставляемаго“. 2-е П. С. З. XVII, 15511 Въ 1853 году было запрещено отправлять по просьбѣ помѣщика въ Сибирь крѣпостныхъ женщинъ беременныхъ или имѣющихъ грудныхъ младенцевъ: если же помѣщикъ пожелаетъ удалить ихъ отъ себя немедленно, то велѣно было содержать ихъ въ богоугодныхъ заведеніяхъ приказа общественнаго призрѣнія до истеченія срока, назначеннаго для находящихся въ такомъ положеніи женщинъ, вмѣстѣ съ малолѣтними дѣтьми того возраста, въ какомъ они не должны быть разлучаемы съ матерями. 2-е П. С. З. XXVIII, 27602.

[1]) 2-е П. С. З. VI, 4365; ср. XX, 19131.

[2]) 2-е П. С. З. XXI, 20158.

женія установленнаго для вступленія въ бракъ возраста, выдаваемы были въ замужство или обращаемы въ работницы къ благонадежнымъ хозяевамъ". Правила эти повелѣно было не публиковать во всеобщее свѣдѣніе, а предписать, кому слѣдуетъ, къ надлежащему руководству и исполненію [1]).

Въ началѣ 1854 года, вслѣдствіе записки министра внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибикова, въ государственномъ совѣтѣ возбужденъ былъ вопросъ о ссылкѣ крѣпостныхъ въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ.

Департаментъ законовъ, разсматривая это дѣло, „принялъ на видъ", что по закону (Св. Зак. т. IX, ст. 970) „обязанность воздерживать крѣпостныхъ людей отъ всякихъ пороковъ и непорядковъ возложена на владѣльцевъ, и что имъ же ввѣрена и полицейская въ своихъ имѣніяхъ власть. При существованіи такого закона удаленіе изъ имѣнія людей, вредныхъ по образу ихъ мыслей и характеру для общественной нравственности и спокойствія, не можетъ быть названо *правомъ* помѣщиковъ, но составляетъ прямую ихъ *обязанность*, ответствуя предъ правительствомъ за поведеніе и нравственность своихъ крѣпостныхъ, они *должны* ограждать сельскія и крестьянскія общества отъ вредныхъ и опасныхъ для нихъ людей. Предполагаемая нынѣ (повидимому, министромъ внутреннихъ дѣлъ) повѣрка посредствомъ предводителей дворянства правильности въ семъ отношеніи распоряженій владѣльцевъ, ослабивъ средства ихъ къ исполненію упомянутой обязанности, не достигла бы своей цѣли, ибо характеръ людей и дурныя ихъ наклонности и намѣренія могутъ быть вполнѣ извѣстны только лицамъ, находящимся въ ближайшихъ и ежедневныхъ съ ними сношеніяхъ; постороннимъ же такія намѣренія *пожалуй они еще не обнаружились прямыми внѣшними дѣйствіями*, большею частью не доступны. Посему предводители дворянства, не имѣя средства къ открытію истинной причины, побуждающей помѣщика къ удаленію своего крѣпостнаго изъ имѣнія, были бы поставлены въ крайнее затрудненіе, а иногда даже и въ невозможность свидѣтельствовать о правильности его распоряженія. Между тѣмъ, такое вмѣшательство могло бы имѣть весьма вредныя послѣдствія: съ одной стороны, въ самой большей части случаевъ оно не останется тайнымъ, а сдѣлавшись извѣстнымъ крестьянамъ, неизбѣжно потрясетъ довѣріе и уваженіе къ владѣльцамъ, дастъ поводъ къ неповиновенію и чрезъ то лишитъ помѣщика средствъ къ исполненію возложенныхъ на него правительствомъ обязанностей, на коихъ основано охраненіе общественнаго спокойствія въ столь многолюдномъ сословіи; съ другой же стороны, подобное вмѣшательство вынудитъ помѣщиковъ, для сохраненія необходимаго въ глазахъ крестьянъ значенія, терпѣть иногда въ своемъ имѣніи, *по недостатку лишь юридическихъ доказательствъ*, пребываніе вредныхъ людей, что было бы совершенно противно вышеприведенному закону и могло бы повести къ нарушенію общественнаго спокойствія и безопасности, *въ противность тѣхъ мѣръ правительства, для коихъ казенные крестьяне, въ предъидущія царствованія, преимущественно раззорялись помѣщиками*". Такъ какъ удаленіе крѣпостныхъ людей изъ имѣнія сопряжено всегда съ значительными расходами и съ потерею крѣпостнаго права на всю семью удаляемаго, то трудно предполагать, чтобы помѣщикъ рѣшился на столь важное пожертвованіе своими выгодами безъ крайней необходимости".

---

[1]) 2-е П. С. З. XXII, 21765.

Находя, такимъ образомъ, невозможнымъ ограничить право дворянъ подвергать крѣпостныхъ такому суровому наказанію, какъ удаленіе изъ имѣнія, соединенное съ отдачей въ военную службу или ссылкой въ Сибирь, полагая, что даже контроль предводителей дворянства можетъ показаться слишкомъ стѣснительнымъ для помѣщиковъ, департаментъ законовъ изъявлялъ готовность ограничить въ этомъ отношеніи только произволъ управителей. Если же и затѣмъ признано было бы необходимымъ облегчить въ чемъ-либо участь крѣпостныхъ, удаляемыхъ изъ имѣнія по распоряженію помѣщика, то, имѣя въ виду, что „проступки крѣпостныхъ людей и степень ихъ неисправимости могутъ быть различны, наказаніе же по существующимъ правиламъ полагается имъ всѣмъ одинаковое", департаментъ законовъ предложилъ „предоставить помѣщикамъ... просить о переселеніи менѣе виновныхъ, въ случаѣ негодности ихъ къ военной службѣ, вмѣсто Сибири на свободныя казенныя земли въ другія малоземельныя губерніи". Относительно того, насколько это предложеніе осуществимо, пришлось спросить мнѣніе Киселева, какъ министра государственныхъ имуществъ, но онъ высказался противъ него. Киселевъ указалъ на то, что „состояніе свободныхъ казенныхъ земель со времени учрежденія управленія государственныхъ имуществъ значительно измѣнилось. Въ теченіе 16 лѣтъ сдѣланы отводы земель *до 800,000 десятинъ по всемилостивѣйшему пожалованію* лицамъ, ожидавшимъ назначенія съ давнихъ годовъ прошедшаго столѣтія: около двухъ милліоновъ десятинъ, не включая лѣса, дано въ надѣлъ малоземельнымъ (государственнымъ) крестьянамъ и иностраннымъ поселенцамъ, до двухъ милліоновъ десятинъ отведено для переселенія крестьянъ изъ малоземельныхъ губерній въ числѣ 120.000 душъ" и т. д. Затѣмъ уже нѣтъ свободныхъ земель для поселенія крѣпостныхъ крестьянъ кромѣ сѣверныхъ губерній, но здѣсь селить ихъ неудобно, такъ какъ переселяемые не въ состояніи будутъ расчистить и удобрить некультивированныя земли. Поэтому Киселевъ предложилъ крѣпостныхъ крестьянъ, удаляемыхъ изъ помѣщичьихъ имѣній, отправлять „по существующему нынѣ закону" въ тобольскую губернію, отдѣливъ только ихъ отъ преступниковъ, ссылаемыхъ за преступленія, и водворять ихъ особыми селеніями или усадьбами, съ чѣмъ еще въ 1852 г. согласился и сибирскій комитетъ [1]). Послѣ этого отвѣта Киселева государственный совѣтъ рѣшилъ принять мѣры лишь для ограниченія власти управителей, и въ апрѣлѣ 1854 г. было запрещено помѣщикамъ въ выдаваемыхъ ими на управленіе имѣніями общихъ довѣренностяхъ предоставлять управителямъ право удалять крестьянъ навсегда изъ

---

[1]. Журналъ сей былъ одобренъ государемъ, и затѣмъ вырабатывались новыя правила по соглашенію со Вторымъ Отдѣленіемъ Соб. Его Величества канц. и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Арх. М. Г. И., дѣло V Отд. Соб. Е. В. Кан. 1854 г. № 148.

имѣнія и отдавать ихъ въ рекруты, такъ какъ „эти мѣры взысканія принадлежатъ исключительно власти самого помѣщика“, но ему дозволялось уполномочивать на это управителя или кого либо другаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, съ упоминаніемъ лица, подвергаемаго наказанію [1]).

Администрація предлагала помѣщикамъ свои услуги не только для отправленія крѣпостныхъ въ Сибирь, но и для препровожденія на счетъ владѣльцевъ принадлежащихъ имъ людей изъ столицъ и другихъ городовъ до ихъ имѣній. Такихъ людей пересылали посредствомъ внутренней стражи до уѣздныхъ городовъ, гдѣ состоятъ имѣнія, куда отправляются эти люди. Пересылка производилась въ „ручныхъ укрѣпленіяхъ“. т. е. оковахъ [2]).

Право помѣщиковъ наказывать крестьянъ такимъ образомъ опредѣлялось въ Сводѣ Законовъ изд. 1833 г: „Для удержанія крѣпостныхъ людей въ повиновеніи и добромъ порядкѣ“, „помѣщикъ „имѣетъ право употреблять домашнія средства исправленія и наказанія *по сю усмотрѣнію*, но безъ увѣчья и тѣмъ менѣе еще съ опасностію ихъ жизни. Когда владѣлецъ не пожелаетъ наказывать крѣпостныхъ своихъ самъ или употребленные имъ способы наказанія и исправленія останутся безуспѣшными, то онъ можетъ прибѣгнуть къ правительству и просить законнаго съ его стороны содѣйствія. „За вины собственно противъ владѣльца или правъ его, равно какъ и за проступки полицейскіе, крѣпостные люди по его просьбѣ подвергаются или полицейскому наказанію, съ возвратомъ на прежнее жилище, или содержанію въ смирительныхъ и рабочихъ домахъ [3]) *на срокъ, самимъ владѣльцемъ опредѣленный*“ [4]). Статьи эти основаны на постановленіяхъ, изданныхъ еще до царствованія императора Николая; нужно только замѣтить, что подъ одною изъ нихъ цитированъ именной указъ 5 іюля 1811 г. [5]); имъ дѣйствительно предоставляется помѣщикамъ отправлять крѣпостныхъ, по своему желанію, въ исправительныя заведенія, *но не иначе, какъ по объявленіи причинъ*. Это послѣднее, въ высшей степени важное условіе, при составленіи извлеченія изъ источника пропущено.

Въ 1846 году были точно опредѣлены права помѣщиковъ относи-

[1]) 2-е П. С. З. XXIX, 28158. Помѣщики сохранили въ разсматриваемую эпоху право отдавать своихъ крестьянъ въ рекруты съ зачетомъ, если они годны къ военной службѣ, въ будущій наборъ, и безъ зачета, если они для нея не годились. 2-е П. С. З. VI 4677, § 176, 323 (ср. XII, 9915). Но въ 1816 г. было запрещено принимать въ рекруты и безъ зачета ниже установленнаго роста 2-е П. С. З. XI, 9547.

[2]) 2-е П. С. З. XXI, 20639.

[3]) Въ изданіи 1842 г. прибавлено: „или въ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства“ (т. IX, стр. 974).

[4]) Св. Зак. изд. 1833 г. т. XII, ст. 308, 309, 311.

[5]) 1-е П. С. З. XXXI. 24707.

тельно расправы ихъ съ крестьянами [1]). Среди измѣненій и дополненій къ уложенію о наказаніяхъ мы встрѣчаемъ слѣдующее постановленіе: тѣ изъ проступковъ и преступленій помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей, которые не подвергаютъ ихъ лишенію всѣхъ правъ состоянія, когда эти преступленія или проступки совершены противъ помѣщика, его семейства или противъ другихъ его крестьянъ и дворовыхъ людей, подлежатъ расправѣ самого помѣщика или управляющаго имѣніемъ и вѣдаются полиціями или судами лишь въ томъ случаѣ, когда самъ помѣщикъ, не желая употребить предоставленныхъ ему по закону домашнихъ исправительныхъ мѣръ, дастъ знать о томъ надлежащему начальству. Когда же проступки и преступленія учинены крестьянами и дворовыми людьми противъ кого-либо другаго, то дѣла о томъ могутъ подлежать расправѣ помѣщика или управляющаго въ такомъ лишь случаѣ, если о томъ будетъ просить самъ обиженный. Что касается размѣра наказанія при судѣ и расправѣ помѣщиковъ надъ крѣпостными, то онъ опредѣленъ такимъ образомъ, что для крѣпостныхъ едва-ли было бы не лучше, если бы помѣщичья расправа оставалась въ прежнемъ, не регламентированномъ видѣ. Сами помѣщики и управляющіе ихъ имѣніями по довѣренностямъ могли на основаніи новаго закона подвергать крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ *„наказанію розгами до 40 или палками до 15 ударовъ, или же аресту на время отъ одного до семи дней, а въ случаяхъ особенной важности и до двухъ мѣсяцевъ, съ тѣмъ, чтобы виновный былъ содержимъ въ сельской тюрьмѣ* (!), *сообразно съ правилами, вообще для тюремнаго заключенія постановленными* [2]). За преступленія и проступки еще болѣе важные, а равно и тогда, когда означенныя выше мѣры домашняго исправленія оказываются безуспѣшными, помѣщикъ можетъ *отсылать* крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей *въ смирительные и рабочіе дома на время отъ двухъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ* [3]), *или же въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на время отъ одного до шести мѣсяцевъ*. Если помѣщикъ по какимъ-либо причинамъ не пожелаетъ употребить предоставленнаго ему закономъ права суда или же признаетъ, что виновный заслуживаетъ наказанія болѣе строгаго, то можетъ отослать его въ полицію или судъ для разсмотрѣнія дѣла и поступленія съ виновнымъ по правиламъ уложенія о наказаніяхъ. Впрочемъ, людей совершенно неисправимыхъ и вредныхъ

[1]) Въ 1827 г. государь повелѣлъ повсемѣстно истребить орудія пытки крѣпостныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ „Рус. Стар.“ 1883 г. т. 40, стр. 440

[2]) Т.-е. на основаніи 87 статьи устава о содержащихся подъ стражею (Св. Зак. изд. 1842 г.), съ правомъ, для предупрежденія побѣга, заковывать въ кандалы.

[3]) Прежде запрещалось принимать уже наказанныхъ тѣлесно владѣльцемъ за ту же вину (2-е П С 3 XIV, 11931, § 28, п. 3); теперь объ этомъ ограниченіи упоминаніе не было

помѣщикъ имѣетъ право удалять навсегда отъ себя и изъ своихъ имѣній“ [1]).

Подобныя постановленія вызывали негодованіе просвѣщенныхъ современниковъ. Ю. Ѳ. Самаринъ въ своей запискѣ „О крѣпостномъ состояніи“ (1854—56 гг.) говоритъ: „Со времени изданія уложенія о наказаніяхъ... безотчетная власть помѣщиковъ въ присужденіи ихъ людей къ уголовнымъ и исправительнымъ наказаніямъ *была расширена* дарованіемъ права ссылать въ Сибирь стариковъ и несовершеннолѣтнихъ и заводить въ имѣніяхъ сельскія тюрьмы. Трудно постигнуть, съ какою цѣлью, изъ какихъ видовъ допущено это отступленіе отъ общаго стремленія нашего законодательства со временъ Екатерины II: но должно сказать къ чести помѣщиковъ, что практика далеко отстала отъ закона. Совѣсть въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ за одно съ благоразуміемъ. Помѣщикъ, который бы вздумалъ завести у себя тюрьму, забивать въ кандалы и ссылать дѣтей, рисковалъ бы произвести въ своемъ имѣніи возмущеніе“ [2]).

Законъ о *наложеніи опеки на имѣнія жестокихъ помѣщиковъ* продолжалъ дѣйствовать и въ николаевскую эпоху [3]). Въ уложеніи о наказаніяхъ 1845 года мы находимъ слѣдующія постановленія о владѣльцахъ, повинныхъ въ жестокомъ обращеніи со своими крѣпостными. Изобличенные въ этомъ помѣщики, сверхъ учрежденія опеки надъ ними и всѣми ихъ населенными имѣніями, лишаются права имѣть въ услуженіи своихъ крѣпостныхъ и подвергаются заключенію въ смирительномъ домѣ отъ 2 до 3 лѣтъ, съ потерею нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ (права поступать на государственную или общественную службу, участвовать въ выборахъ и проч.), или же, безъ лишенія этихъ правъ, къ заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года. Если, вслѣдствіе нанесенныхъ не по неосторожности, а съ намѣреніемъ, хотя и безъ умысла на убійство, побоевъ или иныхъ насильственныхъ дѣйствій, причинится кому-нибудь смерть, то виновный въ томъ приговаривается къ заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ одного года до трехъ лѣтъ, съ потерей нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, или къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года и предается церковному покаянію. Когда съ преступленіемъ было соединено и злоупотребленіе властью, то виновный, если онъ помѣщикъ, отдается въ опеку вмѣстѣ со всѣми его населен-

---

[1]) 2-е П. С. З. XXI, 19640, ст. 1680.

[2]) Сочиненія Самарина II, 72.

[3]) Правила 1829 г. о порядкѣ ея наложенія см. 2-е П. С. З. IV, 2650. Въ 1842 г. было разъяснено, что помѣщикамъ, которыхъ имѣнія за жестокое обращеніе съ крестьянами состоятъ подъ опекой, держать при себѣ въ услуженіи своихъ дворовыхъ не дозволяется. 2-е П. С. З. XVII, 16388

ными имѣніями, а если управляющій, то навсегда лишается права управлять крѣпостными людьми [1]).

Относительно личныхъ правъ крѣпостныхъ отмѣтимъ слѣдующія постановленія. Что касается доступа ихъ къ обученію въ училища, то въ рескриптѣ государя на имя министра народнаго просвѣщенія въ 1827 г. было сказано: „До свѣдѣнія моего дошло...., что часто крѣпостные люди изъ дворовыхъ и поселянъ обучаются въ гимназіяхъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ“. Вслѣдствіе этого „отличнѣйшіе изъ нихъ по прилежности и успѣхамъ пріучаются къ роду жизни, къ образу мыслей и понятіямъ, не соотвѣтствующимъ ихъ состоянію. Неизбѣжныя тягости онаго для нихъ становятся несносны, и оттого они нерѣдко въ уныніи предаются пагубнымъ мечтаніямъ или низкимъ страстямъ“. Для избѣжанія этого предписывалось допускать къ обученію въ гимназіяхъ и университетахъ только людей „свободныхъ состояній, не исключая и вольноотпущенныхъ“, но крѣпостнымъ дозволялось обучаться въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ и частныхъ заведеніяхъ для обученія хозяйству, садоводству, ремесленной и иной промышленности, но которыя по своей программѣ также не выше уѣздныхъ училищъ [2]). Черезъ десять лѣтъ это повелѣніе опять подтверждено именнымъ указомъ въ которомъ было еще прибавлено, чтобы „и въ тѣхъ училищахъ, кои нынѣ существуютъ или впредь заведены быть могутъ помѣщиками для обученія крѣпостныхъ ихъ людей въ собственныхъ ихъ селеніяхъ, сохраняемы были тѣ же самые предѣлы, какіе вообще постановлены для училищъ низшихъ“. Поводомъ къ этому указу были частые случаи пріема крѣпостныхъ въ частные пансіоны и такъ называемыя реальныя училища; правительство нашло, что „симъ смѣшеніемъ состояній нарушается по-

[1]) 2-е П. С. З. XX, 19283, ст. 1901, 1935. Въ 1850 году было постановлено, что владѣлецъ, изобличенный въ злоупотребленіи своею властью, можетъ не только продать принадлежащее ему населенное имѣніе, но и передать его по дарственной записи; но затѣмъ постоянное пребываніе въ такомъ имѣніи ему воспрещается 2-е П. С. З. XXV, 24763. Черезъ два года предшествовавшія постановленія объ опекѣ надъ такими помѣщиками были измѣнены и дополнены слѣдующими правилами: 1) Запрещеніе владѣльцамъ хозяйственнаго управленія отданными въ опеку имѣніями касается не только назначенія крестьянъ на работу, сбора оброка и другихъ повинностей, но и болѣе важныхъ распоряженій по хозяйству, какъ, напримѣръ, переселеніе крестьянъ на новыя мѣста или на другія земли. 2) Такимъ владѣльцамъ рѣшительно воспрещается продажа крестьянъ на сводъ, или хотя съ землею, но по частямъ, а равно и отдѣльная продажа какого либо количества принадлежащей къ имѣнію земли. 3) Дарственная передача таковыхъ состоящихъ подъ опекою имѣній допускается, если имѣніе благопріобрѣтенное, только по смерти владѣльца, по его духовному завѣщанію, а продажа, промѣнъ, отдача въ залогъ, вступленіе помѣщика въ долговыя обязательства и совершеніе всякаго рода сдѣлокъ на его имущество разрѣшается опекою не иначе, какъ по предварительномъ удостовѣреніи въ томъ [illegible] согласія губернскаго предводителя. 2-е П. С. З. XXVIII, 27046.

[2]) 2-е П. С. З. II, 1308.

рядокъ соразмѣрности, въ степеняхъ ученія вообще установленный, и *вводится противорѣчіе въ гражданскомъ положеніи лица съ умственнымъ его образованіемъ*" [1]). Если принять во вниманіе, какъ ужасно могло быть и бывало положеніе крѣпостнаго, получившаго образованіе, то нельзя не признать, что эта мѣра имѣла нѣкоторое основаніе; но съ другой стороны, было бы гораздо лучше постановить, что люди, окончившіе извѣстный курсъ наукъ, должны получать личную свободу. Въ 1842 г. былъ изданъ новый законъ относительно удовлетворенія крѣпостныхъ людей за обиды, причемъ, главнымъ образомъ, имѣлось въ виду не столько увеличеніе денежнаго взысканія, „сколько уравненіе ихъ въ семъ отношеніи съ лицами свободныхъ сословій" [2]). Жалобы крѣпостныхъ на помѣщиковъ были, по прежнему, воспрещены, по уложенію о наказаніяхъ 1845 г. крѣпостные за подачу такой жалобы подвергаются наказанію розгами до 50 ударовъ [3]).

Относительно помѣщичьей власти надъ крѣпостными отмѣтимъ слѣдующія постановленія. Въ 1826 г. запрещено было приводить крѣпостныхъ крестьянъ къ присягѣ цѣлымъ обществомъ для утвержденія ихъ повиновенія владѣльцу [4]). По уложенію о наказаніяхъ 1845 г. всякое возмущеніе крестьянъ или дворовыхъ противъ помѣщиковъ, управляющихъ и противъ волостныхъ и общественныхъ управленій почитается „*возстаніемъ противъ властей, правительствомъ установленныхъ*", и виновные въ немъ подвергаются наказаніямъ, назначеннымъ за это послѣднее преступленіе [5]). Такимъ образомъ, этимъ закономъ была, какъ замѣчаетъ Самаринъ, „уравнена въ нашемъ законодательствѣ безотчетная власть частнаго лица, владѣльца населеннаго имѣнія, съ правительственными учрежденіями, дѣйствующими на основаніи законовъ и подлежащими отвѣтственности передъ высшими инстанціями по жалобамъ отъ ихъ подчиненныхъ" [6]).

---

[1]) 2-е П. С. З. XII, 10217.

[2]) Теперь повелѣно было взыскивать за безчестіе крѣпостнаго съ обидчика ту же сумму, какая опредѣлена сельскимъ судебнымъ уставомъ за обиду государственнаго крестьянина, и точно также за безчестіе крѣпостныхъ женщинъ вдвое противъ мужей, за оскорбленіе замужней дочери вчетверо, а за обиду лицъ мужскаго пола моложе 17 лѣтъ въ половину противъ того, что слѣдуетъ ихъ отцу. 2-е П. С. З. XVII, 16168.

[3]) 2-е П. С. З. XX, 19283, ст. 1909.

[4]) 2-е П. С. З. I, 300.

[5]) 2-е П. С. З. XX, 19283, ст. 288, 1907, 1908.

[6]) *Самаринъ* Сочиненія II, 72—73. Указъ 3 марта 1848 г. (2-е П. С. З. XXIII, 22042), позволившій крѣпостнымъ пріобрѣтать въ собственность земли, дома, лавки и всякаго рода недвижимыя имущества кромѣ населенныхъ имѣній, *но не иначе, какъ съ согласія своихъ помѣщиковъ*, былъ уже разсмотрѣнъ въ V главѣ. Указъ 1853 г. о воспрещеніи отдачи въ аренду помѣщичьихъ населенныхъ имѣній, вызванный злоупотребленіями въ западныхъ губерніяхъ (см. гл. XVI), относился и къ остальной Россіи.

О двухъ указахъ 1844 года относительно предоставленія помѣщикамъ отпускать дворовыхъ людей на волю безъ земли по обоюднымъ договорамъ мы уже говорили въ IV главѣ. Въ концѣ царствованія императора Александра I, въ 1824 году, крестьянамъ Грузіи, при продажѣ имѣнія съ публичнаго торга, дозволено было выкупаться на свободу. При этомъ былъ возбужденъ вопросъ относительно выдачи выкупающимся на волю ссуды отъ казны, но въ 1831 году онъ былъ рѣшенъ государственнымъ совѣтомъ отрицательно; вмѣстѣ съ тѣмъ, было постановлено, что желающіе выкупиться крестьяне обязаны внести деньги въ теченіе 30 дней со времени сдѣланнаго ими чрезъ полицію объявленія о послѣдней цѣнѣ, состоявшейся на торгахъ, или, если покупщиковъ не явилось, о суммѣ, въ которую оцѣнено имѣніе. Назначеніе тридцатидневнаго срока было для крестьянъ весьма стѣснительно, но очень важно, что тѣмъ же постановленіемъ грузинскимъ крестьянамъ дозволено было выкупаться на свободу не только при продажѣ съ публичнаго торга, но и при частныхъ продажахъ имѣній, а въ 1835 г. было пояснено, что это право распространяется и на отдѣльныхъ грузинскихъ крестьянъ и дворовыхъ, продаваемыхъ владѣльцами посредствомъ частныхъ сдѣлокъ безъ земли [1]). О томъ, что дозволеніе крестьянамъ Грузіи выкупаться на свободу при продажѣ имѣній съ публичнаго торга было указомъ 8 ноября 1847 года распространено на всю Россію и что затѣмъ это дозволеніе было взято назадъ въ 1849 году, мы уже говорили въ главахъ V и VII.

Крѣпостные крестьяне получали также свободу посредствомъ пріобрѣтенія населенныхъ имѣній въ казну, о чемъ мы имѣемъ свѣдѣнія со времени учрежденія министерства государственныхъ имуществъ (въ 1838 году). До 1847 года эти покупки дѣлались вслѣдствіе ходатайства помѣщиковъ [2]), которые, побуждаемые необходимостью обратить свои населенныя имѣнія въ капиталы, предлагали довольно выгодныя условія, такъ что министерство государственныхъ имуществъ могло пріобрѣсти большую часть этихъ имѣній „по шестипроцентному разсчету дохода“, кромѣ двухъ, которыя давали 5—5¼ процентовъ [3]). 11 августа 1847 года были утверждены государемъ правила относительно покупки въ казну продаваемыхъ съ публичнаго торга населенныхъ имѣній [4]), а

---

[1]) 2-е П. С. З. VI, 4882, X, 8078, срав. XXIII, 22065, XXVII, 26527.

[2]) Таковы были графини Орлова-Чесменская, Самойлова и Тизенгаузенъ, княгиня Багратіонъ, наслѣдники генерала Орлова, графъ Зубовъ, графъ Борхъ и проч.

[3]) Арх. М. Гос. Им. Дѣло I Департ. 1847 г. № 1636—119, л. 7—8.

[4]) Министерство государственныхъ имуществъ, собирая свѣдѣнія о всѣхъ назначаемыхъ къ продажу населенныхъ имѣніяхъ, опредѣляетъ цѣну, до которой его чиновникъ можетъ торговаться на то или другое имѣніе, и указываетъ ее въ секретной инструкціи отправляемому съ тою цѣлью чиновнику, который торгуется на счетъ

8 сентября того же года были утверждены государемъ правила относительно пріобрѣтенія въ казну имѣній западныхъ губерній, продаваемыхъ съ публичнаго торга въ случаѣ просрочки платежей въ банковыя учрежденія, въ которыхъ они заложены. Правила 11 августа и 8 сентября были между собою сходны и разница между ними лишь въ томъ, что покупка въ великороссійскихъ губерніяхъ была ограничена опредѣленною суммой (на первый, 1848 годъ было назначено 300,000 р.), а въ западныхъ губерніяхъ она была не ограничена, но за то покупка совершалась не иначе, какъ по доходу въ 7%. Въ секретномъ комитетѣ, учрежденномъ въ 1848 г. по поводу записки тульскаго предводителя Норова, относительно правъ крестьянъ выкупаться на свободу при продажѣ имѣній съ публичнаго торга (см. гл. VII), приходилось не разъ касаться и правилъ 11 августа и 8 сентября Тутъ, между прочимъ, графъ Киселевъ въ своихъ возраженіяхъ Норову замѣтилъ, что одинъ лишній рубль, набавленный на торгахъ частнымъ лицомъ, лишаетъ министерство возможности пріобрѣсти имѣніе въ казну, и тогда крестьяне должны, на основаніи указа 8 ноября или внести въ тридцатидневный срокъ объявленную на торгахъ цѣну, или поступить во владѣніе новаго помѣщика. Имѣя это въ виду, комитетъ предложилъ, не измѣняя правилъ о назначеніи секретно командируемымъ на торги чиновникамъ послѣдней цѣны, до которой они могутъ торговаться, разрѣшить министру государственныхъ имуществъ не стѣсняться вышеуказанными разсчетами, а дѣйствовать по своему усмотрѣнію и давать подвѣдомственнымъ палатамъ полномочія оставлять за казною имѣнія и по высшей цѣнѣ, особенно небольшія. Государь 14 іюля 1848 года утвердилъ эти предположенія секретнаго комитета. Когда, въ слѣдующемъ году, новыми правилами о продажѣ имѣній съ публичныхъ торговъ былъ отмѣненъ указъ 8 ноября 1847 года о правѣ крестьянъ выкупаться на свободу, то назначеннымъ на торги чиновникамъ было предоставлено торговаться на счетъ казны гласно, на общемъ для всѣхъ основаніи Положено было также имѣть въ виду преимущественно пріобрѣтеніе въ казну имѣній мелкомѣстныхъ чрезполосныхъ или смежныхъ съ казенными; цѣны же, до которыхъ предоставлялось торговаться, назначать: на имѣнія въ 20 ревизскихъ душъ до суммы, на которую доходъ съ нихъ можетъ составить 4%, а на имѣнія отъ 21 до 100 душъ—отъ 4 1/2 до 5%. Въ 1849 году на покупку имѣній было ассигновано 150,000 руб., а въ слѣдующемъ году назначеніе съ этою цѣлью денегъ пріостановлено; но такъ какъ отъ ассигнованныхъ въ 1848—49 гг. 150,000 рублей оставалась еще значительная сумма, то покупка имѣній въ казну продолжа-

---

лась наравнѣ съ прочими желающими. Крестьянамъ купленнаго казною имѣнія предоставлялось въ теченіе опредѣленнаго срока заявить желаніе о выкупѣ собственными средствами, въ противномъ же случаѣ имѣніе поступало въ казну

лась; однако, министръ государственныхъ имуществъ предписалъ, въ февралѣ 1850 г. пріобрѣтать только помѣщичьи имѣнія, которыя смежны или чрезполосны съ землями казенныхъ селеній и которыя заключаютъ въ себѣ не болѣе 20 душъ [1]).

Въ теченіе времени съ 1838 по 1855 г. было всего пріобрѣтено въ казну въ Великороссіи 178 имѣній, съ населеніемъ 54,349 душъ муж. пола, за сумму въ 8.735,872 руб. Крестьянамъ этихъ имѣній, при поступленіи въ вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ, были оставляемы земли, которыми они пользовались во время помѣщичьяго владѣнія, и, кромѣ того, въ имѣніяхъ малоземельныхъ они получали и господскія угодья; ихъ облагали особыми сборами на возмѣщеніе по банковымъ правиламъ суммъ, употребленныхъ казною на покупку имѣній [2]). Сколько было пріобрѣтено населенныхъ имѣній въ западныхъ губерніяхъ Россіи, намъ неизвѣстно.

Если мы сопоставимъ требованія, высказанныя разными комитетами, членами администраціи и частными лицами относительно ограниченія крѣпостнаго права, съ тѣмъ, что было дѣйствительно сдѣлано съ этою цѣлью въ царствованіе императора Николая, то мы увидимъ, что ограниченіе крѣпостнаго права за эту эпоху подвинулось впередъ весьма мало, не говоря уже, разумѣется, объ освобожденіи крѣпостныхъ, необходимость котораго стало все болѣе и болѣе сознавать наше общество, но о которомъ правительство боялось и подумать. Мы видѣли, до какой степени назрѣлъ вопросъ о запрещеніи продажи крѣпостныхъ безъ земли, но полнаго ея запрещенія не послѣдовало, и только не позволено было разлучать при этомъ членовъ семейства, запрещено принимать крѣпостныхъ безъ земли въ обезпеченіе и удовлетвореніе частныхъ долговъ и покупать ихъ безъ земли иначе, какъ съ приписною къ населеннымъ имѣніямъ. Повинности крестьянъ были точно опредѣлены только въ Юго-западномъ краѣ. Для устройства быта дворовыхъ не было принято никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, такъ какъ указы 1844 г. въ счетъ идти не могутъ; относительно предоставленія крестьянамъ права собственности также ничего не было сдѣлано, такъ какъ указъ 3 марта 1848 г. былъ шагомъ не впередъ, а скорѣе назадъ. Размѣра выкупа, за который можно

---

[1]) Въ 1851 году также не было ассигновано суммы на покупку имѣній, но въ послѣдніе годы царствованія императора Николая деньги съ этою цѣлью, вѣроятно, ассигновались; это нужно думать, во-первыхъ, потому, что въ 1855 году послѣдовало высочайшее повелѣніе пріостановить покупку въ казну помѣщичьихъ имѣній („Обозрѣніе дѣятельности Мин. Гос. Им. по завѣдыванію государст. крестьянами съ 1838 по 1868 г." въ журналѣ „Сельское Хозяйство и Лѣсоводство" 1867 г. т. 94, стр. 37)

[2]) „Сельское Хозяйство и Лѣсоводство" 1867 г. т. 94, стр. 37. О пріобрѣтеніи въ казну населенныхъ имѣній см. Арх. М. Г. И. „Дѣло V Отд. Соб. Е. В. Канц. № 967, ч. 24, 111—112, 277—280 и др. и дѣло I Департамента 1847 г. № 1636—119.

пріобрѣтать свободу, установлено не было. Распространеніе въ 1847 г. на всю Россію права выкупаться на свободу при продажѣ имѣній съ публичнаго торга было отмѣнено менѣе чѣмъ черезъ два года. Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, какъ мѣра необязательная, не принесъ почти никакихъ плодовъ. Освободилось, вслѣдствіе покупки имѣній въ казну, также незначительное число душъ. Такимъ образомъ, за исключеніемъ частныхъ, неполныхъ мѣръ относительно продажи безъ земли и ограниченія повинностей лишь въ одной мѣстности Россіи, не было сдѣлано ничего серьезнаго; но очень важно то, что въ николаевскую эпоху въ правительственныхъ сферахъ выработалось убѣжденіе въ необходимости надѣленія крестьянъ землею при уничтоженіи крѣпостнаго права.

Посмотримъ теперь, увеличивалось ли, или уменьшалось въ разсматриваемую эпоху количество крѣпостныхъ въ Россіи. При императорѣ Николаѣ, какъ и при Александрѣ I, населенныя имѣнія на полномъ крѣпостномъ правѣ въ пожалованіе не раздавались, и, слѣдовательно, уже болѣе не существовало важнаго источника увеличенія числа крѣпостныхъ крестьянъ. Напротивъ, мы видимъ цѣлый рядъ способовъ уменьшенія крѣпостнаго населенія Россіи. Законъ объ обязанныхъ крестьянахъ имѣлъ весьма ничтожные результаты: въ положеніе обязанныхъ перешло при императорѣ Николаѣ всего 24,708 душъ муж. пола. На основаніи указа 8 ноября 1847 г. выкупилось при продажѣ имѣній съ публичныхъ торговъ въ собственной Россіи еще того менѣе — всего 964 души муж. пола (о Грузіи, для которой собственно въ 1824 г. и изданъ былъ этотъ законъ, мы свѣдѣній не имѣемъ). На основаніи указа 1803 г. поступило въ царствованіе императора Николая въ свободные хлѣбопашцы 66,109 душъ муж. пола; куплено въ казну въ великороссійскихъ губерніяхъ въ 1838–55 гг. — 54,349 душъ муж. пола. Были, однако, еще другіе, болѣе важные по своимъ результатамъ, способы освобожденія: всѣ крѣпостные, взятые въ рекруты, дѣлались людьми свободными; всѣ крестьяне вымороч-ные и отсужденные въ казну поступали въ сословіе государственныхъ крестьянъ; не мало людей получало увольненіе изъ крѣпостнаго состоянія по отдѣльнымъ отпускнымъ; случалось, что правительство оставляло на мѣстѣ поселенія бѣглыхъ крѣпостныхъ зашедшихъ на нѣкоторыя окраины Россіи (въ Новороссію, Бессарабію и въ Закубанскія провинціи), давая имъ, такимъ образомъ, свободу и вознаграждая помѣщиковъ опредѣленною суммой [1]); въ западныхъ губерніяхъ, послѣ польскаго возстанія 1831 г., не мало имѣній было конфисковано. Въ результатѣ всего этого былъ тотъ въ высшей степени важный фактъ, что численное возрастаніе крѣпостнаго населенія Россіи въ эпоху императора Николая не только пріостановилось, но даже ревизіи стали обнаруживать постепенное, хотя

---

[1]) 2-е П. С. З. II, 1321, VII, 5252, XIII, 10924, XXIV, 23542, срав. IV, 2736

и весьма медленное, уменьшеніе количества крѣпостныхъ. По 5 ревизіи (въ 1794 — 96 гг.) въ Европейской Россіи и Сибири вмѣстѣ съ Остзейскимъ краемъ было крѣпостныхъ 9.789,680; по 6 ревизіи (1811 г.)— 10.416,813 [1]) (нужно припомнить обильныя пожалованія населенныхъ имѣній около 300,000 душъ муж. пола въ царствованіе императора Павла). Въ 8 ревизію (1835 г.) въ той же мѣстности было крѣпостныхъ 10.872,229 душъ муж. пола; слѣдовательно, замѣчается еще возростаніе, несмотря на то, что 416,013 душъ муж. пола (по 6 ревизіи) крѣпостныхъ Остзейскаго края получили въ царствованіе императора Александра I свободу. Но въ 9 ревизію (1851 г.) крѣпостныхъ было уже менѣе, чѣмъ во время восьмой, а именно: 10.708,856 душъ муж. пола [2]) (уменьшеніе на 1,5 %). Въ 10 ревизію (1859 г.) крѣпостныхъ Европейской Россіи и Сибири было 10.696,139 душъ муж. пола [3]), т. е. нѣсколько менѣе, чѣмъ во время 9 ревизіи.

---

[1]) *К. Германъ.* „Статистич. изслѣдованія относительно рос. имперіи". ч. I, Спб. 1819 г., стр. 147.

[2]) *Кеппенъ.* „Десятая ревизія", Спб. 1857 г., 199—200.

[3]) *Троинскій.* „Крѣпости. населеніе по 10-й народной переписи" Спб. 1861 г. стр. 45.

ГЛАВА XIX.

Борьба крѣпостныхъ съ помѣщичьею властью въ царствованіе императора Николая.—Жалобы на помѣщиковъ и вызываемыя ими разслѣдованія. Побѣги крѣпостныхъ.—Поджоги. Насилія надъ помѣщиками.—Покушенія на жизнь и убійства помѣщиковъ и управляющихъ. Волненія крѣпостныхъ крестьянъ.

Изучая роль правительства, общества и литературы въ ходѣ и развитіи крестьянскаго вопроса, слѣдя за постепенною подготовкою паденія крѣпостнаго права, нельзя упускать изъ виду еще одинъ важный факторъ, содѣйствовавшій усиленію мысли о необходимости эмансипаціи, а именно, отношеніе самихъ крестьянъ къ помѣщичьей власти. Если-бы они не выражали протеста противъ крѣпостнаго права и пассивно, и активно — самоубійствами, побѣгами, жалобами на помѣщиковъ, убійствами своихъ господъ и управляющихъ имѣніями, наконецъ открытымъ неповиновеніемъ помѣщичьей власти въ формѣ болѣе или менѣе значительныхъ волненій, то крѣпостное право могло-бы, пожалуй, просуществовать и долѣе 1861 г. Но нельзя сказать, чтобы крѣпостное населеніе Россіи пассивно сносило тяготѣвшій надъ нимъ гнетъ. Права, волненія крѣпостныхъ крестьянъ далеко не достигали въ царетвованіе ими. Николая такихъ серьезныхъ размѣровъ, какъ во время Пугачевщины — ежегодно проявляясь во многихъ губерніяхъ они почти всегда оставались совершенно разрозненными попытками, тѣмъ не менѣе, благодаря этимъ волненіямъ и инымъ формамъ протеста крѣпостныхъ, призракъ Пугачевщины вѣчно стоялъ въ глазахъ нашего дворянства и, какъ грозное пепелище пней, напоминалъ о необходимости покончить съ крѣпостнымъ правомъ въ интересахъ самихъ помѣщиковъ.

Жалобы крѣпостныхъ на помѣщиковъ были, въ царетвованіе императора Николая, попрежнему воспрещены, и за принесеніе такои жалобы они, на основаніи уложенія о наказаніяхъ 1845 г., подвергались тѣлесному наказанію. Несмотря на это, то министерства внутреннихъ дѣлъ,

а нерѣдко и до государя, ежегодно доходило извѣстное количество такихъ жалобъ. Такъ, въ 1828 г. жалобы крѣпостныхъ на помѣщиковъ и управляющихъ имѣніями поступили въ министерство внутреннихъ дѣлъ изъ 7 губерній, въ 1831 г. изъ 6. Въ 1836—1839 и 1841 гг. были жалобы помѣщичьихъ крестьянъ и на имя государя, и въ министерство внутреннихъ дѣлъ: важнѣйшія изъ нихъ, въ 1836 и 1839 гг., были отъ жителей владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ и заключали въ себѣ указанія на разныя притѣсненія и обремененіе излишними сборами. Въ 1840 г. въ министерство поступило отъ помѣщичьихъ крестьянъ только 3 жалобы, въ 1842 г. въ министерство 7, а всеподданнѣйшихъ 8. Въ отчетѣ министра внутреннихъ дѣлъ за 1842 г. указано, что въ этотъ годъ до мѣстныхъ властей дошло значительное число жалобъ крестьянъ на обременительность оброка и барщины, жестокое обращеніе и недостатокъ продовольствія, но, „по строгому изслѣдованію", жалобы эти оказывались „неосновательными": по словамъ министра, „означенныя неосновательныя жалобы на помѣщиковъ приносимы были преимущественно крестьянами смоленской губерніи, и замѣчательно, что для сего они являлись тамъ каждый разъ толпами отъ 15 до 40 человѣкъ въ губернскій городъ къ самому губернатору". Въ 1844 г., по свидѣтельству историка министерства внутреннихъ дѣлъ, поступило „очень много жалобъ отъ крестьянъ (помѣщичьихъ) въ министерство и нѣсколько всеподданнѣйшихъ" (онъ ссылается при этомъ на 46 дѣлъ министерства относительно жалобъ перваго разряда и 5 дѣлъ втораго разряда). Въ слѣдующемъ году онъ опять отмѣчаетъ: „поступило очень много жалобъ отъ крестьянъ на помѣщиковъ и управлявшихъ имѣніями" (44 дѣла) и „3 всеподданнѣйшія"; въ 1846 г. „чрезвычайно много жалобъ отъ крестьянъ на помѣщиковъ и управлявшихъ ихъ имѣніями въ министерство" (35 дѣлъ) „и одна всеподданнѣйшая": въ слѣдующемъ году опять рѣчь идетъ о „многочисленныхъ жалобахъ" въ министерство и государю (43 дѣла перваго разряда и 2 втораго). Въ 1848 г. „много" жалобъ отъ крестьянъ въ министерство (32 дѣла) и 4 государю; въ слѣдующемъ году „жалобъ отъ крестьянъ на помѣщиковъ поступило въ министерство опять очень много" (30 дѣлъ). Въ 1851 г. „жалобъ на помѣщиковъ и управлявшихъ имѣніями поступило снова много" (40 дѣлъ) и 2 поданы самому государю. Особенно значительное количество жалобъ подавали крестьяне смоленской губерніи, преимущественно мѣстнымъ властямъ, что обратило вниманіе высшаго правительства и имѣло слѣдствіемъ распоряженіе министерства по этому предмету. Въ слѣдующемъ году „жалобъ отъ крестьянъ государю подано около 20, а въ министерство болѣе 40" (14 дѣлъ перваго разряда и 31 втораго). Въ 1854 г. „поступали, какъ и прежде, но въ меньшемъ

количествѣ. жалобы отъ крестьянъ на помѣщиковъ въ министерство“ (18 дѣлъ) „и всеподданнѣйшія“ (2 дѣла) [1].

Жалобы крестьянъ и другія формы ихъ протеста противъ крѣпостнаго права вызывали разслѣдованія со стороны правительства и наложеніе опеки на помѣщиковъ, повинныхъ въ жестокостяхъ или разореніи своихъ крѣпостныхъ. Рескриптами государя министру внутреннихъ дѣлъ В. С. Ланскому 19 іюня и 6 сентября 1826 г. на уѣздныхъ предводителей дворянства была возложена обязанность „навѣдываться безъ огласки и безъ всякаго письменнаго производства объ обращеніи помѣщиковъ съ ихъ крестьянами“, а земскимъ исправникамъ было предписано сообщать уѣзднымъ предводителямъ дворянства о всѣхъ случаяхъ злоупотребленія помѣщичьею властью. Предводители дворянства обязывались въ подобныхъ случаяхъ удостовѣряться частнымъ образомъ въ правильности донесенія исправника, потомъ дѣлать помѣщикамъ внушенія, чтобы они измѣнили обращеніе съ крестьянами и если эти внушенія не увѣнчаются успѣхомъ, до доносить высшему начальству для дальнѣйшихъ распоряженій. Въ 1826 г. было взято въ опекунское управленіе по одному имѣнію въ 3 губерніяхъ. въ 1828 г. „злоупотребленія помѣщичьею властью преслѣдовались“ въ 3 губерніяхъ; въ слѣдующемъ году по тому же поводу были сдѣланы разслѣдованія въ 6 губерніяхъ, въ 1830 г. въ 5, въ 1831—въ 4 губерніяхъ, въ 1832 —въ 3, въ 1833—въ 2 имѣніяхъ калужской губерніи. Въ 1838 г. всего въ опекѣ состояло 140 дворянскихъ имѣній за жестокое обращеніе ихъ владѣльцевъ съ крѣпостными (и кромѣ того 63 такихъ же имѣнія за расточительность, распутство и мотовство). Въ 1840 г. состояло въ опекунскомъ управленіи, за жестокое обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами, 159 имѣній. Въ этомъ же году министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ о непомѣрно жестокомъ обращеніи съ крестьянами, въ продолженіе почти 25 лѣтъ, помѣщика климовецкаго уѣзда, Свацковскаго, который и былъ ими убитъ, причемъ министръ приписывалъ это событіе совершенному невниманію къ своимъ обязанностямъ или послабленію и потворству мѣстныхъ властей; по этому поводу, по повелѣнію государя, былъ сдѣланъ строгій выговоръ могилевскому гражданскому губернатору, тамошнему губернскому и климовецкому уѣздному предво-

[1] *Варадиновъ.* „Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ“, т. III, кн. 1, 4, [illegible] рубрики [illegible] „Матеріалы для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи“. Извлеченія изъ секретныхъ отчетовъ министерства внутреннихъ дѣлъ за 1836—56 гг., стр. 79—80. [illegible] губер. Винцѣ Ивановѣ (1846 г.). *Любавскій.* „Рус. уголов. процессы“ II, 378—390.

дителю дворянства, а военно-уѣздный начальникъ, земскій исправникъ и становой приставъ были преданы уголовному суду. О взысканіи этомъ было дано знать всѣмъ губернаторамъ и предводителямъ дворянства съ подтвержденіемъ „имѣть болѣе бдительное наблюденіе за образомъ управленія помѣщиками ихъ крестьянъ". Результатомъ этой мѣры было то, что въ 1841 г. разслѣдованіе относительно злоупотребленій помѣщичьею властью было произведено въ 13 губерніяхъ (18 случаевъ) и о взятіи имѣній въ опеку дѣла производились въ 6 губерніяхъ. Однако, довольно многочисленные случаи убійствъ крѣпостными помѣщиковъ и управляющихъ и покушенія на ихъ жизнь обратили вниманіе администраціи и, по словамъ отчета министра внутреннихъ дѣлъ за 1842 г., вызвали необходимость „приводить въ извѣстность.... побудительныя причины, особенно въ томъ отношеніи, не происходятъ ли онѣ отъ злоупотребленія помѣщичьей власти и не допускается ли въ семъ послѣднемъ случаѣ послабленіе помѣщикамъ со стороны мѣстнаго начальства". Поэтому, независимо отъ производства полиціей слѣдствій объ убійствѣ помѣщиковъ ихъ крѣпостными, государь повелѣлъ, чтобы въ такихъ случаяхъ каждый разъ было производимо особое разысканіе мѣстнымъ губернскимъ предводителемъ дворянства и жандармскимъ штабъ-офицеромъ для дознанія побудительныхъ причинъ этихъ преступленій, и чтобы слѣдствія препровождались на разсмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Но, по словамъ министра, „прежде еще означеннаго распоряженія, по доходившимъ до министерства внутреннихъ дѣлъ свѣдѣніямъ, видно было что примѣры жестокаго обращенія помѣщиковъ съ крестьянами... встрѣчались весьма нерѣдко, и что нѣкоторые предводители дворянства или вовсе не имѣли свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ сего рода, или не принимали противу оныхъ заблаговременно мѣръ, кои въ подробности указаны въ высочайшихъ рескриптахъ отъ 26 іюня и 6 сентября 1826 г.". Поэтому министерство внутреннихъ дѣлъ вновь напечатало эти секретные рескрипты и разослало ихъ ко всѣмъ предводителямъ дворянства съ строгимъ подтвержденіемъ исполнять изложенныя въ нихъ правила. Мѣра эта, по мнѣнію министра, имѣла желаемое дѣйствіе, и предводители дворянства, обративъ болѣе строгое вниманіе на помѣщиковъ, „начали чаще и благовременнѣе предлагать о необходимости наложенія опекъ на имѣнія ихъ и доводить вообще до свѣдѣнія правительства о поступкахъ ихъ съ крестьянами, въ ограждение себя .. отъ отвѣтственности". Въ 1843 г. производились дѣла о злоупотребленіи помѣщичьею властью въ 20 губерніяхъ (26 дѣлъ) и о наложеніи опекъ въ 5 губерніяхъ: въ 1845 г. злоупотребленія помѣщичьею властью разслѣдовались въ 14 губерніяхъ (27 случаевъ) и имѣнія взяты въ опеку въ 5 губерніяхъ (6 имѣній). Въ 1847 г. 4-мъ предводителямъ дворянства, которые допустили помѣщиковъ до злоупотребленій или не донесли о нихъ, сдѣланы

отъ имени государя строгіе выговоры, а 3 предводителя дворянства и 2 наиболѣе виновныхъ помѣщика преданы уголовному суду, о чемъ было доведено до свѣдѣнія всѣхъ предводителей дворянства. Въ 1851 г. обнаружено 12 случаевъ злоупотребленія помѣщичьею властью, и имѣнія этихъ помѣщиковъ взяты въ опеку, а сами они преданы суду. Всего въ этомъ году состояло въ опекунскомъ управленіи 200 имѣній за злоупотребленія помѣщичьею властью [1]), а въ 1852 -53 гг.—193 имѣнія съ населеніемъ 14,054 д. м. п. [2]). Такимъ образомъ, число имѣній, взятыхъ въ опеку за жестокое обращеніе съ крестьянами, значительно увеличилось съ 1838 г., когда ихъ было 140.

Мы видѣли выше, что правительству приходилось не разъ дѣлать выговоры предводителямъ дворянства и даже отдавать ихъ подъ судъ за недостаточно внимательное наблюденіе надъ отношеніемъ помѣщиковъ къ крестьянамъ. Бывали случаи, когда между центральною или мѣстною администраціею и тѣмъ или другимъ предводителемъ дворянства возникали пререканія по этому поводу. Вотъ что мы узнаемъ, напримѣръ, изъ неизданныхъ записокъ тульскаго губернскаго предводителя дворянства, Мяснова, сообщенныхъ намъ редакціею „Русской Старины“.

Въ 1846 г въ чернскомъ уѣздѣ, тульской губерніи, помѣщикъ Трубицынъ, семидесятилѣтній старикъ, по выраженію Мяснова: „самыхъ старинныхъ феодальныхъ понятій“, вслѣдствіе случившагося въ его имѣніи воровства, употребилъ пытку надъ подозрѣваемыми имъ людьми [3]). Обстоятельство это черезъ Третье Отдѣленіе дошло до свѣдѣнія государя, и императоръ Николай повелѣлъ: помѣщика Трубицына предать *военному* суду [4]), чернскаго уѣзднаго предводителя — уголовному, а губернскому предводителю (Мяснову) сдѣлать строгій выговоръ. Отъ себя министръ внутреннихъ дѣлъ подтвердилъ предводителямъ дворянства, чтобы они неослабно наблюдали за обращеніемъ помѣщиковъ съ крѣпостными, и при этомъ прибавилъ, что онъ поставилъ правиломъ

[1]) Изъ нихъ въ костромской 15, въ смоленской 13, полтавской и владимірской по 11, тамбовской 10, виленской и московской по 8, петербургской, тверской и черниговской по 7, волынской, курской, новгородской, саратовской и ярославской по 6, кіевской, минской и симбирской по 5 и пр.

[2]) *Варадинова*, ч. III, кн 1—4; „Матер. для истор крѣпостн. права“, 48 49, 83—85, 169, 250.

[3]) См. изложеніе дѣла о Трубицынѣ въ книгѣ *Любавскаго* „Русскіе уголовные процессы“, т. II, 321—330

[4]) Военный судъ приговорилъ Трубицына за истязаніе двухъ крестьянъ вѣшаніемъ ихъ за пальцы лишить всѣхъ особенно, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и сослать на житье въ иркутскую губернію, съ заключеніемъ тамъ на 4 года и съ воспрещеніемъ выѣзда въ другія сибирскія губерніи въ продолженіе 12 лѣтъ. Но до составленія окончательнаго приговора Трубицынъ умеръ. *Любавскій* II, 330.

тогда только считать предводителей виновными, когда до нихъ доходили жалобы отъ крѣпостныхъ на помѣщиковъ, но они не принимали никакихъ дѣятельныхъ мѣръ. Доводя до свѣдѣнія предводителей предписаніе министра, Мясновъ позволилъ себѣ комментировать его секретнымъ циркулярнымъ отношеніемъ, въ которомъ просилъ предводителей „никогда ни словесныхъ, ни письменныхъ жалобъ отъ людей на помѣщиковъ отнюдь не принимать, ибо таковыя жалобы, очень рѣдко основательныя, могутъ только распространять въ народѣ неуваженіе къ законнымъ властямъ и въ то же время укоренять и потворствовать врожденной ихъ лѣности. Въ предупрежденіе же событій, подобныхъ настоящему, равно какъ и отягощенія крѣпостныхъ людей", продолжалъ Мясновъ, обращаясь къ предводителямъ, „вамъ, милостивый государь, какъ хозяину въ уѣздѣ, помѣщики и бытъ ихъ должны быть извѣстны, и если у кого изнуряются крестьяне несоразмѣрными работами при непропорціональныхъ запашкахъ или различными денежными штрафами за малозначительныя упущенія, такъ что у цѣлыхъ семействъ нѣтъ ни овцы, ни курицы, и ветхое жилище, и огорожа двора едва держится, таковыхъ помѣщиковъ (вамъ извѣстныхъ) не оставляйте, на основаніи высочайшаго рескрипта дѣйств. тайн. сов. Ланскому, въ руководство у васъ находящагося, неукоснительно прилывать къ себѣ секретно отъ всѣхъ и внушать имъ должное съ подданными обращеніе, поступая дальнѣйше по указанію того же рескрипта". Циркуляръ этотъ Мясновъ довелъ и до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, причемъ въ письмѣ къ нему писалъ: „И долгомъ почитаю донести въ откровенности, что мѣры, принимаемыя правительствомъ въ огражденіе личности крѣпостныхъ людей, поставляютъ предводителей въ совершенно фальшивое положеніе: г. Трубицынъ, составляющій рѣдкое исключеніе въ губерніи нашей, по мнѣнію моему, поступками своими ничего не доказываетъ противъ помѣщичьихъ правъ. Г. Трубицынъ равно преслѣдовалъ свою мать, сестеръ и кого попало; уголовныя дѣла о немъ продолжаются и восходили до правительствующаго сената въ теченіи болѣе 16 лѣтъ; то въ сферѣ ли предводительскихъ обязанностей наблюденіе за такимъ господиномъ? Что же касается до общаго дѣла, то я убѣжденъ, что власть помѣщичья, составляя самое надежное орудіе государственной полиціи..., будетъ необходима даже при свободномъ состояніи крестьянъ. Чадолюбивая мать бываетъ вынуждена наказывать своихъ дѣтей.—есть ли средство опредѣлить для нея закономъ мѣру наказанія? Народъ нашъ еще не созрѣлъ до чувствованія законности и справедливости, и я думаю, что въ *настоящее время защита помѣщичьей власти по самому человѣколюбію болѣе нужна* (!), *нежели защищеніе нѣкоторыхъ рѣдкихъ индивидуумовъ* (sic) *отъ притѣсненій и истязаній, тоже рѣдкихъ въ нынѣшнее время, помѣщиковъ, подобныхъ Трубицыну.* У меня въ рукахъ теперь, продол-

жаетъ Мясновъ, „множество дѣлъ по жалобамъ людей и крестьянъ: жалуются на земскую полицію, которая, по ихъ мнѣнію, напрасно ихъ наказала, жалуются на опекуновъ, а опекуны суть уже чиновники, и просятъ ихъ смѣнить: почему послѣ этого не ожидать требованій перемѣны исправниковъ, губернаторовъ, министровъ? и куда поведутъ жалобы неразумнаго народа, часто оставляющаго полевыя работы въ самое не терпящее время и шатающагося большими партіями по уѣзднымъ и губернскимъ городамъ съ просьбами, написанными безъименными ябедниками за штофъ вина!“ Въ заключеніе письма къ министру Мясновъ говоритъ: „на основаніи этихъ личныхъ моихъ убѣжденій я осмѣлился, нѣсколько уклониться отъ смысла предписанія вашего“.

Перовскій отвѣчалъ на это письмо и прежде всего замѣтилъ, что „случаи, о коихъ идетъ рѣчь въ настоящей перепискѣ.., къ сожалѣнію, въ общей сложности по имперіи не совсѣмъ рѣдки“, и что, какъ видно изъ циркуляра самого Мясова, встрѣчаются помѣщики, разоряющіе крестьянъ. Затѣмъ Перовскій продолжаетъ: „Противъ правъ помѣщиковъ и законной власти ихъ поступки г. Трубицына, конечно, ничего не доказываютъ, и о нарушеніи или стѣсненіи ихъ доселѣ не было и рѣчи; но помянутые поступки доказываютъ, что власть и права эти могутъ быть употреблены во зло, и въ такихъ случаяхъ правительство обязано вмѣшаться такъ же точно, какъ оно вмѣшивается, если родительская власть... бываетъ употреблена во зло. Посему я и не могу согласиться на то, чтобы защита помѣщичьей власти была полезнѣе защиты правъ личности крестьянъ; я полагаю, что то и другое одинаково необходимо, и что соблюденіе одного нисколько не нарушаетъ другаго: власть и права остаются неприкосновенными, но злоупотребленія не должны быть терпимы“.

Основываясь на словахъ министра, что „поступки Трубицына ничего не доказываютъ противъ помѣщичьей власти“, Мясновъ сталъ ходатаистовать за преданнаго уголовному суду чернскаго уѣзднаго предводителя, и хлопоты его увѣнчались успѣхомъ: министръ далъ знать, что государь повелѣлъ „мѣру виновности предводителя чернскаго обсудить въ тульскомъ депутатскомъ собраніи“. Если такъ усердно защищалъ помѣщичью власть Мясновъ, который участвовалъ въ составленіи проекта тульскихъ дворянъ 1844—47 гг. относительно освобожденія крѣпостныхъ (см. гл. VIII) то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что извѣстный крѣпостникъ, смоленскій губернскій предводитель дворянства, кн. Друцкой-Соколинскій, былъ въ высшей степени раздраженъ защитою, которую оказывалъ смоленскій губернаторъ помѣщичьимъ крестьянамъ этой мѣстности. (См. ниже).

Между тѣмъ какъ одни крѣпостные пытались улучшить свое печаль-

ное положеніе посредствомъ жалобъ начальству, другіе предпочитали спасаться бѣгствомъ отъ помѣщичьей власти. Крѣпостные крестьяне бѣжали въ значительномъ количествѣ въ Новороссію, Бессарабію и Закубанскія провинціи, и правительство оставляло на мѣстѣ бѣглыхъ, поселившихся тамъ до извѣстнаго срока, съ вознагражденіемъ помѣщиковъ опредѣленною суммою. Это, въ свою очередь, могло вызывать новые побѣги. Въ 1832 году обнаружилось бѣгство крестьянъ, въ значительномъ количествѣ, изъ саратовской губерніи и Земли Войска Донскаго на Кавказскую линію, вслѣдствіе распространившихся слуховъ, будто правительство разрѣшаетъ всѣмъ сословіямъ переходить на жительство въ Кавказскую область для поступленія въ тамошнія казацкія общества. Вѣроятно, слухи эти были вызваны разрѣшеніемъ въ 1832 г., для болѣе успѣшнаго заселенія сѣверовосточныхъ береговъ Чернаго моря, возворять въ этомъ краѣ людей, приходящихъ туда безъ надлежащихъ видовъ; хотя впослѣдствіи такое дозволеніе было отмѣнено, но многіе бѣглые успѣли приписаться въ окрестностяхъ Анапы, и слухи о томъ манили къ побѣгамъ другихъ крестьянъ. Такъ, въ 1834 г., въ воронежской губерніи, нѣкоторые помѣщичьи крестьяне вслѣдствіе слуховъ, будто сдѣланъ вызовъ на поселеніе возлѣ Анапы, бросились туда цѣлыми партіями, но были остановлены и возворены на старомъ мѣстѣ. Однако, черезъ три года движеніе возобновилось. Весною 1837 года нѣкоторые крестьяне, успѣвшіе приписаться въ окрестностяхъ Анапы, явились въ мѣста прежняго жительства, т. е. во внутреннія губерніи Россіи, и особенно въ воронежскую, и стали подговаривать тамошнихъ крестьянъ переселиться въ Анапу. Вслѣдствіе этого многіе крѣпостные крестьяне пожелали приписки за Кубанью освободиться отъ помѣщичьей власти, и начались побѣги и безпорядки, угрожавшіе разореніемъ помѣщичьимъ имѣніямъ. Правительство нашло нужнымъ принять строгія и рѣшительныя мѣры: крестьянамъ было объявлено, что приписка въ Анапѣ бродягъ окончательно воспрещена; явившіеся оттуда поселенцы, для подговора крестьянъ къ побѣгу, были задержаны и строго наказаны; крестьянамъ, водворившимся близъ Анапы, воспрещены были оттуда всякія отлучки, и, наконецъ, помѣщичьи крестьяне, уже бѣжавшіе въ значительномъ количествѣ, были остановлены и возвращены на прежнія мѣста. Для этого, между прочимъ, былъ, по высочайшему повелѣнію, командированъ въ Землю Войска Донскаго флигель-адъютантъ гр. Орловъ-Денисовъ и учреждена на границахъ войска стража изъ казачьихъ командъ. Изъ бѣжавшихъ было задержано въ Землѣ Войска Донскаго однихъ воронежскихъ крестьянъ около 900, а въ Черноморіи около 250, а также возвращены на прежнее мѣсто жительства зашедшіе прежде на Кубань, но не успѣвшіе тамъ водвориться бѣглые помѣщичьи крестьяне,

а за водворенныхъ уже гамъ было назначено выдавать владѣльцамъ опредѣленное вознагражденіе [1]).

Въ 1839 г дворянство херсонской губерніи ходатайствовало о принятіи мѣръ для предупрежденія побѣговъ помѣщичьихъ крестьянъ этой губерніи въ Бессарабію, происходящихъ, по мнѣнію дворянства, оттого, что бродяги находятъ возможность приписываться во многихъ городахъ и казенныхъ селеніяхъ Бессарабіи и, отыскавъ такимъ образомъ для себя пріютъ являются тайно въ имѣнія своихъ прежнихъ помѣщиковъ и выводятъ оттуда свои семейства, стараясь привлечь въ мѣста новаго поселенія и другихъ товарищей. Вслѣдствіе этого былъ изданъ указъ о задержаніи бѣглецовъ, являющихся на прежнее мѣсто жительства для подговора другихъ крестьянъ къ побѣгу, о наказаніи ихъ въ гѣхъ деревняхъ, гдѣ они подговаривали крестьянъ, и затѣмъ отдачѣ ихъ въ солдаты въ арестантскія роты, или къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе [2]). Въ 1840 г обнаружилось, что значительное число бѣжавшихъ изъ пограничныхъ помѣщичьихъ имѣній подольской и волынской губерній крестьянъ укрывается съ давняго времени въ Галиціи и, часто являясь оттуда въ прежнія мѣста жительства, подговариваютъ и увлекаютъ къ побѣгу свои семейства и другихъ крестьянъ той же вотчины. По этому поводу правительство наше вошло въ сношеніе съ австрійскимъ, вслѣдствіе чего большая часть бѣглыхъ была возвращена въ Россію, и вмѣстѣ съ тѣмъ австрійское правительство предписало, чтобы безпаспортные русскіе подданные ни подъ какимъ видомъ не были допускаемы и терпимы въ австрійскихъ владѣніяхъ.

Въ 1841 году обнаружились значительные побѣги помѣщичьихъ крестьянъ изъ бѣлицкаго уѣзда могилевской губерніи. Обманутые молвою о томъ, будто изданъ манифестъ о дарованіи свободы и надѣленіи землею тѣхъ крѣпостныхъ, которые явятся въ Новороссійскій край, Бессарабію или Молдавію, крестьяне нѣкоторыхъ помѣщиковъ названнаго уѣзда вдругъ начали покидать свои жилища и съ семействами и всѣмъ движимымъ имуществомъ толпами уходить въ южный край. Принятыми правительствомъ мѣрами это движеніе было остановлено и бѣжавшіе, число которыхъ доходило до 1.000 душъ обоего пола, почти всѣ возвращены или возвратились сами въ свои дома. Для открытія виновныхъ въ распространеніи ложныхъ слуховъ была учреждена особая слѣдственная коммиссія, и государь повелѣлъ виновныхъ въ подговорѣ крестьянъ къ побѣгу предавать военному суду. Подобные побѣги возникали въ томъ же году и въ губерніяхъ: харьковской, екатеринославской, херсонской,

[1]) *Вараднновъ* ч. III, кн. 1, стр. 137, 606. „Мат. для истор. крѣп. права", 18—19, 2-е П. С. З. XIII. 10924.

[2]) 2-е П. С. З. XIV, 12363.

кіевской и подольской, однако, въ меньшей степени, чѣмъ въ могилевской; число бѣжавшихъ изъ первыхъ двухъ губерній доходило до 200—250. Поводъ къ бѣгству былъ тотъ же, но въ екатеринославской губерніи администрація додумалась и до истинной причины: стѣсненное положеніе и отягощеніе крестьянъ нѣкоторыми владѣльцами. Бѣглецы были задержаны на пути.

Въ 1845 году въ славяносербскомъ уѣздѣ екатеринославской губерніи и въ нѣкоторыхъ округахъ Земли Войска Донскаго опять распространились слухи о свободной приписке бѣглецовъ на Кавказской линіи и въ крѣпости Анапѣ. Главнымъ распространителемъ этихъ слуховъ былъ одинъ отставной унтеръ-офицеръ, который, выдавая себя за казака, объявлялъ крестьянамъ, что онъ присланъ отъ правительства отпускать ихъ на волю и что у него есть на то царскій указъ, на основаніи котораго они, прибывъ на Кавказъ, немедленно получатъ по парѣ воловъ, по двѣ коровы, по 100 руб. сер. и земли вволю. Помѣщичьи крестьяне названныхъ мѣстностей цѣлыми толпами устремились на Кавказскую линію, оставя свои семейства и имущества; но большая часть бѣглецовъ была задержана на дорогѣ и водворена на прежнемъ мѣстѣ жительства, а многіе возвратились сами.

Въ 1847 году, также вслѣдствіе желанія освободиться отъ помѣщичьей власти, возникли побѣги крестьянъ въ саратовской, курской и воронежской губерніяхъ, а поводомъ къ этому послужили опять ложные слухи. Въ январѣ 1847 г. было обнародовано высочайше утвержденное положеніе о заселеніи сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря, на основаніи котораго приглашались селиться въ этомъ краѣ люди свободныхъ состояній съ предоставленіемъ имъ разныхъ льготъ. Это вызвало толки, что правительство приглашаетъ помѣщичьихъ крестьянъ селиться на Кавказѣ съ предоставленіемъ имъ тамъ свободы и земель. Многіе изъ крѣпостныхъ названныхъ трехъ губерній продали за безцѣнокъ свое имущество и цѣлыми семействами, а въ иныхъ мѣстахъ даже цѣлыми селеніями, отправились на Кавказъ. Такимъ образомъ изъ трехъ губерній бѣжало до 1,300 человѣкъ, но изъ числа ихъ было скоро задержано на пути болѣе 900, а вслѣдъ за тѣмъ около 100 человѣкъ сами возвратились на прежнія мѣста. Это остановило другихъ, особенно въ курской губерніи, гдѣ крестьяне приготовились къ побѣгу изъ 46 помѣщичьихъ имѣній съ населеніемъ до 20.000 душъ. Въ курской губерніи бѣжавшіе крестьяне, при задержаніи ихъ воинскою командою, оказали сильное упорство, даже выхватили ружья у солдатъ и перевязали полицейскихъ чиновниковъ, но вскорѣ были усмирены. При этомъ было найдено и арестовано 26 распространителей ложныхъ слуховъ и 11 человѣкъ, выдававшихъ крестьянамъ за деньги фальшивые паспорты. Въ воронежской губерніи были по примѣру прежнихъ лѣтъ, найдены бѣжавшіе оттуда и

поселившіеся въ окрестностяхъ Анапы помѣщичьи крестьяне, которые, имѣя законные виды отъ анапскаго правленія и остановясь у родственниковъ или знакомыхъ, распускали слухи о правѣ крестьянъ переселяться въ окрестности Анапы и о многихъ льготахъ, ожидающихъ тамъ поселенцевъ. Въ виду этого сдѣлано было распоряженіе, чтобы бѣглецамъ, которые, на основаніи прежняго постановленія, водворились за Кубанью и вообще по Черноморской береговой линіи, отнюдь не были выдаваемы виды для отлучки во внутреннія губерніи [1]).

Такъ какъ жалобы крѣпостныхъ рѣдко приводили къ улучшенію ихъ печальнаго положенія, то они прибѣгали къ инымъ формамъ протеста противъ гнетущей ихъ власти. Таковы были, во первыхъ, поджоги. Изучая статистику сосланныхъ въ Сибирь за это преступленіе съ 1838 по 1847 г., С. В. Максимовъ замѣтилъ, что чаще другихъ поджоги случались въ тѣхъ губерніяхъ, которыя были гуще населены крѣпостными и могли быть названы по преимуществу помѣщичьими. Напротивъ, почти вовсе не оказывалось ссылаемыхъ за поджогъ въ сѣверныхъ губерніяхъ (архангельской, олонецкой), гдѣ не было или почти не было крѣпостнаго права, и въ тѣхъ, гдѣ избытокъ населенія принадлежалъ казеннымъ крестьянамъ, казакамъ или инородцамъ [2]). Кромѣ мести притѣснителямъ, поджигатели руководились при этомъ иногда и желаніемъ облегчить себѣ, такимъ образомъ, достиженіе свободы на основаніи весьма оригинальныхъ соображеній: такъ, въ 1845 г., въ костромской губерніи, 14-ти-лѣтняя дворовая дѣвушка, вмѣстѣ со своею матерью, подожгла скотный дворъ и другія принадлежащія ихъ помѣщицамъ строенія въ надеждѣ, что когда они выжгутъ усадьбу, то ихъ госпожи, нуждаясь въ деньгахъ, отпустятъ ихъ на волю за умѣренную плату [3]).

Раздраженіе крѣпостныхъ противъ ихъ господъ выражалось иногда и тѣмъ, что, бросаясь на нихъ, они наносили имъ раны или просто колотили ихъ. Иногда и въ этихъ случаяхъ главнымъ побужденіемъ было непреодолимое стремленіе къ свободѣ: такъ въ 1841 г., въ клинскомъ уѣздѣ московской губерніи, помѣщикъ Смирновъ былъ избитъ своими дворовыми, „которые домогались отъ него подъ клятвою отпуска ихъ на волю“ [4]). Иногда мщеніе крестьянъ выражалось въ формѣ для помѣщиковъ особенно оскорбительной, а именно, крѣпостные подвергали ихъ *тѣлесному наказанію*. До свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ дошло нѣсколько такихъ случаевъ: такъ, въ 1840 г., крестьяне новгородской

---

[1]) „Матер. для истор. крѣпостн. права“, стр. 55—56, 69—70, 103—104, 138—139, 174—176. *Варадиновъ* ч. III, кн. 4, стр. 58.

[2]) „Сибирь и каторга“, ч. II, Спб. 1871 г. стр. 188.

[3]) „Мат. для ист. крѣп. права“, стр. 132.

[4]) Ibid, стр. 65.

губерніи высѣкли батогами своего владѣльца, помѣщика Головина. Въ 1843 г. дворовые капитана Шлихтинга высѣкли своего господина розгами, заставивъ его притомъ дать подписку объ отпускѣ ихъ всѣхъ на волю. Въ 1848 г. трое дворовыхъ пензенской помѣщицы кн. Никѣевой, придя въ комнату ея мужа, нанесли ему около 20 ударовъ арапникомъ, въ чемъ сами сознались, добровольно явясь въ полицію и объяснивъ, что причиною этого было жестокое обращеніе съ ними кн. Никѣева, и просили отдать ихъ въ военную службу. По той же причинѣ четверо дворовыхъ малоархангельскаго помѣщика Акатова высѣкли ременнымъ арапникомъ своего господина и также добровольно заявили объ этомъ жандармскому штабъ-офицеру. Около этого времени такой же непріятный казусъ случился съ однимъ лицомъ, весьма виднымъ по своему богатству и служебному положенію. Вотъ что гласятъ объ этомъ оффиціальные источники: „Во время бытности полтавскаго помѣщика, камергера и статскаго совѣтника Базилевскаго въ своемъ имѣніи въ хорольскомъ уѣздѣ, шестеро крестьянъ его ночью вошли къ нему въ комнату и высѣкли его розгами, вынудивъ дать имъ клятву и росписку, что онъ мстить имъ не будетъ. Происшествіе это сдѣлалось, однако, гласнымъ, почему и назначено было о немъ, независимо отъ полицейскаго, особое слѣдствіе чрезъ предводителя дворянства и жандармскаго штабъ-офицера. При допросахъ преступники показали, что они ожесточены были на своего владѣльца за строгія наказанія ихъ за малые проступки и даже безвинно, почему и условились наказать его. Однако-жъ, по слѣдствію жестокое обращеніе Базилевскаго съ крѣпостными людьми не подтвердилось". Зная подкупность тогдашней администраціи, мы можемъ не придавать значенія послѣднему заявленію: крестьянамъ, высѣкшимъ господина, предстояло за это слишкомъ тяжелое наказаніе, чтобы они стали жертвовать собою изъ-за пустяка. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ-же казусѣ одинъ современникъ, которому не было надобности скрывать истину: „Переѣзжая С.-Готаръ, я взялъ въ одной гостинницѣ трактирную книгу; въ ней большими буквами стояла русская фамилія. Подъ нею другой путешественникъ написалъ мелкимъ шрифтомъ по-французски: „Тотъ самый, котораго дворовые высѣкли". Эта непріятность случилась съ однимъ камергеромъ, извѣстнымъ богачемъ и негодяемъ. Въ 1850 г. онъ жилъ въ своемъ малороссійскомъ имѣніи. Крестьяне и дворовые, выведенные изъ терпѣнія, рѣшились проучить его. Они его высѣкли и взяли... росписку, что онъ будетъ молчать. Прошло нѣсколько времени, испуганный камергеръ, казалось присмирѣлъ, но вдругъ поставилъ въ рекруты молодаго малаго, оказавшагося особенно усернымъ во время наказанія. Когда рекруту забрили лобъ, онъ сказалъ предсѣдателю, что баринъ его отдалъ въ солдаты за то, что онъ его больно сѣкъ, въ удостовѣреніе чего рекрутъ вытащилъ изъ-за пазухи камергорскую рос-

писку. Документъ этотъ до того поразилъ присутствующихъ, что они не догадались ни уничтожить его, ни уничтожить рекрута, ни даже продать росписку камергеру. Они сгоряча представили „казусъ сей“ на усмотрѣніе министру внутреннихъ дѣлъ. По и тотъ призадумался: случаи о сѣченныхъ камергерахъ рѣшительно не былъ предвидѣнъ Сводомъ Законовъ. Министръ доложилъ государю“. Камергера терпѣли на службѣ, „пока онъ сѣкъ“, но выгнали изъ нея „за то, что его сѣкли. Москвичи, ѣздившіе толпами къ нему на балы, зная его гнусное поведеніе, оставили его, узнавъ объ исправительной мѣрѣ, употребленной дворовыми. Камергеръ обидѣлся, сталъ жаловаться, чуть не сдѣлался недовольнымъ. Государь велѣлъ ему ѣхать за границу и не возвращаться безъ особаго приказа“ [1]).

До свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ не дошло ни одного случая тѣлеснаго наказанія помѣщиковъ въ послѣднія пять лѣтъ царствованія имп. Николая, но что имъ приходилось тогда не разъ подвергаться такимъ непріятностямъ, доказываетъ свидѣтельство Ю. Самарина въ его запискѣ „О крѣпостномъ состояніи“, составленной въ 1854—56 гг. „По частнымъ но достовѣрнымъ свѣдѣніямъ“, говоритъ авторъ, „въ послѣдніе годы въ нѣкоторыхъ подмосковныхъ губерніяхъ, тульской, рязанской, тверской, крестьяне стали довольно часто подвергать своихъ помѣщиковъ *тѣлеснымъ исправительнымъ наказаніямъ*, чего прежде не бывало. Едва ли это не самый вѣрный признакъ паденія нравственнаго авторитета помѣщичьей власти“ [2]).

Покушенія на убійство помѣщиковъ и помѣщицъ, по свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ 1836—54 гг. было 75. Въ 1837 г. не было ни одного покушенія, а въ остальныя 18 лѣтъ ихъ количество колебалось ежегодно между 1 и 7; въ среднемъ же равнялось 4 покушеніямъ въ годъ (покушенія на жизнь управителей имѣній извѣстно за это время всего 2). Въ 1849 г. калужскій помѣщикъ Рахмановъ и его жена были отравлены мышьякомъ, но скорая медицинская помощь спасла ихъ отъ смерти. Преступленіе это было совершено 17-ти-лѣтнимъ дворовымъ мальчикомъ, который сознался, что по смерти своего владѣльца онъ надѣялся сдѣлаться свободнѣе, и что съ этою мыслію онъ боролся около 2 лѣтъ. Въ 1843 г. саратовскій помѣщикъ Колюпановъ заподозрилъ ядъ въ поданномъ ему кушаньѣ, которое онъ уже отвѣдалъ, и приказалъ повару доѣсть его; помѣщикъ остался живъ, а поваръ умеръ [1]).

Убійствъ крѣпостными людьми ихъ господъ было совершено въ 1835—54 гг., по свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, 114, слѣ-

---

[1]) „Матер. для истор. крѣп. права“, стр. 48, 103, 200, 242—243; Сочиненія Герцена V, 246—247.

[2]) Сочиненія Самарина II, 66.

[3]) „Матер. для истор. крѣп. права“, стр. 102, 241—42 и др.

довательно среднимъ числомъ по 7 въ годъ [1]) (убійствъ управляющихъ за это время было 29). Число убійствъ помѣщиковъ колебалось между 1 и 15 въ годъ: въ 1843 г. было 11 такихъ случаевъ. въ 1837 и 1840 гг. по 12 и въ 1842—15. Отмѣтимъ слѣдующій случай, въ которомъ сказывается ненависть къ помѣщичьей власти вообще. Двое дворовыхъ помѣщика могилевской губерніи Лесневскаго, раздраженные наказаніемъ розгами ихъ двоюроднаго брата и „руководимые вообще издавна замѣченнымъ нерасположеніемъ и даже ненавистью къ помѣщичьей власти", убили эконома, въ присутствіи котораго производилось наказаніе, и пытались убить и самого владѣльца, но до этого ихъ не допустили. Тогда „немедля и безотчетно" они бросились въ два сосѣднія имѣнія, гдѣ и умертвили тамошнихъ помѣщиковъ и ихъ женъ и ранили 8 человѣкъ дворянъ [2]).

Въ ряду причинъ, вызывавшихъ убійства, покушенія на жизнь, нанесеніе ранъ или побоевъ помѣщикамъ и ихъ управляющимъ, первое мѣсто занимаетъ крайняя требовательность этихъ лицъ. Такъ, напримѣръ, тульскій помѣщикъ Карцовъ былъ убитъ въ 1848 г. своими крѣпостными вслѣдствіе того, что онъ совершенно разорилъ ихъ, такъ что третья часть ихъ разбѣжалась. Нерѣдко убійство или покушеніе на него вызывалось страхомъ предстоящаго наказанія или желаніемъ отомстить за наказаніе, уже совершившееся Довольно видную причину мести крѣпостныхъ составляетъ также развратъ помѣщиковъ: такъ. напримѣръ, въ 1846 г. дворянинъ Хитрово былъ убитъ крѣпостными женщинами, „ожесточенными вынужденіемъ ихъ къ преступной съ нимъ связи"; не мало было и другихъ убійствъ по тому же поводу. Въ числѣ иныхъ причинъ, вызывавшихъ указанныя формы протеста крѣпостныхъ, встрѣчаемъ еще: отдачу въ рекруты или ожиданіе этого, введеніе общественной запашки, опасеніе переселенія, насильственное возвращеніе изъ бѣговъ, желаніе избавиться отъ услуженія въ господскомъ домѣ, желаніе получить свободу и проч. Администрація нерѣдко считала побудительными причинами дурное поведеніе крѣпостныхъ или корыстныя цѣли.

Способами убійствъ были: удушеніе, зарѣзаніе, выстрѣлъ изъ ружья: въ 1840 г. ярославскій помѣщикъ Щепочкинъ былъ даже взорванъ во время сна порохомъ, подложеннымъ подъ спальню дворовыми людьми, которые рѣшились на это вслѣдствіе притѣсненій со стороны господина [3]).

---

[1]) Здѣсь указано количество убійствъ, число же убитыхъ нѣсколько болѣе, такъ какъ иногда, хотя и рѣдко, было сразу убито болѣе одного лица.

[2]) Преступники, по приговору военнаго суда, были такъ жестоко наказаны шпицрутенами, что одинъ изъ нихъ во время самаго наказанія, а другой черезъ нѣсколько часовъ умерли; тѣла ихъ были оставлены на эшафотѣ въ продолженіе сутокъ. „Мат. для ист. крѣп. права", 168—169.

[3]) „Мат. для ист. крѣп. права", разныя. Срави. *Любавскій*, „Рус. уголов. процессы". II, 369—375, 390—394.

Въ теченіе 9 лѣтъ (съ 1835 по 1843 г.) было всего сослано въ Сибирь крѣпостныхъ за убійство помѣщиковъ 298 мущинъ и 118 женщинъ, итого 416 человѣкъ: наибольшее число преступниковъ было въ губерніяхъ саратовской, симбирской, владимірской, полтавской, костромской, витебской, екатеринославской, курской, воронежской, пензенской и харьковской [1]).

Начало каждаго новаго царствованія, съ половины XVIII вѣка, обыкновенно ознаменовывалось болѣе или менѣе значительными волненіями среди крѣпостныхъ крестьянъ, которыя нерѣдко вызывались слухами о предстоящемъ измѣненіи ихъ быта; то же въ извѣстной степени повторилось и со вступленіемъ на престолъ императора Николая. Въ 1826 г. въ вологодской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ распространились между крѣпостными крестьянами вѣсти, будто они будутъ взяты въ казну [2]). По всей южной половинѣ кіевской губерніи пронесся слухъ, что священники получили указы, въ которыхъ имъ повелѣвалось покончить исповѣдь прихожанъ къ великому четвергу и освятить въ этотъ день пасхи, потому что на свѣтлый праздникъ всѣ церкви должны быть запечатаны и всѣ крестьяне отъ мала до велика обязаны идти истреблять пановъ. Въ Уманьщинѣ разсказывали о появленіи сына Гонты: говорили, будто бы онъ разослалъ всѣмъ панамъ указы съ предложеніемъ отдать всю землю крестьянамъ и выбраться, какъ можно скорѣе, въ Варшаву: кто же не послушается указа и до свѣтлаго праздника останется на мѣстѣ, тотъ будетъ убитъ крестьянами. Подъ вліяніемъ такихъ слуховъ крестьяне смѣлѣе протестовали противъ панскаго гнета. Во многихъ мѣстахъ слышались угрозы, въ другихъ не хотѣли отработывать барщины: въ одномъ селеніи таращанскаго уѣзда составляли даже списки ополченія. Но наступила и прошла пасха, а возстаніе не вспыхнуло: тогда народная молва перенесла срокъ его на Оомину недѣлю. Около этого времени, 3-го апрѣля 1826 г., солдатъ Семеновъ, возвращавшійся изъ орловской губерніи въ полкъ и увидѣвшій въ уманскомъ уѣздѣ, каково настроеніе крестьянъ, задумалъ имъ воспользоваться. Показывая какую-то бумагу, онъ объявилъ, что это указъ отъ государя, которымъ ему велѣно забирать пановъ по всей кіевской губерніи и везти въ Петербургъ, и что хотя у него офицерскій чинъ, но онъ въ солдатскомъ мундирѣ для того, чтобы паны не начали прятаться. Семеновъ сталъ разъѣзжать по нѣкоторымъ селамъ уман-

---

[1]) *Максимовъ*. „Сибирь и каторга", II, 348—349. срав. 69—70. Помѣщичій гнетъ нерѣдко приводилъ крѣпостныхъ и къ самоубійству. См. *Максимовъ* II. 73, 75, 76, 303, гдѣ авторъ указываетъ много случаевъ ссылки крѣпостныхъ за попытку самоубійства; оказывается, что крѣпостные (и въ томъ числѣ особенно дворовые) покушались на самоубійство предпочтительно предъ всѣми другими сословіями.

[2]) *Варадиновъ*, ч. III, кн. 1, стр. 80.

скаго уѣзда. Въ имѣніи Нарышкина, Мошуровѣ, онъ велѣлъ заковать экономa и поссесора, отнялъ у послѣдняго нѣкоторую сумму денегъ, наказавъ его притомъ розгами, и арестовалъ отставнаго офицера, который убѣждалъ его не безчинствовать Въ другомъ селѣ. Романовкѣ, онъ наказалъ плетьми экономa, на жестокое обращеніе котораго пожаловались крестьяне. Въ селѣ Ивaнькахъ по приказанію Семенова посланный имъ туда казакъ арестовалъ поссесора и его экономовъ. Но самъ Семеновъ былъ въ это время схваченъ проѣзжавшимъ мѣстнымъ ласѣдателемъ. По суду его приговорили къ смертной казни; изъ 150 арестованныхъ крестьянъ -однихъ сослали въ Сибирь въ каторжную работу или на поселеніе, другихъ наказали по 50 ударовъ кнутомъ, третьихъ оправдали. Крестьяне рѣшили, что паны подкупили начальство, и покорились своей судьбѣ [1]. Были еще случаи волненій помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніяхъ костромской (въ двухъ имѣніяхъ), ярославской, псковской, владимірской, смоленской, курской, пермской и петербургской. Въ одномъ имѣніи кіевской губерніи волненіе длилось уже три года [2].

12-го мая 1826 г. былъ изданъ манифестъ, въ которомъ по поводу толковъ объ освобожденіи крестьянъ отъ помѣщичьей власти объявлялось, что это „слухи ложные. выдуманные и разглашаемые злонамѣренными людьми изъ одного корыстолюбія съ тѣмъ, чтобы посредствомъ сихъ слуховъ обогатиться на счетъ крестьянъ по ихъ простодушію". и предписывалось помѣщичьимъ крестьянамъ и дворовымъ людямъ „безпрекословно повиноваться установленнымъ надъ ними властямъ" подъ страхомъ наказанія ослушниковъ „по всей строгости законовъ": составителей-же просьбъ, вызванныхъ этими слухами и доходившихъ уже до государя. велѣно было предавать суду и наказывать также „по всей строгости законовъ". Узнавъ, что и послѣ изданія этого манифеста нѣкоторыя волненія продолжаются, государь приказалъ комитету министровъ сдѣлать распоряженіе, что если гдѣ-либо и послѣ объявленія манифеста 12-го мая придется употребить военную силу для усмиренія упорствующихъ крестьянъ. то виновныхъ предавать на мѣстѣ военному суду, составленному изъ наличныхъ офицеровъ присланнаго отряда и членовъ мѣстныхъ уѣздныхъ судовъ. Для приведенія въ исполненіе приговора этого суда признано было достаточнымъ утвержденія гражданскаго губернатора, если къ тѣлесному наказанію будетъ присуждено не болѣе 9 человѣкъ, въ противномъ же случаѣ дѣло должно было представляться чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ и комитетъ министровъ

---

[1]) *К. К—къ.* „Самозванный флигель-адъютантъ Семеновъ". „Кіевская Старина" 1882 г., № 12, стр. 519—526.

[2]) *Барадиновъ*, ч III, кн. 1, стр. 79—80. „Древн. и Нов Росс" 1877 г. т I, 211—212.

на соизволеніе государя [1]). Въ слѣдующемъ 1827 г. для успокоенія волненій по большей части оказались достаточными „вразумленія, появленія командъ и примѣры строгости надъ зачинщиками и упорными". Однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „духъ буйства и своеволія распространился до такой степени, что крестьяне вовсе отказались отъ повиновенія, и вразумленія... не имѣли никакого дѣйствія": въ такія имѣнія были введены военныя команды, главные виновники преданы военному суду и сосланы въ Сибирь на поселеніе или въ каторжныя работы [2]). На основаніи 396 ст. Свода уголовныхъ законовъ „крѣпостные люди и крестьяне, учинившіе явное непокорство законнымъ властямъ, возмущеніе противъ господъ своихъ и сопротивленіе воинской командѣ, должны быть предаваемы военному суду". Въ 1835 г. государь повелѣлъ, чтобы и лица, подстрекающія къ этимъ преступленіямъ, судились тѣмъ же судомъ. [3]). Въ 1837 г. дано знать губернаторамъ, чтобы, по усмиреніи крестьянъ на мѣстѣ безпорядка, оставлялась на нѣкоторое время воинская команда. Въ 1847 г. государь повелѣлъ, чтобы къ слѣдствіямъ о волненіи крестьянъ, а также о жестокомъ обращеніи съ ними помѣщиковъ и управителей всегда были назначаемы жандармскіе штабъ-офицеры [4]).

Мы укажемъ ниже общее число волненій крѣпостныхъ крестьянъ въ царствованіе императора Николая, насколько они извѣстны изъ оффиціальныхъ источниковъ, теперь же остановимся на нѣкоторыхъ, болѣе важныхъ волненіяхъ.

Крестьяне одного села уржумскаго уѣзда вятской губерніи (82 души), принадлежащіе Депрейсу и Наумовой, начавъ отыскивать вольность отъ помѣщиковъ „на основаніи происхожденія своего отъ стрѣльцовъ и неправильнаго завладѣнія ими". въ 1834 г. оказали „явное неповиновеніе" владѣльцамъ и ослушаніе земской полиціи. Поводомъ къ открытому возмущенію было то, что господа ихъ, ранѣе окончанія дѣла объ отыскиваемой крестьянами вольности, распорядились отдать трехъ молодыхъ людей въ рекруты, въ зачетъ будущаго набора. Такъ какъ крестьяне не хотѣли слушать ни исправника, ни другаго посланнаго къ нимъ чи-

---

[1]) 2-е П. С. З. I, № 300. Вскорѣ послѣ того было разъяснено, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ гражданскимъ губернаторамъ было предоставлено утверждать приговоры военныхъ судовъ, они имѣютъ полное право и облегчать присужденное военнымъ судомъ наказаніе или даже и совсѣмъ его отмѣнять. На этомъ постановленіи комитета министровъ государь написалъ: „Тѣмъ болѣе, что случаи сіи должны быть рѣдки, ибо военные суды назначаются тогда, когда уже употреблена была военная сила, стало быть буянъ". 2-е П. С. З., I, № 688.

[2]) *Варадиновъ* ч. III. кн. 1, стр. 132—138.

[3]) 2-е П. С. З. X, 8299, ср 8486: „Мат. для истор. крѣп. права", стр. 17

[4]) 2-е П. С. З. XXII, 20902.

новника, то на мѣсто волненія явился губернаторъ, но и ему они повторяли, что считаютъ себя происходящими отъ стрѣльцовъ и потому свободными. Усмиреніе не обошлось безъ обычной экзекуціи. Губернатора особенно поразилъ при этомъ слѣдующій обычай: хозяинъ дома, въ которомъ заперлись возмутившіеся, 120-лѣтній старикъ, одинъ изъ зажиточнѣйшихъ крестьянъ (съ капиталомъ въ 10—15 тысячъ руб.), просилъ губернатора освободить отъ наказанія его внука, находящагося въ числѣ непослушныхъ. Когда того вызвали, старикъ на колѣняхъ и со слезами заклиналъ его покориться; уговоры дѣда, подкрѣпляемые священникомъ и губернаторомъ, поколебали было его, и онъ отдѣлился отъ непослушныхъ крестьянъ, но чрезъ нѣсколько минутъ, „какъ бы устыдясь своего раскаянія", сказалъ, что дѣдъ его выжилъ изъ ума, что онъ не хочетъ повиноваться и „съ явнымъ удовольствіемъ" снова присталъ къ непокорнымъ, „въ число главнѣйшихъ ослушниковъ". Военный судъ, рѣшивъ дѣло въ 24 часа, приговорилъ: 6 человѣкъ наказать шпицрутенами по 6,000 ударовъ въ присутствіи крестьянъ и сослать въ Сибирь на поселеніе, 4 наказать батогами по 1,000 ударовъ и оставить на прежнемъ мѣстѣ жительства. Губернаторъ нѣсколько смягчилъ приговоръ: 5 человѣкъ были наказаны шпицрутенами по 2,500 ударовъ, а остальные высѣчены батогами по 200 ударовъ каждому. Изъ рапорта уѣзднаго судьи объ исполненіи приговора и объ отправленіи 5 человѣкъ, подвергшихся наказанію шпицрутенами, въ городскую больницу, мы узнаемъ слѣдующій фактъ. Когда крестьяне были распущены по домамъ, одна женщина бросилась въ прудъ, *потому что мужъ ея первый принесъ повинную и пришелъ домой крѣпостнымъ*; она утонула бы, если бы ея не спасли двое рядовыхъ. „Вотъ примѣръ изступленія!" прибавляетъ судья: „она имѣетъ трехъ малолѣтнихъ дѣтей и добраго мужа" [1]).

Въ 1840 г. произошло волненіе въ имѣніи гр. Борха, люценскаго уѣзда витебской губерніи; причиною его было, по оффиціальному свидѣтельству, „ложное понятіе о правахъ ихъ на свободу". Неповиновеніе этихъ крестьянъ продолжалось и въ слѣдующемъ году и „сопровождалось явнымъ возмущеніемъ, буйствомъ, грабежемъ господскаго имущества и сопротивленіемъ вооруженною рукою, въ числѣ болѣе 1,000 крестьянъ, воинской командѣ, присланной для ихъ усмиренія". Военный отрядъ открылъ противъ толпы крестьянъ „батальонный огонь", который заставилъ ее немедленно разсѣяться. При этомъ было убито крестьянъ 21, ранено 24; солдатъ легко ранено 2. Вслѣдъ затѣмъ былъ учрежденъ на мѣстѣ военный судъ, по окончаніи котораго 11 зачинщиковъ, согласно высочайшей волѣ, были подвергнуты наказанію шпицрутенами отъ 500 до 4,000 ударовъ и сосланы въ Сибирь.

---

[1]) „Столѣтіе витской губерніи". Вятка. 1881 г. II, 507—511, ср. 511—516.

Въ 1842 г. возникло серьезное волненіе въ костромской губерніи, въ имѣніи помѣщика Шубина, вслѣдствіе „несообразныхъ и стѣснительныхъ" для крестьянъ „распоряженій самого помѣщика", какъ это признала и администрація. Крестьяне оказывали упорное неповиновеніе и дошли „до такого ожесточенія противъ владѣльца, что отказались рѣшительно отъ всѣхъ работъ" и, отвергнувъ предложенное имъ Шубинымъ пособіе деньгами и хлѣбомъ, „требовали перемѣны управленія". Для усмиренія ихъ была послана воинская команда, а самое дѣло отдано на обсужденіе дворянскаго собранія. Еще болѣе упорное неповиновеніе происходило въ 1842 г. въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ „распространились между крестьянами свѣдѣнія, что помѣщики завѣщали имъ даровать свободу", которой они, однако, по смерти владѣльцевъ не получали. Такія волненія произошли въ двухъ имѣніяхъ черниговской губерніи помѣщицы Простоквашиной и поручика Лашкевича (въ обоихъ болѣе 1,000 душъ) и въ имѣніи тверской губ. помѣщицы Барковой (37 душъ). Упорство крестьянъ было такъ сильно, что они были усмирены губернаторами только при содѣйствіи войска, а въ имѣніи Барковой крестьяне три раза „возобновляли неповиновеніе" и три раза были предаваемы военному суду, по приговорамъ котораго болѣе половины ихъ было подвергнуто „строгому взысканію". Въ 1844 году наиболѣе упорныя волненія произошли въ имѣніи Кожина пензенской губ. и въ имѣніи Волынскаго—кіевской губерніи; здѣсь для усмиренія безпорядка посланы были военные отряды до 300 человѣкъ и затѣмъ, по приговору военнаго суда, 13 человѣкъ подвергнуто тѣлесному наказанію и сослано въ Сибирь въ каторжную работу и въ арестантскія роты.

Въ 1845 г. произошло волненіе въ 32 имѣніяхъ (расположенныхъ въ 17 губерніяхъ): изъ нихъ въ 10 для усмиренія крестьянъ была употреблена военная сила. Упорнѣе другихъ было волненіе въ имѣніи наслѣдниковъ покойнаго сенатора Дивова, подольской губ. (3,500 душъ). Здѣсь крестьяне были недовольны вновь введеннымъ порядкомъ въ исполненіи барщины; собираясь толпою до 500 человѣкъ и болѣе, они требовали сначала отъ управляющаго имѣніемъ „перемѣны порядка управленія", а по прибытіи земскаго исправника кричали, что желаютъ быть казенными, затѣмъ, не смотря на убѣжденія священника и присланнаго губернаторомъ чиновника, „настоятельно вытребовали отъ послѣдняго задержанныхъ изъ толпы трехъ крестьянъ", и, наконецъ, напавъ на находящійся въ имѣніи винокуренный заводъ, наказали розгами бывшихъ на немъ людей (вѣроятно, не участвовавшихъ до того въ волненіи) и „вовлекли ихъ къ себѣ въ толпу". Для прекращенія безпорядка были отправлены въ его имѣніе одинъ батальонъ егерей и двѣ роты мѣстнаго гарнизоннаго батальона, при содѣйствіи которыхъ губернаторъ

и возстановилъ спокойствіе. Болѣе 30 крестьянъ было наказано розгами, а главнѣйшіе зачинщики и подстрекатели арестованы.

Въ 1846 г. происходили волненія въ 27 имѣніяхъ, расположенныхъ въ 16 губерніяхъ. Наиболѣе обратило на себя вниманія волненіе въ 6 смежныхъ имѣніяхъ гродненской губ., поводомъ къ которому послужило распоряженіе помѣщиковъ объ измѣреніи принадлежавшихъ имъ земель (быть можетъ, это измѣреніе сопровождалось уменьшеніемъ крестьянскихъ надѣловъ?). При этомъ „гражданинъ Рытельскій съ 20 сообщниками", крестьянамъ этихъ имѣній, распространилъ ложный слухъ, будто правительство отдало распоряженіе объ освобожденіи ихъ отъ барщины и съ этою цѣлью приказало измѣрить земли, принадлежащія помѣщикамъ. Многіе крестьяне были убѣждены, что земская полиція, подкупленная помѣщиками, скрываетъ указъ объ ихъ освобожденіи. Вслѣдствіе этого они отказались отъ барщины и не соглашались, не смотря ни на какія увѣщанія, приносить присягу при допросахъ по нѣкоторымъ уголовнымъ дѣламъ, полагая, что подписаніе ими присяжныхъ листовъ послужитъ доказательствомъ ихъ собственнаго отказа отъ дарованной будто бы правительствомъ свободы. Для прекращенія этихъ безпорядковъ былъ командированъ гродненскій вице-губернаторъ. Когда „главные подстрекатели" крестьянъ, арестованные, изъявили готовность присягнуть по слѣдственнымъ дѣламъ и были доставлены на мѣсто изслѣдованія, то собравшаяся здѣсь толпа требовала „съ угрозами и неистовствомъ", чтобы они не присягали. Вслѣдствіе этого губернаторъ отправился лично на мѣсто волненія, вытребовавъ команду изъ двухъ батальоновъ, и усмирилъ крестьянъ. Быть можетъ упомянутые слухи о дарованномъ правительствомъ освобожденіи основывались на распоряженіи о составленіи инвентарей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ въ Западной Россіи: по крайней мѣрѣ въ двухъ имѣніяхъ гр. Забѣллы, гродненской губерніи, была обнаружена именно эта причина волненія. Поводомъ къ другимъ волненіямъ въ это время въ западныхъ губерніяхъ, по мнѣнію правительства, было то, что ежегодно въ Россію во множествѣ приходятъ изъ за границы „венгерцы" (австрійскіе славяне), „которые распространяли между простымъ народомъ разные нелѣпые слухи". Если припомнить, что въ 1846 г. въ Галиціи произошло серьезное возстаніе крестьянъ, сопровождавшееся рѣзнею помѣщиковъ, то будутъ понятны сильныя опасенія правительства, чтобы примѣръ Галиціи не подѣйствовалъ на нашу западную окраину. Министерство внутреннихъ дѣлъ напомнило мѣстному начальству, что, по высочайше утвержденному въ 1841 г. положенію комитета министровъ, мелочная торговля въ Россіи „венгерцамъ" строго воспрещена и что вообще должно имѣть за ними бдительный надзоръ [1]).

[1]) „Матер. для исторіи крѣпостн. правъ" 45, 60—61, 77—78, 79, 113, 127—128, 147—150; *Варадиновъ* ч. III, кн. 3, стр. 246, 300.

Въ 1847 г. происходило волненіе крестьянъ въ 35 имѣніяхъ, расположенныхъ въ 22 губерніяхъ. По оффиціальному свидѣтельству „возстанія были упорны: словесныя убѣжденія всѣхъ мѣстныхъ властей никакъ не могли заставить ихъ отказаться отъ своихъ претензій. Въ иныхъ имѣніяхъ словесныя убѣжденія дѣлаемы были постепенно исправникомъ, уѣзднымъ предводителемъ дворянства, мѣстнымъ священникомъ, губернскимъ предводителемъ дворянства, жандармскимъ штабъ-офицеромъ и губернаторомъ, но все это безъ успѣха. Посему для усмиренія ихъ повсюду употребляли исправительное тѣлесное наказаніе, а въ нѣкоторыя имѣнія посылали воинскую команду. Впрочемъ, нигдѣ не представлялось нужнымъ дѣйствовать противъ крестьянъ огнестрѣльнымъ оружіемъ [1]).

Существуетъ подробное описаніе одного изъ этихъ волненій, сдѣланное лицемъ, которое присутствовало при его усмиреніи въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ. Остановимся на наиболѣе любопытныхъ чертахъ этого событія. Волненіе это произошло въ имѣніи данковскаго уѣзда рязанской губерніи, принадлежавшемъ кн. Леониду Мих. Голицыну. Этотъ самый Голицынъ, въ томъ же 1847 г., представилъ имп. Николаю проектъ условія съ крестьянами относительно ихъ освобожденія, которому онъ хотѣлъ придать значеніе проекта уничтоженія крѣпостнаго права во всей Россіи. Всю невыгодность для крестьянъ предположеній кн. Голицына мы уже показали въ своемъ мѣстѣ (см. гл. XV) и правительство справедливо нашло, что предлагаемый имъ размѣръ надѣла (2 дес.) не достаточенъ для обезпеченія крестьянъ. Проектъ этотъ не касался прямо рязанской вотчины кн. Л. Голицына и не попытка привести его въ исполненіе вызвала волненіе, хотя, быть можетъ, ухудшая положеніе крестьянъ, помѣщикъ и думалъ понудить ихъ къ выкупу на выгодныхъ для него условіяхъ. Лѣтъ за пять до волненія указанное имѣніе (1,400 ревизскихъ душъ) досталось кн. Л. М Голицыну по наслѣдству послѣ его дѣда, гр. А. И. Остермана-Толстаго. При прежнемъ помѣщикѣ *вся земля въ имѣніи*, весьма плодородная, была предоставлена въ пользованіе крестьянъ, которые платили господину весьма необременительный оброкъ. Новый владѣлецъ нашелъ, что имѣніе доставляетъ слишкомъ мало дохода, и приказалъ перевести крестьянъ на барщину; они предлагали ему значительно увеличить оброкъ, но онъ остался при своемъ рѣшеніи, и вотъ лучшая часть земли въ имѣніи, вовсе не многоземельномъ, поступила подъ помѣщичью запашку; отобрана была также отъ крестьянъ часть луговой и пастбищной земли и, наконецъ, все сельское начальство было перемѣнено и на его мѣсто было назначено неугодное міру. Весною 1847 г. кн. Л. М. Голицынъ, передъ поѣздкою за границу, посѣтилъ имѣніе. Онъ провелъ здѣсь трое сутокъ и въ про-

[1]) „Матер. для исторіи крѣпости. права", 167.

долженіе этого времени флигель, въ которомъ онъ остановился, былъ даже по ночамъ окруженъ крестьянами. Неотступно просили они отмѣнить барщину (по ихъ словамъ, крайне для нихъ разорительную), неотступно просили смѣнить ненавистнаго имъ прикащика, который не только замучилъ ихъ непосильною работою на барщинѣ, но безпрестанно наказывалъ всѣхъ и каждаго, не щадя даже беременныхъ женщинъ. Помѣщикъ на всѣ эти просьбы отвѣчалъ отказомъ. Наконецъ, они ему надоѣли, и вотъ на мужицкія причитанія, „умилосердись ты надъ нами, батюшка, ваше сіятельство, мы вѣдь ровно дѣти ваши, а васъ завсегда почитаемъ, какъ за отца роднаго!"... кн. .І М. Голицынъ съ гнѣвомъ отвѣчалъ: „Вздумали еще родствомъ со мной считаться!... Какіе вы мнѣ дѣти! что я за отецъ вашъ!... Я просто помѣщикъ вашъ, власть имѣю надъ вами по закону, а вы — крѣпостные мои и обязаны мнѣ повиноваться. Вы же не повинуетесь, все хотите по своему.... Да вы такъ надоѣли мнѣ теперь, такъ надоѣли, что я бы даже готовъ отъ васъ отказаться"... Быть можетъ при этихъ словахъ князю пришло на мысль, какъ хорошо было бы совсѣмъ раздѣлаться съ крестьянами на тѣхъ выгодныхъ для помѣщика условіяхъ, какія были изложены въ его проектѣ, но крестьянъ поразили слова князя, что онъ готовъ совсѣмъ отъ нихъ отказаться, и они заявили прикащику, что если такъ, то и они отъ помѣщика отказываются и больше на барщину ходить не будутъ. Такъ началось волненіе, на которое мѣстная губернская администрація обратила особенно строгое вниманіе изъ опасенія, чтобы оригинальная мысль голицынскихъ крестьянъ не сообщилась и крѣпостнымъ сосѣднихъ крупныхъ имѣній. Губернаторъ отправилъ въ бунтующее имѣніе три роты рязанскаго баталіона внутренней стражи (около 700 солдатъ) и вслѣдъ за военнымъ отрядомъ поѣхалъ туда и самъ. Вооруженнаго сопротивленія крестьяне не оказали, и дѣло окончилось жестокою экзекуціею. И здѣсь не обошлось безъ эпизодовъ, подобныхъ тому, о которомъ мы упоминали при описаніи одного волненія въ вятской губерніи, и какія несомнѣнно случались нерѣдко. Предъ экзекуціей одна старуха попросила чиновника особыхъ порученій пощадить ея сына, больнаго, малорослаго, щедушнаго парня; чиновникъ доложилъ объ этой просьбѣ губернатору. Тотъ спросилъ парня: „Будешь ли повиноваться безпрекословно своему помѣщику, кн. .І. М. Голицыну?" — Какъ міръ, такъ и я! чуть внятно отвѣчалъ парень. — „А! вотъ какъ!... Его перваго!... двадцать пять розогъ и горячихъ!" Когда его подняли и губернаторъ повторилъ свой вопросъ, тотъ опять, даже тверже прежняго, отвѣчалъ: — „Какъ міръ, такъ и я!" И еще два раза его сѣкли, и опять спрашивали то же самое, и отвѣтъ былъ все тотъ же, а въ послѣдній разъ онъ выговорилъ эти слова хотя и слабымъ голосомъ, но съ видимымъ ожесточеніемъ. И послѣ него нашлось довольно такихъ, которые или отвѣчали, подобно этому парню, или ничего не отвѣчали. Особенно страшно было

наказаніе одного изъ „зачинщиковъ“ волненія. Когда его положили, онъ широко раскрытымъ ртомъ схватилъ землю, для того ли, чтобы легче было не кричать (и, дѣйствительно, онъ не кричалъ во время наказанія), или же этимъ онъ хотѣлъ выразить, что страдаетъ за землю кормилицу. Въ это время бабы бросились въ прудъ, но на губернатора это не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія; утонувшихъ не было. Многіе послѣ первыхъ ударовъ изъявляли полную покорность, не мало было и такихъ, что прямо покорялись и тѣмъ избѣгали наказанія. Впрочемъ, нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и указанный выше парень, такъ таки и не покорились. Однако, начальство признало, что „бунтъ“ окончательно усмиренъ, по вслѣдствіе того, что не всѣ поголовно изъявили покорность помѣщику, на нѣкоторое время, для наблюденія за порядкомъ, оставлена была въ имѣніи рота солдатъ. Признанныхъ зачинщиками бунта, а также непокорившихся (всего такихъ было болѣе 20 человѣкъ) отправили въ данковскій острогъ, о причинѣ же бунта назначили формальное слѣдствіе. Рота простояла въ имѣніи около полугода и такъ какъ спокойствіе не нарушалось, то она была удалена.

Дѣло этимъ, однако, не кончилось, и бунтъ повторился въ слѣдующемъ году. Поводомъ къ нему послужила проповѣдь священника, въ которой онъ упомянулъ о томъ, что многіе изъ его прихожанъ „въ узахъ, въ темницахъ... они и теперь можетъ быть страдаютъ отъ тѣхъ истязаній, какія довелось имъ вынести“: вѣроятно, проповѣдникъ изъ этого суроваго урока выводилъ необходимость безпрекословнаго повиновенія властямъ, но дѣйствіе его словъ было совершенно иное. Въ церкви всѣ навзрыдъ плакали, но затѣмъ въ тотъ же день крестьяне смѣнили всѣхъ своихъ сельскихъ начальниковъ, а на другой день за усердную службу ихъ помѣщику жесточайшимъ образомъ наказали розгами и палками и прекратили всѣ барщинныя работы. Это было весною 1848 года, когда вездѣ свирѣпствовала холера. Рязанская губернія была въ числѣ наиболѣе пострадавшихъ, кромѣ того урожай въ этомъ году былъ самый скудный, да и пожары сильно свирѣпствовали. Отправившись для новаго усмиренія голицынской вотчины, губернаторъ узналъ, что всѣ взрослые крестьяне, предвидя новую экзекуцію, разбѣжались изъ своихъ деревень и укрылись въ сосѣднихъ казенныхъ селеніяхъ, куда перетащили всякое цѣнное имущество и перегнали весь скотъ. Чиновникъ особыхъ порученій, объѣзжая голицынскія деревни, нашелъ ихъ совершенно безлюдными; пусты были и крестьянскія гумна, въ прошломъ году полныя хлѣбомъ... Губернаторъ подвергъ волостныхъ и сельскихъ начальниковъ казенныхъ крестьянъ, за слабый надзоръ надъ подчиненными, тѣлесному наказанію, не смотря на то, что по закону они были избавлены отъ него во время своей службы, и хотя этотъ фактъ и вызвалъ неудовольствіе министра государственныхъ имуществъ Киселева, но все таки для губер-

натора прошелъ безнаказанно. Благодаря этой мѣрѣ была собрана часть крестьянъ кн. Голицына (большинство продолжало укрываться), и надъ ними произведена была новая экзекуція. Кромѣ того, по приказанію губернатора, дома пятерыхъ главныхъ зачинщиковъ были разметаны тутъ же до основанія, а семейства ихъ куда-то увезены; въ имѣніи опять поставили роту солдатъ. Бѣглецы, понуждаемые предстоящими полевыми работами, вновь собрались, хотя и знали, что дома имъ придется подвергнуться наказанію, которымъ распоряжалась мѣстная уѣздная полиція [1]).

Вообще въ 1848 г. было особенно значительное количество волненій въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, а именно 54 (въ 27 губерніяхъ): число ихъ могло увеличиться, между прочимъ, и подъ вліяніемъ холеры и сильныхъ пожаровъ, но главною причиною, какъ и въ предъидущемъ году, по оффиціальному свидѣтельству, было „желаніе освободиться изъ крѣпостнаго состоянія". Были безпорядки и вслѣдствіе введенія въ юго-западныхъ губерніяхъ новыхъ инвентарныхъ правилъ о повинностяхъ, которыя крестьяне нашли для себя обременительными. Отличительною чертою волненій этого года было необыкновенное упорство крестьянъ: двѣ трети изъ нихъ были усмирены посредствомъ военныхъ отрядовъ.

Нельзя не обратить вниманія на волненіе въ 1848 г. крестьянъ помѣщика воронежской губерніи Бедряги, въ слободѣ Писаревкѣ. Крестьяне эти избили своего управляющаго за то, что, по ихъ мнѣнію, онъ требовалъ отъ нихъ лишнихъ работъ, и, не смотря ни на какія увѣщанія земской полиціи, не выдавали виновныхъ для допроса. Посланный губернаторомъ чиновникъ, не успѣвъ вразумить крестьянъ, пригласилъ проходившій вблизи казачій полкъ сдѣлать дневку въ этой слободѣ, чтобы, пользуясь его присутствіемъ, арестовать виновныхъ: когда полкъ спѣшился и, по указанію чиновника, хотѣли взять зачинщиковъ, крестьяне толпою бросились на казаковъ: не имѣя предписанія на этотъ случай, чиновникъ просилъ полковаго командира вывести полкъ, и казаки, выступая изъ селенія, должны были нагайками и тупыми концами пикъ отбиваться отъ крестьянъ, которые бросали въ нихъ камни и колья, задержали находившійся въ другомъ концѣ деревни обозъ съ семью казаками и избили притомъ членовъ земской полиціи; по докладѣ объ этомъ государю, было высочайше повелѣно предать виновныхъ военному суду, который непремѣнно кончить въ 24 часа и привести приговоръ въ исполненіе по конфирмаціи начальника губерніи. Губернаторъ съ своей стороны, узнавъ объ этомъ происшествіи, немедля остановилъ другой полкъ казаковъ, также проходившій по близости, и, сосредоточивъ оба отряда

---

[1]) С. Славутинскій. „Отрывки изъ воспоминаній" въ „Древней и Новой Россіи" 1878 г., т. III, стр. 38—53, 134—162.

у слободы Писаревки, потребовалъ къ себѣ атамана села; но крестьяне, собравшись толпою, не дозволили ему явиться къ начальству. Тогда губернаторъ вступилъ съ войскомъ въ село, окружилъ крестьянъ казаками и приказалъ арестовать главныхъ зачинщиковъ, надъ которыми учредилъ слѣдственную и военно-судную коммиссію, „подвергнувъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, до 1000 крестьянъ (!), менѣе виновныхъ, исправительному наказанію“; такимъ образомъ порядокъ былъ возстановленъ. По суду 4 человѣка были прогнаны сквозь строй, 2 наказаны розгами.

Въ 1849 г. было всего 24 волненія помѣщичьихъ крестьянъ (въ 15 губерніяхъ); изъ нихъ почти двѣ трети было усмирено только при содѣйствіи военныхъ отрядовъ, хотя безъ употребленія огнестрѣльнаго оружія. Особенно замѣчательно было волненіе крестьянъ путивльскаго уѣзда курской губерніи, возникшее по случаю начатаго ими иска о свободѣ, который, однако, найденъ былъ неосновательнымъ. Волненіе распространилось между нѣсколькими помѣщичьими имѣніями въ количествѣ 10,000 душъ, и для усмиренія ихъ было употреблено 4 эскадрона кавалеріи.

Въ 1850 г. волненія были въ 24, въ 1851 г.—въ 22 имѣніяхъ, въ 1852 г.—въ 33 имѣніяхъ (въ 19 губерніяхъ), причемъ въ черниговской и тамбовской губерніяхъ крестьяне оказали сопротивленіе даже губернатору и войску; въ 1853 въ 26 имѣніяхъ (въ 17 губерніяхъ), въ 1854 г.—въ 32 имѣніяхъ [1]).

Подведя итогъ всѣмъ волненіямъ помѣщичьихъ крестьянъ въ царствованіе императора Николая, мы найдемъ, что ихъ было всего 556 [2]), т. е. среднимъ числомъ въ 29 лѣтъ (съ 1826 по 1854 г.) по 19 волненій въ годъ. Наименьшее число волненій въ годъ (4) было въ 1831 г., наибольшее (54)—въ 1848 г. Число волненій все возрастало до конца 1840-хъ годовъ. Въ первое четырехлѣтіе царствованія императора Николая было всего 41 волненіе: затѣмъ приведемъ количество волненій по пятилѣтіямъ: съ 1830 по 1834 г. было 46 волненій, въ 1835—39 гг.—59 волненій, въ 1840—44 гг.—101 волненіе; въ 1845—49 гг. 172 волненія; въ послѣднее пятилѣтіе число ихъ опять нѣсколько уменьшается: съ 1850 по 1854 г. ихъ было 137. Изъ этихъ 29 лѣтъ точное распредѣленіе волненій по губерніямъ извѣстно за 26 лѣтъ (именно въ 1826—1849, 1852—1853 гг.): въ остальные три года извѣстно лишь число волненій, но не

[1]) „Мат. для ист. крѣп. права“, passim.

[2]) Число это не больше, а меньше настоящаго, такъ какъ иногда волненіе въ нѣсколькихъ смежныхъ имѣніяхъ (какъ, напримѣръ, волненіе 10.000 крестьянъ курской губерніи въ 1849 г.) считается въ оффиціальныхъ источникахъ за одно. Заблоцкій-Десятовскій, въ своей извѣстной запискѣ 1841 г., свидѣтельствуетъ, что свѣдѣнія о многихъ „возстаніяхъ или неповиновеніяхъ крестьянъ... не доходятъ до высшаго правительства“: дѣла эти „оканчиваются часто домашнимъ образомъ“. „Гр. Киселевъ и его время“ т. IV, 324.

относительно всѣхъ изъ нихъ мы знаемъ, въ какихъ губерніяхъ они происходили. Такимъ образомъ точно извѣстно территоріальное распредѣленіе 478 волненій [1]). Изъ нихъ наибольшее количество приходится на слѣдующія губерніи: въ теченіе 26 лѣтъ было всего волненій въ тверской губерніи 24, въ костромской и смоленской по 23, въ московской 21, въ новгородской, саратовской и черниговской по 20, въ кіевской —19, въ тамбовской 18 и въ воронежской—17 [2]).

Причина неудовольствія крестьянъ точно извѣстна намъ въ 275 волненіяхъ, бывшихъ въ 1836—1849, 1851 и 1854 гг. Изъ нихъ почти въ половинѣ случаевъ (132 волненія) безпорядки происходили оттого, что крестьяне уже считали себя вольными или еще домогались свободы на какомъ-нибудь, казавшемся имъ справедливымъ, основаніи; въ 73 случаяхъ—вслѣдствіе жалобъ на притѣсненія, т. е. обремененіе барщиною, жестокость помѣщиковъ или управляющаго и т. п.; въ 12-ти—вслѣдствіе несправедливыхъ слуховъ о возможности такъ или иначе освободиться отъ крѣпостнаго права или о предстоящемъ освобожденіи, въ 11 (въ 1848 г.) вслѣдствіе введенія инвентарей: въ 10—вслѣдствіе предстоявшаго или уже совершившагося переселенія; въ 10 вслѣдствіе „подстрекательствъ", въ 5 по недостатку продовольствія, 4 волненія вызваны были указомъ 2-го апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ, 3 введеніемъ новаго порядка управленіемъ имѣніями, 2 (1846 г.) распоряженіемъ правительства о составленіи инвентарей, 2 -слабымъ управленіемъ крестьянами (по мнѣнію администраціи) [3]).

Изъ 261 волненія (1836—1846, 1848—1849, 1852 и 1854 гг.), способы усмиренія которыхъ извѣстны, 132 волненія были подавлены съ помощью воинской команды, причемъ за усмиреніемъ, само собою разу-

[1]) 1850, 1851 и 1854 гг. мы вовсе тутъ не принимаемъ въ разсчетъ, такъ какъ за эти годы указана мѣстность лишь нѣкоторыхъ изъ бывшихъ тогда волненій.

[2]) Выводы эти сдѣланы на основаніи отчетовъ министерства внутреннихъ дѣлъ за 1836—54 гг. („Матер. для истор. крѣп. права", и „Исторіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ" *Варадинова*, т. III, кн. 1—4, составленной на основаніи подлинныхъ дѣлъ. Эти два источника другъ друга дополняютъ. Немногіе факты заимствованы еще изъ „Столѣтія Вятской губ.", т. II, 507—516; „Древней и Новой Россіи 1877 г. т. I, 211—212 и П. С. З. т. I, № 688.

[3]) По одному волненію было вызвано слѣдующими причинами: наказаніемъ нѣкоторыхъ крестьянъ, назначеніемъ управляющаго, умельшеніемъ количества крестьянской земли, введеніемъ уравнительнаго раздѣла земли по тяглямъ (въ воронежской губерніи, вѣроятно между малороссами), назначеніемъ новой разчистки земель подъ пашню, пріобрѣтеніемъ имѣнія владѣльцами, которые когда-то были крѣпостными къ этомъ имѣніи, желаніемъ избавиться отъ рекрутчины, желаніемъ работать на барщинѣ 2 дня вмѣсто 3-хъ, перемѣною владѣльца, предосудительнымъ поведеніемъ владѣлицы и желаніемъ выкупиться на волю. „Матер. для истор. крѣп. права", passim. Кромѣ того 6 случаевъ неповиновенія крестьянъ было вызвано указомъ 8 ноября 1847 г. о правѣ ихъ выкупаться на свободу при продажѣ имѣній съ публичнаго торга (см. главу VII).

мѣется, слѣдовала экзекуція. Въ остальныхъ случаяхъ безпорядки были прекращены или однимъ сѣченіемъ крестьянъ, или ихъ удалось успокоить словесными убѣжденіями, обыкновенно съ преданіемъ, однако-же, суду зачинщиковъ [1]).

За неповиновеніе помѣщикамъ было сослано въ Сибирь крѣпостныхъ въ теченіе 20 лѣтъ (1827 -1846 гг.), 1,030 человѣкъ (827 мужчинъ и 203 женщины), слѣдовательно, въ среднемъ около 50 человѣкъ въ годъ (это сосланные по суду, а не по волѣ помѣщика) [2]) Относительно 992 человѣкъ (799 мужчинъ и 193 женщины) извѣстно, изъ какой губерніи они были сосланы: наибольшій контингентъ ссыльныхъ за неповиновеніе помѣщикамъ дали губерніи: курская—54 мужч. и 36 женщ., тамбовская 54 мужч. и 26 женщ., тверская 52 мужчины и 13 женщ., владимірская 42 мужч. и 11 женщ. и воронежская 33 мужч. и 10 женщинъ [3])

Не смотря на то, что, какъ мы видѣли, мѣстная администрація проявляла не малую энергію въ усмиреніи крестьянскихъ волненій, дворянство обвиняло ее иной разъ въ бездѣйствіи. Подобно тому, какъ бывали столкновенія по вопросу объ отношеніи помѣщиковъ къ крестьянамъ между министромъ внутреннихъ дѣлъ и какимъ-либо губернскимъ предводителемъ дворянства (см. выше переписку Перовскаго съ тульскимъ губернскимъ предводителемъ Мясновымъ), такъ иногда на ту-же тему съ представителемъ дворянскихъ интересовъ препирался тотъ или иной губернаторъ: такова полемика, въ 1851 г., между смоленскимъ губернскимъ предводителемъ, извѣстнымъ кн. Друцкимъ-Соколинскимъ, и мѣстнымъ губернаторомъ кн. Херхеулидзевымъ, на которой мы сейчасъ остановимся. Неизмѣримо чаще, впрочемъ, губернаторъ находился съ дворянствомъ въ самыхъ мирныхъ отношеніяхъ и усердно поддерживалъ ихъ власть надъ крестьянами, сквозь пальцы смотря на многія ихъ прегрѣшенія. Современникъ, подробно описавшій бунтъ въ 1847 г. въ рязанскомъ имѣніи кн. Л. М. Голицына, говоритъ; „Охраненіе крѣпостнаго права, признаваемое особенно необходимымъ при охраненіи всего общественнаго порядка, было одною изъ главнѣйшихъ заботъ губернской администраціи. Эта забота была на виду у всѣхъ, чуть-ли даже не стояла во главѣ всего,—и шла она издалека, имѣла свои крѣпкія преданія, сложившіяся, думается мнѣ, не безъ вліянія воспоминаній о страшномъ пугачевскомъ бунтѣ Но какъ бы тамъ ни было, а то ужъ вполнѣ несомнѣнно, что, при всякомъ волненіи въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, всегда администрація крѣпко озабочивалась на счетъ размѣровъ движенія, а при такой озабо-

[1]) „Мат. для ист. крѣп. права", passim.

[2]) По волѣ помѣщиковъ („за дурное поведеніе") въ это же время было сослано 4,197 мужчинъ и 2,689 женщинъ. *Максимовъ*. „Сибирь и каторга", II, 334.

[3]) *Максимовъ* „Сибирь и каторга" II, 331, 334, 342—343.

ченности трудно было сохранить терпѣніе, разсудительность, самообладаніе, столь необходимыя во всякой сумятицѣ [1]). Тѣмъ пріятнѣе, уже въ послѣдніе годы царствованія императора Николая, т. е. въ періодъ полной реакціи въ крестьянскомъ дѣлѣ, встрѣтить губернатора, который не обнаруживалъ чрезмѣрнаго усердія въ поддержаніи помѣщичьей власти.

Въ іюлѣ 1852 г. по поводу неповиновенія крестьянъ въ двухъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, вяземскаго уѣзда смоленской губерніи, не только своимъ владѣльцамъ, но также предводителю дворянства и земской полиціи, извѣстный своими крѣпостническими записками по крестьянскому вопросу кн. Друцкой-Соколинскій, какъ губернскій предводитель дворянства, просилъ губернатора кн. Херхеулидзева „о зависящемъ распоряженіи для приведенія крестьянъ въ должное повиновеніе". Кн. Херхеулидзевъ не только не выказалъ особенной поспѣшности въ исполненіи этого требованія, но сталъ обвинять самихъ дворянъ въ ненадлежащемъ поведеніи и обращеніи съ крестьянами. Онъ выразилъ сомнѣніе, многіе ли изъ дворянъ хотятъ знать условія, на основаніи которыхъ они имѣютъ право пользоваться высочайше дарованными имъ правами,—всѣ ли они по воспитанію и безукоризненной нравственности могутъ ставить себя выше другихъ сословій, всѣ ли они достойно поддерживаютъ древность своего происхожденія. По мнѣнію губернатора, дворянскіе выборы доказываютъ, что дворяне не пользуются надлежащимъ образомъ высокимъ довѣріемъ правительства; онъ ссылался также на то, что архивы и канцеляріи дворянства наполнены дѣлами, подобными дѣлу о Рарогѣ (имѣніе котораго было взято въ опеку и самъ онъ исключенъ изъ собранія дворянства), что нѣкоторые изъ дворянъ скрываютъ и защищаютъ преступныя дѣйствія своихъ недостойныхъ товарищей. На просьбу кн. Друцкаго-Соколинскаго объ усмиреніи неповинующихся крестьянъ губернаторъ отвѣчалъ, что изъ всѣхъ бывшихъ при немъ случаевъ, въ которыхъ сами помѣщики подаютъ причины къ жалобамъ, онъ видитъ со стороны крестьянъ не дерзкое, буйное неповиновеніе, а презрѣніе и скрытую ненависть къ помѣщикамъ. Далѣе кн. Херхеулидзевъ высказалъ мысль, что, при существующихъ отношеніяхъ между господиномъ и крестьяниномъ, при ежедневныхъ столкновеніяхъ двухъ враждующихъ классовъ, „всякая крайность опасна", и что въ этомъ положеніи возможна только одна мѣра, именно заключеніе договоровъ между помѣщиками и крестьянами, на основаніи закона 2-го апрѣля 1842 г., а противъ этого кн. Друцкой-Соколинскій протестовалъ въ запискѣ, поданной государю. Дайте крестьянамъ то, что имъ слѣдуетъ по закону, продолжалъ губернаторъ, и потомъ требуйте повиновенія, а вмѣсто того смоленскіе помѣщики отнимаютъ у крестьянъ женъ дочерей, лишаютъ собственности, мучатъ и истязаютъ, однимъ словомъ, доводятъ до того, что они бѣгутъ, вѣшаются, стрѣляются.

[1]) „Древн. и Нов. Россія" 1878 г. № 10, стр. 152.

Кн. Друцкой-Соколинскій настрочилъ весьма обширный и ядовитый отвѣтъ смоленскому губернатору, въ которомъ не разъ намекалъ на малое знакомство его съ мѣстными условіями, недостаточную опытность въ управленіи губерніею и довольно прозрачно обвинялъ его въ томъ, что своимъ попустительствомъ крѣпостнымъ крестьянамъ онъ вызываетъ среди нихъ безпорядки. „Опытъ и знаніе мѣстныхъ обстоятельствъ", писалъ предводитель дворянства, „даютъ вѣрное понятіе о предметахъ", совершенно иное, чѣмъ то, „какое производятъ филантропическія идеи, пришедшія къ намъ съ запада и принесшія благу и порядку нашего отечества болѣе вреда, нежели пользы... Смоленская губернія, благодаря Бога, до 1851 г. состояла въ ряду губерній, въ коихъ случаи неповиновенія крестьянъ своимъ владѣльцамъ обнаруживались рѣдко [1]), а съ 1851 года жалобы крестьянъ, иногда даже скопомъ, на притѣсненія ихъ владѣльцами, равно какъ и со стороны владѣльцевъ ропотъ на лѣность, небреженіе къ работамъ, неповиновеніе крестьянъ стали обнаруживаться все чаще и чаще. „Съ прибытіемъ вашего сіятельства въ губернію", продолжаетъ кн. Друцкой-Соколинскій, „вопросъ крѣпостнаго состоянія занялъ васъ преимущественно, и въ такое короткое время вашего управленія вы уже имѣете въ виду 21 случай жалобъ о неповиновеніи крестьянъ. Соображая эту цифру съ случаями предшествовавшихъ годовъ, когда они бывали весьма рѣдки, должно заключить, что или владѣльцы населенныхъ имѣній охладѣли въ чувствахъ человѣколюбія и даже доходятъ до жестокости, а предмѣстники вашего сіятельства не обращали никакого вниманія на образъ управленія помѣщиками своихъ имѣній, или крестьяне нынѣ имѣютъ поводъ приносить жалобы неосновательныя, усвоивая себѣ ложныя понятія объ отношеніяхъ и обязанностяхъ къ своимъ владѣльцамъ, ибо коренные наши законы о правахъ и обязанностяхъ владѣльцевъ... доселѣ неизмѣнны и остаются въ полной своей силѣ". По справедливости, не слѣдуетъ ли заключить, что бо́льшая часть жалобъ возникаетъ не отъ притѣсненій помѣщиковъ, а отъ другихъ причинъ... изъ коихъ главныя: ложныя понятія между крестьянами о правахъ и обязанностяхъ владѣльцевъ и о мнимой вольности, которую, какъ они думаютъ, помѣщики у нихъ похищаютъ противъ воли правительства, — понятій, при томъ поддержанныхъ нынѣ внѣшними причинами". Помѣщикъ „требуетъ отъ крестьянина труда, но крестьянинъ нынѣ называетъ трудъ угнетеніемъ. Помѣщикъ взыскиваетъ за ослушаніе и лѣность, крестьяне отправляются въ Смоленскъ съ жалобою, и прежде нежели откроется, въ чемъ дѣло, наказаніе названо уже жестокимъ обращеніемъ. Крестьяне это видятъ и съ напряженіемъ смотрятъ на послѣдствія своихъ попытокъ". Далѣе Друцкой-Соколинскій защищаетъ смоленскихъ дворянъ отъ нападокъ губернатора, но изъ его собственныхъ словъ мы видимъ во-первыхъ, что послѣднимъ постановленіемъ дворянскаго собранія три населенныхъ имѣнія было взято въ опеку и 19 лицъ исключено изъ собранія дворянства, а во-вторыхъ, что одно изъ волненій крестьянъ, усмиренія котораго требовалъ предводитель и изъ-за котораго загорѣлась вся эта полемика, было вызвано желаніемъ помѣщика отправить половину изъ нихъ зимою на работу, въ которую законтрактовалъ ихъ помѣщикъ, что, какъ извѣстно, было худшимъ видомъ пользованія крѣпостнымъ правомъ, употребительнымъ лишь въ западной Россіи и отчасти въ Малороссіи. „Время ли теперь", продолжаетъ Друцкой-Соколинскій, „за-

[1]) Это несправедливо: мы видѣли, что смоленская губернія занимаетъ вообще одно изъ первыхъ мѣстъ по числу волненій крѣпостныхъ крестьянъ: изъ 23 извѣстныхъ намъ въ ней волненій 18 были до 1851 г. Въ 1851 г. въ ней также было замѣчено особенно большое количество жалобъ крестьянъ на помѣщиковъ.

ключать помѣщику съ крестьянами добровольные договоры, когда помѣщикъ, земская полиція, и съ властью законною надъ ними, не могутъ привести ихъ къ тому, чтобы они исполняли то, что уже обязаны по закону... Ваше сіятельство пишете, что я возсталъ противъ системы обязательныхъ крестьянъ. Подумайте, какъ смѣлъ я мыслію, не только дѣломъ, возставать противъ того, что законъ разрѣшаетъ; но когда правительство, а тѣмъ болѣе, когда самъ государь императоръ всемилостивѣйше повелѣлъ намъ, дворянамъ, изложить свое мнѣніе по этому предмету, то можете ли полагать, чтобъ я и тѣ лица отъ дворянства, которыя участвовали въ исполненіи даннаго порученія, посягнули написать его величеству противъ совѣсти и тѣхъ практическихъ понятій, которыя мы, какъ помѣщики, пріобрѣли опытомъ и временемъ. Мнѣніе наше принято милостиво августѣйшимъ монархомъ. Впрочемъ, законъ, предоставляющій помѣщикамъ заключать съ крестьянами добровольные договоры, не отмѣненъ, и ваше сіятельство, какъ сами имѣете имѣнія, что̀ препятствуетъ вамъ, вмѣсто обвиненія насъ, дать намъ на дѣлѣ примѣръ обязательнаго договора съ своими крестьянами, и ежели это будетъ общеполезно, то не только смоленскіе, но и другихъ губерній помѣщики охотно вамъ послѣдуютъ"

Кн. Друцкой-Соколинскій не ограничился этимъ отвѣтомъ; онъ подалъ на кн. Херхеулидзева слѣдующій формальный доносъ смоленскому, витебскому и могилевскому генералъ-губернатору кн. Голицыну. „По поводу оказавшагося неповиновенія крестьянъ въ двухъ помѣщичьихъ имѣніяхъ вяземскаго уѣзда не только своимъ владѣльцамъ, но предводителю и земской полиціи, я просилъ начальника губерніи о зависящемъ распоряженіи для приведенія крестьянъ упомянутыхъ имѣній въ должное повиновеніе. Въ отвѣтъ на представленіе мое я получилъ отношеніе отъ кн. З. С. Херхеулидзева отъ 16 августа... Принимая въ уваженіе важность предмета и ошибочное мнѣніе кн. Херхеулидзева, я долгомъ почитаю представить вашему сіятельству выписку изъ помянутаго отношенія начальника губерніи съ копіею моего къ нему отвѣта. Изъ выписки ваше сіятельство изволите усмотрѣть взглядъ кн. Херхеулидзева на существующія отношенія между помѣщиками и крестьянами, какого онъ мнѣнія о смоленскихъ помѣщикахъ, какими чувствами онъ преисполненъ къ здѣшнему дворянству и его предводителямъ... и можетъ ли человѣкъ съ такими ненавистными чувствами къ дѣлому сословію и столь ошибочныхъ понятій какъ о немъ, такъ и объ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ быть безпристрастнымъ судьею въ томъ важномъ дѣлѣ и можетъ ли поручиться за сохраненіе спокойствія въ губерніи?!. [1])". Послѣдствія этого доноса намъ не извѣстны.

Совершенно особымъ характеромъ отличается народное движеніе, происшедшее въ 1847 г. въ витебской губерніи. Министръ внутреннихъ дѣлъ такимъ образомъ формулировалъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ причины волненія. „Въ витебской губерніи продолжавшіеся три года сряду неурожаи истребили всѣ запасы помѣщиковъ, истощили капиталы ихъ, употребленные на продовольствіе, и были поводомъ къ обремененію нѣкоторыхъ имѣній неоплатнымъ казеннымъ и частнымъ долгомъ. Въ этомъ положеніи многіе помѣщики не въ состояніи были продовольствовать надлежащимъ образомъ крестьянъ своихъ, кои при томъ сами отъ продол-

[1]) Рукопись библ. арх. мин. иностр. дѣлъ въ Москвѣ, изъ числа пожертвованныхъ Хаскопымъ

жительнаго неурожая пришли въ крайне затруднительное состояніе и разореніе... Крестьяне, привыкнувъ продовольствоваться на счетъ помѣщиковъ (?) и получая отъ нихъ въ послѣдніе годы скудное количество хлѣба на прокармливаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ видя труды свои пропадающими отъ неурожаевъ, возъимѣли желаніе переселиться на лучшую, болѣе плодородную землю и съ тѣмъ вмѣстѣ освободиться отъ зависимости своихъ владѣльцевъ[1]). При такомъ расположеніи умовъ всякій пезѣлый слухъ принимался за истину, а иногда самыя благодѣтельныя правительственныя мѣры перетолковывались согласно ихъ видамъ. Такимъ образомъ составленіе инвентарей и побужденіе помѣщиковъ къ скорѣйшему ихъ представленію подало поводъ крестьянамъ толковать это, какъ желаніе государя императора освободить ихъ отъ власти помѣщиковъ; распоряженія правительства о переселеніи государственныхъ крестьянъ витебской губерніи въ другія отдаленныя, въ особенности въ тобольскую губ., — принимать въ смыслѣ распоряженія, равно относящагося и къ помѣщичьимъ крестьянамъ и проч. Къ сему присоединились разные слухи, распространенные неблагонамѣренными людьми. Одни увѣряли, что всякій помѣщичій крестьянинъ, пробывшій на работѣ желѣзной дороги три года, сдѣлается самъ и семья его свободными; другіе объявляли, что помѣщичьимъ крестьянамъ витебской губерніи дарована уже правительствомъ свобода, что они должны переселиться въ другія, лучшія губерніи и что для сего выдаются уже, въ ближайшихъ городахъ, паспорты, деньги и подводы на переселеніе, причемъ подстрекатели убѣждали даже крестьянъ спѣшить оставить свои мѣста жительства и продать скотъ и все имущество, говоря при томъ, что въ противномъ случаѣ будутъ присланы казаки для изгнанія ихъ силою изъ витебской губерніи, которую, какъ неурожайную, начальство желаетъ заростить лѣсомъ". Были также толки, что въ великорусскихъ губерніяхъ дается воля, что многіе уже отправились туда съ семействами. Слухи эти поддерживали нахлынувшіе изъ псковской губерніи мелкіе торговцы, которымъ крестьяне за безцѣнокъ продавали свои скотъ и имущество и которымъ было выгодно усиливать движеніе.

Голодающіе крестьяне нѣкоторыхъ имѣній себежскаго уѣзда, взволнованные къ тому же указанными выше толками и слухами, въ половинѣ апрѣля 1847 г., продавъ за безцѣнокъ свое имущество, начали отправляться цѣлыми семействами къ границамъ псковской губерніи. Примѣръ ихъ увлекъ и другихъ. Волненіе распространилось скоро не только въ себежскомъ, но и въ невельскомъ и дриссенскомъ уѣздахъ. Въ дриссенскомъ уѣздѣ крестьяне, готовясь къ побѣгу, пріобрѣтали ружья, покупали порохъ, лили пули, перековывали лемеши на пики. Толпы крестьянъ въ 100,

---

[1]) Крестьяне были увѣрены, что самъ государь хочетъ имъ воли, что онъ присылаетъ имъ выходить „въ Гоболь", „въ Херсонъ", „на вольныя земли"

200, 300 и даже 500 человѣкъ съ женами и дѣтьми и цѣлыми обозами спѣшили выходить изъ витебской губерніи въ псковскую, направляясь черезъ Порховъ въ Петербургъ, а число всѣхъ волновавшихся простиралось до 10,000 человѣкъ. Примѣру ихъ готовы были послѣдовать всѣ помѣщичьи крестьяне витебской губерніи. Обыкновенныя полицейскія мѣры оказывались недостаточными: увѣщанія не дѣйствовали. При одномъ такомъ увѣщаніи священникомъ, какой-то крестьянинъ возразилъ: „Батюшка! Богъ вывелъ израильтянъ изъ неволи египетской, а мы и понынѣ въ ней находимся!“ Въ стычкахъ съ военными отрядами, пытавшимися остановить ту или другую толпу, нѣсколько человѣкъ крестьянъ было убито.

Партія человѣкъ въ 500 была встрѣчена въ великолуцкомъ уѣздѣ псковской губерніи становымъ приставомъ Горбуновымъ и исправникомъ Елагинымъ; съ ними было человѣкъ 20 этапной команды и до 400 понятыхъ. Крестьяне дубинами и желѣзными безменами смяли и избили солдатъ, разогнали понятыхъ, избили Елагина, а Горбунова взяли въ плѣнъ.

Въ это время по псковской губерніи проѣзжалъ депутатъ смоленскаго дворянства Фантонъ-де-Верраіонъ, посланный для представленія государю: въ письмѣ его къ смоленскому губернскому предводителю кн. Друцкому-Соколинскому, приведенномъ въ неизданныхъ запискахъ Мясникова, мы встрѣчаемъ слѣдующій разсказъ: „Партія витебчанъ на другой или на третій день послѣ стычки съ инвалидною командою, состоявшею въ распоряженіи великолуцкаго исправника Елагина, соединившись еще съ нѣсколькими партіями, къ ней со сторонъ подошедшими, расположилась на ночлегъ, пройдя версты двѣ за село Бежаницъ, въ сторонѣ отъ почтовой дороги. Новоржевскій исправникъ Бурцевъ, имѣя при себѣ инвалидную команду въ 50 человѣкъ и нѣсколько сотъ человѣкъ понятыхъ, отправился утромъ 7-го мая) къ означенному мѣсту ночлега и, не доходя онаго, успѣлъ захватить нѣсколькихъ витебчанъ, изъ которыхъ двухъ человѣкъ послалъ въ лагерь объявить, что онъ по долгу своей службы желаетъ переговорить со старшинами и узнать, куда идетъ столько народу? Засимъ, распорядивъ понятыхъ и инвалидную команду съ заряженными ружьями на высотѣ подъ начальствомъ непремѣннаго члена и становыхъ, самъ отправился на дорогу ожидать витебчанъ и приказалъ: въ случаѣ какого-либо насилія... стрѣлять, не жалѣя его. Послѣ двухчасоваго ожиданія, вмѣсто нѣсколькихъ человѣкъ, увидѣли, что весь лагерь поднялся отъ опушки лѣса и вытягивался на почтовую дорогу, сохраняя всѣ военныя предосторожности: впереди обоза шла партія человѣкъ въ полтораста, вооруженныхъ дубинами, пращами, косами и проч.: по сторонамъ, въ срединѣ и въ замкѣ также вооруженные люди. Обозъ занималъ полторы версты. Передовая партія, подошедъ къ

исправнику, остановилась; нѣсколько парней начали шумѣть, говоря: „Что стали? и что смотрѣтъ на него?“, но постарше собрались въ кучку, и, подойдя къ нему, спросили: „чего ему отъ нихъ, витчебчанъ, надо? что идутъ, никого не трогаютъ, себя лишь оберегаютъ: *а идутъ къ царю показать, какимъ хлѣбомъ ихъ кормятъ паны*“. Исправникъ отвѣчалъ, что „онъ ихъ пропустить можетъ съ условіемъ, чтобы зачинщики нынѣшняго шума были при немъ наказаны, а становой, находящійся у нихъ, былъ ему тотчасъ отданъ, что въ противномъ случаѣ командѣ приказано стрѣлять, не жалѣя его самого“. Присутствіе духа Бурцева подѣйствовало на витебчанъ: зачинщики были ими-же наказаны, становой выданъ подъ росписку, и, наконецъ, весь обозъ тронулся къ Порхову. Въ охраненіе ему даны были сотскіе и десятскіе. Съ моей стороны“, продолжаетъ Фантонъ-де-Верраіонъ, „я нахожу дѣйствія Бурцева весьма основательными: ибо, не имѣя достаточно силъ, чтобы удержать витебчанъ, если-бы и удалось ему ихъ разсѣять, то это было-бы едва-ли не хуже, нежели допустить ихъ въ полномъ числѣ до Порхова, гдѣ есть магазины и стоитъ одинъ изъ полковъ гренадерскаго корпуса: разойдясь, они начали-бы грабить и жечь села“.

9-го мая эту партію встрѣтилъ псковской губернаторъ. Крестьяне покорно слушали его увѣщанія возвратиться по домамъ, побросали колья и топоры, падали къ его ногамъ, но рѣшительно отказались возвратиться и объявили, что хотятъ идти въ Петербургъ съ жалобой государю на помѣщиковъ. Одинъ чиновникъ встрѣтилъ между Порховымъ и Великими Луками до пяти партій крестьянъ и также слышалъ, что они идутъ въ Петербургъ жаловаться на помѣщиковъ, „подвергающихъ ихъ голодной смерти и жестоко обращающихся съ ними“. По словамъ чиновника, народъ чрезвычайно кротокъ и выслушиваетъ всѣ убѣжденія весьма терпѣливо: но у всѣхъ одинъ и тотъ-же отвѣтъ: „пускай лучше всѣхъ насъ убьютъ, чѣмъ возвращаться къ помѣщикамъ“.

Фантонъ де-Верраіонъ во время дальнѣйшаго своего путешествія встрѣтилъ смоленскаго, витебскаго и могилевскаго генералъ-губернатора, кн. Лид. Мих. Голицына, который ѣхалъ, по повелѣнію государя, чтобы остановить движеніе витебчанъ на Петербургъ. По приказанію его, Фантонъ-де-Верраіонъ составилъ записку о всемъ видѣнномъ и слышанномъ имъ на пути относительно витебскихъ крестьянъ, которая и была отправлена кн. Голицынымъ, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, къ государю. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Фантонъ узналъ, что въ распоряженіе кн. Голицына отправлено нѣсколько чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ съ деньгами на продовольствіе (10 000 руб.), и что они должны были сопровождать крестьянъ при возвращеніи ихъ для водворенія на прежнія мѣста жительства.

Однако, для успокоенія крестьянъ въ витебской губерніи вообще и

для прекращенія движенія части ихъ къ Петербургу, пришлось прибѣгнуть къ военной силѣ. Для этого были употреблены: одинъ пѣхотный полкъ, одинъ баталіонъ и двѣ роты изъ двухъ другихъ полковъ, витебскій гарнизонный баталіонъ и инвалидныя команды. Съ помощью этихъ войскъ, подъ личнымъ распоряженіемъ кн. Голицына и двухъ командированныхъ флигель-адъютантовъ, бѣжавшіе крестьяне повсюду задержаны и препровождены на мѣста ихъ жительства. Нѣкоторыя толпы оказали сопротивленіе, и противъ нихъ употребили оружіе [1]).

Кн. Голицынымъ было задержано на пути до 3,600 человѣкъ; всего же изъ побѣга возвращено болѣе 6,000. Около 600 человѣкъ разыскано не было.

Витебскіе крестьяне дорого поплатились за свое волненіе и, между прочимъ, за желаніе довести до свѣдѣнія царя о томъ, какъ ихъ кормятъ паны. Признанные наиболѣе виновными, зачинщики и взятые съ оружіемъ въ рукахъ были арестованы и преданы военному суду (95 человѣкъ [2]), а менѣе виновные (за исключеніемъ старыхъ, больныхъ, слабыхъ, беременныхъ женщинъ и дѣтей) были наказаны розгами. Число наказанныхъ такимъ образомъ доходило до *четырехъ тысячъ человѣкъ* (!) Движеніе это, начавшееся въ половинѣ марта 1847 года, было усмирено чрезъ два мѣсяца, крестьяне водворены на мѣстахъ и, если вѣрить оффиціальному отчету, проданный ими скотъ былъ большею частью отысканъ и возвращенъ безденежно отъ покупщиковъ, такъ что они могли еще обработать и засѣять яровыя поля [3]).

Еще важнѣе было движеніе, начавшееся въ 1854 году и продолжавшееся въ теченіе большей части 1855 года. Послѣ объявленія указа 3 апрѣля 1854 г. о морскомъ ополченіи (о вызовѣ охотниковъ въ гребную флотилію), начались толки, что это ополченіе освобождаетъ отъ крѣпостной зависимости. Движеніе это началось въ рязанской губерніи, затѣмъ продолжалось въ большихъ размѣрахъ въ тамбовской, владимірской

---

[1]) Вотъ какія мѣры были приняты кн. Голицынымъ относительно той толпы витебскихъ крестьянъ, человѣкъ въ 500, о которой разсказываетъ Фантомъ-де-Верраіонъ. Когда они расположились на ночлегъ близъ Порхова, то прибывшій ночью, по распоряженію генералъ-губернатора, батальонъ незамѣтно окружилъ ихъ, бросился на спящихъ крестьянъ, захватилъ и обезоружилъ ихъ. Мужчины были отправлены въ обратный путь съ конвоемъ, женщинамъ приказано слѣдовать за ними на подводахъ.

[2]) По свѣдѣніямъ Любавскаго, 114 человѣкъ. „Русскіе уголов. процессы" II, 291.

[3]) „Матер. для истор. крѣп. права" стр. 170—174. *Слупскій*. „О волненіи помѣщичьихъ крестьянъ витебской губ въ 1847 г." въ „Памятн. книжкѣ витебской губ. на 1866 г.", стр. 90—117; неизданная рукопись *Мясоѣда* „Записки о событіяхъ 1847 и 1848 гг. по предположеннымъ цѣлямъ верховнаго правительства къ уничтоженію въ Россіи крѣпостнаго состоянія" (принадл. редакціи „Русской Старины"). *Любавскій*. „Русск. уголов. процессы" II. 286—293.

и нижегородской, всего же затронуло 10 губерній, откуда крестьяне, „самовольно отлучаясь изъ мѣста жительства", сходились въ губернскіе города и въ Москву, чтобы заявить желанія поступить въ морское ополченіе. Въ Москву явилось 1,371 человѣкъ. Вслѣдствіе этого, 29 іюня, военный министръ объявилъ высочайшее повелѣніе о принятіи самыхъ строгихъ мѣръ для внушенія крестьянамъ настоящаго смысла указа 3 апрѣля, для чего было отправлено два флигель-адъютанта, а министръ внутреннихъ дѣлъ разъяснилъ циркуляромъ, что безъ согласія помѣщиковъ крестьяне не могутъ вступать въ ополченіе.

Послѣ обнародованія манифеста 14-го декабря 1854 г. и еще болѣе послѣ манифеста о народномъ ополченіи 29-го января 1855 года опять началось движеніе среди крестьянъ, продолжавшееся и въ новое царствованіе [1]).

---

[1]) „Мат. для истор. крѣп. права" 269—270, 283—289, (*Арх. свед.*) „Мат. для истор. управленія крѣпостн. состоянія" I, 80 и слѣд.

ГЛАВА XX.

Свободное русское слово о крестьянскомъ вопросѣ.—Другія вліянія, подготовившія паденіе крѣпостнаго права.

Очень важнымъ событіемъ, благопріятнымъ для правильнаго развитія крестьянскаго вопроса въ Россіи, было то, что одинъ изъ членовъ кружка Бѣлинскаго, А. И. Герценъ [1]), переселился въ 1847 г. заграницу. Въ лицѣ его кружокъ получилъ возможность свободно высказать свой взглядъ на крестьянское дѣло. Первоначально онъ пытался въ нашихъ журналахъ бороться съ крѣпостнымъ правомъ посредствомъ беллетристическихъ произведеній, будить русскую мысль изображеніемъ крѣпостничества въ неприкрашенномъ видѣ. И вотъ онъ задѣваетъ его, насколько возможно, и въ романѣ „Кто виноватъ", и въ повѣсти „Сорока воровка". На 1848 г. „Современникомъ" была обѣщана его повѣсть „Долгъ прежде всего", но она не была пропущена цензурой, безъ сомнѣнія за частыя вылазки въ ней противъ крѣпостнаго права. Это помѣшало автору окончить ее: въ 1851 году онъ разсказалъ въ сжатыхъ словахъ ея дальнѣйшій планъ, и въ такомъ видѣ, лишь въ 1854 г., она появилась въ свѣтъ заграницей.

Первымъ дѣйствующимъ лицомъ повѣсти является помѣщикъ Л. С. Столыгинъ, жизнь котораго авторъ относитъ еще къ концу XVIII-го вѣка, но въ его обращеніи съ крѣпостными читатель могъ найти не мало чертъ современныхъ ему нравовъ, которые, по мѣрѣ возможности, рисовали въ своихъ произведеніяхъ и другіе молодые писатели: Тургеневъ и Григоровичъ. Тяжела была жизнь дворовыхъ у Л. С. Столыгина: господинъ запрещаетъ имъ иногда жениться: въ конюшнѣ производятся такія суровыя расправы, что можно умереть во время наказанія, и проч. Въ характерѣ брата Льва Степановича выдающеюся чертою была чувственность,

---

[1]) О взглядахъ его на крѣпостное право во время жизни въ Россіи мы уже говорили въ главѣ X-ой

рано развившаяся, благодаря существованію дѣвичьей и покровительству матери его развратнымъ наклонностямъ. Сдѣлавшись помѣщикомъ, Степанъ Степановичъ матеріальной стороной хозяйства заниматься не любилъ и предоставилъ управленіе вотчиной старостѣ и повару. Сынъ его, унаслѣдовавъ имѣніе дяди, начинаетъ свое управленіе тѣмъ, что увеличиваетъ оброкъ на 10 рублей съ тягла. Найдя записку, въ которой дядя изъявляетъ желаніе отпустить на волю дворовыхъ, онъ сжигаетъ этотъ документъ. Михаилъ Степановичъ жилъ въ Москвѣ и страшно тѣснилъ дворню; завѣдываніе имѣніемъ онъ поручилъ другому лицу, но иногда безъ всякой нужды врывался въ его управленіе, „распространялъ ужасъ и трепетъ, брилъ лбы, наказывалъ, бралъ во дворъ, обременялъ совершенно ненужными работами". Въ ненаписанной и лишь кратко изложенной второй половинѣ повѣсти дѣйствующимъ лицомъ долженъ былъ явиться молодой человѣкъ, уже проникнутый „искреннимъ желаніемъ освобожденія крестьянъ" [1])

Въ концѣ 1847 г., когда Герценъ былъ уже заграницей, въ „Современникѣ" печатались его „Письма изъ Avenue Marigny", въ которыхъ, впервые въ нашей литературѣ, высказывалось отрицательное отношеніе къ западно-европейской буржуазіи, къ буржуазной политической экономіи и горячая вѣра въ грядущее значеніе четвертаго сословія. Печатаніе этихъ корреспонденцій въ „Современникѣ" было прервано, и слѣдующія семь писемъ были изданы въ 1850 г. по нѣмецки, въ Гамбургѣ, подъ названіемъ: „Писемъ изъ Италіи и Франціи одного русскаго": дописанное въ 1852 г., все это сочиненіе было издано въ 1854 г. Въ немъ авторъ, сильно разочарованный событіями 1848 г., со строгою критикою относится къ современнымъ западно-европейскимъ политическимъ и экономическимъ порядкамъ, излагаетъ свои собственные взгляды на общественныя отношенія и ихъ будущее развитіе въ Европѣ и мѣстами находитъ слово сочувствія для русскаго народа и тѣхъ сторонъ русской жизни, которымъ, по его мнѣнію, предстоитъ весьма значительная роль: такъ, напримѣръ, западно-европейскія поземельныя отношенія вызываютъ у автора уже въ этомъ произведеніи сочувственное слово русской общинѣ [2]).

Первою книгою, изданною Герценомъ на западѣ, была „Vom andern Ufer" („Съ того берега"): рядъ статей, ее составляющихъ, былъ написанъ по-русски въ 1848—1849 годахъ; авторъ самъ продиктовалъ ихъ затѣмъ по-нѣмецки и напечаталъ въ 1850 г. (по-русски она была издана въ дополненномъ видѣ въ 1855 г.). Въ нѣмецкомъ изданіи не появилось введенія подъ названіемъ „Прощайте", въ которомъ авторъ объяс-

[1]) Сочиненія Герцена т. IV.
[2]) Ibid. т. IV, 204—205, 240—241.

няетъ друзьямъ, почему онъ не возвращается въ Россію: „Я здѣсь полезнѣе“, говоритъ онъ имъ: „я здѣсь безцензурная рѣчь ваша, вашъ свободный органъ, вашъ случайный представитель“. Онъ ставитъ себѣ еще и другую задачу: знакомить съ Россіею Европу. „Разскажемъ ей объ мощномъ и неразгаданномъ народѣ, который втихомолку образовалъ государство въ шестьдесятъ милліоновъ, который такъ крѣпко и удивительно разросся, не утративъ общиннаго начала, и первый перенесъ его черезъ начальные перевороты государственнаго развитія... который сохранилъ величавыя черты, живой умъ и широкій разгулъ богатой натуры подъ гнетомъ крѣпостнаго состоянія.. Итакъ, прощайте, друзья... Быть можетъ и *не такъ далекъ*, какъ кажется, тотъ день, въ который мы соберемся, какъ бывало въ Москвѣ, и безбоязненно сдвинемъ наши чаши при крикѣ: *„за Русь и святую волю!“* Самая книга, впрочемъ, была посвящена анализу настоящаго западной Европы и ея вѣроятнаго будущаго: лишь мѣстами авторъ затрогиваетъ въ ней Россію [1]).

Двойная роль, взятая на себя Герценомъ, — свободнаго выразителя идей того русскаго кружка, къ которому онъ принадлежалъ, и истолкователя Россіи предъ Европою,— ясно выразилась въ его письмѣ къ Мишле. Въ легендѣ о Костюшкѣ, напечатанной въ 1851 г. въ газетѣ „L'Evénement“. Мишле помѣстилъ характеристику русскаго народа, которая вызвала горячій отвѣтъ Герцена, напечатанный отдѣльною брошюрою по французски въ 1851 г., а по русски впервые появившійся въ 1858 г. Подчеркивая слова Мишле, что сила русскаго народа „лежитъ въ аграрномъ законѣ, въ постоянномъ дѣлежѣ земли“, авторъ прежде всего посвящаетъ свою брошюру подробному разъясненію этой мысли: „Жизнь русскаго народа до сихъ поръ ограничивалась общиною; только въ отношеніи къ общинѣ и ея членамъ признаетъ онъ за собою права и обязанности. Внѣ общины все ему кажется основаннымъ на насиліи... Явная несправедливость помѣщиковъ привязываетъ его еще болѣе къ его правамъ и къ общинному устройству. Община спасла русскій народъ.. отъ выкрашенныхъ по-европейски помѣщиковъ и отъ нѣмецкой бюрократіи. Общинная организація, хотя и сильно потрясенная, устояла противъ вмѣшательства власти, она благополучно дожила до развитія соціализма въ Европѣ. Это обстоятельство безконечно важно для Россіи...

„Народъ начинаетъ роптать подъ игомъ помѣщиковъ: безпрестанно вспыхиваютъ мѣстныя возстанія. Партія движенія, прогресса требуетъ освобожденія крестьянъ; она готова принести въ жертву свои права. Царь колеблется. Обойти вопросъ объ освобожденіи невозможно. Изъ всего этого вы видите, какое счастіе для Россіи, что сельская община не погибла, что личная собственность не раздробила собственности об-

[1]) Ibid. t. V, 3, 6. 13—15, 110, ср. 62.

щины; какое это счастье для русскаго народа, что онъ остался... внѣ европейской цивилизаціи, которая, безъ сомнѣнія, подкопала бы общину... Европа на первомъ шагу къ соціальной революціи встрѣчается съ этимъ народомъ, который представляетъ ему осуществленіе, полудикое, неустроенное, но все-таки осуществленіе постояннаго дѣлежа земель между земледѣльцами. И замѣтьте, что этотъ великій примѣръ даетъ намъ не образованная Россія, но самъ народъ... Человѣкъ будущаго въ Россіи—*мужикъ*, точно также какъ во Франціи—работникъ". Такимъ образомъ, Герценъ, подробно развивая мысль Мишле, съ которою онъ былъ согласенъ, въ то-же время горячо полемизируетъ противъ нѣкоторыхъ мѣстъ характеристики русскаго народа, сдѣланной французскимъ историкомъ. Особенно энергическій протестъ съ его стороны возбуждаютъ слѣдующія слова Мишле о русскомъ крестьянинѣ: „Его община не община, его семейство не семейство, его жена не жена; прежде чѣмъ ему, она принадлежитъ помѣщику: его дѣти не его дѣти; кто знаетъ, кто ихъ отецъ?" Разсматривая по этому поводу отношенія помѣщика къ крѣпостнымъ семействамъ, Герценъ говоритъ: „Для большей ясности отличимъ норму отъ злоупотребленій, права отъ преступленій. Jus primae noctis" (право первой ночи) „никогда не существовало въ Россіи. Помѣщикъ не можетъ законно требовать нарушенія супружеской вѣрности. Если бы законъ исполнялся въ Россіи, изнасилованіе крѣпостной женщины наказывалось бы точно также, какъ если бы она была вольная, т. е. каторжною работою или ссылкою въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ. Таковъ законъ; обратимся къ фактамъ Я не думаю отвергать, что при власти, данной правительствомъ помѣщикамъ, имъ очень легко насиловать дочерей и женъ своихъ крѣпостныхъ. Притѣсненіями и наказаніями помѣщикъ всегда добьется того, что найдутся отцы и мужья, которые будутъ предоставлять ему дочерей и женъ... Неудивительно также, что честные отцы и мужья не находятъ суда на помѣщика, благодаря прекрасному судебному устройству въ Россіи... Всѣ эти грязныя гадости возможны; стоитъ только вспомнить грубые и развращенные нравы части русскаго дворянства, чтобы въ этомъ убѣдиться. Но что касается до крестьянъ, то они далеко не равнодушно переносятъ развратъ своихъ господъ. Позвольте мнѣ привести этому доказательства: половина изъ помѣщиковъ, убиваемыхъ своими крѣпостными (по статистическимъ даннымъ ихъ число простирается отъ 60 до 70 въ годъ) [1]), погибаетъ вслѣдствіе своихъ эротическихъ подвиговъ. Процессы по такимъ поводамъ рѣдки; крестьянинъ знаетъ, что суды не уважатъ его жалобъ; но у него есть топоръ; онъ имъ владѣетъ мастерски и знаетъ это тоже" [2]).

---

[1]) Цифры эти, если вѣрить даннымъ министерства внутреннихъ дѣлъ, преувеличены.

[2]) Ibid. т. V, 187, 190—195, 198—201.

Въ 1853 г. Герценъ напечаталъ въ Лондонѣ, уже по русски, брошюру „Крещеная собственность", всецѣло посвященную крестьянскому вопросу: здѣсь онъ развиваетъ взгляды, раздѣляемые тогда лучшими представителями русскаго общества и положенные затѣмъ въ основу крестьянской реформы: онъ требуетъ надѣленія крестьянъ землею, съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія. Признавая добрыя намѣренія императора Николая въ крестьянскомъ дѣлѣ, авторъ справедливо считаетъ совершенно неудачными принятыя имъ въ этомъ отношеніи мѣры.

„Не затруднять слѣдуетъ помѣщичьи права,—ихъ слѣдуетъ уничтожить, ликвидировать. Всѣ маленькія мѣры будутъ недостаточны: изворотливость исполнителей и хитрость помѣщиковъ найдутъ средство обойти законъ. У меня нѣтъ ни земли, ни крестьянъ, я покупаю дворовыхъ людей на имя моего сосѣда, а съ него беру заемное письмо. И потомъ, имѣя двѣ души и двѣ десятины, я могу покупать безъ всякаго ограниченія цѣлыя семьи живописцевъ, музыкантовъ, портныхъ, оффиціантовъ. . и обкладывать ихъ произвольнымъ оброкомъ, черезъ годъ продавать въ ребруты. Торгъ людьми идетъ не хуже, какъ въ Кубѣ или Малой Азіи.... Самое существованіе всего несчастнаго сословія дворовыхъ людей—внѣзаконное, ничѣмъ неопредѣленное и зависящее вполнѣ отъ помѣщика. Сколько крестьянъ можетъ взять помѣщикъ во дворъ изъ деревни, сколько рукъ отнять у семьи? Онъ можетъ взять жену у мужа и сдѣлать ее прачкой у себя въ домѣ. онъ можетъ взять послѣдняго сына у старика отца и сдѣлать изъ него лакея; пока помѣщикъ не уморилъ съ голоду или не убилъ физически своего крѣпостнаго человѣка, онъ правъ передъ закономъ и ограниченъ только однимъ топоромъ мужика. Имъ, вѣроятно, и разрубится запутанный узелъ помѣщичьей власти. Русское правительство соединено съ Англіей договоромъ противъ торга невольниками. Отчего же непремѣнно надобно быть чернымъ, чтобъ быть человѣкомъ въ глазахъ *бѣлаго*" правительства.

На вопросъ: „гдѣ же средства для освобожденія крестьянъ", авторъ отвѣчаетъ: „Средства найдутся.... Въ сущности, бояться нечего; вѣдь это хорошо разсказывать иностраннымъ газетамъ о дикихъ boyards moscovites, всегда готовыхъ на цареубійство и грозныхъ своимъ вліяніемъ Ихъ совсѣмъ нѣтъ. Весь народъ, очевидно, былъ бы за правительство, и не одинъ народъ, а вся образованная часть дворянства.—Если закоснѣлые помѣщики и московскіе *бояре* будутъ противиться, имъ придется ограничиться ропотомъ. Отчего имъ и не позволить болтать о своемъ неудовольствіи? Они, впрочемъ, столько проповѣдывали намъ безусловную покорность передъ... властью, что справедливо было бы отъ нихъ потребовать примѣръ. Да и гдѣ ихъ права? Они владѣли мужиками.... по царской милости; по царской немилости они перестали бы ихъ разорять. Люди эти не имѣютъ партіи, ихъ сила мнимая....

„Въ рукахъ правительства рядъ соціальныхъ и финансовыхъ мѣръ, которыми оно можетъ безъ сильнаго и внезапнаго потрясенія освободить крестьянъ съ землею. Оно ихъ знаетъ изъ сотни проектовъ, поданныхъ съ 1842 г. Киселеву и Перовскому. Вмѣсто того, чтобы воспитательные дома превращать въ рынки, на которыхъ продаются ревизскія души съ молотка, правительство можетъ переводить долгъ на деревни и брать съ нихъ въ замѣну оброка свои 5%; оно можетъ сдѣлать внутренній заемъ для выкупа другихъ и прочее. Пусть оно только позволитъ дворянамъ прямо и открыто заняться этимъ вопросомъ, пусть разрѣшитъ всѣмъ, кто хочетъ, составленіе обществъ, товариществъ для выкупа крестьянъ, для помощи освобождающимся".

На возраженіе, что если народъ выноситъ положеніе, въ которомъ онъ находится, то слѣдовательно онъ заслуживаетъ его, Герценъ отвѣчаетъ такимъ образомъ: „Когда крестьянамъ становится не втерпежъ, они бѣгутъ, дѣлаютъ поджоги или рѣжутъ господъ. Рѣдко сговариваются они съ другими деревнями, хотя и были примѣры лѣтъ десять тому назадъ въ Тамбовѣ и въ Симбирскѣ, что нѣсколько деревень дѣйствовали заодно. Бунты ихъ дѣлаются безъ мести и съ отчаянія, безъ всякой надежды поправить свое положеніе. Народу, разсѣянному по необозримымъ долинамъ и живущему въ деревняхъ, открытыхъ со всѣхъ сторонъ, ничѣмъ незащищенныхъ кромѣ лѣсовъ, трудно дѣлать возстанія.

„Сверхъ того, вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія не былъ до нашего времени понимаемъ одинакимъ образомъ крестьянами и аболиціонистами. Съ точки зрѣнія либерализма и религіи собственности вопросъ разрѣшался прямо противъ народнаго смысла. Послѣ наполеоновской войны Александръ освободилъ эстовъ, принадлежавшихъ остзейскому дворянству, онъ имъ далъ личную свободу *безъ земли*. Весьма вѣроятно, если бъ русскіе крестьяне съ нѣкоторою настойчивостью потребовали освобожденія, императоръ, при тогдашнемъ его настроеніи, уступилъ бы имъ. Часть дворянъ лучше не проситъ, какъ освободить мужиковъ, оставя за собой землю. Что же было бы изъ такого освобожденія? Представьте себѣ европейское сельское устройство.... съ нашими чиновниками, съ нашей земской полиціей. Представьте себѣ двадцать милліоновъ пролетаріевъ, ищущихъ работы на господскихъ земляхъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ никакой законности, гдѣ все управленіе подкупное и дворянское, гдѣ личность ничего, а вліяніе все. Помѣщики заключили бы между собой оборонительный союзъ, установили бы свои цѣны противъ крестьянъ, такъ какъ это было въ остзейскихъ провинціяхъ. Полиція была бы съ ихъ стороны. Общинное начало было бы поражено на смерть у вновь освобожденныхъ: деревня потеряла бы свое.... единство, и въ полстолѣтія мы перегнали бы Ирландію.

„Есть люди, до сихъ поръ поддерживающіе пользу освобожденія безъ земли, освобожденія въ голодъ и безпріютность, воображая, что въ этомъ новомъ пролетаріатѣ непремѣнно разовьется революціонное начало. Быть голоднымъ и пролетаріемъ вовсе недостаточно для того, чтобы сдѣлаться революціонеромъ. Взвода полисменовъ достаточно, чтобы держать ирландцевъ въ повиновеніи законамъ, лишающимъ ихъ куска хлѣба. Вообще пролетарій полей очень миренъ. Кругъ его понятій тѣсенъ, онъ слишкомъ подавленъ и сгнетенъ къ землѣ, чтобъ быть болѣе нежели недовольнымъ. Онъ принимаетъ свое положеніе за судьбу, онъ страдаетъ, не знаетъ выхода, покоряется.

„Русскіе, говорящіе такъ легко о разрушеніи сельской общины, никогда не думали, что же останется, что будетъ, когда этотъ послѣдній узелъ народной жизни, насильственно развязанный, распустится. Народъ русскій все вынесъ, но спасъ общину; община спасла народъ русскій; уничтожая ее, вы отдаете его, связаннаго по рукамъ и ногамъ, помѣщику и полиціи. И коснутся до нея въ то время, когда Европа оплакиваетъ свое раздробленіе полей и всѣми силами стремится къ какому нибудь общинному устройству!..

„Помѣщичья власть, какъ нѣчто совершенно внѣшнее, поддерживаемое однимъ насиліемъ, легко снимется съ сельской жизни“ [1]).

Многое изъ сказаннаго Герценомъ въ этой статьѣ не утратило и до сихъ поръ самаго животрепещущаго интереса и вполнѣ прилагается къ нѣкоторымъ противникамъ общины и людямъ, которые равнодушно смотрѣли бы на ея разрушеніе, по причинамъ, указаннымъ авторомъ „Крещеной собственности“.

Въ другой статьѣ, написанной въ томъ же 1853 г., Герценъ обращается къ „Русскому дворянству“ и убѣждаетъ его, что „нельзя говорить о правахъ человѣческихъ, будучи владѣльцемъ человѣческихъ душъ“.

„Многіе изъ васъ“, продолжаетъ авторъ, „желали освобожденія крестьянъ; Пестель и его друзья ставили освобожденіе ихъ своимъ первымъ дѣломъ. Спорили сначала о томъ: съ землею или безъ земли дать волю? Потомъ всѣ увидѣли нелѣпость освобожденія въ голодъ, въ бродяжничество, и вопросъ шелъ только о количествѣ земли и о возможномъ возмездіи за нее“. Упомянувъ о совѣщаніяхъ дворянства въ разныхъ губерніяхъ объ освобожденіи крестьянъ, Герценъ продолжаетъ:

„И вдругъ дворяне и правительство перепугались, и изъ ихъ дрожащихъ рукъ выпали всѣ благія начинанія. А бояться было нечего: разливъ 1848 г. былъ слишкомъ мелокъ, чтобы поднять наши степи. Съ тѣхъ поръ все заснуло. Куда дѣлось мечтательство, которое шумѣло въ петер-

---

[1]) Ibid. t. V, 221—225, 229—238, 240—241

бургскихъ и московскихъ гостиныхъ объ освобожденіи крестьянъ?... Чѣмъ кончились всѣ эти комитеты, совѣщанія, проекты, планы, предположенія?..

„А между тѣмъ въ деревняхъ становится неловко. Крестьяне посматриваютъ угрюмо. Дворовые меньше слушаются. Всякія вѣсти бродятъ. Тамъ то помѣщика съ семьей сожгли, тамъ-то убили другаго цѣпами и вилами, тамъ-то прикащика задушили бабы на полѣ, тамъ-то *камергера* высѣкли розгами и взяли съ него подписку молчать

„Крѣпостное состояніе явнымъ образомъ надоѣло мужикамъ, они только не умѣютъ приняться сообща за дѣло. Вы съ своей стороны знаете, что шагу впередъ нельзя сдѣлать безъ освобожденія крестьянъ. Но оно-то, по счастью, всего больше зависитъ отъ васъ. Зависитъ сегодня. Мы не знаемъ, что будетъ завтра. Чего же вы ждете въ самомъ дѣлѣ? Разрѣшенія правительства? Оно дало вамъ какой-то ... намекъ въ 1842 г. Вы имъ не воспользовались. Да и какое тутъ позволеніе? Насильно заставить владѣть невозможно: это было бы тиранство совершенно новаго рода, обратная конфискація. .. Ключъ отъ цѣпи у васъ въ рукахъ Намъ кажется умнѣе, *разсчетливье* уступить, нежели ждать взрыва.... Французское дворянство, 4-го августа 1792 г., поступило въ десять разъ больше умно, нежели самоотверженно. Взвѣсьте, что вамъ выгоднѣе: освобожденіе крестьянъ съ землею и съ вашимъ участіемъ, или борьба противъ освобожденія съ участіемъ правительства? Взвѣсьте, что выгоднѣе: начать собою новую свободную Русь и полюбовно рѣшить тяжелый вопросъ съ крестьянами, или начать противъ нихъ крестовый походъ съ ружьемъ въ одной рукѣ, съ розгой въ другой? Если есть только будущность Руси и міру славянскому, *крестьяне будутъ свободны*. И вы, и я, мы чувствуемъ, что освобожденіе крестьянъ необходимо, неотразимо, неминуемо. Если вы не съумѣете ничего сдѣлать, они все таки будутъ свободны по царской милости или по милости пугачевщины.. Спасите собя отъ крѣпостнаго права и крестьянъ отъ той крови, которую они должны будутъ пролить. Пожалѣйте дѣтей своихъ, пожалѣйте совѣсть бѣднаго народа русскаго. Но торопитесь, время страдное, ни одного часа терять нельзя» [1]).

На вопросъ, въ какомъ размѣрѣ слѣдуетъ надѣлить крестьянъ землею, Герценъ отвѣтилъ въ одной рѣчи, произнесенной имъ въ Лондонѣ 27-го февраля 1854 г.: „Опыты свести крестьянъ на самомалѣйшую долю земли были сдѣланы и не удались. Какъ раздѣлить земли,—указываетъ самое положеніе дѣлъ и духъ народа. *Мужикъ хочетъ себѣ лишь мірскую землю*, лишь ту, которую пріобрѣлъ святымъ *правомъ работы*; больше онъ не требуетъ. *Мужикъ русскій не вѣритъ, чтобы мірская земля могла при-*

[1]) Ibid. t. V. 301—309. „Юрьевъ день! Юрьевъ день!—Русскому дворянству".

надлежать, иному нежели міру. Онъ скорѣе вѣритъ, что онъ самъ принадлежитъ землѣ, нежели, что землю можно отнять у міра Это чрезвычайно важно [1]). Другими словами, Герценъ требовалъ, чтобы крестьяне были освобождены не только съ землею, но и съ сохраненіемъ за ними всей той земли, которою они пользовались. Въ слѣдующемъ году, уже въ новое царствованіе, то-же требованіе повторилъ Кавелинъ въ своей запискѣ объ уничтоженіи крѣпостнаго права.

Въ указанныхъ сочиненіяхъ Герценъ высказалъ по крестьянскому вопросу все то, что было выработано лучшими представителями русской интеллигенціи, начиная съ Радищева, который уже требовалъ земельнаго надѣла для крестьянъ, и кончая членами кружка, къ которому принадлежалъ самъ авторъ „Крещеной собственности“ до отъѣзда за границу, и обращаясь къ которому онъ говорилъ: „я здѣсь безцензурная рѣчь ваша“. На сказанное имъ въ первой половинѣ 1850-хъ годовъ по крестьянскому вопросу можно смотрѣть, какъ на коллективное заявленіе самыхъ передовыхъ людей русскаго общества наканунѣ новаго царствованія, и потому указанныя сочиненія Герцена имѣютъ для насъ особенное значеніе. Сгруппируемъ тѣ положенія по вопросу объ освобожденіи крестьянъ, какія мы находимъ въ его произведеніяхъ разсматриваемой эпохи:

1) Полумѣры въ крестьянскомъ дѣлѣ ни къ чему не приведутъ; должно совершенно покончить съ крѣпостнымъ правомъ. Если крестьяне не будутъ освобождены, дѣло можетъ кончиться кровавымъ возстаніемъ.

2) Освобожденіе крестьянъ должно быть произведено не иначе, какъ съ надѣленіемъ ихъ землей. Сочувствіе обезземеленію народа съ радикальной точки зрѣнія—нелѣпость.

3) *Необходимо сохранить за крестьянами всю ту землю, которою они теперь пользуются.*

4) Необходимо сохранить общинное землевладѣніе.

5) Если иниціативу освобожденія не возьметъ въ свои руки дворянство (для чего слѣдуетъ разрѣшить ему свободное обсужденіе этого вопроса), то крѣпостное право будетъ уничтожено верховною властью, и дворянство не будетъ имѣть силы этому воспротивиться.

6) Освобожденіе крестьянъ правительствомъ облегчается сильною задолженностью помѣщичьихъ имѣній въ кредитныхъ учрежденіяхъ; возможенъ и внутренній заемъ для выкупа крѣпостныхъ.

Вотъ программа по крестьянскому вопросу, выставленная „свободнымъ органомъ“ русской интеллигенціи въ концѣ царствованія императора Николая; нѣсколько лѣтъ позднѣе она сдѣлалась и правительственною программою. Не было, однако, исполнено при уничтоженіи крѣпостнаго права одно изъ требованій Герцена,—необходимость сохраненія за крестьянами

---

[1]) Ibid. т. V, 348.

всей земли, предоставленной имъ въ пользованіе помѣщиками. Такимъ образомъ, теоретическія основы будущаго освобожденія были выработаны лучшими представителями интеллигенціи; оставалось лишь сдѣлать ихъ достояніемъ большинства общества и примѣнить къ дѣлу: такова была задача, поставленная исторіею второй половинѣ 1850-хъ годовъ

Между тѣмъ какъ самые выдающіеся представители интеллигенціи уже выработали вполнѣ опредѣленную и благопріятную для народа программу по крестьянскому вопросу, масса дворянства или относилась еще къ нему безучастно, или преслѣдовала въ этомъ дѣлѣ узкоэгоистическіе интересы. Тѣмъ не менѣе, сознаніе, что съ крѣпостнымъ правомъ придется такъ или иначе скоро покончить, начинало постепенно проникать въ среду провинціальнаго дворянства, по крайней мѣрѣ въ лицѣ его членовъ, болѣе тронутыхъ образованіемъ. Въ этомъ отношеніи любопытно показаніе министра внутреннихъ дѣлъ, Перовскаго, какъ извѣстно вовсе не принадлежавшаго къ числу либераловъ въ крестьянскомъ дѣлѣ. „Время и новыя отношенія", писалъ онъ въ запискѣ 1845 г., „вовсе измѣнили взглядъ образованныхъ помѣщиковъ на крѣпостное право: они, конечно, опасаются послѣдствій свободы, зная необузданность народа, вышедшаго однажды въ какомъ либо отношеніи изъ своего обычнаго положенія и изъ предѣловъ повиновенія: его владѣльцы нынѣ уже вовсе не боятся утраты своего достоянія отъ дарованія людямъ свободы. Помѣщики сами начинаютъ понимать, что крестьяне тяготятъ ихъ и что было бы желательно измѣнить эти обоюдно-невыгодныя отношенія. Къ сему повели, мало по малу, возвысившаяся цѣнность и недостатокъ земель, неопредѣлительность крестьянскихъ обязанностей и возникающіе изъ этого раздоры, частые неурожаи и тяжкая обязанность кормить крестьянъ въ такихъ случаяхъ на свой счетъ, безпечность крестьянина, который, принадлежа бариву и привыкнувъ видѣть въ немъ опекуна своего, самъ о себѣ не заботится" Что помѣщики дѣйствительно считали свои обязанности относительно крестьянъ весьма обременительными, это видно изъ многихъ ихъ заявленій и между прочимъ изъ неизданнаго письма извѣстнаго смоленскаго губернскаго предводителя дворянства, кн. Друцкаго-Соколинскаго, къ мѣстному губернатору (1852 г.).

„Теперь", читаемъ мы здѣсь, „когда... нравственная старинная связь" (между помѣщиками и крестьянами) „колеблется, распоряженіямъ помѣщика не соотвѣтствуютъ добрая воля и усердіе крестьянъ, а весьма часто тамъ, гдѣ духъ независимости въ скрытой борьбѣ съ властью помѣщика беретъ верхъ... отъ неосторожнаго... распоряженія мѣстнаго начальства, распоряженія владѣльца остаются вовсе неисполненными. Въ такихъ имѣніяхъ можетъ-ли быть какое либо устройство, можетъ-ли помѣщикъ обезпечить благосостояніе не только своихъ крестьянъ, но и собственнаго своего семейства. Земля не обрабатывается какъ должно и въ

свое время, хозяйственныя строенія опускаются, урожаи отъ дурной и несвоевременной обработки земли оскудѣваютъ, доходы уменьшаются, словомъ, благосостояніе имѣній часъ отъ часу упадаетъ... Между тѣмъ обязанности о благоустройствѣ имѣнія остаются на владѣльцѣ. Нужны-ли крестьянину хлѣбъ, рабочая скотина, онъ проситъ, а во многихъ имѣніяхъ уже требуетъ его отъ помѣщика, пользуясь между тѣмъ землею вдвое болѣе, чѣмъ на помѣщика обработываетъ; попался-ли крестьянинъ въ корчемствѣ, штрафныя деньги взыскиваются съ помѣщика; оказалась-ли недоимка на крестьянахъ, земская полиція, по распоряженію губернскаго начальства, печатаетъ амбары помѣщика; постигъ-ли губернію неурожай, помѣщикъ покупаетъ для крестьянъ хлѣбъ на собственный свой капиталъ, а по неимѣнію денегъ проситъ пособія у коммиссіи продовольствія, которая хотя и выдаетъ ссуду, но подъ залогъ, однако-же, собственнаго имѣнія помѣщика. Ясно, что въ страдательномъ положеніи есть лицо помѣщика. Онъ стремится поправить дѣло, требуетъ отъ крестьянина труда, но крестьянинъ нынѣ называетъ трудъ угнетеніемъ... [1]). Въ виду этихъ-то непріятныхъ сторонъ владѣнія имѣніемъ на крѣпостномъ правѣ извѣстная часть дворянъ, по свидѣтельству Перовскаго, и начала примиряться съ мыслью о необходимости освобожденія крестьянъ, но при этомъ они, разумѣется, желали, чтобы земля осталась ихъ собственностью, какъ это видно и изъ того, что, по словамъ Перовскаго, „возвысившаяся цѣнность земель“ была одною изъ причинъ новыхъ вѣяній среди дворянства по крестьянскому вопросу. Въ одной изъ разсмотрѣнныхъ выше статей А. И. Герцена онъ говоритъ, что передъ 1848 г. былъ замѣтенъ среди дворянъ нѣкоторый интересъ къ крестьянскому дѣлу. „Въ самыхъ помѣщичьихъ губерніяхъ, въ Пензѣ и Тамбовѣ, въ Ярославлѣ и Владимірѣ, въ Нижнемъ и, наконецъ, въ Москвѣ вопросъ объ освобожденіи находилъ сочувствіе и нигдѣ не встрѣчалъ того остервененія, съ которымъ американскіе помѣщики защищали свои черныя права“. Упомянувъ далѣе о проектѣ тульскаго дворянства, Герценъ говоритъ: „Въ десяти другихъ губерніяхъ совѣщались, дѣлали предположенія“ Это показаніе мы должны оставить на отвѣтственности Герцена: намъ извѣстны совѣщанія по крестьянскому дѣлу, кромѣ тульской, только въ смоленской, тверской, рязанской и петербургской губерніяхъ, если не считать, разумѣется, губерній западной Россіи, гдѣ такія совѣщанія были вызваны распоряженіемъ правительства о выработкѣ и затѣмъ введеніи обязательныхъ инвентарей. Тѣмъ не менѣе, интереса къ крестьянскому вопросу въ извѣстной части дворянства со второй половины 1840-хъ годовъ отри-

---

[1]) Рукопись библіотеки архива мин. иностр. дѣлъ въ Москвѣ, пожертвованная Хазиковымъ.

цать нельзя, хотя, повторяю, отношеніе къ этому дѣлу большинства дворянъ было узко-эгоистическое.

Одною изъ важныхъ причинъ распространенія мысли о возможности освобожденія крестьянъ были удачныя попытки обработывать землю вольнонаемнымъ трудомъ; этого не упускаетъ изъ виду и Перовскій: „Опыты обработки земель наемными людьми въ губерніяхъ: саратовской, тамбовской, пензенской, воронежской и другихъ показали, что тамъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ рукахъ, владѣлецъ *ненаселенной земли* при подобномъ хозяйствѣ оставался въ выигрышѣ противу помѣщика". Заблоцкій-Десятовскій въ своей извѣстной запискѣ 1841 г. также приводитъ примѣры хозяйствъ, основанныхъ на вольнонаемномъ трудѣ, которые, по его словамъ, „достаточно убѣждаютъ въ возможности обработки земли вольнонаемными работниками" [1]. Наконецъ мы приводили уже (въ гл. XVI) свидѣтельство Ю. Ѳ. Самарина (1849—1850 гг.), о томъ, какъ усилилось распространеніе вольнонаемнаго труда въ помѣщичьихъ имѣніяхъ юго-западнаго края вслѣдствіе воздѣлыванія въ большихъ размѣрахъ свеклы-вицы.

Не малымъ побужденіемъ къ прекращенію обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами являлась также и сильная задолженность дворянскихъ имѣній: въ 1852 г. въ государственномъ заемномъ банкѣ было заложено имѣній съ населеніемъ 634,651 душа м. п., въ сохранныхъ казнахъ 5.209,114 душъ м. п., итого 5.843,765 душъ м. п., а такъ какъ по девятой ревизіи (1851 г.) всего крѣпостныхъ въ Россіи было 10.708,856 душъ м. п., то слѣдовательно 54% крѣпостныхъ было заложено. Среднимъ числомъ въ заложенныхъ имѣніяхъ приходилось въ 1856 г. долгу на ревизскую душу болѣе 69 рублей [2]. Уплата процентовъ по этимъ долгамъ лежала тяжелымъ бременемъ на помѣщичьихъ хозяйствахъ и наводила многихъ дворянъ на мысль, что было-бы весьма недурно раздѣлаться съ этими долгами, хотя бы посредствомъ освобожденія крестьянъ.

Если было, такимъ образомъ, немало причинъ побуждающихъ дворянство серьезно остановиться на мысли объ уничтоженіи крѣпостнаго права, то какъ эти причины, такъ и вредное вліяніе, оказываемое существованіемъ несвободнаго труда на состояніе земледѣлія, промышленности, торговли и финансовъ, должны были въ скоромъ времени привести и правительство къ сознанію необходимости освобожденія крестьянъ. Въ этомъ отношеніи было весьма важно, что оно могло найти въ западной Европѣ примѣры окончательнаго прекращенія отношеній, вытекавшихъ изъ крѣ-

---

[1]) *Заблоцкій-Десятовскій*. „Гр. Киселевъ" IV, 283—284.
[2]) *Ходскій*, „Поземельный кредитъ", стр. 81, 83

постнаго права. На полезныя размышленія наводилъ и собственный опытъ нашего правительства въ Остзейскомъ краѣ.

9-го іюля 1849 г. было высочайше утверждено лифляндское крестьянское поземельное уложеніе. Цѣлью его было, при сохраненіи правъ, дарованныхъ крестьянамъ въ 1819 г., дать имъ возможность пріобрѣтать поземельную собственность, или, по крайней мѣрѣ, обезпечить за ними пользованіе землею, и способствовать уничтоженію барщины, которая *признана вредною для крестьянъ и помѣщиковъ* и допущена лишь временно по невозможности сразу совершенно устранить ее [1]). Въ этихъ видахъ было постановлено, чтобы въ каждомъ помѣстьѣ въ теченіе пяти лѣтъ, при посредствѣ особой коммиссіи, были разграничены земли на мызныя, или господскія, и на крестьянскія. Крестьянскія земли помѣщикъ могъ только отдавать въ аренду крестьянамъ или продать имъ въ собственность. Обмѣнить крестьянскія земли помѣщикъ могъ не иначе, какъ съ согласія крестьянскаго общества. Условія аренды должны были основываться на добровольномъ соглашеніи, и арендные контракты могли заключаться лишь на опредѣленный срокъ не менѣе шести и не долѣе пятидесяти лѣтъ. Для облегченія пріобрѣтенія крестьянами земель въ собственность былъ учрежденъ крестьянскій непрерывно-доходный банкъ [2]). Такимъ образомъ, правительство дѣлало опытъ приложенія кредитной операціи къ устройству быта крестьянъ.

Событія 1848 г. заставили, наконецъ, Германію и Австрію окончательно порѣшить крестьянскій вопросъ. 2-го марта 1850 года въ Пруссіи были приняты законы о выкупѣ повинностей и регулированіи отношеній между помѣщиками и крестьянами и объ учрежденіи рентнаго банка [3]).

---

[1]) Въ 1845 г. правительство ограничило въ Лифляндіи и Эстляндіи размѣръ барщины высшею нормою, которую помѣщикъ не долженъ былъ переступать: относительно денежнаго оброка подобнаго постановленія издано не было. „Ужъ не отъ того-ли балтійское дворянство", спрашиваетъ Самаринъ, „такъ искренно возненавидѣло барщину съ 1846 г. и такъ полюбило оброкъ, о которомъ (по крайней мѣрѣ въ Лифляндіи и Эстляндіи) оно до этого времени не хотѣло и слышать". („Окраины Россіи" I. 76. 83, 84).

[2]) Банкъ этотъ долженъ былъ выдавать крестьянамъ ссуды на слѣдующихъ основаніяхъ: цѣна участка опредѣляется договоромъ между продавцемъ и покупателемъ. Изъ этой цѣны отъ 15 до 20% покупщикъ обязанъ заплатить продавцу наличными деньгами; 60% выдаетъ банкъ продавцу своими билетами, приносящими по 4%, выплачиваемыхъ банкомъ; затѣмъ остальные 20—25% остаются въ долгу на покупателѣ, который какъ въ этой части капитала, такъ и на уплаченное банкомъ билетами вноситъ банку по 4% о, который эти проценты выдастъ ежегодно продавцу. Такимъ образомъ, крестьянинъ, имѣя въ наличности 15—20% цѣны участка, могъ освободиться отъ всякихъ обязательствъ относительно помѣщика и былъ обязанъ только платить банку по 4% съ остальной суммы. Лифляндское уложеніе 1849 г. см. 2 с П. С. З. т. XXIV. 23384.

[3]) *Самаринъ*: „Упраздненіе крѣпостнаго права въ Пруссіи". Сочиненія т. II, 380—400.

Въ 1848 г. австрійскій сеймъ сдѣлалъ постановленіе объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, т. е. объ уравненіи въ правахъ крѣпостнаго населенія съ прочими жителями имперіи и о выкупѣ повинностей. имп. Фердинандъ II подтвердилъ это постановленіе патентомъ 7-го сентября 1848 г. Ближайшее опредѣленіе способа и мѣры вознагражденія было сдѣлано патентами Франца Іосифа относительно австрійскихъ провинцій въ 1849—1850 гг., относительно Венгріи и Трансильваніи въ 1853—1854 гг.

Очередь уничтоженія крѣпостнаго права была теперь за Россіей.

ПРИЛОЖЕНІЕ *).

Посмотримъ, какого рода толки и движенія въ народѣ возбудилъ указъ 2 апрѣля.

Московскій гражданскій губернаторъ немедленно по полученіи указа донесъ, что въ Москвѣ съ нѣкотораго времени «распространяются превратные толки о мнимой какой-то вольности крестьянъ, которые могутъ быть перенесены и въ губернію находящимися на заработкахъ разнаго рода людьми и тѣмъ возбудить безпорядки» Поэтому, прежде чѣмъ сдѣлать распоряженіе объ объявленіи по губерніи высочайшаго указа, губернаторъ, препроводивъ къ оберъ-полиціймейстеру копіи съ указа и циркуляра министра, просилъ его принять мѣры къ пресѣченію всякихъ разглашеній, противныхъ указу 2 апрѣля. Не ограничиваясь этимъ онъ поручилъ нѣкоторымъ лицамъ, служащимъ въ губерніи, наблюдать и развѣдывать «объ общихъ понятіяхъ» относительно этого указа, а въ иные уѣзды командировалъ съ этою цѣлью особыхъ чиновниковъ подъ предлогомъ обозрѣнія становъ. Однако, вообще въ московской губерніи не было замѣчено «подозрительныхъ разглашеній» или наклонности помѣщичьихъ крестьянъ къ неповиновенію; съ обнародованіемъ указа прекратились даже и ходившіе прежде слухи объ ихъ освобожденіи. Только въ бронницкомъ уѣздѣ между простымъ народомъ распространился слухъ о «вольности крестьянъ» и хотя, по сознанію самихъ властей, это произошло по недоразумѣнію, «безъ всякаго умысла къ возмущенію», однако тѣмъ, имена которыхъ сдѣлались извѣстными, было сдѣлано исправникомъ строгое внушеніе, а наиболѣе виновные подверглись «полицейскому исправленію», вслѣдствіе чего, по словамъ начальства, всѣ толки прекратились. Другой случай былъ нѣсколько позднѣе въ волоколамскомъ уѣздѣ, той же губерніи. Одинъ казенный крестьянинъ, возвратившись изъ Петербурга домой, поѣхалъ въ первыхъ числахъ августа на мельницу, находившуюся въ помѣщичьемъ селѣ, и, между прочимъ, бывшимъ тамъ крестьянамъ сказалъ: «Когда я былъ въ Петербургѣ, носились слухи, что помѣщичьи крестьяне поступятъ скоро въ казну, и по этому случаю пріѣхало въ Петербургъ одиннадцать королей и ожидаютъ двѣнадцатаго». Крестьянинъ былъ арестованъ, но, не смотря на улики со стороны свидѣтелей, ни въ чемъ не сознался.

Въ богородскомъ уѣздѣ въ московской губерніи купцы третьей гильдіи Гулины, раскольники, имѣвшіе въ своемъ домѣ старовѣрческую молельню, стали

---

[1]) Къ стр. 67

вдушать крѣпостнымъ крестьянамъ той деревни, гдѣ они жили, что тѣ сами могутъ предложить помѣщику условія, сколько платить въ годъ, а безъ условій они не должны исполнять никакихъ требованій владѣльца. Они избили управляющаго имѣніемъ и совѣтовали крестьянамъ не слушаться его: онъ не имѣетъ права требовать оброка, такъ какъ вышли новые указы

Валдайскій уѣздный предводитель дворянства (новгородской губерніи) въ концѣ мая мѣсяца получилъ свѣдѣніе, что крестьяне помѣщика Пѣвцова «производятъ лживыя разглашенія насчетъ мнимаго освобожденія отъ помѣщиковъ» по поводу «слышаннаго ими якобы въ г Боровичахъ публикованнаго указа» и собираются для того по ночамъ въ нѣкоторыя избы. Онъ немедленно отправился въ Глинницкій погостъ, гдѣ открылись эти разглашенія, вмѣстѣ съ исправникомъ, собралъ тамъ всѣхъ крестьянъ помѣщика Пѣвцова и растолковалъ имъ указъ 2 апрѣля, послѣ чего крестьяне успокоились Оказалось, при разслѣдованіи дѣла, что одинъ изъ нихъ, будучи при сплавѣ судовъ по р. Мстѣ, услышалъ, будто бы въ Боровичахъ публиковали съ барабаннымъ боемъ, что «господскіе крестьяне будутъ вольными», о чемъ по возвращеніи домой и разсказалъ своимъ односельцамъ.

Въ ярославскомъ уѣздѣ, въ торговомъ селѣ Курбѣ. становой приставъ, подслушивая разговоры въ народѣ, замѣтилъ человѣка, который долго и горячо говорилъ среди собиравшихся около него кружковъ мужчинъ и женщинъ объ указѣ 2 апрѣля. Замѣтивъ «превратное толкованіе» правительственнаго указа со стороны этого человѣка, становой выслѣдилъ его до питейнаго дома, подлѣ котораго и арестовалъ. При обыскѣ у него была найдена писанная его рукою копія съ указа, которую онъ самъ озаглавилъ такимъ образомъ: «копія съ указа о свободностяхъ крестьянамъ отъ помѣщиковъ». Оказалось, что этотъ человѣкъ—дворовый помѣщицы романово борисоглѣбскаго уѣзда, Пасынковой. По приговору уголовной палаты онъ былъ наказанъ 10 ударами плетей и возвращенъ въ вотчину съ наставленіемъ, чтобы «впредь подобнаго дѣлать не осмѣливался».

Трое крестьянъ владимірскаго уѣзда помѣщицы Веберъ, проѣзжая черезъ г. Судогду [1], остановились на постой у одного мѣщанина. который, между прочимъ, сказалъ, имъ: «Идите за Государя; вотъ касаровскихъ призывали въ судъ, да и всѣхъ позовутъ,—будутъ спрашивать: довольны ли своими помѣщиками?» Одинъ крестьянинъ, остановившійся тутъ же, подтвердилъ, что и онъ слышалъ то же самое въ г. Муромѣ.

Въ черниговской губерніи, въ конотопскомъ уѣздѣ, губернскій секретарь Левицкій сталъ сообщать въ нѣкоторыхъ домахъ, какъ новость, что крестьяне будутъ отобраны у помѣщиковъ. Когда ему возражали, что этого не можетъ быть и что отбираютъ только у тѣхъ, которые не имѣютъ права на владѣніе ими, то Левицкій настаивалъ, что отберутъ ото всѣхъ рѣшительно и обратятъ въ свободные хлѣбопашцы. Говорилъ онъ и одному крестьянину, что они будутъ вольными, что ихъ отберутъ у папа. Вслѣдствіе этихъ разглашеній крестьяне помѣщицы Кравченковой стали было даже выходить изъ повиновенія, пока исправникъ не убѣдилъ ихъ попрежнему слушаться госпожи.

Былъ и такой случай, что мѣстный становой приставъ просто выдумалъ ослушаніе крестьянъ изъ какихъ-то личныхъ цѣлей. Вотъ какъ было дѣло. Сынъ одного крѣпостнаго крестьянина вологодской губерніи, вельскаго уѣзда, пахо-

---

[1] Напомнимъ, что въ судогодскомъ уѣздѣ, владимірской губерніи, указъ 2 апрѣля былъ объявленъ вотчиннымъ начальникамъ съ подпискою

дившійся на заработкахъ въ Петербургѣ, по прочтеніи указа 2 апрѣля, поспѣшилъ оповѣстить о немъ своихъ родителей. Письмо начиналось обычными поклонами и пожеланіями здоровья, а затѣмъ слѣдовало: «и еще увѣдомляю васъ, милые мои родители, насчетъ моей сестрицы, что нынче я уже и не хлопочу: надобно немножко подождать по той причинѣ, что, можетъ быть, не дастъ ли Господь какой-либо милости отъ царя, потому что мы ожидаемъ всѣ вообще облегченія. У насъ слухи носятся, но даже и я самъ видѣлъ и читалъ высочайшій указъ отъ правительствующаго сената, изданный въ 1818 г. и объявленный отъ 2 апрѣля сего 1842 г., что мы будемъ состоять подъ опекой правительства, а не подъ началомъ гг. (господъ), то отъ правительствующаго сената высочайшій указъ будетъ объявленъ въ іюлѣ мѣсяцѣ сего года, и тогда уже повинности будетъ взыскивать правительство, и повинность будетъ положена, смотря по удобству земли, и тогда помѣщики наши распоряжаться не могутъ, а будетъ распоряженіе уже зависѣть отъ правительства. Но вотъ еще не знаемъ, какъ Господь научитъ нашего августѣйшаго монарха, т. е. Государя, кончить и защитить наши бѣдственныя положенія; надобно Богу молиться за нашего покровителя, т. е. Императора Государя; въ немъ состоитъ вся наша надежда. Но больше новаго, радостнаго вамъ писать не знаю, но, кажется, этому можно весьма обрадоваться, если дѣйствительно исполнится высочайшая нашего монарха воля».

Мы видимъ въ этомъ письмѣ весьма неполное пониманіе дѣла: указъ 2 апрѣля является простымъ обнародованіемъ какого-то небывалаго указа 1818 года, и этому закону придается такой смыслъ, что крестьяне будутъ состоять «подъ опекой правительства»; затѣмъ вскорѣ ожидается новое повелѣніе государя, по которому власть помѣщиковъ будетъ совершенно устранена, а повинности, приведенныя въ соразмѣрность съ качествомъ земли, будутъ взыскиваться правительствомъ. Но очень важно, что такая перемѣна представляется крестьянамъ въ высшей степени желательной, и ихъ мечты дальше ея и не идутъ. Изъ этого видно, какъ несправедливы были мнѣнія тѣхъ, которые, подобно министру Перовскому (какъ мы это увидимъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ), утверждали, что крѣпостные крестьяне не будутъ удовлетворены простымъ уравненіемъ ихъ съ казенными, что они мечтаютъ о совершенномъ избавленіи отъ какихъ бы то ни было податей и повинностей. Не точно понимая значеніе указа 2 апрѣля народъ какъ бы чувствовалъ, однако, что это только первая попытка ограниченія крѣпостнаго права [1], что правительство готовится нанести ему рѣшительный ударъ, и молилъ Бога поддержать государя въ этихъ добрыхъ намѣреніяхъ, «научить» его, какъ нужно защитить крестьянъ. Такимъ образомъ, нѣкоторые крѣпостные правильно понимали общій смыслъ намѣреній Государя въ это время, хотя, разумѣется, сильно преувеличивали близость реформы.

Приведенное письмо, конечно, вызвало толки въ вельскомъ уѣздѣ, вологодской губерніи. Объ нихъ провѣдалъ становой, отправился туда, гдѣ, по его словамъ, распространялись слухи «о мнимой свободѣ помѣщичьихъ крестьянъ», арестовалъ получившаго письмо и затѣмъ донесъ начальству, что крестьяне другой деревни, гдѣ онъ потребовалъ для арестованнаго подводу и провожатаго, оказали неповиновеніе, толкали его хватали за воротъ, оцарапали до крови и хотѣли повалить на землю, такъ что онъ едва спасся. Къ счастію губернаторъ, зная по опыту «всю неосновательность» подобныхъ донесеній становыхъ приставовъ, которые «нерѣдко своими поступками и своевольствомъ порождаютъ между крестья-

---

[1]) И дѣйствительно, императоръ Николай не думалъ остановиться на указѣ 2 апрѣля 1842 года.

нами ропотъ и неудовольствіе, и предполагая въ этомъ происшествіи «частную ссору и личность», а не неповиновеніе и буйство крестьянъ, не повѣрилъ доносу и рѣшилъ предварительно разузнать объ этомъ происшествіи на мѣстѣ. Будучи вскорѣ самъ на ревизіи въ г. Ветлскѣ, онъ лично удостовѣрился въ неосновательности донесенія становаго пристава и приказалъ удалить его со службы.

Въ концѣ іюля 1842 г. генералъ-майоръ Аничковъ сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ слѣдующія свѣдѣнія, собранныя имъ во время объѣзда костромскаго, нерехтскаго, кинешемскаго и юрьевецкаго уѣздовъ костромской губерніи «Съ начала весны нынѣшняго года крестьяне нуждались въ продовольствіи, нищенство было ужасное... почти до теперешняго времени крестьяне имѣли пищу самую скудную. Къ сему присовокупить должно, что въ губерніи находится много такихъ людей, болѣе изъ разночинцевъ и отставныхъ приказныхъ, которые изъ ничтожной корысти распускали слухи о вольности помѣщичьихъ крестьянъ Отъ совокупности этихъ обстоятельствъ возникали нѣкоторые безпорядки, толки о вольности въ иныхъ имѣніяхъ жалобы крестьянъ на своихъ помѣщиковъ, но всегда почти крестьяне просили, чтобы помѣщики давали имъ хлѣба.. Всѣ подобныя жалобы приносимы были болѣе на тѣхъ владѣльцевъ, которые менѣе другихъ помогали своимъ крестьянамъ или менѣе другихъ имѣли способовъ помочь имъ, не имѣя сами большихъ запасовъ хлѣба, и... на такихъ, которые обременяли крестьянъ своихъ работою. Недостатокъ въ вышеозначенныхъ уѣздахъ произошелъ отъ неурожая въ прошломъ году озимаго и особенно яровыхъ хлѣбовъ... Всѣ подобныя жалобы и безпорядки прекращены были убѣжденіемъ мѣстныхъ начальствъ и полицейскими мѣрами. Относительно жалобъ и волненій въ костромской губерніи мы сейчасъ сообщимъ болѣе подробныя свѣдѣнія; теперь же замѣтимъ, что генералъ-майоръ Аничковъ упустилъ изъ вида еще одну причину неспокойнаго состоянія крестьянъ костромской губерніи: при чрезвычайномъ развитіи въ этой мѣстности отхожихъ промысловъ, значительная часть работниковъ шла на заработки въ Петербургъ и, безъ сомнѣнія, сообщала въ письмахъ оттуда объ изданіи указа 2 апрѣля и вызванныхъ имъ толкахъ, которые, какъ мы видѣли, придавали этой правительственной мѣрѣ гораздо болѣе серьезное значеніе, чѣмъ она имѣла въ дѣйствительности.

Двое крѣпостныхъ помѣщика Постникова, отправившіеся изъ имѣнія его, въ галичскомъ уѣздѣ, костромской губерніи, на заработки въ Петербургъ, извѣстили своего отца, двороваго человѣка, что въ газетахъ напечатанъ указъ объ увольненіи крестьянъ отъ господъ на волю съ обязательствомъ обработывать помѣщичьи поля. Извѣстіе это совпало съ тѣмъ, что вслѣдствіе неурожая крестьяне Постникова чувствовали недостатокъ въ продовольствіи и сѣменахъ для посѣва, и потому стали требовать вспомоществованія отъ управляющаго, какого-то отставнаго вахтера, отказываясь въ противномъ случаѣ работать на господина. Не добившись удовлетворенія своей просьбы, крестьяне, въ числѣ 40 50 человѣкъ, отправились съ жалобою къ галичскому исправнику Воронову, который, въ присутствіи нѣсколькихъ чиновниковъ, сказалъ имъ: «Вашъ помѣщикъ собакъ возитъ въ каретахъ, а васъ не кормитъ», и затѣмъ направилъ ихъ къ уѣздному предводителю дворянства. Послѣдній старался ихъ убѣдить, что «нищета, на которую они жалуются, есть достойное наказаніе нерадѣнія ихъ и уклоненія отъ смиренной и трудолюбивой жизни», что при своемъ нерадѣніи они не имѣютъ никакого права на пособіе отъ помѣщика и что ихъ жалоба, принесенная не двумя или тремя довѣренными, а цѣлою толпою, можетъ быть сочтена сопротивленіемъ законной власти и повлечь за собою строгое наказаніе (объ ослушаніи крестьянъ предводитель въ то время еще ничего не зналъ). Неудовлетвореннные такимъ

отвѣтомъ крестьяне, въ числѣ 32 человѣкъ, отправились къ губернатору въ Кострому и пожаловались ему на недостатокъ въ хлѣбѣ на продовольствіе и посѣвъ. Между тѣмъ, галичскій предводитель дворянства вызвалъ управляющаго имѣніемъ Постникова и понудилъ его исполнить просьбу крестьянъ, послѣ чего они совершенно успокоились. За это непродолжительное волненіе, относительно котораго слѣдствіемъ не было положительно доказано, что его вызвало письмо, полученное изъ Петербурга [1]), поплатилось, однако, нѣсколько человѣкъ: во первыхъ, двое крѣпостныхъ Постникова, написавшіе изъ Петербурга своимъ односельчанамъ объ указѣ 2 апрѣля, подверглись наказанію розгами и были отправлены по этапу на родину, причемъ петербургская полиція не потрудилась даже разобрать, было ли въ ихъ письмѣ что-либо противозаконное, затѣмъ, по желанію помѣщика, сослали въ Сибирь трехъ крестьянъ за дурное, будто бы, поведеніе, но, въ сущности, потому, что они были сочтены главными виновниками волненія; наконецъ, исправникъ повинный въ неосторожныхъ словахъ относительно ихъ господина, былъ отставленъ отъ службы [2]).

Помѣщикъ кинешемскаго уѣзда, костромской губерніи, кн. Львовъ, далъ знать мѣстному городничему, что онъ вызвалъ въ г. Кинешму своихъ крестьянъ для объясненія имъ указа 2 апрѣля, такъ какъ они, «понимая его превратно, не исполняютъ приказовъ начальства своего и не несутъ возложенной на нихъ повинности», и просилъ городничаго присутствовать при его разговорѣ съ крестьянами. По просьбѣ помѣщика, для присутствія при этомъ объясненія пріѣхалъ и уѣздный предводитель дворянства, а городничій вмѣсто себя прислалъ квартальнаго. Выйдя съ этими оффиціальными лицами къ крестьянамъ, кн. Львовъ заявилъ, что по смерти его матери имѣніе переходитъ къ нему (слѣдовательно онъ не былъ еще формально введенъ во владѣніе), затѣмъ прочелъ и объяснилъ имъ указъ 2 апрѣля и, наконецъ, сказалъ: «Нѣкоторые изъ васъ повиновались и повинуются помѣщикамъ и довѣреннымъ ихъ и все исполняютъ безпрекословно, -тѣмъ будетъ отъ меня благодарность, а нѣкоторые не повиновались, не платили положеннаго оброка, тѣ будутъ наказаны». Объявивъ затѣмъ, что онъ смѣняетъ управителя, на котораго они жаловались, Львовъ вызвалъ изъ толпы около 10 человѣкъ и благодарилъ ихъ, а трехъ другихъ передалъ квартальному, и они, по желанію помѣщика, были наказаны за неповиновеніе розгами въ съѣзжемъ домѣ [3]).

Въ нижегородской губерніи, въ васильковскомъ уѣздѣ, одинъ крѣпостной говорилъ крестьянамъ своей деревни о «будущей свободѣ» и попалъ за это подъ

---

[1]) Едва ли, впрочемъ, не было вовсе связи между волненіемъ крестьянъ и этимъ письмомъ, содержаніе котораго нѣкоторымъ изъ нихъ было извѣстно. По словамъ управляющаго въ донесеніи помѣщику, они отказывались работать вслѣдствіе дошедшихъ до нихъ свѣдѣній, что государь велѣлъ дать всѣмъ крестьянамъ волю и объ этомъ есть указъ, котораго имъ не объявляютъ.

[2]) Помѣщица перехтскаго уѣзда, той же костромской губерніи, Васильева обратилась 25 іюня 1842 г. къ исправнику съ заявленіемъ, что ея крестьяне, «увлекаясь ложными слухами о вольности, начали выходить изъ повиновенія и оказывать грубости». Исправникъ, немедленно прибывъ на мѣсто, сдѣлалъ нѣкоторымъ крестьянамъ «должное убѣжденіе», а главныхъ зачинщиковъ безпорядка усмирилъ «полицейскими мѣрами», послѣ чего спокойствіе возстановилось.

[3]) Были случаи волненія крестьянъ и въ юрьевецкомъ уѣздѣ, костромской губерніи, въ имѣніи генералъ-майора Орлова, состоявшемъ изъ 800 душъ. Указанные случаи волненій въ костромской губерніи, вѣроятно, и вызвали командировку генералъ-майора Аничкова именно въ тѣ уѣзды, гдѣ они произошли.

судь. Въ семеновскомъ уѣздѣ, той же губерніи, какой то крестьянинъ разсказывалъ, что крѣпостныхъ будутъ отбирать на волю, и тѣ, которые имѣли землю, должны будутъ платить въ казну по 20 руб., а съ безземельныхъ будутъ брать только подушныя. Черезъ нѣсколько дней послѣ того одна крестьянка говорила, что становой уже получилъ указъ и скоро будетъ объявлять его, а двое мужиковъ толковали, что скоро изъ Петербурга пріѣдетъ чиновникъ и что за вольность будутъ брать по 25 руб. Въ арзамасскомъ уѣздѣ помѣщица Бабушкина, запродавъ своихъ крестьянъ одной дворянкѣ, приказала имъ повиноваться новой госпожѣ: но нѣсколько крѣпостныхъ пришли къ помѣщицѣ и заявили, что на продажу несогласны, а одинъ изъ нихъ, Андреевъ, прибавилъ, что недавно вышелъ указъ, которымъ велѣно помѣщикамъ заключать съ крестьянами условія, и они продажи не допустятъ и послѣ нея повиноваться не станутъ. Губернаторъ приказалъ отправить Андреева въ тюремный замокъ и содержать его тамъ въ кандалахъ. Наконецъ, въ сергачскомъ уѣздѣ, той же нижегородской губерніи, крестьяне помѣщицы Салтыковой перестали слушаться ея управляющаго: они собирались на сходки, подговаривали «добронравныхъ» крестьянъ къ неповиновенію и прекращенію господскихъ работъ и, кромѣ того, «самопроизвольно» смѣнили сельскихъ властей. По свѣдѣніямъ собраннымъ исправникомъ, волненіе произошло «большею частью отъ недостатка въ хлѣбѣ и неудовольствія на вотчинно-начальниковъ за обыкновенные наряды на работы, а частью и отъ толковъ о мнимой свободѣ». Исправникъ объяснилъ крестьянамъ указъ 2 апрѣля и успокоилъ ихъ, но вскорѣ послѣ того небольшая часть крѣпостныхъ Салтыковой вновь перестала повиноваться и, по словамъ оффиціальнаго донесенія, «вынудила упорствомъ своимъ, по вторичномъ внушеніи, употребить надъ ними способъ воздержанія отъ онаго исправительною мѣрою, 36 параграфомъ положенія о земской полиціи дозволеннаго», послѣ чего непослушаніе крестьянъ прекратилось.

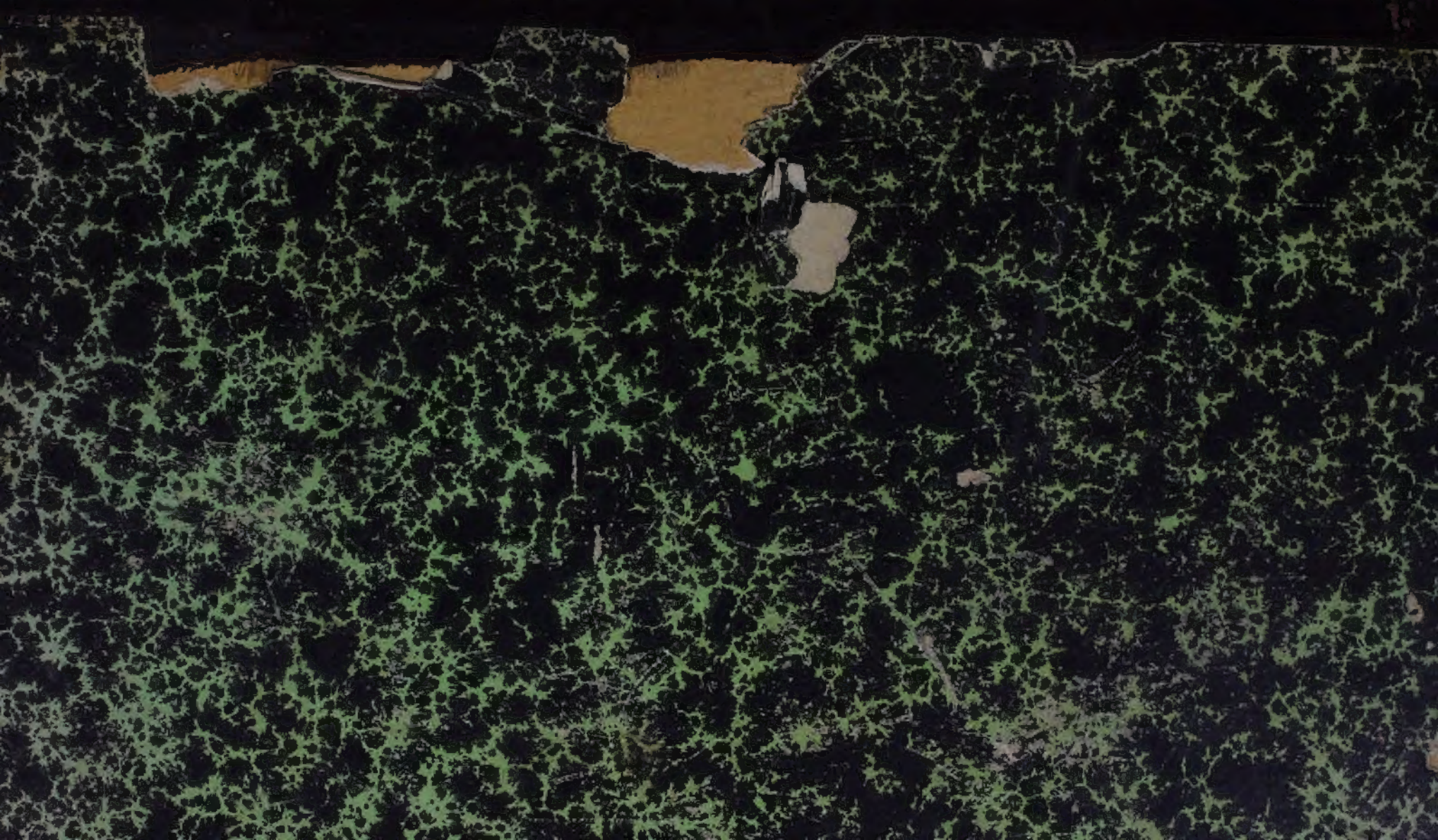
Вотъ главнѣйшіе случаи [1]), гдѣ толки и волненія крѣпостныхъ въ 1842 г., вызванные указомъ 2 апрѣля, потребовали вмѣшательства мѣстныхъ властей. [2])

---

[1]) Всѣхъ ихъ было 17, мы не сообщили свѣдѣній лишь о нѣсколькихъ, особенно незначительныхъ.

[2]) Принадлежащія мнѣ копіи донесеній объ этомъ волненіи.

ОПЕЧАТКИ ВТОРАГО ТОМА.

СТРАН.:	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
11	1 снизу	крестьянъ по духовнымъ завѣщаніямъ довволялся.	крестьянъ съ землею по духовнымъ завѣщаніямъ проектомъ закона о состояніяхъ не дозволялся.
15	15 „	въ дворовые отдѣльно	въ дворовые, продавать и закладывать дворовыхъ отдѣльно
44	16 „	поломникахъ	половникахъ
65	7 сверху	въ обязанные крестьяне	въ обязанные крестьянъ
83	10 снизу	на ту же тему	на отвѣтъ на ту же тему
137	18 сверху	*безмысленное*	*безсмысленное*
311	16 снизу	на наше письмо	на ваше письмо
325	7 сверху	полемику	полемику [2])
343	2 сверху	цѣнъ въ	цѣнъ на
341	Примѣчаніе отъ словъ: „По 6 ноября 1842 года“ до конца должно составлять 2-е примѣчаніе на стр. 343.		
370	2 сверху	М А. Буталевича - Петрашевскаго	М. В Буташевича-Петрашевскаго
385	1 снизу	въ г. Минусинскѣ, 7-го декабря 1867 г.	въ селѣ Бѣльскомъ, въ ста верстахъ отъ Енисейска, въ декабрѣ 1866 г.
470	17 сверху	Фридерикса	Фредерикса.

3p.-50.